This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

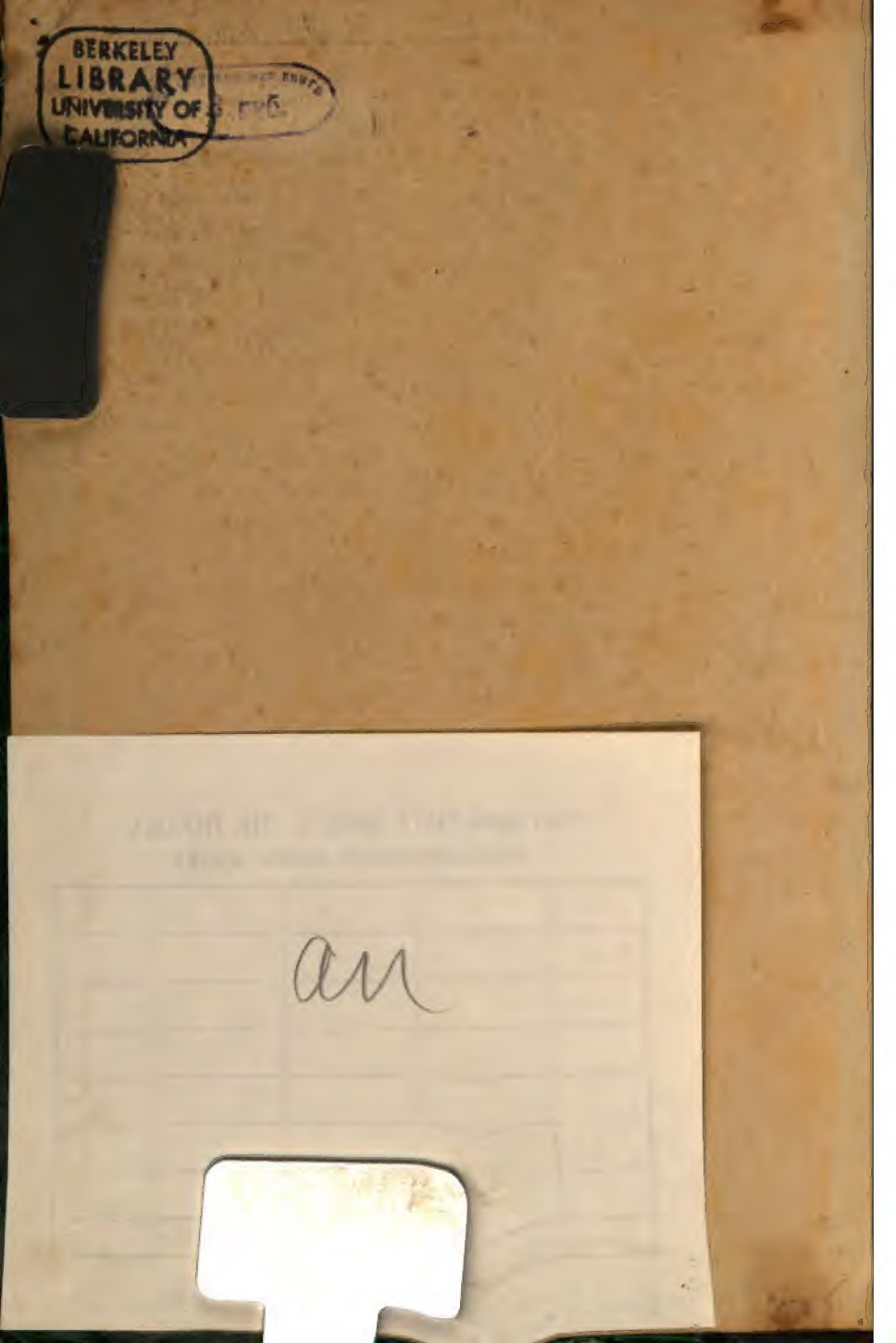
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

UC-NRLF
B 3 468 757

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA



20/x.1935

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

N. Гнѣдичъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Н. Минскимъ (Н. М. Виленкинымъ).

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 13
1903

PRESERVATION COPY ADDED
ORIGINAL TO BE RETAINED

7217 - C479

1995

Дозволено цензурою. Спб., 24 сентября 1903 г.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, В. О., 16 л., д. № 5—7.

PG3331
G8
1903
v.1-6

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ГНѢДИЧЪ

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Н. МИНСКАГО

(Н. М. Виленкина).

Невозможно быть въ одно и то-же время великимъ поэтомъ и хорошимъ переводчикомъ, но столь-же невозможно быть хорошимъ переводчикомъ, совсѣмъ не будучи поэтомъ. Истинный поэтъ-художникъ сіяетъ, подобно солнцу, своимъ собственнымъ, незаимствованнымъ свѣтомъ, и этотъ свой свѣтъ проливаетъ на весь окружающій міръ. Великій поэтъ видитъ всякій образъ и слышитъ всякій звукъ по-своему, и силой творчества заставляетъ и другихъ людей глядѣть на міръ его глазами. Одна и та-же картина природы, одно и то-же событіе исторіи можетъ вдохновить двухъ поэтовъ на совершенно различныя думы и чувства,—и всякій изъ нихъ будетъ выразителемъ правды. Это не значитъ, что поэтъ можетъ искажать дѣйствительность по-своему; какъ солнечные лучи не искажаютъ и не измѣняютъ очертаній предметовъ на землѣ, а только освѣщаютъ ихъ, такъ и художникъ, какъ-бы онъ ни былъ геніаленъ, только окрашиваетъ дѣйствительность въ цвѣтъ своей души, но для этого онъ сперва долженъ глу-

боко и вѣрно изучить эту дѣйствительность и никогда ни въ чемъ отъ нея не отступать. Художникъ-поэтъ приноситъ съ собою въ міръ новый міръ, и поэтому одинъ, среди всѣхъ другихъ представителей человѣческаго духа, имѣетъ право на священное имя творца.

Но эта врожденная, художественная сила, дающая поэту возможность еще разъ творить вселенную и человѣка по своему образу и подобію, становится для него рѣшительнымъ препятствіемъ, какъ-только онъ захочетъ передать намъ творенія другого поэта, такого-же самостоятельнаго художника, какъ онъ самъ. Истинный поэтъ можетъ лишь подражать другимъ поэтамъ, и то лишь такимъ, которые однородны съ нимъ по таланту, можетъ вдохновиться ихъ геніемъ на самостоятельное творчество, но никогда не сумѣетъ онъ точно воспроизводить чужое вдохновеніе. Поэтому, если дѣло касается произведенія обширнаго по объему, созданнаго безсмертнымъ геніемъ, отражающаго въ себѣ цѣлую эпоху человѣческаго развитія,—произведенія, гдѣ дорого каждое слово, каждый своеобразный оборотъ рѣчи, какъ печать навсегда минувшей старины, какъ отголосокъ навсегда умолкнувшей жизни,—тогда никакое подражаніе, даже самое талантливое, не удовлетворитъ насъ такъ, какъ точный переводъ, рабски-вѣрно передающій и смыслъ, и духъ подлинника. Болѣе того, никакія подражанія тогда даже не желательны, и Пушкинъ, передѣлавшій въ эпической формѣ „Мѣру за мѣру“ Шекспира, вполнѣ доказалъ своимъ „Анджелло“, что подобныя произведенія, не будучи ни оригинальными, ни переводными, не имѣютъ никакого серьезнаго художественнаго значенія, кромѣ стилистическаго. А такъ какъ рабски-точно воспроизводить духъ чужихъ вдохновеній истинный поэтъ не можетъ, то вообще самостоятельному, творческому таланту не должно браться ни за передѣлку, ни, еще менѣе, за переводъ крупныхъ классическихъ произведеній, подъ опасеніемъ впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что за такіе переводы

могутъ браться писатели, лишенные дарованія, безталантные труженики, или ловкіе версификаторы, набившіе руку въ умѣніи низать риѳмы. Чтобы передать духъ великаго произведенія, нужно сперва проникнуться самому этимъ духомъ, а этого нельзя сдѣлать, не имѣя сердца, отзывчиваго на все великое, не питавши съ дѣтскихъ дней гордыхъ надеждъ на самостоятельное творчество, не благоговѣя искренно передъ творчествомъ чужимъ.

Истинныхъ творцовъ-поэтовъ во всякой литературѣ весьма немного. Это — люди со всеобъемлющимъ умомъ и глубокой душой. Отличительное ихъ свойство состоитъ въ томъ, что, нося на своемъ геніи рѣзкую печать эпохи и окружающаго міра, они, въ свою очередь, еще рѣзче кладутъ на эту эпоху и среду печать своего генія. Но такихъ поэтовъ мало. За то во всякой литературѣ много стихотворцевъ, одаренныхъ чувствомъ красоты и любовью къ изящному. Ихъ общее отличіе — крайняя впечатлительность нервовъ. Ихъ творчество возбуждается не внутренней потребностью, а внѣшнимъ раздраженіемъ. Съ юныхъ лѣтъ они предаются высокимъ мечтамъ и неяснымъ порывамъ. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ или изъ духа подражательности они могутъ воспѣвать и бури свободы, и прелести мирнаго существованія, и гордую пытливость духа, и небесную сладость вѣры. Чувствуя всегда порывы къ идеалу, они недовольны жизнью и настроены на элегичный ладъ. Но, съ другой стороны, не находя удовлетворенія въ глубокой, примиряющей скорби, доступной лишь натурамъ высшимъ, они отъ недовольства жизнью переходятъ къ ея восхваленію, запасаются терпѣніемъ и становятся мудры. Ихъ чувства не отличаются силой и простотой искренности, и всегда или немного ходульны, или немного слащавы. Степень ихъ таланта бываетъ весьма различна. Глубокихъ слѣдовъ въ литературѣ они послѣ себя оставлять не могутъ и часто погибаютъ, рано перегорая въ огнѣ своего темперамента и страстей. Но если такія натуры, по счастливому стеченію обстоятельствъ, одарены не только впечатлительностью, но

еще и трудолюбіемъ и устойчивостью характера, если рано передъ ними открываются богатства всемірной поэзіи,—они, большею частію, въ набожномъ восторгѣ обвиваются своими блуждающими вѣтвями вокругъ какого-нибудь неподвижнаго колосса искусства, и тогда изъ нихъ выходятъ знаменитые и, порою, безсмертные поэты-переводчики.

Такими поэтами-переводчиками въ особенности богата литература нѣмецкая, и знаменитѣйшіе изъ нихъ—Фоссъ, переводчикъ Гомера, и Авг. Вильг. Шлегель, переводчикъ Шекспира, благодаря которымъ нѣмцы считаютъ себя въ правѣ смотрѣть на Гомера и Шекспира почти какъ на національныхъ поэтовъ. Какъ оригинальные писатели, Фоссъ—со своими идиллiями, а Шлегель—со своими сонетами и эпиграммами, занимаютъ въ нѣмецкой литературѣ мѣсто не выдающееся,—и въ этомъ, какъ мы уже говорили, таится причина ихъ успѣха, какъ переводчиковъ. Англійскій переводчикъ „Иліады“, Попъ, обладавшій большимъ оригинальнымъ талантомъ, извѣстный авторъ „Письма Элоизы къ Абеляру“, „Essay on man“ и др., благодаря именно своему таланту, весьма неудовлетворительно передалъ поэму Гомера, сдѣлавъ въ ней произвольныя поправки и искаженія, вслѣдствіе чего переводъ сохранилъ лишь стилистическое значеніе.

Въ нашей литературѣ однимъ изъ лучшихъ поэтовъ-переводчиковъ, не уступающихъ по значенію Фоссу и Шлегелю, долженъ почитаться Н. И. Гнѣдичъ, переложившій на русскій языкъ „Иліаду“ Гомера стихами и размѣромъ подлинника. Мы не хотимъ сказать, что онъ ничего не стоитъ, какъ оригинальный писатель. Но будучи безсмертнымъ переводчикомъ „Иліады“, онъ, какъ писатель оригинальный, занималъ лишь второстепенное мѣсто среди современныхъ ему поэтовъ.

I.

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, потомокъ стариннаго дворянскаго рода, родился 2-го февраля 1784 года въ Пол-

тавѣ—родинѣ многихъ знаменитыхъ писателей, какъ-то: Котляревскаго, Гребенки, Богдановича, Капниста, Гоголя и др. О дѣтскихъ и юношескихъ годахъ Гнѣдича мы знаемъ чрезвычайно мало. Родители его рано умерли, оставивъ ему и его сестрѣ небольшое имѣніе. Самъ Гнѣдичъ вспоминалъ о молодыхъ годахъ съ чувствомъ грусти:

Оставленный тобою,
Я отъ пеленъ усыновленъ
Суровой мачихой—судьбою...

Такъ обращался онъ впослѣдствіи къ памяти своей матери. Отсутствіе въ нѣжномъ возрастѣ материнскихъ ласкъ оставило на его впечатлительномъ характерѣ неизгладимую печать какой-то ходульности и замкнутости, несмотря на врожденную доброту и любовь къ людямъ. Этому способствовало еще и то, что Гнѣдича въ раннихъ годахъ посѣтила оспа и не только страшно изуродовала его лицо, которому, говорятъ, суждена была красота, но и лишила праваго глаза. Свирѣпая болѣзнь оставила на его темно-блѣдноватомъ лицѣ глубокія рябины, рубцы и швы. Извѣстно, что ничто такъ не озлобляетъ человѣка, какъ сознаніе своего безобразія. Но Гнѣдичъ до конца жизни сохранилъ вѣрное и любящее сердце. Его спасла рано пробудившаяся любовь къ труду, наполнившая содержаніемъ его отзывчивую душу и не давшая ей очерствѣть въ эгоистической печали.

Первое свое воспитаніе Гнѣдичъ получилъ въ Полтавской семинаріи, гдѣ его товарищемъ былъ Котляревскій. Потомъ онъ перешелъ въ Харьковскій коллегіумъ. Но объ этомъ времени его развитія мы мало знаемъ. Вѣроятно, у Гнѣдича стала рано обнаруживаться любовь къ поэзіи, наполнившая бѣднаго и некрасиваго юношу гордымъ сознаніемъ своего превосходства и нѣкоторымъ высокомѣріемъ, никогда потомъ его не покидавшимъ. Шестнадцати лѣтъ, поступилъ онъ въ Московскій университетъ, гдѣ пробылъ три года. Лекціи профессоровъ, собственныя усиленныя занятія, близкое знакомство съ литературой и литераторами того времени быстро развили

х). В. Г. Короленко

его даровитую натуру, и когда, три года спустя, онъ изъ Москвы переѣхалъ въ Петербургъ для отысканія мѣста, имъ были уже изданы въ свѣтъ двѣ переводныхъ трагедіи, одинъ оригинальный романъ, а въ головѣ складывались грандіозные и заманчивые планы. Но для того, чтобы понять происхожденіе первыхъ литературныхъ замысловъ Гнѣдича и вѣрно оцѣнить ихъ достоинство, намъ необходимо сказать хоть нѣсколько словъ о той эпохѣ и зародившемся тогда новомъ движеніи въ нашей литературѣ.

II.

Всякая эпоха въ исторіи можетъ быть, по справедливости, названа переходною, но, тѣмъ не менѣе, есть эпохи, переходныя по преимуществу, когда молодой организмъ народа быстро развивается, когда происходитъ коренная ломка убѣжденій и идеаловъ, когда вчерашніе боги сегодня кажутся смѣшными уродцами. Въ исторіи нашей литературы эта переходная эпоха совпадаетъ съ концомъ XVIII-го и началомъ XIX-го столѣтія. Всякій изъ насъ, конечно, слыхалъ о господствѣ въ нашей литературѣ псевдо-классическаго направленія, но намъ теперь трудно, почти невозможно представить себѣ, до чего въ то время доходило это господство. Чѣмъ читатель былъ просвѣщеннѣе и болѣе знакомъ съ европейскими литературами, тѣмъ упорнѣе защищалъ онъ псевдоклассическій катехизисъ. Не помогали ни природныя дарованія, даже такія блестящія, какія были у Ломоносова и Державина, ни ученость и знакомство съ настоящей классической литературой, какими обладали Сохацкій и Мерзляковъ. Не то чтобы никто не сознавалъ у насъ ненормальности преклоненія передъ французскими образцами. Уже Сумароковъ осмѣивалъ высокопарныя оды и требовалъ отъ поэтовъ естественности и простоты. Сатирическіе журналы 1769 — 1774 г. неутомимо и остроумно преслѣдовали наше обезьяничанье передъ французами и впервые ввели въ литературу

элементъ обыденной мѣщанской жизни. Фонвизинъ одинъ изъ первыхъ высказалъ у насъ мнѣніе, что западъ гніетъ. Но и Сумароковъ, и Фонвизинъ въ своихъ сочиненіяхъ оставались рабски-вѣрными правиламъ, завѣщаннымъ Батте и Лагарпомъ. На всеобщее подражаніе французамъ писались сатиры, составленныя по рецепту Буало, и наши галломаны осмѣивались въ комедіяхъ, представлявшихъ сколки съ комедій Мольера. Разгадка этой тайны заключается въ томъ, что французскій псевдо-классицизмъ изображалъ изъ себя законченную, со всѣхъ сторонъ замкнутую, на точныхъ и строгихъ правилахъ основанную систему, а всякая строгая система, на какихъ-бы ложныхъ началахъ она ни была построена, скорѣе и сильнѣе покоряетъ себѣ людскіе умы, чѣмъ неопредѣленная, лишенная рѣзкихъ очертаній, истина. Французскіе эстетики для всѣхъ родовъ поэзіи создали искусственныя трудности, ожидая отъ поэта лишь преодолѣнія этихъ трудностей. Французскіе классики оставили во всѣхъ этихъ родахъ прекрасные образцы. Отъ молодого поэта требовались только трудолюбіе и смѣтливость. Лавры генія доставались дешево. Хераскова называли искренно русскимъ Гомеромъ, Княжнина — русскимъ Расиномъ. Были русскіе Пиндары, русскіе Горація, русскіе Буало. Не было только русской литературы и истинныхъ дарованій.

Но въ описываемую эпоху, на рубежѣ XVIII-го и XIX-го вѣковъ, господствующему псевдо-классическому направленію были нанесены одинъ за другимъ тяжелые удары. Изъ одной крайности литература бросилась въ другую. Отъ классическихъ героевъ и полубоговъ, рѣшавшихъ судьбу міра, наши писатели обратились къ идеальнымъ барышнямъ, мечтавшимъ при лунномъ свѣтѣ о симпатіи душъ.

> Сначала громкія у насъ гремѣли оды,
> Потомъ мы—ахали...

Вѣрнѣе сказать: и оды гремѣли, и ахали мы въ одно и то-же время. Смѣшеніе стараго и новаго — отличительная

черта всякой переходной эпохи. На-ряду съ ироическими трагедіями Сумарокова, Княжнина и Николаева стали усиленно даваться на сценѣ перенесенныя къ намъ изъ Германіи и Франціи слезныя трагедіи и мѣщанскія драмы Седена, Мерсье и Лессинга. Даже самъ Херасковъ написалъ двѣ слезныя драмы. „Мольеровъ и Расиновъ вкусъ“ сталъ сильно подрываться съ появленіемъ переводовъ Шиллера и Шекспира. Въ лирикѣ также замѣчается поворотъ къ новому. Одамъ-реляціямъ и одамъ-поученіямъ нанесенъ смертельный ударъ въ „Чужомъ толкѣ“ И. Дмитріева. Перелагаются на мотивы и всѣми распѣваются чувствительныя пѣсни Богдановича, Нелединскаго-Мелецкаго, Карамзина и, въ особенности, Мерзлякова, того самаго Мерзлякова, который съ каѳедры и въ публичныхъ лекціяхъ являлся ярымъ защитникомъ лже-классическихъ теорій, самъ-же подкапываясь подъ нихъ, какъ поэтъ. То-же новое вліяніе замѣчается и въ прозѣ. Не говоря о „Бѣдной Лизѣ“ и многочисленныхъ ей подражаніяхъ, подъ столь-же чувствительными заглавіями, въ родѣ „Бѣдной Маши“, „Обольщенной Гонріетты“, „Несчастной Маргариты“, „Прекрасной Татьяны“ и др., наша литература въ то время наводнилась переводами чувствительныхъ и страшныхъ романовъ Мармонтеля, Коцебу, г-жи Жанлисъ и сатанинскп-мрачныхъ произведеній г-жи Радклифъ. Утомленная сухостью и напыщенностью псевдо-классическихъ романовъ, публика страстно накидывалась на все, что говорило воображенію и чувству, что трогало сердце и вызывало слезы. Фактъ, достойный замѣчанія, что Карамзинъ вдохнулъ въ нашу литературу новую жизнь, благодаря не художественному таланту, котораго у него не было, а своему доброму сердцу. Достойно вниманія и то, что эти литературныя новшества и въ книгахъ и, въ особенности, на сценѣ гораздо рѣзче проявились въ благодушной Москвѣ, чѣмъ въ холодномъ и чопорномъ Петербургѣ. Еще Сумароковъ замѣтилъ о мѣщанскихъ драмахъ, что онѣ „вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ.“ Но, повторяемъ, вмѣстѣ съ новымъ

направленіемъ мирно уживалось и старое. Мы уже упомянули о Мерзляковѣ. И Дмитріевъ, такъ зло осмѣявши въ „Чужомъ толкѣ“ нашу одоманію, самъ писалъ высокопарныя оды, въ родѣ „Ермака“ и „Освобожденія Москвы“. То-же самое слѣдуетъ сказать и о стилѣ. Творцы нашего новаго прозаическаго и стихотворнаго языка, Карамзинъ и Дмитріевъ, позволяли себѣ иногда въ своихъ сочиненіяхъ и славянскія реченія, и цѣлые обороты, которыми бы не побрезгали и тогдашніе заклятые поборники старины, „голѣмые претолковники“,—какъ ихъ называлъ Карамзинъ. Все это необходимо имѣть въ виду, чтобы хоть сколько-нибудь ясно представить себѣ ту запутанную, разнорѣчивую, двойственную эпоху.

Вотъ въ какое время молодой Гнѣдичъ выступилъ на поприще литературы. Съ одной стороны Херасковъ, лекціи Сохацкаго и Мерзлякова, съ другой — Карамзинъ и его подражатели, съ одной стороны — мертвый холодъ, съ другой — болѣзненная сентиментальность. Но Гнѣдичъ не былъ ни безчувственъ, ни томно-чувствителенъ, и потому онъ не присталъ ни къ одному изъ этихъ двухъ теченій. Въ молодомъ хохлѣ уже тогда обнаружились всѣ задатки его будущаго характера и дарованія. Добрый и умный, онъ отличался нѣкоторой неестественностью въ обращеніи. Товарищи прозвали его l'etudiant aux échasses или просто ходульникомъ, потому что онъ любилъ о всякомъ предметѣ говорить свысока и всякому незначительному обстоятельству придавалъ какую-то важность. Но это было слѣдствіемъ того, что юноша жилъ усиленной умственною жизнью и во всемъ видѣлъ или хотѣлъ видѣть больше, нежели видѣли его товарищи. Онъ увлекался всѣмъ выходящимъ изъ обыкновеннаго порядка вещей и, въ то время, когда всѣ насмѣхались надъ „Телемахидой“, прочиталъ ее три раза отъ доски до доски, и даже находилъ въ ней безподобные стихи,—одинъ изъ тѣхъ критическихъ промаховъ, въ которыхъ онъ попадался и впослѣдствіи. Дѣятельность его была для юноши изумительная. Въ три года, проведенные въ университетѣ,

онъ успѣлъ основательно познакомиться съ латинской и, въ особенности, съ греческой литературой, усиленно занимался исторіей подъ руководствомъ Х. Чеботарева, котораго сдѣлался любимцемъ; изучалъ литературу французскую и нѣмецкую, въ особенности пристрастился къ сочиненіямъ Шекспира, котораго читалъ во французскомъ переводѣ, и Шиллера, и, обладая звучнымъ голосомъ, часто декламировалъ передъ товарищами отрывки изъ трагедій и игралъ на сценѣ университетскаго театра. Товарищи весьма его любили, несмотря на то, что во всемъ его существѣ было нѣчто странное, почти смѣшное, что онъ и сохранилъ до самаго гроба.

Началъ Гнѣдичъ свою литературную дѣятельность съ переводовъ. Сперва онъ перевелъ трагедію Дюсиса „Абюфаръ“ (1802), вѣроятно, по указанію Мерзлякова, но отъ псевдоклассицизма скоро обратился къ романтизму, болѣе соотвѣтствовавшему бурнымъ мечтамъ честолюбиваго юноши. Въ сотрудничествѣ съ нѣкіимъ А. перевелъ онъ драму Шиллера „Заговоръ Фіеско въ Генуѣ“ и вскорѣ затѣмъ издалъ въ свѣтъ оригинальный романъ, подъ своеобразнымъ заглавіемъ „Донъ-Коррадо де-Геррера“ или „Духъ мщенія и варварства Гишпанцевъ“ (1803). Написанный подъ вліяніемъ романовъ нѣмецкихъ и французскихъ и, въ особенности, романа Мармонтеля „Инки или разрушеніе Перуанской имперіи“, съ героевъ котораго, суевѣра Делюка и кровожаднаго Лизарро, списанъ донъ-Коррадо,—романъ этотъ, должно сознаться, не имѣетъ никакихъ художественныхъ достоинствъ и только свидѣтельствуетъ о тревожномъ состояніи духа и нѣсколько смѣшной самонадѣянности молодого автора. Свое предисловіе къ роману Гнѣдичъ заключаетъ слѣдующими, не слишкомъ скромными словами: „Ободрись, молодой авторъ! и если факиры будутъ шипѣть позади тебя—презри ихъ. Первое перо Вольтера, Шекспира и Шиллера, конечно, было не безъ слабостей, такъ почему-жь не простить ихъ молодому русскому автору—Николаю Гнѣдичу?“ Макаровъ, въ „Московскомъ Меркуріѣ“, жестоко разбранилъ этотъ незрѣлый плодъ

юношеской фантазіи. Кто-то сочинилъ эпиграмму на романъ. Считаемъ здѣсь же нужнымъ оговорить, что объективное изображеніе жизни Гнѣдичу никогда не удавалось, и эпикъ онъ былъ совсѣмъ плохой. Лирикъ же онъ былъ обыкновенно холодный и становился искрененъ и силенъ лишь тогда, когда его душа была поражена глубокимъ горемъ, но за то въ эти рѣдкія минуты поднимался довольно высоко въ своемъ поэтическомъ полетѣ.

Романъ „Донъ-Коррадо“, исполненный чудовищныхъ злодѣйствъ и приключеній, не удовлетворилъ бурнаго юноши, въ сущности, весьма тихаго и миролюбиваго, и онъ задумалъ какую-то неслыханную драму въ 15-ти дѣйствіяхъ, и на издѣвки товарищей отвѣчалъ ссылками на Валленштейна, Шиллера, короля Генриха, Шекспира и на какую-то старинную итальянскую трагедію, которая тоже была написана въ 15-ти дѣйствіяхъ и 3-хъ частяхъ и представлялась на сценѣ три дня сряду. Мы видимъ честолюбиваго и энергичнаго юношу, ищущаго ощупью себѣ какое-нибудь колоссальное дѣло, на которое впослѣдствіи онъ и набрелъ.

Но идеи о 15-ти-актной трагедіи Гнѣдичъ не привелъ въ исполненіе за отъѣздомъ въ Петербургъ, въ концѣ 1803 года.

III.

Въ Петербургѣ Гнѣдичъ опредѣлился на службу въ департаментъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, продолжалъ усиленно свою поэтическую дѣятельность, переводную и оригинальную, принятый въ лучшихъ тогдашнихъ журналахъ. Его денежныя дѣла были въ это время не особенно блестящи и только благодаря помощи двухъ своихъ земляковъ, Я—ва и Р—ва, ему удалось въ 1805 г. поѣхать на нѣсколько времени въ родную Украйну, дорогую для него по воспоминаніямъ дѣтства. Время 1804—1806 г. слѣдуетъ считать чуть-ли не самымъ плодотворнымъ въ дѣятельности Гнѣдича, какъ самостоятельнаго поэта. Въ послѣдующіе затѣмъ годы

онъ всецѣло посвятилъ себя переводамъ, а его оригинальная лира издавала звуки фальшивые и слабые, и только около 1819 г. лирическій талантъ Гнѣдича снова расцвѣлъ на короткое время. Объяснить эти, на первый взглядъ, странные капризы музы Гнѣдича, по нашему мнѣнію, не трудно. Истинный поэтъ-художникъ всегда остается вѣренъ самому себѣ; какъ могучая сосна растетъ и на тучномъ черноземѣ, и на голомъ утесѣ, истинный поэтъ во всякой обстановкѣ находитъ пищу для своего творчества. Но поэты второстепенные, какимъ былъ Гнѣдичъ, должны быть поставлены въ обстоятельства особенно благопріятныя, для того чтобы ихъ талантъ достигъ доступнаго для нихъ развитія. Такіе поэты рабы обстоятельствъ; вдохновеніе пробуждается въ нихъ не вслѣдствіе внутренней потребности, а внѣшняго давленія. Ключа къ ихъ поэтической дѣятельности слѣдуетъ искать въ ихъ отношеніяхъ къ людямъ, въ ихъ положеніи въ свѣтѣ, а не наоборотъ. Это—тяжелые инструменты, въ которыхъ спящіе звуки пробуждаются лишь тогда, когда судьба сердито дуетъ въ нихъ изо всей мочи, а не Эоловы арфы, звучащія отъ легкаго прикосновенія зефира.

Гнѣдичъ, какъ мы уже говорили, становился искрененъ и поэтиченъ въ своихъ пѣсняхъ только подъ вліяніемъ личнаго горя, и то сильнаго. Годы 1804—1806 были въ его жизни самые тяжелые. Безъ средствъ къ жизни, затерянный въ большой столицѣ, безъ друзей и покровителей, свидѣтель чужого блеска и счастья, самолюбивый и гордый юноша долженъ былъ много передумать и выстрадать. Въ „Гласѣ благодарности“, посвященномъ упомянутымъ выше Я—ву и Р—ву, Гнѣдичъ жалуется на то, что долженъ проводить свои молодые годы—

Здѣсь—далеко—на *чужинѣ*—
Отъ родныхъ, друзей моихъ.
Бѣдняку—и сиротинѣ
Не найти во вѣки ихъ!
Люди есть и здѣсь, конечно,
Кто Лукулловъ всѣхъ сочтетъ?

Но бѣднякъ межъ ними вѣчно
Человѣка не найдетъ.

Непритворна его радость, при мысли о томъ, что онъ увидитъ скоро родину.

На то мѣсто, гдѣ родился,
Въ этомъ годѣ ты взглянешь;
На томъ холмѣ, гдѣ рѣзвился,
Въ этомъ годѣ отдохнешь;
Узришь, узришь свою хату...

Подъ вліяніемъ своего горя, Гнѣдичъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, проникнутыхъ страстью и желчью. Лучшее изъ нихъ, обратившее на двадцатилѣтняго поэта всеобщее вниманіе и въ свое время весьма извѣстное, называется „Перуанецъ къ Испанцу“, и, вѣроятно, навѣяно вышеупомянутымъ романомъ Мармонтеля. Перуанецъ обращается къ своему притѣснителю съ слѣдующими воплями злобы и мести, по страстному тону которыхъ вы чувствуете, что это — не холодная реторика, что устами перуанца говорила личная злоба и личная печаль поэта:

Кто право далъ тебѣ надъ жизнію моей?
Законъ? Какой законъ? Одной рукой природы
Ты сотворенъ, и я, и всей земли народы.
Но ты сильнѣй меня? А я—за то-ль, что слабъ,
За то-ль, что черенъ я—и долженъ быть твой рабъ?
Погибни же сей міръ, въ которомъ безпрестанно
Невинность попрана, злодѣйство увѣнчанно;
Гдѣ слабость есть порокъ, а сила—всѣ права!
Гдѣ посѣдѣвшая въ злодѣйствахъ голова
Безсильнаго гнететъ, невинность поражаетъ
И кровь ихъ на себѣ порфирой прикрываетъ!

Въ этихъ стихахъ слышится отголосокъ страстныхъ монологовъ Карла Моора, но въ нашей литературѣ подобный тонъ былъ новостью. Только при крайнемъ либеральномъ настроеніи тогдашняго правительства могло безпрепятственно появиться въ печати и распространиться такое стихотвореніе, при чтеніи котораго, можетъ быть, не лишнимъ вспомнить слѣдующія слова Вигеля о Капнистѣ и Гнѣдичѣ: „Оба они,

несмотря на единовѣріе, единокровіе, единозваніе, на двухвѣковое соединеніе ихъ родины съ Россіей, тайкомъ ненавидѣли ее и русскихъ москалей, кацаповъ".

Той же страстностью тона отличается и другое стихотвореніе Гнѣдича „Общежитіе", гдѣ онъ проповѣдуетъ гражданскую добродѣтель и величіе свободы, и, обращаясь къ людямъ мелкимъ и самолюбивымъ, погрязшимъ въ заботахъ лишь о себѣ и о своихъ, восклицаетъ:

Ты спишь—злодѣй ужь цѣпь, цвѣтами всю увивъ,
На гражданъ наложилъ—отечество терзаетъ
Сыны отечества, цѣпей не возлюбивъ,
Расторгнуть ихъ хотятъ—вопль слухъ мой поражаетъ,
Какой ужасный стонъ!

А къ индиферентнымъ мудрецамъ, презирающимъ толпу и изъ презрѣнія не хотящимъ служить ей, говоря, что лучше скитаться со звѣрьми въ лѣсу, нежели заботиться о неблагодарныхъ людяхъ, поэтъ обращается съ такими укорами:

Когда законъ ногами попираютъ,
Болваномъ золотымъ курятъ всѣ олміамъ,
Достойныхъ же вѣнцовъ—всѣхъ пылью засыпаютъ,
Ты долженъ-ли тогда скитаться по лѣсамъ?
О, нѣтъ! Но о добрѣ всеобщемъ лишь радѣя,
Всѣмъ другомъ истиннымъ себя ты окажи,
Гнетущу руку ты останови злодѣя,
И что гнетомый правъ—ты свѣту покажи,
Неблагодарныхъ обяжи!

Приведенные отрывки показываютъ, что Гнѣдичъ былъ правъ, когда говорилъ впослѣдствіи, что въ его груди билось:

Не общее сердце, что съ юности нѣжной оно трепетало
При чувствѣ прекрасномъ, при помыслѣ важномъ иль смѣломъ,
Дрожало при имени славы иль гордой свободы!

Къ лучшимъ стихотвореніямъ Гнѣдича принадлежатъ тогда же написанныя, въ подражаніе пѣснямъ Оссіана, „Красоты Оссіана", „Послѣдняя пѣснь Оссіана", и, въ особенности, стихи „На гробѣ матери", сочиненные имъ послѣ поѣздки въ Полтаву. Въ нихъ господствуетъ тихая грусть, искренняя и выраженная простыми, поэтическими словами. Послѣдняя строфа могла бы быть написана лучшими изъ на-

шихъ поэтовъ. Гнѣдичъ, не помнившій своей матери, умершей, когда онъ былъ еще въ колыбели, обращается къ ней съ трогательной мольбой явиться его очамъ:

Узрѣть мнѣ дай твой ликъ священный,
Хоть тѣнь свою мнѣ дай обнять,
Чтобъ, въ міръ духовъ переселенный,
Я могъ и тамъ тебя узнать!

Этимъ стихотвореніемъ завершается первый періодъ дѣятельности Гнѣдича. Оригинальные его стихи, писанные въ теченіе 1806—1819, отличаются, какъ мы сказали, дѣланностью и слабостью. Причина та, что послѣ 1806 г. положеніе Гнѣдича становится несравненно лучше, чѣмъ было прежде. Его стихи, равно какъ и прозаическая статья о синонимахъ, пріобрѣли ему благосклонность сильныхъ меценатовъ и открыли передъ нимъ дома гр. А. С. Строганова и А. С. Оленина. Сверхъ того, Гнѣдичъ пользовался еще славой, какъ прекрасный чтецъ, что весьма много значило въ то время, когда ни одинъ почти вечеръ не обходился безъ чтенія стиховъ, и хорошей декламаціей можно было попасть въ избраннѣйшіе литературные кружки. Особенно Гнѣдичъ полюбился Олениной своей образованностью и знакомствомъ съ классической литературой. Но одновременно съ улучшеніемъ обстоятельствъ Гнѣдича, его оригинальный поэтическій талантъ замѣтно ослабѣлъ, быть можетъ, къ его счастію, потому что онъ не былъ рожденъ великимъ поэтомъ. Въ это время въ его головѣ впервые зародилась мысль о громадномъ трудѣ, которому онъ посвятилъ двадцать лѣтъ жизни и который доставилъ ему неумирающую славу. Мы говоримъ о переводѣ „Иліады“.

IV.

Изъ всѣхъ видовъ литературы ничто у насъ такъ не процвѣтало въ XVIII и началѣ XIX вѣка, какъ переводы, и это настолько естественно, что не требуетъ никакихъ поясненій. Помимо французскихъ авторовъ, которымъ у насъ осо-

бенно посчастливилось, переводились также въ большомъ количествѣ и классики. Къ концу XVIII-го столѣтія у насъ были переведены, изъ классиковъ, вполнѣ или частію, Демосѳенъ, Овидій, Тацитъ, Саллюстій, Цицеронъ, Теренцій, Плиній Младшій, Ксенофонтъ и др. Но переводы эти были неудовлетворительны. Классицизмъ являлся у насъ въ костюмѣ псевдо-классицизма, въ переводахъ напыщенныхъ, уснащенныхъ славянскими словами и ходульными фразами, совершенно замѣнявшими простоту мыслей и ясность изложенія оригиналовъ, почему эти два направленія, діаметрально одно другому противоположныя, мирно уживались между собою. Лучшими переводчиками того времени слѣдуетъ считать Мерзлякова, представившаго образцы во всѣхъ родахъ классической литературы, Кострова, стихотворнаго переводчика „Иліады“, Мартынова, отличавшагося, впрочемъ, болѣе трудолюбіемъ, нежели талантомъ, да еще переводчика Аристофана И. М. Муравьева-Апостола, одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Вмѣстѣ съ Карамзинымъ, Муравьевъ-Апостолъ одинъ изъ первыхъ разоблачилъ у насъ всю фальшь и шаткость принциповъ французскаго псевдо-классицизма. Но въ то время, когда Карамзинъ, противопоставляя Корнелю, Расину и Вольтеру—Шекспира и Шиллера, сдѣлался прародителемъ русскаго романтизма, Муравьевъ-Апостолъ первый провозгласилъ у насъ, что единственное наше спасеніе — въ классицизмѣ, въ изученіи греческихъ и латинскихъ образцовъ. Онъ даже отрицалъ значеніе новаго слога, введеннаго школой Карамзина и И. Дмитріева, и доказывалъ, что нашъ книжный языкъ образуется не раньше, чѣмъ будетъ введено у насъ классическое воспитаніе и русскій языкъ сдѣлается разговорнымъ языкомъ въ обществѣ. Мысли эти, любопытныя сами по себѣ, для насъ интересны еще потому, что впослѣдствіи ихъ высказалъ и Гнѣдичъ, въ своемъ „Разсужденіи о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности“.

Среди всѣхъ поэтовъ древности у насъ въ особенности посчастливилось отцу поэзіи, Гомеру, а изъ его твореній —

„Иліадѣ". Не говоря объ отрывкахъ изъ нея, она вся была переведена прозой два раза, впервые Якимовымъ, въ 1776 г., а потомъ — Мартыновымъ — въ началѣ прошлаго столѣтія. Кромѣ того, въ 1787 г. были напечатаны первыя шесть пѣсенъ „Иліады" въ стихотворномъ переложеніи Кострова, — и этотъ переводъ долгое время считался у насъ образцовымъ. Переводъ сдѣланъ александрійскими стихами, т. е. шестистопнымъ ямбомъ, съ послѣдовательными риѳмами, — размѣромъ, заимствованнымъ у французскихъ псевдо-классиковъ и въ свое время считавшимся необходимымъ условіемъ эпоса и трагедіи. Этимъ же размѣромъ сталъ переводить „Иліаду" и Гнѣдичъ, рѣшившись продолжать и окончить трудъ Кострова, почему и началъ свой переводъ съ 7-й пѣсни.

Гомеръ давно былъ завѣтнымъ и любимымъ поэтомъ Гнѣдича. Еще въ университетѣ онъ тщательно изучалъ его, а въ 1807 г., въ посланіи къ Батюшкову, называетъ Гомера — „своимъ пѣвцомъ". Это доказываетъ, что къ тому времени мысль о переводѣ „Иліады" окончательно созрѣла въ его головѣ. Въ 1809 г. онъ издалъ въ свѣтъ 7-ю пѣснь „Иліады", написанную, какъ мы уже сказали, александрійскими стихами. Литературные старовѣры подняли крикъ о дерзости молодого автора, рѣшающагося продолжать дѣло „благоискуснаго въ красотахъ отечественной словесности" Кострова. Но Гнѣдичу помогло слѣдующее обстоятельство. Въ 1811 г. случайно было отыскано продолженіе перевода Кострова, именно 7-я, 8-я и часть 9-й пѣсни, которыя и были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы". По сравненіи этого перевода съ переводомъ Гнѣдича, преимущество несомнѣнно оказывалось на сторонѣ послѣдняго. Приводимъ, для сравненія, одинъ отрывокъ.

Переводъ Кострова. Зевсъ обращается къ богамъ и богинямъ со слѣдующею рѣчью:

Златую цѣпь съ высотъ вы долу низпустите,
И оной купно всѣ съ небесъ меня влеките:
Вы узрите, какъ вашъ ничтоженъ будетъ трудъ,
Всѣ силы въ долъ земный меня не совлекутъ.

Хощу-ли васъ поднять отъ дола цѣпью сею,
Могу возвысить васъ и съ моремъ, и съ землею;
Скрѣплю-ли цѣпь сію Олимпа къ высотамъ,
Вся будетъ тварь висѣть подъята къ небесамъ.

А вотъ та-же рѣчь въ переводѣ Гнѣдича:

Златую цѣпь спущу съ небесной я твердыни;
Низвѣстеся по ней всѣ боги и богини;
Не совлечете вы всей силою трудовъ
На землю отъ небесъ властителя боговъ.—
Когда-жъ благословлю я мощь явить предъ вами,
Восторгну землю я съ великими морями,
А цѣпь вокругъ вершинъ Олимпа обложу,
И все на высотахъ превыспреннихъ сдержу.

Переводъ Гнѣдича несомнѣнно лучше, но, какъ видно, самъ по себѣ далеко неудовлетворителенъ. Главный его недостатокъ, это—несчастный александрійскій размѣръ, убивающій мысль и образъ и на все изображаемое налагающій неизгладимую печать декламаторскаго бездушія. Если-бъ Гнѣдичъ этимъ размѣромъ кончилъ всю „Иліаду“, то его имя, безъ сомнѣнія, было-бы давно забыто, какъ забыты имена Мартынова и Кострова. Но, къ счастію для Гнѣдича, въ 1813 г., когда онъ уже дописывалъ 11-ую пѣснь, знаменитый С. С. Уваровъ обратился къ нему съ письмомъ, имѣвшимъ рѣшающее вліяніе на всю его послѣдующую дѣятельность.

Письмо это касалось вопроса о греческомъ гекзаметрѣ и доказывало вѣрную мысль, что духъ всякаго поэтическаго произведенія неразрывно связанъ съ его формой, какъ душа съ тѣломъ, такъ что съ искаженіемъ формы выдыхается и самый духъ оригинала. „Одна изъ величайшихъ красотъ греческой поэзіи,—пишетъ С. С. Уваровъ,—есть богатое и систематическое ея стопосложеніе. Тутъ каждый родъ поэзіи имѣетъ свой размѣръ; и каждый родъ не только свои законы и правила, но, такъ сказать, свой геній и свой языкъ. Гекзаметръ предоставленъ эпопеѣ. Этотъ размѣръ весьма способенъ къ сему роду поэзіи. При величайшей ясности, онъ имѣетъ удивительное изобиліе къ оборотахъ, важную и плѣнительную гармонію“. Французы, по необходимости, должны

были, вслѣдствіе неподатливости своего языка, изобрѣсти другую систему стихосложенія. Но „возможно-ли узнать гекзаметръ Гомера, когда, сжавши его въ александрійскій стихъ и оставляя одну мысль, вы отбрасываете размѣръ, обороты, расположеніе словъ, эпитеты, однимъ словомъ все, что составляетъ красоту подлинника? Когда вмѣсто плавнаго, величественнаго гекзаметра, я слышу скудный и сухой александрійскій стихъ, риѳмою прикрашенный, то мнѣ кажется, что я вижу божественнаго Ахиллеса во французскомъ платьѣ". Поэтому авторъ полагаетъ, что намъ, русскимъ, имѣющимъ, къ счастію, изобильный, метрической просодіей наполненный языкъ, неприлично слѣдовать столь слѣпому предразсудку. Если нѣмцамъ удалось ввести у себя гекзаметръ, то тѣмъ легче это намъ, такъ какъ нашъ языкъ обладаетъ свободнымъ словорасположеніемъ.

Гнѣдичъ, въ отвѣтъ на это письмо, вполнѣ соглашаясь съ выраженнымъ въ немъ мнѣніемъ, перевелъ почти всю 6-ю пѣснь гекзаметрами, правда, еще не совсѣмъ гладкими, такъ какъ попадаются стихи, въ родѣ слѣдующихъ:

Въ полѣ жъ и тамо и тамо шумѣла бранная буря,
Часто толпы сопротивныхъ стремили мѣданыя копья,—

но этимъ переводомъ было положено крѣпкое начало русскому гекзаметру. Собственно говоря, уже Ломоносовъ представилъ образцы этого размѣра, но „Телемахида" Тредьяковскаго, написанная гекзаметрами, долгое время, по удачному выраженію одного критика, преграждала путь къ метрамъ Греціи, какъ-бы нѣкое страшилище. Являлись смѣльчаки и до Гнѣдича, какъ, напримѣръ, Мерзляковъ, которые рѣшились писать гекзаметрами, не страшась этого чудовища, но это были робкіе опыты, набѣги дѣлались отрывками, — ut canis e Nilo, и Гнѣдичъ вполнѣ правъ, говоря, что онъ первый имѣлъ смѣлость отвязать отъ позорнаго столба стихъ Гомера и Виргилія, привязанный къ нему Тредьяковскимъ. Мы поймемъ заслугу Гнѣдича, если обратимъ вниманіе на

полемику, возникшую по поводу письма С. С. Уварова. Капнистъ, кажется, первый подавшій Гнѣдичу совѣтъ продолжать трудъ Кострова, въ обширномъ письмѣ пытался доказать непригодность для русскаго языка гекзаметра, вслѣдствіе отсутствія у насъ спондеевъ. Болѣе того, онъ даже отрицалъ звучность этого размѣра въ греческомъ подлинникѣ, хотя тутъ-же сознается, что по-гречески онъ не понимаетъ. Вмѣсто гекзаметра онъ предлагаетъ перевести „Иліаду“ размѣромъ русской пѣсни:

Какъ бывало у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ...

и тутъ же представилъ образецъ этого размѣра:

Удалились свѣтлы боги съ поля страшныхъ битвъ:
Но то тамъ, то тамъ шумѣла буря бранная, и т. д.

Возраженія, представленныя Капнистомъ, были блистательно опровергнуты С. С. Уваровымъ, доказавшимъ, что звучный гекзаметръ можетъ существовать и безъ спондеевъ, и давшимъ при этомъ слѣдующее прекрасное опредѣленіе гекзаметра: „Героическій размѣръ украшается совершеннѣйшимъ равновѣсіемъ всѣхъ частей стиха: гекзаметръ не подымается и не падаетъ; онъ изгибается, течетъ тихо, но безъ прыжковъ; свободно, но въ строгихъ границахъ.—Ему предоставлено обращаться отъ быстроты къ медленности, отъ силы къ мягкости; и всѣ оттѣнки, между сими противоположностями заключенные, вмѣщаются въ стопосложеніи гекзаметра“. Но до чего въ то время былъ чуждъ этотъ размѣръ русскому уху, видно изъ того, что такой опытный версификаторъ, какъ Воейковъ, обиженный мнѣніемъ объ отсутствіи у насъ спондеевъ, серьезно рѣшился доказать неосновательность этого мнѣнія слѣдующими безобразными стихами:

Пусть говорятъ галломаны, что мы не имѣемъ спондеевъ!
Мы ихъ найдемъ, исчисляя подробно дѣянія Россовъ:
Галъ, Персъ, Пруссъ, Хинъ, Шведъ, Венгръ, Турокъ, Сарматъ и Саксонецъ—
Всѣхъ побѣдили мы, всѣхъ мы спасли и всѣхъ охраняемъ.
Мы ихъ найдемъ, исчисляя прекрасныя свойства монарха:
Царь Александръ щедръ, мудръ, храбръ, твердъ, быстръ, скроменъ и сметливъ и т. д.

Но пока длился споръ, возможенъ или невозможенъ русскій гекзаметръ, Гнѣдичъ взялъ и создалъ его, совершивъ при этомъ рѣдкій подвигъ, требовавшій громадной силы воли и беззавѣтной любви къ предмету: онъ уничтожилъ уже переведенныя имъ пѣсни, стоившія ему упорныхъ шестилѣтнихъ трудовъ. Только въ 1829 г. вышло полное изданіе „Иліады“, размѣромъ подлинника, т. е. ровно черезъ двадцать лѣтъ по напечатаніи перваго изъ нея отрывка. Въ Гнѣдичѣ сказался малороссъ, медленный, терпѣливый, но упорный и всегда доходящій до конца разъ намѣченнаго пути.

„Иліада“, по выходѣ въ свѣтъ, была горячо привѣтствуема нашими лучшими писателями и любителями изящнаго, но равнодушно принята „большою“ публикою, что доставляло Гнѣдичу не одну минуту горькаго разочарованія. Самый теплый привѣтъ былъ высказанъ Пушкинымъ. „Наконецъ,—писалъ онъ,—вышелъ въ свѣтъ давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый переводъ „Иліады“! Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частью устремились на блестящія бездѣлки; когда талантъ чуждается труда, а люди пренебрегаютъ образцами величавой древности; когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но только легкомысленное занятіе,—съ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единаго высокаго подвига. Русская „Иліада“ передъ нами“. Также Бѣлинскій писалъ, что „постигнуть духъ, божественную простоту и пластическую красоту древнихъ грековъ было суждено на Руси пока только одному Гнѣдичу“, и ставилъ его гекзаметры выше гекзаметровъ Жуковскаго. Но другіе отзывы были не столь благопріятны для Гнѣдича. Ордынскій, напримѣръ, утверждалъ, что „Гнѣдичъ скорѣе переводилъ Фосса, нежели Гомера; слѣпо держался подлинника, уродовалъ свой языкъ, для языка подлинника обременялъ его множествомъ чуждыхъ ему формъ и оборотовъ, образовалъ по своему непонятныя слова. Мы

потеряли въ Гнѣдичѣ ту нѣжность, игривость и простодушіе, которыя такъ свойственны Гомеру". Равнымъ образомъ и Галаховъ находитъ, что Гнѣдичъ „сообщилъ гомеровскимъ пѣснямъ какую-то торжественность, настроилъ ихъ на риторическій тонъ, чему особенно способствовало излишнее и не всегда разборчивое употребленіе славянскихъ словъ и оборотовъ".

Въ послѣднемъ упрекѣ вѣрно то, что переводъ „Иліады", въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ изобилуетъ славянскими реченіями, а иногда представляетъ стихи неблагозвучные. Особенно непріятно дѣйствуетъ на ухо довольно часто попадающійся dativus absolutus, какъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ стихахъ:

Въ замокъ градской *имъ протекшимъ*, ко храму Аѳины богини,
Двери предъ ними разверзла прелестная ликомъ Ѳеано. (II. VI, ст. 297—298).

Кости твои середь поля истлѣютъ,
Легшія въ чуждой троянской землѣ, *не свершенному дѣлу*.
(II. IV, ст. 174—175).

Также нельзя назвать удачными эпитеты, въ родѣ праздноброднихъ псовъ, коннодоспѣшныхъ мужей, звуконогихъ коней, ясноглаголивыхъ смертныхъ, хитрошвенныхъ ремней и т. д. Равнымъ образомъ странны выраженія „вѣстникъ повинулся", „мужи коснящіе на битву", „о Атридъ, не неправдуй", „трояне, бодатели коней", „къ бережи ихъ" (вм. для ихъ сохраненія), „въ омракѣ чувствъ" и т. д. Но это — мелочи, легко объясняемыя эпохой, въ какую жилъ переводчикъ. Извѣстная книга Шишкова „О старомъ и новомъ слогѣ" раздѣлила нашихъ литераторовъ на два лагеря: старовѣровъ съ Шишковымъ во главѣ и новаторовъ, послѣдователей Карамзина. Но и послѣдніе тоже не вполнѣ отказались отъ употребленія славянскихъ словъ. Тѣмъ болѣе это было простительно Гнѣдичу, имѣвшему дѣло съ произведеніемъ, на которое сами вѣка наложили печать какой-то торжественной важности. Но помимо нѣсколькихъ неудачныхъ словъ и оборотовъ, переводъ Гнѣдича ничуть нельзя назвать

устарѣвшимъ и понынѣ: въ немъ вѣетъ духъ Гомера, мужественный и наивный, безыскусственный и безконечно разнообразный въ оттѣнкахъ. Какъ бываютъ не рѣдко красивыя лица съ не совсѣмъ правильными чертами, такъ и переводъ Гнѣдича, несмотря на нѣкоторыя неправильности, дышитъ красотой и поэзіей. Гнѣдичъ постигъ и выразилъ неуловимую тайну гомеровскаго гекзаметра, и, вчитываясь въ его переводъ, невольно повторяешь съ Пушкинымъ:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной, эллинской рѣчи:
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

V.

Переводъ „Иліады“ доставилъ Гнѣдичу не только славу, но и почетное положеніе въ свѣтѣ и жизненныя удобства. Еще въ 1811 г., благодаря покровительству Оленина, онъ былъ избранъ въ члены россійской академіи и назначенъ библіотекаремъ при Императорской Публичной Библіотекѣ, гдѣ и прослужилъ до 1817 г., живя въ сосѣдствѣ и въ тѣсной дружбѣ съ Крыловымъ. Въ 1812 г. Гнѣдичу была выхлопотана отъ великой княгини Екатерины Павловны ежегодная пенсія въ 1000 р. Въ то время литераторы въ Петербургѣ группировались вокругъ Державина и Шишкова въ Бесѣдѣ, и вокругъ Жуковскаго въ Арзамасѣ. Эти два общества были различны между собой по всему: по литературнымъ стремленіямъ, вкусамъ и характерамъ членовъ. Въ Бесѣдѣ засѣдали серьезные старцы, цѣлью которыхъ было спасти отъ потопа новыхъ литературныхъ ересей священный ковчегъ славянскаго стиля. Тамъ читались произведенія, находившія потомъ мѣсто въ сборникѣ общества — „Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русской словесности“. Въ Арзамасѣ, напротивъ, собиралась молодежь, шутила, забавлялась, дурачилась, никакихъ изданій не предпринимала, но смѣхомъ да эпиграммами навсегда убила господствовавшія у насъ въ поэзіи со времени Ломоносова ходульную торжественность и

псевдо-классическія замашки. Но Гнѣдичъ стоялъ въ сторонѣ отъ обоихъ обществъ, составляя душу и центръ особаго кружка, собиравшагося въ домѣ Олениныхъ. Сюда входили и члены Арзамаса, и члены Бесѣды, но однако всякій изъ этихъ кружковъ имѣлъ свою физіономію, и нужно сознаться, что кружокъ Оленинскій болѣе тяготѣлъ къ Бесѣдѣ, нежели къ Арзамасу.

О манерѣ держаться и характерѣ Гнѣдича въ ту эпоху сходятся показанія почти всѣхъ его біографовъ. Гнѣдичъ, несмотря на свое безобразіе, былъ щеголь: платье на немъ всегда было послѣдняго покроя. Съ утра до ночи во фракѣ и съ бѣлымъ жабо, онъ приноровлялъ цвѣтъ своего фрака и всего наряда къ той порѣ дня, въ которую тамъ и сямъ появлялся: коричневый или зеленый фракъ утромъ, синій къ обѣду, черный вечеромъ. Бѣлье всегда носилъ чистое, какъ снѣгъ; складки или брызжи были отдѣланы художественно. Обувь, шляпа, тросточка,—все было безукоризненно: цвѣтныя перчатки всегда носились имъ въ обтяжку. Держалъ онъ себя прямо, нѣсколько величаво, и во всѣхъ движеніяхъ былъ соразмѣренъ и плавенъ, какъ въ своихъ гекзаметрахъ; въ его манерахъ было нѣчто чопорное; рѣчь звучала нѣсколько декламаторски.

Онъ страстно любилъ общество и свѣтскую жизнь, но серьезнымъ къ этому препятствіемъ былъ его смѣшной выговоръ и своеобразные обороты французскаго языка. О нихъ ходили цѣлые анекдоты. Гнѣдичъ разъ зашелъ къ Жуковскому, жившему тогда въ верхнемъ этажѣ шепелевскаго дворца. „Ты, кажется, мой Гнѣдко (Жуковскій всегда такъ его называлъ), запыхался?“ — Oui“, — отвѣчалъ Гнѣдичъ, — j'ai *courmouté* votre escalier“ (взбѣжалъ по лѣстницѣ). Въ другой разъ, услышавъ разсказъ о роскошной природѣ Тавриды, гдѣ растутъ высокія акаціи, каштаны и раины, — Гнѣдичъ вскричалъ: „Раина! Это рай дерево, которое... s'élance въ облака!“ Любилъ онъ также передѣлывать на русскій ладъ французскія слова и чуть-ли не первый ввелъ

въ употребленіе слова: граціозность, наивность и др. Часто хвасталъ своими великосвѣтскими знакомствами и за глаза любилъ называть барынь и барышень французскими полуименами: princesse Catiche, comtesse Bibi. Чрезвычайно любилъ онъ читать въ обществѣ отрывки изъ трагедій или своей „Иліады“, и читалъ съ большимъ искусствомъ, по мнѣнію однихъ, а, по мнѣнію другихъ, былъ очень смѣшонъ напыщенностью протяжнаго чтенія съ завываніями и вытянутой шеей, которая съ каждымъ стихомъ все болѣе и болѣе выходила изъ толсто-широкаго жабо, и высоко-поднятой головой, и къ небу возносящимся глазомъ. Благодаря славѣ отличнаго чтеца, онъ сошелся съ знаменитой красавицей—актрисой Семеновой, впослѣдствіи княгиней Гагариной, и въ теченіе 18-ти лѣтъ сохранялъ къ ней чувство самой пламенной дружбы и любви. Онъ проходилъ съ нею всѣ роли ея обширнаго репертуара и, благодаря ему, она являлась такою совершенной Клитемнестрой, Медеей, Меропой и Федрой. Для нея передѣлалъ онъ трагедію „Лиръ“ въ 1807 г., а черезъ два года перевелъ „Танкреда“ Вольтера. Эта дружба была счастіемъ и мукой его жизни.

Несмотря на нѣкоторыя смѣшныя черты характера Гнѣдича, всѣ біографы единогласно сходятся въ томъ, что онъ отличался рѣдкой честностью въ своихъ литературныхъ отношеніяхъ, никогда не зналъ зависти, первый привѣтствовалъ молодыя дарованія и былъ горячимъ покровителемъ начинающихъ писателей. Недаромъ Плетневъ въ своемъ посланіи къ Гнѣдичу говоритъ:

Судья и другъ поэтовъ молодыхъ,
Къ твоимъ словамъ въ отважномъ сердцѣ ихъ
Есть тайная, особенная вѣра.

Нѣсколько чопорный съ виду, что вѣроятно объяснялось желаніемъ замаскировать свое безобразіе и заставить свѣтъ уважать себя, Гнѣдичъ отличался искреннимъ дружелюбіемъ и теплымъ сердцемъ. Еще юношей, не имѣя средствъ къ жизни, онъ подарилъ доставшееся ему отъ отца небольшое

имѣніе въ 30 душъ крестьянъ своей сестрѣ, о которой продолжалъ заботиться до самой ея смерти. Существуетъ разсказъ о томъ, что Гнѣдичъ, посѣщая ректора Духовной Академіи, Н. Н., замѣтилъ однажды на кладбищѣ Лавры плачущаго студента и, разспросивъ его, узналъ, что причиной горя молодого человѣка было бѣдственное состояніе его матери. Черезъ четыре дня студентъ, посѣтивъ свою мать, узналъ, что она перебралась на другое мѣсто и отыскалъ ее въ чистой, свѣтлой квартирѣ, гдѣ во всемъ были замѣтны слѣды довольства. Это было дѣломъ Гнѣдича, выхлопотавшаго впослѣдствіи бѣдной женщинѣ пенсіонъ у адмирала гр. М. С. Мордвинова. При жизни Гнѣдича окружавшимъ его этотъ поступокъ остался неизвѣстенъ. Вообще люди, близко знавшіе его, становились его преданными друзьями. Такъ, Батюшковъ въ одномъ письмѣ къ нему говоритъ: „Ты знаешь, что я чудакъ и не люблю въ глаза льстить, но теперь разлука даетъ мнѣ право сказать тебѣ, что ты одинъ у меня другъ, и истина сія запечатлѣна у меня въ сердцѣ на вѣки. Доказательство тому, что я тебя люблю какъ брата“ и т. д. Батюшковъ, когда разстроились его душевныя силы, слушалъ и слушался одного только Гнѣдича. Не принадлежа ни къ одной литературной партіи, онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ со всѣми выдающимися писателями всѣхъ лагерей: Крыловымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, Баратынскимъ, Херасковымъ, Озеровымъ, Нелединскимъ-Мелецкимъ, кн. Шаховскимъ, Дельвигомъ, Плетневымъ, Тургеневымъ, Лабзинымъ, Писаревымъ, Дмитревскимъ и др. Это доказывается множествомъ написанныхъ къ Гнѣдичу посланій, изъ которыхъ особенно замѣчательны посланія Пушкина, Баратынскаго, Батюшкова, Воейкова и Плетнева. Выписываемъ изъ посланія Пушкина слѣдующія прекрасныя строки:

Ты, коему судьба дала
И смѣлый духъ, и умъ высокій,
И важнымъ пѣснямъ обрекла—
Отрадѣ жизни одинокой;

О ты, который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
Гомера музу намъ явилъ
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ.

Въ послѣднихъ двухъ строчкахъ заключается поэтическій намекъ на то, что Гнѣдичъ уничтожилъ пѣсни, переведенныя александрійскимъ риѳмованнымъ размѣромъ и подалъ примѣръ, которымъ впослѣдствіи такъ блистательно воспользовался Жуковскій. Кстати тутъ будетъ привести и посланіе къ Пушкину Гнѣдича, лучшее посланіе изо всѣхъ, написанныхъ на имя Пушкина:

Пушкинъ, Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей:
Пой, какъ поешь ты, родной соловей!
Байрона геній иль геній Шекспира—
Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ:
Ты-же, постигнувшій таинство русскаго духа и міра,
Пой намъ по своему, русскій Баянъ!
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Будь на Руси ты нѣвецъ *несравненный!*

Считаемъ долгомъ оправдать тѣнь Гнѣдича отъ упрека, взведеннаго на него Вигелемъ, разсказывающимъ, будто Гнѣдичъ, пріѣхавъ въ Петербургъ и не имѣя друзей и средствъ къ жизни, „рѣшился на неслыханное средство, на исканіе покровительства и помощи у Хвостова“, для чего написалъ ему посланіе, гдѣ „умоляя его, старается разжалобить“ стихами въ родѣ слѣдующихъ:

Я дуренъ, кривъ и денегъ не имѣю.

Посланіе къ гр. Хвостову Гнѣдичъ дѣйствительно написалъ, но не по пріѣздѣ въ Петербургъ, а въ 1814 г., уже по избраніи въ Академію, служа въ библіотекѣ и пользуясь ежегоднымъ пенсіономъ, слѣдовательно, когда ему нечего было искать покровительства у кого бы то ни было. Стихъ. по-

хожій на приведенный, употребленъ имъ, но не въ просительномъ, а въ шутливомъ смыслѣ. Гнѣдичъ говоритъ, что онъ не пользуется любовью не только музъ, но и смертныхъ дѣвъ:

Мнѣ можно-ли, Хвостовъ, любовью льститься музъ,
Мнѣ можно-ли вступить съ безсмертными въ союзъ,
Когда и смертныхъ дѣвъ плѣнить я не умѣю:
И дуренъ я, и хворъ, и денегъ не имѣю.

Если это посланіе грѣшитъ чѣмъ-либо, то невѣрнымъ отзывомъ о талантѣ Хвостова, почему Гнѣдичъ и не помѣстилъ его въ изданіи своихъ стиховъ. Но, въ оправданіе Гнѣдича, вспомнимъ, что около того-же времени, именно въ 1812 г., гр. Хвостовъ былъ избранъ въ почетные члены Общества любителей словесности, и когда извѣстный Дашковъ позволилъ себѣ въ привѣтственной рѣчи иронію относительно новаго члена, то немедленно былъ исключенъ изъ этого общества.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о другихъ произведеніяхъ Гнѣдича, кромѣ „Иліады“. Не будемъ останавливаться ни на его прозаическихъ статьяхъ, показывающихъ въ авторѣ болѣе образованность вкуса, нежели оригинальность мысли, ни на прекрасномъ переводѣ простонародныхъ пѣсенъ новыхъ грековъ и другихъ переводахъ, столь-же замѣчательныхъ по чистотѣ и силѣ языка, ни на извѣстной въ свое время идилліи „Рыбаки“, гдѣ имѣется поистинѣ классическое описаніе петербургскихъ бѣлыхъ ночей, цитируемое Пушкинымъ въ примѣчаніяхъ къ „Евгенію Онѣгину“, — все это отняло бы у насъ слишкомъ много мѣста, но нельзя пройти молчаніемъ нѣсколькихъ оригинальныхъ стихотвореній, написанныхъ Гнѣдичемъ въ періодѣ 1819—1821 г. Гнѣдичъ, какъ мы уже говорили, становился поэтомъ только въ минуту сильнаго личнаго горя. Съ теченіемъ времени обезпеченное состояніе, литературные друзья перестали удовлетворять его любящее сердце. Онъ всю жизнь мечталъ о семейномъ очагѣ, о жизни тихой и спокойной среди

близкихъ и родныхъ, но года уходили, приближалась старость, а онъ былъ совершенно одинокъ на свѣтѣ. Особенно интенсивно стало его горе около 1819 г. Было-ли тому причиной сердечная рана, измѣна любимаго человѣка, мы не знаемъ, но не сомнѣваемся, что въ это время надъ сердцемъ Гнѣдича разразилась сильная гроза. Подъ ея дуновеніемъ онъ снова становится искрененъ и глубокъ и пишетъ нѣсколько трогательныхъ и сильныхъ стихотвореній, лучшимъ изъ которыхъ слѣдуетъ признать „Къ Провидѣнію“. Непритворной грустью дышатъ слѣдующіе стихи:

Я сердце чистое, какъ жертву для небесъ,
Хранилъ любви въ груди суровой;
И за годы тоски, страданія и слезъ
Я ждалъ любви, какъ жизни новой;
И что-жъ? Произнося обѣтъ ея святой,
Коварно въ грудь мнѣ ножъ вонзали;
И оттолкнувъ меня, убитаго тоской,
На гробъ съ улыбкой указали.

Онъ слышитъ голосъ Провидѣнія, говорящій ему:

Друзья твои—льстецы; коварство—ихъ языкъ,
Обманъ невинности смиренной...
Но за тебя на нихъ возстановилъ я судъ
Необольстимаго потомства;
И на челѣ своемъ злодѣи не сотрутъ
Печати черной вѣроломства.

Такою-же силой и скорбью отличаются написанныя въ томъ-же году два стихотворенія „къ другу“, изъ которыхъ приводимъ цѣликомъ послѣднее:

Когда изъ глубины души моей угрюмой,
Гдѣ грусть одна живетъ въ тоскѣ нѣмой,
Проступитъ мрачная на блѣдный образъ мой
И осѣнитъ чело мнѣ черной думой;
На сумрачный ты видъ мой не ропщи:
Мое страданіе свое жилище знаетъ;
Оно сойдетъ опять во глубину души,
Гдѣ, нераздѣльное, безмолвно обитаетъ.

Отъ послѣдняго четверостишія не отказался бы и самъ Пушкинъ.

VI.

Усиленныя занятія, и въ особенности чрезмѣрное напряженіе голоса при разучиваніи ролей съ Семеновой, имѣвшее слѣдствіемъ разрывъ одной артеріи, ослабили и безъ того болѣзненный организмъ Гнѣдича. Въ 1825 г. онъ ѣздилъ на Кавказскія минеральныя воды, но возвратился еще съ большимъ разстройствомъ въ груди. Но два года, проведенные затѣмъ въ Одессѣ, принесли ему большую пользу. Возвратившись въ Петербургъ, онъ занялся изданіемъ „Иліады“. Вскорѣ всѣ прежніе припадки стали возвращаться еще съ большею силой. Въ 1831 году врачи убѣдили его ѣхать въ Москву на искусственныя минеральныя воды. Здѣсь онъ проводилъ своего друга Дельвига въ могилу слѣдующимъ прекраснымъ двустишіемъ:

Другъ, до свиданія! Скоро и я наслажусь моей частью:
Жилъ я, чтобы умереть; скоро умру, чтобы жить!

Старческой скорбью вѣетъ отъ стиховъ, писанныхъ имъ за годъ до смерти:

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
Ни чьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ, сиротою;
Въ путь жизни пошелъ одинокъ;
Прошелъ одинокъ его—тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной ливійской юдолѣ,
Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю,
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ:
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ.

Лебединой пѣснью Гнѣдича было стихотвореніе „Ласточка“, кончающееся, словно по иронiи судьбы, слѣдующими стихами:

Пой, любезная ласточка, пой и кружись надо мною!
Можетъ быть, пѣснь не послѣднюю ты мнѣ на душу напѣла.

Увы! Предчувствіе поэта не сбылось: это была послѣдняя пѣсня. 3-го февраля 1833-го года Гнѣдичъ умеръ, оставивъ послѣ себя неумирающую память въ нашей литературѣ. Прахъ его погребенъ на новомъ кладбищѣ Александро-Невскаго монастыря, рядомъ съ Крыловымъ. Надъ могилой его воздвигнутъ памятникъ его друзьями и почитателями, съ надписью:

Гнѣдичу
обогатившему
Русскую Словесность
переводомъ Омира.

«Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лилися».
(«Иліада», П. I, ст. 249).

И Минскій.
(Н. М. Виленкинъ).

КЪ МОИМЪ СТИХАМЪ.

Пока еще сердце во мнѣ оживляется солнцемъ;
Пока еще въ персяхъ, не вовсе отъ лѣтъ охладѣвшихъ,
Любовь не угаснула къ вамъ, о, стихи мои, дѣти
Души молодой, но въ которыхъ и самъ нахожу я
Дары небогатые строго-скупой моей Музы,
Которые, можетъ быть, вовсе отвергла-бъ отъ сердца
Брюзгливая старость, и, кажется, что по заслугамъ
(Но кто на землѣ не принесъ самолюбію дани?)—
Спѣшу, о, стихи, васъ отъ грознаго спасть приговора;
Спѣшу васъ отдать подъ покровъ снисходительной Дружбы. —
И если она не найдетъ въ васъ ни прелестей слова,
Какими насъ Музы изъ устъ ихъ любимцевъ плѣняютъ,
Ни пламенныхъ чувствій, ни думъ тѣхъ могучихъ, какія
Кипятъ на устахъ вдохновенныхъ и души народовъ волнуютъ;
То—нѣжная въ чувствахъ, найдетъ хоть меня въ моихъ пѣсняхъ,
Души моей слабость, быть можетъ, ея доб одѣтель;
Узнаетъ изъ нихъ, что въ груди моей бьется, быть можетъ,
Не общее сердце; что съ юности нѣжной оно трепетало
При чувствѣ прекрасномъ, при помыслѣ важномъ иль смѣломъ,
Дрожало при имени славы и гордой свободы;
Что, съ юности нѣжной любовію къ Музамъ пылая,
Оно сохраняло, во всѣхъ коловратностяхъ жизни,
Сей жаръ, хоть не пламенный, но постоянный и чистый;
Что не было видовъ, что не было изды, для которыхъ
Душой торговалъ я; что, бывши не разъ искушаемъ
Могуществомъ гордымъ, изъ опытовъ вышелъ я чистымъ;
Что жертвъ не куривъ, возжигаемыхъ идоламъ міра,
Ни словомъ однимъ я безсмертной души не унизилъ.
Но ежели Дружба найдетъ въ моихъ пѣсняхъ нестройныхъ
Хоть слово для сердца, хотъ стихъ, согрѣваемый чувствомъ;

Но ежели въ сихъ безыскусственныхъ звукахъ досуга
Услышитъ тотъ голосъ, сердечный языкъ тотъ всемірный,
Какимъ говоритъ къ намъ безсмертная матерь—Природа,
Быть можетъ, стихи мои, васъ я сберегъ не къ забвенью.

ОБЩЕЖИТІЕ.

(1804 г.)

Reveille-toi, mortel, deviens utile au monde,
Sors de l'indifférence, où languissent tes jours.
Thomas.

Неужели въ этотъ міръ родится человѣкъ,
Съ звѣрями дикими въ лѣсахъ чтобы скитаться?
Или въ бездѣйствіи, во снѣ провесть свой вѣкъ,
Не знать подобныхъ—и ничѣмъ не наслаждаться;
Какъ-будто въ пустотѣ ужасной—въ мірѣ жить,
И прежде смерти мертвымъ быть?
Посмотримъ вкругъ себя,—мы взглянемъ на вселенну,
Какая связь въ вещахъ! На что ни кину взоръ,
И оку изумленному
Громада вся—одинъ чудесный кажетъ хоръ!
И то, что тамъ,—вверху, и тамъ,—подъ нижнимъ кругомъ,
И что во всѣхъ моряхъ,
Въ лѣсахъ и на горахъ,
Все въ цѣпь одну плететъ, все вяжетъ друга съ другомъ
Тотъ Разумъ, что сей шаръ и небо утвердилъ,
Атома съ существомъ премудро съединилъ.

* * *

О ты, надъ тварями, надъ всѣмъ здѣсь вознесенный,
Понятьемъ, разумомъ, безсмертною душой,
Проснися, человѣкъ,—проснися, ослѣпленный,
И цѣпи общія не разрывай собой!
Ты мнишь, что вброшенъ въ міръ безъ цѣли неизвѣстной,
Чтобъ ты въ немъ только жилъ,
И зрителей число умножилъ поднебесной;
Взгляни на этотъ міръ!
Противному совсѣмъ и звѣри научаютъ,
И звѣри въ немъ живутъ не для себя самихъ;
Трудятся и они,—птенцовъ они питаютъ,
Птенцы же, подростя, трудятся и для нихъ.

Зачѣмъ, ты говоришь, мнѣ для другихъ трудиться?
Какая нужда до людей?
Трудися только всякъ для пользы лишь своей,
А пріобрѣвъ трудомъ, не худо насладиться.
Ты наслаждаешься,—а тысяча сиротъ
Страдаютъ тамъ отъ глада;
Вдовицы, старики подлѣ твоихъ воротъ
Стоятъ—и падаютъ, замерзнувши отъ хлада.
Ты спишь—злодѣй ужъ цѣпь, цвѣтами всю увивъ,
На гражданъ наложилъ, отечество терзаетъ;
Сыны отечества, цѣпей не возлюбивъ,
Расторгнуть ихъ хотятъ,—вопль слухъ мой поражаетъ!
Какой ужасный стонъ!
Не слышишь ты его—прерви, прерви свой сонъ!
Несчастный, пробудись,
Взгляни на согражданъ, тамъ легшихъ за тебя,
Взгляни на ихъ вдовицъ, дѣтей—и ужаснись,
Взглянувши на себя!
Ихъ вдовы стонутъ тамъ, ихъ дѣти мрутъ отъ глада,
Страшись и трепещи, чтобъ тѣни ихъ стеня,
Подобно фуріямъ, явившимся изъ ада,
Въ погибели своей тебя, тебя виня,
Не стали-бъ день и ночь рыдать передъ тобою...

* *
*

Отечество, какъ ты еще младенецъ былъ,
Подобно матери, обвило пеленою,
Чтобъ въ нѣдрахъ ты его златые дни вкусилъ,
А ты за это все и малую заботу
Считаешь глупостью—лишь у окна сидишь
И тѣшишь своея души ты тѣмъ охоту,
Что на людей глядишь.
Сидишь,—неужели сидѣть въ сей міръ родился?
Все, все гласитъ тебѣ, чтобъ для другихъ трудился.
„Трудиться?—говорятъ,—мнѣ жертвовать собою,
„Завистникамъ, льстецамъ,
„Живущимъ подлостью одною,
„Мнѣ жертвовать сердцамъ,
„Что, злобою кипя, тѣхъ самыхъ умерщвляютъ,
„Которые и ихъ питаютъ?
„Хочу трудиться я, а змѣи ужъ шипятъ,
„Тружусь—труды мои къ добру людей клонятся,

„Но люди за добро одно лишь зло творятъ.
„Такъ лучше буду я въ лѣсахъ съ звѣрьми скитаться".

* * *

Итакъ, людей пороки,
О, мудрый человѣкъ,
Отъ общества тебя женутъ въ лѣса глубоки?
Отъ злыхъ и съ добрыми ты связь совсѣмъ пресѣкъ?
Но радостей отца, но удовольствій друга
Не хочешь чувствовать и съ добрыми дѣлить?
Лапландца хладнаго въ лачугѣ ждетъ супруга,
Желаетъ бѣдный финъ любить, любиму быть;
Взгляни, какъ камчадалъ, убѣленный лѣтами,
Лелѣетъ внука и сжимаетъ у персей,
Любуется, какъ внукъ шалитъ его косами, —
Взгляни, и сердце ты холодно разогрѣй!
Скажи мнѣ, что бъ было съ невинными овцами,
Когда бы пастухи, лишь волкъ глаза явилъ,
Оставили овецъ и скрылись за кустами?
Ахъ! всѣхъ овецъ тогда тотъ волкъ бы задавилъ.
И ты, когда законъ ногами попираютъ,
Болваномъ золотымъ курятъ всѣ ѳиміамъ,
Достойныхъ же вѣнцовъ—всѣхъ пылью засыпаютъ;
Ты долженъ ли тогда скитаться по лѣсамъ?
Ахъ, нѣтъ! но о добрѣ всеобщемъ лишь радѣя,
Всѣмъ другомъ истиннымъ себя ты окажи,
Гнетущу руку ты останови злодѣя
И, что гнетомый правъ—ты свѣту покажи,
Неблагодарныхъ обяжи!
Добро твори для всѣхъ глупцовъ, льстецовъ, коварныхъ,
А злость ихъ каменныхъ сердецъ
И плата низкая ихъ душъ неблагодарныхъ —
Ярчѣе золотятъ лишь для тебя вѣнецъ.
И, ахъ! какой еще желать тебѣ награды?
Невинный и убогъ
Узрѣли чрезъ тебя блестящій лучъ отрады,
А это—видитъ Богъ.
Священный долгъ намъ есть—для блага всѣхъ трудиться:
Какъ безъ подпоръ нельзя и винограду виться,
Такъ мы безъ помощи другихъ не проживемъ;
Тотъ силу отъ подпоръ—мы отъ людей беремъ.

Всѣмъ вмѣстѣ должно жить, всѣмъ вмѣстѣ намъ трудиться,
Гнушаться зломъ—добро любить;
И радость изъ одной всѣмъ чаши пить—
Вотъ цѣль, съ какою всякъ изъ насъ въ сей міръ родится.

ПЕРУАНЕЦЪ КЪ ИСПАНЦУ.

(1805 г.)

Рушитель милой мнѣ отчизны и свободы,
О ты, что, посмѣясь святымъ правамъ природы,
Злодѣйствъ неслыханныхъ землѣ примѣръ явилъ,
Всего священнаго навѣкъ меня лишилъ!
Доколѣ, въ варварствахъ не зная истощенья,
Ты будешь вымышлять мнѣ новыя мученья,
Властитель и тиранъ моихъ плачевныхъ дней?
Кто право далъ тебѣ надъ жизнію моей?
Законъ? какой законъ? Одной рукой природы
Ты сотворенъ и я, и всей земли народы.
Но ты сильнѣй меня; а я—за то-ль, что слабъ,
За то-ль, что черенъ я—и долженъ быть твой рабъ?
Погибни же сей міръ, въ которомъ безпрестанно
Невинность попрана, злодѣйство увѣнчанно;
Гдѣ слабость есть порокъ, а сила—всѣ права!
Гдѣ посѣдѣвшая въ злодѣйствахъ голова
Безсильнаго гнететъ, невинность поражаетъ
И кровь ихъ на себѣ порфирой прикрываетъ!
Итакъ, законъ тебѣ насъ мучить право далъ?
Почто же у меня онъ всѣ права отнялъ?
Почто же сей законъ, тираново желанье,
Ему даетъ и власть, и мечъ на злодѣянье,
Меня-жъ неволитъ онъ себя переродить,
И, что я человѣкъ, велитъ мнѣ то забыть?—
Иль смыслишь ты, злодѣй, составъ мой изнуряя,
Главу мою къ землѣ мученьями склоняя,
Что будутъ чувствія во мнѣ умерщвлены?
Ахъ, нѣтъ,—тираны лишь одни ихъ лишены!..
Хоть живъ на снѣдь звѣрей тобою я проструся,
Что равенъ я тебѣ... Я равенъ? нѣтъ, стыжуся,
Когда съ тобой, злодѣй, хочу себя сравнить,
И ужасаюся тебѣ подобнымъ быть!

Я дикій человѣкъ и простотой несчастный;
Ты просвѣщенъ умомъ, а сердцемъ тигръ ужасный.
Моря и земли рокъ тебѣ во власть вручилъ;
А мнѣ онъ уголокъ въ пустыняхъ удѣлилъ,
Гдѣ, въ простотѣ души, пороковъ я не зная,
Любилъ жену, дѣтей, и больше не желая,
Въ свободѣ и любви я счастье находилъ.
Ужели симъ въ тебѣ я зависть возбудилъ?
И ты, толпой рабовъ и громомъ окруженный,
Не прямо, какъ герой,—какъ хищникъ въ ночь презрѣнный,
На безоруженныхъ, на спящихъ насъ напалъ.
Не славы побѣдить, ты злата лишь алкалъ;
Но страсть грабителя личиной покрывая,
Лилъ кровь, намъ своего ты бога прославляя;
Лилъ кровь, и какъ въ зубахъ твоихъ свирѣпыхъ псовъ
Трупъ Инки трепеталъ,—на грудахъ череповъ
Ликъ бога твоего съ мечемъ ты водружаешь,
И ликъ сей кровію невинныхъ окропляешь.
Но что? и кровью ты свирѣпствъ не утолилъ;
Ты адъ на свѣтѣ семъ для насъ соорудилъ,
И, адскими меня трудами изнуряя,
Желаешь, чтобы я страдалъ не умирая.
Коль хочетъ богъ сего, немилосердъ твой богъ!
Свирѣпъ онъ, какъ и ты, когда желать возмогъ
Окровавленною, насильственной рукою
Отечества, дѣтей, свободы и покою,
Всего на свѣтѣ семъ за то меня лишить,
Что бога моего я не могу забыть,
Который, насъ создавъ, и грѣетъ, и питаетъ [1])
И мой унылый духъ на месть одушевляетъ!..

Такъ, варваръ, ты всего лишить меня возмогъ;
Но права мстить тебѣ, ни ты, ни самъ твой богъ,
Хоть громомъ вы себя небеснымъ окружите,
Пока я движуся—меня вы не лишите.
Такъ, въ правомъ мщеніи тебя я превзойду,
До самой подлости, коль нужно, низойду;
Ядъ въ помощь призову, и хитрость, и коварство,
Пройду все мрачное смертей ужасныхъ царство,

---

[1]) Перуанцы боготворили Солнцѣ.

И жесточайшую изъ оныхъ изберу,
Да ею грудь твою злодѣйску раздеру!
Но, можетъ быть, при мнѣ тотъ грозный часъ свершится,
Какъ братій всѣхъ моихъ страданье отомстится.
Такъ, нѣкогда придетъ тотъ вожделѣнный часъ.
Какъ въ сердцѣ каждаго раздастся мести гласъ;
Когда рабы твои, тобою угнетены,
Узря представшія минуты вожделѣнны,
На все отважатся, рѣшатся предпринять
Съ твоею жизнію неволю ихъ скончать.
И не толпы рабовъ, насильствомъ ополченныхъ,
Или наемниковъ, корыстью возбужденныхъ,
Но сонмы грозные увидишь ты мужей,
Вспылавшихъ мщеніемъ за бремя ихъ цѣпей.
Видалъ ли тигра ты, горящаго отъ гладу,
И сокрушившаго желѣзную заграду?
Меня увидишь ты! Сей самою рукой,
Которой рабства цѣпь влачу въ неволѣ злой,
Я знамя вольности развѣю предъ друзьями;
Сражусь съ твоими я крылатыми громами,
По грудамъ мертвыхъ тѣлъ къ тебѣ я притеку
И изъ души твоей свободу извлеку!
Тогда твой каждый рабъ, нашъ каждый гнѣвный воинъ,
Попретъ тебя пятой—ты гроба недостоинъ!
Твой трупъ въ дремучій лѣсъ, во глубину пещеръ,
Рыкая, будетъ влечь плотоядущій звѣрь;
Иль на пескѣ простертъ, предъ солнцемъ онъ истлѣетъ,
И прахъ, твой гнусный прахъ, вѣтръ по полю развѣетъ.
Но что я здѣсь вѣщалъ во слѣпотѣ моей?..
Я слышу стонъ жены и плачъ моихъ дѣтей:
Они въ цѣпяхъ... а я о вольности мечтаю!..
О, братія мои, и вашъ я стонъ внимаю!
Гремятъ желѣза ихъ, влачась отъ выи и рукъ;
Главы преклонены подъ игомъ рабскихъ мукъ.
Что вижу?.. очи ихъ, какъ огнь во тьмѣ, сверкаютъ;
Они въ безмолвіи другъ на друга взираютъ...
А! се языкъ ихъ душъ, предвѣстникъ тѣхъ часовъ,
Когда должна потечь тирановъ нашихъ кровь!

ГЛАСЪ БЛАГОДАРНОСТИ.

Я—ву и Р—ву.

(1805 г.)

Долго ль будешь, рокъ суровый,
Дни весны моей мрачить,
И на сей ты годъ мой новый
Хочешь тучи наводить?
Гдѣ, въ какихъ сердцахъ найду я
Противъ этихъ тучъ отводъ,
Или мнѣ, опять горюя,
Провлачить и этотъ годъ,
Здѣсь—далеко на *чужинѣ*
Отъ родныхъ, друзей моихъ?
Бѣдняку и сиротинѣ
Не найти вовѣки ихъ!
Люди есть и здѣсь, конечно,—
Кто Лукулловъ всѣхъ сочтетъ!—
Но бѣднякъ межъ ними вѣчно
Человѣка не найдетъ.
Знать, подъ чуждымъ небосклономъ
Поле жизни я пройду,
И считая дни лишь стономъ,
Здѣсь въ могилу упаду.
Такъ я думалъ предъ началомъ
Блѣдна вечера съ собой,
Геній кроткій вдругъ съ фіаломъ
И съ оливой сталъ предъ мной.
Вѣстникъ неба, вѣстникъ мирный,—
Я въ восторгѣ возгласилъ,—
Если ты съ страны эѳирной
Посланъ, чтобы мнѣ открылъ
Будущу мою судьбину;
Послѣ мрачныхъ, грозныхъ тучъ,
Указалъ чтобъ мнѣ долину,
Гдѣ блистаетъ солнца лучъ,—
Пусть подымется завѣса,
Пусть надежды лучъ мелькнетъ;
Если жъ я узрю съ утеса
Пропасть, дна которой нѣтъ?..

Если страннику несчастну,
Въ знойный день—среди песковъ,
Ты снизшелъ сказать вѣсть страшну,
То хоть жажда жжетъ въ немъ кровь,
Не сыскать ему здѣсь тѣни
И воды тутъ не найтить,
Оживить чтобъ томны члены,
Чтобъ языкъ хоть омочить!
Нѣтъ—пускай, пускай не знаетъ
Странникъ рока своего,
Пусть надежда прохлаждаетъ
Кровь кипящую его;
Пусть взоръ странника несчастна
Покрываетъ мракъ густой,
Жизнь намъ тягостна, ужасна...
Какъ простимся мы съ мечтой!
Тутъ небесный вѣстникъ мира
Вдругъ слова мои прервалъ
И мнѣ голосомъ зефира
Вѣсть такую прошепталъ:
„Въ роковомъ твоемъ фіалѣ
Желчь изсохнетъ съ годомъ симъ,
При самомъ его началѣ
Ты подъ небомъ ужъ другимъ
По пути мірскомъ пойдешь,
Гдѣ, хоть встрѣтишь подъ ногою
Тернъ, слезу хоть и прольешь,
Но состраждущихъ рукою
Та осушится слеза;
Такъ царя планетъ лучами
Осушается роса,
Но не мни межъ богачами
Обрѣсти ты рукъ такихъ,
Нѣтъ—они не сострадаютъ,
Они чувствовать не знаютъ.
Имъ невнятенъ стонъ другихъ;
Ихъ добро—есть видъ корысти
Или гордости одной;
Нѣтъ—не къ воплямъ, но лишь къ лести
Слухъ они склоняютъ свой.
На то мѣсто, гдѣ родился,
Въ этомъ годѣ ты взглянешь,

На томъ холмѣ, гдѣ рѣзвился,
Въ этомъ годѣ отдохнешь;
Узришь, узришь свою хату
И повѣсишь посохъ въ ней,
Хату малу, но богату
Любящей тебя родней,
И помиришься съ судьбиной,
Въ ней забывъ бѣды свои".
О, восторгъ! и кто жъ причиной?
Это вы, друзья мои!
Вы съ судьбой меня мирите,
Коею гонимъ я былъ,
Вы мнѣ ясны дни дарите!
Чѣмъ я—чѣмъ я заслужилъ?..
Нѣтъ, ничѣмъ—вы лишь склонили
Слухъ свой къ стону моему;
И добро, добро творите,
Внявъ лишь сердцу своему;
Только стонъ уединенный
Моей арфы къ вамъ дошелъ,
И я, рокомъ удрученный,
Въ васъ друзей себѣ нашелъ.
Гдѣ же кисть, чтобъ изразила
Благодарный жаръ въ чертахъ,
Гдѣ та арфа, чтобъ излила
Жаръ сердечный на струнахъ?..
Чтобъ сказали—какъ умѣю
Это чувствовать въ груди,
И это чувство... я нѣмѣю...
Ты, слеза, катись—пади!
Такъ—она пускай докажетъ,
Что я сердцемъ къ вамъ писалъ,
Пусть, друзья, она доскажетъ
То, чего я не сказалъ.

НА ГРОБѢ МАТЕРИ.

(1805 г.)

Отъ колыбели я остался
Въ печальномъ мірѣ сиротой;

На утрѣ дней моихъ разстался,
О, мать безцѣнная, съ тобой!
И посохъ странника бросаю
Я въ первый разъ въ углу родномъ;
И въ первый разъ я посѣщаю
Твой тѣсный, безысходный домъ!
И землю въ трепетѣ лобзая
Святую сердцу моему,
Скажу впервое: тѣнь святая,
Миръ вѣчный праху твоему!
Какъ черный крестъ твой наклонился
Къ холму, поросшему травой!
Надгробный камень весь покрылся
Пескомъ и мшистой муравой,
И холмъ съ землею поравняло!
Увы! онъ скоро-бъ былъ забытъ;
Мнѣ скоро-бъ неизвѣстно стало
И мѣсто, гдѣ твой прахъ сокрытъ!
И, сынъ печальный, я бы тщетно
Могилы матери искалъ;
Ее прошелъ бы неприметно
И, можетъ быть, ногой попралъ!..
Прости! —оставленный тобою,
Я отъ пеленъ усыновленъ
Суровой мачихой—судьбою.
Она, отъ берега мой челнъ
Толкнувъ, гнала его жестоко
Между бушующихъ зыбей
И занесла меня далеко
Отъ тихой родины моей.
И лишь теперь волной счастливой
Къ брегамъ роднымъ я принесенъ;
Любовью сирою, тоскливой
Къ твоей могилѣ приведенъ.
На гробъ не кипариса лозы,
Но лучшій даръ мнѣ отъ Творца—
Я пѣсни приношу и слезы,
Богатство скромное пѣвца.
Увы! когда ты испускала
Изъ устъ послѣдній жизни вздохъ,
Но взоръ еще на насъ кидала,—
Я траты чувствовать не могъ.

СКОРОТЕЧНОСТЬ ЮНОСТИ.

(1806 г.)

Фіалка на зарѣ блистала;
Предъ солнцемъ красовался цвѣтъ;
Но въ полдень съ стебелька упала,
И къ вечеру фіалки нѣтъ!

Печальный образъ!.. Такъ умчится
И юность рѣзвая отъ насъ.
Блаженъ, кто жизнью насладится
Въ ея быстропролетный часъ!

Моя ужъ юность отцвѣтаетъ;
Златое время протекло!
Уже печаль мнѣ духъ стѣсняетъ,
Задумчивость мрачитъ чело.

Приходитъ старость, и отгонитъ
Послѣдніе часы утѣхъ;
Болѣзнями хребетъ мой склонитъ,
На голову посыплетъ снѣгъ.

Тоска, мрача мой вѣкъ постылый,
Падетъ на сердце, какъ гора;
Застынетъ кровь въ груди унылой,
И смерть воскликнетъ мнѣ: пора!..

О, холмъ, гдѣ лиру въ дѣтствѣ строя,
Съ цѣвницей селъ я соглашалъ,
Ты будь одромъ мнѣ вѣчнаго покоя!
Сего, какъ счастья, я желалъ:

Всегда желалъ, чтобъ край священный,
Гдѣ кости спятъ отцовъ моихъ,
Близъ нихъ спокоилъ прахъ мой тлѣнный
Въ своихъ объятіяхъ родныхъ;

Чтобъ тамъ безмолвная могила
Возвысилася надо мной,
И только-бъ съ вѣтромъ говорила
Своей высокою травой.

А ты, для коей я вселенну
Любилъ и жизнь хотѣлъ влачить,

Сестра! когда ты грудь стѣсненну
Захочешь плачемъ облегчить;

Когда печали къ услажденью,
Придешь на гробъ мой, при лунѣ
Бесѣдовать съ моею тѣнью,
Часовъ полночныхъ въ тишинѣ:

Мою забвенную цѣвницу
Вспомни, принеси съ собой;
Чтобъ отличить пѣвца гробницу,
Повѣсь подъ дубомъ надо мной.

Она въ полночный часъ, унылой,
Тебѣ пѣвца напомянетъ;
Со стономъ вѣтра надъ могилой
И свой надгробный стонъ сольетъ.—

Но если, бурей роковою
Въ страны чужія занесенъ,
Покроюсь я землей чужою,
Рукой наемной погребенъ:

Не усладитъ и вздохъ единый
Тамъ тѣни горестной моей,
И мой надгробный холмъ, пустынный,
Лишь будетъ сходбищемъ звѣрей.

Въ ночи надъ нимъ сова завоетъ,
Возсѣвъ на преклоненный крестъ;
И сердце путника заноетъ,
Онъ убѣжитъ отъ скорбныхъ мѣстъ.

Но, можетъ быть, надъ нимъ стеная,
Гласъ томный горлица прольетъ
И, пѣснью путника плѣняя,
Къ моей могилѣ привлечетъ:

Быть можетъ, путникъ—сынъ печали,
И сядетъ на могилу онъ,
И склонится на мигъ, усталый,
Въ задумчивый и сладкій сонъ;

Настроя духъ свой умиленный
Къ мечтамъ, и ими пробужденъ,

Онъ молвитъ, крестъ обнявъ склоненный:
„Здѣсь вѣрно добрый погребенъ!“

Быть можетъ... Что-жъ мой духъ томится?
Пускай хоть съ чуждою землей,
Хотя съ родною прахъ смѣсится;
Узрю я вновь моихъ друзей!

КЪ К. Н. БАТЮШКОВУ.

(1807 г.)

Когда придешь въ мою ты хату,
Гдѣ бѣдность въ простотѣ живетъ?
Когда поклонишься Пенату,
Который дни мои блюдетъ?

Приди, раздѣлимъ снѣдь убогу,
Сердца виномъ воспламенимъ,
И вмѣстѣ пѣснопѣнья богу
Часы досуга посвятимъ;

А вечеръ, скучный долготою,
Въ веселыхъ сократимъ мечтахъ;
Надъ всей подлунною страною
Мечты промчимся на крылахъ.

Туда, туда, въ тотъ край счастливый,
Въ тѣ земли солнца полетимъ,
Гдѣ Рима прахъ краснорѣчивый,
Иль градъ святой, Ерусалимъ.

Узримъ средь дикой Палестины
За Божій гробъ святую рать,
Гдѣ цвѣтъ Европы, Паладины
Летѣли въ битвахъ умирать.

Пѣвецъ ихъ, Тассъ, тебѣ любезный,
Съ кѣмъ твой давно сроднился духъ,
Сладкорѣчивый, гордый, нѣжный,
Нашъ очаруетъ взоръ и слухъ.

Иль мой пѣвецъ—царь пѣснопѣній,
Неумирающій Омиръ,

Среди безчисленныхъ видѣній
Откроетъ намъ весь древній міръ.

О, пѣснь волшебная Омира
Насъ въ мигъ перенесетъ, пѣвцовъ,
Въ край героическаго міра
И поэтическихъ боговъ:

Зевеса, мечущаго громы,
И всѣхъ безсмертныхъ вкругъ Отца,
Пиры ихъ свѣтлые и домы
Увидимъ въ пѣсняхъ мы Слѣпца.

Иль посѣтимъ Морвенъ Фингаловъ,
Ту Сельму, домъ его отцовъ,
Гдѣ на пирахъ сто арфъ звучало
И пламенѣло сто дубовъ;

Но гдѣ давно лишь вѣтеръ ночи
Съ пустынной шепчется травой,
И только звѣздъ безсмертныхъ очи
Тамъ свѣтятъ съ блѣдною луной.

Тамъ Оссіанъ теперь мечтаетъ
О битвахъ и дѣлахъ былыхъ
И лирой тѣни вызываетъ
Могучихъ праотцовъ своихъ.

И вотъ, Тренморъ, отецъ героевъ,
Чертогъ воздушный растворивъ,
Летитъ на тучахъ съ сонмомъ воевъ,
Къ пѣвцу и взоръ, и слухъ склонивъ.

За нимъ тѣнь легкая Мальвины,
Съ златою арфою въ рукахъ,
Обнявшись съ тѣнію Моины,
Плывутъ на легкихъ облакахъ.—

Но, другъ, возможно ли словами
Пересказать иль описать,
О чемъ случается съ друзьями
Подъ часъ веселый помечтать?

Счастливъ, счастливъ еще несчастный,
Съ которымъ хоть мечта живетъ:

Въ дняхъ сумрачныхъ день сердцу ясный
Онъ хоть въ мечтаніяхъ найдетъ.

Жизнь наша есть мечтанье тѣни;
Нѣтъ сущихъ благъ въ земныхъ странахъ.
Приди-жъ подъ кровомъ дружней сѣни
Повеселиться хоть въ мечтахъ.

СЕМЕНОВОЙ,

ПРИ ПОСЫЛКѢ ЕЙ ЭКЗЕМПЛЯРА ТРАГЕДІИ: „ЛЕАРЪ".

(1808 г.)

Прими, Корделія, Леара своего:
Онъ твой, твои дары украсили его.—
Какъ арфа золотая,
Подъ вдохновенною рукою оживая,
Плѣняетъ насъ, разитъ гармоніей своей:
Равно душа твоя, страстями наполняясь,
Такъ быстро въ видахъ ихъ и звукахъ измѣняясь,
Мертвитъ насъ и живитъ огнемъ игры твоей!
. . . . . .
Могущество даровъ и прелестей твоихъ
Обезоружило и критиковъ моихъ:
Когда волшебствомъ ты искусства
То раздирала намъ, то умиляла чувства,
Какъ слезы, вѣстники довольныхъ душъ, текли;
Сатира блѣдная вдали
Въ смущеньѣ на тебя, въ безмолвіи взирала,
Невольную слезу, закрывшись, отирала.—
Свершай путь начатый,—онъ труденъ, но почтенъ;
Дается свыше даръ, и всякій даръ священъ!
Но ихъ Природа намъ не втунѣ посылаетъ;
Природа даръ даетъ, а трудъ усовершаетъ;
Цѣни его и уважай,
Искусствомъ, опытомъ, трудомъ обогащай,
И шествуй гордо въ путь, въ прекрасный путь—за славой!
Пусть Зависть мрачная вслѣдъ за тобой ползетъ
И дышетъ на талантъ безсильною отравой;
Или пусть съ тобою въ споръ, безстыдная, дерзнетъ:
Ей съ шумомъ пасть подъ собственнымъ позоромъ!

Лишь ты спокойна будь; и гордо-яснымъ взоромъ
И свѣтлаго чела спокойствіемъ однимъ
Ты, какъ стрѣлами Аполлона,
Пронзишь исчадіе нелѣпаго Тифона!
Почтеннымъ торжествомъ такимъ
Убьешь всѣ козни ты и ревность дерзновенныхъ,
Съ тобой идти путемъ однимъ,
Соперницъ и враговъ надменныхъ.

Но какъ прекрасно, какъ возвышенно сказать:
„Враговъ я не имѣю;
Соперницъ—я люблю, или о нихъ жалѣю;
Хочу и въ славѣ ихъ участье принимать;
Одни искусства насъ связали:
Хочу я раздѣлять ихъ радость и печали".
Счастливъ такъ мыслящій! Онъ миръ въ душѣ хранитъ,
А Зависть мрачная у ногъ его лежитъ.
Такъ дубы на холмахъ, соединясь корнями,
Спокойные растутъ, одинъ другимъ крѣпясь;
И въ адъ стопами ихъ упрясь,
Касаются небесъ ихъ гордыми главами;
Колеблясь бурею дебелые ихъ пни,
Ни подъ перунами не падаютъ они,
Живутъ одинъ другимъ, смѣяся надъ громами;
Но между тѣмъ, подъ ихъ широкими тѣнями,
Во прахѣ видятъ подлыхъ змѣй,
Гдѣ часто бой онѣ со свистомъ начинаютъ
И черной кровію своей
Ихъ корни обагряютъ.

ЗАДУМЧИВОСТЬ.

(1809 г.)

Страшна, о, Задумчивость, твоя власть надъ душою,
Унынія мрачнаго блѣдная мать!
Одни ли несчастные знакомы съ тобою,
Что любишь ты кровы лишь ихъ посѣщать?
Или тебѣ счастливыхъ невступны чертоги?
Иль вѣчно врата къ нимъ златыя стрегутъ
Утѣхи—жилищъ ихъ блюстители-боги?—
Нѣтъ, твой не въ чертогахъ любимый пріютъ;

Тамъ нѣтъ ни безмолвія, ни думъ, ни вздыханій.
Хоть есть у счастливцевъ дни слезъ и скорбей:
Ихъ стоны не слышимы при шумѣ ласканій,
Ихъ слезы не горьки на персяхъ друзей.
Бѣжишь ты ихъ шумныхъ чертоговъ блестящихъ;
Тебя твое мрачное сердце стремитъ
Туда, гдѣ безмолвная обитель скорбящихъ,
Иль гдѣ одинокій страдалецъ груститъ.
Увы! не на радость приходишь ты къ грустнымъ,
Какъ другъ ихъ, любезная сердцу Мечта:
Витаетъ она по дубравамъ безмолвнымъ;
Равно ей пустынныя милы мѣста,
Гдѣ въ думахъ таинственныхъ часто мечтаетъ,
И, дочерь печали, груститъ и она;
Но взоръ ея томный отрадой сіяетъ,
Какъ ночью осенней въ туманѣ луна;
И грусть ея сладостна, и слезы пріятны,
И образъ унылый любезенъ очамъ;
Минуты бесѣдъ ея несчастнымъ отрадны,
И сердцу страдальца волшебный бальзамъ:
Улыбкой унылое чело озаряя,
Хоть блѣдной надеждой она ихъ живитъ,
И робкій въ грядущее взоръ устремляя,
Хоть призракомъ счастья несчастному льститъ. —
Но ты, о Задумчивость, тяжелой рукою
Обнявши сидящаго въ грусти нѣмой
И думы вкругъ черныя простря надъ главою,
Заводишь бесѣды съ его лишь тоской;
Не съ тѣмъ, чтобъ усталую грудь отъ вздыханій
Надежды отрадной лучемъ оживить;
Нѣтъ, призраки грозные грядущихъ страданій
Ему ты заботишься въ думахъ явить;
И смотришь, какъ грустнаго глава поникаетъ,
Какъ слезы струитъ онъ изъ томныхъ очей,
Которыя хладная земля пожираетъ.
Когда жъ изнуренный печалью своей,
На одръ онъ безрадостный, на одръ одинокій
Не въ сонъ, но въ забвенье страданій падетъ,
Когда въ его храмину, въ часъ ночи глубокой
Послѣдній другъ скорбныхъ, Надежда, придетъ
И съ лаской къ сиротскому одру приникаетъ,
Какъ нѣжная матерь надъ сыномъ стоитъ

И пѣсни волшебныя надъ нимъ воспѣваетъ,
Пока его въ тихихъ мечтахъ усыпитъ;
И въ мигъ сей послѣдняго душъ наслажденья,
И сна ты страдальцу вкусить не даешь:
Перстомъ, навождающимъ мечты и видѣнья,
Касаясь челу его, сонъ ты мятешь;
И духъ въ немъ, настроенный къ мечтаньямъ унылымъ,
Тревожишь, являя въ видѣньяхъ ночей
Иль бѣдствія жизни, иль ужасъ могилы,
Иль призраки блѣдные мертвыхъ друзей.
Онъ зритъ незабвеннаго, онъ гласъ его внемлетъ,
Онъ хочетъ обнять ему милый призракъ,
И одръ лишь холодный несчастный объемлетъ,
И въ храминѣ тихой находитъ лишъ мракъ!
Падетъ онъ, встревоженный и горько прельщенный;
Но сонъ ему болѣ не сводитъ очей.
Такъ дни начинаетъ онъ на грусть пробужденный,
Свой одръ одинокій бросая съ зарей:
Ни утро веселостью, ни вечеръ красами
Въ немъ сердца не радуютъ: мертвъ онъ душой;
При дѣвахъ ласкающихъ, въ бесѣдѣ съ друзьями —
Вездѣ, о Задумчивость, одинъ онъ съ тобой!

СНИГИРЬ.

(1809 г.)

Въ избѣ Пустынника Снигирь по волѣ жилъ:
По волѣ, то есть, могъ вылетывать изъ клѣтки,
Глядѣть въ окно сквозь сѣтки;
Но дѣло не о томъ: онъ страстно пѣть любилъ.
Пустынникъ самъ игралъ прекрасно на свирѣли
И, въ птицѣ видя страсть, онъ пѣть ее училъ
И подъ свирѣль свистать людскія трели.—
Снигирь ихъ перенялъ, и на голосъ людской
Свистя, какъ звонкая свирѣль, переливался.
Пустынникъ, на руку склоняясь головой,
Не разъ пѣвцомъ по часу любовался:
Снигирь мой счастливъ былъ!
Чего-бъ еще хотѣть въ такой счастливой части?

Пустынникъ Снигиря любилъ,
И самъ изъ рукъ его кормилъ.
Но мучатъ, знать, и птицъ враги покоя—страсти.—
Унылъ Снигирь и мало пѣлъ,
И часто пасмурный сидѣлъ
На клѣткѣ у окошка,
Въ которую его пустынникъ запиралъ
Лишь на ночь, чтобъ пѣвца не подхватила кошка.
И вотъ о чемъ Снигирь, случась одинъ, мечталъ:
„Къ чему мнѣ все ученье?
Кто слушаетъ мое здѣсь пѣнье?
Хозяинъ мой да котъ!
Для нихъ весь день дери я ротъ!
Что прибыли въ такой и волѣ?
Ахъ, если бы въ лѣсу я, въ полѣ,
Хоть разъ межъ птицами на ладъ людской запѣлъ,
Какого птичій родъ не слыхивалъ отъ вѣка,
Они-бъ, дивясь, почли, что слышатъ человѣка!
Меня-бъ и Соловей послушать прилетѣлъ.
Да что же?—я не запертъ въ клѣткѣ:
Но на окно, вѣдь, сѣть опущена.
Ахти! она
Никакъ разорвана?—
Такъ точно; вылечу, спою на ближней вѣткѣ“...
Сказалъ, вспорхнулъ, въ лѣсъ темный полетѣлъ
И, стаю рѣзвую увидѣвши пернатыхъ,
Онъ сѣлъ
Между пѣвицъ и пѣвуновъ крылатыхъ;
И, сѣвши, посвистомъ всю рощу огласилъ.
Пернатые вздрогнули.
Другъ на друга взглянули
И замолчали всѣ; а мой пѣвецъ, что силъ,
И громкой флейтою, и тихою цѣвницей
Свисталъ на ладъ людской предъ птичьею станицей.
„Да что это за новый ладъ?..“
Щегленокъ, Дроздъ и Чижъ заговорилъ съ Синицей:
„Онъ не чирикаетъ, онъ и свиститъ не птицей,
Поетъ, какъ человѣкъ—ну что это за складъ?
Избави Боже насъ отъ этакого тона!..“—
„Вотъ каркать бы умѣлъ“,
Сидѣвшая на пнѣ закаркала Ворона.
„Куда какой хитрецъ!“

Картавый засвисталъ Скворецъ,
„Поетъ какъ человѣкъ! Ты видно, братъ, ученый?..
Слыхали мы такихъ—прощай!
Тебѣ-ль ужъ былъ чета тотъ Попугай зеленый“...—
„Да, да, тебѣ-ль чета зеленый Попугай?“
Скворца Сорока перервала,
„Котораго въ дому господскомъ я видала;
Вѣдь какъ кричалъ—да я его перекричала.
А ты отколь? ты что поешь?“—„Поетъ онъ вздоръ!“
Весь разомъ закричалъ пернатыхъ мелкій хоръ.—
А мой пѣвецъ, оставя вѣтку,
Скорѣй домой, скорѣй на клѣтку
Вспорхнулъ и опустилъ головку подъ крыло.—
Не много времени прошло,
Какъ и Пустынникъ самъ явился:
Съ порога до лѣсу онъ бѣглеца слѣдилъ
И слышалъ, какъ надъ нимъ судъ птичій совершился.
„Товарищъ, онъ сказалъ, что такъ ты пріунылъ?“—
„Ахъ, дѣдушка! ахъ, гдѣ я былъ!
Зачѣмъ я пѣнію людскому научился!..“
„Не для того, мой другъ, чтобъ пѣніемъ людскимъ
Ты передъ птицами хвалился.
Тебѣ урокомъ симъ
Пусть опытъ истину полезную откроетъ:
Что и у насъ, людей,
Тотъ завсегда слыветъ умнѣй,
Съ волками кто по-волчьи воетъ“.

ДРУЖБА.

КЪ БАТЮШКОВУ.

(1810 г.)

Дни юности, быстро вы быстро промчались!
Исчезло блаженство, какъ призракъ во снѣ!
А прежнія скорби на сердцѣ остались;
Къ чему же и сердце оставлено мнѣ?

Для радостей свѣтлыхъ оно затворилось;
Ему измѣнила младая любовь!
Но если бы сердце и съ дружбой простилось,
Была бы и жизнь мнѣ даръ горькій боговъ!

Остался-бъ я въ мірѣ одинъ, какъ въ пустынѣ;
Одинъ бы всѣ скорби влачилъ я стеня;
Но вѣрная дружба даритъ мнѣ отнынѣ,
Что отняла, скрывшись, любовь у меня.

Священною дружбой я все замѣняю:
Она мнѣ опора подъ игомъ годовъ,
И спутница будетъ къ прощальному краю,
Куда насъ такъ рѣдко доводитъ любовь.

Какъ гордая сосна, листовъ не мѣняя,
Зеленая въ осень и въ зиму стоитъ,
Равно неизмѣнная дружба святая
До гроба живительный пламень хранитъ.

Укрась же, о дружба, мое пѣснопѣнье,
Простое, внушенное сердцемъ однимъ;
Мой голосъ, какъ жизни я кончу теченье,
Хоть въ памяти друга да будетъ храпимъ.

НА СМЕРТЬ ДАНИЛОВОЙ.

(1810 г.)

Амуры, Зефиры, утѣхъ и сиѣховъ боги,
И вы, текущія Киприды по слѣдамъ,
О Нимфы легконоги,
Разсѣянны въ поляхъ, по рощамъ и холмамъ,
И съ распущенными Хариты поясами,
Стекайтеся сюда плачевными толпами!
Царицы нашей нѣтъ! .
Вотъ ваше счастіе, веселіе и свѣтъ,
Смотрите—вотъ она безгласна, бездыханна,
Лежитъ недвижима, хладна,
И непробудная отъ рокового сна.

Данилова! ужели смерть нещадно
Коснулась твоего цвѣтущаго чела?
Ужель и ты прешла?..
Нѣтъ, не прешла она, не отнята богами
Отъ непризнательныхъ, безчувственныхъ людей.
Такъ, боги, возжелавъ ихъ мощь явить на ней,
Ущедрили ее небесными дарами:

Вдохнули въ видъ ея, во всѣ ея черты
Пріятность граціи, сильнѣйшу красоты;
Вліяли въ душу огнь, котораго бы сила
Краснѣе всѣхъ рѣчей безмолвно говорила;
Чтобъ въ дарѣ семъ она единственной была,
И смертныхъ бы очамъ изобразить могла
Искусство дивное, какимъ дѣвъ чистыхъ хоры
На звѣздныхъ небесахъ боговъ плѣняютъ взоры.
Но помраченному-ль невѣжествомъ уму
Плѣняться прелестью небесныхъ дарованій?
Нѣтъ, счастіе сіе лишь суждено тому,
Кто самъ дары пріялъ и свѣтъ обрѣлъ познаній;
А ты, Данилова, въ часъ жизни роковой,
Печальну истину, что болѣ между нами
Богатыхъ завистью, убогихъ же дарами,
Печальнымъ опытомъ познала надъ собой.
Едва на поприще со славой ты ступила,
И утро дней твоихъ, какъ ядомъ, отравила завистная вражда?
Отъ нашихъ взоровъ ты сокрылась, какъ звѣзда,
Котора, въ ясну ночь по небу пролетая
И взоры путниковъ сіяньемъ изумляя,
Во мракѣ исчезаетъ вдругъ
И въ думу скорбную ихъ погружаетъ духъ.
Кто вспомнитъ о тебѣ безъ слезнаго жалѣнья?
Богъ скупъ въ такихъ дарахъ
И шлетъ ихъ изрѣдка людей для украшенья.
Но что теперь въ слезахъ?..
Она ужъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни сокрушеній,
Ни злобы умысловъ, ни зависти гоненій;
Она въ хоръ чистыхъ дѣвъ къ Олимпу пренеслась
И въ вѣчну цѣпь любви съ Харитами сплелась.

КЪ БАТЮШКОВУ,

ПРИ ПОДАРКѢ ЕМУ БѢЛОЙ КНИГИ.

(1811 г.)

На память дружбы мнѣ любимецъ Аонидъ
Чернильницу даритъ,
Прекрасную, но безъ чернилъ, *пустую*.
О, даръ краснорѣчивъ!—Пускай же мой поэтъ

И отъ меня бумагу не простую,
Британскую, но *чистую* приметъ.
Квитаюсь искренно, и нельзя лучше сладить;
Другъ друга мы даримъ какъ *честные* друзья:
Писавъ стихи, чернилъ не долженъ тратить я;
А ты ихъ не писавъ, не долженъ время тратить.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

Musis amicus. Кн. I, од.

А. Н. О.

(1812 г.)

Питомецъ Піеридъ—и суеты, и горе
Я вѣтрамъ отдаю, да ихъ поглотитъ море!
И чуждъ мірскихъ цѣпей,
Въ моей свободной долѣ
Я не страшусь царей,
Дрожащихъ на престолѣ;
Но Дія чту, и Музъ, и Фебовыхъ жрецовъ.
О, веселящаясь на высотѣ холмовъ,
Или въ тѣни долинъ пространныхъ,
Гдѣ сребренный шумитъ потокъ,
Нарви цвѣтовъ благоуханныхъ
И свей, Піерида, достойному вѣнокъ.
Не звучень пѣсней гласъ тобой не вдохновенныхъ;
Коснися-жъ струнъ моихъ волшебной ты рукой
И мужа возвеличь безсмертною хвалой,
Достойнаго тебя и сестръ твоихъ священныхъ.

ДРУЖБА.

къ ***

(1813 г.)

Клянусь *любовію* на дружество съ тобой,
Когда безчувственной къ любви ты не была.—
Но, другъ мой, слишкомъ ты прелестна и мила,
Чтобъ не пылать къ тебѣ и дружбой, какъ любовью.

Ты ропщешь, и восторгъ находишь мой нескромнымъ?
Клянуся, какъ могу, въ душѣ его скрывать;
И буду я умѣть, не бывши вѣроломнымъ,
Прелестную, но гробъ, какъ друга обожать!

ДЛЯ РОЗОВАГО ПАВИЛЬОНА ВЪ ПАВЛОВСКѢ.

(1814 г.)

Какъ, Государыня, мнѣ дерзко такъ мечтать,
Чтобъ каждый разъ въ Твоей обители чудесной
На лирѣ, по Твоимъ лишь благостямъ извѣстной,
Твое священное мнѣ Имя воспѣвать?.. [1])
Но въ сей странѣ, Тобой благополучной,
Меня и эхо устыдитъ:
И эхо о Тебѣ здѣсь громче говоритъ,
Чѣмъ голосъ мой незвучный.

ОТВѢТЪ

НА ПОСЛАНІЕ ГР. Д. И. ХВОСТОВА, НАПЕЧАТАННОЕ 1810 ГОДА.

(1814 г.)

Мнѣ можно ли, Хвостовъ, любовью льститься Музъ?
Мнѣ можно ли вступать съ безсмертными въ союзъ,
Когда и смертныхъ дѣвъ плѣнить я не умѣю?
И дуренъ я, и хворъ, и денегъ не имѣю.
Но еслибъ я разцвѣлъ и къ чуду сталъ богатъ,—
Парнасскихъ дѣвъ дары земные не прельстятъ:
Онѣ—красавицы не нынѣшняго вѣка,
Онѣ всегда глядятъ на душу человѣка;
И если чистая души въ немъ глубина
Священнымъ отъ небесъ огнемъ озарена,
Коль духъ въ немъ пламенный, восторгомъ окрыленный,
И къ небу звѣздному паритъ неутомленный
И погружается безтрепетный во адъ,—
Сей смертный чистыхъ дѣвъ вездѣ преклонитъ взглядъ.

---

1) Императрица Марія Ѳеодоровна, при случайномъ проѣздѣ моемъ чрезъ Павловскъ, изволила спрашивать, оставлены ли мною какіе-либо стихи въ Розовомъ Павильонѣ.

И рыбарь, даромъ симъ ущедренный отъ неба,
У хладныхъ водъ Невы плѣнилъ и Музъ, и Феба.
Мнѣ, изволеніемъ всеправящихъ боговъ,
Не суждено въ удѣлъ сихъ выспреннихъ даровъ.
Мой духъ лишь воспаленъ любовію къ наукамъ,
Къ священной истинѣ, златыя лиры къ звукамъ;
И счастливъ, чувствуя волшебну сладость ихъ:
Они—отрада мнѣ въ прискорбныхъ дняхъ моихъ.
Восторженной душой при гласѣ лиръ священныхъ,
Живой я восхожу на пиръ боговъ блаженныхъ!
Хвалюсь симъ счастіемъ, но въ немъ весь мой удѣлъ,
И перейти его напрасно-бъ я хотѣлъ;
А кто, горя однимъ честолюбивымъ жаромъ,
Дерзаетъ, Фебовымъ его считая даромъ,
Идти поэтамъ вслѣдъ—стремится тотъ всегда
По славнымъ ихъ слѣдамъ искать себѣ стыда.
Но ты, о ревностный поклонникъ Аполлона,
Стремись, Хвостовъ, имъ вслѣдъ къ вершинамъ Геликона,
Куда нашъ Невскій Бардъ, Державинъ, какъ орелъ,
Чрезъ многотрудный путь столь быстро прелетѣлъ.—
Я-жъ, тихомолкомъ жизнь невѣдому свершая
И древняго пѣвца гласъ робко повторяя,
Ни славы не добьюсь, ни денегъ не сберу
И, вопреки тебѣ, съ стихами весь умру.
Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу быть мученикомъ славы,
И всѣ твои, Хвостовъ, совѣты какъ ни правы,
Слѣпому Плутусу я также не слуга [1]);
Давно онъ чести врагъ, а честь мнѣ дорога.
Нѣтъ, лучше темною пойду своей стезею,
Хоть съ сумкой за плечьми, но съ чистою душою.
Когда же Парки мнѣ прядутъ съ кострицей нить,
Ее терпѣніемъ я стану золотить,
И, злобный рокъ поправъ, безъ страха и безъ стона
Увижу дикій брегъ скупого Ахерона.
Дотолѣ-жъ объ одномъ молю моихъ Пенатъ:
Да въ свѣжести мой умъ и здравіе хранятъ,
И въ дни, какъ сердце мнѣ кровь хладная обляжетъ,
Какъ старость мрачная мои всѣ чувства свяжетъ,
Да боги мнѣ тогда велятъ оставить міръ,
Чтобъ болѣ я не жилъ безчувственъ къ гласу лиръ.

---

[1]) Въ посланіи сочинитель, шутя, предлагалъ мнѣ войти въ откупы.

ЕКАТЕРИНѢ ПАВЛОВНѢ,

КОРОЛЕВѢ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ,

ПРИ ВОСШЕСТВІИ ИХЪ КОРОЛЕВСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ НА ПРЕСТОЛЪ ВИРТЕМБЕРГСКІЙ.

(1816 г.)

Не долго, Сѣвера прекрасная звѣзда!
Не долго безъ лучей подъ небомъ ты скрывалась,
Куда тебя вела высокая чреда,
Чтобъ новая страна тобою осіялась.
Ты, озарившая божественнымъ челомъ
Высокій виртембергскій домъ!
Ведомая рукой супруга и героя,
Какого счастья и покоя,
Какихъ для всѣхъ надеждъ ты вѣстницей была,
Когда съ собою имъ несла
Величіе Петра и духъ Екатерины,
И Брата славнаго блистательность судьбины!—
И всѣ надежды тѣ свершились для людей:
На тронѣ юная Фелица!
О, ты давно была сердецъ и душъ царица
Умомъ и красотой, и благостью твоей!
И если къ Сѣверу благое Провидѣнье
Тебя похитило отъ отческой страны,
Конечно, равное его благоволенье
Склонили на себя Германіи сыны.
О, какъ я восхищенъ, ихъ счастье прорицая;
Провижу духомъ я сердецъ ихъ торжество!
И съ ними длань твою священную лобзая,
Въ тебѣ я и мое чту съ ними божество.

НА ФРАНЦУЗСКІЯ РЕВОЛЮЦІОННЫЯ ЗНАМЕНА

ВЪ КАЗАНСКОМЪ СОБОРѢ,

ИЗЪ КОТОРЫХЪ НА ОДНОМЪ ВИДНА НАДПИСЬ:

Qu'est ce que Dieu? [1])

(1816 г.)

Произнеси въ семъ храмѣ, нечестивый,
Что Божество!..

---

[1]) Оно стоитъ у главныхъ дверей, налѣво при входѣ, и отличается якобинскими колпаками, по угламъ нарисованными.

Здѣсь данъ тебѣ отвѣтъ краснорѣчивый:
Вотъ Богъ, вотъ судъ Его, вотъ Вѣры торжество!—

Титановъ новыхъ легіоны
Безбожіе столпивъ подъ знамена свои,
Войною грянуло на алтари, на троны,
На все святое на земли!—

Уже торжествовало;
И крестъ и скиптръ попрало въ прахъ,
И кровію царя на гордыхъ знаменахъ
Хулу на Бога начертало!
И кликъ ужасный: „Бога нѣтъ!“
Уже, какъ ада ревъ, смутилъ весь Божій свѣтъ...

И гдѣ Титановъ легіоны?
Гдѣ богоборныя, кровавыя знамены?—
Во храмѣ Вышняго Царя,
Какъ бы дрожащія передъ Его святыней,
Поникнули у прага алтаря,
Съ уничиженною безбожія гордыней!

КЪ ГЕНЕРАЛУ ЗАХАРЖЕВСКОМУ,

НАЧАЛЬНИКУ ЦАРСКАГО СЕЛА.

(1816 г.)

Безногій Марса другъ,
И на одной ногѣ отъ славы неотставшій!
За сердце доброе, за мужественный духъ
Любовь Царя-сподвижника снискавшій,
О, Захаржевскій, отдыхай
На лаврахъ съ миромъ и свободой!—
Подъ властію твоей земной Адамовъ рай;
Живи съ друзьями и природой;
И ежели до позднихъ дней
Ты хочешь сохранить миръ сердца нетревожнымъ,
Не слушая сужденія людей,
Слѣпцовъ, надутыхъ счастьемъ ложнымъ,
Гоняй ты чаще голубей [1]).

---

[1]) Онъ страстно любилъ голубей, и часто самъ ихъ гонялъ.

Р. И. СУХОЗАНЕТОВОЙ,

ПРИ ОТЪѢЗДѢ ЕЯ ИЗЪ С.-ПЕТЕРБУРГА.

(въ альбомъ, 1816 г.)

Въ далекой сторонѣ,
Когда случится вамъ въ мечтаньяхъ одинокихъ
Воспомнить о друзьяхъ далекихъ,
Воспомните и обо мнѣ,
Взглянувъ на эти строки,
О томъ, кто васъ,
Невидимыхъ и отдаленныхъ,
Увидитъ и не разъ,
Мечтой для сердца оживленныхъ.

ЧТО ЗНАЧИТЪ „ЛЮБИТЬ".

(изъясненіе для словаря, 1816 г.)

По цѣлымъ днямъ чего-то все желать,
Чего,—не понимая;
Зарадоваться вдругъ, и вслѣдъ затѣмъ—вздыхать,
О чемъ,—не очень зная;
Все утро проскучать и вечера хотѣть,
А вечеромъ объ утрѣ сожалѣть;
Страшить себя, когда надеждой можно льститься;
Надеждой льстить себѣ, какъ надобно страшиться;
Всѣмъ жертвовать и трепетать,
Не мало-ли еще пожертвовано было?
Терзаться тѣмъ, что прежде веселило;
Страдать и обожать страданія свои;
Вдругъ ненавидѣть ихъ, съ самимъ собой сражаться;
И вдругъ, забывъ страданія свои,
Въ мечты блаженства погружаться;
То робкимъ иногда, то слишкомъ дерзкимъ быть,
То подозрительнымъ, то очень легковѣрнымъ;
Всѣмъ вѣрить, и считать на свѣтѣ все невѣрнымъ;
Чужому все открыть, отъ дружбы все таить;
Соперникомъ считать невиннаго душою;
Короче: ночью сна, а днемъ не знать покою—
Вотъ смыслъ, но слабою наброшенный рукою,
Глагола страшнаго—*любить*;

Вотъ что испытывалъ (я знаю надъ собою),
Кто въ жизни разъ влюбленнымъ былъ,
И вотъ зачѣмъ никто два раза не любилъ.

ПЕРСТЕНЬ.

(1817 г.)

О перстень, часто на рукахъ
Увянувшей любви блестящая примѣта,
Или залогъ надеждъ, лелѣемыхъ въ сердцахъ,—
Что скажешь на рукѣ ты у меня, поэта!
Ни слова, никому, какъ дружбы знакъ простой.
Но, перстень золотой!
О милый даръ волшебницы, мнѣ милой!
Ей—выскажи ты все, тверди ей про меня,
И будь съ сего же дня
Мой талисманъ надъ ней съ неотразимой силой,
Но талисманъ лишь для меня.

КЪ *** ИЗВИНЕНІЕ.

(1818 г.)

Въ разлукѣ съ вами,
Когда вы предъ глазами
И чаще и живѣй,
Чѣмъ въ мигъ присутствія и даже разговора;
Когда я самъ, не потупляя взора,
Смѣлѣй на васъ гляжу, къ вамъ говорю смѣлѣй,
И болѣ въ мигъ, чѣмъ въ цѣлый день свиданья;
Въ такой я часъ,—о сладкій часъ мечтанья!—
Хотѣлъ въ альбомъ къ вамъ написать сонетъ,
Иль оду, иль кантатъ, иль просто—родъ посланья;
Но нѣтъ!
Что мнѣ о тетушкѣ душа моя шептала,
То, какъ *сударынь*, я могъ бы вамъ сказать;
Но что сударынѣ хотѣлъ поэтъ писать,
За то ты, *тетушка*, мнѣ дурака сказала.
Итакъ, подумалъ я, умнѣе замолчать,
Съ душой поэту не шептаться,
И скромникомъ-племянникомъ остаться;

Хоть истину связать,
Труда не мало въ этомъ:
Близъ васъ заговорилъ и *дядюшка* поэтомъ.

КЪ ПРОВИДѢНІЮ.

(1819 г.)

Предъ Богомъ милости я сердце обнажилъ:
Онъ призрѣлъ на мое крушенье;
Уврачевалъ мой духъ и сердце укрѣпилъ;
Несчастныхъ любитъ Провидѣнье.

Уже я слышалъ крикъ враждебныхъ мнѣ сердецъ:
Погибни онъ во мракѣ гроба!
Но милосердый Богъ воззвалъ мнѣ, какъ Отецъ:
„Хвала тебѣ—презрѣнныхъ злоба!

Друзья твои—льстецы; коварство—ихъ языкъ,
Обманъ невинности смиренной;
Тотъ, съ кѣмъ ты хлѣбъ дѣлилъ, бѣжитъ продать твой ликъ,
Его коварствомъ очерненный.

Но за тебя на нихъ возстановлю Я судъ
Необольстимаго потомства;
И на челѣ своемъ злодѣи не сотрутъ
Печати черной вѣроломства".

Я сердце чистое, какъ жертву для небесъ,
Хранилъ любви въ груди суровой;
И за годы тоски, страданія и слезъ
Я ждалъ любви, какъ жизни новой.

И что-жъ? Произнося обѣтъ ея святой,
Коварно въ грудь мнѣ ножъ вонзали;
И оттолкнувъ меня, убитаго тоской,
На гробъ съ улыбкой указали.

Увы! минутный гость я на земномъ пиру,
Испивши горькую отраву,
Уже главу склонялъ ко смертному одру,
Возненавидя жизнь и славу.

Уже въ послѣдній разъ привѣтствовать я мнилъ
Великолѣпную природу.

Хвала Тебѣ, мой Богъ! Ты жизнь мнѣ возвратилъ,
И сердцу гордость и свободу!

Спасительная длань, почій еще на мнѣ!
Страхъ тайный все еще со мною:
Отъ бури спасшійся пловецъ и по землѣ
Ступаетъ робкою стопою;

А я еще плыву, и бездны подо мной!
Быть можетъ, вновь гроза ихъ взроетъ:
Синѣющійся брегъ вновь затуманитъ мглой,
И свѣтъ звѣзды моей сокроетъ.

О Провидѣніе! ты, ты мой зыбкій челнъ
Спасало, бурями гонимый;
Не брось еще его, средь новыхъ жизни волнъ,
До пристани—уже мнѣ зримой.

КЪ ДРУГУ.

(1819 г.)

Когда кругомъ меня все мрачно, грозно было,
И разумъ предо мной свой факелъ угашалъ;
Когда надежды лучъ и блѣдной, и унылой
На путь сомнительный едва мнѣ свѣтъ бросалъ;

Въ ночь мрачную души, и въ тайной съ сердцемъ брани,
Какъ равнодушные безъ боя вспять бѣгутъ,
А духомъ слабые, какъ трепетныя лани,
Себя отчаянью слѣпому предаютъ;

Когда я вызванъ въ бой коварствомъ и судьбою,
И предало меня все въ жертву одного,—
Ты, ты мнѣ былъ тогда единственной звѣздою,
И не затмился ты для сердца моего.

О, будь благословенъ, отрадный лучъ, мнѣ вѣрный!
Какъ взоры ангела, меня онъ озарялъ;
И часто, отъ очей грозой закрытый черной,
Сквозь мраки сладкій свѣтъ мнѣ пламенно сіялъ!

Хранитель мой! я все въ твоемъ обрѣлъ покровѣ!
Скажи-жъ, умѣлъ-ли я, какъ мужъ, устоять въ битвѣ?

О, больше силы, другъ, въ твоемъ единомъ словѣ,
Чѣмъ свѣта цѣлаго въ презрительной молвѣ!

Ты покровительнымъ былъ древомъ надо мною,
Что, гибко зыбляся высокою главой,
Не сокрушается и зеленью густою
Широко стелется надъ урной гробовой.

Гроза шумѣла вкругъ, все небо бушевало;
Шаталось дерево до матераго пня;
Но, некрушимое, съ любовью покрывало
Вѣтвями влажными безкровнаго меня.

Пускай любовь обѣтъ священный попираетъ;
Измѣной дружество не очернитъ себя.
И если вѣрный другъ взоръ неба привлекаетъ,
То небо наградитъ, и перваго тебя!

Все измѣнило мнѣ,—ты устоялъ въ обѣтѣ.
О, если могъ твое я сердце сохранить,
Не все, еще не все я потерялъ на свѣтѣ;
Земля пустыней мнѣ еще не можетъ быть.

КЪ НЕМУ ЖЕ.

(1819 г.)

Когда изъ глубины души моей угрюмой,
Гдѣ грусть одна живетъ въ тоскѣ нѣмой,
Проступитъ мрачная на блѣдный образъ мой
И осѣнитъ чело мнѣ черной думой—
На сумрачный ты видъ мой не ропщи:
Мое страданіе свое жилище знаетъ;
Оно сойдетъ опять во глубину души,
Гдѣ, нераздѣльное, безмолвно обитаетъ.

ОСЕНЬ.

(1819 г.)

Дубравы пышныя, гдѣ ваше одѣянье?
Гдѣ ваши прелести, о холмы и поля,
Журчаніе ключей, цвѣтовъ благоуханье?
Гдѣ красота твоя, роскошная земля?

Куда сокрылися пѣвцовъ пернатыхъ хоры,
Живившіе лѣса гармоніей своей?
Зачѣмъ оставили пріютъ ихъ мирныхъ дней?
И все уныло вкругъ—лѣса, долины, горы!—

Шумитъ порывный вѣтръ между деревъ нагихъ
И, желтый листъ крутя, далеко завѣваетъ:
Такъ все проходитъ здѣсь, являяся на мигъ;
Такъ гордый сынъ земли цвѣтетъ и исчезаетъ!

На крыльяхъ времени безмолвнаго летятъ
И старость, и зима,—гроза самой природы;
Онѣ, нещадныя и быстрыя, умчатъ,
Какъ у весны цвѣты, у насъ младые годы!

Но что-жъ? Крушитесь вы сей мрачною судьбой,
Вы, коихъ низкія надежды и желанья
Лишь пресмыкаются надъ бренною землей,
И духъ вашъ заключатъ въ гробахъ безъ упованья!

Но кто за темный гробъ съ возвышенной душой,
Съ святой надеждою взоръ ясный простираетъ,
Съ презрѣньемъ тотъ на жизнь, на мрачный міръ взираетъ
И улыбается превратности земной.

Весна украситъ міръ уже-ль не возвратится?
И солнце пало-ли на вѣчный свой закатъ?
Нѣтъ! Новымъ пурпуромъ востокъ воспламенится,
И новою весной дубравы зашумятъ.

А я остануся; въ ничтожность погруженный,
Какъ всемогущій перстъ цвѣтокъ животворитъ!
Какъ червь, сей житель дня, отъ смерти пробужденный,
На крыльяхъ золотыхъ вновь къ жизни полетитъ!

Смѣняйтесь, времена, катитесь въ вѣчность, годы!
Но нѣкогда весна несмѣнная сойдетъ!
Живъ Богъ, жива душа! и, царь земной природы,
Воскреснетъ человѣкъ: у Бога мертвыхъ нѣтъ!

М. Ѳ. КОКОШКИНОЙ.

(въ альбомъ, 1819 г.)

Въ альбомахъ и большимъ, и маленькимъ дѣвицамъ
Обыкновенно льстятъ; я къ лести не привыкъ;

Изъ дѣтства обреченъ парнасскимъ я царицамъ,
И сердце—мой языкъ.
Мои для Машеньки желанья
И кратки, и ясны,
Какъ дѣтскія, невинныя мечтанья,
Какъ непорочные, младенческіе сны.
Цвѣти твоя весна подъ взоромъ Провидѣнья
И расцвѣтай твоя прекрасная душа,
Какъ ароматомъ цвѣтъ, невинностью дыша;
Роднымъ будь ангелъ утѣшенья,
Отцу (могу-ль тебѣ я лучшаго желать),
Отцу напоминай ты мать.

ПРІЮТИНО.

(*Посвящено Елизаветѣ Марковнѣ Олениной*).

(1820 г.)

Еще я прихожу подъ кровъ твой безмятежный,
Гостепріимная, Пріютинская сѣнь!
Я—твой старинный гость, бездомный странникъ прежній,
Твою пріятную всегда любившій тѣнь.

Край милый, сколько разъ съ тобою я прощался!
Но какъ проститься съ тѣмъ, что въ насъ слилось съ душой?
Все, чѣмъ я здѣсь дышалъ, чѣмъ втайнѣ наслаждался,
Все неизгладимо вездѣ ношу съ собой!

Есть край, родной мнѣ край зефировъ легкокрылыхъ:
Тамъ небо и земля, и воздухъ мнѣ милѣй!
Но гдѣ людей найти, душѣ моей столь милыхъ?
Гдѣ столько сладостныхъ воспоминаній ей?

Здѣсь часто, удаленъ отъ городского шума,
Я сердцу тишины искалъ отъ жизни бурь;
И здѣсь унылая моя свѣтлѣла дума,
Какъ неба лѣтняго спокойная лазурь.

Здѣсь часто по холмамъ бродилъ съ моей мечтою,
И спящее въ глуши безжизненныхъ лѣсовъ
Я эхо сѣвера, вечернею порою,
Будилъ гармоніей Гомеровыхъ стиховъ.

Вамъ, дѣти тайныя души моей свободной,
Вамъ, думы гордыя, здѣсь гласъ мой жизнь давалъ;
И пылкій юноша, ты, другъ мой благородный,
Мой слыша смѣлый стихъ, кипѣлъ и трепеталъ!

Но чаще, сѣвъ я тамъ, подъ сосной говорливой,
Гдѣ съ нею шепчется задумчивый ручей,
Одинъ, уединенъ, въ часъ ночи молчаливой,
Бесѣды долгія велъ съ думою моей.

О, кто переходилъ путь бѣдствій и крушенья,
Тотъ знаетъ, отчего душа и дума въ насъ
Влечется въ тихія лѣсовъ уединенья,
Зачѣмъ полуночный, безмолвный любитъ часъ.

Такъ, я здѣсь не одинъ; здѣсь все, чѣмъ сердце дышитъ,
Надежды юности, сердечныя мечты,
Все видитъ въ образѣ, всего здѣсь голосъ слышитъ,
И ловитъ милаго воздушныя черты!

Уединеніе для сердца—не пустыня:
Мечтами населитъ оно и дикій боръ,
И въ дебряхъ сводитъ съ нимъ Фантазія-богиня
Свиданья тайныя и тайный разговоръ.

Пустыня—не предѣлъ для мысли окрыленной:
Здѣсь я, невидимый, все вижу надъ землей:
Воздушной жизни всей участникъ сокровенный
Дѣлюся бытіемъ, живу не самъ собой.

Душой сливаюся съ лазурью безконечной,
Съ златыми звѣздами, поэзіей небесъ!
Съ Тобой бесѣдую, Художникъ міра вѣчный,
И съ книгой дивною божественныхъ чудесъ!

Вотъ чѣмъ влекомъ опять подъ кровъ твой безмятежный,
Гостепріимная, Пріютинская сѣнь!
Я, твой старинный гость, бездомный странникъ прежній,
Еще мою главу въ твою склоняю тѣнь.

Ты тотъ же все еще, край мирный и прелестный!
Свѣжи твои цвѣты, предѣлъ твой такъ же тихъ;
Безъ шума все течетъ потокъ твой неизвѣстный,
Какъ счастье скромное властителей твоихъ.

Но я уже не тотъ безпечный сынъ свободы,
Лелѣявшій мечты дубравъ твоихъ въ тиши.
Увы! немногіе, но гибельные годы
Умчали молодость и жизнь моей души.

Они затмили свѣтъ надеждъ, меня живившихъ,
Убили жизнь младыхъ и недоцвѣтшихъ лѣтъ.
Ударовъ роковыхъ, мнѣ міръ опустошившихъ,
Па блѣдномъ я челѣ ношу глубокій слѣдъ.

Но, тщетнымъ ропотомъ я року не скучая,
Какъ грусть безсловная, грущу наединѣ;
Я слезы, предъ людьми души не унижая,
Скрылъ въ ихъ источникѣ, въ сердечной глубинѣ.

Долины мирныя, лѣсовъ уединенья!
Нѣтъ, я не прихожу покой вашъ возмутить;
Живой я прихожу искать воды забвенья:
Потокъ Пріютинскій, мнѣ дай его испить!

Вотъ здѣсь я, заключенъ зеленой сей стѣною,
Мой ограничу взоръ прудомъ недвижнымъ симъ:
Съ его спокойствіемъ сольюсь моей душою
И обману печаль безчувствіемъ нѣмымъ.

Вотъ здѣсь семья березъ, нависшихъ надъ водами,
Меня безмолвіемъ и миромъ осѣнитъ;
Въ тѣни ихъ мавзолей подъ ельными вѣтвями —
Знакомый для души, краснорѣчивый видъ!

При немъ вся жизнь, какъ сонъ, съ мечтами убѣгаетъ
И мысль покоится, и сердце здѣсь молчитъ,
И дружба самая здѣсь слезъ не проливаетъ, —
О храбромъ сожалѣть ей гордость запретитъ.

За честь отечества онъ отдалъ жизнь тирану,
И русскимъ витязямъ онъ можетъ показать
Грудь съ сердцемъ вырваннымъ, прекраснѣйшую рану,
Его безсмертія кровавую печать!—

Но вечеръ наступилъ; вокругъ меня молчанье.
О, какъ торжественна ночная тишина!
И вотъ и на лѣса, и на холмы сіянье,
Поднявшись, полная разсыпала луна.

О лучъ серебряный полночнаго свѣтила!
Что одинокій ты къ груди моей летишь?
Что за волшебная въ твоемъ блистаньѣ сила?
О лучъ таинственный, ты что мнѣ говоришь?

Нисходишь ли съ высотъ, сіяніемъ прекраснымъ
Прекрасный свѣтъ иной землѣ предвозвѣщать?
Иль утѣшительный склоняешься къ несчастнымъ,
Надъ блѣднымъ ихъ челомъ надеждою сіять?

Твой свѣтъ въ меня лiетъ святое трепетанье!
Рѣзвѣй волнуетъ кровь вкругъ сердца моего!
О мертвомъ юношѣ родить воспоминанье!..
Небесный, кроткій лучъ, ты не душа-ль его?

Какъ гласомъ ближняго, какъ друга призываньемъ
Мой слухъ ласкается въ вечерней тишинѣ!
Мнѣ сердце говоритъ веселымъ трепетаньемъ:
Здѣсь есть невидимый, но кто-то близкій мнѣ.

О ты, на дружество мнѣ въ жизни руку давшій!
Я чувствую, ты здѣсь—небесъ незримый духъ:
О, видимъ ты душѣ, тебѣ не измѣнявшей,
Не разъ являясь ей, какъ утѣшитель-другъ.

Такъ, если, сбросивъ прахъ, духъ чистый избираетъ
Мѣста любезныя обителью своей,
Здѣсь, въ сихъ мѣстахъ давно духъ сына обитаетъ
Незримымъ геніемъ отеческихъ полей.

О гость Пріютинской обители смиренной!
За все, что въ ней найдешь для сердца твоего,
За все благодари душою умиленной
Благого генія убѣжища сего.

И если здѣсь, бродя полуденной порою,
Ты сядешь утомленъ березъ въ густой навѣсъ,
И вдругъ тебѣ въ лицо, горящее отъ зною,
Прохладою дохнетъ съ незыблемыхъ древесъ—

То будетъ онъ! Здѣсь онъ вливаетъ въ воздухъ сладость,
Свѣжитъ цвѣты, луга родныхъ своихъ полей;
Ниспосылаетъ онъ и миръ на нихъ и радость,
И тихимъ счастіемъ лелѣетъ ихъ гостей.

О, дай ты, дай и мнѣ, мой духъ-благотворитель,
Хотя спокойствіемъ всѣ траты замѣнить.
Но вѣрно не могучъ и онъ, небесный житель,
Утраченнаго здѣсь для смертныхъ возвратить.
Онъ не забылъ того, чьей арфой тихострунной
Слухъ юный услаждать любилъ въ земной странѣ;
Но, лишь являяся въ видѣньяхъ ночи лунной,
На небо грустному указываетъ мнѣ.

КЪ И. А. КРЫЛОВУ [1]).

(1820 г.)

Сосѣдъ, ты выигралъ! скажу теперь и я;
Но Богъ тебѣ судья,
Навѣрную поддѣлъ ты друга!
Ты, съ Музой Греціи и день и ночь возясь,
И день и ночь не вѣдая досуга,
Влажилъ, что у тебя теперь одна и связь
Съ Плутусомъ и Фортуной;
Что Музою тебѣ—божественная лѣнь,
И что тобой забытъ звукъ лиры златострунной:
Сшутилъ ты басенку, любезный Лафонтенъ!
Къ себѣ онъ заманивъ Гомера, Ксенофона,
Софокла, Пиндара и мудреца Платона,
Два года у ночей сонъ сладкій отнималъ,
Лѣнивецъ,
Чтобъ старыхъ Грековъ обобрать,
И къ тайнамъ слова ихъ ключъ выигралъ, счастливецъ!
Уменъ, такъ съ умными онъ зналъ на что играть.

Крыловъ, ты выигралъ богатства,
Хотя не серебромъ;
Не въ серебрѣ же всѣ пріятства:
Ты выигралъ такимъ добромъ,
Котораго по смерть, и какъ ни расточаешь,—
Ни проживешь, ни проиграешь.

---

1) И. А. Крыловъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, изучилъ самъ собою древній греческій языкъ; но во все это время, скрывая отъ меня свои занятія и увѣряя, что онъ ничего болѣе не дѣлаетъ, какъ играетъ въ карты, наконецъ, къ изумленію моему, обнаружилъ свои свѣдѣнія очень забавно.

РЫБАКИ.

ИДИЛЛІЯ.

(1821 г.)

I.

Таланты отъ Бога, богатства отъ рукъ человѣка.

На островѣ Невскомъ, омытомъ рѣкою и моремъ,
Подъ кущей одною два рыбаря жили пришельцы:
Одинъ престарѣлый, другой лишь брадой опушался.
Гонимые нуждой изъ милаго края родного,
На промыселъ вмѣстѣ пришли земляки на чужбину.
Лишь честную бѣдность они принесли за спиною,
И вмѣстѣ товарищи нужду и трудъ раздѣляли.
Въ печальныхъ трудахъ для убогаго пѣсни—услада;
И младшій прекрасно игралъ ихъ на звонкой свирѣли.
Есть тайныя чувствій минуты, когда вдохновенье
Сердца и простыя природы сыновъ посѣщаетъ;
Въ часъ утра златого, какъ день загорается лѣтній,
И все на землѣ воскресаетъ для счастія жизни;
Иль въ вечеръ, какъ солнце въ багряныя волны тонуло,
Иль въ ясныя ночи, когда онъ, смотря, дивовался
На мѣсяцъ, на звѣзды, на высь безпредѣльную неба:
Въ такія минуты тѣснились въ грудь юноши чувства,
И онъ изливалъ ихъ въ простыхъ, безыскусственныхъ звукахъ,
Но чистыхъ, но свѣжихъ, какъ юные листья на вѣтвяхъ.
Давно онъ окрестность плѣнялъ вдохновенной свирѣлью;
Онъ, звуками сердца по свѣтлой Невѣ разливаясь,
Не разъ у гребцовъ останавливалъ шумныя весла;
Но, сердцемъ невинный, чудесъ имъ творимыхъ не вѣдалъ.
Однажды, уставши отъ ловли несчастливой, оба
Сидѣли у кущи, изъ вѣтвей древесныхъ сложенной.
Старѣйшій работалъ изъ гибкія вербы кошницу;
А младшій у брега, главою на руку поникшій,
Уныло смотрѣлъ на бѣгущія, темныя волны.
Шумѣли, бѣжали въ пучину незримую волны,—
Такъ юноши думы въ синѣвшую даль уносились!
По долгомъ молчаньѣ къ устамъ поднесъ онъ цѣвницу
И въ пѣснѣ унылой излилъ вдохновенное сердце.
Но рыбарь старѣйшій, работая, началъ бесѣду:

Рыбакъ старшій.

Любезный товарищъ, вѣдь пѣснями рыбы не ловятъ!
Ты сладко играешь, и мнѣ твои пѣсни отрадны;
Но вижу, ты часто работу мѣняешь на пѣсни;
Поешь ты до птицъ, для свирѣли и сонъ забываешь.
Охота—другая неволя; но молвлю я слово:
Нашъ неводъ изорванъ и верша твоя не въ исправѣ.
Не пѣснями-ль, милый, ты здѣсь затѣваешь кормиться?
Ты съ голоду сгибнешь, иль съ сумкой воротишься къ дому.

Рыбакъ младшій.

Не сгибну, товарищъ, насъ пѣсни до бѣдъ не доводятъ:
Любилъ ихъ, ты помнишь, и дѣдъ мой.

Рыбакъ старшій.

Пастухъ горемычный!
Что дѣтямъ оставилъ онъ?

Рыбакъ младшій.

Доброе имя!

Рыбакъ старшій.

И бѣдность.
Отецъ твой—рыбакъ, и дѣтей бы не въ скудѣ оставилъ,
Когда-бъ не пришли на семью его черные годы.
Пожаръ за пожаромъ его разорилъ до основы.

Рыбакъ младшій.

А кто же помогъ намъ? И кто на дорогу снабдилъ насъ,
Отдавши послѣднее? Дѣдъ мой, пастухъ горемычный.
Онъ, онъ подарилъ мнѣ и эту пастушью цѣвницу;
Онъ къ пѣснямъ меня заохотилъ.

Рыбакъ старшій.

Такъ что же, товарищъ?
Ты хочешь отцовскій наслѣдственный промыселъ кинуть?

Но промыселъ рыбный есть промыселъ чистый и честный:
Рыбакъ—не губитель, своей онъ руки не кровавитъ;
Рыбакъ—не обманщикъ, товаръ продаетъ не поддѣльный;
Симъ промысломъ честнымъ отцы наши хлѣбъ добывали.
Знать, другъ мой любезный, тяжелъ тебѣ трудъ рыболова?
Такъ лучше-бъ съ свирѣлью остался ты дома, при стадѣ.
Тамъ ясное небо, тамъ ясныя души, и пѣсни
Тамъ милы людямъ; а здѣсь, братъ, и люди, какъ небо,
Суровы: здѣсь хлѣба не выпоешь, выплачешь легче.
Опомнись, землякъ; что скажетъ и мать, какъ услышитъ?

Рыбакъ младшій.

Услышитъ, любезный, о мнѣ она добрыя вѣсти;
А ты понапрасну меня не кори,—обижаешь.
Свое ремесло я люблю и его не чуждаюсь;
Быть можетъ, лѣнивъ я, а больше того безталантливъ;
Но справлюсь, товарищъ. Сулитъ рыболовъ мнѣ приморскій
Клубъ нитокъ и вершу за выучку пѣсней свирѣльныхъ.
Вотъ, видишь ты, пѣсни любятъ и здѣшніе люди.
Ихъ слушаютъ часто, на шлюпкахъ по взморью гуляя,
Бояре градскіе, ихъ любятъ всѣ добрые люди!
Я помню изъ дѣтства, какъ въ нашемъ селеніи старецъ,
Захожій слѣпецъ, наигрывалъ пѣсни на струнахъ
Про старыя войны, про воиновъ русскихъ могучихъ.
Какъ вижу его: и сума за плечами, и кобза,
Сѣдая брада и волосы до плечъ сѣдые;
Съ клюкою въ рукахъ проходилъ онъ по нашей деревнѣ,
И зазванный дѣдомъ, подъ нашею хатой усѣлся.
Онъ долго сперва по струнамъ рокоталъ молчаливый,
То важною думой сѣдое чело осѣняя,
То къ небу подъемля незрячія, бѣлыя очи.
Какъ вдругъ просвѣтлѣло сѣдое чело пѣснопѣвца,
И вдругъ по струнамъ залетали костистые пальцы:
Въ рукахъ задрожала струнчатая кобза, и пѣсни,
Волшебныя пѣсни изъ старцевыхъ устъ полетѣли!
Мы всѣ, ребятишки, какъ вкопаны въ землю стояли;
А дѣдъ мой старикъ, на ладонь опираясь, думный,
На лавкѣ сидѣлъ, и изъ глазъ его капали слезы.
О, кто бы меня изучилъ сладкогласнымъ тѣмъ пѣснямъ,
Тому-бъ я отдалъ изъ счастливѣйшихъ всю мою тоню!
Вонъ тамъ, на Невѣ, подъ высокимъ теремомъ свѣтлымъ,

Изъ камня гдѣ львы у порога стоятъ, какъ живые,
Подъ теремомъ тѣмъ боринъ живетъ именитый,
Уже престарѣлый, но, знать, въ немъ душа молодая:
Подъ теремомъ тѣмъ, ты слыхалъ-ли, какъ въ лѣтнія ночи
И струны рокочутъ, и вѣщіе носятся гласы?
Знать, старцы слѣпые боярина пѣснями тѣшатъ.
Землякъ, и свирѣль тамъ слышна: соловьемъ распѣваетъ!
Всю душу проходитъ, какъ трель поведетъ и зальется!
Ты видишь, землякъ, и бояре разумные любятъ
Свирѣль. Не хули же моей ты сердечной забавы.
Люблю свое ремесло, но и пѣсни люблю я;
А дѣдъ мой говаривалъ: что въ кого Богъ поселяетъ,
То вѣрно не къ худу. И что же въ пѣсняхъ худого?
Мнѣ сладко, мнѣ весело, радостно, словно я въ небѣ,
Когда на свирѣли играю! Да самъ ты, товарищъ,
Ты самъ, какъ пою я про сторону нашу родную,
Про рѣки знакомыя, гдѣ мы учились ловлѣ,
Про долы зеленые, гдѣ мы играли младые,
Зачѣмъ ты, любезный, глаза закрываешь рукою?
Да ты же меня и коришь, и сумою стращаешь!
Мнѣ бѣдность знакома изъ дѣтства; ея не боюся.
Поколѣ-жъ есть руки, я ихъ не простру за подачей.

Рыбакъ старшій.

Задѣлъ я тебя, да и самъ уже каюсь: рѣчистъ ты!
Но если бы столько въ сей день наловилъ ты и рыбы,
Какъ словъ насказалъ, повѣрнѣе была-бъ наша прибыль.

Рыбакъ младшій.

Что правда, то правда; но день, вѣдь, еще не оконченъ,
А видишь ли, другъ, надо мною какъ ласточка вьется?
Вѣдь это не къ худу: о! ласточка—вѣстница счастья!
Сегодня, сказалъ ты, не станемъ закидывать неводъ,
У берега рыба гуляетъ. Одинъ попытаюсь;
Сажуся на лодку, беру я и сѣти, и уды...

Рыбакъ старшій.

Берешь и свирѣль ты, землякъ?

Рыбакъ младшій.

Разстаюсь-ли я съ нею?

Рыбакъ старшій.

Худое предвѣстье!

Рыбакъ младшій.

Да ласточка—вѣстница счастья!
Смотри, вѣдь опять надо мной и щебечетъ, и вьется.
О, ловля, счастливая ловля! лишь день вечерѣетъ,
Лишь солнце садится, и рыба стадами играетъ.
„Ловися мнѣ, рыба, ловися, и окунь, и щука!"
И пѣснь рыболова исчезла у дальняго брега.

II.

Уже надъ Невою сіяетъ безстройное солнце;
Уже вечерѣетъ; а рыбаря нѣтъ молодого.
Вотъ, солнце зашло, загорѣлся безоблачный западъ;
Съ пылающимъ небомъ сліясь, загорѣлося море,
И пурпуръ, и золото залили рощи и домы.
Шпицъ тверди Петровой, возвышенный вспыхнулъ надъ градомъ,
Какъ огненный столпъ, на лазури небесной играя.
Угасъ онъ; но пурпуръ на западномъ небѣ не гаснетъ;
Вотъ вечеръ, но сумракъ за нимъ не слетаетъ на землю;
Вотъ ночь, а свѣтла синевою одѣтая дальность:
Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца небо ночное сіяетъ,
И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока;
Какъ будто Денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
Румяное утро.—Была то година златая,
Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи;
Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плѣняетъ
Сліянье волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
Какимъ никогда не украшено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
Которой глаза голубые и алыя щеки
Едва отѣняются русыми локонъ волнами.
Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Петрополемъ видятъ
Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни;
Какъ будто-бы новое видятъ беззвѣздное небо,
На коемъ покоится незаходимый свѣтъ солнца;
Тогда филомела полночныя пѣсни лишь кончитъ,
И пѣсни заводитъ, привѣтствуя день восходящій.

Но поздно повѣяла свѣжесть; на невскія тундры
Роса опустилась; а рыбаря нѣтъ молодого.
Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячью веселъ
Нева ни колыхнетъ; свѣтла и спокойна, какъ небо;
Разъѣхались всѣ городскіе веселые гости.—
Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ; все тихо;
Лишь изрѣдка гулъ отъ мостовъ надъ водой раздается,
Да изрѣдка крикъ изъ деревни протяжный промчится,
Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со стражей.
Все спитъ; надъ деревнею дымъ ни единый не вьется.
Огонь лишь дымится предъ кущею рыбаря-старца.
Котелъ у огнища стоитъ, уже снятый съ тренога:
Старикъ заварилъ въ немъ уху, въ ожиданіи друга;
Уха ужъ, остывши, подернулась пѣной янтарной.
Не ужиналъ онъ и скучалъ, земляка ожидая;
Лежалъ у огня, раскинувъ свой кожаный запонъ,
И часто посматривалъ вдоль по Невѣ среброводной.
Но скучалъ старикъ, безпокоимый грустью и гладомъ,
И въ первый онъ разъ безъ товарища ужинать думалъ:
Взялъ чашу изъ древа, блестящую лакомъ златистымъ;
Лишь началъ уху, черезъ край, призадумавшись, пролилъ
И въ сердцѣ на друга промолвилъ суровое слово.
Присѣлъ, и лишь руку для крестнаго знаменья поднялъ,
Шумъ веселъ раздался, и крестъ сотворилъ онъ не къ яствѣ,
Но къ радости сердца: ладья на рѣкѣ показалась,
И голосъ знакомый ударился въ берегъ отзывный.

Рыбакъ младшій.

Ты спишь ли, товарищъ? Вставай, помогай выгружаться.

Рыбакъ старшій.

Люби тебя Богъ, навожденный свирѣльникъ несчастный!
Не сонъ на глаза, а кручину на сердце навелъ ты.
Пропасть до полночи! Я, Богъ знаетъ, что передумалъ.

Рыбакъ младшій.

А что же ты думалъ?

Рыбакъ старшій.

Что думалъ? Свѣтаетъ, повѣса!
По Новой деревнѣ, ты слышишь, стучатъ ужъ телѣги;

И гдѣ разъѣзжалъ ты? Свѣтло, всѣ окольности видно;
А лодки твоей, просмотрѣлъ я глаза, не завидѣлъ.
Хожу, окликаю: съ Невы ни отвѣта, ни гласа.
Палъ на сердце страхъ; до бѣды далеко-ль человѣку!
Такихъ, братъ, какъ ты, подцѣпляли не разъ водяные.
А мать за-тебя у кого бы отвѣта спросила,
Негодный повѣса?.. Здорово! дай руку, товарищъ!

Рыбакъ младшій.

Другъ милый, другъ милый! вѣдь ласточка намъ не солгала.
Ты сердцемъ не чуялъ, что я привезу тебѣ радость?

Рыбакъ старшій.

Что? щуку съ перомъ голубымъ, или лосося жирнаго пѣснью
Сманилъ ты на уду? О, рыба вѣдь лакома къ пѣснямъ!
Не рыбу, мой другъ, а сердца подгородныхъ красавицъ
Ловилъ ты свирѣлью. Удаченъ ли ловъ, признавайся;
Разсказывай все... Но на челнѣ, какъ видится, неводъ?
Ты невода не бралъ?

Рыбакъ младшій.

О неводѣ послѣ, товарищъ!
А эта свирѣль какова? Посмотри, полюбуйся!

Рыбакъ старшій.

Свирѣль дорогая, сдается; ужели купилъ ты?
Нѣтъ, поднялъ у мызъ понадрѣчныхъ; навѣрно бояринъ
Ее обронилъ: дорогая, заморской работы!
Изъ пальмова древа, съ слоновою костью и златомъ;
А скважины въ ней, какъ пчела на сотахъ вылѣпляетъ!
На ней-то, землякъ, соловьиныя трели ты-бъ вывелъ!
Сознай ты ее, объяви, чтобъ тебя не клепали;
Чужое добро не въ корысть.

Рыбакъ младшій.

Не присвою чужого:
И эта свирѣль, мой любезный, и неводъ на челнѣ
Мои!

Рыбакъ старшій.

Перестань, молодой, старика ты морочишь.

Рыбакъ младшій.

Такъ счастью, землякъ, моему и не вѣришь ты?

Рыбакъ старшій.

Счастью?
Ума приложить не могу, и не знаю, какому?

Рыбакъ младшій.

Вотъ этой простою, пастушеской дѣда свирѣлью
И неводъ, что въ лодкѣ, и эту свирѣль дорогую
Я выигралъ!

Рыбакъ старшій.

Что?

Рыбакъ младшій.

И за что бы купилъ я?
За эту свирѣль рыболовнаго мало снаряда.
Нѣтъ, Богъ, о товарищъ, мнѣ Богъ даровалъ ихъ за пѣсни!

Рыбакъ старшій.

Да молви же, кто? Не томи, разскажи мнѣ скорѣе!
Отъ радости сердце играетъ; пропалъ мой и голодъ,
На умъ не идетъ мнѣ и ужинъ. Товарищъ, ты веселъ?
Скорѣй подѣлися весельемъ, порадуй и друга!

Рыбакъ младшій.

О, радостно будетъ объ этомъ всю жизнь говорить мнѣ.
Но сядемъ мы тамъ, на холмѣ, подъ душистою липой,
Гдѣ въ ясныя ночи съ тобою рыбу мы удимъ.
Оттолѣ намъ видны далекія рощи и мызы
По брегу Невы среброводной; оттолѣ увидимъ
И домъ, о которомъ тебѣ поведу мое слово,
Тотъ теремъ, котораго мнѣ не забыть до могилы!—

Какъ солнце садилось, подъѣхалъ я съ удами въ челнѣ
Къ противному берегу. Рыба, какъ день вечерѣетъ,
Тамъ рунами ходитъ; и, вправду, стадами металась.
Рука уставала закидывать гибкія уды;
Двухъ щукъ изловилъ, окунямъ и счетъ ужъ терялъ я;
Запасная верша кипѣла серебряной рыбой.
Но скоро, не вѣдаю какъ, противъ мызы боярской
Съ ладьей очутился я. Ночь между тѣмъ наступала,
Чудесная ночь! Ни единой звѣзды на лазури,
А серебряный свѣтъ разливался по небу ночному!
Все было такъ тихо! Не дрогнулъ ни листъ на осинѣ;
Все было безмолвно! И вотъ, надъ Невою недвижной
Понесся изъ терема сладостный гулъ тихострунный.
Мнѣ радостно стало! И началъ я робкой свирѣлью
Подыгрывать тихо подъ струны; какъ вдругъ межъ древами
Почулся мнѣ шорохъ, и слуги боярскіе вышли,
И съ берега стали меня зазывать въ его теремъ.
Я сѣть отвязалъ, чтобъ боярину рыбу живую —
Огромную щуку и окуней несть красноперыхъ.
„Не съ рыбой, съ свирѣлью!“ веселые вскрикнули слуги:
„Въ свой теремъ высокій тебя призываетъ бояринъ“.

Рыбакъ старшій.

Царю мой небесный! Йдти ты, землякъ, не боялся?

Рыбакъ младшій.

Боялся, товарищъ! Въ груди моей дрогнуло сердце;
Какъ вотъ и бояринъ изъ теремныхъ оконъ хрустальныхъ
Свой ласковый голосъ мнѣ подалъ; и пролилъ онъ въ душу
Веселость и смѣлость! Вступилъ я въ хоромы; но страшно
Мнѣ стало опять, какъ я началъ идти по хоромамъ.
Со стѣнъ ихъ лики глядятъ на тебя, какъ живые!
Изъ мрамора дѣвы, прелестныя, только не дышатъ!
Но диву я дался, увидѣвши теремъ высокій!
Чудесный, прозрачный! Какъ въ сказкѣ, землякъ, говорится:
Что на небѣ звѣзды, и въ теремѣ звѣзды! и мѣсяцъ,
И вся въ терему красота поднебесная видна!
Въ немъ старецъ-бояринъ сидѣлъ сребровласый въ семействѣ
Цвѣтущихъ дѣтей, средь бояръ и вельможъ именитыхъ.
Смутился я, другъ; у порога стоялъ полумертвый;

Но ожило сердце, забилось весельемъ, и слезы
Изъ глазъ у меня проступили, какъ добрый боярин
Привѣтно взглянулъ на меня и ласково молвилъ:
„Люблю я невинныхъ сердецъ вдохновенья простыя,
Люблю я свирѣльныя пѣсни, а ты ихъ пріятно играешь.
Не разъ и ко мнѣ доходили ихъ сладкіе звуки;
Давно я желалъ насладиться твоею свирѣлью;
Давно приготовилъ награду, достойную пѣсней:
Тебя подарю я прекрасной свирѣлью изъ пальмы.
Сыграй намъ, о рыбарь, пріятную, сельскую пѣсню!“
Зачѣмъ ты, товарищъ, подъ теремомъ не былъ со мною?
Напомнилъ бы ты мнѣ, какія я пѣсни играю;
Отъ радости всѣ позабылъ я, стоялъ безотвѣтный;
Но очи лишь поднялъ и взоры боярина встрѣтилъ,
Безвѣстная, другъ, обняла меня дивная сила!
Взыгралъ я, и пѣснь разлилась по зеленому саду!
И вотъ мнѣ награда.

Рыбакъ старшій.

Постой, товарищъ, ты видишь,
Досадныя слезы мѣшаютъ мнѣ слушать.—Ну, далѣ?

Рыбакъ младшій.

Но лучшей наградой мнѣ было боярское слово:
„Кто былъ твой учитель?“ изволилъ онъ.—
Богъ,—отвѣчалъ я.
Бояринъ, изъ рукъ подавая свирѣль дорогую,
„Играй,“ мнѣ промолвилъ, „безъ Бога, какъ ты, не играютъ.
Но въ промыслѣ ты не лѣнишься ли, рыбарь, для пѣсней?
Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка“.
—Нашъ промыселъ,—молвилъ я,—промыселъ чистый и честный:—
Твои предъ бояриномъ смѣло я высказалъ рѣчи.
„Разумныя рѣчи,—бояринъ мнѣ весело молвилъ,—
За нихъ я тебя дарю еще неводомъ новымъ;
Ты-жъ лучшій твой ловъ продавай для меня на трапезу“.

Рыбакъ старшій.

Какъ сказку я слышу! Правдиво предвѣстіе птицы!

Рыбакъ младшій.

Не птицы, а дѣда правдиво мнѣ вѣщее слово:

Онъ, дѣдъ мой, говаривалъ: что̀ въ кого Богъ поселяетъ,
То вѣрно не къ худу.—Молчишь ты, любезный!

Рыбакъ старшій.

Усталъ я
Отъ радости сердца; скажу я короткое слово:
Отъ дѣда въ наслѣдство ты принялъ цѣвницу изъ липы,
А внукамъ своимъ передай цѣвницу изъ пальмы.

Рыбакъ младшій.

И имя того, кто почтилъ дарованіе Бога,
Я внукамъ моимъ передамъ съ любовію къ пѣснямъ.

ПРИНОШЕНІЕ
ЕКАТЕРИНѢ ПАВЛОВНѢ,
ПОКОЙНОЙ КОРОЛЕВѢ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ [1]

(1821 г.)

На гробъ приношу я,—плачевная участь!—
Что жизнью цвѣтущей Фелицы къ стопамъ
Повергнуть пылалъ! Изумленный мой геній,
Окончивши поприще, ищетъ тѣхъ взоровъ,
Которыми, робкій, онъ былъ окрыленъ,
Въ привѣтѣ которыхъ всю славу онъ ставилъ;
Но взоровъ живительныхъ нѣтъ для него!
Какъ странникъ, окончивши путь долголѣтній,
Спѣшитъ въ край родимый, чтобъ въ домѣ отцовъ,
Подъ сѣнью пенатовъ, возрадовать сердце;
И видя—въ развалинахъ милый свой домъ,
Пенатовъ во прахѣ—свой посохъ и слезы
Роняетъ на прахъ онъ погибшихъ надеждъ:
Такъ я, о Фелица, мой свитокъ и слезы
На гробъ твой роняю, печальный пѣвецъ!
Забуду-ль, когда ты склоняла твой слухъ
Ко слабымъ еще отголоскамъ Гомера?
Съ какимъ ты восторгомъ всю душу открыла
Высокимъ внушеньямъ владыки пѣвцовъ!

---

[1]) Ея имени намѣренъ былъ переводчикъ посвятить Иліаду.

Съ какою любовью на Старца алтарь
При мнѣ приносила прекрасную жертву
Прекрасной души—умиленія слезы!
Гдѣ нынѣ я слезы Фелицы найду,
Васъ, васъ, драгоцѣнные перла души,
Награда сладчайшая сердцу поэта?—
Быть можетъ, свѣтъ шумный, сей гордый судья,
Улыбки холодной меня удостоитъ.
Не молодъ я сердцемъ, и свѣта улыбки
Наградой завидной себѣ не почту.
Награда мнѣ лучшая—сладостный трудъ,
И совѣсти голосъ, что онъ не безцѣненъ,
И имя, любезное русскимъ сынамъ!—
Фелица! о ты, отлетѣвшій мой Геній!
Такъ, имя твое да украситъ мой свитокъ;
И пусть оно скажетъ потомкамъ, что я,
Избранный тобой проповѣдникъ Гомера,
Не вовсе пѣвцовъ недостойную жертву
Принесъ на священный отчизны алтарь.

КЪ И. А. КРЫЛОВУ,

ПРИГЛАШАВШЕМУ МЕНЯ ѢХАТЬ СЪ НИМЪ ВЪ ЧУЖІЕ КРАЯ.

(1821 г.)

Надежды юности, о милыя мечты!
Я тщетно васъ въ груди младой лелѣялъ!
Вы не сбылись! Какъ лѣтніе цвѣты,
Осенній вѣтеръ васъ развѣялъ!
Свершенъ предѣлъ моихъ цвѣтущихъ лѣтъ;
Нѣтъ болѣе очарованій!
Гляжу на тотъ же свѣтъ:
Душа моя безъ чувствъ, и сердце безъ желаній!
Куда-жъ, о другъ, летѣть, и гдѣ опять найти,
Что годы съ юностью у сердца похищаютъ?
Желанья пылкія, крылатыя мечты,
Съ весною дней умчась—назадъ не прилетаютъ.
Другъ, ни за тридевять земель
Вновь не найти весны сердечной.
Ни ты, ни я—не Аріель [1]),

(1 Маленькій воздушный геній.

Эоира легкій сынъ, весны любимецъ вѣчный.
Отъ неизбѣжнаго удѣла для живыхъ
Онъ на землѣ одинъ уходитъ;
Утраченныхъ, летучихъ благъ земныхъ,
Счастливецъ, онъ замѣну вновь находитъ.
Удѣлъ прекраснѣйшій судьба ему дала,
Завидное существованье!
Какъ златокрылая пчела,
Кружится Аріель весны въ благоуханьѣ;
Онъ пьетъ амврозію цвѣтовъ,
Перловыя Авроры слезы;
Онъ въ зной полуденныхъ часовъ
Прильнетъ и спитъ на лонѣ юной розы.
Но лишь приблизится ночей осеннихъ тьма,
Но лишь дохнетъ суровая зима,
Онъ съ первой ласточкой за лѣтомъ улетаетъ;
Садится радостный на крылышко ея,
Летитъ онъ въ новые, счастливые края,
Весну, цвѣты и жизнь все новымъ замѣняетъ.
О, какъ его судьба завидна мнѣ!
Но намъ ее въ какой искать странѣ?
Въ какой землѣ найти утраченную младость?
Гдѣ жизнію мы снова расцвѣтемъ?
О другъ, отцвѣтшихъ дней послѣднюю мы радость
Погубимъ, можетъ быть, въ краю чужомъ.
За счастіемъ бѣжа подъ небо мы чужое,
Бросаемъ дома то, чему замѣны нѣтъ:
Святую дружбу, жизни лучшій цвѣтъ,
И счастье душъ прямое.

ИНОСТРАНЦАМЪ-ГОСТЯМЪ МОИМЪ.

(1824 г.)

Привѣтствую гостей отъ Сенскихъ береговъ!
Вотъ скиѳскаго пѣвца пріютъ уединенный:
Онъ, какъ и всѣхъ пѣвцовъ,
Чердакъ возвышенно-смиренный.
Не красенъ, теменъ уголокъ;
Но видны изъ него лазоревые своды;

Немного тѣсенъ, но широкъ
Пѣвцу для пѣсней и свободы!
Не золото, не пурпуръ по стѣнамъ,
Опрятность—вотъ уборъ моей убогой хаты.
Цѣвница, кустъ цвѣтовъ и свитки по столамъ,
А по угламъ скудельные Пенаты—
Вотъ бытъ пѣвца; онъ весь—боговъ домашнихъ даръ;
Убогій счастіемъ, любовью ихъ богатый,
Имѣю все отъ нихъ, и все еще безъ траты:
Здоровье, миръ души и къ пѣснямъ сладкій жаръ.—
И если ты, поэтъ, изъ пѣсней славянина
Нашелъ достойныя отечества Расина,
И на всемірный вашъ языкъ ихъ передалъ [1]),
Тѣ пѣсни мнѣ—Пенатъ-Гомеръ внушалъ.
Воздайте, гости, честь моимъ богамъ домашнимъ,
Обычаямъ у скиѳовъ, насъ, всегдашнимъ:
Испей, мой гость, завѣтный ковшъ до дна
Кипучаго задонскаго вина;
А ты, о гостья дорогая,
И въ честь богамъ,
И въ здравье намъ,
Во славу моего отеческаго края
И славу Франціи твоей—
Ковшъ меда русскаго, душистаго испей.
А тамъ, усядемся за столъ мой ненарядный,
Но за кипучій самоваръ.
О други, сладостно питать бесѣды жаръ
Травой Китая ароматной!
Когда-нибудь и вы въ родимой сторонѣ,
Подъ небомъ счастливымъ земли свободной вашей,
Въ бесѣдахъ дружескихъ воспомните о мнѣ;
Скажите: скиѳъ сей былъ достоинъ дружбы нашей;
Какъ мы, къ поэзіи любовью онъ дышалъ,
Какъ мы, ей лучшіе дни жизни посвящалъ,
Бесѣдовалъ съ Гомеромъ и Природой,
Любилъ отечество, но жилъ въ немъ не рабомъ,
И у себя подъ тѣснымъ шалашомъ
Дышалъ святой свободой.

---

[1]) Онъ переводилъ отрывки изъ русскихъ писателей.

НА СМЕРТЬ ОДНОЙ

и

РОЖДЕНІЕ ДРУГОЙ ДОЧЕРИ Г...

случившіяся въ одинъ день.

(1824 г.)

И жизнь и смерть на землю вѣчно,
Какъ дождь и градъ, шумятъ съ небесъ!
Смѣсь вѣчная въ странѣ подлунной
И горестныхъ и сладкихъ слезъ!

Зрю, ангела срѣтаетъ ангелъ
Подъ кровомъ храмины земной:
Одинъ слетѣлъ и отлетаетъ
На небо съ воззванной душой.

Другой отъ неба душу сводитъ,
Летитъ одушевить скудель,
И въ день одинъ въ жилищѣ смертныхъ
И новый гробъ, и колыбель!

„Привѣтствую, о братъ небесный!“
Такъ ангелъ ангелу воззвалъ:
„Я горестенъ въ обитель смертныхъ,
Ты утѣшителенъ предсталъ.

Почто-жъ такъ рано опадаетъ
Съ родного стебля милый цвѣтъ?
Почто взята душа у юной?..“
—То тайна Бога: Онъ зоветъ.—

„О, какъ и свѣтелъ, и прекрасенъ
Почившей дѣвы ликъ младой,
Вѣнчанный розою стыдливой
И кудрей дѣвственныхъ волной!“

—Душа свѣтлѣй, душа прекраснѣй
Въ преображеніи своемъ
Небесною заблещетъ ризой
И звѣзднымъ на челѣ вѣнцомъ.—

„О, какъ она на небо взоромъ
Въ твоихъ объятіяхъ паритъ!
Невѣста неба, дѣва рая
Испить безсмертія горитъ...“—

—Горю!.. Прости, сестра земная!
Утѣшь и матерь и отца;
Скажи, я счастлива, безсмертна!
Парю въ объятія Творца!..—

Еще рыдалъ отецъ надъ гробомъ,
Объемля хладный, милый ликъ;
И съ горестнымъ о мертвой стономъ
Сліялся юной жизни крикъ!

Надъ мертвой обнялъ дочь живую,
И радостью волнуя грудь:
„О будь же ты,—отецъ взываетъ,—
Наградой траты, Ольгой [1]) будь!

Творецъ, Ты взялъ и возвращаешь!
О, возврати въ чертахъ мнѣ сихъ
Почившей кротость, добродѣтель
И душу ангеловъ Твоихъ!“—

Взывалъ отецъ, и умиленный
Летѣлъ родившую обнять.
На гробъ и колыбель взирая,
Сквозь слезы улыбнулась мать.

ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНІЯ.

(1824 г.)

Дорогой скучною, погодой все суровой,
Тащу я жизнь мою сегодня сорокъ лѣтъ.
Что-жъ нахожу сегодня, въ годъ мой новый?
Да больше ничего, какъ только сорокъ лѣтъ.

---

1) Умершую звали Ольгой, и родившуюся назвали такъ же.

НА СМЕРТЬ ДОЧЕРИ

покойной сестры.

(1826 г.)

Дитя сестры моей, души моей дитя,
Что, нерасцвѣтшій цвѣтъ, такъ рано увядаешь?
Мои нѣжнѣйшія заботы о тебѣ
Что такъ безвременно навѣки прекращаешь?

О, крови мнѣ родной единственная вѣтвь,
Моя послѣдняя привязанность земная!
Такъ жить не для себя тобой позналъ я сладость;
Тебя, далекую, невиданную мной,
Любилъ, лелѣялъ я во глубинѣ души,
Какъ лучшую мечту, какъ сладкую надежду;
Въ твоихъ чертахъ, въ душѣ найти я уповалъ
Все милое очамъ и все святое сердцу:
И кровную любовь, и искреннюю дружбу.
Я уповалъ, что ты, наперекоръ судьбѣ,
Невозвратимую замѣнишь трату мнѣ.
Что ты мнѣ населишь тоскующую душу,
Опустошенную сестры мнѣ милой смертью.
Но, прежде чѣмъ тебя узрѣлъ я на землѣ,
Ты скрылася какъ сонъ, какъ быстрый, сладкій сонъ,
Который обольстилъ несчастнаго мечтою,
И одинокаго на хладномъ ложѣ бросилъ,
Съ очами влажными еще отъ сладкихъ слезъ
И съ распростертыми, дрожащими руками,
Горѣвшими обнять любезную мечту!
Ты скрылася! Куда? Не въ тотъ-ли свѣтлый міръ,
Куда твоя и мать такъ рано преселилась?
Оттуда больше вы на землю не придете!..
Но я съ юдоли слезъ, я скоро къ вамъ приду!
О, что я не могу на быстрыхъ крыльяхъ воли
Къ вамъ, тѣни милыя, теперь же возлетѣть!
Съ какой бы радостью я бросилъ эту землю,
Гдѣ ничего уже нѣтъ общаго со мной!

ЧУДО НА МАСЛЯНОЙ НЕДѢЛѢ. [1])

(1826 г.)

На Масляной недѣлѣ
Въ смиренный уголъ мой вдетѣли
Три красоты,
Прелестныя, какъ сестры Феба!
И чѣмъ-то неземнымъ дышали ихъ черты;
Надъ головами ихъ играло пламя неба,
Одна—душой лица, могуществомъ очей,
Не говоря, для сердца говорила
Сильнѣе всѣхъ рѣчей!—
Другая—лишь вступила,
И я узналъ тебя, владычица сердецъ,
Тебя, прекрасная царица русской сцены!
А третья дочерью казалась Мельпомены,
И обвивалъ чело ей Таліи вѣнецъ;
Веселый умъ сверкалъ изъ быстрыхъ взоровъ,
Въ устахъ дышала жизнь и прелесть разговоровъ.
Онѣ явилися втроемъ, рука съ рукой,
Рука съ рукой и улетѣли.—
И видѣлъ я даровъ союзъ святой,
Да, чудо видѣлъ я на Масляной недѣлѣ!
И молвилъ я: о, тройственный союзъ
Царицъ по дарованью!
Да сохранится святость вашихъ узъ
Наперекоръ враждебному желанью;
Пусть лопнетъ завистью раздутый человѣкъ
Скорѣй, чѣмъ разорветъ вамъ узы золотыя;
И чудомъ каждая вы будете въ Россіи
И достопамятнымъ и славнымъ во вѣкъ!

МЕДВѢДЬ.

(1827 г.)

Медвѣдя по дворамъ цыганъ водилъ плясать.
Въ деревнѣ русскую медвѣдь увидѣвъ пляску,

---

[1]) На пріѣздъ ко мнѣ Семеновой старшей *вмѣстѣ* съ обѣими Колосовыми: союзъ дарованій, по тогдашнимъ ихъ отношеніямъ, неожиданный.

Самъ захотѣлъ ее, затѣйникъ, перенять.
Медвѣди, нечего сказать,
Ловки перенимать.
Вотъ разъ, какъ днемъ цыганъ на солнцѣ спалъ въ растяжку,
Мой Мишенька поднялся на дыбки,
Платокъ хозяйскій взялъ онъ въ лапу,
Изъ-подъ цыгана вынулъ шляпу,
Набросилъ на-бекрень, какъ хваты-ямщики,
И, топнувши ногой, медвѣдь плясать пустился,
„А, каково?“ Барбосу онъ сказалъ.
Барбосъ вблизи на этотъ разъ случился;
Собака—умный звѣрь, и пляски онъ видалъ.
„Да плохо!“ песъ Барбосъ медвѣдю отвѣчалъ.
„Ты судишь строго, братъ!“ собакѣ молвилъ Мишка;
„Я чѣмъ не молодцомъ пляшу?
Чѣмъ хуже, какъ вчера плясалъ ямщикъ вашъ Гришка?
Гляди, какъ ловко я платкомъ машу,
Какъ выступаю важно, плавно!..“
„Ай, Миша! славно, славно!
Такого плясуна
Еще не видѣла вся наша сторона!
Легокъ ты, какъ цыпленокъ!“—
Такъ крикнулъ тутъ бѣжавшій поросенокъ.
Порода ихъ, извѣстно, какъ умна!
Но Миша,
Судъ поросенка слыша,
Задумался, вздохнулъ, трудиться пересталъ
И, съ видомъ скромнымъ, самъ съ собою бормоталъ:
„Хулитъ меня собака, то не чудо;
Успѣху самъ не очень вѣрилъ я;
Но если хвалитъ ужъ свинья—
Пляшу я вѣрно худо!“

Быть можетъ, и людьми за правило взято
Медвѣжье слово золотое:
Какъ умный что хулитъ, навѣрно худо то;
А хвалитъ глупый—хуже вдвое!

А. А. О.

(въ альбомъ, 1827 г.)

И новый годъ, и альбомъ новый!
А что еще милѣй—владѣлица его!
Какой предметъ прелестный для того,
Кто, Музами любимъ, съ душой, всегда готовой
На впечатлѣнія прекраснаго всего,
Ихъ такъ легко изображаетъ!
Кто, записной поэтъ, гармоніей стиховъ
Красавицъ нѣжитъ слухъ и звукомъ сладкихъ словъ
Такъ сердце сладостно ласкаетъ!
Я, отставной поэтъ, парнасскій инвалидъ,
Служитель истины суровой,
Что новое могу вписать въ вашъ альбомъ новый?
Что вы полны пріятностей Харитъ?—
Не новость: зеркало вамъ то-же говоритъ.
Что милы вы, умны?—Но и въ чертогахъ царскихъ,
И въ теремахъ боярскихъ,
Гдѣ вы блистаете умомъ и красотой,
То-жъ самое жужжитъ гостей веселый рой.—
Итакъ, и въ истинахъ, нисколько вамъ не льстивыхъ
Я упрежденъ; всѣ слышали вы ихъ,
И, можетъ быть, изъ устъ любезниковъ младыхъ
И болѣе меня краснорѣчивыхъ.
Остались мнѣ для васъ желанія одни,
Но вѣрьте, искренны и пламенны они:
Цвѣтите вы, какъ роза молодая
Подъ небомъ голубымъ безоблачнаго мая;
Неувядаемой и въ самыхъ позднихъ дняхъ
Душевной красотой плѣняйте взоры свѣта;
И хоть забудете вы о моихъ стихахъ,
Но помните меня, васъ часто на рукахъ
Носившаго поэта.

КЪ ***

НА ПОЛУЧЕНІЕ ТУРЕЦКАГО КОШЕЛЬКА СЪ МАЛЕНЬКОЮ ЗОЛОТОЮ МОНЕТОЮ.

(1830 г.)

Вашъ кошелекъ, Востокомъ ароматный,
И носу моему, и сердцу даръ пріятный!

Но не съ монетой золотой
Желалось-бы имѣть отъ васъ мнѣ даръ такой:
Нѣтъ, вы-бъ не золотомъ меня обогатили;
А если-бъ въ маленькій вы кошелекъ вложили
Хоть маленькую часть любезности своей,
И вкуса, и ума, и вашего пріятства,
Вы, съ малымъ кошелькомъ, мнѣ дали-бы богатства;
Вы сдѣлали-бъ—что я у всѣхъ людей
И милымъ-бы прослылъ, и умникомъ считался,
И всѣмъ—и даже вамъ, любезнѣй бы казался.

НА СМЕРТЬ

БАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА.

(1831 г.)

Милый, младый нашъ пѣвецъ! На могилѣ, уже мнѣ грозившей
Ты обѣщался воспѣть Дружбы прощальную пѣснь [1]);
Такъ не исполнилось! Я надъ твоею могилою ранней
Слышу надгробный плачъ Дружбы и Музъ, и Любви!
Бросилъ ты смертныя пѣсни, оставилъ ты бренную землю,
Мрачное царство вражды, грустное свѣтлой душѣ!
Въ міръ неземной ты унесся, небесно-прекраснаго алчный;
И, какъ надъ прахомъ твоимъ слезы мы льемъ на землѣ,
Ты, во вратахъ уже неба, съ фіаломъ безсмертія въ длани,
Пѣснь несловесную тамъ съ звѣздами утра поешь!

КЪ НЕМУ ЖЕ,

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ.

(1831 г.)

Другъ, до свиданья! Скоро и я наслажусь моей частью:
Жилъ я, чтобы умереть; скоро умру, чтобы жить!

---

[1]) Покойный Дельвигъ, во время опасной моей болѣзни, въ дружескихъ разговорахъ, обѣщалъ написать стихи въ случаѣ смерти моей.

ПСАРЬ И МЕДВѢДЬ.

(1831 г.)

Псарь, промышляющій смиренныхъ зайцевъ шкурой,
Медвѣдя разъ въ берлогѣ подстерегъ;
Богатой шубою псаря плѣнилъ звѣрекъ;
Но, тварей мелкихъ врагъ—былъ, видно, слабъ натурой:
Съ звѣрями крупными онъ дракъ терпѣть не могъ;
Медвѣди же большіе забіяки
И шубъ съ себя не отдаютъ безъ драки,
Принявши развѣ пулю въ бокъ;
Но псарь мой былъ и не стрѣлокъ.
Такъ хоть, кажись, и ясно,
Что моему тутъ молодцу
На добычь зариться напрасно,
Что для псаря медвѣдь былъ звѣрь не по ловцу;
Однако, смертная взяла его охота
Медвѣжій мѣхъ себѣ добыть:
Борзыми вздумалъ псарь медвѣдя затравить.—
Скорѣй домой, и лишь въ ворота,
Собралъ онъ всѣхъ собакъ, и гончихъ, и борзыхъ,
Здоровыхъ и больныхъ.
И даже къ нимъ вдобавку
Взялъ, отъ жены тайкомъ, ея сѣдую Шавку,
И, захвативши кнутъ, на звѣря онъ пошелъ.
Знавъ хорошо лѣсныя всѣ дороги,
Берлогу скоро онъ нашелъ.
Хозяинъ дома былъ: на солнцѣ у берлоги
Медвѣдь дремалъ; надъ нимъ, скача между кустовъ,
Привыкшая при немъ питаться объѣдала
Остатками мясныхъ его столовъ,
Сорока лепетала.
Она издалека
Псаря-героя увидала
И, жизнью дорожа сосѣда Мишука,
Къ нему въ испугѣ закричала:
„Кумъ, на тебя гроза!“—А что?—„Собакъ съ гурьбой
Идетъ къ берлогѣ псарь“.—Какой?—
„Что зайцевъ травитъ здѣсь порой;
Собакъ не слышишь-ли ты лаю?
Идетъ!“—Пускай идетъ; его собакъ я знаю;—

Медвѣдь въ-полсна пробормоталъ.
А псарь ужъ подошелъ; но издали онъ сталъ,
И издали собакъ пускаетъ всѣхъ въ атаку;
Но, страшнаго почуявъ забіяку,
Лай подняли онѣ, а не идутъ
Съ медвѣдемъ въ драку.
Псарь порскаетъ, кричитъ, собакамъ кажетъ кнутъ,
Сѣчетъ ихъ; вой и крикъ вся стая поднимаетъ
Подъ свищущимъ кнутомъ: но все издалека
Глядитъ на спящаго безпечно Мишука.
Но Шавка вдругъ одна къ медвѣдю подбѣгаетъ
И лаетъ въ носъ ему, смѣшно и глупо злясь;
Медвѣдь лежитъ не шевелясь.—
„Проснися, кумъ; собаки нападаютъ,“
Кричитъ сорока: „ну, какъ стаей нападутъ?“
— Нѣтъ,—Миша говоритъ,—собаки эти лаютъ,
А зубомъ не берутъ.—
„Но Шавка, погляди, она тебя не труситъ;
Все рвется до твоихъ ушей;
Ахти, вопьется!.. Кумъ, дай оплеуху ей!“
— Ну, хорошо; скажи-жъ, кума, скорѣй,
Когда она меня укуситъ,—
Ей Мишка отвѣчалъ
И, потянувшись, вновь спокойно задремалъ.

Такъ журналистъ иной, частехонько бываетъ,
Съ толпой наемниковъ на дарованье лаетъ;
А дарованіе, какъ злость ни нападай,
Спокойно слушаетъ журнальныхъ шавокъ лай.

Д У М А.

(1832 г.)

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
Ничьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ, сиротою;
Въ путь жизни пошелъ одинокъ;
Прошелъ одинокъ его—тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной Ливійской юдолѣ,

Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю,
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ:
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!

КАВКАЗСКАЯ БЫЛЬ.

(1833 г.)

Кавказъ освѣщается полной луной;
Аулъ и станица на горномъ покатѣ
Сосѣдніе спятъ; лишь казакъ молодой
Безъ сна, одинокій, сидитъ въ своей хатѣ.

Напрасно, казакъ, ты задумчивъ сидишь,
И сердца біеньемъ минуты считаешь;
Напрасно въ окно на ручей ты глядишь,
Гдѣ тайнаго съ милой свиданія чаешь.

Желанный свиданія часъ наступилъ.
Но нѣтъ у ручья кабардинки прекрасной,
Гдѣ счастливъ онъ первымъ свиданіемъ былъ
И первой любовію дѣвы имъ страстной;

Гдѣ, страстію къ дѣвѣ онъ самъ ослѣпленъ,
Далъ клятву отъ вѣры своей отступиться,
И скоро принять Магометовъ законъ,
И скоро на Фати прекрасной жениться.

Глядитъ на ручей онъ, сидя подъ окномъ,
И видитъ онъ вдругъ, близъ окна, передъ хатой,
Угрюмый и блѣдный, покрытъ башлыкомъ,
Стоитъ кабардинецъ подъ буркой косматой.

То братъ кабардинки, любимой имъ, былъ,
Давнишній кунакъ казаку обреченный;
Онъ тайну любви ихъ преступной открылъ:
Бѣда кабардинкѣ, гяуромъ прельщенной!

„Сестры моей ждешь ты?“ онъ молвилъ: „сестра
Къ ручью за водой не пойдетъ уже, чаю;

Но клятву жениться ты далъ ей: пора!
Исполни ее... Ты молчишь? Понимаю.

Пойми жъ и меня ты. Три дня тебя ждать
Въ аулѣ мы станемъ: а если забудетъ
Казакъ свою клятву,—пришелъ я сказать,
Что Фати въ день третій сама къ тебѣ будетъ".—

Сказалъ онъ и скрылся. Казакъ молодой
Любовью и совѣстью три дня крушится.
И какъ измѣнить ему вѣрѣ святой?
И какъ ему Фати прекрасной лишиться?

И вотъ, на исходѣ ужъ третьяго дня,
Когда онъ, размученъ тоскою глубокой,
Ужъ въ полночь, жестокій свой жребій кляня,
Страдалецъ упалъ на свой одръ одинокій,—

Стучатся; онъ всталъ, отпираетъ онъ дверь:
Вошелъ кабардинецъ съ мѣшкомъ за плечами;
Онъ мраченъ, какъ ночь, онъ ужасенъ, какъ звѣрь,
И глухо бормочетъ, сверкая очами:

„Сестра моя здѣсь, для услугъ кунака".
Сказалъ онъ и сталъ сопротиву кровати,
Мѣшокъ развязалъ—и къ ногамъ казака
Вдругъ выкатилъ мертвую голову Фати.

„Для дѣвы безъ чести нѣтъ жизни у насъ;
Ты—чести и жизни ея похититель—
Цѣлуйся жъ теперь съ ней хоть каждый ты часъ!
Прощай; я—кунакъ твой, а Богъ—тебѣ мститель!" —

На голову дѣвы безмолвно взиралъ
Казакъ одичалыми страшно очами;
Безмолвно предъ ней на колѣни упалъ,
И съ мертвой—живой сочетался устами...

Сребрятся вершины Кавказа всего.
Былъ день. Къ перекличкѣ, предъ домъ кошевого,
Сошлись всѣ казаки, и нѣтъ одного—
И нѣтъ одного казака молодого.

———

ЛАСТОЧКА.

(1833 г.)

Ласточка, ласточка, какъ я люблю твои вешнія пѣсни,
Милый твой видъ я люблю, какъ весна и живой, и веселый.
Пой, весны провозвѣстница, пой и кружись надо мною;
Можетъ быть, сладкія пѣсни и мнѣ напоешь ты на душу.
Птица, любезная людямъ! Ты любишь сама человѣка;
Ты лишь одна изъ пернатыхъ свободныхъ гостишь въ его домѣ;
Днями счастливой любви подъ его наслаждаешься кровлей;
Дружбѣ его и свой маленькій домъ, и семейство ввѣряешь,
И, зимы лишь бѣжа, оставляешь домъ человѣка.
Съ первымъ паденьемъ листовъ улетаешь ты, милая гостья!
Но куда? За какія моря, за какіе предѣлы
Странствуешь ты, чтобъ искать обновленія жизни прекрасной,
Пѣсней искать и любви, безъ которыхъ жить ты не можешь?
Кто, по пустынямъ воздушнымъ, досель неотгаданный нами,
Путь для тебя указуетъ, чтобъ снова предъ нами являться?
Съ первымъ дыханьемъ весны ты являешься снова, какъ съ неба,
Пѣснями насъ привѣчать съ воскресеньемъ безсмертной природы. —
Хату и пышный чертогъ избираешь ты, вольная птица,
Домомъ себѣ; но ни хаты жилецъ, ни чертога владыка
Дерзкой рукою не можетъ гнѣзда твоего прикоснуться,
Если онъ счастіе дома съ тобой потерять не страшится.
Счастье приносишь ты въ домъ, гдѣ пріютъ нетревожный находишь,
Божія птица [1]), какъ набожный пахарь тебя называетъ;
Онъ, какъ священную птицу, тебя почитаетъ и любитъ
(Такъ пѣснопѣвцевъ народы въ вѣка благочестія чтили).
Кто-жъ, нечестивый, посмѣетъ гнѣзда твоего прикоснуться, —
Домъ ты его покидаешь, какъ бы говоря человѣку:
„Будь покровителемъ мнѣ, но свободы моей не касайся!“
Птица любви и мира, ты недругъ всѣхъ хищныхъ пернатыхъ:
Первая крикомъ тревожнымъ—домашнимъ ты птицамъ смиреннымъ
Вѣсть подаешь о налетѣ погибельномъ коршуна злого;
Крикомъ встрѣчаешь его; и до облакъ преслѣдуешь крикомъ,
Часто крылатаго хищника умыслъ кровавый ничтожа.
Чистая птица, на прахѣ земномъ ты ногъ не покоишь,
Развѣ на мигъ, чтобъ пищу восхитить, садишься на землю:
Цѣлую жизнь, и поя, и гуляя, ты плаваешь въ небѣ,

1) Такъ въ нѣкоторыхъ полуденныхъ губерніяхъ Россіи народъ называетъ ласточку.

Такъ же легко и свободно, какъ мощный дельфинъ въ океанѣ.
Ты съ высоты поднебесной смотришь на бѣдную землю;
Горы, лѣса, города и всѣ гордыя зданія смертныхъ
Кажутся взорамъ твоимъ не выше долинъ и потоковъ;
Такъ для взоровъ поэта—земля и все, что земное
Въ шаръ единый сливается, свыше лучемъ озаренный.
Пой, любезная ласточка, пой и кружись надо мною!
Можетъ быть, пѣснь не послѣднюю ты мнѣ на душу напѣла.

МИЛЬТОНЪ, СѢТУЮЩІЙ НА СВОЮ СЛѢПОТУ.

(отрывокъ изъ III-й книги „потеряннаго рая").

(1805 г.)

Хвала, о Музы, вамъ! Я зрѣлъ селенья звѣздны,
Безстрашно нисходилъ въ подземны Ада бездны;
Дерзаю вновь парить въ священный эмпирей,
Въ пространство вѣчное лазоревыхъ полей.
Хочу я небо зрѣть, сей новый міръ блаженный,
Свѣтиломъ золотымъ согрѣтый, озаренный. —
И се, я чувствую огонь лучей его;
Но свѣтъ угаснулъ ихъ для взора моего!
Зѣницы тусклыя во тьмѣ ночной вращаю,
И тщетно средь небесъ я солнце зрѣть желаю!
Увы! не просвѣтитъ оно моихъ очей;
Мой не увидитъ взоръ златыхъ его лучей.
Но ты, мой вѣрный другъ, божественная Муза!
Ты не прервешь со мной священнаго союза;
Не перестанешь гласъ мой слабый оживлять,
Когда я буду пѣснь святую воспѣвать;
Скитаясь по горамъ, до облакъ вознесеннымъ,
Среди густыхъ лѣсовъ, по берегамъ зеленымъ,
Не наслаждаюсь я уже ихъ красотой,
Въ одномъ безмолвіи бесѣдую съ тобой.

Мѣста, жившія мой томный духъ смущенный,
Гора Сіонская, и ты, ручей священный,
Что при стопахъ ея задумчиво журчишь
И свѣтлую лазурь между цвѣтовъ катишь, —
Васъ часто съ Музою, слѣпецъ, я посѣщаю;
О мужи славные, васъ часто призываю!

Слѣпцы, живущіе въ безсмертныхъ звукахъ лиръ,
Тирезій, Тамирисъ, божественный Омиръ!
Однимъ несчастіемъ я съ вами только равенъ;
Увы! подобно вамъ почто и я не славенъ?..

Такимъ мечтаніемъ духъ слабый напитавъ
И силу новую воображенью давъ,
Вселенной чудеса я съ Музой воспѣваю,
И огнь души моей въ сихъ пѣсняхъ изливаю. —
Такъ скромный соловей, въ ночной, безмолвный часъ,
Сокрывшись въ мракъ лѣсовъ, лѣтъ свой сладкій гласъ. —
И годъ, и день, и ночь — все снова возродится;
Но для очей моихъ свѣтъ дня не возвратится;
Мой взоръ не отдохнетъ на зелени холмовъ;
Весна моя безъ розъ, и лѣто безъ плодовъ.
Увы! я не узрю ни синихъ водъ безмѣрныхъ,
Ни утреннихъ лучей, ни пурпуровъ вечернихъ;
Ни богомужняго и кроткаго лица,
Въ чертахъ котораго блистаетъ ликъ Творца.
Вотще красуются цвѣтовъ различны роды;
Исчезли для меня всѣ красоты природы;
И небо и земля покрылись страшной тьмой,
И книга дивная закрылась предо мной;
Все пусто, вѣчною все ночью поглотилось,
И солнце для меня навѣки закатилось! —
Простите навсегда, науки и труды,
Сокровища искусствъ и мудрости плоды!
Сокровищемъ искусствъ я больше не плѣнюся,
Плодами мудрости уже не наслажуся:
Все скрыла ночь! — Но ты, любимица небесъ,
Сойди на помощь мнѣ, расторгни мракъ очесъ;
О Муза, просвѣти меня огнемъ небеснымъ,
И не останусь я въ потомствѣ неизвѣстнымъ,
Открывъ безтрепетно въ священной пѣсни сей
Сокрытое до днесь отъ смертнаго очей.

МЕЛОДІЯ.

(1824 г.)

Душѣ моей грустно. Спой пѣсню, пѣвецъ.
Любезенъ гласъ арфы душѣ и унылой.

Мой слухъ очаруй ты волшебствомъ сердецъ,
Гармоніи сладкой всемощною силой.
Коль искра надежды есть въ сердцѣ моемъ,
Ее вдохновенная арфа пробудитъ,
Когда хоть слеза сохранилася въ немъ,
Прольется, и сердца сжигать мнѣ не будетъ.
Но пѣсни печали, пѣвецъ, мнѣ воспой:
Для радости сердце мое ужъ не бьется;
Заставь меня плакать,—иль долгой тоской
Гнетомое сердце мое разорвется.
Довольно страдалъ я, довольно терпѣлъ;
Усталъ я.— Пусть сердце или сокрушится,
И кончитъ земной мой несносный удѣлъ;
Иль съ жизнію арфой златой примирится.

ТАРАТИНСКАЯ ДѢВА.

(1822 г.)

Стенайте, Алкіоны!
О птицы нѣжныя, любимицы Наядъ,
Стенайте! ваши стоны
Окрестные брега и волны повторятъ.
Не стало, нѣтъ ея, прекрасной Евфрозины!
Младую несъ корабль на берегъ Камарины;
Туда ее Гименъ съ любовью призывалъ:
Невѣсту тамъ женихъ на прагѣ дома ждалъ;
При ней, на брачный день, хранилъ ковчегъ кедровый,
Одежды свѣтлыя и дѣвы поясъ новый,
И перлы для груди, и злато для перстовъ,
И благовонныя мастики для власовъ,
Но, какъ Ніобы дочь, невинная душою,
На путь покрытая одеждою простою,
Фіалковымъ вѣнкомъ и ризою льняной,
На палубѣ одна стояла и мольбой
Звала попутный вѣтръ и мирныя свѣтила.
Но вихорь налетѣлъ и, грянувши въ вѣтрила,
Невѣсту обхватилъ, корабль качнулъ: о страхъ!
Она уже въ волнахъ!..

Она уже въ волнахъ, младая Евфрозина!
Помчала мертвую глубокая пучина.

Ѳетида, сжаляся, ее изъ безднъ морскихъ
Выноситъ блѣдную въ объятіяхъ своихъ.
На крикъ сестры, толпой, сквозь влажныя громады,
Всплываютъ юныя поверхъ зыбей Наяды;
Несутъ бездушную, кладутъ подъ кипарисъ;
Тамъ принялъ дѣвы прахъ Зефировъ тихій мысъ;
Тамъ Нимфы, воплями собравъ подругъ далекихъ,
И Нимфъ густыхъ лѣсовъ, и Нимфъ полей широкихъ,
И распустивъ власы, надъ холмомъ гробовымъ
Весь огласили брегъ стенаніемъ своимъ.

Увы! напрасно ждалъ тебя женихъ печальный;
Ты не украсилась одеждою вѣнчальной:
Твой перстень съ женихомъ тебя не сочеталъ,
И кудрей дѣвственныхъ вѣнецъ не увѣнчалъ!

КУЗНЕЧИКЪ.

(ИЗЪ АНАКРЕОНА).

(1822 г.)

О счастливецъ, о кузнечикъ,
На деревьяхъ на высокихъ
Каплею росы напьешься,
И, какъ царь, ты распѣваешь.
Все твое, на что ни взглянешь,
Что въ поляхъ цвѣтетъ широкихъ,
Что въ лѣсахъ растетъ зеленыхъ.
Другъ смиренный земледѣльцевъ,
Ты ничѣмъ ихъ не обидишь;
Ты пріятенъ человѣкамъ,
Лѣта сладостный предвѣстникъ;
Музамъ чистымъ ты любезенъ,
Ты любезенъ Аполлону:
Даръ его — твой звонкій голосъ.
Ты и старости не знаешь,
О мудрецъ, всегда поющій,
Сынъ, жилецъ земли невинный,
Безболѣзненный, безкровный,
Ты почти богамъ подобенъ!

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

	стр.
Николай Ивановичъ Гнѣдичъ (Критико-біографическій очеркъ).	I—XXXI
Къ моимъ стихамъ.	1
Общежитіе.	2
Перуанецъ къ испанцу.	5
Гласъ благодарности.	8
На гробѣ матери	10
Сонъ скупого	12
Романсъ.	13
Скоротечность юности.	14
Къ К. Н. Батюшкову.	16
Семеновой, при посылкѣ ей экземпляра трагедіи: «Леаръ».	18
Задумчивость.	19
Снигирь.	21
Дружба.	23
На смерть Даниловой	24
Къ Батюшкову, при подаркѣ ему бѣлой книги	25
Подражаніе Горацію.	26
Дружба.	—
Для Розоваго павильона въ Павловскѣ.	27
Отвѣтъ на посланіе гр. Д. И. Хвостова, напечатанное 1810 года.	—
Екатеринѣ Павловнѣ, королевѣ Виртембергской.	29
На французскія революціонныя знамена въ Казанскомъ соборѣ	—
Къ генералу Захаржевскому, начальнику Краснаго Села.	30
Р. И. Сухозанетовой, при отъѣздѣ ея изъ С.-Петербурга	31
Что значитъ «любить»	—
Перстень	32
Къ*** извиненіе.	—
Къ Провидѣнію.	33
Къ другу	34

стр.

Къ нему же 35
Осень . . . . . —
М. Ѳ. Кокошкиной 36
Пріютино 37
Къ И. А. Крылову 41
Рыбаки 42
Приношеніе Екатеринѣ Павловнѣ, покойной королевѣ Виртембергской . . 52
Къ И. А. Крылову 53
Иностранцамъ-гостямъ моимъ 54
На смерть одной и рожденіе другой дочери Г. 56
День моего рожденія 57
На смерть дочери 58
Чудо на масляной недѣлѣ 59
Медвѣдь . . . . . —
А. А. О. 61
Къ ***. . . . . —
На смерть барона А. А. Дельвига 62
Къ нему же, при погребеніи . . . . . —
Псарь и медвѣдь 63
Дума 64
Кавказская быль 65
Ласточка 67
Мильтонъ, сѣтующій на свою слѣпоту 68
Мелодія 69
Таратинская дѣва 70
Кузнечикъ 71

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ТОМЪ ВТОРОЙ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Н. Минскимъ (Н. М. Виленкинымъ).

ТОМЪ ВТОРОЙ

ИЗДАНІЕ
ПОСТАВЩИКОВЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1903

Дозволено цензурою. Спб., 20 октября 1903 г.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, В. О., 16 л., д. № 5—7.

СТИХОТВОРЕНІЯ

АРФА ДАВИДА.

(1821 г.)

Разорваны струны на арфѣ забвенной
Царя-пѣснопѣвца, владыки народовъ, любимца небесъ!
Нѣтъ болѣе арфы, давно освященной
Сыновъ Іудейскихъ потоками слезъ!
О, сладостны струнъ ея были перуны!
Рыдайте, рыдайте! На арфѣ Давида разорваны струны!

Гармоніей сладкой она проницала
Желѣзныя души, мѣдяныя груди суровыхъ людей;
Ни слуха, ни сердца она не встрѣчала,
Чтобъ ихъ не восхитить до звѣздныхъ полей
Чудеснымъ могуществомъ струннаго звона.
Священная арфа Давида сильнѣе была его трона.

Вслухъ міру Царя она славу гремѣла;
Величила въ пѣсняхъ могущество Бога, Его чудеса;
Веселіемъ полнила грады и села,
И двигала горы и кедровъ лѣса;
Всѣ пѣсни ея къ небесамъ возвышались,
И тамъ, возлетѣвши, подъ скиніей Бога навѣки остались.

Съ тѣхъ поръ на землѣ ихъ не слышно небесныхъ.
Но кроткая вѣра еще восхищаетъ слухъ кроткихъ сыновъ
Мелодіей сладкой тѣхъ звуковъ чудесныхъ:
Они, какъ отъ звѣздныхъ слетая круговъ,
Лелѣютъ ихъ души небесными снами,
Которыхъ не можетъ и солнце разрушить златыми лучами.

КРАСОТЫ ОССІАНА

или пѣсни въ сельмѣ *).

(1804 г.)

Ты, которая являешься
Изъ-за темныхъ облакъ запада
Съ тихимъ взоромъ и трепещущимъ,
Ты, которая течешь теперь,
По пространству неба синяго
Тихо, важно и торжественно,—
О звѣзда вечерня, свѣтлая,
Ночи тихой вѣрна спутница!
Для чего свой взоръ трепещущій
На долину опускаешь ты?
Вѣтры дневные безмолвствуютъ,
Умолкаетъ шумъ источниковъ,
Онъ умолкъ—и волны тихія
У подножія крутой скалы
Со смиреніемъ ласкаются;
Свѣтло-крылы, насѣкомыя
Кучи съ кучей собираются
На лучѣ дня умирающемъ
И жужжаньемъ прерываютъ лишь
Тишину вездѣ глубокую.
О звѣзда вечерня, свѣтлая!
Для чего свой взоръ трепещущій
На долину опускаешь ты?
Но уже съ улыбкой кроткою
И сама къ долинѣ клонишься,
Волны вкругъ тебя стекаются
И, свои главы дрожащія
Подымая, осребряются.
Такъ прости-жъ, звѣзда безмолвная,
Если вмѣсто твоего огня
Возсіяетъ огнь души моей
И огонь сей, возрождаяся,

*) Въ стихахъ сихъ многаго не найдутъ того, что есть въ «Пѣсняхъ въ Сельмѣ», но многое найдутъ, чего нѣтъ въ нихъ; скажу (но можетъ быть эта смѣлость мнѣ и непростительна), что я хотѣлъ только всѣ красоты Оссіана слить въ эти пѣсни, и въ нихъ однѣхъ хотѣлъ показать, каковъ Оссіанъ.

Съ силой всею разливается
По составамъ *Оссіановымъ;*
При его сіяньѣ вижу я
Тѣни стекшихся друзей моихъ
И на Лору опустившихся.
Межъ толпою сихъ воителей
Узнаю героя сильнаго;
Онъ межъ нами такъ, какъ гордый дубъ
Между низкими деревьями; —
Онъ—Фингалъ среди сподвижниковъ;
Всѣ тѣ старцы сѣдобрадые,
Коихъ чела такъ блестятъ во тьмѣ,
Всѣ тѣ старцы—Барды славные;
Узнаю въ нихъ Рино нѣжнаго,
И Альпино громогласнаго,
И тебя, Минона томная;
О друзья мои любезные!
Сколько-сколько перемѣны въ васъ
Съ тѣхъ временъ, съ тѣхъ дней счастливѣйшихъ,
Какъ среди торжествъ мы Сельминыхъ
Состязались—кто вѣнчается,
Кто возьметъ награду пѣнія,
Состязались, какъ зефиръ весны,
Часто на холмъ возлетающій,
Чтобъ лелѣять травку нѣжную,
Изъ земли едва возникшую.
О друзья мои, вы помните,
Какъ въ одно мы изъ такихъ торжествъ
Видѣли Минону томную
Въ полномъ блескѣ юныхъ прелестей.
Времена давно протекшія,
Прежде бывшія дѣянія,
Оживитеся—воскресните
Въ Оссіана слабой памяти!
Помню, какъ Минона вышла къ намъ:
На глазахъ ея потупленныхъ
Двѣ слезы, росѣ подобныя,
Трепетали и скатилися
По щекамъ ея прелестнѣйшимъ
На грудь бѣлую, высокую;
Всѣ герои тутъ смягчилися!
Но когда уста прекрасныя,

Раскрываясь, голосъ издали,
Всѣ герои тутъ заплакали...
Ахъ, и камень тутъ заплакалъ бы!
Всѣ герои часто видѣли
Гробъ Сальгара, юна воина,
И жилище бѣдной Кольмы той,
Той, которой обѣщалъ Сальгаръ
Возвратиться съ окончаньемъ дня;
День проходитъ,—но нейдетъ Сальгаръ,
Ночь находитъ,—но Сальгара нѣтъ.
Кольма, зря себя оставленной,
Мракомъ ночи окруженною,
Произноситъ съ стономъ жалобы:
„Ночь снисходитъ,—я одна сижу
На холмѣ, гдѣ собираются
Вѣтры бурные, пустынные.
Ночь снишла—лѣса шумятъ уже,
Завываетъ буря въ ребрахъ горъ,
Тамъ—ручей, дождемъ наполненный,
По крутизнамъ извиваясь,
Съ шумомъ въ бездну низвергается.
Громъ гремитъ,—куда укрыться мнѣ?
Я одна,—одна оставлена!

„Покажи, луна, скорѣе ты
Хоть одинъ рогъ изъ-за облаковъ,
Ахъ! хоть, звѣзды, появитеся
И излейте слабый, тусклый свѣтъ,
Приведите Кольму бѣдную
Къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ другъ души моей.
Ночь еще чернѣй становится,
Тамъ лѣется пламя бѣлое,
Громъ реветъ ужъ надъ главой моей;
Какъ и эту ночь ужасную
Мнѣ одной провесть на холмѣ семъ?
Шумъ ручья усугубляется,
Вѣтры болѣе свирѣпствуютъ;
Замолчите, вѣтры бурные,
Не шумите вы, источники,
Чтобъ Сальгаръ услышалъ голосъ мой!
О Сальгаръ, Сальгаръ, сюда иди,
Вотъ тотъ камень, вотъ то дерево,

Вотъ источникъ, у котораго
Ты велѣлъ мнѣ ожидать себя:
Кольма здѣсь и дожидается;
Но Сальгаръ! какъ долго медлишь ты!
Ахъ,—луна уже является,
Вижу воды я мелькающи,
Сквозь туманы тонки-сизые
Вижу камни сѣроватые;
Но не вижу ловчихъ псовъ его,
Сихъ предтечей возвращенія.
Что мнѣ дѣлать? И куда идти?
Ахъ,—ужели здѣсь остаться мнѣ?
Вотъ, луна совсѣмъ явилася,
И какихъ я ратоборцевъ зрю
Тамъ на полѣ распростершихся?
Или сонъ сомкнулъ зеницы ихъ?
Отвѣчайте, вои храбрые!
Вы молчите?—Подойду я къ нимъ...
Вотъ мечи—но черна кровь на нихъ...
Ахъ,—мой братъ, а это—мой Сальгаръ!
Горе, горе! Оба мертвые!
„О Сальгаръ, о другъ души моей!
Ахъ, убилъ ты брата Кольмина!
О мой братъ,—о братъ любезнѣйшій!
Ахъ! за что убилъ Сальгара ты?
Вы молчите? Побесѣдуйте,
Хоть полслова вы скажите мнѣ,
Хоть полслова—на стенанія:
Но, увы! они безмолвствуютъ!
Навсегда уже безмолвствуютъ!
Ужъ не бьются и сердца у нихъ,
Не забьются никогда они!
О мой братъ!—ты былъ страшнѣе всѣхъ
Въ полѣ брани, межъ свистящихъ стрѣлъ.
О Сальгаръ!—ты былъ прекраснѣе
Всѣхъ на холмѣ обитающихъ.
„Съ высоты холмовъ покатистыхъ,
Съ высоты хоть горъ ужаснѣйшихъ,
Отвѣчайте, тѣни милыя,
На стенанія вы Кольмины!
Отвѣчайте,—и не бойтеся
Устрашить меня отвѣтами;

Между тѣмъ—одна я съ горестью
Сяду здѣсь на камнѣ дикомъ семъ,
И съ росой вечерней, утренней
Буду камень сей кропить слезой!
О друзья почившихъ вѣчнымъ сномъ!
Вы для нихъ могилу выройте,
Но пождите засыпать ее:
Скоро, скоро я сойду туда,
Скоро лягу вмѣстѣ съ милыми!
Тѣни ночи на холмъ спустятся,
Съ ними я, въ прозрачномъ облакѣ,
Прилечу на холмъ покатистый.
Звѣроловецъ на меня взглянетъ,
И нога его стремящаясь
Остановится отъ ужаса.
Сердце въ немъ замретъ,—но голосъ мой
Оживитъ и усладитъ его.
Голосъ мой, мои стенанія
Надъ могилами друзей моихъ
Будутъ томныя, плачевныя".
Такъ Минона пѣснь окончила.
Каждаго глаза слезящіесь
На Минону устремилися,
И лицо ея прелестное
Вдвое сдѣлалось прелестнѣе;
Оттѣнились щеки бѣлыя
Цвѣтомъ дѣвической скромности,
Цвѣтомъ алымъ щеки снѣжныя!
Сладкогласный тутъ возсталъ Уллинъ
И на арфѣ томно роскошной
Пѣснь Альпина, пѣснь унылую,
Воскресилъ своею памятью:
Онъ воспѣлъ о юномъ Морарѣ,
О его геройскихъ подвигахъ
И о смерти,—о слезахъ отца,
О слезахъ сестрою пролитыхъ,
Сей Миноною чувствительной.
Первый звукъ унылой пѣсни сей
Лишь раздался,—и глубокій вздохъ
Поднялъ грудь ея высокую!
Такъ весенній подымаетъ вѣтръ
Лебедину грудь пушистую;

Удалилася несчастная,
Какъ луна предъ грозной бурею
Удаляется за облако,
Чтобъ блѣднѣющее скрыть чело.
Пѣснь Уллина потрясла сердца,
Всѣхъ объяла горесть тихая:
Такъ ночная тѣнь объемлетъ холмъ.
Но какой согбенный старецъ тамъ,
Подымаясь съ трепетаніемъ,
На высокій жезлъ склоняется?
Голова его безвласая
Такъ печально опустилася,
Вздохи тяжкіе, глубокіе
Воздымаютъ грудь опадшую?
Се Арминъ, отецъ несчастнѣйшій!
Пѣснь Уллинова печальная
Образъ сына, образъ дочери,
Сихъ дѣтей его любезнѣйшихъ,
Падшихъ въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ своихъ,
Живо тутъ ему представила,
И изъ глазъ померкшихъ, сомкнутыхъ
Полилась струя горючая.
„Какъ, Арминъ!—сказалъ Кармаръ ему,—
Это пѣніе пріятное
Льетъ въ сердца лишь томность нѣкую,
Таковую, какъ мы чувствуемъ
При закатѣ солнца краснаго,
Лучъ когда его блѣднѣющій
На тополевыхъ листахъ дрожитъ,
Или гаснетъ на вершинахъ горъ;
Озеро когда спокойное
Синевою покрывается,
И когда росой вечернею
Цвѣтъ склонившійся подъемлется;
Это пѣніе небесное
Въ душу льетъ одно уныніе,
Но уныніе пріятное;
Отчего-же горесть сильная,
О вождь Гормы, на лицѣ твоемъ?“
„Горесть, горесть и въ душѣ моей!—
Такъ согбенный возопилъ Арминъ,—
И причина этой горести,

О Кармаръ!—есть справедливая.
Не лишился ты дѣтей своихъ;
Храбрый Кольгаръ, юна Анира
При тебѣ еще находятся;
Но Арминъ—одинъ на всей землѣ!
Ахъ! къ кому онъ склонитъ голову?
Грудь свою уже охладшую
Ахъ, на чьей груди согрѣетъ онъ?
Нѣтъ руки сыновней, дочерней,
Поддержать чтобы ослабшаго;
Нѣтъ руки, котора-бъ вывела
Въ ясный день меня на холмъ крутой,
Чтобы тѣло мое слабое
Солнцемъ краснымъ оживилося;
Нѣтъ руки закрыть глаза мои!
Гдѣ теперь вы, дѣти милыя?
Гдѣ теперь ты, сынъ возлюбленный,
Ты, который въ полѣ бранномъ былъ
Равенъ духу громоносному,
Равенъ черной, грозной тучѣ той,
Стрѣлы коей и скалы дробятъ?
Такъ во мракѣ, въ сей землѣ сырой,
Три шага—вмѣстили сильнаго.
О Даура, дочь любезная,
Гдѣ твои цвѣтущи прелести?
Бѣлизной была ты равная
Снѣгу дебрей; твои волосы
Тѣмъ парамъ, что вверху горы
Вьются кудрями прозрачными
И златятся солнцемъ западнымъ.
О дочь милая, подобная
На закатѣ полну мѣсяцу,
Ты увяла—ахъ! исчезла ты,
Исчезаешь какъ звѣзда во тьмѣ,
Пролетѣвъ пустыню синюю.
О Даура, какъ печаленъ одръ,
На которомъ ты простерлася!
О Даура, какъ глубокъ тотъ сонъ,
Ты въ который погрузилася!
Ахъ! когда, когда пробудишься,
Чтобъ меня,—отца несчастнаго,
Чтобы горесть мою лютую

Усладить своею пѣснію;
Иль когда, хоть въ полночь ясную
На лучѣ спустяся мѣсячномъ,
Ты проглянешь сквозь окно мое,
Чтобъ увидѣть, какъ я слезы лью...
Никогда! О ночь ужасная!..
„Вѣтры бурные—воздвигнитесь
И въ пустыню дуйте черную!
Раздирайте тучи сизыя
И шумите межъ дубовъ сѣдыхъ,
И свистите въ сихъ скалахъ крутыхъ...
Заревите, бури ярыя!
Покатись, луна багровая,
Между черныхъ тучъ разодранныхъ!
Громы, громы! разсыпайтеся
Надъ моей главою бѣлою —
И представьте роковую ночь,
Ту, въ которую лишился я
Обоихъ дѣтей любезнѣйшихъ!
„Черны крылья врана вѣщаго,
Но чернѣй покровъ той ночи былъ;
Духи злобные пустынныхъ бурь
Враждовали съ злобой страшною,
Громы съ громами встрѣчалися,
Потрясались горы дикія,
Пламя вкругъ меня ліющееся
Освѣщало ужасъ ночи сей.
Зрѣлъ, какъ дубы расщеплялися,
Или, духомъ бури рвануты,
Вмѣстѣ съ камнями отторгшимися,
Съ трескомъ, стукомъ съ горъ катилися
Въ пѣнну бездну.—Зрѣлъ, какъ съ клокотомъ
Воздымались горы водныя,
И, шумя главами бѣлыми,
О скалы дробились яростно.
Среди ужаса полночи сей
Вдругъ раздался голосъ жалобный,
Повторился—и узналъ я въ немъ
Стонъ сыновній—Ариндаля стонъ,
Ариндаля, пораженнаго
Остріемъ стрѣлы Армаровой;
Но Армаръ невиненъ, ты, Эратъ,

Ты похитилъ отъ любви его
Дочь мою, его любившую,
И Армаръ, сочтя во тьмѣ ночной
Ариндаля похитителемъ,
Напрягаетъ лукъ—стрѣла свиститъ...
Ариндаль, какъ цвѣтъ весенній, палъ!
Ахъ!—мой сынъ своею кровію
Обагрилъ ручьи текущіе,
А отецъ его несчастнѣйшій
Тѣ ручьи, имъ обагренные,
Наводнилъ слезами горькими.
Изъ-за тучъ проглянулъ мѣсяцъ вдругъ,
И очамъ моимъ слезящимся—
На утесѣ, вкругъ котораго
Клокотала пѣна бѣлая,—
Показалось привидѣніе,
Тѣнямъ Лега тѣмъ подобное,
Что, скитаяся во тьмѣ ночной,
Воютъ съ птицами полночными
И надгробной пѣсни требуютъ.
Мѣсяцъ блѣдный ниспустилъ свой лучъ
На лицо стенящей тѣни сей,
И—о горе!—дочь увидѣлъ я!
Видѣлъ я ее, несчастную,
На скалѣ, одну—оставленну
И волнами окруженную!
Это варварство Эратово.
Ахъ! отецъ смотрѣлъ на дочь свою
И не могъ подать ей рукъ своихъ;
Слышалъ онъ ея стенанія
И не могъ подать ей помощи!
Мракъ ночной опять сокрылъ ее;
Но духъ вѣтровъ, зломъ любуяся,
Стоны дочери страдающей
Приносилъ къ отцу несчастному.
Слышалъ я, какъ тѣ стенанія
Утихали, умалялися
И исчезли съ мракомъ ночи сей.
Первый лучъ свѣтила дневнаго
Освѣтилъ ее—простершую!
И я видѣлъ, какъ на семъ лучѣ
Непорочная душа ея

Возносилась къ небу синему,
И какъ облако румяное
Разстилалося по воздуху,
Чтобъ принять моей Дауры тѣнь—
И отецъ, отецъ смотрѣлъ на то...
„Съ роковой, ужасной ночи сей
Я всегда—какъ духи бурные
Сѣютъ злобу межъ стихіями,
Какъ пустынныя стенанія
Отзываются въ ушахъ моихъ,
Какъ летаютъ въ вихряхъ воющихъ
Листья желтые древесные,
И, крутясь надъ головой моей,
Съ сѣдиной моей мѣшаются—
Я сижу на этомъ берегѣ,
На скалу смотрю ту страшную,
Иногда сквозь слезы вижу я,
На лучѣ послѣднемъ мѣсячномъ
Тѣни милыя дѣтей моихъ,
Межъ собою тихо шепчущихъ.
Какъ,—о дѣти!—вопію я къ нимъ,—
Вы лишились сожалѣнія,
Вы не хочете отвѣтствовать
На стенанія отцовскія?
Но—увы! они въ безмолвіи,
Помавая головами ихъ,
Близъ меня несутся медленно
И отъ глазъ моихъ скрываются!
Никогда я не увижу васъ,
Никогда васъ не услышу я!
Горесть лютая въ душѣ моей,
И причина этой горести—
О Кармаръ!—есть справедливая!"
Таковыя пѣсни томныя
Въ сводахъ Сельмы раздавалися,
Такъ звучали арфы стройныя,
Такъ гремѣли барды славные,
Сидя вкругъ огней пылающихъ
Съ золотою чашей пиршества.
Голоса ихъ были громкіе,
Но и мой тамъ голосъ слышенъ былъ:
А теперь языкъ мой холоденъ

И угасъ огонь души моей.
Тѣни бардовъ часто носятся,
Воспѣвая пѣсни древнія;
Я стараюся замѣтить ихъ,
Но и память измѣняетъ мнѣ.
О лѣта!.. но вы, которые
Ясно солнце еще видите,
Возведите вы меня, слѣпца,
Возведите Оссіана вы
На холмы его высокіе,
Посадите подъ орѣшникомъ,
Подлѣ дуба тамъ шумящаго,
Посадите на зеленый дернъ,
Близъ ручья, едва журчащаго,
А Мальвина пусть мнѣ арфу дастъ,
И холодная душа моя
Можетъ быть еще возвысится.
Возвышается—о Сельма! зрю
Твои стѣны, дерева твои,
Зрю Фингала—о родитель мой!
Зрю Оскара—сынъ возлюбленный!
Вотъ герои всѣ морвенскіе—
Въ ихъ рукахъ мечи блестящіе.
О герои! вы желаете
Славы вѣчной?—вы получите,
Увѣнчаетесь—я живъ еще,
Возвѣщу вѣкамъ я будущимъ!
Но увы!.. рука дрожащая
Ронитъ арфу—слышу голосъ лѣтъ:
Какъ? Еще, еще желаетъ пѣть
Оссіанъ? Который завтра же,
Но, быть можетъ, въ этотъ самый часъ,
Ляжетъ въ гробъ, пескомъ засыплется!
Слабый смертный—жертва времени!
Нынѣ гордо съ башенъ смотришь ты
Внизъ на землю, а земля сія
Можетъ завтра—можетъ нынѣ же
И тебя, и мысли гордыя—
Ахъ!—поглотитъ въ нѣдра мрачныя,
И полночны совы нынѣ же,
Вмѣстѣ съ вѣтрами пустынными,
Поселятся въ гордыхъ башняхъ тѣхъ,

И завоютъ съ псами страшну пѣснь,
Зашипитъ змѣй въ шишакѣ твоемъ,
Засвиститъ вѣтръ вкругъ щитовъ твоихъ,
И одно сухое дерево,
Иль тростникъ, звеня головками,
Возвѣститъ потомкамъ будущимъ
О тебѣ и о дѣлахъ твоихъ!
Ахъ! скорѣй лѣта печальныя,
Вы скорѣй, быстрѣй катитеся
Надъ сѣдою головой моей,
Закрывайте вы глаза мои,
Свѣта дневнаго не зрящіе
И почти уже закрытые;
Я всего лишился въ мірѣ семъ,
Оссіана все оставило,
Что любезно на землѣ было;
Барды всѣ мнѣ современные
Успокоились а я живу!
Ахъ! скорѣй лѣта печальныя,
Откройте крышку гробную!

СѢТОВАНІЕ ѲЕТИДЫ

НА ГРОБѢ АХИЛЛЕСА.

(1815 г.)

Увы мнѣ, богинѣ, рожденной къ бѣдамъ!
И матери въ грусти, навѣкъ безотрадной!
Зачѣмъ не осталась, не внемля сестрамъ,
Счастливою дѣвой въ пучинѣ я хладной?
Зачѣмъ меня избралъ супругой герой?
Зачѣмъ не судила Пелею судьбина
Связать свою долю со смертной женой?..

Увы, я родила единаго сына!
При мнѣ возрасталъ онъ, любимецъ боговъ,
Какъ пышное дрѣво, долинъ украшенье,
Очей моихъ радость, души наслажденье,
Надежда Ахеянъ, гроза ихъ враговъ!
И сына такого, Эллады героя,
Создателя славы Ахейскихъ мужей,

Увы, не узрѣла притекшая съ боя,
Къ груди не прижала отрады моей!
Младый и прекрасный Троянъ побѣдитель
Презрѣннымъ убійцею въ Троѣ сраженъ!
Дѣлами—боговъ изумившій воитель,
Какъ смертный ничтожный, землей поглощенъ!

Зевесъ, гдѣ обѣтъ твой? Ты клялся главою,
Что славой, какъ боги, безсмертенъ Пелидъ;
Но рать еще зрѣла пылавшую Трою,
И Трои рушитель былъ ратью забытъ!
Изъ гроба былъ долженъ подняться онъ мертвый,
Чтобъ чести для праха у Грековъ просить;
Но, чтобъ ихъ принудить почтить его жертвой,
Былъ долженъ Зевесъ, ты природы смутить;
И самъ, ужасая Ахеянъ народы,
Сномъ мертвымъ сковалъ ты имъ быстрыя воды [1]).

Отчизнѣ пожертвовавъ жизнью младой,
Что добылъ у Грековъ ихъ первый герой?
При жизни—обиды, по смерти—забвенье!
Что-жъ божіе слово? Одно ли прельщенье?
Не разъ пророкалъ ты, безсмертныхъ Отецъ:
„Героевъ безсмертьемъ пѣвцы облекаютъ“.
Но два уже вѣка свой кругъ совершаютъ,
И гдѣ предреченный Ахиллу пѣвецъ?
Увы! о Кронидъ, прельщены мы тобою!
Мой сынъ злополучный, мой милый Ахиллъ,
Своей за отчизну сложенной главою
Лишь гробъ себѣ темный въ пустынѣ купилъ!
Но если обѣты и Зевсъ нарушаетъ,
Кому тогда вѣрить, въ кого уповать?
И если Ахиллъ, какъ Ѳерситъ, погибаетъ,
Что слава? Кто будетъ мечты сей искать?
Ничтожно геройство, труды и дѣянья,
Ничтожна и къ чести, и къ славѣ любовь,
Когда ни отъ смертныхъ имъ нѣтъ воздаянья,
Ни же отъ святыхъ, правосудныхъ боговъ.

---

1) Безвѣтріе, долго удерживавшее Грековъ отъ отплытія въ домы, истолковано было Калхасомъ, жрецомъ, какъ посланное Зевесомъ, гнѣвнымъ на Грековъ, медлившихъ воздать Ахиллесу честь закланіемъ на гробѣ его Поликсены,—честь, которой онъ, являясь изъ гроба грозною тѣнью, себѣ требовалъ.

Такъ, сынъ мой, оставленъ, забвенъ ты богами!
И памяти ждать ли отъ хладныхъ людей?
Твой гробъ на чужбинѣ, изрытый вѣками,
Забудется скоро, сравнявшись съ землей!
И ты, моей грусти свидѣтель унылой,
О ульмъ, при гробницѣ взлелѣянный мной,
Изсохнешь и ты надъ сыновней могилой;
Одна я останусь съ безсмертной тоской!
О, сжалься хоть ты, о Земля, надо мною!
И если не можешь мнѣ жизни прервать,
Сырая Земля, разступись подъ живою,
И къ сыну въ могилу прими ты и мать!

РОЖДЕНІЕ ГОМЕРА.

(Посвящено С. С. Уварову).

(1816 г.)

I.

Съ тѣхъ дней, какъ въ Троѣ жизнь могучаго Пелида
Убійцей прервана предъ брачнымъ алтаремъ,
Прошли вѣка; но скорбь глубокую о немъ
Хранила въ сердцѣ мать, безсмертная Ѳетида.

„Героевъ подвиги во гробѣ не умрутъ;
Какъ холмы, гробы ихъ безсмертьемъ процвѣтутъ.
Поэзія—глаголъ святого вдохновенья,
Доколѣ на землѣ могущественъ и святъ,
Героямъ смерти нѣтъ, нѣтъ подвигамъ забвенья:
Изъ вѣковыхъ гробовъ пѣвцы ихъ воскресятъ".

Такъ утѣшалъ Зевесъ печальную Ѳетиду,
Когда она, взошедъ въ высокій бога домъ,
Напомнила ему о знаменіи томъ,
Какимъ онъ утвердилъ безсмертіе Пелиду;
Такъ утѣшалъ онъ мать.—Межъ тѣмъ, рука временъ
Дѣла полубоговъ съ лица земли стирала
И самую Молву съ вѣками увлекала,
Хранительницу дѣлъ сихъ древности племенъ.

Съ тѣхъ дней, какъ палъ Пелидъ, два вѣка [1]) протекали,
Но дѣлъ его пѣвцы отъ мрака не спасли;
Какъ эхо, пѣсни ихъ, рождаясь, умирали;
Краснорѣчивый прахъ безмолвствовалъ въ земли;
О славномъ воинѣ Ахейцамъ говорила
Одна, въ землѣ чужой, пустынная [2]) могила.

Давно Пелида мать не видѣла при ней,
Какъ въ дни минувшіе, ни жертвъ, ни алтарей;
Въ тѣ дни, когда, храня завѣтъ боговъ священный,
Додоны вѣщими дубами пророченный:
Чтитъ Ахиллеса гробъ, отечеству святой—
Сыны Ѳессаліи ко брегу Иліона,
На поклоненіе могилѣ Пеліона,
Въ урочный года срокъ стекалися толпой.

Бывало, черными [3]) одѣтый парусами
Корабль, съ дружиною, и хоромъ, и жрецами
Къ Троадѣ приплывалъ, и съ гимномъ гробовымъ
Въ пристанище входилъ подъ сумракомъ ночнымъ;
И въ жертву храброму на берегъ Иліона
Все несъ родимое съ земли его отцовъ,
Все Ѳессалійское: и пламень, и тельцовъ,
И воды Сперхія и кедры Пеліона.
И становилася могила алтаремъ;
Кругомъ пылалъ огонь, дымъ жертвъ курился тучный;
И сонмы юношей съ увѣнчаннымъ челомъ,
Сливали съ лирами свой голосъ сладкозвучный;
Другой сонмъ юношей, воинственныхъ, младыхъ,
Блистая красотой ихъ тѣлъ полунагихъ,
Лишь съ копьями въ рукахъ и мѣдными щитами,
Въ шеломахъ, конскими покрытыхъ волосами,
Сплетясь въ Ареевъ хоръ, плѣнительный очамъ,
И копьями звуча по звонкимъ ихъ щитамъ,
Вкругъ гроба пляскою воинственной летали
И крикомъ страшнымъ тѣнь Ахилла вызывали.

Все смолкнуло; герой забытъ родной землей!
Въ развалинахъ его надгробныхъ алтарей
Вылъ вѣтръ; могилы же его уединенной
И пастырь убѣгалъ, молвою устрашенный.
Давно вокругъ нея лишь ужасъ обиталъ;
Не разъ, нарушивши молчаніе ночное,

Огромный Ахиллесъ изъ гроба возставалъ
И, грозный, ужасалъ созданіе живое,
Чтобъ память о своихъ заслугахъ и дѣлахъ
Вновь пробудить, въ людскихъ умершую сердцахъ.

Все скрылось отъ земли, что Ахиллеса чтило.
Лишь сердце матери въ теченіе вѣковъ
Безсмертное, какъ сама, любви не измѣнило.
Мать, грусти вѣрная, забывъ обѣтъ небесъ,
Тотъ день, какъ сынъ ея погибъ стрѣлой Парида,
Навѣки обрекла для горести и слезъ,
Чтобъ участь мрачную оплакивать Пелида.
И каждый годъ въ сей день, въ тиши ночныхъ часовъ,
Изъ волнъ лазоревыхъ богиня выходила
Къ полямъ, гдѣ бытія Пелидова слѣдовъ
Десница времени еще не истребила;
Гдѣ Ксанѳъ и Симоисъ, прахъ Трои, рядъ могилъ
И каждый камень ей о сынѣ говорилъ.
Тамъ, надъ могилою заглохлой и пустынной,
Но гордою еще всѣхъ высшею главой,
Чернѣвшей издали надъ пѣнною пучиной,
Ѳетида каждый годъ являлась въ часъ ночной.—
Съ богиней скорбь дѣля, и сестры Нереиды
Бросали каждый годъ Нерея влажный домъ,
И выходя изъ волнъ, вкругъ горестной Ѳетиды
Садились сѣтовать на холмѣ гробовомъ.
И то безмолвныя грустили вкругъ богини,
То, вторя плачущей стенаніемъ своимъ,
Смущали тишину и ночи и пустыни,
И плачъ ихъ вѣтромъ былъ далеко разносимъ.
Далеко слыша ихъ, смолкала Филомела.
Недвижно Цинтія на горестныхъ смотрѣла
И слезы тихія задумчиво лила.
Такъ пѣснь ихъ жалобна, такъ сладостна была.

„О милыя сестры, о дщери Нерея!“
Къ нимъ часто Ѳетида вопила, стеня:
„Любви не извѣдавъ, не знавъ Гименея,
Стократно вы, дѣвы, счастливѣй меня!
Невѣдома грусть вамъ быть матерью сына
И все съ нимъ, единственнымъ, въ мірѣ терять.

На бѣдство—богиня, на горе я мать!
И нѣтъ мнѣ отрады, какую судьбина
Послала для смертныхъ несчастныхъ серденъ,
Найти хоть въ могилѣ— печалей конецъ!"

Такъ года протекли, такъ вѣка миновали;
Ѳетидѣ данныхъ клятвъ не исполнялъ Зевесъ:
Вѣка не унесли Ѳетидиной печали,
Она отчаялась и въ промыслѣ небесъ.
И нѣкогда, въ сей день, для плача посвященный,
Одна, безъ Нереидъ, возникла изъ зыбей,
И на сыновній гробъ возсѣвъ уединенный,
Душой предавшися всей горести своей,
Мечтаній полная о незабвенномъ сынѣ,
Мать повѣряла тамъ печаль свою пустынѣ.—
Глубокой, наконецъ, тоской омрачена,
Взроптала на свое безсмертіе она;
Мечтая прекратить жизнь для нея постылу,
Ударилась въ тоскѣ объ черную могилу;
И голосъ съ высоты богинѣ крикнулъ въ слухъ:

„Возстань, Нерея дочь, и укрѣпи твой духъ:
Послѣднимъ былъ сей день, печали посвященный!"

Ѳетида возстаетъ; и, взоръ поднявъ смущенный,
Зритъ бога надъ собой, метающаго громъ,
Сходящаго къ землѣ на облакѣ златомъ.
Въ священномъ ужасѣ и въ радости нѣмая,
Мать бросилась предъ нимъ, стопы обнять пылая;
Но мрачныхъ думъ еще и горести полна:
„Кроніонъ!.."—наконецъ воскликнула она: —
„Или плачевный стонъ тоски моей глубокой
Достигъ уже твоей обители высокой?..
Или надъ матерью ты сжалился, Зевесъ?"

Рекла, и, вновь упавъ къ ногамъ царя небесъ,
Рукой его стопы священныя объяла.

„О малодушная,"—вѣщалъ ей Эгіохъ:—
„Ты-ль мыслила, что я забыть героя могъ?
Ты-ль вѣчности моихъ завѣтовъ не познала?
Забыла-ль, что я самъ поклявшися главой,
Не въ силахъ возвратить сей клятвы роковой?

Но есть еще Судьбы: законъ ихъ довременный
Отвесть или упредить—нѣтъ власти во вселенной.
Сіи Судьбы виной, что черезъ столько лѣтъ
Еще не совершенъ священный мой обѣтъ,
Что блескъ безсмертныхъ дѣлъ — мракъ сокрываетъ гробы
Что въ пѣсняхъ не воскресъ твой сынъ богоподобный.
Но наконецъ Судебъ исполнился законъ,
И вдохновеннаго свершилося рожденье:
Изъ праха гласъ его подыметъ Иліонъ;
Онъ давнобытное, погрузшее въ забвенье,
Все въ образахъ живыхъ Элладѣ возвратитъ;
Въ нихъ зашумятъ моря, возстанутъ грады, горы;
Вкругъ Трои загремятъ кровавой брани споры,
И царства цѣлыя онъ въ пѣснь свою вмѣститъ.
Глава поэта—міръ; въ ней все, земля и небо;
И все животворитъ онъ, вдохновенный Фебомъ.
Возстань, гряди со мной, увѣруешь ты вновь,
Что непреложенъ ввѣкъ глаголъ царя боговъ".

Молча на облако возсѣла мать Пелида,
И тучъ гонителя велѣніемъ, Кронида,
Взвилось оно, какъ вихрь, къ эоирнымъ высотамъ;
Какъ вихрь, перенеслось къ Ахейскимъ островамъ;
Спустилось на холмы счастливаго Іоса,
Межъ благовонныхъ древъ и пышнаго лотоса.
И шествовать Зевесъ веля богинѣ съ нимъ,
Но взорамъ чадъ земныхъ желая быть незримъ,
Сквозь рощу яворовъ, на злачный холмъ пологой
Грядетъ невидимый съ богиней среброногой.

Тогда въ полдневный путь вступалъ Гиперіонъ,
И отъ его лица твердь знойная пылала;
И томная земля какъ будто въ сладкій сонъ
И воды, и поля, и воздухъ призывала;
И, будто чувствуя присутствіе боговъ,
Невидимости ихъ природа измѣнила,
И, жертву имъ неся, дыханіе цвѣтовъ,
Благоуханіемъ весь воздухъ растворила.
Величественный Зевсъ съ холмовъ свой путь склонялъ.
Тамъ, при покатѣ ихъ, стоитъ уединенный,
Кругомъ бросая тѣнь, высокій лавръ священный;
При корнѣ ключъ шумитъ, прозрачный, какъ кристалъ.

Подъ пышнымъ лавромъ тѣмъ сидитъ жена младая;
У ногъ ея лежитъ младенецъ на цвѣтахъ,
Прелестный, радостный, съ улыбкой на устахъ,
Цвѣтами съ дѣтскою безпечностью играя.
Недавно первенецъ, казалося, рожденъ;
И мать казалася отъ бѣдныхъ смертныхъ женъ:
Убогой ризою она была покрыта,
Но красотой цвѣла, какъ юная Харита.
Къ груди своей главой поникнувши, она
Сномъ амврозическимъ была окружена;
Дитя рѣзвилося въ цвѣтистой колыбели.—
И вдругъ Ѳетида зритъ: на лаврѣ девять птицъ
Явилися, какъ снѣгъ, блестящихъ голубицъ,
И съ лавра низлетѣвъ, кругомъ младенца сѣли;
И тихо порхая, одна вослѣдъ другой,
Младенца дивнаго, казалося, лобзали,
Казалось, легкими съ нимъ крыльями играли.
За ними пчелъ златыхъ явясь веселый рой
И, по цвѣтамъ кружась, влеченьемъ непонятнымъ
Неслись къ его устамъ съ ихъ медомъ ароматнымъ.
Вдругъ, съ высоты небесъ на лавръ спустясь, орелъ
Надъ колыбелію величественный сѣлъ,
Спокойно быстрый взоръ на солнце устремляя,
Которое текло въ средѣ небесъ, пылая.
Младенецъ радостный веселъемъ трепеталъ,
Несмѣжно, какъ орелъ, на солнце самъ взиралъ;
И юный взоръ его горѣлъ, какъ огнь дѣнницы,
И дѣтскій крикъ его былъ стройный гласъ цѣвницы.

Зевесъ невидимый въ безмолвіи стоялъ;
Пелида мать, чудясь, на отрока взирала
И тихо, чуть дыша, Зевеса вопрошала:

„Кто, кто младенецъ сей, повѣдай, Этіохъ?
Не богъ-ли свѣтлыхъ водъ, или небесный богъ
Любовью посѣтилъ созданіе земное?
Надъ чадомъ зрю небесъ я знаменье святое“.

И Зевсъ ей: „Надъ пѣвцомъ героевъ и боговъ
Почіетъ съ первыхъ дней божественный покровъ:
Любимецъ ихъ—пѣвецъ могучаго Пелида“.

„О милосердый Зевсъ!“—воскликнула Ѳетида;
И тихо на дитя невидимо припавъ,
И очи и уста лобзаніемъ покрыла,
И сладкими его слезами оросила.
За ней Отецъ боговъ къ рожденному представъ,
Младенца осѣнилъ божественной рукою;
И юная душа земного существа,
Почувствовавши вдругъ присутство божества,
Взыграла жизнію и радостью святою;
И засіялъ свѣтло прекрасною звѣздой
Огонь, языкъ души, надъ юною главой.

„Но кто же смертный сей, сынъ таинства священный?
Кому твой промыслъ далъ сей жребій возвышенный?
На сей ли онъ землѣ счастливой порожденъ,
Отъ Нимфъ ли родшая, или отъ смертныхъ женъ?
Не сынъ ли онъ царей, и отъ людей гоненья
Сокрытъ въ пустынѣ сей подъ взоры Провидѣнья?
Иль сынъ онъ пастыря счастливыхъ сихъ полей,
За добрыя дѣла, за вѣру и смиренье
Благословеннаго любовію твоей?
Кто онъ? Повѣдай, Зевсъ, пѣвца сего рожденье?“

„Онъ сынъ возлюбленный природы и боговъ.
Въ свои объятія, на лоно изъ цвѣтовъ
Его отъ матери природа воспріяла;
Небесныхъ и земныхъ исполнила даровъ:
Уста амврозіей безсмертной напитала;
Сихъ горлицъ простоту душѣ его дала
И силу гордую и быстрый взоръ орла;
Да будетъ пѣснь его—то сладостно журчащій
Токъ тихій при лучахъ серебряной луны,
То бурный водопадъ, съ нагорной вышины
Волнами шумными далеко вкругъ гремящій.—
Но колыбель и гробъ Ахиллова пѣвца
Есть тайна для земли: невѣдомо рожденный
И неразгаданный, подъ именемъ слѣпца
Пройдетъ онъ по землѣ; таковъ законъ священный
Судьбы; таинственный, какъ солнце, онъ возникъ,
Какъ солнце онъ умретъ въ лучахъ безсмертной славы“.

„Но, Кроновъ сынъ, Судьбы суровые уставы
Не для Отца боговъ.—Ты мощенъ и великъ,

И двухъ безсмертныхъ чадъ [4]) потомству въ нихъ оставитъ;
И такъ исполнится его земной удѣлъ.
Тогда его съ земли, съ лица юдоли тлѣнной,
Пророка на Олимпъ восхититъ мой [5]) орелъ,
Гдѣ, благовоніемъ небеснымъ умащенный,
И въ жизнь нетлѣнную преображенный вновь,
На пиръ безсмертія возсядетъ межъ боговъ,
И съ нами раздѣлитъ онъ смертныхъ поклоненье.
И сбудутся надъ нимъ безсмертныхъ словеса,
Какими Пиѳію [6]) исполнитъ вдохновенье:
Смѣлецъ, твой домъ—Олимпъ, отчизна—небеса!"

Умолкъ; и передъ нимъ душой благоговѣя,
Восторга полная, воззвала дочь Нерея:
„Любимца Зевсова благословенъ удѣлъ!
Но, Зевсъ, прости ты мать, разсѣй мнѣ мракъ сомнѣній.
Ужели, какъ земной пѣвца сего предѣлъ,
Толь мрачна и кратка судьба его твореній?
Не погребетъ ли Кронъ и ихъ всеобщей тьмой,
Какъ преждебывшія поэтовъ пѣснопѣнья?
Невѣрной памятью хранимыя одной,
Иль бренной хартіей, добычей быстрой тлѣнья,
Погибнутъ, можетъ быть, священныя творенья?"

„Не гибнетъ слово Музъ," вѣщалъ Отецъ боговъ:
„Какъ безконечна высь блистательнаго неба,
Таковъ удѣлъ земной святыхъ внушеній Феба.
Но должно зрѣть ряды безчисленныхъ вѣковъ,
Ряды имущихъ быть и царствъ и поколѣній,
Чтобъ славу созерцать безсмертныхъ пѣснопѣній.
Взирай, грядущія отверзу времена,
И быть имущія страны и племена".—

Онъ рекъ; и мрачная съ временъ завѣса пала;
Къ событіямъ ихъ мать взоръ жадный приковала;
И зритъ:

Гомера пѣснь, во мракѣ двухъ вѣковъ,
Вначалѣ тайное наслѣдіе пѣвцовъ,
Убогихъ, какъ онъ самъ, питомцевъ Музъ смиренныхъ,
Едва приноситъ имъ крупицы современныхъ.
Но извлеченную изъ тьмы рукой царей,
Вдругъ пѣснь его, изъ устъ скитавшихся людей,

Уста Оракуловъ принять соизволяютъ,
И боги языкомъ Гомеровымъ вѣщаютъ.
Тогда Ѳетида зритъ, сколь славенъ рокъ пѣвца!
За неизвѣстнаго, безроднаго слѣпца,
Семь спорятъ городовъ [7]), готовые сражаться,
Всѣ, гордые пѣвца отечествомъ назваться.
Скиталецъ онъ, родной невѣдомый землей,
Сталъ другомъ мудрецовъ, сопутникомъ царей;
Наставники людей въ немъ ищутъ просвѣщенья,
Герои—образца, поэты—вдохновенья,
И всѣ, признавъ его источникомъ умовъ,
Имъ возвышаются къ познанію боговъ.
И бога человѣкъ невидѣвшій очами,
Но наученъ постичь возвышеннымъ пѣвцомъ,
Величье Зевсово одушевилъ [8]) рѣзцомъ,
И дышитъ въ мраморѣ блистающій громами!—
Вся древность наконецъ признавъ въ немъ существо,
Какъ бы верховное надъ земнородныхъ міромъ,
Ахиллова пѣвца, равно какъ божество,
Торжественно почла и храмомъ, и кумиромъ.

Такъ множествомъ вѣковъ, Пелида зрѣла мать,
Испытывалась пѣснь Гомеровыхъ твореній;
И положилъ тогда временъ священный Геній
На свитокъ пѣсней сихъ безсмертія печать.
Тогда и самый Кронъ изъ тьмы и разрушенья,
Изъ праха мертвыхъ царствъ и стертыхъ ими градовъ
Повсюду исторгалъ Гомера пѣснопѣнья,
Чтобъ даръ божественный, на пользу всѣхъ вѣковъ,
Отъ мрачной древности, отъ странъ иноплеменныхъ,
Достигъ до новыхъ странъ, до царствъ невозрожденныхъ.

Но съ сею славою всемірною пѣвца,
Кромѣ одной Молвы о мрачныхъ дняхъ слѣпца,
Дивясь, Пелида мать срѣтала въ каждомъ вѣкѣ
Безмолвіе о семъ чудесномъ человѣкѣ,
Сокрытомъ отъ людей покровомъ роковымъ.
И тщетно Греція, наполненная имъ,
Взнесла громкій гласъ во всѣхъ градахъ цвѣтущихъ:
„Кто сей невѣдомый, сей дивный человѣкъ,
Который, какъ перунъ, тьму времени разсѣкъ?
Который, какъ гигантъ, на раменахъ могущихъ

Всю славу Греціи подъялъ изъ тьмы временъ?“
И тщетно странники рожденныхъ вновь племенъ
Стекались на брега разрушенной Эллады,
Чтобъ вопрошать о немъ пустыни, камни, грады,
Чтобъ вызвать тѣнь пѣвца изъ вѣковыхъ гробовъ;
Никто не находилъ земныхъ его слѣдовъ!
Подобно божествамъ, отъ смертныхъ сокровеннымъ,
Судьба сокрыла тьмой Ахиллова пѣвца:
Его возвышеннымъ твореньямъ вдохновеннымъ
Дивится вся земля, не вѣдая творца.

Но на лицѣ земномъ нѣтъ славы несомнѣнной.
Не скрылся и Гомеръ отъ зависти людей.
Немолчной славою, гремящей по вселенной,
Онъ гордость уязвилъ и сильныхъ, и царей.
И между тѣмъ, какъ месть изъ вѣка въ вѣкъ ходила,
Свѣтъ коей первому врагу его отмстилъ
(Свѣтъ имя самое завистнаго Зоила
Въ обиду и позоръ повсюду обратилъ).
Тирана древности узрѣла дочь Нерея,
Который, низкою враждою пламенѣя,
Что нищій славою царей переживалъ,
Пѣвца священный ликъ, безумецъ [9]), поругалъ.
Такъ древле видѣли въ Египтѣ воды Нила,
Какъ черные сыны пустынныхъ ихъ береговъ
Надъ лучшимъ дѣломъ рукъ ругалися боговъ,
Надъ ликомъ блещущимъ всемірнаго свѣтила.
Но злоба тщетная! безумный гнѣвъ людей!
Межъ тѣмъ, какъ варвары, бѣснуясь въ сонмѣ дикомъ,
Пронзали небеса ихъ богохульнымъ крикомъ,
Царь свѣта шествовалъ блистательной стезей
И волны проливалъ своихъ лучей священныхъ
На мрачную толпу ругателей презрѣнныхъ!

Но что? Вдали временъ, въ дни позднихъ тѣхъ вѣковъ,
Какъ пала Греція подъ судъ иноплеменныхъ,
Въ странахъ, свѣтильникомъ Эллады озаренныхъ,
Богиня новыхъ зритъ пѣвца сего враговъ.
Послѣ трехъ тысячъ лѣтъ хвалу о немъ гремѣвшихъ,
Вновь споры онъ возжегъ межъ книжниковъ толпой,
Богатыхъ завистью, но духомъ обѣднѣвшихъ:
Гомера слава имъ представилась мечтой,

Тяжелымъ бременемъ, для одного безмѣрнымъ;
И заблужденіемъ гордясь неимовѣрнымъ,
Они безсмертное наслѣдіе пѣвца
Терзаютъ и дѣлятъ межъ многими пѣвцами.
Другіе, въ областяхъ, прославленныхъ умами,—
И кто? Служители священнаго слѣпца,
Тѣ, кои, пріобщась всей мудрости Востока,
Постигли таинства Ахейскаго пророка,
Мечтанье древнее извлекшіе изъ тьмы,—
Оружье ветхое [10]) лжемудрецовъ забвенныхъ,
Имъ помрачить хотятъ свѣтъ истинъ несомнѣнныхъ;
И предъ толпой ища прославить ихъ умы,
Сіи жрецы его, изъ глубины чертога,
Гдѣ съ славою ему служили столько лѣтъ,
Дерзаютъ отвергать существованье бога,
Котораго познать они учили свѣтъ,
Дерзаютъ... Не стерпѣвъ ихъ дерзости, Ѳетида,—
„О вѣка стыдъ!“ рекла: „о разума обида!
Зевесъ, и не казнишь ты Фебовыхъ враговъ?“

„Отринь, Ѳетида, страхъ“, прервалъ Отецъ боговъ:
„Какъ перваго врага священныхъ пѣснопѣній,
Самъ Фебъ казнитъ ихъ всѣхъ; симъ ложнымъ мудрецамъ
Не дастъ онъ чувствовать чистѣйшихъ наслажденій,
Прекраснѣйшихъ изъ благъ, какія пѣсней Геній
Даруетъ на землѣ возвышеннымъ сердцамъ.
Но отъ клеветъ людей, отъ злобы и хуленья
Сильнѣе всѣхъ творца творенье защититъ;
Взирай, грядущее откроетъ убѣжденья“.

И дочь Нереева въ видѣньѣ новомъ зритъ,
Что на развалинахъ, на прахѣ Иліона,
Въ пустыняхъ симъ пѣвцомъ прославленной земли,
Его поборники оружія нашли,
Чтобъ правду защитить и славу Аполлона.
Тамъ камни самые, Ахилла видитъ мать,
Тамъ гробы начали глаголы издавать
За бытіе творца и истину творенья.

Такъ созерцая лѣтъ потомственныхъ явленья,
Богиня наконецъ въ мерцаніи временъ

Судьбу Гомера зритъ подъ небомъ той державы,
Гдѣ узнаетъ Славянъ, потомковъ гордыхъ Славы,
Безсмертной матери воинственныхъ племенъ,
Племенъ, еще во тьмѣ предъ ней парившихъ вѣковъ,
Являющихъ ряды великихъ человѣковъ,
И мощныхъ витязей, и доблестныхъ царей;
И видя ихъ дѣла, мечтаетъ мать Ахилла,
Что вновь Земля сыновъ-титановъ породила
И навела ихъ гнѣвъ на греческихъ мужей.
Подъ гордый Грековъ градъ племенъ сихъ предводитель,
На зыбкихъ ладіяхъ примчавшись по волнамъ,
Византію потрясъ и, Грековъ побѣдитель,
Побѣды знакъ—свой щитъ—прибилъ къ ея [11]) вратамъ.

Но скрылъ отецъ боговъ тѣ вѣки сей державы,
Когда Нерея дочь межъ храбрыхъ сихъ племенъ
Дивиться лишь могла дѣламъ ихъ бранной славы;
И бытіе отверзъ счастливѣйшихъ временъ.
Онъ вдругъ раскрылъ очамъ Ѳетиды изумленной
Блистательнѣйшій вѣкъ страны преображенной;
Тотъ вѣкъ—какъ царь ея, любимый сынъ небесъ,
Ея величія до звѣздъ главу вознесъ;
И міръ склонивъ къ стопамъ [12]), его душой плѣненный,
Наукъ божественныхъ, прямыхъ къ добру вождей,
Свѣтъ чистый разливалъ надъ отческой землей,
Высокихъ истинъ самъ ревнитель просвѣщенный.
Въ сей вѣкъ блистательный, подъ небомъ сихъ племенъ,
Гомерову судьбу раскрылъ отецъ временъ.
И, свѣтлыя кругомъ свои вращая очи,
Зритъ мать Ахиллова, что и сыны полночи,
Огнемъ божественнымъ согрѣвъ уже сердца
И духъ возвысивши поэзіей священной,
Плѣнялись пѣснями поэзіи отца.
Съ восторгомъ зритъ она, что въ камняхъ оживленный
Стоитъ у нихъ почтенъ Гомера древній ликъ:
Вельможъ въ домахъ—какъ мужъ, достойный удивленья,
И въ храминахъ пѣвцовъ, какъ геній вдохновенья.
Но что? Въ блистательныхъ чертогахъ ихъ владыкъ,
Въ сокровищницѣ ихъ—вдругъ познаетъ Ѳетида
Знакомый образъ ей, ликъ [13]) милаго Пелида,
Блестящій въ мраморѣ предъ взорами царей!
И въ тотъ же мигъ узрѣвъ царей, свой слухъ склонившихъ

На робкій гласъ пѣвцовъ, Гомера пѣснь вторившихъ,
Мать, въ полной радости, не находя рѣчей,
Бросается въ слезахъ обнять стопы Зевеса...
И опустилася грядущаго завѣса.
И Зевсъ уже отецъ на свѣтлыхъ облакахъ,
Горѣвшихъ пурпуромъ при западныхъ лучахъ,
Парилъ надъ темною дубравой откровеній.
„Ѳетида," онъ вѣщалъ: „довольно-ль убѣжденій,
Что сына Кронова невозвратимъ обѣтъ?
Онъ совершается, и будетъ полонъ свѣтъ
Гомера пѣснями и славою Ахилла".

Мать, сыномъ гордая, рѣчей не находила;
И руки лишь воздѣвъ съ мольбой къ царю боговъ,
Котораго чело еще изъ тучъ сіяло,
Она въ пучину волнъ низверглася съ береговъ,
И подъ богинею все море заиграло.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Гомеръ родился въ исходѣ второго вѣка послѣ войны Троянской.

2) Могила, донынѣ извѣстная подъ названіемъ гроба Ахиллесова, на берегу Геллеспонта.

3) Это не вымыселъ. Ѳессалійцы, соотечественники Ахиллеса, по свидѣтельству греческихъ писателей, въ продолженіе многихъ лѣтъ послѣ взятія Трои, ежегодно плавали въ Троаду, чтобы, по повелѣнію оракула Додонскаго, чествовать гробъ Ахиллеса, и совершали какъ самое путешествіе, такъ и поминовеніе герою на гробѣ его по *обряду*, тѣмъ же оракуломъ заповѣданному. По сему обряду, корабль съ воинами, жрецами и проч., отправлявшійся въ Троаду, долженствовалъ быть съ парусами *черными*, *nigris* velis sublatis; къ пристань, при пѣніи гимновъ, входилъ *ночью;* для жертвоприношенія привозилъ огонь изъ Ѳессаліи, дрова съ горы Пеліона, воду изъ Сперхія и проч. Обо всемъ этомъ, также о пляскахъ, пѣніи на гробѣ Ахиллеса и проч., можно читать *сокращенно* у Страбона: Lib. XIII; а *пространно* у Philostrat Vita Apollon. Lib. VI, cap. XI, и cap. XVI; тамъ же Heroic. cap. 19.

4) Иліаду и Одиссею.

5) Такъ изображался древними апоѳеозъ Гомера: орелъ на хребтѣ своемъ возноситъ его на небо.

6) Всѣ оракулы о Гомерѣ находятся въ его жизнеописаніи у Плутарха.

7) Споръ о родинѣ Гомера, по свидѣтельству римскаго писателя Варона, вели слѣдующіе города: Смирна, Родосъ, Колофонъ, Саламинъ, Хіо, Аргосъ, Аѳины.

8) Знаменитую статую Зевса Олимпійскаго, величественнѣйшее изображеніе отца боговъ, какое произвела рука человѣка, Фидіасъ образовалъ, какъ самъ сознавался, по идеямъ Гомера. «Когда я читаю Гомера», говорилъ великій художникъ, «люди представляются мнѣ вдвое большими».

9) Римскій императоръ Калигула оплевалъ бюстъ Гомера и велѣлъ выбросить изъ чертоговъ.

10) Немногимъ, можетъ быть, извѣстно, что всѣ писатели нашихъ временъ, противники общаго мнѣнія о существованіи Гомера, начиная отъ итальянца Вико до германца Вольфа и даже англичанина Бріана (который, между прочимъ, доказывалъ, что никогда не существовало ни царства Троянскаго, ни города Трои, ни ополченія на нее Грековъ), немногимъ извѣстно, что писатели сіи, мужи впрочемъ весьма ученые, выдавая такія мнѣнія, ничего не выдали, ничего не сказали *новаго:* это мнѣнія *старыя,* принадлежавшія софистамъ школы Александрійской и порожденныя такимъ же духомъ скептицизма тогдашней философіи и словесности греческой, какъ теперь господствуетъ въ Европѣ. — Сей скептицизмъ нашего времени поднялъ изъ мрака гипотезы софистовъ александрійскихъ, дабы ввести *въ сомнѣніе* то, о чемъ свидѣтельствуетъ цѣлый свѣтъ древній. Но сомнѣніе далеко еще отъ истины.

11) Олегъ.

12) Императоръ Александръ Павловичъ.

13) Древній бюстъ Ахиллеса находится въ Эрмитажѣ.

ПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНЬ ОССІАНА.

(1806 г.)

О источникъ ты лазоревый,
Со скалы крутой спадающій
Съ бѣлой пѣною жемчужною!
О источникъ, извивайся ты,
Разливайся влагой свѣтлою
По долинѣ чистой Лутау.
О дубрава кудреватая!
Наклонись густой вершиною,
Чтобы солнца лучъ полуденный,
Не палилъ долины Лутау.—
Есть въ долинѣ голубой цвѣтокъ,
Вѣтръ качаетъ на стеблѣ его,
И свѣвая росу утренню,
Не даетъ цвѣтку поблекшему
Освѣжиться чистой влагою.
Скоро, скоро голубой цвѣтокъ
Головою нерасцвѣтшею
На горячу землю склонится,
И пустынный вѣтръ полуночный
Прахъ его развѣетъ по полю.
Звѣроловецъ, утромъ видѣвшій
Цвѣтъ долины украшеніемъ,

Ввечеру придетъ плѣняться имъ;
Онъ придетъ—и не найдетъ его!

Такъ-то нѣкогда придетъ сюда,
Оссіана пѣсни слышавшій!
Такъ-то нѣкогда приблизится
Звѣроловецъ къ моему окну,
Чтобъ еще услышать голосъ мой.
Но пришлецъ, стоя въ безмолвіи
Предъ жилищемъ Оссіановымъ,
Не услышитъ звуковъ пѣнія,
Не дождется при окнѣ моемъ
Голоса ему знакомаго;
Въ дверь войдетъ онъ растворенную,
И очами изумленными
Озирая сѣнь безлюдную,
На стѣнѣ полуразрушенной
Узритъ арфу Оссіанову,
Гдѣ вися, осиротѣлая,
Будетъ весть бесѣды тихія
Только съ вѣтрами пустынными.

О герои, о сподвижники
Тѣхъ временъ, когда рука моя
Раздробляла щитъ трелиственный!
Вы сокрылись, вы оставили
Одного меня, печальнаго!
Ни меча извлечь не въ силахъ я,
Въ битвахъ молніей сверкавшаго;
Ни щита я не могу поднять,
И на немъ напечатлѣнныя
Язвы битвъ, единоборствъ моихъ,
Я считаю осязаніемъ.
Ахъ! мой голосъ, бывшій нѣкогда
Гласомъ грома поднебеснаго,
Нынѣ тихъ, какъ вѣтеръ вечера,
Шепчущій съ листами тополя.—
Все сокрылось, все оставило
Оссіана престарѣлаго,
Одинокаго, ослѣпшаго!

Но не долго я остануся
Безполезнымъ Сельмы бременемъ;

Нѣтъ, не долго буду въ мірѣ я
Безъ друзей и въ одиночествѣ!
Вижу, вижу я то облако,
Въ коемъ тѣнь моя сокроется;
Тѣ туманы вижу тонкіе,
Изъ которыхъ мнѣ составится
Одѣяніе прозрачное.

О Мальвина, ты-ль приблизилась?
Узнаю тебя по шествію,
Какъ пустынной лани, тихому,
По дыханью кроткихъ устъ твоихъ,
Какъ цвѣтокъ, благоуханному.
О Мальвина, дай ты арфу мнѣ;
Чувства сердца я хочу излить,
Я хочу, да пѣснь унылая
Моему предыдетъ шествію
Въ сѣнь отцовъ моихъ воздушную.
Внемля пѣснь мою послѣднюю,
Тѣни ихъ взыграютъ радостью
Въ свѣтлыхъ облачныхъ обителяхъ;
Спустятся они отъ воздуха,
Сонмомъ склонятся на облаки,
На края ихъ разноцвѣтные,
И простругъ ко мнѣ десницы ихъ,
Чтобъ принять меня къ отцамъ моимъ!..
О! подай, Мальвина, арфу мнѣ,
Чувства сердца я хочу излить.

Ночь холодная спускается
На крылахъ съ тѣнями черными;
Волны озера качаются,
Хлещетъ пѣна въ брегъ утесистый;
Мхомъ покрытый, дубъ возвышенный
Надъ источникомъ склоняется;
Вѣтеръ стонетъ межъ листовъ его
И, срывая, съ шумомъ сыплетъ ихъ
На мою сѣдую голову!

Скоро, скоро, какъ листы его
Пожелтѣли и разсыпались,
Такъ и я увяну, скроюся!
Скоро въ Сельмѣ и слѣдовъ моихъ

Не увидятъ земнородные;
Вѣтръ, свистящій въ волосахъ моихъ,
Не разбудитъ ото сна меня,
Не разбудитъ отъ глубокаго!

Но почто сіе уныніе?
Для чего печали облако
Осѣняетъ душу Бардову?
Гдѣ герои преждебывшіе?
Рино, младостью блистающій?
Гдѣ Оскаръ мой—честь безтрепетныхъ?
И герой Морвена грознаго,
Гдѣ Фингалъ, меча котораго
Трепеталъ ты, царь вселенныя?
И Фингалъ, отъ взора коего
Вы, странъ дальнихъ рати сильныя,
Разсыпалися, какъ призраки?
Палъ и онъ, сраженный смертію!
Тѣсный гробъ сокрылъ великаго!
И въ чертогахъ праотцевъ его
Позабытъ и слѣдъ могучаго!
И въ чертогахъ праотцевъ его
Вѣтръ свиститъ въ окно разбитое,
Предъ широкими вратами ихъ
Водворилось запустѣніе;
Подъ высокими ихъ сводами,
Арфъ бряцаніемъ гремѣвшими,
Воцарилося безмолвіе!
Тишина ихъ возмущается
Завываньемъ звѣря дикаго,
Жителя ихъ стѣнъ разрушенныхъ.

Такъ, въ чертогахъ праотеческихъ
Позабытъ и слѣдъ великаго!—
И мои слѣды забудутся?
Нѣтъ, пока свѣтила ясныя
Будутъ блескомъ ихъ и жизнію
Озарять холмы Норвенскіе,—
Голосъ пѣсней Оссіановыхъ
Будетъ жить надъ прахомъ тлѣнія,
И надъ холмами пустынными,
Надъ развалинами Сельмскими,

Предъ лицомъ луны задумчивой,
Разливаяся гармоніей,
Призоветъ потомка поздняго
Къ сладостнымъ воспоминаніямъ.

ГОМЕРОВЪ ГИМНЪ МИНЕРВѢ.

(1809 г.)

Пою великую, безсмертную Аѳину,
Голубоокую, божественную дѣву,
Богиню мудрости, богиню грозныхъ силъ,
Необоримую защитницу градовъ,
Эгидоносную, всемощну Тритогену,
Которую родилъ самъ Дій многосовѣтный,
Покрытую златой, сіяющей броней.
Оцѣпенѣніе объяло всѣхъ боговъ,
Когда изъ Зевсовой главы она священной
Исторглась, копіемъ великимъ потрясая:
Во основаніяхъ вострепеталъ Олимпъ
Подъ крѣпостью ея; земля изъ нѣдръ своихъ
Стонъ тяжкій издала; весь Понтъ поколебался,
Смятенъ до чермныхъ безднъ; на брегъ побѣгло море;
Гиперіоновъ сынъ средь дня остановилъ
Бѣгъ пышущихъ коней, доколь съ раменъ своихъ
Оружье совлекла божественная дѣва.
Возрадовался Дій рожденіемъ Аѳины.
О Громовержцева эгидоносна дщерь,
Привѣтствую тебя! Услышь ты голосъ мой,
И впредь ко мнѣ склоняй твой слухъ благопріятный,
Когда я воспою тебѣ хвалебны пѣсни.

ГОМЕРОВЪ ГИМНЪ ДІАНѢ [1]).

(1810 г.)

Златоколчанную Діану воспою,
Стрѣлолюбивую губительницу ланей,

---

[1]) Близкій переводъ съ подлинника.

Звонкоголосую, божественную дѣву,
И златомечнаго Аполлона сестру.
Она въ тѣни лѣсовъ и на холмахъ вѣтристыхъ
Преслѣдуетъ звѣрей; златый напрягши лукъ,
Крылату мещетъ смерть. Трепещутъ главы горъ,
И гулы по лѣсамъ далеко отдаются
Отъ воющихъ звѣрей; страшится вкругъ земля,
И многорыбный понтъ. Но съ сердцемъ нестрашимымъ
Богиня шествуетъ, родъ скачущихъ стрѣляя;
Увеселенная-жъ стрѣляніемъ звѣрей,
Спустя свой гибкій лукъ, вступаетъ въ домъ великій,
Гдѣ обитаетъ Фивъ, ея небесный братъ,
Въ златомъ обиліи Дельфійскихъ древнихъ стѣнъ,
И тамъ Харитъ и Музъ установляетъ хоры;
Тамъ, свой повѣсивъ тулъ и опущенный лукъ,
Прелестно облачивъ божественное тѣло,
Она становится вождемъ небесныхъ хоровъ;
Они же, отъ устъ своихъ амврозію лія,
Сереброногую Латону воспѣваютъ,
Съ Зевесомъ родшую дѣлами славныхъ чадъ,
Отличныхъ межъ боговъ премудростію ихъ.—
Ликуй, безсмертный родъ Латоны лѣповласой!
Хвалебну пѣснь тебѣ всегда я воспою.

ГИМНЪ ВЕНЕРѢ.

(1812 г.)

Пою златовѣнчанную, прекрасную Венеру,
Защитницу веселыхъ, Кипрійскихъ береговъ,
Куда ее дыханіе Зефировъ тиховѣйныхъ
На нѣжной пѣнѣ моря чрезъ волны принесло.
Тамъ радостные Оры, владычицу встрѣчая,
Въ небесныя одежды спѣшили облачить;
Власы благоуханны златымъ вѣнцомъ покрыли,
Вокругъ по нѣжной выѣ, по бѣлымъ раменамъ
Обвѣсили монисты, какими Оры сами,
Перевивая златомъ волнистые власы,
Себя изукрашаютъ, идя на пиръ небесный
Въ чертогъ отца Зевеса, въ священный ликъ боговъ.
Украсивъ такъ царицу, возводятъ въ домъ безсмертныхъ,

И боги восхищенны, встрѣчая, мать любви
Съ восторгомъ окружаютъ, берутъ за бѣлы руки,
И, очи услаждая всѣ образомъ Киприды,
Желаетъ въ сердцѣ каждый въ любовь ее склонить
И дѣвственной супругой возвесть на брачно ложе.
Привѣтствую тебя, богиня черноока,
О мать сладкорѣчива веселій и любви!
Услышь мои ты пѣсни, и возлюби меня.

ТАНТАЛЪ И СИЗИФЪ ВЪ АДѢ.

(Изъ Одиссеи. Пѣснь XI, ст. 581).

(1827 г.)

Послѣ увидѣлъ я Тантала; горькую муку онъ терпитъ:
Во озерѣ старецъ стоитъ, и вода къ подбородку доходитъ;
Но, сгорая отъ жажды, напиться страдалецъ не можетъ:
Каждый разъ—лишь наклонится старецъ, напиться пылая,
Вдругъ пропадаетъ вода поглощенная; онъ подъ ногами
Видитъ лишь землю черную: демонъ ее изсушаетъ.
Вкругъ надъ его головою деревья плоды преклоняли,
Груши, блестящія яблоки, полныя сока гранаты,
Ярко-зеленые маслинъ плоды и сладкія смоквы;
Но какъ скоро ихъ старецъ рукою схватить устремлялся,
Вѣтеръ отбрасывалъ ихъ, подымая до облаковъ темныхъ.
Тамъ и Сизифа узрѣлъ я; жестокія муки онъ терпитъ:
Тяжкій, огромный руками обѣими камень катаетъ:
Онъ и руками его и ногами, что силъ подпирая,
Катитъ скалу на высокую гору; но чуть на вершину
Чаетъ вскатить, какъ назадъ устремляется страшная тягость;
Снова на долъ, закрутившися, падаетъ камень коварный.—
Снова тотъ камень онъ катитъ и мучится; льется ручьями
Потъ изъ составовъ страдальца, и пыль вкругъ главы его вьется.

КЪ МОРФЕЮ.

(1816 г.)

Увы! ты измѣнилъ мнѣ,
Нескромный другъ, Морфей!

Одинъ ты былъ свидѣтель
Моихъ сокрытыхъ чувствъ
И вздоховъ одинокихъ,
И тайныхъ сердца думъ.
Зачѣмъ же, какъ предатель,
Въ видѣніи ночномъ
Святую тайну сердца
Безмолвно ты открылъ?
Зачѣмъ, меня явивши
Красавицѣ въ мечтахъ,
Безмолвными устами
Принудилъ все сказать?
О, будь же, богъ жестокій,
Взаимно справедливъ,
Открой и мнѣ взаимно
Въ безмолвіи, во снѣ,
О тайныхъ чувствахъ сердца,
Сокрытыхъ для меня.
О! дай мнѣ образъ милый
Хоть въ призракѣ узрѣть!
И пылкими устами
Прильнувъ къ ея рукѣ...
Когда увижу розы
На дѣвственномъ челѣ,
Когда услышу трепетъ
Стыдливой красоты, —
Довольно—все открыто,
И сердцу данъ отвѣтъ!
Довольно—и счастливецъ,
Я богу сей мечты
И жертвы благовонны,
И пурпурные маки
Съ Авророй принесу!

ВОЕННЫЙ ГИМНЪ ГРЕКОВЪ.

(сочиненіе риги).

(1821 г.)

Воспряньте, Греціи народы!
День славы наступилъ.

Докажемъ мы, что Грекъ свободы
И чести не забылъ.
Расторгнемъ рабство вѣковое,
Оковы съ вый сорвемъ;
Отмстимъ отечество святое,
Покрытое стыдомъ!
Къ оружію, о Греки, къ бою!
Пойдемъ, за правыхъ Богъ!
И пусть тирановъ кровь рѣкою
Кипитъ у нашихъ ногъ!

О тѣни славныя уснувшихъ
Героевъ, мудрецовъ!
О Эллины вѣковъ минувшихъ,
Возстаньте изъ гробовъ!
При звукѣ нашихъ трубъ—летите
Вождями вашихъ чадъ;
Вамъ къ славѣ путь знакомъ—ведите
На семихолмный градъ!
Къ оружію, о Греки, къ бою! и проч.

О Спарта, Спарта, мать героевъ!
Что рабскимъ сномъ ты спишь?
Аѳинъ союзница, услышь
Кличъ мстительныхъ ихъ строевъ!
Въ ряды! и въ пѣсняхъ призовемъ
Героя Леонида,
Предъ кѣмъ могучая Персида
Упала въ прахъ челомъ.
Къ оружію, о Греки, къ бою! и проч.

Воспомнимъ, братья, Ѳермопилы
И за свободу бой!
Съ трехъ-стами храбрыхъ—Персовъ силы
Одинъ сдержалъ герой;
И въ битвѣ, гдѣ примѣръ любови
Къ отчизнѣ вѣчный далъ,
Какъ левъ онъ гордый—въ волны крови
Имъ жертвъ раздранныхъ палъ!
Къ оружію, о Греки, къ бою! и проч.

СИРАКУЗЯНКИ, ИЛИ ПРАЗДНИКЪ АДОНИСА.

ИДИЛЛІЯ.

Поэзія идиллическая у насъ, какъ и въ новѣйшихъ литературахъ европейскихъ, ограничена тѣснымъ опредѣленіемъ *Поэзіи пастушеской;* опредѣленіе ложное. Изъ него истекаютъ и другія, столько же неосновательныя мнѣнія, что поэзія пастушеская (т. е. идилліи и эклоги) въ словесности нашей существовать не можетъ, ибо у насъ нѣтъ пастырей, подобныхъ древнимъ, и проч., и проч.

Идиллія грековъ, по самому значенію слова [1]), есть *видъ, картина,* или то, что мы называемъ *сцена,* но сцена жизни и пастушеской, и гражданской, и даже героической. Это доказываютъ идилліи Θеокрита, поэта перваго, а лучше сказать, единственнаго, который, въ семъ особенномъ родѣ поэзіи, служилъ образцомъ для всѣхъ народовъ Запада. Хотя не онъ началъ обрабатывать сей родъ, но онъ усовершенствовалъ его, приблизивъ болѣе къ природѣ. Занявъ для идиллій своихъ формы изъ *мимъ,* сценическихъ представленій, изобрѣтенныхъ въ отечествѣ его, Сициліи, онъ обогатилъ ихъ разнообразіемъ содержанія; но предметы для нихъ избиралъ большею частію простонародные, чтобы пышности двора александрійскаго, при которомъ жилъ, противопоставить мысли простыя, народныя, и сею противоположностью плѣнить читателей, которые были вовсе удалены отъ природы. Дворъ Птолемеевъ совершенно не зналъ нравовъ пастырей сицилійскихъ; картины жизни ихъ должны

---

[1]) Εἰδύλλιον, происходитъ отъ εἶδος, *видъ,* и есть слово уменьшительное, такъ сказать, *видикъ.*

были имѣть для читателей идиллій двоякую прелесть, и по новости предмета, и по противоположности съ чрезмѣрною изнѣженностью и необузданною роскошью того времени. Сердце, утомленное бременемъ роскоши и шумомъ жизни, жадно плѣняется тѣмъ, что напоминаетъ ему жизнь болѣе тихую, болѣе сладостную. Природа никогда не теряетъ своего могущества надъ сердцемъ человѣка.

Вездѣ, гдѣ общества человѣческія доходили до предѣла, на которомъ былъ тогда Египетъ, поэты также пытались производить подобныя противоположности. Но одни греки умѣли быть вмѣстѣ и естественными, и оригинальными. Всѣ другіе народы хотѣли улучшивать, или по-своему переиначивать самую природу: чувство замѣняли чувствительностью, простоту—изысканностью. У римлянъ нѣсколько разъ пытались представить горожанамъ картины жизни сельской. Идилліями началъ свое поприще Виргилій; но, несмотря на прелесть стиховъ, онъ остался позади Ѳеокрита; пастухи его большею частью ораторы. Калпурній и другіе изъ римлянъ подражали Виргилію,—не природѣ.

Въ литературахъ новѣйшихъ временъ, и особенно въ итальянской, когда всѣ роды поэзіи были испытаны, являлось множество идиллій посреди народа развращеннаго; но какъ мало естественности въ Санназаро, какая изысканность въ Гварини! О французахъ и говорить нечего. Геснеръ, котораго много читали при дворѣ Людовика XV, также не могъ выдержать испытанія времени: онъ создалъ природу сантиментальную, на свой образецъ; пастуховъ своихъ идеализировалъ, а что хуже, въ идилліи ввелъ миѳологію греческую. Въ этомъ состояло его важнѣйшее заблужденіе: нимфы, фавны, сатиры для насъ умерли и не могутъ показаться въ поэзіи нашего времени, не разливая ледянаго холода. — Такимъ образомъ Ѳеокритъ остается, какъ Гомеръ, тѣмъ свѣтлымъ фаросомъ, къ которому всякій разъ, когда мы заблуждаемся, должно возвратиться.

До сихъ поръ одни поэты германскіе, намъ современные, хорошо поняли Ѳеокрита: Фоссъ, Броннеръ, Гебель произвели идилліи истинно-народныя; плѣнительныя картины оныхъ переносятъ читателя къ той сладостной жизни въ нѣдрахъ природы, отъ которой нынѣшнее состояніе общества такъ насъ удаляетъ; онѣ вселяютъ даже любовь къ сему роду жизни. Успѣхъ сей производятъ не одни дарованія писателей: Санназаро, Геснеръ имѣли также дарованіе. Германскіе поэты поняли, что родъ поэзіи идиллической, болѣе нежели всякой другой, требуетъ содержаній народныхъ, отечественныхъ; что не одни пастухи, но всѣ состоянія людей, по роду жизни близкихъ природѣ, могутъ быть предметами сей поэзіи. Вотъ главная причина ихъ успѣха.

Гдѣ, если не въ Россіи, болѣе состояній людей, которыхъ нравы, обычаи, жизнь такъ просты, такъ близки къ природѣ? Это правда, русскіе пастухи не спорятъ въ пѣснопѣніи, какъ греческіе; не дарятъ другъ друга вазами и проч.; но отъ этого развѣ они не люди? Развѣ у нихъ нѣтъ *своихъ* сердецъ, *своихъ* страстей?—А у другихъ простолюдиновъ нашихъ развѣ нѣтъ своей вѣры, повѣрій, нравовъ, костюмовъ, своего быта домашняго и своей, русской природы? — Наши многообрядныя свадьбы, наши хороводы, разныя игрища, праздники сельскіе, даже церковные — суть живыя идилліи народныя, ожидающія своихъ поэтовъ. Какъ умѣлъ Ѳеокритъ всѣмъ этимъ пользоваться! Желая описать, напримѣръ, *Праздникъ Адониса*, какъ онъ искусно возвышаетъ похвалу его, влагая оную въ уста лицъ низшаго состоянія. Идиллію сію я перевесть осмѣлился. Одна изъ труднѣйшихъ, по множеству пословицъ и простонародныхъ оборотовъ, она въ переводѣ, можетъ быть, не удовлетворитъ требованіямъ знатоковъ языка греческаго; но да простятъ слабости перевода за намѣреніе познакомить сколько-нибудь читателей, не знающихъ по-гречески, съ однимъ изъ необыкновенно-оригинальныхъ произведеній поэта древняго, которое болѣе другихъ его идиллій доказываетъ, что и въ новѣйшихъ литературахъ идиллія также существовать можетъ, если поэты будутъ умѣть, подобно Ѳеокриту, пользоваться предметами. Вотъ содержаніе сей идилліи:

Сиракузянки, съ семействами ихъ пріѣхавшія въ Александрію, приходятъ одна къ другой; желая видѣть праздникъ Адониса, идутъ во дворецъ Птолемея Филадельфа, гдѣ жена его, Арсиноя, великолѣпно устроила это празднество.

Въ такой рамѣ, повидимому, тѣсной, чего не заключается? Образъ жизни, нравы семейные, обычаи народные, военные, дѣла царствованія Птолемеева, обряды религіи, великолѣпіе ея праздниствъ, — все тутъ видимо, и все въ живомъ дѣйствіи, не въ холодномъ описаніи. Такова идиллія древнихъ, или, лучше сказать, таковъ геній Ѳеокрита.

Лица: Горго, Праксиноя, Сиракузянки; Эвноя, Эвтихида, ихъ служанки; старуха, незнакомецъ первый, незнакомецъ второй.

Горго.

Дома иль нѣтъ Праксиноя?

Эвноя

Ахъ, Горго, какъ поздно ты... Дома.

Праксиноя.

Диво, что ты и пришла. Посмотри-ка ей креселъ, Эвноя;
Брось и подушку.

Горго.

Спасибо. Ахъ, какъ хорошо!

Праксиноя.

Ну, сиди же.

Горго.

Счастливы души безплотныя: я такъ насилу спасалась,
Къ вамъ продираясь; такая толпа тамъ четверокъ, народу!
Все сапоги да хламиды, все лишь военные люди.
Ну, да и путь—безъ конца! Далеко ты мой другъ, поселилась.

Праксиноя.

Это все онъ, дуралей (*мужъ*): на краю мнѣ свѣта здѣсь нанялъ
Нору, не домъ; и все для того, чтобъ съ тобою въ сосѣдствѣ
Не была я; онъ во всемъ мнѣ перечитъ, злодѣй мой всегдашній!..

Горго.

Не говори, моя милая, этакихъ словъ ты про мужа
Вслухъ при ребенкѣ; смотри, какъ глаза на тебя онъ уставилъ.

Праксиноя (*къ дитяти*).

Нѣтъ, мой Зопиріонъ, я говорю не про тятю, мой милый.

Горго (*въ сторону*).

Зевсомъ клянуся, дитя понимаетъ. (*Вслухъ*) Твой тятя прекрасенъ!

Праксиноя.

Этотъ тятя—вчера... (я вчерашнимъ всѣ дни называю)
Въ рынокъ пошелъ, чтобы мнѣ притираній купить и селитры.
Что же принесъ онъ мнѣ?.. Соли,—въ тринадцать локтей мужичина!

Горго.

То же сдѣлалъ, точь-въ-точь, Діоклидъ мой, пагуба денегъ!
Далъ семь драхмъ онъ за пять овчинокъ, ну, шкуры собачьи,
Старыхъ сумъ лоскутки, на заштопкѣ заштопка, ну—гадость;
Но, надѣвай же ты платье, и плащъ твой съ застежками новый;
Время; пойдемъ-ка въ палаты царя-богача, Птолемея,
Видѣть Адониса праздникъ; я слышу, царица готовитъ
Много прекраснаго.

Праксиноя.

Дивно ли? *Все у богатыхъ богато.*
Ты-жъ, что увидишь, разсказывать станешь тѣмъ, кто не видѣлъ.

Горго.

Время однако отправиться: *праздникъ всякій день праздникъ.*

Праксиноя.

Эвно, воды ключевой, и поставь посреди̇нѣ; скорѣе-жъ!
Ахъ ты, нѣженка!.. *Спать спокойно хотятъ ужъ и кошки.*
Двигайся-жъ, мигомъ воды; вода всего мнѣ нужнѣе.
Какъ она держитъ кувшинъ! Но давай, безтолковая, тише
На руки лей мнѣ; несчастная, ты мнѣ хитонъ обливаешь!
Полно!—Ну вотъ, какъ боги мнѣ дали, я такъ и умылась.—
Ключъ отъ шкатулки большой? Поскорѣе сама принеси мнѣ.

Горго.

Ахъ, Праксиноя, какъ пристало къ тебѣ это платье
Съ частыми сборами! Прелесть! А что оно стоитъ съ работой?

Праксиноя.

Лучше не спрашивай; чистымъ сребромъ поболѣе мины,
Или и двѣ; о работѣ молчу; приложила всю душу.

Горго.

Вышло зато по желанію.

Праксиноя.

Да, твоя рѣчь справедлива.
Плащъ мнѣ, Эвноя, и шляпу; приладь же, смотри, хорошенько;
Такъ. — (*Къ ребенку*) А дитя не возьму я; тамъ бука, тамъ лошадь кусаетъ...
Плачь, сколько хочешь, да я не хочу, чтобы былъ ты калѣкой.
Горго, идемъ.—Ну, возьми же дитя, забавляй его, няня;
Въ домъ позови собаку, и двери сѣнныя запри ты.—
Боги, какая толпа!.. Неужели должны перейти мы
Эту бѣду? Муравьи неисчетные, нѣтъ и конца имъ!
Сколько прекрасныхъ дѣлъ, Птолемей, для народа ты сдѣлалъ
Послѣ того, какъ къ богамъ пріобщенъ твой родитель! Злодѣи
Путникамъ болѣ не страшны египетскимъ подлымъ коварствомъ:
Прежде какимъ шаловствамъ предавались искусники эти
Всѣ на единую стать, негодяи, разбойники, воры...
Милая Горго... что съ нами будетъ? Воины сзади,
Конники царскіе скачутъ... Другъ мой, меня ты задавишь!..
Сталъ на дыбы его рыжій!.. Онъ дикъ совершенно, онъ бѣшенъ!..
Гдѣ ты, Эвноя? куда ты?.. убѣетъ этотъ конь человѣка!
Какъ хорошо я сдѣлала, дома оставивъ ребенка!

Горго.

Ну, ободрись, Праксиноя! Теперь позади мы всѣхъ конныхъ;
Строй ихъ пошелъ на площадь.

Праксиноя.

Теперь я, мой другъ, оживаю.
Змѣя да лошади пуще всего я на свѣтѣ боюся
Съ самаго дѣтства.—Пойдемъ, приближаются волны народа.

Горго (*къ старухѣ, идущей навстрѣчу*).

Ты изъ дворца, моя матушка?

Старуха.

Да, мои дѣти.

Горго.

Легко-ли
Будетъ войти намъ?

Старуха.

Съ попыткою въ Трою вошли Аргивяне.
Да, мое дитятко, да, до всего съ попыткой доходятъ.

Горго.

Слышишь? Старуха уходитъ и словно оракулъ бормочетъ.

Праксиноя.

Женщины знаютъ про все, и про свадьбу Зевеса съ Юноной.

Горго.

Ахъ, Праксиноя, взгляни ты, какая толпа предъ дверями!

Праксиноя.

Страшная! Дай ты мнѣ руку; а ты Эвтихиды, Эвноя,
Руку возьми и держися ея, чтобъ отъ насъ не отстала.
Надобно вмѣстѣ войти намъ; держися-же насъ ты, Эвноя.
Ахъ, я несчастная... платье мое ужъ разорвано, Горго,
Точно разорвано!.. (*Къ незнакомцу*) Ради Зевеса, да будешь ты
счастливъ,
Добрый мой человѣкъ, я прошу, охраняй мое платье.

Незнакомецъ 1-й.

Здѣсь я не властенъ; но буду стараться...

Праксиноя.

Ужасная давка!
Лѣзутъ, какъ свиньи.

Незнакомецъ 1-й.

Спокойтеся, женщины, мы на просторѣ.

Праксиноя.

Годы и годы тебѣ благоденствовать, странникъ любезный!
Ты оказалъ намъ покровъ, человѣкъ добродушный и честный!..
Давятъ, Эвноя! Впередъ, несчастная... силой ломися;
Славно!—*всѣ дома,* какъ такъ говоритъ, кто жену молодую,
Введши въ свой домъ, запираетъ [1]).

Горго.

Здѣсь остановимся прежде,
Здѣсь, Праксиноя, на эти мы тканія прежде посмотримъ:
Какъ онѣ тонки, прекрасны! Твореніе божіе, скажешь.

Праксиноя.

Дѣва Аѳина! Какія работали ихъ мастерицы?
Кто живописецъ, чертившій прекрасные эти рисунки?
Точно, какъ будто стоятъ и какъ будто движутся люди!
Это живое, не тканое!—Много ума въ человѣкѣ!
Самъ же,—о, какъ онъ прекрасенъ лежитъ на серебряномъ ложѣ,
Юный Адонисъ, первый лишь пухъ по ланитамъ разсыпавъ,
Многолюбезный Адонисъ, и въ самомъ Аидѣ любимый!

Незнакомецъ 2-й.

Вы перестанете-ль, жалкія, вздоръ болтать безконечный?
Горлицы... Каждую рѣчь во весь ротъ распѣваютъ несносно!

Горго.

Кто ты, другъ мой? и что тебѣ нужды, хоть мы и болтаемъ?
Слугамъ приказывай, ты Сиракузянкамъ развѣ указчикъ?
Мы Сиракузянки, да, чтобы зналъ ты, Коринѳянки родомъ,
Такъ какъ и Беллерофонъ. Нашъ выговоръ пелопонесскій;
Но говорить по-дорически, чаю, Доріянкамъ можно.

Праксиноя.

Нѣтъ, сохрани, о Сладчайшая [2]), насъ отъ владыки другого;
Есть онъ одинъ. На тебя не смотрю, и въ обиду не дамся
Даромъ...

---

[1]) Свадебный обрядъ.
[2]) Эпитетъ Прозерпины.

Горго.

Молчи, Праксиноя: выходитъ Адониса славить
Дѣва Аргивская, та пѣснопѣвица, славная даромъ,
Коею Сперхисъ пѣвецъ побѣжденъ въ элегическихъ пѣсняхъ.
Нѣчто прекрасное, вѣрно, споетъ; вотъ, она приступаетъ.

Аргивянка (*поетъ*).

О, Владычица Голгоса, ты, что Идалію любишь
Холмный Эриксъ посѣщаетъ, Киприда, играюща златомъ!
Вотъ каковаго Адониса съ мрачныхъ береговъ Ахерона,
Въ мѣсяцъ двѣнадцатый, вновь привели нѣжноногія Горы,
Тихія въ шествіи, дщери боговъ, но желанныя всѣмъ намъ,
Горы, всегда приносящія что-либо новаго смертнымъ.
Дщерь Діонеи, Киприда могучая, ты Беренисѣ,
Такъ человѣки гласятъ, даровала безсмертіе смертной,
Въ перси жены земнородной амврозію капая неба.
Днесь, въ благодарность тебѣ, многочтимая въ множествѣ храмовъ,
Дочь Беренисы, Еленѣ Аргивской подобная ликомъ,
Здѣсь Арсиноя Адониса всѣмъ угощаетъ прекраснымъ.
Собрано все вкругъ него, что древесныя вѣтви приносятъ,
Все передъ нимъ, что сады производятъ сладчайшаго, блещетъ
Въ сребряныхъ кошахъ, и Сиріи муро въ златыхъ алавастрахъ;
Здѣсь и снѣдомое все, что на противняхъ жены готовятъ,
Съ бѣлой мукою мѣшая цвѣты и душистыя травы,
И растворяя ихъ сладостнымъ медомъ, иль свѣтлымъ елеемъ;
Все, что летаетъ и ходитъ, ядомое, здѣсь, передъ гостемъ;
Здѣсь и зеленыя кущи, покрытыя нѣжнымъ анеѳомъ,
Окрестъ устроены, сверху летаютъ малютки Эроты,
Словно младые пѣвцы-соловьи, по деревьямъ кудрявымъ
Силу ихъ крылъ испытуя, летаютъ съ вѣтки на вѣтку.
Злато, эбенъ и слоновая кость,— изъ васъ образованъ
Быстрый орелъ, виночерпца младого Кроniду несущій.
Вотъ ковры пурпуровые: мягче сна ихъ поверхность.
Скажетъ про нихъ восхищенный Милетянинъ, или Самосецъ:
Вотъ уготованы два одинаково-пышныя ложа;
Въ семъ почиваетъ Киприда, а въ томъ бѣлорукій Адонисъ,
Юный супругъ девятнадцатилѣтній: его поцѣлуи
Нѣжны, не колютъ; уста его пухомъ едва озлатились.
Радуйся, о Афродита, обрѣтшая паки супруга!
Завтра его, при росистой зарѣ, всенародно отсюда
На берегъ мы понесемъ, передъ пѣнныя волны морскія.

И, распустивши власы, хитоны до ногъ разрѣшивши,
Мы, съ обнаженными персями, звучно начнемъ пѣснопѣнье.
„Странствуешь ты, о Адонисъ, и къ намъ и отъ насъ къ Ахерону:
Доля, какой ни единый земной полубогъ не сподобленъ;
Ни Агамемнонъ, ни грозный свирѣпствомъ герой Теламонидъ,
Ни изъ Гекубиныхъ многихъ сыновъ досточтимѣйшій Гекторъ,
Ни Патроклъ благородный, ни Пирръ, Иліона рушитель,
Ни древнѣйшіе оныхъ, Лапиѳы, или Девкалиды,
Ни Пелопиды, ни родоначальники Грековъ Пелазги.
Милостивъ будь намъ, Адонисъ, и въ будущемъ годѣ возрадуй.
Нынѣ пришелъ ты, Адонисъ, и паки придешь намъ любезенъ!“

Горго.

Ахъ, Праксиноя, чудесное пѣніе! Аргивская дѣва
Счастлива даромъ, стократъ она счастлива голосомъ сладкимъ!—
Время однако домой: Діоклидъ мой еще не обѣдалъ;
Мужъ у меня онъ презлой, а какъ голоденъ, съ нимъ не встрѣчайся.
Милый Адонисъ, прости! Возвратися опять намъ на радость!

ПРОСТОНАРОДНЫЯ ПѢСНИ НЫНѢШНИХЪ ГРЕКОВЪ.

(Посвящено Алексѣю Николаевичу Оленину).

(1825 г.)

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Намѣреніе сдѣлать извѣстными европейцамъ простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ—не ново: доказательство, что онѣ изобилуютъ не однѣми красотами частными, мѣстными, но достоинствомъ поэтическимъ, общимъ, чувствительнымъ и для другихъ народовъ. Еще въ 1676 году ученый французъ Ла-Гиллетьеръ, въ предисловіи своемъ къ сочиненію: *Лакедемонъ древній и новый*, изъявилъ желаніе издать собраніе греческихъ простонародныхъ пѣсенъ. Въ наше время отличнѣйшіе германскіе писатели, самъ знаменитый Гете [1]), собирали ихъ съ намѣреніемъ напечатать; французъ упредилъ: г. Форіель (Fauriel) издалъ собраніе греческихъ пѣсенъ, съ переводомъ и съ предисловіемъ. Первое основаніе сего собранія положено, какъ говоритъ издатель, знаменитымъ Кораемъ; послѣднія пѣсни онъ получилъ отъ гг. Газе, Мустоксиди и другихъ ученыхъ и патріотовъ греческихъ, его намѣренію споспѣшествовавшихъ.

„Простонародныя греческія пѣсни,—говоритъ издатель въ началѣ предисловія,—даже и безъ всякихъ изъясненій, какихъ онѣ могутъ

---

[1]) Пукевиль, въ своемъ «Путешествіи въ Грецію», говоритъ какъ о слухѣ, будто Гете издалъ уже въ Германіи подобное собраніе. Voyage dans la Grèce. Tom. V, p. 415.

требовать, доставятъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, научатъ оцѣнять съ большею, какъ донынѣ было, точностью, съ большею справедливостью нравы, характеръ и геній нынѣшнихъ грековъ.

„Ученые европейцы, въ продолженіе четырехъ вѣковъ посѣщая Грецію, отыскивали развалины храмовъ, прахъ городовъ, рѣшаясь напередъ восхищаться надъ слѣдами, часто сомнительными, всего того, что за двѣ или за три тысячи лѣтъ было; а восемь милліоновъ людей, остатки несомнѣнные, остатки живые древняго народа сей земли классической, бросали безъ всякаго вниманія, или говорили о нихъ, какъ о племени отверженномъ, падшемъ, не заслуживающемъ ничего болѣе, кромѣ презрѣнія или сожалѣнія людей образованныхъ.

„Такимъ образомъ, ученые европейцы не только оказывали несправедливость нынѣшней Греціи, но вредили сами себѣ, своей любимой надеждѣ: они сами отказывались отъ способовъ лучше узнать Грецію древнюю, лучше открыть то, что есть преимущественнаго, собственнаго и неизгладимаго въ характерѣ и геніи сыновъ сей земли благословенной. Не въ одной чертѣ обычаевъ и нравовъ нынѣшнихъ они легко узнали бы слѣды любопытные обычаевъ и нравовъ древнихъ, и такимъ образомъ составили бы себѣ мысли гораздо высшія о силѣ и твердости послѣднихъ. Они открыли бы причину и болѣе общую и болѣе основательную той пламенной любви къ отечеству, къ свободѣ, той дѣятельности общественной, промышленности и предпріимчивости, которымъ удивляются у грековъ древнихъ: ибо увѣрились бы, что греки нынѣшніе, даже подъ игомъ турокъ, болѣе несчастные, чѣмъ униженные, никогда совершенно не теряли ни своихъ преимуществъ душевныхъ, ни чувства независимости; что они умѣли удержать народность свою, отличную отъ ихъ побѣдителей, умѣли сохранить, подъ правительствомъ насильственнымъ и хищнымъ, способность удивительную къ мореходству и торговлѣ.

„Чѣмъ болѣе ученые любили языкъ Гомера и Пиндара, тѣмъ болѣе нашли бы они пользы въ изученіи языка новаго, который, живая отрасль языка мертваго, сохраняетъ многія черты его, не вошедшія въ книги древнихъ. Наконецъ, что касается до словесности вообще и въ особенности до поэзіи, они хотя не нашли бы у новѣйшихъ грековъ древняго поэтическаго генія, который имъ ничего уже не говоритъ и котораго не могутъ они понимать,—но узнали бы, что они также имѣютъ свои титла славы, свою степень образованности. Вотъ предметъ,—говоритъ издатель,—о которомъ намѣренъ я пополнить, сколько могу, безмолвіе писателей и путешественниковъ“.

Съ такимъ побужденіемъ, въ предисловіи весьма обширномъ и

занимательномъ, онъ между прочимъ полагаетъ краткую исторію новѣйшей словесности грековъ. Извлекаю только то, что должно познакомить читателя съ ихъ поэзіей простонародною, и позволяю себѣ нѣкоторыя замѣчанія на сужденія [1]) почтеннаго издателя.

„Греки нынѣшніе, кромѣ поэзіи письменной, имѣютъ поэзію изустную, народную, во всей силѣ этого слова, выраженіе прямое и вѣрное характера и духа народнаго; ее каждый грекъ понимаетъ и любитъ, потому единственно, что онъ грекъ, что живетъ на землѣ и дышитъ воздухомъ Греціи. Поэзія сія живетъ не въ книгахъ, не жизнью искусственною, но въ самомъ народѣ и всею жизнью народа: она заключается въ пѣсняхъ".

Издатель раздѣляетъ ихъ на три главные рода: семейственныя, историческія и мечтательныя или романическія. Подъ родомъ семейственныхъ разумѣетъ онъ пѣсни, которыя поются при разныхъ годовыхъ празднествахъ и важнѣйшихъ обстоятельствахъ жизни: свадьбахъ, пирахъ и, между прочимъ, при похоронахъ. Обращая болѣе вниманія на пѣсни семейственныя, которыя болѣе другихъ изображаютъ нравы народа, издатель замѣчаетъ черты, сближающія нравы и обычаи нынѣшнихъ грековъ и ихъ предковъ. Такимъ образомъ, изъ числа пѣсенъ праздничныхъ онъ упоминаетъ объ одной, весьма извѣстной въ цѣлой Греціи подъ названіемъ: *Пѣсня ласточки.* Она поется при началѣ весны, въ мартѣ, купами дѣтей, которыя, нося въ рукахъ ласточку, изъ дерева сдѣланную, ходятъ изъ дома въ домъ, чтобъ славить новую весну и получать за это небольшую награду. При семъ издатель указываетъ на подобную древнюю простонародную пѣсню, которая во всей цѣлости сохранена Аѳенеемъ; она, по словамъ издателя, также была извѣстна подъ названіемъ *Хелидонизма, Пѣсня ласточки,* и пѣлась у родосцевъ также дѣтьми, въ мартѣ мѣсяцѣ, съ тѣмъ же намѣреніемъ.

Возбудивъ любопытство, издатель, къ сожалѣнію, не удовлетворяетъ его, не приводитъ ни той, ни другой пѣсни. Кромѣ этого должно замѣтить, что древняя пѣсня у Аѳенея не названа *хелидонизма;* онъ только говоритъ, что пѣть эту пѣсню называлось *хелидонизинъ*, такъ сказать, *пѣть ласточкой*—и что это обыкновенно бывало въ мѣсяцѣ воедроміонѣ. Мѣсяцъ сей у грековъ также не мартъ, а нашъ августъ; впрочемъ, какъ противорѣчіе самой пѣсни, къ веснѣ относящейся, такъ и нѣкоторые издатели Аѳенея, утверждаютъ, что подлинникъ въ названіи мѣсяца сомнителенъ.

---

[1]) Сужденія издателя французскаго отличены при началѣ и при концѣ ихъ двумя запятыми.

Хелидонизмъ,—говоритъ Аѳеней,—произошло отъ того, что пѣли слѣдующую пѣсню [1]):

Ἦλθ', ἦλθε χελιδὼν, καλὰς ὥρας
Ἄγουσα καὶ καλοὺς ἐνιαυτούς,
Ἐπὶ γαςέρα λευκὰ, κάπὶ νῶτα μέλαινα.
Παλάθαν οὐ προκυκλεῖς
Ἐκ πίονος οἴκου,
Οἴνου τε δέπαςρον,
Τυροῦ τε κάνιςρον
Καὶ πυρῶν;
Ἃ χελιδὼν καὶ λεκιθίταν
Οὐκ ἀπωθεῖται
Πὸτερ ἀπίωμες; ἢ λαβώμεθα;
Εἰ μέν τι δώσεις εἰ δὲ μὴ, οὐκ ἐάσομες,
Ἢ τὰν θύραν φέρωμες, ἢ τὸ ὑπέρθυρον,
Ἢ τὰν γυναῖκα ταν ἔσω καθημέναν.
Μικρά μέν ἔςί, ῥαδίως μὶν οἴσομες,
Ἂν δὴ φέρῃς τι, μέγα (γε) δή τι καὶ φέροις.
Ἄνοιγ', ἄνοιγε τὰν θύραν χελιδόνι.
Οὐ γὰρ γέροντες ἐσμὲν, ἀλλὰ παιδία.

Пришла, пришла ласточка, прекрасныя времена
Приносящая и прекрасные годы,
Черевцомъ бѣлая, а спинкой черная.
Не вынесешь ли вязанки фигъ
Изъ полнаго дома?
Сыру коробочки,
Вина чарочки
И пшеницы?
Ласточка и отъ пирожка
Не откажется.
Уйти намъ? Или что-нибудь получимъ?
Если подашь, уйдемъ; если нѣтъ, не отстанемъ:
Двери унесемъ и притолоки;
Или женушку твою, которая сидитъ въ комнатѣ:

---

1) Предлагаю для любопытныхъ и подлинникъ сей необыкновенно оригинальной пѣсни и переводъ прозаическими строками: такъ она, по замѣчанію ученыхъ, сдѣлана; но вѣрнѣе, что переписчиками испорчена, ибо есть слѣды стиховъ. Athen. Dipnos. lib. VIII. Edit. Schweighav.—Выраженіе: *пришла ласточка*, говорили дѣти, приходившія къ дверямъ дома.

Маленькая, легко унесемъ.
Если малость подашь, велико будетъ даяніе.
Отпирай, отпирай дверь! Не отказывай ласточкѣ!
Не старые мы, видишь, все молодые [1]).

„Оплакиваніе мертвыхъ составляетъ у грековъ также родъ какъ бы пѣсенъ, которыя имѣютъ особое названіе, *мирологи* [2]), *печальнословія*. Ихъ произносятъ надъ мертвымъ однѣ женщины, свои, но употребляютъ и чужихъ; у грековъ есть женщины, которыя за плату исполняютъ обязанность мирологистокъ, *плакальщицъ*. Изъ мирологовъ издатель не могъ предложить ничего любопытству читателей. Мирологъ, минутное вдохновеніе горести, исторгается изъ души безъ участія памяти. Самые слушатели могутъ вспоминать однѣ черты, болѣе ихъ поразившія; вообще, всякій мирологъ забытъ, какъ скоро произнесенъ. Но любопытенъ обрядъ, при нихъ у грековъ наблюдаемый. По опрятаніи и убранствѣ мертваго, всѣ женщины, сколько ихъ ни соберется въ домъ, и родственныя и чужія, становятся кругомъ тѣла и изливаютъ печаль свою, безъ порядка и принужденія, слезами, воплями и словами. Послѣ сего плача, произвольнаго и совокупнаго, слѣдуютъ оплакиванія другого рода, это *мирологи*. Обыкновенно, ближайшая по связи къ покойнику произноситъ свой мирологъ первая; за нею другія родственницы, пріятельницы, самыя сосѣдки; однимъ словомъ, всѣ присутствующія женщины могутъ платить умершему послѣднюю дань нѣжности и выполняютъ это одна за другой, а иногда многія вмѣстѣ. Родъ сихъ надгробныхъ пѣсенъ сколько особенъ, удивителенъ для европейцевъ (но не для русскихъ, какъ увидимъ ниже), столько въ самомъ дѣлѣ поразителенъ сходствомъ съ подобнаго рода пѣснями, у древнихъ грековъ употреблявшимися, при такихъ же случаяхъ и въ такомъ же порядкѣ. Это можно видѣть изъ Иліады (пѣснь XXIV), когда семейство Пріама плачетъ надъ тѣломъ Гектора; вокругъ него Андромаха первая, за нею Гекуба и, наконецъ, Елена произносятъ родъ мирологовъ, одна за другою; съ ними участвуютъ какъ пѣвцы особенные, такъ и всѣ жены троянскія“.

---

1) Рѣдкій сей памятникъ древней простонародной поэзіи грековъ, между прочимъ, напоминаетъ удивительную черту ума греческаго. Въ городѣ Линдѣ нужно было сдѣлать сборъ денегъ для общественной надобности; и съ сею-то пѣснью дѣти посланы по домамъ, для испрошенія денегъ у гражданъ линдскихъ, что было, какъ доказываетъ пѣсня, *весною*. И когда въ самомъ дѣлѣ доступнѣе сердце человѣка, если не въ то время, какъ сама природа растворяетъ его для радости и, стало быть, для всѣхъ чувствованій добрыхъ.

2) Французскій издатель вездѣ пишетъ, какъ видно по выговору, съ дигаммою, *μιριολογι*, но слово пишется Μοιρολόγι.

Такихъ признаковъ сходства между семейственными пѣснями новыхъ грековъ и древнихъ издатель находитъ еще болѣе въ древнихъ же простонародныхъ пѣсняхъ греческихъ, Аѳенеемъ, Аристофаномъ и анѳологіею намъ сохраненныхъ; на такихъ признакахъ основываетъ онъ свои заключенія, что простонародная поэзія нынѣшнихъ грековъ, исключая изъ нея пѣсни историческія, не есть поэзія, въ наши времена рожденная, ни въ вѣка средніе; но что она есть и должна быть ничто иное, какъ слѣды, продолженіе, порча медленная и постепенная древней греческой поэзіи и въ особенности простонародной.

Къ роду пѣсенъ историческихъ издатель, между прочими, относитъ пѣсни клефтическія; онѣ почти однѣ и нѣсколько пѣсенъ суліотскихъ составляютъ первый томъ собранія. Жаль, если однимъ томомъ заключится изданіе; нѣтъ сомнѣнія, что полное собраніе такихъ пѣсенъ было бы и лучшею исторіею нынѣшней Греціи, и самою вѣрною картиною нравовъ народныхъ. Изъ пѣсенъ клефтическихъ, какъ занимательнѣйшихъ, я перевелъ нѣкоторыя, думая, что читателямъ русскимъ любопытно будетъ узнать сіи произведенія не въ одномъ общемъ ихъ достоинствѣ поэтическомъ, но и въ другомъ отношеніи, какъ увидятъ ниже. Не можно, однако-жъ, хорошо разумѣть ихъ, не имѣя идеи о предметахъ; всѣ онѣ относятся къ положенію дѣлъ и людей, безъ знанія которыхъ будутъ неясны. Извлекаю сокращенно свѣдѣнія о *клефтахъ* изъ предисловія издателя.

„На греческомъ новомъ, какъ и на древнемъ языкѣ, слово *клефтъ* значитъ *разбойникъ*. Но подвиги и приключенія разбойниковъ не были бы предметомъ, достойнымъ пѣсенъ, не заслужили бы прославленія народнаго въ продолженіе трехъ вѣковъ. Сужденіе о предметѣ по названію будетъ, въ этомъ случаѣ, несправедливо. Ничто менѣе, въ сущности своей, не сходствуетъ съ разбойниками другихъ земель, какъ клефты греческіе.—До первыхъ временъ вторженія турокъ въ земли греческія восходитъ начало земскаго ополченія, у грековъ извѣстнаго подъ названіемъ *армatоловъ*, т. е. людей, *носящихъ оружіе*. Оно началось въ Ѳессаліи. Обитатели долинъ покорились жребію своему. Жители горъ, Олимпа, Пеліона, хребтовъ Ѳессалійскихъ, Пинда и горъ Аграфскихъ—противились побѣдителямъ. Часто съ оружіемъ въ рукахъ они набѣгали на поля и небольшіе города; грабили побѣдителя, а при случаѣ и побѣжденныхъ, упрекая ихъ въ томъ, что поддаются невѣрнымъ. Съ этой поры *армatоловъ* начали называть *клефтами*. Уставъ воевать съ людьми неустрашимыми и бѣдными, турки начали поступать съ ними кротко, предоставили имъ право распоряжаться по своимъ законамъ, жить

независимо по округамъ горнымъ, какіе занимали, и носить оружіе для своей защиты, но съ условіемъ платить дань. Племена, жившія въ части горъ болѣе стремнистой, въ мѣстахъ почти недоступныхъ, отвергли всякое условіе съ магометанами и сохранили до нашихъ временъ совершенную свободу. Другіе жители горъ вошли въ условія, и имъ позволено было содержать вооруженныхъ ратниковъ для собственной безопасности. Эти ратники были *арматолы*. Такимъ образомъ, названіе арматоловъ давалось часто тѣмъ самымъ людямъ, которые, въ прежнемъ состояніи войны и противоборства, были называемы клефтами. Что касается до округовъ горныхъ, болѣе дикихъ и дебристыхъ горъ, гдѣ греки почитали себя безопасными отъ турокъ и отказывались отъ примиренія съ ними, мѣста сіи съ того времени сохранили или получили названіе *Клефтохоріи*, т. е. стороны или жилищъ клефтовъ; они носятъ его и понынѣ. Таковы, говоритъ издатель, преданія грековъ о началѣ арматоловъ и клефтовъ".

Можетъ быть, таковы преданія простого народа; можетъ быть, что со времени завоеванія Греціи турками, греки вооруженные начали именоваться словомъ латинскимъ *арматолы*, отъ arma tollo—*ношу оружіе;* но обычай у грековъ *всегда носить оружіе* и употреблять его иногда для частныхъ видовъ—гораздо древнѣе вторженія турокъ въ Грецію. Кромѣ Геродота [1]), вотъ что говоритъ Ѳукидидъ [2]): „Въ древности эллины и варвары, проживавшіе у моря или обитавшіе по островамъ, едва начали на судахъ сообщаться, обратились къ разбою, подъ предводительствомъ людей могущественныхъ, иногда для собственной пользы, иногда для доставленія пропитанія бѣднымъ, ... Сей промыселъ не казался безславнымъ, напротивъ, доставлялъ еще славу. Это ясно свидѣтельствуютъ какъ народы твердой земли, между которыми почитается небезчестно производить, при извѣстномъ порядкѣ, сей промыселъ, такъ и древніе поэты, у которыхъ (въ сочиненіяхъ) разъѣзжающіе по морю спрашиваютъ встрѣчныхъ: *не разбойники ли вы?* Однако-жъ ни тѣ, у которыхъ спрашиваютъ, не отрекаются отъ промысла, какъ недостойнаго, ни тѣ, каторые спрашиваютъ, симъ ихъ не порицаютъ. На твердой землѣ также разбойничали. *Еще и понынѣ слѣдуютъ сему обычаю древнему многія племена Эллады,* какъ то: *локры-озолы, этольцы, акарнанцы* и другіе сихъ областей обитатели. Такимъ образомъ *обычай*—всегда *носить оружіе,* между сихъ народовъ твердой земли остался отъ древняго разбойни-

---

1) Herod. 3, 133 p. 265.
2) Thucyd. de bell. Peloponn. lib I cap. 5.

чества". Вотъ кажется, гдѣ начало исторіи или, лучше сказать, и нынѣшняя исторія арматоловъ и клефтовъ: ибо и нынѣ ихъ главныя обители—*Этолія* и *Акарнанія*.

„Благодаря учрежденію арматоловъ, — продолжаетъ французскій издатель,—Греція не была совершенно во власти варваровъ. Лишить мало-по-малу побѣжденныхъ остатка ихъ благъ и правъ—составляло главнѣйшую цѣль правительства турецкаго. Арматолы были всегдашнею преградою сему намѣренію: пока грекамъ оставалось что-нибудь для потери, туркамъ оставалось дѣло. Короче, исторія арматоловъ, со времени, когда становится извѣстною, есть не что иное, какъ картина долгой и мужественной ихъ борьбы съ пашами и беями. Диванъ наконецъ почувствовалъ ихъ опасность: образовалъ особые частные отряды, учредилъ особыхъ чиновниковъ, подъ названіемъ дервенджи-баши, *главный охранитель дорогъ*, чтобы противопоставить ихъ арматоламъ и преслѣдовать мятежныхъ. Въ послѣдствіи времени, должность дервенджи-баши поручена пашамъ албанцевъ, племени воинственному, искони враждебному грекамъ. Арматолы мятежные или клефты, располагая станы свои въ горныхъ, безплодныхъ мѣстахъ, будучи всегда готовы бросить ихъ, не могши ни на мигъ оставить оружія, не подвергая жизни опасности, принуждены были жить грабежемъ, принуждены были нападать даже на грековъ; но обыкновенно, туркамъ гибельны были ихъ набѣги. Клефты похищали стада, жгли деревни, плѣняли агъ и беевъ, уводили ихъ въ горы и возвращали только за выкупъ. Такимъ образомъ, когда арматолы, преслѣдуемые и принужденные защищать оружіемъ свою жизнь и права, входили въ первое ихъ состояніе независимости и начинали воевать съ турками, слѣдственно ихъ грабить, имъ снова давали имя клефтовъ, или, можетъ быть, они его принимали сами, какъ древнее титло ихъ славы. То слабые и принужденные воевать въ горахъ, то сильные и часто отнимавшіе округъ, изъ котораго изгнаны были и который обыкновенно назывался *Арматóликъ*, воины сіи переходили отъ состоянія арматоловъ къ клефтамъ такъ часто и быстро, что имя арматола и клефта могло быть принимаемо, почти безъ разбора, одно за другое. Есть области, гдѣ слово арматолъ употребляется для означенія того и другого; въ другихъ, напротивъ, какъ въ Θессаліи, клефтъ означаетъ какъ арматола, покорнаго туркамъ, такъ и клефта, на горахъ воюющаго.

„Съ основанія арматоловъ дружины ихъ имѣли предводителей, подъ именемъ *капитановъ*. Титло сіе и обязанности, какъ полагаетъ издатель, были наслѣдственны и передавались отцомъ старшему сыну, съ саблей, какъ знакомъ пожалованія. Ратникъ арматоловъ

назывался *палікаръ*, слово, означающее человѣка въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, такъ сказать, храбрый, удалый, а проще, но вѣрнѣе, *молодецъ*. Одежда ихъ совершенно албанская, оружіе также: сабли, кинжалъ и ружье, длинное необыкновенно. Переходя въ горы, чтобы жить клефтами, арматолы сохраняли ту же одежду; имѣли, однако-жъ, признакъ, по которому можно отличить клефта покорнаго отъ мятежнаго. Послѣдній носилъ, гораздо длиннѣе перваго, арканъ, нѣсколько разъ обвитый кругомъ тѣла; арканомъ симъ онъ обыкновенно вязалъ плѣнныхъ. Дружины клефтовъ простираются отъ двухъ до трехъ сотъ человѣкъ и болѣе. Главнѣйшія становища ихъ — горы Этоліи, отдѣляющія Θессалію отъ Македоніи, и горы Аграфскія, то есть разные горные хребты, изъ которыхъ одни принадлежатъ Акарнаніи, другіе—западной Θессаліи. Но гора Олимпъ—любимѣйшая, главнѣйшая обитель храбрыхъ, и можно сказать, гора священная клефтовъ. Впрочемъ, родъ обожанія, съ какимъ гора сія прославляется въ пѣсняхъ клефтическихъ, можетъ быть, происходитъ болѣе отъ преданій о древней знаменитости ея, нежели отъ существеннаго превосходства горъ, клефтами избираемыхъ.

„Ведя на горахъ жизнь простую, суровую, безпрерывно дѣятельную, воины сіи всѣ физическія способности тѣла раскрываютъ до необыкновенной степени. Сверхъ того, упражняясь въ станахъ своихъ разными родами игръ воинственныхъ, они пріобрѣтаютъ силу, гибкость и легкость изумительную. Капитанъ Нико-царь перепрыгивалъ черезъ семь лошадей, рядомъ поставленныхъ. Называютъ другихъ капитановъ, которые, подъ одеждой и оружіемъ, равнялись бѣгомъ съ обыкновенною скоростью лошади скачущей. Но важнѣйшее и, безъ сомнѣнія, полезнѣйшее искусство, въ какомъ они отличаются—стрѣльба. Всѣ они изъ длинныхъ ружей своихъ стрѣляютъ съ вѣрностью удивительною. Искуснѣйшіе—въ двухъ стахъ шагахъ попадаютъ пулею въ кольцо, котораго окружность немного болѣе пули. Эта превосходная степень искусства въ стрѣльбѣ родила между ними родъ поговорки: *вдѣть пулю въ кольцо*“.

Должно присовокупить, что многіе храбрые воины, отличавшіеся въ первое возстаніе Мореи, были капитаны арматоловъ; въ нынѣшнее также: Одиссей и еще нѣкоторые, прославившіеся побѣдами, предводители грековъ, вышли изъ среды сихъ дружинъ воинственныхъ, на которыхъ просвѣщенные патріоты Греціи издавна полагали великія надежды отечества.

Но этого довольно, чтобъ имѣть понятіе объ арматолахъ и клефтахъ, сколько нужно для пѣсенъ; обратимся къ нимъ. Изъ переведенныхъ нѣкоторыя относятся къ нашимъ временамъ, другія старинныя; онѣ сохранились или письменно, любителями, или въ

устахъ народа и особаго класса людей, ихъ поющихъ. Древнѣйшія изъ нихъ, напр. *Олимпъ*, принадлежатъ, по словамъ издателя, къ концу XVI вѣка.

„Особенность всѣхъ произведеній поэзіи простонародной вездѣ общая: сочинители ихъ остаются неизвѣстными. Особенность сія обнаруживается и въ пѣсняхъ греческихъ. Никто не знаетъ сочинителей; но большая часть пѣсенъ слываетъ произведеніемъ *смѣшныхъ нищихъ*, разсыпанныхъ по всей Греціи, людей, изображающихъ собою древнихъ рапсодовъ съ точностью, въ которой есть что-то поразительное.—Слѣпцы эти обыкновенно выучиваютъ наизусть пѣсни простонародныя; иные знаютъ ихъ удивительное множество. Съ симъ сокровищемъ памяти они безпрерывно странствуютъ: проходятъ Грецію во всѣхъ направленіяхъ, изъ Мореи въ Константинополь, отъ береговъ моря Эгейскаго до Іонійскаго. Въ селахъ встрѣчаются они чаще, нежели въ городахъ, и особенно во время приходскихъ праздниковъ или ярмарокъ. Тамъ, кругомъ ихъ собираются охотнѣе слушатели, передъ которыми они поютъ и получаютъ небольшую плату, составляющую весь ихъ доходъ. Пѣніе сопровождаютъ они музыкальнымъ орудіемъ со струнами, по которымъ играютъ смычкомъ. Орудіе это совершенно древняя лира греческая, которой оно сохранило какъ имя, такъ и форму [1]). Лира сія, полная, имѣетъ пять струнъ; но часто бываетъ съ двумя или тремя струнами, которыхъ звуки, какъ легко представить, не весьма сладкогласны“.

„Новые рапсоды сіи раздѣляются (что составляетъ бо́льшую или меньшую ихъ важность, относительно къ исторіи поэзіи) на два рода. Одни—и эти, кажется, многочисленнѣе—только собираютъ, выучиваютъ и распространяютъ пѣсни, которыхъ онѣ не сочиняли. Другіе составляютъ разрядъ болѣе отличный: повторяя и распространяя поэзію другого, они сами дѣлаются поэтами, и къ числу пѣсенъ, ими выученныхъ, присоединяютъ собственныя. Сходство, не менѣе примѣчательное между рапсодами древними и новыми, состоитъ еще въ томъ, что эти бываютъ, какъ бывали тѣ, вмѣстѣ и музыканты; и поэты. Каждый слѣпецъ, сочинившій пѣсню, сочиняетъ и голосъ на нее. Между сими слѣпцами-рапсодами встрѣчаются, отъ времени до времени, одаренные талантомъ импровизаторовъ. Одинъ изъ нихъ, какъ слышалъ издатель, жилъ въ концѣ послѣдняго вѣка, въ маленькомъ городкѣ Ампелакіи, что въ Ѳессаліи, недалеко отъ горы Оссы. Онъ назывался Гавоянисъ, или Иванъ слѣпой; достигъ до глубокой старости и пріобрѣлъ во всемъ округѣ большую славу лег-

[1]) Въ разсужденіи большого сходства упоминаемаго орудія съ лирою древнихъ, не всѣ изъ знающихъ нынѣшнюю Грецію соглашаются.

костью, съ какою импровизировалъ на всякій историческій предметъ пѣсни, слывшія прекрасными. Онъ также изумлялъ памятованіемъ необыкновеннаго множества происшествій изъ исторіи клефтовъ. Сдѣлавшись богатъ, по сравненію съ его братьями, скитальцами и нищими, онъ представлялъ примѣръ, дѣйствительно рѣдкій, рапсода-домосѣда. Народъ его посѣщалъ, къ нему сходился, чтобъ слушать пѣсни или требовать новыхъ, безъ приготовленія имъ воспѣваемыхъ.

„Всякій предметъ пѣсни, лишь бы онъ былъ народенъ, хорошъ для пѣвцовъ сихъ; но есть содержанія, ими особенно предпочитаемыя, которыя воспѣвать они вмѣняютъ себѣ какъ бы въ обязанность. Содержанія сіи суть подвиги и приключенія клефтовъ, предметы, дѣйствительно заключающіе въ себѣ всѣхъ болѣе народнаго и любезнаго грекамъ.

„Такимъ образомъ, что касается до свойства, изобрѣтенія и сочиненія сихъ пѣсенъ, не должно ни на минуту упускать изъ виду, что эти пѣсни—произведенія простого народа, что никакое искусство не присутствовало при сочиненіи оныхъ, или, по крайней мѣрѣ, выказывается въ нихъ въ самой юности. Сочиненія такого рода можно ли судить по правиламъ искусства зрѣлаго? Или, сочиненія, чуждыя правилъ сихъ, могутъ ли заслужить удивленіе или уваженіе? Дѣло должно отвѣчать на послѣдній вопросъ; и оно отвѣчаетъ, какъ нельзя утвердительнѣе.

„Между всѣми искусствами подражательными, поэзія имѣетъ ту особенность, что одно побужденіе, одно вдохновеніе генія необразованнаго, самому себѣ преданнаго, можетъ достигать цѣли искусства, безъ ухищреній, безъ способовъ, имъ обыкновенно употребляемыхъ, если только цѣль сія не слишкомъ сложна, не слишкомъ отдаленна. Это бываетъ во всякомъ сочиненіи поэтическомъ, которое, подъ формами первоначальными и простыми, какъ бы онѣ безыскусственны ни были, заключаетъ сущность предметовъ или мыслей истинныхъ и прекрасныхъ. Еще болѣе: именно этотъ недостатокъ искусства, или это несовершенное употребленіе искусства, этотъ родъ противоположности или несоразмѣрности между простотою способовъ и полнотою дѣйствія, составляютъ главную прелесть такого сочиненія. Безъ сомнѣнія, твореніе поэзіи, въ которомъ геній ничего не заимствовалъ отъ искусства, кромѣ способовъ, какими онъ очищается, возвышается, увеличивается, будетъ всегда, и при равенствѣ предметовъ, гораздо выше, и дѣйствіемъ, и достоинствомъ, всякаго творенія генія необразованнаго. Но успѣхи рѣшительные искусства такъ рѣдки, его опыты несчастные такъ часты, и есть нѣчто столь печальное при видѣ такого значительнаго числа умовъ человѣческихъ,

изнуряющихся въ усиліяхъ напрасныхъ, что красоты безъ искусства, или искусство безъ затѣйливости должны нравиться потому единственно, что они чужды искусства и доказываютъ, что геній старѣе искусства и можетъ производить безъ его пособій. Чѣмъ болѣе встрѣчаемъ произведеній, гдѣ естественное, истинное и прекрасное отъ усиленнаго исканія, тщательности и украшеній потеряны, тѣмъ болѣе находимъ прелести въ произведеніяхъ, въ которыхъ воображеніе юное и смѣлое излилося со всею свободою и для одного удовольствія изливаться. Почти такимъ образомъ, и по причинамъ одинакимъ, выходя изъ душнаго бала, даваемаго роскошью суетѣ и скукѣ, мы вкушали бы наслажденія чистѣйшія, когда бы вдругъ случилось намъ увидѣть картину радостей невинныхъ, живыя игры дѣтства.

„Разсужденія сіи относятся ко всякой поэзіи простонародной, поэзіи естественной, въ противоположность съ поэзіею искусственною, когда только будетъ она выраженіемъ чего-либо истиннаго, благороднаго, чувствованнаго. Но они еще болѣе могутъ относиться къ простонароднымъ пѣснямъ грековъ, какъ къ такимъ, которыя болѣе другихъ соединяютъ съ необыкновенною занимательностью и истиною особенность формъ народныхъ. Свойство ихъ, почти всѣхъ, одинаково: краткость, сжатость и сжатость гораздо большая, нежели бы нужно для вкуса каждаго другого народа, кромѣ грековъ.—Это не тѣ оконченныя произведенія, для которыхъ поэтъ напередъ изучилъ все, что должно сказать, все, что должно описать; это однѣ черты, изъ которыхъ каждая есть черта характера, жизни, и въ краскахъ которой сіяютъ воздухъ и небо Греціи. Происшествіе ли, мысль, чувство, или игра воображенія составляютъ предметъ пѣсни,—изложенія ихъ чрезвычайно просты, но почти всегда возвышены оригинальностью исполненія. Иногда поэтъ прямо, безъ всякаго приготовленія, излагаетъ предметъ, иногда начинаетъ приступомъ лирическимъ, родомъ короткаго пролога приготовляетъ воображеніе слушателей. Сіи приступы въ простонародной поэзіи греческой суть какъ бы образцы освященные: они измѣняются по роду пѣсенъ, передъ которыми помѣщены; но каждый изъ нихъ можетъ быть употребленъ для другой пѣсни въ томъ же родѣ.—Во многихъ пѣсняхъ, при чрезвычайной простотѣ мыслей и выраженій, встрѣчается, иногда въ мысли главной, иногда въ побочной, а временемъ и въ выраженіи, что-то неожиданное, въ первую минуту кажущееся изысканнымъ, чрезмѣрнымъ или, по крайней мѣрѣ, страннымъ; но разсмотрѣвъ его ближе, тотчасъ увѣряешься, что это изысканное, или показавшееся чрезмѣрнымъ, есть способъ самый живой, самый искренній и даже невинный, какъ нельзя болѣе, чтобы выразить

мысль очень простую или чувство очень естественное; тотчасъ видишь, что весьма далекая отъ принужденности и изысканности эта рѣзкость выраженія или мысли есть отпечатокъ чего-то національнаго, есть особенное свойство воображенія народнаго. Въ пѣсняхъ греки заставляютъ говорить предметы неодушевленные, горы, животныхъ, но *болѣе всего птицъ*.

„Сія примѣсь чудеснаго, сія смѣлость выраженій и воображенія, удивляющія вкусъ европейца, сія гордость духа, сей пылъ чувствъ и жаръ исполненія даютъ,—замѣчаетъ издатель,—простонароднымъ пѣснямъ нынѣшнихъ Грековъ *что-то восточное*, ясно ихъ отличающее отъ всего, что мы теперь знаемъ или представить можемъ изъ простонародной поэзіи древнихъ грековъ. Это различіе вкуса и воображенія грековъ современныхъ и ихъ предковъ не будетъ, можетъ быть, неизъяснимо; по крайней мѣрѣ, оно существенно, и довольно, если замѣчено“.

II.

Вотъ что находитъ издатель французскій въ историческихъ пѣсняхъ грековъ; и что онъ говоритъ объ ихъ поэтическихъ свойствахъ—этого довольно; но что касается до особенности вкуса и воображенія, и французомъ въ нихъ замѣчаемой, но приписываемой Востоку, для русскаго читателя этого, я думаю, недовольно.

Уже при описаніи греческихъ пѣсенъ семейственныхъ читатель русскій замѣтилъ, что такъ называемые у нихъ *мирологи*; и у насъ, хотя не имѣютъ названія, но существуютъ; что простонародныя женщины въ Россіи, а особенно въ Малороссіи, оплакивая мертвыхъ, прибѣгаютъ не къ однѣмъ слезамъ и неимѣющимъ связи воплямъ горести, но что плачъ ихъ составляетъ особенный, у простыхъ людей почти общій, родъ оплакиванія, въ которомъ онѣ обыкновенно исчисляютъ добродѣтели умершаго, хвалятъ его и, жалуясь на свое вдовство или сиротство, распѣваютъ: *Закрылъ ты ясныя очи свои! на кого же ты меня покинулъ? на кого оставилъ?* что къ симъ, такъ сказать, формуламъ общимъ, приговариваютъ разныя нѣжныя выраженія—*голубчикъ мой, ясный соколъ мой!* и проч., такъ что плачъ сей, произносимый всегда особеннымъ родомъ напѣва, носитъ на себѣ совершенное свойство миролога. — Читатель также помнитъ, что для празднества весны и мы имѣемъ пѣсню; что она, хотя не подъ названіемъ „Пѣсня ласточки“ извѣстна, но существуетъ въ Малороссіи и называется *Веснянка*, и что въ началѣ весны молодыя сельскія женщины нарочно собираются на улицахъ, чтобы *пѣть Веснянку*; что въ Великороссіи, 9-го марта,

новѣйшихъ пѣсенъ простонародныхъ [1]), эти сравненія встрѣчаются въ нихъ безпрерывно. Они встрѣчаются и во многихъ пѣсняхъ греческихъ.

Далѣе: французскій издатель замѣтилъ, что греческія пѣсни, кромѣ другихъ особенныхъ свойствъ, отличаются еще слѣдующими: родомъ лирическихъ приступовъ, наприм., въ пѣснѣ *Гифтакъ* и многихъ не переведенныхъ; что приступы сіи, какъ образцы освященные, употребляются и для другихъ пѣсенъ, съ небольшимъ измѣненіемъ, смотря по содержанію. Такъ, напримѣръ, пташка, которая въ переведенной пѣснѣ, *Сонъ Дима*, сидитъ надъ Димовой головою и говоритъ языкомъ человѣческимъ, употреблена также въ пѣснѣ *Сонъ Зидра*. Три птицы, которыя вмѣстѣ садятся, смотрятъ въ разныя стороны, горюютъ и между собою разговариваютъ, составляютъ приступъ нѣсколькихъ пѣсенъ греческихъ.

Сколько русскихъ пѣсенъ начинаются симъ родомъ лирическихъ приступовъ! [2]) Сколько разъ они употреблены въ другихъ пѣсняхъ съ небольшимъ измѣненіемъ! [3]) Но что не менѣе заслуживаетъ вниманія, что еще болѣе подкрѣпляетъ заключенія, какія изъ того слѣдуютъ: пѣсни славянъ-чеховъ, старинныя, XII и XIII вѣка, отличаются сими же свойствами, имѣютъ такіе же лирическіе приступы [4]); пѣсни сербовъ—тоже [5]).

Греки, замѣтилъ французскій издатель, въ пѣсняхъ заставляютъ

---

[1]) Не соколъ леталъ по поднебесью,
Что ходилъ, гулялъ добрый молодецъ...

[2]) Ахъ, таланъ ли, мой таланъ такой,
Или участь моя горькая?
Ты, звѣзда моя злосчастная!
Высоко звѣзда всходила,
Выше свѣтла млада мѣсяца. . . . .
. . . . . .
Во Азовѣ, славномъ городѣ,
Какъ была тутъ темная темница, и проч.

Или:

Вылетала голубина на долину, и проч.

[3]) Два вышеприведенные приступа находятся при другихъ пѣсняхъ; это можно видѣть въ каждомъ пѣсенникѣ.

[4]) *Пѣсня Роза*:

Ахъ ты, роза, красна роза,
Къ чему рано расцвѣла,
Расцвѣтши померзла,
Померзши увяла,
Увядши опала?
Вчера я сидѣла, долго сидѣла и проч.

Также пѣсня *Сиротинка*. Извѣстія Россійск. Акад. книжка 8. Собраніе чешскихъ народныхъ пѣснопѣній, перев. А. III.

[5]) Изданныя Вукомъ Стефановичемъ.

говорить предметы неодушевленные, *но болѣе всего — птицъ*. Нужно ли приводить доказательства, что ни одинъ изъ народовъ, которыхъ словесность намъ извѣстна, не употреблялъ съ такою любовію птицъ въ пѣсняхъ своихъ, какъ русскіе, и вообще, должно думать—доказательство пѣсни чеховъ и сербовъ [1])—племена славянскія. Соловьи, гуси, утки, ласточки, кукушки составляютъ дѣйствующія лица нашихъ пѣсенъ, любимѣйшія сравненія древнѣйшихъ произведеній поэзіи, начиная съ Слова о полку Игоревѣ. Есть пѣсни, напримѣръ: *Протекало теплое море,* или *За моремъ синица не пышно жила*, въ которыхъ, съ необыкновенною веселостью ума русскаго, перебраны почти всѣ птицы домашнія и окружающія жилища человѣческія. Въ пѣснякъ чешскихъ то же свойство: птицы разговариваютъ, птицы составляютъ предметы пѣсенъ.

Сія примѣсь чудеснаго, сіи вообще особенныя свойства, по словамъ французскаго издателя, даютъ греческимъ простонароднымъ пѣснямъ *что-то восточное*. Читатель видитъ, что это чудесное, что эти особенныя свойства пѣсенъ суть: частыя введенія въ нихъ птицъ, разговоры ихъ между собою или съ людьми, и сравненія отрицательныя. Теперь да судитъ самъ, къ чему должно относить свойства сіи, чему должно приписывать особенный духъ простонародной поэзіи грековъ, европейцамъ чуждый, но родной русскому, знакомый славянину. Откуда же это знакомство? Какъ сей духъ русскій, или все равно славянскій, зашелъ къ народу греческому? Предлагающимъ эти вопросы надобно прежде вспомнить слѣдующія обстоятельства: Албанія, Этолія, Акарнанія и горы Аграфскія были искони главнѣйшими обителями арматоловъ, непокорныхъ туркамъ, или клефтовъ. *Гифтакъ, Буковалъ* и многіе воспѣтые клефты, въ сихъ областяхъ подвизались, и конечно, между ихъ жителями, свидѣтелями ихъ славы, нашли пѣвцовъ своихъ подвиговъ. Помня это, пусть любопытные, для объясненія своихъ вопросовъ, потрудятся взглянуть на карту нынѣшней Греціи, и особенно вышесказанныхъ областей, Албаніи, Этоліи, Акарнаніи и Аграиды: увидятъ, что тамъ озера называются *озерами;* что города, горы, рѣки, деревни носятъ вотъ какія имена; города: *Скаланова, Клиново, Войница, Вистица, Ледорики, Ливно, Острово.*—Горы: *Баба, Клокова.* — Рѣки: *Бѣлица, Десница, Добра-вода.* — Деревни: *Славена, Слави, Грабли, Курка, Лавка, Ново-село, Косовица, Каменица, Борки, Бутки, Добро-поле, Бабино-поле,* и пр., и пр., и пр. Видя это, можно, кажется, *подозрѣвать*, что народъ, покрывшій своими названіями области грековъ, долженъ былъ

[1]) Извѣстія Россійск. Акад. книжка 8; и изд. В. Стефановичемъ.

имѣть на ихъ духъ, на ихъ нравы сильное вліяніе; что народъ сей, безъ сомнѣнія, былъ изъ племени славянскаго, и что такимъ образомъ не одинъ, можетъ быть, слѣпой рапсодъ, воспѣвшій подвиги клефтовъ, былъ славянинъ, впечатлѣвшій и духъ и вкусъ собственный въ свои пѣсни греческія. Подозрѣнія эти могутъ обратиться и въ заключенія для тѣхъ, которые пожелаютъ читать историковъ византійскихъ и путешественниковъ по Греціи, намъ современныхъ. Изъ первыхъ увѣдаютъ, что племена славянъ, подъ разными наименованіями хорватовъ, сербовъ, гунновъ, болгаръ, скиѳовъ, еще съ 6-го вѣка стали слишкомъ знакомы грекамъ; что они опустошали нашествіями ежегодными [1]) Иллирію, Ѳракію, собственно Элладу, Херсонесъ, и всѣ, отъ залива Іонійскаго моря до подгородныхъ земель Византіи, области греческія; и что, наконецъ, въ 746 году, они было покорили власти своей весь Пелопоннесъ [2]). Отъ путешественниковъ узнаютъ, что часть племенъ сихъ, тамъ оставшихся, укоренившихся и обитающихъ въ срединѣ Греціи, до сихъ поръ сохраняютъ много собственнаго въ нравахъ и въ самой наружности; что жены болгаръ пелагонскихъ до сихъ поръ отличаются волосами русыми и глазами голубыми [3]); что Николай Чудотворецъ предпочитается болгарами всѣмъ св. угодникамъ [4]), и что они до сихъ поръ говорятъ языкомъ славянскимъ [5]).

Сообразивъ такія обстоятельства, кажется, должно будетъ изъяснить особенность вкуса и духа нынѣшней простонародной поэзіи грековъ не однимъ вліяніемъ Востока.

Знаю, что иностранецъ, незнакомый съ словесностью русскою, не можетъ и подозрѣвать сходства между пѣснями русскими и новогреческими; онъ, конечно, долженъ предполагать, что особенности послѣднихъ откуда-нибудь заимствованы. Но предположеніе, что онѣ заимствованы изъ словесности восточной: арабской, персидской, или, что все равно, турецкой, едва-ли не будетъ гадательное. И поэтъ Востока, еслибъ спросили его, вы ли сообщали нынѣшнимъ грекамъ особенныя свойства, ихъ простонародную поэзію отличающія?—едва ли не будетъ отвѣчать, какъ Брамину въ баснѣ Крылова отвѣчалъ бѣсенокъ:

---

1) Procop. Caesar. Histor. Arcan. C. 18, p. 316. Edit. Venet.

2) Constant. Porphirog. de Them. p. 25. Edit. Paris.

3) Pouqnev. Voyage dans la Grèce. Tom. II, p. 191.

4) Хотя вѣроятно, что болгары не славянскаго происхожденія, но они еще въ половинѣ 7-го вѣка смѣшались съ славянами и составили одинъ народъ. Штрит. Извѣст. Визант. Истор. Часть IV, стр. 6.

5) Pouqnev. Tom. II, p. 373. Тамъ же Пукевиль говоритъ, что для объясненій съ болгарами онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ нѣсколькимъ словамъ славянскимъ, въ Рагузѣ имъ выученнымъ.

Я, право, вижу въ первый разъ,
Какъ яйца пекутъ на свѣчкѣ.

Еслибъ *сравненія отрицательныя* были общенароднымъ свойствомъ поэзіи восточной, какъ нѣкоторые думаютъ, стоило бы раскрыть стихотвореніе Сади, или пѣсни Гафиса, знаменитѣйшихъ поэтовъ Персіи, чтобъ эти сравненія встрѣтить въ такомъ же изобиліи, какъ въ пѣсняхъ русскихъ, которыхъ онѣ, такъ сказать, печать составляютъ. Но переводъ нѣмецкій Гафиса [1]), признаваемый прекраснымъ, переводъ Сади, латинскій [2]), въ которомъ съ знатоками персидскаго языка свѣрялъ я нѣсколько сравненій, думая, не потеряна ли форма оныхъ въ переводѣ, не представили мнѣ сравненій отрицательныхъ.

Предположимъ, однако, что эти сравненія, можетъ быть, находятся у народовъ восточныхъ въ такихъ же пѣсняхъ простонародныхъ; но и съ этимъ предположеніемъ *сила обстоятельствъ* не разрушитъ ли заключенія тѣхъ, которые не хотятъ, чтобъ вліяніе на простонародную поэзію нынѣшнихъ грековъ было славянское? — Вліяніе между народами, до сихъ поръ раздѣляемыми вѣрою, языкомъ, нравами и ненавистью непримиримою, вліяніе поэзіи восточной на простонародную греческую, т. е. на пѣсни клефтическія, сочиняемыя именно въ областяхъ, наполненныхъ славянами, — съ котораго времени могло начаться? Конечно, со времени завоеванія турками Греціи, т. е. 370 лѣтъ назадъ. А славяне, которые въ 6-мъ еще вѣкѣ, передъ императоромъ Византіи, хвалились любовію ихъ къ музыкѣ, которыхъ, какъ описываютъ историки византійскіе, греки, въ одномъ дальнемъ странствіи, нашли съ киѳарами или гуслями [3]), племена, изъ коихъ многія давно водворились въ земляхъ и на предѣлахъ Греціи, съ жителями ея сблизились вѣрою и связями семейными, — племена эти могли ли сообщать духъ своихъ пѣснопѣній простонародной поэзіи грековъ, и съ котораго времени? Съ 7-го вѣка, 1200 лѣтъ назадъ!

Впрочемъ, если мнѣ представятъ образцы поэзіи восточной, которыхъ сходство съ пѣснями клефтическими грековъ; не одними сравненіями, но множествомъ свойствъ, также будетъ разительно, какъ сходство ихъ съ пѣснями русскими, я докажу, что мои заключенія внушало мнѣ не тщеславіе народное, но любовь къ истинѣ,— перемѣню ихъ.

---

1) Der Diwan von Moh. Hafis. Uebersetz von Ioseph Hammer. 1812.
2) Rosarium Politicum Sadi. Amstelaed. 1651.
3) Исторія Государ. Россійскаго Н. М. Карамзина. Т. I, стр. 26.

ПѢСНИ КЛЕФТИЧЕСКІЯ.

I.

ОЛИМПЪ.

Это одна изъ древнѣйшихъ и лучшая изъ клефтическихъ пѣсенъ, въ Собраніи г. Форіеля напечатанныхъ. Въ сочиненіи и подробностяхъ ея видно болѣе, нежели въ другихъ, дикой смѣлости соображенія и тѣхъ дерзкихъ порывовъ генія, той сильной простоты, которые составляютъ свойство сихъ произведеній. Форіель предполагаетъ, что она сочинена въ Θессаліи, но извѣстна въ цѣлой Греціи. Французскій издатель изъ трехъ разныхъ копій составлялъ текстъ; но въ его изданіи опущены стихъ 2-й и 9-й, которые по совѣту отца Экономоса, я внесъ, какъ принадлежащіе сей пѣсни и дающіе оной больше ясности. 2-й изъ нихъ: «*И первый за сабли, за ружья другой*»—означаетъ споръ за сражающихся саблями и ружьями.—*Киссавъ*—нынѣшнее названіе горы Пеліона.—*Коньяры*, племя магометанъ, самое презрѣнное у грековъ.—*Ксеромеръ* и *Луру*—арматолики въ Акарнаніи.

Заспорили горы Олимпъ и Киссавъ,
И первый за сабли, за ружья другой.
Олимпъ обернулся къ Киссаву, шумитъ:
Молчи, пресмыкайся во прахѣ, Киссавъ,
Не разъ оскверненный Коньяра ногой!
Я славенъ въ подлунной, Олимпъ я сѣдой!
Высокъ я, на мнѣ сорокъ двѣ головы;
Я шуменъ, струю шестьдесятъ два ключа;
Гдѣ ключъ лишь—тутъ знамя, гдѣ дерево—клефтъ.
Сидитъ у меня на вершинѣ орелъ,
Въ когтяхъ у орла—голова храбреца.
Клюетъ онъ ее и разспрашиваетъ:
„Что сдѣлала ты, удалая глава?
За что, какъ у грѣшника, срублена съ плечъ?“
—Съѣдай мою молодость, птица-орелъ,
Съѣдай мою храбрость; твои подростутъ
И крылья на локоть, и когти на пядь!
Въ Ксеромерѣ, въ Луру я былъ арматолъ
И клефтъ на Олимпѣ двѣнадцать годовъ;

Сто агъ истребилъ я, сто селъ ихъ сожегъ;
А Турокъ, Албанцевъ, положенныхъ мной...
Ихъ множество, птица, и счета имъ нѣтъ.
Но жребій пришелъ мой—легъ въ битвѣ и я!

II.

СОНЪ ДИМА.

Димъ или Димосъ, сокращенное имя Димитрія. Димъ, капитанъ клефтовъ, погибъ жертвою своей гордости и отваги.—Албанцы подстерегли его и засѣли убить; но онъ не хотѣлъ послушаться совѣта друзей, не хотѣлъ переодѣться, чтобы не быть узнаннымъ, и убитъ неожиданно. Содержаніе пѣсни есть разсказъ сна, которымъ пораженъ Димъ, какъ предчувствіемъ несчастія. Въ сочиненіи есть что-то поэтическое и необыкновенно оригинальное: птицы и многія свойства пѣсни сильно напоминаютъ пѣсни русскія.

Не разъ и не два я говаривалъ Диму:
Понизь свою шапку, доспѣхъ свой прикрой;
Албанцы примѣтятъ, Албанцы убьютъ,
Узнавъ по сребру и по гордому виду.—
Кукуютъ кукушки кругомъ по горѣ,
Кричатъ куропатки, сидя подъ горою;
А малая пташка, слетѣвши съ небесъ,
Щебечетъ, надъ Димовой сѣвъ головою.
Не птицей, не ласточкой пташка поетъ,
Поетъ, говоритъ языкомъ человѣчьимъ:
„Что блѣденъ, что смутенъ сегодня ты, Димъ?“
—Ты хочешь то вѣдать, скажу тебѣ, пташка!
Пришелъ отдохнуть я, немного соснуть;
Заснулъ лишь, и вдругъ въ первосоньѣ я вижу:
Потусклое небо, кровавыя звѣзды,
Кровава булатная сабля моя!

III и IV.

БУКОВАЛЛЪ И ИВАНЪ СТАѲА.

Буковаллъ,—одинъ изъ славнѣйшихъ капитановъ клефтскихъ; онъ былъ изъ Акарнаніи, сражался съ Турками въ горахъ Аграфскихъ и прославился своею побѣдою надъ Вели, дѣдомъ извѣстнаго Али-Паши.—*Ксрассово и Ксирріо*—деревни, между которыми сражается Буковаллъ. Первые три стиха сей пѣсни сдѣлались общими въ поэзіи клефтической, тѣмъ образцомъ приступовъ

для однородныхъ пѣсенъ, о которыхъ говорено во Введеніи.—Пукевилъ также напечаталъ сію пѣсню въ своемъ «Путешествіи въ Грецію» (т. 3, стр. 16), но со списка, какъ видно, дурного, искаженную, лишенную всякаго смысла, и удивляется, отчего она такъ славна въ Греціи, любима Шипетарами, и производитъ, какъ говоритъ самъ, магическое дѣйствіе надъ Албанцами-христіанами.—Пѣсня *Иванъ Стаѳа* занимательна, сколько по родству героя съ Буковалломъ, столько и по содержанію: другой о морскихъ клефтахъ въ собраніи не находится.

БУКОВАЛЛЪ.

Что за шумъ, что за громъ раздается кругомъ?
Не быковъ ли то бьютъ, не звѣрей ли травятъ?
Нѣтъ, то бьютъ не быковъ, не звѣрей то травятъ:
То сражается съ Турками клефтъ Буковаллъ,
И сражается онъ противъ тысячи ихъ;
Отъ Керассово дымъ до Кенуріо легъ.
Бѣлокурая дѣва кричитъ изъ окна:
„Перестань, Буковаллъ, воевать и стрѣлять,
Пусть уляжется пыль, пусть поднимется дымъ,
Сосчитаемъ, узнаемъ, сколькихъ у насъ нѣтъ.“
Сосчиталися Турки, ихъ нѣтъ пяти сотъ;
Сосчиталися клефты, троихъ не дочлись.
Отлучились съ побоища два храбреца:
За водою одинъ, за ѣдою другой;
А третій, храбрѣйшій, стоитъ подъ ружьемъ.

С Т А Ѳ А.

Черный корабль у Кассандры береговъ разъѣзжалъ,
Черные парусы, флагъ голубой развѣвалъ.
Встрѣчу корвета подъ флагомъ багровымъ летитъ:
„Сдайся! спусти паруса!“ налетая, кричитъ.
„Я не сдаюсь, не спускаю моихъ парусовъ!
Къ вамъ не жена, не невѣста пришла на поклонъ:
Зять Буковалла предъ вами, Иванъ я Стаѳа.
Бросить канаты, товарищи, носъ напередъ!
Бейте невѣрныхъ! пролейте турецкую кровь!—
Турки навстрѣчу, и сшибся съ корветой корабль.
Первый Стаѳа устремляется, съ саблей въ рукахъ.
Кровь черезъ палубу хлещетъ, багровѣетъ зыбь;
„Алла!“ невѣрные взвыли и храбрымъ сдались.

V.

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОЩАНІЕ КЛЕФТА.

Надобно предполагать, что два клефта, врагами или какимъ-либо случаемъ, принуждены были удалиться изъ родины; а область другая—для Грека чужбина, земля печальная, которой онъ никогда не именуетъ, не прибавляя эпитета ἐρημα, *пустынная*, эпитета, выражающаго вмѣстѣ и сожалѣніе обо всемъ сладостномъ, что должно въ ней терять, и предчувствіе всего ужаснаго, чего должно ожидать въ ней. Оба, пробираясь, надобно думать, на родину, приходятъ къ возвышенію; внизу бѣжитъ рѣка, которую переплыть должно. И вдругъ одинъ изъ нихъ,—какимъ случаемъ, поэтъ оставилъ въ неизвѣстности,—пораженъ смертію внезапно. «Конецъ пѣсни», замѣчаетъ издатель французскій, «отличается наивностью (naiveté), немного странною, но она совершенно во вкусѣ народа греческаго».—Кому изъ русскихъ конецъ сей не напомнитъ послѣднихъ стиховъ лучшей между старинными нашими пѣснями:

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море
. . . . . .
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое;
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.

Бросайся, пускайся, на берегъ противный плыви,
Могучія руки раскинь ты на волны, какъ весла,
Грудь сдѣлай кормиломъ, а гибкое тѣло—челномъ.
И если даруетъ Господь и Пречистая Дѣва
И выплыть, и видѣть и станъ нашъ, и сборное мѣсто,
Гдѣ, помнишь, недавно томбрійскую козу пекли;
И если товарищи спросятъ тебя про меня,
Не сказывай, другъ, что погибъ я, что умеръ я, бѣдный!
Одно имъ скажи, что женился я въ грустной чужбинѣ;
Что стала несчастному черна земля мнѣ женой.
И тещею—камень, а братьями—остры кремни!

VI.

ГРОБЪ КЛЕФТА.

Одна изъ славнѣйшихъ въ своемъ родѣ пѣсенъ. Ее поютъ во всей Греціи, съ измѣненіями, которыя доказываютъ народность ея. Она замѣчательна и потому, что изображаетъ стараго клефта—рѣдкій примѣръ въ ихъ исторіи,—умирающаго дома посреди семейства и своей дружины, смертію естественною.

Поразительна невинность воображенія и сила духа, дышущія въ послѣднихъ словахъ стараго клефта, который несетъ въ гробъ жажду еще воевать съ Турками и надежду еще дышать воздухомъ весеннимъ.—Эти черты генія дики, но возвышенны: источникъ ихъ—чувство безсмертія.

Садилося солнце, а Димъ свой завѣтъ говорилъ:
„Подите вы, дѣти, на ужинъ пора за водой;
А ты, мой племянникъ, садися, Лампракисъ, ко мнѣ.
Тебѣ моя сбруя, одѣнься и будь капитанъ;
А вы, мои храбрые, саблю мою сироту
Возьмите и мнѣ на постель нарубите зеленыхъ вѣтвей.
Другіе подите, сыщите священника мнѣ.
Въ грѣхахъ я покаюсь, я много ихъ на душу бралъ:
Арматоломъ тридцать, а клефтомъ я двадцать былъ лѣтъ;
Но смерть наступаетъ, я мирно хочу умереть.
Постройте мнѣ гробъ, но чтобъ былъ онъ широкъ и высокъ,
Чтобъ, стоя мнѣ прямо, сражаться и въ Турокъ стрѣлять.
На правую сторону сдѣлайте въ гробѣ окно,
Чтобъ ласточки мнѣ прилетали весну возвѣщать,
Чтобъ красный мнѣ май воспѣвали пѣвцы-соловьи“.

VII.

УМИРАЮЩІЙ ІОТЪ.

Іотъ—сокращенное имя Панагіота. Первые четыре стиха сей пѣсни оборотами, распространеніями и формою сравненія очень близки къ свойствамъ пѣсенъ русскихъ. Она полна чувства, вдохновенія и весьма оригинальна. Послѣдніе три стиха, по мнѣнію Форіеля, должны быть началомъ той пѣсни старинной, какую умирающій клефтъ поетъ, или хочетъ пѣть, какъ напоминающую для него все, что онъ наиболѣе любилъ въ жизни, которую теряетъ.

Проснулся я рано, поднялся я раньше разсвѣта,
Водой умывался, водою отъ сна освѣжался,
И слышу, и сосны и дубы шумятъ по дубравѣ,
А клефты въ пещерѣ надъ ихъ предводителемъ плачутъ.
„Проснися, Іотъ! отъ тяжелаго сна подымися:
Враги сослѣдили, враги въ насъ готовятся грянуть!“
— Но что мнѣ сказать вамъ, несчастные, храбрые други?
Горька во мнѣ пуля, и рана моя неисцѣльна;
Съ одра подымите, на камень меня посадите,
И дайте вина мнѣ; хочу, умирая, напиться!
Хочу я пропѣть заунывную старую пѣсню:

Зачѣмъ я теперь не стою на горѣ на высокой?
Зачѣмъ я теперь не сижу подъ дубравою темной,
Гдѣ овцы и агнцы по пажитямъ тучные бродятъ?

VIII.

ПЛІАСКА.

Пліаска—имя не греческое; клефтъ сей долженъ быть Албанецъ или Волохъ. Раненый, онъ видно не хотѣлъ болѣе вступать въ дружины храбрыхъ и потерялъ жизнь, какъ бы въ наказаніе. Мысль объ Олимпѣ достойна лучшихъ поэтовъ древней Греціи. Собственныя имена людей и областей суть имена знаменитыхъ капитановъ клефтскихъ и ихъ арматоликовъ.—*Турновъ* или *Турново* есть въ Греціи округъ, городъ и деревня.

Слегъ нашъ Пліаска, лежитъ при печальномъ потокѣ,
Бѣдный, по поясъ въ водѣ и воды еще жаждетъ.
Съ птицею, съ ласточкой онъ разговоры заводитъ:
„Есть ли мнѣ, птица, лекарство? Мнѣ чѣмъ излечить мою рану?“
— Хочешь лекарства ты? хочешь ты вылечить рану?
Встань, и взойди на Олимпъ, на прекрасную гору;
Храбрые тамъ не больны, и больные тамъ храбры.
Тамъ у безчисленныхъ клефтовъ четыре начальства;
Тамъ они дѣлятъ сребро, раздаютъ капитанства.
Нику Потамія, Хресту достался Алассонъ,
Толій на нынѣшній годъ капитанъ въ Катеринѣ,
Младшій Лазопулъ по жребію взялъ Платомону.—
Всталъ и Пліаска несчастный, побрелъ злополучный;
Въ Турновъ пошелъ: разгуляюсь по Турнову, думалъ;
Слѣдомъ Албанецъ, и голову снесъ ему саблей.

IX.

АНДРИКО.

Андрико, знаменитѣйшій изъ капитановъ арматольскихъ, оставившій по себѣ болѣе всѣхъ славы, и славы прекрасной. Трудно найти Грека, который бы не зналъ имени Андрика, который бы не произносилъ его съ удивленіемъ и уваженіемъ. Андрико сражался за свободу Греціи, когда еще Греція не чувствовала своего могущества. Въ первыхъ годахъ молодости, характеромъ гордымъ и независимымъ сдѣлавшись подозрителенъ правительству турецкому, онъ принужденъ былъ жить въ горахъ клефтомъ. Въ 1770 году, когда Морея пыталась возстать противу Порты, онъ съ своими паликарами явился къ арміи

россійско-греческой. По отплытіи Русскихъ, Андрико въ сраженіи противу Турокъ, съ тремя стами храбрыхъ, а особенно въ безпрерывномъ отступленіи своемъ къ Патрасу, преслѣдуемый или окружаемый лучшимъ войскомъ турецкимъ, оказалъ подвиги, наполнившіе славою его цѣлую Грецію, и былъ общимъ голосомъ Грековъ названъ первымъ изъ храбрыхъ. Съ 1786 года война вновь началась между Россіею и Портою, и Андрико вновь старался возбудить Мореянъ къ возстанію. Послѣ этого сдѣлавшись еще болѣе ненавистенъ Туркамъ и не могши покойно оставаться въ Греціи, онъ рѣшился было ѣхать въ Петербургъ, чтобы предложить себя правительству въ службу военную. Но Венеціане, въ то время потворствовавшіе Портѣ, схватили его и отослали въ Константинополь. Диванъ, можетъ быть, уважая храбрость Андрика, можетъ быть, надѣясь обратить къ исламизму, не казнилъ его, а заключилъ въ темницу. Говорятъ, что султанъ предлагалъ ему свободу и почетную шубу съ условіемъ, чтобъ онъ сдѣлался мусульманиномъ. Андрико отвѣчалъ, что онъ умретъ христіаниномъ, и остался въ темницѣ; въ темницѣ и умеръ около 1880 года.

Сколько онъ былъ славенъ силою духа, столько былъ знаменитъ и удивителенъ силою тѣла, высотою и красотою роста, грознымъ величіемъ лица и взора. Ничьи усы не имѣли такого вида и знаменитости, какъ его. Въ случаяхъ, когда они могли безпокоить, онъ туго ихъ свивалъ, и усъ съ усомъ связывалъ сзади головы. Наружность столь дикая, столь грозная, скрывала душу нѣжную, спокойную, способную на всѣ дѣла великія. Тѣ, которые не знаютъ подвиговъ Андрика, уважаютъ его, безъ сомнѣнія, узнавъ, что онъ отецъ *Одиссея*—героя, которому новая Греція ввѣрила храненіе Термопилъ. Вотъ почему перевелъ я пѣсню о немъ, слабую, въ сравненіи съ другими, но по предмету достойную вниманія. Мать сокрушается объ отсутствіи сына, когда онъ, можетъ быть, съ Русскими подвизался въ Мореѣ.—*Аспръ* и Аспро-Потамосъ,—древняя рѣка Ахелой; *Карпеница*—область.

Андрика мать горюетъ, Андрика мать рыдаетъ,
На горы часто смотритъ, и всѣ ихъ проклинаетъ:
„О горы Аграиды! О дикіе утесы!
Что сдѣлали вы съ сыномъ, съ Андрикомъ-капитаномъ?
Гдѣ онъ? и отчего все лѣто не являлся?
Не чуть о немъ на Аспрѣ, не чуть и въ Карпеницѣ.
Будь прокляты Геронты, и ты, Георгій Черный!
Услали вы мнѣ сына, храбрѣйшаго изъ храбрыхъ.
О рѣки, упадите! къ истокамъ побѣгите!
И вѣрный путь Андрику откройте въ Карпеницу!“

X.

КАЛЬЯКУДЪ.

Кальякудъ былъ протопаликаръ (адъютантъ) Андрика. Избѣгая преслѣдованій, жертвою которыхъ начальникъ его погибъ въ земляхъ, находившихся подъ покровительствомъ Венеціанъ, онъ бросился въ горы Этоліи, гдѣ мужественно воевалъ съ Турками и Албанцами. Пѣсня сія трогательна, оригинальна

и живописна: печаль жены Кальякудовой, сравненія, ея обращеніе къ кораблямъ,—очень въ духѣ русскомъ. Въ 3-мъ стихѣ употреблено выраженіе оригинальное: жена Кальякуда названа τὴν Λούκαιναν, это родъ прозванія жены по имени мужа; оно употребляется и у насъ между народомъ; жену Николы, Лукьяна, Ивана, называютъ: Николаиха, Лукьяниха, Иваниха; но имя Луки, какъ и нѣкоторыя другія, своимъ измѣненіемъ можетъ означить только отчество, Лукична, но не прозваніе. Послѣдніе стихи пѣсни—легко начертанная, но живая картина горной жизни клефтовъ.

Зачѣмъ я не птица! Взлетѣлъ бы, ввился бы высоко!
Взглянулъ бы на Франковъ, на островъ Итаку печальный;
Послушалъ бы я, какъ младая жена Кальякуда
Тоскуетъ, горюетъ и черными плачетъ слезами,
Какъ утица перья, она свои кудри терзаетъ;
Какъ крылья у ворона, платья все черныя носитъ.
Сидитъ подъ окошкомъ и смотритъ на синее море,
И всѣ корабли и морскія суда вопрошаетъ:
„Суда, корабли, золочены ладьи, бригантины!
Въ печальный ли Вальтосъ, изъ Вальтоса-ль, быстрыя, мчитесь, —
Подайте мнѣ вѣсть о супругѣ моемъ Кальякудѣ!“
— „Вчера Кальякуда мы видѣли близъ Гаврolими:
Сидѣлъ капитанъ передъ яркимъ огнемъ и съ дружиной;
Пеклись для него на рожнахъ молодые бараны,
А рожны тѣ ворочали пять полоненныхъ имъ беевъ“.

XI.

ГИФТАКЪ.

Гифтакъ, изъ Акарнаніи, потомокъ Буковалла, котораго родъ Али-Паша преслѣдовалъ до послѣдняго человѣка, мстя за позоръ дѣда своего, Буковалломъ побѣжденнаго. — Юсуфъ-Арапъ,—полководецъ Али-Паши, прозывавшагося Тебелиномъ. Первые два стиха составляютъ также приступъ, не принадлежащій собственно сей пѣснѣ, но многимъ.

Водъ жаждутъ долины, снѣговъ островерхія горы,
И ястребы пташекъ, а Турки головъ христіанскихъ.
„Что съ матерью сталось, съ Гифтаковой матерью бѣдной?
Двухъ милыхъ сыновъ, да и третьяго въ братѣ лишилась,
И умъ потеряла; безумная бродитъ и плачетъ.
Но гдѣ? не видать ни въ горахъ, ни въ поляхъ злополучной?“
Она, говорили, брела ко овчарнямъ Волоховъ.
А тою порою стрѣльба тамъ изъ ружей гремѣла;
И то не на праздникѣ, то не на свадьбѣ стрѣляли:

Свинцомъ тамъ Гифтакъ и въ колѣно, и въ руку прострѣленъ,
Какъ древо разбитъ, какъ младой кипарисъ повалился—
И голосомъ зычнымъ вскричалъ молодецъ, озираясь:
„Гдѣ, милый ты братъ мой? любезнѣйшій другъ, воротися!
Умчи ты меня, иль умчи мою голову съ поля,
Чтобъ Черный Юсуфъ, чтобъ Албанцы ее не отсѣкли
Отнесть во Янину, янинскому псу Тебелину".

XII.

СКИЛЛОДИМЪ.

Суровые люди, клефты, отличаются добродѣтелями, достойными душъ образованныхъ. Поведеніе ихъ въ отношеніи къ женщинамъ заслуживаетъ вниманія. Имъ часто случается приводить въ плѣнъ дочерей или женъ турецкихъ, даже греческихъ, и держать ихъ нѣсколько дней въ своей власти, среди горъ и лѣсовъ дремучихъ, пока не получатъ выкупа. Но ни капитанъ, ни его паликаръ никогда не позволятъ себѣ нанесть малѣйшее оскорбленіе плѣнницѣ. Капитанъ, который осмѣлится оскорбить ее, будетъ немедленно оставленъ паликарами; разсказываютъ, что одинъ былъ за это умерщвленъ ими, какъ человѣкъ навсегда себя обезчестившій и недостойный повелѣвать храбрыми. Сія благородная черта нравовъ и чувствованій клефтовъ видна въ пѣснѣ Скиллодимъ. Гордость, съ какою женщина отказываетъ въ легкой услугѣ начальнику дружины, будучи у него въ плѣну, среди лѣса и горъ, выражаетъ, кажется, очень краснорѣчиво, до какой степени она была увѣрена въ уваженіи сего начальника и его подчиненныхъ. Такихъ людей Сципіонъ не удивилъ бы, что онъ не оскорбилъ своей плѣнницы.

Кромѣ сей черты нравственной и картины необыкновенно живописной, какою открывается пѣсня, она не менѣе замѣчательна по роду драматическаго искусства, съ какимъ происшествіе, составляющее предметъ, раскрывается въ ней не просто, не быстро, какъ въ другихъ пѣсняхъ, но связанное и какъ бы прерываемое небольшими приключеніями, которыя увеличиваютъ любопытство.

Братъ Скиллодима, Спиросъ, въ 1806 году, попалъ, неизвѣстно какимъ случаемъ, въ руки Али-Паши, который бросилъ его въ ужасную янинскую темницу. Скоро, послѣ чудеснаго избавленія, Спиросъ вошелъ въ милость Али-Паши и былъ протопаликаромъ у Одиссея, когда его Али-Паша назначилъ управляющимъ Ливадіею.

Подъ зелеными елями ужинать сѣлъ Скиллодимъ,
И вино наливать при себѣ посадилъ онъ Ирену.
„Наливай, мнѣ, красавица, пить наливай до утра,
До восхода денницы, какъ ты, полонянка, румяной;
Поутру я тебя отпущу съ паликарами въ домъ".
— „Не рабыня я, Димъ, чтобъ вино для тебя наливать:
Я невѣстка Проеста, я дочь городского архонта!"
На зарѣ, на разсвѣтѣ два лѣсомъ прохожихъ идутъ,

Съ бородами отросшими, съ черными лицами оба;
Къ Скиллодиму подходятъ, привѣтствуютъ оба его:
—„Скиллодиму день добрый!“—Добро вамъ пожаловать! Кто вы?
Да и какъ вамъ прохожимъ извѣстно, что я Скиллодимъ? —
„Принесли мы поклонъ Скиллодиму отъ Спироса брата“.—
— Отъ любезнаго брата? но гдѣ вы видали его? —
„Мы видали его во Янинѣ, въ глубокой темницѣ;
По рукамъ и ногамъ онъ заклепанъ желѣзомъ сидѣлъ“.
Зарыдалъ Скиллодимъ, и съ тоски побѣжалъ отъ прохожихъ.
„Воротись, Скиллодимъ! Ты отъ брата бѣжишь, капитанъ.
Не узналъ ли ты брата? Скорѣе обнять себя дай мнѣ!“
И узналися братья и крѣпко они обнялись,
Цѣловалися сладко, въ уста цѣловались и въ очи.
Взговорилъ Скиллодимъ и любезному брату сказалъ:
—Но садись, братъ милый, садись и скорѣе повѣдай,
И когда ты, и какъ отъ Албанскихъ избавился рукъ?—
„Въ одну ночь, отъ цѣпей свободивши и руки и ноги,
Я рѣшетку сломалъ, я скакнулъ изъ окошка на топь,
Я сыскалъ тамъ челнокъ, черезъ озеро птицей проплылъ,
И вотъ третія ночь, какъ взошелъ я на вольныя горы“.

ТАНКРЕДЪ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

ВОЛЬТЕРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Аржиръ,
Танкредъ,
Орбассанъ,
Лоредапъ,
Катанъ,
} рыцари.

Альдамонъ, воинъ.
Аменаида, дочь Аржира.
Фани, наперсница Аменаиды.
Многіе рыцари, присутствующіе въ совѣтѣ, щитоносцы, воины и народъ.

Дѣйствіе въ залѣ совѣта въ Аржировомъ домѣ, потомъ на площади.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Собраніе рыцарей, которые сидятъ полукружіемъ.

Аржиръ.

Вожди и рыцари, Сициліи сыны,
Герои мстители отеческой страны!
Вы, престарѣлыя мои почтивши лѣта,
Собрались у меня для важнаго совѣта,
Какъ намъ несущихъ брань тирановъ отразить,
И славу и покой отчизнѣ возвратить. —

Давно сей стонетъ градъ отъ вашихъ распрь несчастныхъ.
Безплодно мужество, гдѣ нѣтъ сердецъ согласныхъ,
Пора—соединясь, на мусульманъ возстать.
О други! намъ пора отъ гибели спасать
Стяжанныхъ кровью благъ остатокъ драгоцѣнный,
Для благородныхъ душъ всѣхъ болѣе священный,
Свободу:—вотъ о чемъ пещись мы всѣ должны.—
Два сильные врага сей бѣдственной страны,
Бичи народныхъ правъ, враги святой свободы,
Византскіе цари, сарацинскіе народы
Презрѣннымъ рабствомъ намъ досель еще грозятъ.
Сіи властители вселенную дѣлятъ,
И спорятъ лишь о томъ, какой тиранъ межъ ними
Насъ вправѣ отягчить оковами своими. —
Уже Мессину Грекъ тиранствомъ утѣснилъ,
Надменный Соламиръ давно поработилъ
И Этной пламенной вѣнчанныя равнины,
И древній Агригентъ и Энскія долины.
Все предвѣщало намъ паденье Сиракузъ,
Отечеству позоръ и бремя рабскихъ узъ!
Но алчные враги взаимно взревновали,
Возставши насъ терзать, другъ на друга возстали,
Ведя о жертвѣ споръ, лишились сами силъ.
Къ свободѣ вѣрный путь самъ Богъ для насъ открылъ!
Вотъ мигъ тотъ счастливый и жданный многи лѣта:
Уже старѣется величье Магомета:
Европу менѣе страшитъ уже сей врагъ:
Во Франціи Мартелъ, въ Испаніи Пелагъ,
И церкви Римской вождь Леонъ, поборникъ вѣры,
Какъ гордаго смирять намъ подали примѣры.—
Я знаю, городъ нашъ раздорами смущенъ,
И прежней вольности и прежнихъ силъ лишенъ.
Не буду вспоминать дней горестныхъ предъ вами,
Когда противъ себя мы возставали сами,
Когда отчизна кровь дѣтей своихъ лила;—
Забвенью предадимъ позорныя дѣла!
Мы душу, Орбассанъ, единую составимъ,
Къ единой цѣли мы всѣ помыслы направимъ,
Чтобъ славу возвратить отеческимъ странамъ;
И, не терпѣвшіе доселѣ равныхъ намъ,
Умремъ, не потерпѣвъ властителя надъ нами!

Орбассанъ.

Ты справедливъ, Аржиръ; межъ нашими домами
Несчастная вражда давно поселена;
Страдала отъ нея родимая страна.
Давно желаютъ зрѣть печальны Сиракузы,
Чтобы мой родъ съ твоимъ связали дружбы узы.
Аржиръ, теперь должны другъ другу мы помочь:
Супругой я беру твою любезну дочь;
Отечеству, тебѣ полезнымъ быть горжуся,
И самъ, отъ алтаря, гдѣ въ томъ вамъ поклянуся,
Иду за васъ мечемъ я Соламиру мстить.—
Но должно не его единаго сразить;
И на другихъ враговъ намъ время обратиться;
Другихъ тирановъ мы должны еще страшиться,
Къ которымъ подла чернь поднесь хранитъ любовь.
И по какимъ правамъ отъ Сенскихъ береговъ,
Вездѣ скитаяся, надменные Французы
Вселились на брегахъ цвѣтущихъ Аретузы?
И по какимъ правамъ, странъ чуждыхъ гражданинъ,
Кусси надменный къ намъ пришелъ, какъ властелинъ,
И Сиракузъ въ стѣнахъ свободно водворился?
Сначала кротокъ былъ, и службой намъ гордился;
Но вдругъ онъ напыщенъ, какъ повелитель, сталъ.
Наслѣдства родъ его несмѣтныя стяжалъ,
И нагло властвуя прельщеннымъ здѣсь народомъ,
Дерзнулъ возвыситься надъ Орбассана родомъ.
Зато наказанъ онъ: мы всѣхъ его дѣтей
Узрѣли изгнанныхъ изъ здѣшнихъ областей.—
Танкредъ, отъ племени враждебнаго рожденный,
Еще въ младенчествѣ изъ стѣнъ сихъ удаленный,
Служилъ въ Византіи подъ знаменемъ Царей.
Онъ гордъ, и вѣрно храбръ, и вѣрно всей душей
Не терпитъ нашихъ правъ, законы презираетъ,
И чтобы намъ отмстить—лишь время избираетъ.
Француза каждаго пріязнь для насъ страшна!
Три ратника простыхъ въ недавни времена,
Скитальцы бѣдные, сыны снѣговъ нормандскихъ,
Поставили ихъ власть въ поляхъ Апуліанскихъ,
Безъ всякихъ правъ, кромѣ единыхъ правъ войны:
Свергать властителей и расхищать страны.
Аравлянинъ и Грекъ, Германцы и Французы,

Всѣ пожираютъ насъ, стекаясь въ Сиракузы;
И наши, тучностью несчастныя поля,
И зависть хищную и алчность воспаля,
Манятъ грабителей и съ сѣвера и съ юга,
Всѣмъ должно намъ возстать и мстить имъ другъ за друга.
Измѣну сколько разъ мы зрѣли въ градѣ семъ.
Возставимъ свой законъ и строго соблюдемъ;
Лишаетъ чести онъ и смертью караетъ
Того, кто со врагомъ въ связь тайную вступаетъ,
На гибель странъ родныхъ съ нимъ явно устремленъ
Пощадою всегда измѣнникъ ободренъ.
Не должно снисходить ни къ возрасту, ни къ роду.
Господство утвердить и сохранить свободу
Венеція могла лишь строгостью своей.
Въ благоразуміи послѣдуемъ мы ей,
Враговъ отечества безъ жалости карая.

Лоредань.

Такъ, истинно позоръ для Сицилійска края,
Что Соламиръ, сей Мавръ, магометанинъ сей
Находитъ для себя въ Сициліи друзей!
Что въ бранной сей землѣ, въ странѣ сей христіанской,
Что между насъ самихъ властитель мусульманской
Развратныхъ гражданъ могъ дарами закупить!
То при дворахъ царей стараясь намъ вредить,
То въ градъ нашъ съ хитрыми условіями вступая,
Тамъ бранію грозя, здѣсь миръ намъ предлагая,
Вселялъ межъ насъ раздоръ, старался обольщать
И души роскошью восточной развращать.
Взгляните, какъ межъ насъ отъ сладкой сей отравы
Растлились честные, отеческіе нравы!
И сколько нынѣ здѣсь обольщено гражданъ
Науками, трудомъ лишь праздныхъ Аравлянъ;
Онѣ имъ преданныхъ навѣкъ порабощаютъ;
Прямые рыцари науки презираютъ.
Намъ нужно знать одно—науку побѣждать;
Другихъ наукъ, друзья, я не желаю знать.
На мужество свое, на ваше уповаю.
И такъ, какъ Орбассанъ—я строгость одобряю,
Блюстительницу правъ свободныхъ областей.
Гишпанію единъ поработилъ злодѣй.

Онъ между нами былъ, онъ можетъ вновь явиться.
Пусть каръ ужаснѣйшихъ измѣна здѣсь страшится;
Для блага общаго всю жалость истребимъ;
Сразимся съ Маврами, Танкреда отчуждимъ.
Противной крови намъ потомокъ сей послѣдній,
Свободы нашей врагъ, и врагъ всѣхъ болѣ вредный.
Совѣтъ нашъ праведно и мудро положилъ,
Чтобъ Орбассанъ въ его наслѣдіе вступилъ:
Да истребится сонмъ злодѣевъ сокровенныхъ,
Къ Танкреда имени доселѣ прилѣпленныхъ.
Его имущество да будетъ въ родъ твоимъ,
О храбрый Орбассанъ!

Катанъ.

Мы всѣ то утвердимъ. —
Танкредъ могуществомъ въ Царьградѣ пусть блистаетъ;
Пусть подвиги его дворъ вражескій вѣнчаетъ.
Танкредъ, свою главу склонивши предъ царемъ,
Всего себя лишилъ въ отечествѣ своемъ,
И отчуждился самъ отъ нашихъ правъ священныхъ.
Да будетъ изгнанъ онъ; рабъ Кесарей надменныхъ
Въ республикѣ ничѣмъ не долженъ обладать.—
Но Орбассанъ—всегда стремился охранять
Свободу нашихъ правъ; такъ можно-ль меньшей мздою
Признательной странѣ воздать сему герою?

Аржиръ.

Люблю я дочь мою, и Орбассанъ—мой зять;
Но собственность для нихъ у сироты отнять?
Вы вняли, рыцари, что я не соглашаюсь.—

Лорединъ.

Сенатъ поносишь?

Аржиръ.

Нѣтъ, жестокостью гнушаюсь.
Когда-жъ покорствовать закону должно мнѣ,
Когда въ томъ выгода отеческой странѣ,
Для ней сердечное роптанье заглушаю.

Орбассанъ.

Награды слабой сей искать я не желаю;
Пусть общество возьметъ Танкредовъ весь удѣлъ.

Аржиръ.

Оставимъ рѣчь сію для больше важныхъ дѣлъ.
Такъ, завтра бракъ сверша, приблизимъ день счастливый,
Въ который общій нашъ смирится врагъ кичливый.
И побѣдителя познаетъ Соламиръ.
Сей врагъ, соперникъ твой, намъ предлагая миръ,
Съ моею дочерью дерзалъ союзомъ льститься.
И мнилъ, что долженъ я родствомъ его гордиться.
Иди, и торжествуй надъ наглымъ симъ врагомъ.—
Друзья, да будетъ нашъ готовъ весь ратный сонмъ!
Но я, лишенный силъ преклонными годами,
Повелѣвать въ бою не смѣю болѣ вами.
Да будетъ Орбассанъ вамъ вождь въ пути побѣдъ,
Я-жъ, старецъ, коль смогу идти за вами вслѣдъ,
И въ томъ поставлю честь; я буду близъ героевъ,
И духомъ обновлюсь среди кровавыхъ боевъ;
И прежде, чѣмъ глаза навѣки затворю,
Въ побѣдѣ надъ врагомъ еще я васъ узрю.

Лоредань.

Ты будешь намъ вождемъ, и мы надеждой льстимся,
Что съ боя въ сей же день со славой возвратимся.
Сражаясь при тебѣ, иль лавры мы пожнемъ,
Или, въ глазахъ твоихъ, всѣ мертвыми падемъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Аржиръ и Орбассанъ.

Аржиръ.

Могу ли, Орбассанъ, обнять тебя, какъ сына?
Раздора нашего забыта ли причина?
Могу ли, какъ отецъ, себя надеждой льстить,
Что ты подпора мнѣ?

Орбассанъ.

Увѣренъ можешь быть.
Люблю отечество, оно насъ примиряетъ;
И бракъ и общая насъ польза съединяетъ,
Но не ввело-бъ ничто меня въ союзъ съ тобой,
Когда-бъ душа моя, горѣвшая враждой,
И въ самой сей враждѣ тебя не почитала.—
Цѣпь новую для насъ хотя любовь сплетала,
Но не одна любовь на бракъ влечетъ меня:
Не будетъ нашъ союзъ плодомъ того огня,
Который мигъ родитъ и мигъ уничтожаетъ,
И часто вслѣдъ за нимъ вражду лишь оставляетъ.
Сынъ Марсовъ и слуга отеческой страны,
Я не привыкъ вздыхать средь ужасовъ войны.
Надежда съ бракомъ мнѣ важнѣе представлялась:
Скрѣпленье дружбы той, что между насъ рождалась,
И слава Сиракузъ, и польза обоихъ.
Любовь, предъ важностью взаимныхъ выгодъ,
Свое могущество минутное теряетъ.
Пусть узы дружества рука ея скрѣпляетъ;
Но слабый гласъ любви въ то время да молчитъ,
Когда вкругъ нашихъ стѣнъ оружіе гремитъ.

Аржиръ.

Сей гордый, бранный духъ почтеніе внушаетъ;
Но не суровость насъ, а кротость лишь плѣняетъ.
Я льщуся, что, любви ты сердца покоря,
И грозное чело предъ дѣвою смиря,
Признаешь страсти плѣнъ, тебѣ конечно новый.

Орбассанъ.

Я льщусь равно, что ты простишь мой нравъ суровый:
Возросши въ воинствѣ, я къ лести не привыкъ;
Сей суетныхъ учтивствъ обманчивый языкъ,
Сія для слабыхъ душъ сокрытая отрава,
Чужда для прямоты воинственнаго нрава.
Въ Аменаидѣ я не красоты мечту,
Но добродѣтели и дочь героя чту,
И съ ней вступя въ союзъ, тобой усыновленный,
Снискать ея любовь почту за долгъ священный.

Аржиръ.

Но, призванная мной, она идетъ предъ насъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Аржиръ, Орбассанъ и Аменаида.

Аржиръ.

Ко благу сей страны гражданъ всеобщій гласъ,
Отецъ и Богъ—тебѣ назначили супруга.
Сей рыцарь, въ комъ теперь я обрѣтаю друга,
Согласья твоего меня порукой зритъ. —
Ты знаешь, сколько здѣсь онъ самомъ знаменитъ:
Сильнѣйшій гражданинъ, къ побѣдамъ вождь избранный,
Танкреда весь удѣлъ ему закономъ данный...

Аменаида (*въ сторону*).

Танкреда!

Аржиръ.

Но не сей, ничтожной мнѣ, цѣной,
Возвысится союзъ, свершаемый тобой.

Орбассанъ.

Союзъ сей лестенъ мнѣ и будетъ лестенъ болѣ,
Коль сердце дочери отца покорно волѣ.
Да возмогу и я сей выборъ заслужить,
И счастья всѣхъ троихъ надежду совершить.

Аменаида.

Всегда твоя душа, родитель, раздѣляла
Всѣ горести мои и счастья мнѣ желала.
Героя выборъ твой супругомъ мнѣ даетъ;
И скорбный вашъ раздоръ, пылавшій столько лѣтъ,
Когда отъ васъ навѣкъ забвенью предается,
То дружбы вашей дочь залогомъ остается.
Союза важнаго всю цѣну вижу я.—
Но Орбассанъ проститъ, когда душа моя,
Разима съ юности судьбою раздраженной

И возмущенная внезапной перемѣной,
Въ объятіяхъ отца спокоится на мигъ.

Орбассанъ.

И сдѣлать то должна; почтенныхъ чувствъ такихъ
Дочерней нѣжности я воспретить не смѣю;
Тѣхъ правъ, что надъ тобой съ сего я дня имѣю,
Во зло не обращу. Теперь, спѣшу на бой;
Мнѣ должно заслужить почтенный бракъ съ тобой;
Ласкаюсь, что въ сей день свершу надежду вашу,
И брачные вѣнцы я лаврами украшу.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Аржиръ и Аменаида.

Аржиръ.

Но ты смущаешься, безмолвствуешь, стеня,
И слезы на очахъ скрываешь отъ меня?
Упреки ясно мнѣ сей вздохъ предзнаменуетъ:
Языкъ преслушенъ намъ, коль сердце негодуетъ.

Аменаида.

Родитель! Признаюсь—я думать не могла,
Чтобъ, столько претерпѣвъ отъ Орбассана зла,
Ты нѣкогда престалъ пылать къ нему враждою;
Чтобъ я, соединя васъ трепетной рукою,
Супругомъ назвала злодѣя твоего?
Забуду-ль ужасы раздора я того,
Какъ мятежомъ гражданъ, враговъ твоихъ къ отрадѣ,
Ты крова былъ лишенъ въ отечественномъ градѣ?
Какъ мать, гонимая въ родныхъ своихъ стѣнахъ,
Искала жалости на чуждыхъ берегахъ?
Какъ отъ груди отца оторванная съ нею,
Въ столицѣ Кесарей, съ опорой слабой сею
Дѣлила я печаль, сносила иго бѣдъ
И злополучіе познала съ юныхъ лѣтъ! —
Но я у матери, въ странѣ чужой и дальной
Училася терпѣть изгнанныхъ рокъ печальный;

Сносить училася въ несчастіи моемъ
И гордаго двора презорливый пріемъ,
И жалость хладныхъ душъ, тягчайшую презрѣнья!—
И въ мрачной долѣ сей, въ училищѣ терпѣнья
Примѣромъ матери образовалась я.
Но вдругъ лишась всего съ потерею ея,
Я въ мірѣ съ ужасомъ одну себя узрѣла,
Какъ трость пустынная защиты не имѣла!—
Но рокъ смягчился къ намъ: несчастливый сей градъ
Стяжанье, честь, права отдалъ тебѣ назадъ;
Судьбу оружія вручилъ твоей онъ длани,
И пали предъ тобой враги въ кровавой брани.
Въ объятія отца я вновь возвращена,
И новая гроза надъ мною собрана!
Ты брака моего свѣтильникъ возжигаешь;
Я знаю выгоды, которыхъ ожидаешь;
Но жертвою враговъ была до сихъ я дней;
А нынѣ зрю себя—я жертвою твоей!
И день, который вы для брака мнѣ избрали,
Быть можетъ, будетъ намъ днемъ бѣдствій и печали.

Аржиръ.

Онъ будетъ счастливымъ, отцу повѣрь ты въ томъ;
Блаженства твоего не буду я врагомъ.
Любезную мнѣ дочь вручаю я герою,
Который Мавру, намъ грозящему войною,
Въ сей самый день за насъ мстить бранію готовъ;
Онъ былъ противникъ мой, теперь онъ нашъ покровъ.

Аменаида.

Покровъ! Возносишь ты заслуги Орбассана;
Но блескъ меня не льститъ высокаго толь сана;
И я желала бы, чтобъ вождь толикихъ силъ
Для выгодъ собственныхъ невинныхъ не тѣснилъ.

Аржиръ.

Такъ, весь Сенатъ, храня отъ рабства градъ сей вольный,
Въ Танкредѣ наказалъ родъ чуждый и крамольный.
Онъ долго власть свою намъ обращая въ вредъ,
Здѣсь пріобрѣлъ враговъ.

Аменаида.

Но и досель Танкредъ,
Коль вѣрить мнѣ молвѣ, въ семъ градѣ уважаемъ.

Аржиръ.

И мы въ немъ доблести героя почитаемъ.
Уже Иллирію, гласятъ, онъ покорилъ;
Но чѣмъ усерднѣе онъ кесарямъ служилъ,
Отъ родины своей тѣмъ болѣ отчуждался,
И навсегда отсель законами изгнался.

Аменаида.

Танкредъ!

Аржиръ.

Опасенъ намъ крамольника возвратъ;
Въ Царьградѣ ты могла примѣтить многократъ
Къ намъ ненависть его.

Аменаида.

Нѣтъ—Мавра побѣдитель,
И слабыхъ Сиракузъ былъ вѣрно-бъ онъ спаситель —
Вотъ мать моя всегда какъ думала о немъ.
Когда-жъ, свирѣпствуя, враги во градѣ семъ,
За Орбассановъ родъ всѣ на тебя возстали,
Расхитили твой домъ, родныхъ твоихъ изгнали,—
Танкредъ презрѣлъ бы смерть, чтобъ защитить тебя:
Вотъ какъ судила я.

Аржиръ.

О дочь, приди въ себя:
Къ совѣтамъ нѣжнаго родителя склонися,
Съ мѣстами, съ временемъ теперь сообразися:
Танкредъ, и Соламиръ, и византійскій дворъ
Здѣсь ненавистный всѣмъ; друзья ихъ—намъ позоръ.
Путь къ счастію тебѣ въ покорности остался. —
Я весь мой долгій вѣкъ за родину сражался;
Неблагодарно ей, какъ вѣрный сынъ служилъ;
Несправедливую всегда ее любилъ;
Такъ буду поступать до самой я могилы.
Послѣдуй мнѣ, утѣшь ты старца дни унылы.

Жизнь треволненную готовъ я окончать:
Твою обязана ты долгу покорять;
И съ миромъ очи я, сходя во гробъ, закрою,
Коль счастіе твое предъ смертію устрою.

Аменаида.

Заботься менѣе объ участи моей.
Не сожалѣю я, оставивъ дворъ царей:
Родитель, все въ моемъ ты сердцѣ замѣняешь;
Но имъ поспѣшно такъ почто располагаешь?
На Орбассанову ты дружбу положась,
Считаешь прочною и власть его и связь;
Но все премѣнчиво. Увы! Сему герою,
Быть можетъ, рано ты далъ право надо мною.

Аржиръ.

Какъ, что ты говоришь?

Аменаида.

Прости, коль рѣчью сей,
Быть можетъ, нанесла я скорбь душѣ твоей,—
Я знаю, что нашъ полъ, въ сей области свободы,
Закономъ осужденъ скрывать и гласъ природы;
Но, сердца предъ тобой не въ силахъ чувствъ сокрыть,
Прости, когда дерзну родителя спросить:
Зачѣмъ, какъ сей союзъ предположить рѣшился,
Ты сердца дочери несчастной не спросился?
Ахъ! Что перемѣнить любовь твою могло?

Аржиръ.

Ты, ты одна, ее употребя во зло.
Доселѣ я внималъ, скрывая гнѣвъ правдивый,
Но больше не внемлю я дочери строптивой.
Не можно твоего союза мнѣ прервать:
Я слово далъ; ему безчестно измѣнять.—
Несчастнымъ я рожденъ, сама ты мнѣ вѣщала:
Всегда судьба мои надежды разрушала;
Весь скорбный вѣкъ мой былъ, какъ море въ бурный часъ.
Порадуй, о мой Богъ, меня ты въ первый разъ!

Да дочь, сверша сей бракъ, въ немъ счастіе познаетъ,
И радостнѣй, чѣмъ я, путь жизни протекаетъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Аменаида.

Танкредъ, о другъ души! Какъ мнѣ толь слабой быть?
Для твоего врага любовь твою забыть?
Быть низкою, какъ онъ, и клятвамъ измѣняя,
Съ нимъ, хищникомъ, твое наслѣдство раздѣляя,
Чтобъ я теперь могла...

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Аменаида и Фани.

Аменаида.

О, Фани, поспѣши!
Познай, о вѣрный другъ, всю грусть моей души:—
Отцомъ я названа супругой Орбассану!

Фани.

Какъ! Сердцу твоему наносятъ нову рану?
Но тщетно льстился имъ кичливый мусульманъ,
И тщетно, внявъ отцу, сей рыцарь Орбассанъ
Надъ избраннымъ тобой дерзаетъ возвышаться;
Твоя душа вѣрна.

Аменаида.

Ахъ! можно-ль сомнѣваться?
Танкредъ лишенъ всего, гонимъ здѣсь отъ враговъ;
Но быть въ гоненіи—героя рокъ таковъ;
А мой—его любить всѣхъ болѣе на свѣтѣ!
О, Фани, въ сихъ стѣнахъ жалѣютъ о Танкредѣ!
Народомъ онъ любимъ...

Фани.

Гонимый съ юныхъ дней,
Въ своемъ отечествѣ забытъ онъ отъ друзей;
Объ участи его немногіе жалѣютъ.

Вельможи здѣсь одну корысть въ виду имѣютъ;
Народъ, сей страстью чувствъ еще не заглушивъ,
И болѣ жалостливъ!..

Аменаида.

И болѣ справедливъ.

Фани.

Но здѣсь онъ угнетенъ; и сонмъ друзей сокрытой
Изгнанника сего не смѣетъ быть защитой.
Жестокъ и всемогущъ верховный здѣсь совѣтъ.

Аменаида.

Онъ всемогущъ, когда отсутствуетъ Танкредъ.

Фани.

О! Если бы онъ могъ во градѣ семъ явиться,
Тогда могла-бъ твоя надежда совершиться.
Но тщетно все, увы, отъ насъ онъ удаленъ;
Надежда...

Аменаида.

Въ Богѣ вся! Меня услышитъ Онъ!
Ввѣряюся тебѣ: Танкредъ ужъ недалеко;
И какъ толпа враговъ, свершая ковъ жестокій,
Его на вѣчное изгнаніе обрекла;
И какъ тирановъ власть предѣлы превзошла,
Вотъ время—и Танкредъ къ ихъ трепету явится.
Уже въ Мессинѣ онъ.

Фани.

О, небо! и свершится
Сей недостойный бракъ въ Танкредовыхъ глазахъ?

Аменаида.

Нѣтъ—не свершится онъ... Нѣтъ, Фани, тщетенъ страхъ!
И, можетъ быть, мои гонители со мною
Владыку одного признаютъ надъ собою.

Познай, открою все—но твердость намъ нужна:
Постыдно иго мнѣ—и свергнуть я должна.
Гоненіемъ робкая душа моя крѣпится.
Безчестно измѣнить и подло покориться.
Такъ, для меня одной здѣсь явится Танкредъ,
И льщусь, того меня достойною найдетъ.—
Кто? Я, отцомъ жестоко угнетенна,
Какъ слабая раба тирану обреченна,
Чтобъ я могла, какъ долгъ, измѣну совершить?..
Нѣтъ, нѣтъ! Меня ничто не можетъ устрашить!
Любовь и въ робкій полъ безстрашіе вселяетъ.
Пускай моя любовь Танкреда возвращаетъ;
И если зрю бѣды въ намѣреніяхъ моихъ,
Онѣ пріятны мнѣ, любовь рождаетъ ихъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Аменаида и Фани.

Аменаида.

Что дѣлаю? Въ душѣ невольное волненіе!
Не угрызенія-ль?.. Родитъ ихъ преступленіе,
Но небо вѣдаетъ, какъ чуждо мнѣ оно.—
Такъ успокоимся.... (*ко входящей Фани*) Все-ль, Фани, свершено?

Фани.

Невольникъ отошелъ съ письмомъ, тобой врученнымъ.

Аменаида.

Важнѣйшимъ таинствомъ, въ семъ сердцѣ заключеннымъ,
Теперь владѣетъ онъ; не сомнѣваюсь въ немъ,
Всегда онъ вѣренъ мнѣ въ служеніи своемъ;
Имъ убѣжденный Мавръ письмо къ герою
Въ Мессину принесетъ съ заутренней зарею.

Фани.

Страшусь—и тѣмъ однимъ я разсѣваю страхъ,
Что имя рыцаря, о коемъ въ сихъ стѣнахъ

Молва единая тирановъ ужасала,
Что имя ты сіе въ письмѣ не начертала;
И что его одинъ узнаетъ лишь Танкредъ.
Но все смущаюсь я, чтобъ небо новыхъ бѣдъ...

Аменаида.

Симъ небомъ дни мои отъ юности хранятся;
Танкредъ къ намъ имъ ведомъ, и мнѣ-ль теперь смущаться?

Фани.

Въ другихъ предѣлахъ васъ да съединитъ оно;
Здѣсь все противъ него враждой возбуждено.
Друзья его молчатъ, и кѣмъ онъ защитится?

Аменаида.

Своею славою!—Лишь долженъ здѣсь явиться,
Владыкой будетъ онъ; онъ всѣхъ плѣнитъ собой:
Смягчаетъ всѣ сердца страдающій герой.

Фани.

Опасенъ врагъ его.

Аменаида.

Разсѣй боязнь мечтаній
И не смущай моихъ ты твердыхъ ожиданій;
Ты не забудь, что мать, въ послѣдній жизни часъ,
На смертномъ ужъ одрѣ благословила насъ;
Что мой съ тѣхъ поръ Танкредъ, что нѣтъ на свѣтѣ власти,
Могущей истребить взаимность нашей страсти!
Ахъ, въ нѣдрахъ славы съ нимъ, Византіи въ стѣнахъ
Тужили часто мы о скорбныхъ сихъ странахъ;
Съ нимъ часто жадный взоръ къ полямъ симъ обращали,
Къ полямъ, гдѣ обрѣсти блаженство мы мечтали.
И думала ли я, чтобъ здѣсь враждебный рокъ
Танкредова врага супругомъ дать мнѣ могъ!
И чтобъ сей врагъ принесъ, какъ даръ, мнѣ на терзаніе,
Имъ похищенное Танкредово стяжаніе!..
Нѣтъ—пусть увѣдаетъ онъ о злодѣйствахъ сихъ;
Пусть вспомнитъ о себѣ, о бѣдствіяхъ моихъ,

И защититъ права, нарушенны безбожно.—
Чтобъ за Танкреда истить, я дѣлаю что должно;
Коль можно-бъ—сдѣлала и болѣе сего!..
Люблю, страшусь отца и старость чту его.
Но я воздвигла-бъ здѣсь стенящіе народы
На Орбассана, насъ лишившаго свободы.
Онъ славныхъ рыцарей почтенный санъ срамитъ:
Корыстенъ, гордъ, жестокъ, и онъ о чести мнитъ!
И вольности гражданъ покровомъ быть мечтаетъ!
Онъ стыдъ готовитъ мнѣ, а мой отецъ свершаетъ.
И я должна терпѣть? И я должна молчать?
Бракъ съ ненавистнымъ мнѣ должна я въ честь вмѣнять?..
Ахъ! Въ вольномъ градѣ семъ тиранство такъ гонимо;
Но всѣхъ несноснѣе и больше всѣхъ терпимо—
Хотящее сердцамъ законы подавать
И силою своей ихъ чувства измѣнять.
Но жребій мой рѣшенъ.

Фани.

Но ты предъ симъ страшилась.

Аменаида.

Я болѣ не страшусь.

Фани.

Молва распространилась,
Что страшный изреченъ Танкреду приговоръ;
Онъ смертью всѣмъ грозитъ, кто-бъ смѣлъ съ нимъ въ заговоръ...

Аменаида.

Я слышала о немъ и ужасомъ смутилась;
Но вѣрная любовь, скажи, когда страшилась?
О Фани! Мной любимъ безтрепетный герой;
Безтрепетна и я.

Фани.

Ужель и надъ тобой
Жестокій сей законъ возможетъ совершиться?
Одной лишь черни въ страхъ онъ, вѣрно, возвѣстится.

Аменаида.

Танкреда онъ гнететъ, и ненавистенъ онъ!
О сколь сихъ рыцарей достоинъ сей законъ!
Ахъ, нѣтъ! Не такъ себя ихъ предки прославляли;
Не такъ они страны и души покоряли;
Италія, признавъ господство воевъ сихъ
И ихъ меча страшась, любила кротость ихъ;
Завистная вражда ихъ душъ не помрачала
И честь—сихъ витязей сердца соединяла.
Они вселяли страхъ въ однихъ своихъ враговъ;
Народъ любилъ ихъ власть и лилъ на битвахъ кровь
Для славы рыцарей и собственной свободы.
Стримилися тогда Византскіе народы,
И Мавра грознаго не трепеталъ сей градъ.
А нынѣ что въ немъ зрю? Безсильный лишь сенатъ;
Подозрѣвающій, враждою раздѣленный,
Страшащій самъ себя и гражданамъ презрѣнный.
Чрезмѣрно, можетъ быть, мой духъ воспламененъ;
Предупрежденіемъ, быть можетъ, ослѣпленъ;
Но все, что не Танкредъ, я все то ненавижу;
Я въ мірѣ ничего кромѣ его не вижу;
Танкредъ одинъ вездѣ, всегда въ моихъ очахъ,
И каждый врагъ его—Аменаидѣ врагъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Аменаида, Фани, *вблизи* **Аржиръ** *и* **рыцари** *въ глубинѣ театра.*

Аржиръ.

Ударъ сей перенесть, друзья, мнѣ дайте силу...
Не мнилъ я низойти съ безчестіемъ въ могилу!
(*Къ дочери, со вздохами, прерываемыми гнѣвомъ*):
Бѣги, несчастная, не возмущай собой...
Бѣги!..

Аменаида.

Что слышу я? И ты, родитель мой...

Аржиръ.

И имя ты сіе произносить дерзаешь,
Когда отечеству и чести измѣняешь?

Аменаида (*сдѣлавъ шагъ, чтобы идти, склоняется на Фани*).

Погибла я!

Аржиръ.

Постой, и зри токъ слезъ моихъ.
Ахъ! Что ты сдѣлала?

Аменаида (*рыдая*).

Несчастіе обоихъ.

Аржиръ.

Иль слезы о твоемъ злодѣйствѣ проливаешь?

Аменаида.

Злодѣйства я чужда.

Аржиръ.

Письмо ты отвергаешь?

Аменаида.

Нѣтъ.

Аржиръ.

Такъ, черты сіи преступницу винятъ,
Изобличаютъ все и сердце мнѣ разятъ!
Итакъ—все истинно! Ты отвѣчать не смѣешь?
Скажи, ахъ, нѣтъ! Молчи, когда отца жалѣешь.
Почто до бѣдствій сихъ велѣлъ дожить мнѣ Богъ,
Велѣлъ мнѣ зрѣть... Ахъ! Что ты сдѣлала?..

Аменаида.

Мой долгъ...

Ты совершилъ ли твой?

Аржиръ.

Ахъ, рода поношенье!
Или себѣ ты въ честь вмѣняешь преступленье?
Бѣги, оставь меня, убитаго тоской;
Закроются глаза мнѣ чуждою рукой.

Аменаида (*почти лишенная чувствъ и поддерживаемая, отъ Фани уходитъ*).

Нѣтъ болѣ силъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Аржиръ и рыцари.

Аржиръ.

Друзья, въ семъ страшномъ положеньѣ,
Какъ дочь обличена въ безчестномъ преступленьѣ,
Простите старцу вы его прискорбный стонъ:
Внемля отечеству, природѣ внемлетъ онъ.
Вы не потребуйте, чтобы отецъ стенящій
Въ вашъ грозный приговоръ вмѣшалъ свой гласъ дрожащій.
Увы! Не можетъ быть невинной дочь моя;
Но вдругъ произнести мой срамъ и смерть ея?..
Нѣтъ, нѣтъ, не требуйте, чтобы отецъ несчастный
Превыше силъ своихъ исполнилъ долгъ ужасный.

Лоредан.

Почтеннаго отца мы горести дѣлимъ
И тяжкихъ язвъ его въ душѣ не растравимъ.—
Но самъ, Аржиръ, ты зрѣлъ несчастной начертанье;
Зрѣлъ въ немъ преступное измѣнницы желанье.
Гонецъ захваченъ съ нимъ близъ стана самого,
И дерзкій Соламиръ могъ видѣть казнь его.
Ихъ злые замыслы открыты слишкомъ были
И явной гибелью отечеству грозили.—
Его опасность, долгъ, народа общій гласъ
Не суетныхъ угрозъ днесь требуютъ отъ насъ.
Отцовской жалости законы не внимаютъ;
Предъ ними все молчитъ.

Аржиръ.

Чего они желаютъ,
Я знаю, знаю я, чего ей должно ждать;
Но ахъ! Она мнѣ дочь—вотъ мой несчастный зять!
Я скорбію убитъ... Вамъ жребій мой ввѣряю,
И прежде дочери лишь умереть желаю!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Рыцари.

Катанъ.

Уже повелѣно ей съ стражей здѣсь предстать.
Такъ, безъ сомнѣнія, прискорбно намъ взирать
На юность, красоту, на дѣву толь почтенну,
Съ надеждой двухъ домовъ въ могилу заключенну.—
Но на безстрастный судъ, друзья, мы призваны.
За поруганіе мы вѣры мстить должны;
Отечество равно отмщенья ожидаетъ:
Измѣнница въ нашъ градъ злодѣя призываетъ!
Видали въ Греціи и женъ мы и гражданъ,
Что, славы отложась и вѣры христіанъ,
Передавалися невѣрнымъ мусульманамъ,
Симъ алчнымъ хищникамъ, презрѣннымъ симъ тиранамъ;
Но чтобы дочь отца, почтеннаго всѣмъ намъ,
Для клятвъ супружескихъ вступая въ Божій храмъ,
Свершила заговоръ толь гнусный и презрѣнный!..
Неслыханнымъ нашъ градъ злодѣйствомъ посрамленный,
Къ примѣру вѣчному желаетъ казнь узрѣть.

Лоредапъ.

Стоня произнесу: ей должно умереть.
Чѣмъ родъ ея славнѣй, важнѣй тѣмъ злодѣянье.
Извѣстно Мавра намъ надменное мечтанье.
Любовь къ измѣнницѣ и даръ его—плѣнять,
Вселять развратъ въ сердца и взоры ослѣплять.
Къ нему относится въ письмѣ ея воззванье:
„Приди и царствуй здѣсь“. Преступное желанье

Намъ возвѣщаетъ ихъ открытый заговоръ;
О прочемъ умолчу (*къ Орбассану*), скрывая твой позоръ,
И общій стыдъ.—И кто, всему въ безчестье граду,
Здѣсь кто изъ рыцарей, по древнему обряду,
Отважится мечомъ измѣну защищать
И, презря чести долгъ, злодѣйство оправдать?

Катанъ.

Обиду, Орбассанъ, мы всѣ дѣлимъ съ тобою,
И въ ратномъ полѣ мы ее омоемъ кровью.
Измѣной прерванъ бракъ; забудь преступный взоръ:
Не медля казнь ея отмститъ за твой позоръ.

Орбассанъ.

Ужасна казнь ея... Вѣрна, иль невѣрна,
Я былъ ея женихъ... И грусть моя безмѣрна.
Но стражей вижу я—и вотъ сама она!
Темницъ ведома въ мракъ, цѣпьми отягчена...
Позорище сіе мнѣ стыдъ и оскорбленье!
Друзья! оставьте съ ней меня.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Рыцари *вблизи;* **Аменаида** *вдали, окруженная стражею.*

Аменаида.

О Провидѣнье!
Не оставляй меня ты въ часъ сей роковой.
Предметъ любви моей ты знаешь, Боже мой!
Виновна-ли я въ чемъ мое ты сердце знаешь.

Катанъ.

Преступницу сію еще ты зрѣть желаешь?

Орбассанъ.

Хочу.

Катанъ.

Пойдемъ, друзья; но, говоря ты съ ней,
Законы помни, честь и святость алтарей;
Они поруганы и мести ожидаютъ.

Орбассанъ.

Все знаю; долгъ и честь мнѣ то напоминаютъ.
(*Къ стражамъ*).
Вы удалитеся!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Аменаида и Орбассанъ.

Аменаида.

Что смѣешь ты начать?
Иль хочешь ты меня при смерти упрекать?

Орбассанъ.

Не постыжу себя жестокостью такою.
Супругой избрана была самимъ ты мною,
И, можетъ быть, любовь внушала выборъ сей.
Не знаю, помнитъ ли душа моя объ ней,
Или уже скорбитъ, что власть ея познала;
Но я не потерплю, чтобъ честь моя страдала;
Я думать не хочу, что презрѣнъ Орбассанъ
Для нечестиваго владыки мусульманъ,
Для вѣчнаго врага священной нашей вѣры.
Злодѣйства равнаго неслыханны примѣры!
Для чести сей страны, для собственной моей,
Я вѣрить не хочу ужасной вѣсти сей.—
Со дня сего тебѣ супругомъ нареченный,
Твоимъ безславіемъ самъ лично оскорбленный,
Честь защитить твою за долгъ считаю мой.
Законы рыцарей опредѣляютъ бой,
Въ которомъ мощь руки *судъ Божій* [1]) совершаетъ;

---

[1]) Сіи битвы называли судомъ Божіимъ.

Въ немъ мечъ рѣшитъ, и онъ невинность возвращаетъ.
На бой сей я готовъ.

Аменаида.

Ты?

Орбассанъ.

Я одинъ, и льщусь,
Что послѣ подвига, къ которому стремлюсь,
Который честію предъ всѣми оправдится,
Принадлежавшее мнѣ сердце вновь потщится
Меня достойнымъ быть. Входить не стану я,
Была ли юная предъ симъ душа твоя
Коварнаго врага соблазнена прельщеньемъ,
Иль, ослѣпленная минутнымъ заблужденьемъ,
Противилася ты вступить во бракъ со мной.
Надъ благородною, чувствительной душой
Благотвореніе власть сильную имѣетъ;
Надъ добродѣтелью—одинъ упрекъ успѣетъ.
Не сомнѣваюся о чести я твоей;
Но мало мнѣ сего: отъ гордости-ль моей,
Или то отъ любви,—хочу, по праву власти,
Увѣриться въ твоей нелицемѣрной страсти.
Клятвъ строгихъ требуютъ законы въ сихъ странахъ;
Я требую одной, не той, какую страхъ,
Иль принужденіе у слабыхъ исторгаютъ,
Что чувствамъ вопреки во храмахъ расточаютъ:
Ты прямо говори моей душѣ прямой.
Скажи, и мечъ въ рукѣ, и я готовъ на бой,
Готовъ на смерть—но съ тѣмъ, что я любимъ тобою.

Аменаида.

Въ пучину бѣдствія низверглась я судьбою,
И къ ужасу едва приведена въ себя,—
Сей подвигъ доблестный, нежданный отъ тебя,
Ударомъ душу мнѣ послѣднимъ поражаетъ,
И въ ждавшую меня могилу повергаетъ!
О рыцарь!—я должна тебя благодарить;
И въ часъ, когда во гробъ готова я ступить,

Въ послѣдній жизни часъ—тебя я почитаю.
Познай меня теперь: я сердце открываю.
Ни чести, ни странѣ не измѣняла я,
Ни самому тебѣ; я не была твоя.
Ты можешь упрекать душѣ моей смятенной
Неблагодарностью, но никогда измѣной.—
Я не могу тебя любить... Нѣтъ, сей цѣной
Защиты не куплю: я отвергаю бой.
Я знаю, что у васъ законы безпощадны,
Что казнь готовятъ мнѣ тираны кровожадны;
Суровой гордостью я не могу блистать,
Чтобы безъ ужаса смерть грозную встрѣчать.
Нѣтъ, жизнь любезна мнѣ... Въ семъ бѣдствіи ужасномъ
Я плачу о себѣ и объ отцѣ несчастномъ.
Но и въ несчастіи, въ ужасной долѣ сей
Не обману тебя: не жди любви моей.—
Теперь кажуся я виновна предъ тобою;
Но знай, что я была-бъ преступница душою,
Когда бы до того забыла долгъ и честь,
Чтобъ сердце въ даръ тебѣ рѣшилася принесть.
Ни женихомъ, прости, коль рѣчью оскорбляю,
Ни рыцаремъ моимъ тебя не избираю.
Вотъ мой отвѣтъ; суди—и честь свою отыщай.

Орбассанъ.

Я буду отомщать—отечественный край;
Презрѣніе-жъ простивъ, а дерзость презирая,
Забуду ихъ.—Итакъ, бой судный оставляя,
Предъ мной и предъ тобой чистъ въ совѣсти моей,
Отнынѣ становлюсь твоимъ лишь судіей,
Закону преданнымъ, равно какъ онъ, безстрастнымъ,
Ни сожалѣнію, ни гнѣву не причастнымъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Аменаида Фани и стражи (*вдали*).

Аменаида.

Теперь свершилось все... я жертвую собой!
О другъ единственный, о другъ несчастный мой!

Ты, для котораго я жизнью дорожила,
Я за тебя твой приговоръ свершила!
Такъ, за тебя умру... Но тяжкій сей позоръ!
Но горестный отецъ, представшій вдругъ предъ взоръ!
Оковы, сонмъ убійцъ, орудья грозной казни!
Смерть страшную снести безъ трепетной боязни?
Мученье, вѣчный стыдъ?.. Ахъ, мысль одна мертвитъ!
Нѣтъ!—за Танкреда смерть меня не постыдитъ.
Не наказать меня, но умертвить лишь можно...
Какъ? пасть въ глазахъ гражданъ преступницей мнѣ должно?..
Я вѣрной имъ была—и казнь несу отъ нихъ!
Но, ахъ, въ невинности свидѣтелей другихъ
Не буду я имѣть, кромѣ души невинной!

(*Ко входящей Фани:*)

Ахъ! гдѣ ты, гдѣ Танкредъ?.. О другъ мой здѣсь единой
(*Фани рыдая цѣлуетъ ея руку*),
Еще позволено тебя мнѣ, Фани, зрѣть!

Фани.

Зачѣмъ я не могу здѣсь прежде умереть!

Аменаида (*стражи приближаются*).

Чудовища идутъ насъ разлучить съ тобою!—
Скажи ты нѣкогда любимому герою,
Съ какими чувствами я въ самый гробъ сошла;
Пусть знаетъ, Фани, онъ, вѣрна ли я была;
Скажи, какой меня постигнулъ рокъ ужасной:
Онъ, можетъ быть, слезу прольетъ о мнѣ несчастной!
О Фани! за него себя я предаю;
Но мыслію объ немъ смягчу я смерть мою.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Танкредъ (*сопровождаемый двумя щитоносцами, которые несутъ его копье, щитъ и проч.*) и **Альдамонъ.**

Танкредъ.

Для благородныхъ душъ мила страна родная!
Привѣтствую тебя, о родина святая!
О храбрый Альдамонъ, другъ юности моей,
Тебѣ обязанъ я блаженствомъ жизни сей;
Твоимъ усердіемъ сюда я возвратился.
Какъ счастливъ сталъ Танкредъ! мой жребій измѣнился!
О другъ мой! Сколь важна услуга мнѣ твоя—
Лишь чувствовать могу, сказать не въ силахъ я.

Альдамонъ.

Ничтожную, Танкредъ, услугу выхваляешь,
И низкій жребій мой ты много возвышаешь;
Я гражданинъ простой, и счастливъ тѣмъ стократъ...

Танкредъ.

Я тоже, что и ты: всякъ гражданинъ, мой братъ.

Альдамонъ.

Два года при тебѣ я въ бранях подвизался,
И славѣ дѣлъ твоихъ два года удивлялся,
Смотря, какъ превышалъ ты праотцевъ своихъ;
Вотъ все достоинство услугъ и дѣлъ моихъ.
Въ почтенномъ домѣ мнѣ отцовъ твоихъ рожденный,
Воскормленный отъ нихъ, тебѣ препорученный,
Я долженъ...

Танкредъ.

Долженъ ты теперь мнѣ другомъ быть.—
Вотъ градъ, который я стремился защитить;

Вотъ градъ отеческій, вотъ стѣны тѣ святыя,
Гдѣ я увидѣлъ свѣтъ, и въ дни мои младые
Изъ коихъ изгнанъ я!—О другъ, въ какихъ мѣстахъ,
Живетъ Аржира дочь?

Альдамонъ.

Во древнихъ тѣхъ стѣнахъ;
Предъ ними пышный кровъ чертоговъ возвышенныхъ,
Гдѣ засѣдаетъ сонмъ тѣхъ рыцарей почтенныхъ,
Судей священный сонмъ, тотъ бодрственный сенатъ,
Въ чьей длани жезлъ суда и мечъ на супостатъ.
Ихъ сонмъ вездѣ-съ разилъ магометанъ средь боя,
Коль не былъ бы лишенъ храбрѣйшаго героя.
Вотъ копья ихъ, щиты, ихъ надписи висятъ,
И пышностью своей народу говорятъ
Объ ихъ дѣяніяхъ, со славою свершенныхъ:
Не зрятъ лишь твоего межъ сихъ именъ почтенныхъ.

Танкредъ.

Сокроемъ имя мы въ враждебныхъ сихъ стѣнахъ;
Извѣстно, можетъ быть, оно въ другихъ странахъ.
(*Къ щитоносцамъ:*)
Вы знакъ мой съ именемъ повѣсьте истребленнымъ,
Чтобъ не былъ въ ярость онъ врагамъ моимъ презрѣннымъ;
Доспѣхи безъ убранствъ, знакъ горести моей,
Какими ихъ носилъ средь бранныхъ я полей,
Копье и щитъ простой и шлемъ неукрашенный
Повѣсьте, воины, на тѣ печальны стѣны.
(*Щитоносцы вѣшаютъ его оружіе на пустыхъ мѣстахъ между другими трофеями*).
Но надпись на щитѣ храните, о друзья!
Въ ней все, что славно мнѣ, и все, въ чемъ жизнь моя!
Она всегда въ бояхъ мнѣ мужество вдыхала,
Она вездѣ мою надежду составляла;
Священны въ ней слова; они—*любовь и честь*. —
Пришедшимъ рыцарямъ вы объявите вѣсть,
Что воинъ чуждый имъ, но имя сокрывая,
Пришелъ въ сей градъ, служить въ ихъ воинствѣ пылая.
И славу ставитъ въ томъ, чтобъ имъ лишь подражать.
(*Къ Альдамону:*)
Кто вождь ихъ?

Альдамонъ.

Третій годъ ужъ началъ истекать,
Какъ ревностный Аржиръ.

Танкредъ (*въ сторону*).

Отецъ Аменаиды!

Альдамонъ.

Но долго рыцарь сей неправыя обиды
Отъ страшныхъ намъ досель его враговъ сносилъ.
Власть должну наконецъ сенатъ ему вручилъ;
Здѣсь имя чтутъ его и честь, и важность сана;
За старостью-жъ его избрали Орбассана.

Танкредъ.

Танкредова врага! Злодѣя моего!
Другъ, что еще дошло до слуха твоего?
Скажи мнѣ, правда-ль то, что рыцарь сей надменный,
Незлобнаго отца прельстивши духъ смиренный,
Пріязни отъ него обѣтъ уже пріялъ?
Что и на дочь его взоръ дерзкій простиралъ,
Что даже смѣлъ уже мечтать о бракѣ съ нею?

Альдамонъ.

Вчера я пораженъ молвой противной сею;
Но, находясь всегда при укрѣпленьѣ томъ,
Гдѣ мною встрѣченъ ты при вшествіи твоемъ,
Отъ града удаленъ, я болѣе не знаю,
Что дѣлалось въ стѣнахъ, которы презираю;
Онѣ ужасны мнѣ, ты въ нихъ гонимъ враждой.

Танкредъ.

О другъ, ввѣряюся тебѣ я всей душой!
Спѣши въ Аржировъ домъ, узри Аменаиду.
Скажи, что гражданинъ, невѣдомый по виду,
Усердьемъ движимый и къ чести дома ихъ
И къ имени ея, кто съ юныхъ дней своихъ

Ея почтенну мать, почтенный родъ ихъ знаетъ,
О тайномъ словѣ лишь молить ее дерзаетъ.

Альдамонъ.

Въ ихъ домѣ заслужилъ свободный я пріемъ;
Всѣхъ видятъ съ радостью, всѣхъ уважаютъ въ немъ,
Которые къ тебѣ остался усердны.
Коль Небо помощь дастъ—мои успѣхи вѣрны.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Танкредъ.

Поможетъ мнѣ оно; симъ Небомъ сохраненъ,
Симъ Небомъ я къ стопамъ любезной приведенъ.
Вездѣ, всегда готовъ щитъ Неба неизмѣнной
Для чести истинной и для любви священной.
Подъ нимъ я протекалъ станъ мавровыхъ полковъ;
Сей щитъ и здѣсь меня покроетъ отъ враговъ.—
Отъ воинствъ кесарскихъ, отъ Иллиріи дальной,
Къ любезной я спѣшилъ въ край родины печальной,
Неблагодарной мнѣ—но и въ судьбѣ сей злой,
Съ Аменаидою толико мнѣ драгой!
Порукой мнѣ была любовь Аменаиды,
Что сердце здѣсь мое не понесетъ обиды.
Пришелъ—другой готовъ здѣсь съ нею въ бракъ вступить!
Ужель она сама могла мнѣ измѣнить?
И кто сей Орбассанъ? и кто сей дерзновенный?
Какой здѣсь и когда имъ подвигъ совершенный
Такъ возгордилъ его, что требовать онъ смѣлъ
Награды—должной быть наградой славныхъ дѣлъ,
Заслуженной въ бояхъ и ранами и кровью,
И присужденной мнѣ хотя одной любовью?
Чтобы лишить ея, пусть врагъ мнѣ жизнь прервetъ;
Но вѣрность мнѣ она и въ самый гробъ снесетъ.
Не можетъ мой злодѣй господствовать надъ нею;
Душа ея во всемъ равна съ душой моею.
Аменаида! такъ, ты въ бѣдствіяхъ тверда,
Боязни, ужаса, невѣрности чужда.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Танкредъ и Альдамонъ.

Танкредъ.

Ты былъ, ты зрѣлъ ее, о другъ стократъ счастливый!
Ахъ, предводи меня, мой взоръ нетерпѣливый...

Альдамонъ.

Не подходи, Танкредъ, къ ужаснымъ тѣмъ мѣстамъ!

Танкредъ.

Что слышу! По твоимъ что думать мнѣ словамъ?

Альдамонъ.

Что долженъ ты бѣжать отъ сихъ браговъ несчастныхъ.
Послѣ содѣланныхъ въ сей день злодѣйствъ ужасныхъ
Здѣсь быть не возмогу—я, гражданинъ простой!

Танкредъ.

Какъ?

Альдамонъ.

Мужествомъ твоимъ служи странѣ иной:
Въ Царьградѣ честь тебя и слава ожидаетъ;
Но въ сихъ она мѣстахъ уже не обитаетъ.
Бѣги—сей градъ навѣкъ покрылъ позоръ и срамъ.

Танкредъ.

Я съ ужасомъ внемлю симъ нежданнымъ словамъ!
Что зрѣлъ, что слышалъ ты изъ устъ Аменаиды?

Альдамонъ.

Забудь, о рыцарь, ты смертельныя обиды;
Забудь...

Танкредъ.

Такъ Орбассанъ уже владѣетъ ей?
Гонитель злобный мой, отца ея злодѣй?

Альдамонъ.

Симъ утромъ отъ отца союзъ ихъ утвердился,
И пиръ погибельный въ стѣнахъ провозгласился...

Танкредъ.

И мнѣ весь ужасъ зрѣть предательства сего!

Альдамонъ.

Вся область древняго наслѣдства твоего
Дана имъ въ брачный даръ. Соперникъ твой презрѣнный
Похитилъ твой удѣлъ, отцами обрѣтенный.

Танкредъ.

Польстился подлый тѣмъ, что я въ ничто вмѣнялъ.
Но, небо, и ея властителемъ онъ сталъ!
Аменаида...

Альдамонъ.

Ахъ! свирѣпою судьбою
Ударъ ужаснѣйшій свершенъ здѣсь надъ тобою.

Танкредъ.

Жестокій! Перестань мнѣ душу раздирать,
Умолкни... Нѣтъ, вѣщай.

Альдамонъ.

Чтобъ бракомъ сочетать
Аржира дочь съ твоимъ гонителемъ надменнымъ,
Уже возжгли огонь предъ алтаремъ священнымъ;
Но вдругъ открылося предательство ея:
То мало, что душа обманута твоя;
Невѣрной обоимъ нанесена вамъ рана.

Танкредъ.

О небо! Для кого?

Альдамонъ.

Для чуждаго тирана,
Для злобнаго врага свободныхъ нашихъ странъ,
Для Соламира.

Танкредъ.

Какъ? невѣрный мусульманъ,
Сей мавръ!.. о ней вздыхалъ въ Царьградѣ онъ, несчастный:
Но презрѣнъ ею былъ, но я любимъ былъ страстно.
Не будетъ отъ нея обѣтъ святой забытъ;
Толь сердца чистаго порокъ не осквернитъ.
Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть!

Альдамонъ.

И самъ я сомнѣвался;
Но странный слухъ о семъ по стогнамъ всѣмъ раздался.

Танкредъ.

Постой—я клевету и зависть самъ позналъ.
Ахъ! честный человѣкъ гдѣ оныхъ избѣгалъ?
Съ младенчества гонимъ, въ напастяхъ возрастая,
И съ мужествомъ однимъ скитаясь въ край изъ края,
Я зрѣлъ, какъ зависти вездѣ шипятъ уста;
Я зрѣлъ отъ юныхъ лѣтъ, что мрачна клевета
Равно въ республикахъ, какъ въ царствахъ обитаетъ,
И изъ нечистыхъ устъ ядъ черный извергаетъ.—
Аржиръ, терзаемый здѣсь кознями ея,
Страдалъ подобно мнѣ. Коль не ошибся я,
Сіе чудовище гнѣздится въ здѣшнемъ градѣ,
И лютыхъ змѣй своихъ раститъ въ томъ смертномъ ядѣ,
Что въ плѣнныхъ имъ сердцахъ крамолы лишь родитъ.
Враждебны сонмища я знаю, что крушитъ:
Аменаида ихъ здѣсь терпитъ оскорбленья.
Хочу я зрѣть ее, вѣщать для убѣжденья...

Альдамонъ.

Остановись—сказать я долженъ обо всемъ:
Уже разлучена съ своимъ она отцомъ,
Уже въ цѣпяхъ...

Танкредъ.

Она!

Альдамонъ.

И можетъ быть, ты вскорѣ
Ее увидишь здѣсь въ ужаснѣйшемъ позорѣ.

Танкредъ.

Аменаиду!

Альдамонъ.

Ахъ, коль здѣсь таковъ законъ,
Жестокъ, несправедливъ, безчеловѣченъ онъ.
Здѣсь ропщутъ, плачутъ всѣ, но только плакать смѣютъ.

Танкредъ.

Аменаиду!.. нѣтъ—повѣрь мнѣ, не успѣютъ;
Нѣтъ—варварство сіе не будетъ свершено!

Альдамонъ.

Уже судилище толпой окружено:
Чернь вопитъ на нее, преступной называя
И къ виду грустному взоръ жадно устремляя,
Съ нетерпѣливостью и жалостью въ очахъ
Вокругъ темничныхъ стѣнъ волнуется въ толпахъ.
Чрезъ мигъ предстанутъ здѣсь.

Танкредъ.

Кто старецъ сей почтенный,
Который шествуетъ изъ храма толь смущенный?
И слуги грустные послѣдуютъ ему.

Альдамонъ.

Несчастнѣйшій Аржиръ...

Танкредъ.

Поди, и никому
Не говори о мнѣ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Аржиръ (*выходитъ со стороны*), **Танкредъ** (*впереди*), **Альдамонъ** (*вдали*).

Аржиръ.

О смерть, скончай мученье!

Танкредъ (*послѣ молчанія*).

Почтеннѣйшій Аржиръ!.. прости мнѣ дерзновенье:
Ты знаешь рыцарей, которыхъ грозный сонмъ
Внесъ въ области Луны Господень крестъ и громъ,
Чтобъ лавры заслужить среди священныхъ боевъ:
Ты зришь всѣхъ меньшаго изъ тѣхъ великихъ воевъ.
Пришелъ я,—но прости нескромность ты мою,
Коль слезы вдругъ мои съ твоими я солью.

Аржиръ.

Одна твоя душа скорбѣть со мной дерзаетъ;
Здѣсь все меня бѣжитъ, или терзать желаетъ.
Прости, прости и ты сей горести моей.
Но съ кѣмъ я говорю?

Танкредъ.

Пришлецъ въ землѣ я сей,
Исполненный къ тебѣ и дружбой и почтеньемъ,
Трепещущій спросить, терзаемый сомнѣньемъ...
Несчастный, какъ и ты!.. Но для небесъ самихъ,
Еще ты разъ прости мнѣ дерзость словъ моихъ:
Какъ, правда-ль, дочь твоя...

Аржиръ.

О правда безотрадна!
Въ сей самый часъ ее постигнетъ казнь нещадна!

Танкредъ.

Она преступница?

Аржиръ (*задыхаясь отъ рыданія*).

Она—мой вѣчный срамъ!

Танкредъ.

Какъ, дочь сія?.. Аржиръ,—по дальнимъ сторонамъ
Объ имени ея молвы я бывъ свидѣтель,
Считалъ, когда живетъ въ семъ мірѣ добродѣтель,—
Аменаидина душа есть храмъ ея.
Она преступница! Правдива вѣсть сія?
О день, ужасный день!

Аржиръ.

Что болѣ ужасаетъ,
Что гробъ отверзло мнѣ и духъ мой заставляетъ
Безъ утѣшенія въ могилу низходить,
Что дочь, въ злодѣйствѣ семъ, спокойной можетъ быть.—
Увы! Въ защиту ей никто здѣсь не явился;
Со стономъ приговоръ на смерть ея свершился;
И не зря на обрядъ старинный въ сихъ странахъ,
Чтобъ защищать сей полъ въ торжественныхъ бояхъ,
Дочь злополучная въ сей мигъ на смерть исходитъ,
И рыцаря себѣ къ защитѣ не находитъ.
Вотъ что меня срамитъ, вотъ что меня гнететъ;
Все стонетъ, все молчитъ, никто не предстаетъ!

Танкредъ.

Предстанетъ, и страшись ты, старецъ, сомнѣваться!

Аржиръ.

Какой надеждою велишь ты мнѣ ласкаться?

Танкредъ.

Предстанетъ,—но не дочь твою чтобъ защитить:
Достойною сего она не можетъ быть;
Но за святую честь отцовъ ея почтенныхъ,
За славу добрыхъ дѣлъ, тобою совершенныхъ.

Аржиръ.

Ахъ! Мой унылый духъ твой оживляетъ гласъ.
Но кто же явится на поприще за насъ?
Весь градъ сей въ ужасѣ, и кто меня спокоитъ?
Кто руку помощи подать мнѣ удостоитъ?
Не смѣю льститься тѣмъ... Кто станетъ въ битву?..

Танкредъ.

Я!

Я, говорю тебѣ; и коль рука моя
Отъ праведныхъ небесъ въ бою благословится,
Тогда въ признательность позволь мнѣ удалиться,
Ни дочери твоей не бывъ передъ лицомъ,
Ни открывая вамъ объ имени моемъ.

Аржиръ.

Ахъ! Богъ тебя къ намъ велъ спасительной рукою.
Хоть чуждъ веселія, убитый я тоскою,
Но чувствую, что я отраднѣе дышу.
Ахъ! Можно ли мнѣ знать, прости, когда спрошу,
Къ кому питаю я признательность, почтенье?
Все кажетъ мнѣ твое высокое рожденье:
Кого? Кого въ тебѣ зрю?

Танкредъ.

Мстителя ты зришь.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Орбассанъ, Аржиръ, Танкредъ, рыцари и воины.

Орбассанъ.

Страна въ опасности. Аржиръ, ты такъ ли мнишь,
Чтобъ съ воинствомъ изъ стѣнъ мы завтра выходили?

Мы такъ рѣшили всѣ.—Тѣ, кои измѣнили,
Врагамъ перенесли прошедшій нашъ совѣтъ,
И Соламиръ на насъ полки свои ведетъ;
Мы сами встрѣтимъ ихъ.—Теперь, Аржиръ, скрѣпися,
Или отъ зрѣлища ты лучше удалися,
Печальнаго для насъ, позорнаго странѣ.

Аржиръ.

Довольно, Орбассанъ; теперь осталось мнѣ
Идти, и между васъ пасть мертвымъ среди боя.
(*Указывая на Танкреда*).
Туда сведутъ меня стопы сего героя;
И я хоть тѣмъ свой родъ отъ срама свобожу,
Что за отечество главу мою сложу.

Орбассанъ.

Такія чувствія души твоей достойны.
Разсѣй въ послѣдній разъ враговъ толпы нестройны.
Но, прежде удались, и стогнъ оставь ты сей;
Здѣсь уготовленъ видъ не для твоихъ очей.
Подходятъ...

Аржиръ.

Боже мой!

Орбассанъ.

Отъ отческаго взора
Сокрой ты ужасы несноснаго позора.
Меня здѣсь держитъ санъ, и долгъ жестокій мой
Велитъ мнѣ воздержать волненье черни злой.
Законами ни въ чемъ небрежность нетерпима;
Ихъ сила грозная должна быть мной хранима.
Тебя-жъ, кого сей долгъ ужасный не тягчитъ,
Что держитъ здѣсь, и кто тебѣ смотрѣть велитъ,
Какъ кровь виновная законами прольется?
Идутъ—ты удались.

Танкредъ (*взявъ за руку Аржира*)

Нѣтъ, здѣсь онъ остается.

Орбассанъ (*осматривая его*).

Но ты—ты кто такой?

Танкредъ.

Твой врагъ и старцевъ другъ,
Отмститель можетъ быть, и тотъ, чьихъ здѣсь услугъ,
Равно какъ и твоихъ, отчизна ожидаетъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же, Аменаида, *въ цѣпяхъ, окруженная стражею;* **рыцари и народъ** *наполняютъ площадь.*

Аржиръ (*Танкреду*).

Дай руку, рыцарь, мнѣ... мой духъ изнемогаетъ;
Сокрой меня отсель... Увы, вотъ дочь моя!

Танкредъ.

О недостойный видъ!

Аменаида.

Небесный Судія!
Ты все протекшее и будущее знаешь;
Одинъ ты справедливъ, ты въ помыслахъ читаешь;
Но мрачная толпа неправедныхъ людей
И судитъ и винитъ во слѣпотѣ очей.—
Граждане, рыцари, вы всѣ, чьей днесь рукою
Кровавый приговоръ свершался надо мною,
Не къ оправданію предстала я предъ васъ:
Небесный Судія пускай разсудитъ насъ.—
Безбожнаго суда орудій сонмъ надменный,
Такъ, мной поруганъ ты и твой законъ презрѣнный;
Законъ сей былъ свирѣпъ, и нестерпимъ онъ сталъ;
Такъ, оскорбленъ отецъ, меня онъ угнеталъ;
Поруганъ Орбассанъ, и нагло и кичливо
Мечтавшій сердцемъ симъ владѣть несправедливо.
Народъ, когда за то должна я казнью пасть,
Рази, но выслушай, познай мою напасть:

Кто къ Богу на отвѣтъ безъ трепета стремится,
Тотъ людямъ истины сказать не устрашится;
И ты, о мой отецъ! сей видя мой позоръ...
(*Увидя Танкреда*).
Какъ могъ ты... Боже мой! Кого встрѣчаетъ взоръ?
О Боже! это—онъ!.. (*Падаетъ безъ чувствъ*).

Танкредъ.

Ахъ! Взоръ дерзнувъ простерши
Упрекомъ сражена!.. Постойте, слуги смерти,
Постойте, граждане, и отложите месть.
Защиту я беру, я оправдаю честь.
Сей дѣвы рыцарь я: отецъ ея почтенный,
И самъ равно, какъ дочь, ко смерти осужденный,
Въ покровъ невинности мой мечъ избрать почтилъ,
Чтобъ онъ въ моихъ рукахъ *судъ Божій* совершилъ.
Вотъ храбрыхъ рыцарей священнѣйшія правы.
Раскройте поприще для чести и для славы;
Устройте, судіи, обрядъ намъ боевой.
О гордый Орбассанъ!—тебя зову на бой,
Ты знаменитъ, ты вождь, ты чтешься первый воинъ,
Такъ чести вызова, надѣюсь, ты достоинъ.
Иди предать свой духъ, или исторгнуть мой.
Смертельной битвы знакъ бросаю предъ тобой.
(*Бросаетъ перчатку*).
Осмѣлишься-ль поднять?

Орбассанъ.

Съ надменностью твоею
Не стоишь, чтобъ тебя почтилъ я честью сею.
(*Даетъ знакъ щитоносцамъ, чтобы подняли перчатку*).
Честь дѣлаю себѣ; и сердца гласъ внушивъ,
И старца власть, тебя избравшаго, почтивъ,
Въ единоборство я хочу вступить съ тобою,
И наказать тебя за дерзость удостою.
Кто ты? каковъ твой санъ и имя? Сей твой щитъ
Не много о твоей намъ славѣ говоритъ.

Танкредъ.

Его прославить я сегодня уповаю;
Объ имени-жъ моемъ—молчу, и такъ желаю;

Познаешь ты его съ оружіемъ въ рукахъ.
Пойдемъ.

Орбассанъ.

Да въ сей же мигъ на боевыхъ мѣстахъ
Ограду растворятъ. Аменаида болѣ
Не остается здѣсь подъ стражею дотолѣ,
Пока ничтожный сей не совершится бой.
(*Съ Аменаиды снимаютъ оковы*).
Друзья, мгновенно кругъ оставивъ боевой,
Иду, куда насъ мавръ къ побѣдѣ призываетъ.
Честь поединщиковъ съ ихъ жизнью погибаетъ.
Одна прямая честь—отечеству служить.

Танкредъ.

Пойдемъ!—О рыцари, я смѣю возвѣстить,
Что принесетъ не онъ отечеству спасенье.

Аржиръ (*уводя съ Фани Аменаиду*).

О Боже, призри ты на старцево моленье [1])!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Танкредъ, Лоредань и рыцари.

Воинскій маршъ; передъ Танкредомъ несутъ его оружіе и доспѣхи Орбассана.

Лоредань.

Такъ, бой твой знаменитъ, но гибеленъ намъ былъ:
Избраннѣйшаго ты насъ рыцаря лишилъ,

[1]) Слѣдующее за нимъ явленіе, никогда не играемое и на французскихъ театрахъ, въ переводѣ выпущено. Переводчикъ вообще осмѣлился опустить нѣкоторые стихи и сократить разговоры, которыми часто, какъ признали и французскіе критики, охлаждается ходъ сей трагедіи, писаной Вольтеромъ уже въ старости.

Который къ родинѣ любовію былъ славенъ
И мужествомъ своимъ съ тобою только равенъ;
Позволишь-ли теперь узнать твой родъ, твой санъ?

Танкредъ (*въ мрачной задумчивости*).

Его со смертію позналъ лишь Орбассанъ,
И тайну и мой гнѣвъ сокрылъ съ собой въ могилу.
Оставь въ безвѣстности судьбу мою унылу;
Коль я полезенъ вамъ, нѣтъ нужды знать, кто я.

Лореданъ.

Да будетъ скрытою отъ насъ судьба твоя;
Но добродѣтели яви свои предъ нами
Полезнымъ мужествомъ и славными дѣлами.
Здѣсь вѣютъ знамена враждебной намъ луны;
Ты защити права и вѣру сей страны.
Надменный Соламиръ насъ вызываетъ къ бою:
Героя насъ лишивъ, ты замѣни собою;
Тебя ждетъ гордый мавръ.

Танкредъ.

Даю я слово вамъ,
Предъ воинствомъ идти во срѣтенье врагамъ,
И слово то сдержу. Сраценъ вамъ ненавистный
Стократно меньше вашъ, чѣмъ мой есть врагъ завистный,
Непримиримый... но, кто-бъ ни былъ онъ такой,
Иду я и готовъ вступить съ нимъ въ новый бой.

Катанъ.

Ты многимъ насъ польстилъ, симъ мужествомъ пылая,
И самъ ты жди всѣхъ жертвъ признательнаго края,
Достойныхъ жди наградъ за мужество твое.

Танкредъ.

Здѣсь нѣтъ награды мнѣ; не требую ея,
И вовсе не приму; для жертвы воздаяній
Здѣсь нѣтъ того, въ чемъ зрѣлъ я верхъ моихъ желаній.—

Когда несчастнымъ я средь боя упаду,
Ни славы, ни наградъ, ни жалости не жду;
Я совершу мой долгъ; но тѣмъ однимъ ласкаюсь,
Что съ Соламиромъ я на битвѣ повстрѣчаюсь.

Лоредань.

И въ томъ вся наша цѣль. Но время насъ зоветъ,
И съ нимъ единственный всѣхъ нашихъ душъ предметъ,
Побѣда.—Съ нами ты дѣлишь ее идущій,
Всеобщей вѣстію познаешь часъ зовущій
Въ поля, гдѣ встрѣтить насъ мечтаетъ вождь враговъ.
Дружины всѣ кипятъ пролить невѣрныхъ кровь;
Да будетъ чуждо всѣмъ намъ чувствіе другое:
Умремъ, или спасемъ отечество драгое!
(*Уходитъ.*)

Танкредъ.

Достойно или нѣтъ отечество того,
Но за него умру.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Танкредъ и Альдамонъ.

Альдамонъ (*въ сторону*).

Не вѣдаютъ его
Смертельной горести, въ душѣ имъ заключенной.
(*Къ Танкреду*).
Но ты, обидою и скорбью сокрушенный,
Исполнишь ли обрядъ, хранимый сей страной?
Явишься-ль въ [illegible] взоримъ дѣвы той,
Которой честь [illegible] тобою:
Представишь [illegible] рукою
Кровавый [illegible]?

Нѣ

Альдамонъ.

Какъ, предъ очами всѣхъ
Для ней ты въ подвигъ сталъ, гдѣ смерть тебѣ грозила,
И отъ нея бѣжишь?

Танкредъ.

Она то заслужила.

Альдамонъ.

Я вижу, сколь ея ты раздраженъ виной;
Но въ оправданіе ты далъ кровавый бой.

Танкредъ.

Все сдѣлалъ для нея, и мнѣ то сдѣлать должно.
Хоть вѣроломная, но зрѣть мнѣ невозможно,
Чтобъ въ гробъ она несла безчестіе свое.
Хоть меньше-бъ я любилъ, оставить ли ее?
Я долженъ былъ спасти, измѣны-жъ не прощаю.
Пускай живетъ она, и пусть я погибаю.
Но нѣкогда о мнѣ восплачетъ и она,
О другѣ, коего навѣки лишена,
Чье сердце вѣрное такъ жестоко терзала...
О! до чего она меня уничижала!
И отъ нея ли могъ невѣрности я ждать?
Ахъ! существо небесъ мечталъ я обожать;
Считалъ, что самыхъ клятвъ и алтарей священныхъ
Святѣе рѣчь одна изъ устъ ея смиренныхъ...

Альдамонъ.

Иль вѣроломствъ однихъ страна сія полна?
Глава твоя въ позоръ была здѣсь предана;
Закономъ здѣсь гонимъ, любовью оскорбленный,
Оставь, Танкредъ, сей край, злодѣйствомъ отягченный.
Иду съ тобой на брань, спѣшу навѣкъ отъ стѣнъ,
Отъ сей обители злодѣйства и измѣнъ.

Танкредъ.

Что за волшебство въ ней и въ самомъ преступленьѣ
Ту добродѣтель мнѣ живитъ въ воображеньѣ,

Которой образъ въ ней, мечтающій, я зрѣлъ!
Ты, повелѣвшая, чтобъ я въ тотъ гробъ низшелъ,
Въ которомъ безъ меня сама была-бъ ты зрима,
О вѣроломная... но все еще любима!
О ты, которою душа моя жила,
Ахъ, еслибъ быть могло, ахъ, еслибъ ты была
То, чѣмъ казалася очамъ моимъ прельщеннымъ...
Нѣтъ—съ смертью призракъ сей лишь можетъ быть забвеннымъ:
Но должно вознестись надъ слабостію сей;
Мнѣ должно... умереть, не думая о ней.

Альдамонъ.

Но менѣе она винилася тобою.
Неправдой, ты вѣщалъ, и мрачной клеветою
Наполнена земля...

Танкредъ.

Ахъ! Узнано о всемъ;
Все обнаружено въ ужасномъ дѣлѣ семъ:
Она своей красой прельстила Соламира;
Сей мавръ ея руки просилъ залогомъ мира.
Дерзнулъ-ли-бъ онъ искать, любви ея не знавъ?
Взаимность ихъ была. Вотще я, сердцу внявъ,
Сомнѣніе питалъ: и самъ ея родитель,
Нѣжнѣйшій сей отецъ... ея онъ обвинитель,
И дочь преступная винитъ себя сама:
Я зрѣлъ, я зрѣлъ слова ужаснаго письма;
„Будь повелителемъ надъ нашею страною,
Надъ Сиракузами и надъ моей душою“.
Мой жребій совершенъ!

Альдамонъ.

Но презритъ пусть герой
Неблагодарную съ толь низкою душой.

Танкредъ.

И, къ ужасу, она гордиться тѣмъ дерзаетъ!
Мнитъ, что славнѣйшаго героя избираетъ!
Ахъ, мысль сія одна мою всю душу рветъ!
Срацынъ презрительный Италію гнететъ;

И безразсудный полъ, душою легковѣрный,
Сей полъ, въ ихъ областяхъ до рабства угнетенный,
Почтеньемъ пораженъ, которое родитъ
Завоевателей властолюбивый видъ,
Сердцами жертвуетъ тиранамъ ихъ гнетущимъ;
А намъ, защитѣ ихъ, для ихъ любви живущимъ,
У ногъ ихъ дышущимъ и гибнущимъ за нихъ,
Измѣной платитъ намъ для варваровъ своихъ!
Достанетъ гнѣва мнѣ въ обидѣ сей безмѣрной,
Чтобъ проклинать мнѣ жизнь и скрыться отъ невѣрной!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Танкредъ, Альдамонъ и многіе **рыцари.**

Катанъ.

Всѣ рыцари сошлись и время ихъ зоветъ.

Танкредъ.

Я здѣсь его теряль; иду за вами вслѣдъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же, Аменаида и **Фани.**

Аменаида (*прибѣгая стремительно*).

Къ ногамъ твоимъ паду, о ангелъ мой хранитель!
(*Танкредъ, отвращая лицо, поднимаетъ ее*).
Не унижаюсь симъ; и скорбный мой родитель
Колѣна ногъ твоихъ идетъ со мной обнять.
Священный образъ твой почто отъ насъ скрывать?
Кто правое мое осудитъ нетерпѣнье?
Мной старецъ упрежденъ... Но сердца восхищенье
И чувства всѣ излить могу ли предъ тобой?
Страшусь тебя назвать... Но видъ печаленъ твой?
Могу ли зрѣть тебя, въ мѣстахъ сихъ безотрадныхъ,
Не посреди убійцъ, на кровь мою толь жадныхъ?
Не отвѣчаешь ты... трепещетъ грудь моя...
Не смѣю говорить... увы! что вижу я—
Ты отвращаешь взоръ... не внемлешь, что вѣщаю.

Танкредъ (*прерывающимся голосомъ*).

Поди, утѣшь отца; его я почитаю.
Другой, важнѣйшій долгъ отсель меня зоветъ.
Передъ тобой, предъ нимъ исполнилъ я обѣтъ,
И награжденъ... другой мзды сердце не желаетъ:
Признательность безъ мѣръ намъ тягостна бываетъ.
Освобождаю я навѣки васъ отъ ней...
И ты... располагать властна судьбой своей.
Будь счастлива... а я, я смерть найти желаю.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Аменаида и Фани.

Аменаида.

Жива ли я? На свѣтъ еще ли я взираю?
То правда ли, что жизнь мнѣ небомъ отдана?
И изъ могилы я ужель извлечена?
О Фани, слышала-ль ты приговоръ мой грозный,
Жестокій, яростный и болѣе поносный,
Чѣмъ тотъ, которымъ я на казнь осуждена?

Фани.

И тѣмъ мнѣ и другимъ душа поражена.

Аменаида.

Танкредъ ли, небеса! Здѣсь говорилъ со мною?
Ты зрѣла хладность ту и гордость ту, съ какою
Меня презрѣніемъ обременять онъ смѣлъ?
О Фани! На меня онъ съ ужасомъ смотрѣлъ.
Онъ спасъ мнѣ жизнь, чтобъ смерть лютѣй меня сразила!
За что-жъ, Танкредъ, и чѣмъ твой гнѣвъ я заслужила?

Фани.

Такъ, пламенный сей гнѣвъ сверкалъ въ его очахъ,
И прерывалася рѣчь хладная въ устахъ;
Онъ отвращалъ свой взоръ, но слезы сокрывая.

Аменаида.

Онъ бросилъ, онъ презрѣлъ, меня здѣсь посрамляя!
Чѣмъ страшная сія гроза возбуждена?
Чего онъ хочетъ? Чѣмъ въ немъ ярость возжена?
Къ кому ревнивымъ быть онъ можетъ во вселенной?..
Я славлюсь, я горжусь Танкредомъ быть спасенной;
Такъ, онъ одинъ мнѣ все, онъ богъ-хранитель мой;
Онъ жизнь мнѣ возвращалъ, самъ жертвуя собой;
Но я ту саму жизнь не за него-ль теряла?

Фани.

Быть можетъ, онъ не зналъ; быть можетъ, увлекала
Его всеобщая молва у насъ людей;
Кто и не вѣрящій не покорится ей?
Невольникъ, смерть его, несчастное посланье,
Сей мавръ, его любовь и дерзкое мечтанье,
Все, самое тебя молчаніе винитъ,
Которымъ отъ враговъ Танкредъ тобой сокрытъ.
Чей взоръ сквозь мракъ сего покрова проницаетъ?
Но предразсудокъ въ немъ наружность осуждаетъ.

Аменаида.

Онъ осуждалъ меня!

Фани.

Коль слабъ онъ до того,
Вини любовь.

Аменаида (*принявъ свою твердость и силу*).

Ничто не извинитъ его,
Хотя-бъ меня судилъ весь міръ сей ослѣпленный:
Великій человѣкъ, на судъ свой утвержденный,
И міру-бъ цѣлому противостать посмѣлъ.
Такъ онъ меня спасать отъ жалости хотѣлъ?
О поруганіе!.. тебя-ль я ожидала?
Я, гибнувъ за него, съ отрадой умирала,
И онъ осмѣлился меня подозрѣвать!
Напрасно онъ всю жизнь прощенья будетъ ждать.
Такъ, не забуду я услуги, имъ свершенной:
Она начертана въ душѣ, имъ оскорбленной;

Но если онъ не могъ моей любви цѣнить,
Такъ самъ не можетъ онъ меня достоинъ быть.
Увы! изъ всѣхъ обидъ, перенесенныхъ мною,
Я не растерзана толь тяжко ни одною!

Фани.

Но онъ еще не зналъ.

Аменаида.

Меня онъ долженъ знать!
Онъ сердце долженъ былъ такое почитать;
Увѣренъ долженъ быть, что невозможно было,
Чтобъ сердце ввѣкъ мое обѣту измѣнило.
Столь твердо и оно, какъ грудь его тверда,
Возвышенно, какъ духъ высокъ его всегда;
Но справедливѣе, чувствительнѣе болѣ.—
Я отвергаюся въ моей ужасной долѣ
Танкреда—и всего сообщества людей;
Они коварны, злы, всѣ съ слабою душей,
То обольстители, то жертвы обольщеній;
И ждущая въ тоскѣ конца моихъ мученій,
Танкреда, всѣхъ людей, весь свѣтъ забуду я!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Аржиръ, Аменаида и свита.

Аржиръ (*поддерживаемый щитоносцами*).

Престаньте обо мнѣ крушиться, о друзья;
И предводя меня на поприще вы боя,
Мнѣ дайте тамъ обнять почтеннаго героя.
(*Увидѣвъ Аменаиду*).
Ахъ! Кто, повѣдай мнѣ, твоихъ спаситель дней?

Аменаида (*погруженная въ горесть, склоненная одною рукою на Фани и немного обращенная къ отцу*).

Кто нѣкогда любви достоинъ былъ моей,
Герой, моимъ отцомъ въ семъ градѣ угнетенный,
Врагами изгнанный, священныхъ правъ лишенный,

Единственный предметъ посланья моего,
Послѣдня, славная вѣтвь рода своего,
Великій человѣкъ, увы!—несправедливый;
И словомъ—онъ Танкредъ.

Аржиръ.

Что слышу, несчастливый?

Аменаида.

Что въ грустной я душѣ скрыть болѣ не могла,
И трепеща о немъ, тебѣ передала.

Аржиръ.

Танкредъ!

Аменаида.

И кто другой мой былъ бы защититель?

Аржиръ.

Танкредъ, котораго сенатъ нашъ былъ гонитель?

Аменаида.

Онъ самый.

Аржиръ.

И для насъ что онъ въ сей день свершилъ!
Отчизны, правдъ, добра, всего лишенъ онъ былъ,
И самъ пришелъ за насъ онъ жертвовать собою!
Судьи несчастные, мы слабою рукою
Вѣсы и казни мечъ держа во слѣпотѣ,
Какъ легкомысленны и лживы мы въ судѣ!
Какъ гордой мудростью ведемся мы въ обманы!
Что сдѣлали мы съ нимъ, мы, злобные тираны?

Аменаида.

Родитель, на тебя скорбѣть могла-бъ и я...
Но столько чувствуетъ вину душа твоя,
Что упрекать тебя дочь грустная страшится.
Упрекомъ симъ одинъ Танкредъ обременится.

Аржиръ.

Какъ! Тотъ, кѣмъ я живу? Твои продлилъ кто дни?

Аменаида.

Уничижительны и тяжки мнѣ они!
Надежда вся въ тебѣ: дай зрѣть ихъ перемѣну;
Ахъ! Оправдай мнѣ честь, тобою помраченну.
Кто Орбассана сверглъ, тотъ жизнь мнѣ только спасъ;
Родитель, пусть меня твой оправдаетъ гласъ.

Аржиръ.

Я долженъ и спѣшу...

Аменаида.

Я слѣдую съ тобою.

Аржиръ.

Будь здѣсь ты.

Аменаида.

Мнѣ здѣсь быть? Нѣтъ, нѣтъ, иду я къ бою.
Я зрѣла смерть вблизи, ужаснѣйшую смерть!
На полѣ чести, вѣрь, ее отраднѣй зрѣть,
Чѣмъ на воздвигнутой отцомъ позорной плахѣ.
Не время, чтобъ меня ты отвергалъ во страхѣ:
Несчастіе даетъ мнѣ право надъ тобой.
Иль два раза меня отецъ покинетъ мой?

Аржиръ.

Нѣтъ, болѣ надъ тобой я не имѣю власти;
Я самовластіемъ привелъ тебя къ напасти.
Но мысли страшныя питаешь въ сердцѣ ты;
Не изступленья ли то пылкія мечты?
Не здѣсь, въ другихъ странахъ иныхъ обыкновеній,
Вашъ полъ, воспитанный безъ скорбныхъ принужденій,
Идетъ на брань, едва отъ воевъ отличенъ;
Но не позволитъ здѣсь обычай и законъ...

Аменаида.

Какой законъ! Какой обычай сей презрѣнный!
Знай, что мой духъ теперь надъ ними вознесенный,
Въ сей день, день ужаса и въ сей неправды часъ,
Пріемлетъ за законъ одинъ сердечный гласъ.
Какъ? Будетъ вашъ законъ для варварскихъ заклятій
Лишь исторгать дѣтей изъ отческихъ объятій?
Онъ будетъ позволять, народа при глазахъ,
Влачить здѣсь дочь твою въ поноснѣйшихъ цѣпяхъ;
И не позволитъ онъ съ отцомъ идти мнѣ къ бою,
Чтобъ честь тамъ защищать мнѣ собственной рукою?
И полъ нашъ, смертію казнимый въ сихъ странахъ,
Быть можетъ только зритъ одникъ убійцъ въ толпахъ!
Тиранство наконецъ рождаетъ непокорство.
Трепещешь?.. трепещи, когда твое потворство,
Здѣсь собственнымъ врагамъ желая угождать,
Тебя принудило на смертнаго возстать,
Который жизнь терялъ, чтобъ дать намъ оправданье.
Вотъ чѣмъ ты самъ привелъ меня въ непослушанье...

Аржиръ.

Несчастнаго отца души не возмущай,
И правъ меня винить во зло не обращай.
Я чувствую вину; я самъ свой обвинитель;
Щади ты скорбь мою, и если твой родитель
Когда-либо въ тебѣ дочь нѣжную имѣлъ,
Позволь, чтобъ я одинъ погибъ отъ вражьихъ стрѣлъ.
Съ Танкредомъ, вѣрь ты мнѣ, врагъ вмѣстѣ насъ повержетъ.
(*Къ свитѣ*).
Храните вы ее.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Аменаида.

Здѣсь кто меня удержитъ?
О ты! Который могъ вражду ко мнѣ питать,
Который, мстивъ меня, дерзаешь презирать,
Танкредъ! Передъ тобой хочу я стать для бою,
Всѣ тучи стрѣлъ въ тебя хочу сдержать собою,

Принять удары ихъ... и спасть главу твою;
Хочу тебѣ явить признательность мою:
Мстить смертію моей твою несправедливость;
Коль можно, превзойти и гнѣвъ твой и кичливость:
Въ твоихъ объятіяхъ духъ испуская мой,
Обременить тебя всей праведной враждой;
И въ сердцѣ страстномъ мной, тебѣ на сокрушенье,
Неисцѣлимое оставить угрызенье,
Терзанія по гробъ, безъ утѣшенья въ нихъ,
Весь ядъ моей любви, весь ужасъ мукъ моихъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Рыцари и ихъ щитоносцы *съ обнаженными мечами;* **воины,** *несущіе трофеи; вдали* **народъ.**

Лоредан'ъ.

Побѣдную вы пѣснь, граждане, воспѣвайте,
И Бога браней всѣ во храмахъ ублажайте;
Побѣда наша въ Немъ, и слава вся Ему!
Народъ, воздай хвалу поборнику сему:
Онъ стрѣлы сокрушилъ, разрушилъ Онъ тѣ ковы,
Что ставили на насъ мучители суровы,
Поработители свободныхъ областей.
На трупахъ ихъ, народъ, воздвигни свой трофей,
И, мертву ярость ихъ поправши вновь стопами,
Сокровищемъ луны укрась Господни храмы.
Пускай Гишпанія, Италія въ цѣпяхъ,
Египетъ, Сирія, поверженные въ прахъ,
Узрятъ, что могъ народъ за вольность ополченной,
Противъ тирановъ сихъ, колеблющихъ вселенной.—
Аржира мы теперь утѣшить поспѣшимъ
И общей радостью печаль его смягчимъ.
О! если бы въ сей день, для Сиракузъ блаженный,
Обрѣлъ спокойствіе отецъ сей огорченный! —
Но гдѣ воитель тотъ, сей чуждый намъ герой,
Который, говорятъ, рѣшилъ намъ славный бой?

Онъ съ сонмомъ рыцарей во градъ не возвращался,
Ужели торжествомъ онъ самъ не восхищался?
Иль счелъ, что мы его завидуемъ дѣламъ?
Довольно славны мы, и зависть чужда намъ.
Иль Сиракузъ бѣжитъ, имъ жертвовавъ собою.

(*Къ Катану.*)

Катанъ, онъ долго велъ бой жаркій предъ тобою.
Почто, желая намъ побѣдой ускорить,
Всеобщей радости не хочетъ онъ дѣлить?

Катанъ.

Склони вниманіе, узнаешь ты причину.
Когда нашъ полкъ облегъ подъ Этною равнину,
И по хребту горы проходы замыкалъ,
Отъ васъ тогда вдали, близъ брега я стоялъ,
Гдѣ врагъ выдерживалъ всю нашу крѣпость боя.
Вдругъ рыцарь сей, я зрѣлъ, исторгнулся изъ строя.
Его прерывный гласъ, свирѣпое чело
Души отчаянье намъ ясно зрѣть дало.
Онъ Соламира звалъ, вопль страшный испуская;
Аржира дочери онъ имя повторяя,
Невѣрной называлъ, и въ ярости своей,
Я видѣлъ—слезы лилъ изъ пламенныхъ очей.
На смерть кидался онъ, но невредимъ и страшенъ,
Чѣмъ болѣ въ сѣчу шелъ, тѣмъ болѣ былъ ужасенъ.
Предъ нами пало все, иль лучше—передъ нимъ.
Я съ войскомъ къ вамъ спѣшилъ, побѣдой предводимъ;
Безчувственъ къ славѣ онъ, съ главою преклоненной,
Безмолвенъ, горестенъ и въ думы погруженной,
Вдругъ Альдамона, къ намъ спѣшившаго, зоветъ,
Объемлетъ, говоритъ и быстро въ даль идетъ,
Подобно, какъ въ бою на сѣчу онъ бросался.
„Такъ, навсегда!“ онъ рекъ. Смыслъ рѣчи оправдался:
Достойный памяти, великій рыцарь сей
Незнаемъ хочетъ быть средь нашихъ областей;
Но намъ не вѣдомы его печальны виды.
Въ сей мигъ услышавши я вопль Аменаиды,
Узрѣлъ бѣгущую въ воинственныхъ толпахъ:
Трепещуща, блѣдна, съ отчаяньемъ въ очахъ,
Къ герою вопія, стремится въ изступленьи.
Отецъ, за ней влачась и удержа въ стремленьи

Рыдающую дочь, рыдая, къ намъ ведетъ.
„Друзья, онъ возопилъ, герой сей—есть Танкредъ!
Герой, дивящій насъ, великій сей воитель,
Защитникъ Сиракузъ, Аменаиды мститель,
Есть тотъ, кого въ сей день нашъ общій приговоръ
Измѣнникомъ назвалъ и предалъ на позоръ;
Есть тотъ, чье имя здѣсь закономъ поругалось".
О другъ! что думать намъ, что дѣлать намъ осталось?

Лоредань.

Раскаяться, вотъ все, что остается намъ;
Не сознавать вины—злымъ свойственно сердцамъ.
Да устыдимся мы, героя угнетая.
Страдаетъ въ мірѣ семъ заслуга, честь прямая;
Но кто ихъ вѣдаетъ, тотъ долженъ ихъ почтить.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Рыцари, Аржиръ и Аменаида, *вдали поддерживаемая служительницами.*

Аржиръ (*входя съ поспѣшностью*).

Имъ должно помощь дать, ихъ должно защитить:
Танкредъ въ опасности, усердьемъ ослѣпленный;
Танкредъ одинъ напалъ на сонмъ враговъ спасенный,
Набѣгшій на него и въ битву ставшій съ нимъ.
О, горе старцу, мнѣ, съ безсиліемъ моимъ!
Вы, коихъ мужеству не уступаетъ сила,
Чьихъ старость пламенныхъ сердецъ не охладила,
Спѣшите всѣ, друзья, въ защитѣ сей главы,
Невинной дочери спасите друга вы.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Аржиръ и Аменаида.

Аржиръ.

О дочь, для насъ лучи надежды возсіяли!
Утѣшу-ль я тебя, предавшуюсь печали?

Аменаида.

Утѣшусь я тогда, какъ будетъ здѣсь Танкредъ;
Какъ страха моего несчастный сей предметъ
Предстанетъ и спасенъ, и справедливъ душою;
И скажешь ты, что онъ желаетъ предо мною
Раскаяньемъ стереть обиды мнѣ его.

Аржиръ.

Ахъ! Тягостны онѣ для сердца твоего.
Но дочь моя: Танкредъ, изъ нашихъ стѣнъ изгнанный,
Теперь отъ всѣхъ почтенъ, и славою вѣнчанный,
Онъ самую тебя сей славой озарилъ;
Онъ, зависть постыдя, торжественно открылъ,
Чрезмѣрностью услугъ, для насъ имъ совершенныхъ,
Чрезмѣрность клеветы враговъ его презрѣнныхъ.
Довольствуется чернь, одинъ свой долгъ сверша:
Герою малъ сей трудъ; геройская душа
Надъ упованьемъ всѣхъ возвыситься желаетъ:
Такъ, общую Танкредъ надежду превышаетъ.
Онъ будетъ справедливъ, познавъ любовь твою.
Смягчился весь народъ, узря вину свою.
Танкредъ уже готовъ оставить подозрѣнье;
Чтобъ укротить его, разсѣять заблужденье—
Лишь нужно слово.

Аменаида.

Но не сказано его.
Ахъ! что обиды мнѣ народа твоего,
И легковѣрная любовь, и сожалѣнье,
И все его ко мнѣ ничтожное почтенье?
Во мнѣньи одного мою я ставлю честь;
И знай, что дочь твоя смерть легче можетъ снесть,
Чѣмъ мигъ прожить, его почтенія лишася.
Признаюсь наконецъ и, можетъ быть, гордяся,
Что въ защитителѣ—люблю супруга я.
Обѣтъ нашъ приняла въ часъ смерти мать моя;
Намъ руки трепетной рукой соединила
И, закрывая взоръ, союзъ благословила.
Ея мы тѣнью, тобою, мой отецъ,
Передъ лицомъ Небесъ клялись въ любви сердецъ,

Клялися, чтобъ тебѣ быть въ радость, въ утѣшенье,
У ногъ твоихъ принять на бракъ благословенье.—
Родитель... эшафотъ намъ былъ здѣсь алтаремъ!
И грустный мой женихъ, въ отчаяньи своемъ,
Со смертію одной желаетъ сочетаться;
А мнѣ однимъ стыдомъ осталося терзаться.
Вотъ жребій мой!

Аржиръ.

Разсѣй печальныя мечты:
Мы болѣ обрѣтемъ, чѣмъ ожидаешь ты.

Аменаида.

Страшусь всего.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и вѣстникъ.

Вѣстникъ.

Восторгъ народа раздѣляйте,
И болѣ насъ сердца симъ чудомъ восхищайте:
Танкредъ, одинъ Танкредъ, побѣду совершилъ,
Одинъ разсыпалъ онъ остатокъ вражьихъ силъ,
И въ жертву славную и вольности и мира
Танкредъ своей рукой сразилъ и Соламира.
Свершилась грозная за Сиракузы месть,
Но болѣ за твою обиженную честь.
Уже гремитъ молва, всѣ стогны наполняя;
Восторженный народъ, героя окружая,
Своимъ защитникомъ, спасителемъ зоветъ,
О тронѣ говоритъ, котораго Танкредъ
За добродѣтели, за подвиги достоинъ.
Ему сопутствовалъ одинъ усердный воинъ,
Подъ властію твоей служившій, Альдамонъ.
Симъ ратникомъ однимъ герой былъ подкрѣпленъ,
Сей ратникъ раздѣлялъ съ нимъ подвигъ безпримѣрной.
Когда-жъ сонмъ рыцарей въ опасности чрезмѣрной
Съ оружіемъ въ рукахъ на помощь имъ предсталъ,
Танкредъ ужъ бой рѣшилъ, Танкредъ торжествовалъ.

Вы слышите-ль сей кликъ, его превозносящій?
Идите зрѣть народъ, во срѣтенье спѣшащій,
Чтобъ въ сонмахъ радостныхъ героя увѣнчать;
Иди зрѣть торжество и жертву воспринять,
Толь долго отъ него желанную тобою;
Все дышетъ счастіемъ и радостью одною,
Все мститъ за скорбь твою, весь градъ сей восхищенъ;
Танкредъ твоей душѣ навѣки возвращенъ.

Аменаида.

Ахъ! оживаю я и познаю веселье.
Родитель, воздадимъ Творцу благодаренье!
Такъ неожиданно Онъ все мнѣ возвратилъ;
Такъ щедро насъ за всѣ страданья наградилъ!
Въ сей мигъ, въ сей только мигъ я жить лишь начинаю
И сердца полнаго блаженство постигаю!
Я все хочу забыть; простите плачъ вы мой,
Упреки, тщетный страхъ, рожденные тоской;
Граждане, рыцари, враждебные герою,
Падите всѣ предъ нимъ, онъ пасть идетъ предъ мною.

Аржиръ.

Благоволилъ Творецъ скончать нашъ плачъ и стонъ.
Что вижу? Къ намъ идетъ безстрашный Альдамонъ,
Танкреда подвиговъ одинъ свидѣтель вѣрный;
Вотъ онъ, вотъ воинъ тотъ, издавна мнѣ усердный,
И наше счастіе онъ вѣрно подтвердитъ.
Но не отъ язвъ ли онъ едва стопы влачитъ?
Ахъ, мраченъ видъ его, онъ скорби возвѣститель!..

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Альдамонъ.

Аменаида.

Скажи, о Альдамонъ, Танкредъ ли побѣдитель?

Альдамонъ.

Онъ, безъ сомнѣнія.

Аменаида.

При кликахъ внятныхъ намъ,
При пѣсняхъ радостныхъ идетъ онъ къ симъ мѣстамъ?

Альдамонъ

Ахъ! пѣсней гласъ на вопль премѣнится плачевный.

Аменаида.

Что слышу я!

Альдамонъ.

Сей день, навѣки незабвенный,
Увы! Послѣдній день, въ который жилъ Танкредъ.

Аменаида.

Онъ мертвъ!

Альдамонъ.

Взираетъ онъ еще на дневный свѣтъ,
Но отъ жестокихъ язвъ кончается съ мученьемъ.
Я къ вамъ предсталъ съ его ужаснымъ извѣщеньемъ,
Съ письмомъ симъ, кровію начертаннымъ его;
Въ немъ тайну онъ открылъ вамъ сердца своего.
Съ слезами тяжкое свершаю порученье.

Аржиръ.

О день отчаянья! о Неба пораженье!

Аменаида (*приходя въ себя*).

Подай мой приговоръ; предѣлъ моихъ онъ дней:
Пріятенъ онъ.—Танкредъ! О богъ судьбы моей!
Твой голосъ есть завѣтъ мнѣ слѣдовать съ тобою!
Подай письмо—и смерть!

Альдамонъ.

Услугой роковою,
Мнѣ толь ужасною, не оскорбися ты.

Аменаида.

О очи! Зрите-ль вы кровавыя черты?
Могу-ль?.. Въ послѣдній разъ мнѣ укрѣпиться должно.
(*Читаетъ.*)
„Мнѣ пережить твоей измѣны невозможно.
На битвѣ гибну я, но умерщвленъ тобой;
Тебѣ, жестокая, я жертвуя собой,
Желалъ бы сохранить честь съ жизнію твоею".
Что, мой отецъ!
(*Падаетъ на руки Фани.*)

Аржиръ.

Увы! всей яростью своею
Неумолимый рокъ въ сей день насъ поразилъ!
Теперь онъ всѣхъ надеждъ и страха насъ лишилъ;
Ни ты уже, ни я стенать не можемъ болѣ.
Но, дочь безцѣнная! влачу я жизнь доколѣ,
Пусть учитъ страшное раскаянье мое
Отечество, весь свѣтъ, какъ имя чтить твое.

Аменаида.

Что мнѣ въ почтеніи, всѣхъ радостей лишенной?
Что мнѣ въ отечествѣ и что во всей вселенной?
Онъ умираетъ!

Аржиръ.

Ахъ, терплю безмолвно я!

Аменаида.

И умираетъ онъ во гнѣвѣ на меня!
Сему виновникъ ты... Но пусть хоть въ часъ онъ страшный...
Что вижу я? Моихъ убійцъ!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Лоредань, рыцари, свита, Аменаида, Аржиръ, Фани, Альдамонъ, Танкредъ (*вдали несомый воинами*).

Лоредань.

Аржиръ несчастный!
Несчастнѣйшая дочь! Къ вамъ принесенъ съ полей,
Покрытый язвами, великій рыцарь сей.
Кипящей яростью водимый онъ средь боя,
Желалъ лишь умереть, но смертію героя.
Его драгая кровь, струившаясь рѣкой,
Отъ язвъ сдержалася усердною рукой;
Великая душа, хоть смертію томилась,
Аменаиду зрѣть еще остановилась;
Ее онъ называлъ, и каждый слезы лилъ;
Свое смущенье скрыть я не имѣю силъ.

(*Между тѣмъ какъ онъ говоритъ, Танкреда медленно поднюсятъ къ Аменаидѣ, почти безчувственной, поддерживаемой Фани и воинами. Она быстро исторгается изъ рукъ ихъ и съ ужасомъ обращается къ Лоредану.*)

Аменаида.

Оставьте, Варвары, смущенья безполезны!
(*Подбѣгая къ Танкреду и бросаясь къ ногамъ его.*)
Танкредъ! о другъ души, жестокій и любезный!
Ты можешь ли твой слухъ въ послѣдній разъ склонить?
Ты можешь ли ко мнѣ взоръ темный обратить?
Взгляни, узнай меня и мой удѣлъ ужасной,
Хоть въ гробѣ мѣсто мнѣ, супругѣ, дай несчастной!
Она завидуетъ единой чести сей:
Безсмертный сей союзъ ты обѣщалъ для ней.
Не будь немилосердъ, не будь врагомъ ты другу;
Хотъ взоромъ удостой невинную супругу...
(*Онъ взглядываетъ на нее.*)
Ужель въ послѣдній разъ взглянулъ ты на нее?..
Уже-ль совсѣмъ отвергъ и сердце ты мое?..
Ты могъ подозрѣвать?..

Танкредъ (*немного поднимаясь*).

Ахъ! ты мнѣ измѣнила.

Аменаида.

Кто! я? Танкредъ!

Аржиръ (*бросившись къ ногамъ съ другой стороны и обнявши Танкреда, потомъ вставая.*)

Ахъ, нѣтъ! она тебя любила,
И за любовь къ тебѣ на казнь осуждена;
За вѣрность лишь къ тебѣ страдала здѣсь она.
Мы всѣ жестоки къ ней и предъ тобой виновны:
Законы, рыцари и нашъ совѣтъ верховный,—
Всѣ, всѣ преступны мы; невинна дочь моя;
Вооружило насъ одно письмо ея;
Письмо-жъ сіе къ тебѣ, къ любимому герою;
А ты обманутъ былъ, обманутъ даже мною.

Танкредъ.

Аменаида... какъ! Такъ я любимъ тобой!

Аменаида.

Достойна-бъ я была позорной казни той,
Отъ коей здѣсь меня рука твоя спасала,
Когда-бъ я мигъ одинъ тебя не обожала,
Когда-бъ забыла я священный нашъ обѣтъ.

Танкредъ (*немного пришедши въ силы и возвыся голосъ*).

Любимъ я!.. Счастіе, превысшее всѣхъ бѣдъ!
Теперь о жизни я скорблю—ее кончая;
Но смерть я заслужилъ, клеветникамъ внимая.
Ужасны дни мои... и ихъ свершенъ предѣлъ,
Какъ въ словѣ я твоемъ все счастіе обрѣлъ.

Аменаида.

И слово то сказать я время обрѣтаю
Лишь въ мигъ сей роковой, когда тебя теряю!
Танкредъ!..

Танкредъ.

Оставь твой плачъ;—теперь спокоенъ я.
Но разстаюсь съ тобой; печальна смерть моя!

Я чувствую ее... Внемли, Аржиръ почтенной:
Вотъ сей драгой предметъ моей любви священной,
Вотъ жертва скорбная злодѣйской клеветы
И подозрѣній всѣхъ.—Соедини же ты
Съ кровавой сей рукой ея дрожащу руку;
Мнѣ дай отраднѣе снести смертельну муку;
Съ супруга именемъ мнѣ дай во гробъ сойти;
Будь мнѣ отцомъ.

Аржиръ (*принимая ихъ руки*).

О сынъ мой! Да возможешь ты
Утѣшить жизнью насъ, супругою любимый...

Танкредъ.

Я жилъ, чтобы отмстить жену и край родимый;
И въ ихъ объятіяхъ умру достойнымъ ихъ,
Отъ нихъ любимъ... Счастливъ въ желаніяхъ моихъ...
Аменаида... Другъ!..

Аменаида (*быстро*).

Танкредъ!

Танкредъ.

Прости... страшися
За мною слѣдовать... И жить мнѣ поклянися.

(*Упадаетъ.*)

Катанъ.

Свершилось! Плачутъ всѣ; но поздно онъ,—увы!—
Здѣсь узнанъ былъ.

Аменаида (*бросаясь на тѣло Танкреда*).

Онъ мертвъ!.. Какъ! Плачете и вы?
Вы, тигры, вы, его изгнавшіе со свѣта?..
(*Встаетъ и идетъ изступленная.*)
Да тартаръ васъ пожретъ, васъ, всѣхъ убійцъ Танкреда,
И родину мою, и лютый нашъ законъ,
Который здѣсь съ мечемъ въ невинныхъ устремленъ!
Почто я не паду въ прахъ стѣнъ сихъ раздробленныхъ!
Межъ труповъ сихъ убійцъ, громами пораженныхъ!
(*Бросается на тѣло Танкреда.*)

Танкредъ, Танкредъ!

(*Встаетъ въ изступленіи.*)

Онъ мертвъ!.. А зрю живыхъ я васъ?
Я слѣдую за нимъ... Его я слышу гласъ...
Зоветъ меня—зоветъ къ обители онъ вѣчной.
Я оставляю всѣхъ васъ мукѣ безконечной.

(*Упадаетъ на руки Фани.*)

Аржиръ.

О дочь!

Аменаида (*въ изступленіи отвергая его.*)

Остановись... Нѣтъ, ты мнѣ не отецъ;
Ты чувства не имѣлъ отеческихъ сердецъ:
Сообщникъ ты убійцъ... Увы! Что я вѣщаю?
Умру, тебя любивъ... Танкредъ!—я умираю.

(*Упадаетъ близъ него.*)

КЪ П. А. ПЛЕТНЕВУ.

ОТВѢТЪ НА ЕГО ПОСЛАНІЕ.

(1824 г.)

Мой другъ! себѣ не довѣрять,
Примѣта скромная питомца Музъ младого.
Такъ юные орлы, съ гнѣзда слетѣвъ родного,
Полета къ солнцу вдругъ не смѣютъ испытать;
Парятъ, но по слѣдамъ отцовъ ширококрылыхъ,—
Могучихъ геніевъ дерзая по слѣдамъ,
Ввѣрялся ты младымъ еще крыламъ,
Но въ трудныхъ опытахъ не постыдилъ ихъ силы.
На что-жъ ты одаренъ сей силой неземной?
Чтобъ смѣлое внушать другимъ лишь помышленье?
Чтобъ пѣть великихъ душъ побѣды надъ судьбой,
А первому блѣднѣть подъ первою грозой,
И дать въ пѣвцѣ узрѣть души его паденье?..
Мужайся, другъ! главы подъ громомъ не склоняй,
Ознаменованной печатію святою;
Воюй съ враждебною судьбою,
И гордымъ мужествомъ духъ юный возвышай:
Мужъ побѣждаетъ рокъ лишь твердою душою.
Гордись, пѣвецъ, высокъ пѣвцовъ удѣлъ!
Земная власть его не дастъ и не отниметъ.
Богатство, знатность, честь—могила ихъ предѣлъ;
Но дара Божія мракъ гроба не обниметъ.
Богачъ, склоняй чело предъ Фебовымъ жрецомъ:
Онъ имя смертное твое увѣковѣчитъ,
И въ мракѣ гробовомъ
Онъ дань тебѣ потомства обезпечитъ.
Что былъ бы гордый Меценатъ
Безъ пѣсней Флакка и Марона?
Въ могилу брошенный изъ золотыхъ палатъ,
Безславный бы рыдалъ, бродя у Ахерона,

Рыдалъ бы онъ, какъ бѣдный дровосѣкъ,
Который весь свой темный вѣкъ
Подъ шалашомъ свое оплакиваетъ бѣдство,
Печальное отцовъ наслѣдство!
И ты, богини сынъ, и ты, Пелидъ герой!
Лежалъ бы подъ землей нѣмой,
Какъ смертный безыменный,
И вѣки долгіе забвенія считалъ,
Когда-бъ пророкъ Хіоса вдохновенный
Безсмертіемъ тебя не увѣнчалъ.
Отъ Музъ и честь и слава земнороднымъ.
Гордись, питомецъ Музъ, удѣломъ превосходнымъ!
Но если геній твой,
Разочарованный и небомъ нашимъ хладнымъ,
И хладомъ душъ, не съ тѣмъ ужъ духомъ, славы жаднымъ,
Глядитъ на путь прекрасный свой,
Невольно унываетъ
И крылья опускаетъ,
Убійственнымъ сомнѣньемъ омраченъ—
Не тщетно ли вступилъ на путь опасный онъ?
Не тщетно ли себя ласкалъ вѣнкомъ поэта?
И молча ждетъ нельстиваго отвѣта...
Мой другъ, не отъ толпы и грубой и слѣпой
Владыка лиры вдохновенной
Услышитъ судъ прямой
И голосъ истины священной,
И не всегда его услышитъ отъ друзей:
Слѣпые мы рабы слѣпыхъ своихъ страстей;
Пристрастенъ, другъ, и я къ стихамъ друзей-поэтовъ;
Прощаю грѣшный стихъ за слово для души.
Счастливъ, кто самъ, страстей своихъ въ тиши,
Пристрастье дружескихъ почувствуетъ совѣтовъ;
Самъ поэтическихъ судья грѣховъ своихъ,
Маратъ часто онъ хваленый другомъ стихъ.
О! есть, мой другъ, и опытъ убѣждаетъ,
Есть внутренній у насъ,
Не всѣми слышимый, мгновенный, тихій гласъ:
Какъ вѣрно онъ хулитъ, какъ вѣрно одобряетъ!
Онъ совѣсть генія, таланта судія.
Счастливъ, кто голосъ сей безсловный понимаетъ;
Счастливъ Димитріевъ: что у него друзья

Въ стихахъ превозносили,
То чувства строгія поэта осудили [1]).
Любимцемъ Музъ увѣренъ я,
Что наша совѣсть намъ есть лучшій судія.
Довѣренность къ друзьямъ, но не слѣпая вѣра.
Кто нашимъ слабостямъ изъ дружбы не ласкалъ?
А иногда—изъ видовъ, я слыхалъ.
„Быть можетъ, юноша трубой Гомера
„Въ Россіи загремитъ:
„Тогда и я съ потомствомъ отдаленнымъ
„Жить буду именемъ, для риемы съ стихъ вмѣщеннымъ.
„Поклонникъ, другъ пѣвца, я буду-ль имъ забытъ!“
Вотъ для чего ничтожный Эполетовъ
Такъ набивается на дружество поэтовъ.
Кто жаждетъ въ памяти людей
Оставить по себѣ слѣдъ бытія земнова,
Жизнь благородныхъ думъ и чувствъ души своей
Безсмертію предать могучимъ даромъ слова:
Не отъ ласкательныхъ друзей
Тотъ ожидай отвѣта:
Горитъ ли въ немъ священный огнь поэта;
Испытывай себя
Не на толпѣ слѣпой народа—
Есть безпристрастнѣйшій поэтовъ судія,
Ихъ мать, ихъ первая наставница—Природа.
Предстань передъ лицо ея
Въ часъ солнцева торжественнаго всхода,
Когда умытая душистою росой
Является со всей роскошной красотой
Безсмертно-юная Природа;
Или въ тотъ часъ, когда и ночь и тишина
Лѣнивымъ сномъ смыкаетъ смертныхъ очи:
Природа, лишь подъ кровомъ ночи,
Какъ непорочная, прекрасная жена,
Любимцу тайныя красы разоблачаетъ.
Пусть геній твой Природу вопрошаетъ;
И если ты достойный неофитъ,
Она къ тебѣ заговоритъ
Своимъ простымъ, но черни непонятнымъ,

---

[1]) И. И. Дмитріевъ многія цѣлыя пьесы уничтожилъ въ послѣднемъ изданіи своихъ стихотвореній.

Краснорѣчивѣйшимъ для сердца языкомъ,
И если въ сердцѣ онъ откликнется твоемъ
Глубокимъ трепетомъ, душѣ поэта внятнымъ;
И если по тебѣ внезапно пробѣжитъ
Священный холодъ изступленья,
И духъ твой закипитъ
Живою жаждой пѣснопѣнья,—
Рукою смѣлою коснися струнъ нѣмыхъ:
Онѣ огнемъ души зажгутся,
Заговорятъ, и отъ перстовъ твоихъ
Живыя пѣсни разольются.

ВЪ АЛЬБОМЪ ШИМАНОВСКОЙ

(славной музыкантши.)

Какъ въ громѣ звонкихъ арфъ цѣвницы тихій стонъ,
И одинокой и унылой,
Какъ между гробовыхъ сіяющихъ колоннъ
Простая урна надъ могилой
Склоняютъ въ тихую задумчивость сердца:
Такъ неизвѣстнаго тебѣ пѣвца
Здѣсь, между пѣснями Камены вдохновенной,
Быть можетъ, взоръ твой привлечетъ,
И хоть задумчивость на сердце наведетъ
Сей стихъ уединенной.

АНЕТѢ О.

(въ альбомъ.)

Жила, была...
Но нѣтъ, пора прошла,
Какъ были вы Анеточкой-малюткой,
Какъ васъ я забавлялъ иль сказкою, иль шуткой.
Дни дѣтства протекли;
Вы расцвѣли;
Вы не Анеточка, вы барышня Анета:
Не сказкой, истиной пора вашъ умъ питать.
Внимайте-жъ голосу питомца Музъ, поэта!
Онъ будетъ истину вѣщать:

Вы очень умная и милая Анета!
О, будьте ею навсегда!
Блистайте, какъ теперь, наслѣдственнымъ богатствомъ,
И сердца добротой, и разума пріятствомъ.
И если я когда,
Въ страны далекія заброшенный судьбою,
Опять предстану вамъ, старикъ сѣдой, съ клюкою,
Пускай найду васъ тѣмъ, чѣмъ нынѣ нахожу:
И гордостью семьи и радостію свѣта;
Пускай и старецъ я, увидѣвъ васъ, скажу:
Ахъ, здравствуй, умная и милая Анета!

Зачѣмъ въ часъ грустный разставанья,
Прости—другъ другу говорятъ?
Зачѣмъ какъ будто бы съ надеждою хотятъ
Проститься и навѣкъ? Не лучше-ль *до свиданья*
Другъ другу говорить?
И могутъ-ли врагами быть
Богъ кроткій разставаній
Задумчивый, крылатый Абеонъ
И братъ его, веселый Адеонъ,
Богъ радостныхъ свиданій?

ГРАФУ ***

(КОТОРЫЙ, ВОСХИЩАЯСЬ ИГРОЮ ТРАГИЧЕСКОЙ АКТРИСЫ СЕМЕНОВОЙ, ГОВОРИЛЪ МНѢ, ЧТО САМЪ АПОЛЛОНЪ УЧИТЪ ЕЕ.)

Извѣстно, графъ, что вамъ пріятель Аполлонъ.
Но если этотъ небожитель
(Знать, есть и у боговъ тщеславіе свое)
Шепнулъ вамъ, будто онъ
Семеновой учитель,—
Не вѣрьте, графъ, ему, спросите у нее.

АМБРА.

Амбра, душистая амбра, сколькихъ ты и мухъ и червей
Предохраняешь отъ тлѣнья!
Амбра—поэзія: что безъ нея именитость людей?
Блескъ метеора, добыча забвенья!

ДУМА.

Кто на землѣ не вкушалъ жизни на лонѣ любви,
Тотъ бытія земного возвышенной цѣли не понялъ;
Тотъ предвкусить не успѣлъ сладостной жизни *другой:*
Онъ, какъ туманъ, при рожденіи гибнущій, умеръ, не живши.

НАДПИСЬ КЪ ГРОБУ СУВОРОВА.

Ты ищешь монумента?..
Суворовъ здѣсь лежитъ.

НАДПИСЬ КЪ ГРОБУ КАНТЕМИРА.

Порочный, не смѣй подходить къ сей гробницѣ:
Твой бичъ, Кантемиръ, здѣсь лежитъ.
Ты-жъ, добрый—къ могилѣ приникни спокойно
И, если захочешь, усни.

НА СМЕРТЬ ***.

Цвѣла и блистала,
И радостью взоровъ была;
Младенчески жизнью играла,
И смерть, улыбаясь, на битву звала;
И вызвавъ, безъ боя, въ добычу нещадной
Съ презрѣніемъ бросивъ покровъ свой земной
Отъ плачущей дружбы, любви безотрадной
Въ эфиръ унеслася крылатой душой!

К[ъ] ***

(ТРЕБОВАВШЕЙ ЭКЗЕМПЛЯРА СОЧИНЕНІЙ БАТЮШКОВА).

Какъ? Вы хотите знать, что Граціи внушали
Любимцу Аонидъ?
Ужель онѣ вамъ сами не сказали? —
Нѣтъ тайнъ между Харитъ.

КЪ А. А. О.

(при полученіи ею въ подарокъ китайскаго вѣера).

Китайскій вѣеръ милъ, но даръ, ненужный вамъ:
Иныя барышни къ былымъ ихъ красотамъ
Манятъ Зефировъ вѣерами;
Зефиры къ вамъ летятъ охотно сами,
Какъ пчелы на цвѣты:
Зефиры—слуги красоты.

МОЛИТВА ДѢТЕЙ.

(въ день рожденія матери, на голосъ:
Боже, Царя храни!)

Радость дѣтей, любовь,
Васъ къ выраженью—словъ
Мы не найдемъ!
Мы ихъ движенія,
Въ день восхищенія,
Съ гласомъ моленія
Къ Богу прольемъ:
Боже, услышь дѣтей!
Знаешь, о чемъ душей
Молятъ они:
Всѣми почтенную,
Намъ драгоцѣнную,
Мать несравненную,
Боже, храни!

ЭЛЕГІЯ.

Ou chantez vos malheurs, ou laisez vos chansons.

Ты, услаждавшая всегда мой томный духъ,
Сопутница моя, единственный мой другъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ съ другомъ я души моей разстался,
О арфа тихая! позволь, чтобы раздался
Унылый голосъ твой; печаль, тоску мою
Въ плачевныхъ звукахъ я изъ сердца ію;
Но тщетно слабою, трепещущей рукою
Въ ночномъ безмолвіи тебя, о арфа, строю:

Ахъ, пѣсни дщери суть спокойныхъ лишь сердецъ;
А твой, о Софія! страдающій пѣвецъ
Въ нѣмомъ отчаяньи тебя воспоминаетъ;
Коснется арфы онъ—и арфа лишь стонаетъ.
Унылый стонъ ея, отдавшійся въ груди,
Сугубитъ грусть мою—о Софія! приди...
Желанье тщетное и звуки словъ пустые,
Лѣса дремучіе и тѣ скалы крутыя
Кладутъ ужасную преграду для нея;
Преграды видитъ ли могущество твое,
Всесильная любовь?—пусть высятся главами
Тѣ горы до небесъ—почелъ бы ихъ холмами;
Чрезъ горы, чрезъ лѣса я птицей бы летѣлъ,
Когда-бъ, о рокъ, тебя въ рукѣ моей имѣлъ!
Но ты несчастному преграду полагаешь,
И выше скалъ ее кремнистыхъ возвышаешь.
О Софія, мой другъ, я разлученъ съ тобой,
Въ пустыню занесенъ, какъ вихремъ листъ сухой;
Но пусть еще бы былъ за высшими горами,
Въ странахъ ужаснѣйшихъ, за синими морями,—
Тебя любить, мой другъ, всегда воспоминать,
Не въ силахъ отъ меня и рокъ сего отнять.
Подъ тягостной его десницею страдаю,
И изъ пустынь къ тебѣ мой голосъ простираю;
Услышь его—но ахъ!—къ тебѣ онъ не дойдетъ,
Вѣтръ разнесетъ его, въ пустынѣ онъ умретъ;
И ты не будешь знать, дышу-ль еще я нынѣ,
Чернѣется-ль моя могила на долинѣ?
Увы! умру я здѣсь—умру въ чужой странѣ,
Никто не проліетъ одной слезы по мнѣ,
Ни къ гробу мрачному никѣмъ не провожденный,
И прежде гроба я—отъ всѣхъ уже забвенный
Засыплюсь хладною, незнаемой рукой,
И буду—страшна мысль—забвенъ я и тобой!
Но тѣнь, но тѣнь моя изъ гроба пусть возстанетъ,
И въ полночь ясную предъ Софію предстанетъ,
Предстанетъ блѣдная, и вмѣсто скорбныхъ словъ,
Пусть стономъ жалостнымъ напомнитъ ей любовь;
Пусть скажетъ, что любви и гробъ не охлаждаетъ,
И что она мой сонъ и въ гробѣ возмущаетъ!
О, лучше бы погибъ средь яростныхъ морей,
Или-бъ растерзанъ былъ отъ лютыхъ я звѣрей,

Чѣмъ скорбь мнѣ тутъ дѣлить съ безмолвными стѣнами
И говорить съ людьми—однѣми лишь слезами!
Увы! уже изсохъ источникъ слезъ во мнѣ:
Во отдаленной сей пустынной сторонѣ,
Стремился къ людямъ я съ сердечною тоскою;
Но люди—нѣтъ, и тигръ съ лютѣйшею душою
Не насмѣялся бы надъ горестью другихъ,
Но люди (мало зналъ сердца я тварей сихъ),
Они, о Софія, несчастнаго чуждались
И злобно надъ моимъ страданіемъ смѣялись!
Они безчувственны, холоднѣе кремня;
Но нѣтъ, кремень хотя не оттолкнетъ меня...
Я часто прибѣгалъ къ стихіямъ разъяреннымъ,
Когда гремятъ онѣ по сводамъ раскаленнымъ.
Подъ громы, молніи я возношу главу,
Стеная съ бурями, смерть, смерть къ себѣ зову!
Но и стихіи здѣсь, какъ люди, несмягчимы;
О боги! будете-ль и вы неумолимы?
Вы долго-ль будете нить скорбной жизни длить?
Престаньте горькій ядъ по каплѣ въ душу лить.
Съ подругою души навѣки разлученный,
И жизнью—бременемъ несноснымъ—отягченный,
Я не живу теперь, но мучусь всякій часъ;
Услышьте-жъ, боги, вы страдальца скорбный гласъ!
Но гласъ несчастнаго до неба не доходитъ,
И удовольствіе все небо въ томъ находитъ,
Чтобы счастливыхъ жизнь внезапно прерывать,
Несчастнымъ же велѣть томиться и страдать.
Томлюся, какъ цвѣтокъ среди пустынь отъ зною,
Неоживляемый холодною росою;
Засохшу голову склоняетъ онъ къ землѣ,
И зрятся желтыя былинки лишь однѣ.
Но отъ сего цвѣтка смерть взоры отвращаетъ
И розу юную съ улыбкой подсѣкаетъ;
А я, все жизнь влачу, скитаясь средь лѣсовъ,
И мнѣ сопутствуетъ одна печаль безъ словъ;
Тутъ я въ нѣмой тоскѣ вздыхаю наединѣ
И вздохи бѣднаго теряются въ пустынѣ;
Въ полночь, подъ дубомъ сѣвъ, унылый голосъ мой
Сливаю вдалекѣ съ шумящею волной,
И какъ волны сей шумъ помалу умираетъ,
Такъ и отъ слезъ моихъ гласъ арфы затихаетъ.

Стремлюся я тогда въ дубравну густоту,
Чтобъ мракъ ея занялъ сердечну пустоту,
Туда, гдѣ мутный токъ изъ урны черной льется,
И между утлыхъ пней въ безмолвіи влечется,
Гдѣ нарушается безмолвье—скрипомъ древъ,
Иль эхомъ, вторящимъ звѣрей пустынныхъ ревъ,
Иль гласомъ изрѣдка зловѣщихъ завываній,
Гдѣ ты—возродшаясь изъ слезъ и воздыханій,
Грызущая печаль скитаешься одна,
Неутѣшимая, безмолвна и блѣдна;
Сюда стремлюся я бесѣдовать съ тобою
И утѣшать себя хотя одной мечтою;
Но самая мечта, воображенья дщерь,
Надежды сладкой въ храмъ мнѣ заграждаетъ дверь,
И сердцу страстному лишь то напоминаетъ,
Что каждый бой его такъ сильно повторяетъ,
Что Софіи нигдѣ я не могу забыть,
Что не могу вовѣкъ любви къ ней побѣдить.—
Въ ужасной дебри сей—въ часъ тихой полуночи,
Когда мечтаю я, мои печальны очи
Зрятъ часто, какъ луна, раздравъ ночной покровъ,
Блистаетъ при краяхъ туманныхъ облаковъ,
И блѣдный, дружескій свой взоръ ко мнѣ кидаетъ,
Изсохшіе листы дубъ на меня стрясаетъ,
Я погружаюся какъ будто въ мертвый сонъ,
Въ оцѣпенѣніи... Но птицъ полночныхъ стонъ
И эти сладкія минуты похищаетъ,
И что я живъ еще, увы! напоминаетъ.
Я живъ, о Софія! еще я слишкомъ живъ,
Но не къ тому, мой другъ, чтобы, тебя забывъ,
Могъ успокоиться хотя одну минуту,
Забыть мою судьбу, съ тобой разлуку люту,
Нѣтъ,—кровь, въ которой огнь любви къ тебѣ течетъ,
И сердце, что въ груди моей печально бьетъ,
Біеньемъ каждымъ мнѣ напомнитъ разлученье;—
Я живъ, я слишкомъ живъ, чтобъ чувствовать мученье,
Любить такъ пламенно и ввѣкъ не ожидать
Тебя къ груди моей пылающей прижать!
Ужасно!—Но во мнѣ покуда сердце бьется,
Внемли, о Софія! любовникъ твой клянется:
Тобою чувствовать, тобой одной дышать,
Иного божества кромѣ тебя—не знать,

Покуда излетитъ душа его уныла,
И охладѣетъ онъ, какъ черная могила.
Когда-жъ въ ничтожествѣ мой духъ не можетъ быть,
Когда опять я тамъ—за гробомъ—буду жить,
Когда и самый гробъ не есть всему преграда,—
Тамъ будешь ты мой рай и вся моя награда.
Прости, о Софія, гласъ стона моего,
Когда достигнетъ онъ до слуха твоего.
Ахъ! если грудь твоя испуститъ вздохъ сердечный,
Съ какимъ спокойствіемъ я погружусь въ сонъ вѣчный!
Когда же ты прольешь слезу при сихъ словахъ,
Хоть буду мертвымъ я—почувствуетъ мой прахъ.

А. С. ПУШКИНУ.

(по прочтеніи сказки его о царѣ Салтанѣ и проч.)

Пушкинъ, Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній!
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей:
Пой, какъ поешь ты, родной соловей!
Байрона геній, иль Гете, Шекспира,
Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ:
Ты же постигнувшій таинство русскаго духа и міра,
Пой намъ по-своему, Русскій Баянъ!
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Вѣдь, на Руси ты пѣвецъ *несравненный*.

КЪ П — О Й.

Когда-бъ всѣ тетушки на васъ похожи были,
Никто-бъ не захотѣлъ племянникомъ ихъ быть:
Намъ, какъ племянникамъ, ихъ должно бы любить;
А мы-бъ ихъ болѣе, чѣмъ тетушекъ, любили.

КЪ КУМѢ.

(одесса.)

Не видѣвъ васъ,
Я кумомъ вашимъ быть охотно согласился;

Увидѣвъ васъ,
Задумался, раскаялся, сердился,
Зачѣмъ, не въ добрый часъ,
Рокъ обязалъ меня звать лишь кумою васъ,
И оставаться ввѣкъ (несносна эта дума!)
При скромныхъ лишь правахъ почтительнаго кума.

БѢДА.

Бѣда! какъ ни сойдусь я съ милою кумой,
То съ болью головы жестокой
Всегда приду домой.
Бѣда! отъ головы до сердца недалеко.

НА СМЕРТЬ

ГРАФА АЛЕКСАНДРА С. СТРОГАНОВА.

Нѣтъ, рано, Строгановъ, разстался ты съ землей!
И если-бъ вѣкъ еще тебѣ жить Небо дало,—
Для Музъ, для добрыхъ дѣлъ, для счастія людей
Все прожилъ бы ты мало!

НА СМЕРТЬ

ГРАФА АЛЕКСАНДРА ПАВЛ. СТРОГАНОВА, УБИТАГО ВЪ СРАЖЕНІИ ПОДЪ КРАОНОМЪ ВО ФРАНЦІИ, ГДѢ ОТЕЦЪ ЕГО КОМАНДОВАЛЪ.

Едва для жизни онъ распцвѣлъ,
Надеждой свѣтлою домъ предковъ озаряя,
И юношу отецъ, отчизнѣ обрекая,
Въ знакомый славы путь, въ *святую* брань [1]) повелъ.
Но, славѣ неземной отъ Неба обреченный,
Онъ рокъ свой совершилъ: онъ полетѣлъ на бой,
И палъ, въ глазахъ отца сраженный.
Такъ идутъ къ небесамъ, о юноша-герой!

---

[1]) 1812 года.

НАДПИСЬ

НА ГРОБѢ ПОЛКОВНИКА П. Ю. БЫКОВСКАГО, СООРУЖЕННОМЪ ЕГО СУПРУГОЮ.

Изъ грозныхъ браней бурь, съ погибели полей
Онъ вынесъ жизнь и честь, слуга отчизнѣ вѣрный;
И мирнаго, въ объятіяхъ друзей,
Сразила смерть его рукой немилосердной! —
Съ нимъ все и погребла.., Но ты, о вѣра, будь
Оставшагося мнѣ хранитель упованья,
Что гробъ намъ краткій путь
Для неразлучнаго свиданья.

ЭПИГРАММА.

(помѣщикъ балабанъ.)

Благочестивый мужъ, Христу изъ угожденья,
Для нищихъ на селѣ построилъ домъ призрѣнья, —
И нищихъ для него надѣлалъ изъ крестьянъ.

КЪ КАЯЩЕЙСЯ ГРѢШНИЦѢ.

Когда-бъ всѣ грѣшницы подобны были вамъ
И такъ-же каялися мило, —
Отъ нихъ для петербургскихъ дамъ
Въ раю-бъ тѣсненько было.
Я знаю, при дворѣ и вы не негрѣшны;
Я слышалъ, фрейлины васъ часто осуждаютъ,
Что слишкомъ милы вы, любезны и умны;
Но фрейлины однѣ (причину, впрочемъ, знаютъ)
Любезныхъ сихъ грѣховъ другъ дружкѣ не прощаютъ.
Не слушайтеся ихъ, скажу тихонько вамъ.
Грѣшите каждый день, не каясь іерею,
Веселостью ума, любезностью своею, —
И будьте, по своимъ плѣнительнымъ грѣхамъ,
Вы первой грѣшницей межъ петербургскихъ дамъ!

ПЕТЕРГОФЪ,

или 22 день іюля 1803 года.

Гдѣ я?—Не въ области-ль чудесъ, очарованій?
Не храмъ ли се боговъ—не это ли Эдемъ,
Откуда льется вслухъ гармонія небесна?
Куда народы тѣ съ веселіемъ текутъ?—
Не пиръ ли общій здѣсь даютъ Олимпа боги?

Чудесный зрю чертогъ на пламенныхъ столпахъ,
Горящій, блещущій... Я зрю—недоумѣю;
Составленъ, кажется, изъ камней онъ драгихъ.
Рубины о топазъ, а изумрудъ о яхонтъ
Лучи переломляя—вокругъ его горятъ
И яркою игрой мракъ ночи разсѣкаютъ.
Я съ сонмами людей къ чертогу подхожу,
Съ священнымъ трепетомъ во внутрь его вступаю,
И взоръ затмился мой:—во храмѣ я боговъ!
Висящи тучи звѣздъ смѣялись тутъ надъ солнцемъ,
Кристаллы цвѣтные двоили блескъ сихъ звѣздъ;
Межъ мраморныхъ столповъ—изъ золотыхъ курильницъ
Клубами синими тутъ вился ароматъ
И легкимъ облакомъ по храму разстилался;
Пурпуръ и золото сіяли по странамъ,
Картины, статуи тутъ въ зеркалахъ смѣялись.
Съ благоговѣніемъ вельможи и народъ
Пришествія боговъ во храмъ сей ожидали. —
„Царица!“ голосъ рекъ—и молніи стрѣла
Не съ тою быстротой по тучѣ пролетаетъ,
Съ какою слово то по храму пронеслось,
Съ какою по челамъ всѣхъ радость разлилася;
Шептанье радостно прервалося—и вдругъ
Звучитъ музыки громъ—ярчѣй огни пылаютъ,
Дверь растворяется—и кто сія Жена?
Какъ пальма высится—она такъ возвышенна,
Какъ полная луна—такъ важенъ взоръ ея,
Какъ майская заря—такъ тихъ онъ и прекрасенъ:
Какъ на престолѣ, зрю премудрость на челѣ,
А милость и любовь въ устахъ ея смѣются;
Великая душа рисуется въ чертахъ.
Взглянула и—какъ лучъ свѣтила благотворна
Въ мигъ проливаетъ свѣтъ на горы, въ бездны всѣ,

Такъ взглядъ ея пролилъ въ сердца народа радость;
Осклабилась она—сердца въ восторгѣ всѣхъ,
Восторгъ пріятнѣйшій въ крови моей лѣтся!
Въ семъ ликѣ божества—Марію вижу я.
Такъ—ангела ея симъ днемъ, для всѣхъ священнымъ,
Восторгъ и торжество повсюду разлились,
Сей домъ, сія страна въ Эдемъ преобразились,
Полъ-сѣвера стеклось ее благословлять.
Воззри, царица, ты воззри, Марія кротка,
На сонмы сихъ людей, что вкругъ тебя стоятъ;
На Бога какъ они, такъ на тебя взираютъ;
Читай на лицахъ ихъ сердечную любовь,
Вонми пріятному шептанію ихъ устъ,
Сей музыкѣ сердецъ, трепещущихъ въ весельѣ;
Они хотятъ излить его передъ тобой;
Но полныя сердца безструнныя суть лиры.

Восторгъ во мнѣ кипитъ—я жажду пѣть—кого?—
Народы стекшіесь, свой слухъ вы преклоните,
Утихни, водный шумъ, внимайте, вѣтры, мнѣ—
Земное божество на лирѣ пѣть дерзаю!
Воздвигну памятникъ Маріинымъ дѣламъ,
Да роды будущи въ восторгѣ имъ дивятся,
И да поклонятся ей такъ, какъ божеству!

Но юный ли пѣвецъ на тихострунной лирѣ
Дерзнетъ воспѣть ее—дѣла ея хвалить?
Гдѣ сыщетъ онъ слова, гдѣ сыщетъ кисть чудесну,
Которою-бъ хоть тѣнь сихъ дѣлъ изобразилъ?
Нигдѣ! Дѣла ея слова всѣ превосходятъ!—
Лишь стоитъ заглянуть въ ту длинну зданій цѣпь,
Туда, гдѣ съ кроткою улыбкою Марія
Природѣ брошенной внимаетъ, жизнь даетъ,
Гдѣ матери рукой стираетъ горьки слезы
У человѣчества, страдающаго здѣсь.—
О, поле славное для дѣлъ великихъ, славныхъ!
И тутъ—на полѣ семъ—тотъ памятникъ растетъ,
Дѣлами что она сама себѣ воздвигла:
Коса Сатурнова объ оной зазвенитъ,
Подобно звѣздамъ онъ, сквозь мракъ ночной блестящимъ,
Подобно мѣсяцу—нѣтъ! солнцу ярко-лучну,
Сквозь всѣ ряды вѣковъ и въ вѣчность свѣтъ прольетъ!

А тамъ—готовъ вѣнецъ ея достойный—звѣздный,
Мнѣ Полигимнія указуетъ его.

Итакъ, безуменъ тотъ, кто-бъ дневному свѣтилу
Сіянія болѣе еще придать желалъ;
Я также бы ему подобенъ былъ, когда бы
Сіянья желалъ придать твоимъ дѣламъ
Своею тихою незнаемою лирой;
Благоговѣя лишь въ молчаньѣ предъ тобой,
Иду зрѣть радости, тобою пролитыя
И съ всѣми россами благословлять тебя!

Не бриллiантныя-ль повсюду зрю я горы?
Не радуги-ль сюда спустилися сіять?
Иль звѣзды всѣ съ небесъ похитило искусство,
Чтобъ длинны, огненны тѣ цѣпи протянуть,
Чтобы составить тѣ горящія гирлянды?
Тѣ разноцвѣтные пылающи огни
Не новымъ ли какимъ возжены Прометеемъ?
Космами яркими вiется пламя ихъ,
Луна, луна отъ ихъ сіянія тускнѣетъ
И устыдившися за облако бѣжитъ.
Но—о Монархиня! Когда-бъ огней тѣхъ пламя
Сравнилось съ пламенемъ твоихъ всѣхъ алтарей,
Сравнилось съ пламенемъ сердецъ къ тебѣ народныхъ,
То солнце самое померкло-бъ передъ нимъ! —
Отъ блещущихъ картинъ, отъ сихъ огней чудесныхъ
Переношуся я въ страну другихъ чудесъ,
Гдѣ тьма—но каждое изъ нихъ прекрасно, ново,
Гдѣ все плѣняетъ взоръ и сердцу говоритъ,
Тамъ дышащая мѣдь, а тутъ водныя рѣки
Летятъ вверхъ—высятся—на воздухѣ стоятъ,
Вверху, внизу кипятъ, вокругъ нихъ пѣна скачетъ
И влажна пыль летитъ,—отъ пыли кустъ дрожитъ,
Въ пылинкѣ каждой сей лучи огней играютъ. —
Поэты славные, гдѣ вы?—Смотри сюда,
Смотри—какъ этотъ левъ, напрягши львины силы,
Раздранной пастію Самсоновой рукой,
Кидаетъ выше древъ серебряную рѣку;
Шумитъ, кипитъ она—дождь огненный лiетъ.
Взгляни, какъ изъ ноздрей сихъ дышущихъ дельфиновъ
Дугами сыплются алмазъ, топазъ, рубинъ,

И исчезаютъ какъ во мрачныхъ сихъ каналахъ;
Тутъ воды, какъ столпы, такъ какъ снопы растутъ,
И съ шумомъ сѣютъ внизъ дождь мелкій, искрометный:
Не такъ ли сѣются Маріиной рукой
Щедроты, милости на сирыхъ и несчастныхъ?
А тутъ, смотри—вода, смѣшавшися съ огнемъ,
Рѣкою огненной и скачетъ и вiется,
Иль флеръ серебряный по мрамору струитъ,
Иль стелется холстомъ—о чудеса искусства!
Поэты славные и живописцы всѣ,
Придите вы сюда—падутъ изъ рукъ и кисти [1]).

Мой утомленный духъ, разсѣянный мой взоръ
Стремится въ густоту деревъ тѣхъ грозныхъ, мрачныхъ,
Сосредоточить тамъ желаетъ онъ себя.
Иду—земля предъ мной волнуется, какъ море,
Долиной стелется, то высится холмомъ,
И дикая стезя въ сей мрачный лѣсъ приводитъ.
Глубока тишина, густая ночи тѣнь,—
Вотъ что вдругъ видитъ глазъ, вотъ что тутъ слышитъ ухо!
Тутъ дубы древніе вкругъ стелютъ черный мракъ,
А сосны, лунный лучъ сквозь вѣтви пропуская,
Рисуютъ живо мнѣ сраженье свѣта съ тьмой;
Пробившійся тотъ лучъ на сихъ кустахъ трепещетъ,
По мшистымъ тѣмъ скаламъ, по утлымъ пнямъ скользитъ—
И преломясь о нихъ—въ протокѣ семъ мелькаетъ,
Что между тѣхъ же пней, межъ мховъ висящихъ съ скалъ,
Едва скитается, шепча уныло съ мхами;
Съ симъ шепотомъ, глухихъ волторновъ стонетъ гулъ,
Или сливаются далеки трели флейты.
Всѣ чувства, вся душа моя потрясена,
Восхищена, и я—тутъ весь въ очарованьѣ.
Но кто бы, кто бы тутъ и не былъ потрясенъ?
Кого картины тѣ собой не очаруютъ?
Кто не заноетъ здѣсь отъ томныхъ сладкихъ чувствъ?
Тутъ надобно смягчать злодѣевъ и тирановъ.

---

[1]) По крайней мѣрѣ сочинитель бросаетъ слабое перо свое предъ другими рядами фонтановъ, бассейновъ и прочими произведеніями искусства—этой правой руки природы, и описывать ихъ предоставляетъ перу гораздо искуснѣйшему.

Montrez-moi mon vainqueur—et je cours l'embrasser.

Послѣ торжественныхъ, блестящихъ видовъ тѣхъ,
Любуюсь я рукой разборчивой природы:
Какую важность симъ дубамъ она дала,
Какъ гордо вѣтви ихъ нестройны вверхъ несутся!
Какая трепетность въ тополькихъ сихъ листахъ,
И тугость въ вѣтвяхъ тѣхъ иглистыхъ, статныхъ сосенъ,
Въ березахъ, липахъ сихъ, отъ корня до верщинъ,
Отъ вѣтви до листа—какая гибкость легка!
И какъ искусство тутъ съ величествомъ деревъ,
Съ природой дикою пріятность сочетало:
Межъ важныхъ тѣхъ деревъ разсѣяло кусты.
Мой потрясенный духъ съ той зеленью смѣется;
Тамъ, въ углубленіи сей рощи—сквозь листы
Блеститъ какъ бы рѣка луною посребренна;
Иду—но все она мелькаетъ лишь въ очахъ,
Опять теряется за скатомъ, за кустами—
Вдругъ изумленный взоръ зритъ море предъ собою.
О, кисть Пуссенева, вотъ видъ, тебя достойный!
Пространству синему лишь небо есть предѣлъ,
И море съ высоты похитило, такъ мнится—
Воздушны горы всѣ и звѣзды, и луну,
Украсить чтобъ себя, чтобъ ими осребриться.
Кто не восхитится, зря тамъ, за моремъ симъ,
Сквозь синево—кресты церквей и шпицы башенъ,
И вспомня, что было предъ симъ на мѣстѣ ихъ?
Рыбачьи хижины! О Петръ! и слезы льются...
Марія!—и тебѣ такая-жъ будетъ дань;
Вдовицы, сироты, блаженныя тобою,
Ихъ льютъ и будутъ лить, а дѣти ихъ теперь,
Какъ имя матери—твое лепечутъ имя,
Навыкнувъ чувствовать—они ихъ будутъ лить.
Изъ дикой рощи сей аллеею густою
Иду—и каждый шагъ мнѣ кажетъ новый видъ:
Тамъ, въ самой дальности аллеи сей зеленой,
Зрю дубы, сосны какъ вѣнчаютъ замокъ тотъ,
А замокъ гору ту прекрасно какъ вѣнчаетъ;
По скату воды тамъ какъ сѣточки блестятъ;
Вокругъ меня древа въ извилистыхъ аллеяхъ,
Въ подобьи кажутся тѣхъ древнихъ пирамидъ,
Шарами круглыми, то вазами стоятъ,
То важностью глаза, то простотой плѣняютъ;
Аллея кончилась—и изумленный взоръ

Долины, холмики и рощи въ мигъ встрѣчаетъ,
То гладкіе ковры, то цвѣтные топчу;
Тамъ въ купахъ дерева, а здѣсь стоятъ небрежно;
Искусство чудное, кто усомнится въ томъ,
Что правая рука природы—есть искусство?
Всѣ тѣ предметы, что съ намѣреньемъ оно
Разсѣяло вездѣ—случайно я встрѣчаю;
Высоки сосны тамъ несутся къ облакамъ,
А ивы, какъ бы сей ихъ важности страшася,
Вдали стоятъ—къ землѣ всѣ вѣтви опустивъ;
Но толстый дубъ одинъ—какъ рыцарь передъ войскомъ,
Стоитъ, предъ соснами величествомъ гордясь.
Оставь предметы тѣ, иди, спѣши за мною,
Смотри въ ту сторону—смѣется роща тамъ.
Къ природной простотѣ (а что ея милѣе?)
Искусство, кажется, тутъ не щадило рукъ,
Чтобъ взоръ, чтобъ ухо и всѣ чувства чаровать.
Нельзя прекраснѣе холмамъ симъ понижаться,
Нельзя прекраснѣе разсѣяться кустамъ;
И какъ кусты сіи холмы тѣ оттѣняютъ
Зеленой, палевой, пурпуровой чертой;
Смотри, какъ сей коверъ волнистый разостлался.
Между холмовъ, кустовъ по этому ковру
Струится синій ключъ—и чуть только струится,
Чтобъ далѣе цвѣтку журчать любовь свою.
А тамъ—въ тѣни деревъ, что, вѣтвями обнявшись,
Бесѣдки свѣтлыя иль своды темны вьютъ,
Иль раздѣлясь—вдали картины открываютъ,
Въ ихъ самой густотѣ—сквозь воды растетъ,
Шумитъ, и въ сладкое забвенье погружаетъ.

Въ прелестномъ мѣстѣ семъ, въ раю—въ раю земномъ,
Марія юная, *Маріи* дщерь прекрасна,
Супругу своему тутъ руку посвящала;
Любовь и вѣрность къ нимъ, какъ двѣ сестры, снизшли:
Любовь въ рукѣ своей четы сей ликъ держала,
Взирая на него—дивилася сама;
Тутъ вѣрность ликъ принявъ—его постановляетъ
На твердыхъ, золотыхъ, незыблемыхъ столпахъ!
Послѣ минуты сей я зрѣлъ, какъ въ семъ Эдемѣ,
Вслѣдъ за четою сей утѣхи потекли,
Какъ травы и цвѣты подъ ихъ стопы клонились,

Кустарники какъ тѣ сплетались вкругъ ихъ,
Какъ дерева сіи вѣнки вили надъ ними,
И этотъ водометъ, что тамъ въ тѣни шумитъ,
Забылъ тогда шумѣть, стоялъ—на нихъ взирая.

Аркадскіе лѣса, Равійскія мѣста,
Сады Италіи, Гельвеціи картины!
Я не завидую тому, кто видѣлъ васъ.
Взойду на этотъ холмъ—и глазъ мой ихъ увидитъ;
Тамъ множество аллей различныхъ въ красотѣ,
Въ излучинахъ своихъ; тутъ холмы и долины
Въ цвѣтныхъ коврахъ, кустахъ; тамъ голыя скалы;
Тамъ дремлетъ черный лѣсъ, скитаются протоки,
Смѣется роща тутъ, тутъ ключъ сребро струитъ,
Тамъ воды высятся, и скачутъ, и катятся,
Тутъ море синее во всемъ пространствѣ зрю,
То межъ деревъ его едва лишь примѣчаю!
Какая тьма богатствъ для кисти и пера!
Оттуда бубновъ громъ, отсюда стонъ волторновъ,
То трели слышу флейтъ сквозь водомета шумъ—
Какія чары тутъ для зрѣнія и слуха!

О, если бы я даръ поэзіи имѣлъ,
Тогда бы *Петергофъ* въ картинѣ я представилъ,
Марію бы тогда я выше звѣздъ вознесъ!
Но гласъ мой столько слабъ, сколь велика *Марія*,
И даръ мой такъ-же малъ, какъ Петергофъ прекрасенъ.
Прости, Монархиня, прости, что я дерзнулъ,
Въ жару усердія, свою дрожащу лиру
Къ стопамъ твоимъ повергнуть.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ТОМА.

	стр.
Арфа Давида	3
Красоты Оссіана	4
Сѣтованіе Ѳетиды	15
Рожденіе Гомера	17
Послѣдняя пѣснь Оссіана	32
Гомеровъ гимнъ Минервѣ	36
Гомеровъ гимнъ Діанѣ	—
Гимнъ Венерѣ	37
Танталъ и Сизифъ въ адѣ	38
Къ Морфею	—
Военный гимнъ грековъ	39
Сиракузянки, или праздникъ Адониса	41
Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ:	
Введеніе	51
Пѣсни клефтическія:	
I. Олимпъ	70
II. Сонъ Дима	71
III. и IV. Буковалъ и Иванъ Стаѳа	—
V. Послѣднее прощаніе Клефта	73
VI. Гробъ Клефта	—
VII. Умирающій Іотъ	74
VIII. Пліаска	75
IX. Андрико	—
X. Кальякудъ	76
XI. Гифтакъ	77
XII. Скиллодимъ	78
Танкредъ, трагедія	80
Къ П. А. Плетневу, отвѣтъ на его посланіе	144
Въ альбомъ Шимановской	147

стр.
Анетѣ О. Въ альбомъ 147
Графу *** 148
Амбра . . . . . —
Дума. 149
Надпись къ гробу Суворова. . . . . —
Надпись къ гробу Кантемира . . . . . —
На смерть*** . . . . . —
Къ *** . . . . . —
Къ А. А. О. 150
Молитва дѣтей. . . . . —
Элегія . . . . . —
А. С. Пушкину. 154
Къ П—ой . . . . . —
Къ кумѣ . . . . . —
Бѣда 155
На смерть графа Александра С. Строганова. . . . . —
На смерть графа Александра Павл. Строганова. . . . . —
Надпись на гробѣ полковника П. Ю. Быковскаго 156
Эпиграмма. Помѣщикъ Балабанъ. . . . . —
Къ кающейся грѣшницѣ . . . . . —
Петергофъ 157

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ТОМЪ ТРЕТІЙ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Н. Минскимъ (Н. М. Виленкинымъ).

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ИЗДАНІЕ
ПОСТАВЩИКОВЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1903

Дозволено цензурою. Спб, 15 ноября 1903 г.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, В. О., 16 л., д. № 5—7.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШИЙ ГОСУДАРЬ!

Въ одинъ изъ годовъ, Россіи вѣчно незабвенныхъ, когда Государь АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ славою оружія и добродѣтелей своихъ наполнялъ вселенную, имѣлъ я счастіе, предъ лицомъ АВГУСТѢЙШЕЙ Родительницы ВАШЕЙ, читать, между прочимъ, первый опытъ перевода моего изъ Иліады Гомеровой. Въ числѣ ВЫСОКИХЪ слушателей, имѣлъ я счастіе видѣть и ВАСЪ, ГОСУДАРЬ, еще царственнаго юношу, но котораго Провидѣніе уже предъизбирало—и оправдалися благія судьбы его—въ Преемники АЛЕКСАНДРА, для счастія и славы Россіи.

Такимъ лестнѣйшимъ вниманіемъ было осчастливлено и робкое начало, и продолженіе труда моего; къ нему, при первыхъ еще опытахъ, незабвенной памяти Сестра ВАША, ГОСУДАРЬ, ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА, великодушная Покровительница всего благого, удостоила поощрить меня способомъ, ЕЯ добродѣтельной душѣ свойственнымъ.— Вспоминаю о семъ не въ хвалу себѣ, но въ свидѣтельство того благоволенія къ просвѣщенію, какое отличаетъ ИМПЕРАТОРСКІЙ Домъ Россійскій: оно одушевило меня ревностію и постоянствомъ для труда долговременнаго, для преложенія на русскій языкъ пѣснопѣвца древняго, котораго

слава современна образованію человѣчества, котораго творенія поучительны Царямъ и народамъ.

Проповѣдникъ истинъ, оправданныхъ тысячелѣтіями, безкорыстный защитникъ святости власти царственной и благодѣтельнаго единоначалія, пѣвецъ доблестей, составляющихъ славу героевъ и честь народовъ, творецъ Иліады не напрасно извлекаетъ хвалы изъ устъ Солоновъ, слезы изъ очей Александровъ; не напрасно похищаетъ уваженіе и отъ мужей, Откровеніемъ озаренныхъ, Василіевъ Великихъ, Іоанновъ Златоустовъ: воспѣвая невинность и чистоту нравовъ, благоговѣніе къ божеству; любовь къ отечеству, почтеніе къ родителямъ, уваженіе къ старости, святость супружескихъ союзовъ, великодушную дружбу, охранительное мужество, мудрость въ дѣлѣ и словѣ—Гомеръ своими пѣснями съ простотою дѣтскою насадилъ для человѣчества благороднѣйшіе цвѣты добродѣтели, которые расцвѣли подъ лучами всеобщаго свѣта. Всѣ образованные народы, одинъ предъ другимъ, ревновали украсить отечественную словесность твореніями Гомера.

Употребивъ нѣсколько лѣтъ жизни на переводъ Иліады стихами, размѣромъ подобными Гомеровымъ, оконченный, съ благоговѣніемъ подношу его ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ. Счастливѣйшимъ почту себя, если на трудъ мой преклонитъ милостивое вниманіе рожденный трудовъ Покровитель: сколь ни слабую дань, какъ гражданинъ, приношу я обществу, но не безъ чувства гордости положу ее на алтарь отечества, украшенную Именемъ моего ГОСУДАРЯ.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Вѣрноподданный

НИКОЛАЙ ГНѢДИЧЪ.

Ноября 2 дня,
1826 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Позже, нежели бы могъ, и не въ томъ видѣ, какъ бы желалъ, издаю переводъ Иліады. Долговременная болѣзнь воспрепятствовала мнѣ ранѣе напечатать его и присовокупить *Введеніе* и *Примѣчанія;* они требовали много времени для такого рода объясненій творенія древняго, какой избранъ мною и отрывкомъ былъ напечатанъ въ „Сынѣ Отечества“ [1]).

Впрочемъ, изъясненіе древнихъ писателей не есть непремѣнная обязанность переводчиковъ, когда отъ нея отказывается даже Вольфъ, ученѣйшій, послѣдній издатель поэмъ Гомеровыхъ: онъ почитаетъ изъясненіе ихъ дѣломъ для него постороннимъ [2]), трудомъ, для котораго нужна цѣлая жизнь. Оно, въ самомъ дѣлѣ, когда изъяснять писателя не для дѣтей, составляетъ особую, обширную науку археолога. Ввесть въ кругъ понятій, нравовъ и вещей, познакомить съ страною и духомъ вѣка, въ которыхъ писатель жилъ—вотъ что способствуетъ къ лучшему уразумѣнію твореній древнихъ и чего требуетъ читатель.

Не удовлетворяя сей нужды его, я сожалѣю тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ еще никакихъ руководствъ къ понятіямъ справедливымъ о древности и, слѣдственно, къ чтенію съ удовольствіемъ и пользою писателей древнихъ. Фоссъ могъ издать свой переводъ Гомера безъ всякихъ примѣчаній: онъ не опасался никакихъ недоразумѣній со стороны читателя. Германецъ, желающій изучать поэмы Гомера въ славномъ переводѣ Фосса, можетъ окружить себя цѣлою библіотекою ученѣйшихъ твореній, разливающихъ яркій свѣтъ на словесность и міръ древнихъ. Шлоссеръ, глубокомысленный нѣмецкій писатель, въ

---

1) 1826 года, № 20.

2) Wolf. Homer. Oper. Lips. 1804. Praefat. Prior. Edit. pag. IX.

сочиненіи своемъ: *Всеобщая Исторія Древности* [1]), быстро излагая характеръ и духъ вѣковъ героическихъ Греціи, для изображенія коихъ заимствуетъ важнѣйшія черты изъ поэмъ Гомеровыхъ, между прочимъ, говоритъ: „Нахожу безполезнымъ долѣе останавливаться на семъ предметѣ: изученіе Гомера такъ же тѣсно соединено съ воспитаніемъ юношества германскаго, какъ могло быть у грековъ". Когда бы и мнѣ можно было то же сказать о воспитаніи русскаго юношества, я также почелъ бы ненужнымъ говорить о Гомерѣ при переводѣ поэмы его.

Но древняя тьма лежитъ на рощахъ Русскаго Ликея. Наши учители до сихъ поръ головы героевъ Гомеровыхъ ненаказанно украшаютъ перьями, а руки вооружаютъ сталью и булатомъ. И мы, ученики, оставляемые учителями въ понятіяхъ о древности, совершенно превратныхъ, удивляемся, что Гомеръ своихъ героевъ сравниваетъ съ мухами, богинь съ псицами; сожалѣемъ о переводчикахъ его, которые такими дикостями оскорбляютъ вкусъ нашъ. „*Надобно подмынникъ приноравливать къ странѣ и вѣку, въ которомъ пишутъ:* adopter (l'original) au pays et au siècle, où l'on écrit" [2]).

Такъ нѣкогда думали во Франціи, въ Англіи [3]); такъ еще многіе не перестали думать въ Россіи; у насъ еще господствуютъ тѣ постороннія литературныя сужденія, которыя достались намъ въ наслѣдство отъ покойныхъ аббатовъ. Предисловіе къ поэмѣ Гомера, хотя краткое, у насъ не лишнее. Читатель Иліады, если она его найдетъ, по крайней мѣрѣ не будетъ искать въ древнемъ поэтѣ, чего не должно, и требовать отъ переводчика, чего не слѣдуетъ.

Поэмы Гомера, по признанію лучшихъ критиковъ, древни, какъ псалмы Давида; они сочинены около 150 лѣтъ послѣ разоренія Трои. Предполагаютъ, что Иліада первоначально не составляла одной поэмы и что нынѣшняя форма ей дана послѣ. Здѣсь не мѣсто входить въ изслѣдованія подробнѣйшія. Сто лѣтъ послѣ Гомера, Ликургъ, законодатель спартанскій, принесъ изъ Іоніи въ Грецію отдѣльныя пѣсни Иліады и Одиссеи; 250 лѣтъ спустя, Пизистратъ, правитель аѳинскій, собралъ ихъ, и его сынъ, Гиппархъ, повелѣлъ, чтобы ихъ пѣли во время Панаѳинеевъ, празднествъ въ честь Аѳины,

---

[1]) Histoire universelle de l'Antiquité, par Schlosser. Paris. 1818.

[2]) Woode, Sur le Génie d'Homère. Примѣчанія французскаго переводчика, стр. 73. Также примѣчанія къ переводамъ Гомера г-жи Дасье и Битобе.

[3]) «Повторенія рѣчей, употребляемыя Гомеромъ, могли нравиться слухv древнихъ, но они оскорбятъ нашъ; должно ихъ оставлять, когда изъ этого происходитъ красота». Такъ разсуждаетъ Попе въ своемъ предисловіи къ Гомеру. Oeuvres complets D'Alex. Pope. Tom. V, p. 367.

покровительницы города. Аристотель сдѣлалъ изъ нихъ для Александра Великаго списокъ, старательно имъ выправленный. Послѣ, не упоминая о рапсодахъ, философахъ, софистахъ, грамматикахъ, схоліастахъ, толковавшихъ и поправлявшихъ Гомера, Аристархъ Самосскій и Аристофанъ, библіотекарь александрійскій, болѣе всѣхъ другихъ занимались исправленіемъ текста, щедро награждаемые за труды свои золотомъ Птоломея, царя египетскаго, который одною любовію къ наукамъ обезсмертилъ имя свое. Ихъ списокъ есть образецъ печатныхъ изданій поэмъ Гомеровыхъ.

Ошибается, кто сіи поэмы принимаетъ въ понятіи этого слова народномъ или школьномъ. Понятіе и сужденіе о предметѣ всегда несправедливо, когда смотрятъ на него съ одной и, сверхъ того, не съ надлежащей точки зрѣнія. Подобныя понятія, неясныя, часто ложныя, не удовлетворяютъ ни уму, ни сердцу. По мѣрѣ вѣрности и многообъемности воззрѣній, удовольствіе возрастаетъ, и мы съ новымъ, живѣйшимъ чувствомъ наслаждаемся книгою, картиною, статуей, на которыя прежде смотрѣли равнодушно, не зная, съ какой стороны должно было смотрѣть.

Гомеръ никогда не могъ быть книгою общею, а тѣмъ болѣе въ наше время, въ вѣкъ переворотовъ всѣхъ мнѣній человѣческихъ, переворотовъ, бывшихъ, впрочемъ, и прежде, вновь быть имѣющихъ и всегда оканчивавшихся тѣмъ, что разумъ человѣка обращался вновь къ однимъ и тѣмъ же вѣчнымъ началамъ истиннаго и прекраснаго. Поэмы Гомера не суть произведенія чисто поэтическія; въ нихъ напрасно будутъ искать одного наслажденія, какое привыкли находить въ поэзіи современной, живой для насъ всѣми своими сторонами. Иліада, въ отношеніи къ намъ, есть, такъ сказать, первая исторія народа мертваго; но какая исторія! Были герои до Ахиллеса, не одно приключеніе романическое и не въ одномъ царствѣ волновало, подымало, вооружало народы,—Иліада одна, сотворила великое воспоминаніе. Какъ греки достигли общежитія, въ Иліадѣ изображеннаго? Мы не знаемъ—исторія молчитъ; но творенія пѣснопѣвца, подобно яркому воздушному огню среди глубокой ночи, озаряютъ мрачную древность. Иліада заключаетъ въ себѣ цѣлый міръ, не мечтательный, воображеніемъ украшенный, но списанный такимъ, каковъ онъ былъ, міръ древній, съ его богами, религіею, философіею, исторіею, географіею, нравами, обычаями, словомъ—всѣмъ, чѣмъ была древняя Греція. Твореніе Гомера есть превосходнѣйшая энциклопедія древности.

Съ такой точки зрѣнія должно смотрѣть на поэмы Гомера. Онѣ, подобно книгамъ Бытія, суть печать и зерцало вѣка. И кто любитъ восходить къ юности человѣчества, чтобы созерцать нагую

прелесть природы или питаться уроками временъ минувшихъ, предъ тѣмъ цѣлый міръ, земной и небесный, разовьется въ Иліадѣ картиною чудесною, кипящею жизнію и движеніемъ, прекраснѣйшею и величайшею, какую только создавалъ геній человѣка. Не славу одного какого-либо племени, но цѣлаго великаго народа; не одни блестящія свойства какого-либо героя, но всѣ характеры, всѣ страсти человѣчества юнаго, всѣ страны жизни героической обнялъ и изобразилъ великій живописецъ древности. Чтобы читать картину его, чтобы наслаждаться и исполинскими образами, рукою генія набросанными, и мелкими подробностями, художнически оконченными, нужны предуготовительныя познанія. Но большая часть людей не считаетъ ихъ нужными, когда произноситъ сужденія. Мы, съ образомъ мыслей, намъ свойственнымъ, судимъ народъ, имѣвшій другой образъ мыслей, подчиняемъ его обязанностямъ и условіямъ, какія общество налагаетъ на насъ. Забывая даже различіе религіи, а съ нею и нравственности, мы заключаемъ, что справедливое, несправедливое, нѣжное и суровое, пристойное и непристойное наше, сегодняшнее, было такимъ и за три тысячи лѣтъ. И вотъ почему судимъ ложно о герояхъ Гомеровыхъ. Воображеніе безъ понятій не говоритъ, или темно говоритъ сердцу. Надобно переселиться въ вѣкъ Гомера, сдѣлаться его современникомъ, жить съ героями и царями-пастырями, чтобы хорошо понимать ихъ. Тогда Ахиллесъ, который на лирѣ воспѣваетъ героевъ и самъ жаритъ барановъ, который свирѣпствуетъ надъ мертвымъ Гекторомъ и отцу его, Пріаму, такъ великодушно предлагаетъ и вечерю, и ночлегъ у себя въ кущѣ, не покажется намъ лицомъ фантастическимъ, воображеніемъ преувеличеннымъ, но дѣйствительнымъ сыномъ, совершеннымъ представителемъ великихъ вѣковъ героическихъ, когда воля и сила человѣчества развивалась со всею свободою, когда добродѣтели и пороки были еще исполинскіе, когда силою, мужествомъ, дѣятельностію и вдохновеніемъ человѣкъ возвышался до боговъ. Тогда міръ, за три тысячи лѣтъ существовавшій, не будетъ для насъ мертвымъ и чуждымъ во всѣхъ отношеніяхъ: ибо сердце человѣческое не умираетъ и не измѣняется, ибо сердце не принадлежитъ ни націи, ни странѣ, но всѣмъ общее, оно и прежде билося тѣми же чувствами, кипѣло тѣми же страстями и говорило тѣмъ же языкомъ. Мы поймемъ языкъ сей, вѣчно живой, и въ гнѣвѣ Ахиллеса, и въ гордости Агамемнона, и въ горести Пріама, несмотря на образъ выраженія, столь далекій отъ нашего.

Такъ, языкъ страстей человѣчества юнаго, кипящаго всею полнотою силы и духа, еще не стѣсняемый условіями образованности, излившійся со всею свободою и со всею простотою душъ царей-

пастырей, не могъ быть образомъ выраженія подобенъ нашему: онъ не облекался въ блестящія и разнообразныя формы, которыя мы изыскиваемъ, или, лучше сказать, онъ не имѣлъ другихъ формъ, кромѣ вдохновенію принадлежащихъ — *простоты* и *силы*. Изъ сихъ началъ истекаютъ величайшія красоты поэзіи Гомерической, красоты, не включая мѣстныхъ, всемірныя и вѣчныя, какъ природа и сердце человѣка. Гомеръ и природа одно и то-же. „Двадцать столѣтій протекло по лицу земли, говоритъ почтенный Муравьевъ (М. Н.), а я нахожу, что самыя сокровеннѣйшія чувствованія сердца моего столь же живы въ твореніяхъ Гомера, какъ будто происходятъ во мнѣ самомъ".

Сія простота сказанія, жизни, нравовъ, изображаемыхъ въ Иліадѣ, и многія особенныя свойства поэзіи, въ ней раскрытой, сильно напоминаютъ глубокую древность Востока, и поэмы Гомера сближаютъ, въ литературномъ отношеніи, съ писаніями Библіи. Таже торжественная важность и величественная простота въ рѣчахъ; то же участіе божества въ связяхъ семействъ, непосредственное явленіе его, торжественность и значительность его словъ. Сіи многоразличныя сравненія и подобія къ Иліадѣ, какъ образы, какъ примѣры для объясненія и вразумленія, суть явныя свойства языка жителя восточнаго, который, обыкновенно, разсѣянное въ обширномъ кругу природы и опыта собираетъ, чтобы быстро означить предметы. Патріархальность, свойственная всему западному Востоку, очевидна какъ въ жизни, такъ и въ образѣ управленія многихъ племенъ, въ Иліадѣ изображаемыхъ, но болѣе всѣхъ у троянъ; цари ихъ сами еще пасутъ стада: Пріамъ въ семействѣ своемъ болѣе, нежели глава семейства: отецъ многочисленныхъ сыновъ, онъ и царскую славу свою основываетъ собственно на обширномъ родствѣ; возвышаемый глубокимъ уваженіемъ, которое дѣти къ нему оказываютъ, онъ ихъ и отецъ, и деспотъ; они его страшатся; воля его для нихъ непремѣнна. Самъ Зевсъ, обыкновенно сидящій на Идѣ, являющійся среди грома и молніи, благодѣтельствующій вообще роду человѣческому въ древнемъ поколѣніи Дардана, но частно споспѣшествующій одному прадѣду противъ другого, племени Анхизову противъ преемниковъ Пріамовыхъ, есть такой же богъ семейства, какъ Іегова въ исторіи праотцевъ.

Такимъ образомъ, языкъ и вообще образъ повѣствованія творца Иліады, истекающій изъ тѣхъ же началъ простоты, болѣе всего отличенъ: онъ совершенно противоположенъ всѣмъ его послѣдователямъ, начиная отъ Виргилія. Въ немъ не найдутъ обычныхъ красотъ стихотворцевъ ученыхъ, выраженій искусственныхъ, фразъ сочиняемыхъ, въ которыхъ видна работа и которымъ въ наше время

предпочтительно удивляются. Изъ устъ сына природы, гєнія, одушевляемаго полнотою духа и силы, не исходитъ ничего мелкаго, ничего изысканнаго. Выраженіе духа его вольно, какъ игра фантазіи, и льется свободно, подобно рѣкѣ величественной. Къ стихамъ его, кажется, не касались поправки; всѣ они излилися, кажется, по первому внушенію. Музы диктовали, а Гомеръ писалъ, говорили древніе.

Въ образѣ повѣствованія геній Гомеровъ подобенъ счастливому небу Греціи, вѣчно ясному и спокойному. Обымая небо и землю, онъ въ высочайшемъ парєніи сохраняетъ важное спокойствіе, подобно орлу, который, плавая въ высотахъ поднебесныхъ, часто кажется неподвижнымъ на воздухѣ. Богатства его поэзіи неисчислимы; она заключаетъ въ себѣ всѣ роды. Геній Гомеровъ подобенъ океану, который пріемлетъ въ себя всѣ рѣки. Сколько задумчивыхъ элегій, веселыхъ идиллій смѣшано съ грозными, трагическими картинами эпопеи. Картины сіи чудны своею жизнію; Гомеръ не описываетъ предмета, но какъ бы ставитъ передъ глаза: вы его видите. Это волшебство производятъ простота и сила разсказа. Не менѣе удивительна противоположность сихъ картинъ: ничего нѣтъ проще, естественнѣе и трогательнѣе однѣхъ, въ которыхъ дышитъ нагая красота природы; ничего нѣтъ величественнѣе, поразительнѣе другихъ, въ которыхъ всѣ образцы ознаменованы возвышенностію и величіемъ необычайнымъ, титаническимъ, какъ образы сыновъ міра первобытнаго, воспоминанія о которомъ носилися въ вѣкахъ героическихъ и питали поэзію.

Говоря вообще, геній Гомера мужественъ, иногда даже суровъ; его картины подобны ваяніямъ древности, которыхъ формы, сильныя и строгія, какъ въ ваяніяхъ Парѳенона, удивляютъ изнѣженность нашего вкуса. Причины сей мужественности гєнія древнаго заключаются сколько въ простотѣ нравовъ, столько въ религіи и отношеніяхъ женскаго пола къ тогдашнему обществу, совершенно противоположныхъ нашему. Отъ сей послѣдней причины словесность древнихъ и особенно грековъ была, по выраженію Ф. Шлегеля, словесностію, такъ сказать, мужескою и, въ нѣкоторыхъ частяхъ, осталась навсегда суровѣе и грубѣе, нежели ихъ умственное образованіе.

Не ставя алтарей Гомеру, какъ Скалигеръ Виргилію,—поклоненіе, несообразное съ успѣхами разума,—скажемъ вообще: Гомеръ, въ отношеніи къ намъ, не есть образецъ, до котораго духъ человѣческій въ поэзіи возвыситься можетъ; но онъ опредѣляетъ ту черту, отъ который геній древняго человѣка устремилъ смѣлый полетъ, кругъ, который обнялъ, и предѣлъ, до котораго достигнулъ.

Въ такомъ отношеніи поэтическія творенія Гомера, безъ сомнѣнія, суть произведенія совершеннѣйшія. Поэтъ, ораторъ, историкъ, воинъ и гражданинъ—могутъ черпать въ нихъ полезные уроки; они исполнены глубокаго смысла. Начиная отъ Александра Великаго, который хранилъ Иліаду въ золотомъ ковчегѣ и клалъ себѣ подъ голову, Гомеръ есть любимый писатель всѣхъ великихъ людей и, какъ говоритъ знаменитый историкъ Мюллеръ, лучшій учитель первѣйшей науки—мудрости.

По симъ легкимъ очертаніямъ [1]) можно видѣть, что, за исключеніемъ свойствъ механическихъ, какъ гармоніи и проч., отличительныя свойства поэзіи, языка и повѣствованія Гомерова суть простота, сила и важное спокойствіе. Да не помыслятъ, однако, что важность сія состоитъ въ однообразной высокости слога, которую иначе не можно передать намъ, какъ языкомъ славянскимъ. При безчисленномъ разнообразіи характеровъ и предметовъ, заключаемыхъ Иліадою, въ сихъ переходахъ отъ Олимпа къ кухнямъ,

---

[1]) Для дополненія понятій о Гомерѣ едва ли найдетъ читатель, даже на языкахъ иностранныхъ, что-либо лучшее и столь вѣрное, какъ мысли о немъ Муравьева (М. Н.), писателя, который такъ хорошо былъ знакомъ съ древними и въ твореніяхъ своихъ оставилъ прекрасную душу и богатые плоды познаній. Не излишнимъ считаю присовокупить ихъ:

«Кажется, что юная природа истощила всѣ свои силы и хитрости на образованіе разумовъ и дарованій. Какихъ она имѣла любимцевъ и наперсниковъ въ первыхъ зрителяхъ ея прелести! Нѣтъ, скажу я (подобно Гомерову Нестору), нынѣшній вѣкъ не увидитъ мужей, равняющихся съ богоподобнымъ пѣвцомъ Ахиллесовымъ... Природа сіяла тогда собственными красотами и не обременялась украшеніями, которыя думаютъ нынѣ придать ей люди. Люди воспитаны были въ лонѣ ея и не гнушались тѣмъ, что представляла имъ съ младенчества любящая ихъ воспитательница. Вкусъ ихъ не былъ изнѣженъ. Красоты природныя преимуществовали надъ красотами условными. Роскошь не налагала насильственныхъ и странныхъ своихъ законовъ. Благопристойностію была только единая драгоцѣнная стыдливость, вдохновенная природою, тѣмъ болѣе наблюдаемая и ненарушаемая, что предписанія ея не отягощались. хитрыми толкованіями ложнаго стыда. Всѣ таинства природы выражены у древнихъ съ симъ восхитительнымъ чистосердечіемъ, которое не мыслитъ худого. Не есть то безстыдство, но нѣкая прелесть цѣломудрія, не имѣющаго причины таиться. Любовь имѣла только одну простоту и беззлобіе покрываломъ. Сіе покрывало есть такое одѣяніе, которое наиболѣе ее ограждаетъ отъ очей непросвѣщенныхъ. Измѣнило бы ей притворство; и простота, хранитель священнаго къ ней почтенія, простота прекраснѣйшая хитрость любви... Нѣтъ ни одной черты величественнаго и чудеснаго стихотворства, которая не была бы въ сокровищницѣ древнихъ... Не знаетъ тотъ эпическаго стихотворства, кому не нравится Гомеръ. Его сказки, его длинныя рѣчи въ сраженіяхъ, самыя ошибки его стократно драгоцѣннѣе для стихотворства, нежели измѣренные шаги писателя, никогда не падающаго, единственно потому, что онъ никогда не имѣетъ силы возвыситься». Полн. собран. соч. М. Н. Муравьева. Т. III, стр. 295 (въ изданіи Смирдина. 1847, II, 361—363. См. еще мысли Муравьева, I, 126—128).

отъ совѣта боговъ къ спорамъ героевъ, часто грубымъ, отъ Ѳерсита, представителя наглой черни, каркающаго подобно воронѣ, по выраженію Гомера [1]), къ пышному витійству Одиссея, отъ пламеннаго Ахиллеса къ кроткому сладкорѣчивому Нестору и проч., Гомеръ естественно не могъ быть однообразенъ ни въ языкѣ, ни въ слогѣ; отъ высокости ихъ онъ долженъ былъ нисходить до простоты языка народнаго. Но важное спокойствіе повѣствованія его состоитъ въ какомъ-то важномъ теченіи рѣчей, одному гекзаметру свойственномъ, которое, связывая стихъ со стихомъ, льется, какъ волны, непрерывно, до конца періодовъ поэтическихъ, безъ сихъ оборотовъ короткихъ, фразъ отрывистыхъ, принадлежащихъ слогу искусственному.

Чтобы сохранить свойства сіи поэзіи древней, столь вообще противоположныя тому, чего мы отъ нашихъ поэтовъ требуемъ, переводчику Гомера должно отречься отъ раболѣпства передъ вкусомъ гостиныхъ, передъ сею прихотливою утонченностію и изнѣженностію обществъ, которыхъ одобренія мы робко ищемъ, но коихъ требованія и взыскательность связываютъ, обезсиливаютъ языкъ. Преимущества нашего языка поэтическаго плѣнительны, и особенно сей цвѣтъ прекраснаго пола — сладостная нѣжность; но они были бы неумѣстны въ поэмахъ Гомера. Знаю, что для нашихъ читателей успѣхъ могъ быть несомнительнѣе въ родѣ перевода вольнаго, какъ Попіевъ или Чезоротти. Но почитатели древности не прощаютъ симъ великимъ поэтамъ, что они осмѣлились преобразить отца поэзіи [2]), дабы сдѣлать его болѣе сообразнымъ съ требованіемъ и вкусомъ вѣка ихъ. Требованія перемѣнятся, вкусъ вѣка пройдетъ, между тѣмъ какъ многія тысячи лѣтъ Гомеръ не проходитъ. Это памятникъ древности, требующій отъ переводчика не новой Иліады, какъ Попіева, но, такъ сказать, слѣпка, который бы, сколько позволяетъ свойство языка, былъ подобенъ слѣпкамъ ваятельнымъ. А какой языкъ, если не нашъ, богатый, гибкій, прозодическій, обладаетъ драгоцѣннѣйшимъ свойствомъ, особенно для перевода съ греческаго, *свободнымъ словорасположеніемъ*, свойствомъ, давшимъ и переводу славянской Библіи точность слѣпка, хотя, впрочемъ, сему благопріятствовалъ не одинъ языкъ, но и самое время: народъ не имѣлъ еще ни литературы, ни критики [3]). Какъ бы то ни

---

[1]) Иліада. Пѣснь II, ст. греческ. и русск. 212.

[2]) Prolegom. ad Homer. F. Wolfii. p. 82.

[3]) Почтенные прелагатели Библіи, по набожному образу мыслей, переводили слово въ слово, не опасаясь оскорблять языкъ, еще не имѣвшій словесности, и не думая, хорошъ ли оборотъ, или нѣтъ. Но красоты подлинника выливались въ переводѣ сами собою: слѣдствіе того, что языкъ славянскій, какъ и русскій, имѣя свободное словорасположеніе, легко принимаетъ и дикіе

было, но вольные переводы выгоднѣе для переводчика, нежели для подлинника. Я предпочелъ выгоды Гомера своимъ, рѣшился переводить съ возможною вѣрностію, но переводить поэта стихами на языкъ, имѣющій словесность, — условія, которыя, разумѣется, лишили меня способовъ, хотя бы я и желалъ, переводить, какъ Меѳодій и Кириллъ, буквально, не страшась оскорблять языкъ и не опуская даже греческихъ частицъ γάρ, δέ, μέν и проч., которыя сими прелагателями Библіи на языкъ славянскій всѣ удержаны [1]). Впрочемъ, извѣстно, что одинъ грамматическій смыслъ не составляетъ еще поэзіи. Смыслъ иностранныхъ словъ находится въ лексиконѣ, и каждый, умѣющій пріискать значеніе слова, былъ бы въ

ніе фразъ, и формы идей греческихъ. Сему, впрочемъ, не менѣе способствовало и чудное сродство сихъ языковъ, такъ хорошо доказанное отцомъ К. Экономидомъ. *Опытъ о сродствѣ языка славяно-россійскаго съ греческимъ. С-Петербургъ, 1828.*

[1]) Обстоятельство, повидимому, мелочное, но, въ отношеніи къ переводу Иліады, достойное примѣчанія. Въ языкѣ Гомера и вообще поэтовъ греческихъ находится необыкновенное обиліе частицъ и союзовъ: *ῥά, γάρ, μέν, δέ, τέ, καί.* Это произошло оттого, думаетъ Платонъ, что у грековъ стихъ образовался прежде прозы. Частицы сіи, особенно *δέ*, по-русски—*же*, такъ часто употребляются Гомеромъ, что иные стихи, какъ замѣчаетъ Гейне, кажутся не обработанными. Какъ бы то ни было, но именно эти частицы составляютъ связь, порядокъ и необыкновенную ясность рѣчи Гомеровой и такъ часто, такъ хорошо служатъ поэту къ наполненію мѣры. Эти частицы для стиха Гомерова то, что маленькіе камешки для строенія, готовые всегда наполнить промежутокъ и, наконецъ, составить съ большими камнями цѣлое крѣпкое зданіе. Такимъ образомъ, опущеніе сихъ частицъ составляетъ немаловажное затрудненіе въ стихотворномъ переводѣ Гомера. Чѣмъ замѣнить пустоту, отсутствіе звуковъ, не имѣющихъ иногда значенія, но составляющихъ полноту стиха или гармонію ритма?

Кстати другое примѣчаніе. Для всѣхъ переводчиковъ правило безъ исключенія: собственныя имена писать, какъ произносятся въ языкѣ, съ котораго переводятъ. Но, увлеченный употребленіемъ, освятившимъ у насъ даже святцами неправильное произношеніе многихъ именъ греческихъ, я, никѣмъ не остановленный, нечувствительно ему слѣдовалъ, и, въ половинѣ уже перевода, почувствовалъ, что дѣлаю самъ себѣ большое затрудненіе. Стихъ съ собственнымъ именемъ, а ихъ въ Иліадѣ обильно, если въ немъ сохранять и выговоръ и удареніе греческое, легче для перевода; но съ измѣненіемъ ихъ затрудненіе представляется въ каждомъ стихѣ, разумѣется для механизма, а не для смысла. Такимъ образомъ я почти самъ себя наказалъ за нарушеніе вышесказаннаго правила; въ новаго рода именахъ, какъ Агамемнонъ и проч., удержалъ я греческое произношеніе, а не во всѣхъ какъ бы слѣдовало. Впрочемъ, трудно сладить намъ съ собственными именами греческими. Одни изъ нихъ введены въ русскій языкъ по произношенію латинскому: Тезей, Фебъ, вмѣсто Физей, Фивъ; другіе по греческому: Аѳина, Ѳивы, вмѣсто латинскаго Атена, Тебы и проч. Надобно совершенно опрокинуть употребленіе, но тогда многіе изъ именъ зазвучатъ незнакомо, напр.: подъ словами: Ива, Ихо, узнаетъ ли читатель Гебу, Эхо?

такомъ случаѣ хорошій переводчикъ. Робкое сохраненіе мыслей не переводъ ихъ, ежели онѣ, какъ говоритъ Муравьевъ (М. Н.), *не производятъ того же чувствованія, не приводятъ въ дѣйство сего насильственнаго волшебства,* которое обладаетъ душою.

Въ такомъ понятіи о достоинствѣ перевода, я былъ вѣренъ Гомеру, и слѣдуя умному изреченію [1]) *должно переводить нравы, такъ-же, какъ и языкъ,* я ничего не опускалъ, ничего не измѣнялъ. У великихъ писателей есть такія выраженія, которыхъ сила, хорошо чувствуемая, болѣе, нежели цѣлая книга, даетъ понятіе о лицѣ, которое произноситъ ихъ, или о народѣ, который ихъ употребляетъ. Дѣлая выраженія греческія русскими, должно было стараться, чтобы не сдѣлать русскою мысли Гомеровой, но что еще болѣе, — не украшать подлинника. Очень легко украсить, а лучше сказать, подкрасить стихъ Гомера краскою нашей палитры, и онъ покажется щеголеватѣе, пышнѣе, лучше для нашего вкуса; но несравненно труднѣе сохранить его Гомерическимъ, какъ онъ есть, ни хуже, ни лучше. Вотъ обязанность переводчика, и трудъ, кто его испыталъ, не легкій. Квинтиліанъ понималъ его: facilius est plus facere, quam idem: *легче сдѣлать болѣе, нежели то же* [2]).

Такимъ образомъ величайшая трудность, предстоящая переводчику *древняго* поэта, есть безпрерывная борьба съ собственнымъ духомъ, съ собственною внутреннею силою, которыхъ свободу должно безпрестанно обуздывать, ибо выраженіе оной было бы совершенно противоположно духу Гомера. До сихъ поръ одни поэты Германіи, въ качествѣ переводчиковъ, вступали въ сей подвигъ и совершили его со славою.

Заключая, прошу объ одномъ: не осуждать, если какой-либо оборотъ или выраженіе покажется страннымъ, необыкновеннымъ, но прежде или свѣрить съ подлинникомъ, или вспомнить, что и самые предметы, въ Иліадѣ изображаемые, многіе для насъ чужды, страны. Для перевода такой поэмы, исполненной подробностей и предметовъ техническихъ, безъ сомнѣнія, невозможно и не должно было ограничиваться языкомъ гостиныхъ и скудными еще нашими словарями. Я осмѣлился пользоваться и нарѣчіями областными; хорошо или худо, это дѣло иное; но почему ими не пользоваться [3])? Такъ ді-

---

[1]) Кажется, Вальтеръ-Скотта.

[2]) De Institut Orat. Lib. X. C. II.

[3]) Наприм., словомъ возъ? Нѣкоторые принимаютъ его только за кладь; но основательно ли это и по самому словопроизводству? Кромѣ того, милліоны людей русскихъ, Украйна и Малороссія, иначе не называютъ телѣги, какъ возъ. Гомерова ἅμαξα, отъ ἅμ-ἀγω, *со-возу*, точнѣе и переведена быть не можетъ, какъ возъ, дабы отличить отъ его же слова ἀπήνη, повозка.

алекты греческіе обогатили языкъ. Позволилъ себѣ вольности, нашею критикою осуждаемыя, но употребляемыя Гомеромъ; оружія однородныя, напримѣръ: копье, пика, дротъ, дротикъ, ἔγχος, δόρυ, βέλος, ἀκόντιον; или мечъ, сабля, ножъ [1]), φάσγανον, ξίφος, μάχαιρα, онъ употребляетъ, иногда въ томъ же стихѣ, одно за другое, можетъ быть для мѣры, можетъ быть по своенравію; я желалъ сохранить и своенравіе Гомера. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Иліады, особенно, гдѣ касается до оружій, кораблей и проч. [2]), я, по моему понятію, можетъ быть и ошибочному, не согласился съ извѣстными донынѣ переводами. Не могу въ краткомъ предисловіи изложить доказательствъ на защиту моего перевода, но предаю оный читателямъ, которые могутъ свѣрить съ подлинникомъ. Не прошу о снисхожденіи: читатель образованный самъ окажетъ его къ слабостямъ и ошибкамъ, человѣку свойственнымъ, если въ трудѣ моемъ худое не превышаетъ хорошаго. Что до критикъ, знаю, что если бъ самъ великій Гомеръ поднялъ изъ гроба почтенную главу свою, Зоилъ, бросивъ обитель мрака, снова бы явился. Счастливъ буду, когда найду судъ просвѣщенный; онъ окажется полезнымъ не мнѣ одному: сужденіе есть жизнь словесности. Не могу, впрочемъ, думать, чтобы переводъ мой удовольствовалъ читателей, болѣе меня свѣдущихъ въ греческомъ языкѣ, ибо я первый остаюся имъ недоволенъ.

Мнѣ совѣтовали, при изданіи Иліады, изложить теорію гекзаметра: трудъ безполезный, когда въ нѣсколькихъ тысячахъ стиховъ не найдутъ ея. Не считаю также нужнымъ защищать гекзаметръ, какъ бы мою собственность; онъ самъ себя защищаетъ въ стихахъ Жуковскаго и такъ же краснорѣчиво, какъ нѣкогда отвергаемое движеніе защитилъ тотъ грекъ, который, вмѣсто возраженій, всталъ и началъ ходить. Русскій гекзаметръ существуетъ, какъ существовалъ прежде, нежели начали имъ писать. Того нельзя ввести въ языкъ, чего не дано ему природою. Французы могутъ ли имѣть стопы? Не имѣли бы и мы, если бъ не было ихъ въ стихіяхъ

---

[1]) Ξίφος, кривой мечъ, сабля (ein Sabel, Riemer). Что у древнихъ народовъ, особенно варварскихъ, какъ оракійцы и другіе союзники троянъ, употреблялась сабля, доказываютъ лучшіе лексикографы, писатели древности и памятники оной. A Collection of antiq. Vases etc. By Hen. Moses Lond. 1814 Planch. 125.

[2]) Не могу не свидѣтельствовать благодарности А. Н. Оленину, какъ вообще за участіе, какое принималъ онъ въ трудѣ моемъ, такъ и за снисхожденіе, съ какимъ сей просвѣщенный любитель древностей, похищая свободныя минуты отъ своихъ многихъ занятій, предлагалъ мнѣ изъясненія, касающіяся до греческихъ оружій и проч., изъясненія, которыми такъ бѣдны толкователи Гомера.

языка; мы только заняли имена греческія для стопъ русскихъ, и имѣю причины думать, что съ помощью музыки, если бъ она такъ же тѣсно была соединена съ поэзіею у насъ, какъ у грековъ, мы могли бы имѣть всѣ тѣ же стопы, и то же ихъ *количество*, quantitas, которое одна музыка, то есть родъ нотнаго, напѣвнаго произношенія стиховъ, называвшагося—*мелопея*, придавала стопамъ въ языкахъ древнихъ, и такимъ образомъ напѣвную прозодію поэтическую разрознила съ прозодіею прозы. Иначе языкъ греческій выходилъ бы изъ закона природы, общаго всѣмъ языкамъ на свѣтѣ. Законъ сей есть удареніе.

О причинахъ, заставившихъ меня для перевода Иліады избрать гекзаметръ, сказать нѣсколько словъ почитаю нужнымъ. Для трудящихся, въ какомъ бы то ни было родѣ искусства, ничего нѣтъ печальнѣе, какъ видѣть, что трудъ свой можно сдѣлать лучше и не имѣть къ тому способа. Таковы были мои чувствованія при переводѣ Иліады рифмованномъ. Кончивъ шесть пѣсенъ, я убѣдился опытомъ, что переводъ Гомера, какъ я его разумѣю, въ стихахъ александрійскихъ невозможенъ, по крайней мѣрѣ для меня; что остается для этого одинъ способъ, лучшій и вѣрнѣйшій — гекзаметръ. Плѣненный образомъ повѣствованія Гомерова, котораго прелесть нераздѣльна съ формою стиха, я началъ испытывать, нѣтъ ли возможности произвесть русскимъ гекзаметромъ впечатлѣніе, какое получилъ я, читая греческій. Люди образованные одобрили мой опытъ [1]), и вотъ что дало мнѣ смѣлость отвязать отъ позорнаго столпа стихъ Гомера и Виргилія, прикованный къ нему Тредьяковскимъ.

Говорю смѣлость, ибо читателямъ извѣстно, что должно было вынести дерзнувшему изъ рукъ Геркулеса вырывать его палицу, а говоря проще,—осмѣлившемуся бороться съ предразсудкомъ и врагомъ еще упорнѣйшимъ — самолюбіемъ. Мы уступчивы въ мнѣніяхъ, которыя составляемъ сами, собственнымъ сужденіемъ; согласіе, даваемое добровольно, вознаграждаетъ наше самолюбіе. Но въ мнѣніяхъ, которыя намъ внушены, которыя приняты безъ разсужденія, такъ сказать, на вѣру, и которыя перемѣнить насъ заставляютъ— мы непреклонны; обидно обнаружить, что мы были въ невѣжахъ, судили безъ разумѣнія дѣла. Вотъ главная причина воплей старовѣровъ литературныхъ противъ гекзаметра. Читатель, можетъ быть, помнитъ, какія познанія обнаружили они въ сужденіяхъ своихъ объ

---

[1]) И если кто-либо изъ нихъ въ томъ раскаиваться долженъ, то, безъ сомнѣнія, первый С. С. Уваровъ. Краснорѣчивое письмо его объ гекзаметрахъ напечатано въ книжк. Бесѣды, 1813 года.

гекзаметрѣ; иные жаловались даже, что стихъ сей трудно читать: такъ дѣти, плохо ученыя, съ трудомъ читаютъ книгу, по которой не учились. Но возрастаетъ новое поколѣніе, котораго дѣтство будетъ образованнѣе нашей старости, и гекзаметръ покажется для него тѣмъ, чѣмъ онъ признанъ отъ всѣхъ народовъ просвѣщенныхъ: высшимъ соображеніемъ гармоніи поэтической.

Но кто уже и теперь не читаетъ съ восхищеніемъ Аббадоны, Гальціоны, разрушенія Трои, произведеній, обогатившихъ поэзію русскую? Кого не плѣняетъ и лира Дельвига, счастливыми вдохновеніями и стихомъ, столько музѣ любезнымъ? — Итакъ, если мои собственныя усилія несчастны, по крайней мѣрѣ послѣдствія не безплодны.

Впрочемъ не стихъ, Телемахидою опозоренный, долженъ былъ устрашать меня при мыслѣ о переводѣ Иліады. Вѣрный своему убѣжденію, что гекзаметръ, и безъ спондеевъ, имѣетъ въ языкѣ русскомъ обильныя стихіи для своего состава, я не смущался ни толками, ни пересудами, но трудъ, въ которомъ все было для меня ново; стихъ, не имѣвшій образцовъ и который, каково бы ни было его достоинство, съ переводомъ поэмы чуженародной не могъ вдругъ сдѣлаться роднымъ, живымъ для слуха народа, и самая поэма, которой предметъ такъ отдаленъ отъ насъ, которой красоты такъ чужды, такъ незнакомы нашему вкусу, но въ которой между тѣмъ 17 т. стиховъ... Вотъ что должно было устрашать меня. Часто думалъ я: стихъ, которымъ я внутренно горжуся, можетъ быть исчезнетъ въ огромной поэмѣ; можетъ быть, никто не обратитъ на него новаго вниманія послѣ того, какъ я прочелъ его съ чувствомъ удовольствія...

Но не хочу быть неблагодарнымъ; чистѣйшими удовольствіями въ жизни обязанъ я Гомеру, и забывалъ труды, которые налагала на меня любовь къ нему, и почту себя счастливѣйшимъ, если хотя искра огня небеснаго, въ его вѣчныхъ твореніяхъ горящаго, и мои труды одушевила.

ПѢСНЬ I.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

Воззваніе къ музѣ и изложеніе предмета пѣсней, гнѣва Ахиллесова и его послѣдствій, ст. 1—7. Причина распри между Агамемноном и Ахиллесомъ: Хризъ, жрецъ Аполлона, приходитъ въ станъ Ахеянъ, чтобы выкупить дочь свою, въ предшествовавшія битвы, при разореніи Ѳивъ плѣненную и наградою изъ добычъ Агамемнону данную, 8—21 и 366. Агамемнонъ отвергаетъ его съ поруганіемъ; жрецъ удаляется и молитъ Аполлона о мщеніи за обиду; богъ на воинство Ахейское посылаетъ язву; она свирѣпствуетъ, 22—52. Ахиллесъ, по внушенію Геры, собираетъ совѣтъ, чтобы изыскать средство къ отвращенію бѣдствія; Калхасъ, верховный жрецъ, открываетъ истинную причину онаго и объявляетъ, что только возвращеніемъ Хризеиды отцу ея и принесеніемъ жертвъ Аполлону прекратится язва, 53—100. Такимъ образомъ раздраженный Агамемнонъ начинаетъ распрю съ Ахиллесомъ; возвратить Хризеиду не отказывается, но съ тѣмъ, чтобы немедленно дано ему было возмездіе; Ахиллесъ, негодуя на корыстолюбіе царя, оскорбительно упрекаетъ его; Агамемнонъ возражаетъ еще оскорбительнѣе и, наконецъ, грозитъ, что у самого Ахиллеса похититъ Бризеиду, полученную имъ наградою отъ Ахеянъ, 101—187. Ахиллесъ, оскорбленіемъ ожесточенный, обнажаетъ мечъ на Агамемнона; является Паллада; ей покоряясь, онъ укрощаетъ гнѣвъ; но, понося Агамемнона, объявляетъ, что онъ съ Мирмидонами болѣе не участвуетъ въ брани, 188—244. Несторъ убѣждаетъ ихъ смириться, но тщетно, 245—304. Собраніе прервано. Ахиллесъ и Агамемнонъ удаляются враждебные; первый—въ станъ свой, гдѣ, преданный гнѣву, остается безъ дѣйствія, 305 и 488. Послѣдній отправляетъ Хризеиду къ отцу съ умилостивительными жертвами богу; воинство очищается и также приноситъ жертвы Аполлону, 305—317. Между тѣмъ Агамемнонъ, совершая угрозы, посылаетъ увесть насильственно Бризеиду отъ Ахиллеса, 318—348. Ахиллесъ молитъ матерь свою, Ѳетиду, объ отмщеніи за обиду; она обѣщаетъ просить

Зевса, когда онъ возвратится на Олимпъ, ибо, со всѣми богами отшедъ къ эѳіопамъ, онъ не прежде какъ въ двѣнадцатый день возвратится, 349—425. Между тѣмъ Хризеида привезена къ отцу съ жертвами Аполлону; по принесеніи оныхъ, богъ умплостивляется и язву прекращаетъ, 430—488. Зевсъ возвращается на Олимпъ; Ѳетида предстаетъ ему тайно и молитъ бога отмстить за сына ея; онъ преклоняется и даетъ обѣтъ, что Трояне будутъ побѣдителями въ брани, пока Ахиллеса не удовлетворятъ за оскорбленіе Агамемнонъ и Ахейцы, 492—533. Гера, недоброжелательная Троянамъ, увѣдавъ о семъ тайномъ совѣтѣ, пагубномъ, какъ подозрѣваетъ она, Ахейцамъ, ею покровительствуемымъ, раздражается; распри Геры и Зевса во время пиршества, 534—567. Опечаленъ весь сонмъ боговъ; Гефестъ возвращаетъ ихъ къ веселости, 568—600; и боги, съ наступленіемъ ночи прекративъ пиршество, отходятъ ко сну, 601—611.

ГНѢВЪ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который Ахеянамъ тысячи бѣдствій содѣлалъ:
Многія души могучія славныхъ героевъ низринулъ
Въ мрачный Аидъ и самихъ распростеръ ихъ въ корысть плотоядным
Птицамъ окрестнымъ и псамъ. Совершалася Зевсова воля,
Съ онаго дня, какъ, воздвигшіе споръ, воспылали враждою
Пастырь народовъ Атридъ и герой Ахиллесъ благородный.
Кто жъ отъ боговъ безсмертныхъ подвигъ ихъ къ враждебному спору?
Сынъ Громовержца и Леты, Фебъ, царемъ прогнѣвленный,
Язву на воинство злую навелъ: погибали народы
Въ казнь, что Атридъ обезчестилъ жреца непорочнаго, Хриза.
Старецъ, онъ приходилъ къ кораблямъ быстролетнымъ Ахейскимъ
Плѣнную дочь искупить; и, принесши безчисленный выкупъ,
И держа въ рукахъ, на жезлѣ золотомъ, Аполлоновъ
Красный вѣнецъ, умолялъ убѣдительно всѣхъ онъ Ахеянъ,
Паче жъ Атридовъ могучихъ, строителей рати Ахейской:
„Чада Атрея и пышно-поножные мужи Ахейцы!
О! да помогутъ вамъ боги, имущіе домы въ Олимпѣ,
Градъ Пріамовъ разрушить и счастливо въ домъ возвратиться;
Вы жъ свободите мнѣ милую дочь и выкупъ примите,
Чествуя Зевсова сына, далеко разящаго Фебá“.
Всѣ изъявили согласіе крикомъ всеобщимъ Ахейцы
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкупъ;
Только царя Агамемнона было то нелюбо сердцу;
Гордо жреца отослалъ и прорекъ ему грозное слово:
„Старецъ, чтобъ я никогда тебя не видалъ предъ судами!

Здѣсь и теперь ты не медли и впредь не дерзай появляться!
Или тебя не избавятъ ни скиптръ, ни вѣнецъ Аполлона.
Дѣвѣ свободы не дамъ я; она обветшаетъ въ неволѣ,
Въ Аргосѣ, въ нашемъ дому, отъ тебя, отъ отчизны далече—
Ткальный станъ обходя, иль ложе со мной раздѣляя.
Прочь удались, и меня ты не гнѣвай, да здравъ возвратишься!“
Рекъ онъ; и старецъ трепещетъ и, слову царя покоряся,
Идетъ, безмолвный, по брегу немолчно-шумящей пучины.
Тамъ, отъ судовъ удалившися, старецъ взмолился печальный
Фебу царю, лѣпокудрыя Леты могучему сыну:
„Богъ сребролукій, внемли мнѣ: о ты, что, хранящій, обходишь
Хризу, священную Киллу, и мощно царишь въ Тенедосѣ,
Сминеей! если когда я храмъ твой священный украсилъ,
Если когда предъ тобой возжигалъ я тучныя бедра
Козъ и тельцовъ,—услышь и исполни одно мнѣ желанье:
Слезы мои отомсти Аргивянамъ стрѣлами твоими!“
Такъ вопіялъ онъ, молясь; и внялъ Аполлонъ сребролукій!
Быстро съ Олимпа вершинъ устремился, пышущій гнѣвомъ,
Лукъ за плечами неся и колчанъ со стрѣлами, отвсюду закрытый,
Громко крылатыя стрѣлы, біясь за плечами, звучали
Въ шествіи гнѣвнаго бога: онъ шествовалъ, ночи подобный.
Сѣвъ наконецъ предъ судами, пернатую быструю мечетъ;
Страшный звонъ издаетъ сребролещущій лукъ Аполлоновъ.
Въ самомъ началѣ на месковъ напалъ онъ и псовъ праздношродныхъ,
Послѣ постигъ и народъ, смертоносными прыща стрѣлами;
Частые труповъ костры непрестанно пылали по стану.
Девять дней на воинство божія стрѣлы летали;
Въ день же десятый Пелидъ на собраніе созвалъ Ахеянъ.
Въ мысли ему то вложила богиня державная, Гера:
Скорбью терзалась она, погибающихъ видя Ахеянъ.
Быстро сходился народъ, и, когда воедино собрался,
Первый, на сонмѣ возставъ, говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
„Должно, Атридъ, какъ вижу, обратно исплававши море,
Въ домы свои возвратиться, когда лишь отъ смерти спасемся:
Вдругъ и война, и погибельный моръ истребляетъ Ахеянъ.
Но испытаемъ, Атридъ, и вопросимъ жреца, иль пророка,
Или гадателя снонъ (и сны отъ Зевеса бываютъ):
Пусть намъ повѣдаютъ, чѣмъ раздраженъ Аполлонъ небожитель?
Онъ за обѣтъ несвершенный, за жертву ль стотельчую гнѣвенъ?
Или отъ агнцевъ и избранныхъ козъ благовоннаго тука
Требуетъ богъ, чтобъ Ахеянъ избавить отъ пагубной язвы?“
Такъ произнесши, возсѣлъ Ахиллесъ; и мгновенно отъ сонма

Калхасъ возсталъ Θесторидъ, верховный птицегадатель.
Мудрый, вѣдалъ онъ все, что минуло, что есть и что будетъ,
И Ахеянъ суда по морямъ предводилъ къ Иліону
Даромъ предвидѣнья, свыше ему вдохновеннымъ отъ Феба.
Онъ, благомыслія полный, вѣщалъ передъ сонмомъ Ахеянъ:
„Царь Ахиллесъ! возвѣстить повелѣлъ ты, любимецъ Зевеса,
Праведный гнѣвъ Аполлона, далеко разящаго бога.
Я возвѣщу; но и ты согласись, поклянись мнѣ, что вѣрно
Самъ ты меня защитить и словами готовъ и руками.
Я опасаюсь, прогнѣваю мужа, который верховный
Царь Аргивянъ и которому всѣ покорны Ахейцы.
Слишкомъ могущественъ царь, на мужа подвластнаго гнѣвный:
Вспыхнувшій гнѣвъ онъ на первую пору хотя и смиряетъ,
Но сокрытую злобу, доколѣ ея не исполнитъ,
Въ сердцѣ хранитъ. Разсуди жъ и отвѣтствуй, заступникъ ли ты мнѣ?“
Быстро ему отвѣчая, вѣщалъ Ахиллесъ благородный:
„Вѣрь и дерзай, возвѣсти намъ оракулъ, какой бы онъ ни былъ!
Фебомъ клянуся я, Зевса любимцемъ, которому, Калхасъ,
Молишься ты, открывая Данаямъ вѣщанія бога:
Нѣтъ, предъ судами никто, покуда живу я и вижу,
Рукъ на тебя дерзновенныхъ, клянуся, никто не подыметъ
Въ станѣ Ахеянъ; хотя бы назвалъ самого ты Атрида,
Властію нынѣ верховной гордящагось въ рати Ахейской“.
Рекъ онъ; и сердцемъ дерзнулъ, и вѣщалъ имъ пророкъ непорочный:
„Нѣтъ, не за должный обѣтъ, не за жертву стотельчую гнѣвенъ
Фебъ, но за Хриза жреца: обезчестилъ его Агамемнонъ,
Дщери не выдалъ ему, и моленье и выкупъ отринулъ.
Фебъ за него покаралъ и бѣдами еще покараетъ
И отъ пагубной язвы разящей руки не удержитъ
Прежде, доколѣ къ отцу не отпустятъ, безъ платы, свободной
Дщери его черноокой и въ Хризу святой не представятъ
Жертвы стотельчей; тогда лишь мы бога на милость преклонимъ“.
Слово скончавши, возсѣлъ Θесторидъ; и отъ сонма воздвигся
Мощный герой, пространно-властительный царь Агамемнонъ,
Гнѣвомъ волнуемъ; ужасной въ груди его мрачное сердце
Злобой наполнилось; очи его засвѣтились какъ пламень.
Калхасу первому, смотря свирѣпо, вѣщалъ Агамемнонъ:
„Бѣдъ предвѣщатель, пріятнаго ты никогда не сказалъ мнѣ!
Радостно, вѣрно, тебѣ человѣкамъ бѣды лишь пророчить;
Добраго слова еще ни измолвилъ ты намъ, ни исполнилъ.

Се, и теперь ты для насъ какъ глаголъ проповѣдуешь бога,
Будто народу бѣды дальномечущій Фебъ устрояетъ,
Мстя, что блестящихъ даровъ за свободу принять Хризеиды
Я не хотѣлъ; но въ душѣ я желалъ черноокую дѣву
Въ домъ мой ввести; предпочелъ бы ее и самой Клитемнестрѣ,
Дѣвою взятой въ супруги; ея Хризеида не хуже
Прелестью вида, пріятствомъ своимъ и умомъ, и дѣлами!
Но соглашаюсь, ее возвращаю, коль требуетъ польза:
Лучше хочу я спасеніе видѣть, чѣмъ гибель народа.
Вы жъ мнѣ въ сей день замѣните награду; да въ станѣ Аргивскомъ
Я безъ награды одинъ не останусь: позорно бъ то было;
Вы же то видите всѣ: отъ меня отходитъ награда".
Первый ему отвѣчалъ Пелейонъ Ахиллесъ быстроногій:
„Славою гордый Атридъ, безпредѣльно корыстолюбивый!
Гдѣ для тебя обрѣсти добродушнымъ Ахеямъ награду?
Мы не имѣемъ нигдѣ сохраняемыхъ общихъ сокровищъ;
Что въ городахъ разоренныхъ мы добыли, все раздѣлили;
Снова жъ, что было дано, отбирать у народа—позорно!
Лучше свою возврати, въ угожденіе богу. Но послѣ
Втрое и вчетверо мы, Аргивяне, тебѣ то заплатимъ,
Если даруетъ Зевсъ крѣпкостѣнную Трою разрушить".
Быстро, къ нему обратяся, вѣщалъ Агамемномъ могучій:
„Сколько ни доблестенъ ты, Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный,
Хитро не умствуй: меня ни провесть, ни склонить не успѣешь.
Хочешь, чтобъ самъ обладалъ ты наградой, а я чтобъ, лишенный,
Молча сидѣлъ? и совѣтуешь мнѣ ты, чтобъ дѣву я выдалъ?..
Пусть же меня довольствуютъ новою издою Ахейцы,
Столько жъ пріятною сердцу, достоинствомъ равною первой.
Если жъ откажутъ, предстану я самъ и изъ кущи исторгну
Или твою, иль Аяксову изду, или изду Одиссея;
Самъ я исторгну, и горе тому, предъ кого я предстану!
Но объ этомъ бесѣдовать можемъ еще мы и послѣ.
Нынѣ черный корабль на священное море ниспустимъ,
Сильныхъ гребцовъ изберемъ, на корабль гекатомбу поставимъ
И сведемъ Хризеиду, румяноланитую дѣву.
Въ немъ да возсядетъ начальникомъ мужъ отъ Ахеянъ совѣтныхъ,
Идоменей, Одиссей Лаертидъ иль Аяксъ Теламонидъ;
Или ты самъ, Пелейонъ, изъ мужей въ ополченьи страшнѣйшій,
Шествуй и къ намъ Аполлона умилостивь жертвой священной!"
Грозно взглянувъ на него, отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
„Царь, облеченный безстыдствомъ, коварный душою издолюбецъ!
Кто изъ Ахеянъ захочетъ твои повелѣнія слушать?

Кто иль походъ совершитъ, иль съ враждебными храбро сразится?
Я за себя ли пришелъ, чтобъ Троянъ, укротителей коней,
Здѣсь воевать? Предо мною ни въ чемъ невиновны Трояне:
Мужъ ихъ ни коней моихъ, ни тельцовъ никогда не похитилъ;
Въ счастливой Ѳеіи моей, многолюдной, плодами обильной,
Нивъ никогда не топталъ; безпредѣльныя насъ раздѣляютъ
Горы, покрытыя лѣсомъ, и шумныя волны морскія.
Нѣтъ, за тебя мы пришли, веселимъ мы тебя, на Троянахъ
Чести ища Менелаю, тебѣ, человѣкъ псообразный!
Ты же, безстыдный, считаешь ничѣмъ то и все презираешь,
Ты угрожаешь и мнѣ, что мою ты награду похитишь,
Подвиговъ тягостныхъ мзду, драгоцѣннѣйшій даръ мнѣ Ахеянъ?..
Но съ тобой никогда не имѣю награды я равной,
Если Троянскій цвѣтущій Ахеяне градъ разгромляютъ.
Нѣтъ, несмотря, что тягчайшее бремя томительной брани
Руки мои подымаютъ, всегда, какъ раздѣлъ наступаетъ,
Даръ богатѣйшій тебѣ, а я и съ малымъ, пріятнымъ
Въ станъ не ропща возвращаюсь, когда истомленъ ратоборствомъ.
Нынѣ во Ѳеію иду: для меня несравненно пріятнѣй
Въ домъ возвратиться на быстрыхъ судахъ; посрамленный тобою,
Я не намѣренъ тебѣ умножать здѣсь добычъ и сокровищъ".
Быстро воскликнулъ къ нему повелитель мужей Агамемнонъ:
Что же, бѣги, если бѣгства ты жаждешь! Тебя не прошу я
Ради меня оставаться; останутся здѣсь и другіе;
Честь мнѣ окажутъ они, а особенно Зевсъ промыслитель.
Ты ненавистнѣйшій мнѣ межъ царями, питомцами Зевса!
Только тебѣ и пріятны споры, раздоры да битвы.
Храбростью ты знаменитъ, но она дарованіе бога.
Въ домъ возвратись, съ кораблями бѣги и съ дружиной своею,
Властвуй своими Ѳессальцами! Я о тебѣ не забочусь;
Гнѣвъ твой вмѣняю въ ничто, а напротивъ, грожу тебѣ такъ я:
Требуетъ богъ Аполлонъ, чтобы я возвратилъ Хризеиду;
Я возвращу,—и въ моемъ кораблѣ и съ моею дружиной
Дѣву пошлю; но къ тебѣ я приду, и изъ кущи твоей Бризеиду
Самъ увлеку я, награду твою, чтобы ясно ты понялъ,
Сколько я властію выше тебя, и чтобъ каждый страшился
Равнымъ себя мнѣ считать и дерзко верстаться со мною!"
Рекъ онъ,—и горько Пелиду то стало: могучее сердце
Въ персяхъ героя власатыхъ межъ двухъ волновалося мыслей:
Или, не медля исторгнувши мечъ изъ влагалища острый,
Встрѣчныхъ разсыпать ему и убить властелина Атрида,
Или свирѣпство смирить, обуздавъ огорченную душу.

Въ мигъ, какъ подобными думами разумъ и душу волнуя,
Страшный свой мечъ изъ ноженъ извлекалъ онъ, явилась Аѳина,
Съ неба слетѣвъ; ниспослала ее златотронная Гера,
Сердцемъ любя и храня обоихъ бранноносцевъ; Аѳина,
Сгавъ за хребтомъ, ухватила за русые кудри Пелида,
Только ему лишь явленная, прочимъ незримая въ сонмѣ.
Онъ ужаснулся и, вспять обратяся, позналъ несомнѣнно
Дочь громовержцеву: страшнымъ огнемъ ея очи горѣли.
Къ ней обращенный лицомъ, устремилъ онъ крылатыя рѣчи:
„Что ты, о дщерь Эгіоха, сюда низошла отъ Олимпа?
Или желала ты видѣть царя Агамемнона буйство?
Но реку я тебѣ, и реченное скоро свершится:
Скоро сей смертный своею гордынею душу погубитъ!“
Сыну Пелея рекла свѣтлоокая дщерь Эгіоха:
Бурный твой гнѣвъ укротить я, когда ты безсмертнымъ покоренъ,
Съ неба сошла; ниспослала меня златотронная Гера;
Васъ обоихъ равномѣрно и любитъ она, и спасаетъ.
Кончи раздоръ, Пелейонъ, и довольствуя гнѣвное сердце,
Злыми словами язви, но рукою меча не касайся.
Я предрекаю, и оное скоро исполнено будетъ:
Скоро трикраты тебѣ знаменитыми столько жъ дарами
Здѣсь за обиду заплатятъ: смирися и намъ повинуйся“.
Къ ней обращаяся, вновь говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
„Должно, о Зевсова дщерь, соблюдать повелѣнія ваши.
Какъ мой ни плам̀ененъ гнѣвъ, но покорность полезнѣе будетъ:
Кто безсмертнымъ покоренъ, тому и безсмертные внемлютъ“.
Рекъ, и на сребренномъ черенѣ стиснулъ могучую руку
И огромный свой мечъ въ ножны опустилъ, покоряся
Слову Паллады; Зевсова дочь вознеслася къ Олимпу
Въ домъ Эгіоха отца, небожителей къ свѣтлому сонму.
Но Пелидъ быстроногій суровыми снова словами
Къ сыну Атрея вѣщалъ и отнюдь не обуздывалъ гнѣва:
„О винопійца, со взорами пса, но съ душою еленя!
Ты никогда ни въ рѣшительный бой ополчиться съ народомъ,
Ни пойти на засаду съ храбрѣйшими рати мужами
Сердцемъ твоимъ не дерзнулъ: для тебя то кажется смертью.
Лучше и легче стократъ по широкому стану Ахеянъ
Грабить дары у того, кто тебѣ прекословить посмѣетъ.
Царь пожиратель народа! Зане надъ презрѣнными царь ты,—
Или, Атридъ, ты нанесъ бы обиду, послѣднюю въ жизни!
Но тебѣ говорю, и великою клятвой клянуся,
Скипетромъ симъ я клянуся, который ни листьевъ, ни вѣтвей

Вновь не испуститъ, однажды оставивъ свой корень на холмахъ,
Вновь не прозябнетъ; на немъ изощренная мѣдь обнажила
Листья и кору; и нынѣ который Ахейскіе мужи
Носятъ въ рукахъ судіи, уставовъ Зевесовыхъ стражи,—
Скиптръ сей тебѣ предъ Ахейцами будетъ великою клятвой:
Время придетъ, какъ Данаевъ сыны пожелаютъ Пелида
Всѣ до послѣдняго; ты жъ, и крушася, безсиленъ имъ будешь
Помощь подать, какъ толпы ихъ отъ Гектора мужеубійцы
Свергнутся въ прахъ; и душой ты своей истерзаешься, бѣшенъ
Самъ на себя, что Ахейца храбрѣйшаго такъ обезславилъ".
Такъ произнесъ, и на землю стремительно скипетръ онъ бросилъ,
Вкругъ золотыми гвоздями блестящій, и сѣлъ межъ царями.
Противъ Атридъ Агамемнонъ свирѣпствовалъ сидя; и Несторъ
Сладкорѣчивый возсталъ, громогласный витія Пилосскій:
Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ, сладчайшія меда, лилися.
Два поколѣнья уже современныхъ ему человѣковъ
Скрылись, которыя нѣкогда съ нимъ возрастали и жили
Въ Пилосѣ пышномъ; надъ третьимъ ужъ племенемъ царствовалъ старецъ.
Онъ, благомыслія полный, совѣтуетъ имъ и вѣщаетъ:
„Боги! великая скорбь на Ахейскую землю приходитъ!
О! возликуетъ Пріамъ и Пріамовы гордыя чада,
Всѣ обитатели Трои безмѣрно восхитятся духомъ,
Если услышатъ, что вы воздвигаете горькую распрю,—
Вы, межъ Данаями первые въ сонмахъ и первые въ битвахъ!
Но покоритесь, могучіе! оба меня вы моложе.
Я уже древле видалъ знаменитѣйшихъ васъ бранноносцевъ;
Съ ними въ бесѣды вступалъ, и они не гнушалися мною.
Нѣтъ, подобныхъ мужей не видалъ я и видѣть не буду,
Воевъ, каковъ Пиріоой и Дріасъ, предводитель народовъ,
Грозный Эксадій, Кеней, Полифемъ, небожителямъ равный,
И рожденный Этеемъ Θезей, безсмертнымъ подобный!
Се человѣки могучіе, слава сыновъ земнородныхъ!
Были могучи они, съ могучими въ битвы вступали,
Съ лютыми чадами горъ, и сражали ихъ боемъ ужаснымъ.
Былъ я, однако, и съ оными въ дружествѣ, бросивши Пилосъ,
Дальную Апіи землю: меня они вызвали сами.
Тамъ я, по силамъ моимъ, подвизался, но съ ними стязаться
Кто бы дерзнулъ отъ живущихъ теперь человѣковъ наземныхъ?
Но—и они мой совѣтъ принимали и слушали рѣчи.
Будьте и вы послушны: слушать совѣты полезно.
Ты, Агамемнонъ, какъ ни могучъ, не лишай Ахиллеса
Дѣвы: ему какъ награду ее даровали Ахейцы.

Ты, Ахиллесъ, воздержись горделиво съ царемъ препираться:
Чести подобной донынѣ еще не стяжалъ ни единый
Царь скиптроносецъ, котораго Зевсъ возвеличивалъ славой,
Мужествомъ ты знаменитъ, родила тебя матерь-богиня;
Но сильнѣйшій здѣсь онъ, повелитель народовъ несчетныхъ.
Сердце смири, Агамемнонъ: я, старецъ, тебя умоляю,
Гнѣвъ отложи на Пелида героя, который сильнѣйшій
Всѣмъ намъ, Ахейцамъ, оплотъ въ истребительной брани Троянской".
Быстро ему отвѣчалъ повелитель мужей, Агамемнонъ:
Такъ, справедливо ты все и разумно, о старецъ, вѣщаешь;
Но человѣкъ сей, ты видишь, хочетъ здѣсь всѣхъ перевысить,
Хочетъ начальствовать всѣми, господствовать въ рати надъ всѣми,
Хочетъ указывать всѣмъ; но не я покориться намѣренъ.
Или, что храбрымъ его сотворили безсмертные боги,
Тѣмъ позволяютъ ему говорить мнѣ въ лицо оскорбленья?"
Гнѣвно его перервавъ, отвѣчалъ Ахиллесъ благородный:
„Робкимъ, ничтожнымъ меня справедливо бы всѣ называли,
Если бъ во всемъ, что ни скажешь, тебѣ угождалъ я, безмолвный.
Требуй того отъ другихъ, напыщенный властительствомъ; мнѣ же
Ты не приказывай: слушать тебя не намѣренъ я болѣ!
Слово иное скажу и его сохрани ты на сердцѣ:
Въ битву съ оружьемъ въ рукахъ никогда за плѣненную дѣву
Я не вступлю, ни съ тобой и ни съ кѣмъ; отымайте, что дали!
Что жъ до корыстей другихъ, въ кораблѣ моемъ черномъ хранимыхъ,
Противу воли моей ничего ты изъ нихъ не похитишь!
Или, приди и отвѣдай, пускай и другіе увидятъ:
Черная кровь изъ тебя вкругъ копья моего заструится!"
Такъ воеводы, жестоко другъ друга словами переча,
Встали отъ мѣстъ и разрушили сонмъ предъ судами Ахеянъ.
Царь Ахиллесъ къ Мирмидонскимъ своимъ кораблямъ быстролетнымъ
Гнѣвный отшелъ, и при немъ Менетидъ съ Мирмидонской дружиной.
Царь Агамемнонъ легкій корабль ниспустилъ на пучину,
Двадцать избралъ гребцовъ, поставилъ на немъ гекатомбу,
Даръ Аполлону, и самъ Хризеиду, прекрасную дѣву,
Взвелъ на корабль: повелителемъ сталъ Одиссей многоумный;
Быстро они устремяся, по влажнымъ путямъ полетѣли.
Тою порою Атридъ повелѣлъ очищаться Ахейцамъ;
Всѣ очищались они и нечистое въ море метали.
Послѣ, избравъ совершенныя Фебу царю гекатомбы,
Козъ и тельцовъ сожигали у брега безплоднаго моря;
Туковъ воня до небесъ восходила съ клубящимся дымомъ.
Такъ Аргивяне трудилися въ станѣ; но царь Агамемнонъ

Злобы еще не смирялъ и угрозъ не забылъ Ахиллесу:
Онъ, призвавъ предъ лицо Талѳибія и съ нимъ Эврибата,
Вѣрныхъ клевретовъ и вѣстниковъ, такъ заповѣдывалъ, гнѣвный:
„Шествуйте, вѣрные вѣстники, въ сѣнь Ахиллеса Пелида;
За руки взявъ, предъ меня Бризеиду не медля представьте;
Если же онъ не отдастъ, возвратитеся, самъ я исторгну:
Съ силой къ нему я прійду, и преслушному горестнѣй будетъ!“
Такъ произнесъ и послалъ, заповѣдавши грозное слово.
Мужи пошли неохотно по берегу шумной пучины;
И, приближася къ кущамъ и быстрымъ судамъ Мирмидоновъ,
Тамъ обрѣтаютъ его, передъ кущей своею сидящимъ
Въ думѣ; пришедшихъ увидя, не радость Пелидъ обнаружилъ.
Оба смутились они и въ почтительномъ страхѣ къ владыкѣ
Стали, ни вѣсти сказать, ни его вопросить не дерзая.
Сердцемъ своимъ то проникъ и вѣщалъ имъ Пелидъ благородный:
„Здравствуйте, мужи глашатаи, вѣстники бога и смертныхъ!
Ближе предстаньте; ни въ чемъ вы невинны, но царь Агамемнонъ!
Онъ васъ послалъ за наградой моей, за младой Бризеидой.
Другъ благородный Патроклъ, изведи и отдай Бризеиду;
Пусть похищаютъ; но сами они же свидѣтели будутъ
И предъ сонмомъ боговъ, и предъ племенемъ всѣхъ человѣковъ,
И предъ царемъ симъ неистовымъ, ежели нѣкогда снова
Нужда настанетъ во мнѣ, чтобъ спасти отъ позорнѣйшей смерти
Рать остальную... свирѣпствуетъ, вѣрно, онъ, умъ погубивши!
Свесть настоящаго съ будущимъ онъ не умѣя, не видитъ,
Какъ при судахъ обезпечить спасеніе рати Ахейской!“
Рекъ, и Менетіевъ сынъ покорился любезному другу,
За руку вывелъ изъ сѣни прекрасно-ланитую дѣву,
Отдалъ посламъ; и они удаляются къ сѣнямъ Ахейскимъ;
Съ ними отходитъ печальная дѣва.—Тогда прослезяся,
Бросилъ друзей Ахиллесъ, и далеко отъ всѣхъ, одинокій,
Сѣлъ у пучины сѣдой и, взирая на понтъ темноводный,
Руки въ слезахъ простиралъ, умоляя любезную матерь:
„Матерь! когда ты меня породила на свѣтъ кратковѣчнымъ,
Славы не долженъ ли былъ присудить мнѣ высокогремящій
Зевсъ Эгіохъ? Но меня никакой не сподобилъ онъ чести!
Гордый могуществомъ царь, Агамемнонъ, меня обезчестилъ;
Подвиговъ бранныхъ награду похитилъ и властвуетъ ею!“
Такъ онъ въ слезахъ вопіялъ, и слышала вопль его матерь,
Въ безднахъ сидящая моря, въ обители старца Нерея.
Быстро изъ пѣннаго моря, какъ легкое облако, вышла,
Сѣла близъ милаго сына, струящаго горькія слезы,

Нѣжно ласкала рукой, называла, и такъ говорила:
„Что ты, о сынъ мой, рыдаешь? Какая печаль посѣтила
Сердце твое? Не скрывайся, повѣдай, да оба мы знаемъ".
Ей, тяжело застонавъ, отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
„Знаешь, о матерь: почто тебѣ, знающей все, возвѣщать мнѣ?
Мы на священныя Ѳивы, на градъ Этіоновъ ходили;
Градъ разгромили, и все, что добыли, представили въ станѣ;
Все межъ собою, какъ должно, Ахеянъ сыны раздѣлили:
Сыну Атрееву Хризову дочь лѣповидную дали.
Вскорѣ Хризъ, іерей престарѣлый царя Аполлона,
Къ черными предсталъ кораблямъ Аргивянъ мѣднобронныхъ, желая
Плѣнную дочь искупить; и принесши безчисленный выкупъ,
И держа въ рукахъ, на жезлѣ золотомъ, Аполлоновъ
Свѣтлый вѣнецъ, умолялъ убѣдительно всѣхъ онъ Ахеянъ,
Паче жъ Атридовъ могучихъ, строителей рати Ахейской.
Всѣ изъявили согласіе крикомъ всеобщимъ Ахейцы
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкупъ;
Но Атриду царю, одному, не угодно то было:
Гордо жреца онъ отринулъ, суровыя рѣчи вѣщая.
Жрецъ огорчился и вспять отошелъ; но ему Сребролукій
Скоро молящемусь внялъ: Аполлону любезенъ былъ старецъ;
Внялъ и стрѣлу истребленья послалъ на Данаевъ; народы
Гибли толпа на толпѣ, и безсмертнаго стрѣлы летали
Съ края на край по широкому стану. Тогда прорицатель,
Калхасъ премудрый, повѣдалъ священные Феба глаголы.
Первый совѣтовалъ я укротить раздраженнаго бога.
Гнѣвомъ вспылалъ Агамемнонъ и, съ мѣста, свирѣпый, воспрянувъ,
Началъ словами грозить, и угрозы его совершились!
Въ Хризу священника дщерь быстроокія чада Ахеянъ
Въ легкомъ везутъ кораблѣ и дары примиренія богу.
Но недавно ко мнѣ приходили послы и изъ кущи
Бризову дщерь увели, драгоцѣннѣйшій даръ мнѣ Ахеянъ!
Матерь! когда ты сильна, заступися за храбраго сына!
Нынѣ жъ взойди на Олимпъ и моли всемогущаго Зевса,
Ежели сердцу его угождала ты словомъ иль дѣломъ.
Часто я въ домѣ родителя, въ дни еще юности, слышалъ,
Часто хвалилася ты, что отъ Зевса, сгустителя облакъ,
Ты изъ безсмертныхъ одна отвратила презрѣнныя козни,
Въ день, какъ отца оковать Олимпійскіе боги дерзнули,
Гера и царь Посидаонъ и съ ними Аѳина Паллада.
Ты, о богиня, представъ, уничтожила ковы на Зевса;
Ты на Олимпъ многохолмный призвала Сторукаго въ помощь,

Коему имя въ богахъ Бріарей, Эгеонъ—въ человѣкахъ.
Страшный титанъ, и отца своего превышающій силой,
Онъ близъ Кронида возсѣлъ, и огромный, и славою гордый.
Боги его ужаснулись, и всѣ отступили отъ Зевса.
Зевсу напомни о томъ и моли, обнимая колѣна,
Пусть онъ, отецъ, возжелаетъ въ бояхъ поборать за Пергамлянъ,
Но Аргивянъ, утѣсняя до самыхъ судовъ и до моря,
Смертью разить, да своимъ Аргивяне царемъ насладятся;
Самъ же сей царь многовластный надменный Атридъ да познаетъ,
Сколь онъ преступенъ, Ахейца храбрѣйшаго такъ обезчестивъ".
Сыну въ отвѣтъ говорила Ѳетида, ліющая слезы:
„Сынъ мой! почто я тебя воспитала, рожденнаго къ бѣдствамъ!
Даруй, Зевесъ, чтобы ты предъ судами безъ слезъ и печалей
Могъ оставаться. Кратокъ твой вѣкъ, и предѣлъ его близокъ!
Нынѣ ты вмѣстѣ—и всѣхъ кратковѣчнѣй, и всѣхъ злополучнѣй!
Въ злую годину, о сынъ мой, тебя я въ дому породила!
Но, вознесусь на Олимпъ многоснѣжный; метателю молній
Все я повѣдаю, Зевсу; быть можетъ, вонметъ онъ моленью
Ты же теперь оставайся при быстрыхъ судахъ Мирмидонскихъ,
Гнѣвъ на Ахеянъ питай, и отъ битвъ удержись совершенно.
Зевсъ громовержецъ вчера къ отдаленнымъ водамъ Океана
Съ сонмомъ безсмертныхъ на пиръ къ Эѳіопамъ отшелъ непорочнымъ,
Но въ двѣнадцатый день возвратится снова къ Олимпу;
И тогда я пойду къ мѣдноздданному Зевсову дому,
И къ ногамъ припаду, и царя умолить уповаю".
Слово скончала и скрылась, оставя печальнаго сына,
Въ сердцѣ питавшаго скорбь о красно-опоясанной дѣвѣ,
Силой Атрида отъятой.—Межъ тѣмъ Одиссей велемудрый
Хризы веселой достигъ съ гекатомбой священною Фебу.
Съ шумомъ легкій корабль вбѣжалъ въ глубодонную пристань;
Всѣ паруса опустили, сложили на черное судно,
Мачту къ гнѣзду притянули, поспѣшно спустивъ на канатахъ,
И корабль въ пристанище дружно пригнали на веслахъ.
Тамъ они котвы бросаютъ, причалы къ пристанищу вяжутъ,
И съ дружиною сами сходятъ на берегъ пучины,
И низводятъ тельцовъ, гекатомбу царю Аполлону,
И вослѣдъ Хризеида на отчую землю нисходитъ.
Дѣву тогда къ алтарю повелъ Одиссей благородный,
Старцу въ объятія отдалъ и словомъ привѣтствовалъ мудрымъ:
„Феба служитель! меня посылаетъ Атридъ Агамемномъ
Дочерь тебѣ возвратить, и Фебу царю гекатомбу
Здѣсь на Данаевъ принесть, да преклонимъ на милость владыку,

Въ гнѣвѣ на племя Данаевъ пославшаго тяжкія бѣдства".
Рекъ и вручилъ Хризеиду, и старецъ съ веселіемъ обнялъ
Милую дочь. Между тѣмъ гекатомбную славную жертву
Вкругъ алтаря велелѣпнаго стройно становятъ Ахейцы,
Руки водой омываютъ и соль, и ячмень подымаютъ.
Громко Хризъ возмолился, горѣ воздѣвающій руки:
„Фебъ сребролукій внемли мнѣ! о ты, что хранящій обходишь
Хризу, священную Киллу и мощно царишь въ Тенедосѣ!
Ты благосклонно и прежде, когда я молился, услышалъ
И прославилъ меня, поразивши бѣдами Ахеянъ;
Также и нынѣ услышь, и исполни моленіе старца:
Нынѣ погибельный моръ отврати отъ народовъ Ахейскихъ".
Такъ онъ взывалъ и услышалъ его Аполлонъ сребролукій.
Кончивъ молитву, ячменемъ и солью осыпали жертвы,
Выи имъ подняли вверхъ, закололи, тѣла освѣжили,
Бедра не медля отсѣкли, обрѣзаннымъ тукомъ покрыли
Вдвое кругомъ и на нихъ положили останки сырые.
Жрецъ на дровахъ сожигалъ ихъ, багрянымъ виномъ окропляя;
Юноши окрестъ его въ рукахъ пятизубцы держали.
Бедра сожегши они и вкусивши утробъ отъ закланныхъ,
Все остальное дробятъ на куски, прободаютъ рожнами,
Жарятъ на нихъ осторожно и, все уготовя, снимаютъ.
Кончивъ заботу сію, Ахеяне пиръ учредили;
Всѣ пировали, никто не нуждался на пиршествѣ общемъ;
И когда питіемъ и пищею гладъ утолили,
Юноши, паки виномъ наполнивши доверху чаши,
Кубками всѣхъ обносили, отъ правой страны начиная.
Цѣлый Ахеяне день ублажали пѣніемъ бога;
Громкій пеанъ Аполлону Ахейскіе отроки пѣли;
Славя его, Стрѣловержца, и онъ веселился, внимая.
Солнце едва закатилось и сумракъ на землю спустился,
Сну предалися пловцы у причалъ мореходнаго судна.
Но, лишь явилась заря розоперстая, вѣстница утра,
Въ путь поднялися обратный къ широкому стану Ахейцы.
Съ мѣста попутный имъ вѣтеръ послалъ Аполлонъ сребролукій.
Мачту поставили, парусы бѣлые всѣ распустили;
Средній немедленно вѣтеръ надулъ, и, поплывшему судну,
Страшно вкругъ киля его зашумѣли пурпурныя волны;
Быстро оно по волнамъ, бразды оставляя, летѣло.
Послѣ, какъ скоро достигли Ахейскаго ратнаго стана,
Черное судно они извлекли на покатую сушу
И, высоко, на пескѣ, подкативши огромныя бревна,

Сами разсѣялись вдругъ по своимъ кораблямъ и по кущамъ.
Онъ между тѣмъ враждовалъ, при судахъ оставаяся черныхъ,
Зевсовъ питомецъ, Пелидъ Ахиллесъ, быстроногій ристатель.
Не былъ уже ни въ совѣтахъ, мужей украшающихъ славой,
Не былъ ни въ грозныхъ бояхъ; сокрушающій сердце печалью,
Праздный сидѣлъ, но душою алкалъ онъ и брани, и боя.
Съ оной поры наконецъ двѣнадцать денницъ совершилось,
И на свѣтлый Олимпъ возвратилися вѣчные боги,
Всѣ совокупно; предшествовалъ Зевсъ. Не забыла Ѳетида
Сына моленій; рано возникла изъ пѣннаго моря,
Съ раннимъ туманомъ взошла на великое небо, къ Олимпу;
Тамъ, одного возсѣдящаго, молній метателя Зевса
Видитъ на самой вершинѣ горы многоверхой, Олимпа;
Близко предъ нимъ возсѣдаетъ и, быстро обнявши колѣна
Лѣвой рукою, а правой подбрадія тихо касаясь,
Такъ говоритъ, умоляя отца и владыку безсмертныхъ:
„Если когда я, отецъ нашъ, тебѣ отъ безсмертныхъ угодна
Словомъ была или дѣломъ, исполни одно мнѣ моленье!
Сына отмсти мнѣ, о Зевсъ! кратковѣчнѣе всѣхъ онъ Данаевъ;
Но его Агамемнонъ, властитель мужей, обезславилъ:
Самъ у него и похитилъ награду, и властвуетъ ею.
Но отомсти его ты, промыслитель небесный, Кроніонъ!
Ратямъ Троянскимъ даруй одолѣнье, доколѣ Ахейцы
Сына почтить не предстанутъ и чести его не возвысятъ“.
Такъ говорила; но, ей не отвѣтствуя, Тучегонитель
Долго бозмолвный сидѣлъ; а она, какъ объяла колѣна,
Такъ ихъ держала, припавши, и снова его умоляла:
„Дай непреложный обѣтъ, и священное маніе сдѣлай,
Или отвергни; ты страха не знаешь: реки, да увѣрюсь,
Всѣхъ ли презрѣннѣйшей я межъ безсмертныхъ богинь остаюся“.
Ей, воздохнувши глубоко, отвѣтствовалъ Тучегонитель:
„Скорбное дѣло, ненависть ты на меня возбуждаешь
Геры надменной: озлобитъ меня оскорбительной рѣчью;
Гера и такъ непрестанно, предъ сонмомъ безсмертныхъ, со мною
Споритъ и вопитъ, что я за Троянъ побораю во брани.
Но удалися теперь, да тебя на Олимпѣ не узритъ
Гера; о прочемъ заботы пріемлю я самъ и исполню:
Зри, да увѣрена будешь,—тебѣ я главой помаваю.
Се отъ лица моего для безсмертныхъ боговъ величайшій
Слова залогъ: невозвратно то слово, вовѣкъ непреложно,
И не свершиться не можетъ, когда я главой помаваю“.
Рекъ, и во знаменье черными Зевсъ помаваетъ бровями:

Быстро власы благовонные вверхъ поднялись у Кронида
Окрестъ безсмертной главы, и потрясся Олимпъ многохолмный.
Такъ совѣщались они и разстался. Быстро Ѳетида
Ринулась въ бездну морскую, съ блестящаго сверглась Олимпа;
Зевсъ возвратился въ чертогъ, и боги съ престоловъ возстали
Въ встрѣчу отцу своему; не дерзнулъ ни одинъ отъ безсмертныхъ
Сидя грядущаго ждать, но во стрѣтенье всѣ поднялися.
Тамъ Олимпіецъ на тронѣ возсѣлъ; но владычица Гера
Все примѣчала, узрѣла, какъ съ нимъ полагала совѣты
Старца пучиннаго дочь, среброногая матерь Пелида.
Быстро, съ язвительной рѣчью, она обратилась на Зевса:
„Кто изъ безсмертныхъ съ тобою, коварный, строилъ совѣты?
Знаю, пріятно тебѣ отъ меня завсегда сокровенно
Тайныя думы держать; никогда ты собственной волей
Мнѣ не рѣшился повѣдать ни слова изъ помысловъ тайныхъ!“
Ей отвѣчалъ повелитель боговъ и отецъ человѣковъ:
„Гера, совѣты мои не всѣ ты надѣйся увѣдать;
Тягостны будутъ тебѣ, хотя ты мнѣ и супруга!
Что невозбранно познать, никогда никто не познаетъ
Прежде тебя, ни отъ сонма земныхъ, ни отъ сонма небесныхъ.
Если жъ одинъ, безъ боговъ, восхощу я совѣты замыслить,
Ты ни меня вопрошай, ни сама не извѣдывай оныхъ“.
Къ Зевсу воскликнула вновь волоокая Гера богиня:
„Тучегонитель, какія ты рѣчи, жестокій, вѣщаешь?
Я никогда ни тебя вопрошать, ни сама что извѣдать
Вѣкъ не желала; спокойно всегда замышляешь, что хочешь.
Я и теперь объ одномъ трепещу, да тебя не преклонитъ
Старца пучиннаго дочь, среброногая матерь Пелида:
Рано возсѣла съ тобой и колѣна твои обнимала;
Ей помавалъ ты, какъ я примѣчаю, желая Пелида
Честь отомстить и толпы Аргивянъ истребить предъ судами“.
Герѣ паки не медля отвѣтствовалъ тучегонитель Кроніонъ:
„Дивная! все примѣчаешь ты, вѣчно меня соглядаешь!
Но произвесть ничего не успѣешь; болѣе только
Сердце мое отвратишь, и тебѣ то ужаснѣе будетъ!
Если содѣлалось такъ,—безъ сомнѣнія, мнѣ то угодно!
Ты же безмолвно сиди и глаголамъ моимъ повинуйся!
Или тебѣ не помогутъ ни всѣ божества на Олимпѣ,
Если, возставъ, наложу на тебя необорныя руки“.
Рекъ; устрашилась его волоокая Гера богиня
И безмолвно сидѣла, свое побѣдившая сердце.
Смутно по Зевсову дому вздыхали небесные боги.

Тутъ Олимпійскій художникъ, Гефестъ, бесѣдовать началъ,
Матери милой усердствуя, Герѣ лилейно-раменной:
„Горестны будутъ такія дѣла, наконецъ нестерпимы,
Ежели вы и за смертныхъ съ подобной враждуете злобой!
Ежели въ сонмѣ боговъ воздвигаете смуту! Исчезнетъ
Радость отъ пиршества свѣтлаго, ежели зло торжествуетъ!
Матерь, тебя убѣждаю, хотя и сама ты премудра,
Зевсу царю окажи покорность, да паки безсмертный
Гнѣвомъ не грянетъ и намъ не смутитъ безмятежнаго пира.
Если восхощетъ отецъ, Олимпіецъ, громами блестящій,
Всѣхъ отъ престоловъ низвергнетъ: могуществомъ всѣхъ онъ превыше!
Матерь, потщися могучаго сладкими тронуть словами,
И немедленно къ намъ Олимпіецъ милостивъ будетъ".
Такъ произнесъ и, поднявшись, блистательный кубокъ двудонный
Матери милой подноситъ и снова такъ ей вѣщаетъ:
„Милая мать, претерпи и снеси, какъ ни горестно сердцу!
Сыну толико драгая, не дай на себѣ ты увидѣть
Зевса ударовъ; безсиленъ я буду, хотя и крушася,
Помощь подать: тяжело Олимпійцу противиться Зевсу!
Онъ уже древле меня, побужденнаго сердцемъ на помощь,
Ринулъ, за ногу схвативъ, и низвергнулъ съ небеснаго прага:
Несся стремглавъ я весь день и съ закатомъ блестящаго солнца
Палъ на божественный Лемносъ, едва сохранившій дыханье.
Тамъ Синтійскіе мужи меня дружелюбно пріяли".
Рекъ; улыбнулась богиня; лилейно-раменная Гера
И съ улыбкой отъ сына блистательный кубокъ пріяла.
Онъ и другимъ небожителямъ, съ правой страны начиная,
Сладостный нектаръ подноситъ, черпая кубкомъ изъ чаши.
Смѣхъ несказанный воздвигли блаженные жители неба,
Видя, какъ съ кубкомъ Гефестъ по чертогу вокругъ суетится.
Такъ во весь день до зашествія солнца блаженные боги
Всѣ пировали, сердца услаждая на пиршествѣ общемъ
Звуками лиры прекрасной, бряцавшей въ рукахъ Аполлона,
Пѣніемъ Музъ, отвѣчавшихъ бряцанію сладостнымъ гласомъ.
Но, когда закатился свѣтъ блистательный солнца,
Боги, желая почить, уклонилися каждый въ обитель,
Гдѣ небожителю каждому домъ на холмистомъ Олимпѣ
Мудрый Гефестъ хромоногій по замысламъ творческимъ создалъ.
Зевсъ къ одру своему отошелъ, Олимпійскій блистатель,
Гдѣ и всегда почивалъ, какъ сонъ посѣщалъ его сладкій;
Тамъ онъ, восшедши, почилъ и при немъ златотронная Гера.

ПѢСНЬ II.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

Зевсъ, дабы отмстить за обиду, Ахиллесу нанесенную, посылаетъ Агамемнону, во время ночи, обольстительное сновидѣніе, что онъ наконецъ завоюетъ Трою; ст. 1—40. Агамемнонъ, обольщенный и жаждущій безъ Ахиллеса взять Трою, спѣшитъ и сновидѣніе свое и намѣреніе—вести на бой всѣхъ Данаевъ—открыть старѣйшинамъ, потомъ немедленно сзываетъ собраніе народное; 41—100. Но, не довѣряя, готовъ ли народъ безъ Ахиллеса вступить въ сраженіе, испытываетъ духъ его и притворно совѣтуетъ возвратиться въ отечество, произнося свою рѣчь съ знаменитымъ въ рукахъ наслѣдственнымъ скиптромъ; 101—141. Народъ, войною утомленный, не понявъ намѣренія царя, быстро волнуется и бросается къ кораблямъ, чтобы готовиться къ отплытію; 142—154. Одиссей, Палладою возбужденный, ниспедшею съ неба, убѣжденіями и угрозами укрощаетъ смятеніе народное и своею властію вновь возстановляетъ собраніе; 155—210. Ѳерсита, мужа безобразнаго и злословнаго, жестоко наказываетъ для примѣра другимъ; 211—277. Такъ укротивъ народъ, Одиссей новою рѣчью возбуждаетъ его на брань, воспоминая, между прочимъ, прежнія счастливыя знаменія Калхаса, что Троя будетъ взята въ десятый годъ брани; 278—335. Въ такомъ же разумѣ произноситъ рѣчь Несторъ и вмѣстѣ совѣтуетъ употребить нѣкоторый родъ тактики, раздѣливъ народъ на племена и колѣна; 336—368. Агамемнонъ начинаетъ уже раскаиваться въ своей распрѣ съ Ахиллесомъ, приказываетъ бой и браннымъ жаромъ одушевляетъ всѣхъ; 369—393. Всѣ спѣшатъ вооружиться; между тѣмъ Агамемнонъ, заклавъ жертвы, старѣйшихъ вождей приглашаетъ на пиршество; прочіе быстро, по своимъ кущамъ, приносятъ жертвы богамъ, насыщаются и готовятся къ сраженію; 394—440. Вѣстники, по совѣту Нестора, сзываютъ Ахеянъ на бой; вожди строятъ ихъ, каждый свое племя, и выводятъ къ сраженію; 441—483. Подробное исчисленіе кораблей, народовъ и вождей, которые съ Агамемнономъ пришли на брань

Троянскую; 484—785. Трояне также, Политомъ извѣщенные о возмущеніи Ахеянъ, подъ предводительствомъ Гектора, и сами, и союзники ихъ, выходятъ въ поле, къ холму Батіеи; краткое исчисленіе Троянъ, союзниковъ и вождей ихъ; 786—877.

Всѣ, и безсмертные боги, и коннодоспѣшные мужи,
Спали всю ночь, но Кроніона сладостный сонъ не покоилъ.
Онъ волновался заботными думами, какъ Ахиллеса
Честь отомстить и Ахеянъ толпы истребить предъ судами.
Сердцу его наконецъ показалася лучшая дума:
Сонъ послать обманчивый мощному сыну Атрея.
Зевсъ призываетъ его и крылатыя рѣчи вѣщаетъ:
„Мчися, обманчивый Сонъ, къ кораблямъ быстролетнымъ Ахеянъ;
Вниди подъ сѣнь и явись Агамемнону, сыну Атрея;
Все ты ему возвѣсти непремѣнно, какъ я завѣщаю:
Въ бой вести самому повели кудреглавыхъ Данаевъ
Всѣ ополченія; нынѣ, вѣщай, завоюетъ Троянскій
Градъ многолюдный: уже на Олимпѣ имущіе домы
Боги не мнятъ разномысленно; всѣхъ наконецъ согласила
Гера своею мольбой, и надъ Троею носится гибель".
Рекъ онъ,—и Сонъ отлетѣлъ, повелѣнію Зевса покорный,
Быстрымъ полетомъ достигъ кораблей мореходныхъ Аргивскихъ,
Къ кущамъ Атридовъ потекъ и обрѣлъ Агамемнона: въ кущѣ
Царь почивалъ, и надъ нимъ амврозическій сонъ разливался.
Сталъ надъ главой онъ царевой, Нелееву сыну подобный,
Нестору, болѣе всѣхъ Агамемноном чтимому старцу;
Образъ его воспріявъ, божественный Сонъ провѣщаетъ:
„Спишь, Агамемнонъ, спишь, сынъ Атрея, смирителя коней!
Ночи во снѣ провождать подобаетъ ли мужу совѣта,
Коему ввѣрено столько народа и столько заботы!
Быстро внимай, что реку я: тебѣ я Кроніона вѣстникъ;
Онъ и съ высокихъ небесъ о тебѣ, милосердый, печется:
Въ бой вести тебѣ онъ велитъ кудреглавыхъ Данаевъ
Всѣ ополченія; нынѣ, онъ рекъ, завоюешь Троянскій
Градъ многолюдный: уже на Олимпѣ имущіе домы
Боги не мнятъ разномысленно; всѣхъ наконецъ согласила
Гера мольбой, и надъ Троею носится гибель отъ Зевса.
Помни глаголы мои, сохраняй на душѣ и страшися
Ихъ позабыть, какъ тебя оставитъ сонъ благотворный".
Такъ говоря, отлетѣлъ и оставилъ Атреева сына,
Сердце предавшаго думамъ, которымъ не сужено сбыться.

Думалъ, что въ тотъ же онъ день завоюетъ Пріамову Трою.
Смертный безумный! не вѣдалъ онъ дѣлъ, устрояемыхъ Зевсомъ:
Снова рѣшился Отецъ удручить и бѣдами, и стономъ
Трои сыновъ и Данаевъ на новыхъ побоищахъ страшныхъ.
Вспрянулъ Атридъ, и божественный голосъ еще разливался
Вкругъ его слуха; возсѣлъ онъ и мягкимъ одѣлся хитономъ,
Новымъ, прекраснымъ, и сверху набросилъ широкую ризу;
Къ бѣлымъ ногамъ привязалъ прекраснаго вида плесницы,
Сверху раменъ перекинулъ блистательный мечъ сребротвоздный;
Въ руку же взявши отцовскій, во вѣки негибнущій скипетръ,
Съ нимъ отошелъ къ кораблямъ мѣдянодоспѣшныхъ Данаевъ.
Вѣстница утра, заря, на великій Олимпъ восходила,
Зевсу-царю и другимъ небожителямъ свѣтъ возвѣщая;
И Атридъ повелѣлъ провозвѣстникамъ звонкоголосымъ
Къ сонму немедленно кликать Ахейскихъ сыновъ кудреглавыхъ.
Вѣстники подняли кличъ,—и Ахейцы стекалися быстро.
Прежде же онъ посадилъ на совѣтъ благодумныхъ старѣйшинъ,
Ихъ пригласивъ къ кораблю скиптроноснаго старца Нелида.
Тамъ Агамемнонъ, собравшимся, мудрый совѣтъ имъ устроилъ:
„Други! объятому сномъ, въ тишинѣ амврозической ночи,
Дивный явился мнѣ Сонъ, благородному сыну Нелея
Образомъ, ростомъ и свойствомъ Нестору чудно подобный!
Сталъ надъ моей онъ главой и вѣщалъ мнѣ ясныя рѣчи:
Спишь, Агамемнонъ, спишь, сынъ Атрея, смирителя коней!
Ночи во снѣ провождать подобаетъ ли мужу совѣта,
Коему ввѣрено столько народа и столько заботы!
Быстро внимай, что реку я: тебѣ я Кроніона вѣстникъ.
Онъ и съ высокихъ небесъ о тебѣ, милосердый, печется;
Въ бой вести тебѣ онъ велитъ кудреглавыхъ Данаевъ
Всѣ ополченія: нынѣ, вѣщалъ, завоюешь Троянскій
Градъ многолюдный; уже на Олимпѣ имущіе домы
Боги не мнятъ разномысленно: всѣхъ наконецъ согласила
Гера мольбой, и надъ Троею носится гибель отъ Зевса.
Слово мое сохрани ты на сердцѣ.—И такъ произнесши,
Онъ отлетѣлъ, и меня оставилъ сонъ благотворный.
Други! помыслите, какъ ополчить кудреглавыхъ Данаевъ?
Прежде я самъ, какъ и слѣдуетъ, ихъ испытаю словами;
Я повелю имъ отъ Трои бѣжать на судахъ многовеслыхъ,
Вы же одинъ одного отъ сего отклоняйте совѣтомъ“.
Такъ произнесъ и возсѣлъ Атрейонъ,—и возсталъ между ними
Несторъ почтенный, песчанаго Пилоса царь сѣдовласый.
Онъ, благомысленный, такъ говорилъ предъ собраньемъ старѣйшинъ:

„Други! вожди и правители мудрые храбрыхъ Данаевъ!
Если-бъ подобный сонъ возвѣщалъ намъ другой отъ Ахеянъ,
Ложью почли-бъ мы его и съ презрѣніемъ вѣрно-бъ отвергли;
Видѣлъ же тотъ, кто слыветъ знаменитѣйшимъ въ рати Ахейской;
Дѣйствуйте, други, помыслите, какъ ополчить намъ Ахеянъ".
Такъ произнесши, первый ушелъ изъ собранія Несторъ.
Всѣ поднялись, покорились Атриду, владыкѣ народовъ,
Всѣ скиптроносцы Ахеянъ; народы же рѣяли къ сонму.
Словно какъ пчелы, изъ горныхъ пещеръ вылетая роями,
Мчатся густыя, всечасно за купою новая купа;
Въ образѣ гроздій онѣ надъ цвѣтами весенними вьются,
Или то здѣсь, неисчетной толпою, то тамъ пролетаютъ,—
Такъ Аргивянъ племена, отъ своихъ кораблей и отъ кущей,
Вкругъ по безмѣрному брегу, несчетные, къ сонму тянулись
Быстро толпа за толпой; и межъ оными Осса пылала,
Ихъ возбуждавшая, вѣстница Зевса; они собирались;
Бурно соборъ волновался; земля застонала подъ тьмами
Шедшихъ народовъ; воздвигнулся шумъ между оными; девять
Гласомъ гремящимъ глашатаевъ, говоръ мятежный смиряя,
Звучно вопили, да внемлютъ царямъ, Зевеса питомцамъ.
И едва лишь народъ на мѣстахъ учрежденныхъ усѣлся,
Говоръ унявши, какъ пастырь народа возсталъ Агамемнонъ,
Съ царственнымъ скиптромъ въ рукахъ, Олимпійца Гефеста созданьемъ:
Скиптръ сей Гефестъ даровалъ молніеносному Зевсу Кроніду,
Зевсъ передалъ возвѣстителю Гермесу, Аргоубійцѣ;
Гермесъ вручилъ укротителю коней Пелопсу герою;
Конникъ Пелопсъ передалъ властелину народовъ Атрею;
Сей, умирая, стадами богатому предалъ Тіесту,
И Тіестъ наконецъ Агамемнону въ роды оставилъ,
Съ властью надъ тьмой острововъ и надъ Аргосомъ, царствомъ пространнымъ.
Царь, опираясь на скиптръ сей, вѣщалъ къ возсѣдящимъ Ахеямъ:
„Други, герои Данайскіе, храбрые слуги Арея!
Зевсъ громовержецъ меня уловилъ въ неизбѣжную гибель!
Пагубный, прежде обѣтомъ и знаменьемъ самъ предназначилъ
Мнѣ возвратиться рушителемъ Трои высокотвердынной.
Нынѣ же злое прельщеніе онъ совершилъ, и велитъ мнѣ
Въ Аргосъ безславнымъ бѣжать, погубившему столько народа!
Такъ, безъ сомнѣнія, богу, всемощному Зевсу, угодно.
Многихъ уже онъ градовъ сокрушилъ высокія главы
И еще сокрушитъ: безпредѣльно могущество Зевса.

Такъ,—но коликій позоръ объ насъ и потомкамъ услышать!
Мы, и толикая рать и народъ таковый, какъ Данаи,
Тщетныя битвы вели и безплодной войной воевали
Съ меньшею ратью враговъ и трудамъ конца не узрѣли.
Ибо когда бъ возжелали Ахейцы и граждане Трои,
Клятвою миръ утвердивши, народъ обоюдно исчислить,
И Трояне собрались бы, всѣ сколько есть ихъ во градѣ;
Мы же, Ахейскій народъ, раздѣляся тогда на десятки,
Взяли-бъ на каждый изъ нихъ отъ Троянскихъ мужей виночерпца,—
Многимъ десяткамъ у насъ не достало-бъ мужей виночерпцевъ!
Столько, еще повторяю, числомъ превосходятъ Ахейцы
Въ градѣ живущихъ Троянъ. Но у нихъ многочисленны други,
Храбрые, многихъ градовъ копьеборные мужи; они-то
Сильно меня отражаютъ и мнѣ не даютъ, какъ ни жажду,
Града разрушить враждебнаго, пышно устроенной Трои.
Девять прошло круговратныхъ годовъ великаго Зевса;
Древо у насъ въ корабляхъ изгниваетъ, канаты истлѣли;
Дома и наши супруги, и наши любезныя дѣти,
Сѣтуя, насъ ожидаютъ, а мы безнадежно здѣсь медлимъ,
Дѣлу не видя конца, для котораго шли къ Иліону.
Други, внемлите, и что повелю я вамъ, всѣ повинуйтесь:
Должно бѣжать! возвратимся въ драгое отечество наше;
Намъ не разрушить Трои, съ широкими стогнами града!“

Такъ говорилъ,—и Ахеянъ сердца взволновалъ Агамемнонъ
Всѣхъ въ многолюдной толпѣ, и не слышавшихъ рѣчи совѣтной.
Всталъ, всколебался народъ, какъ огромныя волны морскія,
Если и Нотъ ихъ и Эвръ, на водахъ Икарійскаго понта,
Вспучатъ, ударивши оба изъ облаковъ Зевса владыки,
Или, какъ Зефиръ обширную ниву жестоко волнуетъ,
Вдругъ налетѣвъ, и надъ нею бушующій клонитъ колосья,
Такъ ихъ собраніе все взволновалося; съ крикомъ ужаснымъ
Бросились всѣ къ кораблямъ; подъ стопами ихъ прахъ, подымаясь,
Облакомъ въ воздухѣ сталъ; вопіютъ, убѣждаютъ другъ друга
Быстро суда захватить и спускать на широкое море;
Рвы очищаютъ; уже до небесъ подымалися крики
Жаждущихъ въ домы; уже кораблей вырывали подпоры.

Такъ бы, судьбѣ вопреки, возвращеніе въ домы свершилось
Рати Ахейской, но Гера тогда провѣщала къ Аѳинѣ:
„Что это, дщерь необорная тучегонителя Зевса!
Или со срамомъ обратно въ любезную землю отчизны
Рать Аргивянъ побѣжитъ по хребтамъ безпредѣльнаго моря?

Или на славу Пріаму, на радость гордымъ Троянамъ
Бросятъ Елену Аргивскую, ради которой подъ Троей
Столько Данаевъ погибло, далеко отъ родины милой?
Мчися стремительно къ воинству мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ!
Сладкою рѣчью твоей убѣждай ты каждаго мужа
Въ море для бѣгства не влечь кораблей обоюду-весельныхъ."
Такъ изрекла; покорилась Аѳина владычицѣ Герѣ:
Бурно помчалась, съ вершины Олимпа высокаго бросясь;
Быстро достигла широкихъ судовъ Аргивянъ мѣдноброннныхъ;
Тамъ обрѣла Одиссея, совѣтами равнаго Зевсу:
Думенъ стоялъ и одинъ доброснастнаго чернаго судна
Онъ не касался: печаль въ немъ и сердце, и душу пронзила.
Ставъ близъ него, прорекла свѣтлоокая дщерь Эгіоха:
„Сынъ благородный Лаерта, герой, Одиссей многоумный!
Какъ? со срамомъ обратно, въ любезную землю отчизны
Вы ли отсель побѣжите, въ суда многомѣстныя рѣясь?
Вы ли, на славу Пріаму, на радость Троянамъ, Елену
Бросите, Аргоса дочь, за которую столько Ахеянъ
Здѣсь передъ Троей погибло, далеко отъ родины милой?
Шествуй не медля къ народу Ахейскому; ревностно дѣйствуй;
Сладостью рѣчи твоей убѣждай ты каждаго мужа
Въ море для бѣгства не влечь кораблей обоюду-весельныхъ".
Такъ провѣщала; и голосъ гремящій позналъ онъ богини;
Ринулся, сбросивъ и верхнюю ризу, но оную поднялъ
Слѣдомъ спѣшившій за нимъ Эврибатъ, Иѳакійскій глашатай.
Самъ Одиссей Лаертидъ, на пути Агамемнона встрѣтивъ,
Взялъ отъ владыки отцовскій вовѣки негибнущій скипетръ;
Съ онымъ скиптромъ пошелъ къ кораблямъ Аргивянъ мѣдноброннныхъ;
Тамъ, властелина или знаменитаго мужа встрѣчая,
Къ каждому онъ подходилъ и удерживалъ кроткою рѣчью:
„Мужъ знаменитый! тебѣ ли, какъ робкому, страху вдаваться?
Сядь, успокойся и самъ, успокой и другихъ межъ народа;
Ясно еще ты не знаешь намѣреній думы царевой;
Нынѣ испытывалъ онъ, и не медля накажетъ Ахеянъ:
Въ сонмѣ не всѣ мы слышали, что говорилъ Агамемнонъ;
Если онъ гнѣвенъ, жестоко, быть можетъ, поступитъ съ народомъ.
Тягостенъ гнѣвъ царя, питомца Кроніона Зевса;
Честь скипторосца отъ Зевса, и любитъ его Промыслитель".
Если жъ кого-либо шумнаго онъ находилъ межъ народа,
Скиптромъ его поражалъ и обуздывалъ грозною рѣчью:
„Смолкни, несчастный, возсядь и другихъ совѣщанія слушай,

Болѣ почтенныхъ, какъ ты! Невоинственный мужъ и безсильный,
Значащимъ ты никогда не бывалъ ни въ бояхъ, ни въ совѣтахъ.
Всѣмъ не господствовать, всѣмъ здѣсь не царствовать намъ Аргивянамъ!
Нѣтъ въ многовластіи блага; да будетъ единый властитель,
Царь намъ да будетъ единый, которому Зевсъ прозорливый
Скиптръ даровалъ и законы: да царствуетъ онъ надъ другими".
Такъ онъ господствуя, рать подчинялъ, и на площадь собраній
Бросился паки народъ, отъ своихъ кораблей и отъ кущей,
Съ воплемъ, подобно какъ волны немолчно-шумящаго моря,
Въ брегъ разбиваясь огромный, гремятъ,—и отвѣтствуетъ понтъ имъ.
Всѣ успокоились, тихо въ мѣстахъ учрежденныхъ сидѣли;
Только Ѳерситъ межъ безмолвными каркалъ одинъ, празднословный.
Въ мысляхъ имѣя всегда непристойныя многія рѣки,
Вѣчно искалъ онъ царей оскорблять, презирая пристойность,
Все позволяя себѣ, что казалось смѣшно для народа.
Мужъ безобразнѣйшій, онъ межъ Данаевъ пришелъ къ Иліону:
Былъ косоглазъ, хромоногъ; совершенно горбатыя сзади
Плечи на персяхъ сходились; глава у него подымалась
Вверхъ остріемъ, и была лишь рѣдкимъ усѣяна пухомъ.
Врагъ Одиссея и злѣйшій еще ненавистникъ Пелида,
Ихъ онъ всегда порицалъ, но теперь скиптроносца Атрида
Съ крикомъ пронзительнымъ онъ поносилъ; на него Аргивяне
Гнѣвались страшно; уже возставалъ негодующихъ ропотъ;
Онъ же, усиля свой крикъ, порицалъ Агамемнона, буйный:
„Что, Агамемнонъ, ты сѣтуешь, чѣмъ ты еще недоволенъ?
Кущи твои преисполнены мѣди, и множество плѣнницъ
Въ кущахъ твоихъ, которыхъ тебѣ Аргивяне избранныхъ
Первому въ рати даемъ, когда города разоряемъ.
Жаждешь ли злата еще, чтобъ его кто-нибудь изъ Троянскихъ
Конниковъ славныхъ принесъ для тебя, въ искупленіе сына,
Коего въ узахъ я бы привелъ, иль другой Аргивянинъ?
Хочешь ли новой жены, чтобъ любовію съ ней наслаждаться,
Въ сѣнь одному заключившися? Нѣтъ, недостойное дѣло,
Бывши главою народа, въ бѣды вовлекать насъ, Ахеянъ!
Слабое, робкое племя, Ахеянки мы, не Ахейцы!
Въ домы свои отплывемъ, а его мы оставимъ подъ Троей,
Здѣсь насыщаться чужими наградами; пусть онъ узнаетъ,
Служимъ ли помощью въ брани и мы для него, иль не служимъ.
Онъ Ахиллеса, его несравненно храбрѣйшаго мужа,
Днесь обезчестилъ: похитилъ награду и властвуетъ ею!

Мало въ душѣ Ахиллесовой злобы; онъ слишкомъ безпеченъ;
Или, Атридъ, ты нанесъ бы обиду, послѣднюю въ жизни!“
Такъ говорилъ, оскорбляя Атрида, владыку народовъ,
Буйный Ѳерситъ; но внезапно къ нему Одиссей устремился.
Гнѣвно воззрѣлъ на него и воскликнулъ голосомъ грознымъ:
„Смолкни, безумнорѣчивый, хотя громогласный, витія!
Смолкни, Ѳерситъ, и не смѣй ты одинъ порицать скиптроносцевъ.
Смертнаго болѣ презрѣннаго, нежели ты, я увѣренъ,
Нѣтъ межъ Ахеянъ, съ сынами Атрея подъ Трою пришедшихъ.
Имени нашихъ царей не вращай ты въ устахъ, велерѣча!
Ихъ не дерзай порицать, ни рѣчей уловлять о возвратѣ!
Знаетъ ли кто достовѣрно, чѣмъ окончится дѣло?
Счастливо или несчастливо мы возвратимся, Ахейцы?
Ты, злополучный, Атрида, вождя и владыку народовъ,
Сидя, злословишь, что слишкомъ ему Аргивяне герои
Много даютъ, и обиды царю произносишь на сонмѣ!
Но тебѣ говорю я, и слово исполнено будетъ:
Если еще я тебя безразсуднымъ, какъ нынѣ, увижу,
Пусть Одиссея главы на плечахъ могучихъ не будетъ,
Пусть я отъ онаго дня не зовуся отцомъ Телемака,
Если, схвативши тебя, не сорву я твоихъ одѣяній,
Хлены съ раменъ и хитона, и даже что стыдъ покрываетъ,
И, навзрыдъ вопіющимъ, тебя къ кораблямъ не пошлю я
Вонъ изъ народнаго сонма, позорно избитаго мною“.
Рекъ, и скиптромъ его по хребту и плечамъ онъ ударилъ.
Сжался Ѳерситъ, изъ очей его брызнули крупныя слезы;
Вдругъ полоса, подъ тяжестью скиптра златого,
Вздулась багровая; сѣлъ онъ, отъ страха дрожа; и отъ боли
Видъ безобразный наморщивъ, слезы отеръ на ланитахъ.
Всѣ, какъ ни были смутны, отъ сердца надъ нимъ разсмѣялись;
Такъ говорили иные, взирая одинъ на другого:
„Истинно, множество славныхъ дѣлъ Одиссей совершаетъ,
Къ благу всегда и совѣтъ начиная, и брань учреждая.
Нынѣ-жъ герой Лаертидъ совершилъ знаменитѣйшій подвигъ:
Нынѣ ругателя буйнаго онъ обуздалъ велерѣчье!
Вѣрно, впередъ не отважитъ его дерзновенное сердце
Зевсу любезныхъ царей оскорблять поносительной рѣчью!“
Такъ говорила толпа. Но возсталъ Одиссей градоборецъ,
Съ скиптромъ въ рукахъ, и подлѣ героя Паллада-Аѳина,
Въ образѣ вѣстника ставъ, повелѣла умолкнуть народамъ,
Чтобъ и въ ближнихъ рядахъ и въ далекихъ Данайскіе мужи
Слышали рѣчи его и постигнули разумъ совѣта.

Онъ, благомыслія полный, витійствовалъ такъ передъ сонмомъ:
„Царь Агамемнонъ! тебѣ, скиптроносцу, готовятъ Ахейцы
Вѣчный позоръ передъ племенемъ ясноглаголивыхъ смертныхъ,
Слово исполнить тебѣ не радѣютъ, которое дали,
Ратью сюда за тобою летя изъ цвѣтущей Геллады,—
Слово, лишь Трою разрушивъ великую, вспять возвратиться.
Нынѣ жъ Ахейцы, какъ слабыя дѣти, какъ жены-вдовицы,
Плачутся другъ передъ другомъ и жаждутъ лишь въ домъ возвратиться.
Тягостна брань, и унылому радостно въ домъ возвратиться.
Путникъ, и мѣсяцъ одинъ находяся вдали отъ супруги,
Сѣтуетъ близъ корабля, снаряженнаго въ путь, но который
Держатъ и зимнія вьюги, и волны мятежнаго моря.
Намъ же девятый уже исполняется годъ круговратный,
Здѣсь пребывающимъ. Нѣтъ, не могу я роптать, что Ахейцы
Сѣтуютъ сердцемъ, томясь при судахъ. Но, Ахейскіе мужи,
Стыдъ намъ—и медлить такъ долго, и праздно въ дома возвратиться!
Нѣтъ, потерпите, о други, помедлимъ еще, да узнаемъ,
Вѣрить ли намъ пророчеству Калхаса, или не вѣрить.
Твердо мы оное помнимъ; свидѣтели всѣ Аргивяне,
Коихъ еще не постигнули смерть паносящія Парки.
Прошлаго, третьяго-ль дня, корабли Аргивянъ во Авлиду
Сонмомъ слетались, несущіе гибель Пріаму и Троѣ;
Мы, окружая потокъ, на святыхъ алтаряхъ гекатомбы
Вѣчнымъ богамъ совершали, подъ яворомъ стоя прекраснымъ,
Гдѣ, изъ-подъ корня древеснаго, била блестящая влага.
Тамъ явилося чудо! Драконъ и кровавый, и пестрый,
Страшный для взора, самимъ Олимпійцемъ на свѣтъ извлеченный,
Вдругъ изъ подножья алтарнаго выползъ и взвился на яворъ.
Тамъ, на стеблѣ высочайшемъ, въ гнѣздѣ, подъ листами таяся,
Восемь птенцовъ воробьиныхъ сидѣли, безперыя дѣти,
И девятая матерь, недавно родившая пташекъ...
Всѣхъ драконъ ихъ пожралъ, испускающихъ жалкіе крики.
Матерь кругомъ ихъ летала, тоскуя о дѣтяхъ любезныхъ;
Вверхъ онъ извившись, схватилъ за крыло и стенящую матерь.
Но, едва поглотилъ онъ и юныхъ пернатыхъ, и птицу,
Чудо на немъ совершаетъ безсмертный, его показавшій:
Въ камень его превращаетъ сынъ хитроумнаго Крона.
Мы, безмолвные стоя, дивились тому, что творилось:
Страшное чудо боговъ при священныхъ явилося жертвахъ.
Калхасъ исполнился духа и такъ, боговѣщій, пророчилъ:

Что вы умолкнули всѣ, кудреглавыя чада Геллады?
Знаменьемъ симъ проявилъ намъ событіе Зевсъ промыслитель,
Позднее, поздній конецъ, но котораго слава безсмертна!
Сколько пернатыхъ птенцовъ поглотилъ драконъ сей кровавый
(Восемь ихъ было въ гнѣздѣ и девятая матерь пернатыхъ),
Столько, Ахейцы, годовъ воевать мы подъ Троею будемъ;
Но въ десятый разрушимъ обширную стогнами Трою.
Такъ намъ предсказывалъ Калхасъ, и все совершается нынѣ.
Бодрствуйте-жъ, други, останемся всѣ, бранноносцы Данаи,
Здѣсь, пока не разрушимъ Пріамовой Трои великой!"
Рекъ,—и Ахеяне подняли крикъ; корабли и окрестность
Съ страшнымъ отрянули гуломъ веселые крики Ахеянъ,
Рѣчь возносящихъ хвалой Одиссея, подобнаго богу,
Вскорѣ вѣщать межъ Ахейцами Несторъ божественный началъ:
„Боги! въ собраніи мы разглагольствуемъ праздно, какъ дѣти
Слабыя, коимъ и думы о бранныхъ дѣлахъ незнакомы.
Что и моленія наши и клятвы священныя будутъ?
Или въ огонь и совѣты пойдутъ и заботы Ахеянъ,
Винъ возліянья и рукъ сочетанья на вѣрность союзовъ?
Мы лишь словами стязаемся праздными; помощи-жъ дѣлу
Мы изыскать не могли, долговременно здѣсь оставаясь.
Свѣтлый Атридъ, и теперь, какъ и прежде, душою ты твердый,
Властвуй, Ахейскихъ сыновъ предводи на кровавыя битвы.
Если жъ изъ оныхъ одинъ или два помышляютъ не съ нами,
Ихъ ты оставь исчезать; не исполнятся помыслы робкихъ:
Нѣтъ, не воротимся въ Аргосъ, доколѣ мы въявь не познаемъ,
Зевса, эгиды носителя, ложенъ обѣтъ иль не ложенъ.
Я утверждаю, успѣхъ знаменалъ всемогущій Кроніонъ,
Въ самый тотъ день, когда на суда быстролетныя сѣли
Рати Ахеянъ, Троянамъ грозя и бѣдою, и смертью:
Онъ одесную блисталъ, благовѣствуя рати Ахейской.
Нѣтъ, да никто изъ Ахеянъ не думаетъ въ домъ возвратиться,
Прежде, покуда Троянской жены на одрѣ не обыметъ,
И не отмститъ за печаль и за тайныя слезы Елены.
Если же кто-либо сильно желаетъ лишь въ домъ возвратиться,
Пусть корабля своего многовесларо онъ прикоснется:
Прежде другихъ, малодушный, найдетъ себѣ смерть и погибель!
Царь, предлагай ты совѣтъ, но внимай и другого совѣту.
Мысль не презрѣнная будетъ, какую тебѣ предложу я.
Воевъ, Атридъ, раздѣли ты на ихъ племена и колѣна;
Пусть помогаетъ колѣно колѣну и племени племя.
Если рѣшиться на то и исполнить преклонишь Ахеянъ,

Скоро узнаешь, какой у тебя изъ вождей иль народовъ
Робокъ, иль мужественъ: всякъ за себя ратоборствовать будетъ;
Вмѣстѣ узнаешь, по волѣ-ль безсмертныхъ не рушишь ты града,
Или по слабости войскъ и невѣдѣнью ратнаго дѣла".
Сыну Нелея не медля отвѣтствовалъ царь Агамемнонъ:
„Всѣхъ ты Ахейскихъ мужей побѣждаешь, старецъ, совѣтомъ!
Если-бъ, о Зевсъ отецъ, Аполлонъ и Аѳина Паллада,
Десять такихъ у меня изъ Ахеянъ совѣтниковъ было,
Скоро предъ нами поникнулъ бы градъ крѣпкостѣнный Пріама,
Нашихъ героевъ руками плѣненный и въ прахъ обращенный!
Но Кронидъ громовержецъ мнѣ лишь бѣды посылаетъ;
Въ тщетную распрю меня, во вражду злополучную вводитъ.
Я съ Ахиллесомъ Пелидомъ стязался за плѣнную дѣву
Споромъ враждебнымъ; и я раздражаться, на горе мнѣ, началъ.
Если же нѣкогда мы съединимся съ героемъ, увѣренъ,
Гибели грозной отъ Трои ничто ни на мигъ не отклонитъ!
Нынѣ спѣшите обѣдать, а послѣ начнемъ нападенье.
Каждый потщися и дротъ изострить свой, и щитъ уготовить;
Каждый кормомъ обильнымъ коней напитай подъяремныхъ,
Вкругъ осмотри колесницу, о брани одной помышляя.
Будемъ цѣлый мы день состязаться въ ужасномъ убійствѣ;
Отдыха ратнымъ рядамъ ни на мигъ никакого не будетъ,
Развѣ ужъ ночь наступившая воиновъ ярость разниметъ.
Потомъ зальется ремень на груди не единаго воя,
Щитъ всеобъемный держащій; рука на копьѣ изнеможетъ;
Потомъ покроется конь подъ своей колесницей блестящей.
Если-жъ кого я увижу, хотящаго внѣ ратоборства
Возлѣ судовъ крутоносыхъ остаться, нигдѣ уже послѣ
Въ станѣ Ахейскомъ ему не укрыться отъ псовъ и пернатыхъ!"
Рекъ,—и Ахейцы вскричали ужасно; подобно какъ волны
Воютъ при брегѣ высокомъ, прибитыя Нотомъ порывнымъ
Къ встрѣчной скалѣ, отъ которой волна никогда не отходитъ,
Каждымъ вздымаяся вѣтромъ, отсель и оттоль находящимъ,
Вставъ, устремился народъ, межъ судами разсѣялся быстро,
Вкругъ задымился кущи: спѣшили обѣдать Ахейцы.
Жертвовалъ каждый изъ нихъ своему отъ боговъ вѣчносущихъ,
Смерти избавить моля и спасти отъ ударовъ Арея.
Онъ же тельца пятилѣтняго, пастырь мужей Агамемнонъ,
Тучнаго въ жертву заклалъ всемогущему Зевсу Кроніду.
Созвалъ старѣйшинъ отличныхъ, почтеннѣйшихъ въ рати Ахейской:
Перваго Нестора старца и Критскаго Идоменея,
Послѣ Аяксовъ двоихъ и Тидеева славнаго сына!

И за нимъ Одиссея, совѣтами равнаго Зевсу.
Но Атридъ Менелай добровольно пришелъ и незванный,
Зная любезнаго брата, и какъ онъ въ душѣ озабоченъ.
Стали они вкругъ тельца и ячмень освященный подъяли;
Въ сонмѣ ихъ, громко моляся, воззвалъ Агамемнонъ державный:
„Славный, великій Зевсъ, чернооблачный житель эѳира!
Дай, чтобы солнце не скрылось и мракъ не спустился на землю
Прежде, чѣмъ въ прахъ я не свергну Пріамовыхъ пышныхъ чертоговъ,
Черныхъ отъ дыма, и вратъ не сожгу ихъ огнемъ неугаснымъ;
Прежде, чѣмъ Гектора латъ на груди у него не расторгну,
Мѣдью пробивъ, и кругомъ его многіе други Трояне
Ницъ не полягутъ во прахѣ, зубами грызущіе землю!“
Такъ онъ взывалъ, но къ молитвѣ его не склонился Кроніонъ:
Жертвы пріялъ, но трудъ безпредѣльный Атриду готовилъ.
Кончивъ молитву, ячменемъ и солью осыпали жертву,
Выю загнули тельцу и заклали и тукъ обнажили,
Бедра не медля отсѣкли, обрѣзаннымъ тукомъ покрыли
Вдвое кругомъ и на нихъ распростерли части сырыя.
Все сожигали они на сухихъ, безлиственныхъ вѣтвяхъ;
Но утробы, пронзивъ, надъ пылавшимъ огнемъ обращали.
Бедра сожегши они и вкусивши утробы отъ жертвы,
Все остальное дробятъ на куски, прободаютъ рожнами,
Жарятъ на нихъ осторожно и, такъ уготовя, снимаютъ.
Кончивъ заботу сію, немедленно пиръ учредили;
Всѣ пировали, никто не нуждался на пиршествѣ общемъ.
Вскорѣ-жъ, когда питіемъ и брашномъ насытили сердце,
Началъ межъ оными слово Несторъ, конникъ Геренскій:
„Царь знаменитый, Атридъ, повелитель мужей, Агамемнонъ!
Болѣе здѣсь оставаясь, ни времени тратить, ни медлить
Дѣломъ великимъ не будемъ, которое богъ намъ ввѣряетъ.
Царь, повели, да глашатаи мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ
Кликомъ, нимало не медля, народъ къ кораблямъ собираютъ.
Мы-жъ, совокупные всѣ, по широкому стану Ахеянъ
Сами пройдемъ, да скорѣе возбудимъ жестокую битву“.
Рекъ; не отринулъ совѣта владыка мужей Агамемнонъ;
Въ тотъ же онъ мигъ повелѣлъ провозвѣстникамъ звонко-голосымъ
Кликомъ сзывать на сраженіе мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ.
Вѣстники подняли кличъ,—и они собирались поспѣшно.
Быстро цари, вкругъ Атрида стоявшіе, Зевса питомцы,
Бросились строить толпы; и въ средѣ ихъ явилась Паллада,
Въ длани вращая эгидъ, драгоцѣнный, нетлѣнный, безсмертный:
Сто на эгидѣ бахромъ развѣвалися, чистое злато,

Дивно плетенныя всѣ, и цѣна имъ—стотельчіе каждой.
Съ онымъ, бурно носяся, богиня народъ обтекала,
Въ бой возбуждая мужей, и у каждаго твердость и силу
Въ сердцѣ воздвигла, безъ устали вновь воевать и сражаться.
Всѣмъ во мгновенье война имъ кровавая сладостнѣй стала,
Чѣмъ на судахъ возвращенье въ любезную землю родную.
Словно огонь истребительный, вспыхнувъ на горныхъ вершинахъ,
Лѣсъ безпредѣльный палитъ и далеко заревомъ свѣтитъ,
Такъ, при движеніи воинствъ, отъ пышной ихъ мѣди чудесной
Блескъ лучезарный кругомъ восходилъ по эѳиру до неба.
Ихъ племена, какъ птицъ перелетныхъ несчетныя стаи,
Дикихъ гусей, журавлей, иль стада лебедей долговыйныхъ
Въ злачномъ Азійскомъ лугу, при Каистрѣ широко текущемъ,
Вьются туда и сюда и плесканіемъ крылъ веселятся,
Съ крикомъ садятся противу сидящихъ и лугъ оглашаютъ,—
Такъ Аргивянъ племена, отъ своихъ кораблей и отъ кущей,
Съ шумомъ неслись на долину Скамандра; земля подъ толпами
Страшно кругомъ застонала отъ топота коней и воевъ.
Стали Ахеянъ сыны на лугу Скамандра цвѣтущемъ,
Тьмы, какъ листы на древахъ, какъ цвѣты на долинахъ весною.
Словно какъ мухъ неисчетныхъ рои собираясь густые
Въ сельской пастушеской кущѣ, по ней безпрестанно кружатся
Въ вешніе дни, какъ млеко изобильно струится въ сосуды,—
Такъ неисчетны противу Троянъ бранноносцы Данаи
Въ полѣ стояли и, боемъ дыша, истребить ихъ горѣли.
Ихъ же, какъ пастыри козъ межъ бродящихъ стадъ необъятныхъ
Скоро своихъ отлучаютъ отъ чуждыхъ, смѣшавшихся въ паствѣ,
Такъ предводители ихъ, впереди, позади учреждая,
Строили въ бой; и межъ нихъ возвышался герой Агамемнонъ,
Зевсу, метателю грома, главой и очами подобный,
Станомъ—Арею великому, персями—Энносигею.
Словно какъ быкъ среди стада стоитъ, передъ всѣми отличный,
Гордый телецъ, возвышается онъ межъ телицъ превосходный:
Въ день сей такимъ сотворилъ Агамемнона Зевсъ Олимпіецъ,
Такъ отличилъ между многихъ, возвысилъ средь сонма героевъ.
Нынѣ повѣдайте, Музы, живущія въ сѣняхъ Олимпа:
Вы—божества вездѣсущи и знаете все въ поднебесной;
Мы ничего не знаемъ, молву мы единую слышимъ:
Вы мнѣ повѣдайте, кто и вожди и владыки Данаевъ:
Всѣхъ же бойцовъ рядовыхъ не могу ни назвать, ни исчислить,
Если бы десять имѣлъ языковъ я и десять гортаней,
Если-бъ имѣлъ не слабѣющій голосъ и мѣдныя перси;

Развѣ, небесныя Музы, Кронида великаго дщери,
Вы бы напомнили всѣхъ, приходившихъ подъ Трою Ахеянъ.
Только вождей корабельныхъ и всѣ корабли я исчислю.
Рать Беотійскихъ мужей предводили на бой воеводы:
Аркезилай и Леитъ, Пенелей, Проѳоеноръ и Клоній.
Рать отъ племенъ, обитавшихъ въ Гиріи, въ каменистой Авлидѣ,
Схенъ населявшихъ, Сколъ, Этеонъ лѣсисто-холмистый,
Ѳеспіи, Греи мужей и широкихъ полей Микалесса;
Окрестъ Илезія жившихъ и Гаумы и окрестъ Эріеры;
Всѣхъ обитателей Гилъ, Элеонъ, Петеонъ населявшихъ;
Также Окалею, градъ Медеонъ, устроеніемъ пышный,
Копы, Эвтрезъ, и стадамъ голубинымъ любезную Ѳизбу,
Градъ Коронею и градъ Галіартъ на лугахъ многотравныхъ;
Жившихъ въ Платеѣ, и въ Глиссѣ тучныя нивы пахавшихъ;
Всѣхъ, населяющихъ градъ Гипоѳивы, прекрасный устройствомъ;
Славный Онхестъ, Посидоновъ алтарь и завѣтную рощу;
Арнъ, виноградомъ обильный, Мидею, красивую Ниссу,
И народъ, наконецъ, населявшій Анѳедонъ предѣльный.
Съ ними неслось пятьдесятъ кораблей, и на каждомъ изъ оныхъ
По сту и двадцать воинственныхъ, юныхъ Беотянъ сидѣло.
Градъ Аспледонъ населявшихъ и градъ Миніеевъ Орхоменъ,
Вождь Аскалафъ предводилъ и Іялменъ, Ареевы чада;
Ихъ родила Астіоха въ отеческомъ Актора домѣ,
Дѣва невинная: нѣкогда теремъ ея возвышенный
Мощный Арей посѣтилъ и таинственно съ нею сопрягся.
Съ ними тридцать судовъ прилетѣли, красивыя, рядомъ.
Вслѣдъ ополченья Фокеянъ Схедій предводилъ и Эпистрофъ,
Чада Ифита царя, потомки Навбола героя.
Ихъ племена Кипариссъ и утесный Пиѳосъ населяли,
Криссы веселые долы и Давлисъ и градъ Панопею,
Жили кругомъ Гіампола, кругомъ Анеморіи злачной,
Вдоль у Кефиса, священной рѣки, обитали,
Жили въ Лилеѣ, при шумномъ исходѣ Кефисскаго тока.
Сорокъ подъ ихъ ополченьями черныхъ судовъ принеслося.
Оба вождя устрояли ряды ополченій Фокейскихъ,
И близъ Беотянъ, на лѣвомъ крылѣ, ополчалися къ бою.
Локровъ Аяксъ предводилъ, Оилеевъ сынъ быстроногій:
Меньше онъ былъ, не таковъ, какъ Аяксъ Теламонидъ могучій,
Меньше далеко его; невеликій въ бронѣ полотняной,
Но копьеметецъ отличный межъ Гелленовъ всѣхъ и Данаевъ.
Онъ предводилъ племена, населявшія Киносъ и Опусъ,
Вессу, Калліаръ и Скарфъ и веселые долы Авгеи,

Тарфы и Θроній, гдѣ воды Воагрія быстро катятся.
Сорокъ черныхъ судовъ принеслося за нимъ къ Иліону
Съ воинствомъ Локровъ мужей, за священною жившихъ Эвбсей.
Но народовъ Эвбейскихъ, дышащихъ боемъ Абантовъ,
Чадъ Эретріи, Халкиды, обильной виномъ Гистіеи,
Жившихъ въ Коринѣ приморскомъ и въ Діумѣ, градѣ высокомъ,
Стиръ населявшихъ мужей, и народъ, обитавшій въ Каристѣ,
Вывелъ и въ бой предводилъ Элефеноръ, Арѳева отрасль,
Сынъ Халкодонова, начальникъ нетрепетныхъ духомъ Абантовъ.
Онъ предводилъ сихъ Абантовъ, на тылѣ власы лишь растившихъ,
Воиновъ пылкихъ, горящихъ ударами ясневыхъ копій
Мѣдныя брони враговъ разбивать рукопашно на персяхъ.
Сорокъ черныхъ судовъ принеслося за нимъ къ Иліону.
Но мужей, населяющихъ градъ велелѣпный Аѳины,
Область царя Эрехѳея, котораго въ древніе вѣки
Матерь земля родила, воспитала Паллада Аѳина,
И въ Аѳины ввела, и въ блестящій свой храмъ водворила,
Гдѣ и тельцами и агнцами нынѣ ее ублажаютъ
Чада Аѳинъ, при урочномъ исходѣ годовъ круговратныхъ,—
Сихъ предводилъ Петеидъ Менесѳей, въ ратоборствѣ искусный.
Съ нимъ отъ мужей земнородныхъ никто не равнялся въ искусствѣ
Строить на битвы и быстрыхъ коней, и мужей щитоносцевъ.
Несторъ одинъ то оспаривалъ, древле родившійся старецъ.
Съ нимъ пятьдесятъ кораблей, подъ дружиною, черныхъ примчалось.
Мощный Аяксъ Теламонидъ двѣнадцать судовъ Саламинскихъ
Вывелъ и съ оными сталъ, гдѣ стояли Аѳинянъ фаланги.
Въ Аргосѣ жившихъ мужей, населявшихъ Тиринеъ крѣпкостѣнный,
Градъ Герміону, Азину, морскія пристанища оба,
Грады Трезену, Эліонъ, Эпидавръ, виноградомъ обильный,
Жившихъ въ Масетѣ, въ Эгинѣ, Ахейскихъ юношей храбрыхъ,—
Сихъ предводителемъ былъ Діомедъ, знаменитый воитель,
Также Сѳенелъ, Капанея великаго сынъ благородный;
Съ ними и третій былъ вождь, Эвріалъ, небожителю равный,
Храбрый Мекестія сынъ, потомокъ царя Талайона.
Вмѣстѣ же всѣхъ предводилъ, Діомедъ, знаменитый воитель:
Осмьдесятъ черныхъ судовъ подъ дружинами ихъ принеслося.
Но живущихъ въ Микенѣ, прекрасно устроенномъ градѣ,
И въ богатомъ Коринѣ и въ пышныхъ устройствомъ Клеонахъ,
Орніи градъ населявшихъ, веселую Арѳирею,
Градъ Сикіонъ, гдѣ царствовалъ древле Адрастъ бранноносный,
Чадъ Гиперезіи всѣхъ, Гоноессы высоко-утесной,

Жившихъ въ Пелленѣ, кругомъ Эгіона мужей обитавшихъ,
Вдоль по поморью всему, и окрестъ обширной Гелики,—
Всѣхъ ихъ на ста корабляхъ предводилъ властелинъ Агамемнонъ.
Рать многочисленнѣй всѣхъ, превосходнѣе всѣхъ ратоборцы
Съ нимъ принеслися; онъ самъ облекался сіяющей мѣдью,
Славою гордый, что онъ передъ сонмомъ героевъ блистаетъ
Самомъ верховнымъ своимъ и числомъ предводимыхъ народовъ.
Градъ населявшихъ великій, лежащій межъ горъ Лакедемонъ,
Фару, Спарту, стадамъ голубинымъ любезную Мессу,
Въ Бризіи жившихъ мужей и въ веселыхъ долинахъ Авгіи,
Жившихъ Амиклы въ стѣнахъ и въ Гелосѣ, градѣ приморскомъ,
Градъ населяющихъ Лаасъ и окрестъ Этила живущихъ:
Сихъ Агамемнона братъ, Менелай, знаменитый воитель,
Велъ шестьдесятъ кораблей, но отдѣльно на бой ополчался;
Ратниковъ самъ предводилъ, на душевную доблесть надежный,
Самъ ихъ на бой возбуждалъ и пылалъ, какъ никто изъ Ахеянъ,
Страшно отмстить за печаль и за стонъ похищенной Елены.
Въ Пилосѣ жившихъ мужей, обитавшихъ въ Аренѣ веселой,
Θріосъ, Алфейскій бродъ и славные зданіемъ Эпи,
Градъ Кипариссію, градъ Амфигенію вкругъ населявшихъ,
Птелеосъ, Гелосъ и Доріонъ, мѣсто, гдѣ нѣкогда Музы,
Встрѣтивъ Θамира Θракійскаго, пѣснями славнаго мужа,
Дара лишили: идя отъ Эврита, царя Эвхаліянъ,
Гордый, хвалиться дерзалъ, что побѣду похититъ онъ въ пѣспяхъ,
Если и Музы при немъ воспоютъ, Эгіоховы дщери.
Гнѣвныя Музы его ослѣпили, похитили сладкій
Къ пѣснямъ божественный даръ и искусство бряцать на киѳарѣ.
Сихъ предводилъ повелитель ихъ Несторъ, конникъ Геренскій:
Съ нимъ девяносто судовъ принеслися, красивыя строемъ.
Жившихъ въ Аркадіи, вдоль подъ Килленской горою высокой,
Близко могилы Эпита, мужей рукопашныхъ на битвахъ,
Въ Феносѣ жившій народъ, въ Орхоменѣ, стадами богатомъ,
Въ Рипѣ, Стратіи мужей обитавшихъ и въ бурной Эниспѣ,
И Тегеи въ стѣнахъ и въ странахъ Мантинеи веселой,
Въ Стимфалѣ жившихъ мужей и въ Парразіи нивы пахавшихъ,—
Сими начальствуя, отрасль Анкеева, царь Агапеноръ
Гналъ шестьдесятъ кораблей; многочисленны въ каждомъ изъ оныхъ
Мужи сидѣли Аркадскіе, сильно искусные въ битвахъ.
Ихъ ополченіямъ самъ повелитель мужей Агамемнонъ
Далъ корабли доброснастные, плыть имъ по черному понту
Къ Троѣ высокой: они небрегли о дѣлахъ мореходныхъ.
Вслѣдъ Вупразійды текли и народы священной Элиды,

Жители тѣхъ областей, что Гирмина, Мирзинъ приграничный,
И утесъ Оленійскій и холмъ Алезійскій вмѣщаютъ.
Ихъ предводили четыре вождя, и десять за каждымъ
Быстрыхъ неслось кораблей, съ многочисленной ратью Эпеянъ.
Сихъ устремляли на бой Амфимахъ и воинственный Θалпій:
Первый Ктеатова отрасль, второй Акторида Эврита;
Тѣхъ предводителемъ шествовалъ храбрый Діоръ Амаринкидъ;
Вождь ихъ четвертый былъ Поликсенъ, небожителю равный,
Доблестный сынъ Агасѳена, народовъ царя Авгеида.
Рать изъ Дулихіи, рать съ острововъ Эхинадскихъ священных,
Тѣхъ, что за моремъ широкимъ лежатъ противъ брега Элиды,
Мегесъ Филидъ предводилъ, ратоборецъ, Арею подобный,
Сынъ любимца боговъ, конеборца Филея, который
Нѣкогда въ край Духилійскій укрылся отъ гнѣва отцова.
Сорокъ за нимъ кораблей, подъ дружиною, черныхъ примчалось.
Царь Одиссей предводилъ Кефалленянъ, возвышенныхъ духомъ,
Жившихъ въ Иѳакѣ мужей и при Неритѣ трепетолистномъ,
Чадъ Крокилеи, пахавшихъ поля Эгилипы суровой,
Въ власти имѣвшихъ Закинѳъ и кругомъ обитавшихъ въ Самосѣ,
Жившихъ въ Эпирѣ мужей, и на брегѣ противолежащемъ,—
Сихъ предводилъ Одиссей, совѣтами равный Зевесу,
И двѣнадцать за нимъ принеслось кораблей красноносыхъ.
Рать изъ племенъ Этолійскихъ Θоасъ предводилъ Андремонидъ,
Рать изъ мужей, обитавшихъ въ Оленѣ, Пиленѣ, Плевронѣ,
И въ Калидонѣ камнистомъ, и въ градѣ Халкидѣ приморской.
Не было больше на свѣтѣ сыновъ бранноносныхъ Инея;
Мертвъ и самъ уже былъ онъ, и мертвъ Мелеагръ свѣтлокудрый;
И въ Этоліи царствовать ввѣрено было Θоасу.
Сорокъ за нимъ, подъ дружиною, черныхъ судовъ принеслося.
Критянъ же Идоменей предводилъ, знаменитый копейщикъ:
Въ Гносѣ живущихъ мужей, въ укрѣпленной стѣнами Гортинѣ,
Ликтъ населявшихъ, Милетъ, и градъ бѣлокаменный Ликастъ,
Ритій обширный и Фестъ, многолюдные, славные грады,
И другихъ, населяющихъ Крита стограднаго земли,
Былъ воеводою Идоменей, знаменитый копейщикъ,
И Меріонъ, Эніалію равный, губителю смертныхъ;
Осьмьдесятъ черныхъ судовъ принеслося подъ Критской дружиной.
Но Тлиполемъ Гераклидъ, какъ отецъ, и огромный, и мощный,
Гордыхъ Родосцевъ извелъ, въ девяти корабляхъ изъ Родоса,
Кои въ Родосской землѣ, раздѣленные на три колѣна,
Линдъ, Іялисъ и Камиръ бѣлокаменный вкругъ населяли:

Сихъ предводилъ Тлиполемъ, копьеборецъ гибельный въ битвахъ,
Силы Геракловой сынъ, рожденный съ младой Астіохой,
Взятой героемъ въ Эфирѣ, у водъ Селлеиса, когда онъ
Многіе грады разсыпалъ питомцевъ Зевсовыхъ юныхъ.
Сей Тлиполемъ лишь возросъ въ благосозданномъ домѣ Геракла,
Скоро убилъ, безразсудный, почтеннаго дядю отцова,
Старца уже сѣдого, Ликимнія, отрасль Арея.
Быстро сплотилъ онъ суда и съ великою собранной ратью
Скрылся, бѣжа по морямъ, устрашаяся мести грозившихъ
Всѣхъ остальныхъ, и сыновъ и потомковъ Геракловой силы.
Прибылъ въ Родосъ наконецъ онъ, скиталецъ, бѣды претерпѣвшій;
Тамъ поселились пришельцы тремя племенами и были
Зевсомъ любимы, владыкой боговъ и отцомъ человѣковъ:
Онъ имъ богатства несмѣтныя свыше излилъ, Олимпіецъ.

Вслѣдъ ихъ Нирей устремился съ тремя кораблями изъ Сима,
Юный Нирей, отъ Харона царя и Аглаи рожденный;
Оный Нирей, что съ сынами Данаевъ пришелъ къ Иліону,
Смертный, прекраснѣйшій всѣхъ, послѣ дивнаго мужа Пелида,
Но не мужественъ былъ онъ, и малую вывелъ дружину.

Жившихъ въ Низирѣ, мужей населяющихъ Казосъ и Крапаѳъ,
Градъ Эврипиловъ Коосъ, и народъ острововъ Калиднійскихъ
Два предводили вождя: и Фидиппъ, и воинственный Антифъ,
Оба Ѳессаломъ рожденные, царственнымъ сыномъ Геракла.
Тридцать за ними судовъ принеслися, красивыя строемъ.

Нынѣ исчислю мужей, въ Пелазгическомъ Аргосѣ жившихъ,
Алосъ кругомъ населявшихъ, и Алопъ удѣлъ, и Трахину,
Холмную Ѳѳію, Гелладу, славную женъ красотою,
Всѣхъ—Мирмидоновъ, Ахеянъ и Гелленовъ имя носящихъ;
Сихъ пятьдесятъ кораблей предводилъ Ахиллесъ знаменитый.
Но народы сіи о гремящей не мыслили брани;
Некому было водить на сраженія строевъ ихъ грозныхъ.
Въ станѣ, при черныхъ судахъ, возлежалъ Ахиллесъ быстроногій,
Гнѣвный за дочь Бризееву, пышноволосую дѣву,
Дѣву, которую взялъ, по жестокихъ трудахъ, изъ Лирнесса,
Самый Лирнессъ разгромя и высокія Ѳивскія стѣны,
Гдѣ и Эвена сыновъ, копьеборцевъ, гибельныхъ въ битвахъ,
Внуковъ Селепа царя, и Эпистрофа свергъ и Минета.
Грустенъ по ней, возлежалъ онъ; но скоро воспрянетъ, могучій.

Въ Филакѣ жившихъ мужей, населявшихъ Пиразъ цвѣтущій,
Область Деметры любимую, матерь овецъ Итонею,
Травами тучный Птелей и Антропъ, омываемый моремъ,—
Сихъ ополченія Протезилай предводилъ бранноносный

Въ жизни своей, но его уже черная держитъ могила.
Въ Филакѣ онъ и супругу, съ душою растерзанной, бросилъ,
Бросилъ и домъ полуконченный; палъ, пораженный Дарданцемъ,
Первый отъ всѣхъ Аргивянъ съ корабля соскочившій на берегъ.
Рать не была безъ вождя, но по немъ воздыхали дружины;
Ихъ же къ сраженіямъ строилъ Подаркесъ, Ареева отрасль,
Сынъ Филакида Ификла, владѣтель стадъ среброрунныхъ,
Братъ однокровный героя, безстрашнаго Протезилая,
Но лѣтами юнѣйшій; и старше его и сильнѣе
Протезилай воинственный былъ; потерявши героя,
Рать не нуждалась въ вождѣ, но о немъ воздыхали, о храбромъ;
Сорокъ за нимъ кораблей, подъ дружиной, примчалося черныхъ.

Въ Ферахъ живущихъ и вкругъ при Бебеидскомъ озерѣ свѣтломъ,
Бебъ населявшихъ, Глафиры и градъ Іяолкъ пышнозданный,
Быстрыхъ одиннадцать мчалось судовъ, предводилъ же Эвмелъ ихъ,
Сынъ Адмета любимый, который рожденъ имъ съ Алкестой,
Дивной женою, прекраснѣйшей всѣхъ изъ Пеліевыхъ дщерей.

Жившихъ въ Меѳонѣ, и окрестъ Ѳавмакіи нивы пахавшихъ,
Чадъ Мелибеи, и жившихъ въ поляхъ Олизона суровыхъ,—
Сихъ племена Филоктетъ предводитель, стрѣлецъ превосходный,
Велъ на семи корабляхъ; пятьдесятъ возсидѣло на каждомъ
Сильныхъ гребцовъ и стрѣлами искусныхъ жестоко сражаться.
Но лежалъ предводитель на островѣ Лемнѣ священномъ
Въ тяжкихъ страданіяхъ, гдѣ онъ оставленъ сынами Ахеянъ,
Мучимый язвою злой, нанесенною пагубной гидрой.
Такъ лежалъ онъ, страдалецъ. Но скоро Ахейскіе мужи,
Скоро при черныхъ судахъ о царѣ Филоктетѣ воспомнятъ.
Рать не была безъ вождя, но желала вождя Филоктета.
Медонъ надъ нею начальствовалъ, сынъ Оилея побочный,
Коего съ Реной младою родилъ Оилей градоборецъ.

Триккой владѣвшій народъ, и Иѳомой высокоутесной,
И обитавшій въ Эхаліи, градѣ владыки Эврита,
Два извели воеводы, Асклепія мудрыя чада,
Славные оба Данаевъ врачи, Подалиръ и Махаонъ.
Тридцать за ними судовъ принеслися, красивыя строемъ.

Жившихъ въ Орменіи храбрыхъ мужей, у ключа Гипереи,
Въ власти имѣвшихъ Астерій и бѣлыя главы Титана,—
Сихъ предводилъ Эврипилъ, блистательный сынъ Эвемоновъ;
Сорокъ за нимъ кораблей, подъ дружиною, черныхъ примчалось.

Въ Аргиссѣ жившихъ мужей, и кругомъ населявшихъ Гиртону,
Ореу, широкій Элонъ; бѣлокаменный градъ Олооссонъ,—
Сихъ предводилъ Полипетъ, воеватель безстрашнѣйшій въ битвахъ,

Вѣтвь Пиритоя, исшедшаго въ міръ отъ безсмертнаго Зевса,
Сынъ, Пиритою рожденный женой Ипподаміей славной,
Въ самый тотъ день, какъ герой покаралъ чудовищъ косматыхъ:
Сбилъ съ Пеліона Кентавровъ и гналъ до народовъ Эѳиковъ.
Онъ предводилъ не одинъ, но при немъ Леонтей браннодушный,
Отрасль Ареева, чадо Кенея, Коронова сына.
Сорокъ за ними судовъ, подъ дружиной, примчалося черныхъ.
Но изъ Кифа Гуней съ двадцатью и двумя кораблями
Плылъ, предводя Эніанъ и воинственныхъ, сильныхъ Перребовъ,
Племя мужей, водворившихся окрестъ Додоны холодной,
Земли пахавшихъ, по коимъ шумитъ Титарезій веселый,
Быстро въ Пеней устремляющій пышно катящіясь воды,
Коихъ нигдѣ не сливаетъ съ Пенеемъ сребристо-пучиннымъ,
Но всплываетъ наверхъ и подобно елею струится:
Онъ изъ ужаснаго Стикса, изъ водъ заклинаній исходитъ.
Проѳой, сынъ Тендредоновъ, начальствовалъ ратью Магнетовъ.
Окрестъ Пенея и вкругъ Пеліона шумнаго лѣсомъ
Жили они: предводилъ ихъ въ сраженіе Проѳой быстрый.
Сорокъ за нимъ кораблей, подъ дружиною, черныхъ примчалось.
Се и вожди и властители мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ.
Кто же изъ нихъ знаменитѣйшій былъ, повѣдай мнѣ, Муза,
Доблестью или конями, изъ всѣхъ за Атридомъ протекшихъ?
Коней извелъ превосходнѣйшихъ славный Эвмелъ Феретіадъ;
Онъ устремлялъ кобылицъ на бѣгу, какъ пернатыя, быстрыхъ,
Масти одной, одинаковыхъ лѣтъ и хребтомъ какъ подъ мѣру,
Самъ Аполлонъ воспиталъ на зеленыхъ лугахъ Піерійскихъ
Сихъ кобылицъ, разносящихъ въ сраженіяхъ ужасъ Арея.
Мужемъ отличнѣйшимъ слылъ Аяксъ Теламонидъ, доколѣ
Гнѣвомъ Пелидъ сокрушался, но онъ былъ могучѣе всѣхъ ихъ,
Также и кони, носящіе въ битвы Пелида героя.
Но бездѣйствовалъ онъ при своихъ корабляхъ мореходныхъ,
Пламенный гнѣвъ на владыку народовъ, Атреева сына,
Въ сердцѣ питая; дружины его на берегѣ моря
Дисковъ и сулицъ и стрѣлъ забавлялися праздными метаньемъ.
Рьяные кони вождей при своихъ колесницахъ стояли,
Праздные, лотосъ одинъ и селину болотную щипля.
Всѣ колесницы и сбруя, заботно покрыты, лежали
Въ сѣняхъ владыкъ, а они, предводителя храбраго алча,
Праздные, съ края на край по широкому стану бродили.
Двинулась рать, и какъ будто огнемъ вся земля запылала,
Долъ застоналъ, какъ подъ яростью бога, метателя грома,
Зевса, когда надъ Тифоемъ сѣчетъ онъ перунами землю,

Горы въ Аримахъ, въ которыхъ, повѣствуетъ, ложе Тифея;
Такъ застонала глубоко земля подъ стопами народовъ,
Вдругъ устремившихся: быстро они проходили долиной.
Тою порою Троянамъ, подобная вихрямъ, Ириса,
Вѣстница Зевса Кронида, явилася съ вѣстію грозной.
Тѣ-жъ совѣщали совѣтъ у дверей Пріамова дома,
Всѣ на дворѣ воедино столпясь, и младые и старцы.
Ставъ посреди, провѣщала посланница Зевса, Ириса,
Голосъ заявши Полита, Пріамова сына, который
Стражемъ Троянскимъ сидѣлъ, уповая на быстрыя ноги,
Въ полѣ, на высшей могилѣ старца Троянъ Эзіета,
Вкругъ соглядая, когда отъ судовъ нападутъ Аргивяне.
Въ видѣ его возвѣщала посланница Зевса Ириса:
„Старецъ почтенный! и нынѣ ты любишь обильныя рѣчи,
Такъ же, какъ въ мирные дни: неизбѣжная брань угрожаетъ!
Часто я, часто бывалъ на кровавыхъ браняхъ народовъ,
Но во вѣкъ таковыхъ и толикихъ я ратей не видѣлъ!
Какъ листы на древахъ, какъ пески при моряхъ, неисчетны
Воинства мчатся долиною, ратовать около града.
Гекторъ, тебѣ предлагаю совѣтъ мой полезный исполнить:
Много народовъ союзныхъ въ Пріамовомъ градѣ великомъ,
Разныхъ своимъ языкомъ, по землѣ разсѣянныхъ смертныхъ.
Каждымъ изъ оныхъ да властвуетъ мужъ, повелитель народа,
Онъ и вождемъ на бояхъ и строителемъ гражданъ да будетъ".
Такъ прорекла; и богиню вѣщавшую Гекторъ постигнулъ,
Сонмъ распустилъ, и къ оружію бросились граждане Трои.
Всѣ растворились ворота: изъ оныхъ зарѣяли рати,
Конныя, пѣшія; шумъ и смятеніе страшное встало.
Есть передъ градомъ Троянскимъ великій курганъ и высокій,
Въ полѣ особенный, круглый равно и отсель и оттолѣ.
Смертные, съ древнихъ временъ, нарицаютъ его Ватіеей,
Но безсмертные боги—могилою быстрой Мирины.
Тамъ и Троянъ, и союзниковъ ихъ раздѣлилися рати.
Храбрый Троянъ Пріамидъ, шлемоблещущій Гекторъ великій,
Всѣхъ предводилъ; превосходные множествомъ, мужествомъ духа,
Съ нимъ ополчилися мужи, копейщики, бурные въ битвѣ.
Вслѣдъ ихъ Дарданцамъ предшествовалъ сынъ знаменитый Анхизовъ,
Мощный Эней; отъ Анхиза его родила Афродита,
Въ рощахъ на холмахъ Идейскихъ, богиня, почившая съ смертнымъ.
Онъ предводилъ не одинъ, но при немъ Акамасъ и Архилохъ,
Оба сыны Антенора, искусные въ битвахъ различныхъ.

Въ Зелiи живших мужей, при подошвѣ холмистыя Иды,
Гражданъ богатых, пiющих Эзеповы черныя воды,
Племя Троянское, лучникъ отличнѣйшiй велъ. Ликаонидъ,
Пандаръ, котораго Фебъ одарилъ сокрушительнымъ лукомъ.
Но Адрастеи мужей, Питiеи и веси Апеза,
И народъ, заселявшiй Терею, высокую гору,
Сихъ предводили Адрастъ и Амфiй, въ бронѣ полотняной,
Оба сыны Перкозiйца Меропа, который славнѣйшiй
Былъ предвѣщатель судьбы и сынамъ не давалъ позволенья
Къ брани убiйственной въ Трою идти; не послушали дѣти
Старца родителя: рокъ увлекалъ их на черную гибель.
Въ Перкотѣ живших мужей и кругомъ населявших Практiонъ,
Грады Сестосъ, Абидосъ и гражданъ священной Аризбы
Рати устроивалъ Азiй, мужей повелитель, Гиртакидъ,
Азiй Гиртакидъ, который на пламенных коняхъ великихъ
Въ Трою принесся изъ дальней Аризбы, отъ водъ Селлеиса.
Гиппоѳоой предводилъ племена копьеборных Пелазговъ,
Тѣхъ, что въ Ларисѣ бугристой, по тучнымъ полямъ обитали;
Гиппоѳоой предводилъ их и Пилей, Ареева отрасль;
Оба сыны Пелазгiйскаго Лѳа, Тевталова сына.
Но Ѳракiянъ предводилъ Акамасъ и воинственный Пиросъ
Всѣхъ, которых страны Геллеспонтъ бурнотечный объемлетъ.
Храбрый Эвфемъ ополчалъ племена копьеборных Киконовъ.
Сынъ бранноносца Трезена, любезнаго Зевсу Кеада.
Вслѣдъ имъ Пирехмъ предводилъ криволукихъ Пеоновъ, далеко
Живших въ странах Амидона, гдѣ катится Аксiй широкiй,
Аксiй, водою чистѣйшей священную землю поящiй.
Вождь Пилименъ Пафлагонамъ предшествовалъ, храброе сердце,
Выведшiй их изъ Генетъ, гдѣ стадятся дикiе мески,
Племя народовъ, которые жили въ Китор, Сесамѣ,
Окрестъ потока Парѳенiя въ славных домах обитали,
Кромну кругомъ, Эгiалъ и скалы Эриѳинъ населяли.
Ратъ Гализоновъ Годiй и Эпистроф вели изъ Алибы,
Странъ отдаленных, откуда исходъ серебра неоскудный.
Мизамъ предшествовалъ Хромiй и Энномосъ, птицегадатель,
Но и гаданiемъ онъ не спасся отъ гибели черной:
Легъ, низложенный руками Пелеева быстраго сына,
Въ бурной рѣкѣ, гдѣ Троянъ и другихъ истреблялъ онъ, могучiй.
Форкисъ и храбрый Асканiй вели изъ Асканiи дальней
Рати Фригiянъ, и оба, безстрашные, боемъ пылали.
Вслѣдъ имъ Антифъ и Месѳлъ, воеводы мужей Меонiйскихъ,
Оба сыны Пилемена, Гигейскаго озера дѣти,

Рать предводили Меоновъ, при Тмолѣ высокомъ рожденныхъ.
Настесъ велъ говорящихъ нарѣчіемъ варварскимъ Каровъ,
Кои Милетъ занимали и Фѳировъ лѣсистую гору,
И Меандра потокъ и Микала вершины крутыя;
Сихъ предводили на бой Амфимахъ и воинственный Настесъ,
Настесъ и тотъ Амфимахъ, Номіонова отрасль, который
Даже и въ битвы ходилъ, украшаяся златомъ, какъ дѣва.
Жалкій! и златомъ не могъ отвратить онъ погибели грозной:
Легъ, низложенный руками Пелеева быстраго сына,
Въ бурной рѣкѣ, и Пелидъ его злато унесъ, побѣдитель.
Рать Лукіянъ Сарпедонъ и блистательный Главкъ предводили
Жившихъ далеко въ Ликіи, при Ксанѳѣ глубоко-пучинномъ.

ПѢСНЬ III.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ ПѢСНИ.

Построенныя воинства сходятся, Трояне съ крикомъ, Ахеяне тихо; ст. 1—15. Но, до начатія сраженія, Парисъ вызываетъ на единоборство храбрѣйшихъ изъ Ахеянъ; выходитъ Менелай; устрашенный Парисъ отступаетъ; 16—37. Скоро, однако, порицаемый Гекторомъ, онъ рѣшается на единоборство, долженствующее положить конецъ брани; 38—75. Гекторъ объявляетъ условія боя: побѣдитель останется обладателемъ Елены и сокровищъ, съ нею похищенныхъ; 76—95. Менелай, согласясь на оныя, требуетъ, чтобы договоръ былъ освященъ присутствіемъ Пріама; 96—110. Воинства полагаютъ оружія; съ обѣихъ сторонъ приготовляютъ жертвоприношенія; 111—120. Между тѣмъ, Елена, Ирисою возвѣщенная о единоборствѣ Париса съ Менелаемъ, всходитъ на башню Скейскую, откуда былъ видъ на поле; 121—145. Старѣйшины Троянскіе, тамъ же собравшіеся, удивляются красотѣ ея. Пріамъ ее разспрашиваетъ, а она ему указываетъ и именуетъ вождей Ахейскихъ: Агамемнона—ст. 146—190, Одиссея ст. 191—224.—Аякса, Идоменея—ст. 225—233. Елена ищетъ въ воинствѣ и братьевъ своихъ Діоскуридовъ, но не находитъ; 234—245. Пріамъ, вѣстникомъ приглашенный, пріѣзжаетъ къ воинству, сопровождаемый Антенеромъ; 246—268. Договоръ единоборства освящается жертвоприношеніемъ, которое совершается съ обрядами и обыкновеніями древности; 269—303. Пріамъ возвращается въ Трою; Гекторъ съ Одиссеемъ измѣряетъ мѣсто для битвы, бросаетъ жребій, кому прежде начать ее; Парисъ и Менелай вооружаются, выходятъ; 304—344, сражаются, но Париса, уже побѣждаемаго, Киприда похищаетъ и невредимо переноситъ въ его почивальню; 345—382. Богиня туда же приводитъ Елену, противъ ея воли, и, негодующую, поносящую Париса, покоряетъ нѣжнымъ его желаніямъ; 383—448. Менелай безполезно ищетъ скрывшагося противника; Агамемнонъ требуетъ отъ Троянъ условленныхъ наградъ побѣдителю; 449—461.

Такъ лишь на битву построились оба народа съ вождями,
Трои сыны устремляются, съ говоромъ, съ крикомъ, какъ птицы:
Крикъ таковъ журавлей раздается подъ небомъ высокимъ,
Если, избѣгнувъ и зимнихъ бурь, и дождей безконечныхъ,
Съ крикомъ стадами летятъ черезъ быстрый потокъ Океана,
Бранью грозя и убійствомъ мужамъ малорослымъ, Пигмеямъ,
Съ яростью страшной на конхъ съ воздушныхъ высотъ нападаютъ.
Но приближались въ безмолвіи, боемъ дыша, Аргивяне,
Духомъ единымъ пылая стоять одному за другого.
Словно туманъ надъ вершинами горными Нотъ разливаетъ,
Пастырямъ стадъ нежеланный, но вору способнѣйшій ночи;
Видно сквозь оный не дальше, какъ падаетъ брошенный камень,
Такъ изъ-подъ стопъ ихъ прахъ, подымаяся мрачный, крутился
Вслѣдъ за идущими; быстро они проходили долину.
И, когда уже сблизились къ битвѣ идущія рати,
Вышелъ впередъ изъ Троянъ Александръ, небожителю равный,
Съ кожею барда на рамѣ, съ лукомъ кривымъ за плечами
И съ мечомъ при бедрѣ; а въ рукахъ два копья мѣдножалыхъ
Гордо колебля, онъ всѣхъ вызывалъ изъ Данаевъ храбрѣйшихъ,
Выдти противу него и сразиться жестокою битвой.
Но лишь увидѣлъ его Менелай, любимый Ареемъ,
Быстро впередъ изъ толпы выступающимъ поступью гордой,
Радостью вспыхнулъ, какъ левъ, на добычу нежданно набредшій,
Встрѣтивъ оленя рогатаго, или пустынную серну;
Гладный, неистово онъ пожираетъ, хотя отовсюду
Самъ окруженъ и ловцами младыми, и быстрыми псами:
Радостью вспыхнулъ такой Менелай, Александра героя
Близко узрѣвъ предъ собой, и, отмстить похитителю мысля,
Быстро Атридъ съ колесницы съ оружіемъ прянулъ на землю.
Но, лишь увидѣлъ его Пріамидъ, Александръ боговидный,
Между передникъ блеснувшаго, сердце его задрожало;
Быстро онъ къ сонму друзей отступилъ, избѣгающій смерти.
Словно какъ путникъ, увидѣвъ дракона въ ущеліяхъ горныхъ,
Прядаетъ вспять и отъ ужаса членами всѣми трепещетъ,
Быстро уходитъ, и блѣдность его покрываетъ ланиты,—
Такъ убѣжавши, въ толпу погрузился Троянъ горделивыхъ
Образомъ красный Парисъ, устрашаясь Атреева сына.
Гекторъ, увидѣвъ его, поносилъ укорительной рѣчью:
„Видомъ лишь храбрый, несчастный Парисъ, женолюбецъ, прельститель!
Лучше бы ты не родился, или безбраченъ погибнулъ!
Лучше-бъ сего я желалъ, и тебѣ-бъ то отраднѣе было,

Чѣмъ поношеньемъ служить и позорищемъ цѣлому свѣту!
Слышишь, смѣются ряды кудреглавыхъ Данаевъ, считавшихъ
Храбрымъ тебя первоборцемъ, судя по красивому виду.
Видъ твой красенъ, но ни силы въ душѣ, ни отважности въ сердцѣ!
Бывши таковъ ты, однако дерзнулъ въ корабляхъ мореходныхъ
Бурное море исплавать, съ толпою клевретовъ любезныхъ,
Въ чуждое племя войти и похитить изъ странъ отдаленныхъ
Славу ихъ женъ, и сестру и невѣстку мужей бранноносныхъ,
Въ горе отцу твоему, и народу, и цѣлому царству,
Въ радость Ахейцамъ врагамъ, а себѣ самому въ поношенье!
Что же съ оружьемъ не встрѣтилъ царя Менелая? Узналъ бы
Ты, бранноносца какого владѣешь супругой цвѣтущей.
Были-бъ не въ помощь тебѣ ни киѳара, ни даръ Афродиты,
Пышные кудри и прелесть, когда бы ты съ прахомъ смѣсился.
Слишкомъ робокъ Троянскій народъ или давно-бъ уже былъ ты
Каменной ризой одѣтъ, злополучій толикихъ виновникъ!“

Гектору быстро въ отвѣтъ возразилъ Александръ боговидный:
„Гекторъ, ты въ правѣ хулить, и твоя мнѣ хула справедлива.
Сердце въ груди у тебя, какъ сѣкира, всегда непреклонно:
Древо пронзаетъ она подъ рукой древодѣла и рьяность
Мужа сугубитъ, когда обсѣкаетъ онъ брусъ корабельный:
Такъ въ груди у тебя непреклоненъ духъ твой высокій.
Но не порочь ты любезныхъ даровъ златой Афродиты.
Нѣтъ, ни одинъ не пороченъ изъ свѣтлыхъ даровъ намъ безсмертныхъ;
Ихъ они сами даютъ; произвольно никто не получитъ.
Нынѣ, когда ты желаешь, чтобъ я воевалъ и сражался,
Всѣмъ повели успокоиться, Трои сынамъ и Ахейцамъ;
И посреди ихъ поставьте меня съ Менелаемъ героемъ;
Мы за Елену Аргивскую съ нимъ передъ вами сразимся.
Кто изъ двоихъ побѣдитъ и окажется явно сильнѣйшимъ,
Въ домъ и Елену введетъ, и сокровища всѣ онъ получитъ.
Вы-жъ, заключившіе дружбу и клятвы святыя, владѣйте
Троей холмистой; Ахейцы же въ Аргосъ, конями богатый,
Вспять отплывутъ и въ Ахаію, славную женъ красотою“.

Такъ говорилъ, и восхитился Гекторъ услышанной рѣчью,
И, на средину исшедъ, и копье ухвативъ по срединѣ,
Спулъ фаланги Троянскія; всѣ успокояся стали.
Но на Гектора луки Ахеянъ сыны натянули,
Многіе мѣтили копьями, многіе бросили камни.
Къ нимъ громогласно воззвалъ повелитель мужей Агамемнонъ:
„Стойте, Аргивцы друзья! не стрѣляйте, Ахейскіе мужи!

Слово намѣренъ вѣщать шлемоблещущій Гекторъ великій".
Рекъ,—и Ахеяне прервали бой, и немедленно стали,
Окрестъ умолкнувъ; и Гекторъ великій вѣщалъ среди воинствъ:
„Сонмы Троянъ и Ахеянъ красиво-поножныхъ! внимайте,
Что предлагаетъ Парисъ, отъ котораго брань воспылала.
Онъ предлагаетъ Троянамъ и всѣмъ мѣднолатнымъ Ахейцамъ
Ратныя сбруи свои положить на всеплодную землю;
Самъ посреди ополченій съ воинственнымъ онъ Менелаемъ
Битвой, одинъ на одинъ, за Елену желаетъ сразиться.
Кто изъ двоихъ побѣдитъ и окажется явно сильнѣйшимъ,
Въ домъ и Елену введетъ, и сокровища всѣ онъ получитъ;
Мы-жъ на взаимную дружбу священныя клятвы положимъ".
Рекъ онъ; Ахейцы безмолвные всѣ сохраняли молчанье;
И межъ нихъ провѣщалъ Менелай, знаменитый воитель:
„Нынѣ внимайте и мнѣ; жесточайшая горесть пронзаетъ
Сердце мое; помышляю давно я: пора примириться
Трои сынамъ и Ахейцамъ; довольно вы бѣдъ претерпѣли
Ради вражды между мной и Парисомъ, виновникомъ оной.
Кто между нами двумя судьбой обреченъ на погибель,
Тотъ да погибнетъ! а вы, о друзья, примиритесь не медля.
Пусть же представятъ и бѣлаго агнца, и черную овцу
Солнцу принесть и землѣ; а Кроniду пожремъ мы другого.
Пусть призовутъ и Пріама владыку, да клятву положитъ
Самъ (а сыны у него напыщены, всегда вѣроломны):
Да преступникъ какой-либо Зевсовыхъ клятвъ не разрушитъ:
Сердце людей молодыхъ легкомысленно, непостоянно;
Старецъ, межъ ними присущій, впередъ и назадъ прозорливо
Смотритъ, обѣихъ сторонъ соблюдая взаимную пользу".
Такъ говорилъ, и наполнялъ радостью оба народа,
Чая почить, наконецъ, отъ трудовъ изнурительной брани:
Коней становятъ въ ряды, съ колесницъ своихъ прядаютъ сами;
Быстро снимаютъ доспѣхи, на землю слагаютъ ихъ близко
Другъ противъ друга: межъ воинствъ осталося узкое поле.
Гекторъ немедленно къ граду глашатаевъ двухъ посылаетъ
Агнцевъ поспѣшно принесть и вызвать владыку Пріама.
Царь Агамемнонъ равно повелѣніе далъ Талеибію
Къ сѣнямъ Ахейскимъ идти и принесть на закланіе агнца;
Онъ поспѣшилъ, повинуясь державному сыну Атрея.
Съ вѣстью Ириса явилась къ Еленѣ, лилейно-раменной.
Вѣстница, образъ принявши любезной Еленѣ золовки,
Съ коей въ супружествѣ былъ Антеноридъ, царь Геликаонъ,
Образъ младой Лаодики, прекраснѣйшей дщери Пріама,

Въ теремъ вошла, гдѣ Елена ткань великую ткала,
Свѣтлый, двускладный покровъ, образуя на ономъ сраженья,
Подвиги конныхъ Троянъ и мѣдянодоспѣшныхъ Данаевъ,
Въ коихъ они за нее отъ Ареевыхъ рукъ пострадали.
Къ ней приступивъ, быстроногая такъ говорила Ириса:
„Выйди, любезная нимфа, дѣянія чудныя видѣть
Конниковъ храбрыхъ Троянъ и мѣдянодоспѣшныхъ Данаевъ.
Оба народа недавно, стремимые бурнымъ Ареемъ,
Въ полѣ сходились, пылая взаимно погибельной бранью.
Нынѣ безмолвны стоятъ; прекратилася брань; ратоборцы
Всѣ на щиты преклонилися, копья ихъ воткнуты въ землю.
Но герой Александръ и Атридъ Менелай бранноносный
Съ копьями длинными выйдутъ одни за тебя подвизаться;
И супругой любезной тебя наречетъ побѣдитель“.
Такъ изрекла и вліяла ей въ душу сладкія чувства.
Думы о первомъ супругѣ, о градѣ родимомъ и кровныхъ.
Встала она и, сребристыми тканями вкругъ осѣняся,
Быстро изъ терема шествуетъ, съ нѣжной слезой на рѣсницахъ.
Слѣдомъ за ней поспѣшили прислужницы вѣрныя обѣ,
Эѳра, Питеева дочь, и Климена, съ блистательнымъ взоромъ.
Скоро онѣ притекли ко вратамъ возвышавшимся Скейскимъ.
Тамъ и владыка Пріамъ, и Панѳой, и Ѳиметъ благородный,
Клитій, божественный Лампъ, Гикетаонъ, Ареева отрасль,
Укалегонъ, и герой Антеноръ, прозорливые оба,
Старцы народа сидѣли на Скейской возвышенной башнѣ,
Старцы, уже не могучіе въ брани, но мужи совѣта,
Сильные словомъ, цикадамъ подобные, кои по рощамъ,
Сидя на вѣтвяхъ деревъ, разливаютъ голосъ ихъ звонкій:
Сонмъ таковыхъ Иліонскихъ старѣйшинъ собрался на башнѣ.
Старцы, лишь только узрѣли идущую къ башнѣ Елену,
Тихія между собой говорили крылатыя рѣчи:
„Нѣтъ, осуждать невозможно, что Трои сыны и Ахейцы
Брань за такую жену и бѣды столь долгія терпятъ:
Истинно, вѣчнымъ богинямъ она красотою подобна!
Но, и столько прекрасная, пусть возвратится въ Геллады:
Пусть удалится отъ насъ и отъ чадъ намъ любезныхъ погибель!“
Такъ говорили; Пріамъ же ее призывалъ дружелюбно:
„Шествуй, дитя мое милое! ближе ко мнѣ ты садися.
Узришь отсюда и перваго мужа, и кровныхъ, и ближнихъ.
Ты предо мною невинна; единые боги виновны:
Боги съ плачевной войной на меня устремили Ахеянъ!
Сядь и повѣдай мнѣ имя величествомъ дивнаго мужа:

Кто сей, предъ ратью Ахейскою, мужъ и великій и мощный?
Выше его головой межъ Ахеями есть и другіе,
Но толико прекраснаго очи мои не видали,
Ни толико почтеннаго: мужу царю онъ подобенъ!“
Старцу, въ женахъ знаменитая, такъ отвѣчала Елена:
„Ты и почтенъ для меня, возлюбленный свекоръ, и страшенъ!
Лучше бы горькую смерть предпочесть мнѣ, когда я рѣшилась
Слѣдовать съ сыномъ твоимъ, какъ покинула брачный чертогъ мой,
Братьевъ, и милую дочь, и веселыхъ подругъ мнѣ безцѣнныхъ!
Но не сдѣлалось такъ и о томъ я въ слезахъ изнываю!..
Ты вопрошаешь меня, и тебѣ я скажу, Дарданіонъ:
Мужъ сей есть пространно-державный Атридъ Агамемнонъ,
Славный въ Гелладѣ, какъ мудрый царь и какъ доблестный воинъ.
Деверь онъ былъ мнѣ; увы, недостойная, если-бъ онъ былъ имъ!“ [1])
Такъ говорила,—и старецъ, дивясь Атриду, воскликнулъ:
О, Агамемнонъ, счастливымъ родившійся, смертный, блаженный!
Сколько подъ властью твоею Ахейскихъ сыновъ бранноносныхъ!
Нѣкогда, бывъ во Фригійской землѣ, виноградомъ обильной,
Зрѣлъ я великую рать Фригіянъ, колесничниковъ быстрыхъ;
Зрѣлъ я Атрея полки и Мигдона, подобнаго богу:
Станомъ стояло ихъ воинство вдоль береговъ Сангарія;
Тамъ находился и я, и союзникомъ оныхъ считался,
Въ день, какъ мужамъ подобныя ратью нашли Амазонки:
Но не столько ихъ было, какъ здѣсь быстроокихъ Данаевъ“.
Послѣ, узрѣвъ Одиссея, Пріамъ вопрошаетъ Елену:
„Нынѣ скажи и объ этомъ, дитя мое: кто сей Данаецъ?
Менѣе цѣлой главой, чѣмъ великій Атридъ Агамемнонъ,
Но плечами онъ шире и персями съ вида взрачнѣе.
Сбруя его боевая лежитъ на землѣ плодоносной;
Самъ же, подобно овну, по рядамъ ратоборнымъ онъ ходитъ:
Онъ мнѣ подобнымъ овну представляется, пышному волной,
Въ стадѣ который великомъ гуляетъ межъ агницъ сребристыхъ“.
Вновь отвѣчала Пріаму Елена, рожденная Зевсомъ:
„Мужъ сей, почтенный Пріамъ, Лаертидъ Одиссей многоумный,
Взросшій въ народѣ Иѳаки, питомецъ земли каменистой,
Мужъ, преисполненный козней различныхъ и мудрыхъ совѣтовъ“.
Къ ней обративши слова, говорилъ Антеноръ благоумный:
„Подлинно, рѣчь справедливую ты, о жена, произносишь:
Нѣкогда къ намъ приходилъ Одиссей Лаертидъ знаменитый,
Присланный ради тебя съ Менелаемъ воинственнымъ купно.

[1]) Т. е. если-бъ оставался имъ и теперь. *Ред.*

Я ихъ тогда принималъ и угащивалъ дружески въ домѣ;
Свойство узналъ обоихъ и совѣтовъ ихъ разумъ извѣдалъ.
Если они на собранья Троянскія вмѣстѣ являлись,
Стоя, плечами широкими царь Менелай отличался;
Сидя же вмѣстѣ, почтеннѣе былъ Одиссей благородный;
Если они предъ собраніемъ думы и рѣчи сплетали,
Царь Менелай всегда говорилъ, изъясняяся бѣгло,
Мало вѣщалъ, но разительно; не былъ Атридъ многословенъ,
Ни въ рѣчахъ околиченъ, хоть былъ онъ и младшій годами.
Но когда говорить возставалъ Одиссей многоумный,
Тихо стоялъ и въ землю смотрѣлъ, потупивши очи;
Скиптра въ десницѣ своей ни назадъ, ни впередъ онъ не двигалъ,
Но незыбно держалъ, человѣку простому подобный.
Счелъ бы его ты разгнѣваннымъ мужемъ или скудоумнымъ.
Но когда издавалъ онъ голосъ могучій изъ персей,
Рѣчи, какъ снѣжная вьюга, изъ устъ у него устремлялись!
Нѣтъ, ни единый бы смертный стязаться не смѣлъ съ Одиссеемъ;
Мы не дивились тогда Одиссееву прежнему виду".
Третьяго видя Аякса, Пріамъ вопрошаетъ Елену:
„Кто еще оный Ахеянинъ, столько могучій, огромный?
Онъ и главой и плечами широкими всѣхъ перевысилъ?"
Старцу въ женахъ знаменитая вновь отвѣчала Елена:
„Мужъ сей—Аяксъ Теламонидъ великій, твердыня Данаевъ.
Тамъ, среди Критскихъ дружинъ, возвышается, богу подобный,
Идоменей, и при немъ предводители Критянъ толпятся.
Часто героя сего Менелай угощалъ дружелюбно
Въ нашемъ домѣ, когда приходилъ онъ изъ славнаго Крита.
Вижу и многихъ другихъ быстроокихъ Данайскихъ героевъ;
Всѣхъ я узнала-бъ легко и повѣдала-бъ каждаго имя.
Двухъ лишь нигдѣ я не вижу строителей воинствъ: незримы
Касторъ, коней укротитель, съ могучимъ бойцомъ Полидевкомъ,
Братья, которыхъ со мною родила единая матерь.
Или они не оставили градъ Лакедемонъ веселый?
Или, быть можетъ, и здѣсь, принеслись въ корабляхъ мореходных,
Но одни не желаютъ вступать въ ратоборство съ мужами,
Срамомъ гнушаясь и страшнымъ позоромъ, меня тяготящимъ!"
Такъ говорила; но ихъ уже матерь земля сокрывала
Тамъ, въ Лакедемонѣ, въ нѣдрахъ любезной земли ихъ родимой.
Тою порой черезъ Трою потребы священныя клятвы,
Агнцевъ и даръ полей, вино веселящее сердце,
Въ козьемъ мѣху несли провозвѣстники; несъ совокупно

Вѣстникъ Идей и блестящую чашу и кубки златые;
Онъ же, и къ старцу представъ, призывалъ Дарданида, вѣщая:
„Старецъ почтенный, воздвигнись, тебя приглашаютъ вельможи
Трои сыновъ конеборныхъ и мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ;
Выйди на ратное поле, да клятвы святыя положатъ.
Нынѣ герой Александръ и съ нимъ Менелай бранноносецъ
Съ длинными копьями выйдутъ одни за Елену сразиться.
Кто побѣдитъ—и жены и сокровищъ властителемъ будетъ;
Мы-жъ, заключившіе дружбу и клятвы священныя, будемъ
Троей владѣть, а Данаи въ Аргосъ, конями обильный,
Вспять отплывутъ и въ Ахаію, славную женъ красотою".
Такъ произнесъ; ужаснулся Пріамъ, но друзьямъ повелѣлъ онъ
Коней запрячь въ колесницу; они покорились охотно;
Старецъ взошелъ и бразды натянулъ къ управленію коней;
Подлѣ него Антеноръ на блистательной сталъ колесницѣ;
Въ поле они черезъ Скейскія быстрыхъ направили коней,
И когда достигнули воинствъ Троянъ и Ахеянъ,
Тамъ, съ колесницы прекрасной сошедши на злачную землю,
Между Троянъ и Ахеянъ срединою шествуютъ старцы.
Въ встрѣчу имъ быстро возсталъ повелитель мужей Агамемнонъ,
Мудрый возсталъ Одиссей, и почтенные вѣстники жертвы,
Жертвы для клятвы священной представили, въ чашѣ единой
Вина смѣсили и на руки воду царямъ возліяли.
Тутъ Агамемнонъ, владыка, десницею ножъ обнаживши
Острый, висящій всегда при влагалищѣ мечномъ великомъ,
Волну отрѣзалъ на агнчихъ главахъ, и глашатаи оба,
Взявъ, раздѣлили ее межъ избранныхъ Троянъ и Ахеянъ.
Царь Агамемнонъ воззвалъ, съ воздѣяніемъ длани моляся:
„Мощный Зевсъ! обладающій съ Иды, преславный, великій!
Геліосъ, видящій все и слышащій все въ поднебесной!
Рѣки, земля, и вы, что въ подземной обители души
Оныхъ караете смертныхъ, которые ложно клянутся!
Будьте свидѣтели вы и храните намъ клятвы святыя:
Если Парисъ Пріамидъ поразитъ Менелая Атрида,
Онъ и Елену въ дому и сокровища всѣ да удержитъ;
Мы-жъ отъ Троянской земли отплывемъ на судахъ мореходныхъ.
Если Париса въ бою поразитъ Менелай свѣтловласый,
Граждане Трои должны возвратить и жену и богатства;
Пеню должны заплатить Аргивянамъ, какую прилично;
Память объ ней да прейдетъ и до позднихъ племенъ человѣковъ.
Если же мнѣ и Пріамъ и Пріама сыны отрекутся

Должную дань заплатить по паденьи уже и Париса,
Снова я ратовать буду, пока не истребую дани;
Здѣсь я останусь, пока не увижу конца ратоборству".
Рекъ и гортани овновъ пересѣкъ онъ суровою мѣдью
И обоихъ на землю положилъ ихъ, въ трепетѣ смертномъ
Жизнь издыхающихъ: юную силу ихъ мѣдь сокрушила.
Послѣ, вино изъ чаши блистательной черпая кубкомъ,
Всѣ возливали и громко молились богамъ вѣчносущимъ;
Такъ не одинъ возглашалъ межъ рядами Троянъ и Ахеянъ:
„Зевсъ многославный, великій, и всѣ вы, безсмертные боги!
Первыхъ, которые смѣютъ священную клятву нарушить,
Мозгъ, какъ изъ чаши вино, да по черной землѣ разольется,
Ихъ вѣроломныхъ и чадъ, и пришельцы ихъ женъ да обымутъ!"
Такъ возглашали, но ихъ мольбы не исполнилъ Кроніонъ.
Старецъ Пріамъ между тѣмъ обратился къ народамъ, вѣщая:
„Слову внимайте, Трояне и храбрые мужи Ахейцы:
Я удаляюсь отъ васъ, въ Иліонъ возвращаюсь холмистый.
Мнѣ не достанетъ силъ, чтобы видѣть своими очами
Сына любезнаго бой съ Менелаемъ, питомцемъ Арея.
Вѣдаетъ Зевсъ Эгіохъ и другіе безсмертные боги,
Въ битвѣ кому изъ подвижниковъ смертный конецъ предназначенъ".
Рекъ и овновъ въ колесницу влагаетъ божественный старецъ,
Всходитъ и самъ и бразды къ управленью коней напрягаетъ;
Подлѣ него Антеноръ на блистательной сталъ колесницѣ.
Старцы, назадъ обратяся, погнали коней къ Иліону.
Гекторъ тогда Пріамидъ и съ нимъ Одиссей благородный
Прежде измѣрили мѣсто сраженія; послѣ, повергнувъ
Жребіи въ мѣдный шеломъ, сотрясали, да ими рѣшится,
Кто въ сопротивника первый копье мѣдяное пуститъ.
Рати же окрестъ молились и длани къ богамъ воздѣвали;
Такъ не одинъ восклицалъ межъ рядами Троянъ и Ахеянъ:
„Мощный Зевсъ, обладающій съ Иды, преславный, великій!
Кто между ими погибельныхъ дѣлъ сихъ и распрей виновникъ,
Дай ты ему, пораженному, въ домъ погрузиться Аида,
Намъ же опять утвердить и священныя клятвы и дружбу!"
Такъ возглашаютъ, а Гекторъ великій два жребія въ шлемѣ,
Взоръ отвративъ, сотрясаетъ и выпрянулъ жребій Париса.
Воины быстро усѣлись рядами, гдѣ каждый оставилъ
Коней своихъ звуконогихъ и пестрыя ратныя сбруи.
Тою порой вкругъ раменъ покрывался оружіемъ пышнымъ
Юный герой Александръ, супругъ лѣпокудрой Елены.

И сперва наложилъ онъ на бѣлыя ноги поножи
Пышныя, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
Перси кругомъ защищая, надѣлъ мѣдяныя латы,
Брата Ликаона славный доспѣхъ и ему соразмѣрный;
Сверху на рамо набросилъ ремень и мечъ среброгвоздный
Съ мѣднымъ клинкомъ; и щитъ захватилъ и огромный и крѣпкій;
Шлемъ на могучую голову ярко блестящій надвинулъ
Съ гривою конскою; гребень ужасный надъ нимъ волновался;
Тяжкое поднялъ копье, но которое было споручно.
Такъ и Атридъ Менелай покрывался оружіемъ, храбрый.
И едва лишь каждый въ дружинѣ своей воружился,
Оба они Аргивянъ и Троянъ на средину выходятъ
Съ грозно блестящими взорами; ужасъ смотрящихъ объемлетъ
Конниковъ храбрыхъ Троянъ и красиво-поножныхъ Данаевъ.
Близко герои сошлись и на мѣстѣ измѣренномъ стали,
Копья въ рукахъ потрясая, свирѣпствуя другъ противъ друга.
Первый герой Александръ послалъ длиннотѣнную пику
И ударилъ Атрида въ блистательный щитъ круговидный;
Но—не проникнуло мѣди, согнулось копейное жало
Въ твердомъ щитѣ. И воздвигся второй съ занесенною пикой
Царь Менелай, умоляющій пламенно Зевса владыку:
„Зевсъ! помоги покарать сотворившаго мнѣ оскорбленье!
Въ прахъ моею рукой низложи Пріамида Париса;
Пусть ужасается каждый и въ поздно рожденныхъ потомкахъ
Зломъ воздавать за пріязнь добродушному гостепріимцу“.
Рекъ онъ и, мощно сотрясши, повергъ длиннотѣнную пику,
И ударилъ жестоко противника въ щитъ круговидный:
Щитъ свѣтозарный насквозь пробѣжала могучая пика,
Броню насквозь, украшеніемъ пышную, быстро пронзила
И, на паху подреберномъ, хитонъ у Париса разсѣкла,
Бурная; онъ, лишь отпрянувъ, погибели черной избѣгнулъ.
Сынъ же Атреевъ, исторгнувъ стремительно мечъ среброгвоздный,
Грянулъ съ размаху по бляхѣ шелома, но мечъ, надъ шеломомъ
Въ три и четыре куска раздробившися, палъ изъ десницы.
Царь Менелай возопилъ, на пространное небо взирая:
„Зевсъ, ни одинъ изъ безсмертныхъ, подобно тебѣ, не злотворенъ!
Я наконецъ уповалъ покарать Александра злодѣя;
И въ рукахъ у меня сокрушается мечъ, и напрасно
Вылетѣлъ дротъ изъ десницы моей: не могу поразить я!“
Рекъ и напалъ на него, и, за шлемъ ухвативъ коневласый,

Быстро повлекъ, обратившися къ пышно-поножнымъ Ахейцамъ.
Стиснулъ Парисову нѣжную выю ремень хитроплетенный—
Вплоть у него подъ брадой проходившая подвязь шелома.
Онъ и довлекъ бы его, и покрылся бы славой великой;
Но любимца увидѣла Зевсова дочь Афродита;
Кожу вола, пораженнаго силой, она разорвала:
Шлемъ послѣдовалъ праздный за мощной рукой Менелая.
Быстро его Атрейонъ, закруживши на воздухѣ, ринулъ
Къ пышно-поножнымъ Данаямъ, и подняли вѣрные други.
Самъ же онъ бросился вновь, поразить Александра пылая,
Мѣднымъ копьемъ, но Киприда его отъ очей, какъ богиня,
Вдругъ похищаетъ и, облакомъ темнымъ покрывши, любимца
Въ ложницу вводитъ, въ чертогъ благовонія сладкаго полный;
Быстро уходитъ Елену призвать и на башнѣ высокой
Ледину дочь, окруженную сонмомъ Троянокъ, находитъ,
Тихо рукой потрясаетъ ея благовонную ризу
И говоритъ, уподобяся, старицѣ, древле рожденной,
Пряхѣ, что въ прежніе дни для нея въ Лакедемонѣ градѣ
Волну прекрасно пряла и царевну вседушно любила;
Ей уподобяся, такъ говоритъ Афродита богиня:
„Въ домъ возвратися, Елена; тебя Александръ призываетъ.
Онъ уже дома, сидитъ въ почивальнѣ, на ложѣ точеномъ,
Свѣтелъ красой и одеждой; не скажешь, что юный супругъ твой
Съ мужемъ сражался и съ боя пришелъ, но что онъ къ хороводу
Хочетъ идти, иль возсѣлъ опочить, хороводъ лишь оставивъ".
Такъ говорила и душу Елены въ груди взволновала:
Но, лишь узрѣла Елена прекрасную выю Киприды,
Прелестей полныя перси и страстно блестящія очи,
Въ ужасъ пришла, обратилась къ богинѣ и такъ говорила:
„Ахъ, жестокая! снова меня обольстить ты пылаешь?
Или меня еще дальше, въ какой-либо градъ многолюдный,
Фригіи градъ иль Меоніи радостной хочешь увлечь ты,
Если и тамъ обитаетъ любезный тебѣ земнородный?
Нынѣ, когда Менелай на бою побѣдивъ Александра,
Снова въ семейство меня возвратить, ненавистную, хочетъ,
Что ты являешься мнѣ, съ злонамѣреннымъ въ сердцѣ коварствомъ?
Шествуй къ любимцу сама, отъ путей отрекися безсмертныхъ
И, стопою твоей никогда не касаясь Олимпа,
Вѣчно при немъ изнывай и ласкай властелина, доколѣ
Будешь имъ названа или супругою, или рабою!
Я же къ нему не пойду, къ бѣглецу; и позорно бы было
Ложе его украшать; надо мною Троянскія жены

Всѣ посмѣются; довольно и такъ мнѣ для сердца страданій!"
Ей, раздраженная Зевсова дочь, отвѣчала Киприда:
„Смолкни, несчастная! или, во гнѣвѣ тебя я оставивъ,
Такъ же могу ненавидѣть, какъ прежде безмѣрно любила,
Вмѣстѣ обоихъ народовъ, Троянъ и Ахеянъ, свирѣпство
Я на тебя обращу и погибнешь ты бѣдственной смертью!"
Такъ изрекла,—и трепещетъ Елена, рожденная Зевсомъ,
И, закрывшись покровомъ сребристоблестящимъ, безмолвно,
Сону Троянокъ невидимо, шествуетъ вслѣдъ за богиней.
Скоро достигли онѣ Александрова пышнаго дома;
Обѣ служебницы бросились быстро къ домашнимъ работамъ.
Тихо на теремъ высокій жена благородная всходитъ.
Тамъ для нея, улыбаясь плѣнительно, кресло Киприда,
Взявъ сама, предъ лицомъ Александровымъ ставитъ богиня.
Сѣла на оном Елена, рожденная Зевсомъ Кронидомъ,
Очи назадъ отвратила и такъ упрекала супруга:
„Съ битвы пришелъ ты? о лучше бъ, несчастный, на ней ты погибнулъ,
„Мужемъ сраженный могучимъ, моимъ преждебывшимъ супругомъ!
Прежде не самъ ли хвалился, что ты Менелая героя
Силой своей и рукой и копьемъ превзойдешь въ ратоборствѣ!
Шествуй теперь и Атрида могучаго вызови снова;
Лично съ героемъ сразися. Но я не совѣтую; лучше
Мирно покойся, и впредь съ свѣтлокудрымъ Атреевымъ сыномъ
Ратовать ратью, ни битвою биться не смѣй безразсудно;
Или, страшись, да его копіемъ укрощенъ ты не будешь!"
Ей отвѣчая, Парисъ устремляетъ крылатыя рѣчи:
„Нѣтъ, не печаль мнѣ, супруга, упреками горькими сердца;
Такъ, сегодня Атридъ побѣдилъ съ ясноокой Аѳиной;
Послѣ и я побѣжду: покровители боги и съ нами,
Нынѣ почіемъ съ тобой и взаимной любви насладимся.
Пламя такое въ груди у меня никогда не горѣло;
Даже въ тотъ счастливый день, какъ съ тобою изъ Спарты веселой
Я съ похищенной бѣжалъ на моихъ корабляхъ быстролетныхъ,
И на Кранаѣ сопрягся и первой любовью и ложемъ.
Нынѣ пылаю тобою, желанія сладкаго полный".
Рекъ онъ и шествуетъ къ ложу, за нимъ и Елена супруга.
Вмѣстѣ они на блистательно-убранномъ ложѣ почили.
Сынъ же Атреевъ по воинству рыскалъ, звѣрю подобный,
Взоры бросая кругомъ, не увидитъ ли гдѣ Александра.
Но ни единый изъ храбрыхъ Троянъ и союзниковъ славныхъ
Мощному сыну Атрея не могъ указать Александра.

Вѣрно, изъ дружбы къ нему, не сокрылъ бы никто его зрѣвшій:
Всѣмъ онъ и имъ уже былъ ненавистенъ, какъ черная гибель.
Громко тогда возгласилъ повелитель мужей Агамемнонъ:
„Слухъ преклоните, Трояне, Дардане и рати союзныхъ!
Видимо всѣмъ торжество Менелая, любимца Атрея.
Вы Аргивянку Елену, съ богатствомъ ея похищеннымъ,
Выдайте намъ и немедленно должную дань заплатите;
Память объ ней да прейдетъ и до позднихъ племенъ человѣковъ".
Такъ Агамемнонъ вѣщалъ,—и въ хвалу восклицали Ахейцы.

ПѢСНЬ IV.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНИ.

Боги пиршествуютъ у Зевса, ст. 1—4. Онъ, между тѣмъ, говоритъ о бывшемъ единоборствѣ. (Оно, какъ видѣли, осталось сомнительнымъ, ибо Парисъ хотя побѣжденъ, но не убитъ. Кромѣ этого, съ исполненіемъ условій единоборства, т.-е. съ возвращеніемъ Елены Менелаю, какъ побѣдителю, кончилась бы брань Троянская, и Зевсъ не исполнилъ бы обѣта, даннаго Ѳетидѣ, отмстить за обиду Ахиллеса уничиженіемъ Ахеянъ въ брани.)—Вотъ почему Зевсъ предлагаетъ на размышленіе богамъ: какъ устроить дѣло?—возобновить ли брань, или положить миръ между враждебными народами, возвративъ Елену Менелаю и сохранивъ Трою? 5—19. Гера раздражается, ибо миромъ она не можетъ удовольствовать ненависти своей къ Троянамъ; возражаетъ, упрекаетъ и принуждаетъ Зевса согласиться на разрушеніе Трои, 20—49. Зевсъ, по ея убѣжденію, посылаетъ на землю Аѳину, равно враждебную Троянамъ; она убѣждаетъ Пандара пустить стрѣлу въ Менелая, чтобы такимъ образомъ Трояне нарушили договоръ и подали новую причину къ брани, 50—104. Но Менелай раненъ не въ опасное мѣсто: Аѳина отвратила стрѣлу; язву осматриваетъ и врачуетъ Махаонъ, 105—219. Между тѣмъ, Трояне, вновь принявъ оружіе, наступаютъ; Ахеяне вооружаются; Агамемнонъ обходитъ воинство, 220—250; однихъ, какъ Идоменея, 251, Аяксовъ, 279, Нестора, 293, которые стояли уже въ готовности, хвалитъ за ревность; другихъ, Менесѳея, Одиссея, 327—364, Діомеда, которые новаго нападенія еще не слышали, упрекаетъ въ медленности, 365—421. Послѣ сего брань съ обѣихъ сторонъ возобновляется; боги воспламеняютъ сердца: Арей и Аполлонъ—Троянъ, Аѳина—Ахеянъ, 422—456; многіе ознаменовываютъ доблесть: Антилохъ убиваетъ Эхепола, 457; Агеноръ Элефенора, 463; Аяксъ Теламонидъ Симоизія, 473; Одиссей Демокоона, 499; Діора, вождя Эпеянъ, поражаетъ Пиросъ, Ѳракіецъ, 517; его Ѳоасъ, Этоліецъ, 527—538. Съ обѣихъ сторонъ дѣло идетъ пламенно, 539—544.

Боги у Зевса отца, на помостѣ златомъ засѣдая,
Мирно бесѣду вели; посреди ихъ цвѣтущая Геба
Нектаръ кругомъ разливала; и, кубки пріемля златые,
Чествуютъ боги другъ друга, съ высотъ на Трою взирая.
Вдругъ Олимпіецъ Кроніонъ замыслилъ Геру прогнѣвать
Рѣчью язвительной; онъ, издѣваясь, бесѣдовать началъ:
„Двѣ здѣсь богини, помощницы въ браняхъ царя Менелая:
Гера Аргивская и Тритогенія Алалкомена.
Обѣ, однако, вдали возсидя и съ Олимпа взирая,
Симъ утѣшаются; но съ Александромъ вездѣ Афродита,
Помощь ему подаетъ, роковыя бѣды отражаетъ,
И сегодня любимца спасла, трепетавшаго смерти.
Но побѣда надъ нимъ несомнѣнна царя Менелая.
Боги, размыслимъ, чѣмъ таковое дѣяніе кончить?
Паки ли грозную брань и печальную распрю воздвигнемъ,
Или возлюбленный миръ межъ двумя племенами положимъ?
Если сіе божествамъ и желательно всѣмъ, и пріятно,
Будетъ стоять нерушимою Троя Пріама владыки,
И съ Еленой Аргивскою въ домъ Менелай возвратится".
Такъ онъ вѣщалъ; негодуя, вздыхали Аѳина и Гера;
Вмѣстѣ сидѣли онѣ и Троянамъ бѣды умышляли.
Но Аѳина смолчала, не молвила гнѣвная, слова
Зевсу отцу, а ее волновала свирѣпая злоба.
Гера же гнѣва въ груди не сдержала, воскликнула Зевсу:
„Сердцемъ жестокій Кроніонъ! какой ты глаголъ произносишь?
Хочешь ты сдѣлать и трудъ мой ничтожнымъ, и потъ мой безплодным,
Коимъ, трудясь, обливалася? Я истомила и коней,
Рать подымая на гибель Пріаму и чадамъ Пріама.
Волю твори, но не всѣ отъ безсмертныхъ ее мы одобримъ".
Ей негодующій сердцемъ отвѣтствовалъ Зевсъ тучеводецъ:
„Злобная! старецъ Пріамъ и Пріамовы чада какое
Зло предъ тобой сотворили, что ты непрестанно пылаешь
Градъ Иліонъ истребить, благолѣпную смертныхъ обитель?
Если бъ могла ты, войдя во врата и Троянскія стѣны,
Ты бы пожрала живыхъ и Пріама, и всѣхъ Пріамидовъ,
И Троянскій народъ, и тогда бъ лишь насытила злобу!
Дѣлай, что сердцу угодно; да горькій сей споръ напослѣдокъ
Грозной вражды навсегда между мной и тобой не положитъ.
Слово еще изреку я, а ты впечатлѣй его въ сердцѣ:
Если и я, пылающій гнѣвомъ, когда возжелаю
Градъ ниспровергнуть, отчизну любезныхъ тебѣ человѣковъ,

Гнѣва и ты моего не обуздывай, дай мнѣ свободу!
Градъ сей тебѣ я предать соглашаюсь, душой несогласный.
Такъ, подъ сіяющимъ солнцемъ и твердью небесною звѣздной
Сколько ни зрится градовъ, населенныхъ сынами земными,
Сердцемъ моимъ наиболѣе чтима священная Троя,
Трои владыка Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.
Тамъ никогда мой алтарь не лишался ни жертвенныхъ пиршествъ,
Ни возліяній, ни дыма: сія бо намъ честь подобаетъ".
Вновь провѣщала къ нему волоокая Гера богиня:
„Три для меня наипаче любезны Ахейскіе града:
Аргосъ, холмистая Спарта и градъ многолюдный Микена.
Ихъ истреби ты, когда для тебя ненавистными будутъ;
Я не вступаюсь за нихъ и отнюдь на тебя не враждую.
Сколько бы въ гнѣвѣ моемъ на противилась ихъ истребленью,
Я не успѣла бъ и гнѣвная: ты на Олимпѣ сильнѣйшій.
Но труды и мои оставаться должны ли безплодны?
Я божество, какъ и ты, исхожу отъ единаго рода
И, богиня старѣйшая, дщерь хитроумнаго Крона,
Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и супругой
Ты нарицаешь, ты, надъ безсмертными всѣми царящій.
Но оставимъ вражду и, смиряяся другъ передъ другомъ,
Оба взаимно уступимъ, да слѣдуютъ намъ и другіе
Боги безсмертные. Нынѣ, Кронидъ, повели ты Аѳинѣ
Быстро сойти къ истребительной брани Троянъ и Данаевъ;
Пусть искушаетъ она, чтобъ славою гордыхъ Данаевъ
Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву".
Такъ говорила, и внялъ ей отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ;
Рѣчи крылатыя онъ устремилъ къ свѣтлоокой Аѳинѣ:
„Быстро, Аѳина, лети къ ополченью Троянъ и Данаевъ;
Тамъ искушай и успѣй, чтобъ славою гордыхъ Данаевъ
Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву".
Рекъ и подвигнулъ давно пылавшую сердцемъ Аѳину:
Бурно помчалась богиня, съ Олимпа высокаго бросясь.
Словно звѣзда, какую Кроніонъ Зевсъ посылаетъ
Знаменьемъ или пловцамъ, иль воюющимъ ратямъ народовъ,
Яркую, вкругъ изъ нея неисчетныя сыплются искры,—
Въ видѣ такомъ устремляясь на землю, Паллада Аѳина
Пала въ средину полковъ; изумленіе обняло зрящихъ
Конниковъ храбрыхъ Троянъ и мѣдянодоспѣшныхъ Данаевъ;
Такъ говорилъ не одинъ ратоборецъ, взглянувъ на другого:
„Снова войнѣ ненавистной, снова сѣчѣ кровавой
Быть передъ Троей; или полагаетъ миръ между нами

Зевсъ всемогущій, который межъ смертными браней рѣшитель".
Такъ не одинъ говорилъ въ ополченьяхъ Троянъ и Ахеянъ.
Зевсова жъ дочь, Антенорова сына пріявшая образъ,
Мужа Лаодока храбраго, въ сонмы Троянскіе входитъ,
Пандара, богу подобнаго, ищетъ, кругомъ вопрошая,
Видитъ его: непорочный и доблестный сынъ Ликаоновъ,
Пандаръ, стоялъ и при немъ густые ряды щитоносцевъ,
Воевъ, пришедшихъ за нимъ отъ священныхъ потоковъ Эзепа.
Ставъ близъ него, устремила богиня крылатыя рѣчи:
„Будешь ли мнѣ ты послушенъ, воинственный сынъ Ликаона?
Смѣешь ли быстрой стрѣлою ударить въ царя Менелая?
Въ Троѣ отъ каждаго ты благодарность и славу стяжаешь;
Болѣе жъ всѣхъ отъ Пріамова сына, царя Александра.
Такъ, отъ него ты отъ перваго даръ понесешь знаменитый,
Если узритъ онъ, что царь Атрейонъ, Менелай бранноносный,
Сверженъ твоею стрѣлой, на костеръ подымается грустный.
Пандаръ, дерзай! порази Менелая, высокаго славой!
Прежде жъ обѣтъ сотвори луконосцу Ликійскому, Фебу,
Агнцевъ ему первородныхъ принесть, знаменитую жертву,
Въ отческій домъ возвратяся, въ священныя Зеліи стѣны".
Такъ говоря, безразсуднаго сердце Аѳина подвигла.
Лукъ обнажилъ онъ лосистый, рога быстроскачущей серны,
Дикой, которую нѣкогда самъ онъ подъ перси умѣтилъ,
Съ камня готовую прянуть: ее, ожидавшій въ засадѣ,
Въ грудь онъ стрѣлой угодилъ и хребтомъ опрокинулъ на камень.
Роги ея отъ главы на шестнадцать ладоней вздымались.
Ихъ, обработавъ искусно, сплотилъ рогодѣлъ знаменитый,
Вылощилъ ярко весь лукъ и покрылъ его златомъ поверхность.
Лукъ сей блестящій стрѣлецъ, натянувши, искусно изладилъ,
Къ долу склонивъ; и щитами его заградила дружина,
Въ страхѣ, да слуги Арея въ него не ударятъ, Ахейцы,
Прежде чѣмъ будетъ пронзенъ Менелай, воевода Ахеянъ.
Пандаръ же крышу колчанную поднялъ и выволокъ стрѣлу,
Новую, стрѣлу крылатую, черныхъ страданій источникъ.
Скоро къ тугой тетивѣ приспособилъ онъ горькую стрѣлу,
И, обѣтъ сотворя луконосцу Ликійскому, Фебу,
Агнцевъ ему первородныхъ принесть знаменитую жертву,
Въ отческій домъ возвратяся, въ священныя Зеліи стѣны,
Разомъ повлекъ и пернатой ушки и воловую жилу;
Жилу привлекъ до сосца и до лука желѣзо пернатой;
И едва круговидный огромный свой лукъ изогнулъ онъ,
Рогъ заскрипѣлъ, тетива загудѣла, и прянула стрѣлка,

Остроконечная, жадная въ сонмы влетѣть сопротивныхъ.
Но тебя, Менелай, не оставили жители неба,
Вѣчные боги, и первая дщерь свѣтлоокая Зевса:
Ставъ предъ тобою, она возбраняетъ стрѣлѣ смертоносной
Къ тѣлу касаться; ее отражаетъ, какъ нѣжная матерь
Гонитъ муху отъ сына, сномъ задремавшаго сладкимъ.
Мѣдь направляетъ богиня туда, гдѣ застежки златыя
Запонъ смыкали и гдѣ представлялася броня двойная.
Бурно пернатая горькая въ сомкнутый запонъ упала
И насквозь растерзала изящно украшенный запонъ,
Броню насквозь, украшеніемъ пышную, быстро пробила,
Повязь мѣдную, тѣла защиту, стрѣлъ сокрушенье,
Часто его защищавшую, самую повязь пронзила
И разсѣкла могучая верхнюю кожу героя;
Быстро багряная кровь заструилась изъ раны Атрида.
Такъ, какъ слоновая кость, обагренная въ пурпуръ женою,
Карскою или Меонской, для пышныхъ нащечниковъ конямъ,
Въ домѣ лежитъ у владѣлицы: многіе конники страстно
Жаждутъ обрѣсть; но лежитъ драгоцѣнная царская утварь,
Должная быть и коню украшеньемъ, и коннику славой,—
Такъ у тебя, Менелай, обагрилися пурпурной кровью
Бедра крутыя, красивыя ноги и самыя глезны.
Въ ужасъ пришелъ Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ,
Брата увидѣвши кровь, изливавшуюсь токомъ изъ язвы.
Въ ужасъ пришелъ и самъ Менелай, воеватель отважный;
Но лишь увидѣлъ шипы и завязку пернатой внѣ тѣла,
Вновь у Атреева сына исполнились мужества перси.
Тяжко стеная и за руку брата держа, Агамемнонъ
Такъ между тѣмъ говорилъ, и кругомъ ихъ стенала дружина:
„Милый мой братъ! на погибель тебѣ договоръ заключилъ я,
Выставивъ противъ Троянъ одного за Данаевъ сражаться:
Ими пронзенъ ты; попрали Трояне священную клятву!
Но не будутъ ничтожными клятва, кровавая жертва,
Винъ возліянье и рукъ сопряженье на вѣрность обѣта.
Если теперь совершитъ Олимпійскій Зевесъ не разсудитъ,
Поздно, но онъ совершитъ,—и Трояне великою платой,
Женами ихъ и дѣтьми, и своими главами заплатятъ.
Твердо увѣренъ я въ томъ, убѣждаяся духомъ и сердцемъ,
Будетъ нѣкогда день, какъ погибнетъ высокая Троя,
Древній погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.
Зевсъ Эгіохъ, обитатель эѳира высоко-царящій,
Самъ надъ главами Троянъ заколеблетъ ужаснымъ эгидомъ,

Симъ вѣроломствомъ прогнѣванный: то неминуемо будетъ.
Но, межъ тѣмъ, Менелай, и жестокая будетъ мнѣ горесть,
Если умрешь ты, о братъ мой, и жизни предѣлъ здѣсь окончишь.
Я, отягченный стыдомъ, отойду въ многожаждущій Аргосъ!
Скоро тогда по отечествѣ всѣ затоскуютъ Ахейцы.
Въ славу Пріаму и въ радость Троянамъ, здѣсь мы оставимъ
Нашу Елену, и кости твои середь поля истлѣютъ,
Легшія въ чуждой Троянской землѣ, не свершенному дѣлу.
Скажетъ тогда не одинъ безпредѣльно надменный Троянецъ,
Гордо на гробъ наскочивъ Менелая, покрытаго славой:
„Если бы такъ надъ всѣми свой гнѣвъ совершалъ Агамемнонъ!
Онъ къ Иліону Ахейскую рать приводилъ безполезно;
Онъ съ кораблями пустыми въ любезную землю родную
Вспять возвратился, оставивши здѣсь Менелая героя“.
Такъ скажетъ,—и тогда разступися земля подо мною!“
Душу его ободряя, вѣщалъ Менелай свѣтловласый:
„Братъ, ободрися и въ страхъ не вводи ополченій Ахейскихъ;
Въ мѣсто мнѣ не смертельное мѣдь вонзилася; прежде
Запонъ мой испещренный ее укротилъ, а подъ онымъ
Поясъ и повязь, которую мѣдники мужи ковали“.
Быстро ему отвѣчалъ повелитель мужей Агамемнонъ:
Было бы истинно такъ, какъ вѣщаешь, возлюбленный братъ мой!
Язву же врачъ знаменитый немедля тебѣ испытаетъ
И положитъ врачевствъ, утоляющихъ черныя боли“.
Рекъ и къ Талѳибію вѣстнику рѣчь обратилъ Агамемнонъ:
„Шествуй, Талѳибій, и къ намъ призови ты Махаона мужа,
Славнаго рати врача, Асклепія мудраго сына.
Пусть онъ осмотритъ вождя Аргивянъ, Менелая героя,
Коего ранилъ стрѣлою стрѣлецъ знаменитый Ликійскій,
Или Троянскій, на славу Троянамъ, Ахейцамъ на горесть!“
Рекъ, и глашатай немедленно слову царя повинулся:
Быстро пошелъ сквозь толпы, по великому войску Данаевъ,
Окрестъ смотря по рядамъ, и героя Махаона видитъ:
Пѣшъ онъ стоялъ и кругомъ его храбрыхъ ряды щитоносцевъ,
Воевъ, за нимъ прилетѣвшихъ изъ Трикки, обильной конями.
Ставъ близъ него, устремляетъ Талѳибій крылатыя рѣчи:
„Шествуй, Асклепіевъ сынъ; Агамемнонъ тебя призываетъ;
Шествуй увидѣть вождя Аргивянъ, Менелая героя,
Коего ранилъ стрѣлою стрѣлецъ знаменитый Ликійскій,
Или Троянскій, на славу Троянамъ, Ахейцамъ на горесть!“
Такъ говорилъ онъ и душу Махаона въ персяхъ встревожилъ.
Быстро пошли сквозь толпы по великому войску Данаевъ,

И, когда притекли, гдѣ Атридъ Менелай свѣтлокудрый
Былъ пораженъ, гдѣ собравшись Ахейскіе всѣ властелины
Кругомъ стояли, а онъ посреди ихъ, богу подобный,
Врачъ изъ плотнаго запона стрѣлу извлечь поспѣшаетъ,
Но, когда онъ повлекъ, закривились шипы у пернатой.
Быстро тогда разрѣшивъ пестроблещущій запонъ, подъ онымъ
Поясъ и повязь, которую мѣдники мужи ковали,
Язвину врачъ осмотрѣлъ, нанесенную горькой стрѣлою,
Выжалъ кровь и, искусный, ее врачевствами осыпалъ,
Силу которыхъ отцу его Хиронъ открылъ дружелюбный.
Тою порой, какъ Данаи заботились вкругъ Менелая,
Быстро Троянцевъ ряды наступали на нихъ, щитоносцевъ;
Снова Данаи оружьемъ покрылись и вспыхнули боемъ.
Тутъ не увидѣлъ бы ты Агамемнона, сына Атрея,
Дремлющимъ, или трепещущимъ, или на брань неохотнымъ:
Пламенно къ брани, мужей прославляющей, онъ устремился.
Коней Атридъ съ колесницею, мѣдью блестящей, оставилъ;
Ихъ браздодержецъ могучій держалъ недалеко, храпящихъ,
Мужъ Эвримедонъ, потомокъ Пираосовъ, сынъ Птоломеевъ:
Близко держаться Атридъ заповѣдалъ, на случай, когда онъ
Члены трудомъ истомитъ, обходящій и строящій многихъ.
Самъ, устремившися пѣшъ, проходилъ онъ ряды ратоборцевъ.
Гдѣ поспѣшавшихъ на бой находилъ Аргивянъ быстроконныхъ,
Духа еще имъ, представъ, придавалъ возбудительной рѣчью:
„Аргоса вои, воспомните нынѣ кипящую доблесть!
Нѣтъ, небожитель Кронидъ въ вѣроломствахъ не будетъ помощникъ:
Первыхъ, которые, клятвы поправъ, нанесли оскорбленье,
Бѣлое тѣло ихъ, вѣрно, растерзано вранами будетъ;
Мы же супругъ ихъ цвѣтущихъ и всѣхъ ихъ дѣтей малолѣтныхъ
Въ плѣнъ увлечемъ на судахъ, какъ возьмемъ крѣпкостѣнную Трою".
Но, встрѣчая мужей, на печальную битву коснящихъ,
Сильно на нихъ нападалъ, порицая жестокою рѣчью:
„Аргоса вои, стрѣльцы презрѣнные, нѣтъ ли стыда вамъ?
Что пораженные страхомъ, какъ робкія лани, стоите?
Лани, когда утомятся, по чистому бѣгая полю,
Купой стоятъ, и нѣтъ въ ихъ персяхъ ни духа, ни силы,—
Такъ, пораженные, вы здѣсь стоите и медлите къ бою.
Ждете ли вы, чтобъ Трояне до самыхъ рядовъ приступили
Нашихъ судовъ лѣпокормыхъ, на берегѣ моря сѣдого,
Тамъ чтобъ увидѣть вамъ, васъ ли рукой покрываетъ Кроніонъ?"
Такъ онъ, начальствуя, вкругъ обходилъ ратоборные строи.
Скоро приблизился къ Критскимъ, идя сквозь толпу ратоборцевъ:

Критяне строились въ бой вкругъ отважнаго Идоменея;
Идоменей впереди ихъ подобился вепрю, могучій;
Вождь Меріонъ у него позади возбуждалъ ополченья.
Ихъ усмотрѣвши, наполнился радостью царь Агамемнонъ
И предводителя Критянъ привѣтствовалъ ласковой рѣчью:
„Идоменей, тебя среди сонма героевъ Ахейскихъ
Чествую выше я всѣхъ, какъ въ боякъ и дѣяніяхъ прочихъ,
Такъ и на празднествахъ нашихъ, когда благороднымъ Данаямъ
Къ пиру почетнаго чернаго чашу вина растворяютъ,
Гдѣ предводители прочіе мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ
Пьютъ извѣстною мѣрой, но кубокъ тебѣ непрестанно
Полный стоитъ, какъ и мнѣ, да пьешь до желанія сердца.
Шествуй же къ брани таковъ, какъ и прежде ты быть въ ней гордился".
И Атриду отвѣтствовалъ Критскихъ мужей воевода:
„Славный Атридъ, неизмѣнно твоимъ я остануся другомъ,
Вѣрнымъ всегда, какъ и прежде тебѣ обѣщалъ я и клялся.
Но спѣши и другихъ возбудить кудреглавыхъ Данаевъ.
Битву скорѣе начнемъ; разорвали священныя клятвы
Трои сыны! И постигнутъ ихъ первыхъ бѣды и погибель;
Первые, клятвы поправъ, вѣроломно они оскорбили!"
Такъ онъ вѣщалъ, и Атридъ удалился, радостный сердцемъ;
Онъ устремился къ Аяксамъ, идя сквозь толпу ратоборныхъ:
Оба готовились въ бой, окруженные тучею пѣшихъ.
Словно какъ съ холма высокаго тучу великую пастырь
Видитъ, надъ моремъ идущую, вѣтромъ гонимую бурнымъ:
Издали взору его какъ смола представляяся черной,
Мчится надъ моремъ она, предводящая страшную бурю;
Съ ужасомъ пастырь глядитъ и стада свои гонитъ въ пещеру,—
Вслѣдъ таковы за Аяксами юношей, пламенныхъ въ битвахъ,
Къ брани кровавой съ врагомъ устремлялись фаланги густыя,
Черныя, грозно кругомъ и щиты воздымая, и копья.
Видя и сихъ, наполняется радостью царь Агамемнонъ
И къ вождямъ, обратяся, крылатую рѣчь устремляетъ:
„Храбрые мужи, Аяксы, вожди мѣднолатныхъ Данаевъ!
Вамъ я народъ возбуждать не даю повелѣній ненужныхъ:
Сильно вы сами его поощряете къ пламеннымъ битвамъ.
Если бъ, о Зевсъ Олимпійскій, Аѳина и Фебъ луконосецъ!
Если бъ у каждаго въ персяхъ подобное мужество было,
Скоро предъ нами поникнулъ бы градъ крѣпкостѣнный Пріама,
Нашихъ героевъ руками плѣненный и въ прахъ обращенный!"
Такъ произнесши, оставилъ онъ ихъ и къ другимъ устремился.

Встрѣтился Несторъ ему, сладкогласный витія Пилосскій:
Строилъ свои онъ дружины и духъ распалялъ ихъ на битву.
Окрестъ его Пелагонъ возвышался, Аласторъ и Хромій,
Гемонъ, воинственный царь, и Біантъ, предводитель народовъ.
Конныхъ мужей впереди съ колесницами Несторъ построилъ,
Пѣшихъ бойцовъ позади ихъ поставилъ, и многихъ и храбрыхъ,
Стѣну въ сраженіяхъ бурныхъ; но робкихъ собралъ въ середину,
Съ мыслью, чтобъ каждый, когда не по волѣ, по нуждѣ сражался.
Конникамъ первымъ давалъ наставленья, приказывалъ имъ онъ
Коней рядами держать и нестройной толпой не толпиться.
„Нѣтъ,—чтобъ никто, на искусство ѣзды и на силу надежный,
Прежде другихъ не пылалъ впереди съ супостатами биться,
Или назадъ обращаться: себя вы ослабите сами.
Кто жъ въ колесницѣ своей на другую придетъ колесницу,
Пику впередъ уставь: наилучшій для конниковъ способъ.
Такъ поступая, и древнія стѣны и грады громили,
Разумъ и духъ таковой сохраняя въ доблестныхъ персяхъ".
Такъ имъ совѣтовалъ старецъ, давно испытанный въ браняхъ.
Царь Агамемнонъ, узрѣвъ и его, веселится душою
И, обратяся, къ нему устремляетъ крылатыя рѣчи:
„Если бы, старецъ, донынѣ еще, какъ душа твоя въ персяхъ,
Ноги служили тебѣ и остался въ свѣжести силы?
Но угнетаетъ тебя неизбѣжная старость; пускай бы
Мужи другіе старѣли, а ты бы блисталъ между юныхъ!"
И Атриду отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:
„Такъ, благородный Атридъ, несказанно желалъ бы и самъ я
Быть таковымъ, какъ я былъ, поразившій Эревѳаліона.
Но совокупно всего не даютъ божества человѣкамъ:
Молодъ я былъ, а теперь и меня постигнула старость.
Но и таковъ я пойду между конными; буду бодрить ихъ
Словомъ моимъ и совѣтомъ; вотъ честь, остающаяся старцамъ.
Копья пускай устремляютъ Ахеяне младшіе, мужи,
Родшіесь послѣ меня и надежные больше на силу".
Такъ произнесъ, и Атридъ удаляется, радостный сердцемъ;
Онъ Менесѳея, отличнаго конника, близко находитъ
Праздно стоящимъ, и окрестъ — Аѳинянъ, искусныхъ въ сраженьяхъ.
Тамъ же, близъ Менесѳея, стоялъ Одиссей многоумный;
Окрестъ его Кефалленовъ ряды, не безсильныхъ во брани,
Праздно стояли, еще не слыхавшіе бранной тревоги,
Ибо едва устремленныя къ бою сходились фаланги

Конниковъ быстрыхъ Троянъ и Ахеянъ и стоя дружины
Ждали, когда, наступивши, Ахейская башня другая
Прежде ударитъ въ Троянъ и кровавую битву завяжетъ.
Такъ ихъ нашедъ, возропталъ повелитель мужей, Агамемнонъ,
И къ вождямъ возгласилъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Сынъ скиптроносца Петея, питомца Кроніона Зевса!
Такъ же и ты, одаренный коварствами, хитростей полный!
Что, укрываяся здѣсь, вы стоите, другихъ ожидая?
Вамъ изъ Ахейскихъ вождей обоимъ надлежало бы первымъ
Быть впереди и пылающей брани въ лицо устремляться.
Первые вы отъ меня и о пиршествахъ слышите нашихъ,
Если старѣйшинамъ пиршество мы учреждаемъ, Ахейцы.
Тамъ пріятно для васъ насыщаться зажареннымъ мясомъ,
Кубками вина сладкія пить до желанія сердца,
Здѣсь же пріятно вамъ видѣть, хотя бы и десять Ахейскихъ
Васъ упредили фалангъ и предъ вами сражалися мѣдью“.
Гнѣвно воззрѣвъ на него, отвѣчалъ Одиссей знаменитый:
„Рѣчи какія, Атридъ, изъ устъ у тебя излетаютъ?
Мы, говоришь ты, отъ битвъ уклоняемся? Если Ахейцы
Мы на Троянъ быстроконныхъ воздвигнемъ свирѣпство Арея,
Узришь ты, если захочешь и если участіе примешь,
Узришь отца Телемакова въ битвѣ съ рядами переднихъ
Конниковъ храбрыхъ Троянъ; а слова произнесъ ты пустыя!“
Гнѣвнымъ узрѣвъ Одиссея, осклабился царь Агамемнонъ
И, къ нему обращаясь, началъ онъ новое слово:
„Сынъ благородный Лаерта, герой Одиссей многоумный!
Я ни упрековъ отнюдь, ни приказовъ тебѣ не вѣщаю.
Слишкомъ я знаю, что сердце твое благородное полно

Добрыхъ намѣреній; ты одинаково мыслишь со мною.
Шествуй, о другъ! а когда что суровое сказано нынѣ,
Послѣ исправимъ; но пусть то безсмертные все уничтожатъ!“
Такъ произнесши, оставилъ вождей и къ другимъ устремился.
Тамъ онъ Тидида нашелъ, Діомеда героя, стоящимъ
Подлѣ коней и своей составной колесницы блестящей;
Съ нимъ стоялъ и Сѳенелъ, благородная вѣтвь Капанея.
Гнѣвно и ихъ порицалъ повелитель мужей Агамемнонъ;
Онъ къ Діомеду воззвалъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Мужа безстрашнаго сынъ, укротителя коней Тидея,
Что ты трепещешь? и что озираешь пути боевые?
Такъ трепетать не въ обычаѣ было Тидея героя;
Онъ впереди, предъ дружиною, первый сражался съ врагами.

Такъ говорили—дѣла его зрѣвшіе; я съ бранноносцемъ
Въ подвигахъ не былъ, не видѣлъ; но всѣхъ, говорятъ, превышалъ онъ.
Нѣкогда онъ, не съ войной, но какъ странникъ, въ Микенскія стѣны
Мирный вошелъ, съ Полиникомъ божественнымъ рать собирая.
Брань подымали они на священныя Ѳивскія стѣны
И просили Микенянъ дать имъ союзниковъ славныхъ.
Тѣ соглашалися дать и рѣшились исполнить прошенье;
Но Зевесъ отвратилъ ихъ явленіемъ знаменій грозныхъ.
Оба вождя отошли и путемъ обратнымъ достигли
Брега Асопа густокамышнаго, тучнаго злакомъ.
Снова оттуда посломъ Аргивяне послали Тидея
Въ Ѳивы; куда и пришелъ онъ и вмѣстѣ обрѣлъ тамъ Кадмеянъ
Многихъ, пирующихъ въ царскомъ дому Этеокловой силы.
Тамъ, не взирая, что странникъ, Тидей, конеборецъ могучій,
Въ страхъ не пришелъ, находяся одинъ среди многихъ Кадмеянъ,
Къ подвигамъ ихъ вызывалъ и на каждомъ легко сопротивныхъ
Всѣхъ побѣдилъ: таково поборала Тидею Аѳина.
Злобой къ нему воспылали Кадмейцы, гонители коней,
И, на идущаго вспять, пятьдесятъ молодыхъ ратоборцевъ
Выслали тайно въ засаду; и два ихъ вождя предводили:
Меонъ младый, Гемонидъ, обитателямъ неба подобный,
И Автофоновъ сынъ, Ликофонъ, ненасытимый боемъ.
Но Тидей и для нихъ жестокій конецъ уготовилъ:
Всѣхъ поразилъ ихъ и далъ лишь единому въ домъ возвратиться;
Меона онъ отпустилъ, покоряяся знаменьямъ бога.
Такъ былъ воинственъ Тидей Этоліецъ! Но сына родилъ онъ,
Доблестью бранною низшаго, высшаго только витійствомъ".
Рекъ онъ; ни слова царю Діомедъ не отвѣтствовалъ храбрый,
Внемля съ почтеньемъ укоры почтеннаго саномъ владыки,
Но возразилъ Агамемнону сынъ Капанея героя:
„Нѣтъ, о Атридъ, не неправдуй, тогда какъ и правду ты знаешь.
Мы справедливо гордимся, что нашихъ отцовъ мы храбрѣе!
Воинство въ меньшемъ числѣ приведя подъ Арееву стѣну,
Мы и престольныя Ѳивы разрушили, градъ семивратный,
Знаменьямъ вѣря боговъ и надѣясь на Зевсову помощь.
Наши жъ отцы своимъ безразсудствомъ себя погубили.
Славы отцовъ не равняй, Агамемнонъ, со славою нашей!"
Грозно взглянувъ на него, возразилъ Діомедъ благородный:
„Молча стой, Капанидъ, моему повинуясь совѣту:

Я не вмѣняю въ вину, что владыка мужей Агамемнонъ,
Духъ возбуждаетъ къ сраженію пышно-поножныхъ Данаевъ.
Слава ему, предводителю, если Данайскіе мужи
Мощь одолѣютъ Троянъ и святый Иліонъ завоюютъ;
Тяжкая горесть ему же, когда одолѣютъ Данаевъ.
Но устремимся и сами воспомнимъ кипящую храбрость!"
Рекъ и съ высотъ колесницы съ оружіемъ прянулъ на землю.
Страшно мѣдь зазвучала вкругъ персей царя Діомеда,
Въ бой полетѣвшаго; мужа храбрѣйшаго обнялъ бы ужасъ..
Словно ко брегу гремучему быстрыя волны морскія
Идутъ, гряда за грядою, клубимыя Зефиромъ-вѣтромъ;
Прежде средь моря онѣ воздымаются; послѣ, нахлынувъ,
Съ громомъ объ берегъ дробятся ужаснымъ, и выше утесовъ
Волны понурыя скачутъ, брызжутъ соленую пѣну,—
Такъ непрестанно, толпа за толпою, Данаевъ фаланги
Въ бой устремляются; каждой изъ нихъ отдаетъ повелѣнья
Вождь, а воины идутъ въ молчаніи; всякій спросилъ бы:
Столько народа идущаго въ персяхъ имѣетъ ли голосъ?
Вои молчатъ, почитая начальниковъ: пышно на всѣхъ ихъ
Пестрыя сбруи сіяютъ, подъ коими шествуютъ стройно.
Но Трояне, какъ овцы, богатаго мужа въ овчарнѣ
Стоя тмочисленныя и млекомъ наполняя дойницы,
Всѣ непрестанно блеютъ, отвѣчая блеянію агнцевъ,—
Крикъ такой у Троянъ раздавался по рати великой;
Крикъ сей и звукъ ихъ рѣчей не у всѣхъ одинаковы были;
Но различный языкъ разноземныхъ народовъ союзныхъ.
Ихъ возбуждаетъ Арей, а Данаевъ Паллада Аѳина,
Ужасъ насильственный, Страхъ и несытая бѣшенствомъ Распря,
Бога войны, мужегубца Арея сестра и подруга;
Малая въ самомъ началѣ, она пресмыкается, послѣ
Въ небо уходитъ главой, а стопами касается дола.
Распря, на гибель взаимную, сѣяла ярость межъ ратей,
Рыща кругомъ по толпамъ, умирающихъ стонъ умножая.
Рати, одна на другую идущія, чуть соступились,
Разомъ сразилися кожи, сразилися копья и силы
Воиновъ, мѣдью одѣянныхъ; выпукло-бляшные разомъ
Сшиблись щиты со щитами; громъ раздался ужасный.
Вмѣстѣ смѣшались побѣдные крики и смертные стоны
Воевъ губящихъ и гибнущихъ; кровью земля заструилась.
Словно когда двѣ рѣки наводненныя, съ горъ низвергаясь,
Обѣ въ долину единую бурныя воды сливаютъ,
Обѣ изъ шумныхъ истоковъ бросаясь въ пучинную пропасть;

Шумъ ихъ далеко пастырь съ утеса нагорнаго слышитъ,—
Такъ отъ сразившихся воинствъ и громъ разліялся, и ужасъ.
Первый тогда Антилохъ поразилъ у Троянъ бранноносца
Храбраго, между передними, Ѳализія вѣтвь, Эхепола.
Быстро его поражаетъ онъ въ бляху косматаго шлема
И пронзаетъ чело: пробѣжало глубоко внутрь кости
Мѣдное жало, и тьма Эхеполовы очи покрыла;
Грянулся онъ, какъ великая башня, средь бурнаго боя.
Тѣло упавшаго за ноги царь захватилъ Элефеноръ,
Сынъ Халкодоновъ, воинственный вождь крѣпкодушныхъ Абантовъ,
И повлекъ изъ-подъ стрѣлъ, поспѣшая скорѣе съ Троянца
Латы совлечь, но не долго его продолжалась забота:
Влекшаго трупъ усмотрѣвъ, крѣпкодушный воитель Агеноръ
Въ бокъ, при наклонѣ его отъ ограды щита обнаженный,
Сулицей мѣдной пронзилъ и могучаго крѣпость разрушилъ.
Тамъ онъ духъ испустилъ, и при немъ загорѣлося дѣло,
Яростный бой межъ Троянъ и Ахеянъ: какъ волки бросались
Вои одни на другихъ; человѣкъ съ человѣкомъ сцѣплялся.
Тутъ пораженъ Теламонидомъ сынъ Анфеміона юный,
Жизнью цвѣтущій, герой Симоисій, котораго матерь,
Нѣкогда съ Иды сошедшая вмѣстѣ съ своими родными
Видѣть стада, родила на зеленыхъ брегахъ Симоиса:
Родшійся тамъ, нареченъ Симоисіемъ, но и родившимъ
Онъ не воздалъ за свое воспитаніе: кратокъ во цвѣтѣ
Былъ его вѣкъ, Теламонова сына копьемъ пресѣченный.
Онъ устремлялся впередъ, какъ его поразилъ Теламонидъ
Въ грудь близъ десного сосца; на другую страну черезъ рамо
Вышло копье и на землю нечистую палъ онъ, какъ тополь,
Влажнаго луга питомецъ, при блатѣ великомъ возросшій,
Ровенъ и чистъ, на единой вершинѣ раскинувшій вѣтви,
Тополь, который избравъ, колесничникъ желѣзомъ блестящимъ
Ссѣкъ, чтобъ въ колеса его для прекрасной согнуть колесницы;
Въ прахѣ лежитъ онъ и сохнетъ на брегѣ роднаго потока,—
Юный таковъ Симоисій лежалъ, обнаженный доспѣховъ
Мощнымъ Аяксомъ. Въ Аякса же вдругъ Пріамидъ пестролатный
Антифъ, намѣтя межъ толпища, пикою острой ударилъ,
Но промахнулся; она Одиссеева добраго друга
Левка ударила въ пахъ, увлекшаго мертвое тѣло;
Вырвалось тѣло изъ рукъ, и упалъ онъ близъ мертваго мертвый.
Гнѣвомъ герой Одиссей за его пораженнаго вспыхнулъ;
Выступилъ дальше передникъ, колебля сверкающей мѣдью,
Къ тѣлу приближася, сталъ и, кругомъ оглянувшися, мощно

Ринулъ блистающій дротъ: отступили враги отъ удара
Мужа могучаго; онъ же копье не напрасное ринулъ:
Демокоона умѣтилъ, побочнаго сына Пріама,
Въ домъ изъ Абида притекшаго, съ паствъ кобылицъ легконогихъ.
Пикой его Лаертидъ, раздраженный за друга, умѣтилъ
Прямо въ високъ: на другую страну сквозь високъ просверкнула
Острая пика, и тьма Пріамидовы очи покрыла:
Съ шумомъ на долъ онъ упалъ, и взгремѣли на падшемъ доспѣхи.
Вспять подались и переднихъ ряды, и божественный Гекторъ;
Громко кричали Ахеянъ сыны и, похитивши трупы,
Ринулись прямо, пробились впередъ; Аполлонъ раздражился,
Смотря съ Пергамскихъ высотъ и воскликнулъ, Троянъ возбуждая:
„Конники Трои, впередъ! не давайте вы браннаго поля
Гордымъ Ахейцамъ; ихъ груди не камень, тѣла не желѣзо,
Чтобы мѣди удары, пронзающей тѣло, ничтожить.
Днесь и Пелидъ не воинствуетъ, сынъ лѣпокудрой Ѳетиды:
Онъ предъ судами гнѣвъ, сокрушительный сердцу, питаетъ“.
Такъ имъ изъ града гремѣлъ онъ ужасный; но воевъ Ахейскихъ
Зевсова славная дочь, Тритогенія, духъ возбуждала,
Быстро носясь по толпамъ, гдѣ медлительныхъ видѣла воевъ.
Тутъ Амаринкова сына, Діора, судьба оковала:
Камнемъ онъ былъ пораженъ рукометнымъ, жестоко зубристымъ
Въ правую голень; его поразилъ предводитель Ѳракіянъ,
Пиросъ герой, Имбразидъ, къ Иліону изъ Эны притекшій.
Обѣ на голени жилы и кость раздробилъ совершенно
Камень безстыдный, и навзничь, шатаяся, въ прахъ Амаринкидъ
Грянулся, руки дрожащія къ милымъ друзьямъ простирая,
Духъ предающій, а тутъ прилетѣлъ поразившій Ѳракіецъ,
Пиросъ могучій, и пику вонзилъ средь утробы; на землю
Вылилась внутренность вся,—и мракъ осѣнилъ ему очи.
Пироса бурнаго пикой ударилъ Ѳоасъ, Этоліецъ,
Въ перси, выше сосца, и вонзилася въ легкое пика.
Быстро примчался Ѳоасъ, Этоліецъ; могучую пику
Вырвалъ изъ персей Ѳракійца и, мечъ обнаживъ изощренный,
Въ чрево его по срединѣ ударилъ и душу исторгнулъ;
Сбруи жъ похитить не могъ: обступала дружина Ѳракійца,—
Воины съ чубомъ на маковкѣ, грозно уставивши копья.
Ими, сколь ни былъ огроменъ и крѣпокъ, и мужествомъ славенъ,
Прогнанъ Ѳоасъ, и назадъ отступилъ, поколебленный силой.
Такъ, по кровавому праху, одинъ близъ другого простерлись,
Копьями грозныхъ Ѳракіянъ и мѣднооружныхъ Эпеянъ,
Два воеводы, и окрестъ ихъ многіе пали другіе.

Дѣлу сему не хулу произнесъ бы свидѣтель присущій,
Если бъ, еще невредимый, не раненый острою мѣдью,
Онъ среди боя вращался и если бъ Аѳины Паллады
Дланію былъ предводимъ и отъ ярости стрѣлъ охраняемъ.
Много и храбрыхъ Троянъ, и могучихъ Данаевъ въ день оный
Ницъ, по кровавому праху, простерлося другъ подлѣ друга.

ПѢСНЬ V.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ ПѢСНИ.

Діомедъ, воспламененный Аѳиною, отличается мужествомъ: сыновъ Дареса одного убиваетъ, другого обращаетъ въ бѣгство, ст. 1—29. Между тѣмъ Аѳина удаляетъ отъ битвы Арея; Ахеяне отражаютъ Троянъ, многихъ убиваютъ, которые и исчисляются, 30—84. Но ужаснѣе всѣхъ свирѣпствуетъ Діомедъ: раненый стрѣлою Пандара, 85—113, онъ немедленно исцѣляется Аѳиною, его мольбой призванною, и ею возбужденный разить Киприду, если бы она явилась въ брани, сражается пламеннѣе прежняго и многихъ убиваетъ, 114—165; Пандара, прежде пѣшимъ сражавшагося, а теперь на колесницѣ, вдвоемъ съ Энеемъ, на него нападающаго, убиваетъ, 166—296; Энея, защищающаго тѣло друга, ранитъ камнемъ, 297—310; Киприду, раненаго сына уносящую изъ брани, уязвляетъ копьемъ въ руку, 311—351. Киприда, Ирисою изъ битвы изведенная, выпрашиваетъ у Арея колесницу и удаляется на Олимпъ, гдѣ матерь ея, Діона, утѣшаетъ, Гера и Аѳина надъ нею издѣваются, а Зевсъ даетъ ей благіе совѣты, 352—431. Энея, оставленнаго Кипридою, Аполлонъ избавляетъ отъ свирѣпства Діомедова и вноситъ въ свой храмъ Троянскій, гдѣ Лета и Артемида его исцѣляютъ; а самъ онъ, призракъ Энея представя сражающимся, Арея вновь призываетъ ко брани, 432—460. Арей одушевляетъ Троянъ, Сарпедонъ, упреками, воспламеняетъ Гектора; сраженіе возобновляется, и Эней, исцѣленный, вновь предстаетъ обрадованнымъ Троянамъ, 461—518. Ахеяне вновь одушевляются Агамемноном, 519—532. Съ обѣихъ сторонъ сражаются храбро и убиваютъ многихъ, 533—627. Тлиполемъ и Сарпедонъ оба, другъ другомъ раненые, уносятся изъ битвы, 628—679. Сарпедона силы возстановляются; между тѣмъ, Гекторъ воспламеняетъ бой, принуждаетъ Ахеянъ отступить и многихъ убиваетъ, 680—710. Гера и Аѳина, чтобы помочь утѣсненнымъ Ахейцамъ, готовятся къ брани; описаніе ихъ колесницы и оружій, 711—756. Богини, съ согласія Зевса, устремляются отъ Олимпа, 757—777.

Гера, голосомъ Стентора, одушевляетъ Ахеянъ; Аѳина упрекаетъ Діомеда, восходитъ съ нимъ на колесницу, возбуждаетъ его на самого Арея, на котораго Діомедъ нападаетъ и ранитъ бога, 778—863. Арей немедленно удаляется на Олимпъ и, по повелѣнію Зевса, Пеономъ исцѣляется; Гера и Аѳина вслѣдъ за нимъ возвращаются на небо, 864—909.

Въ опое время Аѳина Тедея великаго сыну
Крѣпость и смѣлость дала, да отличнѣйшимъ онъ между всѣми
Аргоса воями будетъ и громкую славу стяжаетъ.
Пламень ему отъ щита и шелома зажгла неугасный,
Блескомъ подобный звѣздѣ той осенней, которая въ небѣ
Всѣхъ свѣтозарнѣе блещетъ, омывшись въ волнахъ Океана,
Пламень подобный зажгла вокругъ главы и раменъ Діомеда
И устремила въ средину, въ ужасное брани волненье.
Былъ въ Иліонѣ Даресъ, непорочный священникъ Гефеста,
Мужъ и богатый, и славный, и было у старца два сына,
Храбрый Фегесъ и Идей, въ разнородныхъ искусные битвахъ.
Оба они, отдѣлясь, полетѣли противъ Діомеда;
Но они на коняхъ,—Діомедъ устремляется пѣшій.
Только лишь стали сближаться идущіе другъ противъ друга,
Первый Троянецъ Фегесъ устремилъ длиннотѣнную пику:
Ниско, блестящая жаломъ, надъ лѣвымъ плечомъ Діомеда
Мѣдь пронеслася, не ранивъ его, и воздвигнулся съ пикой
Онъ и его не напрасно копье изъ руки полетѣло:
Въ грудь межъ сосцевъ поразилъ и противника сбилъ съ колесницы.
Спрянулъ Идей, побѣжалъ, колесницу прекрасную бросивъ;
Въ трепетѣ сердца не смѣлъ защитить и убитаго брата;
Онъ бы и самъ не избѣгъ отъ грозящаго, чернаго рока,
Но исторгнулъ Гефестъ и, покрытаго мрачностью ночи,
Спасъ, да не вовсе отецъ сокрушится печалью о дѣтяхъ.
Коней межъ тѣмъ изловивъ, Діомедъ, воеватель могучій,
Ввѣрилъ дружинѣ, да гонитъ къ судамъ многомѣстнымъ. Трояне,
Бодрые въ битвѣ дотолѣ, узрѣвъ, что Даресова чада—
Тотъ устрашенный бѣжитъ, а другой съ колесницы низверженъ,
Духомъ смутилися всѣ: и тогда Паллада Аѳина,
За руку взявши, воскликнула къ бурному богу Арею:
„Бурный Арей, истребитель народовъ, стѣнъ сокрушитель,
Кровью покрытый! Не бросимъ ли мы и Троянъ, и Ахеянъ
Спорить однихъ, да Кронидъ помыслитель имъ славу присудитъ?
Сами жъ съ полей не сойдемъ ли, да Зевсова гнѣва избѣгнемъ?“

Такъ говоря, изъ сраженія вывела бурнаго бога
И посадила его на возвышённомъ брегѣ Скамандра.
Гордыхъ Троянъ отразили Данаи; низвергъ бранноносца
Каждый ихъ вождь: и первый владыка мужей Агамемнонъ
Мощнаго сбилъ съ колесницы вождя Гализоновъ, Годія:
Первому, въ бѣгъ обращенному, пику ему Агамемнонъ
Въ спину межъ плечъ углубилъ и сквозь перси широкія выгналъ;
Съ шумомъ на землю онъ палъ, и взгремѣли на падшемъ доспѣхи.
Идоменей поразилъ Меонійцемъ рожденнаго, Боромъ,
Феста, притекшаго къ брани изъ Тарны, страны плодоносной.
Мужа сего Девкалидъ, копьеносецъ, копьемъ длиннотѣннымъ
Вдругъ, въ колесницу всходившаго, въ первое рамо ударилъ:
Въ прахъ съ колесницы онъ палъ и ужасною тьмой окружился;
Быстро его обнажили царя Девкалида клевреты.
Тамъ же Скамандрій Строфидъ, молодой звѣроловецъ искусный,
Палъ, Менелая Атрида поверженной ясенной пикой;
Славный стрѣлецъ, изученный самою богинею Фебой,
Всѣхъ онъ звѣрей поражалъ: и холмовъ, и дубравы питомцевъ;
Но его не спасла ни стрѣльбой веселящаясь Феба,
Ни искусство, какимъ онъ, стрѣлецъ дальномѣткій, гордился:
Юношу сильный Атридъ Менелай, знаменитый копейщикъ,
Близко его убѣгавшаго, ясенной пикою острой
Въ спину межъ плечъ поразилъ и сквозь перси кровавую выгналъ:
Грянулся въ прахъ онъ лицомъ, зазвучала кругомъ его сбруя.
Вождь Меріонъ Ферекла повергнулъ, Гермонова сына,
Зодчаго мужа, котораго руки во всякомъ искусствѣ
Опытны были; его безмѣрно любила Паллада.
Онъ и Парису герою суда многовеслыя строилъ,
Бѣдствій начало, навлекшія гибель какъ всѣмъ Иліонцамъ,
Такъ и ему: не постигнулъ судебъ онъ боговъ всемогущихъ.
Воя сего Меріонъ, предъ собою гоня и настигнувъ,
Быстро въ десное стегно поразилъ копіемъ,—и глубоко,
Прямо въ пузырь, подъ лобковою костью, проникнуло жало:
Съ воплемъ онъ палъ на колѣна, и падшаго смерть осѣнила.
Мегесъ Педея сразилъ, Антенорова храбраго сына.
Сынъ незаконный онъ былъ, но его воспитала Ѳеана
Съ нѣжной заботой, какъ собственныхъ чадъ, угождая супругу.
Мегесъ Филидъ, на него устремяся, копейщикъ могучій,
Въ голову около тыла копьемъ поразилъ изощреннымъ.
Мѣдь, межъ зубовъ пролетѣвши, подсѣкла языкъ у Педея:
Грянулся въ прахъ онъ и мѣдь холодную стиснулъ зубами.
Вождь Эврипилъ Евемонидъ сразилъ Гипсенора героя,

Сѣтвь Долопіона старца, который, возвышенный духомъ,
Былъ у Скамандра священникъ и чтился какъ богъ отъ народа.
Мужа сего Эврипилъ, блистательный сынъ Эвемоновъ,
Въ бѣгствѣ узрѣвъ предъ собою, догналъ на бѣгу и по раму
Острымъ мечомъ поразилъ и отнесъ жиловатую руку;
Тамъ же рука кровавая пала на прахъ, и Троянцу
Очи смежила багровая Смерть и могучая Участь.
Такъ воеводы сіи подвизались на пламенной битвѣ.
Но Діомеда вождя не узналъ бы ты, гдѣ онъ вращался,
Съ кѣмъ воевалъ, съ племенами Троянъ, съ племенами ль Ахеянъ?
Рѣялъ по бранному полю, подобный рѣкѣ наводненной,
Бурному въ осень разливу, который мосты разсыпаетъ;
Бѣга его укратить ни мостовъ укрѣпленныхъ раскаты,
Ни зеленыхъ полей удержать изгороды не могутъ,
Если внезапный онъ хлынетъ, дождемъ отягченный Зевеса;
Вкругъ отъ него разсыпаются юношей красныхъ работы,—
Такъ отъ Тидида кругомъ волновались густыя фаланги
Трои сыновъ и стоять не могли, превосходныя силой.
Скоро героя увидѣлъ блистательный сынъ Ликаоновъ,
Какъ онъ, крутясь по полямъ, волновалъ предъ собою фаланги;
Скоро на сына Тидеева лукъ напрягалъ со стрѣлою
И, на скакавшаго бросивъ, умѣтилъ по правому раму,
Въ бронную лату. Насквозь пролетѣла крылатая стрѣлка,
Прямо вонзилась въ плечо, оросилася кровію броня.
Громко воскликнулъ, гордяся, блистательный сынъ Ликаоновъ:
„Други, впередъ! ободритесь, Трояне, бодатели коней!
Равенъ славнѣйшій Аргивецъ, и онъ, уповаю, не можетъ
Долго бороться съ стрѣлою могучею, ежели точно
Фебъ сребролукій меня устремилъ изъ предѣловъ Ликійскихъ!“
Такъ онъ кричалъ, возносясь, но героя стрѣла не смирила:
Мало Тидидъ отступивъ, впереди колесницы и коней
Сталъ и къ Сѳенелу воззвалъ, Капанееву храброму сыну:
„Другъ Капанидъ, поспѣши на мгновенье сойти съ колесницы,
Чтобъ извлечь у меня изъ рама горькую стрѣлу“.
Такъ онъ сказалъ; и Сѳенелъ съ колесницы спрянулъ на землю;
Сталъ за хребтомъ и изъ рама извлекъ углубившуюся стрѣлу;
Брызнула быстро багряная кровь сквозь кольчатую броню,
И взмолился тогда Діомедъ, воеватель могучій:
„Слухъ преклони, необорная дщерь громоноснаго Зевса!
Если ты мнѣ и отцу поборать благосклонно любила
Въ брани пылающей, будь мнѣ еще благосклонной, Аѳина!
Дай мнѣ того изойти и копейнымъ ударомъ постигнуть,

Кто, упредивши, меня уязвилъ и надменъ предвѣщаетъ—
Въ жизни не долго мнѣ видѣть свѣтъ лучезарнаго солнца!“
Такъ восклицалъ онъ, молясь, и вняла ему дочь Громовержца;
Члены героя содѣлала легкими, ноги и руки,
И, приближась къ нему, провѣщала крылатыя рѣчи:
„Нынѣ дерзай, Діомедъ, и безъ страха съ Троянами ратуй!
Въ перси тебѣ я послала отеческій духъ сей безстрашный,
Коимъ, щита потрясатель, Тидей обладалъ, конеборецъ;
Мракъ у тебя отъ очей отвела, окружавшій ихъ прежде;
Нынѣ ты ясно познаешь и бога и смертнаго мужа.
Шествуй, и если безсмертный, тебя искушая, предстанетъ,
Ты на безсмертныхъ боговъ, Діомедъ, не дерзай ополчаться,
Кто ни предстанетъ; но если Зевесова дочь, Афродита,
Явится въ брани, рази Афродиту острою мѣдью“.
Такъ говоря, отошла свѣтлоокая дочь Громовержца.
Сынъ же Тидеевъ, назадъ обратившися, сталъ межъ переднихъ
И, какъ ни пламенно прежде горѣлъ онъ съ врагами сражаться,
Нынѣ трикраты сильнѣйшимъ, какъ левъ, распылался онъ жаромъ.
Левъ, котораго пастырь въ степи, у овецъ руноносныхъ,
Ранилъ легко, чрезъ ограду скакавшаго, но, не сразивши,
Силу лишь въ немъ пробудилъ; и уже, отразить не надѣясь,
Пастырь подъ сѣнь укрывается; мечутся сирыя овцы,
Вкругъ по овчарнѣ толпятся, онѣ на другихъ упадаютъ;
Левъ, распаленный, назадъ, чрезъ высокую скачетъ ограду,—
Такъ распаленный Тидидъ межъ Троянъ ворвался, могучій.
Тамъ Астиноя повергъ и народовъ царя Гипенора;
Перваго въ грудь у сосца поразилъ мѣдножальною пикой,
А другого мечомъ, по плечу возлѣ выи, огромнымъ
Рѣзко ударивъ, плечо отдѣлилъ отъ хребта и отъ выи.
Бросивши сихъ, на Абаса напалъ и вождя Поліда,
Двухъ Эвридама сыновъ, сновидѣній гадателя старца;
Имъ отходящимъ, родитель не могъ разгадать сновидѣній;
Съ нихъ Діомедъ могучій, повергнутыхъ, сорвалъ корысти.
Послѣ пошелъ онъ на Ксанѳа и Ѳеона, двухъ Фенопидовъ,
Фенопса позднихъ сыновъ; разрушаемый старостью скорбной,
Онъ не имѣлъ уже сына, кому бы стяжанья оставить.
Ихъ Діомедъ повергнулъ и сладкую жизнь у несчастныхъ
Братьевъ похитилъ, отцу же и слезы, и мрачныя скорби
Старцу оставилъ: дѣтей, возвратившихся съ брани кровавой,
Онъ не обнялъ; наслѣдство его раздѣлили чужіе.
Тамъ же двухъ онъ сыновъ захватилъ Дарданида Пріама,
Бывшихъ въ одной колесницѣ, Хромія и съ нимъ Эхемона;

И, какъ левъ на тельцовъ нападаетъ и вдругъ сокрушаетъ
Выю тельцу иль телицѣ, пасущимся въ рощѣ зеленой,—
Такъ обоихъ Пріамидовъ съ коней Діомедъ, не хотящихъ,
Сбилъ безпощадно на прахъ и сорвалъ съ пораженныхъ доспѣхи,
Коней же отдалъ клевретамъ, да гонятъ къ кормамъ корабельнымъ.

Храбрый Эней усмотрѣлъ истребителя строевъ Троянскихъ;
Быстро пошелъ сквозь гремящую брань, сквозь жужжащія копья
Пандара, богу подобнаго, смотря кругомъ, не найдетъ ли;
Скоро нашелъ Ликаонова храбраго, славнаго сына,
Сталъ передъ нимъ и такія слова говорилъ, негодуя:
„Пандаръ! гдѣ у тебя и лукъ, и крылатыя стрѣлы?
Гдѣ твоя слава, которой никто изъ Троянъ не оспорилъ
И въ которой Ликіецъ тебя превзойти не гордился?
Длани къ Зевесу воздѣнь и пусти ты пернатую въ мужа;
Кто бы онъ ни былъ могучій: погибели много нанесъ онъ
Ратямъ Троянскимъ, и многимъ и сильнымъ сломилъ онъ колѣна!
Развѣ не есть ли онъ богъ, на Троянскій народъ раздраженный?
Гнѣвный, быть можетъ, за жертвы? а гнѣвъ погибеленъ бога!“
Быстро Энею отвѣтствовалъ славный сынъ Ликаоновъ:
„Храбрый Эней, благородный совѣтникъ Троянъ мѣднолатныхъ!
Сыну Тидея могучему, кажется, мужъ сей подобенъ:
Щитъ я его узнаю и съ забраломъ шеломъ дырооkій;
Вижу его и коней, но не богъ ли то, вѣрно не знаю.
Если сей мужъ, какъ повѣдалъ я, сынъ бранодушный Тидеевъ,
Онъ не безъ бога свирѣпствуетъ; вѣрно, при немъ покровитель
Богъ предстоитъ, обвивъ рамена свои облакомъ темнымъ:
Онъ отъ него и стрѣлу отразилъ, налетавшую быстро.
Я уже бросилъ стрѣлу и умѣтилъ Тидеева сына
Въ рамо десное, пробивъ совершенно доспѣшную лату,
И уже уповалъ, что его я повергнулъ къ Аиду;
Нѣтъ, не повергнулъ! Есть, безъ сомнѣнія, богъ прогнѣвленный!
Коней со мною здѣсь нѣтъ, для сраженія нѣтъ колесницы;
Въ Зеліи, въ домѣ отца, у меня ихъ одиннадцать пышныхъ,
Новыхъ, недавно отдѣланныхъ; къ бережи ихъ покрывала
Окрестъ висятъ и для каждой изъ нихъ двуяремные кони
Подлѣ стоятъ, утучняся полбой и бѣлымъ ячменемъ.
Нѣтъ, не напрасно меня Ликаонъ, воинственный старецъ,
Такъ увѣщалъ; отходящаго къ брани, въ отеческомъ домѣ:
Старецъ наказывалъ мнѣ, ополчась на коняхъ въ колесницѣ
Трои сыновъ предводить на побоищахъ бурныхъ сраженій.
Я не послушалъ отца, а сіе бы полезнѣе было.

Коней хотѣлъ пощадить, чтобъ у гражданъ, въ стѣнахъ заключенных,
Въ кормѣ они не нуждались, привыкнувъ питаться роскошно.
Коней оставилъ и такъ устремился я пѣшъ къ Иліону,
Твердо надежный на лукъ; но сей лукъ для меня не помощникъ!
Въ двухъ воеводъ знаменитѣйшихъ бросилъ я мѣткія стрѣлы:
Въ сына Тидея и въ сына Атрея; того и другого
Ранивши, свѣтлую кровь я извлекъ и озлобилъ ихъ больше.
Въ злую годину, я вижу, и лукъ и пернатыя стрѣлы
Снялъ со столба я въ тотъ день, какъ рѣшился въ веселую Трою
Рати Троянскія весть, угождая Пріамову сыну.
Если я вспять возвращусь и увижу моими очами
Землю родную, жену и отеческій домъ нашъ высокій,
Пусть иноземецъ враждебный тогда же мнѣ голову срубитъ,
Если я лукъ сей и стрѣлы въ пылающій пламень не брошу
Въ щепы его изломавъ: безполезный онъ былъ мнѣ сопутникъ!“
Пандару быстро Эней, предводитель Троянъ, возражаетъ:
„Такъ не вѣщай, Ликаонидъ любезный! не будетъ иначе
Прежде, нежели мы человѣка сего, въ колесницѣ
Противоставъ, не извѣдаемъ оба оружіемъ нашимъ.
Шествуй ко мнѣ, взойди на мою колесницу, увидишь,
Троса кони каковы, несказанно искусные полемъ
Быстро летать и туда, и сюда, и въ погонѣ, и въ бѣгствѣ,
Къ граду и насъ унесутъ они, бурные, если бъ и снова
Славу Зевсъ даровалъ Діомеду, Тидееву сыну.
Шествуй, любезный; и бичъ, и блестящія конскія вожжи
Въ руки прійми ты, а я съ колесницы сойду, чтобъ сразиться.
Или врага принимай ты, а я озабочусь конями“.
Но ему возражаетъ блистательный сынъ Ликаоновъ:
„Самъ удержи ты бразды и правь своими конями:
Прытче они подъ возницей привычнымъ помчатъ колесницу,
Ежели мы побѣжимъ предъ могучимъ Тидеевымъ сыномъ.
Или они, оробѣвши, замнутся и съ браннаго поля
Насъ понесутъ неохотно, знакомаго крика не слыша.
Тою порою нагрянетъ на насъ Діомедъ дерзновенный,
Насъ обоихъ умертвитъ и похититъ коней знаменитыхъ.
Ты, Анхизидъ, удержи и бразды, управляй и конями;
Я же его налетѣвшаго пикою острою встрѣчу“.
Такъ сговоряся и оба въ блистательной ставъ колесницѣ,
Вскачь на Тидеева сына пустили коней быстроногихъ.
Ихъ усмотрѣвши, Сѳенелъ, знаменитый сынъ Капанеевъ,
Къ сыну Тидея не медля крылатую рѣчь устремляетъ:

„Храбрый Тидитъ Діомедъ, о другъ драгоцѣннѣйшій сердцу!
Вижу могучихъ мужей, налетающихъ биться съ тобою.
Мощь обоихъ неизмѣрима: первый—стрѣлецъ знаменитый
Пандаръ гордящійся быть Ликаона Ликійскаго сыномъ;
Тотъ же—Троянецъ Эней, добродушнаго мужа Анхиза
Сынъ, нарицающій матерью Зевсову дочь Афродиту.
Стань въ колесницу и вспять мы уклонимся; такъ не свирѣпствуй,
Между переднихъ бросаясь, да жизни своей не погубишь“.
Грозно взглянувъ на него, отвѣчалъ Діомедъ нестрашимый:
„Смолкни, о бѣгствѣ ни слова! къ нему ты меня не преклонишь!
Нѣтъ, не въ породѣ моей, чтобы вспять отступать изъ сраженій,
Или, робѣя, скрываться: крѣпка у меня еще сила!
Даже на коней всходить я скучаю, но такъ, какъ ты видишь,
Встрѣчу иду обоимъ; трепетать не велитъ мнѣ Аѳина.
Ихъ въ колесницѣ обратно не вынесутъ быстрые кони;
Оба отъ насъ не уйдутъ, хоть одинъ и укрылся бы нынѣ.
Молвлю тебѣ я иное, а ты сохрани то на сердцѣ:
Ежели мнѣ Тритогенія мудрая славу даруетъ
Ихъ обоихъ поразить, быстроногихъ ты собственныхъ коней
Здѣсь удержи, затянувши бразды за скобу колесницы;
Самъ, не забудь, Капанидъ, на Энеевыхъ коней ты бросься
И гони отъ Троянъ къ ополченіямъ храбрыхъ Данаевъ.
Кони сіи отъ породы, изъ коей Кронидъ громовержецъ
Тросу цѣною за сына за юнаго далъ Ганимеда;
Кони сіи превосходнѣе всѣхъ подъ авророй и солнцемъ.
Сей то породы себѣ у царя Лаомедона тайно
Добылъ Анхиза властелинъ, изъ своихъ кобылицъ подославши:
Шесть у Анхизр въ дому родилося породы сей коней;
Онъ четырехъ удержалъ при себѣ, воспиталъ ихъ у яслей;
Двухъ же Энею отдалъ, разносящихъ въ сраженіяхъ ужасъ.
Если сихъ коней похитимъ, стяжаемъ великую славу!“
Тою порой, какъ на мѣстѣ герои взаимно вѣщали,
Близко враги принеслися, гонящіе коней ихъ бурныхъ.
Первый къ Тидиду воскликнулъ блистательный сынъ Ликаоновъ:
„Пламенный сердцемъ, воинственный сынъ знаменитый Тидея!
Быстрой моею стрѣлой не смиренъ ты, пернатою горькой,
Нынѣ еще испытаю копьемъ, не вѣрнѣе ль умѣчу“.
Рекъ онъ и, мощно сотрясши, послалъ длиннотѣнную пику
И поразилъ по щиту Діомеда; насквозь совершенно
Острая мѣдь пролетѣла и звучно ударилась въ броню.
Радуясь, громко воскликнулъ блистательный сынъ Ликаоновъ:
„Раненъ ты въ пахъ и насквозь! и теперь, я надѣюсь, недолго

Будешь страдать; наконецъ даровалъ ты мнѣ свѣтлую славу!“
Быстро ему, не смутясь, отвѣчалъ Діомедъ благородный:
„Празденъ ударъ, ты обманутъ! но вы, я надѣюся, оба
Прежде едва ль отдохнете, доколѣ одинъ здѣсь не ляжетъ
Кровью своею насытить несытаго бранью Арея!“
Такъ произнесъ и повергъ; и копье направляетъ Аѳина
Пандару въ носъ близъ очей: пролетѣло сквозь бѣлые зубы,
Гибкій языкъ сокрушительной мѣдью при корнѣ отсѣкло
И, остріемъ просверкнувши насквозь, замерло въ подбородкѣ.
Рухнулся онъ съ колесницы, взгремѣли на падшемъ доспѣхи,
Пестрые, пышноблестящіе; дрогнули Тросскіе кони
Бурные; тамъ у него и душа разрѣшилась и крѣпость.
Прянулъ на землю Эней со щитомъ и съ огромною пикой
Въ страхѣ, да Пандаровъ трупъ у него не похитятъ Ахейцы.
Около мертваго ходя, какъ левъ, могуществомъ гордый,
Онъ передъ нимъ и копье уставлялъ и щитъ кругловидный,
Каждаго, кто бъ ни приблизился, душу исторгнуть грозящій
Крикомъ ужаснымъ. Но камень рукой захватилъ сынъ Тидеевъ,
Страшную тягость, какой бы не подняли два человѣка
Нынѣ живущихъ людей, но размахивалъ имъ и одинъ онъ,
Камнемъ Энея такимъ поразилъ по бедру, гдѣ крутая
Лядвея ходитъ въ бедрѣ, по составу, зовомому чашкой:
Чашку ударъ раздробилъ, разорвалъ и бедерныя жилы,
Сорвалъ и кожу камень жестокій. Герой пораженный
Палъ на колѣно впередъ; и, колеблясь, могучей рукою
Въ долъ упирался, и взоръ его черная ночь осѣнила.
Тутъ неизбѣжно погибъ бы Эней, предводитель народа,
Если бъ того не увидѣла Зевсова дочь Афродита,
Матерь, его породившая съ пастыремъ юнымъ, Анхизомъ.
Около милаго сына обвивъ она бѣлыя руки,
Ризы своей передъ нимъ распростерла блестящіе сгибы,
Кроя отъ вражескихъ стрѣлъ, да какой-либо конникъ Данайскій
Мѣдію персей ему не пронзитъ и души не исторгнетъ.
Такъ уносила Киприда любезнаго сына изъ боя.
Тою порою Сѳенелъ Капанидъ не забылъ наставленій,
Данныхъ ему Діомедомъ, воинственнымъ сыномъ Тидея:
Коней своихъ звуконогихъ вдали отъ бранной тревоги
Онъ удержалъ и, бразды затянувъ за скобу колесницы,
Бросился быстро на праздныхъ Энея коней пышногривыхъ,
И, отогнавъ отъ Троянъ къ мѣднолатнымъ дружинамъ Ахеянъ,
Другу отдалъ Деипилу, котораго сверстниковъ въ сонмѣ
Болѣе всѣхъ онъ любилъ, по согласію чувствъ ихъ сердечныхъ,

Гнать повелѣвъ къ кораблямъ мореходнымъ; самъ же, безстрашный,
Ставъ въ колесницѣ своей и блестящія вожжи ослабивъ,
Вслѣдъ за Тидидомъ царемъ на коняхъ звуконогихъ понесся,
Пламенный. Тотъ же Киприду преслѣдовалъ мѣдью жестокой,
Знавъ, что она не отъ мощныхъ богинь, не отъ оныхъ безсмертныхъ,
Кои присутствуютъ въ браняхъ и битвы мужей устрояютъ,
Такъ, какъ Аѳина, или какъ громящая грады Эніо,
И едва лишь догналъ, сквозь густыя толпы пролетая,
Прямо уставивъ копье, Діомедъ, воеватель безстрашный,
Острую мѣдь устремилъ и у кисти ранилъ ей руку
Нѣжную: быстро копье сквозь покровъ благовонный, богинѣ
Тканный самими Харитами, кожу пронзило на длани
Возлѣ перстовъ; заструилась безсмертная кровь Афродиты,
Влага, какая струится у жителей неба счастливыхъ,
Ибо ни брашенъ не ѣдятъ, ни отъ гроздій вина не вкушаютъ;
Тѣмъ и безкровны они, и безсмертными ихъ нарицаютъ.
Громко богиня вскричавъ, изъ объятій бросила сына;
На руки быстро его Аполлонъ и пріялъ, и избавилъ,
Облакомъ чернымъ покрывъ, да какой-либо конникъ Ахейскій
Мѣдію персей ему не пронзитъ и души не исторгнетъ.
Грозно межъ тѣмъ на богиню вскричалъ Діомедъ воеватель:
„Скройся, Зевесова дочь! удалися отъ брани и боя.
Или еще недовольно, что слабыхъ ты женъ обольщаешь?
Если же смѣешь и въ брань ты мѣшаться, впередъ, я надѣюсь,
Ты ужаснешься, когда и названіе брани услышишь!“
Рекъ,—и она удаляется смутная, съ скорбью глубокой.
Быстро Ириса ее, поддержавъ, изъ полчищъ выводитъ
Въ омракѣ чувствъ отъ страданій; померкло прекрасное тѣло!
Скоро ошую брани богиня находитъ Арея;
Тамъ онъ сидѣлъ; но копье и кони безсмертные были
Мракомъ закрыты; упавъ на колѣна, любезнаго брата
Нѣжно молила она и просила коней златосбруйныхъ:
„Милый мой братъ, помоги мнѣ, дай мнѣ коней съ колесницей,
Только достигнуть Олимпа, жилища боговъ безмятежныхъ.
Страшно я мучуся язвою; мужъ уязвилъ меня смертный,
Вождь Діомедъ, который готовъ и съ Зевесомъ сразиться!“
Такъ изрекла, и Арей отдаетъ ей коней златосбруйныхъ.
Входитъ она въ колесницу съ глубокимъ крушеніемъ сердца;
Съ нею Ириса взошла и, бразды захвативши въ десницу,
Коней стегнула бичемъ, полетѣли послушные кони;
Быстро достигнули высей Олимпа, жилища безсмертныхъ.

Тамъ удержала коней вѣтроногая вѣстница Зевса
И, отрѣшивъ отъ ярма, предложила амврозію въ пищу.
Но Киприда стенящая пала къ колѣнамъ Діоны,
Матери милой, и матерь въ объятія дочь заключила,
Нѣжно ласкала рукой, вопрошала и такъ говорила:
„Дочь моя милая, кто изъ безсмертныхъ съ тобой дерзновенно
Такъ поступилъ, какъ бы явно какое ты зло сотворила?“
Ей, возстенавъ, отвѣчала владычица смѣховъ Киприда:
„Ранилъ меня Діомедъ, предводитель Аргосцевъ надменный,
Ранилъ за то, что Энея хотѣла я вынесть изъ боя,
Милаго сына, который всего мнѣ любезнѣе въ мірѣ.
Нынѣ уже не Троянъ и Ахеянъ свирѣпствуетъ битва;
Нынѣ съ богами сражаются гордые мужи Данаи!“
Ей богиня почтенная вновь говорила Діона:
„Милая дочь, ободрись, претерпи, какъ ни горестно сердцу.
Много уже отъ людей, на Олимпѣ живущіе боги,
Мы пострадали, взаимно другъ другу бѣды устрояя.
Такъ пострадалъ и Арей, какъ его Эфіальтесъ и Отосъ,
Два Алоида огромные, страшною цѣпью сковали:
Скованъ, тринадцать онъ мѣсяцевъ въ мѣдной темницѣ томился,
Вѣрно бы тамъ и погибнулъ Арей, ненасытимый бранью,
Если бы мачеха ихъ, Эривея прекрасная, тайно
Гермесу не дала вѣсти; Гермесъ Арея похитилъ,
Силы лишеннаго: страшныя цѣпи его одолѣли.
Гера подобно страдала, какъ сынъ Амфитріона мощный
Въ перси ее поразилъ трекоиечною горькой стрѣлою.
Лютая боль безотрадна Геру богиню терзала!
Самъ Айдесъ, межъ богами ужасный, страдалъ отъ пернатой.
Тотъ же погибельный мужъ, Громовержцева отрасль, Айдеса,
Ранивъ у вратъ подлѣ мертвыхъ, въ страданія горькія ввергнулъ.
Онъ въ Эгіоховъ домъ, на Олимпъ высокій вознесся,
Сердцемъ печаленъ, болѣзнью терзаемъ; стрѣла роковая
Въ мощномъ Айдесовомъ рамѣ стояла и мучила душу.
Бога Пеонъ врачевствомъ, утоляющимъ боли, осыпавъ,
Скоро его исцѣлилъ, не для смертной рожденнаго жизни.
Дерзкій, неистовый! онъ не страшась совершалъ злодѣянья:
Лукомъ боговъ оскорблялъ, на Олимпѣ великомъ живущихъ!
Но на тебя Діомеда воздвигла Паллада Аѳина.
Мужъ безразсудный! не вѣдаетъ сынъ дерзновенный Тидеевъ:
Кто на боговъ ополчается, тотъ не живетъ долголѣтенъ;
Дѣти отцомъ его, на колѣни садяся, не кличутъ
Въ домъ свой пришедшаго съ подвиговъ мужеубійственной брани.

Пусть же теперь сей Тидидъ, не взирая на гордую силу,
Мыслитъ, да съ нимъ кто иной, и сильнѣйшій тебя, не сразится;
И Адрастова дочь, добродушная Эгіалея,
Нѣкогда воплемъ полночнымъ отъ сна не разбудитъ домашнихъ,
Съ грусти по юномъ супругѣ, храбрѣйшемъ героѣ Ахейскомъ,
Вѣрная сердцемъ супруга Тидида, смирителя коней".
Такъ говоря, на рукѣ ей безсмертную кровь отирала:
Тяжкая боль унялась, и внезапно рука исцѣлѣла.
Тою порою, зрѣвшія все, и Аѳина и Гера
Рѣчью язвительной гнѣвъ возбуждали Кроніона Зевса;
Первая рѣчь начала свѣтлоокая дѣва Аѳина:
„Зевсъ, нашъ отецъ, не прогнѣваю ль словомъ тебя я, могучій?
Вѣрно, Ахеянку новую нынѣ Киприда склоняла
Ввѣриться Трои сынамъ, безпредѣльно богинѣ любезнымъ?
И, быть можетъ, Ахеянку въ пышной одеждѣ лаская,
Пряжкой златою себѣ поколола нѣжную руку?"
Такъ изрекла; улыбнулся отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ
И, призвавъ предъ лицо, провѣщалъ ко златой Афродитѣ:
„Милая дочь! не тебѣ заповѣданы шумныя брани.
Ты занимайся дѣлами пріятными сладостныхъ браковъ,
Тѣ же бурный Арей и Паллада Аѳина устроятъ".
Такъ взаимно безсмертные между собою вѣщали.
Тою порой на Энея напалъ Діомедъ нестрашимый:
Зная, что сына Анхизова самъ Аполлонъ покрываетъ,
Онъ не страшился ни мощнаго бога; горѣлъ непрестанно
Смерти Энея предать и доспѣхъ знаменитый похитить.
Трижды Тидидъ нападалъ, умертвить Анхизида пылая;
Трижды блистательный щитъ Аполлонъ отражалъ у Тидида;
Но, лишь въ четвертый разъ налетѣлъ онъ, ужасный, какъ Демонъ,
Голосомъ грознымъ къ нему провѣщалъ Аполлонъ дальновержецъ:
„Вспомни себя, отступи и не мысли равняться съ богами,
Гордый Тидидъ! никогда межъ собою не будетъ подобно
Племя безсмертныхъ боговъ и по праху влачащихся смертныхъ!"
Такъ провѣщалъ,—и назадъ Діомедъ отступилъ недалеко,
Гнѣва боящійся бога, далеко разящаго Феба...
Фебъ же, Энея похитивъ изъ толпищъ, его полагаетъ
Въ собственномъ храмѣ своемъ, на вершинѣ святого Пергама.
Тамъ Анхизиду и Лета и стрѣлолюбивая Феба
Сами, въ великомъ святилищѣ, мощь и красу возвращали.
Тою порой Аполлонъ сотворилъ обманчивый призракъ,
Образъ Энея живой и оружіемъ самымъ подобный.
Около призрака—Трои сыновъ и безстрашныхъ Данаевъ

Сшиблись ряды, разбивая вкругъ персей воловыя кожи
Пышныхъ кругами щитовъ и крылатыхъ щитковъ легкометныхъ.
Къ богу Арею тогда провѣщалъ Аполлонъ дальновержецъ:
„Бурный Арей, мужегубецъ кровавый, стѣнъ разрушитель!
Или сего человѣка изъ битвъ удалить не придешь ты,
Воя Тидида, который готовъ и съ Кронидомъ сразиться?
Прежде богиню Киприду копьемъ поразилъ онъ въ запястье;
Здѣсь на меня самого устремился ужасный, какъ Демонъ!“
Такъ произнесши, возсѣлъ Аполлонъ на вершинахъ Пергама;
Но свирѣпый Арей Троянъ возбудить устремился,
Видъ Акамаса принявъ, предводителя быстраго Ѳраковъ.
Звучно къ сынамъ Пріама, питомцамъ Зевеса, взывалъ онъ:
„О, сыны Пріама, хранимаго Зевсомъ владыки!
Долго ль еще вамъ убійство Троянъ попускать Агривянамъ?
Или пока не начнутъ при вратахъ Иліона сражаться?
Палъ воевода, почтенный для насъ, какъ божественный Гекторъ!
Доблестью славный Эней, знаменитая отрасль Анхиза!
Грянемъ, изъ бранной тревоги спасемъ благороднаго друга!“
Такъ говоря, возбудилъ онъ и силу, и мужество въ каждомъ.
Тутъ Сарпедонъ укорять благороднаго Гектора началъ:
„Гекторъ! гдѣ твое мужество, коимъ ты прежде гордился?
Градъ, говорилъ, защитить безъ народа, безъ ратей союзныхъ
Можешь одинъ ты съ зятьями и братьями; гдѣ жъ твои братья?
Здѣсь ни единаго я не могу ни найти, ни примѣтить?
Всѣ изъ сраженія прячутся, словно какъ псы передъ скимномъ[6];
Мы же здѣсь ратуемъ, мы, чужеземцы, притекшіе въ помощь;
Ратую я, союзникъ вашъ, издалека пришедшій,
Такъ, и Ликійскіе долы и Ксанѳскія воды—далеки,
Гдѣ я оставилъ супругу любезную, сына-младенца
И сокровища многія, коихъ убогій алкаетъ.
Но, не взирая на то, предвожу Ликіянъ и готовъ я
Съ мужемъ сразиться и симъ, ничего не имѣя въ Троадѣ,
Что бы могли у меня иль унесть, иль увесть Аргивяне.
Ты жъ—неподвиженъ стоишь и другихъ не бодришь ополченій
Храбро стоять, защищая и женъ и дѣтей въ Иліонѣ:
Гекторъ, блюдись, да объяты, какъ всеувлекающей сѣтью,
Всѣ вы враговъ разъяренныхъ не будете плѣнъ и добыча!
Скоро тогда сопостаты разрушатъ вашъ градъ велелѣпный!
Ты о дѣлахъ сихъ заботиться долженъ и денно и ночно,
Долженъ просить воеводъ, дальноземныхъ союзниковъ вашихъ,
Бой непрестанно вести, а грозы и упреки оставить“.
Такъ говорилъ онъ, и рѣчь уязвила Гектора сердце:

Быстро герой съ колесницы съ оружіемъ прянулъ на землю:
Острыя копья колебля, кругомъ полетѣлъ по дружинамъ,
Въ бой распаляя сердца, и возжегъ онъ жестокую сѣчу!
Вспять возвратились Трояне и стали въ лицо Аргивянамъ,
Тѣ же, сомкнувши ряды, нажидали враговъ, не робѣли.

Такъ, если вѣтеръ плевы разсѣваетъ по гумнамъ священнымъ,
Жателямъ вѣющимъ хлѣбъ, гдѣ Деметра съ кудрями златыми
Плодъ отдѣляетъ отъ плевъ, возбуждая дыханіе вѣтровъ,
Гумны кругомъ подъ плевою бѣлѣются,—такъ Аргивяне
Съ главъ и до ногъ ихъ бѣлѣли подъ прахомъ, который межъ ними
Даже до мѣдныхъ небесъ воздымали копытами кони
Въ быстрыхъ, крутыхъ поворотахъ; ворочали въ бой ихъ возницы,
Прямо съ могуществомъ рукъ на враговъ устремлялись; но мракомъ
Бурный Арей покрываетъ всю битву, Троянамъ помощный,
Вкругъ по рядамъ ихъ носясь: поспѣшалъ онъ исполнить завѣты
Феба, царя златострѣльнаго; Фебъ заповѣдалъ Арею
Души Троянъ возбудить, лишь узрѣлъ, что Паллада Аѳина
Бой оставляетъ, богиня, защитница воинствъ Ахейскихъ.
Самъ же Энея вождя изъ святилища пышнаго храма
Вывелъ и крѣпостью перси владыки народовъ наполнилъ.

Сталъ Анхизидъ межъ друзьями величественъ; всѣ веселились
Видя, что онъ живой, невредимый, блистающій силой,
Снова предсталъ, но его вопросить ни о чемъ не успѣли;
Трудъ ихъ заботилъ иной, на который стремилъ Сребролукій,
Смертныхъ губитель Арей и неустально ярая Распря.

Оба Аякса межъ тѣмъ, Одиссей и Тидидъ воеводы
Ревностно въ бой возбуждали Ахейскихъ сыновъ, но Ахейцы
Сами ни силы Троянъ не страшились, ни криковъ ихъ грозныхъ,
Ждали недвижные, тучамъ подобные, кои Кроніонъ
Въ тихій, безвѣтренный день, на высокія горы надвинувъ,
Черныя ставитъ незыбно, когда и Борей и другіе
Дремлютъ могучіе вѣтры, которые мрачныя тучи
Шумными устъ ихъ дыханьями вкругъ разсыпаютъ по небу.
Такъ ожидали Данаи Троянъ, неподвижно, безстрашно.
Царь Агамемнонъ леталъ по рядамъ, ободряя усердно:

„Будьте мужами, друзья, и возвысьтеся доблестнымъ духомъ;
Воина воинъ стыдися на поприщѣ подвиговъ ратныхъ!
Воиновъ, знающихъ стыдъ, избавляется болѣ, чѣмъ гибнетъ;
Но бѣглецы не находятъ ни славы себѣ, ни избавы!“

Рекъ и стремительно ринулъ копье и передняго мужа
Деикоона умѣтилъ, Энеева храбраго друга,
Сына Пергасова, въ Троѣ равно, какъ сына Дарданида,

Чтимаго: ревностенъ былъ онъ всегда между первыхъ сражаться.
Пикой его поразилъ по щиту Агамемнонъ могучій;
Щитъ копія не сдержалъ: сквозь него совершенно проникло
И сквозь запонъ блистательный въ нижнее чрево погрузло;
Съ шумомъ на землю онъ палъ, и взгремѣли на падшемъ доспѣхи.
Тутъ Анхизидъ ниспровергнулъ храбрѣйшихъ мужей изъ Данаевъ,
Двухъ Діоклесовыхъ чадъ, Орсилоха и брата Крееона.
Въ Ферѣ, красиво устроенной, жилъ Діоклесъ, ихъ родитель,
Благами жизни богатый, ведущій свой родъ отъ Алфея,
Коего воды широко текутъ чрезъ Пилійскую землю.
Онъ Орсилоха родилъ, неисчетныхъ мужей властелина:
Царь Орсилохъ породилъ Діоклеса, высокаго духомъ;
И отъ сего Діоклеса сыны-близнецы родилися:
Вождь Орсилохъ и Крееонъ, въ разнородныхъ искусные битвахъ.
Оба они, возмужалые, въ черныхъ судахъ къ Иліону,
Славному конями, съ силой Ахейскихъ мужей прилетѣли,
Въ брани Атрея сынамъ, Агамемнону и Менелаю,
Чести ища, но кончину печальную оба снискали.
Словно два мощные льва, на вершинахъ возросшіе горныхъ,
Оба подъ матерью львицей вскормленные въ лѣсѣ дремучемъ,
Тучныхъ овецъ и тельцовъ круторогихъ изъ стадъ похищая,
Окрестъ дворы у людей разоряютъ, доколѣ и сами
Ловчихъ мужей отъ руки подъ убійственной мѣдью не лягутъ,—
Такъ и они, пораженные мощной рукою Энея,
Рухнулись оба на землю, подобные соснамъ высокимъ.
Падшихъ увидя, возсѣтовалъ царь Менелай бранноносный,
Выступилъ дальше переднихъ, покрытый сверкающей мѣдью,
Острой колеблющій пикой: Арей распалилъ ему душу
Съ помысломъ тайнымъ, да будетъ сраженъ онъ руками Энея.
Но увидѣлъ его Антилохъ, Несторидъ благородный,
Выступилъ самъ за переднихъ, страшася, да пастырь народовъ
Зла не потерпитъ и тяжкихъ трудовъ ихъ плоды уничтожитъ.
Тою порою герои и руки, и острыя копья
Другъ противъ друга уже подымали, пылая сразиться,
Но предсталъ Антилохъ къ воеводѣ Ахеянъ Атриду
И остаться Эней не посмѣлъ, сколь ни пламенный воинъ,
Двухъ бранноносцевъ увидя, одинъ за другого стоящихъ.
Тѣ же, убитыхъ поспѣшно увлекши къ дружинамъ Ахейскимъ,
Тамъ ихъ оставили, бѣдныхъ, друзьямъ возвративши печальнымъ;
Сами, назадъ обратившися, между переднихъ сражались.
Тамъ Пилемена повергли, Арею подобнаго мужа,
Бранныхъ народовъ вождя, щитоносныхъ мужей Пафлагонянъ.

Мужа сего Атрейонъ Менелай, знаменитый копейщикъ,
Длиннымъ копьемъ, сопротиво стоящаго, въ выю умѣтилъ;
Вождь Антилохъ поразилъ у него и возницу Мидона,
Отрасль Атимнія: коней своихъ обращавшаго бурныхъ;
Камнемъ его угодилъ онъ по локтю; бразды у Мидона,
Костью слоновой блестящія, пали на пыльную землю.
Прянулъ младой Антилохъ и мечомъ въ високъ его грянулъ;
Онъ, тяжело воздохнувшій, на прахъ съ колесницы прекрасной
Рухнулся внизъ головой и, упавшій на темя и плечи,
Долго въ семъ видѣ стоялъ онъ, въ песокъ погрузившись глубокій,
Кони покуда, ударивъ, на прахъ опрокинули тѣло:
Ихъ поражая бичемъ, Антилохъ угонялъ къ Аргивянамъ.
Гекторъ героевъ узналъ межъ рядовъ и на нихъ устремился
Съ яростнымъ крикомъ; за нимъ и Троянъ понеслися фаланги
Сильныя; ихъ предводили кровавый Арей и Эніо
Грозная, слѣдомъ ведущіе бранный Мятежъ безпредѣльный.
Бурный Арей, потрясая въ десницѣ огромною пикой,
То выступалъ передъ Гекторомъ, то позади устремлялся.
Бога узрѣвъ, ужаснулся Тидидъ, воеватель могучій,
И, какъ неопытный путникъ, великою степью идущій,
Вдругъ передъ быстрой рѣкою, падущею въ понтъ, цѣпенѣетъ,
Пѣной кипящею видя, и смутный назадъ отступаетъ:
Такъ отступалъ Діомедъ и не медля воскликнулъ къ народу:
„Други, почто мы дивимся, что нынѣ божественный Гекторъ
Сталъ копьеборецъ славнѣйшій, боецъ дерзновеннѣйшій въ битвѣ?
Съ нимъ непрестанно присутствуетъ богъ, отражающій гибель!
Съ нимъ и теперь онъ, Арей, во образѣ смертнаго мужа!
Други, лицомъ къ сопостатамъ всегда обращенные, съ поля
Вы отступайте, съ богами отнюдь не дерзайте сражаться!“
Такъ говорилъ онъ, но близко на нихъ наступили Трояне.
Гекторъ двухъ ратоборцевъ повергнулъ, испытанныхъ въ битвахъ,
Бывшихъ въ одной колесницѣ, Менесѳа и съ нимъ Анхіала.
Падшихъ узрѣвъ, пожалѣлъ ихъ великій Аяксъ Теламонидъ;
Къ нимъ приступилъ онъ и сталъ и, пославши сверкающій дротикъ,
Амфія свергнулъ, Селагова сына, который средь Песа
Жилъ, обладатель богатствъ и полей; но судьба Селагида
Въ брань увлекла поборать за Пріама и всѣхъ Пріамидовъ.
Въ запонъ его поразилъ Теламоніевъ сынъ многомощный;
Въ нижнее чрево ему погрузилась огромная пика;
Съ шумомъ онъ грянулся въ прахъ; и Аяксъ прибѣжалъ побѣдитель,
Жадный доспѣхи совлечь, но Трояне посыпали копья
Острыя, ярко блестящія; много ихъ щитъ его принялъ.

Онъ же, пятой наступивъ на сраженнаго, мѣдную пику
Вырвалъ назадъ, но другихъ не успѣлъ драгоцѣнныхъ доспѣховъ
Съ плечъ унести Селагидовыхъ: стрѣлы его засыпали.
Онъ окруженія сильнаго гордыхъ Троянъ убоялся:
Много ихъ мощныхъ, отважныхъ, уставивъ дроты, наступало;
Ими, сколь ни былъ огроменъ и сколь ни могучъ и ни славенъ,
Прогнанъ Аяксъ и назадъ отступилъ, поколебанный силой.
Такъ бранноносцы сіи подвизалися въ пламенной битвѣ.
Тою порой Тлиполемъ Гераклидъ, и огромный и сильный,
Злою судьбою сведенъ съ Сарпедономъ божественнымъ въ битву.
Чуть соступились герои, идущіе другъ противъ друга,
Сынъ знаменитый и внукъ воздымателя облаковъ Зевса,
Такъ Тлиполемъ Гераклидъ къ сопротивнику первый воскликнулъ:
„Ликіи царь Сарпедонъ! какая тебѣ неизбѣжность
Здѣсь между войскъ трепетать, человѣкъ незнакомый съ войною?
Лжецъ, кто разславилъ тебя громоноснаго Зевса рожденьемъ!
Нѣтъ, несравненно ты малъ предъ великими тѣми мужами,
Кои отъ Зевса родились, межъ древнихъ племенъ человѣковъ,
И каковъ, повѣствуютъ, великая сила Геракла
Былъ мой родитель, герой дерзновеннѣйшій, львиное сердце!
Онъ приплывши сюда, чтобы взыскать съ Лаомедона коней,
Только съ шестью кораблями, съ дружиною ратною малой
Градъ Иліонъ разгромилъ и пустынными стогны оставилъ!
Ты же робокъ душой и предводишь народъ на погибель.
Нѣтъ, для Троянъ, я надѣюся, ты обороной не будешь,
Ликію бросилъ напрасно и будь ты стократно сильнѣйшій,
Мною теперь же сраженный, пойдешь ко вратамъ Аидеса!“
Ликіи царь Сарпедонъ Тлиполему отвѣтствовалъ быстро:
„Такъ, Тлиполемъ, Гераклъ разорилъ Иліонъ знаменитый,
Но царя Лаомедона злое безумство карая:
Царь своего благодѣтеля рѣчью поносной озлобилъ
И не отдалъ коней, для которыхъ тотъ шелъ издалека.
Что жъ до тебя, предвѣщаю тебѣ я конецъ и погибель;
Ихъ отъ меня ты пріимешь и, копьемъ симъ поверженный, славу
Даруешь мнѣ и Аиду, конями гордящемусь, душу“.
Такъ говорилъ Сарпедонъ; но сотрясши свой ясенный дротикъ
Взнесъ Тлиполемъ; обоихъ сопротивниковъ длинныя копья
Вдругъ полетѣли изъ рукъ. Угодилъ Сарпедонъ Гераклида
Въ самую выю, и жало насквозь несмиримое вышло:
Быстро темная ночь Тлиполемовы очи покрыла.
Но и самъ Тлиполемъ въ бедро улучилъ Сарпедона
Пикой огромною; тѣло разсѣкшее, бурное жало

Стукнуло въ кость; но Отецъ отъ него отвращаетъ погибель.
Тутъ Сарпедона героя усердные други изъ битвы!
Вынесть спѣшили; его удручала огромная пика,
Влекшаясь въ тѣлѣ; никто не подумалъ, никто не помыслилъ
Ясенной пики извлечь изъ бедра, да съ спѣшащими шелъ бы;
Такъ озабочены были трудящіеся вкругъ Сарпедона.
Но Тлиполема Данаи, блестящіе мѣдью, спѣшили
Вынесть изъ боя; увидѣлъ его Одиссей знаменитый,
Твердый душою, и вспыхнуло въ немъ благородное сердце.
Онъ между помысловъ двухъ колебался умомъ и душою:
Прежде настигнуть ли сына громами звучащаго Зевса,
Или, напавъ на Ликіянъ, у множества души исторгнуть?
Но не ему, Одиссею почтенному, суждено было
Зевсова сына могучаго мѣдію острой низвергнуть.
Сердце его на Ликійскій народъ обратила Паллада.
Тамъ онъ Керана, Аластора, Хромія битвой низринулъ,
Галія, вслѣдъ Ноемона, Алкандра убилъ и Притана;
И еще бы ихъ болѣе свергъ Одиссей знаменитый,
Если бы скоро его не узрѣлъ шлемоблещущій Гекторъ:
Ринулся онъ сквозь переднихъ, сіяющей мѣдью покрытый,
Ужасъ Данаямъ несущій. Обрадованъ друга приходомъ,
Зевсовъ сынъ, Сарпедонъ, говорилъ ему гласомъ печальнымъ:
„Гекторъ! не дай, умоляю, лежать мнѣ добычей Ахеянъ;
Другъ, защити! и пускай уже въ вашемъ пріязненномъ градѣ
Жизнь оставитъ меня; не судила, какъ вижу, судьбина,
Въ домъ возвратившемусь, въ землю отечества милаго сердцу,
Тамъ обрадовать мнѣ и супругу и юнаго сына!“
Такъ говорилъ, но ему не отвѣтствовалъ Гекторъ великій;
Быстро пронесся впередъ, нетерпѣньемъ пылая скорѣе
Рать Аргивянъ отразить и у множества души исторгнуть.
Тою порой Сарпедона героя друзья посадили
Въ полѣ, подъ букомъ прекраснымъ метателя молніи Зевса.
Тамъ изъ бедра у него извлекъ длиннотѣнную пику
Храбрый, могучій Пелагонъ, другъ, имъ отлично любимый;
Духъ Сарпедона оставилъ, и очи покрылися мглою.
Скоро опять онъ вздохнулъ, и кругомъ его вѣтеръ прохладный
Вновь оживилъ, повѣвая, тяжелое персей дыханье.
Рать Аргивянъ предъ Ареемъ и Гекторомъ мѣднодоспѣшнымъ,
Тѣсно фаланги сомкнувши, къ чернымъ судамъ не бѣжала,
Такъ и впередъ не бросалася въ бой, но лицомъ непрестанно
Вся отступала, узнавъ, что Арей въ ополченьяхъ Троянскихъ.
Кто же былъ первый и кто былъ послѣдній, которыхъ доспѣхи

Гекторъ могучій похитилъ и мѣдный Арей душегубецъ?
Теверасъ, безсмертнымъ подобный, и послѣ Орестъ конеборецъ,
Воинъ безстрашный Эномаосъ, Трехъ, Этолійскій копейщикъ,
Энопа отрасль Геленъ и Орезбій пестропоясный,
Мужъ, обитающій въ Гилѣ, богатства стяжатель заботный,
Около озера жившій Кефисскаго, гдѣ и другія
Жили семейства Беотянъ, удѣловъ богатыхъ владыки.
Ихъ лишь узрѣла лилейнораменная Гера богиня,
Храбрый Ахейскій народъ истребляющихъ въ битвѣ свирѣпой,
Быстро къ Аѳинѣ Палладѣ крылатую рѣчь устремила:
„Горе, дочь необорная молній метателя Зевса!
Тщетнымъ словомъ съ тобой обнадежили мы Менелая
Въ домъ возвратить разрушителемъ Трои высокотвердынной,
Если свирѣпствовать такъ попускаемъ убійцѣ Арею!
Нѣтъ, устремимся, помыслимъ и сами о доблести бранной!“
Такъ говоря, преклонила дочь свѣтлоокую Зевса;
Но сама, устремясь, снаряжала коней златосбруйныхъ
Гера, богиня старѣйшая, отрасль великаго Крона.
Геба жъ съ боковъ колесницы набросила гнутые круги
Мѣдныхъ колесъ осьмиспичныхъ, на оси желѣзной ходящихъ;
Ободы ихъ золотые, нетлѣнные, сверху которыхъ
Мѣдныя шины положены плотныя, диво для взора!
Ступицы ихъ серебромъ, округленныя, окрестъ сіяли;
Кузовъ блестящими пышно сребромъ и златомъ ремнями
Былъ прикрѣпленъ, и на немъ возвышались дугою двѣ скобы;
Дышло серебряное изъ него выходило; на ономъ
Геба златое, прекрасное вяжетъ ярмо, продѣваетъ
Пышную упряжь златую и быстро подъ упряжь ту Гера
Коней безсмертныхъ подводитъ, пылая и бранью, и боемъ.
Тою порою Аѳина, въ чертогѣ отца Эгіоха,
Тонкій покровъ разрѣшила; струей на помостъ онъ скатился,
Пышноузорный, который сама, сотворивъ, украшала;
Вмѣсто жъ его облачася броней громоноснаго Зевса,
Браннымъ доспѣхомъ она ополчалася къ брани плачевной.
Бросила около персей Эгидъ, бахромою косматый,
Страшный очамъ, поразительнымъ Ужасомъ весь окруженный:
Тамъ и Раздоръ, и Могучесть, и, трепетъ бѣгущихъ, Погоня,
Тамъ и глава Горгоны, чудовища страшнаго образъ,
Страшная, грозная, знаменье бога всесильнаго, Зевса!
Шлемъ на чело возложила украшенный, четырехбляшный,
Златомъ сіяющій, ста бы градовъ ратоборцевъ покрывшій.
Такъ въ колесницѣ пламенной ставъ, копіемъ ополчилась

Тяжкимъ, огромнымъ, могучимъ, которымъ ряды сокрушаетъ
Сильныхъ, на коихъ разгнѣвана дщерь всемогущаго бога.
Гера не медля съ бичомъ налегла на коней быстроногихъ.
Съ громомъ врата имъ небесныя сами разверзлись при Горахъ,
Стражѣ которыхъ Олимпъ и великое ввѣрено небо,
Чтобы облакъ густой разверзать, иль смыкать передъ ними.
Сими богини вратами коней подстрекаемыхъ гнали;
Скоро они обрѣли, далеко отъ безсмертныхъ сидящимъ,
Зевса царя одного, на превыспреннемъ холмѣ Олимпа.
Тамъ, коней удержавши, лилейнораменная Гера
Кронова сына царя вопрошала и такъ говорила:
„Или не гнѣвенъ ты, Зевсъ, на такія злодѣйства Арея?
Сколько мужей и какихъ погубилъ онъ въ народѣ Ахейскомъ
Нагло, насильственно! Я сокрушаюсь, тогда какъ спокойно
Въ сердцѣ своемъ веселятся Киприда и Фебъ, подстрекая
Къ брани безумца сего, справедливости чуждаго всякой...
Зевсъ, нашъ отецъ! на меня раздражишься ли, если Арея
Брань я принужу оставить ударомъ, быть можетъ, жестокимъ?“
Герѣ не медля отвѣтствовалъ тучъ воздыматель Кроніонъ:
„Шествуй, возставь на Арея богиню побѣды, Палладу;
Больше обыкла она повергать его въ тяжкія скорби“.
Рекъ,—и ему покорилась лилейнораменная Гера,
Коней хлестнула бичемъ, полетѣли покорные кони,
Между землею паря и звѣздами усѣяннымъ небомъ.
Сколько пространства воздушнаго мужъ обымаетъ очами,
Сидя на холмѣ подзорномъ и смотря на мрачное море,
Столько прядаютъ разомъ боговъ гордовыйные кони.
Къ Троѣ принесшимся имъ и къ рѣкамъ совокупно текущимъ,
Гдѣ Симоисъ и Скамандръ быстрокатныя воды сливаютъ,
Тамъ коней удержала лилейнораменная Гера
И, отрѣшивъ отъ ярма, окружила облакомъ темнымъ;
Имъ Симоисъ разостлалъ амвросію сладкую въ паству.
Сами богини спѣшатъ, голубицамъ подобныя робкимъ,
Поступью легкой, горя поборать за Данаевъ любезныхъ,
И, лишь достигли туда, гдѣ и многихъ мужей и храбрѣйшихъ
Вкругъ Діомеда вождя, укротителя мощнаго коней,
Сонмы густые стояли, какъ львы, пожиратели крови,
Или какъ вепри, которымъ мощь не легко одолима,
Тамъ предъ Аргивцами ставъ, возопила великая Гера,
Въ образѣ Стентора, мощнаго, мѣдноголосаго мужа,
Такъ вопіющаго, какъ пятьдесятъ совокупно другіе:
„Стыдъ, Аргивяне, презрѣнные, дивные только по виду!

Прежде, какъ въ грозныя битвы вступалъ Ахиллесъ благородный,
Трои сыны никогда изъ Дардановыхъ вратъ не дерзали
Выступить: все трепетали его сокрушительной пики!
Нынѣ жъ далеко отъ стѣнъ, предъ судами, Трояне воюютъ!“
Такъ говоря, возбудила и силу, и мужество въ каждомъ.
Тою порой къ Діомеду подходитъ Паллада-Аѳина,
Видитъ царя у своей колесницы; близъ коней онъ стоя,
Рану свою прохлаждалъ, нанесенную Пандара мѣдью.
Храбраго потъ изнурялъ, подъ ремнемъ широкимъ, держащимъ
Выпуклый щитъ: изнурялся онъ имъ, и рука цѣпенѣла,
Но, подымая ремень, отиралъ онъ кровавую рану.
Зевсова дочь, преклоняся на конскій яремъ, возгласила:
„Нѣтъ, Тидей произвелъ себѣ не подобнаго сына!
Ростомъ Тидей былъ малъ, но по духу воитель великій!
Нѣкогда я запрещала ему подвизаться герою,
Бурной душой увлекаясь, когда онъ одинъ отъ Ахеянъ
Въ Ѳивы пришелъ посломъ къ многочисленнымъ Кадма потомкамъ;
Я повелѣла ему пировать спокойно въ чертогамъ;
Но Тидей, какъ всегда, обладаемый мужествомъ бурнымъ,
Юныхъ Кадмеянъ къ борьбамъ вызывалъ и легко сопротивныхъ
Всѣхъ побѣдилъ: таково я сама поборала Тидею!
Такъ я тебѣ предстою, благосклонно всегда охраняю
И ободряю тебя съ Фригіянами весело биться;
Но иль усталость отъ подвиговъ бурныхъ тебя поразила,
Или связала робость бездушная! Послѣ сего ты
Сынъ ли героя Тидея, великаго въ браняхъ Энида?“
Ей, отвѣчая немедленно, рекъ Діомедъ благородный:
О! познаю я тебя, свѣтлоокая дочь громовержца!
Искренно все предъ тобой изреку, ничего не сокрою.
Нѣтъ, не усталость меня и не робость бездушная держитъ,
Но завѣты я помню, какіе мнѣ ты завѣщала:
Ты повелѣла не ратовать мнѣ ни съ однимъ изъ блаженныхъ
Жителей неба, но если Кроніона дочь, Афродита,
Явится въ брани, разить Афродиту острою мѣдью.
Вотъ для чего отступаю и самъ я, и прочимъ Аргивцамъ
Всѣмъ повелѣлъ, уклоняяся, здѣсь воедино собраться:
Вижу Арея; гремящею битвою онъ управляетъ“.
Вновь провѣщала къ нему свѣтлоокая дочь Эгіоха:
„Чадо Тидея, о воинъ, любезнѣйшій сердцу Аѳины!
Нѣтъ, не страшися теперь ни Арея сего, ни другого
Сильнаго бога; сама за тебя я поборницей буду!
Мужествуй, въ бой на Арея лети на коняхъ звуконогихъ,

Смѣло сойдись и рази, не убойся свирѣпства Арея,
Буйнаго бога сего, сотвореннаго къ злу, вѣроломца!
Самъ онъ недавно обѣтъ произнесъ предо мной и предъ Герой
Ратовать противъ Троянъ и всегда поборать за Ахеянъ,
Нынѣ жъ стоитъ за Троянъ, вѣроломный, Ахеянъ оставилъ!"
Такъ говоря, съ колесницы Сѳенела согнала на землю,
Быстро повлекши рукой,—и покорный мгновенно онъ спрянулъ;
Быстро сама въ колесницу къ Тидиду восходитъ богиня,
Бранью пылая; ужасно дубовая ось застонала,
Зевса подъявшая грозную дщерь и храбрѣйшаго мужа.
Разомъ, и бичъ и бразды захвативши, Паллада Аѳина
Вдругъ на Арея на перваго бурныхъ коней устремила.
Въ тѣ поры онъ обнажалъ Перифаса, вождя Этоліянъ,
Мужа огромнаго, мощнаго, славную вѣтвь Охезія;
Мужа сего кровавый Арей обнажалъ, но Аѳина
Шлемомъ Аида покрылась, да будетъ незрима Арею.
Смертныхъ губитель едва усмотрѣлъ Діомеда героя,
Вдругъ Этоліянъ вождя, Перифаса огромнаго, бросилъ
Тамъ распростертаго, гдѣ у сраженнаго душу исторгнулъ,
Быстро и прямо пошелъ на Тидида, смирителя коней!
Только лишь сблизились оба, летящіе другъ противъ друга,
Богъ, устремяся впередъ, надъ конскимъ ярмомъ и браздами
Пикою мѣдной ударилъ, пылающій душу исторгнуть,
Но, рукой ухвативъ, свѣтлоокая дщерь Эгіоха
Пику отбросила въ бокъ, да напрасно она пронесется.
И тогда на Арея напалъ Діомедъ нестрашимый
Съ мѣднымъ копьемъ; и, усиливъ его, устремила Паллада
Въ нижнее чрево, гдѣ богъ опоясывалъ мѣдную повязь;
Тамъ Діомедъ поразилъ и, безсмертную плоть растерзавши,
Вырвалъ обратно копье, и взревѣлъ Арей мѣднобронный
Страшно, какъ будто бы девять, иль десять воскликнули тысячъ
Сильныхъ мужей на войнѣ, зачинающихъ ярую битву.
Дрогнули всѣ, и дружины Троянъ, и дружины Ахеянъ
Съ ужаса: такъ заревѣлъ Арей, ненасытный войною.
Сколько черна и угрюма отъ облаковъ кажется мрачность,
Если неистово дышащій, знойный воздвигнется вѣтеръ,
Взору Тидида таковъ показался, кровью покрытый,
Мѣдный Арей, съ облаками идущій къ пространному небу.
Быстро безсмертный вознесся къ жилищу безсмертныхъ, Олимпу.
Тамъ, близъ Кронида владыки возсѣлъ онъ, печальный и мрачный,
И, безсмертную кровь показуя, струимую раной,
Тяжко стенающій, къ Зевсу вѣщалъ онъ крылатыя рѣчи:

„Или безъ гнѣва ты, Зевсъ, на ужасныя смотришь злодѣйства?
Боги, мы непрестанно, по замысламъ другъ противъ друга,
Терпимъ бѣды жесточайшія, благо творя человѣкамъ;
Всѣ на тебя негодуемъ: отецъ ты неистовой дщери,
Пагубной всѣмъ, у которой одни злодѣянія въ мысляхъ!
Боги другіе, колико ни есть ихъ на свѣтломъ Олимпѣ,
Всѣ мы тебѣ повинуемся, каждый готовъ покориться.
Сей лишь одной никогда не смиряешь ни словомъ, ни дѣломъ,
Но потворствуешь ей, породивши зловредную дочерь!
Нынѣ она Діомеда, Тидеева гордаго сына,
Съ дикимъ свирѣпствомъ его на безсмертныхъ боговъ устремила!
Прежде Киприду богиню изъ рукъ поразилъ онъ въ запястье;
Послѣ съ копьемъ на меня самого устремился, какъ Демонъ!
Быстрыя ноги меня лишь избавили, иначе долго бъ
Тамъ я простертый страдалъ, между страшными грудами труповъ,
Или бъ живой изнемогъ, подъ ударами гибельной мѣди!“
Грозно воззрѣвъ на него, провѣщалъ громовержецъ Кроніонъ:
„Смолкни, о ты, переметникъ! не вой близъ меня возсидящій!
Ты ненавистнѣйшій мнѣ межъ боговъ, населяющихъ небо!
Распря единая, брань и убійство тебѣ лишь пріятны!
Матери духъ у тебя, необузданный, вѣчно строптивый,
Геры, которую самъ я съ трудомъ укрощаю словами!
Ты и теперь, какъ я мню, по ея же внушеніямъ страждешь!
Но тебя я страдающимъ долѣе видѣть не въ силахъ:
Отрасль моя ты, и матерь тебя отъ меня породила.
Если бъ отъ бога другого родился ты, столько злотворный,
Былъ бы уже ты давно преисподнѣе всѣхъ Уранидовъ!“
Рекъ и его врачевать повелѣлъ Громовержецъ Пеону.
Язву Пеонъ врачевствомъ, утоляющимъ боли, осыпавъ,
Быстро его исцѣлилъ, не для смертной рожденнаго жизни.
Словно смоковничный сокъ, съ молокомъ перемѣшанный бѣлымъ,
Жидкое вяжетъ, когда его быстро колеблетъ смѣшавшій,—
Съ равной Пеонъ быстротой исцѣлилъ уязвленнаго бога.
Геба омыла его, облачила одеждою пышной,
И близъ Зевса Кронида возсѣлъ онъ, славою гордый.
Паки тогда возвратилась въ обитель великаго Зевса
Гера Аргивская купно съ Аѳиною Алалкоменой,
Такъ обуздавъ истребителя, мужеубійцу Арея.

ПѢСНЬ VI.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ ПѢСНИ.

Послѣ отшествія боговъ изъ брани, Ахейцы, поразивъ многихъ, Троянъ до того одолѣваютъ, что они готовы бѣжать въ городъ, ст. 1—74. Геленъ прорицатель убѣждаетъ Гектора, чтобы онъ повелѣлъ всенародно молить Палладу въ замкѣ Троянскомъ, 75—101. Гекторъ, немедленно возстановивъ бой, отходитъ въ городъ. Въ сей битвѣ Діомедъ и Главкъ, вождь Ликійскій, сошедшись къ сраженію, говорятъ о своемъ родѣ и, вспомнивъ объ отцахъ, почитаютъ себя соединенными правомъ гостепріимства, отцами ихъ другъ другу оказаннаго, обмѣниваются оружіемъ и, въ знакъ дружбы, давъ другъ другу десницы, расходятся, 102—236. Гекторъ, вошедъ въ городъ, идетъ къ Пріамову дому; описаніе онаго, 237—250. Гекуба, по совѣту Гектора, котораго на пути встрѣчаетъ, отправляется съ знаменитыми Троянками, торжественнымъ ходомъ, въ храмъ Паллады, несетъ драгоцѣнную ризу, богинѣ посвящаемую, и совершаетъ моленіе о спасеніи Трои, 251—312. Между тѣмъ Гекторъ приходитъ къ Парису, дома покоящемуся, и упреками возбуждаетъ его выдти снова на сраженіе, 313—368; посѣщаетъ свой домъ и, узнавъ, что Андромаха отошла къ городскимъ воротамъ, самъ туда поспѣшаетъ: у башни Скейской встрѣчаетъ ее съ сыномъ Астіанаксомъ, вступаетъ съ нею въ трогательный разговоръ, утѣшаетъ ее и сына поручаетъ богамъ, 369—502. Разставшися, онъ скоро настигнутъ Парисомъ, на брань вооруженнымъ, который сравнивается съ конемъ, изъ стойла вырвавшимся, 503—529.

Страшную брань межъ Троянъ и Ахеянъ оставили боги;
Но свирѣпствовалъ бой, или здѣсь, или тамъ по долинѣ,
Воинствъ, одни на другихъ устремляющихъ мѣдныя копья,
Между береговъ Симоиса и пышноструистаго Ксанѳа.
Первый Аяксъ Теламонидъ, оплотъ мѣднобронныхъ Данаевъ, 5

Прорвалъ фалангу Троянъ и возрадовалъ свѣтомъ дружину,
Мужа сразивъ, бранноносца храбрѣйшаго рати Ѳракійской,
Евсора вѣтвь, Акамаса, ужаснаго ростомъ и силой.
Мужа сего поражаетъ онъ первый въ шеломъ коневласый
И вонзаетъ въ чело: погрузилось глубоко внутрь кости
Мѣдное жало, и тьма Акамасовы очи покрыла.
Тамъ же Аксила повергъ Діомедъ, воеватель могучій,
Сына Тевѳрасова: онъ обиталъ въ велелѣпной Аризбѣ,
Благами жизни богатой и другъ человѣкамъ любезный:
Дружески всѣхъ принималъ онъ въ дому, при дорогѣ живущій;
Но изъ оныхъ никто не избавилъ его отъ напасти,
Въ помощь никто не предсталъ; обоихъ Діомедъ воеватель
Жизни лишилъ—и его, и Калезія друга, который
Правилъ конями, и оба сошли неразлучные въ землю.
Дреса, герой Эвріалъ, и Офельтія мощнаго свергнувъ,
Быстро пошелъ на Эсепа и Педаса, нимфой рожденныхъ,
Абарбареей наядой, прекрасному Буколіону;
Буколіонъ же былъ сынъ Лаомедона, славнаго мужа,
Старшій въ семействѣ, но матерью тайно, безъ брака рожденный:
Пастырь, у стадъ онъ своихъ сочетался любовію съ нимфой;
Нимфа, зачавшая, двухъ близнецовъ-сыновъ сихъ родила.
Юношамъ вмѣстѣ и духъ сокрушилъ, и прекрасные члены
Сынъ Мекистеевъ, герой, и съ раменъ ихъ похитилъ доспѣхи.
Тамъ же, дышащій бранью, сразилъ Полипетъ Астіала;
Царь Одиссей Перкозійскаго воя Пидита низринулъ
Мѣдною пикой и Тевкръ Аретаона, храбраго въ битвахъ.
Несторовъ сынъ, Антилохъ, устремивши сіяющій дротикъ,
Аблера свергъ, и владыка мужей Агамемнонъ—Элата:
Онъ обиталъ на брегахъ свѣтлоструйной рѣки Сатніона,
Въ градѣ высокомъ Педасѣ. Филака бѣгущаго сринулъ
Леитъ, герой; Эврипилъ же, сразивъ, обнажилъ Меланѳея.
Но Адраста живымъ изловилъ Менелай копьеносный:
Кони его, пораженные страхомъ на битвенномъ полѣ,
Вдругъ объ мириковый кустъ колесницу съ разбѣга ударивъ,
Дышло его на концѣ раздробили и сами помчались
Къ граду, куда и другихъ устрашенные кони бѣжали.
Самъ же Адрастъ, съ колесницы стремглавъ къ колесу покатяся,
Грянулся оземь лицомъ, и предъ павшимъ сталъ налетѣвшій
Сильный Атридъ Менелай, грозя длиннотѣнною пикой.
Ноги его обхватилъ и воскликнулъ Адрастъ, умоляя:
„Даруй мнѣ жизнь, о Атридъ, и получишь ты выкупъ достойный!
Много сокровищъ хранится въ отеческомъ домѣ богатомъ,

Много и мѣди, и злата, и хитрыхъ издѣлій желѣза.
Съ радостью выдастъ тебѣ неисчислимый выкупъ отецъ мой,
Если услышитъ, что я нахожуся живой у Данаевъ!“
Такъ говорилъ и уже преклонялъ Менелаево сердце;
Храбрый уже помышлялъ поручить одному изъ клевретовъ
Плѣнника весть къ кораблямъ мореходнымъ, какъ вдругъ Агамемнонъ,
Ввстрѣчу бѣгущій, предсталъ и грозно вскричалъ Менелаю:
„Слабый душой Менелай, ко Троянцамъ ли нынѣ ты столько
Жалостливъ? Дѣло прекрасное сдѣлали эти Троянцы
Въ домѣ твоемъ! Чтобъ никто не избѣгъ отъ погибели черной
И отъ нашей руки! ни младенецъ, котораго матерь
Носитъ въ утробѣ своей, чтобъ и онъ не избѣгъ! да погибнутъ
Въ Трои живущіе всѣ и лишенные гроба исчезнутъ!“
Такъ говорящій герой отвратилъ помышленіе брата,
Правду ему говоря; Менелай свѣтлокудрый Адраста,
Молча, рукой оттолкнулъ; ему Агамемнонъ въ утробу
Пику вонзилъ; опрокинулся онъ, и мужей повелитель,
Ставши ногою на перси, вонзенную пику исторгнулъ.
Несторъ межъ тѣмъ Аргивянъ возбуждалъ, громогласно вѣщая:
„Други, Данаи герои, безстрашные слуги Арея!
Нынѣ межъ васъ да никто, на добычи бросаясь, не медлитъ
Сзади рядовъ, чтобы больше отнесть ихъ въ станъ корабельный.
Нѣтъ, поразимъ сопротивниковъ; послѣ и ихъ вы спокойно
Можете всѣ обнажить на побоищѣ мертвые трупы“.
Такъ говоря, возбудилъ онъ и душу, и мужество въ каждомъ.
Въ оное время Трояне отъ дышащихъ бранью Данаевъ
Скрылись бы въ градъ, побѣжденные собственной слабостью духа,
Если бъ Энею и Гектору мудраго не далъ совѣта
Сынъ Пріамовъ Геленъ, знаменитѣйшій птицегадатель:
„Гекторъ, Эней! на васъ, воеводы, лежитъ наипаче
Бремя заботъ о народѣ Троянскомъ; отличны вы оба
Въ каждомъ намѣреньи вашемъ, сражаться ли нужно, иль мыслить.
Станьте же здѣсь и бѣгущія рати у вратъ удержите,
Сами вездѣ устремляясь, доколѣ въ объятія женъ ихъ
Всѣ бѣглецы не падутъ и врагамъ въ посмѣянье не будутъ!
Но, когда вы Троянскія вкругъ ободрите фаланги,
Мы, оставаяся здѣсь, съ Аргивянами будемъ сражаться,
Сколько бы ни были ими тѣснимы: велитъ неизбѣжность.
Гекторъ, но ты поспѣши въ Илионъ и совѣтъ мой повѣдай
Матери нашей: пускай соберетъ благородныхъ Троянокъ
Въ замокъ градской, передъ храмъ свѣтлоокой Паллады богини.
Тамъ, заключенныя двери отверзя священнаго дома,

Пышный покровъ, величайшій, прелестнѣйшій всѣхъ изъ хранимыхъ
Въ царскомъ дому и который сама наиболѣе любитъ,
Пусть на колѣна его лѣпокудрой Аѳины положитъ.
Пусть ей двѣнадцать кравъ, однолѣтнихъ, ярма не познавшихъ,
Въ храмѣ заклать обрекается, если, молитвы услыша,
Градъ богиня помилуетъ, женъ и младенцевъ невинныхъ,
Если отъ Трои священной она отразитъ Діомеда,
Бурнаго воя сего, повелителя мощнаго бѣгства,
Мужа, который, я мыслю, храбрѣйшій въ народѣ Ахейскомъ!
Такъ ни Пелидъ не страшилъ насъ, великій мужей предводитель,
Сынъ, какъ вѣщаютъ, богини безсмертной! Тидидъ Аргивянинъ
Пуще свирѣпствуетъ: въ мужествѣ съ онымъ никто не сравнится!“
Такъ говорилъ онъ, и Гекторъ послушался брата совѣтовъ;
Быстро герой съ колесницы съ оружіемъ прянулъ на землю;
Острыя копья колебля, кругомъ обходилъ ополченья,
Духъ распаляя на бой, и возставилъ онъ страшную сѣчу.
Въ бой обратились Трояне и стали въ лицо Аргивянамъ;
Вспять подалися ряды Аргивянъ, укротили убійство,
Мысля, что богъ незримый, нисшедшій отъ звѣзднаго неба,
Самъ за враговъ ихъ поборствуетъ, такъ обратились Трояне.
Гекторъ еще возбуждалъ, восклицающій звучно къ Троянамъ:
Храбрыи Трои сыны и союзники славные наши!
Будьте мужами, о други, воспомните бурную силу.
Я не надолго отъ васъ отлучуся въ священную Трою
Старцамъ совѣтнымъ повѣдать и нашимъ супругамъ, да купно
Молятъ небесныхъ боговъ, обѣтуя стотельчія жертвы“.
Такъ говоря имъ, шествовалъ шлемомъ сверкающій Гекторъ;
Билася сзади его, по стопамъ и по выѣ, концами
Черная кожа, которая щитъ окружала огромный.
Главкъ между тѣмъ, Гипполохидъ, и сынъ знаменитый Тидея,
Между фалангъ на средину сходились, пылая сразиться.
Чуть соступились герои, идущіе другъ противъ друга,
Первый изъ нихъ взговорилъ Діомедъ, воеватель могучій:
„Кто ты, безтрепетный мужъ отъ земныхъ обитателей смертныхъ?
Прежде не зрѣлъ я тебя на бояхъ, прославляющихъ мужа,
Но сегодня, какъ вижу, далеко ты мужествомъ дерзкимъ
Всѣхъ превосходишь, когда моего копія нажидаешь.
Дѣти однихъ злополучныхъ встрѣчаются съ силой моею?
Если безсмертный ты богъ, отъ высокаго неба нисшедшій,
Я никогда не дерзалъ съ божествами Олимпа сражаться.
Нѣтъ, и могучій Ликургъ, знаменитая отрасль Дріаса,
Долго не жилъ, на боговъ, небожителей, руки поднявшій.

Нѣкогда, дерзкій, напавъ на питательницъ буйнаго Вакха,
Ихъ по божественной Ниссѣ преслѣдовалъ: нимфы Вакханки
Ѳирсы зеленые бросили въ прахъ, отъ убійцы Ликурга
Сулицей острой свирѣпо разимыя; Вакхъ устрашенный
Бросился въ волны морскія и принятъ Ѳетидой на лоно,
Трепетный, въ ужасъ введенный неистовствомъ буйнаго мужа.
Всѣ на Ликурга прогнѣвались мирно живущіе боги,
Кроновъ же сынъ ослѣпилъ Дріатида, и послѣ не долгой
Жизнію онъ наслаждался, безсмертнымъ всѣмъ ненавистный.
Нѣтъ, съ богами блаженными я не желаю сражаться!
Если же смертный ты мужъ и вскормленъ плодами земными,
Ближе предстань, да къ предѣлу ты смерти скорѣе достигнешь".

Быстро ему отвѣчалъ воинственный сынъ Гипполоховъ:
„Сынъ благородный Тидея, почто вопрошаешь о родѣ?
Листьямъ въ дубравахъ подобны сыны человѣковъ:
Вѣтеръ одни по землѣ развѣваетъ, другіе дубрава,
Вновь расцвѣтая рождаетъ, и съ новой весной возрастаютъ;
Такъ человѣки—сіи нарождаются, тѣ погибаютъ.
Если жъ ты хочешь, тебѣ и о томъ объявлю, чтобы зналъ ты
Нашихъ и предковъ, и родъ: человѣкамъ онъ многимъ извѣстенъ.
Есть въ конеславномъ Аргосѣ градъ знаменитый Эфира;
Въ ономъ Сизифъ обиталъ, препрославленный мудростью смертный,
Тотъ Сизифъ Эолидъ, отъ котораго Главкъ породился.
Главкъ даровалъ бытіе непорочному Беллерофонту,
Коему щедрые боги красу и любезную доблесть
Въ даръ ниспослали, но Претъ неповинному гибель умыслилъ:
Злобно его изъ народа изгналъ. Повелитель Ахеянъ
Былъ онъ сильнѣйшій: подъ скипетръ его покорилъ ихъ Кроніонъ.
Съ юношей Прета жена возжелала, Антія младая,
Тайной любви насладиться, но къ ищущей былъ непреклоненъ,
Чувствъ благородныхъ исполненный, Беллерофонтъ непорочный,
И жена, клевеща, говорила властителю Прету:

Смерть тебѣ, Претъ, когда самъ не погубишь ты Беллерофонта:
Онъ насладиться любовью со мною хотѣлъ, съ нехотящей.

Такъ клеветала; разгнѣвался царь, таковое услыша,
Но убить не рѣшился: въ душѣ онъ его ужасался;
Въ Ликію выслалъ его и вручилъ злосовѣтные знаки,
Много на дщицѣ складной начертавъ ихъ, ему на погибель,
Дщицу же тестю велѣлъ показать, да отъ тестя погибнетъ.
Беллерофонтъ отошелъ, подъ счастливымъ покровомъ безсмертныхъ.
Мирно достигъ онъ Ликійской земли и пучиннаго Ксанѳа;
Принялъ его благосклонно Ликійскихъ мужей повелитель:

Девять дней угощалъ, ежедневно тельца закалая.
Но возсіявшей десятой богинѣ, Зарѣ розоперстой,
Гостя разспрашивалъ царь и потребовалъ знаки увидѣть,
Кои принесъ онъ ему отъ любезнаго зятя, отъ Прета.
И, когда онъ пріялъ злосовѣстные зятевы знаки,
Юношѣ Беллерофонту убить заповѣдалъ Химеру
Лютую, коей порода была отъ боговъ, не отъ смертныхъ:
Левъ головою, задомъ драконъ и коза серединой,
Страшно дыхала она пожирающимъ пламенемъ бурнымъ.
Грозную онъ поразилъ, чудесами боговъ ободренный.
Послѣ, войною ходилъ на Солимовъ, народъ знаменитый;
Въ битвѣ, ужаснѣе сей, какъ повѣдалъ онъ, не былъ съ мужами.
Въ подвигѣ третьемъ разбилъ Амазонокъ онъ мужеобразныхъ.
Но ему, возвращавшемусь, Претъ погибель устроилъ:
Изобранныхъ въ царствѣ пространномъ Ликіянъ храбрѣйшихъ въ засаду
Скрылъ на пути, но они своего не увидѣли дома:
Всѣхъ поразилъ ихъ воинственный Беллерофонтъ непорочный.
Царь наконецъ позналъ знаменитую отрасль безсмерныхъ,
Въ домѣ его удержалъ и дочь сочеталъ съ нимъ царевну;
Отдалъ ему половину блистательной почести царской,
И Ликійцы ему отдѣлили удѣлъ превосходный:
Лучшее поле для сада и пашенъ, да властвуетъ онымъ.
Трое родилося чадъ отъ премудраго Беллерофонта:
Мужи Исандръ, Гипполохъ и прекрасная Лаодамія.
Съ Лаодаміей прекрасной почилъ громовержецъ Кроніонъ,
И она Сарпедона, подобнаго богу, родила.
Ставъ напослѣдокъ и самъ небожителямъ всѣмъ ненавистенъ,
Онъ по Алейскому полю скитался кругомъ, одинокій,
Сердце тоскою круша, убѣгая слѣдовъ человѣка.
Сынъ Исандра ему Эніалій, несытый убійствомъ,
Свергнулъ, когда воевалъ онъ съ Солимами, славнымъ народомъ.
Дочь у него—златобраздая гнѣвная Феба сразила.
Живъ Гипполохъ, отъ него я рожденъ и горжуся симъ родомъ.
Онъ послалъ меня въ Трою и мнѣ заповѣдывалъ крѣпко
Тщиться другихъ превзойти, непрестанно пылать отличиться,
Рода отцовъ не безчестить, которые славой своею
Были отличны въ Эфирѣ и въ царствѣ Ликійскомъ пространномъ.
Вотъ и порода, и кровь, каковыми тебѣ я хвалюся".
Рекъ,—и наполнился радостью сынъ благородный Тидеевъ,

Мѣдную пику свою водрузилъ въ даровитую землю
И привѣтную рѣчь устремилъ къ предводителю Главку:
„Сынъ Гипполоховъ! ты гость мнѣ отеческій, гость стародавній!
Нѣкогда дѣдъ мой Иней знаменитаго Беллерофонта
Въ собственномъ домѣ двадцать дней угощалъ дружелюбно.
Оба другъ другу они превосходные дали гостинцы:
Дѣдъ мой, Иней, предложилъ блистающій пурпуромъ поясъ,
Беллерофонтъ же златой подарилъ ему кубокъ двудонный:
Кубокъ и я, при отходѣ, оставилъ въ отеческомъ домѣ;
Но Тидея не помню: меня онъ младенцемъ оставилъ
Въ дни, какъ подъ Ѳивами градомъ Ахейское воинство пало.
Храбрый! отнынѣ тебѣ я средь Аргоса гость и пріятель,
Ты же мнѣ—въ Ликіи, если прійду я къ народамъ Ликійскимъ.
Съ копьями жъ нашими будемъ съ тобой и въ толпахъ расходиться.
Множество здѣсь для меня и Троянъ, и союзниковъ славныхъ;
Буду разить, кого богъ приведетъ и кого я постигну.
Множество здѣсь для тебя Аргивянъ, поражай кого можешь.
Главкъ! обмѣняемся нашимъ оружіемъ; пусть и другіе
Знаютъ, что дружбою мы со временъ праотцовскихъ гордимся".
Такъ говорили они и, съ своихъ колесницъ соскочивши,
За руки оба взялись и на дружбу взаимно клялися.
Въ оное время у Главка разсудокъ восхитилъ Кроніонъ:
Онъ Діомеду герою доспѣхъ золотой свой на мѣдный,
Во сто цѣнимый тельцовъ, обмѣнялъ на стоящій девять.
Гекторъ межъ тѣмъ приблизился къ Скейскимъ воротамъ и къ дубу.
Окрестъ героя бѣжали Троянскія жены и дѣвы,
Тѣ вопрошая о дѣтяхъ, о милыхъ друзьяхъ и о братьяхъ,
Тѣ о супругахъ; но онъ повелѣлъ имъ молиться безсмертнымъ
Всѣмъ, небеса населяющимъ: многимъ бѣды угрожали!
Но, когда подошелъ онъ къ прекрасному дому Пріама,
Къ зданію съ гладкими вдоль переходами (въ немъ заключалось
Вдругъ пятьдесятъ почиваленъ, изъ гладко отесанныхъ камней,
Близко одна отъ другой устроенныхъ, въ коихъ Пріама
Всѣ почивали сыны у цвѣтущихъ супругъ ихъ законныхъ,
Дщерей его на другой сторонѣ, на дворѣ, почивальни
Были двѣнадцать, подъ кровлей одною, изъ тесанныхъ камней,
Близко одна отъ другой устроенныхъ, въ коихъ Пріама
Всѣ почивали затья у цвѣтущихъ супругъ ихъ стыдливыхъ);
Тамъ повстрѣчала его милосердная матеръ Гекуба,
Шедшая въ домъ къ Лаодикѣ, своей миловиднѣйшей дщери;
За руку сына взяла, вопрошала и такъ говорила:

„Что ты, о сынъ мой, приходишь, оставивъ свирѣпую битву?
Вѣрно, жестоко тѣснятъ ненавистные мужи Ахейцы,
Ратуя близко стѣны? И тебя устремило къ намъ сердце;
Хочешь ты, съ замка Троянскаго, руки воздѣть къ Олимпійцу?
Но помедли, мой Гекторъ, вина я вынесу чашу
Зевсу отцу возліять и другимъ божествамъ вѣковѣчнымъ;
Послѣ и самъ ты, когда пожелаешь испить, укрѣпишься:
Мужу, трудомъ истомленному, силы вино обновляетъ,
Ты же, мой сынъ, истомился, за гражданъ твоихъ подвизаясь".
Ей отвѣчалъ знаменитый, шеломомъ сверкающій Гекторъ:
„Сладкаго пить мнѣ вина не носи, о почтенная матерь!
Ты обезсилишь меня, потеряю я крѣпость и храбрость.
Черное жъ Зевсу вино возліять неомытой рукою.
Я не дерзну, и не должно сгустителя облаковъ Зевса
Чествовать или молить оскверненному кровью и прахомъ.
Но иди ты, о матеръ, Аѳины добычелюбивой
Въ храмъ, съ благовоннымъ куреніемъ, съ сонмомъ женъ благородныхъ,—
Пышный покровъ, величайшій, прекраснѣйшій всѣхъ изъ хранимыхъ
Въ царскомъ дому и какой ты сама наиболѣе любишь,
Взявъ, на колѣна его положи лѣпокудрой Аѳинѣ;
И двѣнадцать кравъ однолѣтнихъ, ярма не познавшихъ,
Въ храмѣ заклать обрекайся ты, если, молитвы услыша,
Градъ богиня помилуетъ, женъ и младенцевъ невинныхъ;
Если отъ Трои священной она отразитъ Діомеда,
Бурнаго воя сего, повелителя мощнаго бѣгства.
Шествуй же, матерь, ко храму Аѳины добычелюбивой,
Я же къ Парису иду, чтобы къ воинству изъ дому вызвать,
Ежели хочетъ совѣты онъ слушать. О! былъ бы онъ тамъ же
Пожранъ землей! Воспиталъ Олимпіецъ его на погибель
Троѣ, Пріаму отцу и всѣмъ намъ, Пріамовымъ чадамъ!
Если бъ его я увидѣлъ сходящаго въ бездны Аида,
Кажется, сердце мое позабыло бы горькія бѣдства!"
Такъ говорилъ, и Гекуба не медля служительницъ дома
Вызвала; женъ благородныхъ онѣ собирали по граду.
Тою порою сама въ благовонную горницу всходитъ;
Тамъ у нея сохранялися пышноузорныя ризы,
Женъ Сидонскихъ работы, которыхъ Парисъ боговидный
Самъ изъ Сидона привезъ, преплывая пространное море.
Симъ онъ путемъ увозилъ знаменитую родомъ Елену.
Выбравъ изъ оныхъ одну, понесла предъ Аѳину Гекуба

Большую, лучшую въ домѣ, которая швеніемъ пышнымъ
Словно звѣзда сіяла и въ самомъ лежала исподѣ.
Съ оной пошла и за ней благородныя многія жены.
Въ замокъ градской имъ притекшимъ, ко храму Аѳины богини,
Двери предъ ними развернла прелестная ликомъ Ѳеано,
Дщерь Киссея, жена Антенора, смирителя коней,
Трои мужами избранная жрица Аѳины богини.
Тамъ съ воздѣяніемъ рукъ возопили онѣ предъ Аѳиной;
Ризу Гекубы румяноланитая жрица Ѳеано
Взявъ, на колѣна кладетъ лѣпокудрой Аѳины Паллады
И съ обѣтами молитъ рожденную богомъ великимъ:
„Мощная въ браняхъ, защитница града, Паллада Аѳина!
Дротъ сокруши Діомедовъ и дай, о богиня, да самъ онъ
Нынѣ, погибельный, грянется ницъ передъ башнею Скейской!
Нынѣ жъ двѣнадцать кравъ однолѣтнихъ, ярма не познавшихъ,
Въ храмѣ тебѣ мы пожертвуемъ, если, молитвы услыша,
Градъ помилуешь Трою и женъ, и младенцевъ невинныхъ!“
Такъ возглашала, молясь, но Аѳина молитву отвергла.
Тою порой, какъ онѣ умоляли рожденную Зевсомъ,
Гекторъ великій достигнулъ Парисова пышнаго дома.
Самъ онъ домъ сей устроилъ, съ мужами, какіе въ то время
Въ цѣлой Троадѣ холмистой славнѣйшіе зодчіе были;
Мужи ему почивальню, и гридню, и дворъ сотворили,
Въ замкѣ градскомъ, не вдали отъ Пріама и Гектора дома.
Въ двери вступилъ божественный Гекторъ; въ десницѣ держалъ онъ
Пику въ одиннадцать локтей; далеко на древкѣ сіяло
Мѣдное жало копья и кольцо вкругъ него золотое.
Брата нашелъ въ почивальнѣ, въ трудахъ надъ оружіемъ пышнымъ:
Щитъ онъ и латы, и гнутые луки испытывалъ, праздный.
Тамъ и Елена Аргивская въ кругѣ сидѣла домашнихъ
Женъ рукодѣльницъ и славныя имъ назначала работы.
Гекторъ, взглянувъ на него, укорялъ оскорбительной рѣчью:
„Ты не во время, несчастный, теперь напыщаешься гнѣвомъ.
Гибнетъ Троянскій народъ, предъ высокою града стѣною
Ратуя съ сильнымъ врагомъ; за тебя и война, и сраженья
Вкругъ Иліона пылаютъ; ты самъ поругаешь другого,
Если увидишь кого оставляющимъ грозную битву.
Шествуй, пока Иліонъ подъ огнемъ сопостатовъ не вспыхнулъ“.
Быстро ему отвѣчалъ Пріамидъ Александръ боговидный:
„Гекторъ! ты въ правѣ хулитъ и твоя мнѣ хула справедлива;
Душу открою тебѣ; преклонися и выслушай слово:
Я не отъ гнѣва досель, не отъ злобы на гражданъ Троянскихъ

Праздный сидѣлъ въ почивальнѣ; хотѣлъ я печали предаться.
Нынѣ жъ супруга меня дружелюбную рѣчью своею
Выдти на брань возбудила, и нынѣ, чувствую самъ я,
Лучше идти мнѣ сражаться: побѣда межъ смертныхъ превратна.
Мало помедли, герой; боевымъ ополчуся доспѣхомъ;
Или иди; поспѣшу за тобой и настичь уповаю".
Рекъ онъ; ни слова ему не отвѣтствовалъ Гекторъ великій.
Къ Гектору съ лаской Елена смиренную рѣчь обратила:
„Деверь жены безстыдной, виновницы бѣдъ нечестивой!
Если бъ въ тотъ день же меня, какъ на свѣтъ породила лишь матерь,
Вихорь свирѣпый, восхитя, умчалъ на пустынную гору,
Или въ кипящія волны ревущаго моря низринулъ,—
Волны бъ меня поглотили, и дѣлъ бы такихъ не свершилось!
Но, какъ такія бѣды божества предназначили сами,
Пусть даровали бы мнѣ благороднѣе сердцемъ супруга,
Мужа, который бы чувствовалъ стыдъ и укоры людскіе!
Сей теперь легкомысленъ, подобнымъ и послѣ онъ будетъ;
И за то, я надѣюсь, достойнымъ плодомъ насладится!
Но войди ты сюда и возсядь успокоиться въ кресло;
Деверь, твою наиболѣе душу труды угнетаютъ,
Ради меня недостойной и ради вины Александра:
Злую намъ участь назначилъ Кроніонъ, что даже по смерти
Мы оставаться должны на безславныя пѣсни потомкамъ!"
Ей не медля отвѣтствовалъ Гекторъ великій: „Елена,
Сѣсть не упрашивай, какъ ни привѣтна ты, я не склонюся:
Сильно меня увлекаетъ душа на защиту согражданъ,
Кои на ратныхъ поляхъ моего возвращенія жаждутъ.
Ты же его побуждай; ополчившися, пусть поспѣшаетъ:
Пусть онъ потщится меня, въ стѣнахъ еще града, настигнуть.
Я посѣщу лишь мой домъ и на малое время останусь
Видѣть домашнихъ, супругу драгую и сына младенца,
Ибо не знаю, изъ боя къ своимъ возвращусь ли еще я,
Или меня уже боги погубятъ руками Данаевъ".
Такъ говоря, удалился шеломомъ сверкающій Гекторъ.
Скоро достигнулъ герой своего, благозданнаго дома,
Но въ дому не нашелъ Андромахи лилейнорамепной.
Съ сыномъ она и съ одною кормилицей пышноодежной
Вышедъ, стояла на башнѣ, печально стеная и плача.
Гекторъ, въ дому у себя не нашедъ непорочной супруги,
Сталъ на порогѣ и такъ говорилъ прислужницамъ женамъ:
„Жены прислужницы, вы мнѣ скорѣе повѣдайте правду:

Гдѣ Андромаха, супруга, куда удалилась изъ дому?
Вышла ль къ золовкамъ своимъ, иль къ невѣсткамъ пышноодежнымъ,
Или ко храму Аѳины поборницы, гдѣ и другія
Жены Троянъ благородныя грозную молятъ богиню?“
И ему отвѣчала усердная ключница дома:
„Гекторъ, когда повелѣлъ ты, тебѣ я повѣдаю правду.
Нѣтъ, не къ золовкамъ своимъ, не къ невѣсткамъ пошла Андромаха,
Или ко храму Аѳины поборницы, гдѣ и другія
Жены Троянъ благородныя грозную молятъ богиню,—
Къ башнѣ пошла Иліонской великой: встревожилась вѣстью,
Будто Троянъ утѣсняетъ могучая сила Ахеянъ,
И къ стѣнѣ городской, торопливая, ринулась бѣгомъ,
Словно умомъ изступленная; съ ней и кормилица съ сыномъ“.
Такъ отвѣчала, и Гекторъ стремительно изъ дому вышелъ
Прежней дорогой назадъ, по красиво-устроеннымъ стогнамъ.
Онъ приближался уже, протекая обширную Трою,
Къ Скейскимъ воротамъ (чрезъ нихъ былъ выходъ изъ города въ поле);
Тамъ Андромаха супруга, бѣгущая ввстрѣчу, предстала,
Отрасль богатаго дома, прекрасная дочь Гетіона.
Сей Гетіонъ обиталъ при подошвахъ лѣсистаго Плака,
Въ Ѳивахъ Плакійскихъ, мужей Киликіянъ властитель державный;
Онаго дочь сочеталася съ Гекторомъ мѣднодоспѣшнымъ.
Тамъ предстала супруга: за нею одна изъ прислужницъ
Сына у персей держала, безсловнаго вовсе младенца,
Плодъ ихъ единый, прелестный, подобный звѣздѣ лучезарной.
Гекторъ его называлъ Скамандріемъ, граждане Трои—
Астіанаксомъ: единый бо Гекторъ защитой былъ Трои.
Тихо отецъ улыбнулся, безмолвно взирая на сына.
Подлѣ него Андромаха стояла, ліющая слезы;
Руку пожала ему и такія слова говорила:
„Мужъ удивительный, губитъ тебя твоя храбрость! ни сына
Ты не жалѣешь, младенца, ни бѣдной матери; скоро
Буду вдовой я, несчастная! скоро тебя Аргивяне,
Вмѣстѣ напавши, убьютъ! а тобою покинутой, Гекторъ,
Лучше мнѣ въ землю сойти: никакой мнѣ не будетъ отрады,
Если, постигнутый рокомъ, меня ты оставишь: удѣлъ мой
Горести! Нѣтъ у меня ни отца, ни матери нѣжной!
Старца отца моего умертвилъ Ахиллесъ быстроногій,
Въ день, какъ и градъ разорилъ Киликійскихъ народовъ цвѣтущій,

Θивы высоковоротныя. Самъ онъ убилъ Гетіона,
Но не смѣлъ обнажить: устрашался нечестія сердцемъ;
Старца онъ предалъ сожженію вмѣстѣ съ оружіемъ пышнымъ.
Создалъ надъ прахомъ могилу; и окрестъ могилы той ульмы
Нимфы холмовъ насадили, Зевеса великаго дщери.
Братья мои однокровные—семь оставалось ихъ въ домѣ—
Всѣ и въ единый день преселились въ обитель Аида:
Всѣхъ злополучныхъ избилъ Ахиллесъ, быстроногій ристатель,
Въ стадѣ застигнувъ тяжелыхъ тельцовъ и овецъ бѣлорунныхъ.
Матерь мою, при долинахъ дубравнаго Плака царицу,
Плѣнницей въ станъ свой привлекъ онъ съ другими добычами брани,
Но даровалъ ей свободу, принявъ неисчислимый выкупъ;
Феба жъ и матерь мою поразила въ отеческомъ домѣ!
Гекторъ, ты все мнѣ теперь—и отецъ, и любезная матерь,
Ты и братъ мой единственный, ты и супругъ мой прекрасный!
Сжалься же ты надо мною и съ нами останься на башнѣ,
Сына не сдѣлай ты сирымъ, супруги не сдѣлай вдовою;
Воинство наше поставь у смоковницы: тамъ наипаче
Городъ приступенъ врагамъ и восходъ на твердыню удобенъ.
Трижды туда приступая, на градъ покушались герои,
Оба Аякса могучіе, Идоменей знаменитый,
Оба Атрея сыны и Тидидъ, дерзновеннѣйшій воинъ.
Вѣрно, о томъ имъ сказалъ прорицатель какой-либо мудрый,
Или, быть можетъ, самихъ устремляло ихъ вѣщее сердце".
Ей отвѣчалъ знаменитый, шеломомъ сверкающій Гекторъ:
„Все и меня то, супруга, не меньше тревожитъ, но страшный
Стыдъ мнѣ предъ каждымъ Троянцемъ и длинноодежной Троянкой,
Если, какъ робкій, останусь я здѣсь, удаляясь отъ боя.
Сердце мнѣ то запретитъ; научился быть я безстрашнымъ,
Храбро всегда, межъ Троянами первыми, биться на битвахъ,
Доброй славы отцу и себѣ самому добывая!
Твердо я вѣдаю самъ, убѣждаясь и мыслью, и сердцемъ,
Будетъ нѣкогда день, и погибнетъ священная Троя,
Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.
Но не столько меня сокрушаетъ грядущее горе
Трои, Пріама родителя, матери дряхлой, Гекубы,
Горе тѣхъ братьевъ возлюбленныхъ, юношей многихъ и храбрыхъ,
Кои полягутъ во прахъ подъ руками враговъ разъяренныхъ,
Сколько твое! какъ тебя Аргивянинъ, мѣдью покрытый,
Слезы ліющую, въ плѣнъ повлечетъ и похититъ свободу!
И, невольница, въ Аргосѣ будешь ты ткать чужеземкѣ,

Воду носить отъ ключей Мессеиса или Гипперея,
Съ ропотомъ горькимъ въ душѣ; но заставитъ жестокая нужда!
Льющую слезы тебя кто-нибудь тамъ увидитъ и скажетъ:
Гектора это жена, превышавшаго храбростью въ битвахъ
Всѣхъ конеборцевъ Троянъ, какъ сражалися вкругъ Иліона!
Скажетъ, и въ сердцѣ твоемъ пробудится новая горесть:
Вспомнишь ты мужа, который тебя защитилъ бы отъ рабства!
Но, да погибну и буду засыпанъ я перстью земною
Прежде, чѣмъ плѣнъ твой я увижу и жалобный вопль твой услышу!"

Рекъ и сына обнять устремился блистательный Гекторъ,
Но младенецъ назадъ, пышноризой кормилицы къ лону
Съ крикомъ припалъ, устрашася любезнаго отчаго вида,
Яркою мѣдью испуганъ и гривой косматаго гребня,
Грозно надъ шлемомъ отца всколебавшійся конскою гривой.
Сладко любезный родитель и нѣжная мать улыбнулись.
Шлемъ съ головы не медля снимаетъ божественный Гекторъ,
Наземь кладетъ его, пышноблестящій, и, на руки взявши
Милаго сына, цѣлуетъ, качаетъ его и, поднявши,
Такъ говоритъ, умоляя и Зевса, и прочихъ безсмертныхъ:
„Зевсъ и безсмертные боги! о, сотворите, да будетъ
Сей мой возлюбленный сынъ, какъ и я, знаменитъ среди гражданъ;
Такъ же и силою крѣпокъ и въ Троѣ да царствуетъ мощно.
Пусть о немъ нѣкогда скажутъ, изъ боя идущаго видя:
Онъ и отца превосходитъ! И пусть онъ съ кровавой корыстью
Входитъ, враговъ сокрушитель, и радуетъ матери сердце!"
Рекъ и супругѣ возлюбленной на руки онъ полагаетъ
Милаго сына; дитя къ благовонному лону прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супругъ умилился душевно,
Обнялъ ее и, рукою ласкающій, такъ говорилъ ей:
„Добрая! сердце себѣ не круши неумѣренной скорбью.
Противъ судьбы человѣкъ меня не пошлетъ къ Аидесу,
Но судьбы, какъ я мню, не избѣгъ ни одинъ земнородный
Мужъ, ни отважный, ни робкій, какъ скоро на свѣтъ онъ родится,
Шествуй, любезная, въ домъ, озаботься своими дѣлами;
Тканьемъ, пряжей займися, приказывай женамъ домашнимъ
Дѣло свое исправлять, а война — мужей озаботитъ
Всѣхъ, наиболѣ жъ меня, въ Иліонѣ священномъ рожденныхъ".
Рѣчи окончивши, поднялъ съ земли броненлещущій Гекторъ
Гривистый шлемъ; и пошла Андромаха безмолвная къ дому,
Часто назадъ озираяся, слезы ручьемъ проливая.
Скоро достигла она устроеніемъ славнаго дома

Гектора мужегубителя; въ оном служительницъ многихъ,
Собранныхъ вмѣстѣ, нашла и къ плачу ихъ всѣхъ возбудила:
Ими заживо Гекторъ былъ въ своемъ домѣ оплаканъ.
Нѣтъ, онѣ помышляли, ему изъ погибельной брани
Въ домъ не прійти, не избѣгнуть отъ рукъ и свирѣпства Данаевъ.
Тою порой и Парисъ не медлилъ въ высокихъ палатахъ.
Въ пышный одѣвшись доспѣхъ, испещренный блистательной мѣдью,
Онъ устремился по граду, надежный на быстрыя ноги.
Словно конь застоялый, ячменемъ раскормленный въ ясляхъ,
Привязь расторгнувъ, летитъ, поражая копытами поле;
Пламенный, плавать обыкшій въ потокѣ широкотекущемъ,
Пышитъ, голову кверху несетъ; вкругъ раменъ его мощныхъ
Грива играетъ; красой благородной самъ онъ гордится;
Быстро стопы его мчатъ къ кобылицамъ и паствамъ знакомымъ:
Такъ лѣпокудрый Парисъ отъ высотъ Иліонскаго замка,
Пышнымъ оружіемъ окрестъ, какъ ясное солнце, сіяя,
Шествовалъ радостно-гордый; быстро несли его ноги;
Гектора скоро настигъ онъ, когда Пріамидъ лишь оставилъ
Мѣсто, гдѣ незадолго бесѣдовалъ съ кроткой супругой.
Къ Гектору первый вѣщалъ Пріамидъ Александръ боговидный:
„Вѣрно, почтеннѣйшій братъ, твою задержалъ я поспѣшность
Долгимъ медленьемъ своимъ и къ порѣ не приспѣлъ, какъ велѣлъ ты?“
И ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ великій:
„Другъ! ни одинъ человѣкъ, душой справедливый, не можетъ
Ратныхъ дѣяній твоихъ опорочивать: воинъ ты храбрый,
Часто лишь медленъ, къ трудамъ неохотенъ; а я непрестанно
Сердцемъ терзаюсь, когда на тебя поношеніе слышу
Трои мужей, за тебя подымающихъ трудъ безпредѣльный.
Но поспѣшимъ, а разсудимся послѣ, когда намъ Кроніонъ
Дастъ въ благодарность небеснымъ богамъ, безконечно живущимъ,
Чашу свободы поставить въ обителяхъ нашихъ свободныхъ,
Послѣ изгнанья изъ Трои Ахеянъ мѣднодоспѣшныхъ“.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

	стр.
Предисловіе къ первому изданію.	III
Пѣснь I.	1
Пѣснь II.	17
Пѣснь III	40
Пѣснь IV	58
Пѣснь V.	68
Пѣснь VI.	91

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Н. Минскимъ (Н. М. Виленкинымъ).

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИЗДАНІЕ
ПОСТАВЩИКОВЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1903

Дозволено цензурою. Спб., 1 декабря 1908 г.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, В. О., 16 л., д. № 5—7.

ПѢСНЬ VII.

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОЙ ПѢСНИ.

Гекторъ и Парисъ, вышедъ изъ города, немедленно вступаютъ въ сраженіе, и Ахеянъ, съ успѣхомъ сражавшихся, преодолѣваютъ, ст. 1—16. Паллада и Аполлонъ нисходятъ на побоище и соглашаются, дабы укротить свирѣпство ратующихъ, возбудить мужество Гектора, 17—53. Гекторъ, по совѣту Гелена прорицателя, вызываетъ на единоборство храбрѣйшаго Ахейца, 54—91. Ахеянъ, колеблющихся принять вызовъ, поноситъ Менелай и готовъ самъ выйти; его удерживаетъ Агамемнонъ, 92—122. Между тѣмъ, упреки Нестора одушевляютъ Ахеянъ: возстаютъ девять героевъ, готовыхъ на единоборство съ Гекторомъ; жребій, по совѣту Нестора между ними брошенный, падаетъ на Аякса Теламонида, 123—205. Аяксъ вооружается и съ Гекторомъ сходится, 206—225; герои разговариваютъ, 226—243; сражаются копьями. Гекторъ раненъ, 244—262; камнями Гекторъ сбитъ съ ногъ, но воздвигнутъ Аполлономъ, 263—272; готовы сразиться мечами, но вѣстники обѣихъ сторонъ приходятъ разлучить ихъ, по причинѣ наступленія ночи, и герои, почтивъ другъ друга дарами, расходятся, 273—312. На общемъ пирѣ Агамемнонъ чествуетъ Аякса, какъ побѣдителя, цѣлымъ хребтомъ вола, 313—322. Между тѣмъ, Несторъ предлагаетъ совѣтъ о погребеніи убитыхъ и объ укрѣпленіи стана, 323—344. Въ собраніи у Троянъ Антеноръ убѣждаетъ, для прекращенія войны, возвратить Елену и сокровища, съ нею похищенныя; Парисъ возражаетъ, на то не соглашаясь, но возвратить сокровища желаетъ и даже умножить ихъ собственными, 345—364 Сей отвѣтъ его Пріамъ велитъ вѣстнику на другой день сообщить Ахейцамъ и при томъ просить перемирія для погребенія убитыхъ, 365—416. Послѣ сего оба народа заботятся о погребеніи своихъ мертвыхъ, которыхъ на кострѣ сожигаютъ. Кромѣ сего, Ахеяне окружаютъ корабли свои стѣною и ровомъ, 417—442. Боги удивляются дѣлу Ахеянъ, Посидонъ негодуетъ, Зевсъ

его успокаиваетъ, 443—469. Наконецъ, Ахеяне и Трояне, устроивъ вечерю, пируютъ въ продолженіе ночи, грозной ужаснымъ громомъ, которымъ Зевсъ предзнаменуетъ имъ бѣдствія, 470—482.

Такъ говорящій, пронесся вратами блистательный Гекторъ,
Съ нимъ устремился и братъ Александръ: и душой Пріамиды
Оба пылали воинствовать снова и храбро сражаться.
Словно пловцамъ, долговременно жаждущимъ, богъ посылаетъ
Вѣтеръ попутный, когда уже, множествомъ веселъ блестящихъ
Понтъ разсѣкая, устали, всѣ члены трудомъ изнуривши,—
Такъ воеводы Троянамъ, ихъ жаждущимъ, оба явились.
Начали битву: Парисъ поразилъ Арейѳоева сына,
Жителя Арны Менесѳія, коего палиценосный
Царь породилъ Арейѳоой съ чернооkою Филомедузой.
Гекторъ вождя Эіонея острою пикой ударилъ
Въ выю, подъ кругъ крѣпкомѣднаго шлема и крѣпость разрушилъ
Главкъ, Гипполохова отрасль, Ликійскихъ мужей воевода,
Дексія, сына Ифиноя, въ бурномъ сраженіи пикой
Въ рамо пронзилъ, кобылицъ на него напускавшаго быстрыхъ;
Въ прахъ съ колесницы онъ палъ, и его сокрушилися члены.
Ихъ лишь увидѣла свѣтлая взоромъ Аѳина богиня,
Такъ истребляющихъ воиновъ Аргоса въ битвѣ жестокой,
Вдругъ отъ Олимпа высокаго, бросившись, бурно помчалась
Къ Троѣ священной; навстрѣчу богинѣ, узрѣвъ отъ Пергама,
Фебъ Аполлонъ устремился: Троянамъ желалъ онъ побѣды.
Ввстрѣчу спѣшащіе боги сошлися у древняго дуба;
Первый къ богинѣ воззвалъ дальномечущій Фебъ сребролукій:
„Что ты, волненія полная, дочь всемогущаго Зевса,
Сходишь съ Олимпа? Къ чему ты стремима симъ пламеннымъ духомъ?
Или склонить Аргивянамъ невѣрную брани побѣду
Хочешь? Троянъ погибающихъ ты никогда не жалѣешь?
Но пріими ты совѣтъ мой и то благотворнѣе будетъ:
Нынѣшній день прекратимъ мы войну и убійство народовъ;
Послѣ да ратуютъ снова, доколѣ священнаго града,
Трои, конца не увидятъ, когда уже столько пріятно
Вашему сердцу, богини великія, градъ сей разрушить“.
Быстро воззвала къ нему свѣтлоокая дочь Эгіоха:
„Такъ, Дальновержецъ, да будетъ; съ подобною думою въ сердцѣ
Я низошла отъ Олимпа, къ сраженью Троянъ и Ахеянъ.

Но возвѣсти, прекратить ратоборство ихъ какъ ты намѣренъ?"
Снова богинѣ отвѣтствовалъ царь Аполлонъ сребролукій:
„Гектора мы, укротителя коней, отважность возвысимъ.
Пусть Пріамидъ вызываетъ храбрѣйшихъ героевъ Данайскихъ
Выйти одинъ на одинъ и сразиться рѣшительной битвой;
Симъ оскорбленные мѣднопоножные мужи Данаи
Сами возбудятъ бойца одноборствовать съ Гекторомъ славнымъ".
Такъ говорилъ,—и склонилася дочь свѣтлоокая Зевса.
Сынъ Пріамовъ, Геленъ прорицатель, почувствовалъ духомъ
Оный совѣтъ, обоимъ божествамъ совѣщавшимъ пріятный,
Къ Гектору брату предсталъ и такъ говорилъ воеводѣ:
„Гекторъ, пастырь народа, совѣтами равный Кроніду!
Будешь ли мнѣ ты послушенъ, усердносовѣтному брату?
Дай повелѣніе сѣсть и Троянамъ, и всѣмъ Аргивянамъ,
Самъ же межъ воинствъ на бой вызывай, да храбрѣйшій Данаецъ
Выйдетъ одинъ на тебя и сразится рѣшительнымъ боемъ.
Нынѣ тебѣ не судьба умереть и предѣла достигнуть;
Слышалъ я голосъ такой небожителей вѣчноживущихъ".
Такъ произнесъ,—и восхитился Гекторъ услышанной рѣчью;
Вышелъ одинъ на средину и, взявши копье по срединѣ,
Спнулъ фаланги Троянскія; всѣ, успокоясь, возсѣли.
Царь Агамемнонъ равно удержалъ мѣднобронныхъ Данаевъ.
Тою порой Аѳина Паллада и Фебъ сребролукій,
Оба вознесшися, словно какъ ястребы, хищныя птицы,
Сѣли на дубѣ высокомъ отца молнепоснаго Зевса,
Ратями вмѣстѣ любуясь: ряды ихъ сидѣли густые,
Грозно щиты и шеломы и острыя пики вздымая.
Словно какъ Зефиръ порывистый по морю зыбь разливаетъ,
Если онъ вдругъ подымается: море чернѣетъ подъ нею,—
Ратей ряды таковы и Троянъ, и безстрашныхъ Данаевъ
Въ полѣ сидѣли, и Гекторъ вѣщалъ, между ратями стоя:
„Трои сыны и Ахеяне храбрые, слухъ преклоните;
Я вамъ повѣдаю, что мнѣ велитъ благородное сердце!
Нашихъ условій высокоцарящій Кронидъ не исполнилъ,
Но, бѣды совѣщающій, намъ обоюдно готовитъ
Битвы, покуда иль вы крѣпкобашенный градъ нашъ возьмете,
Или падете отъ насъ при своихъ корабляхъ мореходныхъ.
Здѣсь, о Ахеяне, съ вами храбрѣйшіе ваши герои;
Тотъ, у котораго сердце со мною сразиться пылаетъ,
Пусть изойдетъ и съ божественнымъ Гекторомъ станетъ на битву;
Такъ говорю я, и Зевсъ уговора свидѣтель намъ будетъ.
Если противникъ меня поразитъ сокрушительной мѣдью,

Снявъ онъ оружія, пусть отнесетъ къ кораблямъ мореходнымъ,
Тѣло же пусть возвратитъ, чтобъ Трояне меня и Троянки,
Честь воздавая послѣднюю, въ домѣ огню пріобщили.
Если же я поражу, и меня Луконосецъ прославитъ,—
Взявши доспѣхи его, внесу въ Иліонъ ихъ священный
И повѣшу во храмѣ метателя стрѣлъ Аполлона,
Тѣло жъ назадъ возвращу къ кораблямъ обоюдувесельнымъ.
Пусть похоронятъ его кудреглавые мужи Ахейцы
И на брегу Геллеспонта широкаго холмъ да насыплютъ.
Нѣкогда, видя его, кто-нибудь и отъ позднихъ потомковъ
Скажетъ, плывя въ кораблѣ многовесломъ по черному понту:
„Вотъ ратоборца могила, умершаго въ древніе вѣки:
Въ браняхъ его знаменитаго свергнулъ божественный Гекторъ!“
Такъ нерожденные скажутъ, и слава моя не погибнетъ“.
Рекъ,—и молчанье глубокое всѣ Аргивяне хранили:
Вызовъ стыдились отвергнуть, равно и принять ужасались.
Вдругъ возсталъ Менелай и вѣщалъ между сонма Ахеянъ,
Всѣхъ упрекая жестоко и горестно сердцемъ стеная:
„Горе мнѣ! о самохвалы! Ахеянки вы,—не Ахейцы!
Срамъ для Ахейскимъ мужей изъ ужасныхъ ужаснѣйшій будетъ,
Если отъ нихъ ни одинъ не посмѣетъ на Гектора выйти:
Но погибнете всѣ вы, разсыпьтесь водою и прахомъ,
Вы, сидящіе здѣсь, какъ народъ безъ души и безъ чести!
Я ополчуся и выйду на Гектора! знаю, что свыше
Жребій побѣды находится въ волѣ боговъ всемогущихъ“.
Такъ говоря, покрывался поспѣшно оружіемъ пышнымъ;
И тогда, Менелай, ты разстался бы съ сладкою жизнью
Въ мощныхъ рукахъ Пріамида, далеко сильнѣйшаго мужа,
Если бъ тебя удержать не воздвиглись цари и герои.
Самъ повелитель мужей, Агамемнонъ пространнодержавный,
За руку брата схватилъ, называлъ и вѣщалъ, убѣждая:
„Ты изступленъ, Менелай благородный! такое безуміство
Вовсе тебя недостойно; смири огорченное сердце;
Въ ревности гордой съ сильнѣйшимъ тебя не дерзай состязаться,
Съ Гекторомъ, сыномъ Пріама: его и другіе трепещутъ!
Съ нимъ и Пелидъ быстроногій на славныхъ мужамъ ратоборствахъ
Съ страхомъ встрѣчается, воинъ, тебя несравненно храбрѣйшій!
Сядь при дружинѣ своей, успокойся, питомецъ Зевеса;
Мы отъ Ахеянъ ему одноборца другого возбудимъ;
Сколь онъ ни будетъ безстрашенъ и боя кроваваго жаденъ,
Съ радостью, вѣрно, колѣна преклонитъ, когда лишь безвреденъ
Выйдетъ изъ пламенной битвы и страшнаго единоборства!“

Такъ говорящій герой отвратилъ помышленіе брата,
Правду ему говоря; покорился Атридъ, и клевреты
Весело съ плечъ Менелая оружія свѣтлыя сняли.
Несторъ отъ сонма Ахеянъ возсталъ и вѣщалъ имъ печальный:
„Боги! великая скорбь на Ахейскую землю приходитъ!
Истинно горько восплачетъ Пелей, сѣдой конеборецъ,
Славный мужей Мирмидонскихъ витія и мудрый совѣтникъ.
Онъ восхищался, когда, вопрошая меня въ своемъ домѣ,
Каждаго порознь Ахейца развѣдывалъ родъ и потомство;
Нынѣ жъ, когда онъ услышитъ, что всѣхъ ужасаетъ ихъ Гекторъ,
Вѣрно, не разъ къ небожителямъ руки простретъ, да скорѣе
Духъ сокрушенный его погрузится въ обитель Аида!
Если бы нынѣ, о Зевсъ, Аполлонъ и Паллада Аѳина,
Молодъ я былъ, какъ въ тѣ годы, когда у гремучаго брега
Билася рать Пиліянъ и Аркадянъ, копейщиковъ славныхъ,
Около Фейскихъ твердынь, недалеко отъ струй Іордана,
Въ воинствѣ ихъ впереди Эревѳаліонъ, богу подобный,
Первый стоялъ, ополченный оружіемъ Арейѳоя,
Славнаго Арейѳоя, прозваніемъ палиценосца,
Даннымъ ему отъ мужей и отъ женъ, опоясаньемъ красныхъ:
Мощный, не лукомъ тугимъ, не копьемъ длиннотѣннымъ сражался,
Онъ булавою желѣзной ряды разрывалъ сопротивныхъ.
Онаго храбрый Ликургъ одолѣлъ, но не силой—коварствомъ,
Въ тѣсномъ проходѣ; не могъ онъ себя булавой и желѣзной
Спасть отъ смерти: Ликургъ, на дорогѣ его упредивши,
Въ чрево копьемъ поразилъ и объ долъ онъ ударился тыломъ.
Снялъ побѣдитель оружія, даръ душегубца Арея,
Послѣ и самъ ихъ носилъ, выходя на Ареевы споры.
Но, когда обезсилѣлъ герой, состарѣвшійся въ домѣ,
Отдалъ тяжелый доспѣхъ Эревѳальону, ратному другу.
Сими доспѣхами гордый, выкликивалъ всѣхъ онъ храбрѣйшихъ;
Всѣ трепетали, страшились, никто не отважился выйти.
Вспыхнуло сердце во мнѣ, на свою уповая отвагу,
Съ гордымъ сразиться, хотя между сверстниковъ былъ я и младшій.
Съ нимъ я сразился,—и мнѣ торжество даровала Аѳина!
Большаго всѣхъ и сильнѣйшаго всѣхъ я убилъ человѣка!
Въ прахѣ лежалъ онъ, огромный, сюда и туда распростертый.
Если бы такъ я былъ младъ и не чувствовалъ немощи въ силахъ,
Скоро противника встрѣтилъ бы шлемомъ сверкающій Гекторъ!
Въ вашемъ же воинствѣ сколько ни есть храбрѣйшихъ Данаевъ,
Сердцемъ никто не пылаетъ противникомъ Гектору выйти!“
Такъ ихъ старецъ стыдилъ,—и мгновенно воспрянули девять.

Первый воздвигся Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ;
Послѣ воспрянулъ Тидидъ Діомедъ, воеватель могучій,
Оба Аякса вожди, облеченные бурною силой;
Дерзостный Идоменей и его совоинственникъ грозный,
Вождь Меріонъ, человѣковъ губителя равный, Арею;
Послѣ герой Эврипилъ, блистательный сынъ Эвемона;
Вслѣдъ Андремонидъ Ѳоасъ и за нимъ Одиссей знаменитый.
Столько возстало ихъ, жаждущихъ съ Гекторомъ славнымъ сразиться.
Слово опять обратилъ къ нимъ Несторъ, конникъ Геренскій:
„Жребіи бросимъ, друзья, и котораго жребій назначитъ,
Тотъ несомнѣнно, я вѣрю, возрадуетъ души Ахеянъ
И не менѣе радостенъ будетъ и самъ, коль спасенный
Выйдетъ изъ пламенной битвы и страшнаго единоборства".
Такъ произнесъ онъ,—и каждый, намѣтивши собственный жребій,
Врозилъ въ мѣдный шеломъ Агамемнона, сына Атрея.
Рати молились и длани къ безсмертнымъ горѣ воздѣвали;
Такъ не одинъ говорилъ, на пространное небо взирая:
„Даруй, о Зевсъ! да падетъ на Аякса, или Діомеда,
Иль на царя самого многозлатой Микены, Атрида".
Такъ говорили, а Несторъ шеломъ сотрясалъ предъ собраньемъ.
Вылетѣлъ жребій изъ шлема, Данаями всѣми желанный,
Жребій Аякса; и вѣстникъ, понесши кругомъ по собранью,
Всѣмъ, отъ десной стороны, показалъ воеводамъ Ахейскимъ:
Знака никто не призналъ, отрекался отъ жребія каждый.
Вѣстникъ предсталъ и къ тому, по собранію окрестъ носящій,
Кто и означилъ и въ шлемъ положилъ; Теламонидъ великій
Въ вѣстнику руку простеръ, и вѣстникъ, приближася, подалъ;
Жребій увидѣвши, знакъ свой узналъ и въ восторгѣ сердечномъ
На землю бросилъ его и къ Ахеямъ вскричалъ Теламонидъ:
„Жребій, Ахеяне, мой! веселюся и самъ я сердечно!
Такъ надъ божественнымъ Гекторомъ льщусь одержать я побѣду.
Други, пока я въ рядахъ боевые доспѣхи надѣну,
Вы молитеся Зевсу, могущему Кронову сыну,
Между собою, безмолвно, да васъ не услышатъ Трояне.
Или молитеся громко: мы никого не страшимся!
Кто бъ ни желалъ, противъ воли меня не подвигнетъ онъ съ поля
Силой, ни ратнымъ искусствомъ; и я не невѣждой, надѣюсь,
Самъ у отца моего въ Саламинѣ рожденъ и воспитанъ!"
Такъ говорилъ, а Данаи молили могущаго Зевса.
Такъ не одинъ возглашалъ, на пространное небо взирая:
„Зевсъ, отецъ, обладающій съ Иды, преславный, великій,
Дай ты Аяксу обрѣсть и побѣду, и свѣтлую славу!

Если жъ и Гектора любишь, когда и объ немъ помышляешь,—
Равныя имъ обоимъ и могущество даруй, и славу!“
Такъ говорили. Аяксъ покрывался блистательной мѣдью
И, какъ скоро одѣялся весь въ боевые доспѣхи,
Началъ впередъ выступать, какъ Арей выступаетъ огромный,
Если онъ шествуетъ къ брани народовъ, которыхъ Кроніонъ
Духомъ вражды сердце-гложущей свелъ на кровавую битву;
Вышелъ таковъ Теламонидъ огромный, твердыня Данаевъ,
Грозный, лицомъ осклабляясь; и звучными сильный стопами
Шелъ, широко выступая, копьемъ длиннотѣннымъ колебля.
Всѣ Аргивяне, смотря на него, восхищалися духомъ;
Трепетъ невольный объялъ у Троянина каждаго члены;
Даже у Гектора сердце въ могучей груди задрожало;
Но ни врага избѣжать, ни въ толпы ополченій укрыться
Не было болѣ возможности: самъ на сраженіе вызвалъ.
Быстро Аяксъ подходилъ, предъ собою несущій, какъ башню,
Мѣдяный щитъ семикожный, который художникъ составилъ,
Тихій, усмарь знаменитѣйшій, въ Гилѣ обителью жившій;
Онъ сей щитъ сотворилъ легкодвижимый, семь сочетавши
Кожъ изъ тучнѣйшихъ воловъ и восьмую изъ мѣди поверхность.
Щитъ сей неся передъ грудью, Аяксъ Теламонидъ могучій
Сталъ противъ Гектора близко и голосомъ грознымъ воскликнулъ:
„Гекторъ, теперь ты узнаешь, одинъ на одинъ подвизаясь,
Въ рати Ахейской земли каковы и другіе герои
Есть, безъ Пелида, фалангъ разрывателя, съ львиной душою!
Онъ у своихъ кораблей, при дружинахъ своихъ Мирмидонскихъ,
Празденъ лежитъ, на царя Агамемнона злобу питая,
Насъ же, Ахеянъ, которые выйти съ тобою готовы;
Много такихъ! Начинай, Пріамидъ, поединокъ и битву!“
Но ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ великій:
„Сынъ Теламоновъ, Аяксъ благородный, властитель народа,
Тщетно меня ты, какъ будто ребенка, испытывать хочешь,
Или какъ дѣву, которая дѣлъ ратоборныхъ не знаетъ.
Знаю довольно я брань и кровавое мужеубійство!
Щитъ мой умѣю направо, умѣю налѣво метать я,—
Жесткую тяжесть,—и съ нею могу неусталый сражаться;
Пѣшій, умѣю ходить я подъ грозные звуки Арея;
Конный, умѣю, скача, съ кобылицъ быстроногихъ сражаться.
Но не хочу нападать на такого, какъ ты, ратоборца,
Скрытно высматривая, но открыто, когда лишь умѣчу“.
Рекъ онъ и, мощно сотрясши, повергъ длиннотѣнную пику
И поразилъ Теламонида въ выпуклый щитъ семикожный,

Въ яркую полосу мѣди, что сверху восьмая лежала:
Шесть въ немъ полосъ пробѣжала, разсѣкши, бурная пика,
Въ кожѣ седьмой увязла. Тогда Теламонидъ великій,
Мощный Аяксъ, размахнувши, послалъ длиннотѣнную пику
И вогналъ Пріамиду оружіе въ щитъ круговидный:
Щитъ свѣтозарный насквозь пролетѣла могучая пика,
Броню насквозь, украшеньемъ изящную, быстро пронзила
И на чревѣ, подъ ребрами, самый хитонъ растерзала,
Бурная. Гекторъ отпрянулъ и гибели черной избѣгнулъ.
Оба исторгли вновь длиннотѣнныя копья и разомъ
Сшиблися вновь, какъ свирѣпые львы, пожиратели крови,
Или какъ звѣри лѣсовъ, нелегко одолимые вепри.
Гекторъ копьемъ въ средину щита Теламонида грянулъ,
Но щита не прорвалъ: на мѣди изогнулося жало.
Въ щитъ, налетѣвши, ударилъ Аяксъ и насквозь совершенно
Вышло копье, напиравшаго Гектора вспять отразило,
Вскользь пробѣжало по выѣ—и черная кровь заструилась.
Боя герой не прервалъ, шлемоблещущій, пламенный Гекторъ,
Но, назадъ онъ подавшися, камень рукою могучей
Сорвалъ, средь поля лежавшій, черный, жестокій, огромный,
Махомъ повергъ, и Аяксовъ блистательный щитъ семикожный
Глыбой въ средину ударилъ; взревѣла вся мѣдь щитовая.
Быстро Аяксъ подхватилъ несравненно огромнѣйшій камень,
Ринулъ его, размахавъ, и, напрягши безмѣрную силу,
Въ щитъ угодилъ и насквозь проломилъ его камнемъ жерновымъ,
Ранилъ колѣна врагу. На хребетъ опрокинулся Гекторъ,
Сверху натиснутъ щитомъ; но незапно воздвигъ Пріамида
Фебъ; и тогда рукопашно мечами бъ они изрубились,
Если бъ къ героямъ глашатаи, вѣстники бога и смертныхъ,
Вдругъ не предстали—одинъ отъ Троянъ, а другой отъ Ахеянъ,
Вѣстникъ Идей и Талфибій, мужи разумные оба.
Между героями скиптры они протянули, и рекъ имъ
Вѣстникъ Троянскій, Идей, исполненный мудрыхъ совѣтовъ:
„Кончите, дѣти любезныя, кончите брань и сраженье.
Оба равно вы любезны гонителю облаковъ Зевсу,
Оба храбрѣйшіе воины: въ томъ убѣдилися всѣ мы.
Но приближается ночь; покориться и ночи пріятно“.
Быстро къ нему обратясь, отвѣчалъ Теламонидъ великій:
„Вѣстникъ, что ты произнесъ, повели произнесть Пріамиду;
Онъ вызывалъ на сраженіе нашихъ храбрѣйшихъ героевъ,
Онъ и начни: покориться готовъ я, коль онъ пожелаетъ“.
И ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ великій:

„Такъ, Теламонидъ, тебѣ и великость, и силу, и разумъ
Богъ даровалъ; межъ Ахеями ты копьеборецъ славнѣйшій.
Кончимъ на нынѣшній день и борьбу, и сраженіе наше;
Послѣ сойдемся и будемъ сражаться, пока уже Демонъ
Насъ не разлучитъ, изъ двухъ одному даровавши побѣду.
Нынѣ приблизилась ночь; покориться и ночи пріятно.
Шествуй—и предъ кораблями всѣхъ Аргивянъ ты обрадуй,
Болѣе жъ друговъ любезныхъ и ближнихъ, какихъ ты имѣешь;
Я же, въ Пріамовомъ градѣ великомъ обрадую, въ Троѣ,
Сердце Троянъ и длинныя ризы влачащихъ Троянокъ,
Кои молиться о мнѣ соберутся въ божественномъ храмѣ.
Сынъ Теламоновъ! почтимъ мы другъ друга дарами па память.
Нѣкогда пусть говорятъ и Троады сыны, и Геллады:
Бились герои, пылая враждой, пожирающей сердце,
Но разлучились они, примиренные дружбой взаимной“.
Гекторъ, слово окончивши, мечъ подаетъ сребротвоздный
Вмѣстѣ съ ножнами его и красивымъ ремнемъ перевѣснымъ;
Сынъ Теламона вручаетъ блистающій пурпуромъ поясъ,
Такъ разлучася, герои—одинъ къ ополченьямъ Ахейскимъ
Шествовалъ, къ сонмамъ Троянскимъ другой поспѣшалъ, и Трояне,
Радуясь сердцемъ, смотрѣли, что шествуетъ здравъ и безвредепъ
Гекторъ, Аяксовой силы и рукъ необорныхъ избѣгшій;
Въ градъ повели Пріамида не ждавшіе видѣть живого.
Такъ и Аякса красивопоножные мужи Данаи
Къ сыну Атрея вели, восхищеннаго славой побѣды.
Имъ собравшимся въ кущахъ владыки народовъ Атрида,
Ради пришедшихъ, тельца пятилѣтняго царь Агамемнонъ,
Тучнаго, жертвой закладъ всемогущему Зевсу Крониду.
Быстро его одираютъ, трудятся, всего разсѣкаютъ,
Рубятъ искусно на мелкія части, пронзаютъ рожнами,
Жарятъ на нихъ осторожно и, все уготовивъ, снимаютъ.
Скоро окончился трудъ, и немедленно пиръ уготованъ.
Всѣ пировали; никто не нуждался на пиршествѣ общемъ;
Но Аякса героя особо хребтомъ безконечнымъ
Самъ Агамемнонъ почтилъ, повелитель Ахеянъ державный,
И когда питіемъ и пищею гладъ утолили,
Старецъ въ собраніи первый слагать размышленія началъ,
Несторъ, который и прежде блисталъ превосходствомъ совѣтовъ;
Онъ, благомыслепный, такъ говорилъ и совѣтовалъ въ сонмѣ:
„Царь Агамемнонъ и вы, воеводы народовъ Данайскихъ!
Много уже на бояхъ полегло кудреглавыхъ Данаевъ,
Коихъ черную кровь по брегамъ пышноструйнаго Ксанфа

Бурный Арей разліялъ, и въ Аидъ погрузились ихъ души.
Должно съ зарею, Атридъ, прекратить ратоборство Данаевъ.
Мы же, поднявшися дружно, свеземъ съ побоища трупы
Въ станъ на волахъ и на мескахъ и всѣ совокупно сожжемъ ихъ,
Одаль судовъ мореходныхъ: да кости отцовскія дѣтямъ
Каждый въ домъ понесетъ, возвращаяся въ землю родную.
Послѣ, на мѣстѣ сожженья, собравшись, насыплемъ могилу,
Общую всѣмъ на долинѣ, а подлѣ построимъ не медля
Стѣну и башни высокія, намъ и судамъ оборону.
Въ оныхъ устроимъ ворота и крѣпко сплоченныя створы,
Путь бы чрезъ оныя былъ колесницамъ и конямъ просторный,
Подлѣ стѣны той, снаружи, ровъ ископаемъ глубокій;
Пусть онъ, идущій кругомъ, воспящаетъ и конныхъ, и пѣшихъ,
Чтобъ когда-либо рать не нагрянула гордыхъ Пергамлянъ".
Такъ говорилъ онъ; совѣтъ одобряя, цари восклицали.
Мужи Троянскіе также совѣтъ, на вершинѣ Пергама,
Смутный и шумный держали, предъ домомъ Пріама владыки.
Первый на немъ Антеноръ совѣщать благомысленный началъ:
„Трои сыны, и Дарданцы, и вы, о союзники наши!
Слухъ преклоните, скажу я, что въ персяхъ мнѣ сердце внушаетъ:
Нынѣ рѣшимся: Елену Аргивскую вмѣстѣ съ богатствомъ
Выдадимъ сильнымъ Атридамъ; нарушивши клятвы святыя,
Мы вѣроломно воюемъ, зато и добра никакого
Намъ, я увѣренъ, не выйдетъ, пока не исполнимъ: какъ рекъ я".
Такъ произнесши, возсѣлъ Антеноръ; и возсталъ между ними
Богу подобный Парисъ, супругъ лѣпокудрой Елены;
Онъ Антенору въ отвѣтъ устремляетъ крылатыя рѣчи:
„Ты, Антеноръ, говоришь неугодное мнѣ совершенно!
Могъ ты совѣтъ и другой, благотворнѣйшій всѣмъ намъ, примыслить!
Если же то, что сказалъ, произнесъ ты отъ чистаго сердца,
Разумъ твой, безъ сомнѣнія, боги похитили сами!
Я межъ Троянъ, укротителей коней, повѣдаю мысли
И скажу я имъ прямо: Елены не выдамъ, супруги!
Что до сокровищъ, которыя въ домъ я изъ Аргоса вывезъ,
Всѣ соглашаюся выдать и собственныхъ къ онымъ прибавить".
Такъ произнесъ и возсѣлъ Пріамидъ; и возсталъ между ними
Древній Пріамъ Дарданидъ, совѣтникъ, равный безсмертнымъ.
Онъ, благомыслія полный, совѣтовалъ такъ на соборѣ:
„Трои сыны и Дарданцы, и вы, о союзники наши!
Слухъ преклоните, скажу я, что въ персяхъ мнѣ сердце внушаетъ:
Нынѣ вы, дѣти мои, вечеряйте во градѣ, какъ прежде;
Помните стражу ночную и бодрствуйте каждый на стражѣ.

Завтра же вѣстникъ Идей да пойдетъ къ кораблямъ мореходнымъ,
Мощнымъ Атрея сынамъ, Агамемнону и Менелаю,
Думу повѣдать Париса, отъ коего распря возстала.
Онъ и сію имъ измолвитъ разумную рѣчь: не хотятъ ли
Мало почить отъ погибельной брани, доколѣ убитыхъ
Трупы сожжемъ; и заратуемъ снова, пока уже Демонъ
Насъ не разлучитъ, однимъ иль другимъ даровавши побѣду".
Такъ говорилъ,—и, внимательно слушая, всѣ покорились.
Рати Троянскія вмѣстѣ, толпа близъ толпы, вечеряли
Рано утромъ Идей отошелъ къ кораблямъ мореходнымъ
И обрѣлъ ужъ на сонмѣ Данаевъ, клевретовъ Арея,
Подлѣ кормы корабельной царя Агамемнона. Вѣстникъ
Сталъ посреди воеводъ и вѣщалъ имъ голосомъ звучнымъ:
„Царь Агамемнонъ и вы, предводители ратей Ахейскихъ!
Царь мнѣ Пріамъ повелѣлъ и другіе сановники Трои
Думу повѣдать, когда то желательно вамъ и пріятно,
Сына его Александра, отъ коего распря возстала:
Тѣ изъ сокровищъ, которыя онъ въ корабляхъ многомѣстныхъ
Въ Трою изъ Аргоса вывезъ (о лучше бъ онъ прежде погибнулъ!),
Хочетъ всѣ возвратить и собственныхъ къ онымъ прибавить;
Но супругу младую Атрида царя, Менелая,
Выдать Парисъ отрекается, какъ ни склоняли Трояне.
Слово еще и сіе повелѣли сказать: не хотите ль
Вы опочить отъ погибельной брани, доколѣ убитыхъ
Трупы сожжемъ; и заратуемъ снова, пока уже Демонъ
Насъ не разлучитъ, однимъ иль другимъ даровавши побѣду".
Рекъ—и молчанье глубокое всѣ Аргивяне хранили.
Но межъ нихъ взговорилъ Діомедъ, воеватель могучій:
„Нѣтъ, да никто между насъ не пріемлетъ сокровищъ Париса,
Даже Елены! Понятно уже и тому, кто безсмысленъ,
Что надъ градомъ Троянскимъ грянуть готова погибель!"
Такъ произнесъ,—и воскликнули окрестъ Ахейскіе мужи,
Всѣ удивляясь рѣчамъ Діомеда, смирителя коней.
И тогда ко Идею вѣщалъ Агамемнонъ державный:
„Слышишь ты самъ, провозвѣстникъ Троянскій, рѣчи Ахеянъ!
Такъ отвѣчаютъ Ахеяне, такъ я и самъ помышляю.
Что до сожженія мертвыхъ, нисколько тому не противлюсь,
Долгъ—ничего не щадить для окончившихъ дни человѣковъ,
И умершихъ немедленно должно огнемъ успокоить.
Зевсъ да услышитъ обѣтъ мой, Геры супругъ громоносный!"
Такъ произнесъ и горѣ небожителямъ поднялъ онъ скипетръ;
И обратно Идей отошелъ къ Иліону святому.

Тою порою сидѣли на сонмѣ Трояне, Дардане,
Всѣ совокупно: они ожидали, когда возвратится
Вѣстникъ почтенный. Идей возвратился и, ставъ посреди ихъ,
Вѣсть произнесъ; и, поднявшись, Трояне готовились быстро,—
Тѣ привозить мертвецовъ, а другіе—древа изъ дубравы.
Сонмы Ахеянъ равно отъ судовъ многовеслыхъ спѣшили,—
Тѣ привозить мертвецовъ, а другіе—древа изъ дубравы.
Солнце лучами новыми чуть поразило долины,
Выйдя изъ тихотекущихъ глубокихъ зыбей океана
Въ путь свой небесный, какъ оба народа встрѣтились въ полѣ.
Трудно имъ было узнать на побоищѣ каждаго мужа:
Только водой омывая покрытыхъ и кровью, и прахомъ,
Клали тѣла на возы, проливая горючія слезы;
Громко рыдать Пріамъ запрещалъ имъ. Трояне безмолвно
Мертвыхъ своихъ на костеръ полагали, печальные сердцемъ,
И, предавъ ихъ огню, возвращалися къ Троѣ священной.
Такъ и съ другой стороны мѣднолатные мужи Ахейцы
Мертвыхъ своихъ на костеръ полагали, печальные сердцемъ,
И, предавъ ихъ огню, возвращались къ судамъ мореходнымъ.
Не было утро еще, но сѣдѣли ужъ сумраки ночи,
И на трудъ поднялися Ахеянъ отборные мужи.
Тамъ, гдѣ тѣла сожигали, насыпали дружно могилу,
Общую всѣмъ на долинѣ; близъ оной воздвигнули стѣну,
Башни высокія, воинству ихъ и судамъ оборону;
Въ нихъ сотворили ворота и крѣпко сплоченныя створы,
Путь бы чрезъ оныя былъ колесницамъ и конямъ просторный.
Подлѣ стѣны той, снаружи, ровъ ископали великій,
Всюду широкій, глубокій, и колья по немъ водрузили.
Такъ подвизалися тамъ кудреглавые мужи Ахейцы.
Боги межъ тѣмъ, возсѣдя у Кронида, метателя молній,
Всѣ изумлялися, видя великое дѣло Ахеянъ.
Въ сонмѣ ихъ началъ вѣщать Посидаонъ, земли колебатель:
„Зевсъ громовержецъ, какой человѣкъ на землѣ безпредѣльной
Нынѣ богамъ исповѣдаетъ волю свою или помыслъ?
Или не видишь ты, въ ночь кудреглавые мужи Ахейцы
Создали стѣну своимъ кораблямъ и предъ нею глубокій
Вывели ровъ, а безсмертнымъ отъ нихъ возданы ль гекатомбы?
Слава о ней распрострется, гдѣ только денница сіяетъ;
Но забудутъ объ оной, которую я съ Аполлономъ
Около града царю Лаомедону создалъ, томяся!“
Гнѣвно вздохнувъ, отвѣчалъ Посидаону Зевсъ тучеводецъ:
„Богъ многомощный, землею колеблющій, что ты вѣщаешь!

Пусть отъ безсмертныхъ другой устрашается замысловъ равныхъ,
Кто предъ тобою далеко слабѣе и силой, и духомъ!
Слава твоя распрострется, гдѣ только денница сіяетъ.
Вѣрь и дерзай; и когда кудреглавые мужи Ахейцы
Въ быстрыхъ судахъ понесутся къ любезнымъ отечества землямъ,
Стѣну сломи ихъ и, всю съ основанія въ море обрушивъ,
Изнова берегъ великій покрой ты песками морскими,
Да и слѣдъ потребится огромной стѣны сей Ахейской".
Такъ взаимно безсмертные между собою вѣщали.
Солнце зашло, и свершилось великое дѣло Ахеянъ.
Въ кущахъ они закалали тельцовъ, вечерять собирались
Тою порой корабли, нагруженные винами Лемна,
Многіе къ брегу пристали: Эвней Язонидъ послалъ ихъ,
Сынъ Иписипилы, рожденный съ Язономъ, владыкой народа.
Двумъ Атрейонамъ, царю Агамемнону и Менелаю,
Тысячу мѣръ, какъ подарокъ, напитка прислалъ Язоніонъ.
Прочіе мужи Ахейскіе мѣной вино покупали:
Тѣ за звенящую мѣдь, за сѣдое желѣзо мѣняли,
Тѣ за воловыя кожи или за воловъ круторогихъ,
Тѣ за своихъ полоненныхъ. И пиръ уготовленъ веселый.
Цѣлую ночь кудреглавые мужи Ахейцы по стану
Вкругъ пировали, а Трои сыны и союзники—въ градѣ.
Цѣлую ночь имъ бѣды совѣщалъ Олимпійскій провидецъ,
Грозно гремящій,—и страхъ находилъ на пирующихъ блѣдный:
Мужи вино проливали изъ кубковъ; не смѣлъ ни единый
Пить, не возливъ напередъ всемогущему Кронову сыну.
Всѣ наконецъ возлегли и дарами сна насладились.

ПѢСНЬ VIII.

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЬМОЙ ПѢСНИ.

Зевсъ, собравши всѣхъ боговъ, запрещаетъ имъ, подъ жестокою карою, пособлять воюющимъ народамъ и предлагаетъ богамъ испытать, если они желаютъ, могущество его, посредствомъ золотой цѣпи, спустивъ ее съ неба. Кончивъ угрозы благоволительной рѣчью къ Палладѣ, онъ въ колесницѣ удаляется на Иду, ст. 1—52. Оттуда смотритъ на битву, которая съ обѣихъ сторонъ продолжается съ равнымъ успѣхомъ до полудня; но въ сіе время онъ, взвѣсивъ на вѣсахъ роковые жребіи обоихъ народовъ, бросаетъ молнію, знаменуя пораженіе Ахеянъ; храбрѣйшіе изъ нихъ предаются бѣгству, 53—79. Несторъ, у котораго одинъ изъ коней раненъ, остается и подвергаетъ опасности свою жизнь при приближеніи Гектора, 80—90. Діомедъ призываетъ, но напрасно, Одиссея, защищать старца; наконецъ самъ принимаетъ его въ свою колесницу и, напавъ на Гектора, убиваетъ возницу его, 91—129. Трояне вновь поколеблены; но Зевсъ перуномъ, предъ конями Діомеда поверженнымъ, принуждаетъ Нестора и Діомеда къ бѣгству, 130—157. Гекторъ злословитъ бѣгущаго; герой негодуетъ и желая опять обратиться на Гектора, удерживается новымъ громомъ Зевса, 158—171. Гекторъ возбуждаетъ Троянъ напасть на корабли Ахейскіе; обращаетъ рѣчь къ конямъ своимъ, убѣждая ихъ догнать Діомеда, котораго убити онъ похваляется, 172—198. Гера негодуетъ и преклоняетъ Посидона, но безполезно, возстать за Ахеянъ. По ея внушенію, Агамемнонъ воинство Ахеянъ, уже за стѣну отраженныхъ, одушевляетъ громкими упреками и моленіемъ къ Зевсу, который ниспосылаетъ ему орла, въ счастливое знаменіе, 199—250. Ахеяне съ новымъ жаромъ обращаются на Троянъ, и Діомедъ—первый; молодой Тевкръ, стоя подъ щитомъ Аякса, многихъ поражаетъ стрѣлами, 251—277; нѣсколько разъ мѣтитъ въ Гектора, но тщетно, и скоро самъ пораженъ отъ него камнемъ, 278—334. Трояне, снова Зевсомъ одушевленные, обращаютъ въ бѣгство Ахеянъ; ихъ преслѣдуетъ Гекторъ, побѣдою гордый, 335—349.

Гера и Паллада негодуютъ на неправосудіе Зевса и, рѣшась помогать Ахеянамъ, устремляются въ колесницѣ; но Зевсъ, узрѣвъ ихъ съ Иды, посылаетъ Ирису съ угрозами и съ повелѣніемъ удержать ихъ, 350—437; самъ, возвратясь на Олимпъ, жестоко укоряетъ непокорныхъ богинь и угрожаетъ, что завтра онъ еще большее пораженіе нанесетъ Ахеянамъ, 438—484. Съ наступленіемъ ночи прерванъ бой. Гекторъ, на самомъ мѣстѣ боя, предложивъ распорядительные совѣты Троянамъ, тамъ же, недалеко отъ кораблей, располагается на ночь станомъ; Трояне, по совѣту его, учреждаютъ стражу и, зажегши въ станѣ множество огней, которые поэтъ сравниваетъ со звѣздами, кругомъ ихъ проводятъ всю ночь въ гордыхъ мечтаніяхъ, 485—565.

Въ ризѣ златистой заря простиралась надъ всею землею,
Какъ боговъ на соборъ призвалъ молнелюбецъ Кроніонъ
И, на высшей главѣ многохолмнаго сидя Олимпа,
Самъ онъ вѣщалъ, а безсмертные окрестъ безмолвно внимали.
„Слушайте слово мое, и боги небесъ, и богини:
Я вамъ повѣдаю, что мнѣ въ персяхъ сердце внушаетъ;
И никто отъ богинь, и никто отъ боговъ да не мыслитъ
Слово мое ниспровергнуть; покорные всѣ совокупно
Мнѣ споспѣшайте, да я безпрепятственно дѣло исполню!
Кто жъ изъ безсмертныхъ мятежно захочетъ, и я то узнаю,
Съ неба сойти, пособлять Иліонянамъ или Данаямъ,
Тотъ, пораженный позорно, страдать на Олимпъ возвратится,
Или восхищу его и низвергну я въ сумрачный Тартаръ,
Въ пропасть далекую, гдѣ подъ землей глубочайшая бездна:
Гдѣ и мѣдяный помостъ и ворота желѣзныя, Тартаръ,
Столько далекій отъ ада, какъ свѣтлое небо отъ дола!
Тамъ онъ почувствуетъ, сколько могучѣе всѣхъ я безсмертныхъ!
Или дерзайте, извѣдайте, боги, да всѣ убѣдитесь:
Цѣпь золотую теперь же спустивъ отъ высокаго неба,
Всѣ до послѣдняго бога и всѣ до послѣдней богини
Свѣсьтесь по ней, но совлечь не возможете съ неба на землю
Зевса, строителя вышняго, сколько бы вы ни трудились!
Если же я, разсудивши за благо, повлечь возжелаю,—
Съ самой землею и съ самымъ моремъ ее повлеку я
И моею десницею окрестъ вершины Олимпа
Цѣпь привяжу,—и вселанная вся на высокихъ повиснетъ:
Столько превыше боговъ и столько превыше я смертныхъ!“
Такъ онъ вѣщалъ,—и молчанье глубокое боги хранили,
Всѣ пораженные рѣчью: ужасно грозенъ вѣщалъ онъ.

Но наконецъ свѣтлоокая такъ возгласила Аѳина:
„О всемогущій отецъ нашъ, Кроніонъ, верховный владыка!
Вѣдаемъ мы совершенно, что сила твоя необорна,
Но милосердуемъ мы объ Ахеянахъ доблестныхъ вояхъ,
Кои, судьбу ихъ жестокую скоро исполнивъ, погибнутъ.
Всѣ мы, однако, отъ брани воздержимся, если велишь ты;
Мы лишь совѣты внушимъ Аргивянамъ, да храбрые мужи
Въ Троѣ погибнутъ не всѣ подъ твоимъ сокрушительнымъ гнѣвомъ".
Ей, улыбаясь, отвѣтствовалъ тучегонитель Кроніонъ:
„Бодрствуй, Тритонія, милая дочь! не съ намѣреньемъ въ сердцѣ
Я говорю, и съ тобою милостивъ быть я желаю".
Такъ произнесъ онъ и впрягъ въ колесницу коней мѣдноногихъ,
Бурно летающихъ, гривы волнующихъ вкругъ золотыя;
Золотомъ самъ онъ одѣлся, въ руку художествомъ дивный
Бичъ захватилъ золотой и на блещущей сталъ колесницѣ,
Коней погналъ,—и послушные быстро они полетѣли,
Между землею паря и звѣздами усѣяннымъ небомъ.
Онъ устремилъ ихъ на Иду, звѣрей многоводную матерь,
Къ Гаргару холму, гдѣ роща его и алтарь благовонный.
Тамъ коней удержалъ повелитель безсмертныхъ и смертныхъ
И, отъ ярма отрѣшивъ, окружилъ ихъ мракомъ великимъ,
Самъ на вершинѣ Идейской возсѣлъ, величаяся славой,
Градъ созерцая Троянъ и суда мѣдноброннихъ Данаевъ.
Тою порой укрѣпилися снѣдью Ахейскіе мужи
Быстро по кущамъ и въ битву оружіемъ всѣ покрывались.
Трои сыны на другой сторонѣ ополчались по граду.
Въ меньшемъ числѣ, но и такъ готовые крѣпко сражаться,
Нуждой влекомые кровной, сражаться за женъ и дѣтей ихъ.
Всѣ растворились ворота, изъ оныхъ зарѣяли рати
Конныя, пѣшія; шумъ между толпъ ихъ воздвигся ужасный.
Рати, на мѣсто одно устремляяся, быстро сошлися;
Разомъ сразилися кожи, сразилися копья и силы
Воиновъ, мѣдью одѣянныхъ; выпукло-бляшные разомъ
Сшиблись щиты со щитами; громъ поднялся ужасный.
Вмѣстѣ смѣшались побѣдные крики и смертные стоны
Воевъ губящихъ и гибнущихъ; кровью земля заструилась.
Долго, какъ длилося утро и день возрасталъ свѣтоносный,
Стрѣлы и тѣхъ и другихъ поражали—и падали вои.
Но, лишь сіяющій Геліосъ сталъ на срединѣ небесной,
Зевсъ распростеръ, промыслитель, вѣсы золотые; на нихъ онъ
Бросилъ два жребія Смерти, въ сонъ погружающей долгій:
Жребій Троянъ конеборныхъ и мѣдооружныхъ Данаевъ;

Взялъ по средипѣ и поднялъ: Данайскихъ сыновъ преклонился
День роковой, Данайскихъ сыновъ до земли многоплодной
Жребій спустился, Троянъ же до звѣзднаго неба вознесся.
Страшно грянулъ отъ Иды Кронидъ и перунъ по лазури
Пламенный бросилъ въ Ахейскія рати; Ахейцы, увидя,
Всѣ изумились, покрылися лица ихъ ужасомъ блѣднымъ.
Идоменей оставаться не смѣлъ, ни Атридъ Агамемнонъ,
Ни Аяксы вожди не остались, клевреты Арея.
Несторъ одинъ средь побоища, стражъ Аргивянъ, оставался
Волей недоброю: конь пострадалъ, пораженный стрѣлою.
Ранилъ его Александръ, супругъ лѣпокудрой Елены,
Въ голову, въ самое темя, гдѣ первые волосы коней
Идутъ отъ черепа къ выѣ: опасное мѣсто; отъ боли
Конь заскакалъ на дыбы: пернатая въ мозгъ погрузилась.
Коней смутилъ и другихъ онъ, крутяся вкругъ пагубной мѣди.
Тою порою, какъ старецъ, къ коню пораженному бросясь,
Припряжь отсѣчь напрягается, Гектора быстрые кони
Скачутъ сквозь волны бѣгущихъ, отважнаго мча властелина,
Гектора! Тутъ бы старецъ жизнь погубилъ неизбѣжно,
Если бъ его не узрѣлъ Діомедъ, воеватель могучій.
Страшно воскликнулъ герой, призывая царя Одиссея:
„Сынъ благородный Лаерта, герой Одиссей многоумный!
Что ты бѣжишь, обращая хребетъ, какъ въ толпѣ малодушный?
Пику тебѣ, берегися, вонзятъ бѣгущему въ плечи.
Стань, Одиссей, отразимъ мы отъ старца свирѣпаго мужа“.
Рекъ: не услышалъ его Одиссей, благородный страдалецъ,
Мимо промчался, бѣжа къ кораблямъ многомѣстнымъ Ахейскимъ.
Но Діомедъ, и одинъ оставаясь, впередъ устремился,
Сталъ передъ конскимъ ярмомъ Геренскаго старца Нелида
И къ нему взговорилъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Старецъ, жестоко тебя ратоборцы младые стѣсняютъ!
Сила оставила, старость тебя удручила лихая;
Немощенъ твой и возница, и кони твои не проворны.
Шествуй ко мнѣ, взойди на мою колесницу; увидишь,
Троса кони каковы, несказанно искусные въ полѣ
Быстро летать и туда, и сюда, и въ погонѣ, и въ бѣгствѣ.
Я ихъ вчера у Энея отбилъ, разносителя бѣгства,
Ввѣрь ты своихъ попеченью сподвижниковъ, сихъ же съ тобою
Мы устремимъ на Троянъ конеборныхъ, да нынѣ и Гекторъ
Узритъ, въ рукѣ и моей способна ль свирѣпствовать пика!“
Такъ произнесъ; не преслушался Несторъ, конникъ Геренскій;
Старца принявъ кобылицъ, озаботились ими клевреты,

Сильные двое, Сѳенелъ съ Эвримедономъ славолюбивымъ.
Сами вожди совокупно вошли въ колесницу Тидида;
Несторъ немедленно въ руки пріялъ блестящія вожжи,
Коней стегнулъ, и предъ Гекторомъ быстро они очутились.
Въ Гектора, прямо летящаго, дротъ Діомедъ устремляетъ
И въ него не попалъ, но его браздодержца-клеврета,
Сына Ѳебея почтеннаго, смѣлаго Эніопея,
Коней броздами гонящаго, въ грудь поражаетъ у сердца:
Въ прахъ съ колесницы онъ палъ, и отпрянули въ сторону кони
Бурные; тамъ сокрушилась его и душа, и могучесть.
Гектору сердце стѣснила жестокая скорбь о возницѣ,
Но его наконецъ, не взирая на жалость о другѣ,
Бросилъ и смѣлаго окрестъ возницы искалъ, и не долго
Кони нуждались въ правителѣ; скоро достойный явился:
Архептолемъ, Ифитидъ безстрашный; ему онъ на коней
Быстрыхъ взойти повелѣлъ и бразды къ управленію ввѣрилъ.
Сѣча была бъ, совершилось бы невозвратимое дѣло,
Въ градѣ своемъ заключилось бы, словно какъ овцы, Трояне;
Но увидѣлъ то быстро Отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ.
Онъ, загремѣвши ужасно, перунъ сребропламенный бросилъ
И на землю его, предъ конями Тидида, повергнулъ:
Страшнымъ планенемъ вверхъ воспаленная пыхнула сѣра;
Кони отъ ужаса, прянувъ назадъ, подъ ярмомъ задрожали;
Пышныя коней бразды убѣжали изъ старцевыхъ дланей.
Съ сердцемъ трепещущимъ онъ провѣщалъ къ Діомеду герою:
„Другъ Діомедъ, оборачивай къ бѣгству коней быстроногихъ.
Или не чувствуешь ты, не тебѣ отъ Кронида побѣда!
Нынѣ его на бою громомечущій Зевсъ прославляетъ,
Гектора; послѣ, быть можетъ, когда возжелаетъ, даруетъ
Славу и намъ. Человѣкъ не преложитъ совѣтовъ Зевеса,
Сколько бы ни былъ онъ силенъ: могучѣе онъ, громовержецъ!“
Но ему отвѣчалъ Діомедъ, знаменитый воитель:
„Все справедливо и все ты разумно, старецъ, вѣщаешь,
Но болѣзнь мнѣ жестокая сердце и душу проходитъ!
Гекторъ нѣкогда скажетъ, предъ сонмомъ Троянъ велерѣча:
Вождь Діомедъ отъ меня къ кораблямъ убѣжалъ, устрашенный.
Скажетъ хвалясь, и тогда разступися, земля, подо мною!“
Вновь Діомеду отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:
„Сынъ бранноносца Тидея, безтрепетный, что ты вѣщаешь?
Если бы Гекторъ тебя и робкимъ назвалъ, и безсильнымъ,
Вѣры ему не дадутъ ни Дардане, ни граждане Трои;
Вѣры ему не дадутъ и супруги Троянъ щитоносцевъ,

Коихъ супруговъ цвѣтущихъ толпы распростеръ ты по праху".
Такъ говоря, обратилъ онъ на бѣгство коней звуконогихъ
Рати бѣгущей въ толпу, и на нихъ и Трояне, и Гекторъ,
Страшные крики поднявъ, задождили свистящія стрѣлы.
Голосомъ звучнымъ кричалъ ему вслѣдъ шлемоблещущій Гекторъ:
„О Діомедъ! передъ всѣми тебя почитали Данаи
Мѣстомъ, и брашномъ, и полными кубками въ пиршествахъ общихъ;
Впредь не почтутъ: при всѣхъ ихъ женщиной ты оказался!
Сгибни, презрѣнная дѣва! скорѣй, чѣмъ меня отразивши,
На стѣны наши взойдешь, или нашихъ супругъ похищенныхъ
Въ плѣнъ повлечешь ты, скорѣе тебя я къ демону свергну!"
Такъ восклицалъ, а Тидидъ волновался въ сомнительныхъ думахъ:
Вспять обратить ли коней и сразиться ли противоставши?
Трижды на думу сію и умомъ онъ, и сердцемъ рѣшался;
Трижды съ Идейскаго Гаргара грозно гремѣлъ промыслитель
Зевсъ, возвѣщая Троянамъ побѣду сомнительной битвы.
Гекторъ же снова Троянъ возбуждалъ, восклицающій звучно:
„Трои сыны и Ликійцы, и вы, рукопашцы Дарданцы!
Будьте мужами, о други, помните бурную доблесть!
Чувствую, мнѣ благосклонный Кронидъ знаменаетъ симъ громомъ
Въ брани побѣду и славу, Ахейцамъ же срамъ и погибель!
Мужи безумцы, они въ оборону примыслили стѣны,
Слабыя, храбрымъ презрѣнныя, силамъ моимъ не преграда!
Кони же наши легко чрезъ ископанный ровъ пѣрепрянутъ.
Но, когда я приближусь къ Аргивскимъ судамъ мореходнымъ,
Помните! други, съ огнемъ вы пылающимъ будьте готовы.
Пламенемъ я истреблю ихъ суда и самихъ предъ судами
Всѣхъ изобью Аргивянъ, удушаемыхъ дымомъ пожарнымъ!"
Такъ произнесши, къ конямъ обратился и къ нимъ говорилъ онъ:
„Ксанѳъ и Подаргъ, и божественный Лампъ, и могучій мой Эѳонъ!
Нынѣ, о кони, вы мнѣ заплатите за кормъ свой роскошный.
Часто моя Андромаха, почтенная дочь Гетіона,
Первымъ вамъ предлагала пшеницу пріятную въ пищу,
Вамъ растворяла вино къ питію, до желанія сердца,
Прежде меня, для нея драгоцѣннаго мужа младого!
Мчитеся жъ, кони, летите; настигнемъ враговъ и похитимъ
Несторовъ щитъ, о которомъ слава до неба восходитъ,
Будто изъ золота весь онъ—и кругъ и его рукояти;
И съ раменъ Діомеда, смирителя коней, добудемъ
Пышныя, дивныя латы, Гефеста безсмертнаго дѣло!
Если похитимъ мы ихъ, несомнѣнно увѣренъ, Ахейцы

Въ эту же ночь на суда быстролетныя бросятся къ бѣгству!“
Такъ возносясь, восклицалъ онъ; прогнѣвалась мощная Гера,
Восколебалась на тронѣ, и дрогнулъ Олимпъ многохолмный.
Быстро вѣщала она къ Посидону, великому богу:
„Богъ многомощный, колеблющій землю! ужели нисколько
Сердце твое не страдаетъ о гибнущихъ храбрыхъ Данаяхъ!
Тѣхъ, что и въ Эгѣ тебѣ, и въ Геликѣ столько пріятныхъ
Жертвъ и даровъ посвящаютъ? споспѣшествуй имъ ты въ побѣдѣ!
Если бъ и всѣ, Аргивянъ покровители, мы возжелали,
Трои сыновъ отразивъ, обуздать громоноснаго Зевса,
Скоро бы онъ сокрушился, сидя одинокій на Идѣ!“
Ей, негодуя, отвѣтствовалъ мощный земли колебатель:
„О дерзословная Гера! какія ты рѣчи вѣщаешь?
Нѣтъ, не желаю отнюдь, чтобы кто-либо смѣлъ отъ безсмертныхъ
Съ Зевсомъ Кронидомъ сражаться: могуществомъ всѣхъ онъ превыше!“
Такъ на Олимпѣ безсмертные между собою вѣщали.
Тою порой отъ судовъ, между рвовъ и стѣною, пространство
Все наполнено было и коней и воевъ толпами
Страшно тѣснимыхъ Данаевъ: какъ бурный Арей, утѣснялъ ихъ
Гекторъ могучій, когда даровалъ ему славу Кроніонъ.
Онъ истребилъ бы свирѣпымъ огнемъ и суда ихъ у моря,
Если бы Гера царю Агамемнону въ мысль не вложила
Быстро народъ возбудить, хоть и самъ онъ объ ономъ же пекся.
Онъ устремился, стопы ускоривъ, до судовъ и до кущей,
Мощной рукою держа великій свой плащъ пурпуровый.
Сталъ Агамемнонъ на черный, огромный корабль Одиссея,
Бывшій въ срединѣ, да голосъ его обоюдно услышатъ,
Въ кущахъ конечныхъ Аякса и въ кущахъ царя Ахиллеса,
Кои на самыхъ концахъ съ многовеслыми ихъ кораблями
Стали, надежные оба на силу ихъ рукъ и на храбрость.
Тамъ, поразительнымъ голосомъ, онъ вопіялъ къ Аргивянамъ:
„Стыдъ, Аргивяне! отродье презрѣнное, дивное видомъ!
Гдѣ похвальбы, какъ храбрѣйшими сами себя величали,
Тѣ, что на Лемнѣ, тщеславные, громко вы произносили?
Тамъ на пирахъ, поѣдая рогатыхъ воловъ неисчетныхъ,
Чаши до дна выпивая, виномъ черезъ край налитыя,
На сто, на двѣсти Троянъ, говорили вы, каждый изъ нашихъ
Станетъ смѣло на бой, а теперь одного мы не стоимъ
Гектора! Онъ къ кораблямъ приближается съ пламенемъ бурнымъ!
Зевсъ Олимпійскій, кого на землѣ отъ царей многомощныхъ
Равной ты карой каралъ и толикой лишалъ его славы?

Я же, о Зевсъ, миновалъ ли когда твой алтарь велелѣпный,
Въ черномъ моемъ кораблѣ сюда на несчастіе плывшій?
Нѣтъ, на всѣхъ возжигалъ я тельчіе туки и бедра,
Сердцемъ пылая разрушить высокотвердынную Трою.
Нынѣ, о Зевсъ, хоть одно для меня ты исполни желанье!
Дай хотя намъ ты самимъ отъ враговъ избѣжать и спастися;
Здѣсь не предай на погибель сынамъ Иліона Ахеянъ!“
Рекъ; умилился Отецъ надъ царемъ, проливающимъ слезы,
Знаменье далъ, да спасется Аргивскій народъ, не погибнетъ:
Быстро орла ниспослалъ, между вѣщихъ вѣрнѣйшую птицу.
Мчащій въ когтяхъ онъ еленя, рожденіе быстрыя лани,
Близъ алтаря велелѣпнаго Зевсова бросилъ еленя,
Гдѣ племена Аргивянъ поклонялись всевѣщему Зевсу.
Чуть усмотрѣли они, что отъ Зевса явилася птица,
Жарче на рати Троянскія бросились, вспыхнули боемъ.
Но не успѣлъ ни одинъ, сколь ни много Данаевъ тутъ было,
Славиться прежде Тидида, что, бурный, коней устремивши,
Выгналъ за ровъ, на противныхъ ударилъ и смѣло сразился.
Первый изъ всѣхъ онъ Троянскаго мужа, доспѣшника, свергнулъ,
Фрадмона вѣтвь, Агелая; тогда, какъ Троянецъ на бѣгство
Коней ворочалъ, ему обращенному острую пику
Онъ между плечъ углубилъ и сквозь перси кровавую выгналъ:
Палъ съ колесницы онъ въ прахъ, и взгремѣли на падшемъ доспѣхи.
Послѣ Тидида, Атриды цари устремилися оба;
Вслѣдъ ихъ Аяксы вожди, облеченные бурною силой;
Идоменей Девкалидъ и его сподвижникъ ужасный,
Вождь Меріонъ, Эніалію равный, губителю смертныхъ;
Послѣ герой Эврипилъ, препрославленный сынъ Эвемона.
Тевкръ же, девятымъ исшедъ, наляцатель жестокаго лука,
Сталъ подъ великимъ щитомъ Теламонова сына Аякса.
Часто Аяксъ отсторанивалъ щитъ, а стрѣлецъ знаменитый,
Вкругъ осмотрѣвши и мѣтко стрѣльнувши въ толпу сопротивныхъ,
Ранилъ кого-либо; раненый, павъ, разставался съ душою;
Тевкръ же бросался назадъ и, какъ къ матери сынъ, приникалъ онъ
Къ брату Аяксу, и сильный щитомъ покрывалъ его свѣтлымъ.
Кто жъ межъ Троянами первый сраженъ Теламонидомъ Тевкромъ?
Первый Орсилохъ, за нимъ Офелестъ и воинственный Орменъ,
Деторъ и Хромій и мужъ Ликофонтъ, небожителю равный,
Гамопаонъ, Поліемоновъ сынъ, и могучій Меланиппъ:
Сихъ, одного за другимъ, положилъ онъ на тучную землю.
Тевкра увидѣвъ, восхитился духомъ Атридъ Агамемнонъ,

Какъ онъ изъ крѣпкаго лука Троянъ истребляетъ фаланги;
Быстро приближился, сталъ и къ нему, восхищенный, воскликнулъ:
„Тевкръ, удалая глава! предводитель мужей Теломанидъ!
Такъ поражай и успѣешь, и свѣтомъ Ахейцамъ ты будешь,
Славой отцу Теламону: тебя возлелѣялъ онъ съ дѣтства
И, побочнаго сына, воспитывалъ въ собственномъ домѣ:
Старца, хотя и далекаго, славой возвысь благородной!
Я же тебѣ говорю и исполнено слово то будетъ:
Ежели даруютъ мнѣ громовержущій Зевсъ и Аѳина
Градъ разорить, устроеніемъ пышную Трою Пріама,
Первому послѣ меня тебѣ вручу я награду:
Или треножникъ сіяющій, или коней съ колесницей,
Или младую жену, да съ тобою восходитъ на ложе“.
Рекъ онъ,—и быстро Атриду отвѣтствовалъ Тевкръ непорочный:
„Сынъ знаменитый Атреевъ, почто, какъ и самъ я стараюсь,
Ты побуждаешь меня? Ни на мигъ я, доколѣ есть сила,
Празденъ не буду; съ тѣхъ поръ, какъ Троянъ отразили мы къ граду,
Съ тѣхъ уже поръ я стрѣлами, враговъ принимая, сражаю:
Восемь уже я послалъ изощреннѣйшихъ стрѣлъ долгожалыхъ;
Восемь вонзились онѣ въ благороднѣйшихъ юношей ратныхъ;
Только сего не дается свирѣпаго пса мнѣ умѣтить!“
Такъ произнесъ и пернатою новой изъ лука онъ прыснулъ,
Въ Гектора мѣтя: его поразить разгоралось въ немъ сердце,
И въ него не попалъ, но невиннаго Горгиѳіона,
Храбраго сына Пріамова, въ грудь поразилъ онъ стрѣлою,
Сына, который рожденъ отъ жены, изъ Эзимы поятой,
Кастіаниры прекрасной, видомъ богинѣ подобной.
Словно какъ макъ въ цвѣтникѣ наклоняетъ голову на бокъ,
Пышный, плодомъ отягченный и крупною влагой весенней,—
Такъ онъ голову на бокъ склонилъ, отягченную шлемомъ.
Тевкръ же пернатою новой изъ лука могучаго прыснулъ,
Въ Гектора мѣтя: его поразить распылалось въ немъ сердце,
И не умѣтилъ опять: Аполлонъ отразилъ роковую;
Архептолема она, Пріамидова друга-возницу,
Пламенно въ бой устремлявшагось, острая, въ грудь поразила:
Въ прахъ съ колесницы онъ палъ и отпрянули въ сторону кони
Бурные; тамъ сокрушилась его и душа, и могучесть.
Тяжкая грусть по возницѣ у Гектора сердце стѣснила,
Но оставилъ его, не взирая на жалость о другѣ;
Брату герой повелѣлъ, Кебріону, стоящему близко,
Конскія вожжи принять, и немедленно тотъ покорился.

Гекторъ же самъ съ колесницы сіяющей прянулъ на землю
Съ крикомъ ужаснымъ и, камень рукою восхитивъ огромный,
Ринулся прямо на Тевкра, убить стрѣловержца пылая.
Тою порой изъ колчана пернатую горькую вынувъ,
Тевкръ приложилъ къ тетивѣ,—и его шлемоблещущій Гекторъ,
Лукъ наляцавшаго крѣпкій, по раму, гдѣ ключъ отдѣляетъ
Выю отъ персей и гдѣ особливо опасное мѣсто,
Тамъ, на себя устремленнаго, камнемъ ударилъ жестокимъ,
Жилу разсѣкъ у стрѣльца; онѣмѣла рука возлѣ кисти,
Онъ на колѣно поникнулъ, и лукъ изъ руки его выпалъ.
Сынъ Теламоновъ, Аякъ, не оставилъ падшаго брата,
Быстро примчась, заступилъ и щитомъ заградилъ кругловиднымъ.
Тою порой, подъ него преклоняся, усердные други,—
Ехіевъ сынъ, Мекистей, и младой благородный Аласторъ,
Къ чернымъ его кораблямъ понесли, стенящаго тяжко.
Снова храбрость Троянъ Олимпіецъ Кроніонъ возвысилъ:
Прямо къ глубокому рву Трояне погнали Ахеянъ;
Гекторъ впередъ между первыми несся, могучестью гордый.
Словно какъ песъ быстрорыщущій льва или дикаго вепря,
Слѣдомъ гоня и на рѣзвыя ноги надѣяся, ловитъ
То за бока, то за бедра и всѣ стережетъ изгороты,—
Такъ шлемоблещущій Гекторъ Данаевъ гналъ, непрестанно
Мужа послѣдняго пикой сражая: бѣжали Данаи.
Но, когда перешли частоколъ и окопъ свой глубокій,
Въ смутѣ бѣжа и отъ рукъ уже вражескихъ многіе пали,
Подлѣ судовъ удержались отъ бѣгства Ахейскіе мужи.
Тамъ, ободряя другъ друга и руки горѣ воздѣвая,
Всѣхъ Олимпійскихъ боговъ умоляли мольбой громогласной.
Гекторъ же грозный носился кругомъ на коняхъ пышногривыхъ,
Взоромъ подобный Горгонѣ и людоубійцѣ Арею.
Тамъ ихъ увидѣвъ, исполнилась жалости Гера богиня
И мгновенно къ Палладѣ крылатую рѣчь устремила:
„Дщерь громовержца Кронида, Паллада! ужели Данаямъ,
Гибнущимъ горестно, мы хоть въ послѣдній разъ не поможемъ?
Вѣрно, жестокій свой жребій они совершатъ и погибнутъ
Всѣ подъ рукой одного; нестерпимо надъ ними свирѣпство
Гектора, сына Пріамова: сколько онъ зла имъ содѣлалъ!“
Ей отвѣчала немедленно дочь громовержца Аѳина:
„И давно бы ужъ онъ и свирѣпство, и душу извергнулъ,
Здѣсь, на родимой землѣ, сокрушенный руками Данаевъ,
Если бъ отецъ мой, Кронидъ, не свирѣпствовалъ мрачной душою.
Лютый, всегда неправдивый, моихъ предпріятій рушитель,

Онъ никогда не воспомнитъ, что нѣсколько разъ я спасала
Сына его, Эврисѳеемъ томимаго въ подвигахъ тяжкихъ.
Тамъ онъ вопилъ къ небесамъ, и меня отъ высокаго неба
Сыну его помогать ниспослалъ Олимпіецъ Кроніонъ.
Если бъ я прежде умомъ проницательнымъ то предузнала,
Въ дни, какъ его Эривсѳей посылалъ во Аидъ крѣпковратный
Пса увести изъ Эрева, отъ страшнаго бога Аида,
Онъ не избѣгнулъ бы гибельныхъ водъ глубокаго Стикса.
Нынѣ меня ненавидитъ и волю Ѳетиды свершаетъ:
Ноги лобзала ему и касалась брады Нереида,
Слезно моля, да прославитъ онъ ей градоборца Пелида.
Будетъ, когда онъ опять назоветъ и Аѳину любезной!
Гера, не медли, впряги въ колесницу коней звуконогихъ;
Я, между тѣмъ, поспѣшаю въ чертоги отца Эгіоха:
Тамъ я оружіемъ грознымъ на бой ополчусь и увижу,
Намъ Пріамидъ сей надменный, шеломомъ сверкающій Гекторъ,
Будетъ ли радъ, какъ мы явимся обѣ на битвенномъ полѣ?
О! не одинъ и Троянецъ насытитъ и псовъ, и пернатыхъ
Тѣломъ и тукомъ своимъ, распростряся предъ судами Ахеянъ!“
Такъ изрекла; преклонилась лилейнораменная Гера;
Бросясь и быстро носясь, снаряжала коней златосбруйныхъ
Гера богиня, старѣйшая отрасль великаго Крона.
Тою порой Аѳина въ чертогѣ отца Эгіоха
Тонкій покровъ разрѣшила, струей на помостъ онъ скатился,
Пышноузорный, который сама, сотворивъ, украшала;
Вмѣсто его облачася броней громоноснаго Зевса,
Браннымъ доспѣхомъ она ополчалася къ брани плачевной;
Такъ въ колесницѣ пламенной ставъ, копіемъ ополчилась
Тяжкимъ, огромнымъ, могучимъ, которымъ ряды сокрушаетъ
Сильныхъ, на коихъ разгнѣвана дщерь всемогущаго бога.
Гера не медля съ бичомъ налегла на коней быстролетныхъ.
Съ громомъ врата имъ небесныя сами разверзлись, при Горахъ,
Стражѣ которыхъ Олимпъ и великое ввѣрено небо,
Чтобы облакъ густой разверзть, иль сомкнуть передъ ними.
Онымъ путемъ чрезъ сіи врата подстрекаемыхъ коней
Гнали богини. Отъ Иды узрѣвъ ихъ, исполнился гнѣва
Зевсъ,—и Ирису къ нимъ устремилъ златокрылую съ вѣстью:
„Мчися, Ириса крылатая, вспять возврати ихъ, не дай имъ
Дальше стремиться; или не къ добру мы сойдемся во брани!
Такъ я, реки имъ, вѣщаю и такъ непреложно исполню:
Конямъ я ноги сломлю подъ блестящею ихъ колесницей;
Ихъ съ колесницы сражу и въ прахъ сокрушу колесницу!

И ни въ десять онѣ совершившихся лѣтъ круговратныхъ
Язвъ не излѣчатъ глубокихъ, какія мой громъ нанесетъ имъ.
Будетъ помнить Аѳина, когда на отца ополчалась!
Но противъ Геры не столько я злобенъ, не столько я гнѣвенъ:
Гера обыкнула все разрушать мнѣ, что я ни замыслю!“
Рекъ онъ,—и бросилась вѣстница, равная вихрямъ Ириса,
Прямо съ Идейскихъ вершинъ на великій Олимпъ устремилась,
Тамъ, при первыхъ вратахъ многохолмной горы Олимпійской
Встрѣтивъ богинь, удержала и Зевсовъ глаголъ возвѣстила:
„Что предпріемлете? что ваше сердце свирѣпствуетъ въ персяхъ?
Зевсъ воспрещаетъ Кронидъ поборать кудреглавымъ Ахейцамъ.
Такъ онъ грозилъ, громовержецъ, и такъ непреложно исполнитъ:
Сломитъ колѣна конямъ подъ златой колесницею вашей,
Васъ съ колесницы сразитъ и въ прахъ сокрушитъ колесницу.
И ни въ десять уже совершившихся лѣтъ круговратныхъ
Вы не излечите язвъ, которыя громъ нанесетъ вамъ.
Будешь, Аѳина, ты помнить, когда на отца ополчалась!
Но противъ Геры не столько онъ злобенъ, не столько онъ гнѣвенъ:
Гера обыкнула все разрушать, что Кронидъ ни замыслитъ!
Ты же, ужасная,—псица безстыдная, ежели точно
Противу Зевса дерзаешь поднять огромную пику!“
Слово скончавъ, отлетѣла, подобно вихрямъ, Ириса,
И къ Аѳинѣ тогда провѣщала державная Гера:
„Нѣтъ, свѣтлоокая дочь Эгіохова! я не желаю,
Я не позволю себѣ противъ Зевса за смертныхъ сражаться!
Пусть между ними единый живетъ, а другой погибаетъ,
Какъ предназначено; Зевсъ, совѣщаяся съ собственнымъ сердцемъ,
Самъ да присудитъ, что слѣдуетъ, Трои сынамъ и Ахейцамъ!“
Такъ произнесши, назадъ обратила коней быстроногихъ.
Горы, принесшимся имъ, пышногривыхъ коней отрѣшили,
Ихъ привязали браздами у яслей, амрозіи полныхъ,
Но колесницу богинь преклонили къ стѣнамъ кругозарнымъ.
Сами богини, притекшія вспять, между сонма безсмертныхъ
Сѣли на кресла златыя, съ печалью глубокою въ сердцѣ.
Зевсъ отъ Иды горы, въ колесницѣ красивоколесной,
Коней къ Олимпу погналъ и принесся къ собору безсмертныхъ.
Коней его отрѣшилъ Посидонъ, земли колебатель,
И колесницу, покрывъ полотномъ, на подножьѣ поставилъ.
Самъ на златомъ престолѣ пространногремящій Кроніонъ
Сѣлъ,—и великій Олимпъ задрожалъ подъ стопами владыки.
Смутны, однѣ, отъ Зевса далеко, Аѳина и Гера

Вмѣстѣ сидѣли, не смѣя начать ни вопроса, ни рѣчи.
Мыслью своею проникъ то Кроніонъ и самъ возгласилъ къ нимъ:
„Чѣмъ опечалены такъ и Аѳина, и Гера богиня?
Въ брани, мужей прославляющей, вы подвизались недолго,
Къ пагубѣ храбрыхъ Троянъ, на которыхъ пылаете злобой!
Такъ, у меня таковы необорныя силы и руки;
Боги меня не подвигнутъ, колико ни есть на Олимпѣ!
Вамъ же трепетъ объялъ и сердца, и прекрасные члены
Прежде, чѣмъ брань вы узрѣли и грозные подвиги брани.
Паки глаголю я вамъ (и глаголы бъ мои совершились):
Вы, на своей колесницѣ, моимъ пораженныя громомъ,
Вспять никогда не пришли бъ на Олимпъ, обитель безсмертныхъ!“
Такъ онъ вѣщалъ; негодуя, стенали Аѳина и Гера;
Вмѣстѣ сидѣли онѣ и Троянамъ бѣды совѣщали.
Но Аѳина смолчала, не молвила, гнѣвная, слова
Зевсу отцу, а ее волновала свирѣпая злоба.
Гера же гнѣва въ груди не сдержала, воскликнула къ Зевсу;
„Мрачный Кроніонъ! какія слова ты, жестокій, вѣщаешь?
Вѣдаемъ мы совершенно, что сила твоя необорна,
Но милосердуемъ мы объ Ахеянахъ, доблестныхъ воякъ,
Кои, судьбу ихъ жестокую скоро исполнивъ, погибнутъ!
Обѣ, однако, отъ брани воздержимся, если велишь ты;
Мы лишь совѣты внушимъ Аргивянамъ, да храбрые мужи
Въ Троѣ погибнутъ не всѣ подъ твоимъ сокрушительнымъ гнѣвомъ“.
Къ ней обратясь, возгласилъ воздымающій тучи Кроніонъ:
„Завтра съ десницею ты, волоокая, грозная Гера,
Можешь, коль хочешь, увидѣть, какъ будетъ Кронидъ многомощный
Болѣ еще истреблять ополченіе храбрыхъ Данаевъ:
Ибо отъ брани руки не спокоитъ стремительный Гекторъ
Прежде, пока при судахъ не воспрянетъ Пелидъ быстроногій
Въ день, какъ уже предъ кормами ихъ воинства будутъ сражаться,
Въ страшной столпясь тѣснотѣ, вкругъ Патроклова мертваго тѣла.
Такъ суждено! и пылающій гнѣвъ твой въ ничто я вмѣняю!
Если бы даже ты въ гнѣвѣ дошла до послѣднихъ предѣловъ
Суши и моря, туда, гдѣ Япетъ и Кронъ заточенный,
Сидя, ни вѣтромъ, ни свѣтомъ высокоходящаго солнца
Ввѣкъ насладиться не могутъ: кругомъ ихъ Тартаръ глубокій, —
Если бъ, вѣщаю тебѣ, и туда ты, скитаясь, достигла,
Гнѣвъ твой вмѣню ни во что, не взирая на всю твою наглость!“

Рекъ,—и умолкла предъ Зевсомъ лилейнораменная Гера.
Палъ между тѣмъ въ Океанъ лучезарный пламенникъ солнца,
Черную ночь навлекая на многоплодящую землю.
День сокрылся противу желаній Троянъ, но Ахейцамъ
Сладкая, всѣмъ вожделѣнная, мрачная ночь наступила.
Въ войскѣ Троянскомъ совѣтъ сотворилъ блистательный Гекторъ,
Вдаль отъ Ахейскихъ судовъ, къ рѣкѣ отошедши пучинной,
Въ чистое поле, гдѣ мѣсто отъ труповъ свободное было.
Тамъ, сошедшіе съ коней, Трояне слушали слово.
Гекторъ его говорилъ имъ великій: въ десницѣ держалъ онъ
Пику въ одиннадцать локтей; далеко на пикѣ сіяло
Мѣдное жало ея и кольцо вкругъ него золотое.
Онъ, опираясь на пику, вѣщалъ имъ крылатыя рѣчи:
„Слухъ преклоните, Трояне, Дардане и рати союзныхъ!
Я уповалъ, что въ сей день, истребивъ и суда, и Ахеянъ,
Мы, торжествуя, обратно въ святый Иліонъ возвратимся.
Прежде настигнула тьма, и единая тьма сохранила
Рать Аргивянъ и суда ихъ на берегѣ шумнаго моря.
Други, и мы покоримся настигнувшей сумрачной ночи;
Вечерю здѣсь учредимъ. Ратоборцы, коней пышногривыхъ
Всѣхъ вы отъ ярмъ отрѣшивши, задайте обильно имъ корму;
Сами скорѣе изъ града воловъ и упитанныхъ агницъ
Къ вечери въ станъ пригоните; вина животворнаго, хлѣбовъ
Намъ изъ домовъ принесите; и послѣ совлечь поспѣшайте
Множество лѣса, да цѣлую ночь, до зари свѣтоносной,
Окрестъ огни здѣсь пылаютъ и зарево къ небу восходитъ;
Ради того, чтобъ во тьмѣ кудреглавые мужи Ахейцы
Въ домъ не рѣшались бѣжать по широкимъ хребтамъ Геллеспонта,
Или дабы на суда не взошли безопасно и мирно.
Нѣтъ, пускай ни одинъ и въ отечествѣ рану врачуетъ,
Раненый острымъ копьемъ, или крылатой стрѣлою Троянской,
Скачущій въ судно Данаецъ; и пусть ужаснутся народы
Слезную брань наносить укротителямъ коней Троянамъ!
Вѣстники, Зевсу любезные, вы объявите, да въ градѣ
Бодрые отроки всѣ и отъ лѣтъ убѣленные старцы
Трою святую кругомъ стерегутъ съ богосозданныхъ башенъ,
Жены жъ, слабѣйшая силами, каждая въ собственномъ домѣ,
Яркій огонь да разводятъ, и крѣпкая стража да будетъ!
Въ градъ не ворвался бъ враждебный отрядъ при отсутствіи воинствъ.
Такъ да будетъ, какъ я говорю, бранноносцы Трояне!
Мысли, народу сегодня полезныя, сказаны мною;

Завтра другія Троянамъ, смирителямъ коней, скажу я.
Льщуся, молясь и надѣясь на Зевса и прочихъ безсмертныхъ,
Я изгоню изъ Троады неистовыхъ псовъ навожденныхъ,
Коихъ судьба лихая на черныхъ судахъ привела къ намъ.
Но во мракѣ ночномъ охранимъ и себя мы во станѣ,
Завтра же, съ свѣтомъ зари, ополчася оружіемъ браннымъ,
Мы предъ судами Ахеянъ воздвигнемъ свирѣпую жесточь.
Тамъ я увижу, меня ль Діомедъ, воеватель могучій,
Боемъ къ стѣнамъ отъ судовъ отразитъ, или я, Діомеда
Мѣдью убивъ, въ Иліонъ возвращуся съ корыстью кровавой.
Завтра предъ нами покажетъ онъ мужество, если посмѣетъ
Встрѣтить летящій мой дротъ, но, надѣюся, завтра межъ первыхъ
Будетъ пронзенный лежать, съ неисчетными окрестъ друзьями,
Онъ передъ солнцемъ всходящимъ. О! если бы столько же вѣрно
Былъ я безсмертенъ и жизнью моей никогда не старѣющъ
Славился всѣми, какъ славятся Фебъ и Паллада Аѳина,
Сколько то вѣрно, что сей день несетъ Аргивянамъ погибель!"

Такъ Пріамидъ говорилъ,—и кругомъ восклицали Трояне;
Быстрыхъ коней отрѣшали, подъ ярмами потомъ покрытыхъ,
И, предъ своей колесницею каждый, вязали браздами.
Послѣ изъ града и тучныхъ воловъ, и упитанныхъ агницъ
Къ рати поспѣшно пригнали, вина животворнаго, хлѣбовъ
Въ станъ принесли изъ домовъ, навлачили множество лѣса
И сожигали полныя въ жертву богамъ гекатомбы.
Ихъ благовоніе вѣтры съ земли до небесъ возносили
Облакомъ дыма, но боги блаженные жертвъ не пріяли,
Презрѣли ихъ: ненавистна была имъ священная Троя
И владыка Пріамъ, и народъ копьеносца Пріама.

Гордо мечтая, Трояне на поприщѣ бранномъ сидѣли
Цѣлую ночь, и огни ихъ несчетные въ полѣ пылали,
Словно какъ на небѣ звѣзды вкругъ мѣсяца яснаго сонмъ
Яркія блескомъ являются, ежели воздухъ безвѣтренъ;
Все кругомъ открывается—холмы, высокія скалы,
Доды; небесный эѳиръ разверзается весь безпредѣльный;
Видны всѣ звѣзды; и пастырь, дивуясь, душой веселится.
Столько межъ черныхъ судовъ и глубокопучиннаго Ксанѳа
Зрѣлось Троянскихъ огней, пламенѣющихъ предъ Иліономъ.
Тысяча въ полѣ пылало огней, и предъ каждымъ огнищемъ
Вкругъ пятьдесятъ ратоборцевъ сидѣло при заревѣ яркомъ.
Кони ихъ, бѣлымъ ячменемъ и сладкой питаяся полбой,
Подлѣ своихъ колесницъ ожидали зари лѣпотронной.

ПѢСНЬ IX.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ ПѢСНИ.

Ахейцы, пораженные въ битвѣ, проводятъ ночь въ страхѣ и безпокойствѣ. Агамемнонъ, отчаиваясь въ спасеніи, сзываетъ собраніе и повелѣваетъ бѣжать, ст. 1—28. Діомедъ возражаетъ и отвращаетъ его отъ безразсуднаго намѣренія, такъ же и Несторъ, 29—78, по совѣту коего учреждается стража, для охраненія стана. Агамемнонъ даетъ пиръ старѣйшинамъ; по окончаніи онаго, Несторъ совѣтуетъ умилостивить Ахиллеса, чтобы онъ присоединился къ воинству, 79—113. Агамемнонъ на сіе соглашается, обѣщаетъ Ахиллесу, если онъ съ нимъ примирится, дать знаменитые дары и возвратить Бризеиду неприкосновенною, 114—161. Несторъ избираетъ для сего пословъ: Феникса, бывшаго наставника Ахиллесова, старшаго Аякса, Одиссея и двухъ вѣстниковъ, которые и отправляются, 162—184. Послы находятъ Ахиллеса играющимъ на лирѣ, 185—195; онъ принимаетъ ихъ дружелюбно, угощаетъ трапезою, по окончаніи которой первый говоритъ Одиссей, 196—306; Ахиллесъ возражаетъ сурово и отвергаетъ все, 307—429. Второй убѣждаетъ его Феникс, разсказывая, между прочимъ, повѣсть о гнѣвѣ Мелеагра, 430—605; Ахиллесъ отвѣчаетъ гнѣвно, велитъ Фениксу остаться у него и грозится завтра отплыть съ нимъ въ отечество. Другихъ пословъ отпускаетъ, 606—623. Наконецъ говоритъ Аяксъ и краткою, но сильною рѣчью потрясаетъ душу его, 624—642. Ахиллесъ оставляетъ намѣреніе ѣхать, но съ Агамемноном не примиряется, 643—655. Аяксъ и Одиссей уходятъ и вѣстію о безуспѣшномъ посольствѣ опечаливаютъ Ахеянъ. Діомедъ ободряетъ ихъ своею рѣчью и совѣтуетъ на слѣдующее утро снова сражаться, 656—713.

Такъ охраняли Трояне свой станъ, но Ахеянъ волнуетъ
Ужасъ, свыше ниспосланный, Бѣгства дрожащаго спутникъ:
Грусть нестерпимая самыхъ отважнѣйшихъ духъ поражаетъ.
Словно два быстрые вѣтра волнуютъ понтъ многорыбный,

Шумный Борей и Зефиръ, кои, изъ Ѳракіи дуя,
Вдругъ налетаютъ, свирѣпые: вдругъ почернѣвшія зыби
Грозно холмятся и множество пороста хлещутъ изъ моря, —
Такъ раздиралися души въ груди благородныхъ Данаевъ.
Царь Агамемнонъ, печалью глубокою въ сердце пронзенный,
Окрестъ ходилъ, разсылая глашатаевъ звонкоголосыхъ
Къ сонму вождей приглашать, но по имени каждаго мужа,
Тихо, безъ клича, и самъ между первыхъ владыка трудился.
Мужи совѣта сидѣли унылые. Царь Агамемнонъ
Всталъ, проливающій слезы, какъ горный потокъ черноводный
Съ верха стремнистой скалы проливаетъ мрачныя воды.
Онъ, глубоко стенающій, такъ говорилъ межъ Данаевъ:
„Други, вожди и вдастители мудрые храбрыхъ Данаевъ,
Зевсъ громовержецъ меня уловилъ въ неизбѣжную гибель!
Пагубный! прежде обѣтомъ и знаменьемъ самъ предназначилъ
Мнѣ возвратиться рушителемъ Трои высокотвердынной;
Нынѣ же злое прельщеніе онъ совершилъ и велитъ мнѣ
Въ Аргосъ безславнымъ бѣжать, погубившему столько народа!
Такъ, безъ сомнѣнія, богу, всемощному Зевсу, угодно.
Многихъ уже онъ градовъ сокрушилъ высокія главы
И еще сокрушитъ: безпредѣльно могущество Зевса.
Други, внемлите и, что повелю я вамъ, всѣ повинуйтесь:
Должно бѣжать; возвратимся въ драгое отечество наше;
Намъ не разрушить Трои, съ широкими стогнами града!“
Такъ говорилъ,—и молчанье глубокое всѣ сохраняли;
Долго сидѣли безмолвны, унылые духомъ, Данаи.
Но межъ нихъ наконецъ взговорилъ Діомедъ благородный:
„Сынъ Атреевъ! на рѣчи твои неразумныя, первый
Я возражу, какъ въ собраньяхъ позволено; царь, не гнѣвися.
Храбрость мою порицалъ ты недавно предъ ратью Ахейской;
Робкимъ меня, невоинственнымъ ты называлъ, но довольно
Вѣдаютъ то Аргивяне—и юноша каждый, и старецъ.
Даръ лишь единый тебѣ даровалъ хитроумный Кроніонъ:
Скипетромъ власти славиться далъ онъ тебѣ передъ всѣми;
Твердости жъ не далъ, въ которой верховная власть человѣка!
О добродушный! ужели ты вѣришь, что мы, Аргивяне,
Такъ не воинственны, такъ малосильны, какъ ты называешь?
Ежели самъ ты столь пламенно жаждешь въ домъ возвратиться, —
Мчися! Дорога открыта, суда возлѣ моря готовы,
Коихъ толикое множество ты устремилъ изъ Микены.
Но другіе останутся, сильные духомъ, Данаи,
Трои пока не разрушимъ во прахъ! Но когда и другіе...

Пусть ихъ бѣгутъ съ кораблями къ любезнымъ отечества землямъ!
Я и Сѳенелъ остаемся и будемъ сражаться, доколѣ
Трои конца не найдемъ; и надѣюся, съ богомъ пришли мы!"
Такъ произнесъ,—и воскликнули окрестъ Ахейскіе мужи,
Смѣлымъ дивяся рѣчамъ Діомеда, смирителя коней.
Но, между ними возставъ, говорилъ благомысленный Нѳсторъ:
„Сынъ Тидеевъ, ты, какъ въ сраженіяхъ воинъ храбрѣйшій,
Такъ и въ совѣтахъ, изъ сверстниковъ юныхъ, совѣтникъ отличный.
Рѣчи твоей не осудитъ никто изъ присущихъ Данаевъ,
Слова противу не скажетъ, но рѣчи къ концу не довелъ ты.
Молодъ еще ты и сыномъ моимъ, безъ сомнѣнія, былъ бы
Самымъ юнѣйшимъ, однакожъ, Тидидъ, говорилъ ты разумно
Между Аргивскихъ царей! говорилъ бо ты все справедливо.
Нынѣ же я, предъ тобою гордящійся старостью жизни,
Слово скажу и окончу его, и никто изъ Ахеянъ
Рѣчи моей не осудитъ, ни самъ Агамемнонъ державный.
Тотъ беззаконенъ, безроденъ скиталецъ бездомный на свѣтѣ,
Кто междоусобную брань, человѣкамъ ужасную, любитъ!
Но покоримся теперь наступающей сумрачной ночи:
Воинство пусть вечеряетъ, а стражи пусть совокупно
Выйдутъ и станутъ кругомъ у изрытаго рва за стѣною.
Дѣло сіе возлагаю на юношей. Послѣ не медля
Ты начни, Агамемнонъ: ты, повелитель верховный,
Пиръ для старѣйшинъ устрой; и прилично тебѣ и способно:
Станъ твой полонъ вина; Аргивяне его отъ Ѳракіянъ
Каждый день къ кораблямъ по широкому понту привозятъ;
Всѣмъ къ угощенью обилуешь, властвуешь многимъ народомъ.
Собраннымъ многимъ, того ты послушайся, кто между ними
Лучшій совѣтъ присовѣтуетъ: нуженъ теперь для Ахеянъ
Добрый, разумный совѣтъ: супостаты почти предъ судами
Жгутъ огни неисчетные; кто веселится, ихъ видя?
Днешняя ночь иль погубитъ намъ воинство, или избавитъ!"
Такъ онъ вѣщалъ, и, внимательно слушавъ, они покорились.
Къ стражѣ, съ оружьемъ въ рукахъ, устремились Ахейскіе мужи:
Несторовъ сынъ, Ѳразимедъ, народа Пилосскаго пастырь;
Съ нимъ Аскалафъ и Іялменъ, сыны мужегубца Арея,
Критскій герой Меріонъ, Деипиръ, Афарей нестрашимый
И Крейона рожденіе, вождь Ликомедъ благородный.
Семь воеводъ предводили стражу, и по сту за каждымъ
Юношей стройно текли, воздымая высокія копья.
Къ мѣсту пришедъ, между рвомъ и стѣной посединѣ возсѣли;

Тамъ разложили огонь и устроивалъ вечерю каждый.
Царь Агамемнонъ старѣйшинъ Ахейскихъ собравшихся вводитъ
Въ царскую сѣнь и пиръ предлагаетъ имъ, сердцу пріятный.
Къ сладостнымъ яствамъ предложеннымъ руки герои простерли;
И, когда питаніемъ и пищею гладъ утолили,
Старецъ межъ оными первый слагать помышленія началъ,
Несторъ, который и прежде блисталъ превосходствомъ совѣтовъ;
Онъ, благомысленный, такъ говорилъ и совѣтовалъ въ сонмѣ:
„Славою свѣтлый Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ!
Слово начну я съ тебя и окончу тобою: могучій
Многихъ народовъ ты царь, и тебѣ вручилъ Олимпіецъ
Скиптръ и законы, да судъ и совѣтъ произносишь народу.
Болѣе всѣхъ ты обязанъ и сказывать слово, и слушать,
Мысль исполнять и другого, если кто, сердцемъ внушенный,
Доброе скажетъ, но—что предпочесть, отъ тебя то зависитъ.
Нынѣ я вамъ повѣдаю, что мнѣ является лучшимъ,
Думы другой, превосходнѣе сей, никто не примыслитъ,
Въ сердцѣ какую ношу я, съ давней поры и донынѣ,
Съ онаго дня, какъ ты, о божественный, Бризову дочерь
Силой изъ кущи исторгъ у пылавшаго гнѣвомъ Пелида,
Нашимъ не внявъ убѣжденіямъ. Сколько тебя, Агамемнонъ,
Я отговаривалъ, но, увлекаяся духомъ высокимъ,
Мужа храбрѣйшаго въ рати, котораго чествуютъ боги,
Ты обезчестилъ, награды лишивъ. Но хоть нынѣ, могучій,
Вмѣстѣ подумаемъ, какъ бы его умолить намъ, смягчивши
Лестными сердцу дарами и дружеской ласковой рѣчью“.
Быстро ему отвѣчалъ повелитель мужей Агамемнонъ:
„Старецъ, не ложно мои погрѣшенія ты обличаешь.
Такъ, погрѣшилъ, не могу отрекаться я! Стоитъ народа
Смертный единый, котораго Зевсъ отъ сердца возлюбитъ:
Такъ онъ сего, возлюбивъ, превознесъ, а Данаевъ унизилъ.
Но, какъ уже погрѣшилъ, обуявшаго сердца послушавъ,
Самъ я загладить хочу и несмѣтныя выдать награды.
Здѣсь, передъ вами, дары знаменитые всѣ я исчислю:
Десять талантовъ золота, двадцать лаханей блестящихъ,
Семь треножниковъ новыхъ, не бывшихъ въ огнѣ, и двѣнадцать
Коней могучихъ, побѣдныхъ, стяжавшихъ награды ристаній.
Истинно жилъ бы не бѣденъ и въ златѣ высоко цѣнимомъ
Тотъ не нуждался бы мужъ, у котораго было бы столько,
Сколько наградъ для меня быстроногіе вынесли кони!
Семь непорочныхъ женъ, рукодѣльницъ искусныхъ, дарую,
Лесбосскихъ, коихъ тогда, какъ разрушилъ онъ Лесбосъ цвѣтущій,

Самъ я избралъ, красотой побѣждающихъ женъ земнородныхъ.
Сихъ ему дамъ и при нихъ возвращу я и ту, что похитилъ,
Бризову дочь, и притомъ величайшею клятвой клянуся:
Нѣтъ, не всходилъ я на одръ, никогда не сближался я съ нею,
Такъ, какъ мужамъ и женамъ свойственно межъ человѣковъ.
Все то получитъ онъ нынѣ; еще же, когда Аргивянамъ
Трою Пріама великую боги дадутъ ниспровергнуть,
Пусть онъ и мѣдью, и златомъ корабль обильно наполнитъ,
Самъ наблюдая, какъ будемъ дѣлить боевую добычу.
Пусть изъ Троянскихъ женъ изберетъ по желанію двадцать,
Послѣ Аргивской Елены красой превосходнѣйшихъ въ Троѣ.
Если же въ Аргосъ придемъ мы, въ Ахейскій край благодатный,
Зятемъ его назову я и честью сравняю съ Орестомъ,
Съ сыномъ однимъ у меня, возрастающимъ въ полномъ довольствѣ.
Три у меня расцвѣтаютъ въ дому благосозданномъ дщери:
Хризоѳемиса, Лаодика, юная Ифіанасса.
Пусть онъ, какую желаетъ, любезную сердцу, безъ вѣна
Въ отеческій домъ отведетъ, а приданое самъ я за нею
Славное дамъ, какого никто не давалъ за невѣстой.
Семь подарю я градовъ, процвѣтающихъ, многонародныхъ:
Градъ Кардамилу, Энопу и тучную травами Геру,
Феры, любимыя небомъ, Анѳею съ глубокой долиной,
Гроздьемъ вѣнчанный Педасъ и Эпею, градъ велелѣпный.
Всѣ же они у приморія, съ Пилосомъ смежны песчанымъ;
Ихъ населяютъ богатые мужи овцами, волами,
Кои дарами его, какъ бога, чествовать будутъ
И подъ скиптромъ ему заплатятъ богатыя дани.
Такъ я не медля исполню, какъ скоро вражду онъ оставитъ.
Пусть примирится; Аидъ несмиримъ, Аидъ непреклоненъ,
Но зато изъ боговъ ненавистнѣе всѣхъ онъ и людямъ.
Пусть мнѣ уступитъ, какъ слѣдуетъ: я и владычествомъ высшимъ,
Я и годовъ старшинствомъ передъ нимъ справедливо горжуся".
Рекъ,—и Атриду отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:
„Сынъ знаменитый Атрея, владыка мужей Агамемнонъ!
Нѣтъ, дары не презрѣнные хочешь ты дать Ахиллесу.
Благо, друзья! поспѣшимъ же нарочныхъ послать, да скорѣе
Шествуютъ мужи избранные въ сѣни царя Ахиллеса.
Или позвольте, я самъ изберу ихъ; они согласятся:
Фениксъ, любимецъ боговъ, предводитель посольства да будетъ,
Послѣ Аяксъ Теламонидъ и царь Одиссей благородный,
Но Эврибатъ и Годій да идутъ, какъ вѣстники, съ ними.

На руки дайте воды, сотворите святое молчанье
И помолимся Зевсу, да нынѣ помилуетъ насъ онъ!"
Такъ говорилъ—и для всѣхъ произнесъ онъ пріятное слово.
Вѣстники скоро царямъ возліяли на руки воду;
Юноши, чернымъ виномъ наполнивъ доверху чаши,
Кубками всѣмъ подносили, отъ правой страны начиная.
Въ жертву богамъ возліявъ и испивъ до желанія сердца,
Вмѣстѣ послы поспѣшили изъ сѣни Атрида владыки.
Много имъ Несторъ идущимъ наказывалъ, даже очами
Каждому старецъ мигалъ, но особенно сыну Лаерта:
Все бъ испытали, дабы преклонить Ахиллеса героя.
Мужи пошли по брегу немолчно шумящаго моря,
Много моляся, да землю объемлющій Земледержатель
Имъ преклонить поможетъ высокую душу Пелида.
Къ сѣнямъ пришедъ и къ судамъ Мирмидонскимъ, находятъ героя:
Видятъ, что сердце свое услаждаетъ онъ лирою звонкой,
Пышной, изящно украшенной, съ сребряной накольней сверху,
Выбранной имъ изъ корыстей, какъ градъ Гетіоновъ разрушилъ:
Лирой онъ духъ услаждалъ, воспѣвая славу героевъ.
Менетіадъ передъ нимъ лишь единый сидѣлъ, и безмолвный
Ждалъ Эакида, пока пѣснопѣнія онъ не окончитъ.
Тою порою приближась, послы, Одиссей впереди ихъ,
Стали противъ Ахиллеса: герой изумленный воспрянулъ
Съ лирой въ рукахъ и отъ мѣста сидѣнія къ нимъ устремился.
Такъ и Менетіевъ сынъ, лишь увидѣлъ пришедшихъ, поднялся.
Ввстрѣчу имъ руки простеръ и вѣщалъ Ахиллесъ быстроногій:
„Здравствуйте! истинно други приходите! вѣрно, что нужда!
Но и гнѣвному вы изъ Ахеянъ любезнѣе всѣхъ мнѣ".
Такъ произнесъ и повелъ ихъ дальше Пелидъ благородный,
Тамъ посадилъ ихъ на креслахъ, на пышныхъ коврахъ пурпуровыхъ
И, обратясь, говорилъ къ находящемуся близко Патроклу:
„Чашу поболѣе, другъ Менетидъ, подай на трапезу;
Цѣльнаго намъ растворі и поставь передъ каждаго кубокъ:
Мужи, любезные сердцу, собрались подъ сѣнью моею!"
Такъ говорилъ, и Патроклъ покорился любезному другу.
Самъ же огромный онъ лотъ положилъ у огнищнаго свѣта
И хребты разложилъ въ немъ овцы и козы утучнѣлой,
Бросилъ и окорокъ жирнаго борова, тукомъ блестящій.
Ихъ Автомедонъ держалъ, разсѣкалъ Ахиллесъ благородный,
Послѣ искусно дробилъ на куски и вонзалъ ихъ на вертелъ.

Жаркій огонь между тѣмъ разводилъ Менетидъ боговидный.
Чуть же огонь ослабѣлъ и багряное племя поблекло,
Угли разгребши, Пелидъ вертела надъ огнемъ простираетъ
И священною солью кропитъ, на подпоръ подымая.
Такъ ихъ обжаривъ кругомъ, на обѣденный столъ сотрясаетъ.
Тою порою Патроклъ по столу, въ красивыхъ корзинахъ,
Хлѣбы разставилъ, но яства гостямъ Ахиллесъ благородный
Самъ раздѣлилъ и противъ Одиссея, подобнаго богу,
Сѣлъ на другой сторонѣ, а жертвовать жителямъ неба
Другу Патроклу велѣлъ; и въ огонь онъ бросилъ начатки,
Къ сладостнымъ яствамъ предложеннымъ руки герои простерли,
И, когда питіемъ и пищею гладъ утолили,
Фениксу знакъ Теламонидъ подалъ; Одиссей то постигнулъ,
Кубокъ налилъ и привѣтствовалъ, за руку взявши, Пелида:
„Здравствуй, Пелидъ! въ дружелюбныхъ намъ пиршествахъ нѣтъ недостатка
Сколько подъ царскою сѣнью владыки народовъ Атрида,
Столько и здѣсь; изобильно всего къ услажденію сердца
Въ пирѣ твоемъ, но теперь не о пиршествахъ радостныхъ дѣло.
Грозную гибель, питомецъ Кроніона, близкую видя,
Въ трепетѣ мы, въ неизвѣстности, наши суда мы избавимъ,
Или погубимъ, ежели ты не одѣешься въ крѣпость!
Близко судовъ, подъ стѣной уже нашею станъ положили
Гордые мужи Трояне и ихъ дальноземные други,
Множество вкругъ зажигаютъ огней и грозятся, что болѣ
Ихъ не удержатъ, что прямо на наши суда они грянутъ.
Имъ и Зевесъ, благовѣстныя знаменья вправѣ являя,
Молніей блещетъ! и Гекторъ, ужасною силой кичася,
Буйно свирѣпствуетъ, крѣпкій на Зевса; въ ничто онъ вмѣняетъ
Смертныхъ и самыхъ боговъ, обладаемый бѣшенствомъ страшнымъ,
Молится, только бъ скорѣй появилась денница святая,
Хвалится завтра срубить съ кораблей хвосты кормовые,
Пламенемъ бурнымъ пожечь корабли и самихъ насъ, Ахеянъ,
Всѣхъ передъ ними избить, удушаемыхъ дымомъ пожарнымъ.
Страшно, герой, трепещу я, да гордыхъ угрозъ Пріамида
Боги ему не исполнатъ, а намъ да не судитъ судьбина
Гибнутъ подъ Троей, далеко отъ Аргоса, милой отчизны!
Храбрый, воздвигнись, когда ты желаешь, хоть поздно, Ахеянъ,
Столь утѣсненныхъ, избавить отъ ярости толпищъ Троянскихъ.
Послѣ тебѣ самому то горестно будетъ: но поздно,
Зло допустивши, искать исправленія. Лучше во время,
Раньше помысли, да пагубный день отвратишь отъ Ахеянъ.

Другъ! не тебѣ ли родитель, Пелей заповѣдывалъ старецъ,
Въ день, какъ изъ Ѳеіи тебя посылалъ къ Атрееву сыну:
Доблесть, мой сынъ, даровать и Аѳина и Гера богиня
Могутъ, когда соизволятъ; но ты лишь въ персяхъ горячихъ
Гордую душу обуздывай: кротость любезная лучше.
Расшри злотворной, какъ можно, чуждайся, да паче и паче
Между Ахеянъ тебя почитаютъ младые и старцы".
Такъ заповѣдывалъ старецъ, а ты забываешь. Смягчися,
Гнѣвъ отложи, сокрушительный сердцу! Тебѣ Агамемнонъ
Выдастъ дары многоцѣнные, ежели гнѣвъ ты оставишь.
Хочешь ли, слушай, и я предъ тобой и друзьями исчислю,
Сколько даровъ знаменитыхъ тебѣ обѣщалъ Агамемнонъ:
Десять талантовъ золота, двадцать лаханей блестящихъ,
Семь треножниковъ новыхъ, не бывшихъ въ огнѣ, и двѣнадцать
Коней могучихъ, побѣдныхъ, стяжавшихъ награды ристаній.
Истинно, жилъ бы не бѣденъ и въ златѣ высоко цѣнимомъ
Тотъ не нуждался бы мужъ, у котораго было бы столько,
Сколько Атриду наградъ быстроногіе вынесли кони!
Семь непорочныхъ женъ, рукодѣльницъ искусныхъ, даруетъ,
Лесбосскихъ, коихъ тогда, какъ разрушилъ ты Лесбосъ цвѣтущій,
Самъ онъ избралъ, красотой побѣждающихъ женъ земнородныхъ;
Ихъ онъ даритъ и при нихъ возвращаетъ и ту, что похитилъ,
Бризову дочь, и притомъ величайшею клятвой клянется:
Нѣтъ, не всходилъ онъ на одръ, никогда не сближался онъ съ нею,
Такъ, какъ мужамъ и женамъ свойственно межъ человѣковъ.
Все то получишь ты нынѣ; еще же, когда Аргивянамъ
Трою Пріама великую боги дадутъ ниспровергнуть,
Цѣлый корабль ты и мѣдью, и златомъ обильно наполни,
Самъ наблюдая, какъ будемъ дѣлить боевыя корысти;
Самъ между женами плѣнными выбери двадцать Троянокъ,
Послѣ Аргивской Еленѣ красой превосходнѣйшихъ въ Троѣ.
Если жъ воротимся въ Аргосъ Ахейскій, край благодатный,
Зятемъ тебя назоветъ онъ и честью съ Орестомъ сравняетъ,
Съ сыномъ однимъ у него, возрастающимъ въ полномъ довольствѣ.
Трехъ дочерей онъ невѣстъ въ благосозданномъ домѣ имѣетъ:
Хризоѳемису, Лаодику, юную Ифіанассу.
Ты, по желанью, изъ оныхъ, любезную сердцу, безъ вѣна
Въ отческій домъ отведи, а приданое самъ онъ за нею
Славное выдастъ, какого никто не давалъ за невѣстой.
Семь подаритъ онъ градовъ процвѣтающихъ, многонародныхъ:

Градъ Кардамилу, Энопу и тучную паствами Геру,
Феры, любимыя небомъ, Анѳею съ глубокой долиной,
Гроздьемъ вѣнчанный Педасъ и Эпею, градъ велелѣпный.
Всѣ же они у приморія, съ Пиласомъ смежны песчанымъ;
Ихъ населяютъ богатые мужи овцами, волами,
Кои дарами тебя, какъ бога, чествовать будутъ
И подъ скипетромъ тебѣ заплатятъ богатыя дани.
Такъ исполнить не медля, коль скоро вражду ты оставишь.
Если жъ Атридъ Агамемнонъ еще для тебя ненавистенъ,
Онъ и подарки его,—пожалѣй о другихъ ты Ахейцахъ,
Въ станѣ жестоко стѣсненныхъ; тебя, какъ безсмертнаго бога,
Рати почтутъ; между нихъ ты покроешься дивною славой!
Гектора ты поразишь; до тебя онъ приближится нынѣ,
Буйствомъ своимъ обезумленный; онъ никого не считаетъ
Равнымъ себѣ межъ Данаями, сколько ни есть ихъ подъ Троей!“
Рекъ,—и ему на отвѣтъ говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
„Сынъ благородный Лаертовъ, герой Одиссей многоумный!
Долженъ я думу свою тебѣ объявить откровенно,
Какъ я и мыслю и какъ совершу, дабы вы отынѣ
Болѣе мнѣ не скучали, одинъ за другимъ приступая:
Тотъ ненавистенъ мнѣ, какъ врата ненавистнаго ада,
Кто на душѣ сокрываетъ одно, а вѣщаетъ другое.
Я же скажу вамъ прямо, что почитаю я лучшимъ:
Нѣтъ, ни могучій Атридъ, ни другіе, надѣюсь, Данаи
Сердца во мнѣ не смягчатъ; и какая тому благодарность,
Кто безпрестанно, безустально бился на битвахъ съ врагами!
Равная доля у васъ нерадивцу и рьяному въ битвѣ;
Та жъ и единая честь воздается и робкимъ, и храбрымъ!
Все здѣсь равно, умираетъ бездѣльный, иль сдѣлавшій много!
Что мнѣ наградою было за то, что понесъ я на сердцѣ,
Душу мою подвергая вседневно опасностямъ браннымъ?
Словно какъ птица, безперымъ птенцамъ промышляючи корму,
Ищетъ и носитъ во рту и, что горько самой, забываетъ,—
Такъ я подъ Троею сколько ночей проводилъ безсонныхъ,
Сколько дней кровавыхъ на сѣчахъ жестокихъ окончилъ,
Ратуясь храбро съ мужами и токмо за женъ лишь Атридовъ!
Я кораблями двѣнадцать градовъ разорилъ многолюдныхъ;
Пѣшій одиннадцать взялъ на Троянской землѣ многоплодной,
Въ каждомъ изъ нихъ и сокровищъ безцѣнныхъ, и славныхъ корыстей
Много добылъ; и, сюда принося, властелину Атриду
Всѣ отдавалъ ихъ; а онъ позади, при судахъ оставаясь,

Ихъ принималъ, и удерживалъ много, выдѣливалъ мало;
Нѣсколько выдалъ изъ нихъ, какъ награды царямъ и героямъ:
Цѣлы награды у всѣхъ, у меня жъ одного изъ Данаевъ
Отнялъ и, властвуя милой женой, наслаждается ею
Царь сладострастный! За что же воюютъ Троянъ Аргивяне?
Рати зачѣмъ собиралъ и за что ихъ привелъ на Пріама
Самъ Агамемнонъ? не ради ль одной лѣпокудрой Елены?
Или супругъ непорочныхъ любятъ отъ всѣхъ земнородныхъ
Только Атрея сыны? Добродѣтельный мужъ и разумный
Каждый свою бережетъ и любитъ, какъ я Бризеиду:
Я Бризеиду любилъ, несмотря, что оружіемъ добылъ!
Нѣтъ, какъ награду исторгнулъ изъ рукъ и меня обманулъ онъ,
Пусть не прельщаетъ! Мнѣ онъ извѣстенъ, меня не увѣритъ!
Пусть онъ съ тобой, Одиссей, и съ другими царями Ахеянъ
Думаетъ, какъ отъ судовъ отвратить пожирающій пламень.
Истинно, многое онъ и одинъ безъ меня уже сдѣлалъ:
Стѣну для васъ взгромоздилъ и окопъ передъ оною вывелъ
Страшно глубокій, широкій и внутрь его колья уставилъ.
Но безполезно! Могущества Гектора, людоубійцы,
Симъ не удержитъ. Пока межъ Аргивцами я подвизался,
Боя далеко отъ стѣнъ начинать не отважился Гекторъ:
Къ Скейскимъ вратамъ лишь и къ дубу дохаживалъ; тамъ онъ однажды
Встрѣтился мнѣ, но едва избѣжалъ моего нападенья.
Больше съ божественнымъ Гекторомъ я воевать не намѣренъ.
Завтра Зевсу воздавъ и другимъ небожителямъ жертвы,
Я нагружу корабли и не медля спущу ихъ на волны,
Завтра же, если желаешь и если тебя то заботитъ,
Съ ранней зарею узришь, какъ по рыбному понту помчатся
Всѣ мои корабли, подъ дружиною жарко гребущей.
Если счастливое плаванье дастъ Посидонъ мнѣ могучій,
Въ третій я день, безъ сомнѣнія, Ѳеіи достигну холмистой.
Тамъ довольно имѣю, что бросилъ, сюда я повлекшись;
Много везу и отселѣ: золота, мѣди багряной,
Плѣнныхъ, красноопоясанныхъ женъ и сѣдое желѣзо;
Все, что по жребію взялъ; но награду, что онъ даровалъ мнѣ,
Самъ надо мною ругаясь, и отнялъ Атридъ Агамемнонъ,
Властію гордый! Скажите ему вы, что я говорю вамъ,
Все и предъ всѣми: пускай и другіе, какъ я, негодуютъ,
Если кого изъ Ахеянъ еще обмануть уповаетъ,
Вѣчнымъ безстыдствомъ покрытый! Но, что до меня, я надѣюсь,
Онъ, хоть и наглъ, какъ песъ, но въ лицо мнѣ смотрѣть не посмѣетъ!

Съ нимъ не хочу я никакъ сообщаться, ни словомъ, ни дѣломъ!
Разъ онъ, коварный, меня обманулъ, оскорбилъ, и вторично
Словомъ уже не уловитъ: довольно съ него! но спокойный
Пусть онъ исчезнетъ! лишилъ его разума Зевсъ промыслитель.
Даромъ гнушаюсь его и въ ничто самого я вмѣняю!
Если бы въ десять и въ двадцать кратъ предлагалъ мнѣ сокровищъ,
Сколько и нынѣ имѣетъ и сколько еще ихъ накопитъ,
Даже хоть все, что приносятъ въ Орхоменъ иль Ѳивы Египтянъ,
Градъ, гдѣ богатства безъ смѣты въ обителяхъ гражданъ хранятся,
Градъ, въ которомъ сто вратъ, а изъ оныхъ изъ каждыхъ по двѣсти
Ратныхъ мужей въ колесницахъ на быстрыхъ коняхъ выѣзжаютъ;
Или хоть столько давалъ бы мнѣ, сколько песку здѣсь и праху,—
Сердца и симъ моего не преклонитъ Атрида Агамемнонъ,
Прежде, чѣмъ всей не изгладитъ терзающей души обиды!
Дщери супругой себѣ не возьму отъ Атреева сына.
Если красой она со златой Афродитою споритъ,
Если искусствомъ работъ свѣтлоокой Аѳинѣ подобна,
Дщери его не возьму! Да найдетъ изъ Ахеянъ другого,
Кто ему больше приличенъ и царственной властію выше.
Ежели боги меня сохранятъ и въ домъ возвращусь я,
Тамъ жену благородную самъ сговоритъ мнѣ родитель.
Много Ахеянокъ есть и въ Гелладѣ, и въ счастливой Феѣи,
Дщерей Ахейскихъ вельможъ, и градовъ и земель властелиновъ:
Сердцу любую изъ нихъ назову я супругою милой.
Тамъ, о, какъ часто мое благородное сердце алкаетъ,
Брачный союзъ совершивъ, съ непорочной супругою милой
Въ жизнь насладиться стяжаній, старцемъ Пелеемъ стяжанныхъ.
Съ жизнью, по мнѣ, не сравнится ничто: ни богатства, какими
Сей Иліонъ, какъ вѣщаютъ, обиловалъ,—градъ, процвѣтавшій
Въ прежніе, мирные дни, до нашествія рати Ахейской,
Ни сокровища, сколько ихъ каменный сводъ заключаетъ
Въ храмѣ Феба пророка въ Пиѳосѣ, утесами грозномъ.
Можно все пріобрѣсть, и воловъ, и овецъ среброрунныхъ;
Можно стяжать и прекрасныхъ коней, и золотые треноги,
Душу жъ назадъ возвратить невозможно; души не стяжаешь:
Вновь не уловишь ея, какъ однажды изъ устъ улетѣла.
Матерь моя, среброногая мнѣ возвѣстила Ѳетида:
Жребій двоякій меня ведетъ къ гробовому предѣлу:
Если останусь я здѣсь, передъ градомъ Троянскимъ сражаться—
Нѣтъ возвращенія мнѣ, но слава моя не погибнетъ.
Если же въ домъ возвращусь я, въ любезную землю родную,
Слава моя погибнетъ, но будетъ мой вѣкъ долголѣтенъ

И меня не безвременно смерть роковая постигнетъ.
Я и другимъ воеводамъ Ахейскимъ совѣтую то же:
Въ домы отсюда отплыть; никогда вы конца не дождетесь
Трои высокой: надъ нею перуновъ метатель Кроніонъ
Руку свою распростеръ, и возвысилась дерзость народа.
Вы возвратитесь теперь и всѣмъ благороднымъ Данаямъ
Мой непреложно отвѣтъ, какъ посланниковъ долгъ, возвѣстите.
Пусть на совѣтѣ другое примыслятъ, вѣрнѣйшее, средство,
Какъ имъ спасти и суда, и Ахейскій народъ, утѣсненный
Подлѣ судовъ мореходныхъ; а то, что замыслили нынѣ,
Будетъ безъ пользы Ахеянамъ: я непреклоненъ во гнѣвѣ.
Фениксъ останется здѣсь, у насъ успокоится старецъ;
Завтра же, если захочетъ,—неволить его не намѣренъ,—
Вмѣстѣ со мной въ корабляхъ отплыветъ онъ къ любезной отчизнѣ".
Такъ возразилъ,—и молчаніе долгое всѣ сохраняли,
Рѣчью его пораженные: грозно ее говорилъ онъ.
Между пословъ наконецъ провѣщалъ, заливаясь слезами,
Фениксъ, конникъ сѣдой; трепеталъ о судахъ онъ Ахейскихъ:
„Если уже возвратиться, Пелидъ благородный, на сердцѣ
Ты положилъ, и отъ нашихъ судовъ совершенно отрекся
Огонь отразить пожирающій,—гнѣвъ запалъ тебѣ въ душу,—
Какъ, о возлюбленный сынъ, безъ тебя одинъ я останусь?
Вмѣстѣ съ тобою меня послалъ Эакидъ, твой родитель,
Въ день, какъ изъ Ѳеіи тебя отпускалъ въ ополченье Атрида.
Юный, ты былъ неискусенъ въ войнѣ, человѣчеству тяжкой,
Въ сонмахъ совѣтныхъ неопытенъ, гдѣ прославляются мужи.
Съ тѣмъ онъ меня и послалъ, да тебя всему научу я:
Быть и витіей въ рѣчахъ, и въ дѣлахъ дѣловымъ человѣкомъ.
Нѣтъ, мой возлюбленный сынъ, безъ тебя не могу, не желаю
Здѣсь оставаться, хотя бы самъ богъ обѣщалъ всемогущій,
Старость совлекши, вновь возвратить мнѣ цвѣтущую младость:
Годы, какъ бросилъ Гелладу я, славную женъ красотою,
Злобы отца избѣгая, Аминтора, грознаго старца.
Гнѣвался онъ на меня за пышноволосую дѣву:
Страстно онъ дѣву любилъ и жестоко безславилъ супругу,
Матерь мою, а она, обнимая мнѣ ноги, молила
Съ дѣвою прежде почить, чтобы сталъ ненавистенъ ей старецъ.
Я покорился и сдѣлалъ. Отецъ мой, то скоро примѣтивъ,
Началъ меня проклинать, умоляя ужасныхъ Эринній,
Ввѣкъ на колѣна свои да не приметъ онъ милаго сына,
Мной порожденнаго: отчія клятвы исполнили боги,
Зевсъ подземный и чуждая жалости Персефонія.

Въ гнѣвѣ, убить я отца изощренною мѣдью рѣшился;
Боги мой гнѣвъ укротили, представивши сердцу, какая
Будетъ въ народѣ молва и какой мнѣ позоръ въ человѣкахъ,
Ежели отцеубійцей меня прозовутъ Аргивяне!
Съ оной поры моему уже сердцу стало несносно,
Близко отца раздраженнаго, въ домѣ съ тоскою скитаться.
Други, родные мои, неотступно меня окружая,
Силились общей мольбой удержать въ отеческомъ домѣ.
Много и тучныхъ овецъ, и тяжелыхъ воловъ кругорогихъ
Въ домѣ зарѣзано; многія свиньи, блестящія тукомъ,
По двору были простерты, на яркій огонь обжигаться;
Много выпито было вина изъ кувшиновъ отцовскихъ.
Девять ночей непрерывно они вкругъ меня ночевали,
Стражу держали, смѣняяся; цѣлыя ночи не гаснулъ
Въ домѣ огонь, одинъ—подъ крыльцомъ на дворѣ крѣпкостѣнномъ,
И другой—въ сѣняхъ, предъ дверями моей почивальни.
Но, когда мнѣ десятая темная ночь наступила,
Я у себя въ почивальнѣ искусно створявшіясь двери
Выломилъ, вышелъ и быстро чрезъ стѣну двора перепрянулъ,
Тайно отъ всѣхъ и домовыхъ женъ, и мужей стерегущихъ.
Послѣ далеко бѣжалъ чрезъ обширныя степи Геллады
И пришелъ я во Ѳеію, овецъ холмистую матерь,
Прямо къ Пелею царю. И меня онъ, принявъ благосклонно,
Такъ полюбилъ, какъ любитъ родитель единаго сына,
Поздно рожденнаго старцу, наслѣдника благъ его многихъ.
Сдѣлалъ богатымъ меня и народъ многочисленный ввѣрилъ.
Тамъ надъ Долопами царствуя, жилъ я на Ѳеійскомъ предѣлѣ;
Тамъ и тебя воспиталъ я такого, безсмертнымъ подобный!
Нѣжно тебя я любилъ. Никогда съ другимъ не хотѣлъ ты
Выйти на пиръ предъ гостей; ничего не вкушалъ ты и дома
Прежде, поколѣ тебя не возьму я къ себѣ на колѣни,
Пищи, разрѣзавъ, не дамъ и вина къ устамъ не приближу.
Сколько ты разъ, Ахиллесъ, заливалъ мнѣ одежду на персяхъ,
Брызжа изъ устъ вино, во время неловкаго дѣтства.
Много заботъ для тебя и много трудовъ перенесъ я,
Думая такъ, что, какъ боги уже не судили мнѣ сына,
Сыномъ тебя, Ахиллесъ, подобный богамъ, нареку я;
Ты, помышлялъ я, избавишь меня отъ бѣды недостойной.
Сынъ мой, смири же ты душу высокую! храбрый не долженъ
Сердцемъ немилостивъ быть: умолимы и самые боги,
Столько превысшіе насъ и величьемъ, и славой, и силой.
Но и боговъ, приношеніемъ жертвы, обѣтомъ смиреннымъ,

Винъ возліяньемъ и дымомъ куреній, смягчаетъ и гнѣвныхъ
Смертный молящій, когда онъ предъ ними виновенъ и грѣшенъ.
Такъ, Молитвы—смиренныя дщери великаго Зевса—
Хромы, морщинисты, робко подъемлющи очи косыя,
Вслѣдъ за обидой онѣ, непрестанно заботныя, ходятъ.
Но обида могуча, ногами быстра; передъ ними
Мчится далеко впередъ и, по всей ихъ землѣ упреждая,
Смертныхъ язвитъ, а Молитвы спѣшатъ исцѣлять уязвленныхъ.
Кто принимаетъ почтительно Зевсовыхъ дщерей прибѣжныхъ,
Много тому помогаютъ и скоро молящемусь внемлютъ;
Кто жъ презираетъ богинь и, душою суровъ, отвергаетъ,—
Къ Зевсу прибѣгнувъ, онѣ умоляютъ отца, да Обида
Ходитъ за нимъ по стопамъ и его, уязвляя, накажетъ.
Другъ, воздай же и ты, что слѣдуетъ, Зевсовымъ дщерямъ:
Честь, на возданіе коей всѣхъ добрыхъ склоняются души.
Если бъ даровъ не давалъ какъ теперь, такъ и послѣ, столь многихъ
Сынъ Атреевъ, но все бы упорствовалъ въ гибельномъ гнѣвѣ,
Я не просилъ бы тебя, чтобы, гнѣвъ справедливый отринувъ,
Ты защитилъ Аргивянъ, невзирая, что жаждутъ защиты.
Много и нынѣ даровъ онъ даетъ и впередъ обѣщаетъ;
Съ кроткимъ прошеньемъ къ тебѣ присылаетъ мужей знаменитыхъ,
Въ цѣломъ народѣ избранныхъ, тебѣ самому здѣсь любезныхъ
Болѣе всѣхъ изъ Данаевъ. Не презри же ихъ ты ни рѣчи,
Ни посѣщенія. Ты не безъ права гнѣвался прежде.
Такъ мы слышимъ молвы и о древнихъ славныхъ герояхъ:
Пылкая злоба и ихъ обымала великія души;
Но смягчаемы были дарами они и словами.
Помню я дѣло одно, но временъ стародавнихъ, не новыхъ;
Какъ оно было, хочу я повѣдать межъ вами, друзьями.
Брань была межъ Куретовъ и браннолюбивыхъ Этолянъ
Вкругъ Калидона града, и яростно бились рати.
Мужи Этольцы стояли за градъ Калидонъ, имъ любезный;
Мужи Куреты пылали обитель ихъ боемъ разрушить.
Горе такое на нихъ Артемида богиня воздвигла,
Въ гнѣвѣ своемъ, что Иней съ плодоноснаго сада начатковъ
Ей не принесъ, а безсмертныхъ другихъ насладилъ гекатомбой;
Жертвы лишь ей не принесъ, Громовержца великаго дщери:
Онъ не радѣлъ, иль забылъ, но душой согрѣшилъ безвразсудно.
Гнѣвное божіе чадо, стрѣльбой веселящаясь Феба
Вепря подвигла на нихъ, бѣлоклыкаго лютаго звѣря.
Страшный онъ вредъ наносилъ, на Инея сады набѣгая:

Купы высокихъ деревъ опрокинулъ одно на другое,
Вмѣстѣ съ кореньями, вмѣстѣ съ блистательнымъ яблоковъ цвѣтомъ.
Звѣря убилъ наконецъ Инеидъ Мелеагръ нестрашимый,
Вызвавъ кругомъ изъ градовъ звѣроловцовъ съ сердитыми псами
Многихъ: его одолѣть не успѣли бы съ малою силой—
Этаковъ былъ! на костеръ печальный многихъ послалъ онъ.
Феба о немъ воспалила жестокую, шумную распрю,
Бой о клыкастой главѣ и объ кожѣ щетинистой вепря
Между сынами Куретовъ и гордыхъ сердцами Этолянъ.
Долго, пока Мелеагръ за Этолянъ, могучій, сражался,
Худо было Куретамъ: уже не могли они сами
Въ полѣ, внѣ стѣнъ, оставаться, хотя и сильнѣйшіе были.
Но когда Мелеагръ предался гнѣву, который
Сердце въ груди напыщаетъ у многихъ, мужей и разумныхъ
(Онъ, на любезную матерь Алѳею озлобленный сердцемъ,
Праздный лежалъ у супруги своей, Клеопатры прекрасной,
Дщери младой Эвенины жены, легконогой Марписсы
И могучаго Ида, храбрѣйшаго межъ земнородныхъ
Оныхъ временъ: на царя самого, стрѣлоноснаго Феба,
Поднялъ онъ лукъ за супругу свою, легконогую Нимфу:
Съ онаго времени въ домѣ отецъ и почтенная матерь
Дочь Алкіоною прозвали, въ память того, что и матерь,
Горькую долю неся Алкіоны многопечальной,
Плакала цѣлые дни, какъ ее Стрѣловержецъ похитилъ.
Онъ у супруги покоился, гнѣвъ душевредный питая,
Матери клятвами страшно прогнѣванный: грустная матерь
Часто боговъ заклинала—отмстить за убитаго брата.
Часто руками она, изступленная, о землю била
И, на колѣняхъ сидящая, грудь обливая слезами,
Съ воплемъ молила Аида и страшную Персефонію
Смерть на сына послать; и носящаясь въ мракахъ Эриннисъ,
Фурія немилосердная, воплю вняла изъ Эреба),
Скоро у вратъ Калидонскихъ и стукъ и трескъ раздался
Башенъ, громимыхъ врагомъ. Мелеагра Этольскіе старцы
Стала молить и послали избранныхъ священниковъ бога,
Даръ обѣщая великій, да выйдетъ герой и спасетъ ихъ.
Гдѣ плодоноснѣй земля на веселыхъ поляхъ Калидонскихъ,
Тамъ позволяли ему, въ пятьдесятъ десятинъ, наилучшій
Выбрать удѣлъ: половину земли виноградомъ покрытой
И половину нагой, для оранія годной, отрѣзать.
Много его умолялъ конеборецъ Иней престарѣлый;
Самъ, до порога поднявшись его почивальни высокой,

Въ створы дверей онъ стучалъ и просилъ убѣдительно сына.
Много и сестры его, и почтенная матерь молили.
Пуще отказывалъ. Много его и друзья убѣждали,
Чтимые имъ и любимые болѣе всѣхъ въ Калидонѣ,
Но ничѣмъ у него не подвигнули сердца, доколѣ
Теремъ его отъ ударовъ кругомъ не потрясся: на башни
Сила Куретовъ взошла и градъ зажигала великій.
И тогда-то уже Мелеагра жена молодая
Стала, рыдая, молить и исчислила все предъ героемъ,
Что въ завоеванномъ градѣ людей постигаетъ несчастныхъ:
Гражданъ въ жилищахъ ихъ рѣжутъ, пламень весь градъ пожираетъ,
Въ плѣнъ и дѣтей, и красноопоясанныхъ женъ увлекаютъ.
Духомъ герой взволновался, о страшныхъ дѣяніяхъ слыша,
Выйти рѣшился и пышноблестящимъ покрылся доспѣхомъ.
Такъ Мелеагръ отразилъ погибельный день отъ Этолянъ,
Слѣдуя сердцу: еще Мелеагру не отдано было
Многихъ, прекрасныхъ даровъ, но несчастіе такъ отразилъ онъ.
Ты жъ не замысли подобнаго, сынъ мой любезный! и демонъ
Сердца тебѣ да не склонитъ къ сей думѣ! Погибельнѣй будетъ
Въ бурномъ пожарѣ суда избавлять; для даровъ знаменитыхъ
Выйди, герой, и тебя, какъ бога, почтутъ Аргивяне!
Если же ты безъ даровъ, а по нуждѣ на брань ополчишься,
Чести подобный не снищешь, хоть будешь и брани рѣшитель".

Старцу не медля отвѣтствовалъ царь Ахиллесъ быстроногій:
„Фениксъ отецъ мой, старецъ божественный! Въ чести подобной
Нужды мнѣ нѣтъ; я надѣюсь быть чествованъ волею Зевса!
Честь я сію сохраню передъ войскомъ, доколѣ дыханье
Будетъ въ груди у меня и могучія движутся ноги.
Молвлю тебѣ я другое, а ты положи то на сердце:
Мнѣ не волнуй ты души, предо мною крушася и плача,
Сыну Атрея въ угодность; тебѣ и не должно Атрида
Столько любить, чтобъ тому, кѣмъ любимъ, ненавистенъ ты не былъ.
Ты оскорби человѣка, который меня оскорбляетъ!
Царствуй, равно какъ и я, и честь раздѣляй ты со мною.
Скажутъ они мой отвѣтъ; оставайся ты здѣсь, успокойся
Въ кущѣ, на мягкомъ ложѣ; а завтра, съ восходомъ денницы,
Вмѣстѣ помыслимъ, отплыть во-свояси намъ или остаться".

Рекъ,—и Патроклу, въ безмолвіи, знаменье подалъ бровями
Фениксу мягкое ложе постлать, да скорѣе другіе
Выйти изъ кущи помыслятъ. Тогда Теламонидъ великій,
Богу подобный Аяксъ, подымался и такъ говорилъ имъ:

„Сынъ благородный Лаертовъ, герой Одиссей многоумный!

Время идти; я вижу, къ желаемой цѣли бесѣды
Симъ намъ путемъ не достигнуть. Ахейцамъ какъ можно скорѣе
Должно отвѣтъ объявить, хоть онъ и не радостенъ будетъ;
Насъ ожидая, Ахейцы сидятъ. Ахиллесъ Мирмидонецъ
Дикую въ сердце вложилъ, за предѣлъ выходящую гордость!
Смертный суровый! въ ничто поставляетъ и дружбу онъ ближнихъ,
Дружбу, какою мы въ станѣ его отличали предъ всѣми!
Смертный, съ душою безчувственной! Братъ за убитаго брата,
Даже за сына убитаго пеню отецъ принимаетъ;
Самый убійца въ народѣ живетъ, отплатившись богатствомъ;
Пеню же взявшій—и мстительный духъ свой, и гордое сердце—
Все наконецъ укрощаетъ; но въ сердце тебѣ безконечный
Гнѣвъ ненавистный вселили безсмертные ради единой
Дѣвы! но семь ихъ тебѣ, превосходнѣйшихъ, мы предлагаемъ,
Много даровъ и другихъ! Облеки милосердіемъ душу!
Собственный домъ свой почти: у тебя подъ кровомъ пришельцы
Мы отъ народа Ахейскаго, люди, которые ищемъ
Дружбы твоей и почтенія, болѣе всѣхъ изъ Ахеянъ".
И не медля ему отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
„Сынъ Теламоновъ, Аяксъ благородный, властитель народа!
Все ты, я чувствую самъ, говорилъ отъ души мнѣ, но, храбрый!
Сердце мое раздымается гнѣвомъ, лишь вспомню о томъ я,
Какъ обезчестилъ меня передъ цѣлымъ народомъ Ахейскимъ
Царь Агамемнонъ, какъ будто бы былъ я скиталецъ презрѣнный!
Вы возвратитесь назадъ и пославшему вѣсть возвѣстите:
Я, объявите ему, не помыслю о битвѣ кровавой
Прежде, пока Пріамидъ бранноносный, божественный Гекторъ,
Къ сѣнямъ уже и широкимъ судамъ не придетъ Мирмидонскимъ,
Рати Ахеянъ разбивъ, и пока не зажжетъ кораблей ихъ.
Здѣсь же, у сѣни моей, предъ моимъ кораблемъ чернобокимъ,
Гекторъ, какъ ни неистовъ, отъ брани уймется, надѣюсь".
Рекъ онъ,—и каждый, въ молчаніи, кубокъ взявъ двоедонный,
Возлилъ богамъ и изъ сѣни исшелъ; Одиссей предитекъ имъ.
Тою порою Патроклъ повелѣлъ и друзьямъ, и рабынямъ
Фениксу мягкое ложе какъ можно скорѣе готовить.
Жены, ему повинуясь, какъ онъ повелѣлъ, простирали
Руны овецъ, покрывало и цвѣтъ нѣжнѣйшій изъ лена.
Тамъ покоился Фениксъ, денницы святой ожидая.
Но Ахиллесъ почивалъ внутри крѣпкостворчатой кущи
И при немъ возлегла полоненная имъ Лесбіянка,
Форбаса дочь, Діомеда, румяноланитая дѣва.
Сынъ же Менетіевъ спалъ напротивъ, и при немъ возлежала

Легкая станомъ Ифиса, ему Ахиллесомъ героемъ
Данная въ день, какъ разрушилъ онъ Скиросъ, градъ Эніея.
Тѣ же—едва показались у кущи Атрида владыки,
Съ кубками ихъ золотыми Ахеянъ сыны привѣчали,
Ввстрѣчу одинъ за другимъ подымаясь и ихъ вопрошая.
Первый изъ нихъ говорилъ повелитель мужей Агамемнонъ:
„Молви, драгой Одиссей, о великая слава Данаевъ,
Хочетъ ли онъ отъ судовъ отразить пожирающій пламень,
Или отрекся и гордую душу питаетъ враждою?“
И ему отвѣчалъ Одиссей, знаменитый страдалецъ:
„Славою свѣтлый Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ!
Нѣтъ, не хочетъ вражды утолить онъ, сильнѣйшею прежней
Пышитъ грозой, презираетъ тебя и дары отвергаетъ.
Въ бѣдствахъ тебѣ самому велитъ съ Аргивянами думать,
Какъ защитить корабли и стѣсненныя рати Ахеянъ.
Самъ угрожаетъ, что завтрашній день, лишь денница возникнетъ,
На море всѣ корабли обоюдувесельные спуститъ.
Онъ и другимъ воеводамъ совѣтовать то же намѣренъ—
Въ домы отплыть; никогда, говоритъ онъ, конца не обрѣсть вамъ
Трои высокой: надъ нею перуновъ метатель Кроніонъ
Руку свою распростеръ,—и возвысилась дерзость народа.
Такъ онъ отвѣтствовалъ; вотъ и сопутники то же вамъ скажутъ,
Сынъ Теламона и вѣстники наши, разумные оба.
Фениксъ же тамъ успокоился, старецъ: такъ повелѣлъ онъ,
Чтобъ за нимъ въ корабляхъ, обратно къ отчизнѣ любезной
Слѣдовалъ завтра, но если онъ хочетъ,—неволить не будетъ“.
Такъ говорилъ,—и молчанье глубокое всѣ сохраняли,
Рѣчью его пораженные: грозное онъ имъ повѣдалъ.
Долго безмолвными были унылые мужи Ахейцы,
Но межъ нихъ наконецъ взговорилъ Діомедъ благородный:
„Царь знаменитый Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ!
Лучше, когда бъ не просилъ ты высокаго сердцемъ Пелида,
Столько даровъ обѣщая: гордъ и самъ по себѣ онъ,
Ты же въ Пелидово сердце вселяешь и большую гордость.
Кончимъ о немъ и его мы оставимъ; отсюда онъ ѣдетъ
Или не ѣдетъ—начнетъ, безъ сомнѣнія, ратовать снова,
Ежели сердце велитъ и богъ всемогущій воздвигнетъ.
Слушайте, други, что я предложу вамъ, одобрите всѣ вы:
Нынѣ предайтесь покою, но прежде сердца ободрите
Пищей, виномъ: вино человѣку и бодрость, и крѣпость.
Завтра жъ, какъ скоро блеснетъ розоперстая въ небѣ денница,
Быстро, Атридъ, предъ судами построй ты и конныхъ, и пѣшихъ,

Духъ ободри имъ и самъ передъ воинствомъ первый сражайся".
Такъ произнесъ, и воскликнули весело всѣ скиптроносцы,
Смѣлымъ дивяся рѣчамъ Діомеда смирителя коней.
Всѣ наконецъ, возліявши богамъ, разошлися по кущамъ,
Гдѣ предалися покою и сна насладились дарами.

ПѢСНЬ X.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТОЙ ПѢСНИ.

Агамемнонъ, равно и Менелай, устрашенные приближеніемъ Троянъ, въ виду Ахейскаго воинства станомъ расположившихся, проводятъ ночь безъ сна, встаютъ и сходятся, ст. 1—35. Видя нужнымъ собрать совѣтъ, идутъ сами сзывать вождей, Менелай—Идоменея и Аякса Теламонида, Агамемнонъ—Нестора, 36—130. Несторъ, съ нимъ вышедшій, будитъ Одиссея, 131—149, Діомеда, 150—176; а его посылаетъ призвать Аякса Оилида и Мегеса. Всѣ собравшіеся, идутъ осмотрѣть стражу, около рва поставленную, и находятъ ее бодрою, 177—193. Перешедъ за ровъ, совѣтуются и, по предложенію Нестора, намѣреваются послать соглядатая въ станъ Троянскій, 194—218. На это рѣшается Діомедъ и спутникомъ себѣ, изъ многихъ желающихъ, избираетъ Одиссея, 219—253. Вооружаются и отходятъ при счастливомъ знаменіи птицы, Аѳиною посланной, 254—298. Гекторъ также хочетъ послать соглядатая въ станъ Ахейскій и обѣщаетъ ему въ награду коней Ахиллесовыхъ. Вызвался Троянецъ Долонъ, вооружается и отходитъ, 299—338. Подходя уже къ стану Ахеянъ, онъ попадается навстрѣчу Одиссею и Діомеду. Они нападаютъ на него, ловятъ и разспрашиваютъ. Онъ имъ разсказываетъ все расположеніе стана Троянскаго и даже мѣсто, гдѣ остановился недавно пришедшій Резъ, царь Ѳракійскій. По окончаніи разспроса, убиваетъ Долона, 339—464. Идутъ къ стану Реза, котораго Діамедъ, Діомедъ, съ двѣнадцатью сподвижниками его, убиваетъ; Одиссей уводитъ славныхъ его коней. Діомедъ замышляетъ новые подвиги, 465—506, но Аѳина, явясь ему, совѣтуетъ болѣе не медлить, чтобы Аполлонъ не возбудилъ Троянъ, и герои на коняхъ Резовыхъ возвращаются къ своимъ, встрѣчаются съ привѣтствіями, омываются въ морѣ и садятся на пиршество съ друзьями, 507—579.

Всѣ при своихъ корабляхъ, цари и герои Ахеянъ,
Спали цѣлую ночь, побужденные сномъ благотворнымъ;
Но Атридъ Агамемнонъ, Ахейскаго пастырь народа,
Сладкаго сна не вкушалъ, волнуемый множествомъ мыслей.
Словно какъ молніей блещетъ супругъ лѣпокудрыя Геры,
Если готовитъ иль дождь безконечный, иль градъ вредоносный,
Иль мятель, какъ снѣга убѣляютъ широкія степи,
Или погибельной брани огромную пасть отверзаетъ,—
Такъ многократно вздыхалъ Агамемнонъ, глубоко отъ сердца,
Скорбью стѣсненнаго; самая внутренность въ немъ трепетала.
Сколько онъ разъ ни осматривалъ поле Троянъ, удивлялся
Ихъ огнямъ неистечнымъ, пылающимъ предъ Иліономъ,
Звуку свирѣлей, цѣвницъ и смятенному шуму народа.
Но, когда на суда и на войско Ахеянъ взиралъ онъ,
Клоки власовъ у себя изъ главы исторгалъ, вознося ихъ
Зевсу всевышнему: тяжко стенало въ немъ гордое сердце.
Дума сія наконецъ показалась лучшей Атриду—
Съ Несторомъ первымъ увидѣться, мудрымъ Нелеевымъ сыномъ:
Съ нимъ не успѣютъ ли вмѣстѣ устроить совѣтъ непорочный,
Какъ имъ бѣду отвратить отъ стѣсненной рати Ахейской.
Всталъ Атрейонъ и съ поспѣшностью перси одѣялъ хитономъ,
Къ бѣлымъ ногамъ привязалъ красиваго вида плесницы,
Сверху покрылся могучаго льва окровавленной кожей,
Рыжей, огромной, отъ выи до пятъ, и копьемъ ополчился.
Страхомъ такимъ же и царь Менелай волновался; на очи
Сонъ и къ нему не сходилъ: трепеталъ онъ, да бѣдъ не претерпятъ
Мужи Ахейцы, которые всѣ по водамъ безпредѣльнымъ
Къ Троѣ пришли, за него дерзновенную брань подымая.
Всталъ и широкія плечи покрылъ онъ пардовой кожей,
Пятнами пестрой, на голову шлемъ, преподнявши, надвинулъ,
Мѣдью блестящій, и, дротъ захвативши въ могучую руку,
Такъ онъ пошелъ, чтобы брата воздвигнуть, который верховнымъ
Былъ царемъ Архивянъ и, какъ богъ, почитался народомъ.
Онъ, при кормѣ корабля, покрывшагося пышнымъ доспѣхомъ
Брата нашелъ, и былъ для него посѣтитель пріятный.
Первый къ нему возгласилъ Менелай, воинственникъ славный:
„Что воружаешься, братъ мой почтенный? или отъ Ахеянъ
Хочешь къ Троянамъ послать соглядатая? Но, признаюся,
Я трепещу, чтобъ не вызвался кто на подобное дѣло
И чтобъ враждебныхъ мужей соглядатъ не пошелъ одинокій
Въ сумракахъ ночи глухой: человѣкъ дерзосердый онъ будетъ“.
Брату въ отвѣтъ говорилъ повелитель мужей Агамемнонъ:

„Нужда въ совѣтѣ и мнѣ, и тебѣ, Менелай благородный,
Въ мудромъ совѣтѣ, который бы могъ защитить и избавить
Рать Аргивянъ и суда; измѣнилось Кронидово сердце:
Къ Гектору, къ жертвамъ его преклонилъ онъ съ любовію душу!
Нѣтъ, никогда не видалъ я, ниже не слыхалъ, чтобъ единый
Смертный столько чудесъ, и въ день лишь единый, предпринялъ,
Сколько свершилъ надъ Ахейцами Гекторъ, Зевесу любезный,
Гекторъ, который не сынъ ни богини безсмертной, ни бога.
Но дѣла совершилъ онъ, которыя будемъ мы помнить
Долго, долго; такія бѣды сотворилъ онъ Ахейцамъ!
Но иди, Менелай, призови Девкалида, Аякса,
Прямо спѣши къ кораблямъ, а къ почтенному сыну Нелея
Самъ я иду и возстать преклоню; не захочетъ ли старецъ
Стражей священный сонмъ навѣстить и блюстить приказать имъ;
Вѣрно, ему покорятся охотнѣе; сынъ его храбрый
Стражи начальствуетъ сонмомъ, и съ нимъ Девкалида сподвижникъ,
Вождь Меріонъ; предпочтительно имъ поручили мы стражу".
И его вопросилъ Менелай, воинственникъ славный:
„Что же мнѣ ты прикажешь и какъ повелишь, Агамемнонъ?
Тамъ ли остаться, у нихъ, твоего ожидая прихода,
Или къ тебѣ поспѣшать возвратиться, какъ все накажу имъ?"
Вновь Менелаю вѣщалъ повелитель мужей Агамемнонъ:
„Тамъ ты останься, чтобы мы не могли разойтися съ тобою,
Ходя въ сумракѣ: много дорогъ по широкому стану.
Гдѣ же пойдешь, окликай, и всѣмъ совѣтуй стеречься,
Каждаго мужа, Атридъ, именуй по отцу и по роду;
Всѣхъ привѣтливо чествуй, и самъ ни предъ кѣмъ не величься:
Нынѣ и мы потрудимся, какъ прочіе; жребій таковъ нашъ!
Зевсъ на насъ, на родившихся, тяжкое горе возвергнулъ!"
Такъ говоря, отпускаетъ онъ брата, разумно наставивъ,
Самъ наконецъ поспѣшаетъ къ владыкѣ народовъ Нелиду.
Старца находитъ при черномъ его кораблѣ противъ кущи,
Въ мягкомъ одрѣ, и при немъ боевые лежали доспѣхи:
Выпуклый щитъ и два копія, и шеломъ свѣтозарный;
Подлѣ и поясъ лежалъ разноцвѣтный, который сей старецъ
Часто еще препоясывалъ, въ бой мужегубный готовясь
Рать предводить: еще не сдавался онъ старости грустной.
Несторъ, приставши на локоть и голову съ ложа поднявши,
Къ сыну Атрея вѣщалъ и его вопрошалъ громогласно:
„Кто ты? и что межъ судами по ратному стану здѣсь ходишь
Въ сумракѣ ночи, одинъ, какъ покоятся всѣ человѣки?
Друга ли ты, или, можетъ быть, меска сбѣжавшаго ищешь?

Что тебѣ нужно? Откликнись, а молча ко мнѣ не ходи ты!“
Старцу не медля отвѣтствовалъ пастырь мужей Агамемнонъ:
„Несторъ, почтеннѣйшій старецъ, великая слава Данаевъ!
Ты Агамемнона видишь, котораго Зевсъ промыслитель
Болѣе всѣхъ подвергнулъ трудамъ безконечнымъ, покуда
Въ персяхъ моихъ остается дыханье и движутся ноги.
Такъ я скитаюсь; на очи мои ниже ночью не сходитъ
Сладостный сонъ, и на думахъ лишь брань и напасти Ахеянъ!
Такъ за Ахеянъ жестоко страшуся я: духъ мой не въ силахъ
Твердость свою сохранять, но волнуется; сердце изъ персей
Вырваться хочетъ, и ноги мои подо мною трепещутъ!
Если что дѣлать намѣренъ ты (сонъ и къ тебѣ не приходитъ),
Встань, о Нелидъ, и ко стражамъ Ахейскимъ дойдемъ и осмотримъ.
Можетъ быть, всѣ, удрученные скучнымъ трудомъ и дремотой,
Сну предалися они и о стражѣ опасной забыли.
Рати же гордыхъ враговъ недалеко, а мы и не знаемъ,
Въ сумракѣ ночи они не хотятъ ли внезапно ударить“.
Сыну Атрея отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:
„Славою свѣтлый Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ!
Замыслы Гектору, вѣрно, не всѣ Промыслитель небесный
Нынѣ исполнитъ, какъ гордый онъ ждетъ, и его удручитъ онъ
Горемъ, я чаю, и большимъ, когда Ахиллесъ быстроногій
Храброе сердце свое отвратитъ отъ несчастнаго гнѣва.
Слѣдовать радъ я съ тобою; пойдемъ и другихъ мы разбудимъ
Храбрыхъ вождей: Діомеда героя, царя Одиссея,
Съ ними Аякса быстраго, также Филеева сына.
Еслибъ еще кто-нибудь поспѣшилъ и къ собранію призвалъ
Идоменея царя и подобнаго богу Аякса:
Ихъ корабли на концѣ становища; отсюда не близко.
Но Менелая, любезнаго мнѣ и почтеннаго друга,
Я укорю, хоть тебя и прогнѣваю; нѣтъ, не скрою!
Онъ почиваетъ, тебя одного заставляетъ трудиться!
Нынѣ онъ долженъ бы около храбрыхъ и самъ потрудиться,
Долженъ бы всѣхъ ихъ просить: настоитъ нестерпимая нужда!“
Нестору вновь отвѣчалъ повелитель мужей Агамемнонъ:
„Старецъ, другою порой укорять я совѣтую брата:
Часто медлителенъ онъ и какъ будто къ трудамъ неохотенъ,—
Но не отъ праздности низкой, или отъ незнанія дѣла:
Смотритъ всегда на меня, моего начинанія ждущій.
Нынѣ же всталъ до меня, и ко мнѣ неожиданъ явился.
Брата послалъ я просить предводителей, коихъ ты назвалъ.
Но поспѣшимъ и найдемъ, я надѣюся, ихъ мы у башни,

Вмѣстѣ съ дружиной стражебною: тамъ повелѣлъ я собраться".
Снова Атриду отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:
„Ежели такъ, изъ Данаевъ никто на него не возропщетъ:
Каждый послушаетъ, если онъ что запретитъ, иль прикажетъ".
Такъ говоря, одѣвалъ онъ перси широкимъ хитономъ,
Къ бѣлымъ ногамъ привязалъ прекраснаго вида плесницы;
Послѣ, кругомъ застегнулъ онъ двойной свой, широкопадущій,
Пурпурный плащъ, по которомъ струилась косматая волна,
И, копье захвативъ, повершенное острою мѣдью,
Такъ устремился Нелидъ межъ судовъ и межъ кущей Ахеянъ.
Тамъ, сперва Одиссея, совѣтами равнаго Зевсу,
Поднялъ отъ сна, восклицающій громко возница Геренскій.
Скоро дошелъ до души Одиссеевой Несторовъ голосъ:
Выступилъ онъ изъ-подъ кущи и такъ говорилъ воеводамъ:
„Что межъ судами одни по воинскому ходите стану
Въ сумракѣ ночи? Какая пришла неизбѣжная нужда?"
Сыну Лаерта отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:
„Сынъ благородный Лаертовъ, герой Одиссей многоумный!
Ты не ропщи: Аргивянамъ жестокая нужда приходитъ!
Съ нами иди, и другихъ мы разбудимъ, съ которыми должно
Нынѣ жъ рѣшить на совѣтѣ—бѣжать ли намъ, или сражаться".
Рекъ онъ,—и быстро подъ кущу вступилъ Одиссей многоумный,
Щитъ свой узорный за плечи закинулъ и слѣдовалъ съ ними.
Къ сыну Тидея пошли, и нашли Діомеда лежащимъ
Одаль отъ сѣни, съ оружіемъ около ратные други
Спали; сголовьемъ ихъ были щиты, у постелей ихъ копья
Прямо стояли, вонзенныя древками; мѣдь ихъ далеко
Въ мракѣ блистала, какъ молнія Зевса. Герой въ серединѣ
Спалъ, и постелью была ему кожа вола степового;
Свѣтлый, блестящій коверъ лежалъ у него въ изголовьи.
Близко пришедши, будилъ почивавшаго Несторъ почтенный,
Трогая краемъ ноги, и въ лицо укорялъ Діомеда:
„Встань, Діомедъ! и что ты всю ночь почиваешь безпечно?
„Или забылъ, что Трояне, занявъ возвышеніе поля,
Близко стоятъ предъ судами и узкое мѣсто насъ дѣлитъ?"
Такъ говорилъ; почивавшій съ постели стремительно вспрянулъ
И, обратяся къ нему, произнесъ крылатыя рѣчи:
„Слишкомъ заботливый старецъ, трудовъ никогда ты не бросишь!
Нѣтъ ли у насъ и другихъ, въ ополченіи младшихъ Данаевъ,
Коимъ приличнѣе было бъ вождей насъ будить по порядку,
Ходя по стану Ахейскому; неутомимъ ты, о старецъ!"
Сыну Тидея отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:

„Такъ, Діомедъ, справедливо ты все и разумно вѣщаешь.
Есть у меня и сыны непорочные, есть и народа
Много подвластнаго: было бъ кому обходить и сзывать васъ;
Но жестокая нужда Аргивскихъ мужей постигаетъ!
Всѣмъ Аргивянамъ теперь на мечномъ остріи распростерта
Или погибель позорная, или спасеніе жизни!
Но поспѣши ты и сына Филеева съ быстрымъ Аяксомъ
Къ намъ призови: ты моложе меня и о мнѣ сожалѣешь“.
Рекъ; Діомедъ, не медля покрывшися львиною кожей,
Рыжей, огромной, до пятъ доходящей, и дротъ захвативши,
Быстро пошелъ, разбудилъ воеводъ и привелъ ихъ съ собою.
Скоро владыки Ахеянъ достигнули собранныхъ стражей
И не въ дремотѣ они предводителей стражи застали:
Бодро младые Ахейцы, съ оружіемъ въ длaняхъ сидѣли.
Словно какъ псы у овчарни овецъ стерегутъ безпокойно,
Сильнаго звѣря зачуявъ, который изъ горъ, голодалый,
Лѣсомъ идетъ: подымается шумная противу звѣря
Псовъ и людей стерегущихъ тревога, ихъ сонъ пропадаетъ,—
Такъ пропадалъ на очахъ усладительный сонъ у Ахеянъ;
Станъ охраняющихъ въ грозную ночь: непрестанно на поле
Взоры вперяли они, чтобъ узнать, не идутъ ли Трояне.
Съ радостью старецъ узрѣлъ ихъ и, болѣе духъ ободряя,
Весело къ нимъ говорилъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Такъ стерегитесь, любезныя дѣти! никто и не думай,
Стоя на стражѣ, о снѣ: да не будемъ мы въ радость враждебнымъ“.
Такъ говоря, перенесся за ровъ, и за нимъ устремились
Всѣ скиптроносцы Ахейскіе, сколько звано ихъ къ совѣту.
Съ ними герой Меріонъ и Несторовъ сынъ знаменитый
Слѣдовалъ; сами цари пригласили и ихъ для совѣта.
Вмѣстѣ они, перешедшіе ровъ, предъ стѣною изрытый,
Сѣли на чистой полянѣ, на мѣстѣ свободномъ отъ труповъ,
Въ сѣчѣ убитыхъ, отколь возвратился крушительный Гекторъ,
Рать истреблявшій Данаевъ, доколѣ ихъ ночь не покрыла;
Тамъ воеводы, сидящіе, между собой говорили.
Рѣчь имъ полезную началъ Геренскій воинственникъ Несторъ:
„Други! не можетъ ли кто-либо самъ на свое положиться
Смѣлое сердце и нынѣ же къ гордымъ Троянамъ пробраться
Въ мракѣ ночномъ? не возьметъ ли врага онъ, бродящаго съ краю;
Или, не можетъ ли между Троянъ разговора услышать,
Какъ межъ собою они полагаютъ: рѣшились ли твердо
Здѣсь оставаться далеко отъ города, или обратно

Мнятъ отъ судовъ отступить, какъ уже одолѣли Данаевъ,
Если бы то онъ услышалъ и къ намъ невредимъ возвратился,
О, великая слава была бы ему въ поднебесной,
Слава у всѣхъ человѣковъ; ему и награда прекрасна!
Сколько ни есть надъ судами Ахейскихъ начальниковъ храбрыхъ,
Каждый изъ нихъ наградитъ возвратившагось черной овцою
Съ агнцемъ сосущимъ,—награда, съ которой ничто не сравнится;
Будетъ всегда онъ участникъ и празднествъ, и дружескихъ пиршествъ".

Рекъ,—и никто не отвѣтствовалъ, всѣ хранили молчанье.
Первый межъ нихъ взговорилъ Діомедъ, воеватель могучій:
„Несторъ! меня побуждаетъ душа и отважное сердце
Въ станъ враждебный войти, недалеко лежащій Троянскій.
Но когда и другой кто со мною идти пожелаетъ,
Болѣе бодрости мнѣ и веселости болѣе будетъ.
Двумъ совокупно идущимъ, одинъ предъ другимъ вымышляетъ:
Что для успѣха полезно; одинъ же хотя бы и мыслилъ,—
Медленнѣй дума его и слабѣе рѣшительность духа".

Такъ говорилъ,—и идти съ нимъ хотящіе многіе встали:
Оба Аякса хотятъ, нестрашимые слуги Арея;
Хочетъ герой Меріонъ, Ѳразимедъ безпредѣльно желаетъ;
Хочетъ и свѣтлый Атридъ Менелай, знаменитый копейщикъ;
Хочетъ и царь Одиссей во враждебные сонмы проникнуть,—
Смѣлый: всегда у него на опасности сердце дерзало.
Но межъ нихъ возгласилъ повелитель мужей, Агамемнонъ:
„Отрасль Тидея, любезнѣйшій мнѣ Діомедъ благородный!
Спутника самъ для себя избирай и кого пожелаешь,
Кто изъ представшихъ, какъ мыслишь, отважнѣйшій: многіе жаждутъ.
Но изъ почтенія тайнаго, лучшаго къ дѣлу не брось ты
И не выбери худшаго, страху души уступая;
Нѣтъ, на родъ не взирай ты, хотя бъ и державнѣйшій былъ онъ".

Такъ Агамемнонъ вѣщалъ, за царя Менелая страшася.
Къ нимъ же вновь говорилъ Діомедъ, воеватель безстрашный:
„Ежели мнѣ самому избрать вы друга велите,
Какъ я любимца боговъ Одиссея героя забуду?
Сердце его, какъ ничье, предпріимчиво; духъ благородный
Твердъ и въ трудахъ, и въ бѣдахъ, и любимъ онъ Палладой Аѳиной!
Если сопутникъ мой онъ, изъ огня мы горящаго оба
Къ вамъ возвратимся: такъ въ немъ обиленъ на вымыслы разумъ".

Но ему возразилъ Одиссей, знаменитый страдалецъ:
„Слишкомъ меня не хвали, не хули, Діомедъ благородный,—
Знающимъ все говоришь ты царямъ и героямъ Ахейскимъ.

Лучше пойдемъ мы! Ночь убѣгаетъ и близко денница;
Звѣзды ушли ужъ далеко; болѣе двухъ уже долей
Ночь совершила, и только что третія доля осталась".
Такъ говоря, покрывалися оба оружіемъ страшнымъ.
Несторовъ сынъ, Ѳразимедъ воинственный, далъ Діомеду
Мѣдяный ножъ двулезвенный (свой при судахъ онъ оставилъ),
Отдалъ и щитъ; на главу же героя изъ кожи воловой
Шлемъ онъ надѣлъ, но безъ гребня, безъ бляхъ, называемый плоскимъ,
Коимъ чело у себя покрываетъ цвѣтущая младость.
Вождь Меріонъ предложилъ Одиссею и лукъ, и колчанъ свой,
Отдалъ и мечъ, на главу же надѣлъ Лаертида героя
Шлемъ изъ кожи; внутри перетянутый часто ремнями,
Крѣпко натянутъ онъ былъ, а снаружи по шлему торчали
Бѣлые вепря клыки, и сюда, и туда воздымаясь
Въ стройныхъ, красивыхъ рядахъ, въ серединѣ же полстью подбитъ онъ.
Шлемъ сей древле изъ стѣнъ Элеона похитилъ Автоликъ,
Тамъ Герменида Аминтора домъ крѣпкозданный разрушивъ;
Въ Скандіи жъ отдалъ его Киѳерійскому Аѳеидамасу;
Аѳеидамасъ подарилъ, какъ гостинецъ пріязненный, Молу;
Молъ наконецъ Меріону вручилъ его, храброму сыну;
Нынѣ сей шлемъ знаменитый главу осѣнилъ Одиссея.
Такъ Одиссей съ Діомедомъ, покрывшись оружіемъ страшнымъ,
Оба пустилися, тамъ же оставивъ старѣйшинъ Ахейскихъ;
Доброе знаменье храбрымъ не медля послала Аѳина—
Цаплю на правой рукѣ отъ дороги: они не видали
Птицы сквозь сумраки ночи, но слышали звонкіе крики.
Птицей обрадованъ былъ Одиссей и взмолился Аѳинѣ:
„Гласъ мой услышь, громовержцемъ рожденная! Ты, о богиня,
Мнѣ соприсущна во всякомъ трудѣ, отъ тебя не скрываю
Думъ я моихъ, но теперь благосклонною будь мнѣ, Аѳина!
Дай намъ къ Ахейскимъ судамъ возвратиться покрытыми славой,
Сдѣлавъ великое дѣло, на долгое горе Троянамъ!"
И взмолился второй, Діомедъ, воеватель могучій:
„Нынѣ услышь и меня, необорная дщерь Эгіоха!
Спутницей будь мнѣ, какою была ты герою Тидею
Къ Ѳивамъ, куда онъ съ посольствомъ ходилъ отъ народовъ Ахейскихъ;
Возлѣ Асоповыхъ водъ Аргивянъ мѣднолатныхъ оставивъ,
Мирныя вѣсти отецъ мой Кадмеянамъ несъ браноносным
Въ градъ, но изъ града идущій, дѣянія, страшныя слуху,

Сдѣлалъ съ тобой: благосклонная ты предстояла Тидею.
Такъ ты по мнѣ поборай и меня сохрани, о богиня!
Въ жертву тебѣ принесу я широкочелистую краву,
Юную, выя которой еще не склонялась подъ иго;
Въ жертву ее принесу я, съ рогами, облитыми златомъ".
Такъ говорили, молясь, и вняла имъ Паллада Аѳина.
Кончивъ герои мольбу Громовержца великаго дщери,
Оба пустились, какъ львы дерзновенные, въ сумракѣ ночи,
Полемъ убійства, по трупамъ, по сбруямъ и токамъ кровавымъ.
Тою порой и Троянскимъ сынамъ Пріамидъ не позволилъ
Сну предаваться: собралъ для совѣта мужей знаменитыхъ,
Всѣхъ въ ополченьи Троянскихъ вождей и совѣтниковъ мудрыхъ.
Собраннымъ вмѣстѣ мужамъ, предлагалъ онъ совѣтъ имъ полезный:
„Кто среди васъ за награду великую мнѣ обѣщаетъ
Славное дѣло свершить? А награда богатая будетъ:
Дамъ колесницу тому и яремныхъ коней гордовыйныхъ
Двухъ, превосходнѣйшихъ всѣхъ при судахъ быстролетныхъ Данайскихъ,
Кто между вами дерзнетъ (а покрылся бъ онъ свѣтлою славой!)
Въ сумракѣ ночи къ Ахейскому стану дойти и развѣдать:
Такъ ли Ахеянъ суда, какъ и прежде, опасно стрегомы,
Или, уже укрощенные силою нашей, Ахейцы
Между собой совѣщаютъ о бѣгствѣ и нынѣшней ночью
Стражи держать не желаютъ, трудомъ изнуренные тяжкимъ".
Такъ говорилъ; но молчанье глубокое всѣ сохраняли.
Былъ межъ Троянами нѣкто Долонъ, Троянца Эвмеда,
Вѣстника, сынъ, богатый и златомъ, богатый и мѣдью;
Сынъ, межъ пятью дочерями, единственный въ домѣ отцовскомъ,
Видомъ своимъ человѣкъ непригожій, но быстрый ногами.
Онъ предводителю Гектору такъ говорилъ, приступивши:
„Гекторъ, меня побуждаетъ душа и отважное сердце
Въ сумракѣ ночи къ судамъ Аргивянъ подойти и развѣдать.
Но, Пріамидъ, обнадежь, подыми твой скиптръ и клянися,
Тѣхъ превосходныхъ коней и блестящую ту колесницу
Дать непремѣнно, какія могучаго носятъ Пелида.
Я не напрасный тебѣ, не обманчивый вѣдомецъ буду:
Станъ отъ конца до конца я пройду и къ судамъ доступлю я,
Къ самымъ судамъ Агамемнона; вѣрно, Ахеянъ владыки
Гамъ совѣтъ совѣщаютъ, бѣжать ли имъ, или сражаться".
Рекъ онъ, и Гекторъ поднялъ свой скиптръ и клялся Долону:
„Самъ Эгіохъ мнѣ свидѣтель, супругъ громовержущій Геры!
Мужъ въ Иліонѣ другой на Пелидовыхъ коней не сядетъ:

Ты лишь единый, клянуся я, оными славиться будешь".
Рекъ онъ,—и суетно клялся, но сердце разжегъ у Троянца.
Быстро и лукъ свой кривой, и колчанъ онъ за плечи забросилъ,
Сверху покрылся кожей косматаго волка сѣдого,
Шлемъ же хоревый надѣлъ и острымъ копьемъ ополчился.
Такъ отъ Троянскаго стана пошелъ онъ къ судамъ; но Троянцу
Вспять не придти отъ судовъ, чтобы Гектору вѣсти доставить.
Онъ, за собой лишь оставилъ толпы и коней, и народа,
Рѣзво дорогой пошелъ. Подходящаго скоро примѣтилъ
Царь Одиссей и сопутнику такъ говорилъ, Діомеду:
„Видишь ли, другъ, человѣкъ изъ Троянскаго стана подходитъ!
Онъ, но еще не увѣренъ я, нашихъ судовъ соглядатай,
Или подходитъ, чтобъ чей-либо трупъ изъ убитыхъ ограбить.
Но позволимъ сначала немного ему по долинѣ
Насъ миновать, а потомъ устремимся и вѣрно изловимъ,
Быстро напавъ; но когда, убѣгающій, насъ упредитъ онъ,
Помни, отъ стана его къ кораблямъ отбивай непрестанно,
Пикой грозя, чтобы онъ не успѣлъ убѣжать къ Иліону".
Такъ сговоряся, они у дороги, межъ грудами труповъ,
Оба припали, а онъ мимо ихъ пробѣжалъ, безразсудный.
Но, лишь прошелъ настолько, какъ борозды нивы бываютъ,
Мулами вспаханной (долѣе мулы воловъ тяжконогихъ
Могутъ плугъ составный волочить по глубокому пару),
Бросились гнаться герои,—и сталъ онъ, топотъ услышавъ.
Чаялъ онъ въ сердцѣ своемъ, что друзья изъ Троянскаго стана
Кликать обратно его, по велѣнію Гектора, гнались.
Но, лишь предстали они на полетъ копія или меньше,
Лица враговъ онъ узналъ и проворныя ноги направилъ
Къ бѣгству, и быстро они за бѣгущимъ пустились въ погоню.
Словно какъ два острозубые пса, пріобыкшіе къ ловлѣ,
Серну иль зайца поднявъ, постоянно упорные гонятъ
Мѣстомъ лѣсистымъ, а онъ предъ гонящими, визгая, скачетъ,—
Такъ Діомедъ и рушитель градовъ Одиссей Иліонца
Полемъ, отрѣзавъ отъ войскъ, постоянно упорные гнали.
Но, какъ готовъ уже былъ онъ съ Ахейскою стражей смѣситься,
Прямо къ судамъ устремляяся,—ревность вдохнула Аѳина
Сыну Тидея, да въ рати никто не успѣетъ хвалиться
Славой, что ранилъ онъ прежде, а самъ да не явится послѣ.
Бросясь съ копьемъ занесеннымъ, вскричалъ Діомедъ на Троянца:
„Стой, иль настигну тебя я копьемъ! и напрасно, надѣюсь,
Будешь отъ рукъ ты моихъ избѣгать неминуемой смерти!"
Рекъ онъ и ринулъ копье, и съ намѣреньемъ мимо прокинулъ:

Быстро надъ правымъ плечомъ пролетѣвши, блестящее жаломъ,
Въ землю воткнулось копье, и Троянецъ сталъ, цѣпенѣя.
Губы его затряслися и зубы во рту застучали;
Съ ужаса блѣдный стоялъ онъ, а тѣ, задыхаясь, предстали,
Оба схватили его—и Долонъ, прослезяся, воскликнулъ:
„О, пощадите! я выкупъ вамъ дамъ, у меня изобильно
Злата и мѣди въ дому и красивыхъ издѣлій желѣза.
Съ радостью дастъ вамъ изъ нихъ неисчислимый выкупъ отецъ мой,
Если узнаетъ, что живъ я у васъ на судахъ мореходныхъ“.
Но ему на отвѣтъ говорилъ Одиссей многоумный:
„Будь спокоенъ и думы о смерти отринь ты отъ сердца.
Лучше отвѣтствуй ты мнѣ, но скажи совершенную правду:
Что къ кораблямъ Аргивянъ отъ Троянскаго стана бредешь ты
Въ темную ночь и одинъ, какъ покоятся всѣ человѣки?
Грабить ли ты хочешь мертвыхъ, лежащихъ на битвенномъ полѣ?
Или ты Гекторомъ посланъ, дабы предъ судами Ахеянъ
Все разсмотрѣть? или собственнымъ сердцемъ къ сему побужденъ ты?“
Блѣдный Долонъ отвѣчалъ, и подъ нимъ трепетали колѣна:
„Гекторъ, на горе, меня въ искушеніе ввелъ противъ воли:
Онъ Ахиллеса великаго коней мнѣ твердокопытыхъ
Клялся отдать и его колесницу, блестящую мѣдью.
Мнѣ жъ приказалъ онъ, подъ быстролетящими мраками ночи
Къ вашему стану враждебному близко дойти и развѣдать,
Такъ ли суда Аргивянъ, какъ и прежде, опасно стрегомы,
Или, уже укрощенные ратною нашею силой,
Вы совѣщаетесь въ домы бѣжать, и во время ночное
Стражи держать не хотите, трудомъ изнуренные тяжкимъ“.
Тихо осклабясь, къ нему говорилъ Одиссей многоумный:
„О! даровъ не ничтожныхъ душа у тебя возжелала:
Коней Пелида героя! Жестоки, Троянецъ, тѣ кони;
Ихъ укротить и править для каждаго смертнаго мужа
Трудно, кромѣ Ахиллеса, безсмертной матери сына!
Но отвѣтствуй еще и скажи совершенную правду:
Гдѣ, отправляясь, оставилъ ты Гектора, силъ воеводу?
Гдѣ у него боевые доспѣхи, быстрые кони?
Гдѣ ополченья другія Троянскія, стражи и станы?
Какъ межъ собою они полагаютъ: рѣшились ли твердо
Здѣсь оставаться, далеко отъ города, или обратно
Мнятъ отъ судовъ отступить, какъ уже одолѣли Ахеянъ?“
Вновь отвѣчалъ Одиссею Долонъ, соглядатай Троянскій:
„Храбрый, охотно тебѣ совершенную правду скажу я:

Гекторъ, когда уходилъ я, остался съ мужами совѣта,
Съ ними совѣтуясь подлѣ могилы почтеннаго Ила,
Одаль отъ шума; но стражей, герой, о какихъ вопрошаешь,
Нѣтъ особливыхъ, чтобъ станъ охраняли или сторожили.
Сколько же въ станѣ огней, у огнищъ ихъ, которымъ лишь нужда,
Бодрствуютъ ночью Трояне, одинъ убѣждая другого
Быть осторожнымъ; а всѣ дальноземцы, союзники Трои,
Спятъ беззаботно и стражу Троянамъ однимъ оставляютъ:
Нѣтъ у людей сихъ близко ни женъ, ни дѣтей ихъ любезныхъ".
Снова Долона выспрашивалъ царь Одиссей многоумный:
„Какъ же союзники—вмѣстѣ съ рядами Троянъ конеборныхъ,
Или особо спятъ? разскажи мнѣ, знать я желаю".
Снова ему отвѣчалъ Долонъ, соглядатай Троянскій:
„Все разскажу я тебѣ, говоря совершенную правду:
Къ морю Каріянъ ряды и стрѣльцовъ криволукихъ Пеоновъ,
Тамъ же Лелеговъ дружины, Кавконовъ и славныхъ Пелазговъ;
Около Ѳимбры Ликійцы стоятъ и гордые Мизы
Рать Фригіянъ колесничниковъ, рать конеборцевъ Меонянъ.
Но почто вамъ, герои, разспрашивать порознь о каждомъ?
Если желаете оба въ Троянское войско проникнуть,
Вотъ новопришлые, съ краю, отъ всѣхъ особливо, Ѳракійцы;
Съ ними и царь ихъ Резъ, воинственный сынъ Эйонея.
Видѣлъ я Резовыхъ коней, прекраснѣйшихъ коней, огромныхъ;
Снѣга бѣлѣе они и въ ристаніи быстры, какъ вѣтеръ.
Златомъ, сребромъ у него изукрашена вся колесница.
Самъ подъ доспѣхомъ златымъ, поразительнымъ, дивнымъ для взора,
Царь сей пришелъ, подъ доспѣхомъ, который не намъ человѣкамъ
Смертнымъ, прилично носить, но безсмертнымъ богамъ Олимпійскимъ!
Нынѣ—ведите меня вы къ своимъ кораблямъ быстролетнымъ.
Или свяжите и въ узахъ оставьте на мѣстѣ, доколѣ
Вы не придете обратно и въ томъ не увѣритесь сами,
Правду ли я вамъ, герои, разсказывалъ, или неправду".
Грозно взглянувъ на него, взговорилъ Діомедъ непреклонный:
„Нѣтъ, о спасеньи, Долонъ, невзирая на добрыя вѣсти,
Думъ не влагай себѣ въ сердце, какъ впалъ уже въ руки ты наши.
Если тебѣ мы свободу дадимъ и обратно отпустимъ,
Вѣрно, ты снова придешь къ кораблямъ мореходнымъ Ахеянъ,
Тайно осматривать ихъ или явно съ нами сражаться.
Но, когда уже духъ подъ моею рукою испустишь,
Болѣе ты не возможешь погибеленъ быть Аргивянамъ".

Рекъ,—и какъ тотъ, у него подбородокъ рукою дрожащей
Тронувъ, хотѣлъ умолять, Діомедъ замахнулъ и по выѣ
Острымъ ножомъ поразилъ и разсѣкъ ея крѣпкія жилы:
Быстро, еще съ говорящаго, въ прахъ голова соскочила.
Шлемъ хоревой они съ головы соглядатая сняли,
Волчью кожу, разрывчатый лукъ и огромную пику,
Все же то вмѣстѣ Аѳинѣ, добычи дарующей, въ жертву
Поднялъ горѣ Одиссей и молящійся громко воскликнулъ:
„Радуйся жертвой, Аѳина! къ тебѣ мы всегда на Олимпѣ
Къ первой взываемъ, безсмертныхъ моля! Но еще, о богиня,
Насъ предводи ты къ мужамъ и къ конямъ, на ночлеги Ѳракіянъ!“
Такъ произнесъ и поднятое все на зеленой мирикѣ
Царь Одиссей положилъ и означилъ примѣтою видной,
Вкругъ наломавши тростей и вѣтвей полнорослыхъ мирики,
Чтобы его не минуть имъ, идущимъ подъ сумракомъ ночи,
Сами спустились впередъ, чрезъ тѣла и кровавые токи.
Скоро достигли идущіе крайняго стана Ѳракіянъ.
Воины спали, трудомъ утомленные; всѣ ихъ доспѣхи
Пышные, подлѣ же ихъ, въ три ряда въ благолѣпномъ устройствѣ
Сложены были, и пара коней передъ каждымъ стояла.
Резъ посреди почивалъ, и его быстроногіе кони
Подлѣ стояли, привязаны къ задней скобѣ колесницы.
Первый его усмотрѣвъ, Одиссей указалъ Діомеду:
„Вотъ сей мужъ, Діомедъ, и вотъ тѣ самые кони,
Кони Ѳракійскіе, коихъ означилъ Долонъ умерщвленный.
Но начинай, окажи ты ужасную силу: не время
Съ острымъ оружіемъ праздно стоять. Иль отвязывай коней,
Или мужей побивай ты, а я постараюсь объ коняхъ“.
Рекъ онъ,—и сыну Тидееву крѣпость вдохнула Аѳина:
Началъ рубить онъ кругомъ; поднялися ужасные стоны
Воевъ, мечомъ пораженныхъ; земля забагровѣла кровью.
Словно какъ левъ, на стадо безстражное козъ или агницъ
Ночью набредши и гибель замысля, бросается быстрый,—
Такъ на Ѳракійскихъ мужей Діомедъ бросался могучій;
Онъ ихъ двѣнадцать убилъ. Между тѣмъ Одиссей хитроумный
Каждаго мужа, который мечомъ Діомеда зарубленъ,
За ноги сзади схвативъ, выволакивалъ быстро изъ ряду,
Съ мыслію той на душѣ, чтобъ Ѳракійскіе бурные кони
Вышли спокойно за нимъ и невольно не дрогнули бъ сердцемъ,
Прямо по трупамъ ступая, еще не привычные къ мертвымъ.
Но Тидидъ наконецъ до царя приступаетъ, могучій;
Резa третьягонадесять сладостной жизни лишилъ онъ.

Царь тяжело застоналъ: у него сновидѣніемъ грознымъ
Ночью стоялъ надъ главой Діомедъ, по совѣту Аѳины.
Тою порой Одиссей отвязывалъ Резовыхъ коней,
Вмѣстѣ уздами связалъ и изъ ратнаго толпища вывелъ,
Лукомъ своимъ поражая, бича же блестящаго въ руку
Онъ захватить не помыслилъ съ узорной царя колесницы.
Свистнулъ потомъ Одиссей, подавая знакъ Діомеду.
Тотъ же стоялъ и думалъ, что еще смѣлаго сдѣлать:
Взявъ ли царя колесницу, съ оружіемъ въ ней драгоцѣннымъ,
Быстро за дышло увлечь, либо вынести, вверхъ приподнявши,
Или еще ему болѣе душъ у Ѳракіянъ исторгнуть?
Думы герою сіи обращавшему въ сердцѣ, Аѳина
Близко предстала и такъ провѣщала Тидееву сыну:
„Вспомни уже объ отшествіи, сынъ благородный Тидея!
Время къ судамъ возвратиться, да къ нимъ не придешь ты бѣгущій,
Если Троянскихъ мужей небожитель враждебный пробудитъ".
Такъ изрекла,—и постигнулъ онъ голосъ богини вѣщавшей,
Быстро вскочилъ на коня. Одиссей обоихъ погонялъ ихъ
Лукомъ, и кони летѣли къ судамъ мореходнымъ Ахеянъ.
Тою порой соглядалъ не безпечно и Фебъ сребролукій.
Онъ усмотрѣлъ, что Аѳина сопутствуетъ сыну Тидея,
И, негодуя, въ великое войско Троянъ устремился.
Тамъ пробудилъ онъ Ѳракіянъ, совѣтника Гиппокоона,
Резова родича храбраго; съ ложа онъ спрянулъ и, блѣдный,
Видя лишь мѣсто пустое, гдѣ быстрые кони стояли,
Вкругъ на побоищѣ страшномъ Ѳракіянъ трепещущихъ видя,
Громко взрыдалъ и по имени кликалъ любезнаго друга.
Крикъ по Троянскому воинству, страшная встала тревога;
Быстро сбѣжались толпы и дѣламъ изумлялись ужаснымъ,
Кои враги совершили и къ чернымъ судамъ возвратились.
Тѣ же, когда принеслись, гдѣ убитъ соглядатай Троянскій,
Бурныхъ коней удержалъ Одиссей, безсмертнымъ любезный,
Но Тидидъ, соскочивъ и кровавыя взявши корысти,
Въ руки подалъ Одиссею и изнова прянулъ на коней.
Тотъ ихъ ударилъ; но кони покорные сами летѣли
Къ сѣнямъ Ахейскимъ; туда ихъ несло и желаніе сердца.
Несторъ, ихъ топотъ услышавши первый, вѣщалъ межъ царями:
„Други любезные, воинствъ Ахейскихъ вожди и владыки!
Правда то, или неправда, скажу я вамъ, сердце велитъ мнѣ:
Коней, стремительно скачущихъ, топотъ мнѣ слухъ поражаетъ.
[illegible]ынъ то Лаерта и сынъ дерзновенный Тидея
[illegible]о гнали Троянскихъ коней звуконогихъ!

Но трепещу я, о други мои, не они ль пострадали,
Воины наши храбрѣйшіе, въ станѣ, встревоженномъ ими!"
Не была старцемъ кончена рѣчь, какъ явились герои,
Съ коней на долъ соскочили, и сонмъ Аргивянъ восхищенный
Ихъ привѣчалъ и руками, и сладкими окрестъ словами.
Первый сталъ ихъ разспрашивать Несторъ, конникъ Геренскій:
„Какъ, Одиссей знаменитый, великая слава Ахеянъ,
Какъ вы коней сихъ добыли? Отважно ли оба проникли
Въ войско Троянское? или вамъ богъ даровалъ ихъ представшій?
Солнца лучамъ свѣтозарнымъ они совершенно подобны!
Я завсегда обращаюсь съ Троянами; праздно, надѣюсь,
Я не стою предъ судами, хотя и сѣдой уже воинъ;
Но такихъ я коней не видалъ, не примѣтилъ донынѣ!
Богъ, безъ сомнѣнія, явствѣчу явившійся, вамъ даровалъ ихъ:
Васъ обоихъ одинаково любитъ, какъ Зевсъ громовержецъ,
Такъ и Зевесова дочь, свѣтлоокая дѣва Паллада!"
Сыну Нелея отвѣтствовалъ царь Одиссей многоумный:
„Сынъ знаменитый Нелея, великая слава Ахеянъ!
Богу, когда соизволитъ, и лучшихъ, чѣмъ видите, коней,
Вѣрно, легко даровать: божества безпредѣльно могущи!
Эти же, старецъ почтенный, вновь пришлые въ станѣ Троянскомъ
Кони Ѳракійцевъ; у нихъ и царя Діомедъ нашъ могучій
Смерти предалъ, и двѣнадцать сподвижниковъ, все знаменитыхъ!
Но тринадцатый нами убитъ, при судахъ соглядатай,
Коего, высмотрѣть ночью великое воинство наше,
Нынѣ же Гекторъ послалъ и другіе сановники Трои".
Такъ говорящій, за ровъ перегналъ онъ коней звуконогихъ,
Радостно-гордый, толпой окруженный веселыхъ Данаевъ.
Скоро герои, пришедъ къ Діомедовой кущѣ красивой,
Коней ремнями искусно разрѣзанныхъ уздъ привязали
Къ конскимъ яслямъ, гдѣ и другіе царя Діомеда
Бурные кони стояли, питаяся сладкой пшеницей.
Но Лаертидъ на корабль доспѣхъ Долоновъ кровавый
Взнесъ, пока не устроится жертва Палладѣ богинѣ.
Сами же тою порой, погрузившися въ волны морскія,
Потъ и прахъ омывали на голеняхъ, выѣ и бедрахъ
И, когда уже все отъ жестокаго пота морскою
Влагой очистили тѣло и сердце свое освѣжили,
Оба еще омывались въ красиво-отесанныхъ ваннахъ.
Такъ омывшись они, умащенные свѣтлымъ елеемъ,
Сѣли съ друзьями за пиръ и изъ чаши великой Аѳинѣ,
Полными кубками, сладостнѣй меда вино возливали.

ПѢСНЬ XI.

СОДЕРЖАНІЕ ОДИННАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Съ восходомъ зари Зевсъ посылаетъ Вражду, которая возбуждаетъ Ахеянъ къ продолженію брани, ст. 1—14. Агамемнонъ вооружается великолѣпнымъ оружіемъ и рано выводитъ къ бою всѣ ополченія, въ которыхъ, многимъ героямъ предзнаменуя гибель, Зевсъ ниспосылаетъ кровавую росу, 15—55. Гекторъ съ Троянами также вооружается; сходятся обѣ рати и долго сражаются съ равнымъ ожесточеніемъ и успѣхомъ, ибо, кромѣ Вражды, ни одно содѣйствующее божество не присутствуетъ въ брани, 56—83. Въ полдень Ахейцы разрываютъ ряды Троянъ, но необыкновеннымъ геройствомъ отличается Агамемнонъ; онъ убиваетъ многихъ, чѣмъ воспламенивъ и все воинство, опрокидываетъ Троянъ и гонитъ, 84—162. Преслѣдуемые, они останавливаются уже подъ стѣнами города, Гекторомъ ободренные; но самъ Гекторъ, по повелѣнію Зевса, ему Ирисою возвѣщенному, избѣгаетъ встрѣчи съ свирѣпствующимъ противникомъ, а сражается въ другихъ мѣстамъ, пока онъ не будетъ раненъ и не удалится изъ боя. 163—215. Между тѣмъ, Агамемнонъ, снова напавъ на остановившихся Троянъ, убиваетъ Ифидамаса и его брата Коона, которымъ самъ бывъ раненъ, принужденъ удалиться изъ боя, 216—283. Тогда Гекторъ отражаетъ Ахеянъ и гонитъ, страшно свирѣпствуя, 284—309. Смятенный бой возстановляется Одиссеемъ и Діомедомъ, 310—342; Гекторъ нападаетъ на нихъ, но, пораженный въ шлемъ копьемъ Діомеда, отступаетъ, Діомедъ же, раненый въ ногу стрѣлою Париса, удаляется изъ боя, 343—400. Одиссей остается на побоищѣ одинъ, среди толпы враговъ, колеблется духомъ, наконецъ нападаетъ, поражаетъ многихъ; самъ, раненый Сокомъ, убиваетъ и его; но, принужденный отступить отъ окружающихъ его Троянъ, крикомъ призываетъ на помощь друзей и избавляется Менелаемъ и Аяксомъ, 401—488. Аяксъ, напавъ на Троянъ, обращаетъ ихъ въ бѣгство, а Гекторъ на лѣвомъ крылѣ свирѣпствуетъ противъ Идоменея и Нестора, 489—504. Парисъ ранитъ стрѣлою Махаона, котораго

Несторъ увозитъ на колесницѣ, 505—520. Между тѣмъ, Гекторъ, узнавъ, что Трояне на другомъ концѣ смяты Аяксомъ, на него устремляется; Аяксъ, грозно сражаясь, отступаетъ; но неохотному отступленію сравнивается съ осломъ, 521—573. Эврипилъ раненъ стрѣлою Париса и также оставляетъ бой, 574—596. Между тѣмъ, Ахиллесъ, увидѣвъ Нестора, увозящаго Махаона изъ битвы, посылаетъ Патрокла освѣдомиться, 597—617. Несторъ, извѣстивъ о бѣдственномъ положеніи дѣлъ, убѣждаетъ Патрокла и рѣчью, и повѣстью о брани Эпеянъ съ Пилосцами, дабы онъ или преклонилъ Ахиллеса помочь Ахеянамъ, или самъ, надѣвъ оружія Ахиллесовы, устрашилъ бы враговъ, 618—803. Патроклъ, возвращаясь назадъ, встрѣчаетъ Эврипила, страдающаго отъ язвы, приводитъ въ сѣнь и врачуетъ, 804—847.

Рано, едва лишь Денница Тиѳона прекраснаго ложе
Бросила, свѣтъ вожделѣнный неся и безсмертнымъ и смертнымъ,
Зевсъ Вражду ниспослалъ къ кораблямъ быстролетнымъ Ахеянъ,
Грозную вѣстницу, знаменье брани несущую въ дланяхъ.
Стала Вражда на огромнѣйшій черный корабль Одиссея,
Бывшій въ срединѣ, да крики ея обоюдно услышатъ
Въ кущахъ далекихъ Аякса и въ кущахъ царя Ахиллеса,
Кои на самыхъ концахъ съ многовеслыми ихъ кораблями
Стали, надежные оба на силу ихъ рукъ и на храбрость.
Тамъ возвышаясь, богиня воскликнула мощно и страшно,
Крикъ обращая къ Ахейцамъ и каждому въ сердце вдохнула
Бурную силу, безъ устали вновь воевать и сражаться.
Всѣмъ во мгновенье война имъ кровавая сладостнѣй стала,
Чѣмъ на судахъ возвращенье въ любезную землю родную.
Громко вопилъ и Атридъ, препоясаться въ брань возбуждая
Воевъ Аргивскихъ, и самъ покрывался блистательной мѣдью.
Прежде всего положилъ на могучія ноги поножи,
Пышныя, кои серебряной плотно смыкались наглезной.
Послѣ вкругъ персей герой надѣвалъ знаменитыя латы,
Кои когда-то Кинирасъ ему подарилъ на гостинецъ:
Ибо до Кипра достигла великая вѣсть, что Ахейцы
Ратью на землю Троянскую плыть кораблями рѣшились;
Въ оные дни подарилъ онъ Атриду, царю угождая.
Въ латахъ сихъ десять полосъ простиралися ворони черной,
Олова бѣлаго двадцать, двѣнадцать блестящаго злата;
Сизые змѣи по нимъ воздымалися кверху, до выи,
По три съ боковъ ихъ, подобные радугамъ, кои Кроніонъ
Зевсъ утверждаетъ на облакѣ, въ дивное знаменье смертнымъ.
Мечъ онъ набросилъ на рамо; кругомъ по его рукояти

Гвозди сверкали златые; влагалище мечное окрестъ
Было серебряное и держалось ремнями златыми.
Поднялъ, всего покрывающій, бурный свой щитъ велелѣпный,
Весь изукрашенный: десять кругомъ его ободовъ мѣдныхъ,
Двадцать вдоль его было сіяющихъ бляхъ оловянныхъ,
Бѣлыхъ, въ срединѣ жъ одна воздымалася—черная воронь;
Тамъ Горгона свирѣпообразная щитъ повершала,
Страшно глядящая, окрестъ которой и Ужасъ и Бѣгство.
Сребреный былъ подъ щитомъ симъ ремень, и по немъ протяженный
Сизый драконъ извивался ужасный; главы у дракона
Три, межъ собою сплетясь, отъ одной воздымалися выи.
Шлемъ возложилъ на главу изукрашенный, четверобляшный,
Съ конскою гривой, и страшный поверхъ его гребень качался.
Крѣпкія два захватилъ копія, повершенныя мѣдью,
Острыя, мѣдь отъ которыхъ далеко, до самаго неба,
Ярко сіяла. И грянули свыше Паллада и Гера,
Чествуя сына Атрея, царя многозлатой Микены.
Каждый тогда изъ мужей своему заповѣдалъ возницѣ
Коней устроить въ ряды и предъ рвомъ ихъ держать неотступно.
Сами же пѣшіе, въ мѣдныхъ доспѣхахъ, съ оружіемъ въ дланяхъ,
Рѣяли быстрые; шумъ неумолкный возсталъ до разсвѣта.
Конныхъ они упредивъ, передъ рвомъ построились къ бою;
Конные одаль за ними текли, и смятеніе злое
Зевсъ промыслитель въ толпахъ ихъ воздвигъ и съ высотъ, изъ эѳира
Росу послалъ, растворенную кровью; зане обрекалъ онъ
Многія храбрыхъ главы ниспослать въ обитель Аида.
Трои сыны ополчались, занявъ возвышеніе поля,
Окрестъ великаго Гектора, Полидамаса героя,
Окрестъ Энея, который, какъ богъ, почитался народомъ,
Трехъ Антенора сыновъ, Агенора героя, Полиба
И Акамаса младого, подобнаго жителю неба,
Гекторъ герой между первыми щитъ обращалъ круговидный.
Словно звѣзда вредоносная, то, изъ-за тучъ появляясь,
Блещетъ огнистая, то погружается въ мрачныя тучи,—
Такъ Пріамидъ, воеводствуя, то межъ переднихъ являлся,
То между заднихъ, къ сраженію строя; подъ пламенной мѣдью
Весь онъ свѣтился, какъ молнія грома метателя Зевса.
Воины такъ, какъ жнецы, устрояся другъ противъ друга
Жать ячмень иль пшеницу на нивѣ богатаго мужа,
Полосу встрѣчные гонятъ, ручни на ручни упадаютъ,—
Такъ соступившіесь воины, другъ противъ друга бросаясь,

Бились: ни тѣ, ни другіе о низкомъ не мыслили бѣгствѣ;
Съ рвеніемъ равнымъ главы на сраженье несли и, какъ волки,
Въ битвѣ ярились. Вражда веселилась, виновница бѣдствій,
Токмо одна отъ безсмертныхъ при страшной присутствуя сѣчѣ.
Боги другіе давно удалились отъ брани; спокойно
Въ свѣтлыхъ своихъ возсидѣли жилищахъ, гдѣ каждому богу
Домъ велелѣпный воздвигнутъ, по горнымъ уступамъ Олимпа.
Всѣ же они порицали гонителя облаковъ, Зевса,
Трои сынамъ даровать возжелавшаго славу побѣды.
Но не внималъ имъ владыка Олимпа; отъ всѣхъ уклоняся,
Онъ одинокій сидѣлъ въ отдаленіи, радостно гордый,
Градъ созерцая Троянъ, корабли черноокихъ Данаевъ,
Мѣди сіяніе, брань и губящимъ мужей и губимыхъ.
Долго, какъ длилося утро и день возрасталъ свѣтоносный,
Стрѣлы и тѣхъ и другихъ поражали, и падали вои.
Въ часъ же, какъ мужъ дровосѣкъ начинаетъ обѣдъ свой готовить,
Сѣвъ подъ горою тѣнистой, когда уже руки насытилъ,
Лѣсъ повергая высокій, и томность на душу находитъ,
Чувства жъ его обымаетъ алканіе сладостной пищи,—
Въ часъ сей Ахеяне силой своей разорвали фаланги,
Крикнувши разомъ дружина къ дружинѣ; впередъ Агамемнонъ
Ринулся первый и свергнулъ владыку мужей Біанора,
Свергнулъ и друга его Оилея, гонителя коней.
Онъ, съ колесницы ниспрянувши, противосталъ Атрейону,
И въ чело устремленнаго острымъ копьемъ Агамемнонъ
Грянулъ; копья не сдержалъ ни шеломъ его мѣдиотяжелый:
Быстро сквозь мѣдь и сквозь кость пролетѣло и, въ черепъ ворвавшись,
Съ кровью смѣсило весь мозгъ и смирило его въ нападеньи.
Бросилъ сраженныхъ во прахѣ владыка мужей Агамемнонъ,
Персями бѣлыми блещущихъ: онъ обнажилъ ихъ доспѣхи.
Самъ устремился на Иза и Антифа, свергнуть пылая
Двухъ Пріамидовъ (побочный одинъ, а послѣдній законный),
Бывшихъ въ одной колесницѣ. Побочный правилъ конями,
Антифъ же стоя воинствовалъ храбрый; нѣкогда ихъ же,
Пасшихъ овецъ, Ахиллесъ, изловивъ при подошвахъ Идейскихъ,
Вѣтвями гибкими плѣнныхъ связалъ, но избавилъ за выкупъ.
Нынѣ Атридъ ихъ, пространновластительный царь Агамемнонъ,
Перваго въ грудь близъ сосца поразилъ длиннотѣнною пикой,
Антифа жъ въ ухо мечомъ огромилъ и сразилъ съ колесницы.
Спѣшно съ поверженныхъ онъ совлекалъ прекрасныя брони,
Вспомнивши юношей: прежде онъ ихъ предъ судами Ахеянъ

Видѣлъ, какъ съ Иды плѣненныхъ привелъ Ахиллесъ благородный.
Словно какъ левъ быстроногія лани дѣтей безпомощныхъ,
Если придетъ къ логовищу, схвативши въ ужасныя зубы,
Вдругъ сокрушаетъ съ костями и юную жизнь похищаетъ;
Мать, какъ ни близко стоитъ у дѣтей, но помочь имъ не можетъ:
Сердце у ней у самой обымаетъ насильственный трепетъ;
Быстрая, скачетъ сквозь частый кустарникъ, сквозь темныя рощи,
Потъ проливая, бѣжитъ отъ неистовства мощнаго звѣря,—
Такъ Пріамидамъ никто изъ Троянъ при погибели грозной
Помощи не далъ: они предъ Ахейцами сами бѣжали.

Вслѣдъ онъ Пизандра и пылкаго въ битвахъ постигъ Гипполоха,
Братьевъ, сыновъ Антимаха, который, принявъ отъ Париса
Злато, блистательный даръ, на совѣтахъ всегда прекословилъ
Всѣмъ предлагающимъ выдать Елену царю Менелаю.
Мужа сего двухъ сыновъ низложилъ Агамемнонъ могучій,
Бывшихъ въ одной колесницѣ и вмѣстѣ коней укрощавшихъ,
Ибо изъ дланей у нихъ убѣжали блестящія вожжи.
Оба смутились они, и на нихъ, какъ левъ, устремился
Царь Агамемнонъ. Они съ колесницы къ нему возопили:
„Даруй намъ жизнь, о Атридъ! и получишь ты выкупъ достойный.
Много въ дому Антимаха лежитъ драгоцѣнностей въ домѣ;
Много и мѣди, и злата, и хитрыхъ издѣлій желѣза.
Съ радостью выдастъ тебѣ неисчислимый выкупъ родитель,
Если услышитъ, что живы мы оба, въ плѣну у Данаевъ“.
Такъ вопіющіе оба—царя преклоняли на жалость
Ласковой рѣчью, но голосъ неласковый слухъ поразилъ имъ:
„Если вы оба сыны Антимаха, враждебнаго мужа,
Что на сонмѣ Троянамъ совѣтъ подавалъ Менелая,
Въ Трою посломъ приходившаго съ мудрымъ Лаертовымъ сыномъ,
Тамъ умертвить, а обратно его не пускать къ Аргивянамъ,—
Се вамъ достойная мзда за презрѣнную злобу отцову!“
Рекъ, и могучимъ ударомъ Пизандра сразилъ съ колесницы.
Въ грудь онъ копьемъ пораженный, ударился тыломъ о землю.
Спрянулъ съ коней Гипполохъ, и его низложилъ онъ на землю,
Руки мечомъ отрубивши и голову съ выей отсѣкши;
Трупъ оттолкнулъ и по толпищу онъ покатился какъ ступа.
Бросивъ сраженныхъ, туда, гдѣ сильнѣе толпились фаланги,
Ринулся онъ, и за нимъ мѣднобронные мужи Ахейцы.
Пѣшіе пѣшихъ разятъ, предающихся бѣгству неволей,
Конные конныхъ (отъ нихъ заклубилося облако праха
Съ поля, взвиваясь ногами гремящихъ копытами коней)
Мѣдью другъ друга сражаютъ; но мощный Атридъ непрестанно

Гналъ, поражая бѣгущихъ и крикомъ своихъ ободряя.
Словно какъ хищный огонь на нерубленный лѣсъ нападаетъ;
Вихорь крутящійся окрестъ разноситъ его, и изъ корней
Съ трескомъ древа упадаютъ, крушимыя огненной бурей,—
Такъ подъ руками героя Атрида главы упадали
Въ бѣгъ обращенныхъ Троянъ; крутовыйные многіе кони
Съ громомъ по браннымъ путямъ колесницы носили пустыя,
Славныхъ ища ихъ возницъ, а они по долинѣ лежали
Блѣдные, коршунамъ больше пріятные, чѣмъ ихъ супругамъ.
Гектора жъ Зевсъ промыслитель отъ стрѣлъ удалилъ и отъ праха,
Внѣ пораженья поставилъ, и крови, и бурной тревоги.
Но Агамемнонъ преслѣдовалъ, мощно своихъ возбуждая.
Толпища мимо кургана Дарданскаго древняго Ила
Полемъ, нестройныя, мимо смоковницы дикой бѣжали,
Сердцемъ летящія въ градъ; неотступно преслѣдовалъ съ крикомъ
Царь Агамемнонъ и кровью багрилъ необорныя руки.
Но, приближася къ дубу и къ Скейскимъ воротамъ, Трояне
Тамъ удержались и, ставъ, ожидали послѣднихъ бѣгущихъ.
Тѣ же еще по долинѣ, какъ робкія бѣгали кравы,
Если ихъ левъ распугаетъ, пришедшій въ глубокую полночь,
Всѣхъ; но единой изъ нихъ предстоитъ ужасная гибель:
Выю онъ вдругъ ей крушитъ, захвативши въ могучіе зубы,
Послѣ и кровь, и горячую внутренность всю поглощаетъ,—
Такъ ихъ бѣгущихъ преслѣдовалъ мощный Атридъ, непрестанно
Мужа послѣдняго пикой сражая; бѣжали Трояне.
Многіе ницъ и хребтомъ упадали, сраженные съ коней
Дланью Атридовой: такъ впереди онъ свирѣпствовалъ пикой.
Но когда, побѣждая, подъ градъ и высокую стѣну
Онъ приближался, въ то время отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ,
Зевсъ, на превыспренномъ холмѣ обильной потоками Иды,
Съ неба нисшедшій, возсѣлъ, и держалъ онъ перуны въ десницѣ,
И къ посланницѣ быстрой вѣщалъ златокрылой Ирисѣ:
„Шествуй, пасланница быстрая, Гектору слово повѣдай:
Дондеже зритъ онъ, что пастырь народа Атридъ Агамемнонъ,
Между переднихъ свирѣпствуя, губитъ ряды браннопосцевъ,
Пусть отъ него уклоняется, токмо другихъ ободряя
Храбро съ мужами враждебными ратовать въ битвѣ жестокой.
Но, когда, копіемъ иль Троянской стрѣлой пораженный,
Бросится онъ въ колесницу, пошлю я Гектору крѣпость:
Будетъ разить онъ, доколѣ дойдетъ къ кораблямъ быстролетнымъ,
И закатится солнце, и мраки священные снидутъ“.
Рекъ; повинуется быстрая, равная вихрямъ, Ириса;

Съ Иды горы устремляется къ Троѣ, священному граду;
Тамъ Пріамида героя, великаго Гектора видитъ,
Въ сонмѣ дружинъ на коняхъ, въ колесницѣ стоящаго свѣтлой.
Ставъ передъ нимъ, провѣщаетъ подобная вихрямъ Ириса:
„Гекторъ, Пріамова отрасль, равный совѣтами Зевсу!
Зевсъ посылаетъ меня, да тебѣ изреку его слово:
Дондеже зришь ты, что пастырь народа Атридъ Агамемнонъ,
Между передних свирѣпствуя, губитъ ряды ратоборцевъ,
Самъ отъ него уклоняйся и токмо другихъ ободряй ты
Храбро съ мужами враждебными ратовать въ битвѣ жестокой.
Но, когда копіемъ иль Троянской стрѣлой пораженный,
Бросится онъ въ колесницу, тебѣ ниспошлетъ онъ могучесть;
Будешь разить ты, доколѣ дойдешь къ кораблямъ быстролетнымъ
И закатится солнце, и мраки священные снидутъ".
Такъ говоря, отлетѣла подобная вихрямъ Ириса.
Гекторъ герой съ колесницы съ оружіемъ прянулъ на землю;
Острыя копья колебля, кругомъ обходилъ ополченья,
Въ бой распаляя сердца; и возжегъ онъ ужасную сѣчу.
Вспять обратились Трояне и стали въ лицо Аргивянамъ;
Аргоса вои съ противной страны укрѣпили фаланги.
Битва возставлена; стали навстрѣчу, и царь Агамемнонъ
Ринулся первый: пылалъ и въ передних онъ первымъ сражаться.
Нынѣ повѣдайте, Музы, живущія въ сѣняхъ Олимпа,
Кто Агамемнону противосталъ на сраженіе первый
Между Троянъ конеборственных или союзниковъ славныхъ?
Сынъ Антеноровъ, герой Ифидамасъ, огромный и сильный,
Въ Ѳракіи холмной воспитанный, матери стадъ руноносныхъ.
Тамъ Антенорова сына Киссей воспиталъ съ колыбели,
Дѣдъ знаменитый его, бѣлоногой Ѳеаны родитель.
Но, когда онъ достигнулъ возраста юности славной,
Дѣдъ, удержавши его, сочеталъ съ нимъ дочь. Новобрачный,
Вдругъ изъ чертога онъ брачнаго славой Ахеянъ увлекся,
Въ черных двѣнадцати быстрыхъ судахъ полетѣлъ къ Иліону.
Но суда многомѣстныя въ градѣ Перкотѣ оставивъ,
Пѣшій съ дружиной пошелъ и вступилъ въ Иліонскія стѣны.
Онъ Агамемнону противосталъ на сраженіе первый.
Чуть соступилися оба, идущіе другъ противъ друга,
Ринулъ Атридъ и прокинулъ: оружіе мимо промчалось.
Но Ифидамасъ средь запона, ниже сіяющей брони,
Пику вонзилъ и на древко налегъ, уповая на силу.
Тщетно герой напрягался пронзить изукрашенный поясъ:
Первое встрѣтивъ сребро, какъ свинецъ, изогнулося жало.

Древко, рукой ухвативъ, повелитель мужей Агамемнонъ
Мощно повлекъ, разъяренный, какъ левъ, и изъ рукъ супостата
Вырвалъ, его же по выѣ мечомъ поразилъ и низвергнулъ.
Тамъ, по землѣ распростершися, сномъ засыпаетъ онъ мѣднымъ,
Вѣдный, друзей защищавшій, далеко отъ вѣрной супруги,
Юной, отъ коей и ласкъ не пріялъ, но дарами осыпалъ:
Сто ей воловъ сперва даровалъ и еще обѣщалъ онъ
Тысячу козъ и овецъ изъ стадъ у него неисчетныхъ.
Нынѣ жъ Атридъ Агамемнонъ его обнаженнаго бросилъ
И понесъ межъ толпами доспѣхъ пораженнаго пышный.
Скоро Атрида увидѣлъ Коонъ, знаменитый воитель,
Сынъ Антеноровъ старѣйшій, и сердца глубокая горесть
Очи ему помрачила при видѣ простертаго брата.
Сталъ въ сторонѣ онъ съ копьемъ, непримѣтный герою Атриду,
Быстро ударилъ и въ руку его поразилъ возлѣ локтя;
Руку насквозь прокололо копейное яркое жало,
И содрогся отъ страха владыка мужей Агамемнонъ,
Брани жъ и боя герой не оставилъ и такъ, на Коона
Ринулся грозный, колебля копье, возращенное бурей.
Онъ же тогда Ифидамаса, милаго брата родного,
Пламенно за ногу влекъ, призывающій храбрыхъ на помощь.
Влекшаго тѣло его, подъ огромнымъ щитомъ, Агамемнонъ
Сулицей мѣдяножальной ударилъ и силы разрушилъ,
И на братнемъ трупѣ главу съ него ссѣкъ налетѣвшій.
Такъ Антенора сыны, подъ руками Атрида героя
Участь свою совершивъ погрузились въ обитель Аида.
Онъ же, могучій, другіе ряды обходилъ ратоборцевъ,
Ихъ и копьемъ, и мечомъ, и огромными камнями бьющій,
Кровь покуда горячую свѣжая рана струила.
Но лишь рана засохла и черная кровь унялася,
Боли мучительно-острыя въ душу Атрида вступили.
Словно какъ мать при родахъ раздираютъ жестокія стрѣлы,
Острыя, кои вонзаютъ Илиеіи, Герины дщери,
Женамъ родящимъ присущія, мукъ ихъ владычицы горькихъ,
Столько же острыя боли вступили въ Атридову душу.
Онъ, въ колесницу вскоча, повелѣлъ своему браздодержцу
Коней къ судамъ устремить мореходнымъ, и, сердцемъ терзаясь,
Крикъ онъ, кругомъ раздающійся, поднялъ, къ Ахеямъ взывая:
„Други, вожди и правители мудрые храбрыхъ Данаевъ!
Вы отражайте теперь отъ Ахейскихъ судовъ мореходныхъ
Тяжкую битву, а мнѣ не позволилъ Кронидъ промыслитель
Ратовать цѣлый сей день съ вѣроломными чадами Трои“.

Такъ произнесъ и бичомъ браздодержецъ коней пышногривыхъ
Къ чернымъ погналъ кораблямъ, и послушные кони летѣли;
Пѣну по персямъ клубя и кругомъ осыпаяся прахомъ,
Съ браннаго поля несли удрученнаго язвой владыку.
Гекторъ, едва усмотрѣлъ отходящаго съ битвы Атрида,
Голосомъ звучнымъ вскричалъ, возбуждая Троянъ и Ликіянъ:
„Трои сыны, и Ликійцы, и вы, рукопашцы Дарданцы!
Будьте мужами, друзья, и вспомните бурную храбрость!
Съ боя уходитъ храбрѣйшій, и мнѣ знаменитую славу
Зевсъ посылаетъ; направьте, Трояне, коней звуконогихъ
Прямо на гордыхъ Данаевъ, стяжайте высокую славу!“
Такъ восклицая, возжегъ онъ и силу, и мужество въ каждомъ.
Словно какъ ловчій испытанный псовъ бѣлозубыхъ станицу
Въ ловъ раздражаетъ на льва иль на дикаго вепря лѣсного,
Такъ на Аргивскихъ мужей Троянъ раздражалъ крѣпкодушныхъ
Гекторъ герой, человѣковъ губителю равный Арею;
Самъ же онъ, гордо мечтающій, первый предъ ратью идущій,
Въ бой налеталъ, какъ высококрутящійся вихорь могучій,
Свыше который обрушась, весь понтъ черноводный волнуетъ.
Кто же былъ первый и кто былъ послѣдній, которыхъ низвергнулъ
Гекторъ герой, какъ побѣду ему даровалъ Олимпіецъ?
Первый Ассей и вослѣдъ Автоной, и Опитъ браннопосный,
Клитія отрасль Долопъ, Агелай, и могучій Офельтій,
Оръ и отважный Эзимнъ, и Гипподой, пламенный въ битвахъ:
Сихъ поразилъ онъ Ахейскихъ вождей именитыхъ, а ратныхъ
Множество: словно какъ Зефиръ на облаки облаки гонитъ,
Хладнаго Нота порывами бурными ихъ поражая;
Волны, холмясь, безпрестанно крутятся, и пѣна высоко
Брызжетъ, взрываясь порывами многосторонняго вѣтра,—
Такъ безпрестанно отъ Гектора падали головы ратныхъ.
Гибель была бъ, совершилось бы тутъ невозвратное дѣло,
Вѣрно, упали бъ въ суда отраженныя рати Ахеянъ,
Если бъ Тидида на бой не призвалъ Одиссей прозорливый:
„Что, Діомедъ, мы стоимъ и забыли воинскую доблесть?
Шествуй сюда ты и стань близъ меня: нестерпимый позоръ намъ,
Если у насъ корабли завоюетъ божественный Гекторъ!“
Сыну Лаерта въ отвѣтъ говорилъ Діомедъ нестрашимый:
„Стану, о другъ, я и здѣсь устою, но пользы немного
Будетъ отъ нашего мужества: Зевсъ, потрясатель эгида,
Больше Троянамъ, чѣмъ намъ, даровать одолѣніе хочетъ!“

Такъ произнесъ и Ѳимбрея сразилъ съ колесницы на землю,
Въ грудь у сосца поразивши копьемъ; Одиссей же могучій
Богу подобнаго свергъ Моліона, клеврета царева.
Въ прахѣ оставили сихъ, успокоенныхъ ими отъ брани,
Сами жъ, толпу проходя, волновали ее и, какъ вепри
Вдругъ на псовъ, ихъ гонящихъ, гордые мечутся сами,
Такъ, обратяся, они истребляли Троянъ, а Данаи
Радостно всѣ отдыхали отъ бѣгства предъ Гекторомъ грознымъ.
Тутъ колесницу они и могучихъ мужей изловили,
Двухъ сыновъ Перкозійца Меропа, который славнѣйшій
Былъ предсказатель судьбы и сынамъ не давалъ позволенья
Къ брани погибельной въ Трою идти; не послушали дѣти
Старца родителя: рокъ увлекалъ ихъ къ погибели черной.
Ихъ обоихъ Тидейонъ Діомедъ, знаменитый копейщикъ,
Душу и жизнь сокрушилъ и прекрасныя сбруи похитилъ,
Царь Одиссей Гипподама сразилъ и вождя Гипероха.
Тутъ въ равновѣсіи бой распростеръ межъ народовъ Кроніонъ,
Съ Иды взиравшій на брань, и они поражали другъ друга.
Мощный Тидидъ копьемъ уязвилъ въ бедро Агастрофа,
Сына Пеонова храбраго: коней при немъ, чтобъ избѣгнуть,
Не было близко; такъ Пеонидъ омрачился душою.
Ихъ возница держалъ въ отдаленіи, самъ же онъ пѣшій
Рыскалъ межъ сонмовъ передникъ, пока погубилъ свою душу.
Гекторъ героевъ узрѣлъ сквозь ряды и на нихъ устремился
Съ крикомъ свирѣпымъ; за нимъ и Троянъ полетѣли фаланги.
Сердцемъ смутился, увидѣвъ его, Діомедъ благородный
И мгновенно воззвалъ къ близъ стоящему сыну Лаерта:
„Гибель крутится на насъ, шлемоблещущій Гекторъ могучій,
Но останемся здѣсь и ее отразимъ, устоявши!“
Рекъ онъ и, мощно сотрясши, послалъ длиннотѣнную пику,
И улучилъ, безъ ошибки умѣтилъ въ главу Пріамида,
Вверхъ коневласаго шлема, но мѣдь отскочила отъ мѣди:
Къ бѣлому тѣлу коснуться шеломъ возбранилъ дыроокій,
Крѣпкій, тройной, на защиту герою дарованный Фебомъ.
Гекторъ далеко отпрянулъ назадъ и, смѣсившись съ толпою,
Палъ на колѣно; могучей рукой упираяся въ землю,
Томный поникнулъ, и взоръ ему темная ночь осѣнила.
Но пока Діомедъ за копьемъ, пролетѣвшимъ далеко,
Шелъ сквозь ряды первоборные, гдѣ оно въ землю вонзилось,
Гекторъ съ духомъ собрался и, бросившись вновь въ колесницу,
Къ дружнимъ толпамъ поскакалъ и избѣгнулъ гибели черной.
Съ пикой преслѣдуя, громко вскричалъ Діомедъ нестрашимый:

„Снова ты смерти, о песъ, избѣжалъ! Надъ твоей головою
Гибель летѣла, и снова избавленъ ты Фебомъ могучимъ.
Феба обыкъ ты молить, выходя на свистящія стрѣлы!
Скоро, однакожъ, съ тобою я кончу, сошедшися послѣ,
Если и мнѣ межъ боговъ небожителей есть покровитель!
Нынѣ пойду на другихъ и повергну, которыхъ постигну!“
Рекъ и съ Пеонова сына доспѣхи совлечь наклонился.
Тою порой Александръ, супругъ лѣпокудрой Елены,
Скрывшись за столбъ гробовой на могилѣ усопшаго мужа,
Ила, Дарданова сына, почтеннаго въ древности старца,
Лукъ наляцалъ на Тидеева сына, владыку народа,
И какъ тотъ, наклонясь, обнажалъ Агастрофа героя:
Щитъ отъ раменъ, испещренныя латы отъ персей и тяжкій
Шлемъ отъ главы,—Александръ, рукоятіе лука напрягши,
Мечетъ стрѣлу, и не тщетно она изъ руки излетѣла:
Ранилъ въ десную пяту, и стрѣла, пробѣжавъ сквозь подошву,
Въ землю вонзилась. Парисъ торжествующій, съ радостнымъ смѣхомъ,
Вдругъ изъ засады подпрянулъ и, гордый побѣдой, воскликнулъ:
„Ты пораженъ! и моя не напрасно стрѣла полетѣла!
Если бъ въ утробу тебя угодилъ я и душу исторгнулъ,
Сколько-нибудь отдохнули бъ отъ бѣдъ обитатели Трои,
Коихъ страшишь ты, какъ левъ истребительный агнцевъ блеющихъ!“
И ему, не робѣя, Тидидъ отвѣчалъ благородный:
„Подлый стрѣлецъ, лишь кудрями гордящійся дѣвъ соглядатай!
Если бъ противу меня испыталъ ты оружій открыто,
Лукъ не помогъ бы тебѣ, ни крылатыя частыя стрѣлы!
Ты, у меня лишь пяту оцарапавши, столько гордишься;
Мнѣ же ничто! какъ бы дѣва ударила, или ребенокъ!
Такъ тупа стрѣла ничтожнаго слабаго мужа!
Иначе мчится моя: лишь враждебнаго тѣла достигнетъ,
Острой влетаетъ стрѣлой—и произенный лежитъ бездыханенъ!
И мгновенно вдова его въ грусти терзаетъ ланиты,
Дѣти въ дому сиротѣютъ, и самъ онъ, кровавящій землю,
Тлѣетъ, и вкругъ его тѣла не жены, а птицы толпятся!“
Такъ онъ вѣщалъ, и, къ нему приступивъ, Одиссей копьеборецъ
Сталъ впереди; Діомедъ же, присѣвъ, изъ ноги прободенной
Вырвалъ стрѣлу, и по тѣлу жестокая боль пробѣжала.
Онъ, въ колесницу вскочивъ, повелѣлъ своему браздодержцу
Коней къ судамъ устремить мореходнымъ: терзалось въ немъ сердце.
Тутъ Одиссей копьеборецъ покинутъ одинъ; изъ Ахеянъ

Съ нимъ никто не остался: всѣхъ разсѣялъ ихъ ужасъ.
Онъ, воздохнувъ, говорилъ къ своему благородному сердцу:
„Горе! что будетъ со мною? позоръ, коль, толпы устрашася,
Я убѣгу, но и горше того, коль толпою постигнутъ
Буду одинъ я: другихъ Аргивянъ Громовержецъ разсыпалъ.
Но почто мою душу волнуютъ подобныя думы?
Знаю, что подлый одинъ отступаетъ безчестно изъ боя!
Кто на бояхъ благороденъ душой, безъ сомнѣнія, долженъ
Храбро стоять, поражаютъ его, или онъ поражаетъ!“
Тою порою, какъ думы сіи обращалъ онъ на сердцѣ,
Быстро Троянцевъ ряды приступили къ нему щитоносцевъ
И сомкнулись кругомъ, межъ себя заключая ихъ гибель.
Словно какъ вепря и быстрые псы, и ловцы молодые
Вдругъ окружаютъ, а онъ изъ дремучаго лѣса выходитъ
Грозный, въ искривленныхъ челюстяхъ бѣлый свой клыкъ изощряя;
Ловчіе вкругъ нападаютъ; стучитъ онъ ужасно зубами,
Гордый звѣрь; но стоятъ звѣроловцы, какъ онъ ни грозенъ,—
Такъ на любимца боговъ Одиссея кругомъ нападали
Мужи Троянскіе; онъ отбивался, и острою пикой
Перваго ранилъ въ поверхность плеча Дейопита героя;
Послѣ Ѳоона и Эннома другъ возлѣ друга низринувъ,
Онъ Херсидама Троянца, когда съ колесницы тотъ прядалъ,
Въ чрево блестящимъ дротомъ, подъ щитомъ его выпуклобляшнымъ,
Ранилъ; во прахѣ простершись, руками хватаетъ онъ землю.
Сихъ онъ оставилъ и вслѣдъ поразилъ Гиппасида Харопа,
Милаго брата рожденіемъ славнаго Сока героя.
Въ помощь ему устремившися, Сокъ, небожителю равный,
Быстро и близко предсталъ и къ Лаертову сыну воскликнулъ:
„Царь Одиссей! неистомный въ трудахъ, неоскудный въ коварствахъ!
Днесь или ты надъ двумя Гиппасидами будешь гордиться,
Свергнувъ мужей таковыхъ и доспѣхъ ихъ блестящій похитивъ,
Или, копьемъ ты моимъ ниспроверженный, душу погубишь!“
Рекъ онъ и пикой въ размахъ поразилъ по щиту Одиссея:
Щитъ свѣтозарный насквозь пробѣжала могучая пика,
Броню, художествомъ пышную, быстро пронзила и кожу
Всю отдѣлила отъ ребръ Одиссеевыхъ; но запретила
Мѣди Паллада Аѳина касаться утробы героя.
И, познавъ Одиссей, что стрѣлой не смертельной постигнутъ,
Мало назадъ отступилъ и къ Гиппасову сыну воскликнулъ:
„Нѣтъ, злополучный, тебя постигаетъ жестокая гибель!
Ты воспрепятствовалъ мнѣ съ Фригіянами нынѣ сражаться,

Я же тебѣ предвѣщаю убійство и черную гибель:
Здѣсь и теперь же моимъ копіемъ ты поверженный славу
Даруешь мнѣ, и Аиду, конями гордящемусь, душу!“
Рекъ онъ,—и Сокъ, отъ него обратившися, въ бѣгъ устремился.
И ему обращенному пику въ хребетъ углубилъ онъ
Между раменъ и насквозь черезъ перси широкія выгналъ.
Съ шумомъ онъ грянулся въ прахъ, и вскричалъ Одиссей, торжествуя:
„Сокъ, о воинственный сынъ укротителя коней Гиппаса!
Смертная участь постигла тебя, отъ нея не избѣгъ ты!
Ахъ, злополучный! тебѣ ни отецъ, ни почтенная матерь
Темныхъ очей не закроютъ умершему; хищныя птицы
Скоро тебя разорвутъ, пораженія густыми крылами,
Мнѣ же, умершему, честь воздадутъ Аргивяне герои!“
Такъ восклицающій Сока могучаго бурную пику
Вырвалъ изъ язвы своей и щита Одиссей благородный;
Вслѣдъ за оружіемъ хлынула кровь, и душа затомилась.
Мужи Троянскіе только увидѣли кровь Одиссея,
Крикнувъ другъ другу въ толпѣ, на единаго всѣ устремились.
Онъ же отъ нихъ отступалъ и друзей призывалъ, восклицая.
Трижды вскричалъ Одиссей, какъ смогла голова человѣка,
Трижды послышалъ сей крикъ Менелай, копьеборецъ могучій.
Быстро Атридъ возгласилъ къ находившемусь близко Аяксу:
„О Теламонидъ, Аяксъ благородный, властитель народа!
Крикъ Одиссея героя ко мнѣ достигаетъ призывный,
Крику подобный, какъ будто его одного угнетаютъ
Боемъ Трояне, отрѣзавъ отъ всѣхъ на побоищѣ страшномъ.
Другъ, устремимся въ толпу: защитить Одиссея намъ должно!
Я трепещу, да одинъ межъ Троянами онъ не пострадаетъ,
Какъ ни отваженъ; великая скорбь поразила бъ Ахеянъ!“
Рекъ и грядетъ онъ, сопутствуемъ мужемъ, безсмертному равнымъ.
Скоро они Одиссея уврѣли. Толпою ходили
Окрестъ героя враги, какъ межъ горъ кровожадные волки
Окрестъ еленя рогатаго, коего мужъ звѣроловецъ
Ранилъ изъ лука стрѣлой; отъ него избѣжалъ быстроногій,
Мчася, доколѣ вращались горячая кровь и колѣна;
Но когда его мощь одолѣла стрѣла роковая,
Хищные волки его, между горъ растерзавъ, пожираютъ
Въ мрачной дубравѣ, и льва истребителя демонъ приводитъ;
Волки кругомъ разсыпаются; добычу левъ пожираетъ,—
Такъ вокругъ Одиссея, искуснаго въ битвахъ, ходили

Мужи Троянскіе, многіе, сильные, онъ же, безстрашный,
Вкругъ обращаясь, копьемъ отражалъ роковую годину.
Сынъ Теламоновъ приблизился, щитъ, какъ башню, несущій,
Сталъ передъ нимъ, и Трояне разсыпались другъ передъ другомъ.
За руку взявшій его, изъ толпы выводилъ благородный
Царь Менелай, пока не предсталъ съ колесницей возница.
Бурный Аяксъ, на Троянъ опрокинувшись, ранилъ Дорикла,
Сына Пріама побочнаго; тамъ же онъ Пандока свергнулъ,
Свергнулъ, кругомъ нападая, Лизандра, Пираза, Пиларта.
Словно рѣка наводненная въ поле незапная хлынетъ,
Бурно упавшая съ горъ, отягченная Зевсовымъ ливнемъ;
Многіе дубы изсохшіе, многіе древнія сосны
Мчитъ и, крутящаясь, илъ свой взволнованный въ море бросаетъ,—
Такъ устремился и все взволновалъ Теламонидъ могучій,
Коней разя и мужей.—Но погибельной смуты не вѣдалъ
Гекторъ; на лѣвомъ концѣ онъ пылающей брани сражался,
Вдоль по брегу Скамандра пучиннаго, гдѣ наиболѣе
Падали головы ратныхъ и бранные клики гремѣли
Около Нестора старца и сильнаго Идоменея.
Гекторъ межъ ними вращался могучій и грозное дѣялъ:
Пикой и бурной ѣздой сокрушалъ онъ фаланги Данаевъ.
Но не оставили бъ поля Данайскія храбрыя рати,
Если бъ герой Александръ, супругъ лѣпокудрой Елены,
Битвы прервать не принудилъ Махаона, храбраго мужа,
Въ правое рамо его поразивъ троежальной стрѣлою.
Всѣ за него ужаснулись пылавшіе бранью Данаи,
Чтобы его, при несчастливой битвѣ, враги не сразили.
Идоменей къ знаменитому Нестору первый воскликнулъ:
„Несторъ Нелидъ, о великая слава Ахейскихъ народовъ!
Стань въ колесницу немедленно, пусть и почтенный Махаонъ
Станетъ съ тобой, и гони къ кораблямъ ты коней быстроногихъ.
Опытный врачъ драгоцѣннѣе многихъ другихъ человѣкъ,
Зная вырѣзывать стрѣлы и язвы цѣлить врачевствами“.
Рекъ,—и ему не противился Несторъ, конникъ Геренскій;
Скоро взошелъ и предсталъ съ колесницей; въ нее и Махаонъ
Быстро взошелъ, врача превосходнаго сынъ знаменитый.
Старецъ стегнулъ по конямъ, и охотно они полетѣли
Къ кущамъ Ахейскимъ: туда ихъ несло и желаніе сердца.
Тою порой Кебріонъ, Пріамидовъ сподвижникъ-возница,
Рати Троянской смятенье увидѣлъ и молвилъ герою:
„Гекторъ! тогда какъ мы здѣсь подвизаемся между Данаевъ,

Здѣсь, на концѣ истребительной брани, взгляни ты, другія
Наши волнуются рати; смѣсились и кони и вои.
Ихъ Теламонидъ волнуетъ Аяксъ; узнаю ратоводца:
Носитъ на рамѣ огромный онъ щитъ. Но туда мы и сами
Бурныхъ коней обратимъ съ колесницею; тамъ наипаче
Толпища пѣшихъ и конныхъ, съ ужаснымъ свирѣпствомъ сшибаясь,
Рѣжутся между собою, и крикъ ихъ гремитъ неумолкный!"
Такъ Кебріонъ произнесши, коней пышногривыхъ ударилъ
Звонкимъ бичомъ, и ударамъ возницы послушные кони
Быстро межъ ратныхъ рядовъ съ колесницею легкой летѣли,
Трупы топча и щиты, и шеломы: забрызгалась кровью
Снизу мѣдяная ось и сверху скоба колесницы,
Въ кои отъ конскихъ копытъ и отъ ободовъ бурныхъ хлестали
Брызги кровавыя,—такъ Пріамидъ поспѣшалъ погрузиться
Въ сонмы мужей и, нагрянувъ, расторгнуть ихъ! Страшную смуту
Онъ межъ Данаевъ воздвигнулъ и рѣдко съ копьемъ разставался.
Онъ и другіе ряды обходилъ ратоборцевъ Ахейскихъ,
Ихъ и копьемъ, и мечомъ, и огромными камнями бьющій,
Но съ Аяксомъ борьбы избѣгалъ, съ Теламоновымъ сыномъ:
Зевсъ раздражился бы, еслибъ онъ съ мужемъ сильнѣйшимъ сразился.
Зевсъ же, владыка превыспренній, страхъ ниспослалъ на Аякса:
Сталъ онъ смущенный и, щитъ свой назадъ семикожный забросивъ,
Вспять отступалъ, межъ толпою враждебныхъ, какъ звѣрь, озираясь,
Вкругъ обращаяся, тихо колѣно колѣномъ смѣняя.
Словно какъ жаркаго льва отъ загона воловъ тяжконогихъ
Гонятъ сердитые псы и отважные мужи селяне,
Звѣрю они не дающіе тука отъ стадъ ихъ похитить,
Цѣлую ночь стерегутъ ихъ, а онъ, насладиться имъ жадный,
Мечется прямо, но тщетно ярится: изъ рукъ дерзновенныхъ
Съ шумомъ летятъ, устремленному въ срѣтенье, частыя копья,
Главни горящія: ихъ устрашается онъ, и свирѣпый,
И со свѣтомъ зари удаляется, сердцемъ печальный,—
Такъ Теламонидъ, печальный, душой негодующій сильно,
Вспять отошелъ: о судахъ онъ Ахеянъ тревожился страхомъ.
Словно оселъ, забредшій на ниву, дѣтей побѣждаетъ,
Медленный: много ихъ палокъ на ребрахъ его сокрушилось;
Щиплетъ онъ, ходя, высокую пашню, а рѣзвыя дѣти
Палками вкругъ его бьютъ,—но ничтожна ихъ дѣтская сила;
Только тогда, какъ насытится пашней, съ трудомъ выгоняютъ,—
Такъ Теламонова сына, великаго мужа Аякса,

Множество гордыхъ Троянъ и союзниковъ ихъ дальноземныхъ,
Копьями въ щитъ поражая, съ побоища пламенно гнали.
Онъ же, герой, иногда вспомянувши бурную силу,
Къ нимъ обращался лицомъ и удерживалъ, грозный, фаланги
Конниковъ храбрыхъ Троянъ; иногда обращался онъ въ бѣгство,
Но дорогу имъ всѣмъ заграждалъ къ кораблямъ быстролетнымъ;
Часто межъ двухъ ополченій свирѣпствовалъ сынъ Теламоновъ,
Ставши одинъ: устремленныя копья изъ рукъ дерзновенныхъ
Многія въ щитъ семикожный вонзались, впередъ порываясь,
Многія, середь пути, не коснувшися бѣлаго тѣла,
Въ землю вонзяся, стояли, насытиться алчныя тѣломъ.
Скоро Аякса увидѣлъ блистательный сынъ Эвемона,
Вождь Эврипилъ, удрученнаго тучей метательныхъ копій.
Бросился, сталъ близъ него и, сіяющій ринувши дротикъ,
Сильнаго рати вождя Апизаона, Фавзова сына,
Въ печень подъ сердце пронзилъ и на мѣстѣ сломилъ ему ноги.
Прянулъ къ нему Эврипилъ, да похититъ оружія съ персей;
Но его, обнажавшаго Фавзова сына, увидѣлъ
Богу подобный Парисъ Пріамидъ и немедленно крѣпкій
Лукъ на него натянулъ и крылатой стрѣлою десное
Ранилъ бедро; сокрушилася трость и бедро отягчила.
Вспять онъ къ дружинамъ своимъ отступилъ, избѣгающій смерти,
Крикъ между тѣмъ, кругомъ раздающійся, поднялъ къ Данаямъ:
„Други, вожди и правители мудрые храбрыхъ Данаевъ!
Станьте Троянамъ въ лицо; отразите скорѣй отъ Аякса
Пагубный день; удрученъ онъ стрѣлами и, мыслю, не можетъ
Самъ избѣжать онъ изъ сѣчи погибельной! Вострѣчу враждебнымъ
Станьте, друзья, за Аякса героя, за славу Данаевъ!“
Такъ восклицалъ Эврипилъ уязвленный, и быстро Данаи
Вкругъ Эвемонида стали, щиты къ раменамъ преклонивши,
Копья уставивши; къ нимъ невредимый испелъ Теламонидъ
И, къ дружинамъ приближася, сталъ онъ лицомъ на враждебныхъ.
Такъ бранноносцы сражались, подобно пылающимъ пламамъ.
Нестора съ поприща браннаго мчали Нелеевы кони,
Пѣной покрытые, съ нимъ и Махаона, славнаго мужа.
Старца увидѣвъ, узналъ Пелейонъ Ахиллесъ быстроногій.
Въ оное время герой стоялъ на кормѣ корабельной,
Смотря на бранный трудъ и плачевное бѣгство Ахеянъ;
Началъ къ себѣ призывать онъ любезнаго друга Патрокла,
Громко крича съ корабля; изъ-подъ сѣни, услышавъ, онъ быстро

Вышелъ, Арею подобный, и было то горя началомъ,
Первый вѣщалъ къ Ахиллесу Менетіевъ сынъ благородный:
„Что, Ахиллесъ, призываешь меня ты и что повелишь мнѣ?“
И, Патроклу отвѣтствуя, рекъ Ахиллесъ быстроногій:
„О Менетидъ благородный, о другъ, любезнѣйшій сердцу!
Нынѣ, я думаю, скоро колѣна мои Аргивяне
Придутъ обнять: нестерпимая болѣе нужда гнететъ ихъ.
Но спѣши, Менетидъ, вопроси у Нелеева сына,
Съ битвы кого уязвленнаго старецъ почтенный увозитъ?
Сзади Махаону кажется онъ совершенно подобнымъ,
Сыну Асклепія; мужа въ лицо не успѣлъ я увидѣть:
Мимо меня проскакали стремительно быстрые кони“.
Такъ произнесъ,—и Патроклъ покорился любезному другу,
Бросился быстро бѣжать вдоль судовъ мореходныхъ и кущей.
Тою порою достигнули мужи Нелидовой кущи.
Оба сошли съ колесницы на много-плодящую землю;
Коней принявъ, отрѣшилъ Эвримедонъ, старцевъ служитель,
Сами жъ они на хитонахъ ихъ потъ прохлаждали горячій,
Ставъ противъ вѣтра на берегѣ моря; когда прохладились,
Въ сѣнницу оба вошли и на креслахъ покойныхъ возсѣли,
Имъ Гекамеда кудрявая смѣсь въ питіе составляла,
Дочь Арсиноя, которую онъ получилъ въ Тенедосѣ,
Въ день, какъ Пелидъ разорилъ, и которую старцу Ахейцы
Сами избрали наградой: совѣтами всѣхъ побѣждалъ онъ.
Прежде сидящимъ поставила столъ Гекамеда прекрасный,
Ярко блестящій, съ подножіемъ чернымъ; на немъ предложила
Мѣдное блюдо со сладостнымъ лукомъ, въ прикуску напитка,
Съ медомъ свѣжимъ и ячной мукою священною; подлѣ
Кубокъ красивый поставила, изъ дому взятый Нелидомъ,
Окрестъ гвоздями златыми покрытый; на немъ рукоятокъ
Было четыре высокихъ и двѣ голубицы на каждой
Будто клевали, златыя; и былъ онъ внутри двоедонный.
Тяжкій сей кубокъ иной не легко приподнялъ бы съ трапезы,
Полный виномъ; но легко подымалъ его старецъ Пилосскій.
Въ немъ Гекамеда, богинямъ подобная, имъ растворила
Смѣсь на винѣ Прамнійскомъ, натерла козьяго сыра
Теркою мѣдной и ячной присыпала бѣлой мукою.
Такъ уготовя напитокъ составленный, пить приказала.
Мужи, когда питіемъ утолили палящую жажду,
Между собой говоря, наслаждались бесѣдой взаимной.
Вдругъ во дверяхъ ихъ сталъ Патроклъ, небожителю равный.
Старецъ, увидѣвъ его, устремился съ блистательныхъ креселъ,

За руку далѣе ввелъ и упрашивалъ сѣсть между ними;
Но Менетидъ отрекался и быстрой отвѣтствовалъ рѣчью:
„Нѣтъ, не година сидѣть,—не преклонишь, божественный старецъ.
Много почтенъ, но и грозенъ пославшій меня извѣститься,
Съ битвы кого пораженнаго везъ къ кораблямъ ты? Но мужа
Самъ узнаю я Махаона, вижу владыку народовъ.
Съ вѣстью обратно спѣшу, чтобъ ее возвѣстить Ахиллесу.
Знаешь довольно и самъ ты, божественный старецъ, какой онъ
Взметчивый мужъ: и невиннаго вовсе легко обвинитъ онъ".
Быстро ему отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій
„Что же герой Ахиллесъ безпокоится такъ о Данаяхъ,
Мѣдью враждебной въ бою пораженныхъ? Но знаетъ ли все онъ
Горе, постигшее воинство наше! Храбрѣйшіе мужи
Въ станѣ лежатъ, иль въ стрѣльбѣ, или въ битвѣ пронзенные мѣдью!
Раненъ стрѣлою Тидидъ Діомедъ, воеватель могучій,
Раненъ копьемъ Одиссей знаменитый, Атридъ Агаммнонъ.
Вотъ и сего предводителя я изъ погибельной битвы
Вывезъ, пронзеннаго въ рамо стрѣлой. Но Пелидъ градоборецъ,
Сильный Пелидъ объ Ахейскихъ сынахъ не радитъ, не жалѣетъ!
Можетъ быть, ждетъ онъ, доколѣ суда на брегу Геллеспонта,
Въ битвѣ Ахеянъ безплодной, подъ вражескимъ пламенемъ вспыхнутъ,
Сами жъ падемъ мы одинъ близъ другого? Лишился я, старецъ,
Силы, какая бывало кипѣла въ гибкихъ сихъ членахъ;
Если бы молодъ я сталъ и могучестью крѣпокъ, какъ прежде,
Въ годы, когда возгорѣлася распря межъ насъ и Элеянъ,
Хищниковъ стада; когда Гипирохова мощнаго сына
Я поразилъ Итимонея, жившаго въ злачной Элидѣ,
И отбилъ все возмездіе: стадо свое защищая,
Онъ пораженъ межъ передними бурною пикой моею;
Палъ, и мгновенно разсыпались сельскіе ратники въ страхѣ.
Мы отъ Эпеянъ добычу богатую съ поля погнали:
Овчихъ ватагъ пятьдесятъ и столько же гуртовъ воловыхъ,
Столько же стадъ и свиныхъ, и безчисленныхъ козьихъ, и съ ними
Конскій табунъ захватили мы, сто пятьдесятъ свѣтломастныхъ
Все кобылицъ, и при многихъ прекрасные были жребята.
Всю добычу великую ночью вогнали мы въ городъ,
Въ Пилосъ Нелеевъ; восхитился духомъ Нелей, мой родитель,
Видя, сколь много добылъ я, въ сраженіе вышедши, юный.
Вѣстники подняли кличъ, съ появленіемъ ранней денницы

Всѣхъ призывая, кто долгъ лишь имѣлъ на Элидѣ священной.
Стекся Пилосскій народъ, и властители мужи добычу
Всѣмъ раздѣляли (Эпеяне многимъ остались должны
Въ дни, какъ, уже малолюдные, въ Пилосѣ мы злострадали:
Насъ угнетала постигшая Пилосъ Гераклова сила
Въ древніе годы: защитники града храбрѣйшіе пали.
Въ домѣ Нелея двѣнадцать сыновъ ратоборцевъ насъ было,
И остался одинъ я: они до послѣдняго пали!
Симъ возгордившися, мѣднодоспѣшные мужи Эпейцы
Нами ругались и многія намъ умышляли злодѣйства).
Старецъ себѣ и воловъ, и овецъ великое стадо
Взялъ, какъ возмездіе, триста избравши и пастырей съ стадомъ,
Долгъ бо великій и старецъ имѣлъ на Элидѣ священной:
Славныхъ, въ ристаньи побѣдныхъ четыре коня съ колесницей,
Бѣгомъ стязаться ходившихъ, и былъ предназначенъ треножникъ
Бѣга наградой; но ихъ повелитель народа Авгеасъ
Нагло отъялъ и возницу, о коняхъ печальнаго, изгналъ.
Старецъ Нелей, оскорбленный словами его и дѣлами,
Много избралъ для себя, остальное же отдалъ народу
Въ равный раздѣлъ: да никто отъ него обдѣленъ не отыдетъ,
Мы совершали взаимный раздѣлъ и по граду Нелея
Жертвы богамъ приносили. Враги же на третіе утро
Силою всей, мѣднолатные мужи и быстрые кони,
Разомъ пришли; ополчилися съ ними и два Моліона,
Юноши, вовсе еще незнакомые съ бурною бранью.
Есть Θріоесса градъ, на высокомъ утесѣ лежащій,
Дальній на брегѣ Алфея, кончающій Пилосъ песчаный.
Градъ сей враги кругомъ обступили, разрушить пылая.
Но, лишь толпы ихъ прошли подгородное поле, Аѳина
Вѣстницей намъ, отъ Олимпа нисшедшая, ночью явилась,
Брань возвѣщая, и въ градѣ Пилосцевъ собрала не робкихъ,
Но безпредѣльно пылавшихъ сразиться. Нелей, мой родитель,
Мнѣ запретилъ ополчаться и скрылъ отъ меня колесницу,
Мысля, что я еще младъ и неопытенъ въ подвигахъ ратныхъ.
Я же и такъ между конниковъ нашихъ славой покрылся,
Пѣшій: меня на сраженіе такъ устремила Аѳина.
Есть Миніейосъ рѣка, и падетъ она въ шумное море
Близко Арены; денницы священной мы тамъ ожидали,
Конные вои, а пѣшіе тою порою стекались.
Съ онаго мѣста, со всею мы силой, съ оружіемъ въ дланяхъ,
Въ полдень пришли совокупно къ священному току Алфея.
Тамъ, всемогущему Зевсу принесши избранныя жертвы,

Богу Алфею тельца и тельца Посидону заклали.
Но Аѳинѣ Палладѣ ярмомъ на смиренную краву.
Послѣ воинствомъ цѣлымъ толпа близъ толпы вечеряли
И наконецъ опочить, но съ оружіемъ каждый, легли мы
Вдоль по брегу Алфея, а гордые духомъ Эпейцы
Около града стояли уже и разрушить пылали.
Но предстояло имъ прежде великое дѣло Арея.
Только лишь ясное солнце взошло надъ пространной землею,
Мы наступили на нихъ, помоляся Аѳинѣ и Зевсу,
И едва лишь Пилосцы съ Эпейцами бой завязали,
Первый я мужа сразилъ и похитилъ коней быстроногихъ
Мулія воина; зять онъ Авгеаса былъ властелина,
Дщери старѣйшей супругъ, свѣтлокудрой жены Агамеды,
Знавшей всѣ травы цѣлебныя, сколько земля ихъ рождаетъ.
Мужа сего, наступавшаго, свергнулъ я пикою мѣдной;
Грянулся въ прахъ онъ, а я, на его колесницу вскочивши,
Между передними сталъ. И надменные мужи Эпейцы
Другъ передъ другомъ побѣгли, увидѣвъ сраженнаго мужа,
Конныхъ вождя, бранноносца Эпеянъ, храбрѣйшаго въ битвахъ.
Я на враговъ убѣгающихъ грянулъ, какъ черная буря,
Взялъ пятьдесятъ колесницъ, и отъ каждой два ратоборца
Землю грызли зубами, сраженные пикой моею.
Я поразилъ бы и двухъ Актoридовъ, младыхъ Моліоновъ,
Если бы ихъ не отецъ, многомощный Земли колебатель,
Самъ изъ сраженія спасъ, покрывши облакомъ темнымъ.
Зевсъ Пилосскимъ мужамъ даровалъ и побѣду, и славу;
Мы непрестанно бѣгущихъ вдоль поля широкаго гнали,
Всѣхъ истребляя и пышные ихъ собирая доспѣхи,
Коней пока не пригнали въ Вупразій, обильный пшеницей,
Гдѣ Оленійскій утесъ и курганъ, Алезійскимъ зовомый.
Съ онаго поля Пилосцевъ назадъ обратила Паллада.
Тамъ отъ враговъ я послѣдняго свергъ, и Ахейскіе мужи
Вспять изъ Вупразія въ Пилосъ погнали коней быстроногихъ,
Всѣ прославляя Кронида въ богахъ, въ человѣкахъ Нелида.
Нѣкогда былъ я таковъ, подвизаясь съ мужами! Пелидъ же
Служитъ своею доблестью только себѣ! Но увѣренъ,
Самъ онъ сѣтовать будетъ, какъ воинство наше погибнетъ!
Другъ Менетидъ, не тебя ль наставлялъ благородный Менетій
Въ день, какъ изъ Фѳіи тебя отпускалъ въ ополченье Атрида?
Мы съ Одиссеемъ тогда, находяся въ Пелеевомъ домѣ,
Слышали въ храминѣ все, что вѣщалъ онъ, тебя наставляя.
Въ домъ же Пелеевъ, богато устроенный, мы приходили,

Рать собирая на брань по Ахейской землѣ плодоносной,
И нашли мы тогда Акторида Менетія въ домѣ;
Тамъ былъ и ты, и герой Ахиллесъ, а Пелей престарѣлый
Тучныя бедра вола сожигалъ молнелюбцу Крониду,
Стоя въ оградѣ двора, и, держа златоблещущій кубокъ,
Черное онымъ вино возливалъ на священное пламя;
Вы отъ закланнаго части готовили. Мы съ Одиссеемъ
Стали въ воротахъ, и бросился къ намъ Ахиллесъ удивленный,
За руки взялъ и въ чертоги привелъ и, возсѣсть повелѣвши,
Намъ предложилъ угощенье, какое гостямъ подобаетъ.
И, когда насладилися мы изобильной трапезой,
Рѣчь я устроилъ и васъ уговаривалъ слѣдовать съ нами;
Вы пламенѣли на брань, а отцы наставляли васъ мудро.
Старецъ Пелей своему заповѣдывалъ сыну Пелиду
Тщиться другихъ превзойти, непрестанно пылать отличиться.
Но Менетій тебѣ заповѣдывалъ такъ благородный:
Сынъ мой! Пелидъ Ахиллесъ тебя знаменитѣе родомъ,
Лѣтами старѣе ты; у него превосходнѣе сила;
Но руководствуй его убѣжденіемъ, умнымъ совѣтомъ;
Дружески имъ управляй: онъ на доброе будетъ послушенъ.
Такъ заповѣдывалъ старецъ, а ты забываешь. Хоть нынѣ
Храброму сыну Пелея рѣшись говорить, не вонметъ ли?
Какъ то узнать? не успѣешь ли, съ богомъ, твоимъ убѣжденьемъ
Тронуть въ немъ сердце: сильно всегда убѣжденіе друга.
Если жъ какое пророчество душу его устрашаетъ,
Если ему отъ Кронида повѣдала что-либо матерь,
Пусть онъ отпуститъ тебя и съ тобою въ сраженіе вышлетъ
Рать Мирмидонскую; можетъ быть, свѣтомъ ты будешь Данаямъ.
Пусть онъ позволитъ тебѣ ополчиться оружіемъ славнымъ;
Можетъ быть, въ брани тебя за него принимая, Трояне
Бой прекратятъ, а Данайскіе воины въ полѣ отдохнутъ,
Боемъ уже изнуренные; отдыхъ въ сраженіяхъ кратокъ.
Вы, ополченіе свѣжее, рать, истомленную боемъ,
Быстро къ стѣнамъ отразите отъ нашихъ судовъ и отъ кущей".
Такъ говорилъ онъ и сердце Патроклово въ персяхъ подвигнулъ.
Онъ устремляется вдоль кораблей къ Эакиду герою,
Но, когда къ кораблямъ Одиссея, подобнаго богу,
Онъ приближался бѣгущій, гдѣ площадь и судъ былъ народный
И кругомъ алтари божествамъ ихъ воздвигнуты были,
Тамъ Эврипилъ, уязвленный въ сраженіи, съ нимъ повстрѣчался,
Доблестный сынъ Эвемона, съ стрѣлою, въ бедрѣ углубленной.

Шелъ онъ хромая съ побоища; потъ у героя ручьями
Лился холодный съ раменъ и съ главы, а изъ раны тяжелой
Брызгала черная кровь, но духъ оставался въ немъ твердымъ.
Видя его, почувствовалъ жалость Патроклъ благородный
И, сострадая, воскликнулъ, крылатыя рѣчи вѣщая:
„Ахъ, злополучные мужи, вожди и владыки Ахеянъ!
Такъ вы должны, далеко отъ друзей, отъ отчизны любезной,
Плотію вашею бѣлою псовъ насыщать Иліонскихъ?
Но повѣдай, герой, возвѣсти мнѣ, о Зевсовъ питомецъ,
Рати стоятъ ли еще противъ Гектора, дивнаго въ браняхъ?
Или уже упадаютъ, его укрощенныя мѣдью?“
Быстро ему Эврипилъ Эвемонидъ отвѣтствовалъ мудрый:
„Нѣтъ, благородный Патроклъ, избавленія нѣтъ никакого
Ратямъ Ахейскимъ! въ суда они черныя бросятся скоро!
Всѣ, которые въ воинствѣ были храбрѣйшіе мужи,
Въ станѣ лежатъ, пораженные, или пронзенные въ брани
Мѣдью Троянъ, а могущество гордыхъ растетъ непрестанно!
Но спаси ты меня, проводи на корабль мой черный.
Вырѣжь стрѣлу изъ бедра мнѣ, омой съ него теплой водою
Черную кровь и цѣлебными язву осыпь врачевствами,
Здравыми; ихъ ты, вѣщаютъ, узналъ отъ Пелеева сына,
Коего Хиронъ училъ, справедливѣйшій всѣхъ изъ Кентавровъ.
Рати Ахейской врачи, Подалирій и мудрый Махаонъ,
Первый, я думаю, въ кущахъ, подобною страждущій язвой,
Самъ безпомощный лежитъ, во врачѣ нуждаясь искусномъ;
Тотъ же стоитъ еще въ полѣ, встрѣчая свирѣпство Арея“.
Снова ему отвѣчалъ Менетіевъ сынъ благородный:
Чѣмъ сіе кончится дѣло и что, Эвемонидъ, предпримемъ?
Въ станъ я спѣшу, чтобы все возвѣстить Ахиллесу герою,
Что мнѣ приказывалъ Несторъ, стражъ неусыпный Ахеянъ.
Но тебя я въ страданіи здѣсь, Эврипилъ, не оставлю“.
Рекъ и, подъ грудь подхвативши, повелъ онъ владыку народовъ
Къ сѣни; служитель, узрѣвъ ихъ, тельчія кожи раскинулъ.
Тамъ распростерши героя, ножомъ онъ изъ лядвеи жало
Вырѣзалъ горькой пернатой, омылъ съ нея теплой водою
Черную кровь и руками истертымъ корнемъ присыпалъ
Горькимъ, врачующимъ боли, который ему совершенно
Боль утоляетъ; и кровь унялася, и язва изсохла.

ПѢСНЬ XII.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Ахеяне заключаются внутрь стѣны своей (зданія, богами ненавистнаго и ими же, вскорѣ послѣ самой Трои, разрушеннаго, что поэтъ здѣсь и повѣствуетъ), ст. 1—35. Трояне, угрожая кораблямъ, готовятся перейти ровъ и сперва встрѣчаютъ затрудненіе, 36—59. Но вскорѣ, по совѣту Полидамаса, сходятъ съ колесницъ и, раздѣляся на пять отрядовъ, пѣшіе устремляются, 60—107. Азій дерзаетъ на колесницѣ приблизиться къ однимъ изъ воротъ, но встрѣчаетъ въ нихъ двухъ Лапиѳовъ, Полипета и Леонтея; герои страшное убійство производятъ въ дружинѣ его и самого отражаютъ, 108—194. Гектору, готовому перейти ровъ, Полидамасъ, устрашенный недобрымъ знаменіемъ—летящимъ надъ ними орломъ, который несъ змѣя и упустилъ его,—совѣтуетъ оставить намѣреніе, 195—229. Гекторъ поноситъ его малодушіе и, презрѣвъ знаменіе, идетъ, чтобы напасть на стѣну, 230—250. Ахейцы, невзирая на страшную бурю, Зевсомъ на нихъ устремленную, храбро защищаютъ свое укрѣпленіе, и особенно оба Аякса, 251—289. Сарпедонъ, убѣдивъ Главка, съ нимъ нападаетъ на стѣну въ другомъ мѣстѣ, 290—330; имъ сопротивляется Менесѳей, но, призвавъ на помощь Аякса старшаго и Тевкра, съ нимъ удерживаетъ нападающихъ, ибо Аяксъ отразилъ Сарпедона и убилъ сподвижника его Эпикла, а Тевкръ уязвилъ Главка. Однако, Сарпедонъ уже разрушилъ вершину стѣны, 331—407. Ликійцы снова храбро нападаютъ, Ахейцы храбро защищаются, и бой съ обѣихъ сторонъ продолжается равный, 408—436. Но Гекторъ сражается успѣшнѣе: приступивъ къ другимъ воротамъ, онъ пробиваетъ ихъ камнемъ и врывается въ стѣну; Ахеяне бѣгутъ, 437—471.

Такъ подъ высокою сѣнью Менетіевъ сынъ благородный
Рану вождя врачевалъ, Эврипила; но битва пылала:
Бились Данаи съ Троянами всею ихъ ратью, и больше
Быть обороной Данаямъ не могъ ужъ ни ровъ, ни твердыня
Крѣпкая та, что воздвигли судамъ на защиту и окрестъ
Рвомъ обвели: не почтили они гекатомбой безсмертныхъ,
Ихъ не молили, да въ станѣ суда и добычи народа
Зданье блюдетъ. Не по волѣ безсмертныхъ воздвигнуто было
Зданіе то и не долго оно на землѣ уцѣлѣло:
Гекторъ доколѣ дышалъ и Пелидъ бездѣйствовалъ гнѣвный,
И доколѣ нерушеннымъ градъ возвышался Пріамовъ,
Гордое зданье Данаевъ, стѣна невредимой стояла.
Но когда, какъ Троянскіе въ брани погибли герои,
Такъ и Аргивскіе многіе пали, другіе спаслися,
И когда, Иліонъ на десятое лѣто разрушивъ,
Въ черныхъ судахъ Аргивяне отплыли къ отчизнѣ любезной,
Въ оное время совѣтъ Посидаонъ и Фебъ сотворили
Стѣну разрушить, могущество рѣкъ на нее устремивши
Всѣхъ, что съ Идейскихъ горъ изливаются въ бурное море:
Реза, Кареза, Гептапора, быстраго Родія волны,
Эзипа, воды Граника, священныя волны Скамандра
И Симоиса, гдѣ столько щитовъ и блистательныхъ шлемовъ
Пало во прахъ и легли полубоги, могучіе мужи;
Устья ихъ всѣхъ Аполлонъ обратилъ во едино и бѣгъ ихъ
Девять дней устремлялъ на твердыню, а Зевсъ безпрерывный
Дождь проливалъ, да скорѣе твердыня потонетъ въ пучинѣ.
Самъ Земледержецъ съ трезубцемъ въ рукахъ передъ бурной водою
Грозный ходилъ и всѣ до основъ разсыпалъ по разливу
Бревна и камни, какіе съ трудомъ Аргивяне сложили;
Все онъ съ землею сравнялъ до стремительныхъ волнъ Геллеспонта;
Самый же берегъ великій, разрушивъ огромную стѣну,
Вновь засыпалъ песками и вновь обратилъ онъ всѣ рѣки
Въ ложа, гдѣ прежде лились ихъ прекрасно струящіясь воды.
Такъ Посидаонъ и Фебъ Аполлонъ положили въ грядущемъ
Вмѣстѣ свершить. Между тѣмъ загоралася шумная битва
Вкругъ подъ Ахейской стѣной; загремѣли огромные брусья
Въ башняхъ громимыхъ. Ахейцы, бичомъ укрощенные Зевса,
Всѣ при своихъ корабляхъ, заключенные въ станѣ, держались,
Гектора силы страшась, разносителя бурнаго бѣгства.
Онъ же, герой, какъ и прежде, воинствовалъ, бурѣ подобный.
Словно когда окруженный, межъ псовъ и мужей звѣроловцевъ,
Вепрь или левъ обращается быстрый, очами сверкая;

Ловчіе, другъ возлѣ друга сомкнувшись твердой стѣною,
Звѣрю противостоятъ и тучами острыя копья
Мечутъ изъ рукъ; но не робко его благородное сердце:
Онъ не дрожитъ, не бѣжитъ и безстрашіемъ самъ себя губитъ,
Часто кругомъ обращается, ловчихъ ряды испытуя,
И куда онъ ни бросится, ловчихъ ряды отступаютъ;—
Такъ предъ толпою летающій Гекторъ герой обращался,
Ровъ перейти убѣждая дружины. Но самые кони,
Бурные кони, не смѣли: вздымались и храпали страшно,
Стоя надъ самою кручею; ровъ ужасалъ ихъ глубокій,
Ровъ, къ перескоку не узкій, равно къ переходу не легкій:
Вдоль его скатовъ стремнины отрѣзныя круто стояли
Съ той и другой стороны, на поверхности острые колья
Рядомъ по немъ возвышались, огромныя частыя сваи,
Кои Ахеяне вбили отъ гордыхъ враговъ обороной.
Въ ровъ сей едва ли конь съ легкокатной своей колесницей
Могъ бы спуститься, но пѣшіе рвалися: имъ не удастся ль.
Полидамасъ наконецъ къ дерзновенному Гектору вскрикнулъ:
„Гекторъ, и вы, воеводы Троянъ и союзниковъ нашихъ!
Мысль безразсудная гнать черезъ ровъ съ колесницами коней.
Онъ къ переходу отнюдь не удобенъ: по немъ непрерывно
Острые колья стоятъ, а за ними твердыня Данаевъ.
Намъ ни спускаться въ окопъ сей, ни въ ономъ сражаться не должно,
Коннымъ бойцамъ: тѣснина тамъ ужасная, всѣхъ переколютъ.
Ежели подлинно въ гнѣвѣ своемъ Громовержецъ Ахеянъ
Хочетъ въ конецъ истребить, а Троянскихъ сыновъ избавляетъ,
Я бы желалъ, чтобъ надъ ними немедленно то совершилось,
Чтобы изгибли безславно, вдали отъ Геллады, Ахейцы!
Если жъ они обратятся и храбрый отбой отъ судовъ ихъ
Сами начнутъ и насъ опрокинутъ на ровъ сей глубокій,
Послѣ, я твердо увѣренъ, и съ вѣстію некому будетъ
Въ Трою придти отъ Ахеянъ, въ отбой на Троянъ устремленныхъ.
Слушайте жъ, други, меня и совѣтамъ моимъ покоритесь:
Коней оставимъ, и пусть предъ окопомъ возницы ихъ держатъ;
Сами же пѣшіе, въ мѣдныхъ доспѣхахъ, съ оружіемъ въ дланяхъ,
Силою всею пойдемъ мы за Гекторомъ; рати Ахеянъ
Насъ не удержатъ, когда имъ грозитъ роковая погибель“.
Такъ говорилъ онъ, и Гекторъ, склонясь на совѣтъ непорочный,
Быстро съ своей колесницы съ доспѣхами прянулъ на землю.
Тутъ и другіе вожди перестали на коняхъ съѣзжаться;

Всѣ за божественнымъ Гекторомъ спрянули быстро на землю.
Каждый тогда своему наказалъ воевода возницѣ
Коней построить въ ряды и у рва держать ихъ готовыхъ.
Сами жъ они, раздѣляся, толпами густыми свернувшись,
На пять громадъ устрояся, двинулись вмѣстѣ съ вождями.
Гекторъ и Полидамасъ предводили громадою первой,
Множествомъ, храбростью страшной и болѣе прочихъ пылавшей
Стѣну скорѣе пробить и вблизи предъ судами сражаться.
Съ ними и третій шелъ Кебріонъ, а другого близъ коней,
Въ сонмѣ возницъ, Кебріона слабѣйшаго, Гекторъ оставилъ.
Храбрый Парисъ, Алкаѳой и Агеноръ вторыхъ предводили.
Третьихъ вели прорицатель Геленъ, Деифобъ знаменитый,
Два Пріамова сына и третій Азій безстрашный,
Азій Гиртакидъ, который на коняхъ огромныхъ и бурныхъ
Въ Трою принесся изъ дальней Аризбы, отъ водъ Селлеиса.
Сонмомъ четвертымъ начальствовалъ сынъ благородный Анхизовъ,
Славный Эней, и при немъ Акамасъ и Архелохъ, Трояне,
Оба сыны Антенора, искусные въ битвахъ различныхъ.
Но Сарпедонъ предводилъ ополченье союзниковъ славныхъ,
Главка себѣ пріобщивъ и безстрашнаго Астеропея:
Ихъ обоихъ почиталъ онъ далеко храбрѣйшими многихъ
Послѣ себя предводителей, самъ же всѣхъ превышалъ онъ.
Такъ изготовясь они и сомкнувшися крѣпко щитами,
Съ пламеннымъ духомъ пошли на Данаевъ; не могутъ, мечтали,
Противостать, но въ суда мореходныя бросятся къ бѣгству.
Всѣ тогда, какъ Трояне, такъ и союзники Трои,
Полидамаса вождя покорились совѣту благому.
Азій одинъ не хотѣлъ, предводитель народовъ Гиртакидъ,
Коней оставить у рва со своимъ возницею храбрымъ.
Азій на бурныхъ коняхъ устремлялся къ судамъ мореходнымъ,
Мужъ безразсудный! Ему не избѣгнуть отъ грознаго рока;
Нѣтъ, колесницей и конями онъ величаяся, гордый,
Вспять отъ Ахейскихъ судовъ не воротится къ Троѣ холмистой:
Прежде его дерзновеннаго участь лихая постигла
Мѣднымъ копьемъ Девкаліона, славнаго Идоменея.
Мчался онъ влѣво къ судамъ мореходнымъ, туда, гдѣ Ахейцы
Съ браннаго поля бѣжали на легкихъ своихъ колесницахъ;
Правилъ туда онъ своихъ быстроскачущихъ коней и въ башнѣ
Тамъ не нашелъ ни створенныхъ воротъ, ни огромныхъ запоровъ:
Ихъ растворенными вои держали, да каждый сподвижникъ,
Съ браннаго поля бѣгущій, укроется въ станъ корабельный.
Прямо скакалъ онъ, высоко мечтающій; съ нимъ и другіе

Съ крикомъ ужаснымъ летѣли: Ахейцы, они уповали,
Не устоятъ,—въ корабли мореходные бросятся къ бѣгству.
Но малоумные! Въ башнѣ ихъ встрѣтили двое безстрашныхъ,
Сильные духомъ сыны копьеборцевъ могучихъ Лапиѳовъ:
Первый герой Полипетъ, безбоязненный сынъ Пириѳоя;
Воинъ второй Леонтей, душегубцу Арею подобный.
Оба они предъ высоковздымавшеюсь башней стояли,
Словно на холмахъ лѣсистыхъ высоковершинные дубы,
Кои и вѣтеръ и дождь, ежедневно встрѣчая, выдѣлятъ,
Толстыми въ землю корнями широкоразметными вросши,—
Такъ и они, на могучесть рукъ и на храбрость надѣясь,
Мчавшагось Азія бурнаго ждали, незыблемо стоя.
Тою порой, какъ противники прямо къ твердынѣ Ахейской,
Вверхъ подымая щиты, подходили съ воинственнымъ крикомъ
Вкругъ повелителя Азія, вкругъ Іямена, Ореста,
Азія сына, Адамаса, Ѳоона и Эномая,
Тою порою Лапиѳы еще мѣднобронныхъ Данаевъ,
Стоя внутри при воротахъ, суда боронить возбуждали,
Но, лишь узрѣли, что прямо уже устремились на стѣну
Сила Троянъ, и Ахеяне подняли крикъ и тревогу,
Вылетѣвъ оба они, предъ воротами начали битву,
Вепрямъ подобные дикимъ, которые въ горной дубравѣ
Ловчихъ и псовъ нападеніе шумное смѣло встрѣчаютъ,
Въ стороны быстро бросаясь, ломаютъ кругомъ ихъ кустарникъ,
Рѣжутъ при корняхъ деревья, стукъ отъ клыковъ ихъ ужасный
Вкругъ раздается, доколѣ копье не исторгнетъ ихъ жизни,—
Такъ у Лапиѳовъ стучали блестящія брони на персяхъ,
Окрестъ врагами разимыя: пламенно бились Лапиѳы,
Видя друзей надъ собой и на силы свои полагаясь.
Тѣ же—огромные камни съ высоковздымавшейся башни,
Сами себя и суда ихъ у моря и станъ защищая,
Быстро метали; какъ снѣгъ ослѣпительный падаетъ наземь,
Если вѣтеръ порывистый, мрачныя тучи колебля,
Частый его проливаетъ на многоплодящую землю,—
Такъ и у нихъ, у стрѣльцовъ, какъ Данайскихъ, равно и Троянскихъ
Стрѣлы лилися изъ рукъ; подъ ударами камней огромныхъ
Глухо гудѣли шеломы и круги щитовъ мѣдноблящныхъ.
Громко воскликнулъ и въ бедра съ досады ударилъ руками
Азій Гиртакидъ и, ропчущій на небо, такъ говорилъ онъ:
„Зевсъ Олимпійскій, и ты уже сдѣлался явный лжелюбецъ!
Я и помыслить не могъ, чтобъ еще Аргивяне герои

Вынесли мужество наше и рукъ необорную силу!
Но, какъ пчелы они, иль какъ пестрыя, верткія осы,
Гнѣзда свои положивъ при утесистой пыльной дорогѣ,
Дома ущельнаго бросить никакъ не хотятъ и, дождавшись
Хищныхъ селянъ, за дѣтей передъ домомъ сражаются злобно,—
Такъ и они не хотятъ отъ воротъ, невзирая, что двое,
Съ мѣста податься, пока не осилятъ, иль сами не лягутъ".
Такъ вопіялъ онъ, но воплямъ его не внималъ Громовержецъ:
Гектора славой украсить заботилось сердце Кронида.
Рати другія предъ башней другою бились боемъ.
Трудно мнѣ оное все, какъ безсмертному богу, повѣдать:
Вдоль передъ всею твердынею бой загорѣлся ужасный,
Каменный. Духомъ унылыя, рати Ахеянъ по нуждѣ
Бились, суда бороня; омрачились печалью и боги,
Всѣ ополченій Ахейскихъ поборники въ брани Троянской.
Стали сложася Лапиеы на страшную брань и убійство.
Пламенный сынъ Пиріоеевъ, герой Полипетъ копьеносный,
Дамаса острымъ копьемъ поразилъ сквозь шеломъ мѣднощечный:
Шлемная мѣдь не сдержала удара; насквозь пролетѣла
Мѣдь изощренная, кость проломила и, въ черепъ ворвавшись,
Съ кровью смѣсила весь мозгъ и смирила его въ нападеньи.
Онъ наконецъ у Пилона и Ормена души исторгнулъ.
Отрасль Арея, Лапиоъ Леонтей, Антимахова сына
Тамъ же низвергъ, Гиппомаха, умѣтивъ у запона пикой.
Послѣ герой, изъ влагалища мечъ свой исторгнувши острый
И сквозъ толпу устремившися, перваго тамъ Антифата
Изблизи грянулъ мечомъ, и объ долъ онъ ударился тыломъ.
Тамъ наконецъ онъ Іямена, Менона, воя Ореста,
Всѣхъ, одного за другимъ, положилъ на кровавую землю.
Но между тѣмъ, какъ они совлекали блестящія брони,
Съ Полидамасомъ и Гекторомъ юношей полкъ приближался,
Множествомъ, храбростью страшный и болѣе прочихъ пылавшій
Стѣну Ахеянъ пробить и огнемъ истребить корабли ихъ.
Но, приближась ко рву, въ нерѣшимости храбрые стали:
Ровъ перейти имъ пылавшимъ, явилася вѣщая птица,
Свыше летящій орелъ, разсѣкающій воинство слѣва,
Мчащій въ когтяхъ обагреннаго кровью огромнаго змѣя:
Живъ еще былъ онъ, крутился и брани еще не оставилъ,
Взвившись назадъ, своего похитителя около выи
Въ грудь онъ пронзилъ; и, растерзанный болью, на землю добычу—
Змѣя—отбросилъ орелъ, уронилъ посреди ополченья,

Самъ же, крикнувши звучно, понесся по вѣянью вѣтра.
Трои сыны ужаснулись, увидѣвши пестраго змѣя,
Въ прахѣ межъ ними лежащаго, грозное знаменье Зевса.
Полидамасъ говорить дерзновенному Гектору началъ:
„Гекторъ, всегда ты меня порицаешь, когда на совѣтахъ
Я говорю справедливое, ибо никто и не долженъ,
Бывъ гражданинъ, говорить противъ истины, какъ на совѣтахъ,
Такъ и въ брани, одно умножая твое властелинство.
Снова, однако, скажу я вамъ, что почитаю полезнымъ:
Дальше не должно идти и съ Данаями въ станѣ сражаться.
Такъ, уповаю я, сбудется, ежели точно Троянамъ,
Ровъ перейти пламенѣющимъ, вѣщая птица явилась,
Свыше летящій орелъ, разсѣкающій воинство слѣва,
Мчащій покрытаго кровью огромнаго змѣя живого;
Но его упустилъ онъ, гнѣзда своего не достигнулъ
И не успѣлъ, похититель, предать его дѣтямъ въ добычу, —
Такъ-то и мы, хотя и ворота и стѣну Данаевъ
Силой великою сломимъ, хотя и уступятъ Данаи,
Но отъ судовъ не въ устройствѣ мы тѣмъ же путемъ возвратимся,
Многихъ оставимъ Троянъ. Ратоборцы Ахейскіе многихъ
Мѣдью сразятъ, за суда мореходныя храбро сражаясь.
Такъ и пророкъ изъяснилъ бы, который въ душѣ просвѣщенной
Вѣдаетъ знаменій смыслъ, и ему бы народъ покорился".
Грозно взглянувъ на него, отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ:
„Полидамасъ, для меня непріятны подобныя рѣчи!
Могъ ты совѣтъ и другой намъ, больше полезный, примыслить!
Если же сей, что сказалъ, произнесъ ты отъ чистаго сердца,
Разумъ твой, безъ сомнѣнья, похитили гнѣвные боги;
Ты мнѣ велишь, чтобъ высокогремящаго Зевса забылъ я
Волю, что самъ знаменалъ онъ и мнѣ совершить обрекался?
Ты не обѣтамъ боговъ, а ширяющимъ въ воздухѣ птицамъ
Вѣрить велишь? Презираю я птицъ и о томъ не забочусь,
Вправо ли птицы несутся, къ востоку денницы и солнца,
Или налѣво пернатые къ мрачному западу мчатся.
Вѣрить должны мы единаго Зевса великаго волѣ,
Зевса, который и смертныхъ и вѣчныхъ боговъ повелитель,—
Знаменье, лучшее всѣхъ: за отечество храбро сражаться!
Что ты страшишься войны и опасностей ратнаго боя?
Ежели Трои сыны, при Ахейскихъ судахъ мореходныхъ,
Всѣ мы падемъ, умерщвленные, ты умереть не страшися!
Ты не имѣешь духа ни встрѣтить врага, ни сразиться!

Если, однако, ты бросишь сраженіе, или другого,
Рѣчью твоей обольстивши, отклонишь отъ ратнаго дѣла,
Въ мигъ подъ моимъ ты копьемъ распростренься и душу испустишь!“

Такъ произнесъ и пошелъ онъ впередъ; понеслись и дружины
Съ крикомъ ужаснымъ; предъ ними Кронидъ, веселящійся громомъ,
Свыше, отъ горъ Идейскихъ, воздвигнулъ свирѣпую бурю,
Мрачный прахъ на суда заклубившую; онъ у Данаевъ
Духъ унижалъ, возвышая Троянамъ и Гектору славу.
Тутъ, на знаменье бога и силу свою положася,
Начали Трои сыны разрушать Ахейскую стѣну.
Съ башенъ срывали зубцы, сокрушали грудныя забрала
И ломами шатали у вала торчащія сваи,
Кои поставлены въ землю опорами первыми башенъ.
Ихъ вырывали они, и уже уповали, что стѣну
Скоро пробьютъ, но Ахейцы еще не сходили съ ихъ мѣста:
Плотно щитами они оградивши грудныя забрала,
Камнями, копьями били враговъ, подступавшихъ подъ стѣну.
Оба Аякса, тогда управлявшіе битвой на башняхъ,
Быстро ходили кругомъ, придавая Ахеянамъ духа,
Ласковой рѣчью однихъ, а другихъ возбуждали суровой,
Если которыхъ встрѣчали оставившихъ битву съ врагами:
„Други Ахейцы, и тотъ кто передній, и тотъ кто середній,
Такъ и послѣдній изъ воиновъ,—ибо не всѣ равносильны
Мужи въ сраженіяхъ,—нынѣ для всѣхъ насъ трудъ уготовленъ!
Это вы видите сами! О други, никто да не мыслитъ
Вспять со стѣны обращаться, грозящаго криковъ страшася.
Нѣтъ, выходите впередъ и на бой поощряйте другъ друга!
Дастъ, быть можетъ, и намъ Олимпійскій блистатель Кроніонъ,
Жесточь сію отразивши, преслѣдовать къ граду враждебныхъ!“

Рѣчью такой впереди возбуждали Аяксы Ахеянъ.
Словно какъ снѣгъ, устремившися, хлопьями сыплется частый,
Въ зимнюю пору, когда громовержецъ Кроніонъ восходитъ
Съ неба снѣжить человѣкамъ, являя могущества стрѣлы:
Вѣтры всѣ успокоивши, сыплетъ онъ снѣгъ безпрерывный,
Горъ высочайшихъ главы и утесовъ верхи покрывая,
И цвѣтущія степи и тучныя пахарей нивы;
Сыплется снѣгъ на брега и на пристани моря сѣдого;
Волны его, набѣжавъ, поглощаютъ, но все остальное
Онъ покрываетъ, коль свыше обрушится Зевсова вьюга,—
Такъ отъ воинства къ воинству частые камни летали,
Тѣ на Троянъ нападавшихъ, а тѣ отъ Троянъ на Ахеянъ,

Быстро метавшихъ; надъ всею твердынею стукъ раздавался.
Но не успѣли бъ еще и Трояне, и Гекторъ могучій
Въ башнѣ пробить затворенныхъ воротъ и огромныхъ запоровъ,
Если бъ на силу Ахейскую силы своей—Сарпедона—
Самъ Эгіохъ не подвигнулъ, какъ льва на воловъ круторогихъ.
Быстро герой передъ грудью уставилъ свой щитъ круговидный,
Мѣдный, кованный, пышноблестящій, который художникъ,
Мѣдникъ искусный, ковалъ, на поверхности жъ тельчіи кожи
Прутьями золота часто прошелъ по краямъ его круга;
Щитъ сей неся передъ грудью и два копія потрясая,
Онъ устремился, какъ левъ горожитель, алкающій долго
Мяса и крови, который, душою отважной стремимый,
Хочетъ, на гибель овецъ, и во дворъ огражденный ворваться,
И хотя предъ оградою пастырей сельскихъ находитъ,
Съ бодрыми псами и съ копьями стадо свое стерегущихъ,
Онъ, не извѣдавши прежде, не мыслитъ бѣжать отъ ограды;
Прянувъ во дворъ, похищаетъ овцу, либо самъ подъ ударомъ
Падаетъ первый, копьемъ прободенный изъ длани могучей,—
Такъ устремляла душа Сарпедона, подобнаго богу,
На стѣну прямо напасть и разрушить забрала грудныя.
Быстро онъ къ Главку вѣщалъ, Гипполохову храброму сыну:
„Сынъ Гипполоховъ! за что передъ всѣми насъ отличаютъ
Мѣстомъ почетнымъ и брашномъ, и полной на пиршествахъ чашей
Въ царствѣ Ликійскомъ и смотрятъ на насъ, какъ на жителей неба?
И за что мы владѣемъ при Ксанѳѣ удѣломъ великимъ,
Лучшей землей, виноградъ и пшеницу обильно плодящей?
Намъ, предводителямъ, между переднихъ героевъ Ликійскихъ
Должно стоять и въ сраженьи пылающемъ первымъ сражаться.
Пусть не единый про насъ крѣпкобронный Ликіянинъ скажетъ:
Нѣтъ, не безславные нами и царствомъ Ликійскимъ пространнымъ
Правятъ цари: они насыщаются пищею тучной,
Вина изящныя, сладкія пьютъ, но зато ихъ и сила
Дивная: въ битвахъ они предъ Ликійцами первые бьются!
Другъ благородный! когда бы теперь, отказавшись отъ брани,
Были съ тобой навсегда нестарѣющи мы и безсмертны,
Я бы и самъ не летѣлъ впереди передъ воинствомъ биться,
Я и тебя бы не влекъ на опасности славнаго боя;
Но и теперь, какъ всегда, несчетные случаи смерти
Насъ окружаютъ и смертному ихъ ни минуть, ни избѣгнуть.
Вмѣстѣ впередъ! иль на славу кому, иль за славою сами!“
Такъ говорилъ Сарпедонъ; не противился Главкъ, не отрекся;

Ринулись оба впередъ предъ великою ратью Ликійской.
Ихъ устремленныхъ узрѣвъ, Петеидъ Менесѳей ужаснулся:
Къ башнѣ его разрушеньемъ грозящая сила стремилась.
Съ башни кругомъ онъ глядѣлъ, не узритъ ли кого изъ Ахейскихъ
Мощныхъ вождей, да поможетъ бѣду отразить отъ дружины.
Скоро Аяксовъ узрѣлъ обоихъ, ненасытимыхъ бранью,
Близко сражавшихся, съ ними и Тевкра, который недавно
Вышелъ изъ сѣни; но не было способа крикъ имъ услышать:
Шумно тамъ было побоище: тамъ до небесъ раздавался
Громъ отъ разимыхъ щитовъ, отъ косматыхъ шеломовъ и створовъ
Башенныхъ вратъ: обступили ихъ всѣ, и, предъ ними толпою
Стоя, Трояне пытался, силой разбивши, ворваться.
Вѣстника вождь Менесѳей посылаетъ къ Аяксамъ, Ѳоота:
„Шествуй, почтенный Ѳоотъ, и зови на защиту Аякса.
Лучше зови обоихъ, несравненно полезнѣе тутъ имъ
Быть обоимъ: разразится тутъ скоро ужасная гибель!
Мчатся сюда воеводы Ликійскіе, кои и прежде
Бурей всегда налетали на страшное поприще брани!
Если жъ и тамъ на Ахеянъ воздвигнута грозная жесточь,
Пусть хоть одинъ поспѣшаетъ Аяксъ, Теламонидъ великій;
Съ нимъ да предстанетъ и Тевкръ благородный, стрѣлецъ знаменитый".
Такъ произнесъ; покорился его повелѣніямъ вѣстникъ
И пустился бѣжать по стѣнѣ мѣднобронныхъ Данаевъ.
Сталъ предъ Аяксами вѣстникъ пришедшій и такъ говорилъ имъ:
„Храбрые мужи Аяксы, вожди мѣднобронныхъ Данаевъ,
Проситъ Петея почтеннаго сынъ, Менесѳей благородный,
Въ помощь придти; раздѣлите хоть нѣсколько трудъ съ нимъ жестокій.
Но придите вы оба; полезнѣе тамъ, воеводы,
Храбрымъ вамъ быть: разразится тамъ скоро ужасная гибель!
Мчатся туда воеводы Ликійскіе, кои и прежде
Бурей всегда налетали на страшное поприще брани.
Если жъ и здѣсь на Ахеянъ воздвигнута грозная жесточь,
Пусть хоть одинъ поспѣшаетъ Аяксъ, Теламонидъ великій;
Съ нимъ да предстанетъ и Тевкръ благородный, стрѣлецъ знаменитый".
Такъ говорилъ, и охотно склонился Аяксъ Теламонидъ.
Онъ къ Оилиду Аяксу измолвилъ крылатое слово:
„Сынъ Оилеевъ Аяксъ, и ты, Ликомедъ нестрашимый!
Стойте вы здѣсь и народъ поощряйте отважно сражаться.
Я же туда поспѣшаю и тамъ на сраженіе стану;

Къ вамъ возвращуся немедленно, только лишь имъ помогу я".
Такъ говорящій своимъ, отошелъ Теламонидъ могучій.
Съ нимъ устремился и Тевкръ, Теламонидовъ братъ одноотчій,
И за Тевкромъ Пандіонъ, несущій лукъ его крѣпкій.
Къ башнѣ Петеева сына идя, внутрь стѣны воеводы
Скоро пришли и уже утѣсненныхъ врагами застали.
Къ самымъ забраламъ стѣны подымались, какъ мрачная буря,
Мужи храбрѣйшіе, полиствъ Ликійскихъ вожди и владыки;
Сблизились въ битву, противникъ съ противникомъ, съ яростнымъ крикомъ.
Первый сразился Аяксъ Теламонидъ и первый сразилъ онъ
Друга царя Сарпедона, высокаго духомъ Эпикла:
Мраморомъ острымъ его поразилъ онъ, какой на твердынѣ
Большій лежалъ у забралъ высочайшихъ; его не легко бы
Поднялъ руками обѣими мужъ и лѣтами цвѣтущій,
Намъ современный, но онъ высоко его поднялъ и ринулъ,
Вдругъ раздавилъ имъ и выпуклый шлемъ, и на черепѣ кости
Всѣ раздробилъ у Эпикла, и онъ, водолазу подобный,
Ринулся съ башни высокой, и духъ его кости оставилъ.
Тевкръ Гипполохова сына, героя Ликійскаго Главка,
Сверху стѣны, на нее подымавшагось, ранилъ пернатой
Въ мышцу, гдѣ видѣлъ нагою, и битву принудилъ оставить.
Онъ со стѣны соскочилъ, притаяся, да кто изъ Ахеянъ
Язвы его не узритъ и надъ нимъ не ругается, гордый.
Грусть обняла Сарпедона, когда отходящаго друга
Главка примѣтилъ, но онъ не оставилъ кроваваго боя.
Онъ въ Θесторида Алкмаона, прянувши, острую пику
Быстро вонзилъ и исторгъ, и, за пикой повлекшися, палъ онъ
На землю ницъ, и взгремѣла на немъ распещренная броня.
Но Сарпедонъ, за зубецъ ухвативши рукою дебелой,
Мощно повлекъ, и оторванный рухнулся весь онъ на землю;
Сверху стѣна обнажилась, и многимъ открылась дорога.
Тевкръ и Аяксъ разрушителя встрѣтили вмѣстѣ; стрѣлою
Первый умѣтилъ въ ремень его свѣтлый, на персяхъ держащій
Щитъ въ человѣческій ростъ, но Зевсъ отъ любезнаго сына
Смерть отразилъ, не судивши ему предъ судами погибнуть.
Мощный Аяксъ, налетѣвъ, поразилъ по щиту, и пробившись
Пика насквозь оттолкнула врага, распыхавшагось сердцемъ.
Онъ отъ твердыни подался назадъ, но совсѣмъ не оставилъ
Мѣста сраженья и въ сердцѣ надежды, что славы добудетъ.
Вспять обратясь, восклицалъ онъ Ликіянамъ богоподобнымъ:
„Мужи Ликійскіе! что забываете бурную храбрость?

Мнѣ одному невозможно, хоть былъ бы еще я сильнѣйшій,
Стѣну разрушить и къ быстрымъ судамъ проложить вамъ дорогу!
Разомъ со мною, Ликійцы! успѣшнѣе трудъ совокупный!“
Такъ восклицалъ, и они, устыдившися царскихъ упрековъ,
Крѣпче сомкнулись, смѣлѣй налегли за совѣтникомъ храбрымъ.
Рати Ахеянъ съ другой стороны укрѣпляли фаланги
Внутрь ихъ стѣны: предстоялъ ихъ мужеству подвигъ великій.
Тутъ, какъ Ликійцы храбрѣйшіе всѣ не могли у Ахеянъ
Крѣпкой стѣны проломить и открыть къ кораблямъ ихъ дорогу,
Такъ и Ахеянъ сыны не могли нападавшихъ Ликіянъ
Прочь отъ стѣны отразить, съ тѣхъ поръ какъ они подступили.
Но какъ два человѣка, сосѣди, за межи раздорятъ,
Оба съ саженью въ рукахъ на смежномъ стоящіе полѣ,
Узкимъ пространствомъ дѣлимые, шумно за равенство спорятъ;
Такъ и бойцовъ лишь забрала дѣлили; чрезъ нихъ нападая,
Мужи одни у другихъ разбивали вкругъ персей ихъ кожи
Пышныхъ кругами щитовъ и крылатыхъ щитковъ легкометныхъ.
Многіе тутъ изъ сражавшихся острою мѣдью позорно
Были постигнуты въ тылъ, у которыхъ хребетъ обнажался
Въ бѣгствѣ изъ боя, и многіе храбрые въ грудь, сквозь щиты ихъ.
Башни, грудныя забрала кругомъ человѣческой кровью
Были обрызганы съ каждой страны, отъ Троянъ и Ахеянъ.
Но ничто не могло устрашить Ахеянъ; держались
Ровно они, какъ вѣсы у жены, рукодѣльницы честной,
Если, держа коромысло и чаши заботно равняя,
Вѣситъ волну, чтобъ дѣтямъ промыслить хоть скудную плату,—
Такъ равновѣсно стояла и брань и сраженіе воинствъ
Долго, доколѣ Кронидъ не украсилъ высокою славой
Гектора: Гекторъ ворвался въ твердыню Ахейскую первый.
Голосомъ, слухъ поражающимъ, онъ восклицалъ ко Троянамъ:
„Конники Трои, впередъ, разорвите Ахейскую стѣну
И на ихъ корабли пожирающій пламень бросайте!“
Такъ возбуждалъ ихъ герой, и услышали всѣ его голосъ,
Прямо къ стѣнѣ понеслися толпою и начали быстро
Вверхъ подыматься къ зубцамъ, уставляючи острыя копья.
Гекторъ же несъ имъ захваченный камень, который у башни
Близко вздымался, широкій книзу, завостренный кверху,
Глыба, которой и два, изъ народа сильнѣйшіе, мужа
Съ дола на возъ не легко бы могли приподнять рычагами.
Нынѣ живущіе, онъ же легко и одинъ потрясалъ имъ:
Легкою тягость ему сотворилъ хитроумный Кроніонъ.
Словно какъ пастырь, одною рукою руно захвативши,

Быстро несетъ: для нея нечувствительно слабое бремя,—
Такъ Пріамидъ захватилъ и стремительно несъ на ворота
Камень огромный. Ворота тѣ были сплоченные крѣпко
Створы двойные, высокіе; два изнутри ихъ запора
Встрѣчные туго держали, однимъ замыкаяся болтомъ.
Сталъ онъ у самыхъ воротъ и, чтобъ не былъ ударъ маломоченъ,
Ноги расширилъ и, сильно напрягшися, грянулъ въ средину,
Сбилъ подворотныя оба крюка и во внутренность камень
Рухнулся тяжкій. Взгремѣли ворота; ни засовъ огромный
Ихъ не сдержалъ: и сюда и туда раскололися створы,
Камнемъ разбитые страшнымъ, и ринулся Гекторъ великій,
Грозенъ лицомъ, какъ бурная ночь, и сіялъ онъ ужасно
Мѣдью, которой одѣянъ былъ весь, и въ рукахъ потрясалъ онъ
Два копія; не сдержалъ бы героя никто, кромѣ бога,
Въ мигъ, какъ въ ворота влетѣлъ онъ: огнемъ его очи горѣли;
Тамъ онъ Троянамъ приказывалъ, къ толпищу ихъ обратяся,
На стѣну быстро взлѣзать, и ему покорились Трояне:
Ринулись всѣ, и немедленно тѣ подымались на стѣну,
Тѣ наводняли ворота. Кругомъ побѣжали Ахейцы
Къ черными своимъ кораблямъ, и кругомъ поднялася тревога.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

	стр.
Пѣснь VII.	1
Пѣснь VIII.	14
Пѣснь IX	29
Пѣснь X.	48
Пѣснь XI.	62
Пѣснь XII.	85

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ТОМЪ ПЯТЫЙ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Н. Минскимъ (Н. М. Виленкинымъ).

ТОМЪ ПЯТЫЙ

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, 18. | МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 12.
1903

Дозволено цензурою. Спб., 5 декабря 1908 г.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, В. О., 16 л., д. № 5—7.

ПѢСНЬ XIII.

СОДЕРЖАНІЕ ТРИНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Зевсъ, даровавъ торжество Троянамъ надъ Ахеянами, приведши ихъ въ самый станъ, отвращаетъ взоры свои отъ брани и отъ Трои, ст. 5—10. Посидаонъ, сострадающій объ Ахеянахъ, симъ пользуется, возстаетъ, чтобы одушевить ихъ, и на коняхъ своихъ ѣдетъ къ Троѣ, 11—42; принявъ видъ Калхаса, онъ возбуждаетъ къ защитѣ кораблей сперва Аяксовъ, потомъ другихъ вождей и наполняетъ ихъ новою силою, 43—124. Ахеяне собираются около Аяксовъ, строятся фалангами, непоколебимо встрѣчаютъ нападающаго Гектора и отражаютъ его, 125—149. Гекторъ, убѣдивъ Троянъ, продолжаетъ сражаться; многіе герои убиты съ обѣихъ сторонъ, 150—205. Посидаонъ, за убійство внука своего раздраженный, въ образѣ Ѳоаса, возбуждаетъ къ битвѣ Идоменея, 206—239. Идоменей, вооружася и взявъ съ собою Меріона, выходитъ на бой противъ лѣвой стороны, гдѣ утѣснены Ахейцы, 240—329. Здѣсь возжигается жестокій бой; Зевсъ благопріятствуетъ Троянамъ, Посидаонъ Ахеянамъ, между которыми Идоменей болѣе всѣхъ въ продолженіе битвы сей отличается доблестію и подвигами, 330—362. Онъ поражаетъ Оѳріонея, Азія, Алкаѳоя и угрожаетъ Деифобу, потомъ съ Меріономъ, Антилохомъ и Менелаемъ успѣшно сражается противу Энея, Деифоба, Гелена и Париса, 363—672. Между тѣмъ Гектора, который сражался тамъ, гдѣ и прежде, Аяксы, соединяся оба, и другія при нихъ воинства одолѣваютъ до того, что Трояне готовы отступить, 673—724. Но Гекторъ, ободренный Полидамасомъ, собираетъ храбрѣйш хъ и жестоко нападаетъ на Ахеянъ, 725—807; Аяксъ великій сопротивляется, вызываетъ его, возбуждаетъ новый бой, и оба воинства одушевляютъ себя ужаснымъ взаимнымъ крикомъ, 808—836.

Зевсъ, и Троянъ и Гектора къ стану Ахеянъ приблизивъ,
Ихъ предъ судами оставилъ, бѣды и труды боевые
Несть безпрерывно, а самъ отвратилъ свѣтозарныя очи
Вдаль, созерцающій землю Ѳракіянъ, наѣзниковъ конныхъ,
Мизянъ, бойцовъ рукопашныхъ, и дивныхъ мужей Гиппомолговъ
Бѣдныхъ, питавшихся только млекомъ, справедливѣйшихъ смертныхъ.
Болѣе онъ къ Иліону очей не склонялъ свѣтозарныхъ,
Ибо не чаялъ уже, чтобы кто изъ боговъ Олимпійскихъ
Вышелъ еще поборать за Троянскихъ сыновъ иль Ахейскихъ.

Но соглядалъ не напрасно и мощный земли колебатель:
Самъ онъ сидѣлъ, созерцая войну и кровавую битву
Съ горныхъ вершинъ, съ высочайшей стремнины дѣсистаго Сама,
Въ Ѳракіи горной: оттолѣ великая видѣлась Ида,
Видѣлась Троя Пріама и станъ корабельный Ахеянъ.
Тамъ онъ, изъ моря исшедшій, сидѣлъ, сострадалъ объ Ахейцахъ,
Силой Троянъ укрощенныхъ, и страшно ропталъ на Зевеса.
Вдругъ, негодуя, возсталъ и съ утесной горы устремился,
Быстро ступая впередъ; задрожали дубравы и горы
Вкругъ подъ стопами священными въ гнѣвѣ идущаго бога.
Трижды ступилъ Посидонъ и въ четвертый достигнулъ предѣла
Эги; тамъ Посидона въ заливѣ глубокомъ обитель,
Домъ золотой, лучезарно сіяющій, вѣчно нетлѣнный.
Тамъ онъ, притекшій, запрягъ въ колесницу коней мѣдноногихъ,
Бурно летающихъ, гривы волнующихъ вкругъ золотыя.
Золотомъ самъ онъ одѣлся, въ руку десную прекрасный
Бичъ захватилъ золотой и на свѣтлую сталъ колесницу,
Коней погналъ по волнамъ,—и взыграли страшилища бездны,
Вкругъ изъ пучинъ заскакали киты, узнавая владыку;
Радуясь, море подъ нимъ разстилалось, а гордые кони
Бурно летѣли, зыбей не касаяся мѣдною осью.
Къ стану Ахейскому мчалися быстроскакучіе кони.

Есть пещера обширная въ безднѣ пучинной залива,
Межъ Тенедоса и дикоутеснаго острова Имбра.
Тамъ коней удержалъ колебатель земли Посидаонъ,
Тамъ отрѣшивъ отъ ярма, амврозической бросилъ имъ пищи
Въ кормъ и на бурныя ноги накинулъ имъ путы златыя,
Несокрушимыя цѣпи, да тамъ бы они неподвижно
Ждали владыку, а самъ устремился къ дружинамъ Ахейскимъ.

Рати Троянскія, всей ихъ громадой, какъ пламень, какъ буря,
Гектору вслѣдъ съ несмиримой горячностью къ бою летѣли
Съ шумомъ, съ крикомъ неистовымъ, взять корабли у Данаевъ.
Гордо мечтали и всѣхъ истребить передъ ними Данаевъ.

Но Посидонъ земледержецъ, могучій земли колебатель,
Духъ Аргивянъ возвышалъ, изъ глубокаго моря исшедшій.
Онь, уподобяся Калхасу видомъ и голосомъ сильнымъ,
Первымъ вѣщалъ Аяксамъ, пылавшимъ и собственнымъ сердцемъ:
„Вы, воеводы Аяксы, одни вы спасете Ахеянъ,
Мужество помня свое и не мысля о бѣгствѣ бездушномъ.
Въ мѣстѣ другомъ не страшился бы рукъ я Троянъ необорныхъ,
Кои въ Ахейскую крѣпкую стѣну ворвались толпою:
Ихъ остановятъ вездѣ мѣднолатныя рати Ахеянъ.
Здѣсь лишь, безмѣрно страшусь, пострадать неизбѣжно мы можемъ:
Здѣсь разъяренный, какъ пламень стремительный, Гекторъ предводитъ,
Гекторъ, себя величающій сыномъ всемощнаго Зевса!
О, да и вамъ небожитель положитъ рѣшительность въ сердце,
Крѣпко стоять и самимъ, и другихъ ободрить, устрашенныхъ!
Гектора, какъ онъ ни буренъ, отъ нашихъ судовъ мореходныхъ
Вы отразите, хотя бъ устремлялъ его самъ Громоверженъ!“.
Рекъ и жезломъ Земледержецъ, могучій земли колебатель,
Ихъ обоихъ прикоснулся и страшною силой исполнилъ,
Члены ихъ легкими сдѣлалъ и ноги, и мощныя руки.
Самъ же, какъ ястребъ, ловецъ быстрокрылый, на ловъ улетаетъ,
Если съ утеса крутого, высокаго, вдругъ онъ, поднявшись,
Ринется полемъ преслѣдовать робкую птицу другую,—
Такъ устремился отъ нихъ Посидаонъ, колеблющій землю.
Первый бога постигъ Оилеевъ Аяксъ быстроногій,
Первый онъ взговорилъ къ Теламонову сыну Аяксу:
„Храбрый Аяксъ! безъ сомнѣнія, богъ, обитатель Олимпа,
Образъ пророка принявъ, корабли защищать повелѣлъ намъ.
Нѣтъ, то не Калхасъ, вѣщатель оракуловъ, птицегадатель;
Нѣтъ, по слѣдамъ и по голенямъ мощнымъ сзади позналъ я
Вспять отходящаго бога; легко познаваемы боги.
Нынѣ, я чую, въ груди у меня ободренное сердце
Пламеннѣй прежняго рвется на брань и кровавую битву;
Въ битву горятъ у меня и могучія руки, и ноги“.
Быстро ему отвѣчалъ Теламонидъ, мужества полный:
„Такъ, Оилидъ! и мои на копье несмиримыя руки
Въ битву горятъ, возвышается духъ, и стопы подо мною,
Чувствую, движутся сами; одинъ я, одинъ я пылаю
Съ Гекторомъ, сыномъ Пріама, неистовымъ въ битвахъ, сразиться“.
Такъ межъ собой говорили владыки народовъ Аяксы,
Жаромъ веселые браннымъ, ниспосланнымъ въ сердце ихъ богомъ.
Тою порой возбуждалъ Посидаонъ задніхъ Данаевъ,

Кои у черныхъ судовъ оживляли унылыя души;
Воины, коихъ и силы подъ тяжкимъ трудомъ изнурились,
И жестокая грусть налегла на сердца ихъ, при видѣ
Гордыхъ Троянъ, за высокую стѣну толпой перешедшихъ.
Смотря на ихъ торжествующихъ, слезы они проливали,
Смерти позорной избѣгнуть не чаяли. Но Посидаонъ,
Вдругъ посреди ихъ явившися, сильныя поднялъ фаланги.
Первому Тевкру и Леиту онъ предсталъ, убѣждая,
Тамъ Пенелею царю, Деипиру, Ѳоасу герою,
Здѣсь Меріону и съ нимъ Антилоху, искусникамъ браннымъ.
Сихъ возбуждалъ Земледержецъ, крылатыя рѣчи вѣщая:
„Стыдъ, Аргивяне, цвѣтущіе младостью! вамъ, полагалъ я,
Храбрости вашей спасти корабли мореходные наши!
Если жъ и вы отъ опасностей брани отступите робко,
День насталъ роковой, и Троянская мощь сокрушитъ насъ!
Боги! великое чудо моими очами я вижу,
Чудо ужасное, коему, мнилъ, никогда не свершиться:
Трои сыны предъ судами Ахейскими! тѣ, что бывало
Ланямъ подобились трепетнымъ, кои, по темному лѣсу
Праздно бродящія, слабыя и не рожденныя къ бою,
Пардовъ, волковъ и шакаловъ вседневною пищей бываютъ.
Такъ и Трояне сіи трепетали бывало Ахеянъ,
Противу мужества ихъ ни на мигъ стоять не дерзали.
Нынѣ жъ, далеко отъ стѣнъ, корабли уже наши воюютъ!
И отчего? отъ проступка вождя и отъ слабости воевъ,
Кои, враждуя вождю, не хотятъ окруженныхъ врагами
Спасть кораблей и предъ ними себя отдаютъ на убійство!
Но устыдитеся; если и подлинно сильно виновенъ
Нашъ предводитель, пространно-властительный царь Агамемнонъ,
Если и подлинно онъ оскорбилъ Ахиллеса героя,
Намъ никому ни на мигъ уклоняться не должно отъ брани!
Но исцѣлимъ мы себя: исцѣлимы сердца благородныхъ.
Стыдъ, о Ахеяне! вы забываете бранную доблесть,
Вы, ратоборцы храбрѣйшіе въ воинствѣ! Самъ я не сталъ бы
Гнѣва на ратника тратить, который бросаетъ сраженье,
Будучи подлъ, но на васъ справедливо душа негодуетъ!
Слабые, скоро на всѣхъ навлечете вы большее горе
Слабостью вашей! Опомнитесь, други; представьте себѣ вы
Стыдъ и укоры людей! Рѣшительный бой наступаетъ!
Гекторъ, воинственный Гекторъ, уже на суда нападаетъ,
Мощный, уже разгромилъ и врата, и запоръ ихъ огромный".
Такъ возбуждалъ Колебатель земли и воздвигнулъ Данаевъ.

Окрестъ Аяксовъ героевъ столпилися, стали фалапги
Страшной стѣной. Ни Арей, ни Паллада, стремящая рати,
Ихъ не могли бы, не радуясь, видѣть: храбрѣйшіе мужи,
Войско составивъ, Троянъ и великаго Гектора ждали,
Стиснувши дротъ возлѣ дрота и щитъ у щита непрерывно;
Щитъ со щитомъ, шишакъ съ шишакомъ, человѣкъ съ человѣкомъ
Тѣсно смыкался; касалися свѣтлыми бляхами шлемы,
Зыблясь на воинахъ. Такъ Аргивяне сгустяся стояли;
Копья змѣилися, грозно колеблемы храбрыхъ руками;
Прямо они на Троянъ устремлялись, пылали сразиться.
Но, упредивъ ихъ, Трояне ударили; Гекторъ предъ ними
Бурный летѣлъ, какъ въ полетѣ крушительный камень съ утеса,
Если съ вершины громаду осеннія воды обрушатъ,
Ливнемъ-дождемъ разорвавши утеса жестокаго связи;
Прядая кверху, летитъ онъ; трещитъ на лету имъ крушимый
Лѣсъ; безпрепонно и прямо летитъ онъ, пока на долину
Рухнетъ, и больше не катится, сколь ни стремительный прежде,—
Гекторъ таковъ! при началѣ грозился до самаго моря
Быстро пройти, межъ судовъ и межъ кущей, по трупамъ Данаевъ,
Но едва набѣжалъ на сомкнувшіясь крѣпко фаланги,
Сталъ, какъ ни близко нагрянувшій: дружно его Аргивяне,
Встрѣтивъ и острыхъ мечей и пикъ двуконечныхъ ударомъ,
Прочь отразили,—и онъ отступилъ, поколебанный силой,
Голосомъ, слухъ поражающимъ, къ ратямъ Троянъ вопіющій:
„Трои сыны и Ликійцы, и вы, рукопашцы Дарданцы!
Стойте, друзья! не надолго меня остановятъ Ахейцы,
Если свои ополченья и грозною башней построятъ;
Скоро отъ пики разсыплются, если меня несомнѣнно
Богъ всемогущій предводитъ, супругъ громовержущій Геры!“
Такъ восклицая, возвысилъ и душу и мужество въ каждомъ.
Вдругъ Деифобъ изъ рядовъ ихъ высоко-мечтающій вышелъ,
Сынъ же Пріамовъ: предъ грудью уставя онъ щитъ круговидный,
Легкой стопой выступалъ и впередъ подъ щитомъ устремлялся.
Но, Меріонъ, на Троянца наметивъ, сверкающей пикой
Бросилъ,—и вѣрно вонзилася въ выпуклый щитъ волокожный
Бурная пика, но кожъ не проникла: вонзилась, и древкомъ
Около трубки огромная хряснула. Быстро Троянецъ
Щитъ отъ себя отдалилъ волокожный, въ душѣ устрашася
Бурнаго въ летѣ копья Меріонова; тотъ же, могучій,
Къ сонму друзей отступилъ, негодуя жестоко на трату
Вѣрной побѣды и вмѣстѣ копья, преломленнаго тщетно;
Быстро пустился идти къ кораблямъ и кущамъ Ахейскимъ.

Крѣпкое вынесть копье, у него сохранявшееся въ кущѣ.
Но другіе сражалися, вопль раздавался ужасный.
Тевкръ Теламоніевъ первый отважнаго свергъ бранноносца
Имбрія, Ментора сына, конями богатаго мужа.
Онъ въ Педаосѣ жилъ до нашествія рати Ахейской,
Медезикасты супругъ, побочной Пріамовой дщери.
Но, когда Аргивяне пришли въ корабляхъ многовеслыхъ,
Онъ прилетѣлъ въ Иліонъ и въ бояхъ межъ Троянъ отличался,
Жилъ у Пріама и былъ какъ сынъ почитаемъ отъ старца,
Мужа сего Теламонидъ огромною пикой подъ ухо
Грянулъ и пику исторгъ, и на мѣстѣ палъ онъ, какъ ясень
Пышный, который на холмѣ, далеко путнику видномъ,
Ссѣченный мѣдью, зеленыя вѣтви къ землѣ преклоняетъ:
Такъ онъ упалъ и кругомъ его грянулъ доспѣхъ распещренный.
Тевкръ полетѣлъ на упавшаго, сбрую похитить пылая.
Гекторъ на Тевкра летящаго дротикъ блистающій ринулъ.
Тотъ, издалече узря, отъ копья, налетавшаго бурно,
Чуть избѣжалъ. Но Амфимаха Гекторъ, Ктеатова сына,
Въ битву идущаго, въ грудь поразилъ сокрушительнымъ дротомъ.
Съ шумомъ на землю онъ палъ, загремѣли на падшемъ доспѣхи.
Бросился Гекторъ, пылая шеломъ на скраніяхъ плотный
Мѣдный сорвать съ головы у Ктеатова храбраго сына.
Но Аяксъ на летящаго острую пику уставилъ;
Къ тѣлу она не проникнула Гектора: мѣдью кругомъ онъ
Страшною былъ огражденъ; но, въ средину щита поразивши,
Силой его отразилъ Теламонидъ, и вспять отступилъ онъ
Прочь отъ обоихъ убитыхъ; тѣла увлекли Аргивяне;
Сына Ктеатова Стихій герой съ Менесѳеемъ почтеннымъ,
Оба Аѳинянъ вожди, понесли къ ополченьямъ Ахейскимъ.
Имбрія жъ оба Аякса, кипящіе храбростью бурной,
Словно какъ серну могучіе львы, у псовъ острозубыхъ
Вырвавши, гордо несутъ черезъ густопоросшій кустарникъ
И добычу высоко въ челюстяхъ держатъ кровавыхъ,—
Такъ Менторида, высоко держа, бранноносцы Аяксы
Съ персей срывали доспѣхъ, и повисшую голову съ выи
Ссѣкъ Оилидъ и, за гибель Амфимаха местью пылая,
Бросилъ ее съ размаху, какъ шаръ, на толпу Иліонянъ:
Въ прахъ голова, передъ Гектора ноги, крутящаясь пала.
Гнѣвомъ сугубымъ въ душѣ Посидонъ воспылалъ за убійство
Внука его, Ктеатида, сраженнаго въ битвѣ свирѣпой.
Гнѣвный подвинулся онъ, къ кораблямъ устремляясь и къ кущамъ
Всѣхъ Аргивянъ возбуждая и горе готовя Троянамъ.

Идоменей, Девкаліонъ воинственный, встрѣтился богу,
Шедшій отъ друга, который къ нему незадолго изъ боя
Былъ приведенъ, подъ колѣно суровою раненый мѣдью.
Юношу вынесли други; его онъ врачамъ поручивши,
Самъ изъ шатра возвращался: еще онъ участвовать въ битвѣ,
Храбрый, пылалъ; и къ нему провѣщалъ Посидаонъ владыка
(Гласъ громозвучный принявъ Андремонова сына, Ѳоаса,
Мужа, который въ Плевронѣ, во всемъ Калидонѣ гористомъ
Всѣми Этольцами властвовалъ, чтимый, какъ богъ, отъ народа):
„Гдѣ же, о Критянъ совѣтникъ, куда же дѣвались угрозы,
Коими Трои сынамъ угрожали Ахейскія чада?“
И ему вопреки отвѣчалъ Девкалидъ знаменитый:
„Сынъ Андремоновъ! никто изъ Ахеянъ теперь не виновенъ,
Сколько я знаю: умѣемъ мы всѣ и готовы сражаться;
Страхъ никого не оковывалъ низкій; никто, уступая
Праздности, битвы не бросилъ, Ахеямъ жестокой; но, вѣрно,
Кронову сыну всесильному видѣть, Зевесу, угодно
Здѣсь далеко отъ Геллады Ахеянъ безславно погибшихъ!
Сынъ Андремоновъ, всегда отличавшійся мужествомъ духа,
Ты, ободрявшій всегда и другихъ, забывающихъ доблесть,
Нынѣ, Ѳоасъ, не оставь и омужести каждаго душу!“
Быстро ему отвѣчалъ Посидаонъ, колеблющій землю:
„Критянъ воинственный царь! да во вѣкъ отъ Троянскаго брега
Въ домъ не придетъ, но игралищемъ псовъ да простется подъ Троей
Воинъ, который въ сей день добровольно оставитъ сраженье!
Шествуй и, взявши оружіе, стань ты со мной: совокупно
Дѣйствовать должно; быть можетъ, успѣемъ помочь мы и двое.
Сила и слабыхъ мужей не ничтожна, когда совокупна,
Мы же съ тобой и противу сильнѣйшихъ умѣли сражаться“.
Рекъ и вновь обратился безсмертный къ борьбѣ человѣковъ.
Идоменей же, поспѣшно пришедъ къ благосозданной кущѣ,
Пышнымъ доспѣхомъ покрылся и, взявши два крѣпкіе дрота,
Онъ устремился, перуну подобный, который Кроніонъ
Махомъ всесильной руки съ лучезарнаго мечетъ Олимпа,
Въ знаменье смертнымъ; горитъ онъ, летя, ослѣпительнымъ блескомъ.
Такъ у него, у бѣгущаго, мѣдь вкругъ персей блистала.
Ввстрѣчу ему предсталъ Меріонъ, знаменитый служитель,
Близко отъ кущи, куда онъ спѣшилъ, воружиться желая
Новымъ копьемъ, и къ нему провѣщала владычная сила:
„Сердцу любезнѣйшій другъ, Молидъ Меріонъ быстроногій,

Что приходилъ ты, оставивши брань и жестокую сѣчу?
Раненъ ли ты и не страждешь ли, мѣдной стрѣлой удрученный?
Или не съ вѣстію ль бранной ко мнѣ предстаешь ты? Но видишь,
Самъ я иду не подъ сѣнью покоиться, ратовать жажду!"
Крита царю отвѣчалъ Меріонъ, служитель разумный:
„Идоменей, предводитель Критскихъ мужей мѣднобронныхъ,
Въ станъ я пришелъ, у тебя копія не осталось ли въ кущѣ?
Взявши его, возвращуся, а то, что имѣлъ, сокрушилъ я,
Въ щитъ поразивъ Деифоба, безмѣрно могучаго мужа".
Критскихъ мужей повелитель отвѣтствовалъ вновь Меріону:
„Ежели копья нужны, и одно обрѣтешь ты, и двадцать,
Въ кущѣ моей у стѣны блестящей стоящія рядомъ,
Копья Троянскія; всѣ я ихъ взялъ у сраженныхъ на битвахъ.
Смѣю сказать, не вдали я стоя, съ врагами сражаюсь.
Вотъ отчего у меня изобильно щитовъ мѣднобляшныхъ,
Копій, шеломовъ и броней, сіяющихъ весело въ кущѣ".
Снова ему отвѣчалъ Меріонъ, служитель разумный:
Царь, и подъ сѣнью моей, и въ моемъ кораблѣ изобильно
Свѣтлыхъ Троянскихъ добычъ, но не близко идти мнѣ за ними.
Самъ похвалюсь, не привыкъ забывать я воинскую доблесть:
Между переднихъ всегда на бояхъ, прославляющихъ мужа,
Самъ я стою, лишь подымется споръ истребительной брани.
Можетъ быть, въ рати другимъ мѣдноброннымъ Ахейскимъ героямъ
Я не извѣстенъ сражаюсь; тебѣ я извѣстенъ, надѣюсь".
Критскихъ мужей предводитель отвѣтствовалъ вновь Меріону:
„Вѣдаю доблесть твою и объ ней говоришь ты напрасно.
Если бы насъ, въ ополченьи храбрѣйшихъ, избрать на засаду
(Ибо въ засадахъ опасныхъ—мужей открывается доблесть;
Тутъ человѣкъ боязливый и смѣлый легко познается:
Цвѣтомъ смѣняется цвѣтъ на лицѣ боязливаго мужа;
Твердо держаться ему не даютъ малодушныя чувства;
То припадетъ на одно, то на оба колѣна садится;
Сердце въ груди у него безпокойное жестоко бьется;
Смерти единой онъ ждетъ и зубами стучитъ, содрогаясь.
Храбраго цвѣтъ не мѣняется, сердце не сильно въ немъ бьется;
Разъ и рѣшительно онъ на засаду засѣвши съ мужами,
Только и молитъ, чтобъ въ битву съ врагами скорѣе схватиться),
Тамъ и твоя, Меріонъ, не хулы заслужила бы храбрость!
Если бъ и ты, подвизаяся, былъ, пораженъ иль устрѣленъ,
Вѣрно не въ выѣ тебѣ, не въ хребетъ бы оружіе пало:
Грудью бъ ты встрѣтилъ копье, иль утробой пернатую принялъ,
Прямо впередъ устремившися, въ первыхъ рядахъ ратоборцевъ.

Но перестанемъ съ тобой разговаривать, словно какъ дѣти,
Праздно стоя, да кто-либо нагло на насъ не возропщетъ.
Въ кущу войди и немедленно съ крѣпкимъ копьемъ возвратися".
Рекъ,—и Молидъ, повинуяся, бурному равный Арею,
Быстро изъ кущи выноситъ копье, совершенное мѣдью,
И за вождемъ устремляется, жаждою битвы пылая.
Словно Арей устремляется въ бой, человѣковъ губитель,
Съ Ужасомъ, сыномъ, равно какъ и самъ онъ, могучимъ, безстрашным
Богомъ, который въ боякъ ужасаетъ и храбрую душу;
Оба изъ Ѳракіи горной они на Эфировъ находятъ,
Или на бранныхъ Флегіянъ, и грозные боги не внемлютъ
Общимъ народовъ мольбамъ, но единому славу даруютъ,—
Столько ужасны Молидъ и герой Девкалидъ, ратоводцы,
Шли на кровавую брань, лучезарной покрытые мѣдью.
Шествуя, слово къ царю обратилъ Меріонъ быстроногій:
„Гдѣ, Девкалидъ, помышляешь вступить въ толпу боевую,
Въ правомъ концѣ, въ серединѣ ль великаго нашего войска,
Или на лѣвомъ? Тамъ, какъ я думаю, болѣ, чѣмъ индѣ,
Въ битвѣ помощной нуждается рать кудреглавыхъ Данаевъ".
Молову сыну отвѣтствовалъ Критскихъ мужей предводитель:
„Нѣтъ, для средины судовъ защитители есть и другіе:
Оба Аякса и Тевкръ Теламонидъ, въ народѣ Ахейскомъ
Первый стрѣлецъ и въ бою пѣшеборномъ не менѣе храбрый;
Тамъ довольно и ихъ, чтобъ насытить несытаго боемъ
Гектора, сына Пріама, хоть былъ бы еще онъ сильнѣе!
Будетъ ему нелегко, и со всѣмъ его бѣшенствомъ въ битвахъ,
Мужество ихъ одолѣвъ и могущество рукъ необорныхъ,
Судно зажечь хоть единое, развѣ что Зевсъ громовержецъ
Свѣточь горящую самъ на суда мореходныя броситъ.
Нѣтъ, Теламонидъ Аяксъ не уступитъ въ сраженіи мужу,
Если онъ смертнымъ рожденъ и плодами Деметры воскормленъ,
Если язвимъ разсѣкающей мѣдью и крѣпостью камней.
Даже Пелиду, рушителю строевъ, Аяксъ не уступитъ
Въ битвѣ ручной; быстротою лишь ногъ не оспоритъ Пелида.
Въ лѣвую сторону рати пойдемъ, да скорѣе увидимъ,
Мы ли прославимъ кого, или сами славу стяжаемъ!"
Рекъ,—и Молидъ, устремившися, бурному равный Арею,
Шелъ впереди, пока не достигнулъ указанной рати.
Идоменея увидѣвъ, несущагось полемъ, какъ пламень,
Съ храбрымъ клевретомъ его, въ изукрашенныхъ дивно доспѣхахъ,
Крикнули разомъ Трояне и всѣ на него устремились.

Общій неистовый споръ возсталъ при кормахъ корабельныхъ.
Словно какъ съ вѣтромъ свистящимъ свирѣпствуетъ вихорь могучій
Въ знойные дни, когда прахомъ глубокимъ покрыты дороги;
Бурные, вмѣстѣ вздымаютъ огромное облако праха,—
Такъ засвирѣпствовалъ общій ихъ бой, ратоборцы пылали
Каждый другъ съ другомъ схватиться и рѣзаться острою мѣдью.
Грозно кругомъ зачернѣлося ратное поле отъ копій,
Длинныхъ, убійственныхъ, частыхъ, какъ лѣсъ; ослѣплялися очи
Мѣднымъ сіяньемъ отъ выпуклыхъ шлемовъ, безмѣрно сверкавшихъ,
Панцырей, вновь уясненныхъ, и круглыхъ щитовъ лучезарныхъ
Воиновъ къ бою сходящихся. Подлинно былъ бы безстрашенъ,
Кто веселился бъ, на бой сей смотря, и душой не содрогся!
Боги, помощные разнымъ, сыны многомощные Крона,
Двумъ племенамъ бранноноснымъ такія бѣды устрояли.
Зевсъ Троянамъ желалъ и Пріамову сыну побѣды,
Славой вѣнчая Пелида царя; но не вовсе Кроніонъ
Храбрыхъ Данаевъ желалъ истребить подъ высокою Троей;
Только Ѳетиду и сына ея прославлялъ онъ героя.
Богъ Посидонъ укрѣплялъ Данаевъ, присутствуя въ брани,
Выплывшій тайно изъ моря сѣдого: объ нихъ сострадалъ онъ,
Силой Троянъ усиренныхъ, и гордо ропталъ на Зевеса.
Оба они и единая кровь и единое племя;
Зевсъ лишь Кроніонъ и прежде родился, и болѣе вѣдалъ.
Зевса страшился и явно не смѣлъ поборать Посидаонъ;
Тайно, подъ образомъ смертнаго, онъ возбуждалъ ратоборцевъ.
Боги сіи и свирѣпой вражды, и погибельной брани
Вервь, на взаимную прю, напрягли надъ народами оба
Крѣпкую вервь, неразрывную, многимъ сломившую ноги.
Тутъ, Аргивянъ ободряющій, воинъ уже посѣдѣлый,
Идоменей на Троянъ устремился и въ бѣгъ обратилъ ихъ:
Оѳіонея сразилъ Кабезійца, недавняго въ градѣ,
Въ Трою недавно еще привлеченнаго бранною славой.
Онъ у Пріама Кассандры, прекраснѣйшей дочери старца,
Гордый просилъ безъ даровъ, но самъ совершить обѣщалъ онъ
Подвигъ великій: изъ Трои изгнать мѣднолатныхъ Данаевъ.
Старецъ ему обѣщалъ и уже за него согласился
Выдать Кассандру—и ратовалъ онъ, на обѣтъ положася.
Идоменей на него мѣдножальную пику направилъ
И поразилъ выступавшаго гордо: ни мѣдная броня,
Коей блисталъ, не спасла: углубилась во внутренность пика;
Съ шумомъ онъ грянулся въ прахъ, и, гордяся, вскричалъ побѣдитель:

„Оріоней! человѣкомъ тебя я почту величайшимъ,
Ежели все то исполнишь, что ты исполнить обрекся
Сыну Дарданову: дочерь тебѣ обѣщалъ онъ супругой.
То же и мы для тебя обѣщаемъ, и вѣрно исполнимъ:
Выдадимъ лучшую всѣхъ изъ семейства Атридова дочерь;
Къ браку невѣсту изъ Аргоса вывеземъ, если ты съ нами
Трою разрушишь Пріамову, градъ, устроеніемъ пышный.
Слѣдуй за мной: при судахъ мѣреходныхъ съ тобой мы докончимъ
Брачный сговоръ; не скупые и мы на приданое сваты".
Рекъ и за ногу тѣло повлекъ сквозь кипящую сѣчу
Критскій герой. Но за мертваго мстителемъ Азій явился,
Пѣшій идя предъ конями. Коней, за плечами хранящихъ,
Правилъ клевретъ у него. И пылающій онъ устремился
Идоменея пронзить, но герой упредилъ: супостата
Пикой ударилъ въ гортань подъ брадой и насквозь ее выгналъ.
Палъ онъ, какъ падаетъ дубъ или тополь серебрянолистный,
Или огромная сосна, которую съ горъ древосѣки
Острыми вкругъ топорами ссѣкутъ, корабельное древо.
Азій таковъ предъ своей колесницей лежалъ распростряся,
Съ скрипомъ зубовъ раздирая руками кровавую землю.
Но возница его цѣпенѣлъ, растерявшійся въ мысляхъ,
Блѣдный стоялъ и не смѣлъ, чтобъ отъ рукъ враждебныхъ избѣгнуть,
Коней назадъ обратить, и сего Антилохъ бранелюбецъ
Пикой ударилъ въ животъ, и отъ смерти ни мѣдная броня,
Коей блисталъ, не спасла: углубилась во внутренность пика;
Онъ застоналъ и съ прекрасно-составленной палъ колесницы.
Коней младыхъ Антилохъ, благодушнаго Нестора отрасль,
Быстро отъ воинствъ Троянскихъ угналъ къ мѣдноброннымъ Ахейцамъ.
Тутъ Деифобъ на властителя Критянъ, объ Азіи скорбный,
Близко одинъ наступилъ и ударилъ сверкающей пикой.
Но усмотрѣлъ и отъ мѣди убійственной во время спасся
Критянъ владыка, укрылся подъ выпуклый щитъ свой огромный,
Щитъ, изъ воловьихъ кожъ и блистательной мѣди скругленный
И двумя поперекъ укрѣпленный скобами: подъ щитъ сей
Весь онъ собрался; надъ нимъ пролетѣла блестящая пика.
Щитъ, на полетѣ задѣтый, ужасно завылъ подъ ударомъ.
Но не тщетно оружіе послано сильной рукою:
Храброму сыну Гиппаса, владыкѣ мужей Гипсенору,
Въ перси вонзилось оно и на мѣстѣ сломило колѣна.

Громко вскричалъ Деифобъ, величаясь надмѣнно побѣдой:
„Нѣтъ, не безъ мщенія Азій лежитъ, и теперь, уповаю,
Вшедшій въ широкія двери Аидова мрачнаго дома,
Сердцемъ онъ будетъ возрадованъ: спутника далъ я герою!“
Такъ восклицалъ. Аргивянъ оскорбили надменнаго рѣчи,
Болѣе жъ всѣхъ Антилоху воинственный духъ взволновали.
Онъ, невзирая на скорбь, не оставилъ сраженнаго друга;
Быстро промчась, заступилъ и щитомъ заградилъ свѣтлоблящнымъ.
Тою порой наклоняся подъ тѣло, почтенные други,
Эхіевъ сынъ Мекистей и младой благородный Аласторъ,
Къ чернымъ судамъ понесли Гиппасида, печально стеная.
Идоменей воевалъ не слабѣя, пылалъ безпрестанно
Или еще Фригіянина ночью покрыть гробовою,
Или упасть самому, но бѣду отразить отъ Ахеянъ.
Тутъ благородную отрасль питомца боговъ Эзіета,
Славу Троянъ, Алкаѳоя, драгого Анхизова зятя
(Дщери его Гипподаміи былъ онъ супругомъ счастливымъ,
Дщери, которую въ домѣ отецъ и почтенная матерь
Страстно любили: она красотой и умомъ, и дѣлами
Въ сонмѣ подругъ между всѣми блистала: зато и супругой
Избралъ ее гражданинъ благороднѣйшій въ Троѣ пространной),
Мужа сего Девкалида рукой укротилъ Посидаонъ,
Ясныя очи затмивъ и сковавъ ему быстрыя ноги:
Онъ ни назадъ убѣжать, ни укрыться не могъ отъ героя;
Скованный страхомъ, какъ столбъ, иль высоковершинное древо,
Онъ неподвижный стоялъ, и его Девкалидъ копьеборецъ
Въ перси ударилъ копьемъ и разбилъ испещренную броню,
Мѣдную, въ битвахъ не разъ отъ него отражавшую гибель:
Глухо броня зазвенѣла, подъ мощнымъ ударомъ разсѣвшись.
Съ громомъ упалъ онъ, копье упадавшему въ сердце воткнулось;
Сердце его, трепеща, потрясло и копейное древко,
Но могучесть въ немъ скоро Арей укротилъ смертоносный.
Идоменей, величаясь побѣдою, громко воскликнулъ:
„Какъ, Деифобъ, полагаешь, достойно ли я расплатился?
Три сражены за единаго! Ты жъ величаешься только,
Дивный герой! Но приближься и самъ, и меня ты извѣдай:
Узришь, каковъ я подъ Трою пришелъ, Громовержцевъ потомокъ!
Онъ, Громовержецъ, Миноса родилъ, охранителя Крита;
Мудрый Миносъ породилъ Девкаліона, славнаго сына;
Онъ, Девкаліонъ, меня, повелителя многимъ народамъ
Въ Критѣ пространномъ, и волны меня принесли къ Иліону,
Гибель тебѣ, и отцу твоему, и всѣмъ Иліонцамъ!“

Такъ говорилъ; Деифобъ въ нерѣшимости думъ волновался
Вспять ли идти и, съ Троянцемъ какимъ-либо храбрымъ сложася,
Выдти вдвоемъ, иль одинъ на одинъ испытать Девкалида?
Такъ Деифобъ размышлялъ, и ему показалося лучше
Вызвать Энея. Нашелъ онъ героя, въ дружинахъ послѣднихъ
Праздно стоящаго: гнѣвъ онъ всегдашній питалъ на Пріама,
Ибо, храбрѣйшему, старецъ ему не оказывалъ чести.
Ставъ передъ нимъ, Деифобъ устремляетъ крылатыя рѣчи:
„Храбрый Эней, Троянъ повелитель, если о ближнихъ
Ты сострадаешь, тебѣ заступиться за ближняго должно.
Слѣдуй за мной, защитимъ Алкаѳоя; тебя онъ, почтенный,
Будучи зятемъ, воспитывалъ юнаго въ собственномъ домѣ.
Идоменей, знаменитый копейщикъ, сразилъ Алкаѳоя“.
Такъ произнесъ онъ и душу въ груди взволновалъ у Энея.
Онъ полетѣлъ къ Девкалиду, воинственнымъ жаромъ пылая.
Но Девкалидъ не позорному бѣгству, какъ отрокъ, предался:
Ждалъ неподвижный, какъ вепрь между горъ, на могучесть надежный,
Шумнаго вкругъ нападенія многихъ ловцовъ ожидаетъ,
Стоя въ мѣстѣ пустынномъ и грозно хребетъ ощетиня,
Окрестъ очами, какъ пламенемъ, свѣтитъ, а долгіе зубы
Ярый острить онъ, и псовъ, и ловцовъ опрокинуть готовый,—
Такъ нажидалъ, ни на шагъ не сходя, Девкалидъ Анхизида,
Противъ летящаго воина бурнаго, только соратныхъ
Крикомъ сзывалъ, Аскалафа вождя, Афарея, Дейпира,
Молова сына, и съ нимъ Антилоха, испытанныхъ бранью.
Ихъ призывалъ Девкалидъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Други, ко мнѣ! защитите меня одинокаго! Страшенъ
Бурный Эней нападающій; онъ на меня нападаетъ;
Страшно могущественъ онъ на убійство мужей въ ратоборствѣ;
Блещетъ и цвѣтомъ онъ юности, первою силою жизни.
Если бъ мы были равны и годами съ Энеемъ, какъ духомъ,
Скоро иль онъ бы, иль я похвалился побѣдою славной!“
Такъ говорилъ онъ, и всѣ, устремившися съ духомъ единымъ,
Стали кругомъ Девкалида, щиты къ раменамъ приклонивши.
Но Эней и своихъ возбуждалъ сподвижниковъ храбрыхъ,
Звалъ Деифоба, Париса, почтеннаго звалъ Агенора,
Съ нимъ предводившихъ Троянскія рати; за нимъ совокупно
Всѣ устремилися: какъ за овномъ устремляются овцы,
Съ пастбы бѣжа къ водопою, и пастырь душой веселится,—
Такъ Анхизидъ благородный, Эней, веселился душою,
Видя толпами за нимъ устремлявшихся гражданъ Троянскихъ.

Вкругъ Алкаѳоя они рукопашную подняли битву.
Копьями бились огромными. Мѣдь на груди ратоборцевъ
Страшно звучала отъ частыхъ ударовъ сшибавшихся толпищъ.
Два между тѣмъ бранноносца, отличные мужествомъ оба,
Идоменей и Эней, подобные оба Арею,
Вышли, пылая другъ друга пронзить смертоносною мѣдью.
Первый Эней, размахнувшися, ринулъ копье въ Девкалида;
Тотъ же, завидѣвъ ударъ, уклонился отъ мѣди летящей,
И копье Анхизида, сотрясшися, въ землю вбѣжало,
Бывъ безполезно геройской, могучею послано длапью.
Идоменей же копьемъ Эномаоса ранилъ въ утробу;
Лату брони просадила и внутренность мѣдь изъ утробы
Вылила: въ прахѣ простершись, руками хватаетъ онъ землю.
Идоменей длиннотѣнную пику изъ мертваго тѣла
Вырвалъ; но мѣдныхъ, другихъ побѣжденнаго пышныхъ доспѣховъ
Съ персей совлечь не успѣлъ: осыпали Троянскія стрѣлы;
Не были болѣе гибки и ноги его, чтобы быстро
Прянуть ему за своимъ копьемъ иль чужого избѣгнуть:
Стойкою битвой, упорною, пагубный день отражалъ онъ;
Ноги не скоро несли, чтобъ ему убѣжать изъ сраженья;
Медленно онъ уходилъ. Деифобъ въ уходившаго дротикъ
Снова послалъ: на него онъ пылалъ непрестанною злобой.
И прокинулъ онъ снова, но мѣдь Аскалафа постигла,
Сына Арея; плечо совершенно убійственный дротикъ
Прорвалъ, и въ прахъ онъ упавши хватаетъ ладонями землю.
Долго не вѣдалъ еще громозвучный Арей истребитель,
Что воинственный сынъ его палъ на сраженіи бурномъ.
Онъ на Олимпа главѣ подъ златыми сидѣлъ облаками,
Зевса всемощнаго волей обузданный, гдѣ и другіе
Боги сидѣли безсмертные, имъ удаленные съ брани.
Воины вкругъ Аскалафа бросалися въ бой рукопашный.
Тутъ Деифобъ съ головы Аскалафовой шлемъ свѣтозарный
Сорвалъ. Но вдругъ Меріонъ, налетѣвши подобно Арею,
Хищника въ руку копьемъ поразилъ; изъ руки Деифоба
Шлемъ дыроокій исторгся и объ землю звукнулъ упавшій.
Снова герой Меріонъ, на врага налетѣвши, какъ ястребъ,
Вырвалъ изъ мышцы копье, у него растерзавшее тѣло,
И къ подвизавшимся вновь отступилъ, а Политъ Деифоба,
Братъ уязвленнаго брата, подъ грудью руками обнявши,
Вывелъ изъ шумнаго боя, до самыхъ коней провожая:
Быстрые кони его, позади ратоборства и сѣчи,
Ждали, съ возницею вѣрнымъ и съ пышной стоя колесницей.

Къ граду они понесли Деифоба. Жестоко степалъ онъ
Болью терзаемый; кровью струилася свѣжая рана.
Но другіе сражалися; вопль раздавался ужасный.
Бурный Эней, налетѣвъ, Афарея, Калетора сына,
Дротомъ въ гортань, на него нападавшаго, острымъ ударилъ:
На бокъ глава преклонилася; падшаго сверху натиснулъ
Щитъ и шеломъ и надъ нимъ душеснѣдная смерть распростерлась.
Несторовъ сынъ, обращеннаго тыломъ Ѳоона примѣтивъ,
Прянулъ и ранилъ убійственно, жилу разсѣкъ совершенно,
Съ праваго бока хребта непрерывно идущую къ выѣ,
Всю совершенно разсѣкъ: зашатавшися, навзничь на землю
Палъ онъ, дрожащія руки къ любезнымъ друзьямъ простирая.
Несторовъ сынъ наскочилъ и срывалъ доспѣхи съ Троянца,
Вкругъ озираясь; его же Трояне, кругомъ обступивши,
Въ щитъ легкометный, широкій кололи кругомъ, но напрасно:
Мѣдью жестокой ниже не коснулися къ бѣлому тѣлу
Славнаго внука Нелеева: богъ Посидаонъ могущій
Самъ охранялъ Несторида, вездѣ и подъ тучею коній,
Ибо вдали отъ враговъ не стоялъ онъ, межъ ними носился.
Въ длани его не покоился дротъ, трепеталъ безпрестанно,
Къ бою колеблемый; онъ безпрестанно намѣчивалъ острымъ
Или на дальняго ринуть, или на близкаго грянуть.
Скоро его Адамасъ, намѣчавшагось дротомъ, примѣтилъ,
Азіевъ сынъ, и, къ нему устремившися, острою мѣдью
Грянулъ въ средину щита; но ея остріе обезсилилъ,
Въ жизни героя врагу отказавъ, Посидонъ черновласый;
И копья половина, какъ колъ обожженный, осталась
Въ кругѣ щита, половина тупая упала на землю.
Бросился къ сонму друзей Адамасъ, избѣгая отъ смерти.
Быстро его Меріонъ и настигъ, и сверкающимъ дротомъ
Между стыдомъ и пупомъ ударилъ бѣгущаго, въ мѣсто,
Гдѣ наиболѣе рана мучительна смертнымъ несчастнымъ,
Тамъ онъ его поразилъ. И на дротъ онъ упавши, вкругъ мѣди
Бился, какъ волъ несмиренный, котораго пастыри мужи,
Какъ ни упоренъ онъ, силой связавши арканомъ, уводятъ,—
Такъ онъ, проколотый, бился въ крови, но не долго: не медля
Храбрый къ нему Меріонъ приступилъ, копіе роковое
Вырвалъ изъ тѣла, и смертный мракъ осѣнилъ его очи.
Тутъ Геленъ Деипира ѳракійскаго саблей огромной
Рѣзко въ високъ поразилъ, и шеломъ съ него сбилъ коневласый.
Сбитый, на землю онъ палъ, и какой-то его Аргивянинъ,
Между толпою бойцовъ подъ ногами крутящійся, поднялъ;

Очи вождя Деипира глубокая ночь осѣнила,
Жалость взяла Менелая, отважнаго въ битвахъ Атрида;
Выступилъ онъ, угрожая ударомъ Гелену герою,
Острымъ копьемъ потрясая; Геленъ же изладился лукомъ.
Оба они соступились; одинъ занесенную пику
Бросить пылая, другой съ тетивы наведенную стрѣлу:
И Геленъ Менелая по персямъ умѣтилъ пернатой
Въ лату брони, и отпрянула быстро пернатая злая.
Такъ, какъ съ широкаго вѣяла, сыпясь по гладкому току,
Черные скачутъ бобы, иль зеленыя зерна гороха,
Если на вѣтеръ свистящій могучій ихъ вѣятель вскинетъ,—
Такъ отъ блистательныхъ латъ Менелая, высокаго славой,
Сильно отпрянувъ, стрѣла на побоище пала далеко.
Сынъ же Атреевъ, герой Менелай, копіемъ Пріамида
Въ длань пронзилъ, воруженную лукомъ блестящимъ, и къ луку
Длань, проколовши насквозь, пригвоздило копейное жало.
Къ сонму друзей, убѣгая отъ смерти, Геленъ обратился,
Руку повѣсивъ, и ясенный дротъ волочился за нею.
Но его изъ руки извлекъ благодушный Агеноръ,
Руку жъ ему повязалъ искусственно свитою волной,
Мягкой повязкой, клевретомъ всегда при владыкѣ носимой.
Сильный Пизандръ, между тѣмъ, супротивъ Менелая героя
Выступилъ: злая судьбина его увлекала къ предѣлу,
Да тобой, Менелай, укротится онъ въ пламенной битвѣ.
Чуть соступилися оба, идущіе другъ противъ друга,
Ринулъ Атридъ и невѣрно: копье его въ бокъ улетѣло.
Ринулъ Пизандръ и копьемъ у Атрида, высокаго славой,
Щитъ поразилъ; но насквозь не успѣлъ онъ оружія выгнать:
Мѣдяный щитъ удержалъ; копье сокрушилось у трубки.
Радость объяла Пизандрово сердце: онъ чаялъ побѣды.
Но Менелай, изъ ноженъ исторгнувши мечъ среброгвоздный,
Грянулъ, герой, на Пизандра, а сей изъ-подъ круга щитнаго
Выхватилъ мѣдный красивый топоръ, съ топорищемъ оливнымъ,
Длиннымъ, блистательно гладкимъ, и оба сразилися разомъ.
Сей поражаетъ по выпускѣ шлема, косматаго гривой,
Около самаго гребня, а тотъ наступавшаго по лбу,
Вверхъ переносицы: хряснула кость, и глаза у Пизандра,
Выскочивъ, подлѣ него на кровавую землю упали;
Самъ опрокинулся онъ; и, пятой наступивши на перси,
Броню срывалъ и, гордясь, восклицалъ Менелай побѣдитель:
„Такъ вамъ оставить и всѣмъ корабли быстроконныхъ Данаевъ,
Вамъ, вѣроломцы Трояне, несытые пагубной бранью!

Большей обиды и срама искать вамъ не нужно, какими,
Лютые псы, вы меня осрамили! Ни грознаго гнѣва
Вы не страшились гремящаго Зевса; но гостепріимства
Онъ покровитель и нѣкогда градъ вашъ разсыплетъ высокій!
Вы, у меня и младую жену, и сокровища дома
Нагло похитивъ, ушли, угощенные дружески въ домѣ!
Нынѣ жъ пылаете вы на суда мореходныя наши
Гибельный бросить огонь и избить героевъ Ахейскихъ!
Но укротятъ наконецъ васъ, сколько ни алчныхъ къ убійствамъ!
Зевсъ Олимпійскій! премудростью ты, говорятъ, превышаешь
Всѣхъ и безсмертныхъ, и смертныхъ; все изъ тебя истекаетъ.
Что же, о Зевсъ, благосклонствуешь ты племенамъ нечестивымъ,
Симъ Фригіянамъ, насильствами дышащимъ, ввѣкъ не могущимъ
Лютымъ убійствомъ насытиться въ брани, для всѣхъ ненавистной!
Всѣмъ человѣкъ насыщается: сномъ и счастливой любовью,
Пѣніемъ сладостнымъ и восхитительной пляской невинной,
Болѣ пріятными, болѣ желанными каждаго сердцу,
Нежели брань, но Трояне не могутъ насытиться бранью!"
Рекъ и, оружія съ тѣла, дымящіяся кровью, сорвавши,
Отдалъ клевретамъ своимъ Менелай, предводитель народовъ,
Самъ же, назадъ обратяся, съ передними сталъ на сраженье.
Тамъ на него налетѣлъ Гарпаліонъ, царя Пилемена
Доблестный сынъ: за отцомъ онъ любезнымъ послѣдовалъ къ брани,
Въ Трою Пріама, но въ отческій домъ не пришелъ, несчастливецъ!
Онъ Менелаю царю по срединѣ щита, налетѣвши,
Пику вонзилъ, но насквозь не успѣлъ оружія выгнать
И обратно къ друзьямъ, чтобъ отъ смерти спастись, побѣжалъ онъ,
Вкругъ озираясь, да тѣла враждебная мѣдь не постигнетъ.
Но Меріонъ на бѣгущаго мѣдной стрѣлою ударилъ;
Въ правую сторону зада вонзилась стрѣла и далеко,
Острая, въ самый пузырь, подъ лобковою костью проникла,
Тамъ же онъ скорчась присѣлъ и, въ объятіяхъ друговъ любезныхъ,
Духъ испуская, упалъ и, какъ червь, по землѣ протянулся;
Черная кровь выливалась и землю подъ нимъ увлажала.
Окрестъ его Пафлагоняне вѣрные засуетились;
Тѣло, поднявъ въ колесницу, они въ Иліонъ провожали,
Грустные: шелъ между нихъ и отецъ, проливающій слезы,
Ибо не могъ онъ врагамъ отомстить за убитаго сына.
Но Парисъ за него справедливою местію вспыхнулъ:
Гостемъ онъ былъ у него, посѣтивши народъ Пафлагонскій.
Онъ, за него отомщая, послалъ мѣдножальную стрѣлу.

Былъ Эвхеноръ межъ Ахейцами, сынъ Поліида пророка,
Мужъ знаменитый, богатый Коринѳа цвѣтущаго житель;
Участь свою онъ несчастную зналъ и отплылъ къ Иліону.
Часто ему говорилъ Поліидъ добродушный, что долженъ
Онъ иль отъ немощи тяжкой въ отеческомъ домѣ скончаться,
Иль въ бою, подъ судами Ахейскими, пасть отъ Пергамлянъ.
Но избѣгалъ Эвхеноръ, какъ отъ пени постыдной Ахейцамъ,
Такъ и отъ немощи тяжкой безплодно страдать не желая.
Храбраго въ челюсть, подъ ухо Парисъ поразилъ, и мгновенно
Жизнь отлетѣла, и страшная тьма Эвхенора объяла,
Такъ ополченья сражались, огнямъ подобно свирѣпымъ.
Гекторъ же, Зевса любимецъ, вдали не слыхалъ и не вѣдалъ,
Какъ предъ судами, на лѣвомъ концѣ, поражаемо было
Войско его отъ Ахеянъ, и скоро бы слава Ахеянъ
Полной была надъ Троянами: такъ ободрялъ Посидаонъ
Души Ахеянъ и силою собственной самъ поборалъ имъ.
Гекторъ воинствовалъ, гдѣ незадолго въ ворота влетѣлъ онъ,
Самъ разорвавши густые ряды Аргивянъ щитоносцевъ,
Тамъ, гдѣ суда и Аякса, и Протезилая стояли,
Моря сѣдого на брегъ извлеченныя, гдѣ Аргивяне
Самую низкую вывели стѣну и гдѣ превосходныхъ
Пламенныхъ коней и воевъ ряды на сраженіе стали.
Тамъ Беотіянъ отважныхъ, Іоновъ длиннохитонныхъ,
Фтіянъ и Локровъ и славныхъ Эпеянъ сложившіясь рати
Всѣ на суда нападавшаго съ нуждой держали, но вовсе
Силъ не имѣли отбить Пріамида, подобнаго бурѣ.
Вои Аѳинскіе были отборные; ихъ ополченье
Велъ Петеидъ Менесѳей и за нимъ устремляли дружины
Фидасъ, и Стихій, и Біасъ герой. Знаменитыхъ Эпеянъ
Велъ Амфіонъ, и Мегесъ Филидъ, и воинственный Дракій.
Фтійцамъ предшествовалъ Медонъ и дышащій боемъ Подаркесъ
(Медонъ, сынъ незаконный владыки мужей Оилея,
Былъ Оилида Аякса юнѣйшій братъ, но въ Филакѣ
Жилъ, далеко отъ отечества, бросая его какъ убійца,
Мачехи брата убивъ, Оилея жены, Эріопы.
Храбрый Подаркесъ Іфикловъ былъ сынъ, Филакидовъ потомокъ).
Оба они, впереди предъ дружинами юношей Фтійскихъ,
Бились, суда бороня, съ Беотійцами вмѣстѣ сражаясь.
Быстрый Аяксъ пылалъ не отстать отъ могучаго брата;
Близъ Теламонида онъ, ни на шагъ не отступный, держался.
Такъ плуговые волы по глубокому пару степному
Черные, крѣпостью равные, плугъ многосложный волочатъ;

Потъ при корняхъ ихъ роговъ пробивается крупный, но дружно,
Оба единымъ блестящимъ ярмомъ едва раздѣляясь,
Дружно идутъ полосой и земли глубину раздираютъ, —
Такъ и Аяксы, сложася, держались одинъ близъ другого.
Вслѣдъ Теламонова сына стремилися многіе мужи,
Храбрые, ратные други; они его щитъ принимали,
Если усталость и потъ изнуряли колѣна герою,
Но за вождемъ Оилидомъ никто не стремился изъ Локровъ:
Духъ не вытерпливалъ ихъ рукопашнаго, стойкаго боя;
Воинство ихъ не имѣло ни мѣдяныхъ съ гривою конской
Шлемовъ, ни круглыхъ щитовъ, ни возвышенныхъ ясенныхъ копій;
Только на вѣрные луки и волну, скрученную въ пращи,
Локры надѣясь пришли къ Иліону, и ими на битвахъ,
Быстро и мѣтко стрѣляя, Троянъ разрывали фаланги.
Тутъ, какъ одни впереди блестящимъ оружіемъ разнымъ
Бились съ дружинами Трои и съ Гекторомъ мѣднодоспѣшнымъ,
Локры стрѣляли, держась позади,—и уже забывали
Бранную храбрость Трояне: смущали ихъ стрѣлы густыя.
Худо бъ имъ было, съ стыдомъ отъ судовъ и отъ кущей Ахейскихъ
Трои сыны отступили бъ подъ шумную вѣтрами Трою,
Если бъ отважнаго Гектора Полидамасъ не подвигнулъ:
„Гекторъ, жестокій ты мужъ, чтобъ другихъ убѣжденія слушать
Богъ передъ всѣми тебя одарилъ на военное дѣло,
Ты жъ и совѣтовъ мудростью всѣхъ перевысить желаешь!
Нѣтъ, совокупно всего не стяжать одному человѣку,
Богъ одного одаряетъ способностью къ брани, другому
Зевсъ, промыслитель превыспренній, въ перси разумъ влагаетъ.
Свѣтлый: плодами его племена благоденствуютъ смертныхъ;
Онымъ и грады стоятъ, но стяжавшій сугубо имъ счастливъ.
Гекторъ! склонися къ совѣту, который мнѣ кажется лучшимъ.
Битва вездѣ предъ тобою, какъ огненный кругъ, пламенѣетъ;
Мужи Троянскіе, послѣ того какъ ворвалися въ стѣну,
Съ боя одни удалились съ оружіемъ, прочіе спорятъ
Въ слабыхъ толпахъ противъ множества, вдоль кораблей растянувшись.
Съ боя сойди и сюда призови ратоводцевъ храбрѣйшихъ.
Здѣсь мы важнѣйшее дѣло рѣшимъ совѣщаніемъ общимъ:
Разомъ ли намъ на суда многомѣстныя ратью ударить,
Если бы богъ даровалъ одолѣніе, или не медля
Вспять отъ судовъ обратиться, пока не разбиты! скажу ли?
Я трепещу, да вчерашняго намъ не отплатятъ Ахейцы
Долга кроваваго: мужъ при судахъ, ненасытимый бранью,

Ждетъ насъ, который едва ли удержится вовсе отъ боя".
Такъ говорилъ онъ, и Гекторъ одобрилъ совѣтъ справедливый;
Быстро съ своей колесницы съ оружіемъ прянулъ на землю
И ему отвѣчалъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Полидамасъ, удержи ты здѣсь предводителей храбрыхъ;
Дальше пойду я и противостану пылающей битвѣ.
Я возвращуся не медля, вождямъ повелѣнія давши".
Рекъ и понесся великій, горѣ подъ снѣгами подобный;
Съ крикомъ призывнымъ толпы облеталъ онъ Троянъ и союзныхъ.
Всѣ къ Панѳоиду, любителю мужества, Полидамасу,
Бросились быстро Дарданцы, услышавши Гектора голосъ.
Онъ же Гелена царя, благороднаго брата Дейфоба,
Азія, вѣтвь Адамаса, и Азія, отрасль Гиртака,
Ходя по сонмамъ переднимъ, искалъ, не найдетъ ли героевъ.
Ихъ онъ нашелъ, но не всѣхъ невредимыхъ, не всѣхъ средь живущихъ:
Въ прахѣ изъ оныхъ одни, у судовъ мореходныхъ Данайскихъ,
Блѣдны лежали, подъ силой Данаевъ предавшіе души,
А другіе страдали подъ язвами стрѣлъ или копій.
Только Париса брата, супруга Елены прекрасной,
Скоро нашелъ онъ на лѣвомъ концѣ истребительной брани,
Духъ ополченій своихъ ободрявшаго къ крѣпкому бою.
Ставъ передъ нимъ, укоризненнымъ голосомъ Гекторъ воскликнулъ:
„Видомъ лишь гордый, несчастный Парисъ, женолюбецъ, прельститель!
Гдѣ у тебя Денфобъ и Геленъ, повелитель народа?
Оѳріоней знаменитый, Гиртакидъ воинственный, Азій,
Гдѣ Адамасъ? Погибаетъ сегодня, съ высотъ упадаетъ
Троя святая! Сегодня твоя неизбѣжна погибель!"
Быстро ему возвразилъ Пріамидъ Александръ боговидный:
„Нынѣ угодно тебѣ обвинять и безвиннаго, Гекторъ!
Прежде я болѣе могъ нерадивымъ во брани казаться,
Прежде, не нынѣ; меня не безъ доблести матерь родила.
Съ часу, какъ ты предъ судами кровавую битву воздвигнулъ,
Съ онаго часу и мы съ Аргивянами здѣсь безпрерывно
Сходимся въ бой, но друзей потеряли, которыхъ ты назвалъ.
Только герой Деифобъ и Геленъ, повелитель народа,
Съ боя сошли, отъ могучихъ враговъ пораженные оба
Копьями длинными въ руки; но Зевсъ ихъ избавилъ отъ смерти.
Гекторъ, веди насъ, куда ни влекомъ ты безтрепетнымъ сердцемъ.
Всѣ мы горимъ за тобою послѣдовать; въ храбрости нашей,
Льщусь, не найдешь недостатка, покуда намъ силы достанетъ,

Выше же силы, хотя бъ и пылалъ кто, не можетъ сражаться!“
Такъ говоря, укротилъ онъ великаго Гектора душу.
Ринулись оба, гдѣ болѣе битва и сѣча кипѣла
Вкругъ Кебріона вождя, непорочнаго Полидамаса,
Фалка, Орѳея, подобнаго богу вождя Полифита,
Пальма, Асканія, Мориса, отраслей Гиппотіона,
Двухъ воеводъ, изъ Асканіи прежнимъ пришедшихъ на смѣну
Только вчера; устремилъ ихъ на брань всемогущій Кроніонъ.
Шли на сраженье Трояне, какъ вѣтровъ неистовыхъ буря,
Если подъ громомъ Кронидовымъ грозная степью несется
И, съ ужаснѣйшимъ воемъ обрушась на понтъ, воздымаетъ
Горы клокочущихъ волнъ по немолчношумящей пучинѣ,
Грозно нависнувшихъ, пѣнныхъ, однѣ, а за ними другія:
Такъ Иліонцы, сомкнувшись, одни, а за ними другіе,
Мѣдью блеща и гремя, за своими вождями летѣли.
Гекторъ предшествовалъ всѣмъ, смертоносному равный Арею;
Щитъ передъ грудью его обращался, кругъ необъятный,
Кожами крѣпкій и сверху обложенный множествомъ мѣди,
Окрестъ главы у него колебался шеломъ лучезарный.
Всѣмъ онъ фалангамъ вездѣ угрожалъ, подъ щитомъ наступая;
Всѣ онъ испытывалъ ихъ, не разстроитъ ли наступомъ грознымъ.
Но ничѣмъ не смущалъ онъ безстрашнаго духа Данаевъ.
Сынъ Теламоновъ его вызывалъ, широко выступая:
„Ближе, герой, подойди! И зачѣмъ издали ты пугаешь
Воиновъ Аргоса? Въ бранномъ искусствѣ и мы не невѣжды;
Мы лишь Кронидовымъ тяжкимъ бичомъ смирены, Аргивяне.
Вѣрно, ты въ сердцѣ надеждой горишь уничтожить сегодня
Наши суда? Но цѣлы и у насъ на защиту ихъ руки!
И вѣрнѣе, что прежде съ высокими башнями градъ вашъ
Нашими будетъ руками и взятъ, и во прахъ ниспроверженъ!
День недалекъ, объявляю тебѣ, какъ и самъ ты, бѣгущій,
Пламенно станешь молить и Зевеса, и всѣхъ Олимпійскихъ,
Ястребовъ шибче да будутъ твои долгогривые кони,
Коихъ погонишь ты въ градъ, подымая лишь пыль по долинѣ“.
Онъ говорилъ, и незапно надъ нимъ заширялася вправѣ
Птица, орелъ небопарный. Вскричали Ахейскія рати,
Всѣ ободренныя чудомъ. Но Гекторъ безстрашно отвѣтилъ:
„Праздные звуки, Аяксъ, велерѣчишь, огромностью гордый!
Если бы столько же вѣрно я сынъ громовержца Зевеса
Былъ, безконечно живущій, отъ Геры богини рожденный,
Славимый всѣми, какъ славится Фебъ и Аѳина Паллада,
Сколько то вѣрно, что день сей погибель несетъ Аргивянамъ

Всѣмъ совершенно! Погибнешь и ты, коль отважишься нынѣ
Встрѣтить мой дротъ сокрушительный: онъ у тебя растерзаетъ
Нѣжное тѣло, и птицъ ты пустынныхъ и псовъ Иліонскихъ
Тукомъ насытишь своимъ, предъ судами Ахейскими павшій!"
Такъ произнесъ и пошелъ онъ впередъ. Устремились Трояне
Съ крикомъ ужаснымъ; крикнули съ ними и заднія рати;
Крикнули вмѣстѣ и рати Данаевъ: они не теряли
Мужества и нажидали удара героевъ Троянскихъ.
Крикъ ихъ взаимный дошелъ до эѳира и свѣтовъ Зевеса.

ПѢСНЬ XIV.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Несторъ, устрашенный необыкновеннымъ ратнымъ крикомъ, выходитъ изъ своей кущи, гдѣ освѣжался питьемъ съ уязвленнымъ Махаономъ, и спѣшитъ узнать причину, ст. 1—26. Ввстрѣчу ему попадаются вожди, еще страдающіе отъ ранъ, Агамемнонъ, Діомедъ и Одиссей, по той же причинѣ вышедшіе въ поле. Агамемнонъ, узнавъ отъ Нестора, что стѣна пробита, совѣтуетъ приготовить корабли къ бѣгству, 27—81. Одиссей порицаетъ совѣтъ его, а Діомедъ убѣждаетъ ихъ идти къ битвѣ, невзирая на раны, чтобы, по крайней мѣрѣ, своимъ присутствіемъ ободрить воинство, 82—134. Посидаонъ, явясь идущему Агамемнону въ видѣ старца, ободряетъ его, а потомъ одушевляетъ воинство Ахейское, 135—152. Между тѣмъ, Гера, чтобы оказать еще болѣе помощи Ахейцамъ, намѣревается идти къ Зевсу и Иду и плѣнить его женскими прелестями; для этого украшается одеждами и благовоніями, выпрашиваетъ у Киприды поясъ ея, 153—230, въ Лемнѣ убѣждаетъ Сонъ слѣдовать съ нею и вспомоществовать ей; предстаетъ Зевсу на Идѣ, воспламеняетъ его любовію и въ своихъ объятіяхъ усыпляетъ, 231—351. Тогда Посидаонъ, Герою вспомоществуемый, успѣхъ битвы преклоняетъ рѣшительно на сторону Ахеянъ, 352—401. Гекторъ, отъ Аякса великаго пораженный камнемъ, лишается чувствъ и друзьями выносится изъ боя, 402—439. Ахейцы, воодушевленные новымъ мужествомъ, отражаютъ Троянъ отъ кораблей, и болѣе всѣхъ отличается Аяксъ младшій въ преслѣдованіи бѣгущихъ, 440—522.

Крикъ неспокойно услышалъ и Несторъ, подъ сѣнію пьющій;
Быстро къ Асклепія сыну крылатую рѣчь устремилъ онъ:
„Что, благородный Махаонъ, изъ дѣлъ сихъ нерадостныхъ будетъ?
Крикъ при судахъ возрастаетъ воинственныхъ юношей нашихъ!
Другъ, сиди у меня и багрянымъ виномъ укрѣпляйся; 5

Теплую ванну тебѣ Гекамеда кудрявая въ кущѣ
Скоро нагрѣетъ и прахъ кровавый на тѣлѣ омоетъ.
Я подымусь лишь на холмъ и немедленно все распознаю".
Рекъ и художно сработанный щитъ захватилъ онъ сыновній,
Мѣдью блестящій, который герой Ѳразимедъ конеборецъ
Въ сѣни оставилъ, а самъ со щитомъ подвизался отцовскимъ,
Крѣпкое взялъ копіе, повершенное острою мѣдью,
Вышелъ, предъ кущею сталъ и мгновенно позорное дѣло
Видитъ: Ахейцы бѣгутъ, а бѣгущихъ преслѣдуютъ съ тыла
Гордые воины Трои; разбита твердыня Ахеянъ!
Словно какъ море великое зыбью нѣмою чернѣетъ,
Предзнаменуя нашествіе быстрое шумнаго вѣтра,
Только чернѣетъ, еще ни сюда, ни туда не колышась,
Вѣтеръ доколѣ рѣшительный, посланный Зевсомъ, не снидетъ,—
Такъ нерѣшительно Несторъ душой колебался, волнуясь
Думой двоякой: къ рядамъ ли идти Аргивянъ быстроконныхъ,
Или къ владыкѣ мужей, властелину народовъ Атриду?
Въ сихъ волновавшемусь думахъ, сдалося полезнѣе старцу
Къ сыну Атрея идти. Между тѣмъ истребляли другъ друга
Воины въ битвѣ; звучала ужасно вкругъ тѣлъ ихъ могучихъ
Мѣдь, подъ ударомъ мечей и пикъ обоюдуконечныхъ.
Съ Несторомъ встрѣтились скоро цари, питомцы Зевеса,
Шедшіе отъ кораблей, уязвленные прежде на битвѣ,
Храбрый Тидидъ, Одиссей и державный Атридъ Агамемнонъ.
Ихъ корабли отъ равнины, гдѣ бились, далеко стояли
Берегомъ моря сѣдого: они извлекли ихъ на сушу
Первые; стѣну жъ при нихъ совокупно съ другими воздвигли.
Берегъ, какъ ни былъ обширенъ, не могъ обоюдувесельныхъ
Всѣхъ кораблей ихъ принять: стѣснены ополченія были.
Лѣстницей ихъ извлекли на песокъ и наполнили цѣлый
Берегъ залива широкаго, все между мысовъ пространство.
Три воеводы, пылая увидѣть смятенную битву,
Рядомъ шли, подпираяся копьями; полно печали
Было ихъ сердце. Съ ними встрѣтился конникъ Геренскій
Несторъ и болѣе духъ поразилъ у Ахейскихъ героевъ.
Быстро воскликнулъ ему повелитель мужей Агамемнонъ:
„Несторъ, божественный старецъ, великая слава Данаевъ!
Что приходилъ ты сюда, смертоносную битву оставивъ?
О, трепещу я, да слова не выполнитъ Гекторъ ужасный;
Нѣкогда онъ, средн сонма Троянскаго, гордый, грозился
Въ градъ отъ судовъ возвратиться не прежде, доколѣ Ахейскихъ
Всѣхъ кораблей не сожжетъ и Ахеянъ самихъ не изгубитъ.

Такъ онъ на сонмѣ грозился,—и все совершается нынѣ!
Боги! такъ всѣ ополченія мѣдноружныхъ Данаевъ
Ненависть въ сердцѣ ко мнѣ, какъ Пелидъ быстроногій, питаютъ,
Если сражаться они не хотятъ при кормахъ корабельныхъ!"
Быстро Атриду отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:
„Такъ, Агамемнонъ, свершается все! и уже не возмогъ бы
Самъ Громовержецъ того, что свершилось, устроить иначе!
Пала твердыня Ахеянъ, которая, мы уповали,
Намъ отъ враговъ и судамъ нерушимой защитою будетъ.
Но враги при судахъ безпрестанной, упорною битвой
Вкругъ насъ тѣснятъ, и уже не узнаешь, внимательно смотря,
Гдѣ Аргивяне тѣснимые въ большемъ разстройствѣ мятутся.
Всюду смятенье, убійство, и вопль раздается до неба!
Други, помыслимъ, какое изъ дѣлъ сихъ послѣдствіе будетъ?
Можетъ быть, разумъ поможетъ. Но въ битву всступать, воеводы,
Я не совѣтую вамъ; уязвленнымъ не должно сражаться".
Нестору вновь говорилъ повелитель мужей Агамемнонъ;
„Несторъ, если ужъ бой при кормахъ корабельныхъ пылаетъ,
Если не въ помощь ни валъ намъ высокій, ни ровъ, для которыхъ
Столько трудовъ мы терпѣли, которые, мы уповали,
Намъ отъ враговъ и судамъ нерушимой защитою будутъ,—
Нѣтъ сомнѣнія, Зевсу всесильному видѣть угодно
Здѣсь, отъ Геллады далеко, Ахеянъ безславно погибшихъ!
Было то время, какъ ревностно онъ защищалъ и Ахеянъ;
Нынѣ, я вижу, онъ Трои сыновъ, какъ безсмертныхъ блаженныхъ,
Славой вѣнчаетъ, Ахейцамъ же силы и руки сковалъ онъ!
Слушайте жъ, други, одинъ мой совѣтъ и его мы исполнимъ;
Первыя наши суда, находящіясь близко пучины,
Двинемъ не медля и спустимъ ихъ всѣ на священное море;
Станемъ высоко держаться на котвахъ, пока не наступитъ
Ночь безлюдная; можетъ быть, въ ночь прекратятъ нападенье
Трои сыны, и тогда мы суда и послѣднія спустимъ.
Нѣтъ стыда избѣгать отъ бѣды и подъ мраками ночи;
Лучше бѣжа избѣжать отъ бѣды, чѣмъ вдаваться въ погибель!"
Косо взглянувъ на него, возгласилъ Одиссей многоумный:
„Слово какое, властитель, изъ устъ у тебя излетѣло?
Пагубный! лучше другимъ бы какимъ-либо воинствомъ робкимъ
Ты предводилъ, а не нами владѣлъ, не мужами, которымъ,
Съ юности нѣжной до старости, Зевсъ подвизаться назначилъ
Въ браняхъ жестокихъ, пока не погибнетъ съ оружіемъ каждый!
Или ты хочешь Троянскій сей градъ многолюдный оставить,
Градъ, вкругъ котораго столько ужасныхъ мы бѣдъ претерпѣли?

Смолкни, чтобъ кто-либо здѣсь не услышалъ еще изъ Ахеянъ
Рѣчи, какой никогда и въ устахъ имѣть не захочетъ,
Кто говорить разумѣетъ согласное съ разумомъ здравымъ,
Кто скиптродержецъ, кому повинуются столько народовъ,
Сколько тебѣ, неисчетныхъ Аргивскихъ племенъ повелитель!
Замыселъ твой порицаю я вовсе, и что ты вѣщаешь!
Ты предлагаешь теперь, въ продолженіе боя и смуты,
Въ море спускать корабли, да желанное сердцу Троянамъ,
Въ брани и такъ торжествующимъ, сбудется все, а надъ нами
Грозная гибель надъ всѣми обрушится! Ибо Ахейцы
Боя не выдержатъ, если суда повлекутся на волны:
Вспять озираться начнутъ и оставятъ воинскую доблесть,
И твои насъ совѣты погубятъ, правитель народа!“

Быстро воскликнулъ тогда повелитель мужей Агамемнонъ:
„О, Лаертидъ! поразилъ ты глубоко упрекомъ жестокимъ
Душу мою; но Ахеянамъ я не даю повелѣній
Влечь, вопреки ихъ желаньямъ, судовъ многомѣстныхъ на волны.
Мужъ да предстанетъ и лучшій совѣтъ моего да предложитъ;
Юноша онъ или старецъ—равно мнѣ пріятенъ онъ будетъ“.

И межъ нихъ взговорилъ Діомедъ, воеватель безстрашный:
„Мужъ сей предъ вами! не долго искать его, если угоденъ
Добрый совѣтъ; но меня да не презритъ никто, оскорбляясь
Тѣмъ, что начну говорить между вами, героями, младшій.
Самъ справедливо горжусь я отца знаменитаго родомъ,
Кровью Тидея, котораго въ Ѳивахъ сокрыла могила.
Три непорочные сына на свѣтъ рождены отъ Парѳея;
Жили въ Плевронѣ и въ тучной землѣ, Калидонѣ гористомъ,
Агрій и Меласъ, а третій изъ нихъ былъ Иней конеборецъ,
Дѣдъ мой, Тидеевъ отецъ, знаменитѣйшій доблестью всѣхъ ихъ.
Тамъ же и онъ обиталъ; но родитель мой въ Аргосъ укрылся,
Долго скитавшійся: Зевсъ и безсмертные такъ восхотѣли.
Дочерь Адраста избравши супругою, дому владыка,
Благами жизни богатый, довольно имѣлъ онъ обширныхъ
Нивъ хлѣбородныхъ, множество разныхъ садовъ плодоносныхъ,
Множество стадъ онъ имѣлъ, и Ахейскихъ мужей копьеборствомъ
Всѣхъ превышалъ; но сіе вы, какъ истину, слышали сами,
Зная жъ, цари, что и я не презрѣннаго племени отрасль,
Вы не презрите совѣтомъ, который скажу я свободно:
Въ битву пойдемъ, невзирая на раны: зоветъ неизбѣжность!
Тамъ мы покажемся ратямъ, но боя удержимся, ставши
Одаль отъ стрѣлъ, чтобы кто-либо раны на рану не принялъ;
Только другихъ поощримъ на сраженіе: множество ратныхъ,

Слабымъ сердцамъ угождая, стоятъ вдалекѣ, не сражаясь".
Такъ говорилъ,—и, внимательно слушавъ, цари покорились,
Къ битвѣ пошли, и предшествовалъ имъ Агамемнонъ державный.
Тою порой не вотще соглядалъ Посидонъ земледержецъ:
Онъ воеводамъ явился подъ образомъ древняго мужа,
Взялъ за десную царя, устроителя ратей Атрида,
И къ нему возгласилъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Царь Агамемнонъ! теперь Ахиллесово мрачное сердце
Съ радости въ персяхъ трепещетъ, какъ гибель и бѣгство Данаевъ
Онъ созерцаетъ! и нѣтъ у него ни малѣйшаго чувства!
Пусть же онъ такъ и погибнетъ, и богъ постыдитъ горделивца!
Ты жъ, Агамемнонъ, не вовсе блаженнымъ богамъ ненавистенъ;
Можетъ быть, скоро Троянскихъ племенъ и вожди, и владыки
Прахъ по широкому полю подымутъ; можетъ быть, скоро
Ты ихъ увидишь бѣгущихъ отъ нашихъ судовъ и отъ кущей".
Рекъ онъ и съ крикомъ ужаснымъ понесся стремительно полемъ.
Словно какъ девять, иль десять бы тысячъ воскликнули разомъ
Сильныхъ мужей на войнѣ, зачинающихъ ярую битву,—
Гласомъ изъ персей такимъ колебатель земли Посидаонъ
Грянулъ межъ воинствъ и каждому въ сердце Ахейцу вдохнулъ онъ
Бурную силу, безъ устали вновь воевать и сражаться.
Гера, царица златопрестольная, ставъ на Олимпѣ,
Взоры свои съ высоты устремила и скоро узнала
Быстро уже пролетавшаго поприще славнаго боя
Брата и деверя мощнаго; радость проникла ей въ душу.
Зевса жъ, на высяхъ сидящаго Иды, потоками шумной,
Гера узрѣла, и былъ ненавистенъ онъ сердцу богини.
Начала думы вращать волоокая Зевса супруга,
Какъ обольстить ей божественный разумъ царя Эгіоха?
Лучшею сердцу богини сія показалася дума:
Зевсу на Идѣ явиться, убранствомъ себя изукрасивъ.
Можетъ быть, онъ возжелаетъ почить и любви насладиться,
Видя прелесть ея, а она и глубокій и сладкій,
Можетъ быть, сонъ проліетъ на зѣницы его и на разумъ.
Гера вошла въ почивальню, которую сынъ ей любезный
Создалъ Гефестъ. Къ вереямъ примыкались въ ней плотныя двери
Тайнымъ запоромъ, никѣмъ отъ безсмертныхъ еще неотверстымъ.
Въ оную Гера вступивъ, затворила блестящіе створы;
Тамъ амврозической влагой она до малѣйшаго праха
Съ тѣла прелестнаго смывъ, умастилася масломъ чистѣйшимъ,
Сладкимъ, небеснымъ, изящнѣйшимъ всѣхъ у нея благовоній:
Чуть сотрясали его въ мѣдностѣпномъ Кроніона домѣ,

Вдругъ до земли и до неба божественный духъ разливался.
Имъ умастивши прекрасное тѣло, власы расчесала,
Хитро сплела и сложила, и волны блистательныхъ кудрей,
Пышныхъ, небеснодушистыхъ, съ безсмертной главы испустила.
Тою душистой одѣлася ризой, какую Аѳина,
Ей соткавъ, изукрасила множествомъ дивныхъ узоровъ;
Ризу златыми застежками выше грудей застегнула,
Станъ опоясала поясомъ, тьмою бахромъ окруженнымъ,
Въ уши прекрасныя серьги съ тройными подвѣсями вдѣла,
Ярко игравшія: прелесть кругомъ отъ богини блистала.
Легкимъ покровомъ главу осѣнила державная Гера,
Пышнымъ, новымъ, который, какъ солнце, сіялъ бѣлизною.
Къ свѣтлымъ ногамъ привязала красы велелѣпной плесницы.
Такъ, для очей восхитительнымъ тѣло украсивъ убранствомъ,
Вышла изъ ложницы Гера и Зевсову дочь Афродиту
Вдаль отъ безсмертныхъ другихъ отозвала и ей говорила:
„Что я скажу, пожелаешь ли, милая дочь, мнѣ исполнить?
Или отвергнешь, Киприда, въ душѣ на меня сокрывая
Гнѣвъ, что я за Данаевъ, а ты благосклонна Троянамъ?“
Ей отвѣчала немедленно Зевсова дочь Афродита:
„Гера, богиня старѣйшая, отрасль великаго Крона!
Молви, чего ты желаешь; исполнить сердце велитъ мнѣ,
Если исполнить могу я и если оно исполнимо“.
Ей, коварствуя сердцемъ, вѣщала державная Гера:
„Дай мнѣ любви, Афродита, дай мнѣ тѣхъ сладкихъ желаній,
Коими ты покоряешь сердца и безсмертныхъ и смертныхъ.
Я отхожу далеко, къ предѣламъ земли многодарной,
Видѣть безсмертныхъ отца, Океана, и матерь, Тѳѳису,
Кои питали меня и лелѣяли въ собственномъ домѣ,
Юную взявши отъ Реи, какъ Зевсъ безпредѣльно гремящій
Крона подъ землю низвергъ и подъ волны безплоднаго моря.
Ихъ я иду посѣтить, чтобъ раздоры жестокіе кончить.
Долго, любезные сердцу, объятій и брачнаго ложа
Долго чуждаются боги: вражда имъ вселилася въ души.
Если родителей я примирю моими словами,
Если на одръ возведу, чтобы вновь сочетались любовью,
Вѣчно остануся я и любезной для нихъ, и почтенной“.
Ей, улыбаясь плѣнительно, вновь отвѣчала Киприда:
„Мнѣ невозможно, не должно твоихъ отвергать убѣжденій:
Ты почиваешь въ объятіяхъ бога всемощнаго Зевса“.
Такъ говоря, разрѣшила на персяхъ иглой испещренный
Поясъ узорчатый: всѣ обаянія въ немъ заключались:

Въ немъ и любовь и желанія, въ немъ и знакомства и просьбы,
Льстивыя рѣчи, не разъ уловлявшія умъ и разумныхъ.
Герѣ его подала и такія слова говорила:
„Вотъ мой поясъ узорный, на лонѣ сокрой его, Гера!
Въ немъ заключается все, и въ чертоги Олимпа, надѣюсь,
Ты не прійдешь, не исполнивши пламенныхъ сердца желаній".
Такъ изрекла; улыбнулась лилейнораменная Гера
И съ улыбкой сокрыла блистательный поясъ на лонѣ.
Къ сонму боговъ возвратилася Зевсова дочь Афродита.
Гера же, вдругъ устремившись, оставила выси Олимпа.
Вдругъ пролетѣла Піэріи холмы, Эмаѳіи долы,
Быстро промчалась по снѣжнымъ горамъ Ѳракіянъ быстроконныхъ,
Выше утесовъ паря и стопами земли не касаясь,
Съ гордой Аѳоса вершины сошла на волнистое море,
Тамъ ниспустилася въ Лемнѣ, Ѳоасовомъ градѣ священномъ,
Тамъ со Сномъ повстрѣчалася, братомъ возлюбленнымъ Смерти,
За руку бога взяла, называла и такъ говорила:
„Сонъ, повелитель всѣхъ небожителей, всѣхъ земнородныхъ!
Если когда-либо слово мое исполнялъ ты охотно,
Нынѣ исполни еще: благодарность моя безпредѣльна.
Сонъ, усыпи для меня Громодержцевы ясныя очи
Въ самый тотъ мигъ, какъ на ложѣ приму я въ объятія бога.
Въ даръ отъ меня ты получишь тронъ велелѣпный, нетлѣнный,
Златомъ сіяющій: сынъ мой, художникъ Гефестъ хромоногій,
Самъ для тебя сотворитъ и подножіемъ пышнымъ украситъ,
Нѣжныя ноги тебѣ на пиршествахъ сладкихъ покоить".
Герѣ державной не медля отвѣтствовалъ Сонъ усладитель:
„Гера, богиня старѣйшая, отрасль великаго Крона!
Каждаго я изъ боговъ, населяющихъ небо и землю,
Сномъ одолѣю легко; усыплю я и самыя волны
Древней рѣки Океана, отъ коего все родилося...
Къ Кронову жъ сыну, царю, и приблизиться я не посмѣю,
Въ сонъ не склоню Громодержца, доколѣ не самъ повелитъ онъ.
Помню, меня онъ и прежде своей образумилъ грозою,
Въ день, какъ возвышенный духомъ Гераклъ, порожденный Зевесомъ,
Плылъ отъ береговъ Иліона, Троянскаго града рушитель:
Въ оный я день обаялъ Эгіоха всесильнаго разумъ,
Сладко разлившися; ты жъ устрояла напасти Гераклу;
Ты неистовыхъ вѣтровъ воздвигнула бурю на море,
Сына его далеко отъ друзей, далеко отъ отчизны,
Бросили къ брегу Кооса. Воспрянулъ Кронидъ и грозою

Всѣхъ по чертогу разсыпалъ безсмертныхъ; меня наипаче
Гнѣвный искалъ и на гибель съ неба забросилъ бы въ море,
Есло бы Ночь не спасла, и безсмертныхъ, и смертныхъ царица.
Къ ней я, спасаясь, прибѣгъ. Укротился, какъ ни былъ разгнѣванъ,
Зевсъ молнелюбецъ: священную ночь оскорбить онъ страшился.
Ты же велишь мнѣ опять посягнуть на опасное дѣло!“
Вновь говорила ему волоокая Гера богиня:
„Сонъ усладитель, почто безпокойныя мысли питаешь?
Или ты думаешь, будетъ Троянъ защищать Громовержецъ
Такъ же, какъ въ гнѣвѣ своемъ защищалъ онъ любезнаго сына?
Шествуй; тебѣ въ благодарность юнѣйшую дамъ я Хариту;
Ты обоймешь наконецъ, назовешь ты своею супругой
Ту Пазиѳею, по коей давно всѣ дни воздыхаешь“.
Такъ изрекла и отвѣтствовалъ Сонъ, восхищенный обѣтомъ:
„Гера, клянись нерушимою клятвою, Стикса водою;
Руки простри и коснися, одною—земли многодарной,
Свѣтлаго моря—другою, да будутъ свидѣтели клятвы
Всѣ преисподніе боги, присущіе древнему Крону.
Ими клянися, что мнѣ ты супругой Хариту младую
Дашь Пазиѳею, по коей давно я всѣ дни воздыхаю“.
Рекъ,—и ему покорилась лилейнораменная Гера,
Руки простерши, клялась и, какъ онъ повелѣлъ, призывала
Всѣхъ боговъ преисподнихъ, Титанами въ мірѣ зовомыхъ.
Ими клялася, и страшную клятву едва совершила,
Оба взвились и оставили Имбра и Лемна предѣлы;
Оба, одѣтые облакомъ, быстро по воздуху мчались,
Скоро увидѣли Иду, звѣрей многоводную матерь;
Около Лекта оставивши понтъ, божества надъ землею
Быстро текли, и отъ стопъ ихъ—дубравъ потрясались вершины.
Тамъ разлучилися: Сонъ, отъ Кронидовыхъ взоровъ таяся,
Сѣлъ на огромнѣйшей ели, какая въ то время на Идѣ,
Высшая, гордой главою сквозь воздухъ въ эѳиръ уходила;
Тамъ онъ сидѣлъ, укрываясь подъ мрачными вѣтвями ели,
Птицѣ подобяся звонкоголосой, виталицѣ горной,
Въ сонмѣ безсмертныхъ слывущей халкидой, у смертныхъ киминдой.
Гера владычица быстро всходила на Гаргаръ высокій,
Иды горы на вершину. Увидѣлъ ее Громовержецъ,
Только увидѣлъ,—и страсть охватила могучую душу
Тѣмъ же огнемъ, съ какимъ насладился онъ первой любовью,
Первымъ супружескимъ ложемъ, отъ милыхъ родителей тайнымъ.
Ввстрѣчу супругѣ возсталъ Громовержецъ и быстро воскликнулъ:

„Гера супруга! почто же ты шествуешь такъ отъ Олимпа?
Я ни коней при тебѣ, ни златой колесницы не вижу".
Зевсу, коварствуя сердцемъ, вѣщала державная Гера:
„Я отхожу, о супругъ мой, къ предѣламъ земли даровитой,
Видѣть безсмертныхъ отца, Океана, и матерь, Тѳѳизу.
Боги питали меня и лелѣяли въ собственномъ домѣ.
Ихъ я иду посѣтить, чтобъ раздоры жестокіе кончить.
Долго, любезные сердцу, объятій и брачнаго ложа
Долго чуждаются боги: вражда имъ вселилася въ души.
Кони при мнѣ, у подошвы обильной потоками Иды
Ждутъ и оттолѣ меня и по сушѣ помчатъ, и по влагѣ.
Но сюда я, Кронидъ, прихожу для тебя отъ Олимпа,
Ты на меня, о супругъ, не разгнѣвался бъ, если безмолвно
Въ домъ отойду Океана, глубокія льющаго воды".
Быстро отвѣтствовалъ ей воздымающій тучи Кроніонъ:
„Гера супруга, идти къ Океану и послѣ ты можешь.
Нынѣ почіемъ съ тобой и взаимной любви насладимся.
Гера, такая любовь никогда, ни къ богинѣ, ни къ смертной,
Въ грудь не вливалася мнѣ и душою моей не владѣла!
Такъ не любилъ я, плѣняся младой Иксіона супругой,
Родшею мнѣ Парѳоя, совѣтами равнаго богу,
Ни Данаей прельстясь, бѣлоногой Акризія дщерью,
Родшею сына Персея, славнѣйшаго въ сонмѣ героевъ,
Ни владѣя младой знаменитаго Феникса дщерью,
Родшею Криту Миноса и славу мужей Радаманта,
Ни прекраснѣйшей смертной плѣняся, Алкменою въ Ѳивахъ,
Сына родившей героя, великаго духомъ Геракла,
Даже Семелой, родившею радость людей Діониса;
Такъ не любилъ я, плѣнясь лѣпокудрой царицей Деметрой,
Самою Летою славной, ни даже тобою, о Гера!
Нынѣ пылаю тобою, желанія сладкаго полный!"
Зевсу, коварствуя сердцемъ, вѣщала державная Гера:
„Страшный Кроніонъ! какія ты рѣчи, могучій, вѣщаешь?
Здѣсь ты желаешь почить и объятій любви насладиться,
Здѣсь, на Идейской вершинѣ, гдѣ все открывается взорамъ?
Что жъ (и случиться то можетъ), если какой изъ безсмертныхъ
Насъ почившихъ увидитъ и всѣмъ населяющимъ небо
Злобный разскажетъ? Тогда не посмѣю, возставшая съ ложа,
Я въ Олимпійскій твой домъ возвратиться: позорно мнѣ будетъ!
Если желаешь и если твоей душѣ то пріятно,
Есть у тебя почивальня, которую сынъ твой любезный
Создалъ Гефестъ и плотныя двери съ запоромъ устроилъ.

Въ оной почить удалимся, когда ты желаешь покоя".
Герѣ быстро отвѣтствовалъ тучъ воздыматель Кроніонъ:
„Гера супруга, ни богъ (на меня положися), ни смертный
Насъ не увидитъ, такой надъ тобою кругомъ распростру я
Облакъ златый; сквозь него не проглянетъ ни самое солнце,
Коего острое око все пронизаетъ и видитъ".
Рекъ и въ объятія сильныя Зевсъ заключаетъ супругу,
Быстро подъ ними земля возрастила цвѣтущія травы,
Лотосъ росистый, сафранъ и цвѣты гіакинѳы густые,
Гибкіе, кои боговъ отъ земли высоко подымали.
Тамъ опочили они, и одѣлъ почивающихъ облакъ
Пышный, златой, изъ котораго свѣтлая капала влага.
Такъ беззаботно, любовью и сномъ побѣжденный, Кроніонъ
Спалъ на вершинѣ Идейской, въ объятіяхъ Геры супруги.
Быстро къ судамъ Аргивянъ-побѣдительный Сонъ обратился,
Радости вѣсть возвѣстить черновласому Энносигею;
Сталъ передъ нимъ и воззвалъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Ревностно, царь Посидаонъ, теперь поборай за Данаевъ!
Даруй ты имъ хоть мгновенную славу, пока почиваетъ
Зевсъ Громоверженъ: царя окружилъ я дремотою сладкой;
Гера склонила его насладиться любовью и ложемъ".
Рекъ и къ другимъ отлетѣлъ племенамъ человѣческимъ славнымъ,
Болѣ еще возбудивъ Посидона къ защитѣ Ахеянъ.
Онъ предъ ряды первоборные вышелъ впередъ, восклицая:
„Мы ли, Ахейцы, опять Пріамиду побѣду уступимъ?
Мы ли допустимъ, чтобъ взялъ корабли онъ и славой покрылся?
Такъ похваляется онъ и грозитъ, оттого, что бездѣйственъ
Близъ кораблей остается могучій Пелидъ прогнѣвленный.
Но и въ Пелидѣ намъ нужды не будетъ, когда совокупно
Всѣ устремимся, рѣшася стоять одному за другого!
Други, внимайте, совѣтъ предложу я, а вы повинуйтесь:
Быстро щитами, которые въ воинствѣ лучше и больше,
Перси одѣнемъ, шеломами крѣпкими чела покроемъ
И, мѣдножалыя, длинныя копья въ рукахъ потрясая,
Храбро пойдемъ, передъ вами я самъ, и не мню, чтобы Гекторъ
Могъ противъ насъ устоять, и неистово бурный на битвахъ!
Кто межъ бойцами могучъ, но щитомъ не великимъ владѣетъ,
Слабому пусть передастъ онъ, а самъ да идетъ подъ великимъ".
Такъ онъ вѣщалъ,—и съ усердіемъ пламеннымъ всѣ покорились.
Сами цари, забывая ихъ язвы, строили ратныхъ:
Царь Діомедъ, Одиссей и державный Атридъ Агамемнонъ,
Рать обходя, заставляли мѣнять боевые доспѣхи:

Крѣпкіе крѣпкій вздѣвалъ, отдавая слабѣйшіе слабымъ.
Такъ ополчившися пышносіяющей мѣдью, Данаи
Двинулись; ихъ предводилъ Посидаонъ, колеблющій землю,
Мечъ долголезвенный, страшный неся во всемощной десницѣ,
Равный молніи пламенной; съ нимъ невозможно встрѣчаться
Въ сѣчѣ погибельной: смертнаго ужасомъ онъ поражаетъ.
Рати Троянскія ввстрѣчу построилъ блистательный Гекторъ.
Въ оное время ужаснѣйшій споръ ратоборный воздвигли
Богъ Посидонъ черновласый и шлемомъ сверкающій Гекторъ,
Сей Иліонянъ любезныхъ, а тотъ Аргивянъ защищая.
Море вскипѣло и волны до самыхъ судовъ и до кущей
Съ ревомъ плескало, а рати сходилися съ воплемъ ужаснымъ.
Волны морскія не столько свирѣпыя воютъ у брега,
Быстро гонимыя съ моря дыханіемъ бурнымъ Борея;
Огнь истребитель не столько шумитъ, распыхавшись пожаромъ,
Если, по дебри гористой разлившися, лѣсъ пожираетъ;
Вѣтеръ не столько гремитъ по дубамъ высоко-волосымъ,
Если со всею свирѣпостью онъ завываетъ, бушуя,—
Сколько гремѣлъ на побоищѣ голосъ Троянъ и Ахеянъ,
Кои съ неистовымъ воплемъ одни на другихъ устремлялись.
Первый въ Аякса копьемъ шлемоблещущій Гекторъ ударилъ,
Въ мигъ, какъ Аяксъ на него наступалъ, и намѣтилъ онъ вѣрно:
Тамъ, гдѣ на персяхъ два перевѣсныхъ ремня простирались,
Сей отъ щита, а другой отъ меча у Аякса героя,
Тамъ поразилъ, но ремни защитили. Разгнѣвался Гекторъ,
Видя, что быстрая мѣдь безполезно изъ рукъ излетѣла;
Къ сонму друзей отступилъ Пріамидъ, избѣгающій смерти.
Но его отступавшаго вдругъ поразилъ Теламонидъ
Камнемъ, которые кучей, подпоры судовъ извлеченныхъ,
Тамъ у бойцовъ подъ ногами крутились. Такой подхвативши,
Въ грудь, чрезъ поверхность щита, поразилъ Пріамида близъ выи,
Махомъ пустивъ, какъ кубарь, и пронесся онъ, шумно кружася.
Словно какъ дубъ подъ ударомъ крушительнымъ Зевса Кронида
Падаетъ съ корня, изъ древа разбитаго вьется зловонный
Сѣрный дымъ, и стоитъ, какъ бездушный, паденіе зрѣвшій,
Близкій прохожій: погибеленъ громъ всемогущаго Зевса,—
Такъ ниспроверглася быстро на прахъ Пріамидова крѣпость,
Дротъ изъ руки полетѣлъ, на него навалился огромный
Щитъ и шеломъ, и взгремѣла на немъ распещренная броня.
Съ крикомъ ужаснымъ къ нему полетѣли Ахейцы младые,
Падшаго чая увлечь, и изъ рукъ на него устремили
Множество пикъ, но не могъ ни единый владыкѣ народовъ

Язвы нанесть, ни ударить; не медля его окружили
Вои храбрѣйшіе: Полидамасъ и Эней, и Агеноръ,
Ликіи царь Сарпедонъ, и воинственный Главкъ непорочный;
Не было мужа, о немъ не радѣвшаго; каждый надъ падшимъ
Выпуклый щитъ въ оборону простеръ, а друзья, Пріамида
На руки скоро поднявъ, изъ борьбы понесли, поспѣшая
Къ конямъ ретивымъ, которые сзади сраженья и смуты
Съ храбрымъ возницей и съ пышной его колесницей стояли.
Кони ко граду помчали стенящаго тяжко героя.
Но лишь примчалися къ броду рѣки прекрасно текущей,
Ксанѳа пучиннаго, богомъ рожденнаго, Зевсомъ безсмертнымъ;
Тамъ съ колесницы его положили на землю и свѣжей
Влагой лицо оросили. Вздохнулъ, проглянулъ онъ очами
И, на колѣнахъ держащійся, кровью изъ устъ обливался;
Скоро опять опрокинулся въ прахъ, и опять ему очи
Мрачная ночь осѣнила: ударъ оглушалъ еще душу.
Рати Ахеянъ, увидѣвши Гектора сшедшаго съ поля,
Бросились жарче на гордыхъ Троянъ и возвысились духомъ.
Первый отъ всѣхъ Аргивянъ, Оилеевъ Аяксъ быстроборный
Сатнія смертно пробилъ, налетѣвъ съ изощренною пикой,
Сатнія, Энопа сына, котораго нимфа Наяда
Энопу, пастырю стадъ, родила на брегахъ Сатніона.
Сатнія славный копейщикъ Аяксъ Оилидъ, налетѣвши,
Въ пахъ поразилъ; опрокинулся онъ, и за трупъ Энопида
Трои сыны и Ахеяне подняли страшную сѣчу.
Полидамасъ за него, потрясая огромною пикой,
Мстителемъ вышелъ и, бросивъ, попалъ Проѳоенора въ рамо,
Вѣтвь Ареилика: рамо пронзаетъ могучая пика,
Въ прахъ онъ падетъ и рукою хватаетъ кровавую землю.
Сынъ Панѳоя, свирѣпо гордящійся, звучно воскликнулъ:
„Скажетъ ли кто и теперь, что у храбраго Полидамаса
Тщетно изъ длани могучей огромная прянула пика!
Острую принялъ какой-то Ахеецъ и ею, надѣюсь,
Онъ опираясь, пойдетъ въ преисподніе домы Аида!“
Такъ восклицалъ. Огорчили Ахеянъ надменнаго рѣчи,
Болѣе жъ всѣхъ у Аякса геройскую взорвали душу;
Подлѣ него пораженный противникомъ палъ Проѳоеноръ.
Гнѣвный Аяксъ въ отступавшаго ринулъ сверкающій дротикъ.
Самъ Панѳоидъ едва отъ погибели черной избѣгнулъ,
Прянувши въ бокъ; но копье Архелохъ смертоносное принялъ,
Сынъ Антеноровъ: ему предназначили боги погибель;
Храбраго дротъ улучилъ въ сочетаніе выи съ главою,

Вверхъ позвонка, и разсѣкъ у несчастнаго крѣпкія жилы:
Мощнымъ ударомъ сраженный, главой онъ, лицомъ и устами
Прежде ударился въ долъ, чѣмъ своими колѣнами, павшій.
Громко вскричалъ Теламонидъ къ Панѳоеву славному сыну:
„Взоръ обрати, Панѳоидъ, и повѣдай, Троянецъ, мнѣ правду:
Пасть за вождя Проѳоенора сей не достоинъ ли воинъ?
Онъ не презрѣнный боецъ, не презрѣннаго, кажется, рода;
Онъ Иліонянъ вождя, Антенора, смирителя коней,
Сынъ или братъ; Антенора онъ племени сильно подобенъ".
Такъ говорилъ, несомнительно зная. Печаль поразила
Души Троянъ,—и пронзилъ Акамасъ Беотійца Промаха,
Мстящій за брата, котораго трупъ увлекалъ Беотіецъ.
Злобно надъ павшимъ гордился и такъ восклицалъ побѣдитель:
„Нѣтъ, Аргивяне стрѣльцы, угрозъ расточители праздныхъ!
Нѣтъ, о друзья, не однимъ боевые труды и печали
Намъ суждены: одинако погибель и васъ постигаетъ!
Видите ль, воинъ и вашъ, ниспроверженный пикой моею,
Крѣпко уснулъ: не осталася месть за убитаго брата
Долго безъ платы! Разуменъ, кто пекся, какъ братъ мой любезный,
Брата въ дому по себѣ, отмстителя смерти оставить!"
Такъ говорилъ; Аргивянъ оскорбили надменнаго рѣчи,
Болѣе жъ всѣхъ Пенелею воинственный духъ взволновали.
Бросился онъ на Троянца, но сильнаго встрѣтить удара
Тотъ не дерзнулъ, и герой Пенелей Иліонея свергнулъ,
Отрасль Форбаса, стадами богатаго. Гермесомъ былъ онъ
Болѣе всѣхъ изъ Пергамцевъ любимъ и богатствомъ ущедренъ,
Но отъ супруги имѣлъ одного Иліонея сына.
Пикой его Пенелей поразилъ въ основаніе ока,
Вышибъ зрачокъ; проколовшая пика и око и черепъ
Вышла сквозь тылъ, и присѣлъ на побоищѣ, руки раскинувъ,
Юноша бѣдный; а тотъ, изъ влагалища вырвавши мечъ свой,
Въ выю съ размаха ударилъ и снесъ на кровавую землю
Голову съ мѣднымъ шеломомъ; еще смертоносная пика
Въ окѣ стояла; какъ макъ, онъ кровавую голову поднялъ,
Сонму Троянъ показалъ и гордящійся такъ говорилъ имъ:
„Трои сыны, извѣстите родителей славнаго сына,
Мать и отца Иліонея; пусть его въ домѣ оплачутъ!
Ахъ! и младая жена Беотіянъ героя Промаха
Встрѣтить супруга не къ радости выйдетъ, когда изъ-подъ Трои
Мы въ корабляхъ возвратимся, младые Ахейскіе мужи!"
Рекъ онъ,—и лица Пергамлянъ покрылися ужасомъ блѣднымъ;
Каждый сталъ озираться на бѣгство отъ гибели грозной.

Нынѣ повѣдайте мнѣ, на Олимпѣ живущія Музы,
Кто межъ Ахейцами первый корысти кровавыя добылъ
Въ битвѣ, на сторону ихъ преклоненной царемъ Посидономъ?
Первый Аяксъ Теламонидъ отважнаго Иртія свергнулъ,
Гиртова сына, вождя крѣпкодушныхъ, воинственныхъ Мизовъ;
Фалка сразилъ Антилохъ и оружія съ Мермера сорвалъ;
Вождь Меріонъ Гипотіона съ Морисомъ храбрымъ низринулъ;
Тевкръ низложилъ Проѳоона и мчавшагось въ бѣгъ Перифета;
Сильный Атридъ Гиперенора, пастыря сильныхъ народовъ,
Въ пахъ боковой закололъ; копіе, растерзавши утробу,
Внутренность вырвало вонъ; изъ зіяющей раны тѣснимый
Духъ излетѣлъ, и тьма Гиперенору очи покрыла.
Болѣе жъ всѣхъ поразилъ Оилеевъ Аяксъ быстроногій:
Съ нимъ изъ вождей не равнялся никто быстротой на погонѣ
Воемъ бѣгущихъ, которыхъ ужасомъ Зевсъ поражаетъ.

ПѢСНЬ XV.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Зевсъ, возставъ отъ сна, видитъ бѣгство Троянъ, Посидаона пособляющаго Ахеянамъ, а Гектора безъ чувствъ лежащаго въ подѣ, ст. 1—12. Грозно уличаетъ онъ Геру въ козняхъ ея и повелѣваетъ ей призвать отъ Олимпа Ирису и Аполлона, чтобы первую послать удалить Посидаона изъ брани, а послѣдняго возстановить силы Гектора; при семъ Зевсъ предсказываетъ участь Патрокла, Гектора и судьбу всей брани Троянской, не могущей измѣниться, пока онъ не покараетъ Ахеянъ за оскорбленіе Ахиллеса и не прославитъ его, какъ обѣщалъ Ѳетидѣ, 13—77. Гера, пришедъ на Олимпъ, извѣщаетъ боговъ о грозныхъ предопредѣленіяхъ Зевса и смущаетъ весь сонмъ ихъ; отъ нея узнаетъ Арей объ убіеніи сына его Аскалафа и воспламеняется местью: неистовство его укрощаетъ Аѳина, 78—142. Аполлонъ съ Ирисою предстаютъ Зевсу; повелѣніе его удалиться Посидаону отъ брани, посланницей богу возвѣщенное, онъ принимаетъ съ негодованіемъ и гордыми угрозами, 143—219. Аполлонъ возстановляетъ силы Гектора, и онъ, возвратяся къ битвѣ, устрашаетъ Ахеянъ, 220—280. Они, по совѣту Ѳоаса, собравшися одни храбрые, еще противятся врагамъ и мужественно сражаются. Гекторъ, напавъ и на нихъ, однихъ убиваетъ, а другихъ обращаетъ въ бѣгство, предводимый Аполлономъ, который, потрясая эгидомъ, отъ Зевса ему врученнымъ, ужасаетъ Ахеянъ и гонитъ, разрушаетъ ихъ стѣну, ею засыпаетъ ровъ и уравниваетъ путь къ кораблямъ, и Трояне уже предъ кораблями жестоко тѣснятъ Ахеянъ, 281—389. Патроклъ, увидѣвъ сію опасность, оставляетъ Эврипила и спѣшитъ къ Ахиллесу, чтобы убѣждать его помочь Ахеянамъ, 390—404. Между тѣмъ Ахеяне крѣпко защищаютъ корабли; многіе съ той и другой стороны убиты, 405—590. Наконецъ Гекторъ, устремляемый Зевсомъ, сильно нападаетъ на Ахеянъ, которые, хотя и жестоко тѣсняимые, въ порядкѣ отступаютъ въ ряды кораблей, 591—674. Аяксъ Теламо-

нидъ отличается доблестью: вооружася шестомъ и прядая съ корабля на корабль, одинъ отражаетъ Троянъ, съ огнемъ къ кораблямъ приступающихъ, одушевляетъ Ахеянъ, воздвигаетъ ужасную битву и геройски защищаетъ корабль Протезилая, который зажечь приступилъ уже Гекторъ, 675—746.

Въ бѣгствѣ, когда частоколъ и глубокій окопъ миновали
И лишилися многихъ, руками Данаевъ попранныхъ,
Тамъ, у своихъ колесницъ удержалися, стали Трояне,
Блѣдны отъ страха и трепетны. Въ оное время воспрянулъ
Зевсъ, на Идѣ горѣ, изъ объятій владычицы Геры.
Быстро воздвигшись, онъ сталъ и увидѣлъ Троянъ и Данаевъ,
Первыхъ въ разстройствѣ бѣгущихъ, а съ тыла жестоко гонящихъ
Бодрыхъ Данаевъ и между ихъ воинствъ царя Посидона,
Гектора жъ въ полѣ увидѣлъ простертаго; окрестъ героя
Други сидѣли; тягостно дышащій, чувства лишенный,
Кровь извергалъ онъ: его поразилъ не безсильный Данаецъ.
Видя его, милосердовалъ царь и безсмертныхъ и смертныхъ;
Быстро и грозно на Геру смотря, повѣщалъ Громодержецъ:
„Козни твои, о злотворная, вѣчно коварная Гера,
Гектора мощнаго съ боя свели и Троянъ устрашили!
Но еще я не знаю, не первая ль козней преступныхъ
Вкусишь ты плодъ, какъ ударами молній тебя избичую!
Или забыла, какъ съ неба висѣла, какъ двѣ навязалъ я
На ноги наковальни, а на руки набросилъ златую
Вервь неразрывную? Ты средь эѳира и облаковъ черныхъ
Съ неба висѣла; скорбѣли безсмертные всѣ на Олимпѣ,
Но свободить не могли, приступая: кого ни постигъ я,
Съ прага небеснаго махомъ сверглъ и слеталъ онъ на землю,
Только что дышащій; симъ не смягчился бъ мой гнѣвъ непреклонный,
Гнѣвъ за страданія богоподобнаго сына Геракла,
Коего ты, возбудивъ на него и Борея бури,
Злобно гнала по пустынному понту, бѣды устрояя;
Къ краю чужому его, къ многолюдному бросила Косу.
Я и оттолѣ избавилъ его и въ отечество паки,
Въ Аргосъ цвѣтущій, привелъ, совершителя подвиговъ многихъ.
То вспоминаю тебѣ, да оставишь ты козни и видишь,
Въ помощь ли злобѣ твоей и любовь и объятія были,
Коими ты, отъ боговъ удаляся, меня обольстила!“
Онъ произнесъ; ужаснулась великая Гера богиня
И воскликнула такъ, устремляя крылатыя рѣчи:

„Будьте свидѣтели мнѣ, о Земля, безпредѣльное Небо,
Стикса подземныя воды, о вы, величайшая клятва!
Клятва ужасная даже безсмертнымъ! я вами клянуся,
Самой твоею священной главою и собственнымъ нашимъ
Ложемъ брачнымъ, которымъ во вѣкъ не клянуся я всуе!
Нѣтъ, не съ совѣтовъ моихъ Посидаонъ, земли колебатель,
Трои сынамъ и вождю ихъ вредитъ, а другихъ защищаетъ.
Вѣрно, къ тому преклоненъ и подвигнутъ онъ собственнымъ сердцемъ;
Вѣрно, Ахеянъ узрѣвъ, милосердовалъ онъ о стѣсненныхъ.
Я жъ и ему бы скорѣе совѣтъ подала, да всегда онъ
Ходитъ путемъ, по которому ты повелишь, Громовержецъ!“
Такъ говорила; осклабился царь и безсмертныхъ и смертныхъ
И отвѣтствовалъ ей, устремляя крылатыя рѣчи:
„Если впередъ, о супруга, лелейнорожденная Гера!
Будешь на сонмѣ божественномъ мыслить согласно со мною,
Самъ Посидаонъ, хотя бы желалъ совершенно иного,
Мысль перемѣнитъ, согласно съ твоей и моею душою.
Нынѣ жъ, когда непритворно и истину ты говорила,
Шествуй не медля къ сонму боговъ, повели, да на Иду
Вѣстница неба Ириса и Фебъ сребролукій предстанутъ.
Вѣстница быстрая къ воинству мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ
Снидетъ и скажетъ мое повелѣнье царю Посидону,
Да оставитъ онъ брань и въ обитель свою возвратится.
Фебъ же великаго Гектора снова ко брани воздвигнетъ,
Новую бодрость вдохнетъ и его исцѣлитъ отъ страданій,
Нынѣ терзающихъ душу героя, а рати Ахеянъ
Вновь къ кораблямъ отразитъ, малодушное бѣгство пославши.
Въ бѣгствѣ они упадутъ на суда Ахиллеса Пелида.
Царь Ахиллесъ ополчитъ на сраженіе друга Патрокла,
Коего въ битвѣ копьемъ поразитъ бронеблещущій Гекторъ
Предъ Иліономъ, какъ тотъ уже многихъ юношей храбрыхъ
Свергнетъ и съ ними мою драгоцѣнную вѣтвь, Сарпедона.
Гектора, мстящій за друга, сразитъ Ахиллесъ знаменитый.
Съ онаго времени паки побѣгъ отъ судовъ и погоню
Я сотворю и уже не возвратно, доколѣ Ахейцы
Трои святой не возьмутъ, по совѣтамъ премудрой Аѳины.
Такъ не свершившемусь, гнѣва ни самъ не смягчу, ни другому
Богу безсмертному я Аргивянъ защищать не позволю
Прежде, пока не исполнится все упованье Пелида:
Такъ обѣщалъ я и такъ утвердилъ я моею главою
Въ день, какъ Ѳетида, объемля колѣна, меня умоляла

Сына прославить ея, Ахиллеса, рушителя твердей".
Рекъ—и ему покорилась лилейнораменная Гера,
Бросилась съ Иды горы, устремляяся быстро къ Олимпу.
Такъ устремляется мысль человѣка, который, прошедши
Многія земли, про нихъ размышляетъ умомъ просвѣщеннымъ:
„Тамъ проходилъ я и тамъ", и про многое вдругъ вспоминаетъ,—
Съ равной стремясь быстротой, пролетѣла по воздуху Гера;
Высей Олимпа достигнувъ, она обрѣла совокупныхъ
Всѣхъ небожителей въ домѣ Кронида. Богиню увидѣвъ,
Всѣ поднялися и каждый своею чествовалъ чашей.
Гера, всѣхъ обошедъ, у Ѳемисы румяноланитой
Приняла чашу; Ѳемиса бо первая Герѣ входящей
Бросилась ввстрѣчу и рѣчи крылатыя къ ней устремила:
„Что ты, о Гера, приходишь, такимъ пораженная страхомъ?
Вѣрно, тебя устрашилъ громоносный супругъ твой Кроніонъ?"
Ей отвѣтствовала богиня лилейнораменная Гера;
„Что вопрошаешь, Ѳемиса безсмертная; или не знаешь,
Сколько метателя молній душа и горда, и сурова.
Но возсядь и начни ты пиръ съ безсмертными общій:
Вмѣстѣ со всѣми богами услышишь, Ѳемиса, какіе
Ужасы намъ возвѣщаетъ Кроніонъ. Никто, уповаю,
Радостенъ сердцемъ не будетъ, ни смертный, ни даже безсмертный,
Какъ бы онъ ни былъ донынѣ средь пиршества мирнаго веселъ".
Такъ изрекла и возсѣла владычица Гера; смутились!
Боги въ Зевсовомъ домѣ; она жъ улыбалась устами,
Но чело у нея между черныхъ бровей не свѣтлѣло.
Вдругъ, ко всѣмъ обращаясь, воскликнула гнѣвная Гера:
„Боги безумные, мы безразсудно враждуемъ на Зевса!
Мы безполезно пылаемъ его укротить, нападая
Словомъ иль силою! Онъ, удаляся, объ насъ и не мыслитъ,
Насъ презираетъ, считаетъ, что онъ межъ боговъ вѣковѣчныхъ
Властью и силой своей превосходнѣе всѣхъ несравненно.
Должно терпѣть намъ, какое бы зло и кому бъ ни послалъ онъ;
Имъ, какъ я мыслю, сегодня ударъ нанесенъ и Арею:
Палъ на бою Аскалафъ, браноносецъ любезнѣйшій богу,
Смертный, котораго сыномъ могучій Арей называетъ".
Такъ изрекла, и ударилъ Арей по крутымъ себя бедрамъ
Дланями жилистыхъ рукъ и рыдающій громко воскликнулъ:
„О! не вините меня, на Олимпѣ живущіе боги,
Если за сына я мстить иду къ ополченьямъ Ахейскимъ,
Мстить, хоть и сужено мнѣ, пораженному Зевса перуномъ,
Съ трупами вмѣстѣ лежать, въ потокахъ кровавыхъ и прахѣ!"

Рекъ и тогда жъ повелѣлъ онъ и Страху, и Ужасу коней
Впрячь, а самъ покрывался оружіемъ пламеннозарнымъ.
Вѣрно бъ, сильнѣйшій, стократно ужаснѣйшій, нежели прежній,
Гнѣвъ Громодержца и мщенье противу боговъ воспылали,
Но Аѳина богиня, за всѣхъ устрашася безсмертныхъ,
Бросилась къ двери, оставивши тронъ, на которомъ сидѣла,
Щитъ отъ раменъ и шеломъ отъ главы у Арея сорвала,
Пику поставила въ сторону, вырвавъ изъ длани дебелой,
И загремѣла, словами напавъ на суроваго бога:
„Буйный, безумный, ты потерялся! Напрасно ль имѣешь
Уши, чтобъ слышать? Иль стыдъ у тебя и разсудокъ погибли?
Или не слышишь ты, что говоритъ владычица Гера,
Гера, теперь возвратившаясь къ намъ отъ владыки Зевеса?
Или ты хочешь, какъ самъ, претерпѣвъ неисчетныя бѣдства,
Съ горькимъ стыдомъ, поневолѣ, на свѣтлый Олимпъ возвратиться,
Такъ и на всѣхъ насъ безсмертныхъ навлечь неизбѣжное бѣдство?
Скоро, сомнѣнія нѣтъ, племена и Троянъ, и Данаевъ
Бросилъ бы Зевсъ и прищелъ бы онъ насъ ужаснуть на Олимпѣ
И постигъ бы, карающій, всѣхъ—и виновныхъ и правыхъ!
Будь мнѣ послушенъ и месть отложи за убитаго сына.
Воинъ въ бою не одинъ, и храбрѣйшій его, и сильнѣйшій,
Палъ и еще ниспадетъ, пораженный другимъ; невозможно
Весь человѣческій родъ неисчетный отъ смерти избавить“.
Такъ говоря, посадила на тронъ изступленнаго бога.
Гера жъ царя Аполлона изъ Зевсова вызвала дому
Вмѣстѣ съ Ирисою, вѣстницей быстрой боговъ Олимпійскихъ.
Къ нимъ возгласивши, она провѣщала крылатыя рѣчи:
„Зевсъ повелѣлъ, да на Иду не медля предстанете оба,
Но лишь предстанете вы и лицо увидите бога,
Дѣлайте, что повелитъ и чего Эгіохъ ни восхощетъ“.
Такъ изрекла и, въ чертогъ возвратяся, владычица Гера
Сѣла на тронъ, а Ириса и Фебъ устремясь полетѣли,
Быстро спустились на Иду, звѣрей многоводную матерь;
Тамъ, на возвышенномъ Гаргарѣ Зевса нашли громодержца;
Онъ возсѣдалъ, и его благовонный увѣнчивалъ облакъ.
Боги, представъ предъ лицо воздымателя облаковъ Зевса
Стали,—и къ нимъ устремилъ Олимпіецъ негнѣвныя очи:
Скоро они покорились супруги его повелѣньямъ.
Къ первой Ирисѣ онъ рекъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Шествуй, Ириса быстрая, къ богу морей Посидону,
Все, что реку, возвѣсти и неложною вѣстницей будь мнѣ.
Пусть онъ брань оставитъ, немедленно пусть возвратится

Или въ соборъ небожителей, или въ священное море,
Если жъ глаголы мои не восхощетъ исполнить, но презритъ,
Пусть онъ помыслитъ, и съ сердцемъ своимъ и съ умомъ совѣщаясь,
Можетъ ли, какъ ни могущъ, онъ меня въ нападеніи встрѣтить?
Думаю, что Посидаона я и могуществомъ высшій,
Я и рожденьемъ старѣйшій, а онъ не страшится единый
Равнымъ считаться со мной, предъ которымъ всѣ боги трепещутъ".
Рекъ; покорилась ему вѣтроногая вѣстница неба,
Быстро отъ Иды горы понеслась къ Иліону святому.
Словно какъ снѣгъ изъ тучи, иль градъ холодный, обрушась,
Быстро летитъ, уносясь проясняющимъ воздухъ Бореемъ,
Такъ устремляяся, быстрая путь пролетѣла Ириса;
Стала и такъ провѣщала могучему Энносигею:
„Съ вѣстью тебѣ, Посидонъ, колебатель земли черновласый,
Я нисхожу отъ эгида носителя Зевса Кронида.
Брань ты оставь немедленно, такъ онъ велитъ, возвратися
Или въ соборъ небожителей, или въ священное море.
Если жъ глаголы его не восхощешь исполнить и презришь,
Онъ угрожаетъ, что самъ, и не медля, съ тобою сразиться
Прійдетъ сюда, и совѣтуетъ онъ, чтобы ты уклонялся
Рукъ громовержущихъ: вѣдаешь, онъ и могуществомъ высшій,
Онъ и рожденьемъ старѣйшій; а ты, Посидонъ, не страшишься
Спорить о равенствѣ съ тѣмъ, предъ которымъ всѣ боги трепещутъ".
Ей, негодующій сердцемъ, отвѣтствовалъ царь Посидаонъ:
„Такъ, могущественъ онъ; но слишкомъ надменно вѣщаетъ,
Ежели равнаго честью, меня, укротить онъ грозится!
Три насъ родилося брата отъ древняго Крона и Реи:
Онъ, Громодержецъ, и я, и Аидъ, преисподнихъ владыка;
Натрое все дѣлено, и досталося каждому царство;
Жребіи бросившимъ намъ, въ обладаніе вѣчное пало
Мнѣ волношумное море, Аиду подземные мраки,
Зевсу досталось межъ тучъ и эоира пространное небо;
Общею всѣмъ остается земля и Олимпъ многохолмный.
Нѣтъ, не хожу по уставамъ я Зевсовымъ; какъ онъ ни мощенъ,
Съ миромъ пусть остается на собственномъ третьемъ удѣлѣ;
Силою рукъ онъ меня, какъ ничтожнаго, пусть не стращаетъ!
Дщерей своихъ и сыновъ для Зевса приличнѣе будетъ
Грознымъ глаголомъ обуздывать, коихъ на свѣтъ произвелъ онъ,
Кои уставамъ его покоряться должны поневолѣ!"
Вновь провѣщала ему вѣтроногая вѣстница Зевса:
„Сей ли отвѣтъ отъ тебя, Колебатель земли черновласый,
Зевсу должна я повѣдать, отвѣтъ и суровый, и страшный?

Или, быть можетъ, смягчишь ты? Смягчимы сердца благородныхъ.
Знаешь и то, что Эриннiи вѣчно стоятъ за старѣйшихъ".
Ей отвѣтствовалъ вновь колебатель земли Посидаонъ:
„Слово твое справедливо и мудро, Ириса богиня!
Благо, когда возвѣститель исполненъ совѣтовъ разумныхъ.
Но, признаюсь, огорченiе сильное душу объемлетъ,
Если угрозами гордыми онъ оскорблять начинаетъ
Равнаго съ нимъ и въ правахъ, и судьбой одареннаго равной.
Нынѣ, хотя негодующiй, волѣ его уступаю,
Но объявляю и въ сердцѣ моемъ сохраню я угрозу:
Если Кронiонъ, мнѣ вопреки и побѣдной Аѳинѣ,
Гермесу богу, Гефесту царю и владычицѣ Герѣ,
Будетъ щадить Iлiонъ крѣпкостѣнный, когда не захочетъ
Града разрушить и дать знаменитой побѣды Ахейцамъ,
Пусть онъ знаетъ, межъ нами вражда безконечная будетъ!"
Такъ произнесъ и Ахейскую рать Посидаонъ оставилъ,
Въ понтъ погрузился; о немъ воздыхали Ахейцы герои.
И тогда къ Аполлону воззвалъ громовержецъ Кронiонъ:
„Нынѣ, возлюбленный Фебъ, къ мѣднобронному Гектору шествуй.
Се, обымающiй землю, земли колебатель могучiй
Въ море отходитъ священное; грознаго нашего гнѣва
Онъ избѣгаетъ; услышали бъ грозную брань и другiе,
Самые боги подземные, сущiе около Крона!
Благо и мнѣ, и ему, что, и гнѣваясь, онъ уступаетъ
Силамъ моимъ: не безъ пота бъ жестокаго дѣло свершилось!
Но прiими, Аполлонъ, бахромистый эгидъ мой въ десницу
И, потрясающiй имъ, устраши ты героевъ Ахейскихъ.
Самъ между тѣмъ попекись, Дальновержецъ, объ Гекторѣ славномъ,
Храбрость его возвышай непрестанно, доколѣ Данаи,
Въ бѣгствѣ предъ нимъ, не придутъ къ кораблямъ и зыбямъ Геллеспонта.
Съ одного времени самъ я устрою и дѣло и слово,
Да не медля почiютъ отъ бранныхъ трудовъ и Данаи".
Такъ произнесъ онъ, и не былъ отцу Аполлонъ непокоренъ:
Съ Иды, шумной потоками, онъ устремился, какъ ястребъ,
Быстрый ловецъ голубей, между хищныхъ пернатыхъ быстрѣйшiй.
Въ полѣ нашелъ стрѣловержецъ Прiамова храбраго сына:
Гекторъ сидѣлъ, не лежалъ, и уже, обновившися въ силахъ,
Окрестъ стоящихъ друзей узнавалъ; прекратилась одышка,
Потъ пересталъ: возстанавливалъ Гектора промыслъ Кронида.
Близко представши, къ нему провѣщалъ Аполлонъ дальновержецъ:
„Гекторъ, Прiамова отрасль! почто, отъ дружинъ отдаленный,

Духомъ унылый сидишь? Или горесть тебя удручила?“
Дышащій томно, ему говорилъ шлемоблещущій Гекторъ:
„Кто ты, благой небожитель, ко мнѣ обращающій слово?
Или еще не слыхалъ, что меня предъ судами Ахеянъ,
Ихъ истреблявшаго рать, поразилъ Теламонидъ могучій
Камнемъ въ грудь и мою укротилъ кипящую храбрость?
Я уже думалъ, что мертвыхъ и мрачное царство Аида
Нынѣ увижу: уже испускалъ я дыханіе жизни“.
Сыну Пріамову паки вѣщалъ Аполлонъ дальновержецъ:
„Гекторъ, дерзай! поборникъ могучій Зевсомъ Кронидомъ
Съ Иды высокой тебѣ на покровъ и защиту ниспосланъ,
Я, Аполлонъ златомечный, безсмертный, который и прежде
Сильной рукой защищалъ и тебя, и высокую Трою.
Шествуй къ полкамъ и своимъ многочисленнымъ конникамъ храбрымъ
Всѣмъ повели къ кораблямъ устремить ихъ коней быстроногихъ.
Я передъ ними пойду и самъ для коней Иліонскихъ
Путь уравняю и въ бѣгъ обращу героевъ Ахейскихъ“.
Рекъ и ужасную силу вдохнулъ предводителю воинствъ.
Словно конь застоялый, ячменемъ раскормленный въ ясляхъ,
Привязь расторгнувъ, летитъ и копытами поле копаетъ,
Пламенный, плавать обыклый въ рѣкѣ быстролющейся, пышитъ,
Голову, гордый, высоко несетъ; вкругъ раменъ его мощныхъ
Грива играетъ; гордится онъ самъ красотой благородной;
Быстро стопы его мчатъ къ кобылицамъ и паствамъ знакомымъ, —
Гекторъ таковъ, съ быстротою такой оборачивалъ ноги,
Бога услышавши гласъ; возбуждалъ онъ на бой конеборцевъ.
Словно рогатую лань или дикую козу поднявши,
Гонятъ упорно горячіе псы и ловцы поселяне;
Но высокій утесъ и густая тѣнистая роща
Звѣря спасаютъ: его изловить имъ не сужено рокомъ;
Крикомъ межъ тѣмъ пробужденный, является левъ густобрадый
Имъ на пути и толпу, распыхавшуюсь, въ бѣгъ обращаетъ, —
Такъ Аргивяне, дотолѣ толпой неотступные, гнали
Трои сыновъ, и мечами и копьями въ тылъ поражая;
Но лишь увидѣли Гектора, быстро идущаго къ рати,
Дрогнули всѣ, и у каждаго въ ноги отважность упала.
Ихъ Ѳоасъ ободрялъ, благородный сынъ Андремоновъ,
Мужъ Этолійскій знатнѣйшій, искусный въ бою стрѣлобойномъ,
Храбрый и въ стойкомъ; его и въ собраньяхъ мужей побѣждали
Рѣдкіе, если при немъ въ краснорѣчіи спорила юность.
Онъ, распаляемый ревностью, такъ говорилъ межъ Ахеянъ:
„Боги! ужасное чудо моимъ представляется взорамъ!

Гекторъ воскресъ! отъ ужасной смерти избѣгнувши, паки
Гекторъ предъ нами! А мы уповали, что гордый Троянецъ
Душу предастъ подъ рукой Теламонова сына Аякса.
Вѣрно, могущій безсмертный опять сохранилъ и возставилъ
Мужа, который ужъ многимъ колѣна сломилъ Аргивянамъ,
Что и еще совершитъ, какъ предвижу я! Онъ не безъ воли
Зевса гремящаго сталъ передъ воинствомъ, пышащій боемъ.
Други, совѣтъ предложу я, и всѣ мы ему покоримся.
Ратной народной толпѣ повелимъ къ кораблямъ удалиться,
Мы же, сколько ни есть насъ, храбрѣйшими въ рати слывущихъ,
Противостанемъ; быть можетъ, его остановимъ мы, ввстрѣчу
Копья уставивши; онъ, я надѣюся, какъ ни неистовъ,
Сердцемъ своимъ содрогнется ворваться въ дружину героевъ".
Такъ говорилъ, и, внимательно слушая, всѣ покорились.
Быстро Аяксы могучіе, царь Девкалидъ, копьеносецъ,
Тевкръ, Меріонъ нестрашимый и Мегесъ, Арею подобный,
Строили битву, созвавъ благородныхъ героевъ Ахейскихъ
Противъ Троянъ и великаго Гектора; тою порою
Сзади народа толпа къ кораблямъ отступила. Трояне
Прежде напали толпой; предводилъ, широко выступая,
Гекторъ герой, а предъ Гекторомъ шествовалъ Фебъ небожитель,
Перси одѣявшій тучей, несущій эгидъ велелѣпный,
Бурный, косматый, ужасный, который художникъ безсмертный
Зевсу Кроніду Гефестъ даровалъ, человѣкамъ на ужасъ.
Съ симъ онъ эгидомъ въ десницѣ предшествовалъ ратямъ Троянскимъ.
Ихъ нажидали Ахейцы, сомкнувшися; разомъ раздался
Яростный крикъ отъ обѣихъ ратей; съ тетивъ заскакали
Быстрыя стрѣлы, и копья, изъ дерзостныхъ рукъ полетѣвши,
Многія въ тѣло вонзались воинственныхъ юношей красныхъ,
Многія, среди пути, не отвѣдавъ цвѣтущаго тѣла,
Въ землю вонзяся, дрожали, алкая насытиться тѣломъ.
Долго, доколѣ эгидъ Аполлонъ держалъ неподвижно,
Стрѣлы равно между воинствъ летали, и падали вои;
Но едва Аргивянамъ въ лицо онъ воззрѣвши, эгидомъ
Бурнымъ потрясъ и воскликнулъ и звучно и грозно, смутились
Души въ ихъ персяхъ, забыли Аргивцы кипящую храбрость.
Словно какъ стадо воловъ иль овецъ великую кучу
Хищные звѣри въ глубокую мрачную ночь разсыпаютъ,
Если находятъ незапные, въ часъ какъ отсутствуетъ пастырь,—
Такъ Аргивяне разсыпались, слабые; Фебъ на сердца ихъ
Ужасъ навелъ, посылая Троянамъ и Гектору славу.

Тутъ ратоборецъ сражалъ ратоборца въ разсѣянной битвѣ.
Гекторъ могучій и Стихія свергнулъ и Аркезилая,
Стихія, войскъ предводителя мѣднодоспѣшныхъ Беотянъ,
Аркезилая, вѣрнаго друга вождя Менесѳея.
Но Энея оружіемъ Іасъ поверженъ и Медонъ.
Медонъ, сынъ незаконный владыки мужей Оилея,
Былъ Оилида Аякса младшій братъ; но въ Филакѣ
Онъ обиталъ, удалясь отъ отчизны, какъ мужа убійца,
Мачехи брата убивъ, Эріопы, жены Оилея;
Іасъ же былъ предводитель воинственныхъ духомъ Аѳинянъ,
Сыномъ Сфела отъ всѣхъ называвшійся Буколіона.
Полидамасъ поразилъ Мекистея, Политъ же Эхія
Въ первомъ ряду, а Клонія сразилъ благородный Агеноръ;
Дейоха тутъ же Парисъ, убѣгавшаго между передними,
Съ тыла въ плечо поразилъ и насквозь оружіе выгналъ.
Тою порой, какъ они обнажали убитыхъ, Данаи,
Въ ровъ и на колья его опрокинувшись, въ страшномъ разстройствѣ
Полемъ бѣжали вездѣ и за валъ укрывались неволей.
Гекторъ же голосомъ звучнымъ приказывалъ ратямъ Троянскимъ
Прямо напасть на суда, а корысти кровавыя бросить:
„Если жъ кого-либо я отъ судовъ отдаленныхъ замѣчу,
Тамъ же ему уготовлю и смерть! и несчастнаго, вѣрно,
Мертвое тѣло ни братья, ни сестры огня не сподобятъ;
Но Троянскіе псы растерзаютъ его передъ градомъ!“
Рекъ и, бичомъ по хребтамъ поражая коней, полетѣлъ онъ,
Звучно къ Троянамъ крича по рядамъ, и они, испуская
Страшные вопли, за нимъ устремили коней колесничныхъ
Съ громомъ ужаснымъ; и Фебъ Аполлонъ впереди передъ ними,
Быстро окопа глубокаго берегъ стопами разсыпавъ,
Весь въ середину обрушилъ и путь умостилъ онъ Троянамъ
Длинный и столько широкій, какъ брошенный дротъ пролетаетъ,
Если могучесть свою человѣкъ испытующій броситъ.
Тамъ устремились Пергамянъ фаланги, и Фебъ передъ ними,
Дивнымъ эгидомъ сіяя; разсыпалъ онъ стѣну Данаевъ
Такъ же легко, какъ играющій отрокъ песокъ возлѣ моря,
Если когда изъ песку онъ дѣтскую сдѣлавъ забаву,
Снова ее рукой и ногой разсыпаетъ, рѣзвяся.
Такъ, Аполлонъ дальномечущій, ты и великій и тяжкій
Трудъ разсыпалъ Ахеянъ и предалъ ихъ блѣдному бѣгству.
Возлѣ судовъ наконецъ удержались они, собираясь.
Тамъ, ободряя другъ друга и руки горѣ воздѣвая,
Каждый боговъ небожителей всѣхъ умолялъ грохогласно.

Несторъ же старецъ особенно, стражъ Аргивянъ неусыпный,
Зевса молилъ, воздѣвающій длани ко звѣздному небу:
„Если когда-либо кто средь цвѣтущей Геллады, Кроніонъ,
Тучныя бедра тебѣ отъ тельца иль овна возжигая,
Въ домъ возвратиться молился, и ты преклонился къ моленью,—
Вспомни о томъ и погибели день отврати, Олимпіецъ!
Гордымъ Троянамъ не дай совершенно осилить Ахеянъ!“
Такъ онъ молился, и грянулъ съ небесъ промыслитель Кроніонъ,
Внявшій моленію Нестора, благочестиваго старца.
Но Трояне, въ ихъ пользу принявшіе знаменье Зевса,
Жарче на рати Ахейскія бросились, жадные боя.
Словно какъ валъ огромный широкоразливнаго моря
Выше боковъ корабля подымается, двинутый страшной
Силою бури, которая волны на волны вздымаетъ,—
Такъ устремились Трояне съ неистовымъ воплемъ за стѣну,
Коней пригнали туда жъ и у кормъ въ рукопашную битву
Съ копьями острыми стали; они съ высоты колесницъ ихъ,
Тѣ жъ съ высоты кораблей своихъ черныхъ, на оныхъ держася,
Бились шестами огромными, кои въ судахъ сохранялись
Къ бою морскому, сплоченные, сверху набитые мѣдью.
Храбрый Патроклъ, доколѣ Ахейцы съ Троянскою силой
Бились еще предъ стѣною, вдали отъ судовъ мореходныхъ,
Въ кущѣ сидѣлъ у высокаго духомъ вождя Эврипила,
Душу ему услаждалъ разговоромъ и тяжкую рану
Вкругъ осыпалъ врачевствомъ, утоляющимъ черныя боли.
Но какъ скоро за стѣну увидѣлъ стремящихся бурно
Гордыхъ Троянъ, а Данаевъ услышалъ и крикъ и тревогу,
Громко воскликнулъ Патроклъ и руками по бедрамъ могучимъ
Съ грусти ударилъ себя и печальный вѣщалъ Эврипилу:
„Нѣтъ, Эврипилъ, не могу я съ тобою, хотя бъ и желалъ ты,
Долѣе здѣсь оставаться; ужасная битва возстала!
Пусть благородный сподвижникъ тебя утѣшаетъ, а самъ я
Къ другу Пелиду спѣшу, да его преклоню ополчиться.
Можетъ быть,—какъ предузнать?—убѣдить Ахиллесово сердце
Богъ мнѣ поможетъ: сильно всегда убѣжденіе друга.“
Такъ говорящаго, ноги его уносили. Ахейцы
Противъ Троянъ нападающихъ крѣпко стояли, но тщетно
Ихъ, и меньшихъ числомъ, отразить отъ судовъ напрягались.
Тщетно и Трои сыны напрягались, Ахеянъ фаланги
Боемъ расторгнувъ, ворваться въ ряды кораблей ихъ и сѣней.
Словно правильный шнуръ корабельное древо равняетъ
Зодчаго умнаго въ длани, который художества мудрость

Всю хорошо разумѣетъ, воспитанникъ мудрой Аѳины,—
Такъ между ними борьба и сраженіе равныя были.
Тѣ предъ ѳдними, а тѣ предъ другими судами сражались.
Гекторъ герой на Аякса, высокаго славою, вышелъ.
Оба они за единый корабль подвизались, и тщетно
Сей защитителя сбить и корабль запалить домогался,
Тотъ отразить супостата, котораго демонъ приблизилъ.
Тутъ Клитеида Калетора свергнулъ Аяксъ знаменитый,
Огнь на корабль заносящаго, пикою въ перси ударивъ:
Съ шумомъ онъ грянулся въ прахъ; изъ руки его выпала свѣточь.
Гекторъ, какъ скоро увидѣлъ родного ему Клитеида,
Замертво павшаго въ прахъ передъ черной кормой корабельной,
Звучно воскликнулъ, Троянъ и Ликіянъ на бой поощряя:
„Трои сыны, и Ликійцы, и вы, рукоборцы Дарданцы!
Стойте, страшитеся въ сей тѣснотѣ отступать изъ сраженья;
Лучше отстойте вы Клитія сына, да врагъ не похититъ
Славныхъ оружій съ убитаго въ самомъ станѣ корабельномъ".
Такъ произнесъ и въ Аякса направилъ сіяющій дротикъ,
Но попалъ не въ него, а въ клеврета его, Ликофрона,
Мастора вѣтвь, Киѳерейца, въ Аяксовомъ жившаго домѣ
Съ оной поры, какъ убійство свершилъ у Киѳерянъ священныхъ;
Гекторъ его, близъ Аякса стоящаго, въ черепъ надъ ухомъ
Дротомъ ударилъ убійственнымъ: въ прахъ онъ, съ кормы корабельной
Рухнувшись, навзничь палъ, и его сокрушилася крѣпость.
Храбрый Аяксъ ужаснулся и къ брату младому воскликнулъ:
„Тевкръ, потеряли мы, братъ мой, нашего вѣрнаго друга!
Палъ Масторидъ, котораго мы, изъ Киѳеры пришельца,
Въ нашемъ дому, какъ любезныхъ родителей, всѣ почитали.
Палъ онъ отъ Гектора! Гдѣ же твои смертоносныя стрѣлы?
Гдѣ твой лукъ сокрушительный, данный тебѣ Аполлономъ?"
Рекъ онъ,—и тотъ его понялъ и, прянувши, сталъ близъ героя
Съ лукомъ разрывчатымъ въ вѣрной рукѣ и съ колчаномъ на рамѣ,
Полнымъ пернатыхъ, и, быстро онъ ихъ на Троянъ посылая,
Клита стрѣлой поразилъ, Пезенорову славную отрасль,
Друга Панѳоева сына, почтеннаго Полидамаса.
Былъ онъ возница его и тогда надъ конями трудился,
Правилъ туда, гдѣ въ сраженіи гуще клубились фаланги;
Гектору тѣмъ и Троянамъ желалъ угодить онъ; но быстро
Гибель пришла, и никто изъ друзей отъ нея не избавилъ:
Въ выю возатаю съ тыла стрѣла смертоносная пала;
На землю грянулся онъ, и обратно ударились кони,

Праздной гремя колесницею. Скоро то свѣдалъ владыка
Полидамасъ и конямъ убѣгающимъ вышелъ навстрѣчу.
Ихъ Астиною слугѣ, Протаона сыну, ввѣряя,
Крѣпко наказывалъ близко держать на виду непрестанно;
Самъ, устремившись обратно, съ передними сталъ на сраженье.
Тевкръ же другую стрѣлу противъ Гектора мужеубійцы
Вынулъ и, вѣрно, принудилъ бы бой перервать предъ судами,
Вѣрно, стрѣлой у героя побѣднаго душу исторгъ бы,
Но не укрылся отъ промысла Зевсова: Зевсъ Пріамида
Самъ охранялъ и у Тевкра пылавшаго славу похитилъ:
Тевкръ наляцалъ, какъ на лукѣ его превосходномъ крутую
Богъ сокрушилъ тетиву, и у Тевкра умчалася мимо
Тяжкая мѣдью стрѣла, и лукъ изъ руки его выпалъ.
Тевкръ ужаснулся и къ брату Аяксу не медля воскликнулъ:
„Горе! какой-то демонъ ратные замыслы наши
Всѣ разрушаетъ; и лукъ у меня онъ исторгнулъ изъ длани
И расторгъ тетиву мнѣ, которую свѣжую нынѣ
Я на лукъ навязалъ, чтобы вынесла частыя стрѣлы".
Тевкру отвѣтствовалъ быстро Аяксъ Теламонидъ великій:
„Другъ, оставь ты въ покоѣ и лукъ, и крылатыя стрѣлы,
Если ихъ богъ разсыпаетъ, Ахеянамъ храбрымъ враждебный.
Съ пикой огромной въ рукѣ и съ щитомъ на плечѣ, Теламонидъ,
Ратуй Троянъ и дружины свои возбуждай къ ратоборству.
Пусть не легко, и побѣдой гордяся, возьмутъ супостаты
Наши суда доброснастныя; вспомнимъ Ахейскую храбрость!"
Такъ говорилъ онъ, и Тевкръ подъ кущею лукъ свой оставилъ,
Щитъ на плечо многобляшистый, четыреслойный набросилъ,
Шлемъ на главу удалую красивый надѣлъ, осѣненный
Гривою конскою, — гребень ужасный надъ нимъ развѣвался.
Взявъ наконецъ копіе, повершенное острою мѣдью,
Вышелъ назадъ и, примчася стремительно, сталъ близъ Аякса.
Гекторъ едва усмотрѣлъ сокрушенными Тевкровы стрѣлы,
Звучно вскричалъ, и Троянъ и Ликіянъ еще возбуждая:
„Трои сыны, и Ликійцы, и вы, рукоборцы Дарданцы!
Будьте мужами, о други; воспомните рьяную храбрость
Здѣсь, предъ судами Ахеянъ! Своими очами я видѣлъ,
Славнаго воина стрѣлы и лукъ уничтожены богомъ!
Видимо ясно сынамъ человѣковъ могущество бога,
Если кого Олимпіецъ высокою славой возноситъ,
Или кого унижаетъ, защиты своей не сподобивъ,
Такъ, какъ теперь унижаетъ Ахеянъ, а насъ возвышаетъ.
Въ бой на судъ! наступите всѣмъ воинствомъ! Кто между вами,

Раненъ мечомъ иль стрѣлой, роковою постигнется смертью,
Тотъ умирай! Не безславно ему, защищая отчизну,
Здѣсь умереть; но останутся живы супруга и дѣти,
Домъ и наслѣдіе цѣлы останутся, если Ахейцы
Въ черныхъ судахъ унесутся къ любезнымъ отечества землямъ".
Такъ говоря, возбудилъ онъ и силу и мужество въ каждомъ.
Сынъ Теламоновъ съ другой стороны восклицалъ предъ дружиной;
„Стыдъ вамъ, Ахеяне! Лучше рѣшитеся или погибнуть,
Или спастись, но бѣду отразить отъ судовъ мореходныхъ!
Чаете ль вы, какъ возьметъ корабли шлемоблещущій Гекторъ,
Каждый на землю родную пѣшкомъ возвратиться изъ Трои?
Слышите, съ крикомъ какимъ ополченія всѣ возбуждаетъ
Гекторъ, который сожечь корабли разъяренный стремится?
Вѣрно, сіи онъ толпы не на пляску зоветъ, а на битву!
Намъ не осталось ни думы другой, ни рѣшимости лучшей,
Какъ смѣсить съ супостатами руки и мужество наше!
Лучше мгновенной рѣшимостью выкупить жизнь иль погибнуть,
Нежели долгіе дни изнуряться жестокою бранью,
Такъ безполезно средь стана, стѣсняясь народомъ слабѣйшимъ!"
Такъ говоря, возбудилъ онъ и силу и мужество ратныхъ.
Гекторъ же мощный Схедія сразилъ, Перимедова сына,
Воинствъ Фокейскихъ вождя, но Аяксъ Лаодамаса свергнулъ,
Пѣшихъ бойцовъ предводителя, славную вѣтвь Антенора;
Полимадасъ же корысти добылъ съ Килленейскаго Ота,
Друга Филидова, воинствъ вождя крѣпкодушныхъ Эпеянъ.
Мегесъ Филидъ налетѣлъ на убійцу, но въ сторону прянулъ
Полидамасъ; не умѣтилъ въ него, не судилъ Дальновержецъ
Сыну Панѳоеву славному пасть межъ рядовъ первоборныхъ.
Крезма Филидъ угодилъ сокрушительной пикою въ перси:
Съ шумомъ онъ палъ, и съ раменъ совлекалъ побѣдитель доспѣхи.
Вдругъ на Филида нагрянулъ Долопсъ Лампетидъ, Иліонскій
Славный копейщикъ, котораго сынъ Лаомедона доблій
Лампъ велемудрый родилъ, знаменитаго доблестью бранной.
Онъ у Филида, нагрянувшій близко, щита середину
Пикой пробилъ, но его защитилъ крѣпкосозданный панцырь
Латами сомкнутый плотно, Филей въ давнобытное время
Вывезъ доспѣхъ сей изъ града Эфиры, отъ водъ Селлеиса,
Коимъ, какъ друга, его одарилъ тамъ Эвфетъ скиптродержецъ,
Въ битвахъ кровавыхъ носить отъ враждебныхъ мужей обороной;
Онъ-то и сына его защитилъ отъ погибели грозной.
Мегесъ же Лампова сына по мѣдному шлему подъ гребнемъ,
Въ самую выпуклость верхнюю, пикою острой ударилъ,

Гривистый гребень съ основы сорвалъ, и на землю онъ цѣлый
Палъ и простерся во прахѣ, блистающій пурпуромъ свѣжимъ.
Но между тѣмъ, какъ сражался онъ пламенно, чая побѣды,
Сильный поборникъ явился ему, Менелай благородный;
Съ пикой, невидимый, сталъ въ сторонѣ, поразилъ Лампетида
Съ тыла въ плечо, и сквозь перси пробилося бурное жало
Рѣя впередъ, и во прахъ Лампетидъ опрокинулся навзничь.
Прянули оба на павшаго, мѣдную, славную броню
Съ плечъ совлекать. Но Гекторъ вскричалъ на Долопсовыхъ ближ-
нихъ,
Ихъ порицая и болѣе всѣхъ Гикетаона сына
Онъ укорялъ, Меланиппа, который прежде въ Перкотѣ
Пасъ круторогихъ воловъ, до нашествія рати враждебной;
Но какъ скоро Ахейцы въ судахъ многовеслыхъ приплыли,
Онъ прилетѣлъ въ Иліонъ и въ дружинахъ Троянъ отличался,
Жилъ у Пріама и чествованъ былъ, какъ и сынъ, Дарданидомъ.
Гекторъ его укорялъ и къ нему говорилъ, негодуя:
„Сынъ Гикетаоновъ! такъ ли оставимъ? Ужели нисколько
Сердце твое не болитъ за сраженнаго милаго брата?
Или не видишь ты, какъ надъ доспѣхомъ Долопса трудятся?
Слѣдуй за мною! не время съ Аргивцами издали биться;
Должно намъ всѣхъ истребить ихъ, покуда они съ основаній
Трои высокой не свергли и гражданъ ея не избили!“
Рекъ и понесся впередъ, и мужъ съ нимъ, богу подобный.
Аргоса воевъ Аяксъ возбуждалъ, Теламонидъ великій:
„Други, мужайтесь! Наполните сердце стыдомъ благороднымъ!
Воинъ, воинъ стыдися на поприщѣ подвиговъ ратныхъ!
Воиновъ, знающихъ стыдъ, избавляется болѣе, чѣмъ гибнетъ;
Но бѣглецы не находятъ ни славы себѣ, ни избавы!“
Такъ возбуждалъ, но и сами они защищаться пылали;
Въ сердцѣ сложили героя слова, и суда оградили
Мѣдной стѣной; но Троянъ противъ нихъ устремлялъ Громодер-
жецъ.
Храбрый Атридъ Менелай возбуждалъ Антилоха младого:
„Нѣтъ, Антилохъ, никого ни моложе тебя изъ Ахеянъ,
Ни быстрѣе для бѣга, ни силами крѣпче для боя.
Если бы, прянувъ впередъ, поразилъ ты какого Троянца!“
Такъ произнесъ и назадъ отступилъ, поощривъ Антилоха.
Вылетѣлъ онъ изъ переднихъ рядовъ и, кругомъ обозрѣвши,
Бросилъ блистательный дротъ; взволновались Трояне, увидя
Мощный ударъ. И оружіе онъ не напрасное ринулъ:
Вѣтвь Гикетаона, смѣлаго сердцемъ вождя Меланиппа,

Гордо идущаго на битву, въ широкія перси умѣтилъ:
Съ шумомъ онъ грянулся въ прахъ, и взгремѣли на падшемъ доспѣхи.
Несторовъ сынъ на него устремился, какъ песъ на еленя
Скачетъ пронзеннаго, коего ловчій, едва онъ изъ лога
Прянулъ, стрѣлой поразилъ и подсѣкъ ему рѣзныя ноги,—
Такъ на тебя, Меланиппъ, наскочилъ Антилохъ бранолюбецъ,
Алча доспѣховъ твоихъ. Но отъ Гектора онъ не укрылся;
Гекторъ навстрѣчу предсталъ, пролетѣвъ сквозь кипящую сѣчу.
Несторовъ сынъ не остался, какъ ни былъ горячъ въ ратоборствѣ;
Съ поля сбѣжалъ онъ, звѣрю подобный, свершившему пакость,
Звѣрю, который, пса или пастыря сгубивши,
Въ лѣсъ убѣгаетъ, покуда селянъ не собралась громада,—
Такъ убѣжалъ Несторидъ; на него и Трояне и Гекторъ,
Страшные крики поднявъ, задождили свистящія стрѣлы.
Сталъ онъ лицомъ къ супротивнымъ, достигнувши дружескихъ сонмовъ.

Тою порою Трояне, какъ львы, пожиратели крови,
Бурно къ судамъ устремлялись и Зевса судьбы совершали:
Онъ непрестанно ихъ мужество высилъ, а воемъ Ахейскихъ
Духъ поражалъ и побѣды лишалъ ихъ, Троянъ поощряя;
Гектору сердце его даровать Пріамиду желало
Грозную славу, да онъ на суда пожирающій пламень
Бурный повергнетъ, и такъ роковое Ѳетиды моленье
Все совершится; единаго ждалъ промыслитель Кроніонъ:
Перваго судна горящаго зарево съ неба увидѣть.
Съ онаго времени Зевсъ отъ судовъ невозвратное бѣгство
Трои сынамъ присуждалъ, а Данаямъ побѣдную славу.
Такъ помышляющій, Гектора въ бой на суда устремлялъ онъ,
Страшно и собственнымъ влекшагось духомъ. Свирѣпствовалъ Гекторъ,
Словно Арей, сотрясатель копья, или огнь истребитель,
Если межъ горъ онъ свирѣпствуетъ, въ чащахъ глубокаго лѣса:
Пѣна клубились изъ устъ, подъ бровями угрюмыми очи
Грознымъ свѣтились огнемъ; надъ главой, воздымаяся гребнемъ,
Страшно качался шеломъ у летавшаго бурей по битвѣ
Гектора! Самъ бо герою былъ покровителемъ съ неба
Зевсъ и его одного возвышалъ надъ толпой человѣковъ
Честью и славою: ибо не долго жить оставалось
Сыну Пріама: уже на него Тритогена Паллада
День роковой устремляла съ побѣдною силой Пелида.

Гекторъ пылалъ разорвать у Данаевъ ряды и пытался
Всюду, гдѣ видѣлъ и гуще толпы, и оружія лучше,
Но разорвать ихъ нигдѣ онъ не могъ, безпредѣльно пылавшій:
Ввстрѣчу Данаи, сомкнувшися башней, стояли, какъ камень
Страшно высокій, великій, который у пѣннаго моря
Гордо встрѣчаетъ и буйные вихрей свистящихъ набѣги
И надменныя волны, которыя противу хлещутъ:
Такъ Аргивяне встрѣчали Троянъ неподвижно, безстрашно.
Онъ же, сіяющій окрестъ огнемъ, налетѣлъ на фалангу;
Грозенъ упалъ, какъ волна на бѣгущій корабль упадаетъ,
Мощная, бурей изъ тучъ возвращенная; весь потрясенный
Пѣной корабль покрывается; шумное бури дыханье
Въ парусъ гремитъ, и трепещутъ сердца корабельщиковъ блѣдныхъ,
Страхомъ объятыхъ; они изъ-подъ смерти едва уплываютъ,—
Такъ сердца трепетали въ груди благородныхъ Данаевъ.
Онъ же, какъ левъ истребитель, на юницъ рогатыхъ нашедшій,
Коихъ по влажному лугу при блатѣ обширномъ пасутся
Тысячи; пастырь при нихъ, но, юный, еще не умѣетъ
Съ звѣремъ сразиться, дабы защитить круторогую краву:
Пастырь неопытный, около кравъ то переднихъ, то заднихъ
Мечется онъ безпрестанно, а хищникъ, въ средину ихъ бросясь,
Рѣжетъ быка, и всѣ разбѣгаются,—такъ Аргивяне,
Свыше смятенные, въ бѣгъ передъ Гектора силой и Зевса
Всѣ обратилися; онъ поразилъ одного Перифета,
Храбраго сына Копрея, того, что, служа Эврисеею,
Вѣстникомъ часто ходилъ отъ тирана къ Гераклу герою.
Сей-то отецъ ничтожный родилъ знаменитаго сына,
Доблестей полнаго: легкостью въ бѣгѣ, искусствомъ въ сраженьяхъ,
Въ думахъ умомъ онъ блисталъ между всѣхъ благородныхъ Микенянъ;
Онъ Пріамиду герою высокую славу доставилъ.
Въ бѣгъ обращаяся, задомъ, внезапно на щитъ онъ споткнулся,
Имъ же держимый, огромный, до ногъ оборона отъ копій;
Онъ, на щитъ свой споткнувшися, навзничь упалъ и ужасно
Грянулъ шеломъ вкругъ висковъ при паденіи сильнаго мужа.
Гекторъ, увидѣвши то, прилетѣлъ и, ставъ передъ падшимъ,
Въ перси копьемъ поразилъ и предъ сонмомъ друзей Перифету
Душу исторгнулъ. Они не могли, и печальные, другу
Помощи дать: ужасалися Гектора мужеубійцы,
Къ ближнимъ судамъ отступили; суда, извлеченныя прежде,
Ихъ оградили переднія; Гекторъ и тамъ утѣснялъ ихъ.
Нуждой Ахеянъ сыны отступить отъ судовъ и переднихъ,

Нуждой заставлены горькой; они передъ кущами стали,
Вмѣстѣ столпясь, разсѣваться не мысля: удерживалъ вмѣстѣ
Стыдъ ихъ и страхъ: непрестанно они ободряли другъ друга
Криками; Несторъ особенно, стражъ престарѣлый Ахеянъ,
Каждаго мужа молимъ, именами родныхъ заклиная:
„Будьте мужами, о други, почувствуйте стыдъ, Аргивяне,
Стыдъ передъ всѣми народами! Вспомните сердцу любезныхъ
Женъ и дѣтей, стяжанья свои, и родителей милыхъ,
Вспомните всѣ, у которыхъ родные живы и мертвы!
Именемъ ихъ, и отсутственныхъ, я васъ молю, Аргивяне,
Стойте крѣпко противу враговъ, не бросайтеся въ бѣгство!“
Такъ говорилъ, и возжегъ онъ и крѣпость и мужество въ каждомъ.
Облакъ у нихъ предъ очами Аѳина разсѣяла мрачный,
Свыше ниспосланный: свѣтъ возсіялъ имъ, открылось пространство
Все, и отъ черныхъ судовъ и отъ поля погибельной битвы;
Гекторъ открылся ужасный, и всѣ Иліонянъ дружины,
Сколько за нимъ, позади, не сражавшихся праздно стояло
И впереди, предъ судами, неистовымъ билося боемъ.
Сердцу Аякса великаго болѣе нелюбо стало
Быть въ тѣснотѣ, въ какой оставались другіе Ахейцы;
Онъ по помостамъ судовъ устремился, широко шагая,
Шестъ корабельный въ могучихъ рукахъ потрясая огромный,
Крѣпко въ составахъ сколоченный, двадцать два локтя длиною.
Словно какъ мужъ, ѣздокъ на коняхъ необычно искусный,
Лучшихъ изъ множества коней избравъ четырехъ и связавъ ихъ,
Правитъ и съ поля далекаго къ граду великому гонитъ
Битой дорогой; толпою и мужи и робкія жены
Смотрятъ дивуясь, а онъ безпрестанно и твердо и вѣрно
Скачетъ, садяся съ коня на коня, на бѣгу ихъ ужасномъ,—
Такъ Теламонидъ Аяксъ съ корабля на корабль по помостамъ
Прядалъ, широко шагая и крикъ подымая до неба;
Крикомъ ужаснымъ герой возбуждалъ безпрерывно Данаевъ
Станъ и суда боронить. Но въ оное время и Гекторъ
Мощный уже не въ толпѣ крѣпкобронныхъ Троянъ оставался.
Словно какъ бурный орелъ на стада ударяетъ пернатыхъ
Птицъ перелетныхъ, пасущихся мирно по брегу рѣчному,
Дикихъ гусей, журавлей, иль стада лебедей долговыйныхъ,
Такъ Пріамидъ нападалъ на Данайскій корабль черноносый,
Буренъ кидаясь: его позади устремлялъ Громовержецъ

Мышцей высокой и съ нимъ, воеводою, воинство двигалъ.
Снова у быстрыхъ судовъ запылала свирѣпая битва.
Можно бъ сказать, что еще неусталыя, свѣжія рати
Въ бой соступилися; такъ горячо ратоборцы сражались.
Духомъ такимъ управлялися воинства: мужи Ахейцы
Болѣ не мнили избыть отъ бѣды и рѣшились погибнуть;
Каждый, напротивъ, Троянинъ, исполненный бодрости, чаялъ:
Нынѣ сожжемъ корабли и побьемъ героевъ Ахейскихъ.
Духомъ такимъ наполняясь, одни на другихъ напирали.
Гекторъ могучей рукой за корму корабля ухватился.
Легкій, прекрасный корабль сей отважнаго Протезилая
Въ Трою принесъ, но въ отечество вновь не повезъ ратоводца.
Окрестъ сего корабля и Ахейцы смѣсясь и Трояне
Въ свалкѣ ужасной сражалися врукопашь, болѣ не ждали
Издали стрѣлъ поражающихъ или метательныхъ копій;
Другъ противъ друга стоящіе, равнымъ горящіе духомъ,
Бились мечами и копьями, острыми сверху и снизу.
Множество пышныхъ ножей, съ рукоятками черными, наземь
Падало окрестъ, летя то изъ рукъ, то съ раменъ ратоборцевъ,
Яростно бившихся; черною кровью земля залилася.
Гекторъ, корабль захвативъ, предъ кормою стоялъ неотступенъ;
Хвостъ кормовой онъ руками держалъ и кричалъ къ ополченьямъ:
„Свѣточей, свѣточей дайте! и съ крикомъ сомкнувшися гряньте!
День, награждающій все, даровалъ намъ Зевесъ! присудилъ намъ
Взять корабли, что, подъ Трою приплывъ противъ воли безсмертныхъ,
Столько намъ бѣдъ сотворили по робости старцевъ совѣтныхъ:
Старцы, когда я хотѣлъ воевать корабли супостатовъ,
Въ градѣ держали меня и Троянскій народъ отвлекали.
Но, если въ оные дни омрачалъ громовержецъ Кроніонъ
Нашъ разсудокъ, то нынѣ онъ самъ и зоветъ и ведетъ насъ!“
Рекъ,—и они на Данаевъ ударили съ большимъ свирѣпствомъ.
Сынъ Теламоновъ не выстоялъ: стрѣлы его засыпали;
Тихо герой отступалъ, устрашась неизбѣжной тутъ смерти,
Вспять до скамьи семистопной сошелъ съ кормового помоста.
Тамъ онъ стоялъ, озираясь, и длиннымъ копьемъ безпрерывно
Всѣхъ опрокидывалъ, кто наносилъ пожирающій пламень,
И безпрерывно ужасно кричалъ, убѣждая Данаевъ:
„Други, Данаи герои, безстрашные слуги Арея!
Будьте мужами, о други, вспомните бранную доблесть!
Можетъ быть, мыслите вы, что поборники есть позади намъ?
Или стѣна боевая, которая насъ оборонитъ?

Нѣтъ никакого вблизи укрѣпленнаго башнями града,
Гдѣ защитились бы мы, замѣненные свѣжею силой.
Мы на троянскихъ поляхъ, передъ войскомъ Троянъ твердоброн-
ныхъ,
Къ морю прибиты стоимъ, далеко отъ отчизны любезной!
Наше спасеніе въ нашихъ рукахъ, а не въ слабости духа!"
Рекъ и свирѣпый кругомъ нападалъ съ длиннотѣнною пикой.
Каждаго, кто изъ Троянъ къ корабельнымъ кормамъ ни бросался
Съ пламенемъ бурнымъ въ рукахъ, возбуждаемый Гектора кри-
комъ,
Каждаго онъ прободалъ, принимая огромною пикой;
Такъ ихъ двѣнадцать изъ собственныхъ рукъ закололъ предъ су-
дами.

ПѢСНЬ XVI.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Патроклъ возвращается къ Ахиллесу и, спрошенный, о чемъ проливаетъ слезы, извѣщаетъ его о крайности, въ которой находится все воинство Ахейское, упрекаетъ героя въ жестокости и наконецъ умоляетъ, да позволитъ ему вооружиться своимъ оружіемъ и вывесть Мирмидонянъ на помощь Ахеянъ, ст. 1—47: Ахиллесъ соглашается, но приказываетъ, чтобы Патроклъ, отразивъ Троянъ отъ кораблей, не подвергался большой опасности и немедленно возвратился въ станъ, 48—100. Между тѣмъ, Аяксъ, утомленный боемъ, не можетъ болѣе противиться нападенію враговъ, отступаетъ, и Троане зажигаютъ корабль, 101—124. Ахиллесъ, увидѣвъ пламень, приказываетъ Патроклу скорѣе вооружиться, самъ строитъ свое воинство, воспламеняетъ его рѣчью, завѣтнымъ кубкомъ творитъ Зевсу возліяніе и моленіе за друга Патрокла, отпускаетъ его и смотритъ на отходъ воинства, 125—256. Троане, устрашенные видомъ вождя Мирмидонскаго, волнуются; онъ отражаетъ ихъ отъ кораблей и прекращаетъ пожаръ, 257—302. Но Троане вновь одушевляются и противоборствуютъ,—возгарается жестокая битва; съ обѣихъ сторонъ поражены многіе герои: Троане бѣгутъ, и Патроклъ, прогнавъ ихъ за стѣну, въ открытое поле, тамъ совершенно разстроиваетъ и производитъ ужасное пораженіе, 303—418. Наконецъ выходитъ противу него Сарпедонъ, сынъ Зевса, котораго Гера убѣдила, да бой героевъ предоставитъ на произволъ судьбы, и Патроклъ умерщвляетъ его, 419—490. Главкъ, избранный мстителемъ отъ умирающаго Сарпедона, соединяется съ Гекторомъ и другими вождями, Патроклъ—съ Аяксами. Кровавая, продолжительная битва возстаетъ за тѣло Сарпедона, вокругъ котораго падаютъ многіе герои, самъ Гекторъ наконецъ бѣжитъ, и Ахеяне обнажаютъ Сарпедона, 491—655. Тѣло героя, по повелѣнію Зевса, Аполлонъ похищаетъ изъ битвы, а Сонъ и Смерть переносятъ въ Ликію, 656—683. Патроклъ, гордый успѣхомъ, преслѣдуетъ враговъ до самаго города, нѣсколько разъ бросается на стѣну, мечтая

овладѣть городомъ, но Аполлонъ устрашаетъ его, 684—711. Между тѣмъ, Гектору, вновь напавшему на Ахеянъ, онъ храбро сопротивляется и убиваетъ возницу его Кебріона, 712—782; упоенный новыми побѣдами, бросается въ средину воинства Троянскаго, поражаетъ многихъ. Но противъ него наконецъ выходитъ Аполлонъ, обезсиливаетъ и обезоруживаетъ героя, 783—805; Эвфорбъ ранитъ его, а Гекторъ, отступающаго къ своимъ, убиваетъ и преслѣдуетъ его возницу Автомедона, который на коняхъ Ахиллесовыхъ убѣгаетъ. 806—867.

Такъ непреклонно они за корабль крѣпкоснастный сражались.
Тою порою Патроклъ предсталъ Ахиллесу герою,
Слезы горючія льющій, какъ горный потокъ черноводный
Мрачныя воды свои проливаетъ съ утеса крутого.
Смотря на друга, исполнился жалости пастырь народа
И къ нему возгласилъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Что ты расплакался, другъ Менетидъ, какъ дѣва-младенецъ,
Если, за матерью бѣгая, на руки просится съ плачемъ,
Ловитъ одежду ея, уходящую за полу держитъ,
Плачетъ и въ очи глядитъ, чтобы на руки подняла матерь?
Ты, какъ она, Менетидъ, проливаешь обильныя слезы.
Можетъ быть, что Мирмидонцамъ иль мнѣ объявить ты имѣешь?
Можетъ быть, вѣсть о домашнихъ изъ Фтіи одинъ ты прослышалъ?
Здравствуетъ, сказуютъ, Акторовъ сынъ, отецъ твой Менетій,
Здравствуетъ также и мой, Пелей Эакидъ въ Мирмидонахъ.
О, плачевна была бъ намъ того иль другого кончина!
Можетъ быть, ты объ Ахеянахъ тужишь, что такъ злополучно
Подлѣ своихъ кораблей за неправду свою погибаютъ?
Молви, въ душѣ не скрывай ничего, чтобы оба мы знали“.
Тяжко вздохнувши, отвѣтствовалъ ты, Менетидъ конеборецъ:
„О Пелейонъ, браноносецъ храбрѣйшій Ахейскій, прости мнѣ
Слезы мои! Величайшее горе постигло Ахеянъ!
Всѣ между ними, которые въ рати храбрѣйшими слыли,
Въ станѣ лежатъ, иль въ стрѣльбѣ, или въ битвѣ пропзенные мѣдью.
Раненъ стрѣлою Тидидъ Діомедъ, воеватель могучій;
Вруконашь раненъ копьемъ герой Одиссей, Агамемнонъ;
Раненъ пернатой въ бедро и блистательный сынъ Эвемоновъ;
Наши врачи, богатѣйшіе злаками, вкругъ ихъ трудятся,
Раны врачуя. Но ты, Ахиллесъ, одинъ непреклоненъ!
О, да не знаю я гнѣва такого, какъ ты сохраняешь,
Храбрый, на бѣдствіе! Кто же въ тебѣ обрѣтетъ заступленье,

Если не хочешь Ахеянъ спасти отъ напасти позорной?
Немилосердый! Родитель твой былъ не Пелей благодушный,
Мать не Ѳетида, но синее море, угрюмыя скалы
Міру тебя породили, суроваго сердцемъ, какъ сами!
Если тебя устрашаетъ какой-либо грозный оракулъ;
Если тебѣ отъ Кронида повѣдала что-либо матерь,
Въ бой отпусти ты меня и ввѣрь мнѣ своихъ Мирмидонянъ:
Можетъ быть, съ помощью ихъ для Данаевъ свѣтомъ я буду.
Дай рамена облачить мнѣ твоимъ оружіемъ славнымъ:
Можетъ быть, въ брани меня за тебя принимая, Трояне
Бой прекратятъ, а Данайскіе воины въ полѣ отдохнутъ,
Боемъ уже изнуренные: отдыхъ въ сраженіяхъ кратокъ.
Мы, ополченіе свѣжее, рать, истомленную боемъ,
Къ граду легко отразимъ отъ судовъ и отъ сѣней Ахейскихъ".
Такъ онъ просилъ, неразумный! Увы, не предвидѣлъ, что будетъ
Самъ для себя онъ выпрашивать страшную смерть и погибель!
Мрачно вздохнувъ, провѣщаетъ къ нему Ахиллесъ быстроногій:
„Сынъ благородный Менетія, что мнѣ, Патроклъ, говоришь ты?
Мало меня безпокоитъ оракулъ, который я слышалъ;
Мнѣ ничего не внушала почтенная матерь отъ Зевса.
Но жестокій мнѣ гнѣвъ наполняетъ и сердце и душу;
Если я вижу, что равнаго равный хочетъ ограбить,
Хочетъ награды лишить, потому лишь, что властью онъ выше!
Гнѣвъ мой жестокъ: послѣ бѣдствій, какія въ бояхъ претерпѣлъ я,
Дѣву, которую мнѣ въ награжденье избрали Ахейцы,
Ту, что копьемъ пріобрѣлъ я, разрушивъ градъ крѣпкостѣнный,
Дѣву ту снова изъ рукъ у меня самовластно исторгнулъ
Царь Агамемнонъ, какъ будто бы былъ я скиталецъ безчестный!
Но, что случилось, оставимъ! И было бы мнѣ неприлично
Гнѣвъ безконечный въ сердцѣ питать; но давно объявилъ я:
Гнѣвъ мой не прежде смягчу, какъ уже передъ собственнымъ станомъ,
Здѣсь, предъ судами моими раздастся тревога и битва.
Ты, соглашаюсь, моимъ обликися оружіемъ славнымъ,
Будь воеводой моихъ Мирмидонянъ, пылающихъ боемъ.
Вижу, кругомъ уже черная туча Троянъ обложила
Станъ корабельный, ужасная; вижу, прибитые къ морю
Держатся только на брегѣ, на узкомъ, послѣднемъ пространствѣ
Рати Ахеянъ; на нихъ же обрушилась цѣлая Троя,
Дерзкая: въ полѣ не видятъ чела Ахиллесова шлема,
Въ очи свѣтящаго! Скоро бъ они полевые овраги
Въ бѣгствѣ наполнили трупами, если бъ ко мнѣ Агамемнонъ

Былъ справедливъ, но теперь, дерзновенные, станъ осаждаютъ,
Ибо уже не свирѣпствуетъ въ мощной рукѣ Діомеда
Бурная пика его, чтобы смерть отражать отъ Данаевъ;
Болѣ не слышится голосъ изъ устъ ненавистныхъ Атрида
Въ ратяхъ Данайскихъ; но голосъ лишь Гектора людоубійцы
Звучный гремитъ между воинствъ Троянскихъ, и крикомъ Трояне
Всю наполняютъ долину, въ бою побѣждая Данаевъ!
Такъ да не будетъ, Патроклъ! Отрази отъ судовъ истребленье,
Храбро ударь, да огнемъ не сожгутъ у насъ супостаты
Нашихъ судовъ и желаннаго насъ не лишатъ возвращенья.
Но повинуйся, тебѣ я завѣтъ полагаю на сердце,
Чтобы меня ты и славой, и честью великой возвысилъ
Въ сонмѣ Данаевъ. Итакъ, чтобы Данаи прекрасную дѣву
Отдали сами и множество пышныхъ даровъ предложили,
Брань отъ судовъ отрази и назадъ, Менетидъ, возвратися!
Даже когда бы и славы добыть даровалъ Громовержецъ.
Ты безъ меня, Менетидъ, не дерзай поражать совершен[illegible]
Храбрыхъ Троянъ, да и болѣе чести моей не унизишь.
Радуясь мужествомъ духа и славой побѣднаго боя,
Трои сыновъ истребляй, но полковъ не веди къ Иліону,
Чтобъ отъ Олимпа противу тебя кто-нибудь изъ безсмертныхъ
Въ брань за Троянъ не предсталъ; Аполлонъ безпредѣльно ихъ
любитъ.
Вспять возвратися ко мнѣ, кораблямъ даровавши спасенье,
Рати жъ Ахеянъ оставь на поляхъ боевыхъ истребляться.
Если бъ, о вѣчный Зевесъ, Аполлонъ и Аѳина Паллада,
Если бъ и Трои сыны и Ахеяне, сколько ни есть ихъ,
Всѣ истребили другъ друга, а мы лишь, избывшіе смерти,
Мы бы одни разметали Троянскія гордыя башни!“
Такъ межъ собой говорили они. Между тѣмъ нападенья
Болѣ Аяксъ не выдержалъ: стрѣлы его удручали.
Зевсова мощь побѣждала героя и храбрость Дарданцевъ,
Быстро разившихъ; ужасный, кругомъ головы его, свѣтлый
Шлемъ, поражаемый, звонъ издавалъ; поражали всечасно
Въ шлемные выпуки мѣдные; шуйца Аякса замлѣла,
Крѣпко дотолѣ державшая щитъ переметный; но съ мѣста
Мощнаго сбить не могли принуждавшіе тучею копій.
Часто и сильно дышалъ Теламоніонъ; потъ безпрерывный
Лился ручьями по всѣмъ его членамъ; не могъ ни на мигъ онъ
Вольно вздохнуть: отовсюду бѣда за бѣдой возставала.
Нынѣ повѣдайте, Музы, живущія въ сѣняхъ Олимпа,
Какъ на суда Аргивянъ упалъ истребительный пламень?

Гекторъ, нагрянувши, изблизи ясенный дротъ у Аякса
Тяжкимъ ударилъ мечомъ и у мѣдяной трубки копейной
Ратовье махомъ разсѣкъ; безполезно Аяксъ Теламонидъ
Взнесъ, потрясая, обрубленный дротъ: далеко отъ Аякса
Острая мѣдь отлетѣла и о землю звукнула, павши.
Сынъ Теламоновъ позналъ по невольному трепету сердца
Дѣло боговъ, и, познавъ, что его всѣ замыслы въ брани
Зевсъ громоносный ничтожитъ, даруя Троянамъ побѣду,
Онъ отступилъ; и Троянцы немедленно бросили шумный
Огнь на корабль: съ быстротой разлилося свирѣпое пламя.
Такъ запылала корма корабля. Ахиллесъ то увидѣлъ,
Въ гнѣвѣ по бедрамъ ударилъ себя и вскричалъ къ Менетиду:
„О, поспѣши, Патроклъ, поспѣши, конеборецъ мой храбрый!
Зрю я, уже на судахъ истребительный пламень бушуетъ!
Если возьмутъ корабли, не останется намъ и ухода.
Другъ, воружайся быстрѣе, а я соберу ополченья!“
Такъ произнесъ — и Патроклъ воружался блистающей мѣдью.
И сперва положилъ онъ на быстрыя ноги поножи
Пышныя, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
Послѣ поспѣшно броню надѣвалъ на широкія перси,
Звѣздчатый, вкругъ испещренный доспѣхъ Эакида героя;
Сверху набросилъ на рамо ремень и мечъ сребrогвоздный,
Съ мѣднымъ клинкомъ и щитъ перекинулъ огромный и крѣпкій;
Шлемъ на главу удалую сіяющій пышно надвинулъ,
Съ конскою гривою; гребень ужасный надъ нимъ развѣвался.
Взялъ два крѣпкіе дрота, какіе споручнѣе были;
Не взялъ копья одного Ахиллеса героя: тяжелъ былъ
Крѣпкій, огромный сей ясень: его никто изъ Ахеянъ
Двигать не могъ, и одинъ Ахиллесъ легко потрясалъ имъ,
Ясенемъ симъ Пеліонскимъ, который отцу его Хиронъ
Ссѣкъ съ высоты Пеліона, на гибель враждебнымъ героямъ.
Коней же быстро впрягать Автомедону далъ повелѣнье,
Чтимому имъ наиболѣе послѣ Пелида героя,
Вѣрному болѣе всѣхъ, чтобъ выдерживать бранныя грозы.
Сей Автомедонъ подвелъ подъ ярмо Ахиллесовыхъ коней,
Ксанѳа и Балія, быстрыхъ летающихъ съ вѣтрами вмѣстѣ.
Гарпія оныхъ Подарга родила отъ Зефира вѣтра,
Имъ посѣщенная въ паствѣ, при бурныхъ струяхъ Океана.
Въ припряжь завелъ онъ коня, знаменитаго бѣгомъ Педаса,
Коего добылъ Пелидъ, разгромивши градъ Гетіона:
Смертный, съ конями безсмертными онъ быстротою равнялся.
Тою порой Ахиллесъ, обходя Мирмидоновъ по кущамъ,

Всѣхъ воружалъ ихъ оружіемъ къ бою. Подобно какъ волки,
Хищные звѣри, у коихъ въ сердцахъ безпредѣльная дерзость,
Кои оленя рогатаго въ дебри нагорной, повергнувъ,
Звѣрски терзаютъ; у всѣхъ обагровлены кровію пасти;
Послѣ, стаею цѣлой, къ источнику черному рыщутъ;
Тамъ языками ихъ гибкими мутную воду потока
Локчутъ, рыгая кровью убійства ихъ; гордо въ ихъ персяхъ
Сердце горячее бьется и страшно раздуты утробы,—
Въ брань таковы Мирмидонянъ вожди и строители ратей
Рѣяли, окрестъ Патрокла, слуги Эакида героя,
Боемъ пылая; въ средѣ ихъ стоялъ Ахиллесъ бранолюбецъ,
Крикомъ кругомъ возбуждая коней и мужей щитоносцевъ.
Въ брань пятьдесятъ кораблей Эакидъ Ахиллесъ быстроногій,
Зевсовъ любимецъ, привелъ къ Иліону; на каждомъ изъ оныхъ
Ратныхъ мужей пятьдесятъ человѣкъ при уключинахъ было.
Пять воеводъ онъ надъ ними поставилъ, которымъ и ввѣрилъ
Въ войскахъ начальство, но самъ онъ господствовалъ съ властью державной.
Первымъ строемъ начальствовалъ нестродоспѣшный Менесѳій,
Сперхія сынъ, рѣки пресловутой, отъ Зевса ниспадшей.
Тайно его Полидора, прекрасная дочерь Пелея,
Съ Сперхіемъ бурнымъ родила, жена, сочетавшаясь съ богомъ,
Но, по молвѣ, съ Періеридомъ Боромъ, который и бракомъ
Съ нею сопрягся торжественно, выдавъ несмѣтное вѣно.
Строй второй предводилъ ратоводецъ воинственный Эвдоръ,
Дѣвой рожденный; его Полимела, прелестная въ плескахъ
Филаса дочь, родила. Плѣнился веселою дѣвой
Гермесъ безсмертный, увидѣвшій въ хорѣ ее сладкогласномъ
Пляшущей въ праздникъ Фебеи, богини ловитвъ златострѣлой;
Въ теремъ за нею взошелъ и таинственно съ дѣвой сопрягся
Гермесъ незлобный, и дѣва родила отличнаго сына,
Эвдора, быстраго въ бѣгѣ и воина храбраго въ битвахъ.
Вскорѣ, едва Илиѳія, помощная мукамъ родящихъ,
Сына на свѣтъ извела и узрѣлъ онъ сіяніе солнца,
Актора мощнаго сынъ, Эхеклесъ благородный, супругой
Въ домъ свой поялъ Полимелу, несмѣтное выдавши вѣно;
Эвдора жъ Филасъ въ чертогахъ своихъ, благодѣтельный старецъ,
Самъ воспиталъ и взрастилъ, полюбивши сердечно, какъ сына.
Третьему строю предшествовалъ храбрый Пизандръ воевода,
Мемаловъ сынъ; ни одинъ Мирмидонецъ, какъ онъ, не искусенъ
Биться на копьяхъ, кромѣ Ахиллесова друга Патрокла.
Строемъ четвертымъ начальствовалъ конникъ испытанный Фениксъ;

Пятымъ—герой Алкимедонъ, Лаеркеевъ сынъ непорочный.
Всѣхъ ихъ, вмѣстѣ съ гождями, Пелидъ быстроногій поставя
И красиво построя, вѣщалъ имъ владычное слово:
„Каждый изъ васъ, Мирмидонцы, теперь да воспомнитъ угрозы,
Коими въ станѣ, во дни моего справедливаго гнѣва,
Вы угрожали врагамъ и меня вы тогда оскорбляли;
Лютый Пелидъ, говорили; отъ матери желчью ты вскормленъ!
Безчеловѣчный, друзей предъ судами насильственно держишь!
Лучше назадъ съ кораблями своими въ дома возвратимся,
Ежели злоба тебѣ, злополучная, въ сердце запала!
Такъ вы мнѣ часто, сходясь, говорили. Теперь вамъ предстало
Дѣло великое брани, которой вы столько жаждали!
Каждый теперь, въ комъ отважное сердце, сражайся съ врагами!“
Рекъ,—и разжегъ еще болѣе душу и мужество въ каждомъ;
Крѣпче ряды ихъ сгустилися, выслушавъ царскія рѣчи.
Словно какъ стѣну строитель изъ плотно слагаемыхъ камней
Въ строимомъ домѣ смыкаетъ, въ отпору насильственныхъ вѣтровъ,—
Такъ шишаки и щиты мѣдноблящные сомкнуты были;
Щитъ со щитомъ, шишакъ съ шишакомъ, человѣкъ съ человѣкомъ
Плотно сходился; касалися свѣтлыми бляхами шлемы,
Зыблясь на воинахъ,—такъ Мирмидоняне густо сомкнулись.
Всѣхъ впереди, подъ оружіемъ, два браноносца стояли,
Храбрый Патроклъ и герой Автомедонъ, горящіе оба
Въ битву летѣть впереди Мирмидонянъ. Пелидъ же могучій
Входитъ подъ кущу и тамъ отпираетъ ковчегъ велелѣпный,
Даръ драгоцѣнный, который герою въ корабль мореходный
Матерь Ѳетида на путь положила, наполнивъ хитоновъ,
Мягкихъ, косматыхъ ковровъ и хленъ, отражающихъ вѣтеръ.
Былъ въ немъ и кубокъ прекрасный: никто изъ мужей у Пелида
Чернаго не пилъ вина изъ него; никому изъ боговъ имъ
Онъ не творилъ возліяній, кромѣ молнеснаго Зевса.
Вынувъ сей кубокъ завѣтный, Пелидъ быстроногій сначала
Сѣрой очистилъ, потомъ омывалъ свѣтлоструйной водою,
Руки омылъ и себѣ и, виномъ наполнивши кубокъ,
Сталъ по срединѣ двора и молился, вино возливая,
На небо смотря, и не былъ невидимъ Метателю грома:
„Зевсъ Пелазгійскій, Додонскій, далеко живущій владыка
Хладной Додоны, гдѣ Селлы, пророки твои, обитаютъ,
Кои не моютъ ногъ и спятъ на землѣ обнаженной!
Прежде уже ты, о Зевсъ, на мою преклонился молитву;
Много почтивши меня, покаралъ ты ужасно Данаевъ.

Нынѣ еще, Громодержецъ, сіе мнѣ исполни желанье!
Я остаюся до времени въ станѣ моемъ корабельномъ,
Друга жъ, любезнаго сердцу, и многихъ моихъ Мирмидонянъ
Въ бой посылаю: побѣду ему ниспошли, о Провидецъ!
Храброе сердце его укрѣпи, да узнаетъ и Гекторъ,
Можетъ ли съ нимъ и одинъ подвизаться служитель нашъ храбрый,
Или его необорныя руки свирѣпствуютъ въ брани
Только тогда, какъ и я выхожу на кровавые споры.
Послѣ, когда отъ судовъ отразить онъ пожаръ и убійство,
Дай, да изъ битвъ невредимый ко мнѣ на суда возвратится,
Съ цѣлымъ оружіемъ нашимъ и храбрыми всѣми друзьями!"
Такъ говорилъ онъ, молясь; и внималъ промыслитель Кроніонъ.
Далъ Пелейону одно, а другое владыка отринулъ:
Другу его отъ судовъ отразить и пожаръ и убійство
Далъ; но мольбу, да изъ битвъ невридимъ возвратится, отринулъ.
Онъ же, когда возліялъ и моленіе Зевсу окончилъ,
Въ кущу вошелъ и, въ ковчегъ положивши кубокъ завѣтный,
Вышелъ и сталъ передъ кущею, движимый сердца желаньемъ
Видѣть еще и Троянъ и Ахеянъ жестокую битву.
Тою порою, съ Патрокломъ героемъ, готовые къ битвѣ
Воины шли, чтобъ на рать Троянскую гордо ударить.
Быстро они высыпались впередъ, какъ свирѣпыя осы,
Подлѣ дороги живущія, коихъ сердить пріобыкли
Дѣти, вседневно тревожа въ жилищахъ ихъ придорожныхъ;
Юность безумная общее зло навлекаетъ на многихъ;
Ежели ихъ человѣкъ, путешественникъ, мимо идущій,
Тронетъ нечаянно, быстро крылатыя съ сердцемъ безстрашнымъ
Всѣ высыпаются вдругъ на защиту дѣтей и домовъ ихъ,—
Съ сердцемъ и духомъ такимъ отъ своихъ кораблей Мирмидонцы
Рѣяли въ полѣ; воинственный крикъ ихъ кругомъ раздавался.
Вождь, ихъ еще ободряя, Патроклъ вопіялъ громозвучно:
„Нынѣ, бойцы Мирмидонцы, друзья Ахиллеса героя,
Будьте мужами, любезные, вспомнимъ кипящую храбрость!
Нынѣ прославимъ Пелида, который, по доблести бранной,
Первый въ Ахейскихъ мужахъ, и храбрѣйшіе вы его слуги!
Пусть и властитель могучій, Атридъ Агамемнонъ, познаетъ,
Сколь онъ преступенъ, Ахейца храбрѣйшаго такъ обезчестивъ!"
Такъ говоря, возбудилъ онъ и болѣе мужество ратныхъ.
Ринулись разомъ противу Троянъ, и весь станъ корабельный
Съ громомъ ужаснымъ отгрянулъ воинственный кликъ Мирмидонянъ
Трои сыны лишь узрѣли Менетія сильнаго сына,
Вмѣстѣ съ клевретомъ его, подъ сіяющимъ пышно доспѣхомъ,

Дрогнуло сердце у всѣхъ; всколебались густыя фаланги,
Мысля, что праздный дотолѣ герой Ахиллесъ быстроногій
Гнѣвъ отъ сердца отринулъ и вновь преклонился на дружбу.
Каждый сталъ озираться, чтобъ гибели грозной избѣгнуть.
Сынъ же Менетіевъ первый ударилъ съ сверкающей пикой
Прямо въ средину враждебныхъ, гдѣ гуще ряды ихъ толпились,
Ратуя вкругъ корабля благодушнаго Протезилая;
Тамъ поразилъ онъ Пирехма, который отважныхъ Пеоновъ
Вывелъ изъ странъ Амидона, гдѣ катится Аксій широкій:
Въ рамо его поразилъ, и Пирехмъ, опрокинувшись, оземь
Грянулся, жалостно стонущій. Окрестъ его побѣжали
Други Пеоняне: ужасомъ всѣхъ поразилъ Менетидъ ихъ,
Свергнувши войскъ предводителя, мужа храбрѣйшаго въ битвахъ.
Сихъ онъ прогнавъ отъ судовъ, угасилъ распыхавшійся пламень.
Брошенъ врагами корабль полсожженный; ударились въ бѣгство
Съ страшнымъ смятеньемъ Трояне; Данаи жъ разсыпались быстро
Между переднихъ судовъ: и кругомъ закипѣла тревога.
Словно когда отъ вершины горы огромно-высокой
Облакъ густой отодвинетъ перуновъ носитель Кроніонъ,
Все кругомъ открывается, холмы, высокія скалы,
Долы, небесный эоиръ разверзается весь безпредѣльный,—
Такъ, отразивъ отъ судовъ пожирающій огнь, отдыхали
Рати Ахеянъ; но бранная буря еще не стихала:
Ибо Трояне еще, передъ храброю ратью Ахеянъ
Вспять обратясь, не бѣжали отъ черныхъ судовъ мореходныхъ,
Бодро стояли еще, отъ судовъ отступивши по нуждѣ.
Тутъ человѣкъ поражалъ человѣка въ разсыпанной битвѣ;
Каждый повергъ воеводу, и первый Патроклъ предводитель
Вдругъ обратившагось въ бѣгъ Ареилика пикою острой
Сзади въ бедро поразилъ и насквозь смертоносную выгналъ:
Кость раздробило копье, и лицомъ Ареиликъ на землю
Палъ. Менелай между тѣмъ ратоводца Ѳоаса ударивъ
Въ грудь обнаженную, мимо щита, сокрушилъ ему члены.
Мегесъ Амфикла, какъ тотъ на него устремлялся, примѣтя,
Вдругъ упредилъ, поразилъ въ бедро, гдѣ нога человѣка
Мышцей тучнѣйшей одѣта: копейное бурное жало
Жилы разсѣкло, и тьма пораженному очи покрыла.
Нестора старца сыны: Антилохъ улучилъ Атимнія
Пикою острой; во внутренность мѣдное жало погрузло;
Палъ онъ у стопъ побѣдителя. Маристъ, копьемъ потрясая,
Прянулъ на внука Нелеева, вспыхнувшій гнѣвомъ за брата,
Сталъ передъ тѣломъ, но быстро его Ѳразимедъ упреждаетъ:

Прежде чѣмъ онъ поразилъ, Ѳразимедъ устремлястъ и вѣрно
Ранитъ въ плечо: остріе копья у него оторвало
Руку отъ мышицъ и самую кость совершенно разбило:
Съ громомъ онъ грянулся въ прахъ, и взоръ его мракомъ покрылся.
Такъ злополучные братья, отъ братьевъ сраженные оба,
Въ мрачный Эревъ низошли, Сарпедоновы храбрые други,
Дѣти стрѣльца Амизидора, мужа, который Химеру
Выкормилъ неукротимую, многимъ на пагубу смертнымъ.
Сынъ Оилеевъ Аяксъ, налетѣвъ, Клеобула живого,
Толпищемъ сбитаго съ ногъ, захватилъ и на мѣстѣ Троянцу
Жизнь сокрушилъ, погрузя въ него мечъ съ рукояткой огромной;
Въ жаркой крови розогрѣлся весь мечъ, и упавшему тамъ же
Очи смежила кровавая Смерть и могучая Участь.
Тутъ Пенелей и Ликонъ на сраженье сбѣжалися. Копья
Имъ обоимъ измѣнили: напрасно послали ихъ оба.
Снова герои сошлись на мечахъ, и Ликонъ упреждаетъ,
Въ шлемъ коневласый у бляхи разитъ, и при черенѣ мѣдный
Мечъ, сокрушась, полетѣлъ; но Ахеецъ ударилъ подъ ухомъ,
Въ выю весь мечъ погрузилъ и, оставшись на кожѣ единой,
На бокъ повисла глава, и разрушилась крѣпость Ликона.
Вождь Меріонъ, Акамаса преслѣдуя, быстрый настигнулъ
И, въ колесницу входящаго, въ рамо десное ударилъ:
Онъ съ колесницы слетѣлъ, и въ очахъ его тьма разлилася.
Идоменей Эримаса жестокою мѣдью умѣтилъ
Прямо въ уста, и въ противную сторону близко подъ мозгомъ
Вырвалась бурная мѣдь: просадила въ потылицѣ черепъ,
Вышибла зубы ему, и у падшаго, выпучась страшно,
Кровью глаза налились; изъ ноздрей и изъ устъ растворенныхъ
Кровь изрыгалъ онъ, пока не покрылся облакомъ смерти.
Такъ воеводы Ахейскіе гордыхъ враговъ низлагали.
Словно свирѣпые волки на козъ нападаютъ илъ агнцевъ,
Ихъ вырывая изъ стадъ, которымъ неопытный пастырь
Далъ по горамъ разсѣяться; волки, едва ихъ завидятъ,
Быстро напавъ, раздираютъ безсильныхъ и трепетныхъ тварей,—
Такъ на Троянъ нападали Ахейцы; но тѣ лишь о бѣгствѣ
Думали шумномъ, а доблесть кипящую вовсе забыли.
Но Теламонидъ великій пылалъ непрестанно умѣтить
Гектора мѣдноружнаго; тотъ же, испытанный въ битвахъ,
Турьимъ огромнымъ щитомъ закрывая широкія плечи,
Вкругъ наблюдалъ и свистаніе стрѣлъ и жужжаніе копій
И хотя уже видѣлъ, что имъ измѣняетъ побѣда,
Но еще оставался, къ защитѣ сподвижниковъ вѣрныхъ.

Словно когда отъ Олимпа подъемлется на небо туча
Воздухомъ яснымъ, какъ бурную грозу Кроніонъ наводитъ,—
Такъ отъ судовъ поднялось и смятенье и шумное бѣгство:
Вспять, не въ устройствѣ, чрезъ ровъ отступали. Но Гектора быстро
Вынесли кони съ оружіемъ; бросилъ Троянъ онъ, которыхъ
Сзади насильно задерживалъ ровъ предъ судами глубокій.
Многіе въ пагубномъ рвѣ колесничные быстрые кони,
Дышла сломивши, оставили въ немъ колесницы владыкъ ихъ.
Но Патроклъ настигалъ, горячо возбуждая Данаевъ,
Горе врагамъ замышляя; Трояне и воплемъ и бѣгствомъ
Всѣ наполняли пути; отъ разсѣянныхъ войскъ ихъ до облакъ
Прахъ крутился столбомъ; разстилалися по полю кони,
Къ Троѣ обратно бѣжа отъ судовъ и отъ кущей Ахейскихъ.
Онъ же, герой, гдѣ смятеніе болѣе видѣлъ бѣгущихъ,
Съ крикомъ туда налеталъ; упадали стремглавъ подъ колеса
Мужи съ своихъ колесницъ и, валясь, колесницы гремѣли.
Прямо межъ тѣмъ черезъ ровъ перепрянули бурные кони,
Кони безсмертные, даръ знаменитый безсмертныхъ Пелею,
Пламенно мчася впередъ: повелитель ихъ Гектора ищетъ,
Свергнуть его онъ пылаетъ; но Гектора кони умчали.

Словно земля, отягченная бурями, черная стонетъ
Въ мрачную осень, какъ быстрыя воды съ небесъ проливаетъ
Зевсъ раздраженный, когда на преступныхъ людей негодуетъ,
Кои на сонмахъ насильственно судъ совершаютъ неправый,
Правду гонятъ и божіей кары отнюдь не страшатся:
Всѣ на землѣ сихъ людей наводняются быстрыя рѣки,
Многія нависи скалъ отторгаютъ разливныя воды,
Даже до моря пурпурнаго съ шумомъ ужаснымъ несутся,
Прядая съ горъ, и кругомъ разоряютъ дѣла человѣка,—
Съ шумомъ и стономъ подобнымъ бѣжали Троянскіе кони.
Сынъ же Менетіевъ быстрый, отрѣзавъ фаланги переднихъ,
Снова обратно погналъ и къ судамъ ихъ Данайскимъ притиснулъ;
Не далъ пылающимъ въ городъ войти, но въ поляхъ заключенныхъ
Между судами, рѣкой и стѣною Ахейской высокой,
Быстро гонялъ, убивалъ и взыскалъ возмездіе съ многихъ.
Перваго тутъ Пронооя копьемъ въ обнаженныя перси,
Мимо щита, поразилъ и кипящую силу разрушилъ;
Съ громомъ онъ палъ. Побѣдитель на Θестора, Энопа сына,
Тамъ же напалъ; въ колесницѣ блистательной Θесторъ несчастный
Сжавшись сидѣлъ: оковалъ его ужасъ, изъ трепетныхъ дланей
Вырвались вожжи; ему, налетѣвшій, онъ мѣдную пику
Въ правую челюсть вонзилъ и пробилъ Энопиду сквозь зубы.

Пикой его черезъ край колесничный повлекъ онъ, какъ рыбарь,
Сидя на камнѣ нависнувшемъ въ морѣ, великую рыбу
Быстро изъ волнъ извлекаетъ и нитью и мѣдью блестящей,—
Такъ Энопида зіявшаго влекъ онъ сверкающей пикой,
Сбросилъ на землю лицомъ, и отъ падшаго жизнь отлетѣла.
Вслѣдъ Эріала, противу летящаго, камнемъ съ размаху
Грянулъ въ средину главы, и она пополамъ раскололась
Въ крѣпкомъ шеломѣ; объ землю челомъ Эріалъ пораженный
Палъ, и мгновенно надъ нимъ душегубная смерть распростерлась.
Тутъ же могучій Амфотера онъ, Эримаса, Эпальта,
Пира, Эхія, Дамастора сына, вождя Тлиполема;
Воя Эвиппа, Ифея и Аргея, вѣтвь Полимела,
Всѣхъ, одного за другимъ, положилъ на всеплодную землю.
Царь Сарпедонъ лишь увидѣлъ своихъ безпощадноспѣшныхъ
Многихъ друзей, Менетида Патрокла рукою попранныхъ,
Громко воззвалъ, укоряя возвышенныхъ духомъ Ликіянъ:
„Стыдъ, о Ликійцы! бѣжите? теперь вы отважными будьте!
Съ симъ брапоносцемъ хочу я сойтися, хочу я увидѣть,
Кто сей могучій? Уже онъ бѣды намъ многія сдѣлалъ,
Многимъ и храбрымъ Троянамъ сломилъ уже крѣпкія ноги!“
Рекъ и съ своей колесницы съ оружіемъ прянулъ на землю.
Противъ него и Патроклъ, лишь узрѣлъ, полетѣлъ съ колесницы.
Словно два коршуна, съ клевомъ покляпымъ, съ кривыми когтями,
Въ бой, на утесѣ высокомъ, слетаются съ крикомъ ужаснымъ,
Съ крикомъ подобнымъ они устремилися другъ противъ друга.
Видящій ихъ, возболѣзновалъ сынъ хитроумнаго Крона
И провѣщалъ, обращаяся къ Герѣ, сестрѣ и супругѣ:
„Горе! Я зрю, Сарпедону, дражайшему мнѣ между смертныхъ,
Днесь суждено подъ рукою Патрокловой пасть побѣжденнымъ!“
Сердце мое между двухъ помышленій волнуется въ персяхъ;
Я не рѣшился еще, живого ль изъ брани плачевной
Сына восхитивъ, поставлю въ землѣ плодоносной Ликійской,
Или уже подъ рукою Патрокла смирю Сарпедона“.
Быстро вѣщала въ отвѣтъ волоокая Гера богиня:
„Мрачный Кроніонъ! какія слова ты, могучій, вѣщаешь?
Смертнаго мужа, издревле уже обреченнаго року,
Ты свободить совершенно отъ смерти печальной желаешь?
Волю твори, не не всѣ Олимпійцы ее мы одобримъ!
Слово иное реку я, и въ сердцѣ его сохрани ты.
Ежели самъ невредимаго въ домъ ты пошлешь Сарпедона,
Помни, быть можетъ, безсмертный, какъ ты, и другой возжелаетъ
Сына любезнаго въ домъ удалить отъ погибельной брани.

Многія ратуютъ здѣсь, предъ великимъ Пріамовымъ градомъ,
Чада безсмертныхъ, которыхъ ты ропотъ жестокій возбудишь.
Сколько ты сына ни любишь и въ сердцѣ его не жалѣешь,
Нынѣ ему попусти на побоищѣ брани великой
Пасть подъ руками героя, вождя Мирмидонянъ Патрокла.
Послѣ, когда Сарпедона оставитъ душа, повели ты
Смерти и кроткому Сну бездыханное тѣло героя
Съ чуждой земли перенесть въ плодоносную Ликіи землю.
Тамъ и братья и други его погребутъ и воздвигнутъ
Въ память могилу и столбъ, съ подобающей честью умершимъ".
Такъ говорила, и внялъ ей Отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ, —
Росу кровавую съ неба послалъ на Троянскую землю,
Чествуя сына героя, котораго въ Троѣ холмистой
Долженъ Патроклъ умертвить, далеко отъ отчизны любезной.
Оба героя сошлись, наступая одинъ на другого,
Первый ударилъ Патроклъ и копьемъ поразилъ Ѳразимела,
Мужа, который отважнѣйшій былъ Сарпедоновъ служитель:
Въ нижнее чрево его поразилъ онъ и крѣпость разрушилъ.
Царь Сарпедонъ нападаетъ второй; но сверкающій дротикъ
Мимо летитъ и коня у Патрокла пронзаетъ Педаса
Въ правое рамо; конь заурипѣлъ, испуская дыханье,
Грянулся съ ревомъ во прахъ, и могучая жизнь отлетѣла:
Два остальныхъ разскочились, яремъ затрещалъ, и бразды ихъ
Спутались вмѣстѣ, когда пристяжной повалился на землю.
Горю сему Автомедонъ пособіе быстро находитъ:
Мечъ свой при тучномъ бедрѣ изъ ноженъ долголезвенный вырвавъ,
Бросился онъ и отсѣкъ пристяжного, нимало не медля;
Кони другіе спрямились и стали подъ ровныя вожжи.
Снова герои вступили въ рѣшительный споръ смертоносный,
И опять Сарпедонъ промахнулся блистательной пикой:
Низко, надъ лѣвымъ плечомъ остріе пронеслось у Патрокла,
Но не коснулось его; и ударилъ оружіемъ мѣднымъ
Сильный Патроклъ, и не праздно копье изъ руки излетѣло:
Въ грудь угодилъ, гдѣ лежитъ оболочка вкругъ твердаго сердца.
Палъ воевода Ликійскій, какъ падаетъ дубъ или тополь,
Или огромная сосна, которую съ горъ дровосѣки
Острыми вкругъ топорами ссѣкутъ, корабельное древо,—
Такъ Сарпедонъ предъ своей колесницей лежалъ распростертый,
Съ скрипомъ зубовъ раздирая перстами кровавую землю.
Словно поверженный львомъ, на стадо незапно нашедшимъ,
Пламенный быкъ, межъ воловъ тяжконогихъ величествомъ гордый,
Гибнетъ, свирѣпо ревя подъ зубами могучаго звѣря,

Такъ Менетидомъ воинственнымъ царь щитоносныхъ Ликіянъ,
Попранный, гордо стеналъ и вопилъ къ знаменитому другу:
„Главкъ любезный, могучій изъ воиновъ! Нынѣ ты долженъ
Быть копьеборцемъ отважнымъ и воиномъ неустрашимымъ,
Долженъ пылать лишь свирѣпою бранію, ежели храбръ ты!
Другъ! поспѣши и, мужей предводителей смѣлыхъ Ликіянъ
Всѣхъ обойдя, возбуди за царя Сарпедона сражаться;
Стань за меня ты и самъ и съ Ахейцами мѣдью сражайся!
Или тебѣ, Гипполохиду, я поношеньемъ и срамомъ
Буду всегда и предъ позднимъ потомствомъ, когда Аргивяне
Латы похитятъ съ меня, пораженнаго предъ кораблями!
Дѣйствуй сильно и всѣ возбуди ополченія наши!“
Такъ произнесшему, смерти рука Сарпедону сомкнула
Очи и ноздри; Патроклъ, наступивши пятою на перси,
Вырвалъ копье,—и за нимъ повлеклась оболочка отъ сердца:
Вмѣстѣ и жизнь и копье изъ него побѣдитель исторгнулъ.
Тамъ же Ахейцы и копій его изловили храпящихъ,
Прянувшихъ въ бѣгъ, какъ осталася праздной царей колесница.
Главка, при голосѣ друга, объяла жестокая горесть;
Сердце терзалось его, что помочь онъ нисколько не можетъ;
Стиснулъ рукою онъ лѣвую мышцу: ее удручала
Свѣжая рана, какую нанесъ воеводѣ стрѣлою
Тевкръ со стѣны корабельной, бѣду отъ друзей отражая.
Въ скорби взмолился герой, обращаясь къ царю Аполлону:
„Царь сребролукій, услышь! въ плодоносномъ ли царствѣ Ликійскомъ.,
Или въ Троадѣ присутствуешь, можешь вездѣ ты услышать
Скорбнаго мужа, который, какъ я, удручается скорбью!
Стражду я раной жестокой; рука у меня повсемѣстно
Болью ужасной пронзается; кровь изъ нея безпрерывно
Хлещетъ, не могши уняться; рука до плеча цѣпенѣетъ!
Твердо въ бою не могу я ни дрота держать, ни сражаться,
Противоставши враждебнымъ; а воинъ храбрѣйшій погибнулъ,
Зевсовъ сынъ, Сарпедонъ! не помогъ Громовержецъ и сыну!
Ты жъ помоги мнѣ, о царь! уврачуй жестокую рану;
Боль утоли и могущество даруй, да силою слова
Храбрыхъ Ликійскихъ мужей возбужу я на крѣпкую битву
И за друга сраженнаго самъ достойно сражуся!“
Такъ онъ молился. Услышалъ его Аполлонъ дальновержецъ:
Быстро жестокую боль утолилъ, изъ мучительной раны
Черную кровь удержалъ и мужествомъ душу наполнилъ.
Сердцемъ почувствовалъ Главкъ и восхитился духомъ, что скоро

Къ гласу его моленія богъ преклонился великій.
Бросился вдаль и въ началѣ, мужей ратоводцевъ Ликійскихъ
Всѣхъ обходя, возбуждалъ за царя Сарпедона сражаться;
Послѣ къ дружинамъ Троянъ устремился, широко шагая;
Тамъ воеводѣ Агенору, Полидамасу являлся,
Къ сыну Анхиза и къ мѣднодоспѣшному сыну Пріама.
Къ Гектору онъ представалъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Гекторъ, оставилъ ты вовсе Троянскихъ союзниковъ славныхъ!
Храбрые ради тебя, далеко отъ друзей, отъ отчизны,
Души въ бою полагаютъ, а ты защищать ихъ не хочешь!
Палъ Сарпедонъ, щитоносныхъ Ликійскихъ мужей предводитель,
Строившій землю Ликійскую правдой и доблестью духа
Мѣдный Арей Сарпедона смирилъ копіемъ Менетида.
Станьте, о храбрые други! наполнимся пламенной мести
И не позволимъ оружій совлечь и надъ мертвымъ ругаться
Симъ Мирмидонцамъ, на насъ разъяреннымъ за гибель Данаевъ,
Коихъ у черныхъ судовъ истребили мы копьями многихъ!“
Рекъ,—и Троянъ до единаго тяжкая грусть поразила,
Грусть безотрадная: Трои оплотомъ, хотя иноземецъ,
Былъ Сарпедонъ; многочисленныхъ онъ на помогу Троянамъ
Воиновъ вывелъ и самъ между нихъ отличался геройствомъ.
Яростно Трои сыны на Данаевъ ударили; велъ ихъ
Гекторъ, за смерть Сарпедонову гнѣвный, но духъ у Данаевъ
Воспламеняло Патроклово мужества полное сердце;
Первыхъ бодрилъ онъ Аяксовъ, пылавшихъ и собственнымъ духомъ:
Вамъ, о Аяксы, встрѣтить враговъ сихъ да будетъ пріятно!
Будьте героями прежними или храбрѣе и прежнихъ!
Палъ брапоносецъ, изъ первыхъ взлетѣвшій на стѣну Данаевъ,
Палъ Сарпедонъ! О когда бъ намъ увлечь и надъ нимъ поругаться,
Съ персей доспѣхи сорвать и кого-нибудь изъ клевретовъ,
Тѣло его защищающихъ, свергнуть убійственной мѣдью“.
Такъ возбуждалъ, но Аяксы и сами сразиться пылали,
И, когда лишь фаланги съ обѣихъ сторонъ укрѣпили,
Трои сыны и Ликійцы, Ахеяне и Мирмидонцы,
Всѣ, соступившися, около мертваго съ яростнымъ воплемъ
Подняли бой, и кругомъ зазвучали оружія ратныхъ.
Зевсъ ужасную ночь распростеръ надъ долиной убійства:
Брань за любезнаго сына сугуба ужасна да будетъ.
Первые Трои сыны быстроокихъ Данаевъ отбили;
Палъ пораженный отъ нихъ не ничтожный въ мужахъ Мирмидонскихъ,
Сынъ Агаклея почтеннаго, вождь Эпигей благородный.

Нѣкогда властвовалъ онъ въ многолюдномъ Будеонѣ градѣ,
Но, знаменитаго сродника жизни лишивши убійствомъ,
Странникъ, прибѣгнулъ къ покрову Нелея царя и Ѳетиды;
Ими онъ вмѣстѣ съ Пелидомъ, фалангъ разрывателемъ, посланъ
Въ Трою, конями богатую, ратовать царство Пріама.
Онъ было тѣло схватилъ, но его шлемоблещущій Гекторъ
Грянулъ въ голову камнемъ; она пополамъ раскололась
Въ крѣпкомъ шеломѣ; лицомъ Эпигей на бездушное тѣло
Палъ, и мгновенно надъ нимъ душегубная смерть распростерлась.
Гнѣвъ Менетида объялъ за убійство храбраго друга;
Онъ сквозь ряды передніе бросился прямо, какъ ястребъ
Быстрый, который преслѣдуетъ робкихъ скворцовъ или галокъ,—
Такъ на Троянъ и Ликіянъ ты, о Патроклъ конеборецъ,
Прямо ударилъ, пылающій гнѣвомъ за гибель клеврета.
Тамъ Сѳенелая сразилъ, Иѳеменова храбраго сына,
Камнемъ ударивши въ выю и жилы расторгнувши обѣ.
Вспять отступили передніхъ ряды и блистательный Гекторъ
Такъ далеко, какъ поверженный дротикъ большой пролетаетъ,
Если его человѣкъ, испытующій силу на играхъ,
Или въ сраженіи, броситъ на гордыхъ враговъ душегубцевъ,
Такъ далеко отступили Трояне; отбили Данаи.
Главкъ между тѣмъ, воевода Ликіянъ воинственныхъ, первый
Вспять обратяся, убилъ Ваѳиклея, высокаго духомъ,
Сына Халконова. Домомъ живущій въ цвѣтущей Геллядѣ,
Счастіемъ онъ и богатствомъ блисталъ средь мужей Мирмидонскихъ;
Дротомъ его среди персей, не ждавшаго, Главкъ поражаетъ,
Вдругъ обратясь, какъ его самого настигалъ онъ, гоняся.
Съ шумомъ онъ палъ,—и печаль поразила Данаевъ, узрѣвшихъ
Сильнаго мужа паденье. Пергамлянъ же радость объяла;
Падшаго тѣло они обступили толпой; но Данаи
Доблести не забывали, впередъ на враговъ устремлялись.
Тутъ Меріонъ поразилъ Лаогона, доспѣшнаго мужа,
Сына Онетора, мужа, который жрецомъ въ Иліонѣ
Зевса Идейскаго былъ и какъ богъ почитался народомъ:
Свергнулъ его, поразивши подъ челюсть и ухо; мгновенно
Кости оставила жизнь и ужасная тьма окружила.
Сильный Эпей на убійцу послалъ мѣдножальную пику,
Чая умѣтить его, подъ щитомъ выступавшаго круглымъ;
Тотъ, издалека увидѣвъ, отъ мѣди убійственной спасся,
Быстро впередъ наклонясь; за хребтомъ длиннотѣнная пика
Въ твердую землю вонзилась и верхнимъ концомъ трепетала
Долго, пока не смирилася ярость стремительной мѣди.

Такъ Анхизидова мѣдноогромная пика, сотрясшись,
Въ землю вошла, излетѣвъ безполезно изъ длани могучей.
Гордый Эней, негодуя душою, вскричалъ къ Меріону:
„Скоро бъ тебя, Меріонъ, несмотря, что плясатель ты быстрый,
Скоро бъ мой дротъ укротилъ совершенно, когда бъ я умѣтилъ!“
Быстро ему возразилъ Меріонъ, знаменитый копейщикъ:
„Трудно тебѣ, Анхизидъ, и отлично могучему въ битвахъ,
Духъ укротить воевателя каждаго, кто бы ни вышелъ
Силу измѣрять съ тобою: и ты, какъ и прочіе, смертенъ,
Если бъ и я угодилъ тебѣ въ грудь изощренною мѣдью,
Скоро бъ и ты, несмотря, что могучъ и на руки надеженъ,
Славу мнѣ даровалъ, а властителю Тартара душу!“
Такъ говорилъ, но его порицалъ Менетидъ благородный:
„Что, Меріонъ, воинственный мужъ, расточаешь ты рѣчи?
Вѣрь, отъ рѣчей оскорбительныхъ гордые воины Трои
Тѣла не бросятъ, покуда кого-либо прахъ не покроетъ.
Руки рѣшатъ кровавыя битвы, а рѣчи совѣты.
Нынѣ Ахеянамъ должно не рѣчи плодить, а сражаться!“
Рекъ и впередъ полетѣлъ, и за нимъ Меріонъ копьеборецъ.
Словно толпа древосѣковъ сѣкирами стукъ подымаетъ
Въ горныхъ лѣсахъ, на пространство далекое онъ раздается, —
Стукъ между воинствъ такой по землѣ раздался пространной
Мѣди гремучей и кожъ неразрывныхъ щитовъ волокожныхъ,
Часто разимыхъ мечами и копьями яростныхъ воевъ.
Тутъ ни усерднѣйшій другъ—Сарпедона, подобнаго богу,
Болѣ не могъ бы узнать: и стрѣлами, и кровью, и прахомъ
Весь отъ главы и до ногъ совершенно былъ онъ заметанъ.
Битва при немъ безпрестанно кипѣла. Подобно какъ мухи,
Роемъ подъ кровлей жужжа, вкругъ подойниковъ полныхъ толпятся,
Вешней порой, какъ млеко изобильно струится въ сосуды,—
Такъ ратоборцы вкругъ тѣла толпилися. Зевсъ Громодержецъ
Съ поля пылающей битвы очей не сводилъ свѣтозарныхъ.
Онъ непрестанно взиралъ на мужей и въ душѣ Промыслитель
Много о смерти Патрокловой мыслилъ, волнуясь сомнѣньемъ:
Или уже и его въ настоящемъ убійственномъ спорѣ,
Тутъ, на костяхъ Сарпедона великаго, Гекторъ могучій
Мѣдью смиритъ и оружія славныя съ персей похититъ,
Или еще да продлитъ онъ подвигъ, погибельный многимъ?
Въ сихъ волновавшемуся мысляхъ, угоднѣе Зевсу явилась
Дума, да храбрый служитель Пелеева славнаго сына
Воинство Трои и мѣдноспѣшнаго ихъ воеводу,
Гектора, къ граду погонитъ и душу у многихъ исторгнетъ.

Гектору первому Зевсъ послалъ малодушіе въ перси;
Онъ, въ колесницу вскочивъ, побѣжалъ, повелѣвъ и Троянамъ
Къ граду бѣжать: уступилъ онъ священнымъ вѣсамъ Олимпійца.
Тутъ ни Ликійцы въ бою не остались храбрые: въ бѣгство
Всѣ обратились, увидѣвъ царя ихъ, пронзеннаго въ сердце,
Грудою тѣлъ окруженнаго: много ихъ вкругъ Сарпедона
Пало съ тѣхъ поръ, какъ бой сей ужасный воздвигъ Олимпіецъ.
Быстро съ рамснъ Сарпедона Данаи сорвали доспѣхи
Мѣдные, пышно блестящіе, кои къ судамъ Мирмидонскимъ
Другамъ нести повелѣлъ Патроклъ, конеборецъ могучій.

Въ оное время воззвалъ къ Аполлону Кронидъ тучеводецъ:
„Нынѣ гряди, Аполлонъ, и, восхитивъ отъ стрѣлъ Сарпедона,
Тѣло отъ черной крови, отъ браннаго праха очисти;
Вдаль перенесши къ потоку, водою омой свѣтлоструйной,
Миромъ его умасти и одѣнь одеждой безсмертной.
Такъ совершивъ, повели ты посламъ и безмолвнымъ и быстрымъ,
Смерти и Сну близнецамъ, да поспѣшно они Сарпедона
Въ край отнесутъ плодоносный, въ пространное Ликіи царство.
Тамо братья и други его погребутъ и воздвигнутъ
Въ память могилу и столбъ, съ подобающей честью усопшимъ“.

Рекъ Громовержецъ,—и не былъ Отцу Аполлонъ непокоренъ:
Быстро съ Идейскихъ вершинъ низлетѣлъ на ратное поле,
Тамъ изъ-подъ стрѣлъ Сарпедона, подобнаго богу похитилъ,
Вдаль перенесши къ потоку, водою омылъ свѣтлоструйной,
Миромъ его умастилъ, одѣлъ одеждой безсмертной
И нести повелѣлъ онъ посламъ и безмолвнымъ и быстрымъ,
Смерти и Сну близнецамъ, и они Сарпедона мгновенно
Въ край принесли плодоносный, въ пространное Ликіи царство.

Тою порою Патроклъ, возбуждая возницу и коней,
Гналъ и Троянъ и Ликіянъ, и къ собственной гибели мчался,
Мужъ неразумный! Когда бъ соблюдалъ Ахиллесово слово,
То избѣжалъ бы отъ участи горестной черныя смерти.
Но Кронида совѣтъ человѣческихъ крѣпче совѣтовъ:
Онъ устрашаетъ и храбраго, онъ и побѣду отъ мужа
Вспять похищаетъ, котораго самъ же подвигнетъ ко брани;
Онъ и Патрокловы перси неистовымъ духомъ наполнилъ.

Кто же былъ первый и кто былъ послѣдній, которыхъ сразилъ ты,
Храбрый Патроклъ, какъ тебя уже боги на смерть призывали?
Перваго свергнулъ Адраста, за нимъ Автоноя, Эхекла,
Вслѣдъ Меланиппа, Эпистора, Мегаса отрасль, Перима,
Элаза, Мулія, врукопашь всѣхъ, и героя Пиларта.
Сихъ онъ сразилъ, а другіе спасенія въ бѣгствѣ искали.

Взяли бъ въ сей день Аргивяне высокую башнями Трою
Съ сыномъ Менетія: такъ впереди онъ свирѣпствовалъ никой,
Если бъ Фебъ Аполлонъ не стоялъ на возвышенной башнѣ,
Гибель ему замышляя и Трои сынамъ поборая.
Трижды Менетіевъ сынъ взбѣгалъ на высокую стѣну,
Дерзко-отважный, и трижды его отражалъ Стрѣловержецъ,
Дланью своею безсмертной въ блистательный щитъ ударяя:
Но когда онъ, какъ демонъ, въ четвертый разъ устремился,
Голосомъ грознопретительнымъ Фебъ стрѣловержецъ воскликнулъ:
„Храбрый Патроклъ, отступи! Не тебѣ предназначено свыше
Градъ крѣпкодушныхъ Троянъ копіемъ разорить, но Пелиду,
Сыну богини, который тебя несравненно сильнѣйшій!“
Рекъ,—и далеко назадъ Менетидъ отступилъ, избѣгая
Гнѣва могущаго бога, стрѣлами разящаго Феба.
Гекторъ же въ Скейскихъ воротахъ удерживалъ пышащихъ коней,
Думалъ, сражаться ль ему, устремившися къ воинствамъ снова,
Или своимъ ратоборцамъ въ стѣнахъ повелѣть собираться?
Въ сихъ колебавшемусь думахъ предсталъ Аполлонъ Пріамиду,
Образъ цвѣтущій пріявши младого, могучаго мужа,
Храбраго Азія, Гектора, коней смирителя дяди,
Брата родного Гекубы, отважнаго сына Димаса,
Жившаго въ тучной Фригійской землѣ, при водахъ Сангарія;
Образъ, пріявши его, провѣщалъ Аполлонъ дальновержецъ:
„Битву оставилъ ты, Гекторъ? Поступокъ тебя не достоинъ!
Если бъ, сколько слабъ предъ тобою, столько могущественъ былъ я
Скоро бъ раскаялся ты, что кровавую битву оставилъ!
Вспять обратись, напусти на Патрокла коней быстролетныхъ;
Можетъ быть, славу побѣды тебѣ Аполлонъ уготовалъ!“
Рекъ и вновь обратился безсмертный къ борьбѣ человѣковъ.
И немедленно Гекторъ велѣлъ Кебріону возницѣ
Коней бичомъ на сраженіе гнать. Аполлонъ же отшедшій
Въ множествѣ ратныхъ сокрылся,—и тамъ межъ Ахеянъ воздвигнулъ
Страшную смуту, Троянамъ и Гектору славу даруя.
Гекторъ Ахеянъ другихъ оставлялъ, никого не сражая;
Онъ на Патрокла летѣлъ, устремляя коней звуконогихъ.
Ввстрѣчу ему и Патроклъ соскочилъ съ колесницы на землю;
Щуйцей держалъ онъ копье, а десницею камень подхватилъ,
Мраморъ лоснистый, зубристый, всю мощную руку занявшій;
Бросилъ его упершись,—и летѣлъ онъ не долго до мужа,
Посланъ не тщетно изъ рукъ: поразилъ Кебріона возницу,

Сына Пріама побочнаго, дерзко гонящаго бурныхъ
Гектора коней; въ чело поразилъ его камень жестокій;
Брови сорвала громада; ни крѣпкій не снесъ ея черепъ;
Кость раздробила; кровавыя очи на пыльную землю
Пали къ его же ногамъ, и стремглавъ, водолазу подобно,
Самъ онъ упалъ съ колесницы, и жизнь оставила кости.
Горько надъ нимъ издѣваясь, воскликнулъ Патроклъ конеборецъ:
„Какъ человѣкъ сей легокъ! удивительно быстро ныряетъ!
Если бы онъ находился и на морѣ, рыбой обильномъ,
Многихъ бы могъ удовольствовать, устрицъ ища, для которыхъ
Прядалъ бы онъ съ корабля, несмотря, что и море сердито.
Какъ онъ, будучи на полѣ, быстро нырнулъ съ колесницы!
Есть, какъ я вижу теперь, и межъ храбрыхъ Троянъ водолазы!“
Такъ издѣваясь, на тѣло напалъ Кебріона героя,
Буренъ, какъ левъ разъяренный, который, загонъ истребляя,
Въ грудь прободенъ и безстрашіемъ собственнымъ самъ себя губитъ,—
Такъ на убитаго ты, Мирмидонянинъ пламенный, прянулъ.
Гекторъ навстрѣчу ему соскочилъ съ колесницы на землю;
Оба они за возницу, какъ сильные львы, состязались,
Кои на горномъ хребтѣ, за едину мертвую серну,
Оба, гладомъ яримые, съ гордымъ сражаются гнѣвомъ;
Такъ за трупъ Кебріона искусные два брановосца,
Храбрый Патроклъ Менетидъ и блистательный Гекторъ, сражаясь,
Жаждутъ единый другого пронзить безпощадною мѣдью.
Гекторъ, схвативъ за главу, изъ рукъ не пускалъ безотбойный.
Сынъ же Менетіевъ за ногу влекъ; и кругомъ ихъ другіе,
Трои сыны и Данаи, смѣсилися въ страшную сѣчу.
Словно два вѣтра, восточный и южный, свирѣпые спорятъ,
Въ горной долинѣ сшибаясь, и борютъ густую дубраву;
Крѣпкіе буки, высокіе ясени, деренъ кориетый
Зыблются, древо объ древо широкими вѣтвями бьются
Съ шумомъ ужаснымъ; кругомъ отъ крушащихся трескъ раздается,—
Такъ Аргивяне, Трояне, свирѣпо другъ съ другомъ сшибаясь,
Падали въ битвѣ; никто о презрительномъ бѣгствѣ не думалъ.
Множество вкругъ Кебріона метаемыхъ копій великихъ,
Множество стрѣлъ окрыленныхъ, слетавшихъ съ тетивъ, водружалось;
Множество камней огромныхъ щиты разбивали у воевъ
Окрестъ его, но величественъ онъ, на пространствѣ великомъ,
Въ вихрѣ праха лежалъ, позабывши искусство возницы.
Долго, доколѣ свѣтило средину протекало,

Стрѣлы летали съ обѣихъ сторонъ и народъ поражали.
Но лишь солнце склонилось къ порѣ, какъ воловъ распрягаютъ,
Храбрость Ахеянъ, судьбѣ вопреки, одолѣла противныхъ:
Трупъ Кебріона они увлекли изъ-подъ стрѣлъ, изъ-подъ криковъ
Ярыхъ Троянъ и оружія пышныя сорвали съ персей.

Но Патроклъ на Троянъ, умышляющій грозное, грянулъ.
Трижды влеталъ онъ въ средину ихъ, бурному равный Арею,
Съ крикомъ ужаснымъ, и трижды сражалъ девяти браноносцевъ.
Но когда онъ, какъ демонъ, въ четвертый разъ устремился,
Тутъ, о Патроклъ, бытія твоего наступила кончина:
Противъ тебя Аполлонъ по побоищу шествовалъ быстро,
Страшенъ грозой. Не позналъ онъ бога, идущаго въ сонмахъ;
Мракомъ великимъ одѣянный, шествовалъ ввстрѣчу безсмертный.
Сталъ позади и въ хребетъ и широкія плечи ударилъ
Мощной рукой,—и, стемнѣвъ, закружилися очи Патрокла.
Шлемъ съ головы Монетидовой сбилъ Аполлонъ дальновержецъ;
Быстро по праху катясь, зазвучалъ подъ копытами коней
Мѣдяный шлемъ; осквернилися волосы пышнаго гребня
Черною кровью и прахомъ. Прежде не сужено было
Шлему сему знаменитому прахомъ земнымъ осквернятся:
Онъ на прекрасномъ челѣ, на главѣ богомужней героя,
Онъ на Пелидѣ сіялъ, но Кронидъ соизволилъ, да Гекторъ
Онымъ украсить главу: приближалась бо къ Гектору гибель.
Вся у Патрокла въ рукахъ раздробилась огромная пика,
Тяжкая, крѣпкая, мѣдью набитая; съ плечъ у героя
Щитъ, до пятъ досягавшій, съ ремнемъ повалился на землю;
Мѣдныя латы на немъ разрѣшилъ Аполлонъ небожитель,
Смута на душу нашла и на члены могучіе томность;
Сталъ онъ, какъ бы обаянный. Приближился съ острою пикой
Съ тыла его—и межъ плечъ поразилъ воеватель Дарданскій,
Славный Эвфорбъ Панѳоидъ, который блисталъ между сверстныхъ
Ногъ быстротой и метаньемъ копья и искусствомъ возницы;
Онъ уже въ юности двадцать бойцовъ сразилъ съ колесницы ихъ,
Впервые выѣхавъ самъ на коняхъ, изучаться сраженьямъ.
Онъ, о Патроклъ, на тебя устремилъ оружіе первый,
Но не сразилъ и, исторгнувъ изъ язвы огромную пику,
Вспять побѣжалъ и укрылся въ толпѣ; не отважился явно
Противъ Патрокла, уже безоружнаго, стать на сраженье.
Онъ же, и бога ударомъ и мужа копьемъ укрощенный,
Вспять къ Мирмидонцамъ друзьямъ отступалъ, избѣгающій смерти.

Гекторъ, едва усмотрѣлъ Менетида, высокаго духомъ,
Съ боя идущаго вспять, пораженнаго острою мѣдью.

Прянулъ къ нему сквозь ряды и копьемъ, упредивши, ударилъ
Въ пахъ подъ животъ: глубоко во внутренность мѣдь погрузилась;
Палъ Менетидъ и въ унынiе страшное ввергнулъ Данаевъ.
Словно какъ вепря могучаго пламенный левъ побѣждаетъ,
Если на горной вершинѣ сражаются, гордые оба,
Возлѣ ручья маловоднаго, жадные оба напиться;
Вепря, уже задыхавшагось, силою левъ побѣждаетъ, —
Такъ Менетида героя, уже погубившаго многихъ,
Гекторъ великiй копьемъ низложилъ и душу исторгнулъ.
Гордый побѣдой надъ нимъ, произнесъ онъ крылатыя рѣчи:
„Вѣрно, Патроклъ, уповалъ ты, что Трою нашу разрушишь,
Нашихъ супругъ заплѣнишь и, лишивъ ихъ священной свободы,
Всѣхъ повлечешь на судахъ въ отдаленную землю родную!
Нѣтъ, безразсудный! за нихъ-то могучiе Гектора коня,
Къ битвамъ летя, разстилаются по полю; самъ копiемъ я
Между героевъ Троянскихъ блистаю и я-то надѣюсь
Рабство отъ нихъ отразить! Но тебя растерзаютъ здѣсь враны!
Бѣдный! тебя Ахиллесъ, несмотря, что могучъ, не избавилъ.
Вѣрно, тебѣ онъ идущему въ битву приказывалъ крѣпко:
Прежде не мысли ты мнѣ, конеборецъ Патроклъ, возвращаться
Въ станъ Мирмидонскiй, доколѣ у Гектора мужеубiйцы
Брони, дымящейся кровiю, самъ на груди не расторгнешь!“
Вѣрно, онъ такъ говорилъ и прельстилъ безразсуднаго душу“.
Дышащiй томно, ему отвѣчалъ ты, Патроклъ благородный:
„Славься теперь, величайся, о Гекторъ! Побѣду стяжалъ ты
Зевса и Феба поспѣшествомъ: боги меня побѣдили,
Имъ-то легко; отъ меня и доспѣхи похитили боги.
Но тебѣ подобные, если бъ мнѣ двадцать предстали,
Всѣ бы они полегли, сокрушенные пикой моею!
Пагубный рокъ, Аполлонъ и отъ смертныхъ Эвфорбъ Дарданiецъ
Въ брани меня поразили, а ты уже третiй сражаешь.
Слово послѣднее молвлю, на сердцѣ его сохраняй ты:
Жизнь и тебѣ на землѣ остается не долгая; близко,
Близко стоитъ передъ тобою и Смерть и суровая Участь,
Пасть подъ рукой Ахиллеса, Эакова мощнаго внука“.
Такъ говорящаго, смертный конецъ осѣняетъ Патрокла.
Тихо душа, излетѣвши изъ тѣла, нисходитъ къ Аиду,
Плачась на жребiй печальный, бросая и крѣпость и юность.
Но къ Патроклу и къ мертвому Гекторъ великiй воскликнулъ:
„Что, Мирмидонянинъ, ты предвѣщаешь мнѣ грозную гибель?
Знаетъ ли кто, не Пелидъ ли, сынъ среброногой Ѳетиды,
Прежде, моимъ копiемъ пораженный, разстанется съ жизнью?“

Такъ произнесъ онъ и мѣдную пику изъ мертваго тѣла
Вырвалъ, пятою нажавъ, и его опрокинулъ онъ навзничь.
Послѣ немедля противъ Автомедона съ пикой понесся;
Мужа могучаго онъ, Ахиллесовыхъ коней возницу,
Свергнуть пылалъ, но возницу умчали быстрые кони.
Кони безсмертные, даръ знаменитый безсмертныхъ Пелею.

ПѢСНЬ XVII.

СОДЕРЖАНІЕ СѢМНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Менелай защищаетъ тѣло Патроклово и Эвфорба, покушающагося и хитить съ него доспѣхи, убиваетъ, ст. 1—70. Между тѣмъ, Гекторъ, по убѣжденію Аполлона, возвратясь отъ преслѣдованія Автомедона, обнажаетъ Патрокла; Менелай призываетъ Аякса на защиту тѣла, которое Гекторъ увлекъ бы обезображенное, если бъ не явился Аяксъ и не сталъ противъ него съ Менелаемъ 71—139. Гекторъ, гордясь похищеннымъ оружіемъ, уходитъ отъ Аякса; Главкъ жестоко порицаетъ его; возбужденный упреками его, Гекторъ одѣвается оружіемъ Ахиллесовымъ, съ Патрокла совлеченнымъ, 140—197. Зевсъ предвѣщаетъ близкую смерть его: онъ же вновь устремляется, чтобы увлечь тѣло, и на сей бой призываетъ храбрѣйшихъ вождей Троянскихъ, 198—236. Противъ нихъ сходятся призванные Аяксомъ и Менелаемъ герои Ахейскіе, 237—261. Такимъ образомъ на одномъ мѣстѣ возгорается ужасная битва, въ которой Менелай, Аяксъ и Гекторъ, предводительствуя своими дружинами, сражаются съ перемѣннымъ успѣхомъ, одни, чтобы защитить Патроклово тѣло, другіе, чтобы увлечь его на поруганіе. Но во все это время Ахиллесъ еще не знаетъ о смерти друга, 262—425. Ахиллесовыхъ коней, унылыхъ и проливающихъ слезы о Патроклѣ, Зевсъ одушевляетъ новою бодростію, и Автомедонъ снова летитъ въ бой, взявъ сподвижникомъ Алкимедона, 426—483. Увидѣвъ его, немедленно устремляются Гекторъ, Эней и другіе, чтобы овладѣть знаменитыми конями. Противъ ихъ на аденія крѣпко стоятъ Ахеяне, призвавъ на помощь Менелая и Аякса, которые, отразивъ враговъ, снова обращаются къ защитѣ Патроклова тѣла и снова подымаютъ за него страшную битву. Аѳина воодушевляетъ Менелая, Аполлонъ возбуждаетъ Гектора, 484—592; онъ жестоко нападаетъ на Ахеянъ, и Зевсъ громомъ знаменуетъ побѣду Троянамъ. Тогда перемѣняется рѣшительно успѣхъ битвы: храбрѣйшіе Ахеяне бѣгутъ; самъ Аяксъ Теламонидъ устрашается, ища Антилоха, чтобы послать къ Ахиллесу, и, ничего не видя

сквозь ужасный мракъ, покрывающій битвенное поле, онъ въ ропотѣ храбраго сердца вопіетъ къ Зевсу, 593—651. По его же совѣту, Менелай отыскиваетъ Антилоха и посылаетъ къ Ахиллесу съ вѣстію о смерти Патрокла, 652—701; потомъ защитою Аяксовъ, которые, слѣдуя по стопамъ ихъ, мужественно отражаютъ нападающихъ, но Трояне жестоко преслѣдуютъ, и бѣгство Ахеянъ дѣлается общимъ; 702—761.

Онъ не укрылся отъ сильнаго въ браняхъ царя Менелая,
Храбрый Патроклъ, пораженный Троянами въ пламенной битвѣ.
Бросясь впередъ, Менелай, ополченный сверкающей мѣдью,
Около тѣла ходилъ, какъ вкругъ юницы нѣжная матерь,
Первую родшая, прежде не знавшая муки рожденій,—
Такъ вкругъ Патрокла ходилъ герой Менелай свѣтлокудрый,
Грозно предъ нимъ и копье уставляя и щитъ мѣднобляшный,
Каждаго, кто бъ ни приблизился, душу исторгнуть готовый.
Но не могъ пренебречь и Эвфорбъ, знаменитый копейщикъ,
Падшаго въ брани Патрокла героя: приблизился къ тѣлу,
Сталъ и воскликнулъ къ могучему въ битвахъ царю Менелаю:
„Зевсовъ питомецъ, Атридъ, повелитель мужей, удалися,
Тѣло оставь, отступись отъ моей ты корысти кровавой!
Прежде меня ни одинъ изъ Троянъ и союзниковъ славныхъ
Въ пламенной битвѣ копьемъ не коснулся Патроклова тѣла.
Мнѣ ты оставь межъ Троянами свѣтлою славой гордиться,
Или, страшися, лишу и тебя я сладостной жизни!“
Вспыхнувши гнѣвомъ, воскликнулъ Атридъ, Менелай свѣтлокудрый:
„Зевсомъ клянусь, не позволено такъ безпредѣльно кичиться
Столько и левъ не гордится могучій, ни тигръ несмиримый,
Ни погибельный вепрь, который и большею, дикій,
Яростью въ персяхъ свирѣпствуя, грозною силою пышитъ,
Сколько Панѳоевы дѣти, метатели копій, гордятся!
Но не спасла Гипперенора, конника, гордаго силой,
Младость его, какъ противу меня онъ съ ругательствомъ вышелъ.
Онъ вопіялъ, что презрѣннѣйшій я межъ Данаями воинъ,
Но изъ битвы, я мню, не своими ногами пошелъ онъ
Въ домѣ возрадовать кровныхъ своихъ и супругу младую.
Такъ и твою сокрушу я надменность, когда ты посмѣешь
Ближе ко мнѣ подойти! Но прими мой совѣтъ и скорѣе
Скройся въ толпу; предо мною не стой ты, пока надъ тобою
Горе еще не сбылося! Событіе зритъ и безумный!“
Такъ онъ вѣщалъ, но Эвфорбъ непреклонный отвѣтствовалъ снова:

„Нѣтъ, Менелай, расплатися теперь же со мной за убійство!
Братъ мой тобою убитъ и гордишься еще ты, что сдѣлалъ
Горькой вдовою супругу его въ новобрачномъ чертогѣ
И почтенныхъ родителей въ плачъ неутѣшный повергнулъ!
О! безъ сомнѣнія, плачущимъ я утѣшеніемъ буду,
Если, сорвавши съ тебя и главу и кровавыя латы,
Въ руки отдамъ ихъ Панѳою и матери нашей Фронтисѣ.
Но почто остается досель неиспытаннымъ подвигъ
И не рѣшенными битвой межъ нами и храбрость и робость!“
Такъ произнесъ и ударилъ противника въ щитъ мѣдноблещущій,
Но, не проникшее мѣди, согнулось копейное жало
Въ твердомъ щитѣ. И тогда устремился съ убійственной мѣдью
Царь Менелай, умоляющій пламенно Зевса владыку:
Вспять отскочившему онъ въ основаніе горла Эвфорбу
Пику вонзилъ и налегъ, на могучую руку надежный:
Быстро жестокая мѣдь пробѣжала сквозь нѣжную выю;
Грянулся оземь Эвфорбъ, и на немъ загремѣли доспѣхи;
Кровью власы оросилися, сродные дѣвамъ Харитамъ
Кудри, держимые пышно златой и серебряной связью.
Словно какъ маслина древо, которое мужъ возлелѣялъ
Въ уединеніи, гдѣ ископаетъ ручей многоводный,
Пышно кругомъ разрастается; зыблютъ ее, прохлаждая,
Всѣ тиховѣйные вѣтры, покрытую цвѣтомъ сребристымъ;
Но незапная буря, нашедшая съ вихремъ могучимъ,
Съ корнемъ изъ ямины рветъ и по черной землѣ простираетъ,—
Сына такого Панѳоева, гордаго сердцемъ Эвфорба,
Царь Менелай низложилъ и его обнажалъ отъ оружій.
Словно какъ левъ, на горахъ возросшій, могучестью гордый,
Если изъ стада пасомаго лучшую краву похититъ,
Выю онъ вмигъ ей крушитъ, захвативши въ крѣпкіе зубы;
Послѣ и кровь и горячую внутренность всю поглощаетъ,
Жадно терзая; кругомъ на ужаснаго псы и селяне,
Стоя вдали, подымаютъ крикъ безпрерывный, но выдти
Противъ него не дерзаютъ: блѣдный ихъ страхъ обымаетъ,—
Такъ изъ Троянскихъ мужей никого не отважило сердце
Противъ царя Менелая, высокаго славою, выдти.
Скоро бъ къ дружинѣ понесъ велелѣпный доспѣхъ Панѳоида
Сильный Атридъ, но ему позавидовалъ Фебъ дальноверженъ:
Онъ на Атрида подвигнулъ подобнаго богу Арею
Гектора; въ образѣ Мента, Киконскихъ мужей воеводы,
Къ Гектору Фебъ провѣщалъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Гекторъ! безплодно ты рыщешь, преслѣдуя неуловимыхъ

Коней Пелида героя: Пелидовы кони жестоки!
Ихъ укротить и управить для каждаго смертнаго мужа
Трудно, кромѣ Ахиллеса, безсмертной матери сына!
Тою порой у тебя Атрейонъ, Менелай брапоносный,
Трупъ защищая Патрокловъ, храбрѣйшаго воина свергнулъ,
Бурную мощь обуздалъ онъ Панѳоева сына Эвфорба".
Рекъ и вновь обратился безсмертный къ борьбѣ человѣковъ.
Гектору горесть жестокая мрачное сердце стѣснила;
Окрестъ себя обозрѣлъ онъ ряды и мгновенно увидѣлъ
Мужа, похитивъ спѣшащаго свѣтлый доспѣхъ, и другого,
Въ прахѣ простертаго: кровь изливалась изъ раны широкой.
Бросился Гекторъ впередъ, ополченный сверкающей мѣдью,
Звучно кричащій и быстрый, какъ бурный пламень Гефестовъ.
И не укрылся отъ сына Атреева крикъ его звучный;
Думенъ, Атридъ совѣщался съ своею душой благородной!
„Горе! когда я оставлю доспѣхъ сей прекрасный и брошу
Тѣло Патрокла, за честь мою положившаго душу,
Каждый меня Аргивянинъ осудитъ, который увидитъ!
Если жъ на Гектора и Троянъ одинокъ ополчуся,
Бѣгства стыдяся, одинъ окруженъ я множествомъ буду:
Всѣхъ Троянцевъ сюда ведетъ шлемоблещущій Гекторъ.
Но почто у меня волнуется сердце въ сихъ думахъ?
Кто, вопреки божеству, осмѣлится съ мужемъ сражаться,
Богомъ хранимымъ, бѣда надъ главой того быстрая грянетъ,
Нѣтъ, Аргивяне меня не осудятъ, когда уступлю я
Гектору сильному въ брани: отъ бога воинствуетъ Гекторъ.
Если жъ Аякса я гдѣ-либо, духомъ безстрашнаго, встрѣчу,
Съ нимъ устремимся мы вновь и помыслимъ о пламенной битвѣ,
Даже и противу бога, только бы тѣло Патрокла
Намъ возвратить Ахиллесу; изъ золъ бы то меньшее было".
Тою порою, какъ думы сіи въ умѣ обращалъ онъ,
Близко Троянъ подступили ряды и предъ ними Гекторъ.
Вспять Менелай отступилъ и оставилъ Патроклово тѣло,
Часто назадъ озираясь, подобно какъ левъ густобрадый,
Коего псы и народъ отъ загона воловъ отгоняютъ
Копьями, криками; гордаго звѣря могучее сердце
Страхомъ стѣсняется; нехотя онъ отъ загона уходитъ:
Такъ отошелъ отъ Патрокла герой Менелай свѣтлокудрый,
Сталъ и назадъ обратился, приближася къ сонму Данаевъ.
Тамъ онъ Аякса искалъ, Теламонова мощнаго сына;
Скоро увидѣлъ героя на лѣвомъ крылѣ ратоборства,
Гдѣ онъ дружины свои ободрялъ, поощряя на битву;

Свыше ниспосланнымъ ужасомъ ихъ поразилъ Дальновержецъ.
Онъ устремился къ Аяксу и такъ восклицалъ, приближаясь:
„Другъ Теламонидъ, сюда! за Патрокла сраженнаго въ битву!
Можетъ быть, сыну Пелееву мы возвратимъ хоть нагое
Тѣло его, а доспѣхи похитилъ убійственный Гекторъ".
Такъ говорилъ и воинственный духъ взволновалъ у Аякса.
Онъ устремился впередъ и при немъ Менелай свѣтловудрый.
Гекторъ межъ тѣмъ, обнаживши отъ славныхъ доспѣховъ Патрокла,
Влекъ, чтобы голову съ плечъ отрубить изощренную мѣдью;
Трупъ же его изувѣченный псамъ на съѣденіе бросить.
Вдругъ Теламонидъ, съ щитомъ передъ персями, башнѣ подобнымъ,
Грозный явился; и Гекторъ, назадъ отступивши къ дружинамъ,
Прянулъ въ свою колесницу; доспѣхи же отдалъ Троянамъ
Несть въ Иліонѣ, да хранятся ему на великую славу.
Но Теламонидъ, огромнымъ щитомъ Менетида покрывши,
Грозенъ стоялъ, какъ становится левъ предъ своими дѣтями,
Если ему, малосильныхъ ведущему, въ дикой дубравѣ
Встрѣтятся ловчіе: онъ, раздражась, очами сверкаетъ,
Хмуритъ чело до бровей, покрывая и самыя очи,—
Сынъ Теламоновъ таковъ обходилъ Менетидово тѣло.
Подлѣ его же, съ другой стороны, Менелай брановосный
Мраченъ стоялъ, величайшую горесть въ сердцѣ питая.
Главкъ между тѣмъ Гипполохидъ, Ликійскихъ мужей воевода,
Грозно взирая на Гектора, горькой язвилъ укоризной:
„Гекторъ, герой по наружности! какъ ты далекъ отъ геройства!
Суетно добрая слава идетъ о тебѣ, малодушный!
Думай о способахъ, какъ отъ враждебныхъ и градъ свой и замокъ
Можешь избавить одинъ ты съ мужами, рожденными въ Троѣ.
Что до Ликіянъ, впередъ ни одинъ не пойдетъ на Данаевъ
Биться за градъ; никакой благодарности здѣсь не находитъ,
Кто ежедневно и ревностно съ вашими бьется врагами.
Какъ же простого ты ратника въ войскѣ народномъ заступишь,
Мужъ злополучный, когда Сарпедона, и гостя и друга,
Предалъ безъ всякой защиты Ахеянамъ въ плѣнъ и добычу,
Мужа, толико услугъ оказавшаго въ жизни какъ граду,
Такъ и тебѣ? Но и псовъ отъ него отогнать не дерзнулъ ты!
Если еще хоть одинъ отъ Ликійскихъ мужей мнѣ послушенъ,
Мы возвратимся въ дома: приближается пагуба Трои.
Если бъ имѣли Трояне отважность и духъ дерзновенный,
Духъ, мужей обымающій, кои за землю родную
Противъ враговъ и труды и жестокія битвы подъемлютъ,
Скоро бы мы увлекли въ Иліонскія стѣны Патрокла.

Если жъ бы славный мертвецъ сей въ обитель владыки Пріама,
Въ градъ Иліонъ перешелъ, среди боя захваченный нами,
Скоро бъ Ахейцы намъ выдали пышный доспѣхъ Сарпедона;
Мы его самого принесли бъ въ Иліонскія стѣны:
Ибо поверженъ служитель героя, который славнѣе
Всѣхъ Аргивянъ при судахъ и клевретовъ предводитъ храбрѣйшихъ.
Ты жъ не дерзнулъ Теламонову сыну, Аяксу герою,
Противостать и, безтрепетно смотря противнику въ очи,
Прямо сразиться не смѣлъ: несравненно тебя онъ храбрѣе!"
Гнѣвно на Главка взглянувъ, отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ:
„Главкъ, и таковъ ты будучи, такъ говоришь безразсудно!
Мыслилъ, о другъ, я донынѣ, что разумомъ ты превосходишь
Всѣхъ населяющихъ землю пространной державы Ликійской,
Нынѣ жъ твой умъ совершенно порочу; и что ты вѣщаешь?
Ты вопіешь, что не смѣлъ я Аякса огромнаго встрѣтить?
Нѣтъ, ни сраженья, ни топота конскаго я не страшился!
Но Кронида совѣтъ человѣческихъ крѣпче совѣтовъ:
Онъ устрашаетъ и храбраго, онъ и отъ мужа побѣду
Вспять похищаетъ, котораго самъ же подвигнетъ ко брани.
Шествуй со мною и стой близъ меня, и разсматривай дѣло:
Цѣлый ли день я останусь, какъ ты провѣдуешь, робкимъ,
Или какого-нибудь, и кипящаго боемъ Данайца,
Мужество я укрощу при защитѣ Патроклова тѣла!"
Такъ произнесъ и, Троянъ возбуждающій, звучно воскликнулъ:
„Трои сыны, и Ликійцы, и вы, рукоборцы Дардане!
Будьте мужами, друзья, и воспомните бурную доблесть;
Я жъ Ахиллеса героя одѣнуся браннымъ доспѣхомъ,
Славнымъ, который добылъ я, Патроклову мощь одолѣвши".
Такъ восклицающій, вышелъ изъ битвы пылающей Гекторъ,
Шлемомъ сіяя; пустился бѣжать и настигнулъ клевретовъ
Скоро, еще не далекихъ, стремительно ихъ догоняя,
Несшихъ въ святой Иліонъ Ахиллесовъ доспѣхъ знаменитый.
Ставъ отъ боя вдали, Пріамидъ обмѣнялся доспѣхомъ,
Свой разрѣшилъ и отдалъ, да несутъ въ Иліонскія стѣны
Вѣрные други, а самъ облекался доспѣхомъ безсмертнымъ
Славнаго мужа Пелида, который небесные боги
Дали Пелею герою; Пелей подарилъ его сыну,
Старецъ, но сынъ подъ доспѣхомъ отца не успѣлъ состарѣться.
Зевсъ, Олимпійскій блистатель, узрѣвъ, какъ отъ битвъ удаленный
Гекторъ доспѣхомъ Пелида, подобнаго богу, облекся,

Мудрой главой покивалъ и въ душѣ своей проглаголалъ:
„Ахъ, злополучный, душа у тебя и не чувствуетъ смерти,
Близкой къ тебѣ: облекаешься ты безсмертнымъ доспѣхомъ
Сильнаго мужа, котораго всѣ браненосцы трепещутъ!
Ты умертвилъ у него краткодушнаго, храбраго друга
И доспѣхи героя съ главы и съ раменъ недостойно
Сорвалъ! Но дамъ я тебѣ одолѣніе крѣпкое въ брани
Мздою того, что изъ рукъ отъ тебя, возвратившагось съ боя,
Славныхъ оружій Пелида твоя Андромаха не приметъ!“
Рекъ и маніемъ черныхъ бровей утвердилъ то Кроніонъ.
Гектора тѣло доспѣхъ обольнулъ, и вступилъ ему въ сердце
Бурный, воинственный духъ; преисполнились всѣ его члены
Силой и крѣпостью. Онъ къ знаменитымъ друзьямъ Иліона
Шествовалъ съ крикомъ могучимъ и взорамъ всѣхъ представлялся,
Въ блескѣ доспѣховъ безсмертныхъ, самимъ Ахиллесомъ великимъ.
Такъ обходящій ряды, ободрялъ воеводъ онъ рѣчами:
Месѳла, Ѳерсилоха, Медона, вѣтвь Гипполохову Главка,
Гиппоѳоя, Дезинора, Астеропея героя,
Хромія, Форка и славнаго въ птицегаданьи Энома;
Сихъ возбуждалъ онъ вождей, устремляя крылатыя рѣчи:
„Слушайте, сонмы несмѣтные нашихъ друзей и сосѣдей!
Я не искалъ многолюдства, и нужду не въ ономъ имѣя,
Васъ изъ далекихъ градовъ собиралъ я въ священную Трою.
Нѣтъ, но чтобъ вы и супругъ и дѣтей неповинныхъ Троянскихъ
Ревностно мнѣ защищали отъ бранолюбивыхъ Данаевъ.
Съ мыслію сею и данями я и припасами корма
Свой истощаю народъ, чтобы мужество ваше возвысить.
Станьте жъ въ лицо супротивныхъ, и каждый изъ васъ или гибни,
Или спасай свой животъ! таково состояніе ратныхъ!
Кто между вами Патрокла, хотя и убитаго, нынѣ
Къ сонму Троянъ привлечетъ, и предъ кѣмъ Теламонидъ отступитъ,
Тотъ половину корыстей возьметъ, половина другая
Будетъ моею, но славою онъ, какъ и я, да гордится“.
Гекторъ сказалъ,—и они на Данаевъ обрушились прямо,
Копья поднявши; надеждою гордой ласкалось ихъ сердце
Тѣло Патрокла отбить у Аякса, твердыни Данаевъ.
Мужи безумные! многимъ при тѣлѣ истерзнулъ онъ душу.
Ихъ усмотрѣвши, Аяксъ возгласилъ къ Менелаю герою:
„Другъ Менелай, питомецъ Зевеса! едва мы, какъ мыслю,
Сами успѣемъ съ тобой возвратиться живые изъ битвы!
Я безпокоюсь не столько о тѣлѣ Менетія сына:
Скоро несчастный насититъ и псовъ и пернатыхъ Троянскихъ,—

Сколько страшусь о главѣ и своей и твоей, чтобы горе
Ихъ не постигнуло; тучею брани здѣсь все покрываетъ
Гекторъ, и намъ, очевидно, грозитъ неизбѣжная гибель!
Кличь, о любезный, Данайскихъ героевъ; быть можетъ, услышатъ".
Такъ говорилъ, и послушалъ его Менелай свѣтловласый,
Голосомъ громкимъ вскричалъ, призывая на помощь Данаевъ:
„Други, вожди и правители мудрые храбрыхъ Данаевъ,
Вы, которые въ пиршествахъ съ нами, сынами Атрея,
Вмѣстѣ народное пьете и каждый народомъ подвластнымъ
Правите, власть бо и славу пріемлете свыше отъ Зевса,—
Каждаго нынѣ изъ васъ распознать предводителя воинствъ
Мнѣ невозможно: сраженія пламень кругомъ насъ пылаетъ,—
Сами спѣшите сюда и, наполняся гордаго гнѣва,
Быть Патроклу не дайте игралищемъ псовъ Иліонскихъ!"
Такъ восклицалъ онъ,—и ясно услышалъ Аяксъ Оилеевъ,
Первый предсталъ къ Менелаю, побоищемъ быстро пробѣгшій;
Слѣдомъ за нимъ Девкалидъ и сопутникъ царя Девкалида,
Мужъ Меріонъ, Эніалію равный, губителю смертныхъ.
Прочихъ мужей имена кто могъ бы на память повѣдать,
Послѣ пришедшихъ и быстро возставившихъ битву Данаевъ?
Прежде Трояне напали громадой; предшествовалъ Гекторъ.
Словно какъ въ устьяхъ рѣки, отъ великаго Зевса ниспадшей,
Валъ, при истокѣ, огромный шумитъ, и высокіе окрестъ
Воютъ брега отъ валовъ, изрыгаемыхъ моремъ на сушу,—
Столько былъ шуменъ подъятый Троянами кликъ; но Данаи
Вкругъ Менетида стояли, единымъ кипящіе духомъ,
Крѣпко сомкнувшись щитами ихъ мѣдными. Свыше надъ ними,
Окрестъ ихъ шлемовъ сіяющихъ, страшный разлилъ Громодержецъ
Мракъ; никогда Менетидъ ненавистенъ Владыкѣ безсмертныхъ
Не былъ, доколѣ дышалъ и служилъ Эакиду герою;
Не было богу угодно, чтобъ снѣдію псовъ Иліонскихъ
Сталъ Менетидъ,—и воздвигъ онъ друзей на защиту героя.
Первые сбили Трояне Ахейскихъ сыновъ быстроокихъ.
Тѣло оставя, побѣгли они, но ни воя межъ ними
Трои сыны не сразили, надменные, какъ ни пылали,
Тѣло жъ они увлекли; но вдали отъ него и Данаи
Были не долго: ихъ всѣхъ обратилъ съ быстротою чудесной
Сынъ Теламона, и видомъ своимъ, и своими дѣлами
Всѣхъ Аргивянъ превышающій, послѣ Пелида героя.
Ринулся онъ сквозь переднихъ, могуществомъ вепрю подобный,
Горному вепрю, который и псовъ и младыхъ звѣроловцевъ,
Всѣхъ, обращаяся быстро, легко разсыпаетъ по дебрямъ,—

Такъ Теламона почтеннаго сынъ, Аяксъ благородный,
Бросясь, разсыпалъ легко супротивныхъ густыя фаланги,
Кои уже окружили Патрокла и сердцемъ пылали
Въ стѣны градскія увлечь и великою славой покрыться.
Тѣло ужъ Гиппоѳоой, Пелазгійскаго Лѳа рожденье,
За ногу торопко влекъ по кровавому поприщу боя,
Около глезны, у жилъ, обвязавши ремнемъ перевѣснымъ;
Гектору симъ и Троянамъ хотѣлъ угодить онъ, но быстро
Гибель пришла, и не спасъ ни одинъ изъ друзей пламенѣвшихъ.
Грозный Аяксъ на него, сквозь разорванныхъ толпищъ обрушась,
Пикою врукопашь грянулъ по мѣдноланитному шлему;
И разсѣялся шеломъ густогривый подъ мѣднымъ жаломъ,
Бывъ пораженъ и огромнымъ копьемъ, и рукою могучей.
Мозгъ по Аякса копью побѣжалъ изъ главы раздробленной,
Смѣшанный съ кровью; исчезла могучесть; изъ трепетныхъ дланей
Ногу Патрокла героя на землю пустилъ, и на мѣстѣ
Самъ онъ, лицомъ повалившися, палъ подлѣ мертваго мертвый,
Палъ далеко отъ Лариссы родной; ни родителямъ бѣднымъ
Онъ не воздалъ за труды воспитанія; вѣкъ его кратокъ
Былъ на землѣ, Теламонова сына копьемъ просѣченный.
Гекторъ межъ тѣмъ на Аякса направилъ сіяющій дротикъ.
Тотъ, хоть и въ пору завидѣлъ, отъ быстронесущейся мѣди
Чуть уклонился, но Гекторъ Схедія, Ифитова сына,
Храбраго мужа Фокеянъ, который въ славномъ Панопѣ
Домомъ богатымъ владѣлъ и властвовалъ многимъ народомъ,—
Мужа сего поразилъ подъ ключомъ: совершенно сквозь выю
Бурное жало копья и сквозь раму вверху пробѣжало;
Съ шумомъ упалъ онъ на долъ, и взгремѣли на немъ доспѣхи.
Мощный Аяксъ браннодушнаго Форка, Фенопсова сына,
Трупъ защищавшаго Гиппоѳооя, ударилъ въ утробу:
Лату брони просадила и внутренность мѣдь сквозь утробу
Вылила; въ прахъ повалившись, хватаетъ рукою онъ землю.
Вспять отступили переднихъ ряды и сіяющій Гекторъ.
Крикнули громко Данаи и Гиппоѳоя и Форка
Разомъ тѣла увлекли и съ раменъ ихъ сорвали доспѣхи.
Скоро опять бы Трояне отъ браполюбивыхъ Данаевъ
Скрылися въ градъ, побѣжденные собственной слабостью духа,
Славу жъ стяжали бъ Данаи, противу судебъ Громодержца,
Силой своею и доблестью; но Аполлонъ на Данаевъ,
Гнѣвный, Энея воздвигнулъ, образъ пріявъ Перифаса,
Сына Эпитова: онъ, при отцѣ престарѣломъ Энея
Вѣстникомъ бывъ, состарѣлся, успѣшенный кроткихъ совѣтовъ:

Образъ пріявши его, Аполлонъ провѣщалъ ко Энею:
„Какъ же могли бъ вы, Эней, защитить, вопреки и безсмертным,
Градъ Иліонъ, какъ я нѣкогда видѣлъ другихъ человѣковъ,
Крѣпко надежныхъ на силу, на твердость сердецъ и на храбрость,
Съ меньшей дружиной своею, превышею всякаго страха?
Намъ же и самъ Кронидъ благосклоннѣе, чѣмъ Аргивянамъ,
Хощетъ побѣды, но вы лишь трепещете, стоя безъ битвы!“
Такъ провѣщалъ,—и Эней передъ собою позналъ Аполлона,
Въ очи воззрѣвшій, и крикнулъ онъ Гектору голосомъ звучнымъ:
„Гекторъ, и вы, воеводы Троянъ и союзныхъ народовъ!
Стыдъ намъ, когда мы вторично отъ бранолюбивыхъ Данаевъ
Скроемся въ градъ, побѣжденные собственной слабостью духа!
Нѣтъ, божество говоритъ:—предо мною оно предстояло.—
Зевсъ, промыслитель верховный, намъ благосклонствуетъ въ брани!
Прямо пойдемъ на Данаевъ! Пускай супостаты спокойно
Къ чернымъ своимъ кораблямъ не приближатся съ тѣломъ Патрокла!“
Рекъ и, изъ ряду передняго вылетѣвъ, сталъ передъ войскомъ.
Трои сыны обратились и стали въ лицо Аргивянамъ.
Тутъ благородный Эней, ополченный копьемъ, Леокрита,
Сына Аризбанта, свергъ, Ликомедова храбраго друга.
Въ жалость о падшемъ пришелъ Ликомедъ, благодушный воитель,
Къ тѣлу приближился, сталъ и, сіяющій ринувши дротикъ,
Онъ Анизаона, сына Гиппасова, силъ воеводу,
Въ печень подъ сердцемъ пронзилъ и сломилъ ему крѣпкія ноги,
Мужу, который притекъ отъ цвѣтущихъ полей Пеонійскихъ
И на битвахъ блисталъ, какъ храбрѣйшій по Астеропеѣ.
Въ жалость пришелъ о поверженномъ Астеропеѣ браннодушный,
Прямо и онъ на Данаевъ ударилъ, пылая сразиться:
Тщетная доблесть! Кругомъ, какъ стѣной, ограждались щитами
Окрестъ Патрокла стоящіе, острыя копья уставивъ.
Ихъ непрестанно Аяксъ обходилъ, убѣждающій сильно:
Шагу назадъ отступать не приказывалъ сынъ Теламоновъ;
Съ мѣста впередъ не идти, чтобъ вдали отъ дружины сражаться;
Крѣпко у тѣла стоять и при немъ съ нападающимъ биться.
Такъ убѣждалъ ихъ великій Аяксъ. Между тѣмъ заливалась
Кровью багряной земля, упадали одни на другіе
Трупы какъ храбрыхъ Троянъ и союзниковъ ихъ знаменитыхъ,
Такъ и Данайскихъ мужей; и они не безъ крови сражались;
Меньше лишь гибнуло ихъ: помышляли они безпрестанно,
Какъ имъ другъ друга въ толпѣ защищать отъ опасности грозной.

Битва пылала, какъ огнь пожирающій; каждый сказалъ бы, —
Вѣрно, на тверди небесной не цѣло ни солнце, ни мѣсяцъ:
Мракомъ такимъ на побоищѣ были покрыты герои,
Кои кругомъ Менетида, его защищая, стояли,
Прочія жъ рати Троянъ и красивопоножныхъ Данаевъ
Вольно сражались, подъ воздухомъ яснымъ; вездѣ разливался
Пламенный солнечный свѣтъ; надъ равниною всей, надъ горами
Не было облака; съ отдыхомъ чистымъ сражалися войски;
Стороны обѣ свободно отъ стрѣлъ уклонилися горькихъ,
Ратуясь издали. Здѣсь же, въ срединѣ, во мракѣ и сѣчѣ
Горе терпѣли; нещадно жестокая мѣдь поражала
Воевъ храбрѣйшихъ. Но къ двумъ браноносцамъ еще не достигла,
Къ славнымъ мужамъ, Θразимеду и брату его Антилоху,
Вѣсть, что не стало Патрокла; еще они мнили, что храбрый
Живъ и предъ первой фалангою ратуетъ гордыхъ Пергамлянъ.
Оба они, отъ друзей отвращая убійство и бѣгство,
Въ полѣ отдѣльно сражалися; такъ заповѣдывалъ Несторъ,
Въ бой могучихъ сыновъ отъ Ахейскихъ судовъ посылая.
Тѣ жъ съ одинаковымъ неистовствомъ спорили въ страшномъ убійствѣ
Цѣлый сей день; отъ труда непрерывнаго потомъ и прахомъ
Были колѣна и ноги и голени каждаго воя,
Были и руки и очи покрыты на битвѣ, пылавшей
Вкругъ знаменитаго друга Пелеева быстраго сына.
Словно когда человѣкъ вола огромнаго кожу
Юношамъ сильнымъ даетъ растянуть, напоенную тукомъ;
Тѣ, захвативши ее и кругомъ разступившися, тянутъ
Въ разныя стороны; влага выходитъ, а тукъ исчезаетъ,
И отъ многихъ влекущихъ кругомъ расширяется кожа,
Такъ и сюда и туда Менетида, на узкомъ пространствѣ,
Тѣ и другіе влекли: несомнѣнной надеждой пылали
Трои сыны къ Иліону увлечь, а Данайскіе мужи
Къ быстрымъ судамъ; и кругомъ его тѣла кипѣлъ ратоборный
Бурный мятежъ; ни Арей, возжигатель мужей, ни Аѳина,
Видя его, не хулу бъ изрекли, и горящіе гнѣвомъ.
Подвигъ такой за Патрокла, и воямъ и конямъ жестокій,
Въ день сей устроилъ Зевесъ. Но дотолѣ о смерти Патрокла
Боевъ не вѣдалъ герой Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный.
Рати далеко уже отъ Ахейскихъ судовъ воевали,
Близко Троянской стѣны; не имѣлъ онъ и думъ, что сподвижникъ
Палъ; уповалъ онъ, что живъ и, приближась къ вратамъ Иліона,
Вспять возвратится; онъ вѣдалъ и то, что Пріамова града,

Трои, Патроклъ безъ него не разрушитъ, ни съ нимъ совокупно:
Часто о томъ онъ слышалъ отъ матери. Въ тайныхъ бесѣдахъ
Сыну она возвѣщала совѣтъ великаго Зевса;
Но бѣды жесточайшей, грозившей ему, не открыла
Нѣжная матерь: погибели друга, дражайшаго сердцу.
Тѣ жъ неотступно у тѣла, уставивши острыя копья,
Безпрерывно сшибались, одинъ поражая другого.
Такъ восклицали иные отъ мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ:
„Други Данаи! безсдавно для насъ возвратиться отсюда
Къ нашему стану! На этомъ пусть мѣстѣ утроба земная,
Мрачная, всѣхъ насъ поглотитъ! И то намъ отраднѣе будетъ,
Нежели тѣло сіе попустить конеборцамъ Троянамъ
Съ поля увлечь въ Иліонъ и сіяющей славой покрыться!“
Такъ же иной говорилъ и въ дружинѣ Троянъ крѣпкодушныхъ:
„Други, хотя бы намъ должно у трупа сего и погибнуть
Всѣмъ до послѣдняго, съ поля сего не сойдетъ ни единый!“
Такъ восклицали Трояне и духъ у друзей распаляли.
Яростно бились воины; громъ, раздаваясь, жедѣзный
Къ мѣдному небу всходилъ по пустыннымъ пространствамъ эѳира.
Кони Пелеева сына, вдали отъ пылающей битвы,
Плакали стоя, съ тѣхъ поръ какъ почуяли, что ихъ правитель
Палъ низложенный во прахъ, подъ убійственной Гектора дланью.
Сынъ Діореевъ на нихъ, Автомедонъ, возатай искусный,
Сильно и съ быстрымъ бичемъ налегалъ, понуждающій къ бѣгу,
Много и ласкъ приговаривалъ, много и окриковъ дѣлалъ;
Но, ни назадъ, къ Геллеспонту широкому, въ станъ Мирмидонскій,
Кони бѣжать не хотѣли, ни въ битву къ дружинамъ Ахейскимъ.
Словно какъ столбъ неподвиженъ, который стоитъ на кургашѣ,
Мужа усопшаго памятникъ или жены именитой,
Такъ неподвижны они въ колесницѣ прекрасной стояли,
Долу понуривши головы; слезы у нихъ, у пенальныхъ,
Слезы горючія съ вѣждей на черную капали землю,
Съ грусти по храбромъ правителѣ; въ стороны пышныя гривы,
Выпавъ изъ круга ярма, у копытъ осквернялися прахомъ.
Коней печальныхъ узрѣвъ, милосердовалъ Зевсъ промыслитель
И, главой покивавъ, въ глубинѣ проглаголалъ душевной:
„Ахъ, злополучные, васъ мы почто даровали Пелею,
Смертному сыну земли, не старѣющихъ васъ и безсмертныхъ?
Развѣ, чтобъ вы съ человѣками бѣдными скорби познали?
Ибо изъ тварей, которыя дышатъ и ползаютъ въ прахѣ,
Истинно въ цѣлой вселенной несчастнѣе нѣтъ человѣка.
Но не печальтеся вами отчодь въ колесницѣ блестящей

Гекторъ не будетъ везомъ торжествующій: не попущу я!
Иль недовольно, что онъ Ахиллеса доспѣхомъ гордится?
Вамъ же я новую крѣпость вложу и въ колѣна и въ сердце;
Вы Автомедона здравымъ изъ пламенной брани спасите
Къ чернымъ судамъ, а Троянамъ еще я славу дарую
Рать побивать, доколѣ судовъ мореходныхъ достигнутъ
И закатится солнце, и мраки священные снидутъ".
Такъ произнесъ онъ и конямъ вдохнулъ благородную силу.
Кони, отъ гривъ пресмыкавшихся прахъ отрянувши на землю,
Вдругъ съ колесницею быстрой межъ двухъ ополченій влетѣли.
Ими напалъ Автомедонъ, хотя и печальный по другѣ;
Онъ на коняхъ налеталъ, какъ на стаю гусиную коршунъ:
Быстро и вспять убѣгалъ отъ свирѣпости толпищъ Троянскихъ,
Быстро скакалъ и впередъ, обращающій толпища въ бѣгство.
Но, въ погоню бросаяся, онъ не сражалъ супротивныхъ:
Не было средства ему, одному въ колесницѣ священной,
Вдругъ и копье устремлять, и коней укрощать быстролетныхъ.
Скоро увидѣлъ его Мирмидонянинъ, сердцу любезный,
Искренній другъ Алкимедонъ, Лаеркея сынъ Эмонида;
Сзади приблизился онъ и вѣщалъ къ Автомедону громко:
„Другъ Автомедонъ, какой изъ безсмертныхъ совѣтъ безполезный
Въ сердце тебѣ положилъ и сужденіе здравое отнялъ?
Что ты противу Троянъ, впереди, одинокій воюешь?
Другъ у тебя умерщвленъ, а доспѣхомъ, съ него совлеченнымъ,
Перси покрывъ, величается Гекторъ, доспѣхомъ Пелида!"
Быстро ему съ колесницы вѣщалъ Діоридъ Автомедонъ:
„Кто, Алкимедонъ могучій, какъ ты, изъ Ахеянъ искусенъ
Коней безсмертныхъ держать въ рукахъ и покорность и ярость?
Былъ Менетидъ, искусствомъ ристателя, въ дни своей жизни,
Равный богамъ; но великаго смерть и судьба одолѣла!
Шествуй, любезный, и бичъ и блестящія конскія вожжи
Въ руки прими ты; а я съ колесницы сойду, чтобъ сражаться".
Такъ произнесъ; Алкимедонъ на бранную сталъ колесницу,
Разомъ и бичъ и бразды захватилъ въ могучія руки;
Но Діоридъ соскочилъ; и узрѣлъ ихъ сіяющій Гекторъ,
И къ Энею герою, стоящему близко, воскликнулъ:
„Храбрый Эней, мѣднолатныхъ Дарданцевъ совѣтникъ верховный!
Я примѣчаю коней быстроногаго мужа Пелида,
Въ битвѣ явившихся вновь, но съ возницами, робкими духомъ,
Я уповаю добыть ихъ, когда и твое совокупно
Сердце готово; увѣрень, когда нападемъ мы съ тобою,
Противостать не посмѣютъ они, чтобы съ нами сразиться".

Рекъ,—и послушался Гектора сынъ знаменитый Анхизовъ:
Бросились прямо, уставивъ предъ персями тельчія кожи,
Крѣпкія кожи сухія, покрытыя множествомъ мѣди.
Съ ними и Хромій герой, и Аретъ, красотой небожитель,
Бросились оба; надеждою вѣрной ласкалось ихъ сердце
И возницъ поразить, и угнать ихъ коней крутовыйныхъ.
Мужи безумцы! они не безъ крови должны возвратиться
Вспять отъ возницъ. Автомедонъ едва помолился Кронидy,
Силою въ немъ и отвагой наполнилось мрачное сердце.
Быстро воззвалъ Діоридъ къ Алкимедону, вѣрному другу:
„Другъ Алкимедонъ! держись отъ меня недалече съ конями;
Пусть за хребтомъ я слышу ихъ пышащихъ, ибо увѣренъ,
Гекторъ, на насъ устремленный, едва ль обуздаетъ свирѣпство
Прежде, пока не взойдетъ на коней Ахиллесовыхъ бурныхъ,
Насъ обоихъ умертвивъ, и покуда рядовъ не погонитъ
Воинствъ Ахейскихъ, иль самъ предъ рядами не ляжетъ сраженный!“
Такъ произнесши, къ Аяксамъ воззвалъ и къ царю Менелаю:
„Царь Менелай и Аргивскихъ мужей воеводы Аяксы!
Храбрымъ другимъ Аргивянамъ повѣрьте заботу о мертвомъ;
Пусть окружаютъ его и враждебныхъ ряды отражаютъ;
Вы же отъ насъ, отъ живыхъ, отразите грозящую гибель!
Здѣсь нападаютъ на насъ, окруженныхъ плачевнымъ убійствомъ,
Гекторъ герой и Эней, храбрѣйшіе воины Трои!
Впрочемъ, еще то лежитъ у безсмертныхъ боговъ на колѣнахъ:
Мчись и мое копіе, а Кроніонъ рѣшитъ остальное!“
Рекъ онъ и, мощно сотрясши, повергъ длиннотѣнную пику
И ударилъ Арета въ блистательный щитъ круговидный.
Щитъ копія не сдержалъ: сквозь него совершенно проникло
И сквозь запонъ блистательный въ нижнее чрево погрузло.
Такъ, если юноша сильный съ размаху сѣкирою острой
Въ голову, между рогами, степного тельца поразивши,
Жилу совсѣмъ разсѣчетъ, подскочивши, телецъ упадаетъ,—
Такъ подскочилъ онъ и навзничь упалъ; изощренная—сильно
Мѣдь у Ареда въ утробѣ сотрясшись, разрушила крѣпость.
Гекторъ пустилъ въ Автомедона пикой своею блестящей,
Тотъ же, примѣтивъ ее, избѣжалъ угрожающей мѣди,
Быстро впередъ наклонясь; за хребтомъ длиннотѣнная пика
Въ черную землю вонзилась и верхнимъ концомъ трепетала
Долго, пока не смирилася ярость убійственной мѣди.
И они бъ на мечахъ рукопашно сразиться сошлися;
Но Аяксы могучіе пламенныхъ ихъ разлучили,

Оба пришедши сквозь сѣчу на дружескій голосъ призывный.
Ихъ устрашася могучихъ, стремительно вспять отступили
Гекторъ герой, и Эней Анхизидъ, и божественный Хромій;
Друга Арета оставили тамъ, прободеннаго въ сердце,
Въ прахѣ лежащаго; сынъ Діореевъ, Арею подобный,
Съ тѣла оружія сорвалъ и такъ, торжествуя, воскликнулъ:
„Ахъ, наконецъ хоть нѣсколько я о Патрокловой смерти
Горесть отъ сердца отвелъ, хотя и слабѣйшаго свергнувъ!“
Рекъ и, поднявъ, въ колесницу корысти кровавыя бросилъ;
Быстро поднялся и самъ, по рукамъ и ногамъ отовсюду
Кровью облитый, какъ левъ истребительный, тура пожравшій.
Окрестъ Патрокла съ свирѣпостью новой брань загоралась,
Тяжкая, многимъ плачевная; бой распаляла Аѳина,
Съ неба ниспедши: ее ниспослалъ промыслитель Кроніонъ
Духъ Аргивянъ возбудить: обратилося къ нимъ его сердце.
Словно багряную радугу Зевсъ простираетъ по небу,
Смертнымъ являющій знаменье или погибельной брани,
Или годины холодной, которая пахарей нудитъ
Въ полѣ труды прерывать, на стада же уныlость наводитъ,—
Дочь такова Громодержца, въ багряный одѣтая облакъ,
Къ сонму Данаевъ сошла и у каждаго духъ распаляла.
Къ первому сыну Атрея богиня, помощная въ бранях,
Бывшему ближе другихъ, Менелаю герою воззвала,
Феникса старца пріявшая образъ и голосъ могучій:
„Стыдъ и позоръ, Менелай, на тебя упадетъ вѣковѣчный,
Если Пелида великаго вѣрнаго друга, Патрокла,
Здѣсь, подъ стѣною Троянскою, быстрые псы растерзаютъ!
Дѣйствуй рѣшительно, всѣ возбуди ополченья Данаевъ!“
Быстро отвѣтствовалъ ей Менелай, знаменитый воитель:
Фениксъ, отецъ, давнородшійся старецъ! да дастъ Тритогена
Крѣпость десницѣ моей и спасетъ отъ убійственныхъ копій!
Въ сѣчу готовъ я летѣть, готовъ отстаивать тѣло
Друга Патрокла: глубоко мнѣ смерть его тронула душу!
Но свирѣпствуетъ Гекторъ, какъ бурный огонь, непрестанно
Все истребляетъ кругомъ: Громовержецъ его прославляетъ!“
Рекъ,—и наполнилась радостью дочь свѣтлоокая Зевса,
Ибо ее отъ безсмертныхъ молящійся первую призвалъ.
Крѣпость ему въ рамена и въ колѣна богиня послала,
Сердце ж наполнила смѣлостью мухи, которая, мужемъ
Сколько бы кратъ ни была, дерзновенная, согнана съ тѣла,
Мечется вновь уязвить, человѣческой жадная крови,—
Смѣлость такая Атриду наполнила мрачное сердце.

Бросился онъ къ Менетиду и ринулъ блестящую пику.
Былъ межъ Троянами воинъ Подесъ, Гетіонова отрасль,
Мужъ и богатый и славный, отлично межъ гражданъ Троянскихъ
Гекторомъ чтимый, какъ другъ, и въ пирахъ собесѣдникъ любезный.
Мужа сего, обратившагося въ бѣгство, Атридъ свѣтловласый
Въ запонъ копьемъ поразилъ, и насквозь его мѣдь просадила;
Съ шумомъ онъ грянулся въ прахъ, и Атридъ Менелай дерзновенно
Мертваго къ сонму друзей отъ Троянъ повлекъ одинокій.
Гектора тою порой возбуждалъ Стрѣловержецъ, явясь,
Фенопса образъ пріявши, который Пріамову сыну
Другомъ любезнѣйшимъ былъ, Абидоса приморскаго житель;
Образъ пріявши его, провѣщалъ Аполлонъ стрѣловержецъ:
„Кто жъ еще болѣе, Гекторъ, тебя устрашитъ изъ Данаевъ,
Ежели ты Менелая трепещешь? Былъ онъ допынѣ
Воинъ въ сраженіяхъ слабый, а нынѣ одинъ отъ Пергамійянъ
Тѣло влечетъ! У тебя умертвилъ онъ любезнаго друга,
Храбраго, въ первомъ ряду, Гетіонова сына Подеса!“
Рекъ,—и покрыло Гектора облако мрачное скорби;
Онъ устремился впередъ, потрясая сверкающей мѣдью.
Въ оное время Кроніонъ пріялъ свой эгидъ бахромистый,
Пламеннозарный и, тучами черными Иду покрывши,
Страшно блеснулъ, возгремѣлъ и потрясъ Громовержецъ эгидомъ,
Вновь посылая побѣду Троянамъ и бѣгство Данаямъ.
Бѣгство ужасное началъ вождь Пенелей Беотіецъ.
Опъ, безпрестанно впередъ устремляяся, въ рамо былъ раненъ
Сверху скользнувшимъ копьемъ; но разсѣкло тѣло до кости
Полидамаса оружіе: онъ его врукопашь ранилъ.
Гекторъ ударомъ копья Алектріона сыну, Леиту,
Руку близъ кисти пронзилъ и унялъ его рьяную храбрость;
Онъ побѣжалъ, озираяся, болѣе въ сердцѣ не чаялъ
Острою пикой владѣть и сражаться съ народомъ Троянскимъ.
Гектора жъ Идоменей, на Леита летѣвшаго, прямо
Въ грудь, у сосца, по блестящему панцырю пикой ударилъ:
Пика сломилась у трубки огромная; крикнула громко
Сила Троянская. Гекторъ направилъ копье въ Девкалида
(Онъ въ колесницѣ стоялъ) и немного въ него не умѣтилъ:
Керана онъ поразилъ, Меріонова друга-возницу,
Мужа, который за нимъ изъ цвѣтущаго слѣдовалъ Ликта
(Пѣшимъ сперва Девкалидъ отъ судовъ мореходныхъ явился
Въ битву и вѣрно бъ Троянамъ великую славу доставилъ,
Если бы Керанъ скорѣе коней не пригналъ быстроногихъ.

Свѣтомъ царю онъ явился, годину отвелъ роковую,
Самъ же—духъ свой предалъ подъ убійственной Гектора дланью).
Гекторъ его копіемъ улучаетъ подъ челюсть, и зубы
Вышибла острая мѣдь и языкъ по срединѣ разсѣкла;
Онъ съ колесницы падетъ и бразды разливаетъ по праху.
Ихъ Меріонъ, наклоняся поспѣшно, своими руками
Съ праха земного подъялъ и воскликнулъ къ царю Девкалиду:
„Быстро гони, Девкаліонъ, пока до судовъ не домчишься!
Нынѣ ты видишь и самъ, что побѣда уже не Ахеянъ!“
Рекъ,—и бичомъ Девкаліонъ хлестнулъ по конямъ лѣпогривымъ,
Правя къ судамъ; боязнь Девкаліону пала на сердце.
Въ оное жъ время постигъ и Аяксъ, и Атридъ свѣтловласый
Волю Кронида, что Трои сынамъ даровалъ онъ побѣду.
Слово предъ воинствомъ началъ Аяксъ Теламонидъ великій:
„Горе, о други! теперь ужъ и тотъ, кто совсѣмъ малосмысленъ,
Ясно постигнетъ, что славу Кроніонъ Троянамъ даруетъ!
Стрѣлы Троянскія, кто бъ ни послалъ ихъ, и слабый и сильный,
Всѣ поражаютъ: Кронидъ безъ различія всѣ направляетъ;
Стрѣлы же наши у всѣхъ безполезно валятся на землю!
Но рѣшимся, Данаи, и сами помыслимъ о средствѣ,
Какъ Менетидово тѣло увлечь отъ враждебныхъ и вмѣстѣ
Какъ, и самимъ возвратяся, друзей намъ возрадовать милыхъ,
Кои, взирая на насъ, сокрушаются; болѣе, мыслятъ,
Гектора мужеубійцы ни силы, ни рукъ необорныхъ
Мы не снесемъ, но въ суда мореходныя бросимся къ бѣгству.
О, если бъ встрѣтился другъ, къ объявленію вѣсти способный
Сыну Пелееву; онъ, какъ я думаю, вовсе не слышалъ
Вѣсти жестокой, не знаетъ, что другъ его милый погибнулъ.
Но—никого я такого не вижу въ дружинѣ Ахейской!
Мракомъ покрыты глубокимъ и ратные мужи, и кони!
Зевсъ всемогущій, избавь отъ ужасняго мрака Данаевъ!
Дню возврати его ясность, дай намъ видѣть очами
И при свѣтѣ губи насъ, когда погубить ты желаешь!“
Такъ говорилъ,—и слезами героя Отецъ умилился:
Быстро и облакъ отвелъ, и мракъ ненавистный разсѣялъ;
Солнце съ небесъ засіяло, и битва кругомъ освѣтилась.
И Аяксъ Теламонидъ воззвалъ къ Менелаю Атриду:
„Нынѣ смотри, Менелай благородный, и если живого
Можешь обрѣсть Антилоха, почтеннаго Нестора сына,
Самъ убѣди, да скорѣе идетъ Ахиллесу герою
Вѣсть объявить, что любезнѣйшій другъ его въ брани погибнулъ“.
Такъ говорилъ,—и послушалъ его Менелай свѣтловласый;

Но уходилъ отъ побоища, словно какъ левъ отъ загона,
Гдѣ наконецъ истомился, и псовъ и мужей раздражая.
Звѣрю они не дающіе тука отъ стадъ похитить.
Цѣлую ночь стерегутъ, а онъ, алкающій мяса,
Мечется прямо, но тщетно ярится: изъ рукъ дерзновенныхъ
Съ шумомъ летятъ, устремленному въ срѣтенье, частыя копья,
Главни горящія; ихъ устрашается онъ, и свирѣпый,
И со свѣтомъ зари удаляется, сердцемъ печаленъ,—
Такъ отъ Патрокла герой отошелъ, Менелай свѣтловласый,
Съ сильнымъ въ душѣ нехотѣніемъ: онъ трепеталъ, да Ахейцы,
Въ пагубномъ страхѣ, Патрокла врагамъ не оставятъ въ добычу;
Вильно еще убѣждалъ Меріона и храбрыхъ Аяксовъ:
„Други Аяксы, и ты, Меріонъ, Аргивянъ воеводы!
Вспомните кротость душевную бѣднаго друга Патрокла,
Вспомните всѣ вы; доколѣ дышалъ, привѣтенъ со всѣми
Быть онъ умѣлъ, но теперь онъ постигнутъ судьбою и смертью!“
Такъ говорящій друзьямъ, уходилъ Менелай свѣтловласый,
Смотря кругомъ, какъ орелъ быстропарный, который, вѣщаютъ,
Видитъ очами острѣе всѣхъ поднебесныхъ пернатыхъ:
Какъ ни высоко паритъ, отъ него не скрывается заяцъ
Легкій, подъ темнымъ кустомъ притаившійся; онъ на добычу
Падаетъ, быстро уноситъ и слабую жизнь исторгаетъ,—
Такъ у тебя, Менелай благородный, свѣтлыя очи
Быстро вращались кругомъ по великому сонму Ахеянъ,
Жадныя встрѣтить живого еще Антилоха младого.
Скоро его онъ увидѣлъ на лѣвомъ краю ратоборства,
Гдѣ ободрялъ онъ друзей, возбуждая на крѣпкую битву.
Близко къ нему подходя, возгласилъ Менелай свѣтловласый:
„Шествуй сюда, Антилохъ, услышишь ты, Зевсовъ питомецъ,
Горькую вѣсть, какой никогда не должно бы свершаться!
Ты, я увѣренъ, и собственнымъ взоромъ уже наблюдая,
Видишь, какое бѣдствіе богъ на Данаевъ обрушилъ!
Видишь, побѣда Троянъ! Пораженъ Аргивянинъ храбрѣйшій:
Палъ нашъ Патроклъ! Безпредѣльная горесть Данаевъ постигла!
Другъ, къ кораблямъ Ѳессалійскимъ не медля бѣги Ахиллесу
Вѣсть объявить; не успѣетъ ли онъ спасти хоть нагое
Тѣло Патрокла: доспѣхи совлекъ торжествующій Гекторъ!“
Такъ говорилъ,—Антилохъ ужаснулся, услышавши рѣчи;
Долго стоялъ онъ отъ ужаса нѣмъ; но у юноши очи
Быстро наполнились слезъ, и поднявшійся голосъ прервался.
Но — не презрѣлъ онъ и такъ повелѣній царя Менелая,
Бросился, ратный доспѣхъ Лаодоку любезному ввѣривъ,

Другу, державшему подлѣ коней его твердокопытныхъ.
Быстро, ліющаго слезы, несли его ноги изъ боя,
Чтобы сыну Пелея ужасное слово повѣдать.
Сердцу, Атридъ, твоему не угодно, божественный, было
Тѣхъ утѣсненныхъ друзей защищать, которыхъ оставилъ
Несторовъ сынъ: въ сокрушеніи горькомъ остались Пилосцы;
Къ нимъ Менелай послалъ Оразимеда, подобнаго богу,
Самъ же опять полетѣлъ на защиту Патрокла героя;
Вмѣстѣ съ Аяксами сталъ и вѣщалъ къ нимъ крылатое слово:
„Я Антилоха послалъ къ Мирмидонскимъ судамъ мореходнымъ,
Съ вѣстію сыну Пелееву быстрому; но, я увѣренъ,
Онъ не придетъ, хоть и страшно на Гектора мощнаго гнѣвенъ:
Какъ онъ, лишенный оружія, въ битву съ Троянами вступитъ?
Сами собою, Данаи, придумаемъ способъ надежный,
Какъ и сраженнаго друга спасемъ отъ враждебныхъ, и сами
Какъ подъ грозою Троянъ отъ судьбы и отъ смерти избѣгнемъ“.
И Атриду отвѣтствовалъ сынъ Теламона великій:
„Все справедливо, что ты ни вѣщалъ, Менелай знаменитый.
Бросьтеся жъ, ты и Молидъ Меріонъ, наклонитеся быстро
Тѣло поднять и несите изъ боя, а мы позади васъ
Будемъ сражаться съ народомъ Троянскимъ и Гекторомъ мощнымъ,
Мы, равносильные, мы, соименные, кои и прежде
Бурныя грозы Арея, другъ съ другомъ сложась, выносили“.
Рекъ,—и они, отъ земли подхвативши, подняли тѣло
Вверхъ и высоко и мощно; ужасно завопили сзади
Трои сыны, лишь узрѣли Данаевъ, подъемлющихъ тѣло;
Бросились прямо, подобно какъ псы на пустыннаго вепря,
Если онъ раненъ, летятъ впереди молодыхъ звѣроловцевъ;
Быстро сначала бѣгутъ, растерзать нетерпѣньемъ пылая;
Но, едва онъ на нихъ оборотится, силою гордый,
Мечутся вспять и кругомъ разсыпаются другъ передъ другомъ,—
Такъ и Трояне сначала толпой неотступно неслися,
Въ тылъ Аргивянамъ колебля мечи и двуострыя копья;
Но едва лишь Аяксы, на нихъ обратясь, становились,
Лица блѣднѣли Троянъ, и отъ нихъ не дерзалъ ни единый
Выдти впередъ, чтобъ съ оружіемъ въ длани за тѣло сразиться.
Такъ усердно они уносили Патрокла изъ боя
Къ стану судовъ мореходныхъ; но бой возсталъ по слѣдамъ ихъ,
Бурный, подобно какъ огнь, устремленный на градъ человѣковъ;
Вспыхнувши вдругъ, пожираетъ онъ все; разсыпаются зданья
Въ страшномъ пожарѣ, который шумитъ, раздуваемый вѣтромъ,—
Такъ и коней колесничныхъ и воиновъ мѣднодоспѣшныхъ

Бранный, неистовый шумъ по слѣдамъ удалявшихся несся.
Тѣ жъ, какъ яремные мески, одѣтые крѣпкою силой,
Тянутъ съ высокой горы, по дорогѣ жестокобугристой,
Брусъ корабельный иль мачту огромную, рьяные, вмѣстѣ
Страждутъ они отъ труда и отъ пота, впередъ поспѣшая,—
Съ рвеніемъ такимъ Аргивяне Патрокла несли. Позади ихъ
Бой отражали Аяксы, какъ холмъ—разъяренныя воды,
Лѣсомъ поросшій, чрезъ цѣлое поле протяжно лежащій:
Онъ и могучія рѣки, съ свирѣпостью волнъ ихъ встрѣчая,
Держитъ и, весь ихъ напоръ отражая, въ долины другія
Гонитъ; его же не въ силахъ могучія рѣки растортнуть,—
Такъ непрестанно Аяксы, держась позади, отражали
Битву Троянъ; но враги наступали и два наипаче:
Мощный Эней Анхизидъ и шлемомъ сверкающій Гекторъ.
И какъ туча скворцовъ или галокъ испуганныхъ мчится
Съ криками ужаса, если увидятъ сходящаго сверху
Ястреба, страшную смерть приносящаго мелкимъ пернатымъ,—
Такъ предъ Энеемъ и Гекторомъ юноши рати Ахейской
Съ воплемъ ужаснымъ бѣжали, забывши воинскую доблесть.
Множество пышныхъ оружій усѣяли ровъ и окрестность
Въ пагубномъ бѣгствѣ Данаевъ, и бранная буря не молкла.

ПѢСНЬ XVIII.

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Между тѣмъ, какъ Ахиллесъ, видя большое смятеніе въ воинствѣ Ахеянъ, размышляетъ о причинахъ его, Антилохъ приноситъ ему вѣсть о смерти Патрокла, ст. 1—21; онъ предается изступленной горести и плачу, 22—35. Ѳетида, услышавъ плачъ его, выходитъ изъ моря съ сонмомъ Нереидъ, чтобы утѣшить сына; но, видя, что онъ пылаетъ немедленно мстить Гектору, невзирая на то, что и самъ скоро послѣ Гектора умретъ долженъ, мать отклоняетъ нетерпѣніе его до слѣдующаго дня, въ который обѣщаетъ ему принесть отъ Гефеста оружія, 36—137. Отпустивъ Нерсидъ въ домъ, Ѳетида спѣшитъ на Олимпъ. Между тѣмъ бой возобновляется при тѣлѣ Патрокла и, несмотря на храбрую защиту Аяксовъ, Гекторъ овладѣлъ бы онымъ; если бъ Ахиллесъ, по убѣжденію Ирисы, посланной къ нему отъ Геры, не вышелъ на высоту рва, безъ оружія, Грознымъ видомъ своимъ и голосомъ онъ устрашаетъ Троянъ, которые въ смятеніи предаются бѣгству, 138—231. Между тѣмъ Ахейцы, исторгнувъ тѣло Патрокла, приносятъ его въ сѣнь Ахиллеса при наступленіи ночи, приближеніе которой ускоряетъ Гера, повелѣвъ Солнцу преждевременно закатиться, 232—242. Троянe въ тревогѣ составляютъ совѣтъ. Полидамасъ совѣтуетъ имъ не оставаться ночью при корабляхъ, но войти въ городъ, чтобы избѣжать неминуемаго пораженія, если Ахиллесъ рано нападетъ на нихъ. Благоразумный совѣтъ его отвергнутъ Гекторомъ; онъ, напротивъ, намѣревается на другой день приступить къ кораблямъ и сразиться съ самимъ Ахиллесомъ. 243—314. Троянe проводятъ ночь въ полѣ; Ахеяне же, вмѣстѣ съ Ахиллесомъ, оплакиваютъ Патрокла, омываютъ тѣло его, умащаютъ благовоніями и полагаютъ на одръ погребальный, 315—355. На Олимпѣ Зевсъ укоряетъ супругу, что она вновь возбудила ко брани Ахиллеса. Между тѣмъ Ѳетида приходитъ въ домъ Гефеста и почтительно принимается, 356—427. Гефестъ, на просьбу ея изъявивъ благосклонную готовность, дѣлаетъ для Ахиллеса щитъ, великолѣпно украшенный, и другія оружія, 428—616.

Такъ ратоборцы сражались, огнямъ подобно свирѣпымъ.
Но Антилохъ къ Ахиллесу стремительно съ вѣстью приходитъ,
Видитъ его одного: при судахъ островерхихъ сидѣлъ онъ,
Въ сердцѣ о томъ размышляющій, что передъ нимъ совершалось.
Тихо вздохнувъ, говорилъ онъ съ своею душою великой:
„Горе! что думать? почто кудревласыя чада Геллады
Снова назадъ къ кораблямъ въ безпорядкѣ бѣгутъ по долинѣ?
О, не свершили ли боги несчастій, ужаснѣйшихъ сердцу,
Кои мнѣ мать давно предвѣщала. Она говорила:
Въ Троѣ, прежде меня, Мирмидонянинъ, въ брани храбрѣйшій,
Долженъ подъ дланью Троянской разстаться съ солнечнымъ свѣтомъ.
Боги безсмертные, умеръ Менетіевъ сынъ благородный!
Ахъ, злополучный! А я умолялъ, чтобъ, огонь отразивши,
Онъ возвратился и съ Гекторомъ въ битву вступать не дерзалъ бы".
Тою порою, какъ думы сіи въ умѣ обращалъ онъ,
Несторовъ сынъ знаменитый къ нему приближается грустный,
Слезы горячія льющій, и страшную вѣсть произноситъ:
„Горе мнѣ, храбрый, любезный Пелидъ! отъ меня ты услышишь
Горькую вѣсть, какой никогда не должно бы свершиться!
Палъ нашъ Патроклъ! и уже загорѣлася битва за тѣло;
Онъ уже нагъ, совлекъ все оружіе Гекторъ могучій!"
Рекъ,—и Пелида покрыло мрачное облако скорби.
Быстро обѣ онъ руки схвативши нечистаго пепла,
Голову всю имъ осыпалъ и ликъ осквернилъ свой прекрасный;
Риза его благовонная вся почернѣла подъ пепломъ.
Самъ онъ, великій, пространство покрывши великое, въ прахѣ
Молча простерся и волосы рвалъ, безобразно терзая.
Жены младыя, которыхъ и онъ и Патроклъ полонили,
Въ грусти глубокой завопили громко и, быстро изъ сѣни
Всѣ къ Ахиллесу великому выбѣжавъ, руки ломали,
Бились въ перси, доколѣ у всѣхъ подломилися ноги.
Подлѣ младой Антилохъ тосковалъ, обливаясь слезами,
И Ахиллеса, стенящаго горестно, руку держалъ онъ,
Въ страхѣ, да вои желѣзомъ себѣ не пронзитъ изступленный.
Страшно онъ плача вопилъ, и услышала вопль его матерь
Въ безднахъ глубокаго моря, въ чертогахъ родителя старца.
Горько сама возопила и къ ней собирались богини,
Всѣ изъ моря глубокаго сестры ея, Нереиды:
Вдругъ Кимодока явилась, и Θалія Нимфа, и Главка,
Спея, Несея, и Θоя, и Галія, свѣтлая взоромъ;
Вслѣдъ Кимоѳоя спѣшила, и съ ней Лимнорія, Актея,

Нимфа Мелита, Гера, Агава, за ней Амфивоя,
Дота, Прота, Феруза, Оризія и Амфинома;
Каллianира пришла, Дексамена съ младой Динаменой;
Нимфа Дориса, Пинопа, краса Нереидъ Галатея,
Нимфа Нимерта, Апсевда и нѣжная Каллianасса;
Тамъ и Климена была, Іанира съ младой Іанассой,
Мера и съ ней Аманея, роскошноволосая Нимфа;
Всѣ изъ моря глубокаго сестры ея, Нереиды.
Ими вертепъ серебристый наполнился; всѣ онѣ вмѣстѣ
Бились въ перси, и громко межъ нихъ возопила Ѳетида:
„Сестры мои, Нереиды, внемлите вы всѣ мнѣ, богини!
Всѣ вы узнайте, какія печали терзаютъ мнѣ душу!
Горе мнѣ бѣдной, горе несчастной, героя родившей!
Такъ, родила я душой благороднаго, храбраго сына,
Перваго между героевъ! Возросъ онъ, какъ пышная отрасль;
Я воспитала его, какъ прекраснѣйшій цвѣтъ въ вертоградѣ,
Юнаго въ быстрыхъ судахъ отпустила на брань къ Иліону
Ратовать храбрыхъ Троянъ; и его никогда не увижу
Въ домѣ отеческомъ, въ свѣтлыхъ чертогахъ супруга Пелея!
Но, пока и живетъ онъ, и солнца сіяніе видитъ,
Долженъ страдать; и ему я помочь не могу и пришедши!
Но иду я, чтобъ милаго сына увидѣть, услышать,
Горесть какая постигла его, непричастнаго брани!“
Такъ произнесши, вертепъ оставляетъ; за нею и сестры
Плача выходятъ, и вкругъ Нереидъ разступаются съ шумомъ
Волны морскія. Онѣ, плодоносной достигнувши Трои,
Тихо одна за другою выходятъ на берегъ, гдѣ рядомъ
Всѣ корабли Мирмидонянъ стояли кругомъ Ахиллеса.
Нѣжная матерь къ нему, стенящему горько, предстала,
Съ горестнымъ воплемъ главу обхватила у милаго сына
И, рыдая сама, говорила крылатыя рѣчи:
„Что ты, о сынъ мой, рыдаешь? Какая печаль посѣтила
Душу твою. Не скрывайся, скажи! Громовержецъ исполнилъ
Все, о чемъ ты его умолялъ съ воздѣяніемъ длaней:
Всѣ до кормъ корабельныхъ Данайскія прогнаны рати,
Жаждутъ тебя одного и позорныя бѣдствія терпятъ“.
Ей, тяжело воздохнувъ, отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
„Знаю, о матерь, Зевесъ Громовержущій все мнѣ исполнилъ.
Но какая въ томъ радость, когда потерялъ я Патрокла,
Милаго друга! Его изъ друзей всѣхъ больше любилъ я,
Имъ какъ моею главой дорожилъ, и его потерялъ я!
Гекторъ убійца похитилъ съ него и доспѣхъ тотъ огромный,

Дивный, богами дарованный, даръ драгоцѣнный Пелею,
Въ день, какъ богиню тебя на смертнаго ложе повергли.
О, почто не осталась ты Нимфой безсмертною моря!
О, почто и Пелей не избралъ себѣ смертной супруги!
Должно теперь и тебѣ безконечную горесть извѣдать,
Горесть о сынѣ погибшемъ, котораго ты не увидишь
Въ домѣ отеческомъ! ибо и сердце мое не велитъ мнѣ
Жить и въ обществѣ быть человѣческомъ, ежели Гекторъ,
Первый, моимъ копіемъ пораженный, души не извергнетъ
И за грабежъ надъ Патрокломъ любезнѣйшимъ мнѣ не заплатитъ!"
Матерь, слезы ліющая, снова ему говорила:
„Скоро умрешь ты, о сынъ мой, судя по тому, что вѣщаешь!
Скоро за сыномъ Пріама конецъ и тебѣ уготованъ!"
Ей, тяжело воздохнувъ, отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
„О, да умру я теперь же, когда не дано мнѣ и друга
Спасть отъ убійцы! Далеко отъ родины милой
Палъ онъ и, вѣрно, меня призывалъ, да избавлю отъ смерти!
Что же мнѣ въ жизни? Я ни отчизны драгой не увижу,
Я ни Патрокла отъ смерти не спасъ, ни другимъ благороднымъ
Не былъ защитой друзьямъ, отъ могучаго Гектора падшимъ:
Праздный сижу предъ судами, земли безполезное бремя,
Будучи мужъ среди всѣхъ мѣднолатныхъ героевъ Ахейскихъ
Первый во брани, хотя на совѣтахъ и лучше другіе!
О, да погибнетъ вражда отъ боговъ и отъ смертныхъ и съ нею
Гнѣвъ ненавистный, который и мудрыхъ въ неистовство вводитъ.
Онъ въ зарожденіи сладостнѣй тихо струящагось меда,
Скоро въ груди человѣка, какъ пламенный дымъ, возрастаетъ!
Гнѣвомъ такимъ преисполнилъ меня властелинъ Агамемнонъ.
Но забываемъ мы все преждебывшее, какъ ни прискорбно;
Гнѣвъ оскорбленнаго сердца въ груди укрощаемъ, по нуждѣ.
Я выхожу, да главы мнѣ любезной губителя встрѣчу,
Гектора! Смерть же принять готовъ я, когда ни разсудятъ
Здѣсь мнѣ назначить ее всемогущій Кроніонъ и боги!
Смерти не могъ избѣжать ни Гераклъ, изъ мужей величайшій,
Какъ ни любезенъ онъ былъ громоносному Зевсу Кроніду;
Мощнаго рокъ одолѣлъ и вражда непреклонная Геры.
Также и я, коль назначена доля мнѣ равная, лягу,
Гдѣ суждено, но сіяющей славы я прежде добуду!
Прежде еще не одну между женъ полногрудыхъ Троянскихъ
Вздохами тяжкими грудь разрывать я заставлю и въ горѣ
Съ нѣжныхъ ланитъ отирать руками обѣими слезы!
Скоро узнаютъ, что долгіе дни отдыхалъ я отъ брани!

Въ бой выхожу; не удерживай, матерь: ничѣмъ не преклонишь!“
Вновь отвѣчала ему среброногая матерь Ѳетида:
„Ты говоришь справедливо, любезнѣйшій сынъ: благородно
Быть для друзей угнетенныхъ отъ бѣдъ и отъ смерти защитой.
Но доспѣхъ твой прекрасный... во власти Троянъ напыщенныхъ;
Мѣдянымъ, свѣтлосіяющимъ имъ шлемоблещущій Гекторъ,
Перси покрывъ, величается! Но, уповаю, недолго
Въ немъ величаться Троянцу: погибель его недалеко!
Но и ты, мой сынъ, не вступай въ боевую тревогу,
Снова пока не приду я и самъ ты меня не увидишь:
Завтра я рано сюда съ восходящимъ солнцемъ явлюся
И прекрасный доспѣхъ для тебя принесу отъ Гефеста“.
Такъ говоря, отвратилась богиня отъ скорбнаго сына
И, обратяся къ сестрамъ, Нереидамъ морскимъ, говорила:
„Сестры мои, погрузитеся въ лоно пространнаго моря,
Въ домъ возвратитесь отца и, увидѣвши старца морского,
Все вы ему возвѣстите, а я на Олимпъ многохолмный,
Прямо къ Гефесту иду: не захочетъ ли славный художникъ
Дать моему Ахиллесу блистательныхъ славныхъ оружій“.
Такъ изрекла, и онѣ погрузилися въ волны морскія.
Прямо на свѣтлый Олимпъ устремилась богиня Ѳетида,
Быстро идя, чтобъ принесть оружія милому сыну;
Быстро къ Олимпу ее возносили стопы. Но Ахейцы
Съ крикомъ ужаснымъ тогда, передъ Гекторомъ людоубійцей
Въ страхѣ бѣжа, къ кораблямъ и зыбямъ Геллеспонта примчались:
Тщетно Ахеяне мѣднопоножные рвались Патрокла
Спасть изъ-подъ вражескихъ стрѣлъ, Ахиллесова мертваго друга.
Снова Патрокла настигли толпы и народа и коней,
Съ коими Гекторъ вослѣдъ его гнался, какъ бурное пламя.
За ноги трижды хваталъ шлемоблещущій Гекторъ Патрокла,
Вырвать пылая, и страшно кричалъ онъ, Троянъ призывая;
Трижды Аяксы его отражали отъ тѣла своею
Бурною силой; но Гекторъ упорно, на силу надежный,
То нападалъ на столпившихся, то становился и громкимъ
Крикомъ своихъ призывалъ, но назадъ отступить онъ не думалъ.
Словно какъ пылкаго льва отпугнуть отъ кроваваго трупа
Пастыри въ полѣ ночные, яримаго гладомъ, не могутъ,
Такъ не могли совокупные, храбрые оба Аякса
Гектора, Трои вождя, отогнать отъ Патроклова тѣла.
Онъ владѣлъ бы, покрылся бы онъ безпредѣльною славой,
Если бъ герою Пелиду подобная вихрямъ Ириса
Съ вѣстью, да къ брани воздвигнется, быстро съ небесъ не явилась,

Тайно отъ Зевса и прочихъ боговъ устремленная Герой.
Вѣстница стала предъ нимъ и крылатыя рѣчи вѣщала:
„Къ брани воздвигнись, ужаснѣйшій мужъ, Пелейонъ быстроногій,
Тѣло Патрокла спаси; за него предъ судами возстала
Бурная сѣча; неистово въ ней убиваютъ другъ друга:
Мужи Ахейскіе, чтобъ отстоять бездыханное тѣло,
Мужи Троянскіе, чтобъ овладѣть и умчать къ Иліону,
Пламенно рвутся; но пламеннѣй всѣхъ бронеблещущій Гекторъ
Жаждетъ увлечь и Патроклову голову онъ замышляетъ
Съ бѣлой выи срубить и на колъ вонзить въ поруганье.
Шествуй, не медли болѣе; ужасъ ты въ сердцѣ почувствуй,
Если Патроклъ твой будетъ игралищемъ псовъ Иліонскихъ!
Срамъ на тебѣ, если тѣло его искаженное придетъ!“
Къ ней, воздохнувъ, говорилъ быстроногій Пелидъ знаменитый:
„Кѣмъ ты, безсмертная, вѣстницей мнѣ послана отъ безсмертныхъ?“
Вновь отвѣчала ему подобная вѣтрамъ Ириса:
„Гера меня ниспослала, священная Зевса супруга,
Тайно; не знаетъ сего ни высокопрестольный Кроніонъ,
Ни другой изъ безсмертныхъ, на снѣжномъ Олимпѣ живущихъ“.
Ей отвѣтствовалъ вновь быстроногій Пелидъ знаменитый:
„Какъ мнѣ въ сраженіе выдти? Доспѣхъ мой у нихъ, у враждебныхъ!
Матерь же милая мнѣ возбранила на бой ополчаться
Прежде, поколѣ ее возвратившуюсь здѣсь не увижу,
Мнѣ обѣщая принесть отъ Гефеста доспѣхъ велелѣпный.
Здѣсь же не вѣдаю, чьимъ мнѣ облечься оружіемъ крѣпкимъ?
Щитъ мнѣ споученъ одинъ—Теламонова сына Аякса;
Но и самъ онъ, я мню, подвизается между передними,
Пикой враговъ истребляя вокругъ Менетидова тѣла“.
Вновь отвѣчала герою подобная вѣтрамъ Ириса:
„Знаемъ мы всѣ, что твоимъ овладѣли оружіемъ славнымъ.
Но безъ оружій приближься ко рву, покажися Троянамъ:
Ликъ твой узрѣвъ, ужаснутся Трояне и, можетъ быть, бросятъ
Пламенный бой, а Данайскіе храбрые мужи отдохнутъ,
Боемъ уже истомленные: кратокъ въ сраженіяхъ отдыхъ“.
Такъ говоря, отлетѣла подобная вѣтрамъ Ириса.
И возсталъ Ахиллесъ, Громовержцу любезный; Паллада
Мощныя плечи его облачила эгидомъ кистистымъ;
Облакъ его вкругъ главы обвила золотой Тритогена
И кругомъ того облака пламень зажгла свѣтозарный.
Словно какъ дымъ, подымаясь отъ града, восходитъ до неба,
Съ острова дальняго, грозныхъ враговъ окруженнаго ратью,

Гдѣ, отъ утра до вечера, споря въ ужасномъ убійствѣ,
Граждане бьются со стѣнъ, но едва сокрывается солнце,
Всюду они зажигаютъ маячные; свѣтъ ихъ высоко
Всходитъ и свѣтитъ кругомъ, да живущіе окрестъ увидятъ
И въ корабляхъ, отразители брани, скорѣе примчатся,—
Такъ отъ главы Ахиллесовой блескъ подымался до неба.
Вышелъ за валъ онъ и сталъ надо рвомъ, но съ народомъ Ахейскимъ,
Матери мудрой завѣтъ соблюдая, герой не мѣшался;
Тамъ онъ крикнулъ съ раската, могучая вмѣстѣ Паллада
Крикъ издала,—и Троянъ обуялъ неописанный ужасъ.
Сколь поразителенъ звукъ, какъ труба загремитъ, возвѣщая
Городу приступъ враговъ душегубцевъ, его окружившихъ,
Столь поразителенъ былъ воинственный крикъ Эакида.
Трои сыны лишь услышали мѣдяный гласъ Эакидовъ,
Дрогнуло сердце у всѣхъ; долгогривые кони ихъ сами
Вспять съ колесницами бросились: гибель зачуяло сердце.
Въ ужасъ впали возницы, увидѣвъ огонь неугасный,
Окрестъ главы благородной подобнаго богу Пелида
Страшно пылавшій; его возжигала Паллада богиня.
Трижды съ раската ужасно вскричалъ Ахиллесъ быстропогій;
Трижды смѣшалися войски Троянъ и союзниковъ славныхъ.
Тутъ средь смятенья, отъ собственныхъ коней и копій, двѣнадцать
Сильныхъ погибло Троянскихъ мужей. Между тѣмъ Аргивяне
Весело, къ радости всѣхъ, изъ-подъ копій умчавши Патрокла,
Тѣло на одръ положили; его окружили, рыдая,
Грустные други; за ними пошелъ Ахиллесъ благородный;
Теплыя слезы онъ пролилъ, увидѣвши вѣрнаго друга,
Мѣдью пронзеннаго острой, на смертномъ простертаго ложѣ,
Друга, котораго самъ съ колесницей своей и съ конями
Въ битву послалъ, но живого, пришедшаго съ битвы, не встрѣтилъ.
Тою порою Солнцу, въ пути неистомному, Гера,
Противу воли его, въ Океанъ низойти повелѣла.
Солнце сокрылося въ волны, и рать благородныхъ Данаевъ
Вся отъ тревоги и общегубительной брани почила.
Трои сыны на другой сторонѣ съ ратоборнаго поля
Быстро сошли, отъ ярмъ отрѣшили коней долгогривыхъ
И, не мысля о вечери, вдругъ на совѣтъ собирались.
Стоя Троянскіе мужи держали совѣтъ; ни единый
Сѣсть не дерзалъ; ужасались они, что Пелидъ быстропогій
Вновь показался, давно уклонявшійся грознаго боя,
Полидамасъ Панѳоидъ имъ началъ совѣтовать мудрый,

Онъ бо одинъ и минувшее зналъ, и грядущее видѣлъ,
Другомъ Гекторa былъ и въ единую ночь съ нимъ родился,
Но, какъ рѣчами былъ онъ, такъ Гекторъ оружіемъ славенъ;
Мужъ благомысленный, такъ онъ Троянамъ совѣтовать началъ:
„Тщательно, други, размыслите: я вамъ совѣтую нынѣ жъ
Въ градъ съ ополченьемъ войти, а не ждать Авроры священной
Въ полѣ, близъ самыхъ судовъ: далеко мы стоимъ отъ твердыни.
Въ дни, какъ сей мужъ враждовалъ на Атрида, владыку народовъ,
Въ битвахъ не столько намъ тягостны были Данайскія рати.
Я веселился и самъ, при судахъ мореходныхъ ночуя,
Чаялъ, что скоро возьмемъ мы суда мѣднолатныхъ Данаевъ.
Нынѣ жъ, какъ вы, я страшуся Пелеева быстраго сына;
Знаю я душу Пелидову бурную: онъ не захочетъ
Медлить на этихъ поляхъ, гдѣ Трояне, съ сынами Ахеянъ
Въ битвы сходяся, равно раздѣляли свирѣпство Арея:
Града и нашихъ супругъ добывать онъ битвою будетъ.
Въ градъ возвратимся не медля; повѣрьте мнѣ, такъ совершится!
Нынѣ отъ битвъ удержала Пелеева бурнаго сына
Ночь благовонная; если и завтра насъ здѣсь онъ застанетъ,
Завтра нагрянувъ съ оружіемъ,—о, не одинъ Ахиллеса
Скоро узнаетъ; войдетъ не безъ радости въ Трою святую,
Кто избѣжитъ отъ могучаго: многихъ Троянъ растерзаютъ
Враны и псы; но не дайте мнѣ, боги, подобное слышать!
Если вы мнѣ покоритесь, хотя и прискорбно то сердцу,
Ночь проведемъ мы на площади съ силой, а городу стѣны,
Башни, ворота высокія, оныхъ огромные створы,
Длинные, гладкіе, крѣпко сплоченные будутъ защитой.
Утромъ же мы на зарѣ, ополчася оружіемъ мѣднымъ,
Станемъ на башняхъ и горе надменному, если захочетъ
Онъ, отъ судовъ устремившися, съ нами вкругъ града сражаться!
Вспять къ судамъ возвратится, когда онъ коней крутовыйныхъ
Въ долгихъ бѣгахъ истомитъ, передъ градомъ ихъ праздно гоняя;
Въ стѣны ворваться ни гордое сердце ему не позволитъ;
Ихъ не разрушитъ онъ; быстрые псы его прежде изгложутъ!“
Грозно взглянувъ на него, отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ:
„Все для меня непріятное, Полидамасъ, ты вѣщаешь,
Ты, убѣждающій вспять отступить и въ Троѣ скрываться!
Или въ стѣнахъ заключенными быть вамъ еще не постыло?
Прежде Пріамовъ сей градъ племена ясновѣщія смертныхъ
Всѣ нарицали счастливымъ, богатымъ и златомъ и мѣдью;
Скрылося все, что въ домахъ драгоцѣннаго, пышнаго было!
Сколько во Фригію или въ Меонію, славную землю,

Продано нашихъ сокровищъ съ тѣхъ поръ, какъ прогнѣванъ Кроніонъ!
Нынѣ жъ, когда благодѣющій мнѣ даровалъ Громовержецъ
Славу стяжать при судахъ, отразивъ къ Геллеспонту Ахеянъ,
Мысли такія, безумецъ, стыдись открывать предъ народомъ!
Ихъ ни одинъ изъ Троянъ не послушаетъ: я не позволю!
Слушайте, други, вы слово мое и ему повинуйтесь:
Нынѣ вы всѣ вечеряйте по стану, отрядъ близъ отряда,
Помните стражу ночную и бодрствуйте каждый на стражѣ.
Кто жъ изъ Троянъ о богатствахъ домашнихъ безмѣрно крушится,
Пусть соберетъ и отдастъ на народъ, да народъ ихъ истратитъ:
Пусть кто-нибудь изъ своихъ наслаждается, но не Ахейцы!
Завтра жъ, еще на зарѣ, ополчася оружіемъ ратнымъ,
Мы на суда многовеслыя боемъ рѣшительнымъ грянемъ.
Ежели истинно къ брани возсталъ Ахиллесъ быстроногій,
Худо ему, какъ желаетъ онъ, будетъ! Не стану я больше
Въ битвѣ ужасной его избѣгать, но могучаго смѣло
Встрѣчу. Съ побѣдною славою онъ или я возвращуся:
Общій у смертныхъ Арей; и разящаго онъ поражаетъ!“
Гекторъ вѣщалъ, а Трояне шумно кругомъ восклицали.
Мужи безумные, — разумъ у нихъ помрачила Паллада, —
Съ Гекторомъ всѣ согласились, народу бѣды совѣщавшимъ,
Съ Полидамасомъ — никто, совѣтъ предлагавшимъ полезный,
Въ полѣ они вечеряли всѣмъ воинствомъ. Но Мирмидонцы
Цѣлую ночь провели надъ Патрокломъ, стеня и рыдая.
Царь Ахиллесъ среди сонма изъ плачъ свой горестный началъ;
Грозныя руки на грудь положивъ бездыханнаго друга,
Часто и тяжко стенялъ онъ, подобно какъ левъ густобрадый,
Ежели скимновъ его изъ глубокаго лѣса похититъ
Ланей ловецъ; возвратяся онъ поздно, по дѣтямъ тоскуетъ,
Бродитъ изъ дебри въ дебрь и слѣдовъ похитителя ищетъ,
Жалобно стонущій; горесть и ярость его обымаютъ, —
Такъ стеная, Пелидъ говорилъ посреди Мирмидонянъ:
„Боги, боги! безплодное слово изъ устъ изронилъ я
Въ день, какъ старался утѣшить героя Менетія въ домѣ!
Я говорилъ, что въ Опунтъ приведу ему славнаго сына
Трои рушителемъ крѣпкой, участникомъ пышной добычи.
Нѣтъ, не всѣ помышленія Зевсъ человѣкамъ свершаетъ!
Намъ обоимъ предназначено землю одну окровавить
Здѣсь, на Троянскомъ брегу! И меня, возвратившагось съ боя,
Въ домѣ отцовъ никогда ни Пелей престарѣлый не встрѣтитъ,
Ни любезная матерь, но здѣсь покроетъ могила!

Если же послѣ тебя, о Патроклъ мой, въ могилу сойти мнѣ,
Съ честью тебя погребу, но не прежде, какъ здѣсь я повергну
Броню и голову Гектора, гордаго смертью твоею!
Окрестъ костра твоего обезглавлю двѣнадцать плѣненныхъ
Трои краснѣйшихъ сыновъ, за убійство тебя отомщая!
Ты жъ до того, Менетидъ, у меня предъ судами покойся!
Окрестъ тебя полногрудыя жены Троянъ и Дарданцевъ,
Коихъ съ тобой мы добыли копьемъ и могучестью нашей,
Грады руша цвѣтущіе бранолюбивыхъ народовъ,
Пусть рыдаютъ и ночи и дни, обливаясь слезами".
Такъ говорилъ, и друзьямъ повелѣлъ Ахиллесъ благородный
Мѣдный великій треножникъ поставить на огнь и скорѣе
Тѣло Патрокла омыть отъ запекшейся крови и праха.
Мужи сосудъ омовеній, поставивъ на свѣтлое пламя,
Налили полный водою и дровъ на огонь подложили;
Дно у тренога огонь обхватилъ, согрѣвалася влага.
И когда закипѣвшая въ звонкой мѣди зашумѣла,
Тѣло омыли водой, умастили свѣтлымъ елеемъ,
Язвы наполнили мастью драгой, девятигодовою.
Послѣ, на одръ положивъ, полотномъ его тонкимъ покрыли
Съ ногъ до главы и сверху одѣли покровомъ блестящимъ.
Цѣлую ночь потомъ, вкругъ Пелида царя, Мирмидонцы,
Стоя толпой, о Патроклѣ крушились, стеня и рыдая.
Зевсъ на Олимпѣ воззвалъ къ златотронной сестрѣ и супругѣ:
„Сдѣлала ты, что могла, волоокая гордая Гера!
Въ брань подняла быстроногаго сына Пелеева. Вѣрно,
Родоначальница ты кудреглавыхъ народовъ Геллады".
Быстро воззвала къ нему волоокая Гера царица:
„Мрачный Кроніонъ! какія слова ты, могучій, вѣщаешь?
Какъ? человѣкъ человѣку свободно злодѣйствовать можетъ,
Тотъ, который и смертенъ и столько совѣтами скуденъ.
Я жъ, которая здѣсь почитаюсь богиней верховной,
Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и супругой
Ты нарицаешь,—ты, надъ безсмертными всѣми царящій,—
Я не должна, на Троянъ раздраженная, бѣдъ устроять имъ?"
Такъ божества Олимпійскія между собою вѣщали.
Тою порою Ѳетида достигла Гефестова дома,
Звѣздныхъ, нетлѣнныхъ чертоговъ, прекраснѣйшихъ среди Олимпа,
Кои изъ мѣди блистательной создалъ себѣ хромоногій.
Бога, покрытаго потомъ, находитъ въ трудахъ, предъ мѣхами
Быстро вращавшагось: двадцать треножниковъ вдругъ онъ работалъ,
Въ утварь поставить къ стѣнѣ своего благолѣпнаго дома.

Онъ подъ подножіемъ ихъ золотыя колеса устроилъ,
Сами бъ собою они приближалися къ сонму безсмертныхъ,
Сами бъ собою и въ домъ возвращалися, взорамъ на диво.
Въ семъ они видѣ окончены были; однѣхъ не придѣлалъ
Хитро-измышленныхъ ручекъ: готовилъ и гвозди ковалъ къ нимъ.
Тою порою, какъ ихъ онъ по замысламъ творческимъ дѣлалъ,
Въ домъ его тихо вошла среброногая мать Ахиллеса.
Вышла, увидѣвъ ее, подъ покровомъ блестящимъ Харита,
Прелестей полная, бога хромого супруга младая:
За руку съ лаской взяла, говорила и такъ вопрошала;
„Что ты, Ѳетида, покровомъ закрытая, въ домъ нашъ приходишь,
Милая намъ и почтенная? Рѣдко ты насъ посѣщаешь?
Но войди ты въ чертогъ, да тебя угощу я, богиня".
Такъ произнесши, Харита во внутренность вводитъ Ѳетиду.
Такъ сажаетъ богиню на тронѣ серебряногвоздномъ,
Пышномъ, изящно украшенномъ, съ легкой подножной скамьею.
Послѣ голосомъ громкимъ Гефеста-художника кличетъ:
„Выйди, Гефестъ, до тебя у Ѳетиды Нереевой просьба".
Ей не медля отвѣтствовалъ славный Гефестъ хромоногій:
„Мощная въ домѣ моемъ и почтенная вѣчно богиня!
Ею мнѣ жизнь спасена, какъ страдалъ я, заброшенный съ неба
Волею матери Геры: безстыдная скрыть захотѣла
Сына хромого. Тогда потерпѣлъ бы я горе на сердцѣ,
Если бъ Ѳетида меня съ Эвриномой не приняла въ нѣдра,
Дщери младыя катящагось вкругъ Океана сѣдого.
Тамъ украшенія разныя девять годовъ я ковалъ имъ,
Кольца витыя, застежки, уборы волосъ, ожерелья,
Въ мрачной глубокой пещерѣ; кругомъ Океанъ предо мною
Пѣнный, ревущій бѣжалъ, неизмѣримый; тамъ ни единый
Житель меня Олимпійскій, ни мужъ земнородный не вѣдалъ,
Только Ѳетида съ сестрой Эвриномою, спасшія жизнь мнѣ.
Нынѣ мой домъ посѣтила безсмертная, долженъ отдать я
Долгъ за спасеніе жизни прекрасноволосой Ѳетидѣ;
Чествуй, супруга моя, угощеніемъ пышнымъ Ѳетиду,—
Я не замедлю, мѣхи соберу и другіе снаряды".
Рекъ и отъ наковальни великанъ закоптѣлый поднялся
И, хромоногій, медлительно голени слабыя двигалъ;
Снялъ отъ горна мѣхи и снаряды, какими работалъ,
Собралъ всѣ и вложилъ ихъ въ красивый ларецъ сребрековный,
Губкою влажною вытеръ лицо и могучія руки,
Выю дебелую, жилистый тылъ и косматыя перси,

Ризой одѣлся и, толстымъ жезломъ подпираяся, въ двери
Вышелъ, хромая. Прислужницы, подъ руки взявши владыку,
Шли золотыя, живымъ подобныя дѣвамъ прекраснымъ,
Кои исполнены разумомъ, силу имѣютъ и голосъ
И которыхъ безсмертные знанію дѣлъ научили.
Съ боку владыки они поспѣшали, а онъ, колыхаясь,
Къ мѣсту прибрелъ, гдѣ Ѳетида сидѣла на тронѣ блестящемъ,
За руку взялся рукой, называлъ и такъ говорилъ ей:
„Что ты, Ѳетида, покровомъ закрытая, въ домъ нашъ приходишь,
Милая намъ и почтенная? Рѣдко ты насъ посѣщаешь!
Молви, чего ты желаешь? исполнить же сердце велитъ мнѣ,
Если исполнить могу я и если оно исполнимо“.
И Гефесту Ѳетиду, залившись слезами, вѣщала:
„Есть ли, Гефестъ, хоть одна изъ богинь на пространномъ Олимпѣ,
Столько на сердце своемъ перенесшая горестей тяжкихъ,
Сколько мнѣ, злополучной, послалъ сокрушеній Кроніонъ!
Нимфу морскую, меня покорилъ человѣку земному,
Сыну Эака, и я испытала объятія мужа,
Какъ ни противилось сердце: уже тяжелая старость
Въ домѣ его изнуряетъ. Но скорбь у меня и другая!
Зевсъ даровалъ мнѣ родить и взлелѣять единаго сына,
Перваго между героевъ! Возросъ онъ, какъ пышная отрасль.
Я воспитала его, какъ прекраснѣйшій цвѣтъ въ вертоградѣ,
Юнаго въ быстрыхъ судахъ отпустила на брань къ Иліону
Ратовать храбрыхъ Троянъ, и его никогда я не встрѣчу
Въ домѣ отеческомъ, въ свѣтлыхъ чертогахъ супруга Пелея!
Нынѣ, хотя и живетъ онъ и солнца сіяніе видитъ,
Долженъ страдать, и ему я помочь не могу, и пришедши!
Дѣву, которую сыну избрали въ награду Ахейцы,
Снова изъ рукъ у него исторгъ властелинъ Агамемнонъ.
Грустный по ней, сокрушалъ онъ печалію сердце. Ахеянъ
Сила Троянъ до судовъ отразила и въ станъ заключеннымъ
Имъ выходить не давала. Старѣйшины воинствъ Ахейскихъ
Сына молили и множество славныхъ даровъ предлагали.
Самъ онъ, правда, отъ воинствъ бѣду отразить отказался,
Но героя Патрокла своимъ онъ доспѣхомъ одѣялъ,
Друга на битву послалъ и великое воинство ввѣрилъ.
Бились цѣлый день передъ крѣпкою башнею Скейской.
Былъ бы въ тотъ день Иліонъ завоеванъ, когда бы могучій
Фебъ разносившаго гибель Менетія храбраго сына
Въ первыхъ рядахъ не повергнулъ и славы Гектору не далъ.
Вотъ для чего прихожу и къ колѣнамъ твоимъ припадаю;

Можетъ быть, сжалишься ты надъ моимъ краткожизненнымъ сы-
номъ;
Можетъ быть, дашь ты Пелиду и щитъ, и шеломъ, и поножи,
Также и латы; свои потерялъ онъ, какъ другъ его вѣрный
Палъ отъ Троянъ; и теперь—по землѣ онъ простертый тоскуетъ!"
Ей не медля отвѣтствовалъ Амфигіей знаменитый:
„Будь спокойна и болѣе сердцемъ о томъ не крушися.
О! да могу Ахиллеса отъ смерти ужасной далеко
Столь же легко я укрыть, когда рокъ его мощный постигнетъ,
Сколь мнѣ легко для него изготовить доспѣхи, которымъ
Каждый отъ смертныхъ безчисленныхъ будетъ дивиться, узрѣвшій!"
Такъ произнесши, оставилъ ее и къ мѣхамъ приступилъ онъ,
Всѣ на огонь обратилъ ихъ и дѣйствовать далъ повелѣнье.
Разомъ въ отверстья горнильныя двадцать мѣховъ задыхали,
Разнымъ изъ дулъ ихъ дыша раздувающимъ пламень дыханьемъ,
Или порывнымъ, служа поспѣшавшему, или спокойнымъ,
Смотря на волю творца и на нужду творимаго дѣла.
Самъ онъ въ огонь распыхавшійся мѣдь нескрушимую ввергнулъ,
Олово бросилъ, сребро, драгоцѣнное злато и послѣ
Тяжкую наковальню насадилъ на столбъ, а въ десницу
Молотъ огромнѣйшій взялъ и клещи захватилъ онъ другою.
И въ началѣ работалъ онъ щитъ и огромный и крѣпкій,
Весь украшая изящно; кругомъ его вывелъ онъ ободъ
Бѣлый, блестящій, тройной и придѣлалъ ремень серебристый.
Щитъ изъ пяти составилъ листовъ и на кругѣ обширномъ
Множество дивнаго богъ, по замысламъ творческимъ, сдѣлалъ.
Тамъ представилъ онъ землю, представилъ и небо, и море,
Солнце, въ пути неистомное, полный серебрянный мѣсяцъ,
Всѣ прекрасныя звѣзды, какими вѣнчается небо:
Видны въ ихъ сонмѣ Иліады, Гіады и мощь Оріона,
Арктосъ, сынами земными еще колесницей зовомый;
Тамъ онъ всегда обращается, вѣчно блюдетъ Оріона
И единый чуждается мыться въ волнахъ Океана.
Тамъ же два града представилъ онъ яснорѣчивыхъ народовъ:
Въ первомъ, прекрасно устроенномъ, браки и пиршества зрѣлись.
Тамъ невѣстъ изъ чертоговъ, свѣтильниковъ яркихъ при блескѣ,
Брачныхъ пѣсней при кликахъ, по стогнамъ градскимъ провожаютъ.
Юноши хорами въ пляскахъ кружатся; межъ нихъ раздаются
Лиръ и свирѣлей веселые звуки; почтенныя жены
Смотрятъ на нихъ и дивуются, стоя на крыльцахъ воротныхъ.
Далѣе много народа толпится на торжищѣ: шумный
Споръ тамъ поднялся; спорили два человѣка о пенѣ,

Мздѣ за убійство, и клялся одинъ, объявляя народу,
Будто онъ все заплатилъ, а другой отрекался въ пріемѣ.
Оба рѣшились, представивъ свидѣтелей, тяжбу ихъ кончить.
Граждане вкругъ ихъ кричатъ, своему доброхотствуя каждый;
Вѣстники шумный ихъ крикъ укрощаютъ, а старцы градскіе
Молча на тесаныхъ камняхъ сидятъ средь священнаго круга,
Скипетры въ руки пріемлютъ отъ вѣстниковъ звонкоголосыхъ,
Съ ними встаютъ и одинъ за другимъ свой судъ произносятъ.
Въ кругѣ, предъ ними, лежатъ два таланта чистаго злата,
Мзда для того, кто изъ нихъ справедливѣе право докажетъ.
Городъ другой облежали двѣ сильныя рати народовъ,
Страшно сверкая оружіемъ. Рати двояко грозили:
Или разрушить, иль граждане съ ними должны раздѣлиться
Всѣми богатствами, сколько цвѣтущій ихъ градъ заключаетъ.
Тѣ не склонялись еще и готовились къ тайной засадѣ.
Стѣну стеречь по забраламъ супругъ поставивъ любезныхъ,
Юныхъ сыновъ и мужей, которыхъ постигнула старость,
Сами выходятъ; вождями ихъ идутъ Арей и Паллада,
Оба златые, одѣтые оба златою одеждой;
Видъ ихъ прекрасенъ, въ доспѣхахъ величественъ, сущіе боги!
Всѣмъ отличны они; человѣки далеко ихъ ниже.
Къ мѣсту пришедшіе, гдѣ имъ казалась удобной засада,
Къ брегу рѣчному, гдѣ былъ водопой табуновъ разнородныхъ,
Тамъ засѣдаютъ они, прикрываясь блестящею мѣдью.
Два соглядатая ихъ, отдѣлясь, впереди засѣдаютъ.
Смотрятъ кругомъ, не узрятъ ли овецъ и воловъ подходящихъ.
Скоро стада показалися; два пастуха за стадами,
Тѣшась нѣвницею звонкой, идутъ, не предвидя коварства.
Быстро, увидѣвши ихъ, нападаютъ засѣвшіе мужи,
Грабятъ и гонятъ рогатыхъ воловъ и овецъ среброрунныхъ:
Цѣлое стадо угнали и пастырей стада убили.
Въ станѣ, какъ скоро услышали крикъ и тревогу при стадѣ,
Вои, на площади стражей стоящіе, быстро на коней
Бурныхъ вскочили, на крикъ поскакали и вмигъ принеслися.
Строемъ становятся, битвою бьются по брегу рѣчному,
Колютъ другъ друга, метая стремительно мѣдныя копья.
Рыщутъ и Злоба, и Смута, и страшная Смерть между ними:
Держитъ она то пронзеннаго, то непронзеннаго ловитъ,
Или убитаго за ногу тѣло волочитъ по сѣчѣ;
Риза на персяхъ ея обагровлена кровью людскою.
Въ битвѣ, какъ люди живые, они нападаютъ и бьются
И одинъ предъ другимъ увлекаютъ кровавые трупы.

Сдѣлалъ на немъ и широкое поле, тучную пашню,
Рыхлый, три раза распаханный паръ: на немъ землепашцы
Гонятъ яремныхъ воловъ, и назадъ и впередъ обращаясь,
И всегда, какъ обратно къ концу приближаются нивы,
Каждому въ руки имъ кубокъ вина, веселящаго сердце,
Мужъ подаетъ; и они, по своимъ полосамъ обращаясь,
Вновь поспѣшаютъ дойти до конца глубобразднаго пара.
Нива, хотя и златая, чернѣется сзади орущихъ,
Вспаханной нивѣ подобясь: такое онъ диво представилъ.
Далѣе выдѣлалъ поле съ высокими нивами; жатву
Жали наемники, острыми въ дланяхъ сернами блистая.
Здѣсь полосой безпрерывною падаютъ горстни густые;
Тамъ перевязчики ихъ въ снопы перевязями вяжутъ.
Три перевязчика ходятъ за жнущими; сзади ихъ дѣти,
Горстая быстро колосья, одни за другими въ охапкѣ
Вяжущимъ ихъ подаютъ. Властелинъ между ними, безмолвно,
Съ палицей въ длани, стоитъ на браздѣ и душой веселится.
Вѣстники одаль, подъ тѣнію дуба, трапезу готовятъ;
Въ жертву заклавши вола, вкругъ него суетятся, а жены
Бѣлую сѣютъ муку для сладостной вечери жнущимъ.
Сдѣлалъ на немъ отягченный гроздіемъ садъ виноградный,
Весь золотой, лишь однѣ виноградныя кисти чернѣлись,
И стоялъ онъ на сребряныхъ, рядомъ вонзенныхъ подпорахъ.
Около сада и ровъ темносиній и бѣлую стѣну
Вывелъ изъ олова; къ саду одна пролегала тропина,
Коей носильщики ходятъ, когда виноградъ собираютъ.
Тамъ и дѣвицы и юноши, съ дѣтской веселостью сердца,
Сладостный плодъ носили въ прекрасно плетеныхъ корзинахъ.
Въ кругѣ ихъ отрокъ прекрасный по звонкорокочущей лирѣ
Сладко перстами бряцалъ, приплѣвая прекрасно подъ струны
Голосомъ нѣжнымъ; они жъ вокругъ его, пляшучи стройно,
Съ пѣньемъ, и съ крикомъ, и съ топотомъ ногъ хороводомъ несутся.
Тамъ же и стадо представилъ воловъ, воздымающихъ роги:
Ихъ онъ изъ злата однихъ, а другихъ изъ олова сдѣлалъ.
Съ ревомъ волы, изъ оградъ вырываяся, мчатся на паству,
Къ шумной рѣкѣ, къ камышу густому по влажному брегу.
Слѣдомъ за стадомъ и пастыри идутъ, четыре, златые,
И за ними слѣдуютъ девять псовъ быстроногихъ.
Два густогривые льва на передніхъ воловъ нападаютъ;
Тяжко мычащаго ловятъ быка; и ужасно реветъ онъ,
Львами влекомый; и псы на защиту и юноши мчатся;
Львы повалили его и, сорвавши огромную кожу,

Черную кровь и утробу глатаютъ; напрасно трудятся
Пастыри львовъ испугать, быстроногихъ псовъ подстрекая.
Псы ихъ не слушаютъ, львовъ трепеща, не берутъ ихъ зубами:
Близко подступятъ, залаютъ на нихъ и назадъ убѣгаютъ.
Далѣе сдѣлалъ роскошную паству Гефестъ знаменитый,
Въ тихой долинѣ прелестной, несчетныхъ овецъ среброрунныхъ,
Стойла, подъ кровлей хлѣва и смиренныя пастырей кущи.
Тамъ же Гефестъ знаменитый извилъ хороводъ разновидный,
Оному равный, какъ древле въ широкоустроенномъ Кноссѣ
Выдѣлалъ хитрый Дедалъ Аріаднѣ прекрасноволосой.
Юноши тутъ и цвѣтущія дѣвы, желанныя многимъ,
Пляшутъ, въ хоръ круговидный любезно сплетяся руками.
Дѣвы въ одежды льняныя и легкія, отроки въ ризы
Свѣтло одѣты и ихъ чистотой, какъ елеемъ, сіяютъ.
Тѣхъ—вѣнки изъ цвѣтовъ прелестные всѣхъ украшаютъ,
Сихъ—золотые ножи, на ремняхъ чрезъ плечо серебристыхъ.
Пляшутъ они, и ногами искусными то закружатся,
Столь же легко, какъ въ стану колесо подъ рукою испытной,
Если скудельникъ его испытуетъ, легко ли кружится,
То разовьются и пляшутъ рядами, одни за другими.
Купа селянъ окружаетъ плѣнительный хоръ и сердечно
Имъ восхищается; два среди круга ихъ головоходы,
Пѣніе въ ладъ начиная, чудесно вертятся въ срединѣ.
Тамъ и ужасную силу представилъ рѣки Океана,
Конмъ подъ верхнимъ онъ ободомъ щитъ и огромный и крѣпкій,
Сдѣлалъ Гефестъ и броню, яснѣе, чѣмъ огненный пламень;
Сдѣлалъ и тяжкій шеломъ, Пелейона главѣ соразмѣрный,
Пышный, кругомъ изукрашенный, гребнемъ златымъ повершенный;
Послѣ изъ олова гибкаго сдѣлалъ ему и поножи.
И когда всѣ доспѣхи сковалъ Олимпійскій художникъ,
Взявъ, предъ Пелидовой матерью ихъ положилъ онъ на землю.
И, какъ ястребъ, она съ осребреннаго снѣгомъ Олимпа
Бросилась, мча отъ Гефеста блестящіе сыну доспѣхи.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТАГО ТОМА.

	стр.
Пѣснь XIII	1
Пѣснь XIV	23
Пѣснь XV	37
Пѣснь XVI	57
Пѣснь XVII	80
Пѣснь XVIII	100

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. ГНѢДИЧА.

ТОМЪ ШЕСТОЙ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Н. Минскимъ (Н. М. Виленкинымъ).

ТОМЪ ШЕСТОЙ

ИЗДАНІЕ
ПОСТАВЩИКОВЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1903

Дозволено цензурою. Спб., 22 декабря 1903 г.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, В. О., 16 л., д. № 5—7.

ПѢСНЬ XIX.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Съ разсвѣтомъ дня Ѳетида приноситъ отъ Гефеста оружія Ахиллесу. Онъ, видомъ ихъ воспламененный, жаждетъ боя, ст. 1—27, и между тѣмъ, какъ Ѳетида облаговониваетъ тѣло Патрокла, дабы до погребенія осталось невредимымъ, Ахиллесъ сзываетъ Ахеянъ въ собраніе, 28—41. Сходятся всѣ, и самъ Агамемнонъ. Ахиллесъ объявляетъ, что онъ оставляетъ гнѣвъ и требуетъ битвы безъ отлагательства, 42—73. Народъ радуется примиренію вождей; Агамемнонъ немедленно сознаетъ проступокъ свой, но вину его возлагаетъ на богиню Обиду и предлагаетъ выдать дары примиренія, обѣщанные прежде чрезъ Одиссея: Ахиллесъ, равнодушный къ нимъ, но жаждущій отмстить Гектору, настаиваетъ, чтобы немедленно вступить въ сраженіе, 64—153; наконецъ уступаетъ убѣжденіямъ Одиссея, который совѣтуетъ повременить, пока рать подкрѣпится пищею, и пока самъ Ахиллесъ, въ знакъ торжественнаго примиренія, не приметъ предъ лицомъ народа какъ даровъ, такъ и Бризеиды, причины раздора, 154—237. Посланые, Неотора сыны, приносятъ дары, приводятъ Бризеиду, и Агамемнонъ произноситъ клятву, что дѣву онъ возвращаетъ неприкосновенною, 238—275. Дары относятъ въ кущу Ахиллеса; тамъ Бризеида, увидѣвъ мертваго Патрокла, оплакиваетъ его, 276—300. Самъ Ахиллесъ, не внимая просьбамъ старѣйшинъ и отказываясь совершенно отъ пищи, предается горести и плачу о Патроклѣ 301—339. Аѳина, посланная Зевсомъ, дабы Ахиллесъ отъ голода не потерялъ силъ, укрѣпляетъ его нектаромъ и амвросіею. Между тѣмъ Ахеяне выступаютъ къ сраженію, 340—364. Ахиллесъ вооружается новымъ доспѣхомъ, всходитъ на колесницу, уговариваетъ коней, 365—403, слышитъ одного изъ нихъ, предсказывающаго ему скорую смерть и, не щадящій жизни, устремляется въ битву 404—424.

Въ ризѣ багрянозлатистой изъ волнъ Океана Денница
Вышла, несущая свѣтъ и безсмертнымъ и смертнымъ. Ѳетида
Къ сѣнямъ пришла Мирмидонскимъ съ блистательнымъ даромъ отъ бога.
Тамъ она сына нашла: надъ Патрокломъ своимъ распростертый,
Громко рыдалъ онъ, и многіе окрестъ друзья Мирмидонцы
Плакали. Ставъ между нихъ, среброногая матерь богиня
За руку сына взяла, называла и такъ говорила:
„Сынъ мой! оставимъ мертваго, какъ ни прискорбно то сердцу,
Съ миромъ лежать: всемогущихъ боговъ онъ волей поверженъ.
Встань и прими, Пелейонъ, отъ Гефеста доспѣхъ велелѣпный,
Дивный, какой никогда не сіялъ вкругъ раменъ человѣка".
Такъ произнесши, Ѳетида на землю доспѣхъ положила
Предъ Ахиллесомъ, и весь зазвучалъ онъ, украшенный дивно.
Вздрогнули всѣ Мирмидонцы; не могъ ни одинъ на доспѣхи
Прямо взглянуть, отвратились они. Ахиллесъ же могучій
Только взглянулъ—и сильнѣйшимъ исполнился гнѣвомъ; ужасно
Очи его изъ-подъ вѣждей, какъ огненный пылъ, засверкали.
Съ радостью взявъ, любовался онъ даромъ сіяющимъ бога
И, когда свое сердце нарадовалъ, смотря на чудо,
Къ матери среброногой крылатую рѣчь устремилъ онъ:
„Матерь! доспѣхъ сей безсмертнаго даръ; несомнительно долженъ
Быть онъ твореніемъ бога, не смертнаго мужа онъ дѣло.
Нынѣ же я воружаюся. Но объ одномъ безпокойно
Сердце мое: чтобы тою порою въ Патрокловомъ тѣлѣ
Мухи, проникши въ глубокія, мѣдью пробитыя раны,
Алчныхъ червей не родили: они исказятъ его образъ
(Живнь отъ него отлетѣла!), и тлѣніе тѣло обыметъ!"
Вновь говорила ему среброногая матерь Ѳетида:
„Сынъ мой! заботой о семъ не тревожь ты болѣе сердца.
Я попекусь отгонять отъ него кровожадные сонмы
Мухъ, которыя тѣло убитыхъ мужей пожираютъ,
И хотя бы лежалъ онъ въ теченіе круглаго года,
Тѣло его невредимо и даже прекраснѣе будетъ.
Ты же, мой сынъ, на собранье созвавши героевъ Ахейскихъ,
Гнѣвъ прекрати на Атреева сына, владыку народовъ,
Быстро на бой ополчись и могучестью вновь облекися".
Такъ говорила и духъ дерзновеннѣйшій сыну вдохнула,
Другу жъ его и амвровію въ ноздри, и нектаръ багряный
Тихо вліяла, да тѣло его невредимо пробудетъ.
Быстро по берегу моря пошелъ Ахиллесъ быстроногій,
Голосомъ страшнымъ крича, и всѣхъ взволновалъ онъ Ахеянъ.

Мужи, которые прежде всегда при судахъ оставались,
Всѣ корабельщики, кои судовъ управляли кормиломъ,
Даже зажитники ратныхъ дружинъ, раздаватели хлѣба,
Всѣ поспѣшили въ собранье, когда Ахиллесъ благородный
Вновь показался, столь долго чуждавшійся брани кровавой.
Двое хромающи шли, знаменитые слуги Арея,
Царь Одиссей и Тидидъ Діомедъ, воеватель могучій,
Шли, опираясь на копья, нося еще тяжкія раны.
Оба, пришедши, сни на мѣстахъ переднихъ возсѣли;
Вслѣдъ ихъ притекъ и Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ,
Раной недужный: зане и его среди бурнаго боя
Ранилъ Коонъ Антенoридъ огромною пикою мѣдной.
И, когда уже всѣ на собранье сошлися Ахейцы,
Всталъ между ними и такъ говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
„Царь Агамемнонъ! полезнѣе было бы, если бы прежде
Такъ поступили мы оба, когда, въ огорченіи нашемъ,
Гложущей душу враждой воспылали за плѣнную дѣву!
О! почто Артемида сей дѣвы стрѣлой не пронзила
Въ день, какъ ее между плѣнницъ избралъ я, Лирнессъ разоривши:
Столько Ахейскихъ героевъ земли не глодало бъ зубами,
Павъ подъ руками враждебныхъ, когда я упорствовалъ въ гнѣвѣ!
Гекторъ и Трои сыны веселятся о томъ, а Данаи
Долго, я думаю, будутъ раздоръ нашъ погибельный помнить.
Но совершившееся прежде оставимъ въ прискорбіи нашемъ,
Гордое сердце въ груди укротимъ, какъ велитъ неизбѣжность.
Нынѣ я гнѣвъ оставляю рѣшительно; я не намѣренъ
Сердца крушить враждой безконечною. Царь Агамемнонъ,
Въ битву подвигни скорѣе мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ;
Дай мнѣ скорѣе идти на Троянъ и еще испытать ихъ,
Иль и теперь ночевать предъ судами намѣрены? Нѣтъ, уповаю,
Радостно каждый изъ нихъ утомленныя склонитъ колѣна,
Каждый, на пламенной битвѣ отъ нашихъ оружій избывшій!“
Такъ говорилъ,—и наполнились радостью всѣ Аргивяне,
Слыша, что гнѣвъ навсегда оставляетъ Пелидъ благородный.
Началъ тогда говорить повелитель мужей Агамемнонъ,
Съ мѣста возставъ, гдѣ сидѣлъ, но стоять на средину не вышелъ:
„Други, Данаи герои, безстрашные слуги Арея!
Вставшаго надобно слушать; начавшаго слово не должно
Перерывать: затруднится и самый искусный витія.
Въ шумномъ народномъ говорѣ можно ли что-либо слышать,
Или сказать?—заглушится витія, какъ ни былъ бы громокъ.
Съ сыномъ Пелеевымъ я объясняюся; вы же, Ахейцы,

Слушайте всѣ со вниманьемъ и рѣчи мои вразумите.
Часто о дѣлѣ мнѣ семъ говорили Ахейскіе мужи,
Часто винили меня, но не я, о Ахейцы, виновенъ:
Зевсъ Эгіохъ и Судьба, и бродящая въ мракахъ Эриннисъ:
Боги мой умъ на совѣтѣ наполнили мрачною смутой
Въ день злополучный, какъ я у Пелида похитилъ награду.
Что жъ бы я сдѣлалъ? Богиня могучая все совершила,
Дщерь Громовержца Обида, которая всѣхъ ослѣпляетъ,
Страшная; нѣжны стопы у нея: не касается ими
Праха земного; она по главамъ человѣческимъ ходитъ,
Смертныхъ язвя, а иного и въ сѣти легко уловляетъ.
Древле она ослѣпила и Зевса, который превыше
Всѣхъ земнородныхъ и всѣхъ небожителей: даже и Зевса
Гера, хотя и жена, но коварствомъ своимъ обманула
Въ день, какъ готова была счастливая матерь Алкмена
Силу Геракла родить въ опоясанныхъ башнями Ѳивахъ.
Зевсъ, величаясь уже, говорилъ предъ соборомъ безсмертныхъ:
Слушайте слово мое, и боги небесъ и богини:
Я вамъ повѣдать желаю, что въ персяхъ мнѣ сердце внушаетъ:
Нынѣ, родящихъ помощница, въ свѣтъ изведетъ Илиѳія
Мужа, который надъ всѣми окрестными царствовать будетъ,
Вѣтвь человѣковъ великихъ, отъ крови моей исходящихъ".
Зевсу, коварное мысля, вѣщала владычица Гера:
„Ложь, Эгіохъ! никогда своего не исполнишь ты слова.
Или дерзни, поклянись, Олимпіецъ, великою клятвой,
Что надъ всѣми окрестными истинно царствовать будетъ
Смертный, который въ сей день упадетъ на колѣна родившей,
Вѣтвь человѣковъ великихъ, отъ крови твоей исходящихъ".
Такъ говорила, но Зевсъ не почувствовалъ козней супруги,
Клятвой поклялся святой и раскаялся, горько прельщенный.
Гера, стремительно бросясь, оставила холмы Олимпа,
Быстро достигла Ахейскаго Аргоса, гдѣ уже прежде
Знала богиня супругу царя Персеида Сѳенела.
Сына царица седьмой уже мѣсяцъ въ утробѣ носила.
Гера его до срока на свѣтъ извела, но Алкмены
Въ срокъ удержала роды, удаливши помощныхъ Илиѳій.
Съ вѣстью о томъ передъ Зевса предстала сама и вѣщала:
Зевсъ сребромолненный! слово тебѣ полагаю на сердце:
Смертный рожденъ знаменитый, что царствовать въ Аргосѣ долженъ,
Мужъ Эврисѳей, Персеида Сѳенела геройская отрасль,
Племя твое; не будетъ онъ Аргосу царь недостойный".
Такъ изрекла,—и жестокая горесть ударила въ сердце

Зевса. Схватилъ онъ Обиду за пышноблестящіе кудри,
Страшнымъ пылающій гнѣвомъ, и клялся великою клятвой,
Что на холмистый Олимпъ и звѣздами вѣнчанное небо
Ввѣкъ не взыдетъ Обида, которая всѣхъ ослѣпляетъ.
Такъ произнесъ онъ и махомъ десницы отъ звѣзднаго неба
Ринулъ ее,—и упала она на дѣла человѣка.
Зевсъ отъ нея же стоналъ, какъ любезнаго сына онъ видѣлъ,
Низкое иго носящаго, въ подвигахъ для Эврисѳея.
Такъ-то и я, какъ великій, шеломомъ сверкающій Гекторъ
Рати Ахейскихъ сыновъ истреблялъ при кормахъ корабельныхъ,
Самъ не могъ позабыть я Обиды, меня ослѣпившей.
Но, какъ уже погрѣшилъ я, и Зевсъ мой разумъ похитилъ,
Самъ то загладить хочу и воздать многоцѣнною яздою.
Храбрый, воздвигнись на бой, возбуди и другія дружины!
Что до даровъ, я всѣ ихъ представлю, какіе посланникъ
Прошлаго дня предъ тобой исчислялъ, Одиссей благородный.
Если не хочешь, помедли ты, сколько ни жаждущій боя:
Слуги мои тѣ дары; въ кораблѣ собравши, представятъ
И увидишь ты, что я тебѣ, угождая дарую“,
Сыну Атрея отвѣтствовалъ царь Ахиллесъ благородный:
„Славою свѣтлый Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ!
Хочешь ли мнѣ дары примиренья, какъ должно, доставить,
Иль удержать ихъ—ты властенъ; теперь же о битвѣ помыслимъ
Безъ отлагательствъ: и что въ разсужденіяхъ время намъ тратить?
Что намъ здѣсь медлить? еще не свершилось великое дѣло!
Пусть, кто желаетъ, опять впереди Ахиллеса увидитъ,
Мѣдною пикой фаланги крушащаго ратей Троянскихъ,
И, подобно ему, да пылаетъ съ врагами сражаться!“
Но Пелиду царю возразилъ Одиссей многоумный:
„Нѣтъ, сколь ни мужественъ ты, Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный,
Воинствъ Ахейскихъ, голодныхъ еще, не веди къ Иліону
Биться съ Троянами храбрыми! Нѣтъ, не на краткое время
Битва завяжется, если Троянъ и Ахеянъ фаланги
Въ сѣчу сойдутся, и богъ имъ вдохнетъ одинакую храбрость.
Прежде Ахейскимъ сынамъ повели ты насытиться въ станѣ
Хлѣбомъ, виномъ: оно человѣку и бодрость и крѣпость.
Мужъ ни одинъ, во весь день, отъ восхода до запада солнца,
Пищею не подкрѣпленный, не въ силахъ выдерживать боя,
Сердцемъ въ груди неистомнымъ хотя бъ и пылалъ онъ сражаться:
Члены у тощаго всѣ тяжелѣютъ, его безпокоитъ
Жажда и гладъ, у него на пути запинаются ноги.
Но человѣкъ, укрѣпяся виномъ и насытяся пищей,

Можетъ весь день подъ оружіемъ съ силой враждебныхъ сражаться.
Духъ въ его персяхъ и крѣпокъ, и бодръ, и усталости члены
Прежде не слышатъ, доколѣ съ побоища всѣ не соступятъ.
Такъ, Ахиллесъ! распусти Аргивянъ и вели имъ готовить
Завтракъ. Дары для тебя повелитель мужей Агамемнонъ
Пусть предъ собранье народа представитъ, да всѣ ихъ Данаи
Узрятъ очами, и самъ ты свое да возрадуешь сердце.
Пусть поклянется тебѣ, предъ народомъ возставъ, что донынѣ
Къ дѣвѣ на одръ не всходилъ, не сближался съ младой Бризеидой
Такъ, какъ мужамъ и женамъ свойственно межъ человѣковъ.
Ты же и самъ укротися душою и будь благосклоненъ.
Пусть напослѣдокъ тебя угоститъ онъ торжественнымъ пиромъ
Въ кущахъ своихъ, чтобы должное ты получилъ безъ урона.
Ты, Агамемнонъ могучій, впередъ и къ другому Ахейцу
Самъ справедливѣе будь: униженія нѣтъ властелину
Съ мужемъ искать примиренья, котораго самъ оскорбилъ онъ".
Сыну Лаерта немедля отвѣтствовалъ царь Агамемнонъ:
„Радуясь рѣчи твои, Лаертидъ благородный, я слушалъ;
Истину ты говорилъ и о всемъ разсуждалъ справедливо.
Клятву готовъ произнесть я, какъ самое сердце велитъ мнѣ,
И передъ богомъ клятву неложную! Сынъ же Пелеевъ
Здѣсь между тѣмъ да останется, сколько ни жаждущій бои;
Здѣсь и другіе останьтесь, Ахейцы, пока изъ-подъ сѣней
Придутъ дары, и пока совершу я священныя клятвы.
Дѣло сіе, Одиссей, на тебя самого возлагаю.
Ты, благороднѣйшихъ юношей въ станѣ Ахейскомъ избравши,
Всѣ тѣ дары, что вчера обѣщали мы дать Ахиллесу,
Самъ принеси съ корабля моего и женъ приведи намъ.
Ты жъ мнѣ, Талеибій, скорѣе въ Ахейскомъ станѣ обширномъ
Вепря нашедъ, уготовь на закланіе Зевсу и Солнцу".
Сыну Атрея отвѣтствовалъ вновь Ахиллесъ быстроногій:
„Славою свѣтлый Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ!
Послѣ, въ другое время о томъ вамъ заботиться лучше,
Въ часъ, какъ отдыхъ коротній отъ тягостной брани случится
И какъ гнѣвъ въ моемъ сердцѣ не столько свирѣпствовать будетъ.
Нынѣ еще передъ нами лежатъ мертвецы тѣ, которыхъ
Гекторъ свирѣпый убилъ, какъ Зевсъ даровалъ ему славу,
Вы же народъ приглашаете къ пищѣ! Не такъ бы я думалъ:
Я бы теперь же совѣтовалъ въ битву идти Аргивянамъ,
Гладнымъ и тощимъ, и только вечерній, предъ западомъ солнца,
Пиръ уготовить всеобщій, когда мы отмстимъ поруганье.
Прежде сего никакое питье, никакая мнѣ пища,

Вѣрно, въ уста не войдетъ, передъ другомъ моимъ бездыханнымъ!
Онъ у меня среди кущи, истерзанный мѣдью жестокой,
Къ двери ногами лежитъ распростертый: кругомъ его други
Плачутъ печальные! Нѣтъ, у меня въ помышленьи не пища:
Битва, и кровь, и враговъ умирающихъ страшные стоны!"
Вновь, обратяся къ нему, говорилъ Одиссей многоумный:
„О, Ахиллесъ Пелейонъ, величайшій воитель Ахейскій!
Ты знаменитѣй меня, а не меньше того и сильнѣе
Въ битвѣ копьемъ, но тебя, о герой, превзойду я далеко
Знаніемъ: прежде родился я, больше тебя я извѣдалъ.
Пусть ужъ душа у тебя укротится моимъ убѣжденьемъ:
Скоро сердце людей пресыщается въ битвѣ убійствомъ;
Гдѣ уже множество класовъ мѣдь по землѣ разостлала,
Жатва становится скудной, какъ скоро вѣсы наклоняетъ
Зевсъ Эгіохъ, межъ племенъ человѣческихъ браней рѣшитель.
Нѣтъ, не утробою должно Ахейцамъ крушиться о мертвыхъ:
Много Ахейскихъ сыновъ, ежедневно ряды надъ рядами,
Падаютъ: кто жъ и когда бы успѣлъ отдохнуть отъ печали?
Долгъ нашъ землѣ предавать испустившаго духъ человѣка,
Твердость въ душѣ сохраняя, поплакавши день надъ умершимъ;
Тѣмъ же, которые живы отъ гибельныхъ битвъ остаются,
Должно питьемъ и ѣдой укрѣпляться, чтобъ съ ревностью новой
Каждому противъ враговъ и всегда безъ усталости биться,
Мѣдью покрывшися крѣпкою. Нѣтъ, да никто изъ народа
Въ станѣ не медлитъ, приказа для войскъ ожидая другого!
Пагубенъ будетъ приказъ сей для каждаго, кто-бъ ни остался,
Между судовъ укрываяся. Нѣтъ, на Троянъ конеборныхъ
Нынѣ мы всѣ пойдемъ и воздвигнемъ жестокую битву!"
Рекъ и съ собою сыновъ знаменитаго Нестора взялъ онъ,
Мегеса, отрасль Филея, вождя Меріона, Ѳоаса
И Меланиппа вождя съ Ликомедомъ, Крейоновымъ сыномъ.
Вмѣстѣ они поспѣшили царя Агамемнона къ сѣни.
Скоро, какъ было сказано слово, исполнено дѣло:
Семь Ахиллесу обѣщанныхъ въ сѣни треножниковъ взяли,
Двадцать блестящихъ лаханей, двѣнадцать коней пышногривыхъ,
Вывели вмѣстѣ и женъ непорочныхъ, работницъ искусныхъ
Семь и осьмую румяноланитую Бризову дочерь.
Со златомъ же самъ Одиссей, отвѣсивши десять талантовъ,
Шелъ впереди, а юноши слѣдомъ съ другими дарами.
Ихъ предъ собраньемъ они положили, Атридъ Агамемнонъ
Всталъ; провозвѣстникъ Талѳибій, голосомъ богу подобный,
Вепря руками держа, предсталъ предъ владыку народа.

Царь Агамемнонъ, стремительно ножъ обнаживши десною,
Острый, всегда у него при влагалищѣ мечномъ висящій,
Съ вепря щетины отсѣкъ для начатковъ и, руки воздѣвши,
Зевсу владыкѣ молился. Ахеяне окрестъ сидѣли
Тихо, съ приличнымъ вниманіемъ слушая слово царево;
Онъ же, моляся, вѣщалъ, на пространное небо взирая:
„Зевсъ да будетъ свидѣтелемъ, богъ высочайшій, сильнѣйшій!
Солнце, Земля и Эринніи, тѣ, что въ жилищахъ подземныхъ
Грозно караютъ смертныхъ, которые ложно клялися!
Я здѣсь клянусь, что на Бризова дочь руки я не поднялъ,
Къ ложу неволя ее, иль къ чему бы то ни было нудя;
Нѣтъ, безмятежной она подъ моимъ оставалася кровомъ!
Если жъ поклялся я ложно, да боги меня покарaютъ
Всѣми бѣдами, какими карaютъ они вѣроломныхъ!“
Рекъ и гортань кабана отсѣкаетъ суровою мѣдью.
Жертву Талеибій въ пучину глубокую моря сѣдого
Рыбамъ на снѣдь, размахавши, повергъ. Ахиллесъ быстроногій
Думенъ возсталъ и такъ говорилъ между сонма Данаевъ:
„Зевсъ! бѣды жестокія ты посылаешь на смертныхъ!
Нѣтъ, никогда бъ у меня Агамемнонъ властительный въ персяхъ
Сердца на гнѣвъ не подвигъ, никакимъ бы сей дѣвы коварствомъ
Онъ противъ воли моей не похитилъ, но Зевсъ, несомнѣнно,
Зевсъ восхотѣлъ столь многимъ Ахеянамъ смерть уготовить!
Къ завтраку, други, спѣшите и послѣ начнемъ нападенье!“
Такъ произнесши, собраніе быстрое онъ распускаетъ.
Всѣ разсѣваются, къ кущѣ своей удаляется каждый.
Тою порой Мирмидонцы, принявши дары примиренья,
Съ ними пошли къ кораблю Ахиллеса, подобнаго богу;
Ихъ положили подъ кущей героя, а женъ посадили;
Коней погнали въ табунъ Ахиллесовы вѣрные слуги,
Бризова дичь, златой Афродитѣ подобная ликомъ,
Только узрѣла Патрокла, пронзеннаго мѣдью жестокой,
Вкругъ мертвеца обвилась, возрыдала и съ воплями стала
Перси терзать, и нѣжную выю, и ликъ свой прелестный.
Плача, жена, какъ богиня прекрасная, такъ говорила:
„О мой Патроклъ! о другъ, для меня злополучной безцѣнный!
Горе, живого тебя я оставила, сѣнь покидая,—
Въ сѣнь возвратясь, обрѣтаю мертваго, пастырь народа!
Такъ постигаютъ меня безпрерывныя бѣдство за бѣдствомъ!
Мужа, съ которымъ меня сочетали родитель и матерь,
Видѣла я передъ градомъ пронзеннаго мѣдью жестокой,
Видѣла братьевъ троихъ (родила насъ единая матерь),

Всѣхъ одинако мнѣ милыхъ, погибельнымъ днемъ поглощенныхъ.
Ты же меня и въ слезахъ, когда Ахиллесъ градоборецъ
Мужа сразилъ моего и обитель Минеса разрушилъ.
Ты утѣшалъ, говорилъ, что меня Ахиллесу герою
Сдѣлаешь счастливой супругой, что скоро во Фтійскую землю
Самъ отвезешь и нашъ бракъ съ Мирмидонцами праздновать будешь.
Палъ ты! тебя мнѣ оплакивать вѣчно, юноша милый!“
Такъ говорила, рыдая. Стенали и прочія жены
Въ виду, казалось, о мертвомъ, но въ сердцѣ о собственномъ горѣ.
Тою порой къ Ахиллесу Ахейскіе старцы сходились,
Пищей прося укрѣпиться, но онъ отвергалъ ихъ, стенящій:
„Други! молю васъ, когда еще есть мнѣ другъ здѣсь послушный,
Нѣтъ, не просите меня, чтобъ питьемъ, чтобъ какой-либо пищей
Я насладился: жестокая горесть меня раздираетъ!
Солнце пока не зайдетъ, не приму, не коснуся я пищи!“
Такъ говоря, отпустилъ отъ себя властелиновъ Ахейскихъ.
Только Атриды остались и сынъ многоумный Лаертовъ,
Несторъ, Идоменей и божественный Фениксъ, но тщетно
Вмѣстѣ они утѣшали печальнаго: сердцемъ онъ веселъ
Не былъ, покуда не бросился въ бездну брани кровавой.
Думалъ онъ лишь о Патроклѣ, объ немъ говорилъ, воздыхая:
„Прежде, бывало, мнѣ ты, злополучный, любезнѣйшій другъ мой,
Самъ подъ кущей моею пріятную снѣдь предлагаешь
Скоро всегда и заботливо, если, бывало, Ахейцы
Брань многослезную снова Троянамъ нанесть поспѣшаютъ.
Нынѣ лежишь ты, пронзенный, и сердце мое отвергаетъ
Здѣсь изобильную снѣдь и питье, по тебѣ лишь тоскуя!
Нѣтъ, не могло бы меня поразить жесточайшее горе,
Если бъ печальную вѣсть и о смерти отца я услышалъ,
Старца, который, быть можетъ, льетъ горькія слезы во Фтіи,
Помощи сына лишенный, тогда какъ въ землѣ чужелюдной
Ради презрѣнной Елены сражаюсь я съ чадами Трои;
Даже, когда бъ я услышалъ о смерти и сына въ Скиросѣ,
Милаго, если онъ живъ еще, Неоптолемъ мой прекрасный:
Прежде меня утѣшала хранимая въ сердцѣ надежда,
Что умру я одинъ, далеко отъ отчизны любезной,
Въ чуждой Троянской землѣ, а ты возвратишься во Фтію;
Ты, уповалъ я, мнѣ сына въ своемъ кораблѣ быстролетномъ
Въ домъ привезешь изъ Скироса и юношѣ все тамъ покажешь:

Наше владѣнье, рабовъ и высокія кровли палаты.
Ибо Пелей, говоритъ мое сердце, уже или умеръ,
Или, быть можетъ, едва уже дышитъ, согбенный подъ игомъ
Старости скорбной и грусти, и ждетъ обо мнѣ безпрестанно
Вѣсти убійственной сердцу, когда о погибшемъ услышитъ!"
Такъ говорилъ онъ и плакалъ; кругомъ воздыхали герои,
Каждый о томъ вспоминая, что милаго въ домѣ оставилъ.
Съ неба печальныхъ узрѣвъ, милосердовалъ Зевсъ промыслитель
И къ Аѳинѣ Палладѣ крылатую рѣчь обратилъ онъ:
„Или ты вовсе, о дочь, отступилась отъ славнаго мужа?
Или нисколько уже не заботишься ты о Пелидѣ?
Се онъ, сидя одинъ при своихъ корабляхъ прямокормныхъ,
Горестный плачетъ по другѣ любезномъ. Всѣ Аргивяне
Пищу вкушаютъ, а онъ остается и гладный, и тощій.
Шествуй, Аѳина, и нектаромъ свѣтлымъ съ амврозіей сладкой
Грудь ороси Ахиллесу, да немощь его не обыметъ".
Рекъ и подвигнулъ Аѳину, давно пламенѣвшую сердцемъ.
Быстро она, какъ орелъ звонкогласый, ширококрылатый,
Съ неба слетѣла по воздуху. Тою порою Ахейцы
Воинствомъ всѣмъ ополчались по стану. Пелееву сыну
Нектаромъ Зевсова дочь и амврозіей сладкой незримо
Грудь оросила, да немощь отъ глада его не обыметъ,
И сама на Олимпъ вознеслась къ мѣднозданному дому
Зевса. Ахейцы жъ лилися отъ черныхъ судовъ мореходныхъ.
Словно какъ снѣжные клоки летятъ отъ Зевеса густые,
Быстро гонимые хладнымъ, эѳиръ проясняющимъ вѣтромъ,—
Такъ отъ Ахейскихъ судовъ несчетные въ поле неслися
Шлемы, игравшіе блескомъ щиты, воздымавшіе бляхи,
Крѣпко сплоченныя брони и ясеня твердаго копья.
Блескъ восходилъ до небесъ; подъ пышнымъ сіяніемъ мѣди
Окрестъ смѣялась земля; и весь берегъ гремѣлъ подъ стопами
Ратныхъ мужей. Посреди ихъ Пелидъ ополчался великій.
Зубы его скрежетали отъ гнѣва; быстрыя очи
Страшно, какъ пламень, свѣтились; но сердце ему раздирала
Грусть нестерпимая. Такъ на Троянъ онъ, пышащій гнѣвомъ,
Бога дарами облекся, Гефеста созданіемъ дивнымъ.
Прежде всего положилъ онъ на быстрыя ноги поножи
Пышныя, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
Послѣ на мощную грудь надѣвалъ испещренныя латы;
Бросилъ мечъ на плечо съ рукояткой серебряногвоздной,
Съ лезвеемъ мѣднымъ; взялъ наконецъ и огромный и крѣпкій
Щитъ: далеко отъ него, какъ отъ мѣсяца, свѣтъ разливался.

Словно какъ по морю свѣтъ мореходцамъ во мракѣ сіяетъ,
Свѣтъ отъ огня, далеко на вершинѣ горящаго горной,
Въ кущѣ пустынной; а ихъ противъ воли волны и буря,
Мча по кипящему понту, несутъ далеко отъ любезныхъ,
Такъ отъ щита Ахиллесова, пышнаго, дивнаго взорамъ,
Свѣтъ разливался по воздуху. Шлемъ многобляшный поднявши,
Крѣпкій надѣлъ на главу; и сіялъ, какъ звѣзда, надъ главою
Шлемъ конѣвласый, и грива на немъ волновалась златая,
Густо Гефестомъ разлитая окрестъ высокаго гребня.
Такъ Ахиллесъ ополчася, испытывать началъ доспѣхи,
Въ пору ли стану, легки и свободны ли членамъ красивымъ,
И, какъ крылья, они подымали владыку народа.
Взялъ наконецъ изъ ковчега копье онъ отцовское, ясень
Крѣпкій, огромный, тяжелый; его изъ героевъ Ахейскихъ
Двигать не могъ ни одинъ, но легко Ахиллесъ потрясалъ имъ,
Ясенемъ симъ Пеліонскимъ, который отцу его Хиронъ
Ссѣкъ съ высоты Пеліона, на грозную гибель героямъ.
Коней межъ тѣмъ Автомедонъ и сильный Алкимъ снаряжали;
Въ пышныхъ поперсьяхъ къ ярму припрегли ихъ, удила въ морды
Втиснули имъ и, бразды натянувъ, къ колесницѣ прекрасной
Ихъ укрѣпили за кузовъ. Тогда, захвативши рукою
Гибкій блистательный бичъ, въ колесницу вскочилъ Автомедонъ.
Сзади, готовый къ сраженію, сталъ Ахиллесъ быстроногій,
Весь подъ доспѣхомъ сіяя, какъ Гиперіонъ лучезарный.
Крикнулъ онъ голосомъ грознымъ на быстрыхъ отеческихъ коней:
„Ксанѳъ мой и Балій, Подарги божественной славныя дѣти!
Иначе вы постарайтеся вашего вынесть возницу
Къ ратному сонму Данаевъ, когда мы насытимся боемъ,
Вы, какъ Патрокла, его на побоищѣ мертвымъ не бросьте!“
Рекъ онъ, какъ вдругъ подъ упряжью конь взговорилъ бурноногій,
Ксанѳъ; понуривши морду и пышною гривой своею,
Выпавшей вонъ изъ ярма, досягнувъ до земли, провѣщалъ онъ
(Вѣщимъ его сотворила лилейнораменная Гера):
„Вынесемъ, быстрый Пелидъ, тебя еще нынѣ живого,
Но приближается день твой послѣдній! Не мы, повелитель,
Будемъ виною, но богъ всемогущій и рокъ самовластный.
Нѣтъ, не медленность наша, не лѣность дала супостатамъ
Съ персей Патрокла героя доспѣхъ знаменитый похитить:
Богъ многомощный, рожденный прекрасною Летой, Патрокла
Свергнулъ въ переднихъ рядахъ и Гектора славой украсилъ.
Мы же, хотя бы летать, какъ дыханіе Зефира, стали,
Вѣтра быстрѣйшаго всѣхъ, но и самъ ты, назначено рокомъ,

Долженъ отъ мощнаго бога и смертнаго мужа погибнуть!“
Съ сими словами Эринніи голосъ коня перервали.
Мраченъ и гнѣвенъ къ коню говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
„Что ты, о конь мой, пророчишь мнѣ смерть? Не твоя то забота!
Слишкомъ я знаю и самъ, что судьбой суждено мнѣ погибнуть
Здѣсь, далеко отъ отца и отъ матери. Но не сойду я
Съ боя, доколѣ Троянъ не насыщу кровавою бранью“
Рекъ и съ крикомъ впередъ устремилъ онъ коней звуконогихъ.

ПѢСНЬ XX.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Когда оба воинства выступили къ сраженію, Зевсъ, призвавъ боговъ на соборъ, позволяетъ имъ вспомоществовать въ брани, кому кто желаетъ, дабы Ахиллесъ не нанесъ совершеннаго пораженія Троянамъ, ст. 1—30. Сходятъ съ Олимпа: Гера, Аѳина, Посидаонъ, Гермесъ, Гефестъ, чтобы поборать за Ахеянъ, а за Троянъ—Арей, Аполлонъ, Ксанеъ, Артемида, Лета и Киприда. Приближеніе боговъ къ брани сопровождается грозными явленіями: громомъ съ небесъ, колебаніемъ земли, котораго самъ Аидъ ужасается, 31—74. Ахиллесъ выходитъ на бой и ищетъ Гектора, но Аполлонъ возбуждаетъ противъ него Энея, 75—111. Гера хочетъ противиться ему, но отвращена отъ своего намѣренія Посидаономъ, по совѣту котораго всѣ боги возсѣдаютъ вдали отъ боя, одни на валу Геракловомъ, а другіе на Калликолонѣ, 112—155. Эней и Ахиллесъ сходятся на бой, разговариваютъ, 156—258, сражаются, 259—290; но Энея, которому судьбою опредѣлено царствовать надъ Троянами, Посидаонъ избавляетъ отъ смерти, далеко отбросивъ его по воздуху, 291—352. Ахиллесъ и Гекторъ, оба впереди воинствъ, возбуждаютъ ихъ къ бою, но послѣдній, по совѣту Аполлона, наконецъ удаляется въ толпу. Ахиллесъ нападаетъ на Троянъ и, кромѣ многихъ другихъ, убиваетъ Полидора, Пріамова сына, 353—418. Гекторъ пылая отмстить за смерть брата, выходитъ на Ахиллеса, сражаются, но Аполлонъ и его, покрывъ облакомъ, спасаетъ, 419—454. Разъяренный Ахиллесъ нападаетъ на другихъ Троянъ и покрываетъ поле битвы тѣлами и оружіемъ пораженныхъ, 455—503.

Такъ при судахъ дуговерхихъ блестящіе мѣдью Ахейцы
Строились окрестъ тебя, Пелейонъ, ненасытимый бранью.
Ихъ ожидали Трояне, занявъ возвышеніе поля.
Зевсъ же отецъ повелѣлъ, да Ѳеміса безсмертныхъ къ совѣту

Всѣхъ призываетъ съ холмовъ Олимпійскихъ; она, обошедъ ихъ,
Всѣмъ повелѣла въ Кроніоновъ домъ собираться. Сошлися
Всѣ, и Потоки, и Рѣки, кромѣ Океана сѣдого;
Самыя Нимфы явились, живущія въ рощахъ прекрасныхъ
И въ источникахъ свѣтлыхъ, и въ злачноцвѣтущихъ долинахъ.
Въ домъ Олимпійскій собравшися тучегонителя Зевса,
Сѣли они въ переходахъ блестящихъ, которые Зевсу
Самъ Гефестъ хромоногій по замысламъ творческимъ создалъ.
Такъ собиралися къ Зевсу безсмертные; самъ Посидаонъ
Не былъ Ѳемисѣ преслущенъ: изъ моря предсталъ онъ съ другими,
Сѣлъ посединѣ безсмертныхъ и Зевса выспрашивалъ волю:
„Что, Сребромолненный, паки боговъ на соборъ призываешь?
Хощешь ли разсудить о Троянахъ или Аргивянахъ?
Брань между ними близка, и немедленно бой запылаетъ".
Слово къ нему обращая, вѣщалъ громоверженъ Кроніонъ:
„Такъ, Посидаонъ! проникъ ты мою сокровенную волю,
Ради которой васъ собралъ: пекусь и о гибнущихъ смертныхъ.
Но останусь я здѣсь и, возсѣвъ на вершинѣ Олимпа,
Буду себя услаждать созерцаніемъ. Вы же, о боги,
Нынѣ шествуйте всѣ къ ополченьямъ Троянъ и Ахеянъ,
Тѣмъ и другимъ поборайте, которымъ желаете каждый.
Если одинъ Ахиллесъ на Троянъ устремится, ни мига
Въ полѣ не выдержать имъ Эакидова бурнаго сына.
Трепетъ и прежде ихъ всѣхъ обымалъ при одномъ его видѣ,
Нынѣ жъ, когда онъ и гнѣвомъ за друга пылаетъ ужаснымъ,
Самъ я страшусь, да, судьбѣ вопреки, не разрушитъ онъ Трои".
Такъ онъ вѣщалъ,—и возжегъ неизбѣжную брань межъ богами.
Къ брани, душой несогласные, боги съ небесъ понеслися.
Гера къ Ахейскимъ судамъ, и за нею Паллада Аѳина,
Царь Посидонъ многомощный, объемлющій землю, и Гермесъ,
Щедрый податель полезнаго, мыслей исполненный свѣтлыхъ.
Съ ними къ судамъ и Гефестъ, огромный и пышащій силой,
Шелъ хромая; съ трудомъ волочилъ онъ увѣчныя ноги.
Къ ратямъ Троянъ устремился Арей, шеломомъ блестящій,
Фебъ, не стригущій власовъ, Артемида, гордая лукомъ,
Лета, стремительный Ксанѳъ и съ улыбкой прелестной Киприда.
Все то время, пока божества не приблизились къ смертнымъ,
Бодро стояли Ахеяне, гордые тѣмъ, что явился
Храбрый Пелидъ, уклонявшійся долго отъ брани печальной.
Въ рати жъ Троянской у каждаго сердце въ груди трепетало,
Страхомъ объемлясь, что видитъ опять Пелейона героя,
Грозно доспѣхомъ блестящаго, словно Арей смертоносный.

Но едва Олимпійцы приблизились къ ратямъ, Эрида
Встала свирѣпая, брань возжигая; вскричала Аѳина,
То предъ ископаннымъ рвомъ за великой стѣною Ахейской,
То по приморскому берегу шумному крикъ подымая.
Страшно, какъ черная буря, завылъ и Арей мѣднолатный,
Звучно Троянъ убѣждающій, то съ высоты Иліона,
То пробѣгая у водъ Симоиса, по Калликолонѣ.
Такъ Олимпійскіе боги, однихъ на другихъ вовбуждая,
Рати свели и ужасное въ нихъ распалили свирѣпство.
Страшно громами отъ неба Отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ
Грянулъ надъ ними; а долу подъ ними потрясъ Посидаонъ
Вкругъ безпредѣльную землю съ вершинами горъ высочайшихъ.
Все затряслось, отъ кремнистыхъ подошвъ до верховъ многоводныхъ
Ида: и градъ Иліонъ, и суда мѣднобронныхъ Данаевъ.
Въ ужасъ пришелъ подъ землею Аидъ, преисподнихъ владыка;
Въ ужасѣ съ трона онъ прянулъ и громко вскричалъ, да надъ нимъ бы
Лона земли не разверзъ Посидонъ, потрясающій землю,
И жилищъ бы его не открылъ и безсмертнымъ и смертнымъ,
Мрачныхъ, ужасныхъ, которыхъ трепещутъ и самые боги.
Такъ взволновалося все, какъ безсмертные къ брани сошлися!
Противъ царя Посидаона, мощнаго Энносигея,
Сталъ Аполлонъ длиннокудрый, носящій крылатыя стрѣлы;
Противъ Арея—съ очами лазурными дѣва Паллада;
Противу Геры пошла златолукая довди богиня,
Гордая мѣткостью стрѣлъ Артемида, сестра Аполлона;
Противу Леты стоялъ благодѣтельный Гермесъ крылатый;
Противъ Гефеста—потокъ быстроводный, глубокопучинный,
Ксанѳомъ отъ вѣчныхъ боговъ нареченный, отъ смертныхъ — Скамандромъ.
Такъ устремлялися боги противу боговъ. Ахиллесъ же,
Гектора только бы встрѣтить, пылалъ въ толпы погрузиться;
Сердце его безпредѣльно горѣло Пріамова сына
Кровью насытить Арея, убійствомъ несытаго воя.
Но Аполлонъ, возжигатель народа, героя Энея
Противъ Пелида подвигнулъ, наполнивши мужествомъ душу.
Голосъ и образъ принявъ Ликаона, Пріамова сына,
Къ сыну Анхиза предсталъ и вѣщалъ Аполлонъ дальновержецъ:
„Гдѣ же угрозы твои, Анхизидъ, предводитель Дарданцевъ?
Или не ты въ Иліонѣ, съ царями за чашей пируя,
Гордо грозился, что съ сыномъ Пелеевымъ станешь на битву?“
Быстро ему возражая, воскликнулъ Эней предводитель:

„Что ты меня, Пріамидъ, противъ воли моей принуждаешь
Съ сыномъ Пелеевымъ, гордымъ могучестью, боемъ сражаться?
Нынѣ не въ первый бы разъ быстроногому сыну Пелея
Противосталъ я: меня онъ и прежде копьемъ Пеліасомъ
Съ Иды согналъ, какъ нечаянъ нагрянулъ на пажити наши;
Онъ разорилъ и Педасъ и Лирнессъ. Но меня Олимпіецъ
Спасъ, возбудивши во мнѣ и силы, и быстрыя ноги;
Вѣрно, я палъ бы отъ рукъ Ахиллеса и мощной Паллады,
Всюду предтекшей ему, подававшей совѣтъ и могучесть
Мѣднымъ копьемъ побивать крѣпкодушныхъ Троянъ и Лелеговъ.
Нѣтъ, никогда человѣкъ съ Ахиллесомъ не можетъ сражаться:
Съ нимъ божество неотступно, и гибель оно отражаетъ.
Дротъ изъ руки Ахиллесовой прямо летитъ и не слабнетъ
Прежде, чѣмъ крови врага не напьется. Но, если безсмертный
Въ битвѣ присудитъ намъ равный конецъ, не легко и Энея
Онъ одолѣетъ, хотя и гордится, что весь онъ изъ мѣди!“

Сыну Анхизову вновь провѣщалъ Аполлонъ дальноверженъ:
„Храбрый! почто жъ и тебѣ не молиться богамъ вѣковѣчнымъ,
Столько жъ могущимъ! И ты, говорятъ, громовержца Зевеса
Дщерью Кипридой рожденъ, а Пелидъ сей—богинею низшей:
Та отъ Зевеса исходитъ, Ѳетида—отъ старца морского.
Стань на него съ некрушимою мѣдью; отнюдь не смущайся,
Встрѣтясь съ Пелидомъ, ни шумною рѣчью, ни гордой угрозой!“

Рекъ и безстрашнаго духа исполнилъ владыку народовъ:
Онъ устремился впередъ, ополченный сверкающей мѣдью.
Но не укрылся герой отъ лилейнораменныя Геры,
Противъ Пелеева сына идущій сквозь толпища ратныхъ.
Быстро созвавши боговъ, златотронная Гера вѣщала:
„Царь Посидонъ и Аѳина Паллада, размыслите, боги,
Разумомъ вашимъ размыслите, что изъ дѣяній сихъ будетъ?
Видите ль, гордый Эней, ополченный сіяющей мѣдью,
Противъ Пелида идетъ: наустилъ его Фебъ стрѣловержецъ.
Должно немедленно, боги, отсюда обратно отвлечь намъ
Сына Анхизова; или единый изъ насъ да предстанетъ
Сыну Пелея и силой исполнитъ, да въ крѣпости духа
Онъ не скудѣетъ и чувствуетъ самъ, что его, браноносца,
Любятъ сильнѣйшіе боги; а тѣ, что издавна донынѣ
Трои сынамъ побораютъ въ сей брани жестокой,—безсильны!
Всѣ мы оставили небо, желая присутствовать сами
Въ брани, да онъ отъ Троянъ ничего не претерпитъ сегодня;
Послѣ претерпитъ онъ все, что ему непреклонная Участь
Съ перваго дня, какъ рождался отъ матери, выпряла съ нитью.

Если того изъ глагола боговъ Ахиллесъ не познаетъ,
Онъ устрашится, когда на него кто-нибудь отъ безсмертныхъ
Станетъ въ сраженіи: боги ужасны, явившіесь взорамъ".
Герѣ не медля отвѣтствовалъ мощный земли Колебатель:
„Такъ безразсудно свирѣпствовать, Гера, тебя недостойно!
Я не желаю безсмертныхъ сводить на неравную битву,
Насъ и другихъ здѣсь присутственныхъ; мы ихъ могуществомъ выше.
Лучше, когда, совокупно сошедъ мы съ пути боевого,
Сядемъ на холмѣ подзорномъ, а брань человѣкамъ оставимъ.
Если жъ Арей нападенье начнетъ, или Фебъ луконосецъ,
Если препятствовать станутъ Пелееву сыну сражаться,
Тамъ же не медля и мы супротивникамъ битву воздвигнемъ,
Битву ужасную: скоро, надѣюсь, они, разойдяся,
Вспять отойдутъ на Олимпъ и сокроются въ сонмѣ безсмертныхъ,
Нашихъ десницъ, противъ воли своей, укрощенные силой".
Такъ говоря, предъ Аѳиною шествовалъ царь черновласый
Къ валу тому насыпному Геракла, подобнаго богу,
Въ полѣ, который герою Троянскіе мужи съ Аѳиной
Древле воздвигли, чтобъ онъ отъ огромнаго кита спасался,
Если ужасный за нимъ устремлялся отъ берега въ поле.
Тамъ Посидонъ черновласый и прочіе боги возсѣли,
Окрестъ раменъ распростершіе непроницаемый облакъ;
Боги другіе напротивъ, по Калликолонскимъ вершинамъ,
Окрестъ тебя, Аполлонъ, и громителя твердей Арея.
Такъ на обѣихъ странахъ небожители боги сидѣли,
Думая думы; печальную брань начинать Олимпійцы
Медлили тѣ и другіе, но Зевсъ отъ небесъ возбуждалъ ихъ.
Ратями поле наполнилось все, засіяло отъ мѣди
Воевъ, коней, колесницъ; задрожала земля подъ стопами
Толпъ, устремившихся къ бою; но два знаменитые мужа
Войскъ обоихъ на среду выходили, пылая сразиться,
Славный Эней Анхизидъ и Пелидъ Ахиллесъ благородный.
Первый Эней выступалъ, угрожающій; страшно качался
Тяжкій шеломъ на главѣ Анхизидовой; щитъ легкометный
Онъ передъ грудью держалъ и копьемъ потрясалъ длиннотѣннымъ.
Противъ него Ахиллесъ устремлялся, какъ левъ истребитель,
Коего мужи-селяне рѣшася убить непремѣнно
Сходятся, весь ихъ народъ; и сначала онъ, всѣхъ презирая,
Прямо идетъ, но едва его дротикомъ юноша смѣлый
Ранитъ,—напучась онъ къ скоку, зіяетъ; вкругъ страшнаго зѣва
Пѣна клубится; въ груди его стонетъ могучее сердце;
Гнѣвно косматымъ хвостомъ по своимъ онъ бокамъ и по бедрамъ

Хлещетъ кругомъ и себя самого подстрекаетъ на битву;
Взоромъ сверкаетъ и вдругъ, увлеченный свирѣпствомъ, несется
Или стрѣльца растерзать, или въ толпищѣ первымъ погибнуть,—
Такъ поощряла Пелида и сила и мужество сердца
Противо стать возвышенному духомъ Энею герою.
Чуть соступились они, устремляяся другъ противъ друга,
Первый къ нему взговорилъ Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный:
„Что ты, Эней, на такое пространство отшедши отъ рати,
Сталъ? Не душа ли тебя сразиться со мной увлекаетъ
Въ гордой надеждѣ, что ты надъ Троянами царствовать будешь,
Чести Пріама наслѣдникъ? Но, если бъ меня и сразилъ ты,
Вѣрно, Пріамъ не тебѣ свое достояніе ввѣритъ.
Есть у него сыновья, и въ намѣреньяхъ твердъ онъ, незыбокъ.
Или Троянцы тебѣ обѣщаютъ удѣлъ знаменитый,
Лучшее поле для стада и пашенъ, чтобъ имъ обладалъ ты,
Если меня одолѣешь? Тяжелъ, я надѣюся, подвигъ!
Ты ужъ и прежде, я помню, бѣжалъ предъ моимъ Пеліасомъ.
Или забылъ, какъ тебя, одного изловивъ я у стада,
Гналъ по Идейскимъ горамъ и съ какой отъ меня быстротою
Ты убѣгалъ? И назадъ оглянуться не смѣлъ ты, бѣгущій!
Съ горъ убѣжалъ ты, и въ стѣны Лирнесса укрылся, но въ прахъ я
Градъ сей разсыпалъ, ударивъ съ Аѳиной и Зевсомъ Кронидомъ;
Множество женъ полонилъ и, лишивъ ихъ жизни свободной,
Въ рабство увлекъ; а тебя отъ погибели спасъ Громовержецъ.
Нынѣ тебя не спасетъ, какъ надѣюсь, какъ ты полагаешь
Въ сердцѣ твоемъ! Но прими мой совѣтъ и отсюда скорѣе
Скройся въ толпу; предо мною не стой ты, пока надъ тобою
Горе еще не сбылося: событіе зритъ и безумный!“
Но Эней знаменитый отвѣтствовалъ такъ Ахиллесу:
„Сынъ Пелеевъ! напрасно меня, какъ младенца, словами
Ты застращать уповаешь: такъ же легко и свободно
Колкія рѣчи и дерзости самъ говорить я умѣю.
Знаемъ взаимно мы родъ и нашихъ родителей знаемъ,
Сами сказанія давнія слыша изъ устъ человѣковъ;
Но въ лицо какъ моихъ ты, равно и твоихъ я не вѣдалъ.
Ты, говорятъ, благороднаго мужа Пелея рожденье;
Матерь—Ѳетида тебѣ, лѣпокудрая Нимфа морская.
Я же единственнымъ сыномъ высокаго духомъ Анхиза
Славлюся быть, а матерь моя Афродита богиня.
Тѣ иль другіе должны неизбѣжно сегодня оплакать

Сына любезнаго, ибо не мню я, чтобъ дѣтскія рѣчи
Насъ развели и чтобъ съ браннаго поля мы такъ разошлися.
Если жъ ты хочешь, скажу я тебѣ и объ родѣ, чтобъ зналъ ты
Нашъ знаменитый родъ: человѣкамъ онъ многимъ извѣстенъ.
Нашего предка Дардана Зевсъ породилъ Громовержецъ;
Онъ основатель Дарданіи; сей Иліонъ знаменитый
Въ полѣ еще не стоялъ, яснорѣчныхъ народовъ обитель;
Жили еще на погоріяхъ Иды, водами обильной.
Славный Дарданъ Эріхѳонія сына родилъ, скиптроносца,
Мужа, который межъ смертныхъ властителей былъ богатѣйшій:
Здѣсь у него по долинамъ три тысячи коней паслося,
Тучныхъ, младыхъ кобылицъ, жеребятами рѣзвыми гордыхъ.
Къ нимъ не разъ и Борей разгорался любовью на пастбахъ,
Многихъ изъ нихъ посѣщалъ, набѣгая конемъ черногривымъ;
Всѣ понеслися и двѣнадцать коней отъ Борея родили.
Бурные, если они по полямъ хлѣбороднымъ скакали,
Выше земли, сверхъ колосьевъ носилися, стебля не сгибши;
Если жъ скакали они по хребтамъ безпредѣльнаго моря,
Выше воды, сверхъ валовъ разсыпавшихся, быстро летали.
Царь Эріхѳоній родилъ властелина могучаго, Троса;
Тросомъ дарованы свѣту три знаменитые сына:
Илъ, Ассаракъ и младой Ганимедъ, небожителямъ равный.
Истинно, былъ на землѣ онъ прекраснѣйшій сынъ человѣковъ!
Онъ-то богами и взятъ въ небеса, виночерпцемъ Зевесу,
Отрокъ прекрасный, дабы обиталъ среди сонма безсмертныхъ.
Иломъ почтенныхъ рожденъ непорочный душой Лаомедонъ;
Царь Лаомедонъ родилъ знаменитыхъ: Тиѳона, Пріама,
Клитія, Лампа и отрасль Арееву, Гикетаона.
Канисъ, вѣтвь Ассарака, родилъ властелина Анхиза;
Я отъ Анхиза рожденъ, отъ Пріама, божественный Гекторъ.
Вотъ и порода и кровь, каковыми тебѣ я хвалюся!
Доблесть же смертнымъ властительный Зевсъ и величитъ и малитъ,
Какъ соизволитъ Провидецъ: зане онъ единый всесиленъ.
Но довольно о семъ; разговаривать больше, какъ дѣти,
Стоя уже на срединѣ гремящаго боя, не будемъ.
Намъ обоимъ легко насказать оскорбленій взаимныхъ
Столько, что тяжести ихъ не подыметъ корабль стоскамейный.
Гибокъ языкъ человѣка; рѣчей для него изобильно
Всякихъ; поле для словъ и сюда и туда безпредѣльно.
Что человѣку измолвишь, то отъ него и услышишь.
Но къ чему намъ послужатъ хулы и обидныя рѣчи,
Коими, стоя, другъ друга въ лицо мы ругаемъ, какъ жены.

Жены однѣ, распалившися злостію, сердце грызущей,
Шумно ругаются между собою, на улицу вышедъ;
Правду и ложь расточаютъ: гнѣвъ до чего не доводитъ!
Ты отъ желаннаго боя словами меня не отклонишь,
Прежде чѣмъ мѣдью со мной не сразишься. Начнемъ, и скорѣе
Силы одинъ у другого на острыхъ извѣдаемъ копьяхъ!"
Рекъ онъ и мѣдною пикою въ щитъ и чудесный и страшный
Мощно ударилъ,—и весь онъ огромный взревѣлъ подъ ударомъ.
Быстро Пелидъ и далеко рукою дебелой отъ персей
Щитъ отклонилъ, устрашася; онъ думалъ, что дротъ длиннотѣнный
Можетъ пробиться легко, устремленный могучимъ Энеемъ:
Онъ, неразумный, о томъ ни душой, ни умомъ не размыслилъ,
Что не можетъ легко небожителей даръ благородный
Смертнымъ мужамъ уступать, ни могучестью ихъ сокрушаться.
Пущенный сильнымъ Энеемъ щита досточуднаго бурный
Дротъ не пробилъ, обезсиленный златомъ, божественнымъ даромъ.
Двѣ полосы просадилъ онъ, но три ихъ еще оставалось;
Пять въ немъ полосъ сочеталъ хромоногій художникъ небесный:
Двѣ для поверхности мѣдяныхъ, двѣ оловянныхъ въ срединѣ
И одну золотую: она-то копье удержала.
Послѣ герой Ахиллесъ послалъ длиннотѣнную пику
И ударилъ противника въ щитъ его выпуклобляшный,
Около обода, гдѣ и тончайшая мѣдь обвѣгала,
Гдѣ и тончайшая кожа лежала воловья; насквозь ихъ
Ясень прорвалъ Пеліонскій; весь щитъ затрещалъ подъ ударомъ.
Сгорбясь, проникнулъ Эней и стремительно щитъ надъ собою
Въ страхѣ поднялъ; и копье, засвистѣвъ у него надъ спиною,
Стало, вонзившися въ землю, насквозь прохватившее оба
Плотные круга щита. Ускользнувъ отъ убійственной мѣди,
Сталъ Анхизидъ, и въ очахъ его черная мгла разлилася
Съ ужаса, какъ недалеко отъ смерти онъ былъ. Ахиллесъ же
Пламенный, крикнувши страшно и выхвативъ мечъ изощренный,
Бросился, но супротивникъ рукой подхватилъ уже камень,
Страшное дѣло, какого не подняли бъ два человѣка,
Нынѣ живущихъ, а онъ и одинъ имъ размахивалъ быстро.
Тутъ Ахиллеса напавшаго—камнемъ Эней поразилъ бы
Въ шлемъ или въ щитъ, но они отъ него отразили бы гибель;
Сынъ же Пелеевъ мечомъ у Энея исторгнулъ бы душу,
Если бъ того не узрѣлъ Посидонъ, потрясающій землю.
Быстро къ безсмертнымъ богамъ устремилъ онъ крылатое слово:
„Боги! печаль у меня о возвышенномъ духомъ Энеѣ!
Скоро герой, Ахиллесомъ сраженный, сойдетъ къ Аидесу,

Ложныхъ совѣтовъ послушавъ царя Аполлона, который
Самъ, безразсудный, его не избавитъ отъ гибели грозной.
Но за что же теперь неповинный онъ бѣдствовать будетъ?
Казнь понесетъ за вины чужія? Пріятныя жертвы
Часто приноситъ богамъ онъ, на небѣ великомъ живущимъ.
Боги, рѣшимся, и сами его изъ-подъ смерти исторгнемъ.
Можетъ, и Зевсъ раздражится, когда Ахиллесъ у Энея
Жизнь пресѣчетъ: предназначено рокомъ Энею спастися,
Чтобы безчадный, пресѣкшійся родъ не погибнулъ Дардана,
Смертнаго, Зевсу любезнаго болѣе всѣхъ человѣковъ,
Коихъ отъ крови его породили смертныя жены,
Родъ бо Пріама владыки давно ненавидитъ Кроніонъ.
Будетъ отнынѣ Эней надъ Троянами царствовать мощно,
Онъ и сыны отъ сыновъ, имущіе поздно родиться".
Быстро ему отвѣчала богиня верховная Гера:
„Землю колеблющій, собственнымъ разумомъ самъ размышляй ты,
Должно ль избавить тебѣ, иль оставить Троянца Энея
Пасть подъ рукой Ахиллеса великаго, какъ онъ ни славенъ.
Мы, Посидаонъ, богини, и я, и Паллада Аѳина,
Тысячу кратъ передъ всѣми безсмертными клятвой клялися
Трои сыновъ никогда не спасать отъ грозящей напасти,
Даже когда Иліонъ пожирающимъ пламенемъ бурнымъ
Весь запылаетъ, зажженный свѣточьми храбрыхъ Данаевъ".
Геры услышавши рѣчь, Посидаонъ, земли колебатель,
Всталъ, устремился сквозь шумную битву и трескотъ оружій,
Къ мѣсту, гдѣ храбрый Эней и герой Ахиллесъ подвизались.
Быстро, какъ богъ, разліялъ онъ ужасную тьму предъ очами
Сына Пелеева; ясень Пелійскій, сіяющій мѣдью,
Вырвавши самъ изъ щита у высокаго духомъ Энея,
Тихо его положилъ близъ Пелидовыхъ ногъ, а Энея
Мощно рукою поднялъ отъ земли и по воздуху бросилъ:
Многія толпища воиновъ, многія толпища коней
Быстро Эней перепрянулъ, рукой божества устремленный.
Онъ долетѣлъ до предѣловъ кипящаго битвою поля,
Гдѣ ополченья Кавконовъ готовились двинуться въ сѣчу.
Тамъ Анхизиду представъ Посидаонъ, колеблющій землю,
И къ нему возгласилъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Кто изъ безсмертныхъ, Эней, тебя ослѣпилъ и подвигнулъ
Съ сыномъ Пелеевымъ бурнымъ сражаться и мѣряться боемъ?
Онъ и сильнѣе тебя, и любезнѣе жителямъ неба
Съ нимъ и впередъ повстрѣчавшися, вспять утступай передъ грозным,

Или, судьбѣ вопреки, низойдешь ты въ обитель Аида.
Послѣ, когда Ахиллесъ рокового предѣла достигнетъ,
Смѣло геройствуй, Эней, и въ рядахъ первоборныхъ сражайся,
Ибо другой изъ Ахеянъ съ тебя не похититъ корыстей".
Такъ Посидонъ заповѣдавъ, на мѣстѣ оставилъ Энея.
Въ то же мгновеніе богъ отъ очей Ахиллеса разсѣялъ
Облакъ чудесный и, ясно прозрѣвъ, онъ кругомъ оглянулся,
Гнѣвно вздохнулъ и вѣщалъ къ своему благородному сердцу;
„Боги! великое чудо моими очами я вижу:
Дротъ предо мною лежитъ на землѣ, но не зрю человѣка,
Противъ котораго бросилъ, котораго свергнуть пылалъ я!
Вѣрно, и сей Анхизидъ божествамъ Олимпійскимъ любезенъ!
Онъ, полагалъ я, любовію ихъ напрасно гордится.
Пусть онъ скитается! Мужества въ немъ, чтобъ со мною сразиться,
Больше не будетъ, и нынѣ онъ радъ, убѣжавши отъ смерти.
Но устремимся, Данаевъ воинственныхъ рать возбудивши,
Противостанемъ врагамъ и другихъ мы Троянъ испытаемъ".
Рекъ онъ и прянулъ къ рядамъ и мужей возбуждалъ, восклицая:
„Днесь вы не стойте вдали отъ Троянъ, Аргивяне герои!
Мужъ противъ мужа иди и безъ отдыха пламенно бейся!
Трудно мнѣ одному, и съ великою силой моею,
Столько воюющихъ толпъ обойти и со всѣми сражаться!
Нѣтъ, ни Арей, невзирая, что богъ, ни Аѳина Паллада
Бездны сраженій такой не могли бъ обойти, подвизаясь!
Сколько, однакожъ, смогу я, руками, ногами и силой
Дѣйствовать буду, и въ рвеніи, льщусь ни на мигъ не ослабну;
Прямо вездѣ сквозь ряды я пройду, и никто изъ Дарданцевъ
Веселъ не будетъ, который подступитъ къ копью Ахиллеса!"
Такъ возбуждалъ ихъ герой, а Троянъ шлемоблещущій Гекторъ
Крикомъ бодрилъ и грозился идти онъ противъ Ахиллеса:
„Храбрые Трои сыны! не страшитеся вы Пелейона.
Самъ я словами готовъ и противу безсмертныхъ сразиться,
Но копьемъ тяжело: божества человѣковъ сильнѣе.
Рѣчи не всѣ и Пелидъ приведетъ въ исполненіе, гордый,
Но однѣ совершитъ, а другія, не кончивъ, оставитъ.
Я на Пелида иду, хоть огню его руки подобны,
Руки подобны огню, а душа и могучесть—желѣзу!"
Рекъ онъ, и грозно Трояне въ противниковъ подняли копья;
Храбрость сѣялась мужей, и воинственный крикъ ихъ раздался.
Тутъ, явившися Гектору, Фебъ возгласилъ сребролукій:
„Гекторъ! еще не дерзай впереди съ Ахиллесомъ сражаться.
Стой межъ рядовъ, поражай изъ толпы, да тебя и далеко

Онъ не умѣтитъ копьемъ, или близко мечомъ не ударитъ".
Рекъ онъ, и Гекторъ опять погрузился въ волны народа,
Съ трепетомъ сердца услышавши голосъ вѣщавшаго бога.
Тутъ Ахиллесъ на Троянъ, облеченный всей силою духа,
Съ крикомъ ударилъ: и перваго онъ Ифитіона свергнулъ,
Храбраго сына Отринтова, сильныхъ дружинъ воеводу;
Нимфа Наяда его родила градоборцу Отринту,
Около снѣжнаго Тмола, въ цвѣтущемъ селеніи Гиды.
Прямо летящаго ввстрѣчу, его Ахиллесъ быстроногій
Въ голову пикою грянулъ, и надвое черепъ разсѣлся.
Съ громомъ на землю онъ палъ, и вскричалъ Ахиллесъ, величаясь:
„Легъ ты, Отринтовъ сынъ, ужаснѣйшій между мужами!
Умеръ ты здѣсь, на чужбинѣ, а родину бросилъ далеко,
Возлѣ Гигейскаго озера; бросилъ отцовскія нивы;
Около рыбнаго Гилла и быстропучиннаго Герма!"
Такъ величался, а очи сраженнаго тьма осѣнила;
Тѣло же кони Ахеянъ колесами вкругъ истерзали,
Павшее въ первомъ ряду. Ахиллесъ Демолеона тамъ же,
Въ брани противника сильнаго, славную вѣтвь Антенора,
Пикой въ високъ поразилъ, сквозь шеломъ его мѣдноланитный:
Крѣпкая мѣдь не сдержала удара; насквозь пролетѣла
Пика могучая, кость проломила и, въ черепъ ворвавшись,
Съ кровью смѣсила весь мозгъ и смирила его въ нападеньи.
Вслѣдъ Гипподама, который, на долъ соскочивъ съ колесницы,
Бросился въ бѣгъ передъ нимъ, поразилъ онъ копьемъ въ междуплечье;
Онъ, испуская свой духъ, застоналъ, какъ волъ темночелый
Стонетъ, кругомъ алтаря Геликійскаго мощнаго бога
Юношей силой влекомый, и богъ Посидонъ веселится,—
Такъ застоналъ онъ, и духъ его доблестный кости оставилъ.
Тотъ же съ копьемъ полетѣлъ на питомца боговъ Полидора,
Сына Пріамова. Старецъ ему запрещалъ ратоборство.
Онъ изъ сыновъ многочисленныхъ былъ у Пріама юнѣйшій,
Старецъ любимѣйшій сынъ; быстротою всѣхъ побѣждалъ онъ
И, съ неразумія дѣтскаго, ногъ быстротою тщеславясь,
Рыскалъ онъ между передними, пока погубилъ свою душу.
Мѣднымъ дротомъ младаго его Ахиллесъ быстроногій,
Мчавшагось мимо, въ хребетъ поразилъ, гдѣ застежки златыя
Запонъ смыкали и гдѣ представлялася броня двойная:
Дротъ на противную сторону острый пробился сквозь чрево;
Вскрикнувъ, онъ палъ на колѣна; глаза ему тьма окружила
Черная; внутренность къ чреву руками прижалъ онъ, поникшій.

Гекторъ, едва лишь увидѣлъ, что братъ Полидоръ, прободенный,
Внутренность держитъ руками, къ кровавому долу приникшій,
Свѣтъ помрачился въ очахъ Пріамидовыхъ: болѣе не смогъ онъ
Въ дальнихъ рядахъ оставаться; пошелъ онъ противъ Ахиллеса,
Острымъ, какъ пламень, свѣтящимъ, колебля копьемъ. Ахиллесъ же,
Чуть лишь увидѣлъ, подпрянулъ и съ радостью гордой воскликнулъ:
„Вотъ человѣкъ сей, который глубоко пронзилъ мое сердце!
Вотъ сей убійца друга любезнаго! Радуюсь: больше
Другъ мы отъ друга не будемъ но бранному поприщу бѣгать!“
Рекъ и, свирѣпо взглянувъ, къ благородному Гектору вскрикнулъ:
„Ближе приди, да скорѣе дойдешь къ роковому предѣлу!“
И ему, не смущаясь, отвѣтствовалъ Гекторъ великій:
„Сынъ Пелеевъ! меня, какъ младенца, напрасно словами
Ты устрашить ласкаешься: такъ же легко и свободно
Колкія рѣчи и дерзости самъ говорить я умѣю.
Вѣдаю, сколько могучъ ты и сколько тебя я слабѣе.
Но у боговъ всемогущихъ лежитъ еще то на колѣнахъ,
Гордую душу тебѣ не я ли, слабѣйшій, исторгну
Симъ копіемъ: на копьѣ и моемъ остра оконечность!“
Рекъ и, ужасно сотрясши, копье онъ пустилъ; но Аѳина
Духомъ отшибла его отъ Пелеева славнаго сына,
Въ срѣтенье тихо дохнувъ; и назадъ къ Пріамиду герою
Дротъ прилетѣлъ, и безсильный у ногъ его палъ. Ахиллесъ же,
Пламенный, съ крикомъ ужаснымъ, убить нетерпѣньемъ горящій
Ринулся съ пикой; но Фебъ Аполлонъ Пріамида избавилъ
Быстро, какъ богъ: осѣнилъ онъ героя мракомъ глубокимъ.
Трижды могучій Пелидъ на него нападалъ, ударяя
Пикой огромной, и трижды вонзалъ ее въ мракъ лишь глубокій.
Но въ четвертый онъ разъ еще налетѣвши, какъ Демонъ,
Крикнулъ голосомъ страшнымъ, крылатыя рѣчи вѣщая:
„Снова ты смерти, о песъ, избѣжалъ! Надъ твоей головою
Гибель висѣла, и снова избавленъ ты Фебомъ могучимъ!
Феба обыкъ ты молить, выходя на свистящія копья!
Скоро, однако, съ тобою раздѣлаюсь, встрѣтяся послѣ,
Если и мнѣ межъ боговъ небожителей есть покровитель!
Нынѣ пойду на другихъ и повергну, которыхъ постигну!“
Рекъ и Дріона убилъ онъ, ударивши пикою въ выю;
Тотъ, зашатавшись, у ногъ его палъ, но его онъ оставилъ;
Демуха жъ Филеторида, огромнаго, сильнаго мужа,
Дротомъ, въ колѣно вонзивъ, удержалъ устремленнаго, послѣ
Мѣдноогромнымъ мечомъ поразилъ и исторгъ ему душу.
Вслѣдъ на Біаса дѣтей, Лаогона и Дардана, вмѣстѣ

Къ битвѣ скакавшихъ, напалъ онъ и вмѣстѣ ихъ сбилъ съ колесницы,
Перваго пикой пронзивъ, а другого мечомъ поразивши.
Тросъ же, Аласторовъ сынъ, подбѣжалъ и колѣна герою
Обнялъ, не дастъ ли пощады и въ плѣнъ не возьметъ ли живого:
„Можетъ быть“, думалъ онъ, „меня не убьетъ, надъ ровесникомъ сжалясь“.
Юноша бѣдный! не зналъ онъ, что жалости ждетъ безполезно.
Былъ передъ нимъ не привѣтный мужъ и не мягкосердечный:
Мужъ непреклонный и пламенный! Тросъ обхватилъ лишь колѣна,
Мысля молить, какъ весь ножъ Ахиллесъ погрузилъ ему въ печень;
Печень въ груди отвалилася; кровь, закипѣвши изъ раны,
Перси наполнила: очи его, испустившаго душу,
Мракъ осѣнилъ; а Пелидъ, устремившися, Мулія грянулъ
Въ ухо копьемъ, и стремительно вышло сквозь ухо другое
Мѣдное жало. За нимъ онъ Эхеклу, Агенора сыну,
Черепъ разнесъ пополамъ мечомъ съ рукояткой огромной:
Весь разогрѣлся подъ кровію мечъ, и Эхеклу на мѣстѣ
Очи смежила кровавая Смерть и суровая Участь.
Послѣ сразилъ Девкаліона: гдѣ на изгибистомъ локтѣ
Жилы сплетаются, тамъ ему руку насквозь прохватила
Острая пика, и сталъ Девкаліонъ, съ рукою повисшей,
Видящій близкую смерть: Ахиллесъ пересѣкъ ему выю,
Голову съ шлемомъ сотрясши, повергъ; изъ костей позвоночныхъ
Выскочилъ мозгъ: обезглавленный трупъ по землѣ протянулся.
Онъ же не медля напалъ на Пиреева славнаго сына,
Ригма, который пришелъ изъ Ѳракійской земли плодоносной;
Дротомъ его поразилъ; остріе углубилось въ утробу;
Онъ съ колесницы слетѣлъ; а Пелидъ Арейѳою возницѣ,
Коней назадъ обращавшему, въ плечи сіяющій дротикъ
Вбилъ и сразилъ съ колесницы, и въ страхѣ смѣшалися кони.
Словно какъ страшный пожаръ по глубокимъ свирѣпствуетъ дебрямъ,
Окрестъ сухой горы, и пылаетъ лѣсъ безпредѣльный;
Вѣтеръ, бушуя кругомъ, развѣваетъ погибельный пламень,—
Такъ онъ, свирѣпствуя пикой, кругомъ устремлялся, какъ демонъ;
Гналъ, поражалъ; заструилося черное кровію поле.
Словно когда земледѣлецъ воловъ сопряжетъ крѣпкочелыхъ
Бѣлый ячмень молотить на гумнѣ округленномъ и гладкомъ,

Быстро стираются класы мычащихъ воловъ подъ ногами,—
Такъ подъ Пелидомъ божественнымъ твердокопытные кони
Трупы крушили, щиты й шеломы: забрызгались кровью
Снизу вся мѣдная ось и высокій полкругъ колесницы,
Въ кои, какъ дождь, и отъ конскихъ копытъ и отъ ободовъ бурныхъ
Брызги хлестали; пылалъ онъ добыть между смертными славы,
Храбрый Пелидъ, и въ крови обагрялъ необорныя руки.

ПѢСНЬ XXI.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

Ахиллесъ гонитъ бѣгущихъ Троянъ, однихъ къ городу, другихъ къ Ксанѳу (Скамандру), въ который они бросаются, ст. 1—16, многихъ изъ нихъ убиваетъ въ рѣкѣ, но 12 юношей, захвативъ живыхъ, отсылаетъ въ станъ, обрекши ихъ въ жертву Патроклу, 17—32. Тамъ же убиваетъ Ликаона, Пріамова сына, умоляющаго о пощадѣ, 33—137, поражаетъ Астеропея, вождя Пеонянъ, и многихъ между ними, 138—211. Ксанѳъ, спертый въ теченіи трупами, жалуется и убѣждаетъ Ахиллеса укротиться, но напрасно: онъ продолжаетъ убійства и снова вскакиваетъ въ средину рѣки. Рѣка свирѣпо нападаетъ на него волнами и наконецъ, вышедшаго и бѣгущаго, преслѣдуетъ его по полю, 212—271. Ахиллеса, устрашеннаго и уже съ трудомъ борющагося противъ яростныхъ водъ, одушевляетъ Посидаонъ и Аѳина. Ксанѳъ, болѣе раздраженный, призвавъ на помощь и Симоиса, наводняетъ все поле и снова грозитъ потопить Ахиллеса, 272—327. Но Гера противопоставляетъ Ксанѳу Гефеста, который, устремивъ огонь, зажигаетъ рѣку, изсушаетъ поле и не укрощаетъ пламени, пока не повелѣла Гера, убѣжденная мольбою Ксанѳа, 328—384. Между тѣмъ подымается распря и брань другихъ боговъ: Арея, Аѳины, Киприды, Аполлона, Посидаона, Геры, Артемиды, Гермеса, Леты, 385—513. Послѣ сего всѣ боги возвращаются на Олимпъ, но Аполлонъ входитъ въ Трою, чтобы защитить ее, ибо Ахиллесъ, грозно свирѣпствуя, гонитъ Троянъ къ городу. Пріамъ, увидѣвъ его съ башни, приказываетъ растворить ворота для спасенія бѣгущихъ, 514—543. Аполлонъ, чтобы отвратить отъ нихъ свирѣпство Ахиллеса, устремляетъ противъ него Агенора, который и нападаетъ на него, 544—594. Но Аполлонъ, скоро удаливъ Агенора и самъ принявъ образъ его, обманываетъ Ахиллеса, отъ него убѣгая и, такимъ образомъ, отвлекаетъ отъ города, 595—611.

Но лишь Трояне достигнули брода рѣки свѣтлоструйной,
Ксанѳа сребристопучиннаго, вѣчнымъ рожденнаго Зевсомъ,
Тамъ ихъ разрѣзалъ Пелидъ; и однихъ онъ погналъ по долинѣ
Къ граду, и тѣмъ же путемъ, гдѣ Ахейцы въ разстройствѣ бѣжали
Прошлаго дня, какъ надъ ними свирѣпствовалъ Гекторъ могучій,
Тамъ и Трояне, разсѣясь, бѣжали; но Гера глубокій
Мракъ распростерла, имъ путь заграждая. Другіе толпами,
Бросясь къ рѣкѣ серебристопучинной, глубокотекущей,
Падали съ шумомъ ужаснымъ: высоко валы заплескали;
Страшно кругомъ берега загремѣли; упадшіе съ воплемъ
Плавали съ мѣста на мѣсто, крутяся по бурнымъ пучинамъ.
Словно какъ пруги, отъ ярости огненной снявшися съ поля,
Тучей къ рѣкѣ устремляются: вдругъ загорѣвшійся бурный
Пышитъ огонь, и они устрашенные падаютъ въ воду,—
Такъ отъ Пелида бѣгущіе падали кони и вои,
Токъ наполняя гремучій глубокопучиннаго Ксанѳа.
Онъ же, божественный, дротъ свой огромный оставилъ на брегѣ,
Къ вѣтвямъ мирики склонивши, и самъ устремился какъ демонъ,
Съ страшнымъ мечомъ лишь въ рукахъ: замышлялъ онъ ужасное въ сердцѣ:
Началъ вокругъ имъ рубить; поднялися ужасные стоны
Вкругъ поражаемыхъ; кровію ихъ забагровѣли волны.
Словно дельфина огромнаго мелкія рыбы всполошась
И бѣжа отъ него въ безопасныя глуби залива,
Кроются робкія: всѣхъ онъ глотаетъ, какую ни схватитъ,—
Такъ отъ Пелида Трояне въ ужасномъ потокѣ Скамандра
Крылись подъ кручей береговъ. Не герой, утомивши убійствомъ
Руки, живыхъ средь потока двѣнадцать юношей выбралъ,
Чтобъ за смерть отомстить благороднаго друга Патрокла;
Вывелъ изъ волнъ, обезумленныхъ страхомъ, какъ юныхъ еленей,
Руки имъ сзади связалъ разрѣзными, крутыми ремнями,
Кои въ сраженіяхъ сами носили при броняхъ кольчатыхъ;
Такъ повелѣлъ Мирмидонцамъ вести ихъ къ судамъ мореходнымъ,
Самъ же опять на враговъ устремился, убійства алкая.
Тамъ онъ Пріамова сына, чудясь, Ликаона младого
Встрѣтилъ, изъ волнъ уходящаго, коего нѣкогда самъ онъ
Въ плѣнъ, невзирая на вопль, изъ отцова увлекъ вертограда,
Ночью напавши: царевичъ смоковницы вѣтви младыя
Острою мѣдью тесалъ, чтобы въ круги согнуть колесницы;
Вдругъ на него налетѣла бѣда—Ахиллесъ быстроногій.
Онъ Ликаона, въ судахъ своихъ быстрыхъославши на Лемносъ,
Продалъ: Эвней Язонидъ предложилъ за царевича выкупъ;

Другъ же его и оттуда, Геэтіонъ, Имбра владыка,
Многое давъ, искупилъ и въ священную выслалъ Аризбу.
Скоро, бѣжавши оттуда, въ отеческій домъ возвратился.
Дома одиннадцать дней веселился съ друзьями своими,
Послѣ возврата изъ Лемна; въ двѣнадцатый богъ его паки
Въ руки предалъ Ахиллеса, которому сужено было
Въ царство Аида низринуть идти не хотящую душу.
Быстрый могучій Пелидъ, лишь узрѣлъ Пріамида нагого
(Онъ безъ щита, безъ шелома и даже безъ дротика вышелъ,
По полю все разбросалъ, изъ рѣки убѣгающій, потомъ
Онъ изнурился, съ истомы подъ нимъ трепетали колѣна),
Гнѣвно вздохнулъ и вѣщалъ со своею душой благородной:
„Боги! великое чудо моими очами я вижу!
Стало быть, Трои сыны, на бояхъ умерщвленные мною,
Паки воскреснутъ и паки изъ мрака подземнаго выйдутъ,
Ежели сей возвращается; чернаго дня избѣжалъ онъ,
Проданный въ Лемносъ; его не могла удержать и пучина
Бурнаго моря, которое многихъ насильственно держитъ.
Но нападемъ, и теперь острія моего Пеліаса
Пусть онъ отвѣдаетъ: видѣть хочу и увѣриться сердцемъ.
Также ли онъ и оттуда воротится, или Троянца
Матерь удержитъ земля, которая держитъ и сильныхъ".
Такъ размышлялъ и стоялъ онъ; а тотъ подходилъ полумертвый,
Ноги Пелиду готовый обнять: несказанно желалъ онъ
Смерти ужасной избѣгнуть и близкаго чернаго рока.
Дротъ, между тѣмъ, длиннотѣнный занесъ Ахиллесъ быстроногій;
Грянуть готовый; а тотъ подбѣжалъ и обнялъ ему ноги,
Къ долу припавъ; и копье, у него засвистѣвъ за спиною,
Въ землю воткнулось дрожа, человѣческой жадное крови.
Юноша лѣвой рукою обнялъ, умоляя, колѣна,
Правой копье захватилъ и, его изъ руки не пуская,
Такъ Ахиллеса молилъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Ноги объемлю тебѣ, пощади, Ахиллесъ, и помилуй!
Я предъ тобою стою, какъ молитель, достойный пощады!
Вспомни, я у тебя насладился дарами Деметры,
Въ день, какъ меня полонилъ ты въ цвѣтущемъ отца вертоградѣ.
Послѣ ты продалъ меня, разлучивъ и съ отцомъ и съ друзьями,
Въ Лемносъ священный; тебѣ я доставилъ стотельчія цѣну;
Нынѣ жъ тройной искупился бъ цѣною! Двѣнадцатый день лишь
Съ оной мнѣ свѣтитъ поры, какъ пришелъ я въ священную Трою,
Много страдавши: и въ руки твои опять меня ввергнулъ
Пагубный рокъ! Ненавистенъ я, вѣрно, Кроніону Зевсу,

Если вторично имъ преданъ тебѣ; кратковѣчнымъ родила
Матерь меня Лаоѳоя, дочь престарѣлаго Альта,
Альта, который надъ племенемъ царствуетъ храбрыхъ Лелеговъ,
Градомъ высокимъ, Педасомъ, у водъ Сатніона владѣя.
Дочерь его Лаоѳоя, одна изъ супругъ Дарданида,
Двухъ насъ Пріаму родила, и ты обоихъ умертвишь насъ!
Брата уже ты сразилъ въ ополченіяхъ нашихъ переднихъ,
Острымъ копьемъ закололъ Полидора, подобнаго богу.
То жъ и со мною несчастіе сбудется! Знаю, могучій!
Рукъ мнѣ твоихъ не избѣгнуть, когда уже богъ къ нимъ приблизилъ!
Слово иное скажу я, то слово пріими ты на сердце:
Не убивай меня; Гекторъ мнѣ братъ не единоутробный,
Гекторъ, лишившій тебя благороднаго, нѣжнаго друга!“
Такъ говорилъ убѣждающій сынъ знаменитый Пріамовъ,
Такъ Ахиллесу молилъ; но услышалъ не жалостный голосъ:
„Что мнѣ вѣщаешь о выкупахъ, что говоришь ты, безумный?
Такъ, доколѣ Патроклъ наслаждался сіяніемъ солнца,
Миловать Трои сыновъ иногда мнѣ бывало пріятно.
Многихъ изъ васъ полонилъ и за многихъ выкупъ я принялъ.
Нынѣ пощады вамъ нѣтъ никому, кого только демонъ
Въ руки мои приведетъ подъ стѣнами Пріамовой Трои!
Всѣмъ вамъ, Троянамъ, смерть, и особеннно дѣтямъ Пріама!
Такъ, мой любезный, умри! И о чемъ ты столько рыдаешь?
Умеръ Патроклъ, несравненно тебя превосходнѣйшій смертный!
Видишь, каковъ я и самъ, и красивъ и величественъ видомъ,
Сынъ отца знаменитаго, матерь имѣю богиню!
Но и мнѣ на землѣ отъ могучей судьбы не избѣгнуть;
Смерть придетъ и ко мнѣ по утру, къ вечеру, или въ полдень
Быстро, лишь врагъ и мою на сраженіяхъ душу исторгнетъ,
Или копьемъ поразивъ, иль крылатой стрѣлою изъ лука“.
Такъ произнесъ,—и у юноши дрогнули ноги и сердце.
Страшный онъ дротъ уронилъ и, тренещущій, руки раскинувъ,
Сѣлъ. Ахиллесъ же, стремительно мечъ обоюдный исторгши,
Въ выю вонзилъ у ключа и до самой ему рукояти
Мечъ погрузился во внутренность; ницъ онъ по черному праху
Легъ, распростершися; кровь захлестала и залила землю.
Мертваго за ноги взявши, въ рѣку Ахиллесъ его бросилъ,
И, надъ нимъ издѣваясь, пернатыя рѣчи вѣщалъ онъ:
„Тамъ ты лежи, между рыбами! Жадныя рыбы вкругъ язвы
Кровь у тебя нерадиво оближутъ! Не матерь на ложе
Тѣло твое, чтобъ оплакать, положитъ, но Ксанѳъ быстротечный

Бурной волной унесетъ въ безпредѣльное лоно морское.
Рыба, играя межъ волнъ, на поверхность чернѣющей зыби
Рыба всплыветъ, чтобъ насытиться бѣлымъ царевича тѣломъ.
Такъ погибайте, Трояне, пока не разрушимъ мы Трои,
Вы, убѣгая изъ битвы, а я—убивая бѣгущихъ!
Васъ не спасетъ ни могучій Потокъ, серебристопучинный
Ксанѳъ! Посвящайте ему, какъ я прежде, воловъ неисчетныхъ;
Въ волны бросайте живыхъ, какъ и прежде коней звуконогихъ:
Всѣ вы изгибнете смертію лютой; заплатите вы мнѣ
Друга Патрокла за смерть и Ахейскихъ сыновъ за убійство,
Коихъ у черныхъ судовъ безъ меня вы избили на сѣчахъ!“
Такъ говорилъ онъ, и Ксанѳъ на него раздражался жестоко:
Сталъ волноваться онъ думами, какъ удержать отъ свирѣпства
Бурнаго сына Пелея, спасая Троянъ отъ убійства.
Но Пелейонъ между тѣмъ, потрясая копьемъ длиннотѣннымъ,
Прянулъ ужасный, убить пылающій Астеропея,
Вѣтвь Пелегона, котораго Аксій широкотекущій
Съ юной родилъ Перебоею, Акессаменовой дщерью
Старшею; съ нею Потокъ сочетался глубокопучинный.
Быстро Пелидъ устремлялся, а тотъ изъ рѣки на Пелида
Вышелъ, двумя потрясающій копьями; храбрость Пеонцу
Ксанѳъ ниспослалъ: раздражался безсмертный за юношей красныхъ,
Коихъ въ пучинахъ его Ахиллесъ убивалъ безъ пощады.
Чуть соступились они, устремляяся другъ противъ друга,
Первый къ Астеропею вскричалъ Ахиллесъ быстроногій:
„Кто ты, откуда ты, смертный, дерзающій ввстрѣчу мнѣ выдти?
Дѣти однихъ несчастныхъ встрѣчаются съ силой моею!“
И ему отвѣчалъ воинственный сынъ Пелегоновъ:
„Сынъ знаменитый Пелеевъ, почто вопрошаешь о родѣ?
Я изъ Пеоніи мужъ, изъ страны плодоносной, далекой;
Вождь я Пеонянъ огромнокопейныхъ. Двѣнадцатый день мнѣ
Свѣтитъ съ оной поры, какъ пришелъ я въ Пріамову Трою.
Родоначальникъ мой славный—Аксій широкотекущій,
Аксій, водою прекраснѣйшей нѣдра земныя поящій;
Онъ Пелегона родилъ; отъ него, копьеносца, вѣщаютъ,
Я порожденъ. Но сразися со мной, Ахиллесъ благородный!“
Такъ онъ, грозя, говорилъ; и занесъ Ахиллесъ быстроногій
Крѣпкій свой ясень Пелійскій; но дротами вдругъ обоими
Сынъ Пелегоновъ пустилъ: копьеборецъ онъ былъ оборучный:
Въ щитъ Ахиллесовъ однимъ угодилъ, но сквозь щитъ не проникнулъ
Дротъ мѣдножальный, удержанный златомъ, божественнымъ даромъ.

Дротомъ другимъ, близъ локтя пронесшимся, ссадилъ десную:
Черная кровь заструилась, и дротъ позади Ахиллеса
Въ землю вонзился, горящій насытиться тѣломъ героя.
Вслѣдъ Пелейонъ Ахиллесъ, размахнувъ прямолетный свой ясень,
Въ Астеропея пустилъ, супостата низвергнуть пылая,
Но, не попавъ Пелегонида, въ берегъ высокій ударилъ
И вогналъ до средины огромное дерево въ берегъ.
Самъ между тѣмъ, исторгнувши мечъ изъ влагалища острый,
Яръ на противника прянулъ, а тотъ Ахиллесовскій ясень
Вырвать изъ берега тщетно рукой напрягался дебелой.
Трижды его колыхалъ, изъ стремнины исторгнуть пылая,
Трижды силы терялъ, но, въ четвертый онъ разъ лишь рванулся,
Чая согнуть и сломить Эакидовъ убійственный ясень,
Тотъ налетѣлъ и мечомъ у надменнаго душу исторгнулъ:
Чрево близъ пупа ему разрубилъ, и изъ чрева на землю
Вылилась внутренность вся, и ему, захрипѣвшему, очи
Смертная тьма осѣнила. Пелидъ же, на грудь его бросясь,
Пышныя латы срывалъ, и вѣщалъ, величаясь побѣдой:

„Въ прахѣ лежи! Тебѣ тяжело всемогущаго Зевса
Спорить съ сынами, хотя и рожденъ ты Рѣкою великой!
Ты отъ Рѣки широкой своимъ величаешься родомъ;
Я отъ владыки безсмертныхъ, отъ Зевса, рожденіемъ славлюсь.
Жизнь даровалъ мнѣ герой, Мирмидонянъ владыка державный,
Отрасль Эака, Пелей; Эакъ же рожденъ отъ Зевеса
Сколько Зевесъ многомощнѣе Рѣкъ, убѣгающихъ въ море,
Столько предъ чадами Рѣкъ многомощнѣе чада Зевеса!
Здѣсь, предъ тобой—и Рѣка могучая; пусть испытаетъ
Помощь подать: невозможно сражаться съ Кроніономъ Зевсомъ.
Съ нимъ, Громовержцемъ, ни царь Ахелой не дерзаетъ равняться,
Ни, могуществомъ страшный, сѣдой Океанъ безпредѣльный,
Тотъ, изъ котораго всякій источникъ и всякое море,
Рѣки, ключи и глубокіе кладези всѣ истекаютъ;
Но трепещетъ и онъ всемогущаго Зевса перуновъ
И ужаснаго грома, когда отъ Олимпа онъ грянетъ“.

Рекъ и изъ брега стремнистаго вырвалъ огромную пику.
Бросилъ врага, у котораго гордую душу исторгнулъ,
Въ прахѣ простертаго: тамъ его залили мутныя волны;
Вкругъ его тѣла и рыбы и угри толпой закипѣли,
Почечный тукъ обрывая и жадно его пожирая.
Сынъ же Пелеевъ пошелъ на Пеонянъ, воиновъ конныхъ,
Кои по берегу Ксанѳа пучиннаго бросились въ бѣгство,
Чуть лишь увидѣли мужа сильнѣйшаго въ битвѣ ужасной

Мощно сраженнаго грозной рукой и мечомъ Ахиллеса.
Тамъ онъ убилъ Ѳерсилоха, Энія вождя и Мидона,
Свергъ Астипила и Ѳразія, свергъ Офелеста и Мнесса.
Многихъ еще бы Пеонянъ сразилъ Ахиллесъ быстроногій,
Если бы голоса въ гнѣвѣ Скамандръ пучинный не поднялъ.
Въ образѣ смертнаго богъ возгласилъ изъ глубокой пучины:
„О Ахиллесъ! и могуществомъ силъ и грозою дѣяній
Выше ты смертнаго! Боги всегда по тебѣ побораютъ.
Если Кроніонъ Троянъ на погибель всѣхъ тебѣ предалъ,
Выгони ихъ изъ меня и надъ ними ты въ полѣ свирѣпствуй.
Трупами мертвыхъ полны у меня свѣтлоструйныя воды;
Болѣе въ море священное волнъ проливать не могу я,
Трупами спертый Троянскими: ты истребляешь, какъ гибель!
О, воздержись! и меня изумляешь ты, пастырь народа!“
Ксанѳу не медля отвѣтствовалъ царь Ахиллесъ быстроногій:
„Будетъ, какъ ты заповѣдуешь, Ксанѳъ, Громовержцевъ питомецъ!
Я перестану Троянъ истреблять, но не прежде, какъ гордыхъ
Въ стѣны вобью, и не прежде, какъ Гектора мощь испытаю,
Онъ ли меня укротитъ, иль надменнаго самъ укрощу я“.
Такъ говоря, на Троянъ устремился ужасный, какъ демонъ.
Къ Фебу тогда возопила Рѣка изъ пучины глубокой:
„Богъ сребролукій, Кроніона сынъ, не блюдешь ты завѣтовъ
Зевса Кронида! Не онъ ли тебѣ повелѣлъ, Олимпіецъ,
Трои сыновъ защищать неотступно, пока не прострется
Сумракъ вечерній и тѣнью холмистыхъ полей не покроетъ“.
Такъ говорила; Пелидъ же безстрашный въ средину пучины
Прянулъ съ крутизны. Рѣка поднялася, волнами бушуя,
Вся, всклокотавши, до дна взволновалась и мертвыхъ погнала,
Коими волны ея Ахиллесъ истребитель наполнилъ;
Мертвыхъ, какъ волъ ревущая, вонъ извергала на берегъ,
Но живыхъ укрывая въ пучинныхъ пещерахъ широкихъ,
Ихъ защитила своими катящимись пышно водами.
Страшное вкругъ Ахиллеса волненіе бурное встало;
Зыблютъ героя валы, упадая на щитъ; на ногахъ онъ
Болѣ не могъ удержаться, руками за вязъ ухватился
Толстый, раскидисто росшій, и вязъ, опрокинувшись съ корнемъ,
Берегъ обрушилъ съ собой, заградилъ быстротечныя воды
Вѣтвей своихъ густотой и, какъ мостъ, по рѣкѣ протянулся,
Весь на нее опрокинясь. Герой, изскоча изъ пучины,
Бросился въ страхѣ долиной летѣть на ногахъ своихъ быстрыхъ.
Яростный богъ не отсталъ, но, поднявшись, за нимъ онъ ударилъ
Валомъ черноголовымъ, горя обуздать Ахиллеса

Въ подвигахъ бранныхъ и Трои сыновъ защитить отъ убійства.
Онъ же, герой, проскакалъ на пространство копейнаго лета,
Быстро, какъ мощный орелъ, черноперый ловецъ поднебесный,
Самый сильнѣйшій и самый быстрѣйшій изъ рода пернатыхъ;
Равный орлу онъ стремился; блестящая мѣдь всеоружій
Страшно вкругъ персей звучала; бѣжа отъ Рѣки, онъ бросался
Въ бокъ, а Рѣка по слѣдамъ его съ ревомъ ужаснымъ крутилась.
Словно когда водоводъ отъ ключа, изобильнаго влагой,
Въ садъ, на кусты и растенія, ровъ водотечный проводитъ,
Заступъ острый держа и копь отъ препонъ очищая,
Рвомъ устремляется влага; подъ нею всѣ мелкіе камни
Съ шумомъ катятся; источникъ бѣжитъ и журчитъ, убыстренный
Мѣстомъ покатистымъ; онъ и вождя далеко упреждаетъ,—
Такъ непрестанно преслѣдовалъ валъ черноглавый Пелида,
Сколько ногами ни быстраго: боги могучѣе смертныхъ.
Нѣсколько разъ покушался герой Ахиллесъ быстроногій
Противостать и увидѣть, не всѣ ли его уже боги
Гонятъ, не все ль на него ополчилось великое небо?
Нѣсколько разъ его валъ изліяннаго Зевсомъ Скамандра,
Сверху обрушася, въ плечи хлесталъ; негодуя, высоко
Прядалъ Пелидъ, но Рѣка удручала могучія ноги,
Бурная подъ ноги била и прахъ изъ-подъ стопъ вырывала.
Крикнулъ Пелидъ наконецъ, на высокое небо взирая:
„Зевсъ! такъ никто изъ боговъ милосердый меня не предстанетъ
Спасть изъ рѣки злополучнаго? Послѣ я все претерпѣлъ бы...
Но кого осуждаю я, кто изъ Небесныхъ виновенъ?
Матерь единая, матерь меня обольщала мечтами,
Татерь твердила, что здѣсь, подъ стѣнами Троянъ броненосныхъ,
Мнѣ отъ однѣхъ Аполлоновыхъ стрѣлъ быстролетныхъ погибнуть.
Что не убитъ я Гекторомъ! Сынъ Иліона славнѣйшій,
Храбраго онъ бы сразилъ и корыстью гордился бы, храбрый!
Нынѣ жъ безславною смертью судьбой принужденъ я погибнуть,
Лечь въ пучинахъ рѣки, какъ младой свинопасъ, поглощенный
Бурнымъ потокомъ осеннимъ, который хотѣлъ перебресть онъ!“
Такъ говорилъ,—и незапно ему Посидонъ и Аѳина
Вмѣстѣ явились, приблизились, образъ принявъ человѣковъ,
За руку взяли рукой, и словами его увѣряли.
Первый къ нему провѣщалъ Посидонъ, потрясающій землю:
„Храбрый Пелидъ! ничего не страшися, ничѣмъ не смущайся.
Мы, отъ безсмертныхъ боговъ, изволяющу Зевсу Кроніду,
Мы твои покровители, я и Паллада Аѳина.
Рокомъ тебѣ не назначено быть побѣжденнымъ Рѣкою;

Скоро она успокоится, бурная, самъ ты увидишь.
Мы же, когда ты послушаешь, мудрый совѣтъ предлагаемъ:
Рукъ не удерживай ты отъ убійства и общаго боя
Прежде, доколѣ Троянъ не вобьешь въ Иліонскія стѣны
Всѣхъ, кто спасется; и послѣ ты, Гектора душу истергнувъ,
Въ станъ возвратися; дадимъ мы тебѣ вожделѣнную славу".
Такъ возгласивши, безсмертные вновь удалились къ безсмертнымъ.
Онъ полетѣлъ, безпредѣльно глаголомъ боговъ ободренный,
Въ поле, а поле водою разлившеюсь все понималось.
Множество пышныхъ оружій, множество юношей красныхъ
Плавало мертвыхъ. Высоко скакалъ онъ, бѣжа отъ стремленья
Прямо гонящихся волнъ разъяренныхъ; не могъ его больше
Бурный потокъ удержать, облеченнаго въ крѣпость Аѳиной!
Но и Симандръ не обуздывалъ гнѣва; противъ Ахиллеса
Пуще свирѣпствовалъ богъ; заколмивши валы на потокѣ,
Онъ воздымался высоко и съ ревомъ вопилъ къ Симоису:
„Братъ мой, воздвигнися! Мужа сего совокупно съ тобою
Мощъ обуздаемъ; иль скоро обитель владыки Пріама
Онъ разгромитъ; устоять передъ грозными Трояне не могутъ!
Помощь скорѣе подай мнѣ; потокъ свой наполни водами
Быстрыхъ источниковъ горныхъ и всѣ ты воздвигни потоки!
Страшныя волны поставь, закрути съ треволненіемъ шумнымъ
Бревна и камни, чтобы обуздать намъ ужаснаго мужа!
Онъ побѣждаетъ теперь и господствуетъ въ брани, какъ боги.
Но не помогутъ, надѣюсь; ему ни краса, ни могучесть,
Ни оружія пышныя, кои въ болотѣ глубокомъ
Лягутъ и черной покроются тиною; ляжетъ и самъ онъ.
Я и его подъ пескомъ погребу и громадою камней
Страшный кругомъ замечу; не сберутъ и костей Ахиллеса
Чада Ахеянъ: такой самого его тиной покрою!
Тамъ и могила его, и не нужно Ахеянамъ будетъ
Холма надъ нимъ насыпать, воздавая надгробную почесть!"
Рекъ—и напалъ на него, клокоча и высоко бушуя,
Съ ревомъ бросая и пѣной, и кровью, и трупами мертвыхъ.
Быстро багровыя волны рѣки, изліявшейся съ неба,
Стали стѣной, обхватили кругомъ Пелейона героя.
Крикнула Гера богиня, страшась, чтобъ Пелеева сына
Въ хляби свои не умчала рѣка, изліянная Зевсомъ.
Быстро къ Гефесту, любезному сыну, она возгласила:
„Въ бой, Хромоногій! воздвигнись, о сынъ мой! Съ тобою сразиться

Мы почитаемъ достойнымъ глубокопучиннаго Ксанѳа.
Противостань и скорѣе открой пожирающій пламень!
Я же иду, чтобы Зефира вѣтра и хладнаго Нота
Быстро отъ брега морского жестокую бурю воздвигнуть;
Буря сожжетъ и главы и доспѣхи Троянъ ненавистныхъ,
Страшный пожаръ разносящая. Ты по брегамъ у Скамандра
Жги дерева и на воду огонь устреми; не смягчайся
Ласковой рѣчью его, не смущайся угрозами бога
И не смиряй ты пламенной силы, пока не подамъ я
Знаменья крикомъ; тогда укротишь ты огонь неугасный".
Такъ повелѣла,—и сынъ устремилъ пожирающій пламень.
Въ полѣ сперва разгорался огонь и тѣла пожигалъ онъ
Многихъ толпами лежащихъ Троянъ, Ахиллесомъ убитыхъ.
Поле изсохло, и стали въ теченіи свѣтлыя воды.
Словно какъ въ осень Борей вертоградъ, усыренный дождями,
Скоро сушитъ и его удобрителя радуетъ сердце,
Такъ изсушилося цѣлое поле, тѣла погорѣли.
Богъ на рѣку обратилъ разливающій зарево пламень.
Вспыхнули окрестъ зеленыя ивы, мирики и вязы;
Вспыхнули влажныя трости, и лотосъ, и киперъ душистый,
Кои росли изобильно у Ксанѳовыхъ водъ свѣтлоструйныхъ;
Рыбы въ рѣкѣ затомились, и тѣ по глубокимъ пучинамъ,
Тѣ по прозрачнымъ струямъ и сюда и туда заныряли,
Въ пламенномъ духѣ томясь многоумнаго Амфигіея.
Вспыхнулъ и самый Потокъ и, пылающій, такъ возопилъ онъ:
„Нѣтъ, о Гефестъ, ни единый безсмертный тебя не осилитъ!
Нѣтъ, никогда не вступлю я съ тобой, огнедышащимъ, въ битву!
Кончи ты брань! А Троянъ хоть изъ града Пелидъ быстроногій
Пусть изженетъ, отрекаюсь ихъ распрь, не хочу поборать имъ!"
Такъ говорилъ и горѣлъ; клокотали прекрасныя воды,
Словно клокочетъ котелъ, огнемъ подгнетенный великимъ,
Если онъ, вепря огромнаго тукъ растопляя блестящій,
Полный ключомъ закипитъ, раскаляемый пылкою сушью,—
Такъ отъ огня раскалялися волны, вода клокотала.
Стала рѣка, протекать не могла, изнуренная знойной
Силою бога Гефеста. Скамандръ къ торжествующей Герѣ
Голосъ простеръ умоляющій, быстрыя рѣчи вѣщая:
„Гера! за что твой сынъ, на потокъ мой свирѣпо обрушась,
Мучитъ меня одного? Предъ тобою не столько виновенъ
Я, какъ другіе безсмертные, кои Троянъ защищаютъ.
Я укрощуся, о Гера владычица, если велишь ты;
усть и Гефестъ укротится! Клянуся я клятвой безсмертныхъ

Трои сыновъ никогда не спасать отъ суровой годины,
Даже когда и Троя губительнымъ пламенемъ бурнымъ
Вся запылаетъ, зажженная свѣточьми храбрыхъ Данаевъ!"
Рѣчи такія услышавъ, лилейнораменная Гера
Быстро богиня къ Гефесту, любезному сыну, вѣщала:
„Полно, Гефестъ, укротися, мой сынъ знаменитый! Не должно
Такъ безпощадно за смертныхъ карать безсмертнаго бога!"
Такъ повелѣла,—и богъ угасилъ пожирающій пламень.
Вспять покатились къ потоку прекрасно струящіяся воды.
Такъ обуздана Ксанѳова мощь; успокоились оба,
Ксанѳъ и Гефестъ: укротила ихъ Гера, сама негодуя,
Но межъ другими безсмертными вспыхнула страшная злоба,
Бурная: чувствомъ раздора ихъ души въ груди взволновались.
Бросились съ шумной тревогой; глубоко земля застонала;
Вкругъ, какъ трубой, огласилось великое небо. Услышалъ
Зевсъ, на Олимпѣ сидящій, и съ радости въ немъ засмѣялось
Сердце, когда онъ увидѣлъ боговъ, устремившихся къ брани.
Сшедшися, боги не долго стояли въ бездѣйствіи; началъ
Щиторушитель Арей, налетѣлъ на Палладу Аѳину,
Мѣднымъ колебля копьемъ, изрыгая поносныя рѣчи:
„Паки ты, наглая муха, на брань небожителей сводишь?
Дерзость твоя безпредѣльна! Ты вѣчно свирѣпствуешь сердцемъ!
Или не помнишь, какъ ты побудила Тидеева сына
Ранить меня, и сама, передъ всѣми копье ухвативши,
Прямо въ меня устремила и тѣло мое растерзала?
Нынѣ за все, надо мной совершенное, мнѣ ты заплатишь!"
Рекъ и ударилъ копьемъ въ драгоцѣнный эгидъ многокистный,
Страшный, предъ коимъ безсиленъ и пламенный громъ Молневержца;
Въ оный копьемъ длиннотѣннымъ ударилъ Арей изступленный.
Зевсова дочь отступила и мощной рукой подхватила
Камень, въ полѣ лежащій, черный, зубристый, огромный,
Въ древніе годы мужами положенный поля межою;
Камнемъ Арея ударила въ выю и крѣпость сломила.
Семь десятинъ онъ покрылъ, распростершись; доспѣхъ его мѣдный
Грянулъ, и прахомъ одѣлись власы. Улыбнулась Аѳина
И, величаясь надъ нимъ, устремила крылатыя рѣчи:
„Или доселѣ, безумный, не чувствовалъ, сколь предъ тобою
Выше могуществомъ я, что со мною ты мѣряешь силы?
Такъ отягчаютъ тебя проклятія матери Геры,
Въ гнѣвѣ тебѣ готовящей кару за то, что, измѣнникъ,
Бросилъ Ахейскихъ мужей и стоишь за Троянъ вѣроломныхъ!

Такъ говоря, отъ него отвратила ясныя очи.
За руку взявши его, повела Афродита-богиня,
Тяжко и часто стенящаго; въ силу онъ съ духомъ собрался.
Но, Афродиту увидѣвъ, лилейнораменная Гера
Къ Зевсовой дщери Аѳинѣ крылатую рѣчь устремила:
„Непобѣдимая дщерь воздымателя облаковъ Зевса!
Видишь, безстыдная паки губителя смертныхъ Арея
Съ битвы пылающей дерзко уводитъ! Скорѣй преслѣдуй!“
Такъ изрекла,—и Аѳина бросилась съ радостью въ сердцѣ;
Быстро попавъ на Киприду, могучей рукой поразила
Въ грудь, и мгновенно у ней обомлѣло и сердце и ноги.
Оба они предъ Аѳиною пали на злачную землю,
И, торжествуя надъ падшими, вскрикнула громко Аѳина:
„Если бъ и всѣ таковы защитители Трои высокой
Были, на брань выходя просивъ мѣднооружныхъ Данаевъ,
Столько жъ отважны и сильны душой, какова Афродита
Вышла, Арея союзница, въ крѣпости спорить со мною!
О, давно бы отъ грозной войны успокоились всѣ мы,
Градъ сей разруша, высокотвердынную Трою Пріама:“
Такъ говорила,—и тихо осклабилась Гера богиня.
И тогда къ Аполлону вѣщалъ Посидонъ, земледержецъ:
„Что, Аполлонъ, мы стоимъ въ отдаленіи? Намъ неприлично!
Начали боги другіе. Постыдно, когда мы безъ боя
Оба прійдемъ на Олимпъ, въ мѣдноздданный домъ Олимпійца!
Фебъ, начинай: ты лѣтами юнѣйшій, но мнѣ неприлично:
Прежде тебя я родился и болѣ тебя я извѣдалъ.
О безразсудный, безпамятно сердце твое! Позабылъ ты,
Сколько трудовъ мы и бѣдъ претерпѣли вокругъ Иліона,
Мы отъ безсмертныхъ одни? Повинуяся волѣ Кронида,
Здѣсь Лаомедону гордому мы, за условную плату,
Цѣлый работали годъ, и сурово онъ властвовалъ вами.
Я обитателямъ Трои высокія стѣны воздвигнулъ,
Крѣпкую, славную твердь, нерушимую града защиту.
Ты, Аполлонъ, у него, какъ наемникъ, воловъ круторогихъ
Пасъ по долинамъ холмистой, дубравами вѣнчанной Иды.
Но, когда намъ условленной платы желанныя Горы
Срокъ принесли, Лаомедонъ жестокій насильно присвоилъ
Должную плату и насъ изъ предѣловъ съ угрозами выслалъ.
Лютый, тебѣ онъ грозилъ оковать и руки и ноги
И продать, какъ раба, на островъ чужой и далекій,
Намъ обоимъ похвалялся отсѣчь въ поруганіе уши,
Такъ удалилися мы, на него негодуя душою.

Царь вѣроломный завѣтъ сотворилъ и его не исполнилъ!
Фебъ, не за то ль благодѣешь народу сему и не хочешь
Намъ поспѣшать, да погибнутъ навѣкъ вѣроломцы Трояне,
Бѣдственно всѣ да погибнутъ, и робкія жены и дѣти!"
Но ему отвѣчалъ Аполлонъ, сребролукій владыка:
„Энносигей! не почелъ бы и самъ ты меня здравоумнымъ,
Если бъ противу тебя ополчался я ради сихъ смертныхъ,
Бѣдныхъ созданій, которыя, листьямъ древеснымъ подобно,
То появляются пышныя, пищей земною питаясь,
То погибаютъ, лишаясь дыханія. Нѣтъ, Посидаонъ,
Распри съ тобой не начну я; пускай человѣки раздорятъ!"
Такъ произнесъ Аполлонъ и назадъ обратился, страшася
Руки поднять на царя, на могучаго брата отцова.
Тутъ Аполлона сестра, Артемида, звѣрей господыня,
Шумомъ ловитвъ веселящаясь, гнѣвно его укоряла:
„Ты убѣгаешь, Стрѣлецъ! и царю Посидону побѣду
Всю оставляешь, даешь ненаказанно славой гордиться?
Что жъ, малодушный, ты носишь сей лукъ для тебя безполезный?
Съ сей я поры, чтобъ твоихъ не слыхала въ чертогахъ Кронида
Гордыхъ похвалъ, какъ, бывало, ты хвалишься между богами
Съ Энносигеемъ, земли колебателемъ, выдти на битву".
Такъ говорила; сестрѣ не отвѣтствовалъ Фебъ сребролукій.
Но раздражилася Гера, супруга почтенная Зевса,
И словами жестокими такъ Артемиду язвила:
„Какъ, безстыдная псица, и мнѣ уже нынѣ ты смѣешь
Противостать? Но тебѣ я тяжелой противницей буду,
Гордая лукомъ! Тебя лишь надъ смертными женами львицей
Зевсъ поставилъ, надъ ними свирѣпствовать далъ тебѣ волю.
Лучше и легче тебѣ поражать по горамъ и долинамъ
Ланей и дикихъ звѣрей, чѣмъ съ сильнѣйшими въ крѣпости спорить.
Если жъ ты хочешь извѣдать и брани, теперь же узнаешь,
Сколько тебя я сильнѣе, когда на меня ты дерзаешь!"
Такъ лишь сказала и руки богини своею рукою
Лѣвой хватаетъ, а правою, лукъ за плечами сорвавши,
Лукомъ, съ усмѣшкою горькою, бьетъ вкругъ ушей Артемиду:
Быстро она отвращаясь, разсыпала звонкія стрѣлы
И наконецъ убѣжала въ слезахъ. Такова голубица,
Ястреба, робкая, взвидя, въ разсѣлину камня влетаетъ,
Въ темную пору, когда ей не сужено быть уловленной,—
Такъ Артемида въ слезахъ убѣжала и лукъ свой забыла.
Летѣ, богинѣ, тогда возгласилъ возвѣстительный Гермесъ:

„Лета! сражаться съ тобой ни теперь я, ни впредь не намѣренъ:
Трудно сражаться съ супругами тучегонителя Зевса.
Можешь, когда ты желаешь, торжественно между безсмертныхъ,
Можешь хвалиться, что силой ты страшной меня побѣдила".
Такъ говорилъ онъ, а Лета сбирала и лукъ и изъ тула
Врознь по песчанымъ зыбямъ разлетѣвшіясь легкія стрѣлы.
Всѣ ихъ собравши, богиня пошла за печальною дщерью.
Та же вошла на Олимпъ, въ мѣднозданный чертогъ Громовержца,
Сѣла, слезы лія, на колѣни родителя дѣва;
Риза на ней благовонная вся трепетала. Кроніонъ
Къ сердцу дочерь прижалъ и вѣщалъ къ ней съ пріятной усмѣшкой:
„Дочь моя милая! кто изъ безсмертныхъ тебя дерзновенно
Такъ оскорбилъ, какъ бы явное ты сотворила злодѣйство?"
Зевсу прекрасно вѣнчанная ловли царица вѣщала:
„Гера, твоя супруга, родитель меня оскорбила,
Гера, отъ коей и распря и брань межъ богами пылаетъ".
Такъ небожители боги, сидя на Олимпѣ, вѣщали.
Тою порой Аполлонъ вступилъ въ священную Трою:
Сердцемъ заботился онъ, да твердынь благозданнаго града
Сила Данаевъ, судьбѣ вопреки, не разрушитъ въ день оный.
Прочіе всѣ на Олимпъ возвратилися вѣчные боги,
Гнѣвомъ пылая одни, а другіе славой сіяя.
Сѣли они вкругъ Отца громоноснаго. Сынъ же Пелеевъ
Въ грозномъ бою истреблялъ и Троянъ, и коней звуконогихъ.
Словно какъ дымъ отъ пожара столбомъ до высокаго неба
Всходитъ надъ градомъ пылающимъ, гнѣвомъ боговъ воздвигаемъ,
Всѣмъ онъ труды и печали несчетныя многимъ наноситъ,—
Такъ Ахиллесъ наносилъ и труды и печали Троянамъ.
Царь Иліона, Пріамъ престарѣлый, на башнѣ священной
Стоя, узрѣлъ Ахиллеса ужаснаго: всѣ предъ героемъ
Трои сыны, убѣгая, толпилися: противоборства
Болѣе не было. Онъ зарыдалъ и, сошедши на землю,
Громко приказывалъ старецъ воротъ защитителямъ славнымъ:
„Настежь ворота, въ рукахъ вы держите, пока ополченья
Въ городъ всѣ не укроются, съ поля бѣгущія: близокъ
Грозный Пелидъ, ихъ гонящій! Приходитъ намъ тяжкая гибель!
Но, какъ скоро вбѣгутъ и въ стѣнахъ успокоятся рати,
Вновь затворите ворота и плотные створы заприте.
Я трепещу, чтобы мужъ сей погибельный въ градъ не ворвался!"
Рекъ онъ,—и стражи, отдвинувъ запоръ, распахнули ворота.
Многимъ они, растворенныя, свѣтъ дароввли; навстѣчу
Вылетѣлъ Фебъ, чтобъ отъ Троп сыновъ отразить истребленье.

Рати жъ Троянскія къ городу прямо, къ твердынѣ высокой,
Жаждой палимыя, прахомъ покрытыя, съ браннаго поля
Мчалися; бурно ихъ гналъ онъ копьемъ; непрестанно въ немъ сердце
Страшнымъ пылало свирѣпствомъ; неистово славы алкалъ онъ.
Взяли бъ въ сей день Аргивяне высоковоротную Трою,
Если бы Фебъ Аполлонъ не воздвигнулъ Агенора мужа,
Вѣтвь Антенора сановника, славнаго, сильнаго въ битвахъ.
Фебъ ему сердце наполнилъ отвагой и самъ недалеко
Сталъ, чтобъ надъ мужемъ удерживать руки тяжелыя Смерти,
Къ дереву буку склонясь и покрывшися облакомъ темнымъ.
Тотъ же, какъ скоро увидѣлъ рушителя стѣнъ Ахиллеса,
Сталъ, но не разъ у него колебалось тревожное сердце.
Тяжко вздохнувъ, говорилъ онъ съ своей благородной душою:
„Горе мнѣ! ежели я, оробѣвъ, предъ ужаснымъ Пелидомъ
Въ бѣгъ обращусь, какъ бѣгутъ и другіе, смятенные страхомъ,
Быстрый догонитъ меня и главу, какъ у робкаго, сниметъ!
Если же сихъ, по долинѣ бѣгущихъ, преслѣдовать дамъ я
Сыну Пелея, а самъ одинокій въ сторону града
Брошусь бѣжать по Илійскому полю, пока не достигну
Иды лѣсистыхъ вершинъ и въ кустарникѣ частомъ не скроюсь,
Такъ я, какъ вечеръ наступитъ, въ потокѣ омоюсь отъ пота
И, освѣжася, подъ сумракомъ вновь въ Иліонъ возвращуся.
Но не напрасно ль ты, сердце, въ подобныхъ волнуешься думахъ?
Если меня вдалекѣ онъ отъ города, въ полѣ, увидитъ?
Если, ударясь въ погоню, меня быстроногій нагонитъ?
О! не избыть мнѣ тогда отъ суроваго рока и смерти!
Сей человѣкъ несравненно могучѣе всѣхъ человѣковъ!
Если жъ ему самому передъ градомъ я противостану?..
Тѣло его, какъ и всѣхъ, проницаемо острою мѣдью;
Та жъ и одна въ немъ душа и отъ смертныхъ зовется онъ смертнымъ,
Но Кронидъ лишь ему и побѣду и славу даруетъ!“
Такъ произнесъ и, уставясь на бой, нажидалъ Ахиллеса:
Храброе сердце стремило его воевать и сражаться.
Словно какъ смѣлый барсъ изъ опушки глубокаго лѣса
Прямо выходитъ на мужа ловца и, не вѣдущій страха,
Онъ не смущается, онъ не бѣжитъ при раздавшемся лаѣ;
Даже когда и стрѣлой иль копьемъ его ловчій умѣтитъ,
Онъ, невзирая, что самъ копьемъ прободенъ, не бросаетъ
Пламенной битвы, пока не сразитъ, или самъ не простется, —
Такъ Антеноровъ сынъ, воеватель безстрашный Агеноръ,
Съ поля сойти не рѣшался, пока не извѣдалъ Пелида.

Онъ, передъ грудью уставивши выпуклый щитъ круговидный,
Мѣтилъ копьемъ на него и грозился, крича громозвучно:
„Вѣрно, надежду ты въ сердцѣ питалъ, Ахиллесъ знаменитый,
Нынѣшній день разорить обитель Троянъ благородныхъ?
Нѣтъ, безразсудный, бѣдамъ еще многимъ свершиться за Трою!
Много еще насъ во градѣ мужей, и безстрашныхъ и сильныхъ,
Кои готовы для нашихъ отцовъ, для супругъ и младенцевъ
Градъ Иліонъ защищать, предъ которымъ найдешь ты погибель,
Ты, и страшнѣйшій въ мужахъ, и душою отважнѣйшій воинъ!"
Рекъ и сіяющій дротъ онъ рукою могучею ринулъ
И не прокинулъ: умѣтилъ его въ подколѣнное бердо;
Окрестъ ноги оловянная, новая ковань, поножа
Страшный звонъ издала; но суровая мѣдь отскочила
Вспять отъ ноги, не прошла, отраженная божескимъ даромъ.
Тутъ Ахиллесъ на подобнаго богу Агенора прянулъ,
Пламенный; но Аполлонъ ему славой украситься не далъ:
Быстро похитилъ Троянца и, мракомъ покрывши глубокимъ,
Мирно ему отъ боя опаснаго далъ удалиться;
Самъ же Пелеева сына коварствомъ отвлекъ отъ народа:
Образъ принявши Агенора, богъ Апполонъ сребролукій
Сталъ предъ очами его, и за нимъ онъ ударился гнаться.
Тою порой, какъ Пелидъ по равнинѣ, покрытой пшеницей,
Феба преслѣдовалъ, вспять, близъ глубокопучиннаго Ксанѳа,
Чуть уходящаго,—хитростью богъ обольщалъ человѣка,
Льстя безпрестанной надеждой, что онъ, быстроногій нагонитъ,—
Тою порою Трояне, бѣгущіе съ поля, толпами
Радостно къ граду примчались; бѣгущими градъ наполнялся.
Всѣ укрывались; никто не дерзалъ за стѣною, внѣ града,
Ждать остальныхъ и развѣдывать, кто изъ товарищей спасся,
Кто на сраженьи погибъ; но въ радости сердца, какъ волны,
Хлынули въ городъ, которыхъ спасли только быстрыя ноги.

ПѢСНЬ XXII.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

Все Троянское воинство убѣгаетъ въ городъ; Гекторъ одинъ остается въ полѣ, у воротъ Скейскихъ. Между тѣмъ Ахиллесъ, узнавъ обманъ Аполлона, котораго подъ видомъ Агенора, преслѣдовалъ, возвращается къ городу, ст. 1—24. Отецъ и мать убѣждаютъ Гектора войти въ стѣны, 25—89; тщетно: стыдомъ и другими чувствами удерживаемый, онъ остается, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтить Ахиллеса, 90—130, но, съ приближеніемъ героя, приходитъ въ страхъ и убѣгаетъ. Ахиллесъ, его преслѣдуя, три раза гонитъ около города, 131—165. Всѣ боги на нихъ смотрятъ; Зевсъ изъявляетъ состраданіе объ Гекторѣ; Аѳина негодуетъ и, по волѣ отца, нисходитъ съ Олимпа, чтобы участвовать въ битвѣ героевъ, 166—187. Когда оба они уже въ четвертый разъ прибѣжали къ ключамъ Скамандра, Зевсъ полагаетъ на вѣсы ихъ жребіи: Гекторовъ преклоняется, 188—212; Аполлонъ оставляетъ его. Паллада является Ахиллесу, ободряетъ его и сама, подъ видомъ Деифоба, брата Гекторова, явившись и ему, коварно убѣждаетъ сразиться съ Ахиллесомъ, 213—247. Такимъ образомъ, герои сходятся къ единоборству; Гекторъ предлагаетъ условія, Ахиллесъ гордо отвергаетъ ихъ, 248—272. Оба съ равнымъ ожесточеніемъ сражаются. Гекторъ, потерявъ копье и видя, что жестоко обманутъ Аѳиной, отчаянно нападаетъ съ мечомъ, но Ахиллесъ пронзаетъ его копьемъ, 273—330. Гекторъ, павъ, проситъ погребенія, но, отринутый, предсказываетъ Ахиллесу близкую смерть и испускаетъ духъ, 331—363. Ахиллесъ обнажаетъ его, предаетъ воинамъ на поруганіе и наконецъ, привязавъ къ колесницѣ, увлекаетъ въ станъ, 364—404. Гектора оплакиваетъ весь городъ, также Пріамъ, Гекуба, со стѣнъ его увидѣвшіе, и Андромаха, изъ дому прибѣжавшая, 405—515.

Съ ужасомъ въ городъ вбѣжавъ, какъ олени младые, Трояне
Потъ прохлаждали, пили и жажду свою утоляли,
Вдоль по стѣнѣ на забрала склоняяся; но Аргивяне
Подъ стѣну прямо неслися, щиты къ раменамъ преклонивши.
Гекторъ же въ оное время, какъ скованный гибельнымъ рокомъ,
Въ полѣ остался одинъ передъ Троей и башней Скейской.
Богъ Аполлонъ между тѣмъ провѣщалъ къ Пелейону герою:
„Что ты меня, о Пелидъ, уповая на быстрыя ноги,
Смертный, преслѣдуешь бога безсмертнаго? Или доселѣ
Бога во мнѣ не узналъ, что безъ отдыха пышишь свирѣпствомъ?
Ты пренебрегъ и опасность Троянъ, пораженныхъ тобою:
Скрылись они уже въ стѣны; а ты здѣсь по полю рыщешь.
Но отступи; не убьешь ты меня: не причастенъ я смерти".
Вспыхнувши гнѣвомъ, ему отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
„Такъ, обманулъ ты меня, о зловреднѣйшій между богами!
Въ поле отвлекъ отъ стѣны! Безъ сомнѣнія, многимъ еще бы
Землю зубами глодать до того, какъ скрылися въ Трою!
Славы прекрасной меня ты лишилъ, а сыновъ Иліона
Спасъ безъ труда, ничьего не страшася отмщенія послѣ...
Я отомстилъ бы тебѣ, когда бъ то возможно мнѣ было!"
Такъ произнесъ онъ и къ граду съ рѣшимостью гордой понесся
Бурный, какъ конь въ колесницѣ, всегда побѣдительный въ бѣгѣ,
Быстро несется къ мѣтѣ, разстилаясь по чистому полю,—
Такъ Ахиллесъ оборачивалъ быстро могучія ноги.
Первый старецъ Пріамъ со стѣны Ахиллеса увидѣлъ,
Полемъ летящаго, словно звѣзда, окруженнаго блескомъ.
Словно звѣзда, что подъ осень съ лучами огнистыми всходитъ
И, между звѣздъ неисчетныхъ горящая въ сумракахъ ночи
(Псомъ Оріона ее нарицаютъ сыны человѣковъ),
Всѣхъ свѣтозарнѣе блещетъ, но знаменьемъ грознымъ бываетъ;
Злыя она огневицы наноситъ смертнымъ несчастнымъ,—
Такъ у героя бѣгущаго мѣдь вокругъ персей блистала.
Вскрикнулъ Пріамъ, сѣдую главу поражаетъ руками,
Къ небу длани подъемлетъ и горестнымъ голосомъ вопитъ,
Слезно молящій любезнаго сына; но тотъ предъ вратами
Молча стоитъ, безпредѣльно пылая сразиться съ Пелидомъ.
Жалобно старецъ къ нему и слова простираетъ и руки:
„Гекторъ, возлюбленный сынъ мой! Не жди ты сего человѣка
Въ полѣ одинъ, безъ друзей, да своей не найдешь ты кончины,
Сыномъ Пелея сраженный: тебя онъ могучѣе въ битвахъ!
Лютый! когда бы онъ былъ и безсмертнымъ столько жъ любезенъ,
Сколько мнѣ: о, давно бъ уже трупъ его псы растерзали!

Тяжкая горесть моя у меня отступила бъ отъ сердца!
Сколько сыновъ у меня онъ младыхъ и могучихъ похитилъ,
Или убивъ, иль продавъ племенамъ острововъ отдаленныхъ!
Вотъ и теперь, Ликаона нѣтъ, и нѣтъ Полидора;
Ихъ обоихъ я не вижу въ толпахъ, заключившихся въ стѣны,
Юношей милыхъ, рожденныхъ царицею женъ Лаоѳоей.
О! если живы они, но въ плѣну,—изъ Ахейскаго стана
Ихъ мы искупимъ и мѣдью и златомъ: обильно ихъ дома;
Много сокровищъ за дочерью выдалъ мнѣ Альтъ знаменитый.
Если жъ погибли они и уже въ Аидесовомъ домѣ,
Горе и мнѣ и матери, кои на смерть ихъ родили!
Но народу Троянскому горести менѣе будетъ,
Только бы ты не погибъ, Ахиллесомъ ужаснымъ сраженный.
Будь же ты съ нами, сынъ милый! Войди въ Иліонъ, да спасешь ты
Женъ и мужей Иліонскихъ, да славы не даруешь громкой
Сыну Пелея и жизни сладостной самъ не лишишься!
О! пожалѣй и о мнѣ ты, пока я дышу еще, бѣдномъ,
Старцѣ злосчастномъ, котораго Зевсъ предъ дверями могилы
Казней ужасной казнитъ, принуждая всѣ бѣдствія видѣть,
Видѣть сыновъ убиваемыхъ, дщерей, въ неволю влекомыхъ,
Домы Пергама громимые, самыхъ младенцевъ невинныхъ
Видѣть объ долъ разбиваемыхъ въ сей разрушительной брани,
И невѣстокъ, влачимыхъ руками свирѣпыхъ Данаевъ!..
Самъ я послѣдній паду и меня на порогѣ домашнемъ
Алчные псы растерзаютъ, когда смертоносною мѣдью
Кто-либо въ сердце умѣтитъ и душу изъ персей исторгнетъ;
Псы, что вскормилъ при моихъ я трапезахъ, привратные стражи,
Кровью упьются моей и, унылые сердцемъ, на прагѣ
Лягутъ при тѣлѣ моемъ искаженномъ! О, юношѣ славно,
Какъ ни лежитъ онъ, упавшій въ бою и растерзанный мѣдью:
Все у него, и у мертваго, что ни открыто, прекрасно!
Если жъ сѣдую браду и сѣдую главу человѣка,
Ежели стыдъ у старца убитаго псы оскверняютъ,—
Участи болѣе горестной нѣтъ человѣкамъ несчастнымъ!“

Такъ вопіялъ и свои сребристые волосы старецъ
Рвалъ на главѣ, но у Гектора сына души не подвигнулъ.
Матерь за нимъ на другой сторонѣ возопила, рыдая,
Перси рукой обнаживъ, а другою на грудь указуя,
Сыну, ліющая слезы, крылатую рѣчь устремляла:

„Сынъ мой! почти хоть сіе; пожалѣй хоть матери бѣдной:
Если я дѣтскій твой плачъ утоляла отрадною грудью,
Вспомни объ ономъ, любезнѣйшій сынъ, и ужаснаго мужа,

Въ стѣны вошедъ, отражай; передъ нимъ ты не стой одинокій!
Если, неистовый, онъ одолѣетъ тебя, о мой Гекторъ,
Милую отрасль мою, ни я на одрѣ не оплачу,
Ни Андромаха супруга; далеко отъ насъ отъ обѣихъ,
Въ станѣ тебя Мирмидонскомъ свирѣпые псы растерзаютъ!"
Такъ, рыдая, они говорили къ любезному сыну;
Такъ умоляли, но Гектора въ персяхъ души не подвигли:
Онъ ожидалъ Ахиллеса великаго, несшагось прямо,
Словно какъ горный драконъ у пещеры ждетъ человѣка,
Травъ ядовитыхъ нажравшись и черной наполняся злобой,
Въ стороны страшно глядитъ, извиваясь вкругъ надъ пещерой,—
Гекторъ таковъ, несмиримаго мужества полный, стоялъ тамъ,
Выпукло-свѣтлымъ щитомъ упершись въ основаніе башни;
Мрачно вздохнувъ, наконецъ говорилъ онъ въ душѣ возвышенной:
„Стыдъ мнѣ, когда я, какъ робкій, въ ворота и стѣны укроюсь!
Первый Полидамасъ на меня укоризны положитъ:
Полидамасъ мнѣ совѣтовалъ ввесть ополченія въ городъ,
Въ оную ночь роковую, какъ вновь Ахиллесъ ополчился.
Я не послушалъ, но, вѣрно, полезнѣе было бъ послушать!
Такъ Троянскій народъ погубилъ я своимъ безразсудствомъ.
О! стыжуся Троянъ и Троянокъ длинноодежныхъ!
Гражданинъ самый послѣдній можетъ сказать въ Иліонѣ:
Гекторъ народъ погубилъ, на свою понадѣявшись силу!
Такъ Иліоняне скажутъ. Стократъ благороднѣе будетъ
Противостать и, Пелеева сына убивъ, возвратиться,
Или въ сраженіи съ нимъ передъ Троею славно погибнуть!
Но... и почто же? Если оставлю щитъ свѣтлобляшный,
Шлемъ тяжелый сложу и, копье прислонивши къ твердынѣ,
Самъ я пойду и предстану Пелееву славному сыну?
Если ему обѣщаю Елену и вмѣстѣ богатства
Всѣ совершенно, какія Парисъ въ корабляхъ глубодонныхъ
Съ нею привезъ въ Иліонъ (роковое раздора начало!),
Выдать Атридамъ и вмѣстѣ притомъ раздѣлить Аргивянамъ
Всѣ остальныя богатства, какія лишь Троя вмѣщаетъ?
Если съ Троянъ, наконецъ, я потребую клятву старѣйшинъ;
Намъ ничего не скрывать, но представить всѣ для раздѣла
Наши богатства, какія лишь градъ заключаетъ любезный?!.
Боги! какимъ предаюся я помысламъ? Нѣтъ, къ Ахиллесу
Я не пойду, какъ молитель! Не сжалится онъ надо мною,
Онъ не уважитъ меня, нападетъ и меня безъ оружій
Нагло убьетъ онъ, какъ женщину, если доспѣхъ я оставлю.
Нѣтъ, теперь не година съ зеленаго дуба иль съ камня

Намъ съ нимъ бесѣдовать мирно, какъ юноша съ сельскою дѣвой.
Юноша, съ сельскою дѣвою свидясь, бесѣдуетъ мирно,
Намъ же къ сраженію лучше сойтись! и не медля увидимъ,
Славу кому между насъ даровать Олимпіецъ разсудитъ!"
Такъ размышляя, стоялъ, а къ нему Ахиллесъ приближался,
Грозенъ, какъ богъ Эніалій, сверкающій шлемомъ по сѣчѣ.
Ясень отцовъ Пеліонскій на правомъ плечѣ колебалъ онъ
Страшный; вокругъ его мѣдь ослѣпительнымъ свѣтомъ сіяла,
Будто огонь распылавшійся, будто всходящее солнце.
Гекторъ увидѣлъ, и страхъ его обнялъ. Больше не могъ онъ
Тамъ оставаться, отъ Скейскихъ воротъ побѣжалъ, устрашенный.
Бросился гнаться Пелидъ, уповая на быстрыя ноги.
Словно соколъ на горахъ, изъ пернатыхъ быстрѣйшая птица,
Вдругъ съ быстротой несказанной за робкой несется голубкой;
Въ стороны вьется она, а соколъ по-надъ нею, и часто
Разомъ онъ крикнетъ и кинется, жадный добычу похитить,—
Такъ онъ за Гекторомъ пламенный гнался, а трепетный Гекторъ
Вдоль подъ стѣной убѣгалъ и быстро оборачивалъ ноги.
Мимо холма и смоковницы, съ вѣтрами вѣчно шумящей,
Оба вдали отъ стѣны, колесничной дорогою мчались;
Оба къ ключамъ свѣтлоструйнымъ примчалися, гдѣ съ быстротою
Два вытекаютъ источника быстропучиннаго Ксанѳа.
Теплой водою струится одинъ, и кругомъ непрестанно
Паръ отъ него подымается, словно какъ дымъ отъ огнища;
Но источникъ другой и средь лѣта студеный катится,
Хладный, какъ градъ, какъ снѣгъ, какъ въ кристаллъ превращенная влага.
Тамъ близъ ключей водоемы широкіе, оба изъ камней,
Были красиво устроены; къ нимъ свои бѣлыя ризы
Жены Троянъ и прекрасныя дщери ихъ мыть выходили
Въ прежніе, мирные дни, до нашествія рати Ахейской.
Тамъ пристали они, и бѣгущій, и быстро гонящій.
Сильный бѣжалъ впереди, но преслѣдовалъ много сильнѣйшій,
Бурно несясь; не о жертвѣ они, не о кожѣ воловой
Спорились бѣгомъ: обычная изда то ногамъ бѣгоборцевъ;
Нѣтъ, объ жизни ристалися Гектора, конника Трои.
И, какъ на играхъ, умершему въ почесть, побѣдные кони
Окрестъ мѣты бѣговой съ быстротою чудесною скачутъ,—
Славная ждетъ ихъ награда, младая жена иль треножникъ,—
Такъ троекратно они предъ великою Троей кружились,—
Быстро носящіесь. Всѣ божества на героевъ смотрѣли;
Слово межъ оными началъ отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ:

„Горе! любезнаго мужа, гонимаго около града,
Видятъ очи мои и болѣзнь проходитъ мнѣ сердце!
Гекторъ, мужъ благодушный, тельчія, тучныя бедра
Мнѣ возжигалъ въ благовоніе часто на Идѣ холмистой,
Часто на выси Пергамской; а днесь Ахиллесъ градоборецъ
Гектора около града преслѣдуетъ, бурный ристатель.
Боги, размыслите вы и совѣтомъ сердецъ положите,
Гектора мы сохранимъ ли отъ смерти, или напослѣдокъ
Сыну Пелея дидимъ побѣдить знаменитаго мужа“.
Зевсу не медля рекла свѣтлоокая дѣва Паллада:
„Молніеносный отецъ, чернооблачный! Что ты вѣщаешь?
Смертнаго мужа, издревле судьбѣ обреченнаго общей,
Хочешь ты, Зевсъ, разрѣшить совершенно отъ смерти печальной?
Волю твори, но не всѣ на нее согласимся мы, боги!“
Ей не медля отвѣтствовалъ тучегонитель Кроніонъ:
„Бодрствуй, Тритонія, милая дочь! Не съ намѣреньемъ въ сердцѣ
Я говорю, и съ тобою милостивъ быть я желаю,
Волю твори и желаніе сердца не медля исполни“.
Рекъ и возжегъ еще болѣ пылавшую сердцемъ Аѳину;
Бурно она понеслась, отъ Олимпа высокаго бросясь.
Гектора жъ, въ бѣгствѣ преслѣдуя, гналъ Ахиллесъ непрестанно.
Словно какъ песъ по горамъ молодого гонитъ оленя,
Съ лога поднявъ, и несется за нимъ чрезъ кусты и овраги;
Даже и скрывшагось, если онъ въ страхѣ подъ кустъ припадаетъ,
Чуткій слѣдитъ и бѣжитъ безпрестанно, покуда не сыщетъ,—
Такъ Пріамидъ отъ Пелида не могъ отъ быстраго скрыться.
Сколько онъ разъ ни пытался, у вратъ пробѣгая Дарданскихъ,
Броситься прямо къ стѣнѣ, подъ высоковершинныя башни,
Гдѣ бы Трояне съ высоты защитили стрѣлами,—
Столько разъ Ахиллесъ, упредивъ, отбивалъ Пріамида
Въ полѣ, а самъ непрестанно, держася твердыни, летѣлъ онъ.
Словно во снѣ человѣкъ изловить человѣка не можетъ,
Сей убѣжать, а другой уловить напрягается тщетно,—
Такъ и герои, ни сей не догонитъ, ни тотъ не уходитъ.
Какъ бы и могъ Пріамидъ избѣжать отъ судьбы и отъ смерти,
Если бъ ему и въ послѣдній ужъ разъ, Аполлонъ не явился:
Онъ укрѣплялъ Пріамиду и силы и быстрыя ноги.
Войскамъ межъ тѣмъ помавалъ головою Пелидъ быстроногій,
Имъ запрещая бросать противъ Гектора горькія стрѣлы,
Славы бъ не отнялъ пронзившій, а онъ бы вторымъ не явился.
Но лишь въ четвертый разъ до Скамандра ключей прибѣжали,
Зевсъ распростеръ, промыслитель, вѣсы золотые; на нихъ онъ

Бросилъ два жребія Смерти, въ сонъ погружающей долгій:
Жребій одинъ Ахиллеса, другой—Пріамова сына.
Взялъ по срединѣ и поднялъ: поникнулъ Гектора жребій,
Тяжкій къ Аиду упалъ; Аполлонъ отъ него удалился.
Сыну жъ Пелея, съ сіяющимъ взоромъ, явилась Паллада,
Близко пришла и къ нему провѣщала крылатыя рѣчи:
Нынѣ, надѣюсь, любимецъ боговъ, Ахиллесъ благородный,
„Славу великую мы принесемъ на суда Мирмидонянъ:
Гектора мы поразимъ, ненасытнаго боемъ героя.
Болѣе, мню я, отъ нашей руки не избыть Пріамиду,
Сколько не будетъ о томъ Аполлонъ стрѣлометный трудиться,
Распростирающійся предъ могучимъ Отцомъ громовержцемъ.
Стань и вздохни, Пелейонъ, Пріамида сведу я съ тобою
И сама преклоню, да противу тебя онъ сразится".
Такъ говорила; Пелидъ покорился и, радости полный,
Сталъ, опершись на сіяющій ясень свой мѣдноконечный.
Зевсова дочь устремилася, Гектора быстро настигла
И, уподобясь Деифобу и видомъ и голосомъ звучнымъ,
Стала предъ нимъ и крылатыя рѣчи коварно вѣщала:
„Братъ мой почтенный! жестоко тебя Ахиллесъ утѣсняетъ,
Около града Пріамова бурнымъ преслѣдуя бѣгомъ.
Но остановимся здѣсь и могучаго встрѣтимъ безстрашно!"
Ей отвѣтствовалъ сильный, шеломомъ сверкающій Гекторъ:
О Деифобъ! и всегда ты, съ младенчества, былъ мнѣ любезенъ
Болѣе всѣхъ моихъ братьевъ, Пріама сыновъ и Гекубы;
Нынѣ жъ и прежняго болѣе долженъ тебя почитать я:
Ради меня ты отважился, видя единаго въ полѣ,
Выдти изъ стѣнъ, тогда какъ другіе въ стѣнахъ остаются".
Вновь говорила ему свѣтлоокая дочь Громовержца:
„Гекторъ, меня умоляли отецъ и почтенная матерь,
Ноги мои обнимая; меня и друзья умоляли
Съ ними остаться: такимъ они всѣ преисполнены страхомъ;
Но по тебѣ сокрушилось тоскою глубокою сердце.
Станемъ надежно теперь и сразимся мы пламенно: копій
Не къ чему болѣ щадить, и увидимъ теперь, Ахиллесъ ли
Насъ обоихъ умертвитъ и кровавыя наши корысти
Къ чернымъ судамъ повлечетъ, иль копьемъ онъ твоимъ укротится!"
Такъ вѣщая коварно, впередъ выступала Паллада.
Оба героя сошлись, устремленные другъ противъ друга;
Первый къ Пелиду воскликнулъ шеломомъ сверкающій Гекторъ:
„Сынъ Пелеевъ, тебя убѣгать не намѣренъ я болѣ!
Трижды предъ градомъ Пріамовымъ я пробѣжалъ, не дерзая

Встрѣтить тебя нападавшаго; нынѣ жъ сердце велитъ мнѣ
Стать и сразиться съ тобою: убью, или буду убитъ я!
Прежде жъ боговъ мы возьмемъ во свидѣтельство; лучшіе будутъ
Боги свидѣтели клятвъ и хранители нашихъ условій:
Тѣла тебѣ я не буду безчестить, когда Громовержецъ
Даруетъ мнѣ устоять и оружіемъ духъ твой исторгнуть;
Славные только доспѣхи съ тебя, Ахиллесъ, совлеку я,
Тѣло жъ отдамъ Мирмидонцамъ; и ты договоръ сей исполни".
Грозно взглянулъ на него и вскричалъ Ахиллесъ быстроногій:
„Гекторъ, врагъ ненавистный, не мнѣ предлагай договоры!
Нѣтъ и не будетъ межъ львовъ и людей никакого союза;
Волки и агнцы не могутъ дружиться согласіемъ сердца:
Вѣчно враждебны они, зломышленны другъ противъ друга,—
Такъ и межъ насъ невозможна любовь; никакихъ договоровъ
Быть между нами не можетъ, поколѣ одинъ, распростертый,
Кровью своей не насытитъ свирѣпаго бога Арея!
Все ты искусство ратное вспомни! Сегодня ты долженъ
Быть копьеборцемъ отличнымъ и воиномъ неустрашимымъ!
Бѣгства тебѣ уже нѣтъ; подъ моимъ копьемъ Тритогена
Скоро тебя укротитъ, и заплатишь ты разомъ за горе
Друговъ моихъ, которыхъ избилъ ты, свирѣпствуя, мѣдью!"
Рекъ онъ и, мощно сотрясши, послалъ длиннотѣнную пику.
Въ пору завидѣвъ ее, избѣжалъ шлемоблещущій Гекторъ;
Быстро приникъ онъ къ землѣ, и надъ нимъ пролетѣвшая пика
Въ землю вонзилась; но, вырвавъ ее, Ахиллесу Паллада
Вновь подала, невидима Гектору, коннику Трои.
Гекторъ же громко воскликнулъ къ Пелееву славному сыну:
„Праздненъ ударъ! и нимало, Пелидъ, безсмертнымъ подобный,
Доли моей не узналъ ты отъ Зевса, хотя возвѣщалъ мнѣ;
Но говорливъ и коваренъ рѣчами ты былъ предо мною
Съ цѣлью, чтобъ я, оробѣвъ, потерялъ и отважность и силу.
Нѣтъ, не бѣжать я намѣренъ; копье не въ хребетъ мнѣ вонзишь ты;
Прямо лицомъ на тебя устремленному, грудь прободи мнѣ,
Ежели богъ то судилъ! Но копья и сего берегися
Мѣднаго! Если бы, острое, въ тѣло ты все его принялъ!
Легче была бы кровавая брань для сыновъ Иліона,
Если бъ тебя сокрушилъ я, тебя, ихъ лютѣйшую гибель!"
Рекъ онъ и, мощно сотрясши, копье длиннотѣнное ринулъ
И не прокинулъ: въ средину щитъ поразилъ Ахиллеса;
Но далеко оружіе щитъ отразилъ. Огорчился
Гекторъ, узрѣвъ, что копье безполезно изъ рукъ излетѣло,

Сталъ и очи потупилъ; копья не имѣлъ онъ другого.
Голосомъ звучнымъ на помощь онъ брата зоветъ Деифоба,
Требуетъ новаго дротика остраго: нѣтъ Деифоба.
Гекторъ постигъ то своею душою, и такъ говорилъ онъ:
„Горе! къ смерти меня всемогущіе боги призвали!
Я помышлялъ, что со мною мой братъ, Деифобъ нестрашимый,
Онъ же въ стѣнахъ Иліонскихъ: меня обольстила Паллада.
Возлѣ меня—лишь смерть! и уже не избыть мнѣ ужасной!
Нѣтъ избавленія! Такъ, безъ сомнѣнія, боги судили,
Зевсъ и отъ Зевса родившійся Фебъ; милосердые прежде
Часто меня избавляли; судьба наконецъ постигаетъ!
Но не безъ дѣла погибну, во прахъ я паду не безъ славы;
Нѣчто великое сдѣлаю, что и потомки услышатъ!“
Такъ произнесъ и исторгъ изъ влагалища ножъ изощренный,
Съ лѣваго бока висящій, ножъ и огромный и тяжкій;
Съ мѣста, напрягшися, бросился, словно орелъ небопарный,
Если онъ вдругъ изъ-за облаковъ сизыхъ на степь упадаетъ,
Нѣжнаго агнца иль зайца пугливаю жадный похитить,—
Гекторъ таковъ устремился, махая ножомъ смертоноснымъ.
Прянулъ и быстрый Пелидъ, и наполнился духъ его гнѣва
Бурнаго; онъ передъ грудью уставилъ свой щитъ велелѣпный,
Дивно украшенный; шлемъ на главѣ его четверобляшный
Зыблется свѣтлый, волнуется пышная грива златая,
Густо Гефестомъ развитая окрестъ высокаго гребня,
Но, какъ звѣзда межъ звѣздами въ сумракѣ ночи сіяетъ,
Гесперъ, который на небѣ прекраснѣе всѣхъ и свѣтлѣе,—
Такъ у Пелида сверкало копье изощренное, коимъ
Въ правой рукѣ потрясалъ онъ, на Гектора жизнь умышляя,
Мѣста на тѣлѣ прекрасномъ ища для вѣрныхъ ударовъ.
Но у героя все тѣло доспѣхъ покрывалъ мѣдноковный,
Пышный, который похитилъ онъ, мощь одолѣвши Патрокла;
Тамъ лишь, гдѣ выю ключи съ раменами связуютъ, гортани
Часть обнажалася, мѣсто, гдѣ гибель душѣ неизбѣжна;
Тамъ, налетѣвши, копьемъ Ахиллесъ поразилъ Пріамида.
Прямо сквозь бѣлую выю прошло смертоносное жало;
Только гортани ему не разсѣкъ сокрушительный ясень
Вовсе, чтобъ могъ, умирающій, нѣсколько словъ онъ промолвить.
Грянулся въ прахъ онъ, и громко вскричалъ Ахиллесъ, торжествуя:
„Гекторъ, Патрокла убилъ ты и думалъ живымъ оставаться!
Ты и меня не страшился, когда я отъ битвъ удалялся,
Врагъ безразсудный! Но мститель его, несравненно сильнѣйшій,

Нежели ты, за судами Ахейскими я оставался,
Я, и колѣна тебѣ сокрушившій! Тебя для позора
Птицы и псы разорвутъ, а его погребутъ Аргивяне."
Дышащій томно, ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ:
Жизнью тебя и твоими родными у ногъ заклинаю.
О! не давай ты меня на терзаніе псамъ Мирмидонскимъ;
Мѣди, цѣннаго злата, сколько желаешь ты, требуй;
Вышлютъ тебѣ искупленье отецъ и почтенная матерь;
Тѣло лишь въ домъ возврати, чтобъ Трояне меня и Троянки,
Честь воздавая послѣднюю, въ домѣ огню пріобщили".
Мрачно смотря на него, говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
„Тщетно ты, песъ, обнимаешь мнѣ ноги и молишь родными!
Въ ярости, если бы могъ, растерзалъ бы тебя я на части,
Тѣло сырое твое пожиралъ бы я,—то ты мнѣ сдѣлалъ!
Нѣтъ, человѣческій сынъ отъ твоей головы не отгонитъ
Псовъ пожирающихъ! Если и въ десять, и въ двадесять кратъ мнѣ
Пышныхъ даровъ привезутъ и столько жъ еще обѣщаютъ;
Если тебя самого прикажетъ на золото взвѣсить
Царь Иліона Пріамъ, и тогда на одрѣ погребальномъ
Матерь Гекуба тебя, своего не оплачетъ рожденья;
Птицы твой трупъ и псы Мирмидонскіе весь растерзаютъ!"
Духъ испуская, къ нему провѣщалъ шлемоблещущій Гекторъ:
„Зналъ я тебя, предчувствовалъ я, что моимъ ты моленьемъ
Тронутъ не будешь: въ груди у тебя желѣзное сердце.
Но трепещи, да не буду тебѣ я божіимъ гнѣвомъ
Въ оный день, когда Александръ и Фебъ стрѣловержецъ,
Какъ ни могучаго, въ Скейскихъ воротахъ тебя ниспровергнутъ!"
Такъ говорящаго, Гектора мрачная смерть осѣняетъ:
Тихо душа, изъ устъ излетѣвши, нисходитъ къ Аиду,
Плачась на долю свою, оставляя и младость и крѣпость.
Но къ нему, и къ умершему, сынъ быстроногій Пелеевъ
Крикнулъ еще: „Умирай! а мою неизбѣжную смерть я
Встрѣчу, когда ни пошлетъ Громовержецъ и вѣчные боги!"
Такъ произнесъ и изъ мертваго вырвалъ убійственный ясень,
Въ сторону бросилъ его и доспѣхъ совлекалъ съ Дарданида,
Кровью облитый. Сбѣжались другіе Ахейскіе мужи.
Всѣ, изумляясь, смотрѣли на ростъ и на образъ чудесный
Гектора и, приближаяся, каждый пронзалъ его пикой.
Такъ говорили иные, одинъ на другого взглянувши:
„О! несравненно теперь къ осязанію мягче сей Гекторъ,
Нежели былъ, какъ бросалъ на суда пожирающій пламень!"

Такъ не одинъ говорилъ и копьемъ прободалъ, приближаясь.
Но, его между тѣмъ обнаживъ, Ахиллесъ быстроногій
Сталъ средь Ахеянъ и къ нимъ устремилъ онъ крылатыя рѣчи:
„Други, герои Ахейцы, безстрашные слуги Арея!
Мужа сего побѣдить наконецъ даровали мнѣ боги,
Зла сотворившаго болѣе, нежели всѣ Иліонцы.
Нынѣ, съ оружіемъ мы покусимся на градъ крѣпкостѣнный,
Гражданъ Троянскихъ извѣдаемъ помыслы, какъ полагаютъ,
Бросить ли замокъ высокій, сраженному сыну Пріама,
Или держаться дерзаютъ, когда и вождя ихъ не стало!
Но какимъ помышленіямъ сердце мое предается!
Мертвый лежитъ у судовъ, не оплаканный, не погребенный,
Другъ мой Патроклъ! Не забуду его, не забуду, пока я
Между живыми влачусь и стопами земли прикасаюсь!
Если жъ умершіе смертные память теряютъ въ Аидѣ,
Буду я помнить и тамъ моего благороднаго друга!
Нынѣ побѣдный пеанъ воспойте, Ахейскіе мужи,
Мы же пойдемъ, волоча и его, къ кораблямъ быстролетнымъ.
Добыли свѣтлой мы славы! Поверженъ божественный Гекторъ!
Гекторъ, котораго Трои сыны величали, какъ бога!“
Рекъ и на Гектора онъ недостойное дѣло замыслилъ:
Самъ на обѣихъ ногахъ прокололъ ему жилы сухія
Сзади отъ пятъ и до глезнъ и, продѣвши ремни, къ колесницѣ
Тѣло его привязалъ, а главу волочиться оставилъ;
Сталъ въ колесницу и, пышный доспѣхъ возвращенный поднявши,
Коней бичемъ поразилъ; полетѣли послушные кони.
Прахъ отъ влекомаго вьется столбомъ; по землѣ, растрепавшись,
Черные кудри крутятся; глава Пріамида по праху
Бьется, прекрасная прежде, а нынѣ врагамъ Олимпіецъ
Далъ опозорить ее на родимой землѣ Иліонской!
Вся голова почернѣла подъ перстью.—Мать увидала,
Рветъ сѣдые власы, дорогое съ себя покрывало
Мечетъ далеко и горестный вопль подымаетъ о сынѣ.
Горько рыдалъ и отецъ престарѣлый; кругомъ же граждане
Подняли плачъ; раздавалися вопли по цѣлому граду.
Было подобно, какъ будто, отъ края до края, высокій
Весь Иліонъ отъ своихъ основаній въ огнѣ разсыпался!
Мужи держали съ трудомъ изступленнаго горестью старца,
Рвавшагось въ поле вратами Дарданскими выдти изъ града.
Онъ умолялъ ихъ, тоскующій, онъ разстилался по праху,
Онъ говорилъ, называя по имени каждаго мужа:
„Други, пустите меня одного, не заботясь, пустите

Выдти изъ града! Одинъ я пойду къ кораблямъ Мирмидонскимъ;
Буду молить я губителя, мрачнаго сердцемъ злодѣя.
Можетъ быть, лѣта почтитъ онъ, надъ старостью, можетъ быть, дряхлой
Сжалится: онъ человѣкъ, отца онъ такого жъ имѣетъ,
Старца Пелея, который его породилъ и взлелѣялъ
Къ горю Троянъ и стократъ жесточайшему горю Пріама!
Сколько сыновъ у меня онъ похитилъ во цвѣтѣ ихъ жизни!
Но обо всѣхъ сокрушаюсь я менѣе, чѣмъ объ единомъ!
Горесть о немъ неутѣшная скоро сведетъ меня къ гробу,
Горесть о Гекторѣ! О, хоть на сихъ бы рукахъ онъ скончался!
Мы бы хоть душу насытили плачемъ надъ нимъ и рыданьемъ.
Я, безотрадный отецъ, и его злополучная матерь!"
Такъ говорилъ онъ, рыдая, и съ старцемъ стенали Трояне.
Но межъ Троянокъ Гекуба плачевнѣйшій вопль подымаетъ:
„Сынъ мой, мнѣ злополучной почто еще жить для страданій,
Все потерявшей съ тобою! Моею и дни ты и ночи
Славою былъ въ Иліонѣ, всеобщей надеждою въ царствѣ
Женъ и мужей Иліонскихъ! Тебя, какъ хранителя бога,
Всюду встрѣчали они; величайшею былъ ты ихъ славой
Въ жизни своей; и тебя, намъ безцѣннаго, смерть обымаетъ!"
Плакала мать. Но еще ничего не слыхала супруга
Въ домѣ объ Гекторѣ; вѣстникъ еще не являлся къ ней вѣрный
Вѣсть объявить, что супругъ за вратами въ полѣ остался.
Ткала одежду она въ отдаленнѣйшемъ теремѣ дома,
Яркую ткань и цвѣтные по ней разсыпала узоры.
Прежде жъ дала повелѣнье прислужницамъ пышноволосымъ
Огнь развести подъ великимъ треногомъ, да будетъ готова
Гектору теплая ванна, какъ съ боя онъ въ домъ возвратится.
Бѣдная! думъ не имѣла, что Гекторъ далеко отъ дома
Палъ подъ рукой Ахиллеса, смиренъ свѣтлоокой Аѳиной.
Вдругъ Андромаха услышала крики и вопли на башнѣ,
Вздрогнула вся и челнокъ изъ руки на помостъ уронила;
Встала и къ двумъ говорила прислужницамъ пышноволосымъ:
„Встаньте, идите за мной; посмотрю я, что совершилось?
Слышу почтенной свекрови я крикъ; подымается сердце,
Бьется, какъ вырваться хочетъ; колѣна мои цѣпенѣютъ!
Близкая, вѣрно, бѣда Дарданида сынамъ угрожаетъ?..
О! удалися отъ слуха подобная вѣсть! Но отъ страха
Я трепещу... Не безстрашнаго ль Гектора, богу подобный,
Въ полѣ, отрѣзавъ отъ стѣнъ, Ахиллесъ одинокаго гонитъ?
Боги! уже не смиряетъ ли храбрость его роковую,

Коей онъ дышитъ? Въ толпѣ никогда не останется Гекторъ:
Первый впередъ полетитъ, никому не уступитъ въ геройствѣ!"
Такъ произнесши, изъ терема бросилась, будто Менада,
Съ сильно трепещущимъ сердцемъ, и обѣ прислужницы слѣдомъ;
Быстро на башню взошла и, сквозь сонмъ пролетѣвши народный,
Стала, со стѣнъ оглянулась кругомъ,—и его увидала
Тѣло влачимое въ прахѣ: безжалостно бурные кони
Полемъ его волокли къ кораблямъ быстролетнымъ Ахеянъ.
Темная ночь Андромахины ясныя очи покрыла;
Навзничь упала она и, казалось, духъ испустила.
Спала съ нея и далеко разсыпалась пышная повязь,
Ленты, прозрачная сѣть и прекрасно плетеныя тесмы;
Спалъ и покровъ, блистательный даръ золотой Афродиты,
Даный въ день оный царевнѣ, какъ Гекторъ ее мѣднолатный
Изъ дому взялъ Гетіона, отдавши несмѣтное вѣно.
Вкругъ Андромахи невѣстки ея и золовки, толпяся,
Блѣдную долго держали, казалось, убитую скорбью.
Въ чувство пришедши она и дыханіе въ персяхъ собравши,
Горько навзрыдъ зарыдала и такъ среди женъ говорила:
„Гекторъ, о горе мнѣ бѣдной! Мы съ одинакою долей
Оба родилися: ты въ Иліонѣ, въ Пріамовомъ домѣ,
Я, злополучная, въ Ѳивахъ, при скатахъ лѣсистаго Плака,
Въ домѣ царя Гетіона; меня возрастилъ онъ отъ дѣтства,
Смертный несчастный, несчастную. О, для чего я родилась!
Ты, о супругъ мой, въ Аидовы домы, въ подземныя бездны
Сходишь навѣкъ и меня къ неутѣшной тоскѣ покидаешь
Въ домѣ вдовою; а сынъ, злополучными нами рожденный,
Бѣдный и сирый младенецъ! Увы, ни ему ты не будешь
Въ жизни отрадою, Гекторъ,—ты палъ!—ни тебѣ онъ не будетъ!
Ежели онъ и спасется въ погибельной брани Ахейской,
Трудъ безпрерывный его, безконечное горе въ грядущемъ
Ждутъ безпокровнаго: чуждый захватитъ сиротскія нивы.
Съ днемъ сиротства сирота и товарищей дѣтства теряетъ,
Бродитъ одинъ, съ головою пониклой, съ заплаканнымъ взоромъ.
Въ нуждѣ приходитъ ли онъ къ отцовымъ друзьямъ и, просящій,
То одного, то другого смиренно касается ризы;
Сжалясь, иной сиротливому чару едва наклоняетъ,
Только уста омочаетъ и неба въ устахъ не омочитъ.
Чаще жъ его отъ трапезы счастливецъ семейственный гонитъ,
И толкая рукой, и обидной преслѣдуя рѣчью:
Прочь ты исчезни! не твой здѣсь отецъ пируетъ съ друзьями!"
Плачущій, къ матери, къ бѣдной вдовицѣ, дитя возвратится,

Астіанаксъ мой, который всегда у отца на колѣнахъ
Мозгомъ лишь агнцевъ питался и тукомъ овецъ сребророунныхъ;
Если же сонъ обналъ, утомленнаго играми дѣтства,
Сладостно спалъ онъ на ложѣ, при лонѣ кормилицы нѣжномъ,
Въ мягкой постели своей, удовольствіемъ сердца блистая.
Что же теперь испытаетъ, лишенный родителя, бѣдный
Астіанаксъ нашъ, котораго такъ называютъ Трояне,
Ибо одинъ защищалъ ты врата и Троянскія стѣны,
Гекторъ; а нынѣ, у вражьихъ судовъ, далеко отъ родимыхъ
Черви тебя пожираютъ, раздраннаго псами, нагого!
Нагъ ты лежишь! а тебѣ одѣянія сколько въ чертогахъ,
Ризъ и прекрасныхъ и тонкихъ, сотканныхъ руками Троянокъ!
Всѣ ихъ теперь я, несчастная, въ огненный пламень повергну!
Сдѣлалъ ты ихъ безполезными, въ нихъ и лежать ты не будешь!
Въ сонмѣ Троянъ и Троянокъ сожгу ихъ, тебѣ я во славу!“
Такъ говорила, рыдая, и съ нею стенали Троянки.

ПѢСНЬ XXIII.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ ПѢСНИ.

Ахиллесъ, возвратяся въ станъ, начинаетъ съ Мирмидонцами обрядъ погребенія Патрокла: самъ, впереди вооруженныхъ дружинъ ихъ, на колесницахъ, трижды объѣзжаетъ вокругъ мертваго тѣла, а Гектора простираетъ предъ одромъ его, ст. 1—25. Приготовляетъ дружинамъ своимъ пиръ похоронный, самъ же уходитъ къ Агамемнону; имъ украшиваемый, отказывается отъ омовенія, вечеряетъ у него и, назначивъ на другой день погребеніе, удаляется, 26—58. Ночью является Ахиллесу душа Патрокла, требуетъ погребенія и проситъ, чтобы кости его были положены вмѣстѣ съ Ахиллесовыми, 59—107. Съ зарею, по повелѣнію Агамемнона, Ахейцы ѣдутъ рубить лѣсъ для костра, привозятъ его; Мирмидонцы торжественно приносятъ тѣло Патрокла, покрытое волосами друзей, ему ихъ посвящающихъ. Ахиллесъ обрѣзываетъ свои волосы, Сперхію рѣкѣ посвященные и, какъ залогъ любви, влагаетъ ихъ въ руки Патроклу, 108—153. Вечеромъ сооружаютъ костеръ: Ахиллесъ закалаетъ близъ него многія жертвы и 12 юношей Троянскихъ; но Гектора тѣло сохраняютъ Афродита и Аполлонъ, 154—191. Между тѣмъ костеръ не загорается; Ахиллесъ призываетъ мольбою вѣтры, Зефира и Борея, которые, бывъ извѣщены о томъ Ирисою, прилетаютъ и воспламеняютъ его. У горящаго костра Ахиллесъ терзается горестію, 192—225. Съ наступленіемъ дня собираютъ кости Патрокла, полагаютъ въ урну и посыпаютъ могилу, 226—256. Наконецъ, въ честь мертваго, Ахиллесъ предлагаетъ подвиги разнаго рода и награды; ихъ заслуживаютъ вожди: ристаніемъ на колесницахъ—Діомедъ, Антилохъ, Менелай, Меріонъ, Эвмелъ, Несторъ, 257—650; кулачнымъ боемъ—Эпеосъ и Эвріалъ, 651—699; борьбой—Аяксъ Теламонидъ и Одиссей, 700—739; бѣгомъ—Одиссей, Аяксъ Оилидъ и Антилохъ, 740—797; битвой оружіемъ—Діомедъ и Аяксъ Теламонидъ, 793—825; метаніемъ круга—Полипетъ, 826—849; стрѣльбой—Меріонъ и Тевкръ, 850—883; метаніемъ копья—Агамемнонъ и Меріонъ, 884—897.

Такъ сокрушались Трояне по граду. Въ то время Ахейцы,
Къ чернымъ своимъ кораблямъ возвратяся, на брегъ Геллеспонта,
Быстро разсѣялись всѣ по широкому ратному стану.
Но Мирмидонцамъ своимъ расходиться Пелидъ не позволилъ;
Ставъ по срединѣ дружинъ ихъ воинственныхъ, онъ говорилъ имъ:
„Быстрые конники, вѣрные други мои, Мирмидонцы!
Мы отъ ярма отрѣшать не станемъ коней звуконогихъ,
Мы на коняхъ, въ колесницахъ, приблизимся всѣ и оплачемъ
Друга Патрокла; почтимъ подобающей мертваго честью.
Но, когда мы сердца удовольствуемъ горестнымъ плачемъ,
Здѣсь, отрѣшивши коней, вечерять неразлучные будемъ".
Рекъ и рыданіе началъ, и всѣ зарыдали дружины.
Трижды вкругъ тѣла они долгогривыхъ коней обогнали
Съ воплемъ плачевнымъ: Ѳетида ихъ чувства на плачъ возбуждала.
Вкругъ орошался песокъ, орошались слезами доспѣхи
Каждаго воина: такъ былъ оплакиванъ вождь ихъ могучій.
Царь Ахиллесъ между ними рыданіе горькое началъ,
Грозныя руки на грудь положивъ бездыханнаго друга:
„Радуйся, храбрый Патроклъ! и въ Аидовомъ радуйся домѣ!
Все для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
Гекторъ сюда привлеченъ и повергнется псамъ на терзанье,
Окрестъ костра твоего обезглавлю двѣнадцать славнѣйшихъ
Юныхъ Троянскихъ сыновъ, за смерть твою отомщая!"
Рекъ и на Гектора онъ недостойное дѣло замыслилъ:
Ницъ предъ Патрокла одромъ распростеръ Дарданіона въ прахѣ.
Тою порой Мирмидонцы съ раменъ свѣтозарныя брони
Сняли, отъ ярмъ отрѣшили гремящихъ копытами коней
И, неисчетные, близъ корабля Ахиллеса героя
Сѣли, а онъ учреждалъ имъ блистательный пиръ похоронный.
Множество сильныхъ тельцовъ подъ ударомъ желѣза ревѣло,
Вкругъ поражаемыхъ; множество козъ и агнцевъ блеющихъ,
Множество туковъ цвѣтущихъ, закланныхъ свиней бѣлоклыкихъ
Окрестъ разложено было на яркомъ огнѣ обжигаться;
Кровь какъ изъ чановъ лилася вокругъ Менетидова тѣла.
Но царя Эакида, Пелеева быстраго сына,
Къ сыну Атрея царю повели владыки Ахеянъ,
Съ многимъ трудомъ убѣдивъ огорченнаго гнѣвомъ за друга.
Сонму пришедшему къ сѣни Атреева мощнаго сына,
Царь повелѣлъ немедленно вѣстникамъ звонкоголосымъ
Мѣдный треножникъ поставить къ огню, но преклонится ль къ просьбѣ
Царь Ахиллесъ, чтобъ омыться отъ браннаго праха и крови.

Онъ отрекался рѣшительно, клятвою онъ заклинался:
„Нѣтъ, Зевесомъ клянусь, — божествомъ высочайшимъ сильнѣйшимъ!
Нѣтъ, моей головы не коснется сосудъ омовеній
Прежде, чѣмъ друга огню не предамъ, не насыплю могилы
И власовъ не обрѣжу! Другая подобная горесть
Сердца уже не пройдетъ мнѣ, пока средь живыхъ я скитаюсь!
Но поспѣшимъ и приступимъ не медля къ ужасному пиру.
Ты, владыка мужей, повели, Агамемнонъ, заутра
Лѣса къ костру навозить и на берегѣ все уготовить,
Что мертвецу подобаетъ, сходящему въ мрачныя сѣни,
Пусть Менетида скорѣе священное пламя Гефеста
Скроетъ отъ взоровъ моихъ, и воинство къ дѣлу приступитъ".
Такъ говорилъ и, внимательно слушавъ, ему покорились.
Скоро подъ сѣнью Атридовой вечерю имъ предложили;
Всѣ наслаждались, довольствуя сердце обиліемъ равнымъ.
И, когда питіемъ и пищею гладъ утолили,
Всѣ разошлись успокоиться, каждый подъ сѣнь уклонился.
Только Пелидъ на брегу неумолкношумящаго моря,
Тяжко стенящій, лежалъ, окруженный толпой Мирмидонянъ,
Ницъ на полянѣ, гдѣ волны лишь мутныя билися въ берегъ.
Тамъ надъ Пелидомъ сонъ, сердечныхъ тревогъ укротитель,
Сладкій разлился: герой истомилъ благородные члены,
Гектора быстро гоня предъ высокой стѣной Иліона,
Тамъ Ахиллесу явилась душа несчастливца Патрокла,
Призракъ, величіемъ съ нимъ и очами прекрасными сходный,
Та жъ и одежда, и голосъ тотъ самый; сердцу знакомый.
Стала душа надъ главой и такія слова говорила!
„Спишь, Ахиллесъ! неужели меня ты забвенію предалъ?
Не былъ ко мнѣ равнодушенъ къ живому ты, къ мертвому ль будешь?
О! погреби ты меня, да войду я въ обитель Аида!
Души, тѣни умершихъ, меня отъ воротъ его гонятъ
И къ тѣнямъ пріобщиться къ себѣ за рѣку не пускаютъ;
Тщетно скитаюся я предъ широковоротнымъ Аидомъ.
Дай мнѣ, печальному, руку; вовѣки уже предъ живущихъ
Я не приду изъ Аида, тобою огню пріобщенный!
Больше съ тобой, какъ бывало, вдали отъ друзей Мирмидонскихъ
Сидя, не будетъ совѣты совѣтовать: рокъ ненавистный,
Мнѣ предназначенный съ жизнью, меня поглотилъ невозвратно.
Рокъ—и тебѣ самому, Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный,
Здѣсь, подъ высокой стѣною Троянъ благородныхъ, погибнуть!

Слово еще я реку: завѣщанью внимай и исполни.
Кости мои, Ахиллесъ, да не будутъ розно съ твоими;
Вмѣстѣ пусть лягутъ, какъ вмѣстѣ отъ юности мы возрастали
Въ вашихъ чертогахъ. Младого меня изъ Опуса Менетій
Въ домъ нашъ привелъ, по причинѣ печальнаго смертоубійства,
Въ день злополучный, когда маломысленный я ненарочно
Амфидамасова сына убилъ, раздражася за козонъ.
Въ домъ свой принявъ благосклонно меня, твой отецъ благородный
Нѣжно съ тобой воспиталъ и твоимъ товарищемъ назвалъ.
Пусть же и кости наши гробница одна сокрываетъ,
Урна златая, Ѳетиды матери даръ драгоцѣнный!“
Быстро къ нему простираясь, воскликнулъ Пелидъ благородный:
„Ты ли, другъ мой любезнѣйшій, мертвый меня посѣщаешь?
Ты ль полагаешь завѣты мнѣ крѣпкіе? Я совершу ихъ,
Радостно всѣ совершу и исполню, какъ ты завѣщаешь,
Но приблизься ко мнѣ, хоть на мигъ обоймемся съ любовью
И взаимно съ тобой насладимся рыданіемъ горькимъ!“
Рекъ и жадныя руки любимца обнять распростеръ онъ;
Тщетно: душа Менетида, какъ облако дыма, свкозь землю
Съ воемъ ушла. И вскочилъ Ахиллесъ, пораженный видѣньемъ,
И руками всплеснулъ, и печальный такъ говорилъ онъ:
„Боги! такъ подлинно есть и въ Аидовомъ домѣ подземномъ
Духъ человѣка и образъ, но онъ совершенно безплотный!
Цѣлую ночь, я видѣлъ, душа несчастливца Патрокла
Все надо мною стояла, стенающій, плачущій призракъ,
Все мнѣ завѣты твердила, ему совершенно подобясь!“
Такъ говорилъ и во всѣхъ возбудилъ онъ желаніе плакать.
Въ плачѣ нашла ихъ Заря, розоперстая вѣстница утра,
Около тѣла печальнаго. Царь Агамемнонъ съ зарею
Месковъ яремныхъ и ратниковъ многихъ къ свезенію лѣса
Выслалъ изъ стана Ахейскаго; съ ними возсталъ и почтенный
Мужъ Меріонъ, Девкалида героя служитель разумный.
Взявъ топоры древорубные въ руки и верви крутыя,
Воины къ рощамъ пускаются, мулы идутъ передъ ними;
Часто съ крутизнъ на куртизны, то вкось ихъ, то вдоль переходятъ.
Къ холмамъ пришедши лѣсистымъ обильной потоками Иды,
Вдругъ изощренною мѣдью высоковѣтвистые дубы
Дружно рубить начинаютъ; кругомъ они съ трескомъ ужаснымъ
Падаютъ; быстро древа разсѣкая на бревна, Данаи
Къ муламъ вяжутъ и мулы, землю копытами роя,
Рвутся на поле ровное выдти сквозь частый кустарникъ.
Всѣ дровосѣки несли совокупно тяжелыя бревна:

Такъ Меріонъ повелѣлъ, Девкалидовъ служитель разумный;
Кучей сложили на берегѣ, гдѣ Ахиллесъ указалъ имъ,
Гдѣ и Патроклу великій курганъ и себѣ онъ назначилъ.
Страшную лѣса громаду сложивъ на брегу Геллеспонта,
Тамъ Аргивяне остались и сѣли кругомъ. Ахиллесъ же
Далъ повелѣнье своимъ Мирмидонянамъ бранолюбивымъ
Мѣдью скорѣй препоясаться всѣмъ и коней въ колесницы
Впрячь. Поднялися они и оружіемъ быстро покрылись;
Всѣ на свои колесницы взошли, и боецъ и возница;
Начали шествіе, спереди конные, пѣшіе сзади,
Тучей, друзья по срединѣ несли Менетида Патрокла,
Все посвященными мертвому тѣло покрывъ волосами.
Голову сзади поддерживалъ самъ Ахиллесъ благородный,
Горестный: друга онъ вѣрнаго въ домъ провожалъ Аидеса.
Къ мѣсту пришедши, которое самъ Ахиллесъ имъ назначилъ,
Одръ опустили и быстро костеръ наметали изъ лѣса:
Думу иную тогда Пелейонъ быстроногій замыслилъ:
Ставъ при кострѣ, у себя онъ обрѣзалъ русые кудри,
Волосы, кои Сперхію съ младости нѣжной растилъ онъ;
Очи на темное море возвелъ и, вздохнувши, воскликнулъ:
„Сперхій! напрасно отецъ мой, моляся тебѣ, обрекался,
Такъ, когда я возвращуся въ любезную землю родную,
Кудри обрѣзать мои и тебѣ принести съ гекатомбой
И тебѣ жъ посвятить пятьдесятъ овновъ плодородныхъ,
Возлѣ истоковъ, гдѣ роща твоя и алтарь благовонный.
Такъ обрекался Пелей, но его ты мольбы не исполнилъ.
Я никогда не увижу драгого отечества! Пусть же
Храбрый Патроклъ унесетъ Ахиллесовы кудри въ могилу!“
Рекъ и, обрѣзавши волосы, въ руки любезному другу
Самъ положилъ и у всѣхъ онъ исторгнулъ обильныя слезы.
Плачущихъ, ихъ надъ Патрокломъ оставило бъ, вѣрно, и солнце,
Если бы скоро Пелидъ не простеръ къ Агамемнону слова:
„Царь Агамемнонъ, твоимъ повелѣньямъ скорѣй покорятся
Мужи Ахейскіе: плачемъ и послѣ насытиться можно.
Всѣхъ отошли отъ костра и вели, да по стану готовятъ
Вечерю; мы жъ озаботимся дѣломъ, котораго больше
Требуетъ мертвый. Ахеянъ вожди да останутся съ нами“.
Выслушавъ рѣчи его, повелитель мужей Агамемнонъ
Весь не медля народъ отпустилъ къ кораблямъ мореходнымъ.
Съ ними остались одни погребатели. Лѣсъ наваливши,
Быстро сложили костеръ, въ ширину и длину стоступенный;
Сверху костра положили мертваго, скорбные сердцемъ;

Множество тучныхъ овецъ и великихъ волоцъ кривороги хъ,
Подлѣ костра заколовъ, обрядили; и тукомъ, отъ всѣхъ ихъ
Собраннымъ тѣло Патрокла покрылъ Ахиллесъ благодушный
Съ ногъ до главы, а кругомъ разбросалъ обнаженныя туши;
Тамъ же разставилъ онъ съ медомъ и съ свѣтлымъ елеемъ кувшины,
Всѣ ихъ къ одру прислонивъ; четырехъ онъ коней гордовыйныхъ
Съ страшною силой повергъ на костеръ, глубоко стеная.
Девять псовъ у царя, при столѣ его вскормленныхъ было;
Двухъ-и изъ нихъ закололъ и на срубъ обезглавленныхъ бросилъ;
Бросилъ туда жъ и двѣнадцать Троянскихъ юношей храбрыхъ,
Мѣдью убивъ ихъ; жестокія въ сердцѣ дѣла замышлялъ онъ.
Послѣ, костеръ предоставивши огненной силѣ желѣзной,
Громко Пелидъ возопилъ, именуя любезнаго друга:
„Радуйся, храбрый Патроклъ, и въ Аидовомъ радуйся домѣ!
Все для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
Плѣнныхъ двѣнадцать юношей, Трои сыновъ знаменитыхъ,
Всѣхъ съ тобою огнь истребитъ, но Пріамова сына,
Гектора, нѣтъ! не огню—на пожраніе псамъ я повергну!“
Такъ угрожалъ онъ; но къ мертвому Гектору псы не касались:
Ихъ отъ него удаляла и денно и нощно Киприда;
Зевсова дочь умастила его амвросическимъ масломъ
Розъ благовонныхъ, да будетъ безъ язвъ, Ахиллесомъ влачимый.
Облако темное богъ Аполлонъ преклонилъ надъ героемъ
Съ неба до самой земли и пространство, покрытое тѣломъ,
Тѣнію все осѣнилъ, да отъ силы палящаго солнца
Прежде на немъ не изсохнутъ тѣлесныя жилы и члены.
Но костеръ между тѣмъ не горѣлъ подъ мертвымъ Патрокломъ.
Сердцемъ иное тогда Пелейонъ быстроногій замыслилъ:
Ставъ отъ костра въ отдаленіи, началъ молиться онъ Вѣтрамъ,
Вѣтру Борею и Зефиру, жертвы для нихъ обѣщая.
Часто кубкомъ златымъ возливалъ онъ вино и молилъ ихъ
Къ полю скорѣй принестися и, пламенемъ срубъ воспаливши,
Тѣло скорѣе сожечь. Злотокрылая дѣва Ириса,
Слыша молитвы его, устремилася вѣстницей къ Вѣтрамъ,
Кои въ то время, собравшись у Зефира шумнаго въ домѣ
Весело всѣ пировали. Ириса, принесшися быстро,
Стала на каменномъ прагѣ, и Вѣтры, увидѣвъ богиню,
Всѣ торопливо вскочили, и каждый къ себѣ ее кликалъ
Съ ними сидѣть отказалась богиня и такъ говорила:
„Некогда, Вѣтры, еще полечу я къ волнамъ Океана,
Въ край Эѳіоповъ далекій; они гекатомбы приносятъ

Жителямъ неба, и я приношеній участницей буду.
Мощный Борей и Зефиръ звучащій! васъ призываетъ
Быстрый ногами Пелидъ, обѣщая прекрасныя жертвы,
Если возжечь поспѣшите костеръ Менетида Патрокла,
Гдѣ онъ лежитъ и объ немъ сокрушаются всѣ Аргивяне".
Такъ говоря, отъ порога взвилася. Воздвиглися Вѣтры,
Съ шумомъ ужаснымъ несяся и тучи клубя предъ собою.
Къ понту примчались, неистово дуя, и пѣнныя волны
Встали подъ звонкимъ дыханіемъ; Трои холмистой достигли,
Всѣ на костеръ налегли,—и огонь загремѣлъ, пожиратель.
Вѣтры всю ночь волновали высоко крутящеесь пламя,
Шумно дыша на костеръ, и всю ночь Ахиллесъ быстроногій,
Черпая кубкомъ двудоннымъ вино изъ сосуда златого,
Окрестъ костра возливалъ и лицо орошалъ имъ земное,
Душу еще вызывая бѣднаго друга Патрокла.
Словно отецъ сокрушается, кости сжигающій сына,
Въ гробъ женихомъ нисходящаго, къ скорби родителей бѣдныхъ,—
Такъ сокрушался Пелидъ, сожигающій кости Патрокла,
Окрестъ костра пресмыкаясь и сердцемъ глубоко стеная.
Въ часъ, какъ утро землѣ возвѣстить Свѣтоносецъ выходитъ
И надъ моремъ Заря разстилается ризой златистой,
Срубъ подъ Патрокломъ истлѣлъ и багряное пламя потухло.
Вѣтры назадъ устремились, къ вертепамъ своимъ полетѣли
Моремъ Ѳракійскимъ, и море шумѣло, высоко бушуя.
Грустный Пелидъ наконецъ, отъ костра уклонясь недалеко,
Легъ, изнуренный, и сладостный сонъ посѣтилъ Пелейона.
Тою порой собиралися многіе къ сыну Атрея;
Топотъ и шумъ приходящихъ нарушили сонъ его краткій;
Сѣлъ Ахиллесъ, приподнявшись, и такъ говорилъ воеводамъ:
„Царь Агамемнонъ, и вы, предводители воинствъ Ахейскихъ!
Время костеръ угасить; виномъ оросите багрянымъ
Все пространство, гдѣ пламень пылалъ, и на пеплѣ костерномъ
Сына Менетія мы соберемъ драгоцѣнныя кости,
Тщательно ихъ отдѣливъ отъ другихъ; распознать же удобно;
Другъ нашъ лежалъ на срединѣ костра, но далеко другіе
Съ краю горѣли, набросаны кучей и люди, и кони.
Кости въ фіалъ золотой, двойнымъ окруживши ихъ тукомъ,
Вы положили, доколѣ я самъ не сойду къ Аилесу,
Гроба надъ другомъ моимъ не хочу я великаго видѣть;
Такъ, лишь пристойный курганъ, но широкій надъ нимъ и высокій
Вы сотворите, Ахеяне, вы, которые въ Троѣ
Послѣ меня при судахъ мореходныхъ останетесь живы".

Такъ говорилъ и они покорились герою Пелиду.
Срубъ угасили, багрянымъ виномъ оросивши пространство
Все, гдѣ пламень ходилъ, и обрушился пепелъ глубокій.
Слезы ліющіе, друга любезнаго бѣлыя кости
Въ чашу златую собрали и тукомъ двойнымъ обложили;
Урну, подъ кущу внеся, пеленою тонкой покрыли;
Кругомъ означили мѣсто могилы и, бросивъ основы
Около сруба, поспѣшно насыпали рыхлую землю.
Свѣжій насыпавъ курганъ, разошлися они. Ахиллесъ же
Тамъ народъ удержалъ и, въ обширномъ кругу посадивши,
Вынесъ награды подвижникамъ: свѣтлыя блюда, треноги,
Месковъ представилъ, и быстрыхъ коней, и воловъ крѣпкочелыхъ,
И красно опоясанныхъ женъ, и сѣдое желѣзо.
Первыя быстрымъ возницамъ богатыя бѣга награды
Онъ предложилъ: въ рукодѣльяхъ искусная дѣва младая,
Мѣдный, ушалый съ боковъ, двадцатидвухмѣрный треножникъ
Первому даръ; кобылица второму шестигодовая,
Неукрощенная, гордая, въ нѣдрахъ носящая меска;
Третьему мздою — не бывшій въ огнѣ умывальникъ прекрасный,
Новый еще, сребровидный, четыре вмѣщающій мѣры;
Мздою четвертому золота два предложилъ онъ таланта;
Пятому новый, не бывшій въ огнѣ фіалъ двусторонній.
Сталъ наконецъ Ахиллесъ и такъ говорилъ межъ Ахеянъ:
„Царь Агамемнонъ и пышнопоножные мужи Ахейцы!
Быстрыхъ возницъ ожидаютъ сіи среди круга награды.
Если бы въ память другого, Ахеяне, вы подвизались,
Я, безъ сомнѣнія, первыя въ подвигахъ взялъ бы награды.
Знаете, сколь превосходны мои благородные кони,
Дѣти породы безсмертной: отцу моему ихъ, Пелею,
Самъ Посидонъ даровалъ, а отецъ мой мнѣ подарилъ ихъ.
Но не вступаю я въ споръ, ни мои звуконогіе кони.
О! потеряли они знаменитаго ихъ властелина,
Друга, который, бывало, самъ ихъ волнистыя гривы
Чистой водой омывалъ и умащивалъ свѣтлымъ елеемъ.
Нынѣ они по возницѣ тоскуютъ: стоятъ, разостлавши
Гривы по праху, стоятъ неподвижно, унылые сердцемъ.
Къ играмъ другіе устройтеся, каждый изъ воевъ Ахейскихъ,
Кто лишь на быстрыхъ коней и свою колесницу надеженъ".
Такъ Ахиллесъ говорилъ имъ, и быстрые встали возницы:
Первый поднялся Эвмелъ, повелитель мужей знаменитый,
Сынъ скиптроносца Адмета, искусствомъ возничества славный.
Послѣ него укротитель коней Діомедъ нестрашимый;

Тросскихъ коней онъ подвелъ подъ ярмо, у Энея которыхъ
Въ брани отбилъ, а Энея тогда Аполлонъ лишь избавилъ.
Третій возсталъ копьеносный Атридъ, Менелай свѣтлокудрый,
Зевсова отрасль; коней подъ яремъ онъ подвелъ быстролетныхъ:
Эоу царя Агамемнона съ собственнымъ вѣрнымъ Подаргомъ,
Эоу, которую въ даръ Эхепелъ Анхизидъ Атрейону
Далъ, чтобъ ему не идти на войну подъ вѣтристую Трою,
Но наслаждаться спокойствіемъ дома: богатствомъ отъ Зевса
Былъ одаренъ онъ великимъ и жилъ въ Сикіонѣ обширномъ;
Эоу сію запрягалъ онъ дрожащую, рвущуюсь къ бѣгу,
Вслѣдъ и младой Антилохъ снарядилъ коней пышногривыхъ,
Сынъ знаменитый Нелида, высокаго духомъ владыки,
Нестора старца; Пилосскіе кони его колесницу
Быстрые мчали. Отецъ приступилъ и совѣты благіе
Началъ совѣтовать, опытный старецъ, разумному сыну:
„Сынъ Антилохъ! тебя отъ юности боги любили,
Зевсъ и благой Посидонъ, и въ ристательной хитрости всякой
Сами наставили: много тебя наставлять мнѣ не нужно.
Мастеръ ты коней ворочать вкругъ мѣтъ, но Пилосскіе наши
Кони въ бѣгу тяжелы; опасаюсь, бѣды бъ не случилось.
Всѣхъ соискателей кони рѣзвѣе, но сами возницы
Меньше искусны, чѣмъ ты, въ изобрѣтеньи быстромъ пособій.
Такъ, не робѣй; приготовься, любезный, душою искусство
Все обойми, да изъ рукъ не упустишь наградъ знаменитыхъ.
Плотникъ тебя превосходитъ искусствомъ своимъ, а не силой;
Корщикъ такимъ же искусствомъ по бурному черному понту
Легкій правитъ корабль, игралище буйнаго вѣтра:
Такъ и возница искусствомъ однимъ побѣждаетъ возницу.
Слишкомъ иной положась на свою колесницу и коней,
Гонитъ, безумецъ, сюда и туда безпрестанно кружася;
Кони по поприщу носятся: онъ и сдержать ихъ безсиленъ.
Но возница разумный, коней управляя и худшихъ,
Смотрятъ на цѣль безпрестанно, вблизи лишь ворочаетъ, знаетъ,
Какъ отъ начала ристанія конскими править браздами:
Держитъ ихъ крѣпко и зорко впередъ уходящаго смотритъ.
Цѣль я тебѣ укажу; просмотрѣть берегися: ты видишь
Столбъ деревянный стоитъ, отъ земли, какъ сажень маховая,
Старая сосна иль дубъ, подъ дождями не скоро гніющій;
Справа и слѣва при цѣли той врыты два бѣлые камня,
Въ самой тѣснинѣ дороги; кругомъ же ристалище гладко.
То—иль надгробный памятникъ древле умершаго мужа,
Иль подобная жъ цѣль у старинныхъ была человѣковъ;

Столбъ сей и нынѣ мѣтою избралъ Ахиллесъ быстроногій:
Къ оной ты близко примчась, на бѣгу заворачивай коней,
Самъ же, твердо держась въ колесницѣ красивоплетеной,
Влѣво легко наклонись, а коня, что подъ правой рукою,
Крикомъ гони и бичомъ и бразды попусти совершенно;
Лѣвый же конь твой пускай подлѣ самой мѣты обогнется
Такъ, чтобъ, казалось, поверхность ея колесо очертило
Ступицей жаркою. Но берегись, не ударься о камень:
Можешь коней изувѣчить, или раздробить колесницу,
Въ радость ристателямъ всѣмъ, а тебѣ одному въ посрамленье!
Будь, мой сынъ, разсудителенъ, будь остороженъ, любезный!
Если уже близъ мѣты возьмешь ты передъ и погонишь,
Вѣрь—ни одинъ изъ возницъ не догонитъ тебя, не обскачетъ,
Даже хоть слѣдомъ бы онъ на ужасномъ летѣлъ Арейонѣ,
Бурномъ Адраста конѣ, порожденіи крови безсмертной,
Иль на коняхъ Лаомедона, славныхъ Троады питомцахъ!"
Такъ произнесши, Нелидъ, знаменитый конникъ Геренскій,
Сѣлъ на мѣстѣ, важнѣйшее все изъяснивъ Антилоху.
Пятый, герой Меріонъ снарядилъ коней пышногривыхъ.
Всѣ въ колесницы взошли и бросили жребіи; въ шлемъ ихъ
Принялъ Пелидъ и сотрясъ, и вылетѣлъ вдругъ Антилоху,
Нестара сыну; второй выпадаетъ Эвмелу владыкѣ;
Третій Атрееву сыну, царю Аргивянъ Менелаю;
Выпалъ за нимъ Меріону вождю; но послѣднему жребій
Сыну Тидееву храброму гнать колесницы достался.
Стали порядкомъ; мѣту имъ далекую на полѣ чистомъ
Царь Ахиллесъ указалъ; но впередъ повелѣлъ, да при оной
Старецъ божественный Фениксъ, отеческій оруженосецъ,
Сядетъ и бѣгъ наблюдаетъ и послѣ имъ истину скажетъ.
Разомъ возницы на коней бичи занесли для ударовъ,
Разомъ браздами хлестнули и голосомъ крикнули грознымъ,
Полные рвенья; и разомъ помчалися по полю кони
Вдоль отъ судовъ съ быстротою ужасною: пыль изъ-подъ стопъ ихъ
Стала, взвиваясь на воздухъ, какъ туча, какъ сумрачный вихорь.
Длинныя гривы коней развѣваются вѣяньемъ вѣтра;
Ихъ колесницы летящія то до земли прикоснутся,
То высоко, отраженныя, взборятся; гордо возницы
Въ пышныхъ стоятъ колесницахъ; трепещетъ у каждаго сердце,
Жадное славы; каждый коней ободрительнымъ крикомъ
Гонитъ, и кони летятъ, по ристалищу пыль подымая.
Но, когда уже кони въ послѣдній конецъ обратились,
Къ морю сѣдому, тогда-то ристателя каждаго доблесть

Вдругъ обнаружилась; конская прыть ускорилась, и быстро
Легкія вымчались вдаль кобылицы Эвмела героя.
Вслѣдъ кобылицъ выносились впередъ жеребцы Діомеда,
Тросскіе кони, и, чуть лишь отставшіе, мчалися близко,
Такъ что, казалось, хотятъ на Эвмела вскочить колесницу;
Жаркимъ дыханьемъ широкій хребетъ нагрѣвали герою
И, на плечахъ Адметида лежа головами, летѣли.
Онъ, Діомедъ, обскакалъ бы, иль равною бъ сдѣлалъ побѣду,
Если бъ Тидееву сыну не Фебъ враждовалъ раздраженный;
Фебъ изъ рукъ побѣждавшаго бичъ блистательный вышибъ.
Слезы изъ глазъ Діомедовыхъ брызнули, слезы отъ гнѣва:
Видѣлъ онъ—болѣ еще уходили впередъ кобылицы;
Кони жъ его отставали, ударовъ бича не боясь.
Но отъ Аѳины очей Аполлонъ не укрылся, вредящій
Сыну Тидея: настигла богиня царя Діомеда,
Бичъ подала и новую рьяность конямъ вдохнула;
Къ сыну жъ Адмета она устремившися, полная гнѣва,
Конскимъ богиня разбила яремъ, и его кобылицы
Бросились дико съ дороги, и выпало дышло на землю;
Самъ, съ колесницы сорвавшись, чрезъ ободъ онъ грянулся оземь,
До крови локти осаднилъ, изранилъ и губы и ноздри,
Сильно разбилъ надъ бровями чело; у него отъ удара
Брызнули слезы изъ глазъ, и поднявшійся голосъ прервался.
Мимо его Діомедъ проскакалъ на коняхъ звуконогихъ,
И далеко впереди заблисталъ передъ всѣми: Аѳина
Крѣпость вдохнула конямъ и ему торжество даровала.
Послѣ Тидида скакалъ Атрейонъ, Менелай свѣтлокудрый.
Но Антилохъ настигалъ и кричалъ на отеческихъ коней:
„О, выноситесь впередъ, разстилайтеся, кони, быстрѣе!
Я не насилую васъ быстротой состязаться съ конями
Сына Тидеева храбраго, коимъ Паллада богиня
Легкость сама даровала и славой возницу покрыла.
Нѣтъ, лишь коней Менелая догонимъ, друзья, не отстанемъ!
Быстро впередъ! чтобы васъ всенародно стыдомъ не покрыла
Эѳа: она кобылица, а вы, дорогіе, отстали!
Вамъ говорю я, и слово мое совершится сегодня:
Болѣе нѣги себѣ отъ владыки народовъ Нелида
Дома не ждите: убьетъ васъ сегодня же острою мѣдью,
Если по лѣности вашей награду послѣднюю снищемъ.
О, настигайте скорѣе, какъ можно скорѣе скачите!
Я жъ постараюся самъ и искусно выгадывать буду,
Какъ обскакать намъ на узкой дорогѣ; въ обманъ я не вдамся“.

Такъ говорилъ Антилохъ и, страшася угрозъ влѣстелина,
Кони рѣзвѣе скакали, но время не долгое: скоро
Тѣсной дороги ухабъ Антилохъ, бранолюбецъ, примѣтилъ:
Рытвина тамъ пролегала: вода, накопляясь зимою,
Тамъ чрезъ дорогу прорвалась и мѣсто кругомъ углубила.
Правилъ туда Менелай, колесницъ опасаяся сшибки.
Но Антилохъ, своротивши, направилъ коней звуконогихъ
Мимо дороги и, близко держась, догонялъ Менелая.
Царь Менелай устрашился и къ Нестора сыну воскликнулъ:
„Правишь безъ разума, Несторовъ сынъ! Удержи колесницу!
Видишь, дорога тѣсна; впереди обгоняй, по широкой;
Здѣсь лишь и мнѣ и себѣ повредишь: колесницы сшибутся!“
Такъ говорилъ онъ; но Несторовъ сынъ обскакать горячился,
Коней стрекаломъ кололъ, Менелая какъ будто не слыша.
Сколько пространства, съ плеча повергаемый, дискъ пробѣгаетъ,
Брошенный мужемъ младымъ, испытующимъ юную силу,—
Столько впередъ ускакалъ Антилохъ; кобылицы отстали
Сына Атреева; ихъ запускать и самъ пересталъ онъ
Въ страхѣ, что узкой дорогой бѣгущіе кони столкнутся,
Ихъ колесницы, сшибясь, опрокинутся, и среди поля
Сами слетятъ на прахъ, за побѣдой риставшіе оба.
Гнѣвный межъ тѣмъ Несторида ругалъ Менелай свѣтлокудрый:
„Нѣтъ, Антилохъ, человѣка вреднѣе тебя зломышленьемъ!
Мчись! недостойно тебя называютъ разумнымъ Ахейцы!
Средствомъ, однакожъ, такимъ не получишь ты мзды безъ присяги!“
Такъ произнесъ онъ и громкимъ голосомъ крикнулъ на коней:
„Что у меня отстаете и что унываете, кони?
Прежде Пилосскихъ коней истомятся колѣна и силы,
Нежели ваши: давно ихъ обоихъ покинула младость!“
Такъ восклицалъ, и они, устрашася угрозъ властелина,
Прытче пустились бѣжать и скоро переднихъ догнали.
Тою порою Ахейцы, на площади сидя, смотрѣли
Коней, которые по полю, пыль подымая, летѣли.
Первый Идоменей распознавалъ приближавшихся коней,
Ибо сидѣлъ не въ кругу, но высоко, на холмѣ подзорномъ;
Крикъ на коней колесничника онъ и далекій услышавъ,
Мужа узналъ и примѣтилъ коня въ обгоняющей парѣ
Сильно отличнаго: весь багряногнѣдый, на челѣ лишь
Признакъ имѣлъ онъ родимый, и свѣтлый и круглый, какъ мѣсяцъ.
Идоменей приподнялся и такъ говорилъ къ Аргивянамъ:
„Други любезные, ратей Ахейскихъ вожди и владыки!
Я ли одинъ примѣчаю коней, или видите всѣ вы?

Чьи-то другіе, мнѣ кажется, скачутъ передними кони?
Кто-то другой и возница? Но тѣ, кобылицы Эвмела,
Чѣмъ-то задержаны въ полѣ; а прежде онѣ отличались;
Первыя, видѣлъ я самъ, кобылицы мѣту обогнули;
Нынѣ же видѣть нигдѣ не могу ихъ, куда ни бросаю
Вкругъ по Троянскому полю моихъ испытательныхъ взоровъ.
Вѣрно, изъ рукъ Адметида бразды убѣжали; не могъ онъ
Бѣга сдержать у мѣты и коней повернулъ неудачно;
Тамъ онъ, быть можетъ, упалъ, колесница его сокрушилась,
И умчались съ дороги его обуялые кони.
Но, подымитесь, друзья, и всмотритесь вы сами; быть можетъ,
Вижу не ясно, но кажется мнѣ, ято ристатель передній—
Мужъ Этолійскій, воинственный царь ополченій Аргосскихъ,
Сынъ конеборца Тидея, герой Діомедъ благородный".

Грубо ему отвѣчалъ быстроногій Аяксъ Оилеевъ:
„Что напередъ, Девкаліонъ, болтаешь ты? Тѣ жъ кобылицы
Всѣхъ впереди, звуконогія, по полю чистому скачутъ!
Ты между нами, Ахейцами, вовсе не младшій годами;
Очи твоей головы не острѣе другихъ проницаютъ!
Но и всегда ты лишь праздно болтаешь! Тебѣ неприлично
Здѣсь пустословить; и лучше тебя здѣсь присутствуютъ мужи!
Тѣ жъ впереди кобылицы, которыя были и прежде,
Сына Адметова; самъ онъ и ѣдетъ и правитъ браздами".

Вспыхнувши гнѣвомъ, Аяксу отвѣтствовалъ Крита властитель:
„Спорщикъ первѣйшій, Аяксъ злорѣчивый! но въ прочемъ послѣдній
Между Ахейскихъ мужей: человѣкъ необузданно грубый!
Спорь, и положимъ въ закладъ умывальницу или треножникъ,
Спора свидѣтелемъ мы изберемъ Агамемнона оба:
Кони чьи впереди, ты узнаешь, закладъ заплативъ мнѣ!"

Такъ говорилъ онъ, и быстро поднялся Аяксъ Оилеевъ,
Пышащій гнѣвомъ, готовый отвѣтствовать рѣчью суровой.
И зашла бы далеко межъ ними обидная распря,
Если бы самъ Ахиллесъ не возсталъ, говоря воеводамъ:
„Идоменей, Оилидъ, говорить перестаньте въ народѣ
Злыя, обидныя рѣчи: васъ недостойное дѣло!
Сами осудите вы и другихъ, начинающихъ то же.
Сядьте, друзья, и на мѣстѣ спокойно смотрите на коней;
Скоро и сами они, распаленные жаждой побѣды,
Къ намъ принесутся; тогда вы безъ спора узнаете каждый,
Чьи впереди и чьи позади между коней Ахейскихъ."

Онъ говорилъ, какъ летящій къ концу Діомедъ показался.
Хлещетъ съ плеча онъ бичомъ по конямъ, а дымящіеся кони

Скачутъ высоко и съ скоростью дивной летятъ по дорогѣ;
Брызги песка отъ копытъ безпрерывные прыщутъ въ возницу;
Пышная оловомъ, златомъ нарядная вкругъ колесница
Быстро за бурными конями катится; слѣдъ за собою
Шины колесныя, тяжкія мѣдью, по тонкому праху
Чуть оставляютъ: съ такою горячностью кони летѣли!
Сталъ среди круга ристатель торжественный; съ пламенныхъ коней
Потъ и отъ вый и отъ персей потоками лился на землю.
Быстро на долъ Діомедъ съ колесницы сіяющей прянулъ,
Бичъ къ ярму прислонилъ, и не медлилъ сподвижникъ героя,
Сильный Сѳенелъ: прибѣжалъ и съ веселіемъ взялъ онъ награду;
Но служителямъ храбрымъ жену и треножникъ ушатый
Къ кущѣ представить велѣлъ онъ, а самъ распрягалъ колесницу.
Послѣ Тидида младой Антилохъ пригналъ колесницу,
Хитростью только, не скоростью, взявши передъ у Атрида;
Но Атридъ отъ него не отсталъ на конях быстроногихъ,
Близко летѣлъ, какъ отъ обода конь, въ колесницу впряженный
И во весь свой опоръ по полямъ властелина несущій;
Хвостъ у него мѣдноблещущій шины касается краемъ;
Такъ онъ близко бѣжитъ и такимъ разстояніемъ малымъ
Онъ отдѣленъ отъ колесъ, по широкому полю бѣгущій,—
Столько же мало отсталъ отъ Нелеева славнаго внука
Царь Менелай: на верженіе диска сперва оставался;
Послѣ онъ скоро догналъ: возрастала въ бѣгу безпрестанно
Крѣпость и жаръ кобылицы Атридовой, пламенной Эѳы,
Такъ что, когда бы еще обоихъ продолжилось ристанье,
Вѣрно бъ, Атридъ обскакалъ и побѣды не сдѣлалъ бы спорной.
Но Меріонъ, предводителя Критянъ могучій сподвижникъ,
Гналъ, на полетъ копія отъ царя Менелая отставши:
Медленны были его долгогривые Критскіе кони,
Мало искусенъ и самъ управлять колесницей въ ристаньяхъ.
Сынъ же Адмета явился послѣднимъ, гоня предъ собою
Быстрыхъ коней и прекрасную сзади влача колесницу.
Въ жалость пришелъ, Адметида увидѣвъ, Пелидъ благородный;
Всталъ и къ Ахейскимъ царямъ устремилъ онъ крылатыя рѣчи:
„Первый ристатель послѣднимъ гонитъ коней звуконогихъ!
Но, Аргивяне, дадимъ, какъ достойно, вторую награду
Сыну Адмета, а первая слѣдуетъ сыну Тидея“.
Такъ говорилъ, и одобрили всѣ Ахиллесово слово;
Отдалъ бы онъ кобылицу, съ согласія сонма, Эвмелу,
Если бъ почтеннаго Нестора сынъ, Антилохъ, оскорбленный,
Быстро не всталъ; справедливо герой возразилъ Ахиллесу:

„Царь Ахиллесъ, огорчуся я жестоко, если исполнишь
Слово твое! Награду отнять у меня побужденъ ты
Тѣмъ, что постигла бѣда колесницу и коней Эвмела?
И что возница онъ славный? Почто же боговъ всемогущихъ
Онъ не молилъ: никогда не пришелъ бы возницей послѣднимъ.
Если Эвмела жалѣешь и столько тебѣ онъ любезенъ,
Есть у тебя въ кораблѣхъ изобильно и злата, и мѣди;
Есть и рабыни, и овцы, и твердокопытные кони:
Выбравъ изъ нихъ, отличи ты его хоть и большей наградой
Послѣ, и даже теперь, чтобъ тебя похвалили Данаи;
Сей же изъ рукъ я не выдамъ, а кто изъ Ахеянъ желаетъ,
Пусть подойдетъ и со мной за нее рукопашно сразится!“
Такъ говорилъ; улыбнулся божественный внукъ Эакидовъ,
Радуясь другомъ младымъ: Антилоха любилъ онъ, какъ друга.
Юношѣ онъ отвѣчая, крылатую рѣчь устремляетъ:
„Требуешь ты, Антилохъ, чтобъ изъ собственной сѣни другую
Далъ я награду Эвмелу: охотно и то я исполню:
Дамъ ему латы, которыя добылъ я съ Астеропея,
Мѣдныя; ихъ оконечность литая струя окружаетъ
Олова свѣтлаго; будетъ сей даръ Эвмела достоинъ“.
Такъ произнесши, Пелидъ повелѣлъ Автомедону другу
Вынесть изъ кущи, и тотъ, устремившися, вынесъ и отдалъ
Въ руки Адметова сына, и онъ ихъ, радуясь, принялъ.
Тутъ Менелай свѣтлокудрый поднялся, душой огорченный,
Жестоко гнѣвный на сына Нелидова. Вѣстникъ Атридовъ
Скиптръ властелину представилъ, безмолвствовать знакъ Аргивянамъ
Подалъ и сталъ говорить воинственникъ, богу подобный:
„Что, Антилохъ, ты сдѣлалъ, всегда разсудительнымъ слывшій?
Славу мою помрачилъ и коней у меня ты разстроилъ,
Хитростью взявши передъ на коняхъ, несравненно слабѣйшихъ!
Но разсудите, Ахеянъ владыки и мужи совѣта,
Насъ обоихъ наравнѣ разсудите вы, но безъ потворства.
Пусть обо мнѣ ни одинъ мѣднобронный Ахеецъ не скажетъ:
Царь Менелай, Антилоха одной пересиля неправдой,
Юноши мздою, конемъ, завладѣлъ: Менелаевы кони
Были слабѣе, лишь самъ онъ могучѣе властью и силой.
Слушайте, други; я самъ разсужу, и меня, я надѣюсь,
Въ сонмѣ не будетъ никто укорять: справедливъ приговоръ мой.
Несторовъ сынъ благородный, приближься сюда и, какъ должно,
Стань предъ своими конями; возьми, какъ слѣдуетъ, въ руки
Бичъ тотъ гибкій, съ которымъ сегодня ристалъ и, бичомъ ты
Коней касаясь, клянись Посидаономъ, землю держащимъ,

Что неумышленной хитростью ты мнѣ запнулъ колесницу". 585
Умный младой Антилохъ отвѣчалъ Менелаю Атриду:
„Свѣтлый Атридъ, укротися; юноша я предъ тобою.
Ты, о царь Менелай, и лѣтами и доблестью выше,
Вѣдаешь, какъ легко въ заблужденія младость впадаетъ:
Умъ молодой опрометчивъ, коротокъ разсудокъ незрѣлый. 590
Сердце смягчи, Менелай, а награду мою, кобылицу,
Самъ я тебѣ отдаю; и когда бъ изъ моихъ достояній
Болѣ чего ты потребовалъ, съ радостью я и теперь же
Выдалъ бы, нежели мнѣ у тебя, питомецъ Кронида,
Выдти изъ сердца навѣки и быть предъ богами виновнымъ!" 595
Рекъ и, подведши коня, младой Несторидъ благородный
Въ руки отдалъ Менелаю герою, и въ персяхъ Атрида
Сердце растаяло съ радости, словно роса по колосьямъ
Зрѣющей нивы, когда цѣпенѣютъ отъ зноя долины,—
Такъ у тебя, Менелай, растаяло съ радости сердце. 600
Къ юношѣ онъ возгласилъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Нынѣ я самъ, невзирая на гнѣвъ мой, тебѣ уступаю,
Несторовъ сынъ! Никогда безразсуденъ, ниже легкомысленъ
Ты не бывалъ: побѣдила разсудокъ единая младость.
Послѣ сего, Антилохъ, опасайся обманывать старшихъ. 605
Нѣтъ, не легко бъ меня укротилъ другой изъ Данаевъ;
Но довольно терпѣлъ и довольно подъ Троею сдѣлалъ
Самъ ты и храбрый отецъ твой и братъ, за меня подвизаясь.
Къ просьбѣ твоей снисхожу и награду мою, кобылицу,
Я уступаю тебѣ: пускай и другіе съ тобою 610
Помнятъ, что я никогда ни надменъ, ни немилостивъ не былъ".
Такъ произнесъ и коня Менелай Антилохову другу
Отдалъ, Ноемону, самъ же избралъ рукомойникъ блестящій.
Злато, четвертую изду, получилъ Меріонъ по заслугѣ,
Коней четвертымъ пригнавши. Но пятая мзда оставалась, 615
Пышный фіалъ двоедонный: его Ахиллесъ быстроногій,
Сонмомъ Данаевъ пронесши, Нестору подалъ, вѣщая:
„Даръ сей тебѣ, божественный старецъ! и ты сохрани сей
Памятникъ грустный Патрокловыхъ похоронъ: между живущихъ
Больше его не увидишь! Тебѣ же награду побѣды 620
Такъ я даю; ни въ борьбу ты, Нелидъ, ни въ кулачную битву,
Вѣрно, не вступишь, ни въ мѣткой стрѣльбѣ ты, ни въ легкости бѣга
Спорить не будешь: тебя удручаетъ тяжелая старость".
Рекъ и фіалъ ему подалъ, и старецъ пріялъ, веселяся;
Быстрыя рѣчи крылатыя онъ устремилъ къ Ахиллесу:

„Истину, сынъ; говоришь и все ты разумно вѣщаешь.
Члены мои ослабѣли: ни ноги, любезный, ни руки
Такъ на моихъ раменахъ, какъ бывало, не движутся быстро.
Если бы молодъ я былъ! и если бы силой блисталъ я
Оныхъ годовъ, какъ Эпейцы въ Вупрасѣ царю Амаринку
Тризны творили, а дѣти царя предложили награды!
Тамъ не сравнился со мной ни одинъ человѣкъ изъ Эпеянъ,
Даже изъ храбрыхъ Пилосцевъ и духомъ высокихъ Этолянъ.
Тамъ я кулачною битвой бойца одолѣлъ Клитомеда,
Трудной борьбою борца ниспровергъ Плевронійца Анкея,
Ногъ быстротой превзошелъ знаменитаго бѣгомъ Ификла,
Дротикомъ двухъ побѣдилъ: Полидора и мужа Филея.
Только одними конями меня премогли Акториды;
Но числомъ одолѣли, завидуя въ сей мнѣ побѣдѣ,
Ибо славнѣйшая всѣхъ за нее оставалась награда;
Стали вдвоемъ на меня, и какъ первый лишь правилъ конями,
Только лишь правилъ, другой ихъ, гоня, бичевалъ безъ пощады.
Прежде таковъ я бывалъ! Но теперь молодымъ оставляю
Трудные подвиги славы; пора, пора уступить мнѣ
Старости скорбной; въ чреду я свою блисталъ межъ героевъ!
Но продолжай и друга усопшаго играми чествуй.
Даръ благодарно пріемлю и радуюсь сердцемъ, что столько
Помнишь меня ты, старца смиреннаго, что не забылъ ты
Честью приличной почтить и его предъ народомъ Ахейскимъ.
Боги тебѣ за сіе воздадутъ воздаяньемъ желаннымъ!“

Такъ произнесъ, и Пелидъ сквозь великіе сонмы Ахеянъ
Вновь возвратился, привѣтствіе выслушавъ Нестора старца.
Тутъ предложилъ онъ награды кулачнаго страшнаго боя:
Выславъ предъ кругъ, привязалъ шестидѣтняго, сильнаго меска;
Игомъ еще не смиренный, жестокъ для смиренія былъ онъ.
Мескъ—побѣдителю мзда; побѣжденному—кубокъ двудонный.
Сталъ наконецъ среди сонма и такъ говорилъ Аргивянамъ:

„Чада Атрея, и вы, мѣднолатные мужи Ахейцы!
Нынѣ подвижниковъ двухъ призываемъ, которые сильны
Руки поднять на кулачную битву. Кому Стрѣловержецъ
Дастъ устоять и кого побѣдителемъ всѣ мы признаемъ,
Тотъ къ своему кораблю поведетъ терпѣливаго меска;
Кубокъ же сей двоедонный боецъ побѣжденный получитъ“.

Рекъ онъ,—и быстро возсталъ человѣкъ и огромный и мощный,
Славный кулачный боецъ, Панопеева отрасль, Эпеосъ.
Меска рукой жиловатой за гриву схватилъ и кричалъ онъ:

„Выступи тотъ, кто намѣренъ кубокъ уцесть двоедонный.

Меска жъ, надѣюсь я, не отвяжетъ никто изъ Ахеянъ,
Въ битвѣ кулачной побѣдный: горжуся, боецъ я здѣсь первый!
Будетъ того, что межъ вами я воинъ не лучшій,—что дѣлать:
Смертному въ каждомъ дѣяніи быть невозможно отличнымъ.
Что до битвы, объявляю при всѣхъ и исполнено будетъ:
Плоть до костей прошибу я и кости врагу изломаю.
Пусть за моимъ супротивникомъ всѣ попечители выйдутъ,
Чтобъ изъ битвы унесть укрощеннаго силой моею".
Такъ говорилъ онъ, и всѣ, онѣмѣвши, молчанье хранили.
Богу подобный одинъ Эвріалъ на него подымался,
Внукъ скиптроносца Талая, сынъ Мекистея героя,
Нѣкогда въ Ѳивы ходившаго, къ играмъ надгробнымъ Эдипу,
Павшему въ оное время, и всѣхъ побѣдившаго Кадмянъ.
Къ битвѣ его снаряжалъ Діомедъ, копьеборецъ могучій,
Дружеской рѣчью бодря и сердечно желая побѣды;
Бросилъ онъ запонъ ему, и красиво кроенные послѣ
Подалъ ремни изъ степного вола, убитаго силой.
Такъ опоясавшись оба, выходятъ бойцы на средину.
Разомъ одинъ на другого могучія руки заносятъ,
Сшиблись; смѣшалися быстро подвижниковъ тяжкія руки,
Стукъ кулаковъ раздается по челюстямъ; потъ по ихъ тѣлу
Льется ручьями; какъ вдругъ приподнялся могучій Эпеосъ,
Рѣзко врага оглянувшагось грянулъ въ лицо,—и не могъ онъ
Больше стоять; подломившися, рухнулись крѣпкіе члены.
Словно съ порывомъ Бореевымъ прядаетъ рыба изъ моря
На берегъ мшистый и вдругъ покрывается мутной волною,—
Такъ пораженный упалъ Эвріалъ. Добродушный Эпеосъ
За руку поднялъ его, а усердные други, представши,
Съ поприща въ станъ повели, по землѣ волочащаго ноги,
Кровь извергавшаго ртомъ и бросившаго голову на бокъ.
Въ омракъ онъ впалъ, и его межъ своими друзьями посадивши,
Сами пошли и на поприщѣ подняли кубокъ двудонный.
Сынъ же Пелеевъ немедленно новыя, третьи, награды
Выставилъ сонму, награды борьбы, изнурительной силамъ:
Мздой побѣдителю вынесъ огонный треножникъ, огромный,
Мѣдный,—въ двѣнадцать воловъ оцѣнили его Аргивяне;
Мздой побѣжденному онъ рукодѣльницу юную вывелъ,
Плѣнную дѣву,—въ четыре вола и ее оцѣнили.
Сталъ наконецъ передъ сономъ и такъ говорилъ Аргивянамъ:
„Встаньте, которымъ угодно и сей еще подвигъ извѣдать!"
Онъ произнесъ,—и немедленно всталъ Теламонидъ великій;
Всталъ и герой Одиссей, вымышлятель хитростей умный.

Чресла свои опоясавъ, борцы на средину выходятъ;
Крѣпко руками они подъ бока подхватили другъ друга,
Словно стропила, которыя въ кровлѣ высокаго дома
Умный строитель смыкаетъ, въ отпору насильственныхъ вѣтровъ.
Сильно хребты захрустѣли, могучестью стиснутыхъ рукъ ихъ
Круто влекомые, крупный потъ заструился по тѣлу;
Частыя полосы вкругъ по бокамъ и хребтамъ ихъ широкимъ
Вышли багровыя; съ ревностью въ гордыхъ сердцахъ одинакой
Оба алкали они и побѣды, и славной награды.
Долго ни царь Одиссей не смогалъ опрокинуть Аякса,
Ни Аяксъ не смогалъ одолѣть Одиссеевой силы,
И, когда, ужъ соскучивъ, Ахеянъ сыны заропотали,
Вскрикнулъ къ царю Одиссею великій Аяксъ Теламонидъ:
„Сынъ благородный Лаертовъ, герой Одиссей многоумный,
Ты подымай, или я подыму, а рѣшитъ Олимпіецъ!“
Такъ произнесъ и поднялъ; Одиссей не забылъ ухищренья:
Вдругъ въ подколѣнокъ ударилъ пятой и подшибъ ему ноги,
Навзничь его опрокинулъ; но самъ онъ Аяксу на перси
Палъ. Удивился народъ, изумились всѣ Аргивяне.
Послѣ пыталъ и Аякса поднять Одиссей терпѣливый;
Вновь обхватилъ и лишь нѣсколько сдвинулъ съ земли, но не поднялъ:
Ноги его подогнулись, и на землю рухнулись оба,
Пали одинъ близъ другого и прахомъ покрылися темнымъ.
Встали, и въ третій бы разъ устремились подвижники спорить,
Если бы самъ Ахиллесъ не воздвигнулся; онъ удержалъ ихъ:
„Кончите вашу борьбу и трудомъ не томитесь жестокимъ.
Ваша побѣда равна; и, награды вы равныя взявши,
Съ поля сойдите: пускай и другіе въ подвиги вступятъ“.
Рекъ,—и, почтительно выслушавъ, оба они покорились:
Съ поля сошли и, отъ праха очистясь, надѣли хитоны.
Сынъ же Пелеевъ другія за бѣгъ предлагаетъ награды:
Первая—сребряный, пышный сосудъ, шестимѣрная чаша,
Чудной своей красотой помрачавшая въ цѣлой вселенной
Славныя чаши, Сидонянъ искусныхъ изящное дѣло.
Мужи ее Финикійцы, по мглистому плавая понту,
Въ Лемносъ продать привезли, но какъ даръ предложили Ѳоасу;
Царь же Эвней Язонидъ, выкупая Пріамова сына,
Падшаго въ плѣнъ Ликаона, отдалъ Менетиду Патроклу.
Царь Ахиллесъ и ту чашу выставилъ, чествуя друга,
Мздою тому, кто быстрѣйшимъ окажется въ бѣгѣ ногами;
Мздою второму—тельца откормленнаго, тяжкаго тукомъ;

Но послѣднему золота онъ полталанта назначилъ.
Сталъ наконецъ среди сонма и такъ говорилъ Аргивянамъ:
„Встаньте, которымъ угодно и сей еще подвигъ извѣдать!“
Рекъ,—и немедленно всталъ Оилеевъ Аяксъ быстроногій,
Всталъ Одиссей многоумный, и Несторовъ сынъ знаменитый
Всталъ Антилохъ: побѣждалъ онъ юношей всѣхъ быстротою.
Стали порядкомъ; Пелидъ указалъ имъ далекую мѣту.
Бѣгъ ихъ сперва отъ черты начинался; и первый всѣхъ дальше
Быстрый умчался Аяксъ; но за нимъ Одиссей знаменитый
Близко бѣжалъ, какъ у женщины ткущей съ пряжею ходитъ
Цѣвка у персей, которую ловко руками бросаетъ,
Нить за утокъ пропуская, и близко предъ персями держитъ,—
Такъ Одиссей за Аяксомъ близко бѣжалъ; безпрестанно
Слѣдомъ въ слѣды ударялъ онъ, пражде чѣмъ прахъ съ нимъ ссыпался,
И дыханье свое изливалъ на главу Оилида,
Быстро и ровно бѣжа; восклицали кругомъ Аргивяне,
Жажду его побѣдить въ распаленномъ еще умножая.
Но когда приближались къ концу уже бѣга, взмолился
Въ сердцѣ герой Одиссей свѣтлоокой Палладѣ богинѣ:
„Дочь Эгіоха, услышь! убыстри, милосердая, ноги!“
Такъ онъ, молясь, произнесъ, и услышала дочь Эгіоха;
Члены ему сотворила легкими, ноги и руки.
И уже добѣгали, чтобъ только имъ протянуть къ наградѣ,
Вдругъ на бѣгу поскользнулся Аяксъ: повредила Аѳина—
Въ влажный ступилъ онъ пометъ, изъ воловъ убіенныхъ разлитый,
Коихъ Патроклу въ честь закалалъ Пелейонъ благородный;
Тельчимъ пометомъ наполнились ноздри и ротъ у Аякса.
Чашу, награду свою, подхватилъ Одиссей терпѣливый,
Первый примчась; а вола захватилъ Оилидъ знаменитый;
Сталъ и, рукою держася за роги вола полевого,
Онъ выплевывалъ калъ и такъ говорилъ Аргивянамъ:
„Дочь Громовержца, друзья, повредила мнѣ ноги, Аѳина!
Вѣчно, какъ матерь, она Одиссею на помощь приходитъ!“
Такъ произнесъ онъ,—и смѣхъ по собранью веселый раздался.
Несторовъ сынъ получилъ послѣднюю бѣга награду;
Взялъ и къ Ахейскимъ мужамъ, улыбаяся, такъ говорилъ онъ:
„Знающимъ всѣмъ говорю вамъ, друзья, что всегда, какъ и нынѣ,
Боги безсмертные чествуютъ смертныхъ старѣйшихъ лѣтами.
Сынъ Оилеевъ меня годами немногими старше;
Сей же изъ прежняго рода, отъ прежняго племени отрасль;

Но зелена, говорятъ, Одисеева старость, и трудно
Въ бѣгѣ съ нимъ спорить Ахейскимъ героямъ, кромѣ Ахиллеса".
Такъ говорилъ, прославляя Пелеева быстраго сына,
Но Ахиллесъ немедленно самъ отвѣчалъ Антилоху:
„Другъ Антилохъ! твоя похвала не безплодною будетъ;
Злата къ наградѣ твоей полталанта еще прибавляю".
Такъ произнесъ и вручилъ, и юноша, радуясь, принялъ.
Тутъ Ахиллесъ быстроногій, копье длиннотѣнное взявши,
Вынесъ на поприще, вынесъ и щитъ и шеломъ свѣтозарный,
Весь Сарпедоновъ доспѣхъ, съ пораженнаго взятый Патрокломъ.
Сталъ наконецъ передъ сонмомъ и такъ говорилъ Аргивянамъ:
„Нынѣ подвижниковъ двухъ называемъ, отлично могучихъ:
Въ бранный облекшись доспѣхъ, ополчившись пронзительной мѣдью,
Выдти одинъ на одинъ и измѣрить ихъ мощь предъ народомъ.
Кто у другого скорѣе пронзитъ благородное тѣло
И сквозь доспѣхи коснется и членовъ, и крови багряной,
Тотъ побѣдитель,—тому подарю я сей ножъ среброгвоздный,
Славный, Ѳракійскій, который похитилъ я съ Астеропея;
Что до оружій, подвижники оба ихъ вмѣстѣ получатъ;
Вмѣстѣ подъ сѣнью моей и блистательный пиръ имъ устрою".
Такъ говорилъ, и поднялся великій Аяксъ Теламонидъ;
Быстро по немъ и Тидидъ возсталъ, Діомедъ нестрашимый.
Скоро, въ концахъ отдаленныхъ народной толпы ополчася,
Оба они на средину выходятъ, пылая сразиться;
Грозно другъ на друга смотрятъ; страхъ обымаетъ Ахеянъ.
Быстро сошедшись, они, устремленные другъ противъ друга,
Трижды бросались, и врукопашь трижды оружіемъ сшиблись.
Сынъ Теламоновъ копье супротивнику въ щитъ круговидный
Вбилъ, но тѣла не тронулъ: оно защищалося броней.
Сынъ же Тидеевъ поверхъ семикожнаго круга щитного
Выѣ Аякса грозилъ безпрестанно сверкающимъ жаломъ.
Всѣ, трепеща за Аякса, вскричали Ахейскіе мужи,
Бой прекратить и равныя взять имъ велѣли награды.
Но Ахиллесъ Діомеда ножомъ наградилъ среброгвозднымъ,
Вмѣстѣ съ ножнами его и съ ремнемъ красиво-кроеннымъ.
Тутъ Ахиллесъ предложилъ имъ кругъ самородный желѣза;
Прежде метала его Гетіонова крѣпкая сила;
Но когда Гетіона убилъ Ахиллесъ градоборецъ,
Кругъ на своихъ корабляхъ онъ съ другими корыстями вывезъ.
Сталъ наконецъ онъ предъ сонмомъ и такъ говорилъ Аргивянамъ:
„Встаньте, которымъ угодно и сей еще подвигъ извѣдать!

Сколько бы кто ни имѣлъ и далекихъ полей, и широкихъ,
На пять круглыхъ годовъ и тому на потребы достанетъ
Глыбы такой; у него никогда оскудѣлый въ желѣзѣ
Въ градъ не пойдетъ ни оратай, ни пастырь, но дома добудетъ".
Такъ говорилъ онъ,—и всталъ Полипетъ, браннодышащій воинъ,
Встала и грозная мощь Леонтея, подобнаго богу,
Всталъ и Аяксъ Теламоновъ, и сильный Эпеосъ огромный.
Долго махалъ онъ и бросилъ; и хохотъ раздался по сонму.
Послѣ повергъ Леонтей, благородная отрасль Арея;
Третій, сынъ Теламоновъ, схвативши желѣзную тягость,
Бросилъ могучей рукой и за знаки онъ всѣхъ перекинулъ.
Но, когда тотъ кругъ подхватилъ Полипетъ браноносный,
Такъ далеко, какъ пастухъ свой закривленный посохъ бросаетъ,
Онъ же вертится кругомъ и летитъ черезъ тельчее стадо,—
Такъ далеко перекинулъ за кругъ онъ; вскричали Данаи.
Быстро толпой набѣжавши, друзья Полипета героя
Радостно къ чернымъ судамъ понесли награду вдадыки.
Сынъ же Пелеевъ для лучниковъ темное вынесъ желѣзо:
Десять сѣкиръ двуострыхъ и десять простыхъ имъ наградой.
Выставилъ цѣлью стрѣльбы—корабля черноносаго мачту
Въ дальнемъ концѣ, на пескѣ, а на самой вершинѣ голубку
За ногу тонкимъ шнуромъ привязалъ, и по птицѣ велѣлъ онъ
Мѣтить стрѣлкамъ: „Который умѣтитъ по робкой голубкѣ,
Всѣ топоры двуострые въ сѣнь понесетъ побѣдитель;
Кто жъ улучитъ по шнуру одному, не умѣтивши птицы,
Тотъ, какъ стрѣлокъ побѣжденный, сѣкиры простыя получитъ".
Такъ говорилъ,—и возстало могущество Тевкра владыки:
Всталъ и герой Меріонъ, повелителя Критянъ сподвижникъ.
Бросили жребій въ мѣдный шеломъ, сотрясли ихъ, и Тевкру
Вылетѣлъ первому жребій стрѣлять; и не медля стрѣлу онъ
Съ страшною силой послалъ, но не сдѣлалъ обѣта владыкѣ
Фебу въ жертву принесть первородныхъ овновъ гекатомбу.
Въ птицу герой не попалъ: воспрепятствовалъ Фебъ раздраженный:
Въ шнуръ близъ ноги онъ умѣтилъ, которымъ привязана птица:
Привязь у самой ноги пересѣкла стрѣла; встрепенулась,
Къ небу взвилась голубица свободная; привязь по вѣтру
На землю вся опустилася; громко вскричали Данаи.
Быстро тогда Меріонъ у печальнаго Тевкра изъ длани
Выхватилъ лукъ, а стрѣлу наготовѣ держалъ, чтобъ направить;
Въ сердцѣ обѣтъ сотворилъ метателю стрѣлъ Аполлону
Первенцевъ агнцевъ ему въ благодарность принесть гекатомбу,

И, высоко подъ облакомъ робкую птицу завидѣвъ,
Быстро кружащуюсь, въ бокъ подъ крыло угодилъ онъ стрѣлою:
Вверхъ сквозь крыло пролетѣла и, обратно на землю
Павъ, предъ ногой Меріона вонзилася въ долъ; а голубка,
Съ выси лазурной на мачту спустясь черноносаго судна,
Выю къ груди преклонила, густыя развѣсила крылья,
Быстро изъ персей духъ испустила и съ мачты далеко
Пала на прахъ; удивился народъ и кругомъ изумлялся.
Всѣ топоры двуострые взялъ Меріонъ побѣдитель;
Тевкръ, побѣжденный, простые понесъ къ кораблямъ мореходнымъ.
Сынъ же Пелеевъ огромный дротъ и сосудъ рукомойный,
Чистый, въ огнѣ не бывалый, цѣною въ вола, расцвѣченный,
Вынесъ передъ сонмъ, и возстали могучіе два копьеборца:
Первый пространнодержавный возсталъ Атрейонъ Агамемнонъ,
Послѣ герой Меріонъ, предводителя Критянъ сподвижникъ;
Но, между храбрыми ставъ, говорилъ Ахиллесъ благородный:
„Царь Агамемнонъ, мы вѣдаемъ, сколько ты всѣхъ превосходишь!
Сколько и мощью твоей и метаніемъ копій отличенъ.
Но прими ты награду и съ нею, Атридъ, возвратися
Къ быстрымъ судамъ, а копье отдадимъ Меріону герою,
Если твоей то пріятно душѣ; но такъ бы я думалъ“.
Рекъ,—и ему не противился сынъ скиптроносный Атрея.
Дротъ Ахиллесъ Меріону вручилъ, а герой Агамемнонъ
Въ руки Талѳибія вѣстника пышную отдалъ награду.

ПѢСНЬ XXIV.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНИ.

По окончаніи игръ Ахеяне вечеряютъ и предаются сну; Ахиллесъ, о Патроклѣ сѣтуя, проводитъ ночь безъ сна, и утромъ, привязавъ Гектора къ колесницѣ, волочитъ вокругъ могилы друга; но Аполлонъ сохраняетъ тѣло его невредимымъ, ст. 1—21. О такомъ поруганіи, многіе дни продолжающемся, одни изъ боговъ соболѣзнуютъ и убѣждаютъ Гермеса похитить тѣло, другіе тайно радуются и противятся похищенію, 22—30. Наконецъ Аполлонъ жестоко упрекаетъ боговъ за ихъ неблагодарность къ Гектору и потворство Ахиллесу; Гера гнѣвно возражаетъ ему, 31—63. Но Зевсъ подаетъ иной совѣтъ и совершаетъ его: призвавъ на Олимпъ чрезъ Ирису богиню Ѳетиду, повелѣваетъ убѣдить Ахиллеса, чтобы онъ оставилъ свирѣпство и возвратилъ тѣло выкупающимъ, 64—142. Ириса, по повелѣнію Зевса, является также Пріаму и убѣждаетъ, чтобы онъ шелъ съ дарами къ Ахиллесу для искупленія сына, 143—188. Пріамъ рѣшился, невзирая на страхъ Гекубы, его отклоняющей; собираетъ драгоцѣнные дары, приказываетъ дѣтямъ приготовить возъ для клади, а самъ запрягаетъ для себя колесницу, 189—282. Наконецъ, сотворивъ возліяніе Зевсу и видя въ ниспосланномъ отъ него орлѣ счастливое знаменіе, съ однимъ вѣстникомъ Идеемъ отправляется въ путь, 283—330. Встрѣчаетъ Гермеса, Зевсомъ ему въ спутники посланнаго, который, назвавшись служителемъ Ахиллеса и усыпивъ стражей, приводитъ Пріама къ кущѣ героя, 331—467. Ахиллесъ, моленіемъ царя тронутый, принимаетъ выкупъ, возвращаетъ тѣло, омытое и покрытое ризою, соглашается дать 12 дней, просимыхъ для погребенія, предлагаетъ ему вечерю, ночлегъ и дружелюбно отпускаетъ ко сну, 468—676. Гермесъ рано пробуждаетъ Пріама, проводитъ черезъ станъ, оставляетъ его; и Пріамъ, съ наступленіемъ дня, приводитъ къ городу тѣло Гектора. На встрѣчу его вышедъ, всѣ Трояне подымаютъ плачъ, 677—717. Привезши тѣло въ домъ, полагаютъ на ложе; начинатели плача пѣніемъ оплакиваютъ его; кромѣ ихъ, плачетъ Андромаха, Гекуба, Елена, 718—776. Наконецъ, сожигаютъ тѣло на кострѣ, погребаютъ и пиршествомъ у Пріама празднуютъ погребеніе, 777—804.

Кончились игры; народъ по своимъ кораблямъ быстролетнымъ
Весь разсѣялся; каждый подъ сѣнь поспѣшилъ укрѣпиться
Пищей вечерней и сладостнымъ сномъ. Но Пелидъ неутѣшный
Плакалъ, о другѣ еще вспоминая; къ нему не касался
Все усмиряющій сонъ; по одру безпокойно метаясь,
Онъ вспоминалъ Менетидово мужество, духъ возвышенный,
Сколько они подвизались, какіе труды подымали,
Боевъ съ мужами ища и свирѣпость морей искушая.
Все вспоминая въ душѣ, проливалъ онъ горячія слезы.
То на хребетъ онъ ложился, то на бокъ, то ницъ обратяся,
Къ ложу лицомъ принадалъ; напослѣдокъ бросивши ложе,
Берегомъ моря бродилъ онъ, тоскующій. Тамъ и денницу
Встрѣтилъ Пелидъ, озарившую пурпуромъ берегъ и море.
Быстро тогда онъ запрягъ въ колесницу коней быстроногихъ;
Гекторъ, чтобы влачить, привязалъ позади колесницы;
Трижды его обволокъ вкругъ могилы любезнаго друга
И наконецъ успокоился въ кущѣ; а Гектора бросилъ,
Ницъ распростерши во прахѣ. Но Фебъ отъ него, покровитель,
Фебъ и отъ мертваго вредъ отклонялъ; о героѣ и мертвомъ
Богъ милосердовалъ: тѣло его золотымъ онъ эгидомъ
Все покрывалъ, да не будетъ истерзанъ, Пелидомъ влачимый.
Такъ надъ божественнымъ Гекторомъ въ гнѣвѣ своемъ опъ ругался.
Жалость объяла безсмертныхъ, на оное съ неба взиравшихъ;
Тѣло похитить зоркаго Гермеса всѣ убѣждали;
Всѣмъ то казалось угоднымъ, но только не Герѣ богинѣ,
Ни Посидону царю, ни блистательноокой Аѳинѣ:
Имъ, какъ и прежде, была ненавистнѣю Троя святая.
Старецъ Пріамъ и народъ, за вину Пріамида Париса:
Онъ богинь оскорбилъ, приходившихъ въ домъ его сельскій:
Честь онъ воздалъ одарившей его сладострастіемъ вреднымъ.
Вѣстница утра, въ двѣнадцатый разъ восходила Денница.
И средь сонма боговъ провѣщалъ Аполлонъ сребролукій:
„Боги жестокіе, неблагодарные! Гекторъ не вамъ ли
Бедра тельцовъ и овновъ сожигалъ въ благовонныя жертвы?
Вы жъ нерадите и мертвое тѣло героя избавить,
Видѣть его не даете супругѣ, матери, сыну,
Старцу отцу и гражданамъ, которые славнаго мужа
Предали бъ скоро огню и послѣднею честью почтили!
Вы Ахиллесу губителю быть благосклонны рѣшились,
Мужу, который изъ помысловъ правду изгналъ, а отъ сердца
Всякую жалость отвергъ и, какъ левъ, о свирѣпствахъ лишь мыслитъ:

Левъ, и душой дерзновенный и дикою силой стремимый,
Только и рыщетъ, чтобъ стадо найти и добычу похитить,—
Такъ сей Пелидъ погубилъ всю жалость и стыдъ потерялъ онъ,
Стыдъ для сыновъ человѣческихъ столько полезный и вредный.
Смертный иной и болѣе милаго сердцу теряетъ,
Брата единоутробнаго или цвѣтущаго сына;
Плачетъ о тратѣ своей и печаль наконецъ утоляетъ:
Духъ терпѣливый Судьбы даровали сынамъ человѣковъ.
Онъ же, богу подобнаго Гектора жизни лишивши,
Мертваго вяжетъ къ конямъ и у гроба любезнаго друга
Въ прахѣ волочитъ! Не славное онъ и не доброе выбралъ!
Развѣ что нашу онъ месть на себя, и могучій, воздвигнетъ:
Землю, землю нѣмую неистовый мужъ оскорбляетъ!“
Гнѣвомъ пылая, ему отвѣчала державная Гера:
„Слово твое совершилось бы, лукомъ серебрянымъ гордый,
Если бъ равно Ахиллеса и Гектора сами вы чтили!
Гекторъ—сынъ человѣка, сосцами жены онъ воспитанъ;
Но Ахиллесъ—благородная отрасль: богиню Ѳетиду
Я возлелѣяла, я возрастила и милой супругой
Мужу вручила Пелею, любезному всѣмъ намъ безсмертнымъ.
Всѣ мы, безсмертные, были на бракѣ, и ты ликовалъ тамъ
Съ лирой въ рукахъ, нечестивыхъ наперсникъ, всегда вѣроломный!“
Ей обратился отвѣтствовать тучегонитель Кроніонъ:
„Гера, супруга! Не гнѣвайся вовсе на жителей неба.
Честь брановоснамъ не равная будетъ; однако, и Гекторъ
Между сыновъ Иліона любезнѣйшій былъ Олимпійцамъ,
Также и мнѣ! Никогда не небрегъ онъ о жертвахъ пріятныхъ:
Жертвенникъ мой никогда не скудѣлъ въ приношеньяхъ обильныхъ
Туковъ, винъ, благовоній: сія бо намъ честь подобаетъ.
Но похищенье оставимъ; возможности нѣтъ отъ Пелида
Гектора славнаго тайно похитить: къ Пелееву сыну
Матерь Ѳетида приходитъ и ночью и днемъ непрестанно.
Лучше Ѳетиду ко мнѣ призови кто-нибудь изъ безсмертныхъ;
Мудрое слово богинѣ реку, да Пелидъ быстроногій
Выкупъ возьметъ отъ Пріама и Гектора тѣло отпуститъ“.
Рекъ, и какъ вихрь устремилась Ириса крылатая съ вѣстью;
Между священнаго Сама и грозноутеснаго Имбра
Бросилась въ черный понтъ, и подъ ней застонала пучина;
Быстро, подобно свинцу, въ глубину погрузилась богиня,
Ежели онъ, прикрѣпленный подъ роговъ вола полевого,
Мчится коварный, рыбамъ прожорливымъ гибель несущій.

Тамъ въ пещерѣ глубокой находитъ Ѳетиду и съ нею
Многихъ богинь океана. Она посреди ихъ сидѣла,
Плача объ участи храбраго сына, которому должно
Въ Троѣ холмистой погибнуть, далеко отъ милой отчизны.
Ставъ предъ Ѳетидой, вѣщала посланница Зевса: „Ѳетида!
Зевсъ призываетъ тебя, непреложныхъ совѣтовъ строитель“.
Ей отвѣчая, рекла среброногая дочерь Нерея:
„Что заповѣдуетъ мнѣ Повелитель безсмертныхъ? Стыжуся
Свѣтлымъ являться богамъ, угнетенная мрачной печалью!
Но повинуюсь, и тщетенъ не будетъ глаголъ, имъ реченный“.
Такъ говоря, облеклася Ѳетида одеждой печали,
Чернымъ покровомъ, чернѣйшимъ изъ всѣхъ у нея одѣяній.
Такъ устремилась; предъ нею подобная вѣтрамъ Ириса
Быстро пошла; разступалися окрестъ ихъ волны морскія.
На берегъ вышедъ, богини къ высокому бросились небу.
Тамъ обрѣли громовержца Кронида; предъ нимъ возсидѣли
Всѣ, на совѣтъ собравшись, блаженные вѣчные боги.
Сѣла Ѳетида близъ Зевса отца: уступила Аѳина;
Гера же чашу златую, прекрасную, подала въ руки
И утѣшала словами. Ѳетида, испивъ, возвратила.
Слово межъ оными началъ Отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ:
„Ты на Олимпъ, Ѳетида, пришла, и печальная сердцемъ;
Знаю, скорбь неутѣшную въ персяхъ ты носишь, богиня.
Но возвѣщу, для чего на Олимпъ я тебя призываю.
Девять дней, какъ межъ нами, безсмертными, распря возстала:
Гекторъ герой и Пелидъ градоборецъ боговъ раздѣляютъ.
Тѣло похитить склоняютъ безсмертные Гермеса бога;
Я же, напротивъ, ту славу хочу даровать Ахиллесу,
Нѣжность къ тебѣ и почтеніе въ сердцѣ навѣкъ сохраняя.
Шествуй къ Ахейскому стану и сыну, богиня, повѣдай:
Всѣ божества на него негодуютъ; но и я отъ безсмертныхъ
Болѣе всѣхъ огорчаюсь, что онъ въ изступленіи гнѣва
Гектора возлѣ судовъ, не пріемлющій выкупа, держитъ.
Если страшится меня, да не медля отпуститъ онъ тѣло.
Я жъ посылаю Ирису къ Пріаму царю съ повелѣньемъ
Въ станъ Мирмидонскій идти къ искупленію милаго сына,
Несть и дары Ахиллесу, пріятные сердцу героя“.
Такъ произнесъ,—и ему покорилась Ѳетида богиня;
Быстро помчалась, съ вершины Олимпа высокаго бросясь.
Скоро достигла Пелидова стана и въ кущѣ находитъ
Сына, печально стенящаго; многіе въ кущѣ героя
Окрестъ его суетились друзья и готовили завтракъ;

Ими закланный лежалъ на помостѣ овенъ густорунный.
Подлѣ печальнаго сына возсѣла почтенная матерь,
Тихо ласкала рукой, вопрошала и такъ говорила:
„Милое чадо, почто ты доселѣ, стеня и тоскуя,
Сердце себѣ сокрушаешь? Не думаешь ты ни о пищѣ,
Ни обо снѣ! Но пріятно съ женой насладиться любовью.
Жить же не долго тебѣ; предъ тобою, любезнѣйшій сынъ мой,
Близко стоитъ неизбѣжная Смерть и суровая Участь.
Выслушай слово; его я тебѣ возвѣщаю отъ Зевса:
Боги, онъ рекъ, на тебя прогнѣвляются; онъ же, Владыка,
Болѣе всѣхъ негодуетъ, что ты въ изступленіи гнѣва
Гектора возлѣ судовъ, не пріемлющій выкупа, держишь.
Выдай его, Ахиллесъ, и за тѣло прими искупленье“.
Ей отвѣчая, вѣщалъ быстроногій Пелидъ знаменитый:
„Пусть предстаетъ предлагающій выкупъ и тѣло получитъ,
Если рѣшительно такъ заповѣдуетъ мнѣ Олимпійскій“.
Тою порою, какъ матерь и сынъ у судовъ Мирмидонскихъ
Многія между собою вѣщали крылатыя рѣчи,
Зевсъ посылалъ Ирису къ Пріамовой Троѣ священной:
„Шествуй, Ириса крылатая, холмы оставивъ Олимпа;
Вѣсть въ Иліонѣ святомъ возвести Дарданиду Пріаму:
Пусть къ искупленію сына идетъ къ кораблямъ онъ Ахейскимъ,
Пусть и дары онъ несетъ, чтобъ смягчить Ахиллесово сердце.
Но да единый, никѣмъ не сопутствуемъ, шествуетъ старецъ.
Токмо глашатай старѣйшій да будетъ при немъ, чтобы править
Мескими въ быстромъ возу и вспять изъ Ахейскаго стана
Мертваго ввезть въ Иліонъ, убіеннаго сильнымъ Пелидомъ.
Помыслъ о смерти и страхъ да не взыдетъ на сердце Пріаму:
Старцу такого пошлемъ мы сопутника, Гермеса бога;
Онъ поведетъ и проводитъ, пока не представитъ къ Пелиду.
И, когда приведетъ онъ Пріама предъ очи героя,
Рукъ на него не подыметъ Пелидъ, ни другихъ не допуститъ:
Онъ не безумецъ, не наглъ, не обыкшій къ грѣхамъ нечестивецъ;
Онъ завсегда милосердо молящаго милуетъ мужа“.
Рекъ, и съ небесъ устремилась подобная вихрямъ Ириса;
Къ дому Пріама сошла и нашла тамъ и вопль и рыданье,
Окрестъ отца всѣ сыны, на дворѣ предъ хоромами сидя,
Токами слезъ обливали одежды; въ срединѣ ихъ старецъ,
Ризою весь обвернувшись, лежалъ на землѣ распростертый;
Выю и голову персть покрывала державнаго старца,
Косою самъ онъ себя, пресмыкаясь въ прахѣ, осыпалъ.
Дщери его и невѣстки, въ домахъ своихъ сидя, рыдали,

Тѣхъ поминая и многихъ и сильныхъ защитниковъ царства,
Кои уже подъ руками Ахейскими предали души.
Быстрая вѣстница Зевса, приближася тихо къ Пріаму,
Голосомъ тихимъ (но трепетъ объялъ Дарданидовы члены)
Такъ говорила: „Дерзай, Дарданидъ, и меня не страшися!
Я не зловѣщей тебѣ нисхожу отъ холмовъ Олимпійскихъ,
Нѣтъ, но душой доброхотная вѣстница Зевса тебѣ я:
Онъ о тебѣ и далекій душою болитъ и печется.
Выкупить Гектора тѣло тебѣ онъ велитъ, Олимпіецъ.
Шествуй, неси и дары, чтобъ смягчить Ахиллесово сердце;
Но да никто изъ Троянъ не сопутствуетъ, шествуй одинъ ты;
Токмо глашатай старѣйшій да будетъ съ тобой, чтобы править
Месками въ быстромъ возу и вспять изъ Ахейскаго стана
Мертваго ввезть въ Иліонъ, убіеннаго сильнымъ Пелидомъ.
Мысль же о смерти, ни страхъ тебѣ да не взыдетъ на сердце:
Спутникъ такой за тобою послѣдуетъ, Гермесъ безсмертный;
Гермесъ пойдетъ и проводитъ, пока не приблизитъ къ Пелиду,
И, когда онъ тебя представитъ предъ очи героя,
Рукъ на тебя не подыметъ Пелидъ, ни другихъ не допуститъ:
Онъ не безуменъ, не наглъ, не обыкшій къ грѣхамъ нечестивецъ;
Онъ завсегда милосердо молящаго милуетъ мужа“.
Такъ говоря, отлетѣла подобная вихрямъ Ириса.
Старецъ Пріамъ повелѣлъ, чтобъ не медля сыны снарядили
Муловый возъ быстрокатный и коробъ къ нему привязали.
Самъ же поспѣшно взошелъ въ почивальню, теремъ душистый,
Кедровый, съ кровлей высокой, гдѣ много хранилось сокровищъ;
Призвалъ туда и Гекубу супругу и такъ говорилъ ей:
„Бѣдная! мнѣ Олимпійская вѣстница Зевса явилась;
Выкупить сына велѣла идти къ кораблямъ Мирмидонскимъ;
Несть и дары Ахиллесу, которые бъ сердце смягчили.
Молви, супруга любезная, что ты о семъ помышляешь?
Сильно меня самого побуждаетъ и сердце и дума
Нынѣ жъ идти къ кораблямъ и къ великому стану Ахеянъ“.
Такъ говорилъ; зарыдала жена и ему отвѣчала:
„Горе! погибъ ли твой разумъ, которымъ въ минувшее время
Славился ты и у чуждыхъ народовъ, и въ собственномъ царствѣ?
Хочешь одинъ ты, старецъ, идти къ кораблямъ Мирмидонскимъ?
Мужу предстать передъ очи, который и многихъ и сильныхъ
Нашихъ сыновъ умертвилъ? У тебя не желѣзное ль сердце?
Въ руки едва залучитъ, предъ очами тебя лишь увидитъ
Сей кровопійца, невѣрный сей мужъ, милосердъ онъ не будетъ;
Онъ не уважитъ тебя! Въ отдаленіи лучше поплачемъ.

Въ храминѣ сидя: такую, знать, долю суровая Парка
Выпряла нашему сыну, какъ я несчастливца родила,
Долю, чтобъ псовъ онъ насытилъ, вдали отъ родныхъ, предъ очами
Лютаго мужа, котораго сердце, когда бы могла я,
Впившися въ грудь, пожирать, отомстила бъ за то, что онъ сдѣлалъ
Съ сыномъ моимъ! Не какъ ратникъ безчестный мой Гекторъ убитъ
имъ;
Онъ за отечество, онъ за мужей и за женъ Иліонскихъ
Бился, герой, ни о страхѣ въ бою, ни о бѣгствѣ не мысля!"
Снова Гекубѣ отвѣтствовалъ старецъ Пріамъ боговидный:
„Волѣ моей не противься, Гекуба, и въ собственномъ домѣ
Птицей зловѣщей не будь: отвратить меня не успѣешь.
Если бъ такое мнѣ дѣло внушалъ кто-нибудь земнородный,
Жрецъ, иль пророкъ Иліонскій, или ѳиміамогадатель,
Ложью почли бы мы то и съ презрѣніемъ, вѣрно бъ, отвергли.
Слышалъ богиню я самъ, предъ собою безсмертную видѣлъ;
Въ станъ я иду, и не тщетно мнѣ будетъ вѣщаніе бога.
Если жъ назначилъ мнѣ рокъ умереть предъ судами Ахеянъ,—
Радъ! и пускай онъ меня, душегубецъ, зарѣжетъ, какъ скоро,
Милаго сына обнявши, рыданіемъ сердце насыщу!"
Такъ произнесъ и, поднявши красивыя крыши ковчеговъ,
Вынулъ изъ нихъ Дарданіонъ двѣнадцать покрововъ прекрасныхъ,
Хленъ двѣнадцать простыхъ и столько жъ ковровъ драгоцѣнныхъ,
Верхнихъ плащей превосходныхъ и тонкихъ хитоновъ исподнихъ,
Злата, вѣсами отвѣсивши, выложилъ десять талантовъ,
Вынулъ четыре блюда и два свѣтозарныхъ тренога,
Вынулъ и кубокъ прекрасный, ему, какъ посланнику, древній
Даръ Ѳракіянъ, драгоцѣнность великая! Даже и оной
Старецъ щадить не хотѣлъ: столь сильно пылалъ онъ душою
Выкупить милаго сына. Но всѣхъ онъ Троянъ приходившихъ
Гнѣвный гонялъ отъ крыльца, и грозя, и поносно ругая:
„Прочь, проклятое племя презрѣнное! Развѣ и дома
Мало печали у васъ, что меня огорчать вы идете?
Или вамъ радость, что старца Кронидъ поражаетъ бѣдою,
Гибелью сына храбрѣйшаго? Скоро вы цѣну сей траты
Сами узнаете; легче стократъ, какъ не стало героя,
Будете сами избиты Ахеями! Я же, о боги,
Прежде, нежели градъ раззоренный и въ прахъ обращенный—
Трою святую—увижу, да скроюсь въ обитель Аида!"
Такъ говоря, прогонялъ ихъ жезломъ; отъ грозящаго старца
Всѣ удалилися. Онъ же вскричалъ, сыновей порицая,
Клита, Гелена, Париса, питомца боговъ Агаѳона,

Паммона, Гиппоѳоя, Деиѳоба вождя, Антифона,
Храбраго сына Полита и славнаго мужествомъ Дія;
Грозно на сихъ сыновей и кричалъ, и приказывалъ старецъ:
„Живо, негодныя дѣти, позорники! Лучше бы всѣмъ вамъ
Вмѣсто единаго Гектора пасть предъ судами Ахеянъ!
О, злополучный я смертный! имѣлъ я въ Троѣ обширной
Храбрыхъ сыновъ и отъ нихъ ни единаго мнѣ не осталось!
Нѣтъ боговиднаго Местора, нѣтъ конеборца Троила,
Нѣтъ и тебя, мой Гекторъ, тебя, между смертными бога!
Такъ, не смертнаго мужа казался онъ сыномъ, но бога!
Храбрыхъ Арей истребилъ, а позорники эти остались,
Эти лжецы, плясуны, знаменитые лишь въ хороводахъ,
Эти презрѣнные хищники козъ и агнцевъ народныхъ!
Долго ли будете вы снаряжать колесницу и въ коробъ
Скоро ли вложите все, чтобы могъ я немедленно ѣхать?“
Такъ говорилъ, и сыны, устрашася угрозы отцовой,
Бросились быстро и вывезли муловый возъ легкокатный,
Новый, красивый, и коробъ глубокій на немъ привязали;
Сняли съ гвоздя блестящій яремъ, приспособленный къ муламъ,
Буковый, съ бляхою сверху и съ кольцами, слаженный хитро;
Привязь яремную вмѣстѣ съ ярмомъ девятилоктевую
Вынесли, ловко ярмо положили на гладкое дышло
Въ самомъ концѣ, и на крюкъ поперечный кольцо наложили;
Трижды бляху ярма обмотали кругомъ; напослѣдокъ
Прочее все обвязали, концы же узла подогнули.
Послѣ, нося изъ покоевъ, на муловый возъ легкокатный
Весь уложили за голову Гектора выкупъ безцѣнный.
Муловъ въ него запрягли возовозныхъ, дебелокопытныхъ,
Нѣкогда въ даръ подведенныхъ владыкѣ Пріаму отъ Мизовъ.
Но къ колесницѣ Пріамовой вывели коней, которыхъ
Самъ онъ съ отмѣнной заботой лелѣялъ у тесаныхъ яслей;
Ихъ въ колесницу впрягали предъ домомъ высоковершиннымъ
Вѣстникъ и царь, обращая въ умѣ ихъ мудрыя думы.
Тою порою приходитъ Гекуба, печальная сердцемъ;
Въ правой рукѣ царица вина, веселящаго сердце,
Кубокъ несла золотой, чтобъ супругъ, не возливъ, не уѣхалъ;
Стала она предъ конями и такъ говорила Пріаму:
„Зевсу возлей, мой супругъ! и молись, чтобы далъ всемогущій
Въ домъ отъ враговъ возвратиться, когда уже смѣлое сердце
Старца тебя, противъ воли моей, къ кораблямъ устремляетъ.
Такъ, помолися, Пріамъ, чернотучному Кронову сыну,
Богу, который отъ Иды на всю призираетъ Троаду.

Птицы проси, быстрокрылаго вѣстника, мощью своею
Первой изъ птицъ и любезнѣйшей всѣхъ самому Громовержцу,
Съ правой страны чтобъ слетѣла, и самъ бы ее ты увидя,
Съ мѣрой въ нее отошелъ къ кораблямъ быстроконныхъ Данаевъ.
Если жъ тебѣ не пошлетъ своего посла Громовержецъ,
Буду тебя, мой супругъ, убѣждать и совѣтомъ, и просьбой
Въ станъ не ходить къ Мирмидонянамъ, какъ ты ни твердо рѣшился".
Ей не медля отвѣтствовалъ старецъ Пріамъ боговидный:
„Я твоего не отрину совѣта разумнаго: благо
Длани къ Владыкѣ боговъ воздѣвать, да помилуетъ насъ онъ".
Рекъ и прислужницѣ ключницѣ далъ повелѣніе старецъ
На руки чистой воды возлiять, и прислужница быстро
Съ блюдомъ въ рукахъ и съ кувшиномъ воды предъ владыку предстала.
Старецъ, руки омывши, кубокъ принялъ отъ супруги,
Сталъ по срединѣ двора и молился вино возливая,
На небо взоръ возводя, и, возвысивши голосъ, воскликнулъ:
„Зевсъ, нашъ отецъ, обладающій съ Иды, славнѣйшій, сильнѣйшій!
Дай мнѣ придти къ Ахиллесу угоднымъ и жалостнымъ сердцу;
Птицу пошли, быстролетнаго вѣстника, мощью своею
Первую въ птицахъ, любимую болѣе всѣхъ и тобою,
Съ правой страны ниспошли, да сходящую самъ я увидя,
Съ вѣрой въ нее отойду къ кораблямъ конеборныхъ Данаевъ!"
Такъ умолялъ, и услышалъ его промыслитель Кроніонъ;
Быстро орла ниспослалъ, между вѣщихъ вѣрнѣйшую птицу,
Темнаго, коего смертные чернымъ ловцомъ называютъ.
Словно огромная дверь почивальни высоковершинной
Въ домѣ богатаго мужа, замкомъ утвержденная крѣпкимъ,
Крылья орла таковы распростерлись, когда онъ явился,
Вправѣ надъ Троею быстро парящій. Они лишь узрѣли,
Въ радость пришли, расцвѣло упованіемъ каждаго сердце.
Съ живостью старецъ взошелъ въ колесницу свою и не медля
Коней погналъ отъ преддверья и гулкихъ навѣсовъ крылечныхъ.
Мески пошли впереди подъ повозкой четырехколесной
(Ими Идей управлялъ, благомысленный вѣстникъ) а сзади
Борзые кони, которыхъ бичомъ Дарданидъ престарѣлый
Гналъ черезъ городъ; его провожали всѣ близкіе сердцу,
Плача по немъ неутѣшно, какъ будто на смерть отходящемъ.
Скоро, изъ замка спустяся, они очутилися въ полѣ;
Всѣ провожавшіе ихъ возвратились печальные въ Трою,
Дѣти и сродники. Сами жъ они не сокрылись отъ Зевса:
Въ полѣ увидѣлъ онъ ихъ и исполнился милости къ старцу,
И къ любезному сыну, къ Гермесу, такъ возгласилъ онъ:

„Сынъ мой, Гермесъ! Тебѣ отъ боговъ наипаче пріятно
Съ сыномъ земли сообщаться; ты внемлешь, кому пожелаешь.
Шествуй и Трои царя къ кораблямъ быстролетнымъ Ахеянъ
Такъ проводи, да никто не узритъ и никто не узнаетъ
Старца въ Ахейскихъ дружинахъ, доколѣ къ Пелиду не придетъ".
Такъ произнесъ, и ему повинуется Гермесъ посланникъ:
Подъ ноги вяжетъ прекрасную обувь, плесницы златыя,
Вѣчныя; бога онѣ и надъ влажною носятъ водою,
И надъ землей безпредѣльною, быстро, съ дыханіемъ вѣтра;
Жезлъ беретъ онъ, которымъ у смертныхъ, по волѣ всесильной,
Сномъ смыкаетъ онъ очи, или отверзаетъ у спящихъ;
Жезлъ сей пріявъ, устремляется Аргоубійца могучій.
Скоро онъ къ граду Троянъ и къ зыбямъ Геллеспонта принесся;
Полемъ пошелъ, благородному юношѣ видомъ подобный,
Первой брадой опушенному, коего младость прелестна.
Путники вскорѣ, проѣхавъ великую Ила могилу,
Коней и месковъ своихъ удержали, чтобы напоить ихъ
Въ свѣтлой рѣкѣ; тогда уже сумракъ спускался на землю.
Тутъ, оглянувшися, Гермеса вѣстникъ Идей прозорливый
Близко увидѣлъ и такъ возгласилъ къ Дарданиду владыкѣ:
„Взглянь, Дарданидъ! осторожнаго разума требуетъ дѣло:
Мужа я вижу, и мнится мнѣ, насъ онъ убить умышляетъ!
Должно бѣжать; на коняхъ мы ускачемъ, или, подошедши,
Ноги ему мы обнимемъ и будемъ молить о пощадѣ!"
Рекъ онъ, и старцево сердце смутилося; онъ ужаснулся;
Дыбомъ власы у него поднялися на сгорбленномъ тѣлѣ;
Онъ цѣпенѣя стоялъ. Эріуній приблизился къ старцу,
Ласково за руку взялъ и вѣщалъ, вопрошая Пріама:
„Близко ль, далеко ль, отецъ, направляешь ты коней и месковъ
Въ часъ усладительной ночи, какъ смертные всѣ почиваютъ?
Иль не страшишься убійствами дышащихъ, гордыхъ Данаевъ,
Кои такъ близко стоятъ, непріязненны вамъ и свирѣпы?
Если тебя кто увидитъ подъ быстрыми мраками ночи,
Столько сокровищъ везущаго, что твое мужество будетъ?
Самъ ты не молодъ, и старецъ такой же тебя провожаетъ.
Какъ защитишься отъ перваго, кто лишь обидѣть захочетъ?
Я жъ не тебя оскорблю, но готовъ отъ тебя и другого
Самъ отразить: моему ты родителю, старецъ, подобенъ!"
Гермесу бодро отвѣтствовалъ старецъ Пріамъ боговидный:
„Все справедливо, любезнѣйшій сынъ мой, что ты говоришь мнѣ;
Но еще и меня хранитъ покровительной дланью
Богъ, который даетъ мнѣ такого сопутника встрѣтить,

Счастья примѣту, тебя, красотою и образомъ дивный,
Рѣдкимъ умомъ одаренный; блаженныхъ родителей сынъ ты!"
Вновь Дарданиду вѣщалъ благодѣтельный Гермесъ посланникъ:
„Истинно все и разумно ты, старецъ почтенный, вѣщаешь.
Но скажи мнѣ еще и сущую правду повѣдай:
Ты высылаешь куда-либо столько богатствъ драгоцѣнныхъ
Къ чуждымъ народамъ, дабы хоть они у тебя уцѣлѣли?
Вѣрно, объятые страхомъ, уже покидаете всѣ вы
Трою святую? Таковъ знаменитый защитникъ погибнулъ,
Сынъ твой! Въ сраженіяхъ былъ онъ не ниже героевъ Ахейскихъ!"
Гермесу быстро воскликнулъ старецъ Пріамъ боговидный:
„Кто ты таковъ, отъ кого происходишь ты, юноша добрый,
Такъ мнѣ прекрасно напомнившій смерть злополучнаго сына?"
Старцу отвѣтствовалъ вновь благодѣтельный Гермесъ посланникъ:
„Ты испытуешь меня, вопрошая о Гекторѣ дивномъ.
Часто, часто я самъ на бояхъ, прославляющихъ мужа,
Гектора видѣлъ и даже въ тотъ день, какъ, къ судамъ отразивши,
Онъ побѣждалъ Аргивянъ, истребляя крушительной мѣдью.
Стоя вдали, удивлялись мы Гектору; съ вами сражаться
Намъ Ахиллесъ запрещалъ, на царя Агамемнона гнѣвный.
Я Ахиллесовъ служитель, въ одномъ кораблѣ съ нимъ проплывшій;
Родомъ и я Мирмидонецъ; родитель мой храбрый Поликторъ;
Мужъ онъ богатый и старецъ, какъ ты, совершенно маститый.
Шесть у Поликтора въ домѣ сыновъ, а седьмой предъ тобою;
Жребій межъ братьевъ упалъ на меня, чтобъ идти съ Ахиллесомъ.
Нынѣ осматривать поле пришелъ отъ судовъ я: заутра
Боемъ на городъ пойдутъ быстроокіе мужи Ахейцы.
Всѣ негодуютъ они на долгую праздность; не могутъ
Браннаго пыла мужей обуздать воеводы Ахеянъ".
Гермесу паки отвѣтствовалъ старецъ Пріамъ боговидный:
„Ежели подлинно ты Ахиллеса Пелида служитель,
Другъ, не сокрой отъ меня, умоляю, повѣдай мнѣ правду:
Сынъ мой еще ль при судахъ, иль уже Ахиллесъ быстроногій
Тѣло его разсѣченное псамъ разметалъ Мирмидонскимъ?"
Старцу отвѣтствовалъ вновь благодѣтельный Гермесъ посланникъ:
„Старецъ, ни псы не терзали, ни птицы его не касались;
Онъ и понынѣ лежитъ у судовъ Ахиллеса, подъ кущей,
Все, какъ и былъ, невредимый: двѣнадцатый день, какъ лежитъ онъ
Мертвый, но тѣло не тлѣетъ, къ нему не касаются черви,

Быстрые черви, которые падшихъ въ бою пожираютъ.
Правда, его ежедневно, съ восходомъ Денницы священной,
Онъ безпощадно волочитъ вкругъ гроба любезнаго друга;
Но мертвецъ невредимъ, изумишься ты самъ, какъ увидишь:
Свѣжъ онъ лежитъ, какъ росою умытый; нѣтъ слѣда отъ крови,
Члена не видно печистаго, язвы кругомъ затворились,
Сколько ихъ ни было: много суровая мѣдь нанесла ихъ.
Такъ милосердуютъ боги о сынѣ твоемъ знаменитомъ,
Даже и мертвомъ: любезенъ онъ сердцу боговъ Олимпійскихъ".
Рекъ онъ, и старецъ, наполняся радости, быстро воскликнулъ:
„Благо, мой сынъ, приносить небожителямъ должныя дани!
Гекторъ,—о если бы жилъ онъ!—всегда въ благоденственномъ домѣ
Помнилъ безсмерныхъ боговъ, на великомъ Олимпѣ живущихъ;
Боги за то и по смертной кончинѣ его помянули.
Но преклонися, прими отъ меня ты прекрасный сей кубокъ
И, охраняя меня, проводи, подъ покровомъ безсмертныхъ,
Въ станъ Мирмидонскій, пока не приду къ Ахиллесовой кущѣ".
Вновь Дарданиду отвѣтствовалъ Гермесъ, посланникъ Зевеса:
„Младость мою соблазняешь ты, старецъ; но я не склонюся
Дара, какой предлагаешь мнѣ, тайно принять отъ Пелида.
Я уважаю Пелида и сердцемъ страшусь отъ героя
Даръ похищать, чтобы послѣ меня бѣда не постигла;
Но съ тобою сопутствовать радъ я землею и моремъ,
Радъ я тебя проводить и до славнаго Аргоса града,
И, при подобномъ сопутникѣ, смертный къ тебѣ не подсуупитъ".
Рекъ и на царскихъ коней въ колесницу вскочилъ Эріунѣй,
Быстро и бичъ и бразды захватилъ въ могучія руки,
Конямъ и мескамъ вдохнулъ необычную рьяность и силу.
И, когда принеслися ко рву и стѣнѣ корабельной,
Гдѣ незадолго надъ вечерей стражи Ахеянъ трудились
(Всѣхъ ихъ въ сонъ погрузилъ благодѣтельный Аргоубійца),
Башни запоръ отодвинулъ, врата растворилъ и Пріама
Ввезъ внутрь стѣны и за нимъ съ дорогими дарами повозку.
Но лишь предстали они къ Ахиллесовой кущѣ великой
(Кущу царю своему Мирмидонцы построили въ станѣ
Крѣпко изъ бревенъ еловыхъ и сверху искусно покрыли
Мшистымъ, густымъ камышемъ, по влажному лугу набравши;
Около кущи устроили дворъ властелину широкій,
Весь оградя частоколомъ; ворота его запирались
Толстымъ засовомъ еловымъ; трое Ахеянъ вдвигали,
Трое съ трудомъ отымали огромный замокъ сей воротный,
Сильныхъ мужей, но Пелидъ и одинъ отымалъ его быстро)—

Тѣ благодѣтельный Гермесъ отверзъ передъ старцемъ ворота,
Ввезъ дары знаменитые славному сыну Пелея,
Спрянулъ на долъ съ колесницы и такъ провѣщалъ къ Дарданиду:
„Богъ предъ тобою, о старецъ, безсмертный, съ Олимпа нисшедшій,
Гермесъ: отецъ мой меня тебѣ ниспослалъ путеводцемъ.
Я совершилъ и къ Олимпу обратно иду; всенародно
Я не являюсь Ахиллеса очамъ: не достойно бы было
Богу безсмертному видимо чествовать смертнаго мужа.
Ты же иди и, вошедъ, обыми Ахиллесу колѣна,
Именемъ старца родителя, матери многопочтенной,
Именемъ сына моли, чтобы тронуть высокую душу".
Такъ возгласивши, къ Олимпу великому быстро вознесся
Гермесъ. Пріамъ, съ колесницы стремительно прянулъ на землю,
Тамъ оставляетъ Идея, дабы онъ стоялъ, охраняя
Коней и месковъ; а самъ устремляется прямо въ обитель,
Гдѣ Ахиллесъ находился божественный. Тамъ Пелейона
Старецъ увидѣлъ; друзья въ отдаленьи сидѣли; но двое,
Отрасль Арея Алкимъ и смиритель коней Автомедонъ,
Близко стоя, служили; недавно онъ вечерю кончилъ,
Пищи вкусивъ и питья, и предъ нимъ еще столъ оставался.
Старецъ, никѣмъ не примѣченный, входитъ въ покой и, Пелиду
Въ ноги упавъ, обымаетъ колѣна и руки цѣлуетъ—
Страшныя руки, дѣтей у него погубившія многихъ!
Такъ, если мужъ, преступленіемъ тяжкимъ покрытый въ отчизнѣ,
Мужа убившій, бѣжитъ и къ другому народу приходитъ,
Къ сильному въ домъ, съ изумленіемъ всѣ на пришельца взираютъ,—
Такъ изумился Пелидъ, боговиднаго старца увидѣвъ,
Такъ изумились всѣ, и одинъ на другого смотрѣли,
Старецъ же рѣчи такія вѣщалъ, умоляя героя:
„Вспомни отца своего, Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный,
Старца, такого жъ, какъ я, на порогѣ старости скорбной!
Можетъ быть, въ самый сей мигъ и его, окруживши, сосѣди
Ратью тѣснятъ, и некому старца отъ горя избавить.
Но, по крайней онъ мѣрѣ, что живъ ты, и зная и слыша,
Сердце тобой веселить и вседневно льстится надеждой
Милаго сына узрѣть, возвратившагось въ домъ изъ-подъ Трои.
Я же, несчастнѣйшій смертный, сыновъ возрастилъ брановоснихъ
Въ Троѣ святой, и изъ нихъ ни единаго мнѣ не осталось!
Я пятьдесятъ ихъ имѣлъ при нашествіи рати Ахейской:
Ихъ девятнадцать братьевъ отъ матери было единой;
Прочихъ родили другія любезныя жены въ чертогахъ;

Многимъ Арей истребитель сломилъ имъ несчастнымъ колѣна.
Сынъ оставался одинъ, защищалъ онъ и градъ нашъ, и гражданъ;
Ты умертвилъ и его, за отчизну сражавшагось храбро,
Гектора! Я для него прихожу къ кораблямъ Мирмидонскимъ;
Выкупить тѣло его приношу драгоцѣнный я выкупъ.
Храбрый! почти ты боговъ! надъ моимъ злополучіемъ сжалься,
Вспомнивъ Пелея родителя!—Я еще болѣе жалокъ:
Я испытую, чего на землѣ не испытывалъ смертный:
„Мужа, убійцы дѣтей моихъ, руки къ устамъ прижимаю!“
Такъ говоря, возбудилъ объ отцѣ въ немъ плачевныя думы.
За руку старца онъ взявъ, отъ себя отклонилъ его тихо.
Оба они вспоминая: Пріамъ—знаменитаго сына,
Горестно плакалъ, у ногъ Ахиллесовыхъ въ прахѣ простертый;
Царь Ахиллесъ, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
Плакалъ, и горестный стонъ ихъ кругомъ раздавался по дому.
Но, когда насладился Пелидъ благородный слезами
И желаніе плакать отъ сердца его отступило,
Быстро возсталъ онъ и за руку старца простертаго поднялъ;
Тронутъ глубоко и бѣлой главой и брадой его бѣлой,
Началъ къ нему говорить, устремляя крылатыя рѣчи:
„Ахъ, злополучный! много ты горестей сердцемъ извѣдалъ!
Какъ ты рѣшился, одинъ, при судахъ Мирмидонскихъ явиться
Мужу предъ очи, который сыновъ у тебя знаменитыхъ
Многихъ повергнулъ? Въ груди твоей, старецъ, желѣзное сердце!
Но успокойся, возсядь, Дарданіонъ, и, какъ мы ни грустны,
Скроемъ въ сердца и заставимъ безмолвствовать горести наши.
Сердцу крушительный плачъ ни къ чему человѣку не служитъ:
Боги судили всесильные намъ, человѣкамъ несчастнымъ,
Жить на землѣ въ огорченіяхъ; боги одни безпечальны.
Двѣ глубокія урны лежатъ передъ прагомъ Зевеса,
Полны даровъ: счастливыхъ одна и несчастныхъ другая.
Смертный, которому ихъ посылаетъ, смѣсивъ, Громовержецъ,
Въ жизни своей перемѣнно и горесть находитъ и радость;
Тотъ же, кому онъ несчастныхъ пошлетъ,—поношенію преданъ:
Нужда, грызущая сердце, вездѣ по землѣ его гонитъ;
Бродитъ несчастный, отринутъ безсмертными, смертными призрѣнъ.
Такъ и Пелея—дарами осыпали свѣтлыми боги
Съ юности нѣжной; украшенный выше сыновъ земнородныхъ
Счастьемъ, богатствомъ, владыка могучій мужей Мирмидонскихъ,
Смертный, супругой богиню пріялъ отъ руки онъ безсмертныхъ.
Богъ и ему ниспослалъ злополучіе: онъ не имѣетъ
Въ домѣ своемъ поколѣнія, сына, наслѣдника царства.

Сынъ у Пелея одинъ, кратковѣчный; но я и донынѣ
Старца его не покою; а здѣсь, отъ отчизны далеко,
Здѣсь я въ Троадѣ сижу и тебя, и твоихъ огорчаю.
Самъ ты, о старецъ, мы слышали, здѣсь благоденствовалъ прежде
Сколько народовъ вмѣщали обитель Макарова, Лесбосъ,
Фригія, край плодоносный, а здѣсь—Геллеспонтъ безконечный!
Ты среди всѣхъ, говорятъ, и богатствомъ блисталъ, и сынами.
Но, какъ бѣду на тебя ниспослали небесные боги,
Около Трои твоей неумолкная брань и убійство.
Будь терпѣливъ и печалью себя не круши безпрерывной:
Ты ничего не успѣешь, о сынѣ печалясь; плачемъ
Мертваго ты не подымешь, но горе свое лишь умножишь!“
Сыну Пелея отвѣтствовалъ старецъ, Пріамъ боговидный:
„Нѣтъ, не сяду я, Зевсовъ любимецъ, доколѣ мой Гекторъ
Въ кущѣ лежитъ, погребенью не преданный! Дай же скорѣе,
Дай симъ очамъ его видѣть! а самъ ты прими искупленье:
Мы принесли драгоцѣнное. О, насладись имъ и счастливъ
Въ край возвратися родимый, когда ты еще позволяешь
Старцу мнѣ бѣдному жить и солнца сіяніе видѣть!“
Грозно взглянувъ на него, говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
„Старецъ, не гнѣвай меня! Разумѣю и самъ я, что должно
Сына тебѣ возвратить: отъ Зевса мнѣ вѣсть приносила
Матерь моя сребронога, Нимфа морская Ѳетида.
Чувствую, что и тебя (отъ меня ты, Пріамъ, не сокроешь)
Сильная бога рука провела къ кораблямъ Мирмидонскимъ;
Нѣтъ, не осмѣлился бъ смертный, и младостью пылкой цвѣтущій,
Въ станъ нашъ вступить: ни отъ стражей недремлющихъ онъ бы не скрылся,
Ни засововъ легко бъ на воротахъ моихъ не отдвинулъ.
Смолкни жъ и болѣе мнѣ не волнуй ты болящаго сердца;
Или страшись, да тебя, невзирая, что ты и молитель,
Въ кущѣ моей я не брошу и Зевсовъ завѣтъ не нарушу“.
Такъ говорилъ. Устрашился Пріамъ и, покорный, умолкнулъ.
Сынъ же Пелеевъ, какъ левъ, изъ обители бросился въ двери;
Но не одинъ: за царемъ устремилися два изъ клевретовъ,
Сильный Алкимъ и герой Автомедонъ, которыхъ межъ друговъ
Болѣе всѣхъ Пелейонъ почиталъ по Патроклѣ умершемъ.
Быстро они отъ ярма отрѣшили и коней и месковъ,
Въ кущу ввели и глашатая старцева; тамъ посадивши
Мужа на стулѣ, поспѣшно съ красиваго царскаго воза
Собрали весь многоцѣнный за голову Гектора выкупъ;

Двѣ лишь оставили ризы и тонкій хитонъ хитротканный
Съ мыслью, чтобъ тѣло покрытое въ домъ отпустить отъ Пелида.
Онъ же, вызвавъ рабынь, повелѣлъ и омыть, и мастями
Тѣло намазать, но тайно, чтобъ сына Пріамъ не увидѣлъ:
Онъ опасался, чтобъ гнѣвомъ не вспыхнулъ отецъ огорченный,
Сына узрѣвъ, и чтобъ самъ онъ тогда не подвигнулся духомъ
Старца убить и нарушить священные Зевса завѣты.
Тѣло рабыни омыли, умаслили мастью душистой,
Въ новый одѣли хитонъ и покрыли прекрасною ризой;
Самъ Ахиллесъ и поднялъ, и на одръ положилъ Пріамида,—
Но друзья совокупно на блещущій возъ положили.
Онъ же тогда возопилъ, именуя любезнаго друга:
„Храбрый Патроклъ! не ропщи на меня ты, ежели слышишь
Въ мрачномъ Аидѣ, что я знаменитаго Гектора тѣло
Выдалъ отцу: не презрѣнными онъ заплатилъ мнѣ дарами;
Въ жертву тебѣ и отъ нихъ принесу я достойную долю“.
Такъ произнесъ и подъ сѣнь возвратился Пелидъ благородный;
Сѣлъ на изящно украшенныхъ креслахъ, оставленныхъ прежде,
Противъ Пріама стоявшихъ, и слово къ нему обратилъ онъ:
„Сынъ твой тебѣ возвращенъ, какъ желалъ ты, божественный старецъ;
Убранъ лежитъ на одрѣ. Съ восходомъ зари возвращаясь,
Самъ ты увидишь его; но теперь мы о пищѣ воспомнимъ.
Пищи забыть не могла и несчастная матерь Ніоба,
Матерь, которая разомъ двѣнадцать дѣтей потеряла,
Милыхъ шесть дочерей и шесть сыновей расцвѣтавшихъ.
Юношей Фебъ поразилъ изъ блестящаго лука стрѣлами,
Мстящій Ніобѣ, а дѣвъ—Артемида, гордая лукомъ.
Мать ихъ дерзала равняться съ румяноланитою Летой:
Лета двоихъ, говорила, а я многочисленныхъ матерь!
Двое сіи у гордившейся матери всѣхъ погубили.
Девять дней валялися трупы, и не было мужа
Гробу предать ихъ: въ камень людей превратилъ Громовержецъ.
Мертвыхъ въ десятый день погребли милосердые боги.
Плачемъ по нихъ истомяся, и мать вспомянула о пищѣ.
Нынѣ та мать на скалахъ, на пустынныхъ горахъ Сицилійскихъ,
Гдѣ, повѣствуютъ, богини покоиться любятъ въ пещерахъ,
Нимфы, которыя часто у водъ Ахелоевыхъ пляшутъ;
Тамъ, отъ боговъ превращенная въ камень, страдаетъ Ніоба.
Такъ, божественный старецъ, и мы помыслимъ о пищѣ.
Время тебѣ остается оплакать любезнаго сына,
Въ Трою привезши; тамъ для тебя многослезенъ онъ будетъ“.

Рекъ и, стремительно вставъ, Ахиллесъ бѣлорунную овцу
Самъ закалаетъ; друзья, обнаживъ и опрятавъ, какъ должно,
Въ мелкія части искусно дробятъ, прободаютъ рожнами,
Ловко пекутъ на огнѣ и готовыя части снимаютъ.
Хлѣбъ между тѣмъ принесши, поставилъ на столъ Автомедонъ
Въ пышныхъ корзинахъ; но брашно дѣлилъ Ахиллесъ благородный.
Оба къ предложеннымъ яствамъ питательнымъ руки простерли.
И, когда питіемъ и пищей насытили сердце,
Долго Пріамъ Дарданидъ удивлялся царю Ахиллесу,
Виду его и величеству: бога, казалось, онъ видитъ.
Царь Ахиллесъ удивлялся равно Дарданиду Пріаму,
Смотря на образъ почтенный и слушая старцевы рѣчи.
Оба они наслаждались; одинъ на другого взирая;
Но наконецъ возгласилъ къ Ахиллесу божественный старецъ:
„Дай мнѣ теперь опочить, Зевесовъ любимецъ! позволь мнѣ
Сномъ животворнымъ хоть нѣсколько въ домѣ твоемъ насладиться,
Ибо еще ни на мигъ у меня не смыкалися очи
Съ дня, какъ несчастный мой сынъ подъ твоими руками погибнулъ.
Съ онаго дня лишь стенялъ и несчетныя скорби терпѣлъ я,
Часто въ оградахъ дворовыхъ по сметищамъ смраднымъ валяясь.
Нынѣ лишь яствы вкусилъ и вина пурпуроваго нынѣ
Принялъ въ гортань; но до этой поры ничего не вкушалъ я“.
Такъ говорилъ. Ахиллесъ приказалъ и друзьямъ и рабынямъ
Стлать на крыльцѣ двѣ постели и снизу хорошія полсти
Бросить пурпурныя, сверху ковры разостлать дорогіе
И шерстяные плащи положить, чтобы старцамъ одѣться.
Вышли рабыни изъ дому съ пылающимъ свѣточемъ въ дланяхъ;
Скоро онѣ, поспѣшившія, два уготовили ложа.
И Пріаму шутя говорилъ Ахиллесъ благородный:
„Спи у меня на дворѣ, пришелецъ любезный, да въ домъ мой
Вдругъ не придетъ кто-нибудь изъ Данаевъ, которые часто
Вмѣстѣ совѣтъ совѣщать въ мою собираются кущу.
Если тебя здѣсь кто-либо мрачною ночью увидитъ,
Вѣрно, царя извѣститъ, предводителя воинствъ Атрида;
И тогда замедленіе въ выкупѣ мертваго встрѣтишь.
Слово еще, Дарданидъ: объяснися, скажи откровенно:
Сколько желаешь ты дней погребать знаменитаго сына?
Столько я дней удержуся отъ битвъ, удержу и дружины“.
Сыну Пелея отвѣтствовалъ старецъ Пріамъ боговидный:
„Ежели мнѣ ты позволишь почтить погребеніемъ сына,—
Сдѣлай для меня, Ахиллесъ, величайшую милость окажешь.

Мы, какъ ты знаешь, въ стѣнахъ заключенные; лѣсъ издалека
Должно съ горъ добывать, а Трояне повергнуты въ ужасъ.
Девять бы дней мнѣ желалось оплакивать Гектора въ домѣ,
Гробу въ десятый предать и пиръ похоронный устроить,
Въ первый-на-десять мертвому въ память насыпать могилу,
Но въ двѣнадцатый день ополчимся, когда неизбѣжно".
Старцу отвѣтствовалъ вновь быстроногій Пелидъ благородный:
„Будетъ и то свершено, какъ желаешь ты, старецъ почтенный:
Брань прекращаю на столько я времени, сколько ты просишь".
Такъ произнесъ Ахиллесъ и Пріамову правую руку
Ласково сжалъ, чтобы сердце его совершенно спокоить.
Такъ отпустилъ; и они на крыльцѣ опочили,
Вѣстникъ и царь, обращая въ умѣ своемъ мудрыя думы.
Но Ахиллесъ почивалъ въ глубинѣ крѣпкостворчатой кущи,
И при немъ Бризеида, румяноланитая дѣва.
Всѣ, и безсмертные боги и коннодоспѣшные мужи,
Спали цѣлую ночь, усмиренные сномъ благодатнымъ.
Гермеса токмо заботнаго сонъ не осиливалъ сладкій,
Думы въ умѣ обращавшаго, какъ Дарданида Пріама
Вывесть изъ стана, привратнымъ незримаго стражамъ священнымъ.
Ставъ надъ главою Пріамовой, такъ возгласилъ Эріуній:
„Ты не радишь объ опасности, старецъ, и такъ беззаботно
Спишь у враждебныхъ мужей, пощаженный Пелеевымъ сыномъ!
Многіе далъ ты дары, чтобы выкупить мертваго сына;
Но за живого тебя троекратной цѣною заплатятъ
Дѣти твои, у тебя остающіясь, если узнаетъ
Царь Атрейонъ о тебѣ, и Ахейцы другіе узнаютъ".
Такъ провѣщалъ; ужаснулся Пріамъ и глашатая поднялъ.
Гермесъ мгновенно запрягъ имъ и коней, и месковъ яремныхъ;
Самъ черезъ станъ ихъ быстро прогналъ, и никто не увидѣлъ.
Но лишь достигнули путники брода рѣки свѣтловодной,
Ксанѳа пучиннаго, богомъ рожденнаго, Зевсомъ безсмертнымъ,
Тамъ благодѣтельный Гермесъ обратно вознесся къ Олимпу.
Въ ризѣ златистой Заря простиралась надъ всею землею.
Древній Пріамъ, и стенящій и плачущій, гналъ къ Иліону
Коней, а мески везли мертвеца. И никто въ Иліонѣ
Ихъ не узналъ отъ мужей и отъ женъ благородныхъ Троянскихъ
Прежде Касандры прекрасной, златой Афродитѣ подобной.
Рано на замокъ взошедъ, издали въ колесницѣ узнала
Образъ отца своего и глашатая громкаго Трои;
Тѣло узрѣла на мескахъ, на смертномъ простертое ложѣ;
Подняла горестный плачъ и вопила по цѣлому граду:

„Шествуйте, жены и мужи! Смотрите на Гектора нынѣ,
Вы, что живого, изъ битвъ приходившаго, прежде встрѣчали
Съ радостью: радостью свѣтлой и граду онъ былъ и народу!“
Такъ вопіяла, и вдругъ ни жены не осталось, ни мужа
Въ Троѣ великой; грусть несказанная всѣхъ поразила,—
Всѣ предъ вратами столпилися въ стрѣчу везомаго тѣла.
Всѣхъ впереди молодая супруга и нѣжная матерь
Плакали, рвали власы и, на трупъ изступленно бросаясь,
Съ воплемъ главу обнимали; столпившіеся плакали стоя.
Вѣрно, и цѣлый бы день до заката блестящаго солнца,
Плача надъ Гекторомъ храбрымъ, рыдали толпы за вратами,
Если бы старецъ Пріамъ не воззвалъ съ колесницы къ народу:
„Дайте дорогу, друзья, чтобы мески проѣхали; послѣ
Плачемъ вы всѣ насыщайтесь, какъ мертваго въ домъ привезу я!“
Такъ говорилъ; разступилась толпа и открыла дорогу.
Къ славному дому привезши, на пышно устроенномъ ложѣ
Тѣло они положили; пѣвцовъ, начинателей плача,
Подлѣ него помѣстили, которые голосомъ мрачнымъ
Пѣсни плачевныя пѣли; а жены имъ вторили стономъ.
Первая подняла плачъ Андромаха, младая супруга,
Гектора мужеубійцы руками главу обнимая:
„Рано ты гибнешь, супругъ мой цвѣтущій! рано вдовою
Въ домѣ меня покидаешь! А сынъ, безсловесный младенецъ,
Сынъ, которому жизнь злополучные мы даровали,
Онъ не достигнетъ юности! Прежде во прахъ съ основаній
Троя разсыплется: палъ ты, хранитель ея неусыпный,
Ты, боронитель и града, защитникъ и женъ и младенцевъ!
Скоро въ неволю они на судахъ повлекутся глубокихъ;
Съ ними и я неизбѣжно; и ты, мое бѣдное чадо,
Вмѣстѣ со мною; и тамъ, изнуряясь въ работахъ позорныхъ,
Будешь служить властелину суровому; или Данаецъ
За руку схватитъ тебя и съ башни ударитъ о землю,
Мстящій за трату плачевную брата, отца или сына,
Гекторомъ въ битвахъ сраженнаго: много могучихъ Данаевъ,
Много подъ Гектора дланью глодало кровавую землю.
Грозенъ великій отецъ твой бывалъ на погибельныхъ сѣчахъ;
Плачутъ о немъ до послѣдняго всѣ обитатели Трои.
Плачъ, несказанную горесть нанесъ ты родителямъ бѣднымъ,
Гекторъ!—но мнѣ ты оставилъ стократъ жесточайшія скорби:
Съ смертнаго ложа, увы! не простеръ ты руки мнѣ любезной,
Слова не молвилъ завѣтнаго, слова, которое бъ вѣчно
Я поминала, и ночи и дни обливаясь слезами!“

Такъ говорила, рыдая, и съ нею стенали Троянки.
Тутъ между ними Гекуба рыдательный плачъ подымаетъ:
„Гекторъ, изъ всѣхъ мнѣ дѣтей наиболѣе сердцу любезный!
Былъ у меня и живой ты богамъ всемогущимъ любезенъ:
Боги съ небесъ о тебѣ и по смертной кончинѣ пекутся!
Прочихъ сыновъ у меня Ахиллесъ, быстроногій ристатель,
Коихъ живыхъ полонилъ, за моря пустынныя продалъ,
Въ Имбросъ, въ далекій Самосъ и въ туманный, безпристанный Лемносъ;
Но, тебя одолѣвъ и оружіемъ душу исторгнувъ,
Какъ онъ ни долго влачилъ вкругъ могилы Патрокла любимца,
Коего ты одолѣлъ, но его, мертвеца, онъ не поднялъ!
Ты жъ у меня, какъ росою омытый, покоишься въ домѣ,
Свѣжій, подобно какъ смертный, котораго Фебъ сребролукій
Легкой стрѣлою своей, налетѣвшій внезапно, сражаетъ".
Такъ вопіяла Гекуба и плачъ возбудила всеобщій.
Третья, Елена Аргивская, горестный плачъ подымаетъ:
„Гекторъ! деверь почтеннѣйшій, сродникъ, любезнѣйшій сердцу!
Ибо уже мнѣ супругъ Александръ знаменитый, привезшій
Въ Трою меня, недостойную! Что не погибла я прежде!
Нынѣ двадцатый годъ круговратныхъ временъ протекаетъ
Съ оной поры, какъ пришла въ Иліонъ я, отечество бросивъ:
Но отъ тебя не слыхала я злобо, обиднаго слова.
Даже, когда и другой кто меня укорялъ изъ домашнихъ,
Деверь ли гордый, своячина или золовка младая,
Или свекровь (а свекоръ всегда, какъ отецъ, мнѣ привѣтенъ),
Ты вразумлялъ ихъ совѣтомъ и каждаго дѣлалъ добрѣе
Кроткой твоею душой и твоимъ убѣжденіемъ кроткимъ.
Вотъ почему о тебѣ и себѣ я, несчастнѣйшей, плачу!
Нѣтъ для меня, ни единаго нѣтъ въ Иліонѣ обширномъ
Друга или умѣшителя: всѣмъ я равно ненавистна!"
Такъ вопіяла она, и стеналъ весь народъ неисчетный.
Старецъ Пріамъ наконецъ обращаетъ слово къ народу:
„Нынѣ, Трояне, свозите вы лѣсъ въ Иліонъ; не страшитесь
Войска Ахейскаго тайныхъ засадъ: Ахиллесъ знаменитый
Самъ обѣщалъ, отпуская меня отъ судовъ Мирмидонскихъ,
Насъ не тревожить, доколѣ двѣнадцатый день не свершится".
Такъ говорилъ, и они лошаковъ и воловъ подъяремныхъ
Скоро въ возы запрягли и предъ градомъ не медля собрались.
Девять дней они въ Трою множество лѣса возили;
Въ день же десятый, лишь, свѣтъ разливая, Денница возникла,
Вынесли храбраго Гектора съ горестнымъ плачемъ Трояне,

Сверху костра мертвеца положили и бросили пламень.
Рано, едва розоперстая Вѣстница утра явилась,
Къ срубу великаго Гектора началъ народъ собираться.
И, лишь собрался всѣ (неисчетное множество было),
Срубъ угасили, багрянымъ виномъ оросивши пространство
Все, гдѣ огонь разливался пылающій; послѣ на пеплѣ
Бѣлыя кости героя собрали и братья и други,
Горько рыдая, обильныя слезы струя по ланитамъ.
Прахъ драгоцѣнный собравши, въ ковчегъ золотой положили,
Тонкимъ обвивши покровомъ, блистающимъ пурпуромъ свѣжимъ.
Такъ опустили въ могилу глубокую и, заложивши,
Сверху огромными частыми камнями плотно устлали,
Послѣ курганъ насыпали; а около стражи сидѣли,
Смотря, дабы не ударила рать мѣднолатныхъ Данаевъ.
Скоро насыпавъ могилу, они разошлись. Напослѣдокъ
Всѣ собрался вновь и блистательный пиръ пировали
Въ домѣ великомъ Пріама, любезнаго Зевсу владыки.
Такъ погребали они конеборнаго Гектора тѣло.

ОГЛАВЛЕНІЕ ШЕСТОГО ТОМА.

	стр.
Пѣснь XIX	1
Пѣснь XX	13
Пѣснь XXI	27
Пѣснь XXII	43
Пѣснь XXIII	57
Пѣснь XXIV	80

Bkgs

RETURN TO → CIRCULATION DEPARTMENT
202 Main Library

17568

LOAN PERIOD 1 HOME USE	2	3
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

Renewals and Recharges may be made 4 days prior to the due date.

Books may be Renewed by calling 642-3405.

DUE AS STAMPED BELOW

JAN 0 2 1992

AUTO. DISC.

DEC 0 8 1991

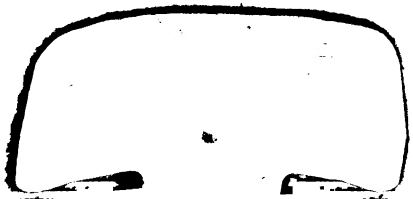
CIRCULATION

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
BERKELEY, CA 94720

FORM NO. DD6

14693-14698/84

J
75-3

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY

B000822711